

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

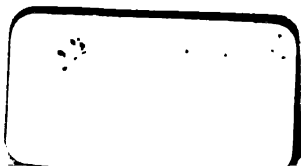
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d 80

11

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАДАЧНИКЪ

1878

№ 9 СЕНТЯРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. КРАВСКАГО (Басейная, № 2).

I. — ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА. 1) Деревенское житье-бытье. 2) Деревенскій случай. Г. Иванова.	5
II. — ОЧЕРКИ ПОДВОРНОЙ РОССИИ. Очеркъ второй. (Окончаніе). Л. Котельянскаго.	41
III. — * * * (Стихотвореніе). А. Яхонтова.	74
IV. — САМОЗВАННЫЯ ДѢТИ. (Изъ сказаній XVIII столѣтія). Часть вторая. Е. Карновича.	75
V. — ОБЩИННО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЭЛЬЗАСА ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА. Н. Зибера.	129
VI. — ТОРЖЕСТВО ДЖИНГО. Политическая сатира Е. Дженкинса.	157
VII. — ОСЕНЬ. (Стихотвореніе). А. Яхонтова.	199
VIII. — ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ДИЗРАЭЛИ-БИКОНС-ФИЛЬДА. Н. Попевскаго.	201
IX. — ПОХОРОНЫ. Н. Щедрина.	245
X. — ПОХОЖДЕНІЯ ДИКА ТЕМПЛЯ И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ПО ЛОНДОНСКИМЪ ТРУЩОБАМЪ. Романъ Джамса Гринвуда, автора «Исторіи Найденныша». (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 161—192).	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XI. — УГОЛОВНАЯ СТАТИСТИКА РОССИИ ЗА 1876 ГОДЪ	1
XII. — СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВЯТСКАГО КРАЯ. Е. Верхоянскаго.	19
XIII. — СОВРЕМЕННЫЕ ПАРИЖСКІЕ ПРАВЫ ВЪ БЕЛЬ-ЭТАЖАХЪ И ПОДВАЛАХЪ	54
XIV. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Манифестъ республиканскаго комитета въ виду сенатскихъ выборовъ.—Комитетъ консерваторовъ.—Подготовленіе выборовъ: общія собранія делегатовъ.—Поведеніе де-Фурту и Париса.—Лѣтняя сессія генеральныхъ совѣтовъ.—Поездки министровъ Фрейсинё, Марсёра и пр.—Рѣчи министровъ и начальствующихъ лицъ на актахъ учебныхъ заведеній.—Анатоль де-ла-	

(См. страницаму 3-ю).

274

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГѢДЪ СОРОКОВОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССХІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. КРАВСКАГО (Васейная, № 2).

§ 1878.

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА ¹.

1) ДЕРЕВЕНСКОЕ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ.

I.

Гуляя по усадьбѣ, въ которой живу нынѣшнее лѣто, я подошелъ къ плетню, идущему вдоль дороги. Мимо меня проходили крестьянинъ съ двумя дѣтьми, дѣвочками, изъ которыхъ одну, полутора-годовую, онъ держалъ на рукахъ, а другую, двѣнадцати-лѣтнюю, велъ за руку. Шли они медленно, такъ, какъ ходятъ нищіе, обремененные заботою высматривать человѣка, готоваго «подать», обязанные, поэтому, останавливать свое вниманіе на каждомъ окнѣ, на каждой двери, поглядывать и черезъ заборъ, и въ полуотворенныя ворота. Сходство съ нищими, кромѣ медленной походки, дополнялось еще и внѣшнимъ видомъ приближавшейся ко мнѣ группы: даже и по деревенски, она была плохо одѣта, выглядѣла бѣдно. У мужика были штаны въ лохмотьяхъ и дыркахъ, обнаруживавшихъ голое тѣло, ноги у него были босикомъ; дѣвочка, которая была у него на рукахъ, была такъ худа, желта, что показалась мнѣ больною; бѣлые волосы на ея головкѣ были всключены, росли неровными прядями и носили слѣды весьма таки замѣтной грязи: «лепешками» виднѣлась она между этими бѣлыми дѣтскими волосиками. Таже бѣдность и неразлучная съ нею неряшливость замѣтны были и въ той дѣвочкѣ, которую мужикъ велъ за руку. Самъ онъ шелъ съ открытой головой, что тоже признакъ «нищаго», которому шапка—только помѣха, потому что снимать ее приходится каждую минуту... Когда эта группа поровнялась со мной, я ожидалъ, что мужикъ попроситъ «милостыньки»... но не просилъ, а остановился и поклонился.

— Ты... «просишь?» нерѣшительно спросилъ я.

¹ «Отеч. Зап.» октябрь, декабрь 77 и январь 1878 г.

— Что ты! съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянувъ на меня, произнесъ крестьянинъ.—Я—сторожъ здѣшній... Господь милостивъ еще!..

— Ну, извини!..

— Сторожъ, сторожъ, братецъ ты мой... Господь еще милывалъ отъ этого... Это вотъ внушки ко мнѣ пришли въ гости... Погулять вотъ пошли... Нѣтъ!.. Храни Богъ отъ этого.

Я еще разъ извинился предъ нимъ и сказалъ:

— Это вотъ я на дѣтей поглядѣлъ, мнѣ и пришло въ голову...

— Ничего, что-жь... Сторожъ, сторожъ...

— Худы они у тебя, дѣвочки-то.

— Какъ не быть худымъ... Главная причина, другъ ты мой—пищи нѣту!

— Какъ пищи нѣтъ?

— Больше ничего, что нѣту! Была у насъ коровка, Господь ее у насъ взялъ, пала... Ну, молочка-то и нѣту...

— Чѣмъ же ты кормишь вотъ эту маленькую-то!

— Чѣмъ? А что сами, то и ей... Кваску, хлѣбца...

— Эдакой-то маленькой?

— Что-жь ты будешь дѣлать!.. Вотъ Богъ дастъ осень-то, тѣлочка подростетъ, продадимъ, да своихъ за лѣто мнѣ придется за караулъ съ барина... Вотъ изъ этихъ придамъ, вотъ Богъ дастъ и купимъ корову-то, ну а покуда что—ужъ надо терпѣть... Ничего не подѣлаешь!..

— Ты ночью караулишь-то?

— То-то только ночью; кабы мнѣ лошадку, у меня бы и день не пропадалъ даромъ...

Надо сказать, что въ деревнѣ, гдѣ происходитъ настоящій разговоръ и гдѣ я живу, идутъ большія постройки, и свободное время крестьянъ, т. е. конецъ мая и июнь, можетъ быть хорошо оплачено поденной работой.

— Тутъ съ лошадкою-то, продолжалъ крестьянинъ:—по семь гривенъ въ день даютъ; такъ я бы за лѣто-то и совсѣмъ сталъ на ноги, вотъ что, другъ ты мой, огорчаетъ-то! У меня жены нѣту, второй годъ померла, ихниго (онъ указалъ на дѣвочекъ) отца, моей дочки, стало быть, мужа, въ солдаты взяли, вотъ и ослабъ, а справиться—способовъ нѣтъ... А кабы ежели бы хоть какая-нибудь лошадевка—вонъ въ пятнадцать рублей на арманкѣ были—я бы все къ осени-то ужъ какъ бы никакъ, а приспособовалъ къ поправкѣ.

— Да ты—здѣшній крестьянинъ-то?

— Знаю, здѣшній.

— Такъ вѣдь тутъ у васъ товарищество, банкъ... Въ банкѣ возьми пятнадцать то рублей.

— То-то нашему-то брату не дають изъ банки-то!

— Какъ не дають, отчего же?

— Отъ того, что не дадутъ, вотъ и все тутъ. Вѣдь тамъ, братецъ ты мой, ручателя надо представить, а гдѣ мнѣ его найти? Другому, кто посильнѣй, можно сколько кошъ, а кто ежели вотъ примѣромъ, какъ я, теперечи, ослабъ—кто за него пойдетъ? Случись неуправка—никому, братецъ ты мой, отвѣчать за тебя не охота, это тоже надо понимать...

Крестьянинъ помолчалъ и прибавилъ:

— Ослабъ оченно! Вотъ какое дѣло... Жена померла, осталась изъ всего роду дочка, да вотъ двѣ внучки, да и дочкѣ-то тоже не сладко, мужа въ солдаты взяли, сама въ работникахъ. Говорятъ, будто изъ губернии пособие выйдеть— ну только не слышать что-то... Вотъ какое дѣло, братецъ ты мой.

Тутъ крестьянинъ прибавилъ съ улыбкой:

— И то, пожалуй, съ твоей легкой руки собирать пойдешь... Правол.. Тѣфу! Храни Богъ!

Плюнулъ и я на это нехоршее предчувствіе.

— А ужъ кабы лошадеу!.. выказывая намѣреніе уйти, сказалъ крестьянинъ:— я бѣ пятнадцать-двадцать рублишекъ къ осени легкимъ духомъ сбилъ. Къ осени ужъ безпремѣнно и банку бы счистилъ, да и лошадеука была-бъ въ дому... оно бы все полегче... Ну, ничего не подѣлаешь. Надоть терпѣть—одно!

Покачавъ еще разъ головою и пересадивъ дѣвочку съ одной руки на другую, что дало мнѣ возможность увидѣть ея поистинѣ, какъ спички, худенькія ножки, крестьянинъ попрежнему медленно, потихоньку отошелъ прочь, продолжая свою «прогулку съ дѣтми», а я остался одинъ, обремененный угнетающимъ впечатлѣніемъ, которое на меня произвелъ этотъ разговоръ. Впечатлѣніе было именно угнетающее, потому что разговоръ навелъ на рядъ вопросовъ, при маломъ знакомствѣ съ деревенскими порядками почти неразрѣшимыхъ. Судите сами.

Деревня, гдѣ живетъ горемыка-сторожъ, не считающій себя нищимъ, деревня безспорно самая богатая, какую только я когда-нибудь и гдѣ-нибудь видѣлъ; да и не одна только эта деревня богата, т. е. щедро надѣлена естественными богатствами, богатъ весь край; край этотъ приволжье—степная Самарская Губернія, жатнаца русской земли, гдѣ пять пудовъ зерна, посѣянные на десятинѣ земли, дають сто пудовъ, приходятъ самъ двадцать, и это почти постоянно, а зачастую бываетъ и больше. Помимо удивительной земли, какіе здѣсь роскошные (въ буквальному смы-

слѣ) луга, какой обильный кормъ скоту, не говоря ужъ просто о красотѣ. Широкая Волга-матушка благодѣтельствуетъ мѣстность, хотя ужъ однимъ тѣмъ, что даетъ возможность имѣть рыбу вѣсомъ въ фунтъ за одну копейку серебромъ, да и безъ этого благодѣянія, рѣки, протекающія край и впадающія въ Волгу, даютъ столько съѣдобнаго живья, что его, какъ говорится, «ловить не переловить, ѣсть не переѣсть». А сколько всякой птицы, всякой дичи гуляетъ по луговымъ «мокринамъ», по этимъ многочисленнымъ степнымъ озеркамъ, прятущимся въ высокой, душистой, изумляющей разнообразіемъ породъ, травъ! «Благодать!» вотъ что можно сказать, глядя на всю эту естественную красоту, на все это природное богатство мѣстности...

Деревня, о которой идетъ рѣчь, надѣлена всѣми этими благами природы, ничуть не меньше другихъ здѣшнихъ мѣстъ; стоитъ она при рѣчкѣ, а другая, еще болѣе широкая, глубокая и богатая, течетъ не болѣе, какъ въ полуверстѣ. Земли и луга, которыми владѣютъ крестьяне, удивительно тучные, богатые. Кромѣ того, въ самой деревнѣ, какъ подспорье этому природному богатству, ужъ есть подспорье денежное, ссудо-сберегательное товарищество, въ которомъ членами состоятъ хозяева рѣшительно всѣхъ семидесяти дворовъ деревни; наконецъ, чтобы читатель могъ окончательно убѣдиться въ благосостояніи этой деревни, я долженъ сказать, что хотя здѣсь еще и нѣтъ кой-чего, напримѣръ, школы, фельдшера и т. д., но зато съ самаго основанія новыхъ условій крестьянскаго, быта, т. е. съ 19-го февраля 1861 г., нѣтъ и не было, а надо думать и не будетъ, *ни единой копейки недоимки*. Этотъ аргументъ въ пользу благосостоянія я могу подтвердить официальной справкою, а личныя мои наблюденія привели меня къ убѣжденію, что такая аккуратность въ отбываніи повинностей, вездѣ крайне для крестьянина обременительная, здѣсь исполняется безъ особеннаго труда, такъ какъ однѣ оброчныя статьи: мельница, рѣва, кабакъ, и т. д., даютъ сумму, покрывающую всѣ налоги: такъ, напримѣръ, одинъ кабачникъ платитъ обществу 600 руб. сер. за право торговли.

Чего еще нужно для того, чтобы человекъ, живущій здѣсь, былъ сытымъ, одѣтымъ, обутымъ, и если не богатымъ, то ужъ, во всякомъ случаѣ, не нищимъ? Такъ непременно долженъ думать всякій, кто знаетъ, что общинное, дружное хозяйство—не только спасенье отъ нищеты, а есть единственная общественная форма, могущая обезпечить *всеобщее* благосостояніе. Такъ долженъ думать всякій, кто знаетъ, что лучшей земли нѣтъ въ свѣтѣ, что изъ такихъ природныхъ богатствъ, въ соединеніи съ

общиннымъ дружнымъ владѣніемъ ими, можетъ выходить только добро и что надѣленная ими община можетъ только «улучшать» свое благосостояніе.

И представте себѣ, среди такой-то благодати, не проходитъ дня, чтобы вы не натолкнулись на какое-нибудь явленіе, сцену, разговоръ, и т. д. и т. д., которыя ежеминутно разсѣиваютъ всѣ ваши фантазіи, уничтожаютъ всѣ вычитанныя вами соображенія и взглядъ на народную жизнь, словомъ, становятся въ полную невозможность постичь, какъ при такихъ то и такихъ условіяхъ, могло произойти то, что вы видите во очю. Вотъ, рядомъ съ домою крестьянина, у котораго накоплено 20,000 р. денегъ, живетъ старуха съ внучками, и у нея нѣтъмъ топить не на чѣмъ состряпать обѣда, если она не подберетъ гдѣ-нибудь «уворумчи» щепочекъ, не говоря о зимѣ, когда она мерзнетъ отъ холода.

— Но, вѣдь, у васъ есть общинные лѣса? съ изумленіемъ восклицаете вы, диллетантъ деревенскихъ порядковъ...

— Нашей сестрѣ не даютъ оттѣдова.

Или.

— Подайте Христа ради!

— Ты—здѣшняя?

— Здѣшняя...

— Какъ же это такъ пришло на тебя?

— Да какъ пришло-то! Мы, другъ ты мой, хорошо жили, да мужъ у меня работалъ барскій сарай да и свалился съ крыши, да вотъ и мается больше полгода!.. Говорять, въ городъ надоть везти, да какъ его повезешь-то... Я одна съ ребятами... Землю міръ взялъ...

— Какъ взялъ? Зачѣмъ?

— Кложь за нее души-то платить будетъ? Души сняли, вidać—силы въ насъ нѣту, ну и землю взяли.

— А работника нанять?

— На что его наймешь-то? Откуда взять?

— Какъ откуда? У васъ есть своя касса, изъ вашихъ же собственныхъ денегъ, тамъ, навѣрное, и твоего мужа деньги. У васъ касса есть, общественная!.. Я знаю, тамъ нѣсколько сотъ рублей... Ты можешь заплатить за работу, и у тебя будетъ свой хлѣбъ... Зачѣмъ тебѣ побираться? Проси тамъ денегъ, тамъ деньги ваши, собственныя.

— Ну какъ же! Дадутъ «они» «намъ»... Подайте Христа ради, что вашей милости будетъ...

Наконецъ, обратите вниманіе на сторожа, о которомъ говорено въ началѣ: членъ общины не можетъ найти поручителя въ

15 ти—20-ти рублѣхъ, тогда какъ кромѣ общественныхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи сельскаго скода, въ селѣ есть банкъ, которому государственнй банкъ дѣлаеть кредиту на 15,000 рублѣй. Этотъ членъ общины не видитъ никакой возможности оправиться, въ виду работы, которая у него да и у всѣхъ его односельчанъ подъ носомъ, когда всѣмъ видно, что двадцать рублѣй онъ отработаетъ... Что же это за волшебство? Что это за порядки, при которыхъ въ такой благодатной странѣ, при такомъ обиліи природныхъ богатствъ, можно поставить работающаго, здороваго человѣка въ положеніе совершенно безпомощное, довести его до того, что онъ, среди этого эльдорадо, ходитъ голодный съ голодными дѣтьми и говоритъ:

— Главная причина, братецъ ты мой — пищи нѣту у насъ. Вотъ!

Въ такой-то роскошной странѣ, при общинномъ-то хозяйствѣ, въ мѣстности съ кассами, банками, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ недоимокъ, работающему, обремененному семьей человѣку — нѣтъ пищи?

Что же это за порядки такіе? Согласитесь, что, еслибы въ этой деревнѣ на семьдесятъ дворовъ вы встрѣтили только этого сторожа, только старуху и бабу, о которыхъ было сказано выше, то и тогда они должны бы поставить васъ въ тупикъ. Но что скажете вы, когда такіа непостижимыя явленія стануть попадаться вамъ на каждомъ шагѣ, когда вы ежеминутно убѣждаетесь, что здѣсь, въ богатой деревнѣ, ничего нестѣтъ «пропасть» человѣку такъ, даромъ, за ничто, пропасть тогда, когда все благопріятствуетъ противному? Очевидно, что въ глубинѣ деревенскихъ порядковъ есть какія-то несовершенства, интелектуальныя, достойныя того, чтобы обратить на нихъ вниманіе. И вотъ почему я вновь рѣшаюсь продолжать мои деревенскія замѣтки, начатыя въ прошломъ году, хотя и сознаю, что знакомство мое съ порядками деревенской жизни довольно поверхностно. Я только желаю «обратить вниманіе» на эти порядки знающихъ и думающихъ о народѣ людей. Я ничего не обобщаю, я только рассказываю, что видѣлъ въ известной мѣстности и какое впечатлѣніе произвели на меня эти мѣстные порядки. Какъ въ другихъ мѣстахъ живутъ деревенскіе люди—я не знаю.

II.

Въ прошедшемъ году, лѣтомъ, живя въ деревнѣ въ Новгородской Губерніи — мѣстности бѣдной удобными землями — я могъ замѣтить, что трудныя матеріальныя обстоятельства побуждаютъ деревенскаго человѣка тѣхъ мѣсть «уходить» изъ деревни и сосредоточиваютъ все его вниманіе на добываніи денегъ, такъ какъ денегъ требуетъ отъ него семья, денегъ требуетъ начальство, а земля — самый главный источникъ доходовъ — до крайности плоха и, кромѣ того, количество ея мало. Всякій случайный заработокъ встрѣчается здѣсь съ восторгомъ, всякій рубль, за чтѣ бы онъ ни попадалъ въ руки, считается добромъ. Несомнѣнно, что бѣдность объясняетъ въ этой сторонѣ многія непривлекательныя явленія въ деревенской жизни; но и тогда я не могъ не замѣтить, что бѣдность — еще не все, что стремленіе, во чтѣ бы то ни стало добиться денегъ и потомъ уйти изъ деревни, имѣеть основаніе, кромѣ бѣдности, еще и въ томъ нравственномъ одиночествѣ, которое тяготѣетъ надъ каждымъ крестьянскимъ домомъ, надъ каждымъ человѣкомъ, живущимъ въ деревнѣ. Фигтивно соединенные въ общество круговою порукою при исполненіи многочисленныхъ общественныхъ обязанностей, болѣею частію къ тому же навязываемыхъ извнѣ, они, не какъ общинники и государственные работники, а просто «какъ люди, предоставлены каждый самъ себѣ, каждый отвѣчай самъ за себя, каждый самъ за себя страдай, справляйся, если можешь, если не можешь — пропадай. И вотъ тутъ-то, въ этомъ-то множествѣ личныхъ заботъ, огорченій, страданій, никѣмъ необлегчаемыхъ, неосвѣщаемыхъ ни однимъ добрымъ словомъ, переносимыхъ каждою семьею въ полномъ молчаніи или неумѣніи другихъ помочь въ горѣ — я видѣлъ главную причину того, что у человѣка, который понялъ свое одинокое, беспомощное положеніе, должно явиться желаніе уйти отсюда, не только для того, чтобы наживать деньги, но для того, чтобы выйти къ свѣту, къ людямъ, къ какому-нибудь знанію свѣта, людей, порядковъ; а деньги нужны для того, чтобы купить это знакомство съ жизнью «по-людски», чтобы лечить своихъ больныхъ дѣтей, какъ лечатъ люди, чтобы учить ихъ не одной палкой, а настоящей наукой, то есть вообще удовлетворить такимъ потребностямъ ума, такимъ движеніямъ человѣческаго сердца, которымъ, при современныхъ деревенскихъ порядкахъ, гдѣ все сосредоточено на мысли о недомгѣ и подачахъ, нѣтъ мѣста, нѣтъ удовлетворенія и надежды на него нѣтъ.

Я говорилъ тогда, что, если въ деревенскую среду не войдутъ посторонніе, болѣе знающіе люди, которые сдѣлали бы «общинными» интересами не одну только землю и раскладку подушныхъ, а всѣ загнанныя, забытыя, неудовлетворенныя потребности крестьянской души, люди, которые дѣлали бы это не изъ-за жалованья, какъ дѣлаютъ нанятые за десять пѣлековыхъ горемыки-учителя, горемыки-священники, непосѣщающіе деревень докторъ и т. д., а какъ люди убѣжденные, что имъ нѣтъ другого мѣста для примѣненія своихъ знаний, своего развитія, кромѣ деревни, нѣтъ другого заработка, болѣе безгрѣшнаго, какъ тотъ, который можетъ дать деревня ящомъ, подаркомъ курицы и т. д.—то, безъ этого притока въ деревню «свѣта божьаго», деревня стоскуется, разбредется, а что и останется въ ней, потерявъ аппетитъ къ крестьянскому труду, будетъ только безсильнымъ рабочимъ матеріаломъ въ рукахъ тѣхъ, кто дастъ хоть какой-нибудь заработокъ.

Такія соображенія, быть можетъ, исполнѣ легкомысленныя и дилетантскія, приходили мнѣ въ голову въ то время, когда передъ моими глазами стояла непобѣдимая человѣческими усилиями бѣдность природы. Теперь же, когда я вижу кругомъ себя «благодать» — обиліе и богатство — я, волей неволей, еще прочтѣй убѣждаюсь въ своихъ легкомысленныхъ фантазіяхъ, т. е. что деревнѣ необходимы новыя взгляды на вещи, необходимы новыя, развитыя, образованныя дѣятели для того, чтобы среди этого простора не было лондонской тѣсноты, а среди возможнаго, находящагося подъ руками довольства — самой поразительной нищеты, незнающей гдѣ преклонить голову. Первое, что бросается въ глаза при наблюденіи надъ современными деревенскими порядками — это почти полное отсутствіе нравственной связи между членами деревенской общины. При крѣпостномъ правѣ, фантазіи господина-владѣльца, одинаково обязательныя для всѣхъ, сплочивали деревенскій народъ взаимнымъ сознаниемъ нравственныхъ несчастій; господская фантазія имѣла право вломиться въ деревенскую семью и, по произволу, распорядиться личностью человѣка; могла «взять» человѣка и отдать въ науку, въ музыканты, въ поваря, въ портные, «могла взять» и женить или выдать замужъ, не обращая вниманія на человѣка и т. д. Ежеминутная возможность такихъ фантазій связывала міръ одинаковымъ принижениемъ человѣческой личности; какъ «у людей», а не у государственныхъ работниковъ, у нихъ была общая мысль, общая нравственная забота... Теперь ужъ никто не вломится въ семью, кромѣ начальства, которое приходитъ за солдатами, теперь всякій отвѣчай за себя, распорядься самъ,

какъ знаешь, но связь «нравственнаго гнета» не замѣнилась сознаниемъ необходимости общаго благополучія, общаго облегченія жизни, такъ какъ на мѣсто произвола не пришло ни знаніе, ни развитіе, ни даже доброе слово. Привычка трепетать, видѣть въ себѣ вѣковѣчнаго работника, привычка видѣть только въ кускѣ хлѣба цѣль существованія своего на землѣ, ничѣмъ и ничѣмъ неразрушаемая, держитъ крестьянина и до сихъ поръ въ своей власти.

Произволь не влѣзетъ въ нравственные интересы крестьянской семьи въ тѣхъ широкихъ и даже фантастическихъ размѣрахъ, какъ при крѣпостномъ правѣ, но и сочувствіе къ нимъ, вниманіе къ нимъ также сюда не войдетъ. Кричи больной ребѣнокъ сколько хочешь, всю ночь, весь день, недѣлю, давай и мучайся надъ нимъ мать, отецъ, бабка—вся мало свѣдущая въ медицинѣ семья—никто не войдетъ съ помощію, съ умнѣемъ, точь-въ-точь какъ при крѣпостномъ правѣ. Докторъ, получающій 1,200 руб. на населеніе въ 300 тысячъ человѣкъ, говоритъ: «мнѣ не разорваться». Фельдшеръ также разорваться не въ состояніи... И вотъ умираетъ ребѣнокъ, оставляя въ сознаніи тѣхъ, кто любили его, сознаніе непроходимой темноты и тяжести... Здѣсь отецъ не пускаетъ мальчишку на работу, жалѣючи грозить ему и, пожалуй, жалѣючи и прибѣетъ, а при настойчивости и непокорности—призоветъ на помощь и старшаго брата, который засвѣтитъ ослѣху не хуже хорошаго родителя, а между тѣмъ, знающій, основательно развитый человѣкъ съумѣлъ бы чѣмъ разсвѣять эту скуку, приковавъ вниманіе мальчика къ какому-нибудь интересному дѣлу, хотя къ книжкѣ, въ которой рассказывается, отчего кричатъ и умираютъ дѣти?.. Но ни (человѣка, ни книжки, ничего такого нѣтъ. Есть школа; но учитель, работающій изъ-за хлѣба, самъ мало знающій, самъ подавленный бѣдностью, радъ отдохнуть лѣтомъ одинъ, попить-погулять въ гостяхъ у сосѣда священника. Да и въ рабочее-то класное время, впору ли ему справиться съ 60-ю человѣками?.. Чтобы ихъ научить азбукѣ—и то, по его собственному выраженію, онъ «отмолотилъ» себѣ языкъ. Есть ли ему возможность и время къ внимательности? Нуженъ просто *внимательный* (и въ большомъ количествѣ) деревенскій житель, а его-то и нѣтъ...

Въ виду отсутствія какого-нибудь свѣта, который бы проникъ со стороны въ крестьянскую семью, далъ бы возможность видѣть кругомъ себя лучше и шире, далъ бы возможность вздохнуть, видѣть свою участь не только въ собственныхъ своихъ рукахъ, не только въ тратѣ своего пота и крови; въ виду отсутствія всего этого, каждый крестьянскій домъ, обремененный массою та-

кихъ нравственныхъ заботъ, которыя бы легко уничтожились, если бы были предметомъ *общественнаго* деревенскаго вниманія, представляеть необитаемый островъ, на которомъ изо-дня въ девъ идетъ упорная борьба съ жизнью, при неистовомъ терпѣннѣ, неистовомъ трудѣ, едва постижимыхъ страданіяхъ. Тяжесть этого бремени такова, что существовать во имя его на бѣломъ свѣтѣ кажется невозможнымъ, и если именно это-то бремя нравственныхъ заботъ и заставляетъ «биться» крестьянскую семью, то это происходитъ только вслѣдствіе глубокой вѣры въ предопредѣленіе свыше. «Стало быть, такъ угодно Богу, если тысячи и миллионы народа бьются точно такъ же, какъ и мы», вотъ какъ объясняетъ себѣ каждый крестьянскій домъ свое положеніе, поднимаясь на работу съ пѣтухами.

Но покорно подчиняясь веленію свыше, крестьянинъ, сидящій на необитаемомъ островѣ, не можетъ не дѣйствовать, не можетъ смотрѣть на себя иначе, какъ только въ интересахъ этого необитаемаго острова. Этихъ интересовъ, этихъ заботъ, которые тоже даны свыше, такая гибель, и облегчить ихъ какими-нибудь иными силами, кромѣ собственныхъ, до такой степени кажется невѣроятнымъ (никто не знаетъ примѣра со дня рожденія), что окружающія одну крестьянскую семью другія крестьянскія семьи для первой будутъ также казаться такими же необитаемыми островами, населенными жителями, дѣйствующими и смотрящими на жизнь только во имя своихъ собственныхъ заботъ... Попалась одному необитаемому острову работа, онъ захватить ее столько, что не въ состояніи и выполнить, а ужъ сосѣднему острову не скажетъ!.. Если сосѣдній островъ послабѣй, побѣдней, то пожалуй, можно всучить ему работу, которая попалась, но вмѣсто рубля заплатить слабому острову пятналтынный, а восемьдесятъ пять копеекъ оставить въ карманѣ... Случись тоже самое съ слабымъ необитаемымъ островомъ—и онъ поступитъ также точно, и оба будутъ полагать, что все это совершенно правильно, по Божьему, по Господнему.

И въ самомъ дѣлѣ, при такой разрозненности членовъ общины въ нравственномъ отношеніи, посмотриге, какая ничтожная связь существуетъ между ними и въ вопросахъ общественной выгоды, прямой пользы, разсчета.

Примѣровъ, доказывающихъ полное одиночество крестьянской семьи, полную отчужденность членовъ общества одного отъ другого—великое множество. Вотъ прѣбываютъ люди торговые и начинаютъ, при помощи сельской власти, склонять общество на отдачу въ аренду, положимъ, рыбныхъ статей, или права на торговлю виномъ. Общество беретъ тѣмъ меньшую цѣну, чѣмъ бо-

гдѣ роскошное угощеніе представить, т. е. чѣмъ болѣе выставить вина. На сходкахъ, собираемыхъ по подобнаго рода общественнымъ дѣламъ, обыкновенно бываетъ весь міръ въ полномъ комплектѣ, но это потому, что здѣсь каждый получаетъ свой стаканъ, или два, или пять, смотря по щедрости предпринимателя—побужденіе, какъ видите, вовсе не общественное, что подтверждается полнымъ невниманіемъ всѣхъ членовъ общества къ тѣмъ деньгамъ, которыя получаютъ съ пропитыхъ оброчныхъ статей. Тутъ члены знаютъ, что изъ 600 рублей, взятыхъ за кабакъ, никому не придется получить на свою долю, и предоставляютъ ихъ, какъ это почти постоянно бываетъ, на расхищеніе людей, стоящихъ у деревяннаго сундука. Ниже, мы увидимъ это расхищеніе мірскихъ суммъ подробнѣе, равно какъ увидимъ яснѣе и отсутствіе подлиннаго общественнаго вниманія къ общественнымъ интересамъ, мало-мальски не слишкомъ копейскаго характера; теперь же мы только можемъ обратить вниманіе читателя хотя бы на то, что, при нѣкоторой взаимной внимательности членовъ общины другъ къ другу, деньги, взятая съ кабачника, могли бы тотчасъ же быть употреблены на тысячи полезныхъ дѣлъ, если бы только дѣла эти считались достойными общаго вниманія. Отчего бы на общинный счетъ не отвезти въ больницу того крестьянина, который сломалъ ногу, и, не работая, разорялъ семью? Отчего бы на эти деньги не выписать фельдшера, не послать талантливаго мальчика-самоучку въ гимназію, который бы воротился служить тому же обществу, положимъ, хоть писаремъ?.. Оттого, что во всѣхъ этихъ затѣяхъ, нѣтъ лично для меня, члена общины, прямой грошовой выгоды, о которой всѣ мы только и думаемъ, а о другой выгодѣ намъ ничего неизвѣстно.

Полное отсутствіе въ деревенскихъ порядкахъ «общественнаго вниманія» дѣлаетъ то, что самое общинное пользованіе землею вовсе не избавляетъ члена общины отъ голодной смерти. Удивительныя явленія подобнаго рода происходятъ очень просто: вотъ крестьянскій домъ, платящій, положимъ, за двѣ души и владѣющій двухдушевымъ надѣломъ. Работниковъ въ семьѣ одинъ человекъ, что зачастую бываетъ даже на 5 и на 6 ртовъ или ѣдоковъ. Этотъ работникъ свалился съ крыши, сломалъ ногу и лежитъ больной. Деньги, имѣющіяся у него на фельдшера, на больницу, въ общественной кассѣ, растрачиваются волостнымъ писаремъ или сельскимъ старостой, или сельскимъ старшиной, да онъ и не полагаетъ, что ему тамъ ихъ дадутъ на такое дѣло. Больной работникъ лежитъ и мучается, работа стоитъ и семью гнететъ бѣдность; платить за двѣ души нѣтъ

возможности, надо просить міръ, чтобы онъ *смылъ* хоть одну душу. Міръ снимаетъ душу, но *и землю*, на эту душу полагающуюся, беретъ. Лишившись земли и лишившись своего хлѣба, семья *слабѣетъ*, и очень можетъ быть, что на слѣдующій годъ придется снять и вторую душу, остаться совсѣмъ безъ земли, пойти по міру, будучи хозяиномъ общественныхъ лѣсовъ, угодій, общественныхъ суммъ, живъ въ благодатной, плодородной мѣстности. Кто же спасетъ, поможетъ мнѣ въ такой бѣдѣ, помогать въ которой деревенскіе порядки не хотятъ, потому что не понимаютъ, чтобы такого рода частное несчастье могло быть достойно общественнаго вниманія? Меня можетъ спасти *родство*, родственныя связи, личные мои отношенія къ частнымъ людямъ, но *общественнаго* вниманія мнѣ не дождаться; общественныя порядки могутъ меня разорить, но ужь помочь мнѣ стать на ноги—нѣтъ, не помогутъ. Они отдають взятую у меня землю другому лицу, котораго еще не постигло несчастье, заставившее опустить руки... А я, больной и разоренный, долженъ ходить по-міру, служить работникомъ у сосѣда, такого же равноправнаго члена семьи, какъ и я самъ. Гдѣ же тутъ «дружная общественная работа?»

Въ рукахъ моихъ, въ настоящее время, находится копія съ учета одного волостного старшины (той волости, въ которой находится обитаемая мною деревня) и служившаго въ волостномъ правленіи писаря. Мнѣ могутъ сказать, что ужь то обстоятельство, что расстратамъ старшины и писаря сдѣланъ мірской учетъ, свидѣтельствуеть объ общественномъ вниманіи къ своимъ собственнымъ интересамъ? Однако, зная дѣло это подробно, я долженъ сказать, что, къ сожалѣнію, мысль объ учетѣ возникла не въ обществѣ, не въ средѣ крестьянъ, а почти на сторонѣ, и принадлежитъ челоуѣку, почти постороннему обществу: будучи крестьяниномъ той самой волости, о которой идетъ рѣчь, челоуѣкъ этотъ, лѣтъ двадцати, оставилъ ее, жилъ въ городѣ въ лавкѣ въ мальчишкахъ, потомъ въ приказчикахъ, ѣздилъ не разъ съ хозяевами въ Москву и, воротившись, послѣ пяти-шести лѣтъ отсутствія, открылъ въ деревнѣ собственную лавку, въ которой есть, что нужно; главнымъ образомъ, окрестнымъ помѣщикамъ. Челоуѣкъ этотъ, грамотный, выписывающій газету и если не блистающій особливимъ безкорыстіемъ, т. е. берущій и навивающій извѣстный процентъ, и процентикъ неубыточный, то уже понимающій, что воровать прямо, безъ всякихъ предлоговъ, нехорошо, понимающій, что воровать общественныя деньги—еще того хуже. Имѣя, благодаря успѣшному ходу собственныхъ дѣлъ, порядочный досугъ, и, стало-быть, время подумать и о постороннемъ, этотъ чело-

ѣтъ, быть можетъ, даже подъ вліяніемъ газетныхъ кривовъ о всеобщемъ воровствѣ, заинтересовался общественными дѣлами деревни, а заинтересовавшись, открылъ такіа вѣнца, которыя уже не позволили ему остановиться, знать про нихъ и молчать: это уже не по-божески. Прибавлю, что человѣкъ этотъ—человѣкъ впечатлительный, страстный, способный даже и на извѣстнаго рода непроизводительный расходъ лишь бы добиться своего. А разъ въ деревнѣ явится такой человѣкъ, разъ явится откуда-нибудь доброе намѣреніе, некорыстное желаніе сдѣлать «лучше» и во имя этого лучше не жалѣть средствъ на борьбу, т. е. ставить вино противъ вина и т. д., такой человѣкъ всегда можетъ разсчитывать на полное сочувствіе. Результатомъ внимательства купца N (будемъ такъ называть человѣка, подмывшаго исторію объ учетѣ) было подано въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе слѣдующее *«отъ всего общества с. Б. прошеніе»* (привожу его въ подлинникѣ, сохраняя изложеніе безъ измѣненія) <1876 года декабря 30-го дня въ Б—мъ волостномъ правленіи были назначены торги на волостную амщину, и въ то же время были собраны, изъ каждаго селенія здѣшней волости, избранные изъ среды общества судьи, которые могутъ присутствовать на волостномъ сходѣ и что прежде тѣмъ была заторгована волостная амщина, старшина К—въ и писарь ео Θ—въ, закупили воды не меньше пяти ведръ. А переполни народъ (теперь этотъ же самый народъ подаетъ прошеніе) до безумія въ самомъ присутствіи волостного правленія, гдѣ были произнесены скверно...ныя слова, гѣсни и неподобныя дѣйствія. Одни сидѣли въ шапкахъ, иные валялись по полу, чего нравственный сидѣлецъ въ иштейномъ заведеніи даже того не допустить, что допустилъ волостной старшина и писарь Θ—въ, какъ видно, переносили такіе поступки довольно хладнокровно. Между прочимъ, у насъ былъ старшина Моисеевъ, служилъ восемь лѣтъ, но недопускалъ такого неприличія въ волостномъ правленіи и, кромѣ того, честь имѣемъ довести, какъ бывший старшина Моисеевъ, покупалъ лѣсу для отопленія волостного правленія и изъ этого лѣсу рубилъ срубы, драгъ лубки и затѣмъ мочало, потомъ дѣлалъ продажу и тѣми деньгами покрывалъ расходы волостныхъ суммъ, а отопленіе производилъ почти совершенно безденежное, напротивъ же, настоящій старшина, К—въ, купилъ, конечно, на общественныя деньги въ дачѣ господъ NN двѣ десятины и 12 сажень лѣсу на сумму 380 рублей, какаго еще Моисеевъ не покупалъ (?) чтѣ же? изъ таковаго лѣсу нѣтъ совершенно ни срубовъ, ни лубковъ, ни мочалъ, ни столбовъ, совершенно невидимъ ничего, а слышимъ отъ посторонняго народа, что старшина К—въ раз-

продать лѣсу очень много, кромѣ того, что перевезъ въ свой собственный домъ. А кромѣ того, еще какъ старшина К—въ, такъ и писарь ею, подѣлали себѣ посуды, кадушекъ, бочонковъ, ларей, сундуковъ и все это изъ волостного лѣсу, писарь же О—въ отправилъ въ сосѣдскій уѣздъ въ село М. два дубовыхъ-воротныхъ столба и возъ липоваго тесу, что, по нашему крестьянскому обсужденію, стоитъ не меньше тридцати рублей серебромъ. Но какъ всего этого расхода въ продажѣ лѣса положительно не видно намъ и для насъ это кажется обременительнымъ, ежели онъ старшина К—въ будетъ покупать каждый годъ такое количество и продавать на стороны, то мы придемъ въ совершенный упадокъ и кромѣ того, въ прошломъ 1876 году волостную ямщину гоняли только за 300 руб., но въ настоящемъ 1877 году уже за 618 (вотъ гдѣ пять ведръ вина!). Поэтому, покорнѣйше просимъ уѣздное присутствіе войти въ защиту крестьянъ...»

Слѣдствіемъ этого прошенія было разслѣдованіе дѣла на мѣстѣ г. уѣзднымъ исправникомъ, который хотя и пишетъ, что относительно лѣсу не могъ получить свѣдѣній, такъ какъ лѣсъ занесенъ свѣгомъ, но относительно ямщины, подтвердилъ все сказанное въ прошеніи, прибавивъ еще слѣдующія подробности.

«Бывшіе хозяйственные ямщики, крестьяне с. В., Евграфъ Ильинъ и Петръ Трыскинъ, объяснили мнѣ, что, за нѣсколько дней до торговъ на наемъ хозяйственныхъ лошадей, волостной старшина К—въ объявилъ имъ, что онъ наемъ лошадей желаетъ предоставлять земскому ямщику, крестьянину с. Кривой Луки Стожарову, и поэтому уговаривалъ ихъ на торгахъ не сбывать цѣну, за что и далъ имъ по 10 рублей, предупредивъ, что если они вздумаютъ гоньбу лошадей оставить за собой, то онъ, старшина, частымъ разгономъ по волости заморить ихъ лошадей. Такое же предупрежденіе объявилъ и еще другимъ двумъ крестьянамъ того же села, Сучкову и Карташову. Во время торговъ, волостной старшина дозволилъ крестьянину Стожарову понтъ въ волостномъ правленіи виномъ всѣхъ, являвшихся торговаться, съ цѣлію не понижать торговыхъ цѣнъ, и чрезъ это содержаніе 6 лошадей при волостномъ правленіи оставлено за Стожаровымъ за 618 р. 90 копейкъ...»

Вы видите, что пять ведеръ вина и двадцать рублей денегъ, данныхъ за молчаніе людямъ, прямо заинтересованнымъ въ дѣлѣ, заставляютъ общество дать свое согласіе на прямое разграбленіе общихъ денегъ. Кромѣ того, люди, взявшіе взятку и продавшіе даже собственно свои интересы и выгоды, молчатъ до тѣхъ поръ, пока не вышнваются въ дѣло посторонніе люди.

Въ виду подтвердившихся дознаніемъ исправленія фактовъ расхищенія мірскихъ суммъ, изложенныхъ въ прошеніи, присутствіемъ было предписано о томъ, чтобы надъ дѣйствіями старшины былъ произведенъ учетъ. Волостной сходъ выбралъ учетчиковъ и уполномочилъ ихъ учесть старшину за всѣ три года его властвованія. Но волостной писарь счумѣлъ составить протоколъ о разрѣшеніи учета обществомъ только за одинъ годъ. Несмотря на то, что учетчики докладывали объ этомъ подлогѣ присутствію, послѣднее осталось на сторонѣ писаря и возвратило (продержавъ у себя учетъ больше году) наваду въ волостное правленіе, при бумагѣ, въ которой сказано слѣдующее:

«Присутствіе нашло, что (приводимъ также въ подлинномъ изложеніи) какъ по дознаніи оказалось, что избранные волостнымъ сходомъ учетчики, уполномоченные для учета суммъ только за 1876 годъ, произвели учетъ кромѣ того еще за 1875 и 1877 г., т. е. вышли изъ предѣловъ даннаго имъ вышеобъясненнымъ сходомъ уполномочія, и потому непризнавалъ возможнымъ признать (бумага подписана самымъ дѣлтомъ мѣстнаго просвѣщенія) эти учеты правильными, постановило: возвратить эти учеты учетчикамъ чрезъ волостное правленіе, предписать объявить имъ, чтобы они предъявили учетъ волостному сходу учетъ за 1876 годъ, а волостному сходу объявить, что если онъ, (сходъ) найдетъ нужнымъ сдѣлать учетъ за 75 и 77 годы, то постановилъ бы объ этомъ приговоръ...» Между тѣмъ, старшину уволили, писарь перешелъ въ другую волость, и я не сомнѣваюсь, чтобы безъ особеннаго старанія человѣка, начавшаго дѣло, можно было вновь возбудить въ нему вниманіе, такъ какъ времени прошло много попусту и всякій убѣжденъ, что «все одно—ничего не возьмешь», особливо послѣ бумаги, черезчуръ внимательно и заботливо пекущейся объ общественной волѣ, и послѣ того, что писарь, котораго, по закону, нельзя уже принимать на службу, преспокойно продѣлываетъ тѣ же операціи надъ общественными суммами въ другомъ мѣстѣ.

Было бы долго входить во всѣ подробности расхищеній, практиковавшихся волостнымъ писаремъ и старшиною. Я укажу только на приходъ и расходъ волостныхъ суммъ одного года, года, который даже писарь не пропустилъ въ протоколъ и который поэтому можно считать не изъ особенно удачныхъ для него и для его сотрудника, именно на приходъ и расходъ волостныхъ суммъ въ 1876 году.

Въ этомъ году изъ суммъ, собираемыхъ по деревнямъ на волостные расходы, изъ штрафовъ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, и изъ денегъ, выручаемыхъ съ продажи общественнаго

*

иниущества, напрімѣрь, тѣхъ же самыхъ лыкъ, мочаль и т. д. въ приходѣ и распоряженіи волости образовалась значительная для деревни сумма въ 1,635 р. 74 копейки. Это—приходъ.

А вотъ расходъ—выписываю его вполнѣ, чтобы было видно, какія изъ *общественныхъ* нуждъ удовлетворяются этими общими деньгами, не возбуждая никакого протеста ни съ чьей стороны до тѣхъ поръ покуда за дѣло не возьмется кто-нибудь одинъ, на свою отвѣтственность.

1) выдано жалованья должностнымъ лицамъ и произведено платы служащимъ по найму и на другіе предметы: волостному старшинѣ — 233 р. 90 к. волостнымъ писарямъ: первому—48 р. 91 к. второму—64 р. 74 к. и третьему, Θ—ву—186 р. 53. Помощнику волостного писаря — 132 р. с. Двумъ сторожамъ — 113 р. 87 к. Кандидату волостного старшины—6 р. 50.

Итакъ, одинъ персоналъ волостного правленія получаетъ изъ мірскихъ суммъ 785 руб.

Къ этому же слѣдуетъ прибавить.

2) Израсходовано на покупку канцелярскихъ припасовъ 112 р. 40 коп.

3) Употреблено на проѣздъ волостного старшины съ писарями въ губ. городъ по дѣламъ службы 35 р. 89 к.

4) На освѣщеніе волостного правленія 59 р. 48 к.

5) Издержано на ремонтъ дома волостного правленія, старшинскаго и писарскаго помѣщеній 73 р. 12 к.

Все это—расходы управленія. Достаточно прожить въ деревнѣ мѣсяць, чтобы убѣдиться, что такіе расходы не что иное, какъ денной грабежъ. Представьте себѣ только, что одной бумаги будто бы можно исписать на 112 р.! свѣчь на 60 р. свѣчей! А исполненіе размѣра жалованья властямъ выборнымъ и нанятымъ?

Пойдемъ, однако, дальше:

6) Уплачено волостнымъ старшиной К—вымъ, за покупку гѣса для отопленія волостного правленія 222 р.

7) Снесено въ расходъ недочета за волостнымъ старшиной, согласно постановленію общаго присутствія волостного правленія 30 р.

8) Перечислено на содержаніе училища *излиши* противъ раскладки мірскаго сбора *примытъ* за 1-ю половину года 11 р. 98 к.

9) Возвращено С—скому сельскому старостѣ неправильно начтенныхъ 10 р.

10) На содержаніе арестантовъ 30 р. 30 к.

11) Священнику за молебны 4 р. 62 к.

12) Ямщикамъ Стожарову и Тряскину (тому самому, который

потомъ за 10 р. позволилъ Стожарову, своему компаньону, утащить 300 р. мірскихъ денегъ) 249 р. 30 к.

Всего расходу 1635 руб. и въ остаткѣ 8 р. 26 к. Вы видите, что деньги есть, что расходуются они довольно щедро, но судите сами, возможны ли такіе расходы, при мало-мальскомъ вниманіи деревни къ общественнымъ интересамъ, при самой маленькой надеждѣ на возможность общественной помощи? Возможно ли, чтобы три четверти всѣхъ мірскихъ суммъ сдѣлалось совершенно непроезжимо волостнымъ персоналомъ и чтобы на шеволу отчислялись какіе-то *изминіе* 11 р., тогда какъ, вы видите, она можетъ имѣть хорошія средства и безъ этихъ «счастливыхъ» случаевъ? Представьте себѣ, кромѣ всего этого, что если не въ такихъ большихъ размѣрахъ ежегодно скопляются мірскія суммы не только въ волости, но рѣшительно въ каждомъ сельскомъ обществѣ, въ каждой деревнѣ, сочтите все это и подумайте, какъ возможно, чтобы при этомъ въ деревнѣ могли быть нищія, беспомощные, больные, воры, люди, неумѣющіе ни читать, ни писать, ни считать.

И въ то время, когда каждый крестьянскій домъ—цѣлый адъ заботъ, мученій, трудовъ, беспомощности, посмотрите, какъ растрачиваются его же представителями, людьми, вышедшими изъ его среды, средства, которыя, при мало мальски добромъ участіи развитаго человѣка, сдѣлали бы бездну добра.

Учетчики, изъ всей массы безстыдныхъ расходовъ за 1876 годъ, неправильныхъ насчитали только около 400 р. Чего-чего тутъ нѣтъ! На мірскія деньги охлеиваютъ обоими свои квартиры старшина и писаря, покупаются самовары, металлическіе чайники, стаканы, рюмки, выписывается газета «Всемирная Илюстрація»; старшинѣ надо наточить пилу, и за точку ея онъ платитъ мірской полтинникъ, потому что онъ служитъ міру. Писарь дѣлаетъ для себя «этажерку» и за распилку лѣса платитъ 3 руб. мірскихъ денегъ, тогда какъ надо было заплатить всего 20 коп. утверждаютъ учетчики. Но всего не перечесть. Довольно вѣскимъ доказательствомъ того, что члены деревенской общины все болѣе и болѣе укрѣпляются въ необходимости знать *только себя*, только свое горе, свою нужду, можетъ служить и то, что вотъ, напримѣръ, такое новое общественное деревенское учрежденіе, какъ сельское ссудосберегательное товарищество, ни чуть не измѣняетъ своего банковаго духа, духа учрежденія, не претендующаго на болѣе или менѣе общинное распредѣленіе банковыхъ благъ. Давая тому больше, у кого много, мало тому, у кого мало, и вовсе не доверяя тому, у кого ничего нѣтъ, сельскій банкъ превозводитъ въ деревнѣ свои операціи, съ тою неизмѣнностью,

какъ и въ городѣ, гдѣ, какъ извѣстно, никакой общины не существуетъ, а всякій живетъ самъ по себѣ... Банкъ, какъ и вездѣ, даетъ много богатымъ и ничего не даетъ нищимъ, тогда какъ, еслибы въ деревенскихъ порядкахъ вниманіе къ общественнымъ нуждамъ играло бы хоть какую-нибудь роль, фязіономія деревенскаго банка должна существенно измѣниться, мимо него не ходилъ бы сторожъ съ ребятами и не тосковалъ бы о томъ, что нѣтъ нигдѣ поручителя на пятнадцать рублей. Мысль объ общественной связи непремѣнно бы измѣнила порядокъ сельскаго банковаго дѣла и могла бы, пользуясь кредитомъ въ 15 тысячъ рублей серебромъ по 6% въ годъ, сразу надѣлать въ самомъ дѣлѣ общественныхъ, всѣмъ необходимымъ дѣлъ, столько всѣмъ доступнаго добра, что деревня стала бы походить на жидое мѣсто. А между тѣмъ, въ четыре года существованія, члены товарищества позанимствовали въ банкѣ не болѣе четырехъ тысячъ, да и тѣ, при отвѣтственности и заботѣ каждаго о себѣ, пали едва ли не новымъ бременемъ только на несостоятельныхъ, плохенькихъ, мужиковъ.

Приведу, въ заключеніе, еще одинъ фактъ, совершающійся предъ моими глазами, доказывающій, что порядки современные деревенскіе далеко не отличаются прочностію и стройностію.

Владѣлецъ большаго имѣнія, прилегающаго къ крестьянскимъ землямъ, предлагаетъ сельскому обществу купить у него 600 десятинъ земли, изъ которыхъ сто десятинъ лѣсу (а въ этой мѣстности лѣсъ дорогъ). Самъ же владѣлецъ не занимается хозяйствомъ и прѣбываетъ въ деревню только на лѣто. При прежнемъ владѣльцѣ, земля эта охотно разбиралась какъ мѣстными, такъ и сосѣдними крестьянами, но владѣлецъ пожелалъ, чтобы всю землю пріобрѣли его сосѣди, крестьяне смежной деревни, и не въ розницу, а всѣмъ міромъ. Чтобы облегчить эту покупку и сдѣлать участниками въ ней всѣхъ, онъ предложилъ уплачивать ему не деньгами, а тѣмъ же самымъ лѣсомъ, который находится въ уступаемомъ имѣніи; каждый годъ, крестьяне *всѣмъ міромъ* вырубаютъ 4 десятины лѣса, и по извѣстнымъ существующимъ цѣнамъ доставляютъ его владѣльцу, причемъ за возку полагается особая, также существующая плата. Вся операція должна совершиться въ 25-ть лѣтъ, причемъ, къ концу послѣдняго года, крестьяне вновь имѣютъ часть уже 25-ти лѣтняго лѣса. Въ то же время, они, со дня составленія мірскаго приговора, начинаютъ пользоваться остальными пятью стами десятинъ земли. Все дѣло въ мірскомъ приговорѣ, въ ручательствѣ всей деревни — и вотъ уже идетъ второй годъ со дня предложенія, а ручательства этого все нѣтъ. Крестьяне продолжаютъ нанимать землю

на чистые деньги, кому сколько понадобится, или у соседних помещиков, или у своего ближнего, которому пришло трудно, въ послѣднемъ случаѣ всегда подешевле, чѣмъ у помещика. Помѣщику платятъ рублей 7—8, ну а ужъ своему брату и 5, и 3, потому своему-то брату, труднѣе, чѣмъ помѣщику.

Вѣсть съ тѣмъ, владѣльца имѣніемъ одолеваятъ просьбами нѣкоторые изъ крестьянъ уступить имъ въ имѣніи участки, а бывали и такіе случаи, что одинъ какой нибудь крестьянинъ изъ-являетъ желаніе купить, на предлагаемыхъ условіяхъ, все имѣніе—одинъ. Владѣлецъ, однако, не желаетъ отдавать земли иначе, какъ всему обществу. Все общество не соглашается—молчать, и отличная, нужная, дешевая земля подъ бочомъ у него лежитъ безъ дѣла и безъ пользы.

Что за причина такого неностижимаго явленія? Изъ распросовъ и разговоровъ съ крестьянами, которые касались этого предмета, я могъ убѣдиться только въ томъ, что взаимная рознь членовъ деревенскаго общества достигла почти опасныхъ размѣровъ. Покупая имѣніе всѣмъ обществомъ (объясняли мнѣ нѣкоторые изъ крестьянъ), все-таки, необходимо «выбрать» одного человѣка, который бы имѣлъ дѣло съ конторой владѣльца, велъ счетъ подводамъ при возкѣ дровъ, записывалъ рабочіе дни при рублѣ и т. д. Необходимо, словомъ, человѣкъ, которому бы могло довѣрить все общество, и вотъ такого-то человѣка и нѣтъ между семидесятью дворами! Изъ семидесяти домохозяевъ выбираютъ сельскаго старосту, сборщика, но это—лица официальные, имѣющія дѣло съ начальствомъ, да и выбираются-то они для начальства больше. Выбрать же *своею* человѣка, который бы блюлъ общіе интересы такъ же точно, какъ и свои собственные, оказывается невозможнымъ. Всякій думаетъ, что человѣку нельзя не соблюдать только своей собственной выгоды, пользы, и что онъ, особливо поставленный въ нѣсколько иное положеніе, чѣмъ другіе покупщики имѣнія, сумѣетъ повернуть дѣло такъ, что только одному ему и будетъ лучше, а всѣмъ другимъ хуже. Кого изъ крестьянъ, знакомыхъ мнѣ, ни называлъ я, всѣ, по имѣнію разныхъ деревенскихъ людей, оказывались не надежными... «Ничего, человѣкъ, что говорить, а дай-ка ему...» Вотъ какъ характеризовали деревенскіе люди другъ друга... Кромѣ этого, недовѣріе къ еще не избранному нагѣмъ распорядителю, недовѣріе къ возможности существованія личности, которая бы не пользовалась насчетъ другихъ, если къ этому подвернется случай, одинаково господствуетъ какъ въ кругу состоятельныхъ крестьянъ, такъ и въ кругу крестьянъ послабѣй. Состоятельные и слабые, дѣй довольно ясно очерчивающіеся деревен-

скія группы, такъ же не позволяютъ осуществиться выгодному для *села* дѣлу. Для слабыхъ не дать сильнымъ стать еще сильнѣе—прямое удовольствіе, а увѣренность ихъ въ томъ, что, при равномъ участіи въ покупкѣ, сильнымъ достанется больше, чѣмъ слабымъ, что слабій-то, собственно, окажется только работавшимъ для сильнаго, такъ велика, непоколебима, основана на такихъ неопровержимыхъ для всякаго фактахъ, что желаніе владѣльца кажется неосуществимымъ.

Итакъ, необходимая для крестьянъ земля, предлагающаяся на самыхъ выгодныхъ условіяхъ—лежитъ въ пустѣ. Богатые мужики винятъ бѣдныхъ въ томъ, что они *не даютъ* имъ и себѣ устроиться лучше, «точно собака на снѣгъ лежитъ, ни себѣ, ни другимъ»; бѣдные сердятся на сильныхъ, видя ихъ намѣреніе попользоваться чужими трудами, закабалить ихъ приговоромъ владѣльцу на двадцать пять лѣтъ, чуять въ этой операціи «новую барщину»; всѣ вмѣстѣ, никто не вѣритъ другъ другу, и каждый изъ всѣхъ силъ старается какъ-нибудь захватить себѣ влочокъ землицы на сторонѣ, должника въ банкѣ, у частныхъ лицъ, платить проценты и деньгами, и натурой. Словомъ, бьется какъ рыба объ ледъ.

И нѣтъ людей, которые бы приняли къ сердцу весь этотъ ужасъ деревенскихъ порядковъ, которые бы, переставъ сочувствовать народу на словахъ, считали бы своею обязанностью жить среди него, отдавая ему свои знанія и давая ему возможность видѣть и понимать такіа вещи, которыя теперь уткнуты въ самый темный уголокъ *собственными* своихъ нуждъ, заботъ и горя...

2) ДЕРЕВЕНСКИЙ СЛУЧАЙ.

I.

Въ погожій лѣтній день, часовъ въ шесть вечера, когда раскаленный воздухъ понемногу начинаетъ простывать, на пчельникѣ у сельскаго писаря, за самоваромъ сидѣли деревенскіе гости. Гости сидѣли и лежали на землѣ, вокругъ самовара, и вели разговоры съ хозяиномъ пчельника, старымъ отставнымъ солдатомъ съ прострѣленнымъ и негнѣвшимся колѣномъ. Былъ тутъ въ числѣ гостей «банковскій писецъ», молодой человекъ изъ семинаристовъ, завѣдующій счетовъ частію въ мѣстномъ ссудномъ товариществѣ, былъ тутъ сельскій староста, былъ еще одинъ крестьянинъ изъ тѣхъ, которые «почище», былъ и ищущій эти

строки. Да больше-то, кажется, никого и не было... Въши слышывали хорошія ощущенія вечерней прохлады и крѣпкого лѣсного воздуха: пчельникъ стоялъ на широкой луговинѣ среди лѣса, былъ обнесенъ кругомъ загородкою, которую со всѣхъ сторонъ густо обступилъ мелкій кустарникъ; тишина, благодаря этому кустарнику, стояла на пчельникѣ поразительная. Всякій малѣйшій шорохъ, звукъ въ лѣсу или скрипъ телеги на пролегавшемъ невдалекѣ отъ лѣсу проселкѣ слышался здѣсь среди тишины необыкновенно отчетливо.

Наслаждаясь окружавшею насъ «благодатью», мы попивали съ удовольствіемъ довольно безвкусный, если не сказать прямо скверный, чаекъ и вели *непринужденный* разговоръ: то о пчелахъ, то о деревенскихъ дѣлахъ, то о покосѣ, то о нашихъ общихъ деревенскихъ знакомыхъ; въ разговорѣ именно объ этихъ нашихъ общихъ знакомыхъ и отразилось то чувство удовольствія, непринужденности, которое навѣвала природа, вечерняя прохлада, звуки *собиравшихся спать* лѣса... Какъ-то вышло такъ, что, только уходя съ пчельника, я сообразилъ, что мы почти только и дѣлали, во время разговоровъ, что непремѣнно кого-нибудь ругали или мошенникомъ, или дуракомъ, или подлецомъ; ужъ послѣ я вспомнилъ, что мы «на прохладѣ-то» перебрали всѣхъ нашихъ общихъ деревенскихъ знакомыхъ, и всѣхъ почти кто-нибудь изъ насъ «распечатали», какъ говорится, въ самомъ лучшемъ видѣ. Но такова была сила прелести вечера, простора и уюта пчельника, что, и распечатывая ближнихъ, мы не чувствовали ничего, кромѣ самого лучшаго, самого благообразнаго состоянія духа. Легко было на душѣ, хорошо. Тѣло покойно нѣжилось на мягкой травѣ, и чистый лѣсной воздухъ свѣжо чувствовался въ груди.

Когда мы, такимъ образомъ, перемыли всѣмъ нашимъ знакомымъ косточки, когда переговорили обо всѣхъ деревенскихъ дѣлахъ и бездѣлицахъ, разговоръ на минуту было замолкъ. Кто то выразилъ желаніе даже отправиться по домамъ; но одинъ вопросъ, неожиданно сдѣланный однимъ изъ гостей, именно банковскимъ писаремъ, направилъ разговоръ совершенно на неожиданную тему...

— А лѣшіе понадаются тутъ у васъ, въ лѣсу-то? произнесъ писарь, лежа на спинѣ. Произнесъ вяло и, повидимому, просто такъ, неизвѣстно зачѣмъ и почему.

— Ну, ужъ не могу тебѣ сказать, почему-то многозначительно мотнувъ головою, отвѣчалъ ему хозяинъ-пчельникъ:— Лѣшіе, нѣтъ-ли, а что-то... есть!..

— Есть?

— Есть что-то!..

Эти слова пчелякъ произнесъ еще многозначительнѣе и принялся пить чай, не отрывая губъ отъ блюдечка и поглядывая на публику уже совсѣмъ загадочно.

— Что же такое? Черти, что ли?..

Но пчелякъ молчалъ и пилъ.

— Ну вотъ—черти! сказала староста:—у насъ тутъ съ образами весь лѣсъ обойденъ... Тутъ этой драми не должно быть. Тьфу!

— Такъ что же такое тутъ?

— А вотъ что тутъ, братецъ ты мой, торопливо склебнувъ послѣдній глотокъ и на рѣчь-то ему:—сказала оживленно пчелякъ... женщина тутъ плачетъ... Вотъ ужъ тринадцать лѣтъ... И такъ рыдаетъ, Боже милостивый, и всякій разъ вотъ объ эту пору, какъ солнце начнетъ садиться...

Всѣ затихли и, надо сказать правду, прислушались къ лѣсу...

— Это точно сказала одинъ изъ гостей:—я самъ слышалъ.

— Тутъ много кто слышалъ! прибавилъ староста. Ну, только, надо быть, нечистого тутъ нѣтъ...

— Это птица у васъ тутъ какая-нибудь кричитъ, а вамъ, кажется плачетъ...

— Ну—птица!.. Какаа птица, когда я ее вотъ такъ, какъ тебя вижу...

— Ты видѣлъ ее?

— Говорю, видѣлъ—вотъ, какъ тебя.

— Ну, что-жъ она? Молодая...

— Ну, ужъ этого я, братецъ, не распозналъ... Не до того тутъ было... А подлинно тебѣ говорю, высокая, худая, вся въ бѣломъ, и платокъ, и сарафанъ... а руки—бѣлѣй снѣгу... И не своимъ-то голосомъ рыдаетъ... Вотъ эдакъ то руками схватится за голову—и зальется...

Старикъ представилъ, какъ она плачетъ, и самъ prorыдалъ такимъ старческимъ хриплымъ рыданьемъ, что всѣхъ невольно прошила дрожь...

— Какъ же ты ее встрѣтилъ-то? преодолѣвъ впечатлѣнiе страха, спросилъ писарь.

— А такъ, я, братецъ ты мой, по лѣсу, какъ разъ вотъ объ эту пору, и варовилъ я отъ Никольскаго добратся до дому прямикомъ, стало быть, какъ есть насквозь весь лѣсъ мѣй пройти пришлось... Иду я — палка у меня... Палку я всегда держу, иду... Пошла чаща, иду разгребая вѣтки-то, вдругъ раздвинуть въ одномъ мѣстѣ, а она прямо передо мной... Такъ я и обмеръ. Думаю:—«Н-ну!» Только томъ-жъ минутою глянула она, да какъ

лица по лѣсу—эво кругомъ какинъ и вошь гдѣ позади меня скакъ залетѣлся... Ну, я—давай Богъ ноги...

Всѣ молчали.

— Истинная правда! прибавилъ пчелякъ:—хочешь вѣрь, хопъ нѣтъ—что мнѣ врать... А есть это! Вотъ сейчасъ побожиться... У меня сынъ Егоръ, такъ тотъ, въ полдень въ самый жаръ, на нея наткнулся...

— А чай и жуеко было, Иванычъ? проговорилъ староста.

— Да ужъ не безъ того. Не хвастаясь, скажу—не робокъ я, видалъ на своемъ вѣку много дѣловъ пострашнѣй, а не утаю: зачалъ щелкать по лѣсу-то, забылъ, что нога прострѣлена... Добрался до дому-то—слава тебѣ Господи!

Всѣмъ стало легко, когда пчелякъ произнесъ послѣднюю фразу и всякій, подъ влияніемъ этого впечатлѣнія, облегчившаго душу, поспѣшилъ рассказать какой-нибудь случай изъ своей жизни, въ которомъ страхъ игралъ также не малую роль, но въ которомъ, въ концѣ-концовъ, все оказывалось вздоромъ и смѣхомъ. Со всякимъ случалось что-нибудь подобное, и всякій рассказалъ что зналъ или слышалъ, и, наконецъ, опять настало молчаніе. И «о страшномъ» не было уже матеріала для разговора. Но старикъ-пчелякъ, любившій поговорить, казалось, не жевалъ давать разговоръ какого-нибудь другого направленія и сохранялъ на своемъ лицѣ то же нѣсколько таинственное выраженіе.

— Нѣтъ, наконецъ, сказалъ онъ: вотъ съ Кузнецовой женой, вотъ такъ ужъ напирмаля я страху...

Кузнецовъ былъ молодой сельскій торговецъ; въ сосѣднемъ большомъ селеніи у него былъ магазинъ; я зналъ его лично, и крайне удивился, узнавъ, что онъ—семейный человѣкъ, такъ какъ постоянно видѣлъ его и въ квартирѣ, и въ лавкѣ одного.

— Развѣ Кузнецовъ женатъ? спросилъ я.

— Какъ же! Да-авно!

— Гдѣ же его жена?

— Она ужъ второй годъ какъ въ больницѣ, въ Москвѣ, лечится... Теперича-то, пишетъ, будто поправляется, а ужъ, что тогда было, не приведи Царица Небесная!.. Я одинъ, братецъ ты мой, бился съ нею цѣлую недѣлю, день и ночь, такъ ужъ знаю, что такое это... Давай мнѣ тысячу рублей теперича—нѣтъ!.. Не заманишь!..

— Какая же это у нея была болѣзнь? спросилъ писарь.

— Съ ума сошла... Только съ ума-то сошла на худомъ... И старикъ-пчелякъ шопотомъ рассказавъ о ея недугѣ. Недугъ, дѣйствительно, былъ ужасный...

Стали толковать о причинѣ такого недуга.

— И что за чудо! сказала пчелка.— Вѣдь какъ братецъ, ты мой, чудесно жили-то въ первомъ году, ангелы преподобны! Торговля начала часто, на готовны денежки, всего много, домъ — съ иглочки, оба—любо глянуть, ужъ объ ней и говоритъ нѣчего, королева—одно слово!.. Да и олъ—парень складный... Бывало, взойдешь въ лавку то къ нимъ, соли тамъ или что-нибудь взять, сидятъ оба, какъ птички, и ласковы, и веселы... И самому-то, ей-богу право, весело становится... Вдругъ, какъ нечистый попуталъ, сразу, братецъ ты мой, оба какъ оглашенные стали... На второй годъ пошло это у насъ.

— А дѣти есть у него? спросилъ а.

— Была одна дѣвочка, въ самый первый годъ была, ну, только померши... Двухъ либо трехъ мѣсяцевъ померла-то... Гу-ужили оба... стра-асть... А потомъ вдругъ и началось промежду нихъ: слышимъ—«бьетъ»! По вечерамъ, крикъ изъ дому то несется... Что такое... Потомъ-того принялся, братецъ ты мой, за бабами, значить, за женскимъ поломъ—проходу нѣтъ!.. Пьетъ, безпутничаетъ, жену бьетъ, бросая ее совсѣмъ, прочь гонить. Отецъ ейный тутъ съ родней прибылъ... Помню всю морду этому самому Кузнецову изуродовалъ. Одново они всей родней его били, да какъ били то!.. Самъ своими глазами, видѣлъ, какъ одинъ дьяволъ прямо ему въ лицо старымъ престарымъ вѣнномъ тыкалъ, окамелькомъ... Тутъ было, Боже мой, что такое! Нѣтъ ему уйму да и шабашъ! Въ теченіи того времени, ейный родитель взялъ да въ судъ его и предоставилъ... значить, за истязаніе и самоуправленіе... Присудили, его другъ ты мой, на полгода въ тюрьму... Вотъ тутъ-то съ ней и случилось... Перво-на-перво все тосковала, скучала... Исхудала вся «не знаю говорить, что со мной дѣлается»... Бывало, зайдешь въ лавку-то, сидятъ и смотрятъ, а пригѣтить тебя—не примѣчаютъ... И разъ окликнешь и два—все молчать... Ужъ когда-когда опомниться! «Ахъ, говорить, Иванычъ, я и не вижу!» — Я молъ тутъ давно стою. — «Ужли давно?» — Именно правда. — И опять на нея этотъ истуканъ найдетъ, опять говори, не говори — все одно... А одново принялъ, глядь — лавка заперта... Что такое? Пошолъ-было на кухню, идти навстрѣчу кухарки. «Вѣбѣсилась, говорить, наша хозяйка... Что дѣлаетъ, такъ ахъ... Лучше и не ходи... Я-было и непошелъ, да за мной самъ отецъ ейный прислалъ, подсобить... Потому сладу нѣтъ... Даже отецъ-то родной и тотъ ушелъ, залился слезами, ушолъ изъ дому. Оставили меня одного... Ну, ужъ и принялъ я мученьевъ, вѣкъ не забуду.

Пчелкаъ рассказалъ мученія, публива посмѣялась..

— Какъ же ты съ ней справлялся-то!.. спросилъ староста.

— Какъ? извѣстно палкой!

— Билъ?

— Извѣстно билъ, коли резоновъ не слушаетъ. Ей представляешь резоны, а, между прочимъ, она лучше того безобразничаетъ... Что будешь дѣлать, и жалъ, а нольва, другикъ способовъ нѣтъ... Огрѣешь кнутомъ раза три, четыре — забьется за печку, сидитъ недвижимо и, пожалуй, съ часъ просядетъ, не шелохнется... Ну, только ты чуть задремалъ — хватъ вотъ она!.. Думаю, нѣтъ, братъ, шалины!.. Одну ночь я такъ-то пробился, на другую потребовалъ цѣпь, приковалъ ее за печкой-то, принесъ возжа, говорю — «вотъ матушка!» показалъ ей.. Ну, съ цѣпи ей сорваться трудно... Погрешить, погрешить — ляжетъ... Только ужъ что говорила, слова какія, и не дай Богъ! Разовъ съ пятокъ я ее возжами-то урезонивалъ, за эти самыя ея слова... И ругаться тоже — ругалась, словно пьяный солдатъ... Откуда только набралась этого... И бился я такими манеромъ съ ней цѣлую недѣлю.

— Все возжами?

— Возжами все и кнутомъ... Одновѣ такъ подсвѣчиномъ усложилъ ее, потому чуть было изъ цѣпи не выгнѣла... Цѣлую, братцы мои, недѣлю я такъ-то бился. Одинъ. Отець-то ея, перво-наперво совсѣмъ разсудка лишился, мужъ — въ острогѣ, одинъ я потомъ принялся таскать знахарей и знахарокъ, помилъ ее и отчитывали, все одно — никакого средства... Наконецъ, того надумали въ больницу везти, въ Москву. Вѣрнись ли, нидо слеза моя самого прошибла, какъ стали ее изъ-за печки-то вытаскивать — вся какъ есть свила отъ нобой...

— Ты ее, должно быть, знатно околывалъ-то...

— Ужъ чего тутъ!.. Бывало, за ночь-то у самого ладони напукнуть...

— И отчего же это съ нею приключилось? спросилъ банавскій писарь.

— Поди вотъ! разбери!.. сказалъ пчелякъ.

— Ужъ знамо — дѣло темное! прибавилъ одинъ изъ гостей.

— Господь его знаетъ!.. заключилъ третій.

Впечатлѣніе этого разсказа было таконое. Великій деревенскій житель, въ своемъ домашнемъ быту, непремѣнно испытывалъ и постоянно испытывалъ какой-нибудь необъяснимый, непонятный ударъ: какія-нибудь страшныя психологическія и физиологическія страданія, незабываемыя, гнетущія, уродующія человека на вѣки, но ничѣмъ не облегчаемыя, неразъяснимыя... И вотъ почему всѣмъ слушателямъ было тяжело послѣ разсказа пчеляка.

Посидѣвъ на травѣ еще нѣкоторое время, мы встали и направивсь по домамъ. Солнце ужъ сѣло; начинало темнѣть, было холодновато и сыро; роса была обильная...

II.

Тяжелое впечатлѣніе произвелъ рассказъ пчелыка и на меня. Давно уже я былъ убѣжденъ, что деревенская жизнь тяжка, даже невыносима иной разъ, не столько отъ матеріальныхъ несовершенствъ и недостатковъ, сколько отъ страданій психологическихъ, отъ такихъ нравственныхъ бѣдъ, которыя и «выплавлять» даже нѣтъ возможности. Правда, Кузнецовъ, о которомъ рассказывалъ пчелыкъ, не былъ крестьянинъ: это былъ сельскій купецъ, но исторія его носила всѣ признаки подлинной крестьянской семейной бѣды, въ которой есть все: и побой, и слезы, и кнуты, и избитыя до синя сланы, и очевидно страшныя нравственныя страданія, но нѣтъ только пониманія этихъ страданій, нѣтъ никакого отъ нихъ результата, кромѣ каменной тяжести на сердцѣ, кромѣ угнетающей увѣренности, что такъ угодно Богу и воспоминаніе какого-нибудь «очевидца» о томъ, напримѣръ, что вотъ у него у самого въ ту пору руки напухли отъ битья... Такія семейныя бѣды, если вы только приглядитесь къ деревенской жизни, тяжелыми думами, темнотою безъ просвѣту давятъ крестьянскую душу, пришибаютъ человѣка къ землѣ, словно тяжелымъ неожиданнымъ ударомъ съ неба сваливагося камня, и вы встрѣчаете ихъ на каждомъ шагу. Еще недавно возвращаясь со станціи желѣзной дороги, я встрѣтилъ старика крестьянина, который везъ изъ города племянницу — сумасшедшую дѣвушку. Она глядѣла, но ничего не говорила и ничего не понимала, даже не дѣлала сама ни одного движенія: старикъ-дядя долженъ былъ самъ утирать ей носъ, самъ усаживать ее такъ, чтобы не свалилась, самъ застегивалъ ей армякъ... Что такое? Отчего? — «Господь его знаетъ! Сразу приключилось... Ночью!» Старикъ везъ ее домой изъ сумасшедшаго дома, гдѣ ее тоже нибудь били, «вся спина въ синякахъ»... А самъ онъ какъ будетъ лечить ее? Ктѣ, кромѣ отставнаго солдата, предложитъ ему свои услуги насчетъ кнуты и возжей?

Именно съ этой стороны меня и заинтересовала исторія Кузнецова. Немало удивило меня и то обстоятельство, что Кузнецовъ, котораго я зналъ, вовсе не походилъ на того, о которомъ рассказывалъ пчелыкъ. Это былъ бесспорно добрый человѣкъ, старавшійся, кромѣ того, быть добрымъ, полезнымъ и для другихъ. Учте, о которомъ читатель знаетъ по предшествовавшему очерку, сдѣлавъ имъ во имя общественной пользы, во имя пониманія обязанностей передъ обществомъ вообще честнаго чело-

вѣка. Онъ, Кузнецовъ, по тѣмъ же хорошимъ побужденіямъ, будучи членомъ товарищества, старался на собраніи провести мысль о болѣе правдивомъ распредѣленіи выгодъ. И этотъ-то добрый человѣкъ могъ довести до сумасшествія близкаго, мало того, любимаго человѣка, могъ драться, пьянствовать, безобразничать, даже попасть въ острогъ. Тутъ была тайна, и тайна деревенская. Я рѣшился добиться и толкомъ разузнать, въ чемъ тутъ дѣло? Какого рода были недуги, несчастія мужа и жены, которыя съ такой энергіей излечивалъ отставной солдатъ помощію кнута и возжей.

И я добился того, чего мнѣ было нужно. Я не буду рассказывать, какія усилія были сдѣланы мною для того, чтобы вынудить Кузнецова рассказать его семейную драму, только драму эту онъ мнѣ, все-таки, рассказалъ. Передаю ее читателю только въ существенныхъ чертахъ, такъ какъ во всей подробности рассказывать ее невозможно.

III.

«Помилуйте!.. Любилъ-ли? и по сейчасъ я безъ нея сохну, а ужъ чтó было съ перваго началу, того и не рассказать словами. Да и какъ не любить-то? Вѣдь это одно—ангелъ превосходный, другихъ словъ для этого нѣтъ... Красавица первая! развязность, напримѣръ, рѣзвость... Или опять взять въ работѣ—огонь, проворна, аккуратна.. Въ короткихъ словахъ сказать, по моему понятію, миловиднѣй не сыщешь... Сколько ихъ я на своемъ вѣку, напримѣръ, будемъ такъ говорить, не обсуждалъ—тряпки и мочалки, больше ничего... Да чтó еще: вѣдь, мы съ ней съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ дней—друзья; мы ужъ съ ней десяти-девяти лѣтъ цѣловались... Самъ Господь опредѣлялъ намъ быть въ бракѣ: мой родитель изъ-повонъ вѣку жилъ здѣсь и ейный, Милочкинъ, и имя то, позвольте сказать, сколько миловидно—Емилія! Батюшка отецъ Іоаннъ, священникъ (теперича онъ ужъ оставилъ должность), также здѣсь съ искони бѣ... И оба съ молодыхъ лѣтъ вдовы, и Милочкинъ, и мой... Родители наши души въ насъ не чаяли. Скажу одно: даже сѣкли насъ, ежели случалось за шалости, и то съ большимъ вниманіемъ и болѣе для угрозы, но не жели чтобы обидѣть. Милочку всего одинъ разъ и подвергли—крыжовнику, съ позволенія сказать, объѣлась... Рѣзвала!. У—Боже мой... Отецъ-то Іоаннъ, бывало, не налюбуется ей... И былъ онъ большой пріятель съ моимъ родителемъ; мой родитель, доложу вамъ, покойникъ, царство ему небесное, былъ старинный

сельскій купецъ. Теперь такихъ нѣту. Теперь все такой народъ пошелъ: налетѣть, одурманить, насунуть, обдѣлать—и въ другое мѣсто... Теперь пошелъ въ ходъ жадный человекъ, а такихъ, какъ родитель-покойникъ, и въ поминѣ нѣту! Родитель былъ человекъ тихій, жилъ на одномъ мѣстѣ, дѣла велъ постоянныя, и все только хлѣбомъ, больше ничѣмъ, никакими дѣлами не занимался.. Были у него въ разныхъ деревняхъ тоже постоянные знакомые по хлѣбной части, серьезные мужички, а въ городѣ онъ тоже доверителей не мѣнялъ, все больше съ однимъ кѣмъ-нибудь дѣла дѣлалъ. Знаете, чай, Пастуховыхъ? Ну вотъ съ ними съ однимъ онъ болѣе двадцати годовъ, окромѣ ни съ кѣмъ, никакихъ дѣловъ не дѣлалъ. И никогда въ покойникѣ родителѣ жадности не было: есть у него въ десяткѣ деревень знакомство, есть одинъ хорошій человекъ въ городѣ—и будетъ! Не такъ, какъ теперь, всякій нарываетъ цѣлую губернію одинъ захватить въ свои лапы, да и орудовать... Нѣтъ! Родитель не жадничалъ... Самъ бралъ, пользу и другимъ давалъ... Одно слово—велъ дѣло по чести и совѣсти, тихо и безъ всякаго азарта... И бѣдному человекѣ у него тоже отказу не было; и пропадало тоже немало, но родитель никогда не позволялъ себѣ, чтобы тамъ по судамъ или чтд... «Богъ съ ними!»—больше ничего!.. Бога онъ помнилъ, помнилъ крѣпко. Какъ, бывало, покончимъ дѣла или въ промежуткѣ, среди дѣта, ежель знаемъ, наприкладъ, что все дѣло поставлено вѣрно, сейчасъ, Господи благослови, куда нибудь на богомолье, по монастырямъ, въ Москву, въ Сергіевскую Лавру, въ Опучину Пустынь, къ разнымъ угодникамъ... Ѣздили неспѣша, полегоничку... Наглядимся, послушаемъ всякихъ дѣловъ—домой! Зиму ужъ безпремѣнно дома, и ужъ тутъ каждый день: либо отецъ Іоаннъ у насъ чай съ ромомъ пьетъ и газеты обсуждаетъ, либо мой родитель у отца Іоанна разговоръ ведетъ о пустынкѣ объ какой-нибудь, или такъ разговоръ слушали... Ну, и мы тутъ... То Милочка у насъ, то я у нихъ... Съ самыхъ раннихъ лѣтъ стали мы слышать отъ нашихъ родителей, что когда подростемъ, такъ они насъ непремѣнно женятъ... потому, лучше пары нѣтъ. Я тоже былъ не плохъ, одинъ сынъ, и притомъ, не нищій какой-нибудь; всѣ знали, да и самъ родитель мой не такъ, что у него есть достатокъ, и онъ не разъ поговаривалъ, что, въ случаѣ брака, всѣ дѣла сдѣстъ мнѣ, а самъ ужъ такъ будетъ вѣкъ доживать на покой. И у отца Іоанна тоже было не безъ достатку. Окромѣ того, мы изъ дѣтства другъ дружкой любовались. Такъ, что можно прямо сказать, съ дѣтства были влюблены другъ въ дружку... И даже такъ влюблены, что вполне навѣрно знали о своемъ бракѣ, оба дожидались... Бывало, Ѣдимъ мы съ отцомъ въ от-

лучкѣ, по святымъ ли мѣстамъ, такъ по дѣламъ ли въ деревняхъ, только и жду какъ бы домой. къ Милочкѣ... Но былъ я робокъ; она, правду сказать, посмѣлѣй была... побойчѣй, первая, бывало, за щеки обхватить и того... да! Разъ даже что... Да что ужъ! одно слово — смѣлая!.. Тормозить тебя, бывало, страсть! «Все равно, говорить, насъ съ тобой повѣнчаютъ». Ну, однакожь, ждали мы порядочно... Повѣнчали насъ, сударь мой, въ самое прекрасное время: пошелъ ей восемнадцатый годъ, а мнѣ ударилъ двадцать первый... Хотѣлъ-было родитель мой еще повременить—ну, только что согласія нашего на это не было... На что я въ ту пору былъ робокъ и родителя почиталъ, а тоже, однажды, не вытерпѣлъ и поднялъ щетину: «какъ же это мнѣ такъ можно... да!..» Правду надо сказать, что и Милочка тутъ меня много подгвазживала на упорство... Сама-то она ужъ вошла въ возрастъ потишѣла, а начала меня все на родителей натравливать... Бывало, такъ, что и на своего отца напустить меня... налетѣшь такимъ ястребомъ, смѣшно вспомнить... А главная причина—сталъ мой родитель похварывать, стали въ немъ старья разныя простуды открываться, вотъ по этому случаю и порѣшили насъ повѣнчать... А какъ насъ повѣнчали, тутъ родитель мой и порѣшилъ дѣла прекратить. «Живите, говорить:—какъ хочется... Заводите свое дѣло какое по вкусу...» И какое, милостивый государь, послѣ того для насъ настало удовольствіе, то даже, извините, этого невозможно представить... Поѣхали мы вдвоемъ, я да она въ городъ, повидаться съ отцовскими знакомыми, посовѣтоваться, что они присовѣтуютъ насчетъ дѣловъ; изъ города, вздумалось намъ, махнуть въ Москву, такъ какъ порѣшили мы завести вотъ эту самую лавку, въ которой тепереча разговоръ у насъ идетъ, а порѣшивши это дѣло, задумали закупать товаръ въ Москвѣ, изъ первыхъ рукъ. Дѣлать—такъ ужъ дѣлать. И что-жь? Мы въ Москвѣ съ Милочкой ни единнаго часу не разлучались: все вмѣстѣ и по лавкамъ, и по конторамъ, и вездѣ насъ московскіе купцы все вмѣстѣ видѣли и приглашаютъ на вечера, въ театръ... Были мы тутъ, прямо сказать, во всѣхъ мѣстахъ, и въ церквахъ, и во дворцахъ, и въ театрахъ, всего насмотрѣлись, всѣ, на примѣръ, древности, рѣдкости, мощи тамъ или, опять взять, картины разныя, статуи все—видѣли. И любопытно, и хорошо, и легко намъ было и ужъ такъ радостно, весело, слеза проникаетъ, какъ вспомянишь. Въ гостиницѣ-то, въ чижовскомъ подворьѣ, гдѣ мы стояли, и то какъ есть всѣ сосѣди нами двумя любовались. Какой-то старичокъ все глядѣлъ на насъ (тоже сосѣдъ) да снова прямо со слезами раздѣловалъ насъ обоихъ и перекрестилъ: «дай вамъ говорить, Богъ...» Право слово. Такое у насъ шло удовольствіе

мѣсяца полтора, покудова не обозначилось у Милочки положеніе. Затихла, идти никуда не хочетъ, и ко сну ее стало клонить... «Собирайся, говорить, домой, пора!..» Ну, я вижу, дѣло началось сурьезное... Сразу мы оба точно все московское перезабыли, точно даже не видали, только и думаемъ—домой добратся!.. «Строиться надо! говорить Милочка:—пора ѣхать!..» Скорехонько мы собрались и уѣхали строитья, лавку заводить, гнѣздо вить, для себя, для дѣтей... Жить-поживать...

IV.

«Все такъ и вышло, какъ по писанному: и домъ съ лавкою готовы, и торговля пошла, и дочь родилась... Домъ, извольте сами теперь видѣть, строенъ не кое-какъ; опричь лавки, для собственнаго семейства цѣлыхъ три покоя, пять оконъ на улицу; для родителя мезонинъ, съ теплымъ ходомъ изъ кухни. Все хорошо, однимъ словомъ. Но лучше всего — дочка-дѣвочка... И что это былъ за ребенокъ!

Разсказчикъ хотѣлъ говорить, но вдругъ горько заплакалъ...

«Нельзя этого описать... То есть, души мы не чаяли всѣ, и я, и Милочка, и старикъ-родитель, только тѣмъ и дышали, Ольгунькой любовались... Здоровый былъ ребенокъ, веселый, занятливый, словомъ сказать — отрада... И жили мы, такимъ родомъ, въ полномъ удовольствіи, и весело намъ всѣмъ, и мило, и дѣло пущено чисто, благородно—все шло такъ, лучше требовать невозможно...

«И вдругъ пошли со мной несчастія!.. Одною, сидѣлъ старичекъ-родитель съ Ольгунькой на крылечкѣ, нянчился, смотримъ, зашатался и словно будто падаетъ... Подбѣжали, подхватили Ольгуньку—такъ онъ и грохнулся... Что такое? Лежитъ человекъ безъ памяти, а съ чего взялось—неизвѣстно. Перенесли его въ покой, за фельдшеромъ съѣздили, привезли его ужъ на другой день. Поглядѣлъ онъ—«банки!» говорить. И за вати онъ ему тридцать пять штукъ... всю спину изрубалъ. А по-утру, родитель Богу душу отдалъ... Вы извольте только подумать, каково это было намъ съ Милочкой! Мы родителя всѣмъ сердцемъ почитали, потому онъ былъ для насъ чистый ангель-хранитель, самая кротость во плоти... И вотъ—померъ... Вчерась былъ живъ, шутилъ съ Ольгунькой, нонѣ лежитъ и не дышетъ... Призадумался я, точно что меня пришибло... Опустѣло кругомъ насъ съ Милочкой, только всего и оставалось отрады—Ольгунька. И вдругъ и Ольгунька помираетъ! Помираетъ въ одинъ сутки.

Что же это такое? Цѣлый день ребенокъ неизвѣстно отъ чего кричать, кричить не своимъ голосомъ, цѣлый день мы всѣ, и я, и Милочка, разныя женщины родственницы, мечемся, какъ угорѣлые, ничего не понимаемъ, не знаемъ, что это, отчего, какъ помочь... Даже фельдшера не могли привезти, потому на дворѣ стояла невылазная грязь. То есть, привезти-то его привезли, но ужь дѣвочка на столѣ лежала..

«Но ужь тутъ, доложу вамъ, опостыѣлъ мнѣ бѣлый свѣтъ. Даже такъ, что показалось мнѣ пріятнѣе вмѣстѣ съ Милочкой умереть, чѣмъ жить на свѣтѣ! Зачѣмъ домъ, зачѣмъ торговля, зачѣмъ мы съ Милочкой, все одна мотка, тоска, безнокойство, скука... Изъ-за чего жить на свѣтѣ?..»

«Которые изъ знакомыхъ видали меня въ ту пору, «лица, говорятъ, на тебѣ, Кузнецовъ, нѣту... Какъ бы съ тобой чего худого не было»... И въ правду, я и самъ, признаться, опасался... Да какъ же: все было хорошо, любезно, и вдругъ—пустыня, холодъ и тоска, и за-что? Отчего?... рѣшительно скажу вамъ, даже и совершенно никакой не было охоты жить... Даже съ Милочкой говорить не хочется... Объ чемъ говорить? Да и она сама не льнула ко мнѣ, все больше лежитъ къ стѣнѣ лицомъ и плачетъ... Вотъ въ такое-то время и приди ко мнѣ въ лавку одинъ человекъ... Даже прямо есть за что спасибо сказать, по крайности, самъ я много благодаренъ. Теперече, ежели Богъ дастъ, воротится Милочка благополучно—совсѣмъ у меня другая будетъ политика... Аптекарю спасибо. Онъ всему тутъ дѣлу корень...

«Приходить, стало-быть, этотъ самый аптекаръ ко мнѣ въ лавку; отпустилъ я ему что требуется и сѣлъ въ свой уголокъ за прилавкомъ—молчать и горемъ своимъ мучиться... Только аптекаръ-то и говорить:

«— Что это, хозяинъ, пригорюнился?

— Что-жь, говорю будешь дѣлать... видно, ужь такъ Богу угодно... и рассказалъ ему, какъ дѣвочка умерла и какъ померъ родитель...

«— Ну, говорить аптекаръ:—насчетъ родителя—дѣло ужь совсѣмъ плевое, не воротись, а насчетъ дѣвочки печалиться тебѣ нечего. Другія будутъ...

— Охоты, говорю, у меня ужь нѣту...

«— Будто!.. Какъ же это такъ? Къ этому-то, говорить, нѣтъ охоты?.. Какой же ты, послѣ этого, говорить, купецъ? И сталъ онъ тутъ меня язвить.

«— Вѣдь, у васъ, говорить, только и дѣла, что за прилавкомъ сидѣть, денежки получать, да съ женой спать... Ну, какія

*

же у тебя больше дѣла-то. Ёдите да спите съ женами! Больше ничего?... И дѣтей народите, тоже будутъ за прилавкомъ сидѣть, денежки считать...

— Помирають, вотъ, наши дѣти то...

«— Да ты развѣ думалъ когда, отчего это они помирають и нельзя ли какъ-нибудь такъ сдѣлать, чтобы не помирали? Ну, знаешь ли ты, отчего твоя дѣвочка кричала... Вѣдь, кричала?

— Кричала цѣлый день...

«— А ты съ женой только смотрѣли и ахали?..

Что-жь я буду отвѣчать? «Такъ точно, говорю...»

«— Ну, вотъ видишь, говорить:—рожать умѣете, а даже ходить не умѣете, не знаете, что вредно, что полезно... Это и поросяти такъ-то за дѣтьми ходять...

И потомъ, говорить, ежели ты самъ ничего не знаешь, какъ же ты дѣтей-то своихъ воспитывать будешь? А, вѣдь, такъ пооди, чай, учить начнете, за вихорь, розги, палкой... «Добру!..» называется... Сами—невѣжи круглыя, а берутся учить, точно въ самомъ дѣлѣ знатоки... Куда вамъ! ужъ вы рожайте только, это—вотъ ваше дѣло».

Дѣдаль я ему разныя представленія въ свою пользу, однакожь, онъ меня опровергъ:

«— Ты, говорить, скажи одно: кричала дѣвочка?

— Кричала!

«— Цѣлый божій день кричала не своимъ голосомъ?

— Точно такъ, говорю.

«— И оба вы съ своей женой — «родители», «воспитатели» ничего не знали: что? какъ? отчего? Не знали?..

— Точно, что не знали...

«— Гдѣ болить? въ головѣ ли, въ животѣ ли, въ спиѣ ли?.. Ничего не знали?

— Ничего! Кричитъ!..

«— Ну, такъ сами вы ее и уморили... И другая будетъ — и другую уморите...»

Такъ меня и обожгло отъ этихъ словъ...

— Что ты, говорю, другъ любезный, прикуси языкъ-то.

«— Прощай, говорить.—Тоже «родители» называются.. почитай ихъ!..» И ушелъ.

V.

«Кажется, ужь довольно дерзко обошелся, а чтожь бы вы думали? Задумался я надъ этими словами... И даже такъ задумался, что въ городъ къ аптекарю поѣхалъ и книжки даже брать читалъ. Судите сами: былъ ли счастливѣй меня человекъ? Чего мнѣ не доставало? Все у меня было и все я получилъ, такъ, по-крайности, мнѣ представлялось. Лѣтъ пятнадцать къ ряду только и дышалъ Милочкиной любовью; пережилъ съ нею годъ только счастья, какого никому и во снѣ не приснится; зналъ что такое радости семейной жизни, что за счастье быть отцомъ, и вдругъ, одно за другимъ, два несчастія, потомъ пустота голая и сознание собственнаго невѣжества... А насчетъ невѣжества я понялъ сразу, послѣ одного только разговору, и тутъ же, какъ только аптекарь изъ лавки вышелъ, почувствовалъ я, что во второй разъ я ужь не буду съ Милочкой счастливъ такъ, какъ до несчастій.. До несчастій я жилъ, точно птица порхалъ, теперь мнѣ представляется, что порхать ужь я не буду, я узналъ о своемъ невѣжествѣ... А что всего обиднѣй, въ Милочкѣ-то, кромѣ жены, кромѣ хорошенькой, милой женщины... я ужь тоже — истинно противъ воли—также невѣжду увидалъ... Кого представляю, кои вспомню, какъ это мы оба глухие, тупоумные, бились ночью съ дѣвочкой, ничего-то не понимая, такъ и почувствую къ Милочкѣ что-то нехорошее, то есть что-то какъ будто злитъ... Думаешь иной разъ — хоть бы подумала — отчего это и какъ... А смотреть, какъ человекъ мучается и не думаетъ — тошно... вѣрное слово...

«Скучно мнѣ, пусто на душѣ было; надобенъ мнѣ былъ какъ всякому человекъ интересъ... А опять съ Милочкой ту же любовь продолжать не было ужь интересно, потому что первое время самой задушевной любви окончилось вздоромъ, мученіемъ душевнымъ, обозначило въ насъ обонкъ, прямо сказать, мѣдлоболіе... Поднялась моя любовь, по этому случаю, градусомъ повыше, сталъ я любить другое... Сталъ я влюбляться въ размышленія, въ сужденія... И повѣрите ли, въ слова, въ мысли, которыя пошли у меня ходить въ головѣ, я также точно сталъ влюбляться, какъ въ Милочку... Однава, аптекарь (это ужь въ городѣ какъ-то случилось) показалъ мнѣ тамъ такую штуку — чашка съ водой, вода, какъ есть чистая, комнатная, и вдругъ подсыпали чего-то, что же? въ одну минуту замерла, а было лѣто... Такъ что со мной было, еслибы

ны только знали?.. Такое охватило меня невѣдомое блаженство, такая радость какая-то (и истинно самъ не знаю, отъ чего?), ну ни съ чѣмъ сравнить невозможно... Точь-въ-точь такъ же у меня забилось сердце, заняло, таково весело, и въ голову точь-въ-точь такъ ударило, какъ бывало съ Милочкой, до свадьбы еще случалось, если иной разъ долго не видимся, да вдругъ гдѣ-нибудь въ темномъ мѣстѣ и... вотъ!.. Прямо вамъ сказать, началась у меня другая любовь, выше, и много любопытнѣй, такъ, по крайности, въ ту пору мнѣ представлялось...

— А съ Милочкой, спросилъ я:—разговаривали вы о вашихъ мысляхъ?

— Нѣтъ! въ томъ-то и бѣда вся, что не разговаривалъ... А почему я не разговаривалъ, потому что въ головѣ-то у меня стояло *все амьсть*, а по отдѣльности — ничего не было... Все, о чемъ я отъ роду не думалъ, все у меня стало подниматься въ головѣ сразу, цѣлыми ящиками, оптомъ, если сравнить по торговому... Я бы и радъ говорить съ ней, но ничего бы путнаго не сказалъ... Я чуялъ, что не сумѣю заставить ее заинтересоваться тѣмъ же самымъ, что меня захватило... Слово у меня не было, не зналъ, съ какого конца взяться, откуда захватить, а главное, не утаю, не въ обиду Милочкѣ будь сказано, казалось мнѣ, что плюнетъ она на всѣ мои разговоры—и больше ничего. Не пойметъ-съ. Неинтересно ей это... Сердцо меня и то, что я самъ съ мыслями не разобрался, сердцо и то, что и Милочка ихъ не пойметъ... а, главное, вотъ что меня не то, что сердцо, а прямо вводило даже въ гнѣвъ: сказывалъ я вамъ, что послѣ несчастій мнѣ такъ было тоскливо и тяжело, что я даже и отъ Милочки какъ-то сталъ поотставать, да и она тосковала и молча мучилась... Съ тѣхъ поръ, какъ произошло во мнѣ это самое превращеніе, самому мнѣ стало легче; я тосковалъ по дѣвочкѣ, точно и иной разъ просто даже до слезъ тосковалъ, но ужъ у меня было лекарство, занятіе... Иной разъ раздобудешь книгу, какого-нибудь, напримѣръ, Жуля Верна, напролетъ всю ночь... Помните, какъ одинъ англичанинъ выстрѣлилъ въ мѣсяцъ... То-есть, всю ночь напролетъ... И рвусь я, что дальше, то больше... И все мнѣ пріятнѣй, хитрѣй, мудренѣй, прямо сказать, забористѣй... А между прочимъ, слышу, что Милочка не тѣмъ нарвится вылетѣться... Жаль мнѣ ее, вотъ какъ, до слезъ, т. е. до кровавыхъ слезъ жаль... Теперь, Богъ дастъ воротится, я все ей сдѣлаю, все предоставлю, словомъ—теперича у насъ съ ней совсѣмъ другой разговоръ пойдетъ... Но тогда, когда я влюблялся, съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй, въ другое дѣло, въ новое, любопытное, умное, и каково это мнѣ было слышать тотъ, напри-

мѣрь, разговоръ: «вотъ погоди, опять ребенокъ будетъ, опять поправнись, все какъ рукой сниметъ!» Это говорили Милочкѣ всѣ ея родственницы, всѣ бабы, какія только въ домѣ не были... Всѣ одинаково полагали, что необходимъ опять ребенокъ, чтобы вновь жизнь получила смыслъ... Каково мнѣ это было слышать каждую минуту, когда ужъ самъ-то я на другой смыслъ наскочилъ: сидать ли за самоваромъ, отдыхать-ли на крылечкѣ, въ кухнѣ-ли соберутся, все одинъ разговоръ: «Вотъ ребенокъ будетъ!» «Вы съ мужемъ люди молоды—чего тамъ! Вотъ хитрое дѣло, подумаешь!..» И что-жъ вы думаете? Однажды слышу, Милочка разговариваетъ съ одной бабой и говоритъ ей: «Вотъ, когда у меня ребенокъ будетъ, я тебя въ кормилицы.» То-есть, и званія никакого нѣтъ, насчетъ чтобы ребенка, а ужъ кормилицу приторговываютъ... Что жъ я-то такое? Да какъ это не стыдно, думаю, не подумать хоть бы о томъ, что, вѣдь, и второго уморимъ ни за что ни прочтѣ!.. Вѣрите-ли, даже упорство какое-то во мнѣ стало дѣйствовать... Точно вотъ врагъ какой между мной и Милочкой появился... Уклоняюсь я отъ нея... И намѣренія-то ея мнѣ куда не по душѣ... Забьюсь въ лавку съ какимъ-нибудь сочиненіемъ, съ мѣста, кажется, шестеркой лошадей несворотить... «Иди чай пить!» Нѣтъ, думаю, знаю я ваши намѣренія—не хочу. «Иди ужинать!» Опять я не хочу... А тамъ все разговариваютъ про то же самое... И стали даже такъ поговаривать: что же это за мужъ? Это что въ хорошихъ семействахъ не допускается... Эдакимъ вотъ манеромъ... И сталъ я, прямо скажу, даже ожесточаться... И что-же? Однажды ночью, не помню ужъ что у меня въ головѣ было, только ужъ совсѣмъ, совсѣмъ не тѣ... гляжу, Милочка сама дошла ко мнѣ изъ спальни... взяла такъ-то за плечо и смотреть... какъ понялъ я этотъ взглядъ, сразу рвануло меня по всей внутренности—«убирайся ты прочь отъ меня...» То-есть, не своимъ голосомъ гаркнулъ.

Съ этой самой минуты, все и помутилось въ дому!..

VI.

Поглядѣлъ бы кто на насъ въ ту пору, злѣй насъ, кажется, на свѣтѣ не было. И съ Милочкой-то что случилось—уму не постижимо.—«Такъ такъ-то! хорошо-же!» къ отцу—отецъ ко мнѣ съ увѣщаніемъ; за родней—за старичками, за старушками—настоящій съѣздъ, земское собраніе... Милочка плачетъ и жалуется, а мнѣ ни капельки не жалко, т. е. вотъ хоть бы капелька... Теперича я знаю: она тоже не знала, что дѣлала, ей также

Богъ вѣсть, что мерещилось... Ну, только я ужь тутъ совсѣмъ ожесточился... Помилуйте, скажите: хотятъ меня, напримѣръ, силкомъ, къ этому самому порядку привести.—«Какъ не стыдно! Ни Бога въ тебѣ нѣтъ, ни совѣсти!.. И что это такое!» Это я съ утра до ночи слышу сутокъ двое къ ряду. А то такъ просто стали обзывать меня «подлецомъ!» «Какой это мужъ? это, говорятъ—подлецъ изъ подлецовъ». Дальше да больше—вдругъ отецъ Иванъ подступилъ ко мнѣ съ непороткомъ: — «Ты что жъ это, такой сякой? а?.. да не говоря худого слова—баць меня по уху, баць по другому... Племянникъ-дьяконъ услыхалъ—подлетѣлъ, развернулся—хлопъ! хлопъ.! «Ну, ужь тутъ и я изъ всякихъ границъ вышелъ... Милочка было за меня заступаться стала, «нетроньте, нетроньте его»; но ужь у меня не оставалось снисхожденій. «Сама, говорю, заварила этотъ срамъ да заступаться? Вонъ! И принялся содѣйствовать! Что тутъ такое было—уму непостижимо! Тутъ были въ ходу и кнутыя, и метла, и самоваромъ кто-то скотилъ меня по головѣ, и Жюль Верна я разшибъ (какъ есть всю книгу съ рисунками) объ чью-то морду—ужь не помню—и всѣ въ крови съ синяками, съ раздутыми щеками—то есть Богъ знаетъ что!.. И все это—на народѣ; собралась вся деревня, ревъ, плачь. «Исполнай законъ!» вопіють. Хохотъ, срамъ!..

«Въ тотъ же часъ, послѣ этого боя, я ударился прямо въ кабакъ, и съ этого сраму сталъ пьянствовать... Слышу, вдобавокъ ко всему, распознали, что я къ аптекарю хожу, присодѣйствовали обо всемъ къ исправнику, все перерыли и всѣхъ моихъ знакомыхъ въ скорости предоставили къ благоусмотрѣнію—ну, словомъ, осрамили меня въ самомъ полномъ размѣрѣ... Тутъ-то вотъ и сталъ я безобразничать и въ свою голову добезобразничался до суда, да и Милочку съ ума свелъ».

Оставляю неразсказанными много неудобныхъ для печати подробностей, касающихся болѣзни бѣдной деревенской женщины. Сколько перестрадала эта жертва «неожиданнаго деревенскаго случая!..» Припоминая всю эту исторію, съ ужасомъ вспоминаешь разговоръ челыка и разговоръ о леченіи больной.

— Ты какъ же съ ней справлялся-то?

— Какъ? Извѣстно, палкой... коли не слушаетъ резонъ... У меня даже у самаго руки опухли... Синяя вся отъ побоевъ, да же слеза прошибла... Потому возжами орудовалъ...

Г. Изяновъ.

ОЧЕРКИ ПОДВОРНОЙ РОССИИ.

ОЧЕРЪКЪ ВТОРОЙ.

III.

Когда шли толки объ освобожденіи крестьянъ, то большинство людей, стоявшихъ за «освобожденіе съ землею», хлопотало о томъ, чтобы крестьянамъ была отведена въ собственность та самая земля, которою они пользовались при крѣпостномъ правѣ. Нѣкоторые при этомъ указывали, что необходимо съ теченіемъ времени предоставить освобождаемымъ возможность увеличивать свои надѣлы—покупкою земли у помѣщиковъ или другимъ способомъ; иные упоминали даже о будущихъ переселеніяхъ на свободныя казенныя земли. Но большинство оставляло въ сторонѣ эти преждевременныя соображенія, рассуждая, приблизительно, такимъ образомъ: если, при помѣщикахъ крестьяне довольствовались доходами съ своихъ участковъ, то, ставши вольными людьми и притомъ собственниками, они навѣрное сумѣютъ воспользоваться своими надѣлами: не даромъ же утверждаютъ, что свобода и собственность творять чудеса.

Наступило 19-ое февраля. Къ великому удовольствію однихъ, крестьянамъ были отведены въ надѣлъ тѣ же самыя земли, которыми они владѣли до освобожденія; къ меньшей радости другихъ, размѣры этихъ земель подверглись измѣненію. Въ какомъ направленіи произошло измѣненіе, видно изъ того обстоятельства, что въ Полтавской Губерніи каждая крестьянская «душа» получила всего по 1,8 десятины вмѣсто 2,8 дес., а въ Черниговской—по 3,3 дес. вмѣсто 3,8¹. Если не считать простодуш-

¹ Въ Положеніи 19-го февраля, вышій размѣръ надѣла полевой и усадебной земли опредѣленъ для 14-ти уѣздовъ Полтавской Губерніи въ 2³/₄ дес., а для одного уѣзда—въ 3¹/₂ дес. на душу, т. е., среднимъ числомъ, въ 2,8 дес. Какъ видно изъ таблицъ Тройницкаго, въ этой губерніи, въ моментъ освобожденія, числилось 325,474 души крѣпостныхъ, которые должны бы были получить

ныхъ крестьянъ, отказавшихся отъ земли изъ желанія увидѣть, какъ «поскачутъ» помѣщики, да новоявленныхъ дворовыхъ людей, о которыхъ упоминалось въ прошломъ этюдѣ, то сокращеніе это произошло на совершенно легальномъ основаніи. Для каждой мѣстности, какъ извѣстно, былъ опредѣленъ максимумъ и минимумъ или высшій и низшій размѣръ надѣла¹, и земля исчислялась на все сельское общество, а не по отдѣльнымъ дворамъ. Если владѣнія какого либо сельскаго общества оказывались больше узаконеннаго максимума, то помѣщикъ могъ отрѣзать излишекъ земли въ свою пользу; если владѣнія эти были ниже минимума, то онъ обязанъ былъ прирѣзать обществу земли (Пол., ст. 13 и 14). Хотя, во время крѣпостного права, распределеніе земель между крестьянами было крайне наравномѣрно (встрѣчались многоземельные двory рядомъ съ «нищетными» и убогими семьями), но понятно, что, въ сложности, владѣнія дѣлаго сельскаго общества часто превышали установленный минимумъ, а при этомъ условіи помѣщикъ уже освобождался отъ обязанности прирѣзать крестьянамъ земли. Ставя интересы помѣщиковъ далеко не на послѣднемъ планѣ, законъ, кромѣ того, постановляетъ, что, еслибъ въ распоряженіи помѣщика, послѣ надѣленія крестьянъ, осталось меньше третьей части общаго количества угодій, то онъ, въ ущербъ крестьянамъ, можетъ оставить за собою третью часть удобныхъ земель, съ тѣмъ, впрочемъ, ограниченіемъ, чтобы надѣлъ, которымъ крестьяне пользовались до освобожденія, «не былъ уменьшенъ противъ установленнаго нынѣшаго размѣра» (ibid., ст. 14). Понятно, что, при изобиліи въ нашихъ губерніяхъ помѣщичьяго элемента, эти постановленія закона не могли особенно благоприятно отразиться на крестьянскомъ землевладѣніи. Теперь можно посѣтить много селъ и деревень, нигдѣ не встрѣчая надѣла «высшаго размѣра». Къ сожалѣнію, констатировать точными данными, что большая часть крестьянъ, особенно въ Полтавской Губерніи, получили минимумъ надѣла, т. е. только половину нормальнаго участка, нѣтъ никакой возможности. Точно также трудно опредѣлить,

911,299 дес., между тѣмъ какъ въ дѣйствительности они получили 644.435 дес., т. е. на цѣлыхъ 266,860 дес. меньше. Для Черниговской Губерніи максимумъ надѣла опредѣленъ былъ такимъ образомъ: для 9¹/₂ уѣздовъ по 4 дес. на душу, для 8-хъ уѣздовъ по 4¹/₂ дес. и для 2¹/₂ уѣздовъ по 2³/₄ дес., т. е., среднимъ числомъ, по 3,» дес. Въ моментъ освобожденія тамъ было 240,721 ревиз. душа крѣпостныхъ крестьянъ, которые должны были бы получить 936,405 дес., но на самомъ дѣлѣ получили 794,379 дес., т. е. на 142.026 дес. меньше, чѣмъ слѣдовало.

¹ Въ «малороссійскихъ» губерніяхъ низшій размѣръ надѣла былъ принятъ въ половину высшаго.

сколько именно досталось крестьянам «других угодий», о которых упоминается в манифесте 19-го февраля; можно только догадаться, что эти «другія угодья» отводились имъ рѣдко, въ видѣ счастливыхъ исключеній — и опять на вполне легальномъ основаніи. До освобожденія, крестьяне, какъ извѣстно, пользовались помѣщичьими выгонами, лугами и лѣсами, пользовались бесплатно или за какія-нибудь услуги. Но вотъ, согласно Положенію, произошло разверстаніе земель и угодій, и рѣдко въ какой деревнѣ можно увидѣть крестьянскій лугъ, не всегда даже попадается и выгонъ, а о лѣсахъ и говорить нечего. Кто бывалъ въ южно-русскихъ деревняхъ, тотъ знаетъ, какъ, напримѣръ, отразилось на крестьянскихъ надѣлахъ право помѣщиковъ отводить крестьянамъ новые покосы и пашни взаменъ покосовъ и пашенъ, которые находились среди господскихъ лѣсовъ (ibid., ст. 52). Луговъ здѣсь вообще немного (въ Полтавской Губерніи на одного жителя приходится 0,53 дес., а въ Черниговской 0,42 дес.), лѣсовъ еще меньше (въ первой губерніи на одного жителя приходится 0,09 дес., а во второй—0,32 дес.), и для помѣщиковъ важно было оставить за собой эти угодья. Къ тому же, законъ не обязываетъ помѣщика отпустить освобожденнымъ крестьянамъ ни топлива, ни лѣса для построекъ (ibid., ст. 33 и 34); а кустарникъ, находившійся въ поляхъ крестьянъ и состоявшій въ ихъ постоянномъ пользованіи, хотя предоставлялся имъ и на будущее время, но земля подъ кустарникомъ засчитывалась въ надѣлъ (ibid. ст. 21), и его пришлось, конечно, вырубить. Неудивительно поэтому, что у крестьянъ встрѣчается весьма мало «другихъ угодій».—Впрочемъ, еще неизвѣстно, процвѣтало ли бы сельское населеніе, даже получивши максимумъ земли, проектированный для его благополучія Положеніемъ, и соответственное количество «другихъ угодій». «Не въ тѣмъ сила, що кобыла сива, а въ тѣмъ, якъ везе», говоритъ южно-русская поговорка; высокое качество земли, производительная ея сила и доходность имѣютъ такое же, если не болѣе важное значеніе, какъ и ея размѣры. Крестьяне, по закону, должны были получить въ надѣлъ только удобныя земли, а не «пески, болота, каменные и глинистые овраги и т. п.» (ст. 19 и 20). Но это—одно изъ тѣхъ благихъ намѣреній, которыми, какъ извѣстно, устланъ путь въ адъ: не говоря уже о томъ, что подчасъ у крестьянъ можно встрѣтить именно песокъ или болото вмѣсто тучной нивы, законъ самъ, такъ сказать, наложилъ на себя руки, опредѣливъ, что крестьяне должны получить ту же землю, которою пользовались при крѣпостномъ правѣ. А въ это приснопамятное время помѣщикъ не имѣлъ побу-

дательныхъ причинъ отводить своимъ крѣпостнымъ земли высшаго качества. Въ нашихъ губерніяхъ, кромѣ того, помѣщики болѣею частью сами занимались хозяйствомъ и почти безвыѣздно жили въ своихъ имѣніяхъ; барщина здѣсь, поэтому, была въ полномъ ходу, и оброчныя отношенія встрѣчались сравнительно рѣдко. Понятно, что лучшими землями владѣли помѣщики, а худшія предоставлены были крестьянамъ, и Положеніе укрѣпило ихъ за ними. Точно вычислить теперь, во сколько именно разъ помѣщичьи земли производительнѣе крестьянскихъ, нѣтъ, конечно, никакой возможности; но изъ отдѣльныхъ примѣровъ можно видѣть, что фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ, по словамъ одного землевладѣльца, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, десятина ржи доставляла въ Полтавской Губерніи помѣщику до 100 пудовъ (Труд. ком. для изсл. пол. сельск. хоз., VI, I, 56), между тѣмъ какъ тамошній крестьянинъ получалъ тогда до 70 пудовъ (*ibid.*, 272). Въ Полтавскомъ Уѣздѣ, по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, урожай ржи на крестьянскихъ земляхъ въ 1874 году былъ самъ 5,5, пшеницы—самъ 5,1, а на поляхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, по ихъ собственнымъ словамъ, урожай ржи былъ самъ 9, пшеницы—самъ 7,6; въ 1875 году, на крестьянскихъ пашняхъ урожай ржи былъ самъ 2,8, пшеницы—самъ 1,6, между тѣмъ какъ на земляхъ помѣщиковъ урожай ржи былъ—самъ 6, пшеницы—самъ 4. Какъ ни скудны эти данныя, но онѣ, кажется, поясняютъ, что крестьянамъ—на легальѣйшемъ. впрочемъ, основаніи—достались не Богъ знаетъ какія плодородныя земли.

Въ такомъ, приблизительно, видѣ вышли крестьянскіе надѣлы изъ рукъ творцовъ, послѣ того, какъ была объявлена «воля». На нихъ, выражаясь словами Лира, не было «ни шерсти отъ овцы, ни кожи отъ дикаго звѣря»; это были небольшіе урѣзанные участки земли, не особенно гучные, болѣею частью безъ пастбищъ и лѣсовъ. Ни время, ни случайныя обстоятельства не могли, конечно, измѣнить къ лучшему этихъ основныхъ свойствъ. Волей-неволей, крестьяне должны были пользоваться своими надѣлами, каковы они были: крестьянамъ слѣдовало «обеспечить свой бытъ», имъ необходимо было «исполнить свои обязанности предъ правительствомъ», а это были далеко не легкія задачи. Понятно, что не вездѣ задачи эти разрешались съ одинаковою трудностью. Встрѣчаются мѣстности, гдѣ крестьяне получили надѣлы «высшаго размѣра» (напримѣръ, въ Ковтопскомъ Уѣздѣ Черниговской Губерніи), но есть мѣстности—и такихъ несравненно больше:—гдѣ имъ достался минимумъ земли. Къ сожалѣнію, вопросъ о распредѣленіи земли по отдѣльнымъ мѣстностямъ

и между отдельными категориями бывших помещичьих крестьян¹ у насъ вовсе не затронуть; но и среднія цифры говорятъ намъ, что крестьянамъ было отведено земли меньше, чѣмъ слѣдовало. Мѣстные землевладѣльцы и земства тоже постоянно заявляютъ, что у крестьянъ земли весьма мало. «Надѣлъ не вполне обезпечиваетъ крестьянъ, замѣчаетъ одинъ полтавскій землевладѣлецъ:—безъ сомнѣнія, еслибъ у крестьянъ былъ избытокъ земли, то не затѣмъ было-бы имъ наниматься за деньги или нанимать чужую землю» (Тр. ком. для изсл. п. с. х. V, I, 3); по словамъ другого землевладѣльца, «крестьяне слабо надѣлены землею, и для нихъ уплата повинностей очень тяжела: главный доходъ ихъ въ личномъ трудѣ, и земля только обезпечиваетъ продовольствіе» (ibid., I, I, 115). Въ Черниговской Губерніи, по заявленію сосницкой управы, «весь доходъ съ крестьянской земли не хватаетъ на уплату однихъ только платежей» (Тр. Под. ком., XXII, III, 653); въ лучшей, южной части этой губерніи «крестьяне получаютъ съ земли только продовольствіе», а въ злополучныхъ сѣверныхъ уѣздахъ положеніе ихъ совсѣмъ уже плачевное: «хлѣба во многихъ волостяхъ Мглинскаго Уѣзда достаетъ только до 1-го декабря, а въ Суражскомъ у 90% только до 1-го октября, и къ веснѣ въ хлѣбъ начинаютъ примѣшивать конопляные жмыхи» (Янсонъ. «Опытъ»..., 74—21). Если гласъ народа есть дѣйствительно гласъ правды, то постоянныя и энергическія жалобы крестьянъ на малоземеліе могутъ служить лучшимъ выраженіемъ той истины, что земли у нихъ оказалось мало не «съ теченіемъ времени», какъ предполагали иные, а немедленно же послѣ 19-го февраля. Это обстоятельство должно было тяжело отозваться и на хозяйствѣ, и на всемъ бытѣ крестьянъ 2. Поли-

¹ Разсчетъ этотъ не можетъ быть слѣланъ, какъ слѣдуетъ, даже и приблизительно. Въ Полтавской Губ., по даннымъ Выкупн. Учреж. за 1876 годъ, 201,036 крестьянамъ, приступившимъ къ выкупу, принадлежитъ 898,824 дес.; остальные 245,611 дес. распределяются между крестьянами временно-обязанными (75,726) и выкупившими свои надѣлы безъ содѣйствія правительства (7,317 душъ). Въ Черниговской Губ., по свѣдѣніямъ за 1872 годъ, 186,644 крестьянамъ, приступившимъ къ выкупу, принадлежитъ 626,321 дес.; остальные 168,058 дес. распределены между другими группами бывшихъ крѣпостныхъ, получившими надѣлы (приблизительно 50,900 душъ).

² Существуетъ, впрочемъ, мнѣніе, что бытъ крестьянъ вовсе не такъ тѣсно связанъ съ ихъ хозяйствомъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. «Я строго различаю, говоритъ одинъ черниговскій землевладѣлецъ:—улучшеніе быта отъ улучшенія крестьянскаго хозяйства, считая, что бытъ крестьянъ находится не въ исключительной зависимости отъ ихъ хозяйства. Съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, крестьяне приобрѣли въ полную собственность свое время, производительное употребленіе котораго, и помимо ихъ собственнаго хозяйства, можетъ доставлять имъ значительные заработки, и поэтому (?) улучшеніе ихъ быта можетъ происходить не только при отсутствіи улучшенія въ ихъ хозяй-

тическая экономія учить, что земледѣлец можетъ приложить свои труды и усилія производительнымъ образомъ только къ такому участку земли, который не слишкомъ великъ для его рабочихъ силъ, но и не слишкомъ малъ для нихъ. Крестьянскіе участки, по размѣрамъ своимъ, вовсе не соответствовали рабочимъ способностямъ и силамъ земледѣльцевъ (вѣдь, надѣленные крестьяне обрабатывали и окрестныя помѣщичьи земли), и понятно, что ни о какихъ усовершенствованіяхъ въ ихъ хозяйствѣ не могло быть и рѣчи. Скучно надѣленные землею, обложенные непомерными платежами, крестьяне не обрабатываютъ хорошо своихъ участковъ, потому что, какъ заявлено было въ комиссіи, «не имѣютъ для этого ни времени, ни средствъ» (Тр. ком. для изсл. и. с. х., VI, II, 78). Они не могутъ содержать значительное количество домашнего и рабочаго скота, потому что, «не имѣя собственныхъ выгоновъ, принуждены за нихъ платить или отработывать» (ibid., 79); и неизвѣстно, какая изъ двухъ причинъ, о которыхъ заявили мѣстные землевладѣльцы, больше содѣйствуетъ уменьшенію крестьянскаго скота—частые ли падежи (чума посѣщаетъ наши губерніи каждыя 4—5 лѣтъ), или высокая плата помѣщику за пастбище (въ Полтавскомъ, напримѣръ, Уѣздѣ за каждую голову скота крестьянинъ долженъ или заплатить помѣщику по 5 р. въ лѣто, или выкосить по десятинѣ луга). О замѣнѣ допотопныхъ орудій новыми, объ измѣненіи системы земледѣлія, завѣщанной отъ предковъ, о переходѣ къ интенсивной культурѣ — здѣсь нѣтъ и помину. Хроническіе дефициты въ бюджетѣ, необходимость прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ и какой то невеселый, сѣрый отпечатокъ на всей обста-

ствѣ, но и при его удачѣ (!) (Тр. ком. для изсл. и. с. х., VI, II, 16). Мнѣніе это было высказано очень оригинальнымъ землевладѣльцемъ, который, напримѣръ, «позволяетъ себѣ прямо отрицать существованіе какого-либо общаго права у крестьянъ» (ibid., 17). Есть взгляды настолько самобытныя, что ихъ можно только игнорировать. Но, къ сожалѣнію, комиссія, изслѣдовавшая положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи, усвоила себѣ этотъ взглядъ и занесла его, какъ собственный, въ свой докладъ. А это уже измѣняетъ дѣло. Когда шла рѣчь объ освобожденіи крестьянъ, то предполагалось надѣлить ихъ такимъ количествомъ земли, чтобы они были хозяевами, т. е. чтобы земля обезпечивала ихъ существованіе. Быть крестьянъ, ихъ матеріальное положеніе должны были зависѣть исключительно отъ ихъ хозяйства. Со дня освобожденія крестьянъ вовсе не прошло еще такъ много времени, чтобы объ этомъ можно было позабыть. Между тѣмъ, принимая мнѣніе оригинальнаго землевладѣльца, комиссія какъ-бы заявляетъ, что не земля обезпечиваетъ крестьянина; что послѣдній считается собственникомъ, хозяиномъ по недоразумѣнію, что, въ сущности, онъ—не хозяинъ, а просто сельскій рабочій, все богатство, весь бытъ котораго зависятъ отъ заработковъ. Фактически это, къ несчастію, такъ; но между существующимъ и тѣмъ, что должно существовать, большая разница, и комиссія напрасно упустила это изъ виду.

новѣ, отпечатокъ нужды и убогой жизни — таковы естественныя послѣдствія скудныхъ надѣловъ, малоземелія.

Но далеко не всѣ детали печальной картины крестьянскаго хозяйства могутъ быть объяснены одною только этою причиною. Какъ, напримеръ, объяснить, что крестьяне стараются «отдѣлаться» отъ земли, бросаютъ ее или продать?—Малоземельному человѣку, кажется, было-бы болѣе свойственно стремиться приобрѣтать землю. Или хотя-бы ежегодныя запашки. Какой сельскій хозяинъ, сколько-нибудь понимающій свои интересы, сталъ-бы такъ безрассудно истощать свой капиталъ? Очевидно, что ни эти явленія, ни продажа земледѣльческихъ орудій за безцѣнокъ, ни пониженіе нормы потребностей, которое замѣчается въ отдѣльныхъ семьяхъ, ни многіе другіе злобѣщіе симптомы раззоренія и обнищанія не могутъ быть объяснены поголовнымъ малоземеліемъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: если-бы малоземеліе было дѣйствительно причиною указанныхъ явленій, то они, понятно, должны были-бы встрѣчаться здѣсь повсюду, у всякаго бывшаго крѣпостнаго. А между тѣмъ, ничего подобнаго нѣтъ. Какъ сословіе, какъ рѣзко очерченная закономъ группа людей, бывшіе крѣпостные всѣ получили недостаточное количество земли; отдѣльныя мѣстности, конечно, различаются между собою по свойствамъ почвы, по размѣрамъ надѣловъ, но въ каждой мѣстности, въ каждомъ селеніи и земля, и доходъ съ нея, и дефициты въ бюджетѣ должны были-бы распределяться равномерно между всѣми жителями. Между тѣмъ, это встрѣчается весьма не часто. Напротивъ того, здѣсь, какъ въ муравейникѣ, замѣчается постоянное передвиженіе, перераспределеніе, перетасовка движимаго и недвижимаго имущества; замѣчаются ежегодныя запашки рядомъ съ трехпольною системою, нищета и раззореніе рядомъ съ относительной зажиточностью. Всѣ эти явленія объясняются не малоземеліемъ, а только гибельными свойствами той аграрной системы, которой, къ несчастію, придерживалось мѣстное сельское населеніе.

Читатель, удостоившій своимъ вниманіемъ нашъ первый этюдъ, видѣлъ, какъ обычай личнаго землевладѣнія и равномернаго наслѣдованія—видъ личной поземельной собственности, господствующій въ нашихъ губерніяхъ—измѣняетъ къ худшему общественное положеніе крестьянина, постепенно превращая его изъ собственника въ пролетарія. Но параллельно съ процессомъ обезземеливанія, рука объ руку съ нимъ, идетъ другой процессъ, процессъ паденія хозяйства. Благодаря обычаю дѣлить землю и имущество на равныя доли между наслѣдниками, въ распоряженіи земледѣльца остается мало рабочихъ рукъ, мало земли

мало орудій и рабочаго скота. Естественно, что обработка земли и другіе хозяйственные акты выполняются неудовлетворительно и небрежно. Крестьянину достается узкая, как лента, полоса земли, которая требует много усилій и труда, плохо вознаграждая за них земледѣльца, требуетъ этихъ усилій какъ разъ въ такое время, когда онъ могъ бы найти выгодный сбытъ своему труду; притомъ, у крестьянина такъ мало рабочаго скота и орудій, что ему приходится постоянно одолажаться у сосѣдей воломъ, плугомъ, или просто нанимать зажиточнаго человѣка для обработки. Плохо обрабатываемая земля даетъ мало дохода, а удобрять ее нечѣмъ. Между тѣмъ, потребности крестьянина, именно потому, что онѣ не развиты, должны быть удовлетворены во что-бы то ни стало; несоотвѣтствіе между обѣими половинами бюджета становится все больше, дефицитъ растетъ, и крестьянину приходится постоянно колебаться между положеніемъ необезпеченнаго собственника и сельскаго пролетарія, переходя отъ своего поля къ чужому, отъ работы на себя къ работѣ по найму. Хозяйничать при такихъ условіяхъ трудно, почти невозможно; но крестьянину, какъ и всякому человѣку, трудно разстаться съ тѣмъ, что ему дорого, что досталось ему отъ отца и дѣда. Ключекъ собственной земли, истощенный, разоренный, все-таки, олицетворяетъ собою въ его глазахъ обольстительную тѣнь самостоятельности и благосостоянія, грезившущая ему или его предку, когда вышла «воля». Симптомы неизбежной и близкой ликвидаціи собственнаго хозяйства уже на лицо: крестьянинъ плохо питается, живетъ въ полуразвалившейся, размытой дождемъ хатѣ, онъ продаетъ уже послѣднія земледѣльческія орудія; но онъ все еще не можетъ разстаться со своимъ клочкомъ земли—онъ пашетъ его изъ года въ годъ, безъ отдыха, безъ удобрения. Это—послѣдній актъ паденія хозяйства, актъ нецѣлесообразный, безразсудный, но мучительный... Ровная развязка не заставляетъ себя долго ждать: ключекъ земли, а часто и хата съ огородомъ продается, и въ рядахъ пролетаріевъ оказывается однимъ членомъ больше. Впрочемъ, случается иногда, что крестьянинъ, предвидя этотъ финалъ, самъ отказывается отъ наслѣдственнаго клочка земли или, какъ говорить цитированный выше землевладѣлецъ, «отдѣляется» отъ него; но хозяйство, отъ котораго собственникъ счелъ за благо «отдѣлаться», имѣть, понятно, мало шансовъ на процвѣтаніе. Вообще же, всякое хозяйство, которое, благодаря равномерному наслѣдованію, дѣлится на части, должно постепенно приходить все въ большій и большій упадокъ. Конечно, не всѣ хозяйства приходятъ въ упадокъ—одновременно и въ одинаковой степени, подобно тому,

как не всё собственники данной мѣстности обезземеливаются въ одно и то же время. И процесс наденія хозяйства, какъ и процесс обезземеливанія, составляя совершенно естественное и неизбежное послѣдствіе равномернаго наслѣдованія, идетъ клиномъ. Первыми приходятъ въ упадокъ хозяйства малоземельныхъ собственниковъ, которые, вслѣдъ затѣмъ, лишаются своихъ участковъ. Хотя участки эти скупаются людьми, которымъ случайно удалось получить въ наслѣдство неподѣленные земли, но и изъ среди этихъ людей выдѣляется съ каждымъ поколѣніемъ новый контингентъ малоземельныхъ хозяевъ. Какова бы ни была культура земель и система хозяйства у зажиточныхъ людей, но несомнѣнно, что, при наличности аграрной системы, о которой идетъ рѣчь, большая часть малоземельныхъ хозяйствъ должна неизбежно находиться въ состояніи сильнѣйшаго упадка. А это влечетъ за собой громадныя потери для всей страны и неисчислимыя бѣдствія для самихъ мелкихъ собственниковъ.

Понятно, что бывшіе помѣщичьи крестьяне, получивши недостаточное количество земли въ самый моментъ освобожденія, представляли собою чрезвычайно удобную среду для проявленія всѣхъ недостатковъ мѣстной аграрной системы. Еслибъ они придерживались, положимъ, системы общиннаго землевладѣнія, то земля и доходъ распредѣлялись бы по ровну между всѣми; неизбежный и значительный дефицитъ покрывался бы, по необходимости, посторонними заработками. Конечно, хозяйство крестьянъ не могло бы и тогда процвѣтать: недостатокъ земли, скота, отсутствіе луговъ отражались бы на немъ весьма неблагоприятно. Но мы не были бы свидѣтелями такихъ патологическихъ явленій, какъ ежегодныя запашки или какъ отказъ собственниковъ отъ своихъ земель въ мѣстности, гдѣ всѣ промыслы носятъ земледѣльческій характеръ; истощеніе почвы тоже не дошло бы до такой крайней степени, о какой сообщаютъ мѣстные землевладѣльцы. Эти патологическія явленія останавливаютъ на себѣ вниманіе именно потому, что крестьянскому землевладѣнію всего 16 лѣтъ отъ роду. За такой короткій промежутокъ времени, явленія эти не могли бы получить мѣста въ такихъ широкихъ рамахъ и въ такой сильной степени, еслибы крестьяне были обильно надѣлены землею, еслибы малоземеліе должно было получиться естественнымъ путемъ — при посредствѣ равномернаго наслѣдованія. Но теперь для нихъ существуютъ чрезвычайно благоприятныя условія. Теперь земли, доходы, дефициты распредѣлены не между всѣми бывшими крѣпостными крестьянами, а только между 408 тысячами душъ — остальные 162 ты-

сячи уже обезземелены ¹. Но нельзя сказать, чтобы земные блага распредѣлялись и въ этой средѣ равномерно: весьма небольшая группа зажиточныхъ крестьянъ владѣетъ сравнительно большимъ количествомъ земли, скупленной по мелочамъ, получаетъ значительный доходъ и почти вовсе не знакома съ дефицитами, между тѣмъ какъ большинство бывшихъ крѣпостныхъ находится совсѣмъ въ обратномъ положеніи. Замѣчательно, что хозяйство этихъ зажиточныхъ крестьянъ находится совсѣмъ не въ такомъ положеніи, въ какомъ бы должно было находиться, еслибъ одного психическаго мотива дѣйствительно было достаточно для процвѣтанія сельскаго хозяйства. Мы видимъ у нихъ не пресловутую интенсивную, а обыкновенную экстенсивную культуру, не знаменитую «раціональную систему хозяйства», а самую заурядную трехпольную систему; скотъ свой они выгоняютъ на паръ и по жниву («толокѣ»), а это считается раззорительнымъ способомъ выпаса; удобреніе полей ими вовсе не практикуется (исключеніе составляютъ сѣверные и средніе уѣзды Черниговской Губерніи). Самый тотъ фактъ, что мѣстные землевладѣльцы совершенно умалчиваютъ о процвѣтаніи хозяйства у этихъ зажиточныхъ крестьянъ, служить, кажется, лучшимъ доказательствомъ, что ничего отраднаго, выдающагося сообщить объ этомъ предметѣ невозможно. Вѣдь, говорить же эти землевладѣльцы съ замѣчательною настойчивостью о раззореніи и запущенности крестьянскихъ хозяйствъ—неужто они бы не отгѣняли неприглядной картины нѣсколькими свѣтлыми и веселыми штрихами? При личномъ своемъ знакомствѣ съ зажиточными крестьянами, я не замѣтилъ, чтобы они усиленно думали о сельско-хозяйственныхъ усовершенствованіяхъ. Руководствуясь прадѣдовскою указкой, удовлетворяясь рутинными пріемами, они устремляютъ всѣ свои помыслы на пріобрѣтеніе новыхъ земель и не брезгаютъ для этой цѣли никакими средствами. Пользуясь, на примѣръ, круговою порукой, они улачиваютъ подати за несостоятельныхъ крестьянъ, которые вынуждены или «отработать» имъ долгъ, или отдать имъ въ залогъ свои земли. Этимъ объясняются, съ одной стороны, незначительныя недоимки въ нашихъ губерніяхъ, а съ другой—кабальныя отношенія между имущими и неимущими и скупка земель или, вѣрнѣе, удержаніе ихъ въ

¹ Въ нашихъ двухъ губерніяхъ, какъ было нами объяснено въ прошломъ году, теперь можно насчитать до 100 тысячъ крестьянъ, не получившихъ надѣла (двороме люди, крестьяне, переименованные въ дворовыхъ, принадлежавшіе мелкопомѣстнымъ дворянамъ и сами отказавшіеся отъ земли), и около 13% бывшихъ крѣпостныхъ, т. е. около 62 тысячъ душъ, обезземеленныхъ впродолженіи 16 лѣтъ, благодаря системѣ личнаго землевладѣнія.

видѣ неустойки за долги. Очутившись въ этой средѣ, всякій искренній сторонникъ личнаго землевладѣнія будетъ сильно озадаченъ: онъ замѣтитъ, что возвышенное и бодрое настроеніе духа, которое долженъ бы былъ ощущать всякій собственникъ, у однихъ парализуется суровыми матеріальными условіями, недостаткомъ земли и вообще орудій производства, а у другихъ оно направляется совсѣмъ не на такіа похвальныя вещи, какъ улучшеніе культуры; онъ увидитъ, что и въ поземельныхъ отношеніяхъ, и въ системѣ хозяйства здѣсь господствуетъ не прогрессъ и процвѣтаніе, а застой, упадокъ, анархія.

Казалось бы, что все это—слишкомъ сложныя явленія, чтобы ихъ можно было объяснять неудовлетворительностью системы хозяйства; вѣдь, это значитъ причину упадка хозяйства видѣть въ самомъ же упадкѣ. Но такое тавтологическое объясненіе повторяется иногда чрезвычайно серьезно. Часто приходится слышать, что малопродуктивность, плачевное положеніе хозяйства, низкая норма потребностей—все это находится въ прямой зависимости отъ плохихъ земледѣльческихъ орудій, отъ недостатка удобрения, отъ трехпольной системы. Будь, говорятъ, у насъ другія орудія, практикуйся у насъ многопольная система съ плодоперемѣннымъ сѣвооборотомъ, и все обстояло бы вполне благополучно. Особенно много достается злополучной трехпольной системѣ, на которую, какъ на бѣднаго Макара, валятся всѣ шишки. Есть, какъ извѣстно, историческая преемственность между различными системами пользованія землею. Когда измѣняется отношеніе между количествомъ населенія и размѣрами земли, то одна система смѣняетъ собою другую: огневая или подсѣчная смѣняется переложной или залежной, а послѣдняя—трехпольной. Теперь, говорятъ, наступило время замѣнить трехпольную систему болѣе интенсивной многопольной системой. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдняя могла бы быть введена въ нашей мѣстности съ успѣхомъ. Но къ крестьянскому хозяйству она теперь вовсе не примѣнима. Если раздѣлить крестьянскій участокъ въ двѣ три десятины на много полей, по условіямъ, напримѣръ, Полтавской Губерніи, на семь, то это значило бы засѣять большую часть участка ($\frac{4}{7}$) такими продуктами, которые немедленнаго сбыта не получаютъ, каковы яровые хлѣба, корнеплоды и стручковые растения; хлѣбами же, на которые есть спросъ, пришлось бы засѣять меньше одной десятины. При среднемъ урожаѣ, можно было бы собрать пудовъ 30 пшеницы и ржи, т. е. въ два раза меньше, чѣмъ нужно для прокормленія семьи изъ трехъ члѣвъкъ. Прибавьте къ этому, что, благодаря равномерному наслѣдованію, крестьянскій участокъ сокращается до полутора, до од-

ной десятины. Возможно ли, при таких условіях, многопольное хозяйство? Даже при бѣгломъ взглядѣ на дѣло, не трудно видѣть, кажется, что трехпольная система останется единственно-возможною для крестьянскаго хозяйства, пока не произойдутъ очень крупныя перемены въ поземельныхъ отношеніяхъ. Разные недостатки, которые ей приписываются, зависятъ вовсе не отъ нея. Говорятъ, напримѣръ, что она ограничиваетъ сѣвооборотъ крестьянина извѣстными хлѣбами—какъ будто сѣвооборотъ не зависитъ, съ одной стороны, отъ географическихъ условій, а съ другой—отъ характера спроса, отъ социальнаго положенія работника и отъ нормы его потребностей. Говорятъ, далѣе, что система эта виновата въ истощеніи почвы. Но это неправда. Въ Черниговской Губерніи, по словамъ одного землевладѣльца, истощеніе почвы происходитъ «вслѣдствіе недостатка удобрения, котораго не хватаетъ и для огородовъ» (Тр. ком. для изсл. с. Х., I, II, 45). Въ Полтавской Губерніи «истощеніе крестьянскихъ земель и пониженіе урожаевъ происходитъ отъ *ежегодныхъ за-пашекъ* при отсутствіи удобрения и еще потому, что крестьяне выпасываютъ свои поля тотчасъ по снятіи копенъ ярового хлѣба и выгоняютъ на озимь скотъ, который подбираетъ послѣднія зерна, стебли и поросли» (ibid, IV, I, 271). Тутъ, очевидно, вся бѣда въ томъ, что не соблюдаются правила трехпольной системы. Но какъ ихъ соблюдешь? Крестьяне очень хорошо понимаютъ свои интересы; но кормить скотъ, какъ его ни мало, нужно же чѣмъ-нибудь. Приходится прибѣгать къ разнымъ уловкамъ: «крестьяне стараются сѣять побольше, потому что имъ нужна солома; они часто сѣютъ рожь просто *на соломохъ*, т. е. послѣ жнитва сѣютъ и только заборониваютъ. При такомъ посѣвѣ, зерна мало, но солома мягче и пушистѣе, а въ ней то крестьяне нуждаются для продовольствія скота. Удобренія никакого» (ibid, 276). Часто тѣ самые люди, которые обвиняютъ во всемъ бѣдную трехпольную систему, жалуются, что крестьяне не удобряютъ своихъ земель. Жалобы эти знаменательны. Лѣтъ 30 тому назадъ, г. Арандаренко писалъ слѣдующее: «Большая часть полей въ губерніи (Полтавской) столь тучнаго грунта, что унавоживаніе, особенно подъ дождливое лѣто, приноситъ больше вреда, нежели пользы: хлѣбъ вырастаетъ столь высокъ и соченъ, что отъ собственной тяжести ложится стеблемъ на землю» (Зап. о Пол. губ., II, 314). Теперь дѣло обстоитъ иначе, теперь земля упрямится и безъ удобрения родить мало хлѣба. Но чѣмъ же крестьянину удобрять землю? Объ искусственномъ удобреніи на англійскій манеръ—туками, форсификатами и т. п. не можетъ быть и рѣчи; но и удобреніе навозомъ, золою или костями здѣсь

невозможно. Навозъ служить тутъ почти повсемѣстно (по крайней мѣрѣ, въ Полтавской Губерніи) топливомъ и, стало быть, имѣеть совсѣмъ другое назначеніе; зола тоже взять неоткуда, потому что у крестьянъ лѣсовъ нѣтъ; остается удобреніе костями, но и оно невозможно, такъ какъ у крестьянъ скота мало, да и рѣжутъ они его для собственнаго употребленія рѣдко. При чемъ же тутъ, однако, трехпольная система? Развѣ она виновата въ томъ, что у крестьянъ почти нѣтъ ни лѣсовъ, ни луговъ, что земли имъ было отведено мало и что они вынуждены прибѣгать къ ежегоднымъ запашкамъ? Трехпольная система, если она соблюдается хоть отчасти, сокращаетъ на цѣлую треть урѣзанный крестьянскій надѣлъ—въ этомъ и вся ея вина; но она бьетъ по очень чувствительному мѣсту, и потому на нее возводятся совершенно несомнѣтельныя обвиненія.

Итакъ, дѣло не объясняется ни трехпольной системой, ни тою тавтологіей, что крестьянское хозяйство находится въ упадкѣ, потому что вся совокупность хозяйственныхъ дѣйствій и орудій, иными словами—вся система хозяйства неудовлетворительна. Но явленія, подлежащія объясненію, слишкомъ сложны, ихъ слишкомъ много, чтобы можно было признать основательнымъ и другое мнѣніе, которое раздѣляется, кажется, многими, будто вся пагуба происходитъ отъ круговой поруки. Изъ всѣхъ причинъ, губельно вліяющихъ на хозяйство и на бытъ крестьянина, читаемъ мы, «главная, безъ сомнѣнія—круговая порука въ исправномъ платежѣ податей и повинностей... Имѣя возможность зарабатывать деньги на сторонѣ, крестьянинъ не радѣеть о своемъ домашнемъ хозяйствѣ, а если отъ заработковъ и промысловъ накопитъ денежныя средства, то не затратитъ ихъ на улучшение своего хозяйства, предпочитая скрыть свой достатокъ изъ опасенія отвѣтственности, въ силу круговой поруки, за своихъ односельцевъ, несправныхъ въ платежѣ податей и повинностей» (Тр. ком. для изсл. п. с. х., VI, II, 16). Очевидно, что стоить только уничтожить взаимную отвѣтственность крестьянъ предъ сборщикомъ податей, и молочныя рѣки потекутъ съ сельныхъ берегахъ. Подумаешь, какъ легко разрѣшится этотъ вопросъ! Любопытно, однако, знать, куда дѣнутся тѣ «неисправные» крестьяне, за которыхъ эти скрытые люди, зарабатывающіе деньги на сторонѣ, вынуждены теперь платить? Да и какъ быть съ посторонними заработками, которые тоже отвлекаютъ отъ надлежащаго радѣнія о собственномъ хозяйствѣ: вѣдь, съ уничтоженіемъ круговой поруки заработка эти не уничтожатся жъ? Почтенный землевладѣлецъ не разрѣшаетъ этихъ вопросовъ; онъ умалчиваетъ также объ обычномъ эквивалентѣ, который за-

житочные крестьяне получают за свои благодѣянія отъ «неисправныхъ односельцевъ»: о кабальной работѣ и о земляхъ, обезпечивающихъ долгу. Если въ этомъ мнѣніи есть доля истины, то развѣ та, что нѣкоторые зажиточные крестьяне скрываютъ свой достатокъ, потому что ни кабальная «отработка», ни истощенныя земли, которыя имъ предлагаются въ залогъ, не представляютъ собою въ ихъ глазахъ ничего заманчиваго. Во всемъ же остальномъ мнѣніе это совершенно ошибочно и достаточно, кажется, говорить само за себя. Но *erga humanum est*; нашему землевладѣльцу можно простить эту, можетъ быть, невольную ошибку, тѣмъ болѣе, что онъ довольно свѣтло смотритъ на будущее. «Несомнѣнно, говорить онъ:—что, съ умственнымъ развитіемъ крестьянъ, съ лучшимъ пониманіемъ правъ личной собственности и съ распространеніемъ научныхъ свѣдѣній о сельскомъ хозяйствѣ, можно ожидать улучшенія» (*ibid*). Другіе землевладѣльцы не высказываютъ такихъ свѣтлыхъ надеждъ и добрыхъ пожеланій, хотя, съ ихъ точки зрѣнія, вопросы разрѣшаются еще проще. Одинъ, на примѣръ, землевладѣлецъ, говоря объ обиженныхъ судьбою сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской Губерніи, находитъ, что и суровую природу, и плохую землю, и отчаянное положеніе крестьянскаго хозяйства—все это выдумало земство. Въ сущности, все обстоитъ благополучно, «я вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ». Вся бѣда исходитъ изъ такого источника, котораго никакъ сразу не отгадаешь. «Одна изъ самыхъ главныхъ причинъ бѣдственнаго положенія крестьянъ той мѣстности, читаемъ мы:—заключается въ совершенномъ бездѣйствіи какъ администраціи, такъ, въ особенности, посредниковъ и волостныхъ и сельскихъ урядниковъ по своевременному взысканію повинностей, черезъ что въ урожайные годы накопилась на населеніи огромная недоимка. Затѣмъ, достаточно было двухъ лѣтъ неурожая и усиленнаго взысканія этой недоимки, къ которому было приступлено именно въ неурожайный годъ, для того, чтобы разстроить совершенно экономическое положеніе крестьянскихъ хозяйствъ той мѣстности» (*ibid*, 3). Иными словами, сначала попустили, а потомъ раззорили. Согласитесь, что болѣе упрощенное объясненіе трудно и придумать.

Послѣдняго рода объясненія доказываютъ, что истинная причина современнаго положенія хозяйства и быта крестьянъ, не смотря на всю свою очевидность, вовсе не пользуется такою общезвѣстностью, какъ можно было бы ожидать. Мы видѣли, что нельзя считать основною причиною хроническіе дефициты въ крестьянскомъ бюджетѣ, постоянное несоотвѣтствіе между доходомъ крестьянина и его расходами. Это только модификація дру-

гой причины—недостатка земли. Необходимость прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ, небрежная обработка земли, отсутствіе удобренія, ежегодныя запашки, кабала, низкій уровень потребностей, все это—только проявленія основной причины, малоземелія. Проявленія эти, сдѣляясь между собою, взаимно влияя другъ на друга, отражаясь одно на другомъ, осложняясь такими побочными обстоятельствами, какъ отсутствіе организованнаго кредита, раззорительный способъ взысканія податей и т. д.—даютъ въ результатъ ту печальную картину хозяйства и быта крестьянъ, которую мы видѣли выше. Но мы знаемъ также, что малоземеліе, которое было дано извнѣ Положеніемъ 19-го февраля, дѣйствуетъ рука объ руку съ малоземеліемъ, которое является результатомъ мѣстной аграрной системы; что система эта обладаетъ органическимъ свойствомъ—обезземеливать население, проводя его предварительно черезъ всѣ ступени раззоренія и обнищанія. Помянуто поэтому, что, еслибъ малоземеліе не было дано извнѣ, то оно съ теченіемъ времени получилось бы естественнымъ путемъ; что, еслибъ не всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне, за весьма незначительными исключеніями, были надѣлены недостаточнымъ количествомъ земли, то, все-таки, съ размноженіемъ населенія большая часть ихъ оказалась бы малоземельною. Не раньше—такъ позже, не черезъ 16 лѣтъ, какъ теперь, такъ черезъ болѣе долгій промежутокъ, а большинство крестьянскихъ хозяйствъ неизбежно пришли бы въ упадокъ. И факторомъ, который одинъ, безъ всякаго содѣйствія, произвелъ бы тогда этотъ упадокъ, факторомъ этимъ былъ бы обычай личнаго землевладѣнія и равномернаго наследованія, признаваемый теперь «единственнымъ прочнымъ залогомъ прогресса сельскохозяйственной культуры и матеріальнаго благосостоянія всей страны».

IV.

Если только-что высказанная мысль справедлива; если аграрная система, о которой идетъ рѣчь, имѣла бы во всякомъ случаѣ гибельное значеніе для большинства крестьянскихъ хозяйствъ, то очевидно, что она должна была также отразиться неблагоприятно на группѣ населенія, надѣленной землею лучше, чѣмъ бывшіе крупностные крестьяне. Малороссійскіе казаки не представляются такой группой, хотя, по численности своей, мало разнятся отъ этихъ крестьянъ. Зажиточное меньшинство казаковъ ведетъ свое хозяйство на такихъ же началахъ, какъ и мел-

копомѣстные владѣльцы изъ дворянъ, съ тою развѣ только разницей, что не гнушается крестьянскими работами. Большинство казацкаго сословія, двѣ трети его, не имѣетъ уже въ настоящее время собственныхъ земель и добываетъ себѣ пропитаніе въ качествѣ сельскихъ рабочихъ. О хозяйствѣ этихъ казаковъ, въ смыслѣ крестьянскаго хозяйства—съ собственной пашней, дворомъ и рабочимъ скотомъ—не можетъ теперь быть и рѣчи, хотя подробная исторія упадка и уничтоженія этихъ хозяйствъ намъ неизвѣстна. Наконецъ, незначительная часть казаковъ, сохранившая еще свои участки, находится въ такомъ же положеніи, какъ и бывшіе крѣпостные. Обрисовать современное состояніе хозяйства этихъ казаковъ, стоящихъ на межѣ, которая отдѣляетъ мелкихъ собственниковъ отъ сельскихъ пролетаріевъ, было бы вполне цѣлесообразно; но объ этомъ предметѣ нѣтъ, къ сожалѣнію, даже и приблизительныхъ данныхъ. Намъ придется, поэтому, обратиться къ группѣ населенія, невеликой по числу, но экономическое положеніе которой, по общему мнѣнію, выше, чѣмъ положеніе крестьянъ, освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости. Хорошо или дурно отозвался на хозяйствѣ казенныхъ крестьянъ—о нихъ у насъ будетъ рѣчь—обычай личнаго землевлѣдѣнія и равномернаго наследованія, это мы сейчасъ увидимъ.

Казенные крестьяне составляютъ незначительное меньшинство сельскаго населенія нашей мѣстности: въ Полтавской Губерніи они составляютъ 10,8% деревенскаго люда, а въ Черниговской—18,9%; въ первой губерніи ихъ живетъ (по свѣдѣніямъ за 1872 годъ) 78,977 душъ, во второй—109,686 душъ. Потомки крестьянъ монастырскихъ, выморочныхъ и ранговыхъ (Арандаренко), казенные крестьяне не были затронуты крѣпостнымъ правомъ; они владѣли казенными землями и были обложены незначительными платежами ¹. Одно время, матеріальное благосостояніе этихъ крестьянъ составляло предметъ особенной заботливости окружныхъ начальниковъ; но затѣмъ оказалось необходимымъ устроить ихъ бытъ по образцу быта бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Хотя процессъ этотъ не вездѣ еще оконченъ и владѣнныя записи не введены еще повсемѣстно, но извѣстно, что теперь у казенныхъ крестьянъ земли, относительно говоря, больше ²,

¹ По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ г. Арандаренко («Зап. о Полтав. Губ.»), казенные крестьяне платили въ 1848 году подушной и оброчной подати по 3 р. 24 коп. съ ревизской души, земскихъ повинностей — по 30¹/₂ коп. и общесвеннаго сбора по 62 коп.; всего, стало быть, по 4 р. 16¹/₂ коп., т. е. почти въ два раза меньше, чѣмъ теперь.

² Какъ можно видѣть изъ земскихъ данныхъ («Тр. под. ком.» XXII, III) и изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ, въ нашихъ губерніяхъ земля распро-

чѣмъ у бывшихъ крѣпостныхъ: въ Полтавской Губерніи имѣ принадлежитъ 280,594 десятины, а въ Черниговской—455,179 дес., въ первой на одну душу приходится 3,5 дес., во второй—4,1 дес. По качеству своему, земли эти стоятъ, вѣроятно, не выше земель, принадлежащихъ другимъ крестьянамъ; по крайней мѣрѣ, лица, спрошенныя въ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства говорятъ безразлично какъ о тѣхъ, такъ и о другихъ земляхъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы неплодныя земли вовсе не входили въ районъ владѣній казенныхъ крестьянъ. Хотя, при отведеніи имѣ надѣловъ, не было на лицо такихъ заинтересованныхъ лицъ, какъ помѣщики, но трудно предположить, чтобы, напримѣръ, въ Черниговской Губерніи, въ составъ владѣній этихъ крестьянъ не вошла нѣкоторая доля неудобной земли. Впрочемъ, въ настоящее время, именно потому, что размежеваніе земель еще не считается оконченнымъ, можно безъ особенной ошибки допустить, что всѣ участки, которыми владѣютъ казенные крестьяне, обрабатываются и приносятъ доходъ. Къ сожалѣнію, культуру этихъ земель нельзя назвать рациональною; она существенно ничѣмъ не отличается отъ культуры другихъ крестьянскихъ земель: мы встрѣчаемъ тутъ обыкновенную трехпольную систему, неудобныя орудія, недостаточное удобреніе. При иной системѣ пользованія, казенные крестьяне получали бы, конечно, болѣе значительный валовой доходъ отъ земель, чѣмъ въ настоящее время. Теперь они получаютъ около 11 съ половиною миллионовъ рублей въ урожайный годъ ¹ и не больше 8 миллионовъ

дѣлается между различными группами «сельскихъ» податныхъ сословій» такимъ образомъ:

	Въ Полтавской Губерніи.	Въ Черниговской Губерніи.
Всѣмъ сельскимъ податнымъ сословіямъ . . .	1.899,369 дес.	1.887,800 дес.
Изъ нихъ казакамъ	972,425 >	629,024 >
> > бывшимъ крѣпостнымъ	644,438 >	794,879 >
> > колонистамъ и евреямъ-земледѣльцъ.	1,712 >	8,718 >
> > казеннымъ крестьянамъ	280,594 >	455,179 >

¹ Въ Полтавской Губерніи, по извѣстному уже читателю сѣвообороту, ежегодно рожью засѣвается 51,982 дес., пшеницей — 108,924 дес. и ячменемъ 81,177 дес.; въ Черниговской подъ рожью запахиваютъ 101,152 дес., подъ ячмень—50,675 дес. и подъ овесъ 151,726 дес. Принимая за основаніе приведенныя выше данныя объ урожайности хлѣбныхъ и о цѣнахъ на хлѣбъ, мы находимъ, что въ урожайный годъ валовой доходъ будетъ таковъ:

	Въ Полтавской Губерніи.		Въ Черниговской Губерніи.	
	Доходъ въ чет-вертяхъ.	Доходъ въ рубляхъ.	Доходъ въ чет-вертяхъ.	Доходъ въ рубляхъ.
Рожь	272,800	859,320	805,760	2.325,344
Пшеница	530,012	2.480,456	252,875	2.275,875
Ячмень или овесъ	283,710	1.149,025	910,356	2.487,084
Всего		4.488,801		6.988,283

въ неурожайный ¹. Правда, и этотъ валовой доходъ нельзя считать незначительнымъ; но если вычестъ изъ него всю сумму разнообразныхъ налоговъ и платежей ², которые лежатъ на этихъ крестьянахъ, да стоимость сѣмянъ ³, то не трудно убѣдиться, что на собственное пропитаніе, на домашніе расходы, на усовершенствованіе своего быта и хозяйства у казенныхъ крестьянъ остается всего около 8 милліоновъ рублей въ урожайный годъ и приблизительно 3½ мил. въ неурожайный. Даже еслибы потребности ихъ находились только на такой же степени развитія, какъ и потребности бывшихъ крѣпостныхъ, то имъ на пропитаніе и на домашнія нужды приходилось бы затрачивать ежегодно отъ 7 до 9 милліоновъ ⁴. При этомъ условіи, у нихъ дол-

¹ На основаніи тѣхъ же данныхъ, валовой доходъ въ неурожайный годъ представляется въ такомъ видѣ:

	Въ Полтавской Губер.		Въ Черниговской Губер.	
	Доходъ въ чет. вертяхъ.	Доходъ въ рубляхъ.	Доходъ въ чет. вертяхъ.	Доходъ въ рубляхъ.
Рожь	145,393	785,122	246,712	1,519,745
Пшеница	166,278	1,376,781	128,353	1,554,347
Овесь или ячмень	218,239	908,509	444,076	1,687,488
Всего		3,065,412		4,761,580

² Вотъ эти платежи и налоги, вычисленные по даннымъ за 1872 годъ («Тр. под. ком., XXII, III).

	Полтавская Губернія.	Черниговская Губернія.
Полушная подать	145,317 р. 68 к.	184,085 р. 76 к.
Общественный сборъ	22,903 » 83 »	30,702 » 8 »
Полушный государственный земскій сборъ	39,488 » 50 »	53,746 » 4 »
Поземел. » » »	22,447 » 52 »	24,124 » 48 »
Оброчная подать	233,437 » 30 »	306,362 » 19 »
Лѣсной налогъ	4,991 » 68 »	5,062 » 62 »
Земскіе платежи	86,729 » 75 »	46,701 » 86 »
Мірскіе платежи и нат. повин	59,232 » 75 »	89,264 » 50 »
Всего	564,548 р. 51 к.	784,069 р. 03 к.
На одну душу	7 » 15 »	6 » 69 »
» » » десятину	2 » 1 »	1 » 61 »

³ Въ Полтавской Губерніи казенные крестьяне оставляютъ на посѣвъ 51,952 четверти ржи, 108,924 четв. пшеницы и 81,177—ячменя — всего цѣною въ 766,310 р. въ урожайный годъ и въ 1,058,884 р.—въ неурожайный. Въ Черниговской Губерніи на сѣмена оставляютъ 101,152 четв. ржи, 50,575 четв. пшеницы и 151,726 четв. овса—всего цѣною въ 1,311,520 р. въ урожайный годъ и въ 1,886,128 р. въ неурожайный. Стоимость сѣмянъ будетъ, слѣдовательно, отъ 2,067,830 р. до 2,894,062 р.

⁴ По нормѣ, указанной г. Фундулеемъ, казенные крестьяне Полтавской Губерніи употребляютъ ежегодно на свое пропитаніе 307,908 четв. ржи, 52,651 четв. пшеницы и 157,954 четв. ярового—всего на сумму 1,856,029 р. въ урожайный годъ и на 2,598,440 р. въ неурожайный; въ Черниговской Губ. они для

жень былъ бы, въ урожайный годъ, получитья *избытокъ* въ одинъ миллионъ рублей, а въ неурожайный—*дефицитъ* въ 5½ милл. Какъ часто бываютъ неурожаи въ нашихъ губерніяхъ— неизвѣстно; но чтобы група населенія, о которой идетъ рѣчь, не имѣла надобности прибѣгать къ постороннимъ заработкамъ и могла довольствоваться доходами отъ своей земли, нужно, чтобы бѣдствіе это постигало мѣстность никакъ не чаще, чѣмъ разъ въ пять лѣтъ. Только въ такомъ случаѣ казенные крестьяне могли бы удовлетворять самымъ элементарнымъ своимъ потребностямъ, и ихъ внѣшняя матеріальная обстановка, ихъ хозяйство находилось бы на среднемъ, крестьянскомъ уровнѣ. Уже изъ этого одного видно, что мы и у этихъ крестьянъ не можемъ встрѣтить ни высокой нормы потребностей, ни цвѣтущаго состоянія хозяйства, хотя они представляютъ собою единственную группу здѣшняго сельскаго населенія, у которой хоть когда-нибудь, хоть въ урожайный годъ остается чистый доходъ отъ собственной земли.

Дѣйствительно, посѣщая селенія казенныхъ крестьянъ, вы можете замѣтить, что они живутъ въ такихъ же хатахъ, питаются такою же точно пищею, одѣваются въ такого же покроя и качества платьѣ, какъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне. Одно только вы замѣтите въ любомъ селеніи: контрастъ во внѣшней обстановкѣ не бросается рѣзко въ глаза; богатство и бѣдность, нужда и достатокъ распределены здѣсь, повидимому, равномерно, чѣмъ у другихъ сельскихъ жителей. Только въ иныхъ селеніяхъ вы замѣтите нѣсколько хатъ, которыя свидѣтельствуютъ, что дѣла ихъ обитателей не находятся въ цвѣтущемъ положеніи. Возлѣ этихъ хатъ нѣтъ ни хозяйственныхъ пристроекъ, ни плетня, ни вербы; просто стоитъ себѣ на гладкомъ мѣстѣ сомнительной прочности хата, ничѣмъ не прикрытая, предоставленная произволу вѣтра и непогоды. Но такихъ построекъ весьма не много въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ, и они не портятъ общаго впечатлѣнія. А впечатлѣніе это таково, что сообщать о немъ нечего. Никакихъ улучшеній, никакого прогресса ни въ домашнемъ быту, ни въ хозяйствѣ казенныхъ крестьянъ вы не замѣтите, и неудивительно, что и мѣстные землевладѣльцы, спро-

той же цѣли употребляютъ 438,744 четв. ржи, 73,124 четв. пшеницы и 219,372 четв. яроваго—всего на сумму 3.183,087 р. въ урожайный годъ и на 4.456,321 руб. въ неурожайный. На домашніе расходы, по той же нормѣ, 30,378 дворахъ казенныхъ крестьянъ Полтавской губерніи («Тр. под. ком., XXII, III) нужно 759,400 р., а 45,702 дворахъ этихъ крестьянъ Черниговской Губ. (*ibid*) нужно 1.142,530 р. Всего, стало быть, на пропитаніе и на домашнія нужды тратится отъ 6.941,066 р. до 8.956,711 р.

шенные комиссіей, тоже молчать объ этомъ предметѣ: вѣдь, въ этихъ хозяйствахъ «культурныхъ улучшеній не сдѣлано» («Труд. ком. для изсл. сѣск. хоз.», VI, 272)—что же, стало быть, распространяться объ этомъ?—Казенные крестьяне живутъ, что называется, ни шатко, ни валко—сводятъ концы и хозяйничаютъ по немногу. Не мудрствуя лукаво, они ведутъ свои дѣла по заведенному съ незапамятныхъ временъ порядку: обрабатываютъ свои поля по трехпольной системѣ, посвящаютъ досуги смятымъ въ аренду землямъ или работѣ по вольному найму. Одно только плохо: землю рѣдко унавоживаютъ. Въ Полтавской Губерніи оно бы еще ничего: грунтъ тутъ жирный и еще не истощенъ; но въ Черниговской Губерніи это можетъ повести къ нехорошимъ послѣдствіямъ. Впрочемъ, въ сѣверныхъ и среднихъ уѣздахъ этой губерніи хлѣбъ, по поговоркѣ, родится изъ навоза—и тутъ, стало быть, волей-неволей приходится удобрять землю.—Въ общемъ результатъ, вы, однако, не видите, чтобы личная поземельная собственность обнаруживала здѣсь какія-либо «магическія» свойства: точь въ точь такъ жили и хозяйничали люди и сто, и двѣсти лѣтъ тому назадъ—даже, пожалуй, лучше хозяйничали, потому что у каждаго изъ нихъ рабочаго скота тогда было больше. Но это—только цвѣточки. По принципу равномѣрнаго наслѣдованія, земля дѣлится на равныя части между наслѣдниками каждаго домохозяина. Если, при трехъ или четырехъ десятинахъ надѣла, хозяйство казенныхъ крестьянъ не можетъ прогрессировать и процвѣтать, то это и подавно будетъ невозможно, когда участки раздѣлятся на двѣ, три или болѣе мелкія части. Вы думаете, чьи это хаты нарушаютъ сѣрое однообразіе въ селеніяхъ казенныхъ крестьянъ?—Хозяева ихъ—тоже казенные крестьяне; только у нихъ, въ несчастію, было нѣсколько братьевъ или дядей, и имъ, поэтому, достались далеко не полныя участки. Хозяйство этихъ крестьянъ представляетъ собою, конечно, уже только пародію на крестьянское хозяйство и находится въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ хозяйство извѣстнаго намъ Панааса: у того хоть есть слѣпая кобыла да сивый меринъ, а у нихъ, подчасъ, и того нѣтъ; я зналъ одного такого крестьянина, у котораго всего-то скота и было, что годовалый жеребенокъ. Удивительно ли, что, при такой обстановкѣ, у этихъ крестьянъ, по словамъ одного землевладѣльца Черниговской Губерніи, «урожай ржи самъ 3, овса—самъ 4, ячменя—самъ 5» (ibid., I, II, 45), т. е. гораздо ниже обыкновеннаго средняго урожая въ этой губерніи? До ежегодныхъ запасекъ тутъ, вѣроятно, еще дѣло не дошло, потому что землевладѣцію казенныхъ крестьянъ еще весьма немного лѣтъ отъ роду. Теперь только часть этихъ

крестьянъ получили владѣнные записи; иными словами — не у всѣхъ у нихъ еще отняты казенныя земли и луга, которыми они пользовались безвозмездно или въ видѣ оброчныхъ статей: казна, вѣдь, какъ извѣстно — плохой хозяинъ, и ей 17,631 десятина приносили въ Полтавской Губерніи всего 26,446 руб. («Труд. под. ком.», XXII, ч. III, отд. I). Но, понемногу, владѣнія казенныхъ крестьянъ размежеваются, замыкаются въ опредѣленные границы, и всѣ перераспределенія земель между новыми поколѣніями будутъ совершаться только въ предѣлахъ этихъ границъ. Еслибъ границы эти были проведены немедленно, въ 1866 году, и различныя казенныя угодья были отняты у крестьянъ тогда же, то мы теперь, за 11 лѣтъ, видѣли бы обезземеленнымъ не весь приростъ населенія (казенные крестьяне практикуютъ, вѣдь, не майоратъ или миноратъ, а принципъ равногѣрнаго наслѣдованія), а большую часть его; но такъ какъ это совершилось исподволь, постепенно, то пролетаріатъ въ этой средѣ теперь еще, кажется, весьма не великъ¹. Съ теченіемъ времени, онъ, однако, роковымъ образомъ будетъ возрастать. Имущества будутъ дѣлиться на части между наслѣдниками; земли, скотъ, орудія будутъ скупаться по мелочамъ зажиточными людьми — и мы увидимъ у казенныхъ крестьянъ тѣ же порядки, ту же картину запущенности, разоренія и упадка большей части хозяйствъ, которую мы видѣли у бывшихъ крѣпостныхъ. При одинаковыхъ условіяхъ, одинаковыя причины непремѣнно дадутъ и одинаковыя слѣдствія. Такимъ уравнивающимъ условіемъ будетъ замѣнность владѣній казенныхъ крестьянъ, невозможность расширить предѣлы принадлежащихъ имъ участковъ, недостатокъ земли сравнительно съ возрастающимъ населеніемъ, а факторомъ, который приведетъ тогда въ упадокъ большинство хозяйствъ, будетъ извѣстная намъ система землевладѣнія.

Итакъ, у казенныхъ крестьянъ, экономическое положеніе которыхъ выше, чѣмъ положеніе бывшихъ крѣпостныхъ, мы не замѣчаемъ процвѣтанія или усовершенствованія сельско-хозяйственной культуры. Не замѣчаемъ мы у нихъ также и упадка большей части хозяйствъ, потому что здѣсь нѣтъ условія, необходимаго для такого упадка — малоземелія въ такихъ размѣрахъ,

¹ Какъ было указано нами въ прошломъ этюдѣ, приростъ сельскаго населенія въ нашихъ губерніяхъ можно считать равнымъ 1% ежегодно. Еслибъ казенные крестьяне придерживались майоратнаго или миноратнаго принципа наслѣдованія и еслибъ въ 1866 году, размѣры ихъ надѣловъ были точно опредѣлены, то 19,608 ревизск. души были бы уже обезземелены. Но, при существующихъ условіяхъ, число безземельныхъ должно быть гораздо менѣе значительно.

какъ оно было дано Положеніемъ 19-го февраля. Но у этихъ крестьянъ существуетъ обычай равномернаго наслѣдованія—и потому хозяйство незначительной, пока едва замѣтной части ихъ расплывается и разоряется. Можемъ ли мы, послѣ этого, утверждать, что личное землевладѣніе есть «единственное условіе сельско-хозяйственнаго прогресса»; что «магическія свойства собственности» гарантируютъ поселянину процвѣтаніе хозяйства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, матеріальное благосостояніе? Мы наблюдаемъ, напротивъ того, что видъ личной поземельной собственности, извѣстный въ нашей мѣстности, раззорителенъ, благодаря своимъ внутреннимъ, органическимъ свойствамъ, для большинства населенія и выгоденъ для незначительнаго меньшинства; что онъ гарантируетъ однимъ сытую и довольную жизнь, а другимъ—изнурительный трудъ за ничтожную плату. Эта аграрная система не гарантируетъ даже процвѣтанія хозяйства зажиточныхъ людей: интензивная культура и рациональное хозяйство зависятъ въ весьма значительной степени отъ побочныхъ условій:—отъ степени агрономическихъ познаній, отъ яснаго пониманія своихъ интересовъ, отъ характера спроса на сельско-хозяйственные продукты. Да зажиточные люди и не оставятъ экстензивной культуры (если въ этомъ существуетъ надобность), пока громадное большинство ихъ будетъ проникнуто крѣпостными воззрѣніями, пока возлѣ, рядомъ, будутъ находиться нищенскія, погибавшія хозяйства, которыя можно экспроприровать за безцѣнокъ. Но, помимо того, аграрная система, о которой идетъ рѣчь, не избавляетъ хозяйства ни отъ одного изъ тѣхъ неудобствъ, которыя обыкновенно приписываются поземельной общинѣ. «Кто не видалъ Малороссіи, читаемъ мы: — тотъ не можетъ вообразить себѣ тамошней черезполосности. Въ одномъ имѣніи Диканькѣ (Полтавской Губерніи) находится 17 тысячъ вусковъ. Я видѣлъ примѣръ, что 70 десятинъ продано было въ 45-ти вусахъ. Есть участки въ 200 кв. саженей, отстоящіе отъ жительства поселянина на 25 верстѣ» (Замѣчанія о Полтавской Губ.). «Журн. Мин. Вн. Д.», № 7, 1840, с. 132). По словамъ одного черниговскаго землевладѣльца, «хозяйство, какъ помѣщичье, такъ и крестьянское, находится въ первобытномъ состояніи. Причиною тому служитъ значительная черезполосность, не позволяющая вести хозяйства по тѣмъ системамъ, которыя наукою признаны болѣе совершенными» («Труд. ком. для изсл. п. х.», VI, II, 9). Князь Васильчиковъ, цѣлымъ рядомъ фактовъ и данныхъ, замѣствованныхъ какъ изъ русскаго, такъ и изъ европейскаго быта, доказываетъ, что «при частномъ, но свободномъ правѣ собственности, при наслѣдственномъ, но подлежащемъ

раздѣлу владѣній, не избѣгаются ни черезполосность, ни передѣлы» («Землевл. и земледѣліе», II, 710—715). Г. Посниковъ историко-сравнительными данными превосходно доказываетъ въ своей новой книгѣ («Общинное землевладѣніе». Выпускъ II. Одесса. 1877), что, при господствѣ частной поземельной собственности, постоянно существовала не только черезполосица, но и неподвижность сельско-хозяйственной культуры, принудительная обработка (Flugzwang). Словомъ сказать, въ настоящее время есть много чрезвычайно вѣскихъ доказательствъ, что личное землевладѣніе не является такой панацеей противъ застоя и упадка сельскаго хозяйства, какъ думали прежде.

Когда защитники этой системы утверждаютъ, что человѣку свойственно заботиться о томъ, что онъ считаетъ своимъ достоинствомъ, своею собственностью—они говорятъ совершенную правду. Всѣмъ извѣстный рассказъ Мишле о томъ, какъ французскій поселянинъ заботится о своемъ клочкѣ земли, служитъ, повидимому, нагляднымъ подтвержденіемъ этого обстоятельства. Но въ жизни есть множество условій, которыя препятствуютъ человѣку проявлять свои заботы, и обычай равномернаго наслѣдованія является однимъ изъ этихъ условій. Спросите, напримеръ, Панаса: отчего не процвѣтаетъ его хозяйство, отчего онъ не глубоко забираетъ своимъ плугомъ?—Онъ отвѣтитъ вамъ, что у него былъ дядя, съ которымъ, послѣ смерти дѣда, отецъ его раздѣлилъ пополамъ все имущество; что теперь у него воловъ нѣтъ, и онъ радъ, что хоть какъ нибудь запахиваетъ свою полосу. Но, вѣдь, во Франціи, скажутъ, при томъ-же принципѣ наслѣдованія, процвѣтаетъ сельская культура?—О, да, сравнительно съ нашей, культура тамъ дѣйствительно процвѣтаетъ. Однако, во Франціи третья часть или даже половина сельскаго населенія уже обезземелена (Васильчиковъ, *ibid*, I, 72), и нигдѣ такъ часто не происходитъ перераспредѣленіе недвижимой собственности, какъ въ этой странѣ. Одни хозяйства тамъ расшатываются, распадаются, и на ихъ развалинахъ образуются новыя, болѣе крупныя хозяйства. Неизвѣстно, сколько теряетъ страна отъ этого безконечнаго перекраиванія территории на мелкія и крупныя хозяйства, отъ этого параллельнаго дробленія и сосредоточиванія земель; неизвѣстно также, не могла ли бы въ этой благословенной странѣ сельско-хозяйственная культура достигнуть болѣе высокой степени развитія, еслибы тамъ господствовалъ иной порядокъ землевладѣнія, чѣмъ теперь. Въ Англіи, съ ея майоратнымъ принципомъ наслѣдованія, сельское хозяйство, говорятъ, находится на высочайшей степени развитія. Но въ этой странѣ процвѣтаетъ фермерское хозяйство, тамъ вовсе нѣтъ та-

нихъ мелкихъ собственниковъ, какъ наши крестьяне; тамъ вся масса сельскаго населенія находится въ положеніи наемныхъ рабочихъ. Совсе нельзя сказать, чтобы культура земли достигла въ Англии геркулесовыхъ столповъ развитія: давно доказано, что трудъ свободнаго человѣка выше, по своей энергій и производительности, чѣмъ трудъ раба, а трудъ собственника выше въ этомъ отношеніи, чѣмъ трудъ наемнаго рабочаго. Но еслибъ даже англійская система хозяйства не оставляла желать ничего лучшаго, то можно ли изъ сельскаго хозяйства сдѣлать алтарь и обречь на закланіе громадное большинство деревенскаго люда? Извѣстно, что нигдѣ масса народа такъ не бѣдна, какъ въ Англии, что именно тамъ, по выраженію одного великаго ученаго, «національное богатство есть синонимъ народной бѣдности». Для всей страны, для всего народа не можетъ быть полезно то, что вредно для большей части отдѣльныхъ личностей. «Національное» богатство Англии, это—богатство небольшой кучки людей, захватившихъ въ свои руки всѣ земныя блага. Для нихъ, для этого ничтожнаго меньшинства личное землевладѣніе съ казимъ-угодно принципомъ наслѣдованія дѣйствительно полезно. Но наука и практика должны заботиться не о нихъ; она должна работать для благополучія всей массы людей, населяющихъ страну

V.

Въ жизни нѣтъ такого положенія, изъ котораго не было бы выхода; но, къ сожалѣнію, не всѣ видятъ этотъ выходъ тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно находится. Бѣдственное экономическое положеніе крестьянъ, какъ извѣстно, не составляетъ у насъ исключительнаго или мѣстнаго явленія, и неудивительно, что мы слышимъ въ литературѣ разные толки о томъ, какъ помочь бѣдѣ. Не будемъ останавливаться на различныхъ палліативныхъ мѣрахъ, которыя у насъ предлагаются въ изобиліи, особенно въ послѣднее время. Замѣтимъ только, что сами авторы этихъ мѣръ болѣею частью понимаютъ ихъ палліативный характеръ и потому рекомендуютъ ихъ именно въ видѣ временныхъ, переходныхъ облегченій. Всякое облегченіе, всякое средство, которое даетъ населенію возможность вздохнуть свободнѣе, заслуживаетъ, конечно, вниманія и сочувствія; но для насъ достаточно будетъ остановиться здѣсь—и то не надолго—на той мѣрѣ, которая пользуется у насъ наибольшою популярностію, и посмотрѣть, облегчитъ ли она существеннымъ образомъ положеніе сельскаго люда.

По мнѣнію нѣкоторыхъ публицистовъ, корень теперешнихъ затрудненій, заключается въ нашей податной системѣ, именно — въ злосчастной подушной подати. Стоить только упразднить или измѣнить эту систему, и дѣла понемпогу налажатся. Съ мнѣніемъ этимъ врядь-ли, однако, можно согласиться: подушная подать играетъ такую ничтожную роль въ крестьянскомъ бюджетѣ, что приписывать ей подобное значеніе неосновательно. Расходъ, напримеръ, бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нашей мѣстности, съ упраздненіемъ этой подати, сократится на $1\frac{1}{2}$ слишкомъ милліона; ежегодный дефицитъ ихъ будетъ тогда колебаться не между $5\frac{1}{2}$ и $21\frac{1}{2}$ мил., а между 4 и 20 мил. рублей. Можно ли рассчитывать, что хозяйство этихъ крестьянъ придетъ въ цвѣтущее состояніе отъ подобной перемѣны? Если говорить уже объ обременительности крестьянскихъ платежей, то, конечно, пальма первенства должна быть присвоена не подушной подати, а платежамъ за землю. Платежи эти обременительны потому, что составляютъ въ нашихъ губерніяхъ 54% всѣхъ платежей бывшихъ крѣпостныхъ, что земли, поступившія въ надѣль, оцѣнены были, какъ извѣстно, выше своей дѣйствительной стоимости¹, что временно обязанные крестьяне, помимо значительныхъ платежей, и по сію пору исполняютъ разныя повинности въ пользу своихъ прежнихъ господъ². Всѣ другіе прямые налоги — и въ отдѣльности, и въ общей сложности — не могутъ сравниться съ этимъ видомъ платежей по своему обременительному значенію. И, однако, еслибъ съ крестьянъ были сложены даже всѣ рѣшительно прямые налоги, то было бы все-таки еще далеко до окончательнаго устраненія теперешней неурядицы: расходы бывшихъ крѣпостныхъ сократились бы отъ этого на 4 слишкомъ милліона, но у нихъ каждый годъ все-таки получался бы дефицитъ отъ одного до 16 мил. рублей. Предположеніе это, конечно, не заключаетъ въ себѣ ничего вѣроятнаго: насколько извѣстно, нетолько ни-

¹ Такъ, насколько можно видѣть изъ данныхъ за 1872 годъ, въ Полтавской Губерніи 387,006 дес., которыми владѣли крестьяне, приступившіе къ выкупу, оцѣнены были въ 18.569,098 р., тогда какъ дѣйствительная ихъ стоимость была не больше 9.978,149 р.; въ Черняговской Губерніи 626,321 дес., принадлежавшія этимъ крестьянамъ, оцѣнены были въ 16.596,293 р., а между тѣмъ стоимость ихъ была не свыше 14.236,360 р. (Гр. под. ком., XXII, III).

² Изъ данныхъ, сообщаемыхъ полтавскою губернскою земскою управой (ibid), оказывается, что, въ то время, какъ выкупные платежи составляли всего по 2 р. 10 к. за десятину, временно-обязанные крестьяне, оставшіеся у помѣщиковъ на оброкѣ и издѣльной повинности, платятъ около 2 р. 90 к. за десятину. Но эта цифра ниже дѣйствительной, потому что губернская управа, прилавъ въ расчетъ 183,580 дней, въ теченіи которыхъ помимо денежныхъ взносовъ (по губерніи — 260,915 р.), эти крестьяне обязаны работать на своихъ бывшихъ господъ, оцѣнила рабочий день всего въ 12 коп.

кто не проектировалъ избавить крестьянъ отъ всякихъ платежей, но прямыя налоги, напротивъ того, постоянно возрастали¹. Тѣмъ не менѣе, оно, кажется, наглядно показываетъ, что люди, которые смотрятъ на измѣненіе нашей податной системы, какъ на коренной поворотъ къ лучшему, находятся въ пріятномъ заблужденіи, что введеніе даже подоходнаго налога, этого геркулесова столпа податной реформы, не приведетъ еще сельскій людъ въ цвѣтущее состояніе. Не касаясь неразрѣшеннаго еще вопроса о томъ, возможна ли эта реформа въ Россіи, есть ли у насъ опредѣленный классъ капиталистовъ, который подлежалъ бы обложенію, и т. д., мы замѣтимъ только, что для введенія подоходнаго налога необходимо, чтобы у облагаемыхъ былъ хоть какой-нибудь чистый доходъ съ собственнаго имущества. Какъ мы видѣли, у большей части поселянъ нашей мѣстности такого дохода нѣтъ, и потому подоходный налогъ будетъ для нихъ не больше, какъ своеобразнымъ упраздненіемъ теперешнихъ платежей. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, что измѣненіе нашей податной системы не доставитъ крестьянству значительнаго облегченія или что система эта въ нынѣшнемъ видѣ не раззорительна для него. Мы, напротивъ того, думаемъ, что облагать какими-нибудь платежами людей, которые и безъ того еле еле сводятъ концы, есть актъ въ высшей степени убыточный для нихъ, актъ, который вынуждаетъ ихъ продавать за безцѣнокъ свой трудъ или даже налагать на себя путы кабалы. Но въ четырехъ милліонахъ платежей нельзя все-таки видѣть причину извѣстнаго намъ положенія бывшихъ крѣпостныхъ, и невозможно допустить, чтобы съ упраздненіемъ или измѣненіемъ этой суммы миновались всѣ бѣдствія. Нынѣшняя матеріальная обстановка крестьянъ, ихъ современный бытъ и хозяйство зависятъ, какъ мы видѣли, отъ недостатка земли, а не отъ податной системы, и существеннымъ образомъ улучшить ихъ экономическое положеніе можно, поэтому, только устранивши именно эту причину.

Мысль о томъ, что необходимо увеличить размѣры крестьянской земли, нисколько не нова и давно уже повторяется у насъ на разные лады. Но люди, согласные въ этомъ пунктѣ, существенно расходятся въ вопросѣ о томъ, сколько именно земли

¹ Въ половинѣ прошлаго столѣтія, крестьяне обязаны были поставлять провіантъ и фуражъ въ натурѣ. При Руманцовѣ, поставка провіанта была замѣнена податью въ малороссійскій скарбъ по 1 р. съ дну, а на комиссарскіе расходы по 2 коп. Въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, помѣщичьи крестьяне платили: подушныхъ по 95 коп. съ души, земскаго сбора (на содержаніе уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и дорогъ)—по 49¹/₄ к., за право безплатной продажи вина—по 58 к. (Арандаренко).

нужно отвести крестьянину. «Для огромного большинства, говорить г. Янсонъ:—слово «чернозёмъ» связано съ понятіемъ сытаго народа, полныхъ хлѣба закромъ; если тамъ и самъ на чернозёмѣ обнаруживается повальное голоданіе населенія, его приписываютъ неблагоприятнымъ климатическимъ условіямъ или безпечности, нерадѣнію самого земледѣльца, у котораго такъ много плодородной земли, что ему не къ чему заботиться объ улучшеніи хозяйства и о болѣе прочномъ обезпеченіи своего быта. Есть люди, которые и теперь еще находятъ, что многоземелье въ черноземной полосѣ тормозитъ всякое улучшеніе въ хозяйствѣ, которые не прочь даже, для облегченія участи нечернозёмнаго крестьянина, снять съ него часть платежей, переложивъ на чернозёмнаго. Знаютъ ли они, что для улучшенія хозяйства необходимо, чтобы не только были обезпечены насущныя нужды хозяина, но чтобы у него были избытки, которые бы можно было обратить на увеличеніе скотоводства, обзаведеніе лучшими орудіями; знаютъ ли они, наконецъ, есть ли и могутъ ли быть у чернозёмнаго крестьянина эти избытки?» («Опытъ статис. изсл.» 64). Оказывается, что никакихъ избытковъ у крестьянина чернозёмной полосы нѣтъ и не можетъ быть, потому что для прокормленія средней крестьянской семьи требуется, по мнѣнію г. Янсона, при трехпольномъ хозяйствѣ, участокъ въ 8,5 десятинъ пахоты и, кромѣ того, 1,5 дес. луга, т. е. по 5 десятинъ въ душевомъ надѣлѣ, тогда какъ теперь крестьянскій надѣлъ гораздо меньше этой нормальной величины. Да и при такомъ надѣлѣ, по вычисленію г. Янсона, «ночи не можетъ быть, за покрытіемъ потребности въ кормовыхъ средствахъ, никакихъ избытковъ; на необходимые расходы для покупки соли, дѣгтя, на ремонтъ одежды и хозяйственныхъ орудій, покупку лѣснаго матеріала, на церковныя требы и пр. и пр. не остается ничего, тѣмъ болѣе на уплату податей» (ibid., 66—67). По расчетамъ г. Чаславскаго, основаннымъ на данныхъ Курской Губерніи, минимумъ надѣла составляютъ 4,2 десятины пашни и $\frac{1}{4}$ десятины лѣса на душу («Хлѣбная торговля въ центр. районѣ», II), при чемъ доходомъ отъ конопляника могутъ даже быть покрыты и повинности. Въ Борвенскомъ Уѣздѣ, одномъ изъ самыхъ плодородныхъ въ Черниговской Губерніи, по вычисленію мѣстной земской управы, «наименьшій размѣръ поземельнаго имущества, дохода съ котораго достаточно на самое ограниченное содержаніе и прокормленіе семьи, долженъ быть въ 8 десятинъ»¹

¹ По мнѣнію этой управы, «на семью изъ 5 душъ необходимо въ годъ, по крайней мѣрѣ: на съѣстные продукты 56 р. 25 к., на бѣлье 10 р. 75 к., верхнюю одежду 25 р. 25 к., ремонтъ двора и топлива 15 р.—всего 107 р. 75 к. Доходъ съ десятины озимого хлѣба—21 р. 20 к., ярового—18 р. 50 к. По

(Труд. подат. ком., XXII, III, 650). Основаніемъ всёхъ этихъ расчетовъ служить нынѣшняя и, притомъ, минимальная норма потребностей крестьянской семьи и существующіе въ настоящее время крестьянскіе платежи; различіе между рекомендуемыми размѣрами нормального участка и величиною надѣла, принятой за норму составителями Положенія 19-го февраля, чисто количественное: и въ тѣхъ, и въ другихъ расчетахъ принято за исходную точку одно и то же основаніе—норма потребностей и платежей крестьянина. Между тѣмъ, по справедливому замѣчанію князя Васильчикова, «основаніе это ошибочно... Не нужды, а силы, не продовольствіе и содержаніе, а *рабочая способность* должна служить мѣриломъ землевладѣнія; не число душъ, требующихъ пропитанія, а число рабочихъ мужиковъ и бабъ, доставляющихъ эти средства»¹ («Землевл. и земледеліе», II, 807). Различіе между основаніемъ, предлагаемымъ княземъ Васильчиковымъ, и основаніемъ, принятымъ въ соображеніе при предыдущихъ расчетахъ, весьма существенно. Оно заключается въ томъ, что размѣръ участка, рассчитаннаго на рабочія силы семьи (Arbeitsfläche, по терминологіи нѣмецкихъ экономистовъ), больше, нежели участокъ, рассчитанный на продовольствіе семьи (Nahrungsfläche); «это значитъ, добавляетъ нашъ авторъ, что рабочая семья, при номинальномъ своемъ составѣ, можетъ обработать болѣе, чѣмъ ей нужно для своего пропитанія, или, другими словами, что она можетъ заработать нѣкоторый излишекъ, дающій ей средства содержанія сверхъ насущныхъ потребностей пропитанія» (ibid., 808). Этотъ излишекъ доходовъ сравнительно съ расходами могъ бы служить залогомъ прогресса, какъ потребностей крестьянина, такъ и земледѣльческой культуры; при личности его, немислимъ былъ бы тотъ застой и упадокъ кре-

этому, при трехкольномъ хозяйствѣ, для полученія 107 р., надо имѣть 8 дес. (по 2³ дес. озимого, ярового и толоки) (ibid.). Изъ свѣдѣній, доставленныхъ той же управой, оказывается, что изъ 16,542 семействъ крестьянъ и другихъ сельскихъ обывателей податнаго сословія въ уѣздѣ, 11,447 семействъ крестьянъ, т. е. 69%, не обладаютъ такимъ имуществомъ.

¹ «Мы признаемъ, говорить кн. Васильчиковъ:—нормальнымъ, самостоятельнымъ хозяйствомъ такое, которое соотвѣтствуетъ, во-первыхъ, числу рабочихъ въ одной семьѣ, выведенному изъ общей сложности одного уѣзда или другого территориальнаго округа и, во-вторыхъ, среднему размѣру угодій пашенныхъ и сѣнокосныхъ, какое можетъ быть воздѣлано однимъ рабочимъ взрослымъ и женатымъ, съ помощью своихъ домохозяцввъ, въ теченіи одного года. Такъ, на примѣръ, если въ уѣздѣ NN пропорціальное отношеніе рабочихъ душъ къ 1 двору выходитъ, какъ 1,4, то нужно опредѣлить по мѣстнымъ условіямъ, сколько одинъ работникъ можетъ воздѣлать пашни и луговъ; положимъ примѣрно 10 десятинъ и, помноживъ это число на 1,4, мы получимъ 16 дес., какъ средній размѣръ одного семейнаго участка или надѣла» (ibid. 808).

стьянскаго хозяйства, который такъ единодушно констатируютъ мѣстные землевладѣльцы.

Мнѣнію князя Васильчичева, основанному на историко-сравнительномъ изученіи вопроса, слѣдуетъ отдать преимущество предъ мнѣніями другихъ изслѣдователей. Но, принимая его, мы не можемъ согласиться съ соображеніемъ этого автора, будто бы въ большей части Россіи достаточно 10 десятинъ для семьи или двора, т. е. коллективной группы, состоящей изъ полутора работниковъ и полутора работницъ. Самъ же кн. Васильчичевъ называетъ «крупными или многоземельными» такіе подворные участки, которые требуютъ, кромѣ личнаго труда самихъ хозяевъ, еще постоянной помощи наемныхъ рабочихъ» (стр. 815), а «мелкими, малоземельными хозяйствами такіа, при которыхъ большая часть домашней, семейной рабочей силы не находитъ себѣ примѣненія внутри хозяйства и должна искать занатій извнѣ, на другихъ промыслахъ или на чужихъ земляхъ» (816). Если сельскому населенію должно принадлежать столько земель, сколько оно въ состояніи обработать, то, очевидно, что количество всѣхъ окрестныхъ земель, которыя оно въ дѣйствительности обрабатываетъ, можетъ служить лучшимъ критеріемъ рабочей способности этого населенія, а, стало быть, и нормы надѣла. Въ нашихъ губерніяхъ, владѣнія всѣхъ землевладѣльцевъ обрабатываются почти исключительно мѣстными поселянами; пришлыхъ рабочихъ въ имѣніяхъ встрѣчается мало; почти всѣ промыслы носятъ здѣсь земледѣльческій характеръ, и часть населенія, которая не находитъ себѣ работы дома, отправляется въ отхожіе, опять-таки земледѣльческіе промыслы. Мы полагаемъ поэтому, что сельскому податному населенію Полтавской Губерніи должно бы было принадлежать около 4½ дес. земли, а деревенскому люду Черниговской Губерніи—около 3.000,000 десятинъ. Это былъ бы нормальный надѣлъ: на каждый «дворъ» или группу изъ полутора работниковъ и полутора работницъ пришлось бы тогда по 15 дес. пашни, т. е., приблизительно, такое количество земли, какое воздѣлываетъ въ настоящее время подобная группа ежегодно ¹. Но для осуществленія этой нормы поселяне нашихъ

¹ Какъ видно изъ «Трудовъ» податной комиссіи, въ Полтавской Губерніи, по даннымъ за 1872 годъ, считалось всего 760,205 ревизскихъ душъ сельскаго податнаго сословія. Если считать, что число женщинъ равно числу мужчинъ и что рабочее населеніе составляетъ 89% всего числа, то въ этой губерніи рабочихъ обоаго пола оказывается 897,042 человека, которымъ, по принятой нами нормѣ, должны принадлежать 4.485,210 дес. земли. Въ Черниговской Губерніи, по тѣмъ же свѣдѣніямъ, оказывается 577,789 ревизскихъ душъ, число женщинъ полагаемъ равнымъ числу мужчинъ, а рабочіе составляютъ 86% всего сельскаго населенія (Явись «Опытъ...», таблица X)—всего

губерній должны были бы приобрести какимъ-нибудь образомъ недостающія имъ $3\frac{1}{2}$ мил. десятинъ, которыя теперь находятся въ рукахъ привилегированныхъ землевладельцевъ, и, кромѣ того, измѣнить нынѣшнее распредѣленіе земель между отдѣльными категориями податнаго сельскаго люда ¹. Если бы эти перемѣны могли состояться, то равномерное распредѣленіе земли между всѣми представителями труда дало бы возможность каждой рабочей семьѣ прилагать къ почвѣ всѣ свои силы. Мы, впрочемъ, не настаиваемъ на указанной нормѣ надѣла и охотно соглашаемся съ справедливыми доводами г. Костычева («Крест. надѣлы и крест. хозяйство», «Отч. Записки, 1878»), по мнѣнію котораго, для крестьянской семьи можно признать нормальнымъ участокъ въ 18—20 десятинъ. Мы думаемъ только, что, принимая основаніе надѣленія, предложенное кн. Васильчиковымъ, нужно быть послѣдовательнымъ и, не пугаясь этой послѣдовательности, согласиться, что населенію должны принадлежать всѣ земли, которыя оно въ состояніи обрабатывать. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что, при этомъ условіи, и сельско-хозяйствен-

здѣсь, стало бытъ, оказывается 647,124 рабочихъ обоого пола, которымъ нужно владѣть 8.236,620 десятинами.

¹ Теперь въ Полтавской Губерніи всѣмъ податнымъ сельскимъ жителямъ принадлежатъ 1.899,369 дес.—недостаетъ имъ, значитъ, до нормы 2.535,841 десятина. Между тѣмъ, разнымъ привилегированнымъ землевладельцамъ принадлежитъ теперь всего 2.050,488 дес.; населенію, слѣдовательно, недостанетъ 585,408 дес., и 107,081 рабочихъ обоого пола не получатъ надѣла. Эта группа должна будетъ или выселиться изъ губерніи, населенной теперь довольно густо, или, оставивъ земледѣліе, позаняться какими-нибудь другими промыслами дома; она, однако, не столь многочисленна, какъ контингентъ людей, который теперь отправляется изъ «Полтавщины» на посторонніе заработки, или даже на «оселенье» и «слободы»: еще въ сороковыхъ годахъ контингентъ этотъ, по словамъ г. Арандаренко, доходилъ, какъ было указано въ прошломъ отчѣдѣ, до 90 тысячъ человекъ въ годъ, а теперь онъ, по крайней мѣрѣ, въ два раза больше, притомъ же это все — мужичьи работники. Возможно также, что эта группа останется земледѣлческой, если населеніе, получивъ нормальные надѣлы, перейдетъ отъ нынѣшней экстенсивной системы хозяйства къ интенсивной. Въ Черниговской Губерніи всѣмъ поселянамъ теперь принадлежитъ 1.877,300 дес., т. е. на 1.358,920 десятинъ меньше, чѣмъ имъ нужно; привилегированнымъ землевладельцамъ принадлежитъ здѣсь 1.854,468 дес., податному сельскому населенію недостанетъ, слѣдовательно, 8,867 дес., и 771 рабочіе обоого пола должны будутъ раздѣлить судьбу аналогичной группѣ въ Полтавской Губерніи. Замѣтимъ, что земли, принадлежащія теперь сельскимъ сословіямъ Полтавской Губерніи, соответствуютъ рабочимъ способностямъ всего 379,876 рабочихъ обоого пола, изъ общаго числа 897,049; иными словами: что 57,6% рабочаго сельскаго люда работаетъ на чужихъ земляхъ. Въ Черниговской своихъ земель теперь достаточно всего для 878,460 рабочихъ обоого пола изъ общаго числа 647,124; на чужихъ земляхъ работаетъ, стало бытъ, 42,3% рабочаго деревенскаго люда.

ная культура, и благосостояніе населенія были бы обезпечены самымъ прочнымъ образомъ: по справедливому замѣчанію князя Васильчичева, «наука и практика сельско-хозяйственной теоріи, равно какъ и политическая экономія согласны въ томъ, что непосредственная эксплуатація земли самимъ владѣльцемъ представляеть въ экономическомъ отношеніи неисчислимыя выгоды» (ibid, 818). По словамъ одного землевладѣльца, конкурентомъ для помѣщика и арендатора «является крестьянское хозяйство. Трудно бороться съ этой конкуренціей, потому что крестьянинъ не щадитъ своего труда, разъ онъ работаетъ на себя. Помѣщикъ и арендаторъ выносятъ эту конкуренцію только качествомъ и количествомъ своихъ продуктовъ; но выгоды, излишкаемыя тѣмъ и другимъ, далеко не могутъ сравниться съ выгодами крестьянъ-съемщиковъ» (Тр. ком. для изсл. сельск. хоз., VI, I, 9). Весьма значительный излишекъ, который несомнѣнно оставался бы у населенія въ видѣ чистаго дохода, еслибы оно владѣло всѣми окрестными землями, давало бы возможность обезпечить и удовлетвореніе общественныхъ потребностей; платежи и повинности ложились бы тогда на чистый доходъ, а не на трудъ, какъ теперь, и понятно, что объ цѣли, указанная въ манифестѣ 19-го февраля 1861 года — обезпеченіе быта населенія и исправнаго исполненія его обязанностей предъ государствомъ, осуществлялись бы гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Такимъ образомъ, увеличивъ размѣры надѣла, можно было бы устранить основную причину нынѣшняго положенія сельскаго люда — недостатокъ земли. Но это — только одна сторона дѣла. Мы видѣли, что обычай личнаго землевладѣнія и равномѣрнаго наслѣдованія губельно отражается на хозяйствѣ и на матеріальной обстановкѣ крестьянъ, потому что имѣеть свойство раздроблять участки, сокращать имущественныя и личныя силы хозяевъ. Ясно поэтому, что мѣстная аграрная система должна быть упразднена окончательно и безповоротно; въ противномъ случаѣ, измѣняя существующіе размѣры земли и оставляя нетронутой эту систему, мы рискуемъ черезъ нѣсколько поколѣній получить тѣ же явленія, которыя наблюдаемъ теперь: безземелье или малоземелье, постепенный ростъ пролетаріата, застой и упадокъ сельско-хозяйственной культуры. Губельная въ социальномъ отношеніи, вредная въ экономическомъ, эта система владѣнія землею не составляетъ, очевидно, такого учрежденія, съ которымъ большинству населенія жаль было бы расстаться; она не оставитъ послѣ себя никакихъ полезныхъ результатовъ и пріятныхъ воспоминаній. Но измѣненіе должно обнять непремѣнно всю систему землевладѣнія, а не

одинъ только мѣстный способъ наслѣдованія, какъ было указано въ прошломъ этюдѣ; замѣнивъ равномерное наслѣдованіе, майоратнымъ или миноратнымъ, мы разрѣшили бы вопросъ только на половину и остановились бы на полдорогѣ: мы получили бы весьма значительное число мелкихъ собственниковъ, между тѣмъ, какъ весь приростъ населенія прямо бы поступалъ въ ряды пролетаріевъ. Единственная аграрная система, которая должна была бы замѣнить нынѣшнюю, при господствѣ которой, устранивъ основную причину теснотнаго положенія сельскаго люда — малоземелье, мы убили бы вмѣстѣ съ тѣмъ и факторъ, способный воспроизвести его, единственной такой системой является общинное владѣніе землей. Но поземельная община, въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь въ Великороссіи, имѣетъ, какъ намъ извѣстно, значеніе отрицательнаго условія для благосостоянія сельскаго люда: она обезпечиваетъ только равномерное распредѣленіе земель между жителями; положительныя же ея свойства обнаруживаются теперь въ самой незначительной степени. Ассоціируя людей съ солидарными интересами, она и въ настоящее время даетъ имъ возможность, какъ показываютъ гг. Якушкинъ, Посниковъ и другіе изслѣдователи, совершать такіа предпріятія, которыя были бы не подъ силу отдѣльной личности. Всѣ положительныя свойства этой аграрной системы останутся, однако, нераскрытыми, пока самое пользование землею будетъ происходить по личному принципу, пока артель, которая признается наукою самой выгодной формой экономическихъ предпріятій, не будетъ примѣнена къ земледѣлію. Мы думаемъ поэтому, что земледѣльческая артель должна быть послѣднимъ заключительнымъ звеномъ въ тѣхъ перемѣнахъ, которыя оказались необходимыми въ нашей мѣстности. Переходъ къ интенсивной культурѣ отъ нынѣшней экстенсивной, на необходимость котораго такъ настойчиво указываетъ князь Васильчиковъ, могъ бы совершиться въ обширныхъ размѣрахъ только при артельномъ производствѣ. Мы видѣли выше, что о переходѣ къ многопольной системѣ и плодопережѣнному сѣвообороту не можетъ быть и рѣчи при современномъ состояніи крестьянскаго хозяйства; при общинномъ владѣніи и артельной обработкѣ земли, сельскій людъ, владѣя обширными прострѣнками, можетъ ввести, если понадобится, не только многопольную систему, но и всякія другія усовершенствованія сельско-хозяйственной культуры. Принципы взаимности, лежащіе въ основаніи артельного производства, совокупная обработка артельщиками общинныхъ земель артельными орудіями, солидарность интересовъ всѣхъ

участниковъ—могутъ служить для членовъ поземельной артели достаточно сильнымъ стимуломъ, чтобы заботиться какъ о своемъ благосостояніи, такъ и о процвѣтаніи хозяйства. На это указываютъ отчасти многочисленные факты, разсѣянные въ книгѣ князя Васильчикова, и, между прочимъ, современное состояніе общинныхъ земель и имуществъ въ Швейцаріи и Голландіи, подробно описанное этимъ авторомъ («Землевл. и земледѣліе», II, 726—9). Факты эти свидѣтельствуютъ, что общинники прилагаютъ много заботъ и стараній, чтобы извлечь наибольшій доходъ изъ своихъ владѣній, и вводятъ въ нихъ тѣ усовершенствованія, до которыхъ доработалась въ настоящее время агрономическая наука.

Таковы тѣ перемѣны, въ которыхъ нуждается нашъ уголокъ подворной Россіи. Есть ли какая-нибудь вѣроятность надѣяться на осуществленіе этихъ перемѣнъ въ отдаленномъ или близкомъ будущемъ, это—другой вопросъ. Но, судя по небольшой мѣстности, о которой шла рѣчь, нетрудно, кажется, будетъ понять, отразится ли благотворно на благосостояніи крестьянъ отмѣна общиннаго землевладѣнія, воспрянутъ ли духомъ теперешніе общинники, очутившись съ подворными участками, и начнется ли расцвѣтъ сельско-хозяйственной культуры въ подворной Россіи.

Л. Котеляжскій.

* * *

Къ чему, мнѣ шепчетъ тайный голосъ: —
Зачѣмъ, по скользкому пути,
Свой тощій плодъ, невскожій вѣлосъ
На свѣтъ, на торжище нести?
Тамъ — свой кумиръ, своя забота,
Тамъ жизнь мятется и снуется
И силой злой водоворота
Охватить, смочь, унести!..
Умы тамъ преданы всецѣло
Тому, что вѣсь имѣеть, тѣло,
Тамъ — нѣтъ восторженныхъ дѣтей...
Пойми-жь: кому какое дѣло
До пѣсень, грѣзь души твоей?

Есть мощная потребность духа:
Потребность высказаться; глухо —
Средою чуждой смущена —
Порой, звучить ея струна;
Но и подъ гнетомъ невниманья,
Насмѣшки ѣдкой, порицанья
Не можетъ замолчать она!
Раздолье пѣснямъ на свободѣ,
Тамъ, гдѣ широкій кругозоръ:
На солнцѣ, при честномъ народѣ,
Давай ей судъ и приговоръ.
Какъ цвѣтъ дающее и колосъ
Простое, доброе зерно
Въ землѣ заглохнуть не должно,
Такъ слово правды, чувства голосъ
Таить въ груди не суждено.

А. Яхонтовъ.

1878 г.

САМОЗВАННЫЯ ДѢТИ.

(Изъ сказаній XVIII столѣтія).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Германская Имперія, смѣтанная, въ наши дни, на живую нитку Пруссію— собственно давнишняя знакомка Европы; существовала она и прежде, и притомъ въ продолженіи дѣлаго тысячелѣтія, украшаясь титуломъ священной и съ прибавленіемъ названія римской, и, не отказываясь, по примѣру своей великой предшественницы и соименицы, отъ притязанія на всесвѣтное владычество. Но притязаніе этого рода не переходило никогда въ дѣйствительность, такъ что римскіе цезари или нѣмецкіе кайзеры позднѣйшихъ временъ, жившіе въ Вѣнѣ, могли кичиться развѣ только тѣмъ, что они въ сонмѣ тогдашнихъ европейскіхъ государей носили самый древній и самый почетный титулъ. Впрочемъ, царственная ихъ обстановка не была лишена величія. Хотя въ числѣ ихъ вассаловъ и не было королей, но зато были и курфюрсты, и герцоги, и маркграфы, и князья, и графы. Притомъ, они имѣли право жаловать всѣ эти титулы своею собственною верховною властью. Желая, хотя бы и искусственнымъ способомъ поддержать древнюю идею значенія западной римской имперіи, какъ всесвѣтной владычицы, германскіе императоры очень охотно давали знатнымъ и богатымъ иностранцамъ, и герцогское, и княжеское, и графское достоинства. Ихъ державному тщеславію льстило, что вассалы ихъ имперіи находились во всѣхъ странахъ Европы, хотя, повидимому, они могли

бы вполне довольствоваться и теми вассалами, которые владѣли и землями, и подданными собственно въ предѣлахъ германской имперіи. Здѣсь, среди множества феодальныхъ властителей, существовалъ родъ графовъ Лимбургъ-Стирумъ, члены котораго принадлежали къ нѣмецкимъ династамъ, т. е. къ владѣтельнымъ особамъ, состоявшимъ въ прямой и исключительной зависимости отъ римско-нѣмецкаго императора.

Еще въ XII-мъ вѣкѣ латино-нѣмецкіе хроникѣры занесли на страницы своихъ лѣтописей нѣкоего графа Альдена, жившаго въ замкѣ Нейбрюгге, построенномъ на рѣкѣ Липпе его предками, которые были одними изъ самыхъ могущественныхъ феодаловъ въ этой мѣстности. Сыновья Альдена, Дидрихъ и Фридрихъ, увлекаясь духомъ тогдашней борьбы императорской власти съ папскою, вздумали, въ свою очередь, повздорить и потягаться съ епископомъ кѣльнскимъ, который былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и владѣтельнымъ княземъ нѣмецкой имперіи. Смиранный служитель алтаря Господня нашелъ нужнымъ обуздать дерзкихъ сосѣдей. Онъ опоясался мечемъ, собралъ своихъ вѣрныхъ вассаловъ и слугъ, вооружилъ ихъ чѣмъ попало и пошелъ войною на своихъ противниковъ. Побѣда осталась на сторонѣ его пресвященства, и архипастыръ, въ возмездіе за неповорность и безбожіе Дидриха и Фридриха, не далъ имъ спуску. Онъ разорилъ до тла замокъ Нейбрюгге, не оставивъ камня на камнѣ; опустошилъ въ конецъ земли, принадлежавшія владѣльцамъ этого замка, отлучилъ ихъ самихъ отъ церкви и уволилъ ихъ подданныхъ отъ присяги на вѣрность. Вслѣдствіе нашествія епископской рати и крутой расправы со стороны пресвященнѣйшаго владыки, Дидрихъ и его братъ Фридрихъ изъ знаменитыхъ феодаловъ обратились вдругъ въ самыхъ жалкихъ бѣднякомъ и изгнанниковъ. Вскорѣ, однако, богатое и знатное родство выручило ихъ изъ бѣды: у нихъ былъ дядюшка, могущественный въ ту пору герцогъ Лимбургскій, родная сестра котораго, Маргарита, была матерью этихъ вольнодумныхъ и неудачныхъ воеводъ. Дядюшка принялъ самое родственное, самое горячее участіе въ печальной судьбѣ Дидриха и Фридриха и далъ имъ средства поправиться. Онъ построилъ имъ на свои деньги, въ замкѣ разореннаго и сожженнаго епископомъ замка Нейбрюгге, новый замокъ, который былъ лучше и обширнѣе прежняго и былъ названъ Гох-Лимбургомъ. Милости богатаго и тороватаго дядюшки до такой степени растрогали старшаго изъ его племянниковъ, что онъ отказался отъ родовой своей фамиліи Альденъ и принялъ для себя и для своихъ потомковъ фамилію дяди-благодѣтели, присоединивъ къ ней и принадлежавшія изстари его

роду графскій титулъ. Переимѣнилъ онъ также и скромную розу своего наслѣдственнаго герба на разъяреннаго льва, бывшаго въ гербѣ его дяди.

Все это происходило очень давно, а именно около половины XII-го столѣтія, и отъ этого признательнаго племянника пошла плодиться Лимбургъ нескончаемо-длинной вереницею. Дитрихъ родилъ Фридриха, Фридрихъ родилъ Дитриха и Крафта, Крафтъ родилъ Иогана, Иоганъ родилъ Дитриха и такъ далѣе. Проходили столѣтія за столѣтіями, а вмѣстѣ съ ними являлись и исчезали одни за другими новые Лимбургъ, показывавшіеся на свѣтъ Божій въ ихъ наслѣдственномъ замкѣ, и затѣмъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительной, но не трудной жизни, находившіе для себя мѣсто вѣчнаго успокоенія подъ вѣковыми сводами фамильной ихъ усыпальницы. Бывали между ними и храбрые, и трусоватые, и щедрые, и скарденые, и смиренныя, и задорныя; но никто, однако, изъ потомковъ Дитриха I не оставилъ по себѣ въ лѣтописяхъ памяти, какъ о чловѣкѣ умномъ. Отсутствие этого качества проявилось съ особенною рѣзкостью въ одномъ изъ позднѣйшихъ ихъ потомковъ, въ Филиппѣ-Фердинандѣ: на всю Германію онъ слылъ и за простоватаго парня, и за величайшаго ротозѣя.

Несмотря, однако, на это, онъ, какъ представитель древнѣйшаго феодальнаго рода и какъ обладатель обширныхъ владѣній, пользовался большимъ почетомъ среди имперскихъ князей и графовъ. Той линіи дома Лимбурговъ, къ которой онъ принадлежалъ, какъ-то особенно посчастливилось по части пріобрѣтенія вѣрноподанныхъ, а также земельныхъ владѣній, замковъ, городковъ, бурговъ, деревень, денегъ и разныхъ сокровищъ. Выходило такъ, что многимъ изъ предковъ графа Филиппа удавалось жениться на единственныхъ дочеряхъ послѣднихъ въ родѣ феодальныхъ владѣтелей, и потому разныя фрейлейя фонъ-Вицъ, фонъ-Списъ и другія вносили въ эту линію Лимбурговъ свои наслѣдственныя помѣстья. Кромѣ того, нѣкоторыя вѣтви многочисленнаго рода Лимбурговъ, волею Божіею, вымирали безъ потомства, а остававшееся послѣ нихъ разное движимое и недвижимое имущество переходило къ той отрасли, къ которой принадлежалъ графъ Филиппъ. Независимо отъ этого, многіе нѣмецкіе династы, а въ числѣ ихъ и Лимбургъ, постановили для себя священнымъ правиломъ — не только не проживать наслѣдственнаго достоянія, но еще непремѣнно сдѣлать къ нему какое-либо приращеніе или землями, или звонкою монетою, или какими-нибудь драгоценностями, которыя объявлялись неотчуждаемыми и неприкосновенными въ нисходящемъ потомствѣ не-

только ихъ перваго пріобрѣтателя, но и боковыхъ наслѣдниковъ.

Благодаря всему этому, графъ Филиппъ Лимбургъ получилъ отъ своего родителя громадное состояніе. Ему принадлежало нѣсколько замковъ съ присоединенными къ нимъ деревнями, пахотами, лѣсами, лугами и пустошами и всѣми угодьями; право сбора разныхъ пошлинъ съ мѣстныхъ жителей и проезжихъ, а также и родовыя сокровища большой цѣнности, и въ сундукахъ, обитыхъ желѣзомъ, немало покоилось у него наслѣдственнаго серебра и золота. Кромѣ того, онъ былъ совладѣльцемъ довольно-значительнаго графства Оберштейнскаго и постоянно обдумывалъ планъ, какъ бы повыгоднѣе выкупить непринадлежавшую ему еще часть этого графства, чтобы, такимъ образомъ, сдѣлаться единственнымъ его обладателемъ.

Въ добавокъ ко всему этому, Филиппъ отыскалъ въ своемъ фамильномъ архивѣ разныя грамоты и хартии, и на этихъ клочкахъ пожелтѣвшаго и иссохшаго пергамента, онъ сталъ основывать новыя притязанія. Короче, его имущественная обстановка была блестящая, а денежныя дѣла находились въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, возбуждая сильную зависть и желчь во многихъ обнищавшихъ сосѣдяхъ, свѣтлѣйшихъ князьяхъ и сіятельныхъ графахъ, владѣнія которыхъ были слишкомъ тѣсны, а казна оказывалась почти пустою.

При такихъ благопріятныхъ условіяхъ для веселой, роскошной и беззаботной жизни, остался патнадцатилѣтній Филиппъ послѣ смерти своего отца, въ 1749 году. Вскорѣ, однако, пылкая, ничѣмъ и ничѣмъ нестѣсенная юность взяла верхъ надъ завѣтомъ разсчетливыхъ его предковъ. Филиппъ нетолько не думалъ умножать какими-либо новыми вкладами прародительскую сокровищницу, но напротивъ, частенько сталъ потаскивать въ ней порядочные куши, и въ ней постепенно началось истощаться то добро, которое было накоплено цѣлыми вѣками.

Къ этому времени, прежняя простота и умѣренность старонѣмецкаго быта нетолько ослабѣли, но даже почти совершенно исчезли среди германскихъ феодаловъ. Прельщаясь блескомъ французскаго двора, они думали ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, чтобы подражать въ своей обстановкѣ Людовику XIV и перенимать изъ Франціи королевскія привычки и затѣи. Тѣсными и невзрачными казались имъ древніе ихъ замки; роскошь и изящество Лувра и, въ особенности, поразительное великолѣпіе Версаля сводили ихъ съ ума. Имъ хотѣлось имѣть дворцы съ картинными галереями, мраморомъ, позолотою и гобеленами. Они мечтали объ увеселительныхъ замкахъ съ стриженными са-

дами и высоко бьющими водометами, рѣдкими статуями и звѣринцами. Имъ казалось невозможнымъ обойтись безъ многочисленнаго и пышнаго двора, но, конечно, то, что было по средствамъ его нахристіанѣйшему величеству королю Франціи и Наварры, было вовсе не по плечу хотя относительно и чрезвычайно-богатому графу Лимбургу и всей его имперской свѣтлости. И вотъ началось между германскими феодалами страшное мотовство, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, наступила и пора ихъ раззоренія. Пріѣзжавшіе къ ихъ дворамъ на службу бароны и дворяне скоро проживались до послѣдней нитки и поступали на хлѣбъ къ своимъ сюзеренамъ, которые, въ свою очередь, тратили безрасчетливо деньги не только на роскошное обзаведеніе своихъ резиденцій, но и на другія статьи. У каждаго владѣтельнаго князя и графа явились теперь капеллы музыкантовъ, придворные театры съ приглашенными на сцену изъ Италіи примадоннами и съ вызванными изъ Франціи балетмейстерами. Немало тратили германскіе феодалы денегъ и на содержаніе придворной охоты, на иллюминаціи, фейерверки, балы и разнаго рода торжественныя церемоніи.

Кромѣ расходовъ на всѣ эти предметы, у многихъ германскихъ владѣтелей, а въ числѣ ихъ и у графа Филиппа, явились еще особыя, весьма значительныя затраты. Не желая отстать отъ королей французскихъ, и они обзаводились метрессами, хорошенькими, но зато и дорого стоившими женщинами, желавшими разыгрывать роль маркизы Помпадуръ. Эти милыя, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обыкновенно весьма прихотливыя и сlishкомъ требовательныя созданія, и сами порядкомъ источали финансы нѣмецкихъ феодаловъ; но, сверхъ того, порою оказывалась необходимость и въ другихъ дополнительныхъ, по милости ихъ, издержкахъ. Нерѣдко судьба благословляла сожительствовавшую въ любви чету побочными чадами, которыхъ нужно было обезпечить въ будущемъ, добывъ имъ баронство или дворянство и надѣливъ ихъ приличнымъ состояніемъ. Нужно было также устроить и судьбу ихъ родительницъ, чего опять нельзя было сдѣлать безъ болѣе или менѣе значительныхъ затратъ. Все это какъ нельзя лучше испытывалъ на себѣ и женолюбивый графъ Филиппъ, который, оставляя одну красотку и обзаводясь новой, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и заботливымъ родителемъ своихъ сыновей и дочерей.

Незамѣтно, среди любви, веселья и разныхъ наслажденій жизнью, промелькнула юность Филиппа, и также незамѣтно прошла для него и первая, и вторая молодость. Перевалило ему ужъ и за сорокъ лѣтъ, потомъ прибавилось къ этому почтенному

возрасту еще нѣсколько годовъ, а онъ, между тѣмъ, оставался безбрачнымъ. Происходило это вовсе не отъ того, чтобъ онъ не заботился упрочить въ лицѣ законныхъ наслѣдниковъ свой древній родъ, но отъ другой причины. Графъ Филиппъ, вида, что онъ порядкомъ поразстроилъ богатство, нажитое его скопидомными предками, сталъ подумывать о томъ, какъ бы поправить свои финансовыя дѣла, и наиболѣе подходящимъ къ тому средствомъ представлялась ему женитьба на такой невѣстѣ, которая принесла бы ему огромное приданое. Усердно подсматривалъ онъ желанную невѣсту, но, къ крайнему огорченію, не находилъ. Разумѣется, не мало было у него въ виду голубоокихъ и русокудрыхъ нѣмецкихъ дѣвицъ, которыя, по знатности рожденія, по уму, образованію, красотѣ и юности, были бы ему очень желательными подругами жизни, но зато, по части приданого, у нихъ было довольно плохо. Одну изъ нихъ какой-нибудь братецъ Эренфридъ-Генрихъ-Августъ, какъ представитель мужскаго поколѣнія своего дома, обдѣлялъ до такой степени, что за нею не оставалось ничего, кромѣ почетнаго аббатства съ нѣсколькими сотнями флориновъ ежегоднаго дохода. У другой, хотя и не было такого брата-обидчика, но зато было столько сестрицъ, что, при раздѣлѣ между всѣми отцовскаго наслѣдія, на долю каждой приходились такіе пустяки, что невѣсты эти не составляли никакой приманки для расчетливаго жениха. Наконецъ, третьи невѣсты, хотя и были одиночки въ своей семьѣ, но зато не могли получить въ приданое ничего, кромѣ родительскаго благословенія на вѣки нерушимаго.

Чтобъ придать себѣ болѣе важности и вѣсу, какъ знатному жениху, Филиппъ-Фердинандъ графъ фонъ-Лимбургъ-Стирумъ сталъ хлопотать въ Вѣнѣ о томъ, чтобъ ему изъ владѣтельнаго графа обратиться въ такового же князя. Удалось ему и это, но такое превращеніе обошлось недешево, потому что за сдѣланное ему повышение въ рангъ, онъ долженъ былъ внести въ имперскую казну порядочное количество флориновъ, сдѣлать дорогой подарокъ его величеству императору Францу I, большому охотнику до подобныхъ приношеній со стороны вассаловъ, и, наконецъ, дать нѣсколько пригоршней червонцевъ императорской канцеляріи, доставившей ему грамоту на княжеское достоинство. Въ добавокъ къ этому, онъ долженъ былъ задавать по этому случаю торжественные пиры, устраивать народныя празднества для своихъ вѣрноподанныхъ и ознаменовывать оказанную ему императоромъ милость разными благотворительными приношеніями на пользу государственную и общественную. Все это чрезвычайно замѣтно отозвалось на его и безъ того уже порядочно оскудѣв-

шей казнѣ; но существенной пользы не было никакой, такъ какъ невѣсты, подходящей къ расчетамъ оженнаго графа, все-таки не оказывалось. Между тѣмъ, все болѣе и болѣе пробивавшаяся на головѣ его сѣдина, все шире и шире расплывавшаяся лысина и рѣзче и рѣзче дѣлавшіяся на лицѣ морщины настоятельно докладывали его свѣтлости, что не худо было бы, еслибы онъ соизволилъ поторопиться вступленіемъ въ законный бракъ.

Въ ожиданіи этого вождѣннаго событія, князь жилъ по-прежнему въ своемъ замкѣ Нейссенъ на широкую ногу. Кромѣ двора, съ гофмаршаломъ, гофмейстеромъ, гоф-интендантомъ, камергерерами, камер юнкерами, шталмейстеромъ, егермейстеромъ, при немъ состояла и пѣхота, и кавалерія, и артиллерія. Короче, у него было всякаго рода воинство, кромѣ побѣдоноснаго. Рать князя Лимбургскаго, въ случаѣ поголовной ея мобилизаціи, составила бы всего человекъ 20 конницы и человекъ до 75 пѣхоты, при двухъ пушкахъ. Рать эта была собственно потѣшнымъ войскомъ. Князь забавлялся своими военными силами, какъ забавлялись и всѣ тогдашніе нѣмецкіе владѣтели. Онъ занимался выправкою своихъ дружинъ, усердно производя смотры и вахтпарады и съ нетерпѣніемъ выжидая той счастливой минуты, когда гдѣ-нибудь вспыхнетъ война и ему представится случай выгодно отдать въ наемъ, для совершенія доблестныхъ подвиговъ, обученную имъ армію. Но, къ крайнему его прискорбію, ни откуда не приходило требованія на поставку храбрыхъ нѣмцевъ. Между тѣмъ, министръ финансовъ князя, баронъ Горнштейнъ, всеподданнѣйше представлялъ своему повелителю, что финансы его свѣтлости находятся не въ слишкомъ цвѣтущемъ положеніи и что, по этому, предстоитъ крайняя необходимость поправить ихъ не только всевозможными сбереженіями, но и какимъ-нибудь удачнымъ оборотомъ. При этомъ, баронъ сообщилъ своему государю, что теперь представляется благоприятный случай къ подобной операціи, такъ какъ по извѣстіямъ, дошедшимъ изъ Парижа, туда пріѣхалъ какой-то польскій богачь-князь, желающій обмѣнять, хотя бы съ денежною придачею, свои родовыя владѣнія на владѣнія въ Германіи и что, такимъ образомъ, открывается возможность устроить выгодную сдѣлку, на которую не худо было бы рѣшиться.

II.

— Разложить бы тебя, пане-коханку, на коверъ, да отшлепать бы тебя хорошенько бизунами ¹, такъ сталъ бы ты совсѣмъ иной, а то теперь въ конецъ отъ рукъ отбился. Пропадаешь, Богъ-вѣсть гдѣ, по цѣлымъ днямъ, ничего не помнишь, ходишь словно опалѣный. Развѣ мы, пане-коханку, затѣмъ сюда прѣѣхали, чтобы гонаться за красотами, и развѣ мало у насъ на Литвѣ своихъ красавицъ, чтобы приходилось волочитъ за чужими?..

Такъ на польскомъ языкѣ выговаривалъ пожилой мужчина почтительно стоявшему передъ нимъ молодому человѣку, на котораго онъ, въ тоже время, ласково смотрѣлъ своими большими голубыми глазами.

Оба они были одѣты по-польски, но нарядъ старшаго отличался чрезвычайною небрежностію; его кунтушъ изъ простаго бѣлаго сукна былъ потертъ и запачканъ порядкомъ и, въ добавокъ, покрытъ разноцвѣтными пятнами. Можно было, однако, догадаться, что такой нарядъ вовсе не говорилъ о недостаткѣ средствъ, такъ какъ на томъ, кто его носилъ, былъ надѣтъ литой серебряный поясъ съ изыщной чеканкой, а на воротѣ его рубашки блистала радужными лучами большой, чудной воды брилліантъ, который, по своей громадной цѣнности, одинъ могъ бы обогатить многихъ. Пожилой мужчина былъ высокаго роста, довольно тучный; на его здоровыхъ, широкихъ плечахъ и на толстой, короткой шеѣ сидѣла огромная, почти совсѣмъ лысая голова съ небольшими лишь остатками волосъ на вискахъ. Густые и длинныя съ легкою просѣдью усы были опущены книзу, что обозначало дурное расположеніе его духа.

Молодой человѣкъ, съ которымъ онъ разговаривалъ, былъ, напротивъ, чрезвычайно красивъ и статенъ и, въ противоположность старшему, былъ одѣтъ не только опрятно, но и весьма щеголевато. На немъ были желтые сафьянные сапоги и красные шаровары. Жупанъ или нижнее платье изъ голубаго атласа съ запонками изъ голубой эмали съ брилліантовыми на нихъ буквами X. K. R.; изъ-за жупана выглядывалъ бѣлый, какъ снѣгъ, воротъ рубашки, а поверхъ жупана былъ надѣтъ суконный кунтушъ соломеннаго цвѣта, съ синимъ воротникомъ. Широкий поясъ плотно перехватывалъ его стройную талію; на этомъ поясѣ были разсыяны серебряныя незабудки и астры. Съ боку у пояса

¹ Бизуны по-польски—плеть, нагайка.

висѣла кривая сабля, на рукояткѣ которой, отдѣланной серебромъ и бирюзой, была положена маленькая голубая бархатная шапочка съ околышемъ изъ крымской мерлушки.

По безпрестанной поговоркѣ «пане-коханку» — что значить по-русски «любезный мой» — тотчасъ можно было узнать въ пожиломъ мужчинѣ перваго литовскаго магната того времени, виленскаго воеводу Кароля или Карла Радзивилла, который къ кому бы то ни было, даже и къ самому королю, обращался не иначе, какъ только съ этими словами, замѣняя ими и имена, и фамиліи, и титулы.

— Вишь вѣдь какъ разрядился, пане-коханку, точно мы у себя въ Несвижѣ на большомъ праздникѣ! продолжалъ князь, осматривая съ ногъ до головы служившаго при немъ шляхтича. — Ну, а надѣнешься ли ты на успѣхъ? Я думаю, что для такого, какъ ты, молодца неудачъ въ любви не должно быть? А скажи-ка мнѣ, пане-коханку, кто твоя сердечная вазноба?

— Ясноосвѣщенный князь! заговорилъ въ смущеніи молодой человекъ: — на успѣхъ надѣяться я не могу, а кто она — и самъ я не знаю. Называютъ ее различно, а въ тихомолеу говорятъ...

На этомъ словѣ онъ какъ будто оборвался.

— Что говорятъ? спросилъ, ухмыляясь, князь.

— Говорятъ, вполголоса промолвилъ шляхтичъ: — что она — принцесса Волдомірская съ Кавказа.

— Охъ ты, пане-коханку, вишь куда забрался! Да изъ какаго же она народа? спросилъ князь.

— Рассказываютъ, съ таинственнымъ видомъ и чуть слышнымъ голосомъ продолжалъ шляхтичъ: — что она — дочь умершей императрицы Елизаветы...

— Ха, ха, ха! весело и громко разсмѣялся князь: — а ты, дурень, этому и вѣришь? Тебя морочить хотять. — За нею теперъ ты, панъ Доманскій, и вздумалъ ухаживать? перебилъ Радзивиллъ. — Полно, пане-коханку, вздоръ молоть!.. Скажи-ка мнѣ лучше, исполнилъ ли ты, какъ слѣдуетъ, мое приказаніе?

— Я былъ у вашего банкира, и онъ сказалъ, что пока перевода денегъ изъ Варшавы на имя вашей княжеской милости еще не сдѣлано; но что это нисколько не затруднитъ его выдать вамъ хоть сейчасъ же такую сумму, какую вамъ угодно будетъ получить отъ него.

— Я пошлю ему отвѣтъ, а ты иди съ Богомъ. Да смотри, если на Литвѣ узнаютъ о твоихъ любовныхъ проказахъ, такъ ни одна паненка на тебя смотрѣть не захочетъ, замѣтилъ, подсмѣиваясь, Радзивилъ вслѣдъ уходившему молодому человекъ.

Въ это время, отворилась другая дверь, и въ комнату вошелъ мужчина лѣтъ за тридцать. По его наружности и изящной модной одеждѣ, можно было принять его, съ перваго взгляда, за чистокровнаго француза, а затѣмъ и вполнѣ убѣдиться въ этомъ предположеніи, присмотрѣвшись къ его ловкости и утонченнымъ манерамъ. Его щегольской бархатный кафтанъ французскаго покроя, батистовое жабо и кружевные маншеты, шелковые безукоризненной бѣлизны чулки, башмаки на высокихъ съуживавшихся внизу каблукахъ, расчесанная и напудренная голова составляли поразительную противоположность простой фізіономіи, неуклюжимъ манерамъ и небрежной одеждѣ хозяина.

— А, пане-коханку! дружески крикнулъ князь, бросаясь обнимать и цѣловать въ обѣ щеки элегантнаго гостя, который, съ своей стороны, привѣтствовалъ его граціознымъ поклономъ.

— Садись-ка, пане-коханку, очень радъ тебя видѣть. Думали ли мы, что встрѣтимся въ Парижѣ, но видно на то воля Божія. А дѣла-то наши, пане коханку, плохи, охъ, какъ плохи!.. Да это—еще не большая бѣда, а бѣда въ томъ, что Понятовскій насъ осилилъ... Чтобъ его черти побрали...

Добродушно и гнѣвно крикнулъ это хозяинъ; но, какъ будто испугавшись своихъ словъ, онъ началъ набожно креститься.

— Ну, черти то его не возьмутъ, насмѣшливо замѣтилъ гость.

— А ты, пане-коханку, какъ видно, все по прежнему въ чертей не вѣришь?—плохой же ты католикъ, замѣтилъ князь, съ выраженіемъ безнадежности и сожалѣнія взглянувъ на гостя и начавъ снова быстро креститься при вторичномъ упоминаніи о чертахъ.

— Потерпѣли мы при нашей конфедераціи неудачу потому, что Понятовскаго поддержала Екатерина, заговорилъ гость:—еслибы не она, мы легко справились бы съ нимъ, а теперь намъ не остается ничего болѣе, какъ смириться передъ нимъ и воспользоваться его милостію, а также и дозволеніемъ возвратиться въ отечество, чтобы получить обратно отобранныя у насъ имѣнія...

— Ты, пане-коханку, воспользуйся его милостями, насмѣшливо отозвался князь:— а я не желаю получать ихъ отъ сына эконома...

— Напрасно, панъ Кароль, ты такъ дерзко отзываешься объ избранномъ нами же самими государѣ и повторяешь вздорныя сплетни объ его рожденіи. По шляхетской нашей вольности, мы имѣли полное право съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ него, но мы не смѣемъ порочить словами нашего законнаго короля, замѣтилъ строго собесѣдникъ князя.

— Ого!.. Да, какой же онъ король? Я никогда не признавалъ и никогда не признаю его королевъ! запальчиво крикнулъ князь.— Онъ—король въ Варшавѣ, а я—король въ Несвижѣ!.. Ты, пане-коханку—другое дѣло: ты былъ прежде его другомъ и доброжелателемъ, ты усердно поддерживалъ его избраніе на сеймѣ, а я былъ и прежде, да и всегда буду противъ Понятовскаго. Онъ мнѣ—не государь...

— Дѣ, я поддерживалъ его, но дѣлалъ это въ надеждѣ, что онъ упрочитъ благо нашего погибающаго отечества, а когда убѣдился въ противномъ, то сожалѣю, что старанія мои были не у мѣста...

— Э, полно, пане-коханку! сказалъ Радзивиллъ, дружески хлопнувъ по плечу гостя.—У тебя и въ мысляхъ не было отечества, ты изъ тѣхъ поляковъ, которымъ все равно ѣхать, что въ Римъ, что въ Крымъ. Ты измѣнилъ правдѣдовскимъ обычаямъ. Посмотришь только въ зеркало и скажи, развѣ ты полякъ, а не французъ? Не обижайся, пане-коханку, тѣмъ, что я тебѣ говорю съ полною прямою: я старѣе тебя чуть ли не на цѣлый десятокъ лѣтъ, а старшихъ слушать должно. Развѣ не знаютъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, и въ Руси, изъ-за чего ты поссорился съ твоимъ старымъ другомъ Понятовскимъ? Спроси каждаго и тебѣ скажутъ, что ты повздорилъ съ нимъ изъ-за того, что онъ отбилъ у тебя панну Ельжбету, а не случись этого, такъ ты бы жилъ съ нимъ и теперь въ ладахъ... Ну, дай во мнѣ, пане-коханку, честное слово шляхтича, что не этотъ случай былъ истинною причиною твоего гнѣва противъ Понятовскаго? вызывающимъ голосомъ заключилъ Радзивиллъ, протягивая къ гостю свою руку.

Щеголеватый панъ видимо смѣшался; по его лицу пробѣжало выраженіе неудовольствія, но, какъ человекъ въ высшей степени благовоспитанный, онъ сдержалъ себя и, какъ бы не вида протанутой руки, постарался замаять неприятный для него разговоръ.

— Я не имѣю привычки обижаться твоими словами, панъ Къроль, говори что хочешь. Всякаго другаго Михаила Огинскій съумѣлъ бы заставить быть поскромнѣе на языкъ, но тебѣ давно всѣ дали волю, пользуйся ею какъ хочешь; а что касается моей размолвки съ королевемъ, то отъ какихъ бы причинъ она ни произошла, а все-таки я долженъ прямо сказать тебѣ, что я жалѣю о нашемъ разладѣ, и готовъ идти съ нимъ на мировую...

— Идти съ нимъ на мировую?.. вспыхнулъ Радзивиллъ.—Полно, пане-коханку!.. Мы не истощили пока еще нашихъ силъ. Ты самъ сейчасъ сказалъ, что Понятовскаго поддержала Екатерина, но, безъ сомнѣнія, онъ вскорѣ лишится этой поддержки:

царичѣ будетъ не до него. Пугачъ дѣлаеть ей столько хлопотъ, что она не знаетъ, какъ съ нимъ справиться; ей не до насъ. Кромѣ того, я увѣренъ, что мы снова подобьемъ Турцію къ войнѣ съ Москвою, и тогда мы легко совладаемъ съ Понятовскимъ. Потѣрди еще немного, пане-коханку, и увидишь, чѣмъ все кончится...

— Я знаю заранѣе, чѣмъ все кончится. Кончатся плохо; да развѣ и теперь хорошо? Мы оба, богатые и знатные литовскіе магнаты, въ какомъ положеніи находимся теперь? Я сижу безъ гроша, кругомъ въ долгахъ. Правда, тебѣ пока не дурно, ты отлично устроилъ свои дѣла: пріатели твои взяли въ аренду твои имѣнія и высылаютъ тебѣ съ нихъ доходы, но вѣдь это непрочно. Пройдетъ еще нѣсколько времени, и друзья забудутъ о тебѣ, а ты, панъ Кароль, первый богатъ въ Литвѣ и Польшѣ, очутишься, чего добраго, въ такихъ тискахъ у разныхъ банкировъ, что не въ силахъ будешь освободиться отъ нихъ...

Положивъ на столъ руки и оперевъ на нихъ свою огромную лысую голову, Радзивиллъ съ нахмуренными бровями слушалъ неуѣшительныя предвѣщанія своего товарища какъ по богатству, такъ и по изгнанію.

— Такъ ты думаешь, пане-коханку, сойтись опять съ Понятовскимъ? пробурчалъ онъ, сильно дернувъ книзу и безъ того уже повисшій усь.

— Ничего не остается болѣе дѣлать, проговорилъ со вздохомъ Огинскій. — Неужели же намъ пускаться въ новыя отчаянныя предпріятія, губя напрасно своихъ друзей и пріателей. Намъ пока остается одно изъ двухъ: или усиливать смуты, поднятыя у москалей Пугачемъ, или начать ихъ снова, если онѣ улягутся, проговорилъ Огинскій. — Но это, во-первыхъ, можетъ и не удался, а, во-вторыхъ, мы можемъ показаться съ нашими затѣями смѣшными на всю Европу...

— А развѣ, пане-коханку, представляется случай, чтобы еще побаламутить въ Москвѣ? порывисто и пытливо спросилъ Радзивиллъ.

— Повидимому, такъ: теперь въ Парижѣ живетъ какая-то авантюристка, которая распускаеть слухъ, будто бы она — дочь императрицы Елизаветы и, слѣдовательно, имѣетъ право на престолъ... Радзивиллъ встрепенулся.

— И ты знаешь ее, пане-коханку? вскрикнулъ онъ.

— Нетолько, что знаю, но скажу тебѣ, по-правдѣ, панъ Кароль, что я успѣлъ даже влюбиться въ нея. Чтѣ за обворожительная женщина!.. Какъ легко увлечься ею!.. Прекрасно образована, умна, смѣла... Живетъ она роскошно, около нея начи-

наютъ собираться и наши, но пока безъ всякихъ политическихъ цѣлей, а просто, какъ около хорошенькой женщины.

— То есть льнуть къ ней, какъ мухи къ меду, перебилъ Радзивиллъ. — А что, пане-коханку, еслибы и въ самомъ дѣлѣ можно было заявить ея право на московскій престолъ? брякнулъ Радзивиллъ, шлепнувъ при этомъ себя ладонью по лыснѣ.— Вѣдь это было бы не худо?

— Право-то ея слишкомъ шатко, да и сама она не заявляетъ его. Она, кажется, вовсе не думаетъ объ этомъ. О правѣ ея толкуютъ втихомолку кое-кто, а ей самой ничего другого не хочется, какъ весело пожить. Чудная женщина! Полна прелести и жизни! восторженно говорилъ Огинскій.

— А ты, пане-коханку, вѣришь тому, что она—дочь Елизаветы? спросилъ пытливо Радзивиллъ, уперевъ свои глаза въ Огинскаго.

— Трудно вѣрить, когда она сама не говоритъ объ этомъ. Называетъ она себя просто Али-Эмете, и рассказываетъ, что у нея въ Персіи есть дядя, у котораго такіа невѣроятныя богатства, что, если рассказы ея хотя отчасти справедливы, то этотъ дядюшка можетъ, пожалуй, потягаться даже и съ Карломъ Радзивилломъ...

— Въ особенности теперь, засмѣявшись, перебилъ князь: — когда у меня ничего нѣтъ за душою и когда я живу изо дня въ-день подаваніями пріятелей и займами, которые потомъ придется уплачивать, проговорилъ уныло Радзивиллъ.

— Вотъ потому-то и нужно мириться съ королемъ; а когда мы будемъ разорены въ конецъ, что мы будемъ значить? Станемъ простыми шляхтичами—вотъ и все... проговорилъ Огинскій.

— А я, пане-коханку, думаю иначе: съ Понятовскимъ мириться не слѣдуетъ, а нужно сдѣлать еще послѣднія попытки противъ него и въ особенности противъ его покровительницы. На Францію, сказать по правдѣ, я теперь больше не рассчитываю. Сперва мы думали вести дѣло при ея помощи; но оказалось, что я напрасно прогостилъ долго въ Страсбургѣ, да и здѣсь, въ Парижѣ, прожилъ попустому. Какъ только получу деньги, отправлюсь тотчасъ въ Венецію, справлю тамъ карнавалъ, а оттуда проберусь въ Царьградъ; тамъ, быть можетъ, и посчастливится. Пусть только турки не мирятся съ Москвою; а между тѣмъ, Пугачъ будетъ дѣлать свое дѣло, да и мы, съ своей стороны, постараемся приготовить царичъ какой-нибудь новый гостинецъ... Вотъ бы, напримѣръ, залучить намъ какъ-нибудь ту даму, о которой ты, пане-коханку, сейчасъ говорилъ...

— И не рассчитывай на нее, это напрасно; тѣмъ болѣе, что

теперь около нея увивается одинъ женихъ, и къ нему она, какъ кажется, довольно расположена.

— А кто ея женихъ? торопливо спросилъ Радзивиллъ, у котораго теперь въ головѣ мелькнула мысль о Доманскомъ.

— Графъ Рошфоръ, будущій гофмаршалъ князя Лимбургскаго.

— Ну, его можно отложить въ сторону; и не такого жениха мы ей послѣ подыщемъ, перебилъ Радзивиллъ.

— Поступай, князь, какъ хочешь, а я въ это дѣло мѣшаться не стану, сказалъ твердымъ голосомъ Огинскій.

— А станешь стараться, чтобъ помириться съ Понатовскимъ? Ну, такъ и ты, въ свою очередь, поступай какъ хочешь, пробормоталъ съ недовольнымъ видомъ Радзивиллъ.

Перекинувъ еще другъ съ другомъ нѣсколько словъ, земляки-изгнанники разстались довольно холодно ..

III.

Свѣтлѣйшій князь Филиппъ Лимбургскій, прѣхавшій въ Парижъ для устройства своихъ финансовыхъ дѣлъ, очутился вовсе не тамъ, куда ему слѣдовало бы направиться съ этой благою цѣлью. Впрочемъ, онъ занялся и въ Парижѣ этого рода дѣлами, вступивъ въ сношенія, черезъ своего министра финансовъ, барона Горнштейна, съ княземъ Карломъ Радзивилломъ, желавшимъ промѣнять часть своихъ литовскихъ помѣстій на какое-либо нѣмецкое княжество. Для Радзивилла такой промѣнъ былъ бы собственно не денежной, но политической спекуляціею.

Еще съ половины XVI столѣтія фамилія Радзивилловъ получила княжеское достоинство священной Римской Имперіи, достоинство въ высшей степени почетное въ ту пору. Но для Радзивилловъ оно не представляло особенной важности. При тогдашнемъ стремленіи польской шляхты въ равенству, княжескій титулъ не давалъ Радзивилламъ въ Литвѣ никакого аристократическаго превосходства, которое упрочилось за ихъ родомъ только вслѣдствіе скопившихся въ этой фамиліи несмѣтныхъ богатствъ. Кромѣ того, совершившійся уже первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой предвѣщалъ, что и Литва легко можетъ подпасть подъ власть Россіи и что тогда даже такіе могущественные магнаты, какъ Радзивиллы, сдѣлаются не болѣе, какъ обыкновенными русскими помѣстными дворянами.

Для Карла Радзивилла такая будущность представлялась очень печальной. На земляхъ, принадлежавшихъ ему, кромѣ десятковъ тысячъ евреевъ и множества шляхтичей, державшихъ въ арендѣ

его фольварки. было 200,000 вѣрстныхъ крестьянъ. Владѣнія его такъ широко раскидывались по Литвѣ, что онъ, проѣзжая отъ Нѣмана до Двины и отъ Двины къ Вислѣ, могъ всегда ночевать у себя дома. Несмотря, однако, на такое богатство, онъ долженъ былъ признавать каждаго убогаго шляхтича равнымъ себѣ собратомъ. Между тѣмъ, изъ своего княжескаго титула онъ могъ бы сдѣлать такое употребленіе, которое доставило бы ему блестящее политическое положеніе. По праву князя священной Римской Имперіи, Радзивиллу представлялась возможность приобрести для себя и для своего потомства какое-либо германское княжество или герцогство и, такимъ образомъ, сдѣлаться владѣтельнымъ государемъ, имѣть свой дворъ, министровъ, посланниковъ, жаловать дворянство, титулы и ордена, чеканить монету и содержать войско, существованіе котораго признавалось бы государственнымъ правомъ, тогда какъ бывшая у него въ Литвѣ казацкая дружина и надворная пѣхота были лишь затѣю богатаго и пышнаго магната. Подобную затѣю тамъ только терпѣли, но она не допускалась по закону.

Вообще, обстановка тогдашнихъ владѣтельныхъ нѣмецкихъ князей, этихъ миниатюрныхъ монарховъ, чрезвычайно правилась Радзивиллу, и онъ вошелъ въ переговоры съ княземъ Лимбургскимъ объ уступкѣ ему графства Стирумскаго, которое императоръ обѣщалъ обратить въ княжество для Радзивилла и его потомства. Дѣло, однако, не пошло на ладъ. Прожившемуся князю Лимбургскому нужны были тотчасъ же деньги, и потому онъ желалъ не промѣнять, но продать принадлежавшее ему графство на наличныя деньги, которыхъ, однако, Радзивиллъ въ ту пору не могъ выплатить. Кромѣ того, князь Лимбургскій, освѣдомясь о положеніи дѣлъ въ Литвѣ и узнавъ, что имѣнія Радзивилла секвестрованы, побоялся входить въ какую бы то ни было сдѣлку о промѣнѣ ихъ на свое графство.

Живя въ Парижѣ, князь Филиппъ занимался планами объ улучшеніи своихъ финансовыхъ дѣлъ, разсчитывая, по-прежнему, и на другой способъ, а именно на выгодную женитьбу. Онъ не прочь былъ взять въ подруги своей начавшейся склоняться къ закату жизни какъ сухопарую, такъ и толстую дѣву; какъ красивую, такъ и не красивую; какъ молодую, такъ и перезрѣлую— все равно; даже хотя бы невѣста и была съ кое-какимъ изъяномъ, но только съ тѣмъ неперемѣннымъ условіемъ, чтобъ за ней было приданное, достаточное для приведенія въ порядокъ его разстроенныхъ дѣлъ. И въ этомъ случаѣ, его вѣрноподанный министръ финансовъ, баронъ Горнштейнъ, самымъ усерд-

нымъ образомъ хлопоталъ объ обезпеченіи судьбы своего возлюбленнаго государя и повелителя.

— Имѣю счастье, сказала она, однажды, Филиппу I-му: — всеподданнѣйше доложить вашей свѣтлости, что въ Парижѣ находится теперь особа во всѣхъ отношеніяхъ достойная руки владѣтельнаго государя.

Его свѣтлость вздрогнулъ, приосанился и наострилъ уши.

— Ну, а какъ у нея по денежной части, любезнѣйшій мой министръ финансовъ? торопливо спросилъ онъ.

— Еслибы кому либо изъ высокихъ государей благоугодно было удостоить ту особу, о которой я сообщаю, своего выбора, то что касается денежнаго вопроса, имъ можно было бы и начать, и окончить брачный контрактъ одной изъ высокодогваривающихся сторонъ, доложилъ однимъ залпомъ министръ.

— Въ самомъ дѣлѣ? весело перебилъ князь. — Кто же эта особа? не безъ волненія добавилъ онъ.

— Иностранная принцесса, скрывающаяся подъ именемъ Али-Эмете, таинственно проговорилъ баронъ.

Тутъ должно быть что нибудь романическое съ примѣсью, какъ кажется, восточнаго. Али-Эмете! какое звучное имя!.. Оно какъ будто благоухаетъ. Али-Эмете!.. сентиментально, протяжно, сладко и жмура глаза, повторялъ князь, какъ бы наслаждаясь этимъ звукомъ.

— Богатства принцессы громадны. Ведя, по повелѣнію вашей свѣтлости, переговоры съ уполномоченнымъ князя Радзивилла о промѣнѣ графства Стирумскаго, я совершенно случайно узналъ о таинственной принцессѣ, которая желала бы также приобрести это графство для себя, еслибы его величеству императору благоугодно было дозволить ей это. Во всякомъ случаѣ, попытка со стороны вашей свѣтлости по этому дѣлу была бы неизлишня. Положеніе государственныхъ нашихъ финансовъ, какъ вашей свѣтлости извѣстно, таково, что намъ не слѣдуетъ упускать ни одного благопріятнаго случая, представляющагося для нихъ поправленія. Въ будущемъ году, по государственнымъ расходамъ предстоитъ передержка; поступленіе же доходовъ ожидается въ меньшемъ противъ прежняго размѣрѣ; а на погашеніе долга потребуется новый заемъ, глубокомысленно докладывалъ министръ.

— Это совершенно справедливо, любезный баронъ, проговорилъ князь, но, занятый мыслью о невѣстѣ, онъ не обращалъ особеннаго вниманія на заботы своего министра о государственныхъ финансахъ. — Али-Эмете! нѣжно шепталъ онъ про себя. — А что, господинъ баронъ, вы не знаете, молода и хороша эта

таинственная принцесса? съ любопытствомъ спросилъ вдругъ пожелой волокита.

— Я еще не имѣю чести видѣть ея свѣтлости; но слышалъ, что она молода, очень хороша собой, образована и замѣчательно умна.

— Ну, послѣднее качество будетъ, пожалуй, лишнее, возразить князь. — Умныя жены для державныхъ супруговъ не совсѣмъ удобны; онѣ любятъ вмѣшиваться въ государственныя дѣла и очень часто затрудняютъ ихъ правильное теченіе. Вы очень хорошо знаете, любезный баронъ, что я, напримѣръ, употребляю всѣ усилія, чтобы только однимъ своимъ лицомъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства нести тягестное бремя правленія, сказалъ князь, придавая своему лицу выраженіе утомленія.

— И вѣрноподанные вашей свѣтлости благословляютъ Всевышняго за то, что онъ въ особѣ вашей даровалъ имъ такого мудраго и попечительнаго правителя, льстиво подхватилъ министръ.

— Благодарю васъ, любезный Горнштейнъ, за сообщеніе мнѣ отзыва моихъ вѣрноподанныхъ, столь утѣшительнаго для моего сердца; но вы знаете, что я — врагъ всякихъ похвалъ. Да и перехода къ разговору о благоденствіи и счастья моего народа, я уклонялся бы отъ того предмета, о которомъ заговорилъ съ вами. Скажите мнѣ, господинъ баронъ, что вамъ еще извѣстно о той особѣ, о которой мы заговорили совершенно случайно? спросилъ князь, устремивъ пристальный взглядъ на своего министра.

— Мнѣ извѣстно, ваша свѣтлость, что она живетъ роскошно, но чрезвычайно уединенно. Кромѣ окружающей ея небольшой свиты, никто изъ постороннихъ не бываетъ у ней; извѣстно мнѣ также, что до сихъ поръ сердце ея совершенно свободно и что нѣтъ еще въ виду такого счастливца, который удостоился бы быть ея избранникомъ. Наконецъ, мнѣ извѣстно также и то, что она скрывается въ Европѣ отъ политическихъ преслѣдованій, направленныхъ противъ нея.

— Ахъ, кстати!.. Я васъ запрашиваю о томъ и о другомъ, а, между тѣмъ, позабылъ спросить о главномъ. Какая же она принцесса? спохватился князь. — Вы сказали, что она — принцесса иностранная...

— Восточная, ваша свѣтлость; но только я не могу опредѣлительно сказать, откуда она: изъ Персіи, или съ Кавказа.

— Разузнайте, пожалуйста, баронъ, обо всемъ обстоятельно; это чрезвычайно любопытно. Въ немногіе часы, свободные отъ гостей правленія, я, быть можетъ, захочу написать романъ, и тогда жизнь принцессы послужитъ мнѣ канвою. Главное же, гос-

подинъ министръ, не безъ торжественности заговорилъ князь:— приложите ваше стараніе о выгодной продажѣ графства Стирумскаго. Помните, что мы не даромъ ввѣрили вамъ настоящій высокій постъ въ нашемъ государственномъ управленіи, полагаясь вполнѣ на вашу опытность и на преданность нашему дому. и затѣмъ будьте увѣрены, что мы пребываемъ къ вамъ нашею высокою милостью навсегда неизмѣнно благосклонны! закончилъ князь, свысока кивнувъ барону гсловую.

Во время этой рѣчи, министръ, отступая медленно задомъ отъ своего государя, отвѣшивалъ ему поклонъ за поклономъ, все плотнѣе и плотнѣе прижимая къ сердцу треуголку обѣими руками и, такимъ образомъ, добрался до двери, изъ которой и вышелъ, не поворачиваясь къ его свѣтлости спиною.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, князь Филиппъ, разодѣтый въ пухъ и прахъ, выходилъ въ пріемную, въ которой уже давно ожидала его бывшая съ нимъ въ Парижѣ свита: баронъ Горнштейнъ, гофмаршалъ баронъ Кноръ и другіе придворные чины. Всѣ эти господа, склонивъ головы, почтительно привѣтствовали своего повелителя, который едва удостоивалъ ихъ взглядомъ. Остановясь посреди залы, князь подозвалъ къ себѣ рукою министра финансовъ.

— Вотъ вамъ, господинъ баронъ, формальное полномочіе для веденія переговоровъ отъ нашего имени съ ея свѣтлостью принцесою Али-Эмете объ уступкѣ наслѣдственнаго нашего графства Стирумскаго, сказалъ онъ Горнштейну и величаво передалъ ему листъ бумаги. А вы, господинъ гофмаршалъ, добавилъ онъ, обращаясь къ другому смиренно стоявшему нѣмцу:—извольте предшествовать намъ для предваренія ея свѣтлости принцесы о немедленномъ нашемъ къ ней прибытіи.

Гофмаршалъ кинулся опростетью, чтобы скакать къ принцесѣ съ этимъ важнымъ извѣстіемъ, а князь медленнымъ шагомъ вышелъ изъ пріемной на лѣстницу, чтобы сѣсть въ раззолоченную карету, запряженную шестернею коней дугомъ, съ ливрейными лакеями, пудренными кучеромъ и такимъ же фореиторомъ. Князь поѣхалъ съ визитомъ къ Али-Эмете, обращая на себя вниманіе уличныхъ зѣвакъ.

Весело и беззаботно смѣялась принцесса Али Эмете съ сидѣвшимъ около нея на канapé Доманскимъ, когда вошедшій слуга доложилъ ей о пріѣздѣ гофмаршала отъ его свѣтлости князя Лимбургскаго. При докладѣ объ этомъ посѣтителѣ, послѣдовалъ сильный взрывъ хохота. Молодой человекъ быстро вскочилъ съ мѣста, поцѣловалъ на скоро ручку принцесы и выбѣжалъ изъ комнаты. Гофмаршалъ вошелъ къ принцесѣ и заявилъ ей, что

князь, августѣйшій его государь, исполнивъ этикетъ испрошеніемъ у ея свѣтлости чрезъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Парижѣ позволенія представиться ей и получивъ на то ея разрѣшеніе, повелѣлъ ему, гофмаршалу, отправиться къ принцесѣ и освѣдомиться, не обезпоятъ ли онъ теперь ея особу своимъ посѣщеніемъ?

Принцеса отвѣчала, что она ожидаетъ его свѣтлость и почтеть за особенное удовольствіе лично познакомиться съ нимъ.

Не долго пришлось Али-Эмете поджидать князя, который, позабывъ подобающую свѣтлѣйшему его сану степенью, скорыми шагами взбѣжалъ по лѣстницѣ и, введенный въ гостиную принцесы ея маршаломъ, представился ей съ почтительными реверансами.

Въ роскошно убранной гостиной сидѣла Али-Эмете въ большихъ золоченныхъ креслахъ. При приближеніи къ ней князя, она, немного привставъ съ кресель, подала ему руку, которую тотъ почтительно поцѣловалъ и, отступивъ нѣсколько шаговъ, сдѣлалъ послѣдній привѣтственный реверансъ, а принцеса пригласила его садиться.

Князь замѣтно смутился при видѣ молодой и хорошенькой женщины. Изъ-подъ высоко поднятой и наудренной прически ея выглядывало нѣсколько-худощавое личико, хотя и не поражавшее красотой, но зато привлекавшее своимъ выраженіемъ. Ея большіе черные глаза смотрѣли умно и кротко, лѣвый былъ косенькій. Недостатокъ этотъ не только не портилъ ея, а напротивъ придавалъ ея взгляду отъѣнокъ добродушнаго лукавства. Она была средняго роста, и прямой ея стая съ тоненькой талією не былъ лишенъ достоинства и даже величавости.

Принцеса была одѣта по послѣдней модѣ и съ большимъ вкусомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно просто; ни одного бриллианта не сіяло на ней, и въ этомъ отношеніи она составляла совершенную противоположность съ княземъ, у котораго на бархатномъ, расшитомъ золотомъ кафтанѣ сіяла огромная бриллиантовая звѣзда; на шляпѣ у него была такая же петлица, рукавѣ и эфесъ шпаги были осыпаны бриллиантами, ими же были украшены и пряжки на его башмакахъ. Можно было предполагать, что онъ какъ будто на показъ выставилъ всѣ свои драгоценности.

Не безъ жеманства, бывшаго въ то время въ модѣ у свѣтскихъ людей, князь напыщеннымъ слогомъ заявилъ принцесѣ, что онъ чрезвычайно благодаренъ случаю, доставившему ему счастье представиться ей. Къ этому онъ добавилъ, что не смѣетъ обременять ее дѣловымъ разговоромъ и что вопросъ о графствѣ

Стирумскомъ можетъ быть вѣдѣть ихъ уполномоченными, такъ что, по окончаніи сдѣлки, имъ останется только утвердить ее подписью.

По тѣмъ взглядамъ, какіе князь безпрестанно кидалъ на молодую женщину, ей не трудно было догадаться, что она произвела на него сильное впечатлѣніе; но она держала себя съ нимъ не только холодно, но даже нѣсколько сурово. Развѣжившійся князь пускался было въ приторныя любезности, пытался говорить заученные комплименты, но она очень мило отклоняла ихъ, сводя разговоръ на серьезныя предметы, разсуждать о которыхъ его свѣтлость былъ, однако, не особенно гораздъ.

Послѣ получасовой бесѣды, князь растался съ принцессой, очарованный ею, и самъ себѣ сознавался, что ему не приходилось еще ни разу въ жизни встрѣтить подобную привлекательную женщину. Собранныя же Гориштѣйномъ свѣдѣнія о восточной принцессѣ, прекрасно, впрочемъ, говорившей съ княземъ и по нѣмецки, и по французски, убѣдили Филиппа, что его новая знакомка должна быть замѣчательная личность, тѣмъ болѣе, что наведенныя справки о богатствѣ Али-Эмете подтвердили первоначальный объ этомъ разсказъ барона.

Его свѣтлость былъ въ большомъ восторгѣ, и подъ его съ длинными кудрями парикомъ роились теперь самыя отрадныя надежды: онъ мечталъ о томъ, что сперва сбудетъ выгодно принцессѣ свое графство, а потомъ, быть можетъ, соединится съ нею бракомъ, отъ котораго произойдутъ многія новыя отрасли знаменитаго его рода.

Кромѣ церемонныхъ визитовъ, князь искалъ случаевъ, какъ можно чаще видаться съ Али-Эмете, жившей, повидимому, строгой затворницей, и благовиднымъ предлогомъ для его посѣщеній явились личные переговоры о графствѣ Стирумскомъ, такъ какъ, по словамъ его, уполномоченные слишкомъ затрудняли это дѣло. Принцесса не уклонялась отъ посѣщеній князя. Она принимала его чрезвычайно любезно, долго бесѣдовала съ нимъ и, при разставаньи, твердила о томъ удовольствіи, какое онъ доставляетъ ей, удѣляя ей время отъ своихъ тяжелыхъ государственныхъ занятій. Опытный глазъ могъ, однако, легко подмѣтить, что искренности въ этихъ заявленіяхъ не было. Часто, въ присутствіи князя, Али-Эмете дѣлала украдкой свѣшанный зѣвокъ, закрывая вѣеромъ утомленное личико, по которому пробѣгало выраженіе скуки и неудовольствія. Видно было, что она тяготилась своимъ неотвязчивымъ гостемъ, повадившимся къ ней ѣздить все чаще и чаще; но князь не замѣчалъ ничего и съ каж-

дымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе влюблялся въ очаровавшую его принцесу.

IV.

Проживъ въ Парижѣ довольно долгое время и втянувшись въ огромные долги по векселямъ, выданнымъ различнымъ банкирскимъ домамъ, его свѣтлость князь Филиппъ Лимбургъ-Стирумскій увидѣлъ печальную необходимость отъѣхать во-свои. Хотя веселая и шумная столица Франціи чрезвычайно полюбилась ему, и хотя, послѣ побывки въ ней, тихіе нѣмецкіе городки и уединенные замки должны были казаться нѣмецкому феодалу, вкусившему сладкіе плоды раздольной парижской жизни, мѣстами скучнаго заточенія, но онъ не съ такимъ трудомъ пересилилъ бы свою неохоту отправиться домой, еслибы его не привязала къ Парижу неодолимая сердечная страсть.

Влюбленному до безумія въ Али-Эмете Филиппу разлука съ нею представлялась страшнымъ, невыносимымъ ударомъ. При томъ, онъ продолжалъ рассчитывать и на богатства принцесы, съ помощью которыхъ можно было бы произвести весьма выгодный оборотъ не только для избавленія себя отъ долговъ, но и для расширенія своихъ державныхъ правъ по выкупу графства Оберштейнскаго. Но дѣлать было нечего: старинные французскіе законы были неумолимо-строги къ несостоятельнымъ должникамъ, и его свѣтлость предвидѣлъ, что неприкосновенность его въ Германіи, какъ владѣтельной особы, не спасетъ его движимаго имущества отъ описи и продажи съ публичнаго торга, а его свѣтлѣйшую персону отъ томительнаго заключенія въ Клишй. Чтобы избѣжать такихъ невзгодъ, Филиппу не оставалось ничего болѣе, какъ улепетнуть по-доброу по здоровью въ свое княжество, откуда достать его было уже невозможно даже самыми дѣятельными мѣрами парижской полиціи.

Въ свою очередь, и прелестной Али-Эмете приходилось въ Парижѣ очень жутко въ денежномъ отношеніи. Прибывшій съ нею изъ Лондона молодой англійскій купчикъ Вантурсъ, проживавшій въ Парижѣ подъ именемъ барона Эмбса, былъ задержанъ за долги и сидѣлъ теперь подъ крѣпкимъ замкомъ и за желѣзной рѣшеткой. Другой спутникъ ея, именовавшійся барономъ Шенкомъ, хотя и былъ человекъ очень ловкій въ денежныхъ операціяхъ, но и онъ не могъ открыть себѣ въ Парижѣ досточнаго кредита. Пріятель Али Эмете, великій гетманъ литовскій Михаилъ Огинскій, находился самъ въ крайне стѣсненныхъ

обстоятельствахъ, а женихъ ея, графъ Рошфоръ, не имѣлъ ровно ничего за душой и самъ мечталъ только о томъ, что, вступивъ въ супружество съ богатой принцессой, заживетъ отлично на ея счетъ, а, между тѣмъ, она сама ожидала съ минуты на минуту дружнаго натиска многочисленныхъ и все болѣе и болѣе ожесточившихся кредиторовъ.

Въ одинъ вечеръ, когда Али-Эмете, сильно пригорюнившись, раздумывала о своемъ невеселомъ положеніи, къ ней явился, по обыкновенію, ея свѣтлѣйшій обожатель.

— Отъ чего вы, принцеса, сегодня такъ печальны? спросилъ съ участіемъ Филиппъ.

— Я могу быть съ вами вполне откровенна, любезный князь, отвѣчала она съ глубокимъ вздохомъ. — Произошла задержка въ высылкѣ мнѣ денегъ, и я чрезъ это поставлена въ самое не-пріятное положеніе.

— И подобные пустяки могутъ тревожить такое небесное созданіе! воскликнулъ сентиментально князь, позабывъ на одно мгновеніе, чтó значили для него самого пустяки этого рода. — Притомъ, вы только временно находитесь въ такомъ положеніи, а на скоропреходящія не-пріятности не стоить обращать никакого вниманія. Онѣ пройдутъ сами собою, какъ сонъ, и все потомъ позабудется, рассуждалъ наставительно князь, стараясь ободрить свою пріунывшую собесѣдницу. — А не будетъ ли съ моей стороны не-дозволенной нескромностію, если я осмѣлюсь спросить васъ, откуда вы ожидаете вашихъ капиталовъ? Не въ состояніи ли я чѣмъ-нибудь содѣйствовать вамъ въ этомъ случаѣ.

— Очень благодарна вамъ, князь, отвѣчала Али-Эмете. — Въ вопросѣ вашемъ я не вижу ни малѣйшей нескромности, но вижу только участіе. Правда, вопросъ этотъ затрагиваетъ собственно не одни мои денежныя дѣла, но и всю мою жизнь, которая для многихъ кажется загадочною. Несмотря, однако, на это, я не вижу надобности скрывать отъ васъ. Я не говорю никогда о себѣ съ праздными болтунами и съ людьми, которымъ я недо-вѣряю, а вы...

Князь схватилъ руку молодой женщины и страстно поцѣл-овалъ ее.

— Я—владѣтельница Азова, состоящаго подъ русскимъ вла-дычествомъ, начала повѣствовательнымъ тономъ Али-Эмете. — Происхожу же я изъ древняго княжескаго рода Волдоміровъ. Русское правительство поступило съ нами и несправедливо, и жестоко. Въ 1749 году, оно, безъ всякихъ уважительныхъ при-чинъ, овладѣло обширными владѣніями нашей фамиліи и только чрезъ двадцать лѣтъ возвратило ей ихъ. Но при этомъ я лично

ничѣмъ не могла еще воспользоваться. Меня, по смерти моего отца, четырехъ лѣтъ отъ роду, отвезли въ Персію къ моему дядѣ. Это необходимо было сдѣлать, чтобъ избавить меня отъ тѣхъ преслѣдованій со стороны русскаго правительства, которымъ могла я подвергнуться, какъ единственная представительница рода Волдоміровъ. Дядя мой былъ, да и теперь остается, первымъ богачемъ во всей Персіи. {Онъ меня чрезвычайно полюбилъ; не жалѣлъ для меня ничего и постарался дать мнѣ такое образованіе, чтобы я, какъ принцеса, могла, не стѣсняясь, явиться при каждомъ европейскомъ дворѣ...

— И при каждомъ изъ нихъ быть самымъ лучшимъ украшеніемъ, перебилъ восторженно князь.

— Полтора года тому назадъ, продолжала Али-Эмете, кивнувъ слегка головкой князю въ благодарность за его комплиментъ: — дядя мой привезъ меня въ Европу. При воспитаніи, которое онъ мнѣ далъ, и при той обстановкѣ, среди которой я росла у него, я, несмотря на долгое пребываніе въ дикой Персіи, почувствовала съ пріѣздомъ въ Европу, что нахожусь здѣсь, какъ въ родной странѣ. Дядя оставилъ меня въ Лондонѣ, передавъ въ мое распоряженіе значительные капиталы и множество сокровищъ, но вы поймете, князь, можетъ ли молодая и избалованная дѣвушка расчетливо распорядиться огромными богатствами, отданными ей на полный ея произволъ, въ особенности, если еще при этомъ скажутъ ей: не жалѣй ничего; а когда тебѣ будутъ нужны деньги, то золото снова явится въ твоимъ услугамъ?..

— Совершенно справедливо, совершенно справедливо, повторилъ князь, слушая Али-Эмете.

— Въ настоящее время, я уже имѣю извѣстіе, что мой дядя распорядился о переводѣ огромныхъ капиталовъ на мое имя въ конторы нѣкоторыхъ здѣшнихъ банкировъ, но неизмѣрно-большее разстояніе между Персіею и Европою замедляетъ исполненіе его распоряженій. Вслѣдствіе этого замедленія, происходить, не по моей, конечно, винѣ, и задержка по окончательной сдѣлкѣ съ вашей свѣтлостію о приобрѣтеніи графства Стирумскаго. Еслибы не это неприятое для меня обстоятельство, то дѣло между нами давно бы уладилось...

— Безъ сомнѣнія, подхватилъ князь. — Я, съ своей стороны, готовъ былъ бы идти для васъ не только на всѣ уступки, но даже... князь замаялся. — А знаете, принцеса, какая внезапная мысль пришла мнѣ въ голову? Меня какъ будто озарило что-то свыше. Послушайте, что я скажу вамъ. При всей вашей любви къ уединенію, жизнь въ Парижѣ, соответственная вашему высокому сану, обходится чрезвычайно дорого, и, кромѣ того, вы

здѣсь стѣснены на каждомъ шагѣ. Поэтому, осмѣливаюсь предложить вамъ пребываніе въ моемъ замкѣ Оберштейнѣ, въ видѣ пріятнаго для васъ отдохновенія, до того времени, пока вы окончательно устроите ваши дѣла. Тамъ вы будете жить совершенно спокойно подъ моею защитою, какъ владѣтельнаго государя. Никто ничѣмъ не дерзнетъ нарушить ваше уединеніе. Боюсь только, божественная принцеса, одного, а именно, что мой древній замокъ не будетъ достоинъ такой высокой и прелестной обитательницы, сказалъ князь, смотря съ тревожнымъ выраженіемъ въ лицѣ на Али-Эмете въ ожиданіи ея отвѣта на сдѣланное ей предложеніе.

— Благодарю васъ, князь, за ваше гостепримство, но, къ сожалѣнію, я никакъ не могу воспользоваться имъ.

— Почему же? порывисто спросилъ онъ.

— Вы знаете, что людская молва... прошептала Али-Эмете.

— Что бы ни распространяла она, послѣдствія скоро доказали бы, что все это было ничего болѣе, какъ пустая выдумка. Имя княгини Лимбургъ... бравнулъ князь и остановился, какъ будто самъ не понимая, что говорить. Али-Эмете разсѣянно взглянула на него, князь опѣшилъ и, молча, стоялъ передъ принцесой.

— Оставимъ этотъ разговоръ, равнодушно сказала Али-Эмете, не придавая, повидимому, никакого значенія намеку князя: — я должна повторить вамъ, что, къ крайнему моему сожалѣнію, я не могу воспользоваться вашимъ предложеніемъ.

— Вы убиваете меня вашимъ жестокимъ отказомъ! вскрикнулъ отчаянно князь. — Я долженъ сказать вамъ, божественное созданіе, что я не въ силахъ разстаться съ вами... Безъ васъ моя жизнь будетъ нескончаемою цѣпью страданій... Съ той минуты, когда я увидѣлъ васъ, я убѣдился... я убѣдился... И князь захлебнулся, замаялся, не зная какъ продолжать начатое имъ любовное признаніе, и сталъ опускаться на колѣни передъ Али-Эмете.

Съ привѣтливой улыбкой, но, въ то же время, отрицательно покачивая головкой, смотрѣла она на своего восторженнаго обожателя. Не находя болѣе словъ для выраженія своей любви, князь быстро приподнялся съ колѣнъ и затѣмъ, собравшись съ духомъ, обратился къ Али-Эмете, стараясь убѣдить ее, чтобы она склонилась на его предложеніе.

— Вы совершенно неосновательно отказываете мнѣ, принцеса, въ величайшемъ для меня счастья видѣть васъ въ моихъ владѣніяхъ. Развѣ, какъ путешественница, вы не можете посѣтить ихъ изъ одного только любопытства? А мой долгъ будетъ оказывать гостепримство, подобающее высокому вашему происхож-

деню. Я обязанъ буду предложить въ полное ваше распоряженіе мой замокъ и отъѣздъ вашъ—остановитесь въ немъ былъ бы для меня оскорбленіемъ, какъ для владѣтельнаго государя... Я заставаю теперь молчать передъ вами мое сердце, какъ чело-вѣкъ, любящій васъ, и какъ преданный вамъ безпредѣльно другъ; но, какъ князь Лимбургъ-Стирумскій, всепокорнѣйше прошу свѣтлѣйшую принцессу Али-Эмете удостоить посѣщеніемъ мое княже-ство, гдѣ ея свѣтлость будетъ встрѣчена со всѣми почестами. Неужели же знаменитая и сострадательная принцесса въ состоя-ніи будетъ отказать въ такой ничтожной просьбѣ одному изъ первыхъ владѣтельныхъ князей священной Римской Имперіи? горделиво добавилъ Филиппъ.

— Въ качествѣ путешественницы, я, конечно, могу принять лестное для меня приглашеніе вашей свѣтлости, за которое и приношу вамъ глубочайшую мою признательность; но пребываніе мое въ вашихъ владѣніяхъ должно будетъ ограничиться двумя-тремя днями, никакъ не болѣе, сказала Али-Эмете съ той сдержанностью, которая должна была показать князю, что сердеч-ные его порывы не принимаются ею въ расчетъ.

— Пусть хоть на одно мгновеніе будете вы моею гостьей. Мелькните, какъ зарница, надъ моими владѣніями — и это на-всегда осчастливитъ меня! сказалъ восторженно князь, цѣлуя руки Али-Эмете.—И такъ, предложеніе ѣхать въ Оберштейнъ вами принято? протяжно спросилъ онъ.

— Принято съ полною признательностью, но повторяю еще разъ вашей свѣтлости, что пребываніе мое въ вашихъ владѣ-ніяхъ будетъ слишкомъ кратковременно.

Съ сіяющимъ отъ радости лицомъ вышелъ Филиппъ отъ прин-цессы.

Спустя нѣсколько дней, когда ловкій министръ финансовъ князя Лимбургскаго, баронъ Горнштейнъ, счумѣлъ разными спо-собами уладить запутанныя дѣла своего государя, князь отпра-вился изъ Парижа въ свои владѣнія. Слѣдомъ за нимъ выбра-лась туда же и Али-Эмете, успѣвшая добиться отсрочки у сво-ихъ кредиторовъ.

Самое названіе замка—Оберштейнъ намекало на его топогра-фическое положеніе. Дѣйствительно, замокъ этотъ, построенный чуть ли не въ началѣ XIV вѣка, былъ расположенъ на камени-стомъ возвышеніи и своею наружностію напоминалъ неприступ-ныя укрѣпленія средневѣковыхъ нѣмецкихъ феодаловъ. Глубокій ровъ съ мостомъ, поднимаемымъ и опускаемымъ на толстыхъ же-лѣзныхъ цѣпяхъ, окружалъ замокъ. Его круглыя башни, съ узки-ми продолговатыми окнами, и съ зубчатыми верхушками, слу-

жившими бойницами, показывали, что замокъ Оберштейнъ долженъ былъ быть нѣкогда крѣпкимъ оплотомъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Въ обширныхъ залахъ замка потолки были со стрѣльчатыми сводами. Отъ убранства этого жилища вѣяло стариною; по стѣнамъ довольно мрачныхъ комнатъ были развѣшаны закоптѣвшіе отъ времени портреты прародителей и прародительницъ владѣльца замка. Охотничья зала сохраняла обстановку прежняго времени: на стѣнахъ ея висѣли олени и буйволы рога, нетронутые съ мѣста, быть можетъ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій; посреди ея стоялъ длинный дубовый столъ, обставленный кругомъ простыми скамейками. У одной изъ стѣнъ находился такой огромный камень, что въ немъ могло бы просторно помѣститься человѣкъ двадцать. Камень этотъ напоминалъ о томъ кострѣ, который въ былое время пылалъ такъ привѣтливо, ярко освѣщая всю залу и около котораго грѣлись промокшіе и прозябшіе охотники, шумно толкая между собою въ ожиданіи сытнаго пира. Давно, однако, въ залѣ этой не бывало уже никакихъ сборищъ, такъ какъ ни князь Филиппъ, ни отецъ его не были любителями ни псовой, ни соколиной охоты, и оба предпочитали охотиться со всѣми удобствами за хорошенькими женщинами въ ихъ щеголевато убранныхъ будуарахъ.

Само собою разумѣется, что въ замкѣ Оберштейнъ были и другія принадлежности старинныхъ феодальныхъ жилищъ: каплица съ усыпальницею его владѣтелей, потаенные ходы, сырыя и темныя подземелья, въ которыхъ изстари и до позднѣйшихъ дней хранились вина, а въ былое, отдаленное время, отдѣльно отъ этихъ запасовъ, томелись тамъ непокорные вассалы, а также попавшіе въ плѣнъ непріатели. По преданіямъ же, ходившимъ въ замкѣ, въ этихъ подземельяхъ изнывали и нѣкоторыя несчастныя сожительницы оберштейнскихъ владѣтелей, или дѣйствительно нарушавшія супружескую вѣрность, или только навлекавшія на себя подозрѣніе со стороны своихъ ревнивыхъ и грозныхъ мужей. Въ дополненіе къ этому, о замкѣ Оберштейнъ, какъ и о всякомъ другомъ древнемъ замкѣ носились въ окрестностяхъ страшныя легенды и рассказы о бѣломъ привидѣніи и о кровавыхъ призракахъ. Въ числѣ же постоянныхъ обитателей замка были, конечно, филины, совы и летучія мыши.

Этотъ замокъ, надъ башнями котораго пронеслось уже много вѣковъ, князь Филиппъ предоставилъ въ полное распоряженіе своей желанной гостьѣ. Пребываніе ея въ этомъ убѣжищѣ, священномъ и временемъ, и семейными преданіями, должно было, по мнѣнію князя, придать, въ общественномъ мнѣніи, чрезвы-

чайное значеніе той особы, которая въ немъ поселилась, по приглашенію его владѣтеля

V.

Отутившись совершенно неожиданно въ древнемъ и мрачномъ Оберштейнѣ, Али-Эмете, на другой же день послѣ приѣзда, почувствовала невыносимую скуку и страшную тоску. Среди глухого уединенія и мертвенной тишины, молодой женщиной безпрестанно грезился веселый и шумный Парижъ и припоминался рой поклонниковъ, которые не знали, какъ угодить ей и чѣмъ развлечь ее. Одна только мысль, да и то лишь въ первыя минуты пребыванія ея въ неприступномъ замкѣ, утѣшала ее — мысль о томъ, что туда никакъ не доберутся ея свирѣпыя кредиторы, даже и по минованіи данной ей отсрочки.

— Но развѣ, кромѣ этого гадкаго Оберштейна, нѣтъ другихъ мѣстъ, гдѣ можно также удобно укрыться отъ преслѣдованія кредиторовъ, не испытывая при томъ такой ужасной тоски и скуки, какую предстоитъ мнѣ переносить здѣсь? думала Али-Эмете, и она, какъ птичка, нечаянно попавшая въ клетку, расправляла свои крылышки, чтобы поскорѣе выпорхнуть на свободу.

Между тѣмъ, пребываніе ея въ Оберштейнѣ приходилось какъ нельзя болѣе по сердцу князю Филиппу. Не безъ тщеславія думалъ онъ прежде всего о томъ, что въ его владѣніяхъ, подъ неприкосновенною его охраною, нашла для себя безопасное и спокойное убѣжище знаменитая иностранная принцесса, преслѣдуемая съ самаго рожденія злымъ рокомъ. Это чувство, отрадное для августѣйшаго покровителя гонимой принцессы, дополнялось и другими чисто-эгоистическими соображеніями. Князь, влюбившись до безумія въ Али-Эмете, началъ испытывать сильную ревность. Онъ боялся, что въ Парижѣ онъ могъ встрѣтить на каждомъ шагѣ опасныхъ себѣ соперниковъ.

Не «сегодня такъ завтра» думалось ему, тамъ отыщется, пожалуй, такой счастливый поклонникъ, который похититъ ея сердце.

Гетманъ Огискій въ особенности очень часто мерещился ему, какъ грозный призракъ, возбуждавшій въ немъ мучительную ревность; но теперь Огискій далеко, и ему уже никакъ нельзя будетъ забраться въ Оберштейнъ. Здѣсь только одинъ онъ, князь Филиппъ — полный и самовластный владыка и никто, и ничто не помѣшаетъ ему проводить, по примѣру давнишнихъ рыцарей,

цѣлые дни у ногъ возлюбленной дамы и одержать окончательную побѣду надъ ея неприступнымъ сердцемъ.

— Кстати, думалось также князю Филиппу:—здѣсь будетъ удобнѣе, чѣмъ въ Парижѣ покончить и финансовыя дѣла, если принцеса получитъ въ Оберштейнѣ увѣдомленіе о переводѣ ожидаемыхъ ею изъ Персіи капиталовъ. Тогда тотчасъ же можно будетъ приступить къ окончательнымъ переговорамъ съ нею о продажѣ графства Стирумскаго; ничто не будетъ развлекать ее, да и капиталы этой молоденькой мотовки на нѣкоторое время останутся въ полной цѣлости, такъ какъ въ Оберштейнѣ ей рѣшительно не предстоитъ никакихъ расходовъ.

Такъ и, повидимому, весьма основательно разсуждалъ самъ съ собою свѣтлѣйшій князь, находя, что отъ пребыванія Али-Эмете въ Оберштейнѣ будетъ главнымъ образомъ зависѣть успѣхъ по устройству какъ сердечныхъ, такъ и финансовыхъ его дѣлъ. Вслѣдствіе этого, онъ всѣми способами старался удержать у себя свою обворожительную гостью, которая, съ своей стороны, въ противность соображеніямъ князя, только и мечтала о томъ, какъ бы поскорѣе выбраться изъ скучнаго замка. Филиппу, однако, повезло на этотъ разъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ душевныхъ потрясеній. Пробывъ въ Оберштейнѣ два дня, Али-Эмете объявила князю, что она, принося его свѣтлости глубочайшую признательность за оказанный ей радушный приѣмъ, увѣжаетъ завтра изъ его владѣній.

Свѣтлѣйшій хозяинъ былъ пораженъ тою рѣшительностію, съ какою гостя высказала свое жестокое намѣреніе. Онъ поблѣднѣлъ, затрясся, какъ вѣтра, на которую налетѣлъ ураганъ, и упавъ на колѣни, умолялъ Али-Эмете не покидать его.

— Я твердо былъ убѣжденъ, свѣтлѣйшая принцеса, говорилъ онъ, со слезами на глазахъ:—что обѣщанное вами двухдневное пребываніе въ моихъ владѣніяхъ будетъ потомъ продолжено на столько же; что за тѣмъ послѣдуетъ такая же отсрочка и что то же самое повторится въ третій, въ четвертый, пятый разъ и такъ далѣе. Короче сказать, проговорилъ князь:—это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока брачныя узы не соединятъ насъ на вѣки.

— Благодарю васъ, князь, за честь, которую вы мнѣ дѣлаете вашимъ предложеніемъ; но, прежде чѣмъ я устрою мои дѣла и вступлю въ мои наслѣдственныя права, я не могу дать вамъ никакого отвѣта, хотя бы сердце мое и принадлежало вамъ... Русское правительство должно предварительно разрѣшить вопросъ о моихъ правахъ на Азовское Княжество; до того же времени я буду находиться въ ложномъ положеніи, и для многихъ моихъ со-

верисимо законныя притязанія и на наслѣдственный титулъ, и на родовыя мои владѣнія могутъ казаться смѣшными, ни на чемъ несоснованными претензіями, сказала Али-Эмете съ твердостью, поразившею князя.

— Это для меня все равно, съ горячностью возразилъ онъ:— будете ли вы владѣтельницаю Азова, или нѣтъ! Я полюбилъ въ васъ женщину, а не владѣтельную принцесу. Умоляю васъ, останьтесь еще хоть на нѣсколько дней въ Оберштейнѣ, продлите то блаженство, какимъ я никогда прежде еще не пользовался въ жизни и которое я узналъ только теперь, говорилъ князь дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

Послѣ долгихъ убѣжденій и усиленныхъ просьбъ, Али-Эмете, наконецъ, смягчилась, отложивъ свой отъѣздъ изъ Оберштейна на нѣсколько дней. Чтобъ развлечь ее, князь предложилъ ей проѣзжаться торжественно по его владѣніямъ и посѣтить другой его замокъ Нейссенъ, въ которомъ онъ жилъ самъ и который такъ близко находился отъ Оберштейна, что князь могъ бывать каждый день по два раза у принцесы.

Предложенная поѣздка была принята, но съ условіемъ, чтобъ не было никакихъ торжественныхъ встрѣчъ. Такое условіе, которому необходимо было покориться, глубоко огорчило князя. Оно отнимало у него возможность показать себя принцесѣ во всемъ блескѣ своего державнаго величія. Князь сильно горевалъ, что при проѣздѣ Али-Эмете по его владѣніямъ не будетъ слышно грохота пушекъ и звона колоколовъ; что передъ нею не предстанетъ отлично-вымуштрованное хотя и малочисленное войнство князя, что лимбургскія, стирумскія и оберштейнскія дѣвицы не встрѣтатъ свою будущую повелительницу разодѣтыя въ бѣлыя платья и не стануть усыпать цвѣтами ея путь; что мѣстными стихотворцамъ не представится случай преподносить принцесѣ ихъ поэтическія произведенія; что хоры пѣвцовъ и музыкантовъ не грянутъ въ честь ея торжественно-приготовленныхъ гимновъ. А какъ сильно хотѣлось князю Филиппу почтить всѣмъ этимъ владычицу его сердца, да естати и показать своимъ августѣйшимъ сосѣдямъ и всѣмъ вѣрнопопданнымъ, что у него въ гостяхъ находится особа, достойная пушекъ, колоколовъ, бѣлыхъ платьевъ, цвѣтовъ, музыки, иллюминацій, фейерверковъ, вообще всего того, что служитъ выраженіемъ народнаго восторга!

Спустя немного времени послѣ того, какъ Али-Эмете возвратилась изъ этой поѣздки, совершенной какъ нельзя болѣе скромно, въ Оберштейнъ, туда явился неожиданный посѣтитель. У шлагбаума, поставленнаго на западной границѣ владѣній князя Филиппа, пріѣзжій заявилъ, что онъ—агентъ одного банкирскаго

дома, находящагося въ Венеціи, и отправленъ оттуда по дѣламъ къ ея свѣтлости принцессѣ Али-Эмете.

Князь нѣжно бесѣдовалъ съ принцессою въ то время, когда доложили ей о прибытіи въ замокъ банкирскаго агента. Въ присутствіи князя, онъ былъ введенъ къ принцессѣ. Въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, красивый и статный, весьма прилично одѣтый. Увидѣвъ его, Али-Эмете вздрогнула, щеки ея вспыхнули яркимъ румянцемъ, и она какъ будто растерялась.

— Успокойтесь, принцесса, сказалъ князь:— не волнуйтесь! Я увѣренъ, что этотъ господинъ привезъ вамъ пріятныя вѣсти. По всей вѣроятности, онъ присланъ сообщить вамъ о полученіи на ваше имя такъ давно ожидаемыхъ капиталовъ? Не правда ли, милостивый государь? спросилъ князь, обращаясь къ молодому человѣку.

— Я, ваша свѣтлость, отвѣчалъ онъ князю: — имѣю порученіе отъ банкирскаго дома, при которомъ состою агентомъ, переговорить съ ея свѣтлостью секретно о той сдѣлкѣ по персидскимъ капиталамъ, которую домъ этотъ предлагаетъ ея высокой особѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я не буду препятствовать вашей свѣтлости, замѣтилъ князь, обращаясь къ Али-Эмете и, отдавъ ей поклонъ, вышелъ изъ комнаты.

Наступила минута молчанія; но видно было, что принцесса и молодой человѣкъ порывались сказать что-то другъ другу и только выжидали, чтобъ имъ остаться однимъ. Едва лишь шаги князя затихли въ сосѣдней залѣ, какъ Али-Эмете вскочила съ мѣста и радостно кинулась къ пріѣзжему. Но на это движеніе онъ отвѣчалъ только глубокимъ поклономъ.

— За чѣмъ ты пріѣхалъ сюда? что съ тобою сдѣлалось? спросила она его въ сильномъ волненіи.

— Его милость князь Карлъ Радзивиллъ отправилъ меня къ вашей свѣтлости. Онъ велѣлъ мнѣ передать вамъ, чтобъ вы немедленно ѣхали въ Венецію. Пребываніе ваше тамъ необходимо. Онъ приказалъ сказать, что теперь наступило для васъ самое благопріятное время и отъ васъ будетъ зависѣть устроить вашу будущность самымъ блестящимъ образомъ...

Холодность и сдержанность неожиданнаго посѣтителя удивили Али-Эмете.

— Я вовсе не знаю Радзивилла, я только слышала о немъ отъ тебя и отъ другихъ поляковъ, и, какъ мнѣ кажется, онъ, такой человѣкъ, съ которымъ не стоить имѣть никакого дѣла, съ неудовольствіемъ проговорила Али-Эмете.

— Правда, онъ большой чудакъ, но [у него доброе сердце, онъ

настоящій польскій патриотъ и рассчитываетъ теперь на вашу свѣтлость, какъ на спасительницу Польши, сказать не безъ нѣкоторой торжественности Доманскій.

— Рассчитываетъ на меня, какъ на спасительницу Польши? спросила Али-Эмете, и вопросъ этотъ сопровождался веселымъ смѣхомъ.

— Да, подтвердилъ Доманскій: — я не знаю его намѣреній; онъ говорилъ только, что ему извѣстно высокое ваше происхождение и что вы напрасно скрываете его въ то время, когда представляется возможность предъявить ваши права на русскій престолъ.

— Предъявить мои права на русскій престолъ? вопросительно вскрикнула Али Эмете:— скажи, пожалуйста, развѣ князь Радзивиллъ совсѣмъ сошелъ съума? добавила она, пристально глядя на Доманскаго.

— Его княжеская милость и въ настоящее время, какъ и всегда, обрѣтается въ полномъ умѣ, какого можно пожелать каждому, сказалъ Доманскій, обидѣвшись насмѣшливымъ отзывомъ Али-Эмете насчетъ его патрона.

— Оставь эти пустяки шутки! Вспомни, что я отвѣчала тебѣ, когда ты нѣсколько разъ приставалъ ко мнѣ въ Парижѣ съ вадорными вопросами о моемъ происхожденіи; а Радзивиллу скажи отъ меня, что я вовсе не дочь императрицы Елизаветы, а дочь турецкаго султана, смѣясь отвѣчала Али-Эмете, кладя дружески свою руку на плечо шляхтича, который, однако, какъ точный исполнитель приказаній своего патрона, не позволилъ себѣ отвѣчать чѣмъ-нибудь на ласку, оказанную ему молодою женщиною.— Вы всѣ помѣшались отъ разныхъ слишкомъ мудреныхъ политическихъ затѣй, въ которыхъ я не желаю во все участвовать. Я хочу только жить весело и беззаботно, но, на мое несчастіе, у меня нѣтъ необходимыхъ для того средствъ, грустно проговорила Али-Эмете, надувъ губки.

— Въ распоряженіи вашего высочества явятся неистощимыя средства, если только вамъ угодно будетъ принять предложеніе князя, сказалъ Доманскій.

— Но кто же доставитъ мнѣ ихъ? торопливо спросила она.

— Его милость князь Карлъ Радзивиллъ.

— У котораго, какъ слышно, и у самого рѣшительно ничего нѣтъ? перебила съ живостью Али-Эмете.

— Совершенно напротивъ. Теперь въ рукахъ князя находятся громадныя капиталы; изъ Польши и изъ Литвы доставлены ему милліоны. Князь собирается ѣхать въ Турцію, чтобъ продолжать начатое имъ дѣло, которое пріестановилось-было на время, по-

тому только, что у него истощились деньги, а теперь их у него въ-волю...

Задумавшись, слушала Али-Эмете рѣчи Доманскаго. Ей уже сильно прискучили и приторно-сентиментальный князь Филиппъ, и его мрачный замокъ, а потому всякая перемена, какая бы то ни была, представлялась заманчивою послѣ той тоски, которая одолевала ее въ Оберштейнѣ.

— Хорошо, я поѣду въ Венецію, но съ тѣмъ только условіемъ, что во всякое время буду имѣть право разойтись съ Радзивилломъ, сказала она.

— Это будетъ вполне зависѣть отъ воли вашего высочества, замѣтилъ Доманскій.

— Ты, кажется, и въ самомъ дѣлѣ вѣришь, что я принцесса русскаго императорскаго дома?.. Забавляйся этимъ, милый другъ, сколько хочешь, мнѣ рѣшительно все равно, а теперь садись и расскажи что-нибудь о нашихъ парижскихъ знакомыхъ. Ну что, напримѣръ, поддѣлываетъ Огинскій?..

Съ этого вопроса между Али-Эмете и Доманскимъ завязался разговоръ, при которомъ сдержанность и почтительность шляхтича исчезали постепенно и, спустя немного времени, они дружески бесѣдовали между собою, подсмѣиваясь надъ его свѣтлостью княземъ Филиппомъ и весело толкуя о предстоящей поѣздкѣ въ Венецію.

Узнавъ отъ князя Филиппа о пріѣздѣ въ Оберштейнъ агента одного изъ венеціанскихъ банкирскихъ домовъ, заботливый министръ финансовъ его свѣтлости поспѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы попытаться устроить для своего государя выгодный заемъ. Съ этою цѣлью, баронъ Горнштейнъ отправился къ Доманскому и завелъ съ нимъ рѣчь о финансовыхъ операціяхъ. Къ крайнему изумленію барона, оказалось, что агентъ банкирскаго дома ровно ничего не смыслилъ въ дѣлахъ такого рода и старался всячески увернуться отъ разговора объ этомъ предметѣ.

— Какой, однако, продувной народъ эти финансисты! думалъ Горнштейнъ:— притворяется, будто ничего не понимаетъ, и даже уклоняется отъ разговора по такимъ дѣламъ, которыя должны быть ему извѣстны, какъ свои пять пальцевъ. Впрочемъ, быть можетъ, это происходитъ отъ того, что онъ не слишкомъ бойко объясняется по французски. Жаль, что онъ не говоритъ по нѣмецки. Спрошу его лучше прямо о томъ: нельзя ли открыть у венеціанскихъ банкировъ кредитъ для его свѣтлости?

— Я полагаю, отвѣчалъ на этотъ вопросъ минимй агентъ:— то, если только принцесѣ Али-Эмете угодно будетъ дать вѣше-

кѣмскими банкирами свое ручательство на вѣселяхъ его свѣтлости, то они тотчасъ же откроютъ у себя князю неограниченный кредитъ.

Министръ отъ изумленія разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза.

— Неужели ручательство ея свѣтлости можетъ имѣть такую силу? спросилъ онъ.

Въ отвѣтъ на это, Доманскій лукаво улыбнулся.

— Скажите, Бога ради, заговорилъ баронъ: — неужели вполне справедливы тѣ слухи, которые, нѣсколько времени тому назадъ, ходили въ Парижѣ о несмѣтныхъ богатствахъ принцессы? Значить, въ самомъ дѣлѣ, живущій въ Персіи ея дядя — первый богатъ въ цѣломъ мірѣ...

— О, эти богатства, какъ бы они значительны ни были, совершенно ничтожны въ сравненіи съ тѣми правами, какія принадлежатъ принцессѣ по ея высокому рожденію, равнодушно отозвался Доманскій.

— Ничтожны? спросилъ въ изумленіи баронъ: — я, признаюсь, не понимаю, въ чемъ же тутъ дѣло? пробормоталъ разстроенный баронъ.

— Принцеса Али-Эмете — законная дочь императрицы Елизаветы, и ей принадлежитъ право на русскую корону... сказала таинственно Доманскій: понимаете?

Баронъ привскочилъ съ кресель.

— И вскорѣ право ея должно будетъ осуществиться, продолжалъ Доманскій. — Вы знаете, конечно, что банкиры — народъ чрезвычайно осторожный и что они никогда не откроютъ не только неограниченнаго, но даже незначительнаго кредита тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ не надѣются получить обратно выданные капиталы...

— Это совершенно вѣрно, отозвался баронъ, припоминая, съ какимъ неимовернымъ трудомъ онъ могъ набрать для своего свѣтлѣйшаго повелителя нѣсколько тысячъ флориновъ у разныхъ парижскихъ банкировъ.

Услышавъ неожиданную новость, баронъ позабылъ о проэктированномъ займѣ для князя и теперь старался поскорѣе отдѣлаться отъ представителя банкирскаго дома, чтобъ поспѣшише сообщить князю только-что услышанную имъ важную новость.

Прежде, чѣмъ баронъ успѣлъ исполнить свое намѣреніе, Али-Эмете объявила князю, что она уѣзжаетъ въ Венецію для устройства своихъ денежныхъ дѣлъ. Сообщеніемъ этимъ она жестоко поразила влюбленнаго Филиппа. Со слезами на глазахъ и съ spasмами въ горлѣ и въ груди, онъ умолялъ Али-Эмете не покидать его, убажывая ее, что денежные дѣла принцессы и безъ

личнаго ея присутствія въ Венеціи устроитъ отлично баронъ Горнштейнъ, какъ человекъ опытный по финансовой части и вполне благонадежный. Мольбы князя были тщетны, Али-Эмете оставалась непреклонною.

Совершенно разстроенный уѣхалъ князь изъ Оберштейна въ Нейссенъ. Сильно горюя о предстоящей разлукѣ съ Али-Эмете, сидѣлъ онъ у себя въ кабинетѣ, когда къ нему явился баронъ и сообщилъ все слышанное отъ bankersкаго агента.

— Умоляю васъ, ваша свѣтлость, не удерживайте принцесу отъ поѣздки въ Венецію. Отъ этого зависятъ и ея счастье, и устройство нашихъ финансовыхъ дѣлъ. Постарайтесь только сохранить ея доброе къ вамъ расположеніе, внушалъ вѣрный слуга своему государю.

Какъ ни тяжело было Филиппу разстаться съ Али-Эмете, но онъ внялъ совѣтамъ государственнаго мужа, умудреннаго жизнью и опытомъ. Заливаясь слезами, прощался князь съ своей невѣстой. Онъ проводилъ ее до границы своихъ владѣній, получивъ отъ нея обѣщаніе немедленно, по окончаніи дѣлъ, возвратиться въ Оберштейнъ, откуда, вскорѣ послѣ ея отъѣзда, стала распространяться во всѣ стороны молва, что въ Оберштейнскомъ замкѣ, подъ именемъ Али-Эмете, жила законная наследница русскаго престола и что она, шести или семи лѣтъ отъ роду, была отправлена изъ Петербурга въ Сибирь, откуда сострадательными людьми была увезена въ Персію, гдѣ и воспитывалась при дворѣ шаха. Когда же въ Персіи начались смуты, то она съ большою свитою и несмѣтными сокровищами уѣхала оттуда въ Европу. Къ этому прибавляли, что молодая русская принцеса въ скоромъ времени вступить въ бракъ съ княземъ Филиппомъ Лимбургъ-Стирумскимъ.

VI.

Неудавшіяся расчеты польскихъ конфедератовъ на поддержку со стороны Франціи и на вмѣшательство ея въ дѣла Польши для противодѣйствія Россіи побудилъ ихъ и главнаго ихъ вожака, князя Карла Радзивилла, оставить Францію и прирейнскія области, куда они собрались во множествѣ, и перебраться въ другое мѣсто. Теперь, вся надежда конфедератовъ сосредоточилась на Турціи, а для того, чтобы вести удобнѣе съ Портою переговоры, Радзивиллъ пріѣхалъ въ Венецію.

Еще въ бытность свою въ Парижѣ, онъ слышалъ объ Али-Эмете, которая, какъ говорили ему Доманскій и Огинскій, была

дочь императрицы Елизаветы Петровны. Рассказы первого изъ нихъ Радзивиллъ считъ вздорною болтовнею; но слова Огинскаго и высказанная имъ возможность воспользоваться Али-Эмете для возбужденія новыхъ смуть въ Россіи глубоко запали въ лысую голову недовольнаго магната. Неизвѣстно, вѣрилъ ли или нѣтъ Радзивиллъ въ справедливость молвы, распространявшейся о происхожденіи загадочной незнакомки; но, видя, что дѣла его партіи принимаютъ плохой оборотъ, онъ рѣшился воспользоваться ею. По нѣкоторымъ же свѣдѣніямъ, незаслуживающимъ, впрочемъ, большаго довѣрія, женщина, явившаяся въ Венецію подъ покровительствомъ Радзивилла, была заранѣе подготовлена имъ самимъ. Рассказывали, будто бы онъ воспитывалъ съ самаго дѣтства какую-то безродную дѣвушку въ томъ убѣжденіи, что она законная наследница русскаго престола, и что, когда представилась надобность воспользоваться такимъ самозванствомъ, онъ выставилъ свою питомицу, какъ претендентку, которая, такимъ образомъ, была вполне убѣждена въ своемъ правѣ.

Какъ бы то ни было, но Али-Эмете еще не знала лично Радзивилла, а онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда ея въ Венецію.

Въ ту пору, столица Адриатической республики, величавшей себя «царицею морей», была едва ли не самымъ веселымъ городомъ во всей Европѣ. Въ умѣніи проводить праздное время венеціанцы далеко превосходили даже парижанъ. Тогдашній гражданинъ Венеціи въ такихъ словахъ очерчивалъ весь свой и будничныи, и праздничный день: онъ говорилъ, что ему нужны «la mattina una messeta, l'apodisnar una basseta et la sera una doppeta», т. е. утромъ — коротенькая обѣдня, послѣ обѣда — азартная игра, а вечеромъ — дамочка. При такой программѣ всеобщаго времяпрепровожденія, Венеція кипѣла разгульною жизнью, а господствовавшій тамъ обычай появляться во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ въ маскахъ и домино облегчалъ какъ любовныя, такъ и политическія интриги.

Пріѣхавъ въ Венецію съ огромнымъ запасомъ наличныхъ денегъ и безграничнымъ кредитомъ у тамошнихъ банкировъ, князь Карлъ Радзивиллъ зажилъ съ обыкновенною пышностью, сохраняя, однако, въ домашнемъ своемъ быту всѣ привычки и причуды польскаго магната того времени. Знаменитый богатъ-иностранецъ сдѣлался предметомъ общественныхъ толковъ, а охотники до политики, которыхъ въ ту пору было въ Венеціи видимо-невидимо, пускались въ разсужденія и о политическихъ планахъ Радзивилла.

Въ послѣднихъ числахъ февраля 1774 года, пріѣхала въ Ве-

венцію и Али-Эмете. Французскій резидентъ, состоявшій при свѣтлѣйшей республикѣ, приготовилъ для нея обширное помѣщеніе въ занимаемомъ имъ великолѣпномъ палацѣ. Али-Эмете явилась въ Венецію подъ фамилію графини Пиннебергъ, что должно было имѣть особое значеніе. Графство Пиннебергъ составляло часть герцогства Голштинскаго, на право владѣнія которымъ претендовалъ князь Филиппъ, и потому фамилія, которую отъ этого графства заимствовала пріѣхавшая изъ Оберштейна въ Венецію Али-Эмете, намекала на то, что она, вѣроятно, будетъ носить титулъ княгини Лимбургъ-Стврумской, а, пожалуй, и герцогини Голштинской.

На другой день по пріѣздѣ графини, явился къ ней, въ сопровожденіи многочисленной и пышной свиты, виленскій воевода, чтобы засвидѣтельствовать свое глубочайшее уваженіе. Первый визитъ князя ограничился церемоніальнымъ представленіемъ и общимъ, ничего незначащимъ разговоромъ. Графиня приняла знаменитаго магната чрезвычайно вѣжливо, но безъ особой предупредительности, а онъ, съ своей стороны, обходился съ нею съ необыкновенною почтительностію, удерживаясь даже, при обращеніи къ ней, отъ своей обычной поговорки «пане коханку» и величая графиню высочествомъ.

— Особа эта, пане коханку, сказалъ онъ, выходя отъ графини и обращаясь къ окружающимъ его полякамъ:— призвана Провидѣніемъ для того, чтобы спасти отъ гибели нашу гибнущую отчизну.

Если еще и прежде ходила молва о пріѣздѣ въ Венецію претендентки на русскій престолъ, то послѣ знаковъ уваженія, оказанныхъ ей представителемъ Франціи при венеціанской республикѣ и княземъ Радзивилломъ, и въ особенности послѣ заявленія князя о томъ значеніи, какое должна имѣть пріѣзжая дама для Польши, прежняя глухая молва обратилась въ громкій говоръ.

Графиня Пиннебергъ жила въ Венеціи на счетъ Радзивилла чрезвычайно роскошно. Въ занятѣмъ ею палацѣ постоянно толпились гости, и пріѣзжавшіе въ Венецію знатные иностранцы считали за честь представиться ей, чтобы потомъ быть принятыми въ ея домѣ. Она встрѣчала своихъ посѣтителей съ той утонченною любезностію, какою отличалось въ ту пору обхожденіе въ обществѣ свѣтскихъ дамъ высшаго круга, а сама не заявляла никакихъ претензій на тотъ этикетъ, который соответствовалъ бы ея царственному происхожденію. Лицъ, познакомившихся съ нею поближе, она поражала своимъ разностороннимъ образованіемъ и знаніемъ многихъ языковъ, такъ какъ она пре-

восходно говорила по-французски и по-нѣмецки и свободно объяснялась по-англійски и по-италіански. Она увлечательно пѣла, играла на арфѣ и клавикордахъ и занималась живописью.

Пригласивъ въ Венецію Али-Эмете для политическихъ цѣлей, Радзивиллъ увидѣлъ вскорѣ, что къ политикѣ примѣшалась любовь, а къ любви и ея неизбѣжная спутница—ревность. Виленскій воевода, казалось, позабылъ теперь свои затѣи противъ императрицы Екатерины и, очарованный графиней, постоянно проводилъ съ нею время. Но онъ не пользовался полнымъ блаженствомъ сильной сердечной страсти: ревность начинала мучить Радзивилла, который не могъ не видѣть того предпочтенія, какое графиня оказывала передъ всѣми молодому шляхтичу-красавцу Доманскому.

Главнымъ и чрезвычайно ловкимъ агентомъ Радзивилла около графини Пиннебергъ былъ Ганецкій, его секретарь, принадлежавшій къ ордену іезуитовъ.

— Ваше высочество, сказалъ онъ ей однажды:—никакъ нельзя долѣе медлить:—намъ нужно принять рѣшительныя мѣры для того, чтобъ обезсилить императрицу Екатерину, вашу соперницу. Отъѣздъ вашъ въ Константинополь представляется, въ настоящее время, настоятельною надобностью, и вы, безъ всякаго промедленія, должны будете открыть настоящее ваше происхожденіе и предъявить ваши наслѣдственныя права на русскую корону...

Графиня вздрогнула. Ей такъ хорошо и весело было въ Венеціи, и вдругъ, въ замѣнъ удовольствій и беззаботной жизни, ей предлагаютъ какое-то затѣйливое предпріятіе, на успѣхъ котораго она никакъ не могла надѣяться.

— Какъ бы ни были законны мои права, но кто же повѣритъ въ справедливость моихъ заявленій? въ смущеніи проговорила графиня.

— Кто повѣритъ? усмѣхнувшись перебилъ іезуитъ:—но развѣ вы не видите, что даже и безъ личныхъ вашихъ заявленій всѣ, кто только слышалъ о вашемъ высокомъ происхожденіи, нисколько не сомнѣваются въ справедливости наслѣдственныхъ вашихъ правъ на русскую корону. Притомъ, позвольте доложить вамъ съ полною откровенностію, столь необходимую при настоящемъ положеніи дѣлъ, что собственные ваши рассказы—въ истинности которыхъ я самъ впрочемъ нисколько не сомнѣваюсь—рассказы о пребываніи вашемъ въ Персіи, о несмѣтныхъ богатствахъ тамошняго вашего дяди представляются въ глазахъ людей недобѣрчивыхъ менѣе правдоподобными, нежели представи-

лось бы заявленіе ваше о правахъ, дѣйствительно вамъ принадлежащихъ. Вѣдь ожидаемыя изъ Персіи капиталы до сихъ поръ еще не получаютъ, и я долженъ предварить васъ, что, по справкамъ, забраннымъ у англійскихъ, французскихъ и италіянскихъ банкировъ, всѣ они никогда не имѣли никакихъ дѣлъ и сношеній съ персидскимъ богачемъ, княземъ Али... Разумѣется, здѣсь вышло только какое-нибудь недоразумѣніе; но нельзя не предвидѣть, что оно можетъ быть истолковано вашими недоброжелателями не въ вашу пользу, добавилъ іезуитъ вкрадчивымъ голосомъ.

Говоря это, онъ бросалъ на графиню пронизательныя, подавляющіе ея взгляды. Замѣшательство ея усиливалось все болѣе и болѣе, и изъ темныхъ ея глазъ выступили крупныя слезы.

— Судьба ваша, заговорилъ съ чувствомъ іезуитъ:—внушаетъ мнѣ горячее участіе. Предположимъ, что князь Радзивиллъ, убѣдившись въ вашемъ нежеланіи содѣйствовать его обширнымъ политическимъ планамъ, вынужденъ будетъ оставить васъ на произволъ разныхъ случайностей...

— Прошу васъ не вмѣшиваться въ мои дѣла! гнѣвно вскрикнула графиня, вскочивъ съ кресла и съ выраженіемъ негодованія смотря на іезуита. — Я пріѣхала сюда незатѣвъ, чтобъ быть игрушкой въ рукахъ польскаго магната и его прислужниковъ. Если же и онъ, и они признаютъ мои царственныя права, то все же я сама не желаю, для осуществленія этихъ правъ, ничьей помощи: я сама съумѣю заявить ихъ, когда придетъ время... Я не нуждаюсь въ благодѣяніяхъ и въ покровительствѣ Радзивилла, который самъ бродитъ изъ одного угла Европы въ другой. Еслибы я прельщалась суетностію, то давно могла бы устроиться очень хорошо, но я сама отказалась отъ руки владѣтельнаго князя и, быть можетъ, вмѣстѣ съ нею и отъ древней герцогской короны...

Іезуитъ не прерывалъ запальчивой рѣчи молодой женщины. Онъ далъ высказаться первому порыву ея оскорбленнаго чувства и, когда она, тяжело дыша, опустилась въ кресло, повелъ съ нею рѣчь спокойной и вкрадчивымъ тономъ.

— Если въ словахъ моихъ вы изволили найти хоть какое-нибудь непріятное для васъ выраженіе, то я прежде всего прошу почтительно вашего снисхожденія. Я говорилъ о положеніи вашемъ только подъ вліяніемъ искренняго участія къ судьбѣ принцессы, преслѣдуемой злобными врагами. Ни я, ни кто другой нисколько не сомнѣваются, что такая во всѣхъ отношеніяхъ достойная, какъ ваше высочество, особа можетъ составить себѣ самую блестящую партію и осчастливить своею рукою каждого

изъ европейскихъ монарховъ. Дѣло въ томъ, однако, что, какое высокое положеніе ни заняли бы вы вслѣдствіе брачнаго союза, оно никогда не сравнится съ положеніемъ самодержавной русской императрицы. Мнѣ вполнѣ понятны та робость и та нерѣшительность, которыя ощущаете вы при мысли, что для поддержанія вашихъ правъ должно будетъ пролить потоки человѣческой крови... Состраданіе и жалость свойственны нѣжному сердцу женщины, но чувства эти не принимаются въ расчетъ при политическихъ вопросахъ. Подумайте также о томъ, что, достигнувъ однажды верховной власти, вы въ состояніи будете осчастливить миллионы вашихъ подданныхъ и вѣрными правленіемъ загладить тѣ народныя бѣдствія, которыя, быть можетъ, проложатъ вамъ путь къ наслѣдственному престолу...

Глубоко задумавшись, слушала молодая женщина внушеніе іезуита; то сильно билось, то замирало подъ корсетомъ ея сердце. Въ воображеніи представлялись ей величіе и блескъ могущественной русской государыни, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ головѣ ея пробѣгала тревожная мысль о неудачѣ и о послѣдствіяхъ такого дерзкаго предпріятія.

— Въ каждомъ великомъ подвигѣ необходимо имѣть прежде всего смѣлость. Вооружитесь же ею, ваше высочество; сдѣлайте только первый шагъ, а остальное предоставьте преданнымъ вамъ людямъ, которые не пожалѣютъ ничего и не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы возстановить законныя ваши права... Притомъ, даже въ случаѣ неудачи...

— Довольно! перебила графиня, выходя изъ охватившаго ее раздумья.— Передайте отъ меня князю Радзивиллу, что я согласна ѣхать съ нимъ въ Константинополь.

— И... завкнулся іезуитъ.

— И объявить себя наслѣдницей русской короны... сказала она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ.

VII.

16-го іюля 1774 года, пестрая толпа народа стояла на набережной венеціанскаго порта, какъ будто въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго. Въ недалекомъ разстояніи отъ берега виднѣлся трекмачтовый фрегатъ, и происходившая на его палубѣ суетная матросовъ показывала, что тамъ ожидали чего-то прибытія. Между зрителями шли одушевленные толпы, въ которыхъ безпрестанно упоминались Россія, Польша и Турція, а предметомъ разговоръ была поѣздка князя Радзивилла въ Константино-

поль. Но вотъ, при выходѣ канала въ море, показался длинный рядъ гондолъ. Въ первой изъ нихъ сидѣлъ князь, въ другихъ разиѣстилась его свита. Радзивилль и его спутники вошли на фрегатъ, на которомъ, однако, не была еще отдана команда поднимать якорь. Радзивилль ходилъ по палубѣ, внимательно посматривая въ сторону города, и вдругъ на фрегатѣ произошло сильное движеніе. Видно было, что тамъ стали готовиться къ торжественной встрѣчѣ. Изъ канала, въ это время, выходила гондола, въ которой сидѣла съ сестрою Радзивилла, графиней Моравскою, и съ Доманскимъ пышно разодѣтая графиня Пиннебергъ. За ея гондолой слѣдовала вереница гондолъ, занятыхъ поляками и французами, въ блестящихъ нарядахъ. Когда графиня подѣвхала къ фрегату, на немъ раздались громкіе привѣтственные крики, дружно подхваченные толпою, стоявшею на набережной. Съ величайшимъ почетомъ встрѣтилъ Радзивилль вступившую на палубу молодую женщину, и вслѣдъ за ея прибытіемъ послышалась команда капитана сниматься съ якоря. Паруса слегка зашевелились, и фрегатъ медленно тронулся съ мѣста. Раздались снова крики, понеслись пожеланія успѣховъ, и фрегатъ началъ все далѣе и далѣе отходить отъ берега, сколько по лазеревой поверхности Адриатическаго Моря. Когда онъ скрылся, бывшіе на набережной зрители стали медленно расходиться, толкуя о томъ, что пріѣхавшая на фрегатѣ дама—наслѣдница русскаго престола, отдавшаяся подъ покровительство Радзивилла, который отправился съ нею въ Константинополь, чтобы заручиться поддержкою султана въ ея пользу. Къ этому прибавляли, что принцесса изъ Константинополя поѣдетъ въ Россію, чтобы встать тамъ во главѣ своихъ приверженцевъ и начать борьбу съ императрицею Екатериною.

Потолковали обо всемъ этомъ въ продолженіи дней двухъ, затѣмъ толки стали стихать, и вскорѣ Радзивилль и графиня Пиннебергъ были забыты въ веселой и суетливой Венеціи.

Фрегатъ, на которомъ ѣхала графиня, направился къ берегамъ Далмаціи, вдоль Венеціанскаго Залива, гдѣ въ ту пору существовала маленькая республика, называвшаяся Рагузскою, по главному ея городу, Рагузѣ. Городъ этотъ имѣлъ и другое еще славянское названіе—Дубровникъ, турки называли ее Побравиха, а греки—Лаонва. Владѣнія этой республики, титуловавшейся «Stato della Repubblica di Ragusa», были не обширны. Къ нимъ принадлежали острова Агосто, Мейедо и полуостровъ Саччюннело, и, кромѣ главнаго города Рагузы, въ предѣлахъ республики находились только небольшой городокъ Стальяно, да двѣ-три деревушки. Несмотря на свою политическую слабость,

граждане Рагузской Республики чрезвычайно дорожили своими правами, и не даромъ въ гербѣ этой крошечной общины блестяло начертанное золотыми буквами слово: «libertas», свобода.

Рагузская Республика не могла, однако, считаться вполне независимымъ государствомъ. Она состояла подъ покровительствомъ турецкаго султана, которому платила ежегодную дань въ 12,000 дукатовъ. Впрочемъ, не одинъ султанъ считалъ себя верховнымъ обладателемъ Рагузской Республики. Право господства надъ нею, въ то же время, присваивали себѣ и римско-нѣмецкій императоръ, и король испанскій, и Венеція, и даже вице-король неаполитанскій, которому республика ежегодно посылала 12-ть соволовъ въ видѣ вѣрнопоподаннической дани.

Не мало было странныхъ особенностей во внутреннихъ порядкахъ рагузскаго народоправства. Верховный ея правитель, носившій титулъ «ректора», избирался каждый мѣсяць и управлялъ республикою при помощи совѣта. Возрастъ гражданъ считался не со дня рожденія, какъ это всюду водится, но со дня принятія въ число гражданъ. Рагузскіе патриціи, противъ существовавшаго въ ту пору во всей Европѣ обычая—носить благороднымъ людямъ шапки—не имѣли право носить ихъ. Въ отношеніи патриціевъ существовало еще и другое ограниченіе: они не могли ночевать внѣ дома и не смѣли оставлять у себя для ночлега чужихъ людей, въ особенности турокъ. Городскимъ воротамъ отпирались въ Рагузѣ не болѣе, какъ на три или на четыре часа въ день; все же остальное время обитатели Рагузы должны были находиться безвыходно внутри городскихъ стѣнъ.

Несмотря на такую замкнутость, Рагуза или Дубровникъ былъ въ ту пору богатымъ и торговымъ городомъ, и на рагузскомъ рейдѣ стояло всегда множество купеческихъ судовъ, поддерживавшихъ дѣятельное сношеніе между разными странами Европы и Левантомъ. На этомъ рейдѣ они находили для себя безопасное убѣжище какъ отъ непогодъ, такъ и отъ непріятельскихъ крейсеровъ. Городъ былъ сильно укрѣпленъ со стороны моря: у самой гавани высился грозный фортъ св. Лоренцо, готовый во всякое время дня и ночи разметать въ щепы своими пушками каждый корабль, приближавшійся къ форту съ враждебною цѣлью. Со стороны суши городъ былъ прикрытъ неприступною скалою. При такихъ условіяхъ, рагузцы считали себя въ безопасности отъ всякихъ непріятельскихъ противъ нихъ попытокъ.

Прибывъ въ Рагузу, Радзивиллъ и тамъ зажилъ съ тою пышною обстановкою, которою онъ поражалъ вездѣ. Спутница его не многимъ уступала ему въ этомъ отношеніи. Французскій консулъ

въ Рагузѣ, де-Риво, уступилъ ей для жительства свой домъ, гдѣ она начала давать роскошные обѣды. Теперь, среди собиравшихся къ ней многочисленныхъ гостей, не скрывались уже замыслы Радзивилла. Сама графиня Пиннебергъ, отдавшись однажды на произволъ магната, оказалась ревностною его пособницею и, увидѣвъ успѣхъ перваго шага, убаюкивала себя мечтою объ императорской коронѣ...

— До десяти-лѣтняго возраста, рассказывала, она однажды, за бывшимъ у нея торжественнымъ обѣдомъ:—я жила при императрицѣ, моей матери. Какъ живо помню я блескъ ея двора и великолѣпныя пиршества, но недолго привелось мнѣ жить такъ, какъ, повидимому, предназначало мое царственное происхожденіе. Когда императрица скончалась, меня, по повелѣнію императора Петра III, отправили въ глухую Сибирь, и въ этой отдаленной и дикой странѣ, среди вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, мнѣ пришлось бы окончить мою печальную жизнь, еслибы не нашлись сострадательные люди. Они освободили меня изъ вѣчнаго ужаснаго заточенія. Они похитили меня изъ-подъ стражи и отвезли въ домъ моего отца. Въ домъ его я не могла, однако, оставаться въ безопасности, и онъ, чтобъ спасти меня отъ новой еще болѣе суровой ссылки, а, быть можетъ, даже и отъ смерти, отправилъ меня къ своему родственнику, персидскому шаху...

Внимательно, не нарушая тишины ни словомъ, ни движеніемъ, слушали собесѣдники рассказъ несчастной принцессы, который представлялся имъ нетолько вѣроятнымъ, но даже и не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію. Одинъ лишь изъ гостей, ученый италіанецъ, занимавшійся изслѣдованіемъ Востока, позаинтересовался родствомъ персидскаго шаха съ русскимъ вельможею и готовился было предложить принцесѣ вопросъ по поводу этого. Скромнаго ученаго сконфузила, однако, та невозмутимая тишина, среди которой вела принцеса свой рассказъ и онъ нашелъ неудобнымъ обратиться къ принцесѣ съ вопросомъ, возбуждвшимъ его любопытство.

— Когда мнѣ минуло семнадцать лѣтъ, продолжала графиня:— шахъ открылъ мнѣ тайну моего рожденія и предложилъ мнѣ свою руку. Для меня предстояла блестящая участь быть супругою царя царей, но здѣсь встрѣтилось одно препятствіе. Я была крещена по обряду греческой церкви, а для того, чтобъ вступить въ супружество съ шахомъ, должна была отречься отъ нея. Я не могла рѣшиться на такое отступничество отъ христіанства. Тѣмъ болѣе, что приходилось сдѣлать это изъ-за одного только суетнаго величія и ничтожныхъ земныхъ благъ. Въ виду моего рѣшительнаго отказа, шахъ, послѣ продолжительныхъ моихъ

просишь, согласился отпустить меня въ Европу подъ покровительствомъ знаменитаго Али. Намъ нужно было пробѣжать чрезъ Россію и, чтобъ избѣжать преслѣдованій, я принуждена была путешествовать въ мужскомъ платьѣ. Въ Петербургѣ я оставалась недолго, но все-таки успѣла свидѣться съ людьми, преданными моей покойной матери и съ друзьями моего отца. Всѣ они приняли въ судьбѣ моей живое участіе и обѣщали мнѣ дѣятельную поддержку, если я пожелаю заявить мои права на принадлежавшую мнѣ корону. Въ Берлинѣ король встрѣтилъ меня съ радушіемъ и почетомъ, и здѣсь я стала называться русскою принцесою. Вскорѣ, однако, мой добрый покровитель Али скончался. Послѣ его смерти, я жила въ Лондонѣ, въ Парижѣ и потомъ переселилась въ Германію, гдѣ приобрѣла графство Оберштейнъ, а теперь...

— Pro prosperitate imperatricis totius Russiae! крикнулъ громко по-латыни Радзивиллъ, поднимая кубокъ за благоденствіе престольной хозяйки.

— Niech żyje cesarzowa wszzech Rosyji! гаркнули поляки, «Vive l'impératrice de toutes les Russies, заголосили французы, «Evviva l'impératrice della tota Russia», подхватили итальянцы. «Живіо цесарева всероссійска!» закричали далматинцы.

Долго, подъ сводами великолѣпной залы, раздавались эти восторженныя разноязычныя клики. Въ отвѣтъ на нихъ, хозяйка отдавала гостямъ легкія поклоны благодарности съ величественно-привѣтливой улыбкой. Наконецъ, клики смолкли, и тогда присутствовавшій на обѣдѣ ректоръ Рагузской Республики обратился къ принцесѣ съ почтительною рѣчью.

— Свѣтлѣйшая принцеса! началъ ректоръ:—я полагаю, что, послѣ всего, чему мнѣ привелось быть здѣсь свидѣтелемъ, тайна высокаго вашего происхожденія не можетъ и не должна долѣе сохраняться. Привѣтствую въ особѣ вашей будущую всероссійскую императрицу и почтительно приношу вамъ благія пожеланія какъ отъ собственнаго моего лица, такъ и отъ управляемой мною республики. Мы не могущественны, какъ другія державы, но мы сумѣемъ поддержать августѣйшія ваши права и за нашими неодолимыми твердынями вы найдете безопасность отъ самаго сильнаго врага.

Дружнымъ крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши отозвались гости на рѣчь представителя республики.

— Благодарю васъ, сказала ректору графиня:—за то гостеприимство, которое оказываетъ мнѣ вашъ городъ. Если когда-нибудь Провидѣніе возведетъ меня на мой наслѣдственный престолъ, я не оставлю явить свѣтлѣйшей республикѣ знамя сердечной моей признательности.

Глубокой вежливостью почтеннаго ректора былъ отвѣтомъ на эти милостивыя обѣщанія.

На другой день послѣ иршества, даннаго графиней-принцессой, правительственный совѣтъ республики выслушалъ замѣненіе ректора о прибытіи въ предѣлы рагузской территоріи знаменитой гостыи, и послѣ того у подъязда ея, въ видѣ почетной стражи явились два гражданина-воина, облеченные въ средневѣковые испанскіе костюмы съ тяжелыми мушкетами на плечахъ, а нацѣ домомъ, занимаемомъ ею, взвился флагъ съ русскимъ двуглавымъ орломъ.

VIII.

Принявшись сперва такъ дѣятельно за осуществленіе плана — противопоставить императрицѣ Елизаветинѣ оберштейнскую даму — Радзивилъ, во время своего пребыванія въ Рагузѣ, какъ будто охладѣлъ къ этому предпріятію. Рѣже начиналъ онъ толковать о немъ съ своими приверженцами и чаще прежняго съ нахмуренными бровями и съ наморщеннымъ лбомъ подергивалъ къ низу свои длинныя усы. Емудрено, впрочемъ, было призадуматься теперь виленскому воеводѣ; газеты по всей Европѣ разносили неутѣшительныя для него вѣсти. Онѣ сообщали извѣстія о неудачахъ Пугачева и объ усилѣхъ войскъ царицы надъ матежниками. Разгорѣвшееся въ Россіи возстаніе слабѣло, какъ слабѣетъ гаснущій пожаръ, и не трудно было предвидѣть, что бурное волненіе, поднятое самозванцемъ, скоро уляжется. Изъ Турціи доходили до воеводы также не слишкомъ отрадыныя новости: султанъ не только не думалъ начинать снова войну съ Россіей, но даже готовился заключить выгодный для русскихъ миръ. Надежды Радзивилла слабѣли, и онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, хотъ предупредить своимъ личнымъ вліаніемъ мирное соглашеніе Порты съ Россією, а потому рвался въ Константинополь, но, словно на зло ему, сильныя бури и противныя вѣтры не выпускали его въ дальнѣйшій путь изъ рагузской гавани.

Но не одні только политическія неудачи огорчали теперь князя Карла; его тревожили еще и особыя мрачныя думы. Пригласивъ въ Венецію Али-Эмете для осуществленія политическихъ замысловъ, Радзивилъ увидѣлъ вскорѣ, что, въ настоящемъ случаѣ, къ политикѣ, на его бѣду, примѣшалась любовь, а къ ней присоединилась мучительная ревность. Патріотическія затѣи воеводы отодвинулись, противъ его ожиданія, на второй планъ, и онъ, очарованный до безумія графиней Пиннебергъ, постоянно проводилъ съ нею время. Старѣвшійся и всегда нервическій

Радзивиллъ принялся вдругъ молодиться и прикрасиваться. Потертый и испачканный бѣлый кунтушъ — одежду виленскаго воеводы, которую носилъ преимущественно уже тринадцатый Радзивиллъ — онъ замѣнилъ теперь новыми щегольскими нарядами, не оставляя, однако, при этомъ національной польской одежды. Предметъ его нѣжной страсти оказывалъ ему большое расположеніе, но, несмотря на это, Радзивиллъ не пользовался полнымъ блаженствомъ безоглядной любви; подозрѣніе и ревность закрались въ его душу, и воевода, къ крайнему своему огорченію, долженъ былъ убѣдиться, что не онъ — избранникъ плѣнившей его женщины, что она любитъ другого и что этотъ счастливецъ — не кто иной, какъ бѣдный шляхтичъ Михайлъ Доманскій. Не считалъ для себя умѣстнымъ гордый магнатъ вступать въ борьбу по сердечнымъ дѣламъ съ молодымъ и красивымъ своимъ соперникомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ онъ самъ могъ предвидѣть, побѣда не осталась бы въ этомъ случаѣ на его сторонѣ. Онъ затаилъ въ душѣ свое горе и, не оказывая никакой неприязни къ Доманскому, началъ чувствовать охлажденіе къ прелестившей его красотѣ.

Не одинъ впрочемъ Радзивиллъ былъ увлеченъ Али-Эмете: у ней оставался еще и прежній ея неизмѣнный поклонникъ, князь Филиппъ. Его державные труды и заботы на пользу семи тысячъ трехъ сотъ вѣрнопопавшихъ нѣмцевъ и почти такого же количества таковыхъ же нѣмокъ и нѣмочекъ не ослабляли пыла его кипучей страсти. Уныло бродилъ онъ по обширнымъ заламъ оберштейнскаго замка, погруженный въ воспоминанія о недавно мелькнувшей тамъ гостѣ. Онъ вздыхалъ, грустилъ, молился и плакалъ. Его министры и его придворный штатъ видѣли въ немъ необычайную перемену: изъ веселаго малаго и изъ безпрестаннаго пустомели онъ обратился въ мрачнаго, задумчиваго молчаливика. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ въ тяжеломъ забытій, мечтая о скоромъ возвращеніи Али-Эмете въ покинутый Оберштейнъ. Ему слышались и нѣжный ея голосъ, и легкіе ея шаги, и шелестъ ея платья. Въ отчаяніи онъ хватался за голову, и вслѣдъ за тѣмъ раздавались рыданія влюбленнаго князя. Болѣе продолжительная разлука съ Али-Эмете дѣлалась для него невыносимымъ мученіемъ, и онъ, не получая отъ нея никакой вѣсточки, востомился въ конецъ, почему и рѣшился отправить въ Венецію одного изъ самыхъ преданныхъ своихъ придворныхъ чиновъ, чтобъ провѣдать о судьбѣ запровавшей принцессы.

Въ посылаемомъ къ ней письмѣ князь Филиппъ наливалъ сѣдующую его грусть и испытываемое имъ отчаяніе, вслѣдствіе разлуки съ безиредѣльно любимой имъ женщиною. Все, что только могла вымыслить нѣмецкая сентиментальность того вре-

мени, было пущено въ ходъ въ писаніи князя: тутъ были и небеса, и заря, и ручьи, и розы, и луна, и слезы, тутъ были и сравненія, и уподобленія, и примѣненія. Позаимствованія изъ классической мифологіи были сдѣланы для этого письма въ обширныхъ размѣрахъ; упоминалось и о Венерѣ, и о Минервѣ, и о Дианѣ, и о другихъ богиняхъ и красавицахъ древней Греціи. Не мало труда стоило его свѣтлости накропать такое краснорѣчивое и чувствительное посланіе, и, перечитывая свое письмо въ послѣдній разъ передъ его отправкою, князь самъ умилился, заплакалъ и плакалъ. Онъ былъ увѣренъ, что его посланіе произведетъ на Али-Эмете потрясающее дѣйствіе, что оно заставитъ ее бросить все и поспѣшить въ объятія преданнаго ей друга.

Послѣ изложенія своихъ нѣжныхъ чувствъ и томительныхъ терзаній, князь Филиппъ помѣстилъ въ письмѣ нѣсколько дѣловыхъ строкъ. Съ почитательною готовностію онъ заявлялъ принцесѣ, что если денежные дѣла ея еще не устроились, то она можетъ вполне рассчитывать какъ на частную, такъ и на государственную его казну. Разумѣется, что, вставивъ слово «вполнѣ», князь сильно прихвастнулъ, такъ какъ финансы его свѣтлости по прежнему далеко не были въ цвѣтущемъ состояніи и лишь нѣсколько поправились, благодаря одной изъ тѣхъ спекуляцій на которыя, въ критическомъ положеніи, частенько пускались владѣтельными особы бывшей священной Римской Имперіи. Подражая своимъ державнымъ собратьямъ, князь Филиппъ Лимбургъ-Стирумскій учредилъ новый орденъ, подъ названіемъ «de l'ancienne noblesse». Тотчасъ же нашлись охотники получить этотъ орденъ, дававшій право кавалеру надѣть черезъ плечо пурпуровую съ узкими зелеными каймами ленту, а на грудь пришить большую серебряную звѣзду. Самое названіе ордена, учрежденнаго, по статуту, исключительно для древняго дворянства, льстило богатымъ выскочкамъ. Князь, гроссмейстеръ ордена, не строго относился къ генеалогическимъ правамъ кавалеровъ, и 300 червонцевъ, внесенныхъ въ его шкатулку, доставляли суетнымъ честолюбцамъ не только почетное украшеніе на камзолъ и кафтанъ, но нерѣдко и фальшивую вывѣску объ ихъ благородномъ происхожденіи, терявшемся будто бы во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ.

Съ волненіемъ, усиливавшимся каждый день все болѣе и болѣе, ожидалъ князь Филиппъ отвѣта отъ Али-Эмете на свое длинное посланіе, но полученіе отвѣта замедлилось, такъ какъ посланецъ князя, не заставъ уже Али-Эмете въ Венеціи, долженъ былъ пробираться къ ней въ Рагузу. Между тѣмъ, князь Филиппъ узналъ изъ газетъ, что Рагузская Республика призвала въ Али-Эмете законную претендентку на русскій престолъ и что

дипломатическіе агенты Франціи и Неаполя, какъ въ Венеціи, такъ и въ Рагузѣ, оказываютъ ей почетъ, подобающій только царственной особѣ, чего, конечно, они не могли бы сдѣлать, не получивъ по этому предмету соответственныхъ инструкцій отъ своихъ дворовъ. Теперь въ отсутствующей Али-Эмете князь Лимбургскій жалѣлъ не только обворожившую его женщину, но и наследницу императорской короны. Онъ думалъ лишь о томъ, какъ бы поскорѣ увидѣться съ Али-Эмете, и въ головѣ его, при воспоминаніи о ней, поднимались величавыя мечты.

— Вѣдь и Габсбурги, говорилъ онъ самому себѣ:—были, въ прежнее время, только незамѣтными графами въ Швейцаріи, а потомъ сдѣлались родоначальниками одного императорскаго и четырехъ королевскихъ домовъ. Чѣмъ же хуже ихъ Лимбургъ-Стирми, и почему одному изъ Лимбурговъ не быть основателемъ императорской династіи въ Россіи?..

Бракъ съ Али-Эмете или, какъ теперь оказалось, съ наследницею русскаго престола сдѣлался завѣтною мечтою князя, и какъ обрадовался онъ, когда, въ одну изъ минутъ самаго жестокаго отчаянія, получилъ отъ нея давно желанное имъ письмо.

Въ дружескихъ выраженіяхъ и, повидимому, съ полною открытостью, писала ему Али-Эмете о своемъ пребываніи въ Венеціи и побѣдѣ съ княземъ Радзивилломъ въ Рагузу для того, чтобы оттуда плыть въ Константинополь, а изъ Константинополя отправиться въ Персію къ своему дядѣ. Узнавъ о намѣреніи принцессы пуститься въ такой дальній путь, князь остолбенѣлъ отъ ужаса; мысль о вѣчной съ нею разлукѣ поразила его страшнымъ ударомъ. Придя въ себя, онъ подивился тому, что Али-Эмете не сообщила рѣшительно ничего о происходившемъ съ нею въ Рагузѣ, но такое умолчаніе онъ отнесъ къ ея скромности и къ нежеланію ея волновать князя надеждами, которыя могутъ и не сбыться. Въ этомъ же письмѣ она напоминала князю объ ихъ предполагаемомъ бракѣ и выражала сожалѣніе, что неимѣніе ея документовъ объ ея происхожденіи и необходимость перейти прежде свадьбы въ католичество замедляютъ заключеніе ихъ брачнаго союза и, затѣмъ, какъ будто вскользь высказывала князю, что денежные дѣла ея пока довольно плохи.

Тотчасъ по прочтеніи этого письма, князь потребовалъ къ себѣ Горинштейна, который, какъ министръ финансовъ, получилъ повелѣніе его свѣтлости—перевести въ одну изъ банкирскихъ конторъ, находящихся въ Венеціи, на имя графини Пиннебергъ такую сумму, какую только позволятъ и наличныя средства княжества и личный кредитъ самого князя. Министръ крѣпко поморщился, но ему не оставалось ничего болѣе, какъ безотлагательно исполнить волю своего августѣйшаго повелителя.

Распространившись по денежной части, князь приступилъ къ изліанію своихъ чувствъ на бумагѣ. Пылительный образъ Али-Эмете носился въ его разгоряченномъ воображеніи, и страстная къ ней любовь подсказывала ему тѣ строки, которыя онъ писалъ. Если первое письмо князя было наполнено выраженіемъ восторженныхъ чувствъ, то второе въ этомъ отношеніи не только не уступало, но даже далеко превосходило. Не удовольствовавшись голословными выраженіями, князь рѣшительно заявлялъ Али-Эмете, что, если она покинетъ его, то онъ отрѣшится отъ суеты міра и уйдетъ въ монастырь, гдѣ и окончитъ печальные дни свои безъисходнымъ отшельничествомъ. Если же она намѣрена ѣхать въ Персію, то, заявлялъ князь, онъ покинетъ на произволъ судьбы вѣрныя ему Провидѣніемъ народы, откажется отъ всего и поѣдетъ съ нею, хотя бы качества послѣднато ея слуги.

Переписка между княземъ и Али-Эмете не ограничилась этими двумя письмами. Въ слѣдующемъ письмѣ, Али-Эмете, утѣшая князя скорымъ свиданіемъ, писала, что бракъ ея съ нимъ—дѣло рѣшенное и что она уже готовится къ переходу въ католическую вѣру. Теперь она не скрывала передъ Филиппомъ своихъ намѣреній и сообщала, что отправится въ Константинополь и тамъ присоединится къ турецкой арміи, которая вскорѣ выступитъ къ границамъ Россіи.

Тревожные дни и бессонныя ночи переживалъ князь Филиппъ. Съ замираніемъ сердца онъ прочитывалъ газеты, ожидая найти въ нихъ извѣстія объ Али-Эмете, и дѣйствительно вскорѣ встрѣтилъ тамъ такія строки, при чтеніи которыхъ у него закружилось въ головѣ, помутилось въ глазахъ, а газета выпала изъ его ослабѣвшихъ рукъ.

Встревожившая князя газета «Gazette d'Utrecht» сообщала объ «одной» знатной русской дамѣ, пребывающей въ «одномъ» изъ прибрежныхъ городовъ Адриатическаго Моря, съ «однимъ» польскимъ княземъ. Воздавая должную дань удивленія красотѣ, уму и образованію этой дамы, несеромная газета весьма прозрачно намекала на то, что эта очаровательная особа предалась всею душою «одному» молодому бѣдному дворянину, состоящему при польскомъ князѣ, между тѣмъ, какъ «одинъ» владѣтельный князь предлагалъ ей свою руку и сердце, а ее, самсѣ, ожидать необыкновенно высокая доля. Газета указывала на это, какъ на рѣдкій примѣръ романтической любви, при которой бывають за быты всѣ расчеты.

Достаточно было и той догадливости, какою не слыхивомъ щедро одарила природа владѣтеля Струма, Оберштейна и проч., чтобы тотчасъ же разгадать, какое дорогое для него существо скрываетъ газета подъ словомъ «одна». Рокное извѣстіе

сильно ошеломило князя, но такъ князь, обыкновенно, послѣ страшнаго горя, слѣдуетъ утѣшеніе, то и князь Филиппъ утѣшалъ себя тѣмъ, что извѣстіе въ утрехтскую газету доставлено низкими врагами принцессы и что оно—ничего болѣе, какъ только гнусная сплетня.

Утѣшеніе это было мимолетно; княземъ снова овладѣло отчаяніе, и онъ, въ припадкѣ сильнаго раздраженія, принялся строчить грозное письмо къ Али-Эмете и, какъ человѣкъ ограниченный, хватилъ черезъ край. Онъ написалъ ей, что она разстроила все его громадное состояніе, что она навлекла на него презрѣніе всей Европы—которая, приходится сказать встать, даже не обращала на него никакого вниманія—и что она, Али-Эмете, своими легкомысленными поступками заставила версальскій кабинетъ отказаться отъ всякаго участія въ ея дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, въ письмѣ князя появились укоры и съ финансовой, и съ нравственной, и съ политической точекъ зрѣнія. Разгнѣванный Филиппъ не удовольствовался и этимъ. Въ письмѣ своемъ онъ плакался на то, что ему представлялись блестящія женитбы, но что онъ изъ любви къ Али-Эмете отказался отъ нихъ, а между тѣмъ, она намѣнила ему и выходить замужъ за другого. Въ памяти его воскресло первое свиданіе съ Али-Эмете и ожили тѣ минуты блаженства, которыя дарила она ему своимъ присутствіемъ въ Оберштейнѣ. Князь разнюнился; нѣсколько горячихъ слезъ упало на бумагу, и онъ дрожащею отъ волненія рукою приписалъ, что, такъ какъ она надѣется найти счастье съ другимъ, то онъ приносить себя ей въ жертву и нисколько не препятствуетъ ея браку, если она избрала достойнаго жениха. Но онъ не только сохранить къ ней неизмѣнную дружбу, а даже радостно встрѣтитъ ее, если она возвратится къ нему.

На письмо это, адресованное княземъ на имя принцессы Елизаветы, онъ не получилъ никакого отвѣта, а между тѣмъ, Али-Эмете мелькала передъ нимъ, какъ чудное, неуловимое видѣніе. Онъ мучился, терзался, стоналъ и плакалъ, и думалъ только о томъ, съ какимъ восторгомъ упалъ бы онъ снова къ ногамъ не сравненной женщины, и готовъ былъ отдать все за минутное съ нею свиданіе.

Дни проходили за днями. На Адриатикѣ стихли бури и дулъ уже не разъ попутный въ Царьградъ вѣтеръ, но Радивилль не трогался изъ Рагузы. Любовь принцессы Елизаветы къ Доманскому не была уже для него тайною, и въ воеводѣ произошла замѣтная перемена. Все холоднѣе и холоднѣе становился онъ къ предмету своей недавней страсти, а вмѣстѣ съ тѣмъ, все равнодушнѣе и все недоброжелатѣе относился онъ къ своимъ замысламъ—поколебать могущество Екатерины, противоставить ей мо-

лодую вѣтреницу. Между тѣмъ, принцеса сама пошла по указанной ей дорогѣ.

Она написала письмо къ султану, объявляя себя дочерью и единственною наслѣдницею императрицы Елизаветы Петровны и предлагая союзъ Россіи съ Турціею для возстановленія Польши. Она передала это письмо Радзивиллу для отсылки по принадлежности. Но изгнаніе порядкомъ уже проучило виленскаго воеводу. Онъ сознавалъ теперь невозможность дальнѣйшей борьбы съ Екатериною и видѣлъ необходимость примиренія съ Понятовскимъ. Святальческая жизнь на чужбинѣ взяла свое; она ему сильно наскучила, его манила къ себѣ родная Литва съ ея привольемъ, и упорный прежде Радзивиллъ, превратился теперь въ смиреннаго агнца.

Избѣгая новаго разлада съ Екатериной, онъ удержалъ письмо, переданное ему принцессой для отправки къ султану, хотя и общалъ ей доставить ея посланіе въ Константинополь. По поводу этого, произошла между ею и Радзивилломъ размолвка, обратившаяся въ ссору послѣ того, какъ Радзивиллъ не допустилъ ея обнародовать документы, которые, по мнѣнію ея, доказывали ея права на русскій престолъ. Разрывъ между ними былъ окончательный.

— Я не желаю ни вашей дружбы, ни союза съ Турціею; я найду себѣ иную дорогу! запальчиво воскликнула она послѣ жаркихъ объясненій съ княземъ, устранивъ отъ себя гнѣвнымъ движеніемъ руки стоявшаго подлѣ нея Радзивилла...

IX.

Едва ли кто изъ иностранцевъ, жившихъ въ Римѣ, пользовался такою почетною извѣстностію, какою пользовался тамъ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Въ Римѣ знали о благорасположеніи къ нему императрицы Елизаветы Петровны и что, въ продолженіи многихъ годовъ ея царствованія, имѣя чрезвычайное вліяніе на государственныя дѣла, онъ никогда не употреблялъ во зло силы и не пускалъ ея въ ходъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Въ папской столицѣ опальный русскій вельможа держалъ себя съ такимъ тактомъ, что невольно внушалъ къ себѣ уваженіе во всѣхъ, кто имѣлъ съ нимъ какія-нибудь сношенія. Совершенное отсутствіе чванства и слѣси, чрезвычайная привѣтливость и рѣдкая доброта сердца были отличительными чертами его характера, а скромный образъ его жизни составлялъ рѣзкую противоположность съ той безумно-роскошною обстановкою, какою окружали себя тогдашніе русскіе путешественники. Въ добавокъ къ этому, онъ слылъ за человека умнаго и

ученаго и недаромъ считался покровителемъ наукъ и художествъ, такъ какъ изъ отборныхъ представителей и тѣхъ, и другихъ состоялъ преимущественно небольшой кружокъ его близкихъ знакомыхъ. Вообще же онъ проводилъ время уединенно, рѣдко показываясь и въ обществѣ, и на торжественныхъ собраніяхъ, и для его земляковъ, искавшихъ въ путешествіяхъ за границей, однихъ только пріятныхъ развлеченій и новыхъ впечатлѣній, постоянное житіе Шувалова въ скучномъ и тихомъ Римѣ представлялось какою то непонятною загадкой.

Всегда спокойный и ровный, Шуваловъ бывалъ, однако, по временамъ въ тревожномъ и возбужденномъ состояніи. Тогда онъ становился мраченъ, задумчивъ; дѣлался молчаливъ, и лицо его принимало на долго грустное выраженіе. Случалось съ нимъ это обыкновенно послѣ посѣщенія его какою-то таинственною дамою. Никто изъ домашнихъ и знакомыхъ Шувалова не зналъ, откуда и зачѣмъ пріѣзжала къ нему сеньора Жуана, женщина не молодыхъ уже лѣтъ. Небесѣдовавъ, при запертыхъ дверяхъ, наединѣ съ Шуваловымъ нѣсколько часовъ сраду, она опять скрывалась изъ Рима на болѣе или менѣе продолжительное время.

— Этотъ портретъ сдѣланъ очень удачно, говорила Шувалову въ одно изъ своихъ посѣщеній сеньора Жуана, передавая ему превосходно написанный акварелью портретъ молодой дѣвушки съ привлекательными чертами и милымъ выраженіемъ лица, прелесть котораго увеличивали еще болѣе томныя голубые глаза и темно-русые волосы, распущенные по плечамъ въ крупныхъ локонахъ.— Она хорошеетъ день отъ дня и цвѣтетъ здоровьемъ, характеръ у нея прекрасный... всѣ ее любятъ, всѣ восхищаются ею! говорила скороговоркою итальянка.

Смотря задумчиво и съ любовью на портретъ дѣвушки, Шуваловъ внимательно слушалъ, что говорила ему его собесѣдница.

Слезы навернулись на глазахъ Шувалова, и онъ съ нѣжною заботливостію началъ спрашивать сеньору Жуану о всѣхъ мелочахъ домашняго быта дѣвушки, въѣренной ея попеченію. Отвѣтъ на эти распросы былъ данъ ему самый подробный, и, разставаясь съ сеньорой Жуаною, Шуваловъ горячо просилъ ее заботиться объ ея питомицѣ и сообщать ему о ней какъ можно чаще.

Спустя нѣсколько дней послѣ свиданія съ Жуаною, Шувалова навѣстилъ аббатъ Дольфи, усердно занимавшійся разборкою старинныхъ латинскихъ рукописей, хранившихся въ ватиканской бібліотекѣ. Труды аббата интересовали Шувалова; но въ этотъ

разъ Дольфи не сталъ, по обыкновенію, толковать съ нимъ о своихъ занятіяхъ, а заговорилъ совершенно неожиданно о другомъ предметѣ.

— Странную новость сейчасъ услышалъ я, сказалъ таинственно аббатъ Шувалову:—говорятъ, что въ Римъ пріѣхала дама, которая недавно надѣлала столько шуму въ Рагузѣ?

При первыхъ словахъ аббата, Шуваловъ замѣтно смутился, но, оправясь въ тоже мгновенье, онъ сдѣлалъ видъ, что не придаетъ никакой важности извѣстію, сообщаемому аббатомъ, который, по врожденному ему любопытству, рассчитывалъ поразвѣдать что нибудь интересное у Шувалова.

— А съ какимъ успѣхомъ продолжаете вы, господинъ аббатъ, разсмотрѣніе рукописей? Окончили ли вы работу въ той залѣ, въ которой я имѣлъ удовольствіе на прошлой недѣлѣ бесѣдовать съ вами и пользоваться вашими учеными объясненіями? равнодушно спросилъ Шуваловъ.

Аббатъ понялъ, что онъ затѣвалъ свои разспросы совершенно не встати. Шуваловъ же, какъ опытный царедворецъ, отлично выдержалъ себя, хотя слухъ о прибытіи въ Римъ мнимой русской принцессы встревожилъ его уже потому, что теперь надобно было ему ожидать на каждомъ шагѣ и прямыхъ, и косвенныхъ разспросовъ, до которыхъ онъ былъ большой неохотникъ. Онъ принялъ за правило говорить какъ можно менѣе и о прежнемъ, и о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Россіи. Испытавъ, однажды, неприятность за свою нескромность по этой части, Шуваловъ опасался, что разговоры его не только дойдутъ до свѣденія императрицы Екатерины, но что, чего добраго, имъ, со стороны усердныхъ вѣстовщиковъ, можетъ быть приданъ такой смыслъ и такой тонъ, какого онъ самъ вовсе не думалъ имъ придавать.

Переведа разговоръ съ ученымъ латинистомъ на обычную колею и потолковавъ съ нимъ довольно долго, Шуваловъ, послѣ ухода аббата, принялся обсуждать съ самимъ собою неудобства своего дальнѣйшаго пребыванія въ Римѣ. Въѣсивъ хорошенько всѣ обстоятельства, онъ тотчасъ же отправилъ письмо къ снѣорѣ Жуанѣ, сообщая ей, чтобъ она поскорѣе избрала для своего пребыванія какой-нибудь скромный городокъ на южномъ берегу Франціи, и прибавляя, что онъ самъ безотлагательно уѣзжаетъ изъ Рима во Францію.

Несмотря на то хладнокровіе, съ какимъ, повидимому, выслушалъ Шуваловъ извѣстіе аббата о пріѣздѣ въ Римъ мнимой русской принцессы, Шуваловъ чрезвычайно интересовался ея личностью и какъ нельзя болѣе осторожно, окольными только путями, старался поразвѣдать о ней. Попытки эти были, однако, неудачны.

Никто изъ знакомыхъ Шувалова не только не бывалъ у прѣзжей дамы, но даже не вдалъ ея въ лицо. Жила она чрезвычайно скромно въ домѣ Джульани на Марсовомъ холмѣ и не принимала къ себѣ никого, избѣгая всякихъ знакомствъ. По улицамъ ѣздила она въ каретѣ съ опущенными шторами, а когда выходила изъ экипажа, то густая черная вуаль скрывала ея лицо отъ любопытныхъ взглядовъ, а накинутая на плеча и покрывавшая ея станъ длинная мантилья придавали непроницаемую таинственность всей ея фигурѣ. Въ городѣ ходили, однако, слухи, что принцесса еще молода и необыкновенно красива и что она—эта незримая скромница—вовсе не та особа, которая сдѣлалась известною въ Рагузѣ своими вѣтренными поступками и романтическими похождениями.

Шуваловъ, между тѣмъ, спѣшилъ приготовиться къ отъѣзду изъ Рима. Подъ предлогомъ нездоровья, онъ не выходилъ нигуда изъ дому и не принималъ къ себѣ никого, ожидая отвѣтнаго письма отъ синьоры Жуаны. Но прежде, чѣмъ оно пришло, Шуваловъ получилъ неожиданно другое письмо—отъ мнимой русской принцессы. Въ немъ она, не касаясь нисколько ни своего происхожденія, ни правъ на корону, выражала только желаніе увидѣться съ Шуваловымъ, какъ съ лицомъ, пользующимся всеобщимъ уваженіемъ. Письмо было подписано «Princesse Elisabeth».

Несмотря на такое ничего незначущее содержаніе письма, Шуваловъ сильно встревожился. Онъ сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, обдумывая, какъ поступить ему въ настоящемъ затруднительномъ и щекотливомъ случаѣ. Съ одной стороны, по понятіямъ благовоспитанныхъ людей того времени, оставить какое-либо письмо, а тѣмъ болѣе письмо, полученное отъ дамы, безъ отвѣта считалось ужасною невѣжливостію, переходившею всѣ границы свѣтскаго приличія. Съ другой же стороны, Шувалову представлялось крайне опаснымъ входить въ переписку съ такою особой, которая, хотя и косвенно, но заявляла свои притязанія на русскую корону сдѣланною подъ письмомъ подписью. Онъ не могъ также не принять въ соображеніе, что принцессы должны быть известны недружелюбныя отношенія, бывшія между ними и императрицею Екатериною; что, поэтому, таинственная незнакомка, быть можетъ, рассчитываетъ сдѣлать его орудіемъ своихъ политическихъ замысловъ.

Послѣ долгихъ колебаній, Шуваловъ рѣшился, однако, не оставлять полученное письмо безъ отвѣта. Обходя въ немъ и съ своей стороны совершеннымъ умолчаніемъ вопросъ о происхожденіи принцессы, онъ обращался къ ней, какъ къ знатной только дамѣ, желавшей завести съ нимъ личное знакомство, и въ учтиво-отборныхъ фразахъ выражалъ свое сожалѣніе, что нездо-

рове лишаетъ его возможности имѣть честь представиться ей. Осторожность свою, въ этомъ случаѣ, Шуваловъ довелъ до того, что даже не сдѣлалъ подъ письмомъ никакой подписи.

Пребываніе Шувалова въ Римѣ становилось теперь слишкомъ затруднительнымъ, а, между тѣмъ, отъ сибиряки Жуаны отвѣта не было. Шуваловъ сильно тревожился, и овладѣвшая имъ тревога не была напрасна. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ схватилъ онъ зрѣвшее, наконецъ, къ нему письмо отъ Жуаны. Но лишь только онъ пробѣжалъ глазами первую строчку, какъ страшная блѣдность покрыло его лицо. Запатавшися на подкосившихся ногахъ, онъ въ изнеможеніи опустился въ кресло и, закрывъ лицо руками, началъ громко рыдать.

— Теперь ничто не привязываетъ меня къ Итали! въ отчаяніи проговорилъ онъ и, черезъ нѣсколько часовъ, разстроенный и убитый горемъ, выѣхалъ изъ Рима.

По прошествіи нѣкотораго времени, Шуваловъ, съ поникшей головой и съ глазами полными слезъ, стоялъ на кладбищѣ одного итальянскаго городка. Передъ нимъ, среди темной зелени кипарисовъ и миртовъ, видѣлся скромный надгробный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, на которомъ съ одной стороны было высѣчено лишь имя почившей «Тодескина» съ означеніемъ числа, мѣсяца и года рановременной ея кончины. На другой сторонѣ памятника были начерчены слова, заимствованныя у Петrarke:

«Andro a lei, ma ella non ritorna a mi».

(Я приду къ ней, но она ко мнѣ не возвратится).

Изъ Итали Шуваловъ заѣхалъ въ Парижъ; но не затѣмъ, чтобы, предавшись тамъ веселію, заглушить поразившее его горе. Онъ искалъ утѣшенія въ другихъ источникахъ: въ чтеніи и въ бесѣдахъ съ умственными свѣтилами той поры, въ числѣ которыхъ Вольтеръ былъ его близкимъ другомъ. Онъ провелъ нѣсколько времени у него въ фернейскомъ замкѣ. Восхищенный Шуваловымъ, старый мудрецъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и проникливая лиса, писалъ восторженно императрицѣ о томъ наслажденіи, какое находитъ онъ, бесѣдуя съ своимъ русскимъ гостемъ. Отзывъ Вольтера о Шуваловѣ не прошелъ безслѣдно: Екатерина, въ своихъ разговорахъ съ окружающими ее, начала благосклонно заговаривать о «воажирѣ», и Шуваловъ, наконецъ, увидѣлъ, что наступила благопріятная пора для его возвращенія въ Россію. Въ сентябрѣ 1777 года, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, пробывъ внѣ отечества слишкомъ четырнадцать лѣтъ, изъ которыхъ восемь лѣтъ онъ провелъ постоянно въ Римѣ и три года въ разныхъ мѣстахъ Итали.

Е. Карловичъ.

ОБЩИННО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЭЛЬЗАСА

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Общинное землевладѣніе и земледѣліе, представляя одинъ изъ числа тѣхъ вопросовъ, отъ такого или иного рѣшенія которыхъ находится въ зависимости ближайшая будущность большинства сельскаго населенія Россіи, вполне основательно привлекало къ себѣ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, все болѣе и болѣе значительное и пристальное вниманіе читающей русской публики. Но если возрастаніе интереса къ этому предмету не подлежитъ сомнѣнію, то не менѣе достовѣрнымъ является и то, что литературѣ нашей остается сдѣлать еще весьма и весьма многое для удовлетворенія законной потребности читателя ознакомиться съ этимъ дѣломъ возможно разностороннѣе и глубже. Говоря вообще, за почтеннымъ исключеніемъ нѣсколькихъ переводовъ, да двухъ или трехъ оригинальныхъ изслѣдованій о русскихъ и объ иноземныхъ общинныхъ учрежденіяхъ, почти все, что говорилось въ послѣднее время по этому вопросу въ нашей литературѣ, представляло не болѣе, какъ повтореніе тѣхъ фактовъ, которые давно уже извѣстны изъ Гакстгаузена и изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ статей конца пятидесятихъ и начала шестидесятихъ годовъ, да отвлеченныя соображенія и размышленія на тѣмъ о полезности или вредѣ общиннаго владѣнія. Въ фактическомъ же отношеніи, мы и теперь имѣемъ почти такое же неполное понятіе объ историческомъ развитіи и о наличномъ состояніи общинныхъ учреждений нашего обширнаго отечества (это «ужь такъ самимъ Богомъ устроено», что свои собственныя дѣла мы всегда знаемъ и исполняемъ всего хуже) и другихъ странъ, какъ и въ то время, когда вопросъ этотъ впервые былъ поставленъ. Вѣдь не имѣемъ же мы до сихъ поръ не только перевода превосходнаго сочиненія *Маурера* объ устройствѣ германской

Т. ССХL.—Отд. I.

9

марки, барщинныхъ дворовъ и городовъ, но даже и удовлетворительнаго подробнаго конспекта! Съ цѣлью хоть сколько-нибудь способствовать восполненію этого пробѣла въ нашей научно-публицистической литературѣ, мы рѣшаемся предложить читателю въ настоящей статьѣ краткій очеркъ исторіи и устройства известной части эльзасскихъ общинныхъ учреждений въ связи съ развитіемъ территоріальнаго господства феодально-рыцарской и духовной эльзасской аристократіи.

На эльзасской средневѣковой общинѣ мы остановились не случайно. Если мы не ошибаемся, весьма рѣдкая страна представляетъ такой богатый и такъ хорошо разработанный и сгруппированный матеріалъ по этому предмету. Сборники документовъ, относящихся къ исторіи общинныхъ учреждений Эльзаса, могутъ поспорить полнотою и разнообразіемъ съ любымъ собраніемъ историческихъ памятниковъ какой-либо другой страны. Достаточно упомянуть лишь имена *Штоффеля*, *Шёпфлина*, *Буркхардта*, *Гримма* и *Ганауера*, чтобы удостовѣрить въ этомъ¹. Особенно въ трудахъ *Ганауера*, служащихъ точкой отправленія и главнымъ источникомъ настоящей статьи, разработка эльзасской обществен-

¹ Для желающихъ поближе познакомиться съ этимъ предметомъ мы приведемъ здѣсь списокъ важнѣйшихъ сочиненій, могущихъ послужить пособіемъ при изученіи эльзасскихъ сельскихъ учреждений: 1) *Schöpflin: Alsatia illustrata; Alsatia diplomatica*; 2) *Hanauer: Les constitutions des campagnes de l'Alsace*. Paris. 1864; 3) *Ero же: Les paysans de l'Alsace au moyen âge*. P. 1866. 4) *Zöpfl: Alterthümer des deutschen Reichs und Rechts*, Heidelberg, 1860; 5) *I. Grimm: Deutsche Rechts-Alterthümer*; 6) *Stoffel: Weissthümer der Elsass* у *Гримма*; 7) *Heits: Alsatia* 1854, 1855, *Die Dinghöfe in Elsass*; 8) Переводъ части сборника *Burckhardt'a Die Hofzödel von Dinghöfen*, Basel, 1860 (Уставныя грамоты монастырей базельскаго капитула), сдѣланный *Spach'омъ* въ *Bulletin de la Société pour la conservation des monuments historiques d'Alsace*. T. IV, 145; 9) *Véron-Réville: Essai sur les anciennes juridictions d'Alsace*. 1857; 10) *Ero же: Le régime colonger en Alsace d'après les derniers documents*. 1866. 11) *Schmidt: Histoire du chapitre du St. Thomas*; 12) *Masmann: Murbach et Guebwiller. Histoire d'une abbaye et d'une commune rurale d'Alsace*, см. упомянут. выше *Bulletin*, 1865 - 66, T. IV, 29. 2-me série; 13) *Bonvallot: Coutumes d'Orbay, de Ferette etc*; 14) *Schauffour: Quelques mots sur les cours colongères d'Alsace à propos des livres de M. Hanauer sur cette matière*; 15) *Traité sur la nature des biens ruraux dans les deux départemens du Rhin*, анонимнаго автора, вполнѣю, *Koch'a*. Борте отдѣленное, вспомогательное значеніе могутъ имѣть: 1) *Maurer: Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf u. Stadt-Verfassung u. der öffentlichen Gewalt*, München, 1854; 2) *Ero же: Geschichte der Markverfassung in Deutschland*, Erlangen, 1856; 3) *Guerard: Prolégomènes du polyptique d'Irminon*; 4) *Goetzmann: Traité des fiefs*; 5) *Kindlinger: Geschichte der deutschen Hörigkeit*; 6) *Roth: Geschichte des Beneficialswesens*; 7) *Leo: Die Territorien*; 8) *Landau: Die Territorien*; 9) *Mone: Leitschrift für die Geschichte des Oberrheins*, T V и др.

ней исторіи сдѣлала, по нашему мнѣнію, блистательный шагъ впередъ, что бы ни говорили его завистники и противники изъ мѣстныхъ ученыхъ. Въ двухъ своихъ сочиненіяхъ, названныхъ выше въ примѣчаніи, аббатъ *Ганауеръ* представилъ не только сборникъ новыхъ и замѣчательныхъ историческихъ документовъ, относящихся къ устройству сельскихъ владѣльческихъ общинъ, но также и цѣлый рядъ вполне серьезныхъ и научныхъ комментариевъ къ исторіи послѣднихъ. Документы, содержащіеся въ первомъ сочиненіи *Ганауера*, суть открытые имъ въ различныхъ архивахъ Верхняго и Нижняго Эльзаса инвентари или уставныя грамоты—родъ договоровъ между владѣльческими крестьянами и феодалными сеньорами, изъ которыхъ раскрываются всѣ подробности тогдашняго сельскаго устройства. Комментарии автора имѣютъ цѣлью объяснить мѣстныя черты этого устройства, на сколько онѣ вытекаютъ изъ упомянутыхъ документовъ, при помощи сравненія съ общегерманскими сельскими учрежденіями. Цѣль эту авторъ выполняетъ столь удачно, что, по нашему мнѣнію, онъ нисколько не преувеличиваетъ своихъ заслугъ, когда утверждаетъ, что сдѣлалъ для Эльзаса то же, что *Мауреръ* для всей Германіи.

Вотъ въ какихъ, несомнѣнно нѣскольکو навѣрныхъ, какъ это мы увидимъ ниже, но, въ то же время, непосредственныхъ и яркихъ выраженіяхъ высказываетъ авторъ тѣ впечатлѣнія, какія онъ испытывалъ при открытіи помннутыхъ уставныхъ грамотъ: «Я занимался, говоритъ онъ:—изученіемъ исторіи нашихъ эльзасскихъ аббатствъ и съ этою цѣлью пробѣгалъ архивные документы этихъ древнихъ общинъ, какъ вдругъ я наткнулся на уставный свитокъ владѣльческой общины (*rotule colonger*). Это заглавіе было загадкою. Поэтому, я развернулъ старый документъ съ неопредѣленнымъ нетерпѣніемъ, съ тѣмъ безпокойнымъ чувствомъ, которое всегда условливается неизвѣстностью. Удивленіе быстро смѣнилось любопытствомъ. Мой свитокъ описывалъ учрежденія, обычаи и нравы деревни. Онъ былъ написанъ подъ диктовку крестьянъ, которые считали его своимъ закономъ. Ихъ языкъ, такой чистый, такой свободный, такой иногда даже смѣльный, ни чѣмъ не напоминалъ мнѣ тѣхъ несчастныхъ сервовъ, которыхъ угнетенія научили меня оплакивать. Независимость народнаго суда во всякихъ тяжбахъ врядъ ли могла бы примириться съ той предаваемой проклятію тираніей судьи-сеньора, которая, какъ говорятъ, по собственному прозволу, располагала имуществомъ и кровью несчастныхъ зависимыхъ крестьянъ. Но мои предубѣжденія разсѣялись не вдругъ. Я зналъ, что средніе вѣка были царствомъ случайностей и странностей. Не былъ ли

данный свитокъ простою историческою чрезвычайностью, любопытнымъ исключеніемъ изъ общей системы крѣпостничества? Я удовольствовался потому лишь тѣмъ, что обратилъ вниманіе на фактъ, и продолжалъ свои изслѣдованія. Но вскорѣ я замѣтилъ, что число подобныхъ «исключеній» возрастало до безконечности. Мнѣ попались на глаза десять, двадцать, пятьдесятъ подобныхъ же уставныхъ свитковъ, которые всѣ были основаны на однихъ и тѣхъ же началахъ. Вопросъ все расширялся, и вскорѣ, оставивъ въ сторонѣ всѣ прочія свои работы, я посвящалъ всѣ свои силы разработкѣ только-что открытаго сокровища».

Результатомъ этихъ работъ явилось очень скоро открытіе около 150-ти уставныхъ грамотъ, на основаніи которыхъ устанавливалось существованіе не менѣе 200 общинныхъ барщинныхъ дворовъ для одного лишь Верхняго Эльзаса. Сверхъ того, авторъ несомнѣнно убѣдился, что общинная организація, о которой идетъ рѣчь въ этихъ свиткахъ, представляла нормальное условіе существованія въ большей части эльзасской провинціи. «Каждая деревня, говоритъ онъ:—явилась мнѣ тогда подъ видомъ конституціонной монархіи, хартіи которой—сборникъ обычаевъ—носила иногда характеръ сдѣлки, но никогда не была результатомъ пожалованной сверху уступки. Власть законодательная и судебная оставались существенно принадлежностью общины, тогда какъ исполнительная власть принадлежала многимъ должностнымъ лицамъ, изъ которыхъ одни являлись представителями суверена этого маленькаго государства, другіе же—делегатами народа».

Нѣкоторою, весьма, впрочемъ, простительною наивностью со стороны *Гамауера* было лишь то, что онъ только въ теченіи своей работы ознакомился съ текстами такихъ же свитковъ, какъ найденные имъ въ собраніяхъ *Буркардта*, *Штоффеля* и *Гримма*. А между тѣмъ, благодаря трудамъ *Буркардта* и *Штоффеля*, въ рукахъ публики уже находилось не менѣе 100 уставныхъ грамотъ, а *Гриммъ* публиковалъ ихъ не менѣе 3,000. Но авторъ не только не пришелъ отъ этого въ отчаяніе, но, воспользовавшись текстами этихъ ученыхъ, еще съ болѣею ревностью продолжалъ свою работу. Точно также появленіе книги *Маурера* «Geschichte der Frohnhöfe, der Bauernhöfe etc.» 1862—1863, по словамъ автора, только прищипило его усердіе и самолюбіе и побудило его къ розьясканіямъ, помимо архивовъ Верхняго, также и въ архивахъ Нижняго Эльзаса. Тогда весь его трудъ составлялъ обзоръ не менѣе 300 уставныхъ свитковъ, да, кромѣ этого, *Гамауеръ* началъ на слѣдъ еще 200. «Эти открытія, продолжаетъ нашъ ученый:—мало, однакоже, способствовали дальнѣйшему расширенію моего горизонта: организація

мадальтескиих общинъ (colonges) въ основаніи своемъ вездѣ одна и та же, такъ что, по изученіи извѣстнаго количества свѣтковъ, можно легко составить себѣ понятіе объ основныхъ чертахъ этого предмета». Несмотря на то, авторъ вполне основательно настаиваетъ на своей самостоятельности, совершенно справедливо при этомъ утверждая, что всѣ его основныя заключенія содержались уже во введеніи къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ и въ нѣкоторыхъ главахъ этихъ послѣднихъ, которыя были опубликованы (въ «Revue catholique») еще до выхода въ свѣтъ сочиненія *Maurera*.

Общій выводъ изъ всей совокупности трудовъ *Gammauera* мы можемъ формулировать его же собственными словами: «Усвоивъ себѣ теорію прогресса, говоритъ онъ: — мы съ трудомъ вѣримъ своимъ глазамъ, когда читаемъ тѣ уставныя грамоты крестьянъ, которыя спасены отъ забвенія. Мы особенно удивляемся, когда видимъ что самыя древнія уставныя свѣтки суть, въ то же время, самыя свободныя. Эльзасскій крестьянинъ по отношенію къ безопасности, благосостоянію, мягкости нравовъ, личной независимости, безъ сомнѣнія, остался въ выигрышѣ по прошествіи столѣтій; но онъ потерялъ за то въ достоинствѣ, въ политическомъ и въ социальномъ своемъ значеніи». Во всякомъ же случаѣ, прибавляетъ авторъ, «отъ свободнаго положенія равнаго между равными, какое занималъ средневѣковой крестьянинъ въ своей общинѣ, далеко до того крестьянина, котораго банальная наука привыкла безъ размышленія считать *taillable et corvéable à volonté*». Конечно, въ качествѣ католическаго священника, авторъ, быть можетъ, черезчуръ наклоненъ, употребляя выраженіе одного изъ его противниковъ, «помѣщать независимость крестьянъ, подобно потерянному раю, на порогѣ новаго европейскаго общества»¹. Но нельзя также отказать ему въ довѣріи, когда онъ высказывается въ подобномъ смыслѣ отъ имени самихъ подавленныхъ крестьянъ: «И такъ, когда пробѣгаешь архивы, то непремѣнно согласишься, что наши крестьяне не раздѣляли теоріи непрерывнаго прогресса. Они не перестаютъ обращать своихъ взоровъ назадъ. Для нихъ, какъ и для поговъ древности—золотой вѣкъ позади. Даже въ 1789 году эти деревенскіе добряки просятъ только объ одномъ: чтобы имъ дозволили возвратиться къ старому доброму времени». Дѣйствительно, въ исторіи новѣйшей европейской цивилизаціи, какъ это можно видѣть изъ множества документовъ, на долю сельскаго населенія досталось гораздо меньше радостей, чѣмъ гора и го-

¹ «Chaufour», op. cit. 65.

раздо больше горя, чѣмъ на долю другихъ общественныхъ классовъ...

Общія причины постепеннаго вырожденія крестьянскихъ свободныхъ учреждений *Гамауеръ*, подобно *Мауреру*, указываетъ въ развитіи суверенитета или въ территоріальной власти сеньёровъ. Владѣльческое общинное устройство, согласно ихъ изслѣдованіямъ, восходитъ къ первобытнымъ германскимъ учрежденіямъ. Дворы свободныхъ людей были первоначально въ одной и той же общинѣ одинаковыхъ размѣровъ и имѣли одни и тѣ же права. Впослѣдствіи, мало-по-малу, между ними стало водворяться различіе какъ въ отношеніи къ значенію этихъ владѣній, такъ и въ отношеніи къ ихъ юридическому положенію. Дворы королей и князей сдѣлались административными центрами имперіи и провинціи, дворы же нѣкоторыхъ другихъ свободныхъ людей стали замками и мѣстопребываніемъ сеньёровъ. Изъ глубины своего двора или дворца король и другіе сильные міра управляли государствомъ и его провинціями; такимъ же образомъ, съ высоты своего бурга, замка или двора, рыцари и аббаты управляли своими доменами. Король былъ сувереномъ государства; также точно князь былъ сувереномъ своего края, рыцари и аббаты были суверенами своихъ земель. Но никто изъ этихъ сувереновъ не пользовался безграничными правами. Король на народныхъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ королевскихъ судовъ удерживалъ за собою только право руководить ихъ совѣщаніями—онъ не имѣлъ рѣшительнаго голоса. Князья, сеньёры и ихъ должностныя лица располагали только правомъ предсѣдательства въ собраніяхъ мѣстныхъ и провинціальныхъ. Такимъ образомъ, имперія управлялась въ извѣстномъ смыслѣ сама собою. Тоже повторялось въ каждой провинціи, въ каждой сеньеріи и въ каждой общинѣ. Идея самоуправленія въ томъ видѣ, въ какомъ она встрѣчается въ настоящее время въ Англіи, только умѣла лучше сохраниться и развить германскія учрежденія, чѣмъ это сдѣлала, увы! сама Германія. Еще во времена реформациі, рыцари подъ руководствомъ *Зикимена*, а позже само сельское населеніе пытались, хотя и различными путями, преобразовать страну свою въ смыслѣ старинныхъ учреждений, но было уже поздно. Положеніе крестьянъ было первоначально гораздо болѣе свободное и льготное, чѣмъ впослѣдствіи, въ XIV и въ XV столѣтіяхъ, а потому нельзя не согласиться съ *Гераромъ*, когда онъ говоритъ ¹, что «классъ владѣльческихъ крестьянъ или хо-

¹ «Essai sur le système de division territoriale de la Gaule sous les rois des Francs». Paris. 1832.

доновъ въ царствованіе Карла Великаго, по меньшей мѣрѣ, въ церковныхъ имѣніяхъ, пользовался большимъ благосостояніемъ, тѣмъ нынѣшніе крестьяне въ нѣкоторыхъ французскихъ провинціяхъ, и что, напримѣръ, имѣніе Палэзо IX столѣтія, въ отношеніи земледѣлія и народонаселенія, могло бы позавидовать не многому въ сравненіи съ тѣмъ же Палэзо XIX столѣтія». Подобно тому, какъ рыцари и сеймы принимали участіе въ администраціи страны, крестьяне въ своихъ собраніяхъ, въ своихъ Ding'ахъ участвовали въ управленіи дворами. Повинности крестьянъ не были первоначально ни такъ тяжелы, ни такъ высоки, какъ сдѣлались впоследствии. Хотя не одна владѣльческая повинность имѣла въ основаніи насиліе, но тѣмъ не менѣе, болѣею частью, повинности эти служили нѣкогда вознагражденіемъ за услугу, наемной платою за землю или цѣною покровительства со стороны сеньера.

Болѣе подробное развитіе всѣхъ только что указанныхъ началъ, въ связи съ тѣми ближайшими фактическими данными, которыя лежатъ въ ихъ основаніи, составитъ предметъ послѣдующаго очерка. Скажемъ пока нѣсколько словъ о томъ приемѣ, какой наняли себѣ труды *Ганауера*. Вначалѣ, труды эти, появившіеся въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, произвели сенсацію. Они были приняты весьма благопріятно въ Германіи и во Франціи. Нѣкій *Риббэ* помѣстилъ извлеченіе изъ нихъ въ «Bulletin de la Société d'Économie sociale» (мартъ 1866 года), подъ названіемъ «Des institutions rurales de l'Alsace au moyen âge», а французскій институтъ увѣнчалъ ихъ преміей. При всемъ томъ слѣдуетъ сознаться, что сочиненія эти далеко не приобрѣли той извѣстности и того широкаго круга читателей, какихъ они, по всей справедливости, заслуживаютъ и какіе достались, напримѣръ, на долю «древнихъ учреждений» *Мэна* или «Средневѣковой общины въ Англіи» *Нассе*. Мало этого, въ лицѣ двухъ эльзасскихъ ученыхъ и юристовъ *Веронъ-Ревилля* и *Шоффюра*¹ изслѣдованія нашего аббата приобрѣли себѣ даже враговъ. Еще полемика съ *Ганауеромъ* перваго изъ этихъ двухъ писателей носить болѣе или менѣе объективный характеръ, и мы, пожалуй, готовы согласиться, что имъ руководила отчасти въ этомъ дѣлѣ любовь къ истинѣ, хотя сія послѣдняя, судя по всѣмъ документамъ все-таки оказывается на сторонѣ его противника. Но что касается *Шоффюра*, то усвоенный имъ по отношенію къ *Ганауеру* тонъ нельзя назвать иначе, какъ злобно-

¹ Названія сочиненій обоихъ этихъ авторовъ приведены въ первомъ приложеніи.

проническимъ и далеко не безпристрастнымъ. Рецензентъ позволяетъ себѣ подтрунивать надъ авторомъ, уворяетъ его, не имѣя на то ни тѣни основанія, въ полнѣйшемъ незнакомствѣ съ предметомъ и даже дѣлаетъ несовсѣмъ благовидные намеки на тѣ симпатіи, которыя обнаруживаетъ авторъ по отношенію къ нѣкоторымъ германскимъ ученымъ: въ глазахъ *Шоффура* подобныя симпатіи являются ничѣмъ инымъ, какъ признакомъ нѣмецкаго сепаратизма, а въ 1866 году послѣдній былъ въ Эльзасѣ, по меньшей мѣрѣ, столько же опасенъ, какъ въ 1876 году французскій. Не зная близко мѣстныхъ отношеній, мы не съумѣли бы отвѣтить на вопросъ, благодаря какимъ ближайшаго характера мотивамъ, «научная» полемика *Шоффура* могла принять столь мало благовидную окраску. Но, судя по варіаціямъ полемическаго тона, мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что рецензенту въ сочиненіяхъ аббата всего болѣе не понравились двѣ вещи: во-первыхъ, то глубокое неуваженіе, съ какимъ, по нашему мнѣнію, вполне заслуженно относится аббатъ къ корпораціи эльзасскихъ юристовъ, которые своими кляузными толкованіями вопросовъ права оказали, въ свое время, не маловажное содѣйствіе закрѣпощенію и обезземленію эльзасскаго сельскаго населенія; во-вторыхъ, то сочувствіе, которое вызвали, при своемъ появленіи, изслѣдованія автора. Но въ чемъ же сущность возраженій этихъ двухъ ученыхъ, при помощи какихъ орудій они пытаются разбить ту батарею доказательствъ въ пользу исконныхъ правъ эльзасскаго крестьянства на землю и свободу, которая воздвигнута нашимъ аббатомъ изъ новыхъ архивныхъ документовъ? Не ознакомивши еще читателя, какъ слѣдуетъ, съ самымъ содержаніемъ трудовъ *Ганауера*, мы можемъ, въ настоящую минуту, коснуться этихъ возраженій только вкратцѣ, предоставляя себѣ право еще разъ возвратиться къ нимъ впоследствии. Оба рецензента одинаково настаиваютъ на томъ, что свобода и собственность на землю эльзасскаго сельскаго населенія въ началѣ среднихъ вѣговъ представляетъ не болѣе, какъ игру воображенія *Ганауера*. Оба соглашаются, что, по завоеваніи германцами *Эльзаса*, большинство свободныхъ и даже несвободныхъ земель этой провинціи было раздарено въ полную собственность сеньбрамъ, которые, къ тому же, въ лицѣ римскихъ колоновъ нашли себѣ готовый контингентъ зависимаго населенія, дополненный массою мелкихъ землевладѣльцевъ, искавшихъ покровительства сеньбровъ. Оба придерживаются мнѣнія, что положеніе крѣпостныхъ, которые въ прежнія времена обнимали чуть не все сельское населеніе, подъ вліяніемъ обычая и времени, подвергалось непрерывнымъ улучшеніямъ. Но *Шоффура*

съ особенною силою подчеркиваетъ то обстоятельство, что земли Эльзаса никогда не принадлежали крестьянамъ, что земли эти искони вѣковъ составляли полную и несомнѣнную собственность сеньюровъ, находившуюся только во временномъ пользованіи крестьянъ. Помимо этого, онъ утверждаетъ, что крестьянское населеніе Эльзаса и даже всей Германіи никогда не пользовалось политической свободой, что самоуправленіе владѣльческихъ крестьянъ имѣло самыя узкія границы, что суверенная власть сеньюровъ въ теченіи среднихъ вѣковъ шла не къ возрастанію, а къ упадку и, наконецъ, что толкованія юристовъ XVII и XVIII столѣтій являлись болѣе или менѣе точнымъ выраженіемъ той дѣйствительности, которая создала на одной сторонѣ супрематію и землевладѣніе, а на другой зависимость и голое пользованіе землею. Несмотря на то, что мнѣніе это заключаетъ нѣкоторую долю истины, какъ, напримѣръ, ту мысль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ сеньеры очень рано стали распоряжаться землею и трудомъ крестьянъ на правѣ полной частной собственности, а также, что гг. сеньеры стѣсняли иногда чрезмѣрно свободное отправленіе крестьянскаго суда, читатель убѣдится ниже, что преувеличенія и извращенія истины тутъ колоссальны чуть не до абсурда. При помощи лишь небольшой перестановки удареній, теорія эта стремится выворотить на изнанку то ученіе, на основаніи котораго закрѣпощеніе и обезземеленіе крестьянъ является не предлюдіею и не преддверіемъ, а результатомъ развитія феодализма. Но, къ сожалѣнію, это послѣднее ученіе поставлено теперь такъ прочно и представляетъ въ свою пользу такое множество вполне безспорныхъ документальныхъ доказательствъ, что сдвинуть его съ мѣста является довольно жалкою тенденціозною претензіею.

Такъ какъ эльзасскія сельскія учрежденія представляютъ лишь часть общегерманскихъ учрежденій, то послѣдующій очеркъ эльзасской владѣльческой общины значительно выиграетъ въ опредѣленности и ясности, если мы предположимъ ему обзоръ общегерманскаго общиннаго устройства. При этомъ, не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ историческомъ развитіи въ Германіи крестьянскаго и дворянскаго сословій, съ которымъ движеніе въ области общинныхъ учрежденій находится въ тѣснѣйшей внутренней связи. Главнымъ источникомъ, при составленіи этого обзора, намъ могутъ послужить изслѣдованія *Маурера*, которыя мы постараемся пополнить при помощи нѣкоторыхъ болѣе или менѣе выдающихся трудовъ другихъ ученыхъ.

I.

Подъ именемъ германской марки необходимо разумѣть соединеніе деревень и отдѣльныхъ дворовъ, которые, помимо своихъ специальныхъ учреждений (Hof и Dorfrecht), имѣли еще общинное устройство (Mark-и Landrecht), т. е. общіе судебные порядки и общее пользованіе лѣсами и пастбищами, а иногда и пахатыми полями. Въ подобномъ смыслѣ слово «марка» обозначаетъ или совокупность самихъ указанныхъ общинъ, или же совокупность нераздѣльныхъ земель, водъ, лѣсовъ и пастбищъ. Устройство марокъ является прежде всего естественнымъ переходомъ отъ пастушескаго кочевяго состоянія къ осѣдлому. Обширные лѣса, громадныя пастбища—вотъ въ чемъ нуждались по преимуществу народы кочевые. Самое нераздѣльное пользованіе различными земельными угодіями представляетъ естественное послѣдствіе распаденія пастушескихъ племенъ на осѣдлыя группы, которыя продолжали первоначально связывать непосредственныя узы кровнаго родства. Частной собственности, даже въ простѣйшемъ смыслѣ этого слова, а именно въ смыслѣ постоянного отношенія между индивидуумомъ или родомъ и опредѣленнымъ участкомъ земли, еще не могло существовать. Почти поголовное равенство жизненныхъ функций и условій не допускало еще прочныхъ и продолжительныхъ связей между отдѣльнымъ человекомъ и землею. Но, съ теченіемъ времени, благодаря вліянію различныхъ перемѣнъ въ общественномъ устройствѣ и міросозерцаніи, между которыми обыкновенно называютъ прогрессивное движеніе земледѣлія и ознакомленіе германцевъ съ началами и особенностями римскаго права, въ этомъ состояніи вещей произошли также глубокія измѣненія. Въ эпоху завоеваній, каждый отдѣльный членъ марки имѣлъ уже нѣчто въ родѣ полной собственности на свой участокъ, но община еще сохраняла нераздѣльное владѣніе лѣсами и лугами; она продолжала даже представлять даровой пастбѣй паровныя поля и живно. Въ это время и впоследствии, германская марка состояла изъ трехъ отдѣльныхъ частей: 1) общей марки, которою владѣла совокупно вся община, 2) воздѣланной марки, которая была выдѣлена изъ общей и раздѣлена на равныя части между членами общины и 3) деревенской или усадебной марки, также раздѣленной на равныя части, но обладаемой на правѣ частной собственности. Такимъ образомъ, каждый житель марки состоялъ въ тройномъ отношеніи къ землѣ, занятой общиною: онъ былъ совладѣльцемъ общинной

земли, собственникомъ доли въ воздѣланной маркѣ и полнымъ хозяиномъ двора или усадьбы въ деревенской маркѣ. Въ первомъ случаѣ, онъ владѣлъ нераздѣльно съ другими, и его права пользованія подвергались строгому контролю со стороны другихъ общинниковъ. Скотъ его пасся на общемъ выгонѣ подъ надзоромъ общиннаго должностнаго лица, онъ имѣлъ право на известное количество лѣса. Въ воздѣланной маркѣ, по прекращеніи передѣловъ, онъ имѣлъ опредѣленную часть наследственнаго имущества и могъ называть известное пространство своею собственностью, но онъ долженъ былъ воздѣлывать свой участокъ не иначе, какъ въ согласіи съ другими членами общины, которая вводитъ въ употребленіе ту или другую земледѣльческую систему. Обыкновенно, общинная воздѣланная марка дѣлилась на три поля, изъ которыхъ каждое находится въ пару однажды въ три года, причѣмъ община имѣетъ право пасти скотъ на землѣ, лежащей въ пару, а также на живнѣ. Для устраненія пронтекающаго отсюда неудобства, а именно, чтобы каждый отдѣльный владѣлецъ не оставался безъ земли по прошествіи каждыхъ двухъ лѣтъ, участки не отводятся въ одномъ мѣстѣ, а разбиваются на части во всѣхъ трехъ поляхъ, что дѣлаетъ общинное владѣніе землею еще необходимымъ. Напротивъ того, въ деревенской маркѣ, въ своемъ жилищѣ и его принадлежностяхъ членъ общины—полюбіишій хозяинъ и господинъ. Въ его домѣ не имѣетъ права входить безъ его дозволенія никакое общинное должностное лицо. Известное выраженіе, что «домъ англичанина—его замокъ» представляетъ не что иное, какъ отдаленное эхо этихъ давно минувшихъ временъ.

Но хотя эта революція поземельныхъ отношеній и была болѣе или менѣе общою, но она не была всеобщою. Мѣстами періодическое распредѣленіе пахатныхъ полей, служившее основнымъ условіемъ ихъ нераздѣльности, удержалось до настоящаго времени; въ другихъ мѣстностяхъ (Loosgüter въ Баваріи) только одна часть полей сдѣлалась частною собственностью, остальная же продолжала подчиняться древнему порядку пользованія.

Въ цѣломъ, послѣ эпохи завоеванія земли раздѣлялся на частныя, общинныя и земли, хотя и принадлежащія совокупности многихъ марокъ, но не занятыя ни общинами, ни частными лицами. Это былъ земельный резервъ для новыхъ поселеній, отдѣлявшихся отъ старыхъ, нѣчто въ родѣ «запаса» нашихъ донскихъ казаковъ. Эти-то земли и послужили къ образованію королевскаго домѣна. По словамъ Герара ¹, «у франковъ въ кон-

¹ Prolégomènes du polyptique d'Irminon, 49.

цѣ второй династїи уже не существовало болѣе общественной казны, отличной отъ королевской, и общественныхъ земель, отличныхъ отъ королевскихъ». Впослѣдствїи, королевскїй домѣнъ былъ, въ свою очередь, колонизированъ и организованъ по образцу старыхъ марокъ. Но въ этихъ новыхъ маркахъ право собственности на общинную землю оставалось, повидимому, частью за королемъ (вслѣдствіе злоупотребленія принадлежащаго имъ права наблюденія и надзора)¹, частью за свѣтскими и духовными сеньорами, получившими доли королевскаго домѣна. Въ древнихъ маркахъ было иначе. Здѣсь, какъ это видно въ тѣхъ изъ нихъ, которыя сохранили во всей цѣлости старинное устройство, дѣйствительнымъ и законнымъ собственникомъ лѣсовъ, водъ и пастбищъ пребывала сама община (*die Markgenossenschaft*). Такъ было, напримѣръ, въ Рейнгау до самаго XII столѣтія. Даже и впослѣдствїи, съ развитіемъ королевской власти, всѣ крупныя общины, которыя сумѣли отстоять свои традиціонныя права и свою древнюю организацію, остались дѣйствительными собственниками своихъ общинныхъ земель. Многія марки, оставшіяся нераздѣленными и свободными, потеряли свою независимость только въ концѣ среднихъ вѣковъ, особенно въ XVI столѣтіи послѣ столь несчастно окончившихся крестьянскихъ войнъ. Вотъ почему еще и теперь можно встрѣтить во многихъ мѣстностяхъ Германїи многія древнія поселенія, въ которыхъ община продолжаетъ удерживать въ своихъ рукахъ на правѣ собственности такъ называемыя альменды—луга, пастбища и лѣса. Таковы, напримѣръ, общины Куэйхгеймъ и Оффенбахъ близъ Ландау.

Но если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, каковы, напримѣръ, Андорская Долина, Дитмаршъ, маленькіе кантоны Швейцарїи и пр., древнее общинное устройство сохранилось до настоящаго времени, то оно все же почти всюду испытало коренныя измѣненія.

¹ До какой степени были призрачны основанія подобныхъ правъ собственности на общинную землю, видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ словъ вышеупомянутаго эльзасскаго ученаго Véron-Réville'я (*Essai sur les anciennes juridictions d'Alsace*, 146): «Мы будемъ имѣть случай скоро говорить объ одномъ документѣ XIII столѣтія, по которому императоръ Рудольфъ Габсбургскїй уступаетъ жителямъ Ландау право пользованія въ одномъ изъ своихъ лѣсныхъ округовъ, что могло бы дать поводъ думать, будто *geteide* были когда-то частью государственнаго домѣна и будто пользующіеся ими получали свои права въ послѣднемъ счетѣ только благодаря королевскимъ щедротамъ и уступкамъ. Но какъ бы то ни было, а этотъ документъ не противорѣчитъ преобладанію правъ общины. Мы продолжаемъ думать вмѣстѣ съ Эйхгорномъ, что громадная масса лѣсовъ были прежде всего въ пользованіи у марокъ». Жаль только, что *Véron-Réville* въ polemикѣ съ *Ginauero*мъ, повидимому, позабылъ про это.

Съ одной стороны, марки ослаблились послѣдовательными дѣленіями, а также увеличеніемъ числа привилегированныхъ, иммунитетныхъ земель. Съ другой стороны, могущество королей и сеньёровъ развивалось на ряду съ марками или же среди собственныхъ территорій этихъ послѣднихъ. Отсюда столкновенія и продолжительная борьба, въ которой окончательная побѣда осталась не за марками. Первымъ результатомъ этого пораженія была для марокъ потеря большей части общинныхъ земель. Многія марки исчезли совершенно и сохранили между собою только нѣкоторыя экономическія связи. Альменды перешли къ территориальнымъ сеньёрамъ и превратились въ ихъ рукахъ въ суверенные домены. По словамъ *Маурсера*¹, большая часть сеньёріальныхъ доменовъ произошла изъ общинныхъ земель, которыя принадлежали первоначально имперіи или маркамъ, а потому въ высшей степени заблуждаются тѣ, по мнѣнію которыхъ домены эти представляютъ частное имущество сеньёровъ. Мало-по-малу, по мѣрѣ захвата сеньёрами общинныхъ земель, происходитъ и распаденіе самой марки, и вся ея администрація сосредоточивается, въ концѣ-концовъ, въ рукахъ сеньёровъ. Только на земляхъ духовенства организація марки сопротивлялась посягательствамъ со стороны сеньёровъ нѣсколько болѣе продолжительно, хотя врядъ ли болѣе успѣшно.

Съ теченіемъ времени, образовалось три разряда марокъ: свободныя, число которыхъ постепенно уменьшалось, владѣльческія, число которыхъ все росло, и, наконецъ, смѣшанныя. Въ маркахъ свободныхъ общинная земля вполнѣ принадлежала общинѣ, и всякій дворъ или ферма также всецѣло принадлежали крестьянину, который занимался обработкою земли. Въ маркахъ владѣльческихъ или сеньёріальныхъ жители были не болѣе какъ колонны, они не имѣли на аренду другихъ правъ, кромѣ права потомственного пользованія, какъ на арендованную землю. Наконецъ, въ маркахъ смѣшанныхъ, занятыхъ одновременно и свободными людьми, и вѣрностными, первые являются имѣющими общую собственность на общинную землю, послѣдніе же только представляютъ права своихъ сеньёровъ. Но часто встрѣчается весьма замѣчательное явленіе: «Альменда является часто собственностью членовъ марки даже въ такихъ случаяхъ, когда эти послѣдніе суть просто колонны; будучи зависимыми или вѣрностными въ своей деревнѣ, они свободны въ предѣлахъ марки» (*Маурсеръ*). Тутъ, повидимому, находятъ себѣ вполнѣ правильное примѣненіе слѣдующее замѣчаніе *Маркса*², сдѣланное имъ по

¹ *Einleitung*, etc. 27.

² «*Капиталъ*», 615.

отношенію къ англійскимъ крестьянамъ: «громадное большинство населенія въ концѣ XIV, а еще болѣе въ XV столѣтіи, состояло изъ свободныхъ крестьянъ, имѣющихъ *собственные хозяйства*, все равно, подъ какими бы феодальными выѣсками ни срывалось *ихъ право собственности*». Нѣсколько ниже мы увидимъ, что подобныя черты въ положеніи владѣльческихъ крестьянъ Эльзаса были не исключеніемъ, а скорѣе правиломъ, насколько можно о томъ судить на основаніи уставныхъ грамотъ.

Регулированіе общихъ интересовъ марки принадлежало самой общинѣ, подъ предсѣдательствомъ, смотря по роду дѣлъ, или общиннаго старосты (Obermaerker или Holzgraf) или же фогта (Centgraf, Waldboten, Ruwgraf). Первому изъ нихъ вѣрялась защита поземельныхъ интересовъ; второй, являясь представителемъ императорской власти, облеченной правами высшей юстиціи, вѣшивался въ дѣло только въ видахъ уголовныхъ экзекуцій и вообще по вопросамъ общественнаго права. Впрочемъ, предсѣдатель собранія марки являлся только стражемъ и защитникомъ права: онъ ставилъ вопросы, но самъ не имѣлъ совѣщательнаго голоса, какъ это доказываетъ множество судебныхъ протоколовъ стараго времени. Въ дѣлахъ марки община имѣла часто абсолютную власть. Она имѣла право предписывать и воспрепятствовать извѣстнымъ дѣйствіямъ, а, въ особенности, безусловное право регулировать, по своему желанію, пользованіе общинными землями. Нетолько отдѣльный членъ марки, но даже старшина и фогтъ, обязаны были подчиняться ей. Члены марки имѣли первоначально повсюду, а въ нѣкоторыхъ маркахъ (Diebug, Obergruzel) даже до позднѣйшаго времени, право отказываться отъ протекціи фогта, если только этотъ послѣдній и его представители не соблюдали постановленій общины. Такимъ образомъ, въ маркахъ свободныхъ ни старшина, ни ширмфогтъ не пользовались вначалѣ правами суверенитета (Oberherrschaft). По всѣмъ важнымъ дѣламъ старшина обязаны были созывать всѣхъ членовъ марки или, по меньшей мѣрѣ, делегатовъ ихъ. Они стали стремиться къ достиженію главенства гораздо позже, когда ихъ собственныя должности уже перестали быть выборными. Они присвоили себѣ, мало по малу, одно за другимъ, всю совокупность правъ общины, сами стали заботиться объ интересахъ марки, располагать общинными землями и кончили тѣмъ, что приобрѣли себѣ нетолько верховенство, но также и собственность на эти земли. Тогда, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ старшина могъ побудить облечь себя общественною властью—фогствомъ—территориальное главенство могло считаться обезпеченнымъ. Въ другихъ мѣстахъ узурпація общинныхъ правъ была дѣломъ са-

мого фогта, поставленнаго для защиты общественнаго права. По словамъ *Маурера* ¹, «фогтъ начинается съ утвержденія выборовъ должностныхъ лицъ марки. Впослѣдствіи онъ сталъ уже называть ихъ самъ или присоединять къ нимъ агента со стороны сеньера, который, мало по малу, поглощаетъ ихъ собою... Во многихъ маркахъ право намѣстничества или фогтства преобразовалось въ территориальное господство и повлекло за собой почти повсюду разрушеніе общины». Вотъ одинъ рельефный историческій примѣръ постепеннаго захвата власти со стороны сеньеро-въ. Марка въ Альтенголау еще въ XIV столѣтіи представляла корпорацію свободную, находящуюся въ зависимости непосредственно отъ имперіи. Она не признавала другихъ сеньеро-въ, кромѣ императора и установленныхъ имъ намѣстнико-въ. Лѣсъ и вся общая марка принадлежали сообщинникамъ, фогтъ не имѣлъ тутъ ни малѣйшей доли. Члены марки имѣли свои частныя собранія и право избирать должностныхъ лицъ, даже центграфо-въ. Собранія члено-въ марки и шѣффено-въ велись отъ имени общины, и въ ея же пользу употреблялись штрафы и выручка за проданныя заклады. Общественныя повинности ограничивались ничтожною суммою въ 70 ливро-въ, которая уплачивалась фогту за протекцію, и лошады, которая давалась въ ссуду императору во время войны, въ видѣ доказательства зависности отъ имперіи. Никто при этомъ не былъ облагаемъ личною податью. Съ теченіемъ времени все это радикально измѣнилось. Въ XVI столѣтіи графы *Ганау* располагали уже полнѣйшимъ верховенствомъ надъ нашею маркою. Лѣсъ и общинныя земли оставались еще за членами общины, но сеньеръ пользовался на этихъ земляхъ привилегіею охоты, и сами члены общины, повидимому, лишь изъ милости допускаются къ владѣнію ими. Трибуналь марки былъ уже уничтоженъ. Центграфо-въ началъ утверждать сеньеръ. Должностное лицо сеньера—шультгейссъ получило преобладаніе надъ центграфомъ. Юстиція стала отправляться отъ имени сеньера, и отъ его же имени центграфъ и шультгейссъ начали регулировать всю совокупность интересовъ марки. Штрафы шли уже исключительно въ пользу сеньера. Повинности всякаго рода увеличились въ числѣ и стали выскиваться подъ тысячею различныхъ видовъ. Были введены барщина охотничья, барщина провинціальная и другія барщины въ пользу сеньера. Права намѣстничества и протекціи, имѣвшія вначалѣ ничтожное значеніе, расширились до чрезвычайности. Лошадь, отдаваемая въ ссуду императору, преобразилась въ конскую повинность. Ста-

¹ «Geschichte der Markverfassung in Deutschland», 228.

ли взиматься акцизы, генеральные и другие налоги, о которых прежде не было и помину, и даже сдѣлана была попытка установить родъ крѣпостничества.

Такимъ то образомъ, по мѣрѣ приближенія къ современной намъ эпохѣ, зависимое положеніе громаднаго большинства совершенно свободнаго прежде крестьянства становилось все болѣе и болѣе невыносимымъ, и въ то же время все болѣе и болѣе возрастало могущество сеньѳровъ и другихъ дворянъ, основанное на присвоеніи земель общины и на уничтоженіи общинныхъ учреждений. Вотъ какими чертами характеризуетъ германское дворянство той эпохи писатель XVI столѣтія *Вемъ*: «*Gens superba, inquieta, avara subditos rusticos irremissa servitute exercet. Incredibile dictu, quantum miseros et infelices homines vexet*»¹. Конечно, во всѣхъ несправедливостяхъ, насиліяхъ и беззаконіяхъ крестьяне того времени легко могли найти себѣ извѣстное утѣшеніе въ томъ сознаніи, что «во времена аристократическія, при отсутствіи письменныхъ документовъ касательно гражданскихъ отношеній, легко могло случаться, что чисто личная услуга и даже простая угодливость какого нибудь крестьянина превращалась въ поземельную повинность», а также, что «пошлины за признаніе и за согласіе были въ то малограмотное время, безъ сомнѣнія, часто необходимы, дабы сохранить въ ясности разныя юридическія отношенія» (*Рошеръ*)². Не менѣе отрады и успокоенія должно было вливать въ сердца крестьянъ то убѣдительное соображеніе историка-экономиста, что «ины барщины вовсе не хозяйственнаго свойства, какъ напр. встрѣчавшійся въ Германіи, Франціи и Италіи угомонъ лягушекъ, исканіе блохъ въ барской постели и пр. объясняются скорѣе старинною символичкой, чѣмъ барскою прихотью»³. Если же крестьяне того времени не стали спокойно дожидаться, пока символика юриспруденціи не превратитъ всю совокупность ихъ работы и земель въ священную наследственную собственность сеньѳровъ, а отвѣчали на подобныя досужія юридическія упражненія повсемѣстными возстаніями и рѣзней, то это, разумѣется, необходимо отнести на счетъ ихъ незнакомства съ «наукой» политической экономіи и гробости ихъ нравовъ.

¹ «Родъ гордый, беззаконный и скупой облагаетъ зависимыхъ крестьянъ неправильной повинностью. Не повѣрять, если сказать, какое число мучать бѣдныхъ и несчастныхъ!»

² «Начала народнаго хозяйства». Т. II, 357 и 364.

³ *Ib.* 35.

II.

Спрашивается теперь; благодаря какимъ, *ближайшаго характера* причинамъ происходило это постепенное усиленіе власти фогтовъ, бароновъ, графовъ и другихъ дворянскихъ родовъ, сопровождавшееся повальнымъ закрѣпленіемъ громадныхъ массъ свободного народа и превращеніемъ его исконныхъ правъ на землю въ простое пользованіе ею? Чтобы имѣть возможность отвѣчать на этотъ вопросъ хотя бы только приблизительно, необходимо бросить взглядъ на тѣ условія, которыя способствовали образованію этихъ двухъ сословій въ средѣ германскаго народа.

Въ эпоху англійскихъ крестьянскихъ войнъ, въ концѣ XIV столѣтія, францисканскій монахъ *Валь* удивилъ, какъ извѣстно, своихъ современниковъ слѣдующимъ ироническимъ вопросомъ: «Когда праmaterъ наша пряла, а праотець дрова рубилъ, гдѣ дворянинъ въ то время былъ?» Но хотя подобный вопросъ, по отношенію къ такому давнопрошедшему періоду времени, и могъ бы привести въ тупикъ любого члена археологическаго общества, однако, слѣдуетъ сознаться, что у германцевъ эпохи Тацита равенство внутри марки уже не было абсолютнымъ: нѣкоторыя семьи имѣли болѣе земли, власти, богатства, рабовъ и получали при раздѣлѣ болѣе значительную долю добычи. Германцы, по словамъ Тацита, дѣлили между собою землю сообразно достоинству лицъ (?) — *agros inter se secundam dignationem partiantur*. Земля привилегированныхъ семействъ называлась *ager ehoris*, была независима отъ общинной власти и обрабатывалась обязательнымъ трудомъ. Это происходило, главнымъ образомъ потому, что съ давнихъ поръ уже выборъ въ исполнительную власть и въ военные вожди ограничивался, повидимому, извѣстными родами и, такимъ образомъ, власть эта, мало по малу, становилась наследственной, хотя первоначально она была таковою только фактически. Подобно королю или главному военному вождю, и предсѣдатель суда общины, будучи *de jure* лицомъ избирательнымъ, *de facto* былъ лицомъ наследственнымъ. Съ теченіемъ времени, это званіе приурочивается къ извѣстному двору или помѣстью, такъ что тотъ, кто владѣетъ имъ, исполняетъ и должность судьи (*Dorfgraf, iudex major loci*), а кто исполняетъ должность судьи, тотъ владѣетъ упомянутымъ дворомъ или помѣстьемъ. На этомъ основаніи, въ каждой тевтонской общинѣ одинъ домъ или дворъ является дворомъ по преимуществу, главою остальныхъ.

Впослѣдствіи этотъ дворъ именуется Fronhof, curtis dominicalis, curia publica и пр. и въ отношеніи къ нему другіе дворы въ общинѣ несутъ различныя обязанности и повинности, даже если эти дворы составляютъ аллодіальную собственность людей свободныхъ. По всей вѣроятности, эти обязанности и повинности принадлежали къ разряду общественныхъ повинностей и составляли жалованье представителямъ общественной власти въ общинѣ. Въ этомъ взаимодѣйствіи между извѣстнымъ родомъ и дворомъ, которое является естественнымъ послѣдствіемъ того явленія, что часть земли такъ или иначе выдѣляется изъ общей марки и обрабатывается чужимъ трудомъ, быть можетъ, кроется отчасти происхожденіе тѣхъ правъ помѣщиковъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались краеугольнымъ камнемъ всей феодальной системы. Но соглашаясь съ этимъ, не слѣдуетъ, однако, допускать, что позднѣйшее лишеніе большинства крестьянъ свободы и земли было прямымъ и непосредственнымъ послѣдствіемъ привилегированнаго положенія первоначальныхъ должностныхъ лицъ марки. Положеніе это могло быть лишь зародышемъ позднѣйшихъ сословныхъ отношеній, а чтобы зародышу достигнуть полнѣйшаго развитія, для этого необходимо весьма многое такое, чего онъ самъ въ себѣ не заключаетъ. Если бы мощное развитіе позднѣйшей земледѣльской аристократіи не опиралось на вполне самостоятельныя «довлѣющія дни» условія средневѣковой общественной организаціи, то привилегированное положеніе представителей первоначальной общественной власти могло бы и не сопровождаться феодальной системою. Но такъ или иначе, а во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что у германцевъ Тацита существовали уже довольно крупныя общественныя различія, послужившія, по всей вѣроятности, исходнымъ пунктомъ для образованія сословій.

Основнымъ условіемъ для упроченія и для дальнѣйшаго развитія всѣхъ упомянутыхъ различій является война. Нѣтъ, впрочемъ, ни малѣйшей нужды разумѣть въ этомъ смыслѣ подъ войною одни только наступательныя и завоевательныя военныя движенія и событія, которыя обыкновенно ставятъ побѣжденныхъ въ зависимость отъ побѣдителей и тѣмъ проводятъ между ними глубокую общественную борозду. Въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, во-первыхъ, потому, что, по справедливому замѣчанію Герара (ib. 199), въ тѣ времена «повсюду было неравенство и различіе и, какъ нигдѣ и ничего не было регулировано, то борьба и война были *всюду*», т. е. и *внутри*, и *въ* страны одинаково царилъ осадное положеніе. А, во-вторыхъ, «чтобы, при неподвижномъ состояніи земледѣлія, которымъ занимаются одни

только свободные землевладельцы, образующіе довольно безсвязную, по внутреннему составу, крестьянскую республику, были положены зародыши дѣйствительно самостоятельной государственной силы, всѣмъ имъ должна угрожать *внѣшняя опасность*¹, слѣд., въ процессѣ образованія сословій оказывается принимающимъ участие не одно только нападеніе, но и *защита*, хотя, быть можетъ, участие послѣдней и менѣе дѣйствительно и интенсивно. Говоря вообще, для созданія политическаго строя необходимо не столько завоеваніе, сколько непрерывное военное положеніе общества, т. е. такое положеніе, которое ежеминутно представляетъ поводъ къ возникновенію военныхъ дѣйствій.

Какимъ же образомъ были заложены первоначальныя основы германской военно-политической организаціи, которая является впоследствии, въ одно и то же время, и организаціей сословій? «Своихъ князей, говоритъ *Тацитъ*: — они выбираютъ изъ крупныхъ землевладельцевъ, а военачальниковъ только благодаря ихъ мужеству». Такимъ образомъ въ дѣлахъ военныхъ различіе общественнаго состоянія опирается пока единственно на личную особенность того или другого индивидуума, случайно отличившагося умѣніемъ и доблестью. Но это имѣетъ примѣненіе лишь къ высшимъ ступенямъ первоначальной военной организаціи. Различія въ составѣ второстепенной группы военнообщественнаго строя имѣютъ другое основаніе, а именно—отношенія старшинства въ родѣ. Главныя дворовъ бьются во главѣ родственниковъ и находящихся въ зависимости отъ нихъ лицъ; «члены семьи и другіе зависимые образуютъ», по словамъ *Тацита*, «ихъ войско». Составляемые такимъ образомъ мелкіе отряды становятся подъ руководство землевладельца, наиболѣе выдающагося по храбрости. Такъ, напр., Арминій является лишь княземъ, наиболѣе выдающимся среди другихъ князей своими личными заслугами. До какой степени остается еще, при такихъ обстоятельствахъ, ничтожною власть самого военачальника, видно изъ свидѣтельства того же *Тацита*. «Даже во время войны, говоритъ онъ:—князья германскіе совѣтуются между собою только о вещахъ менѣе значительныхъ; важнѣйшія же дѣла подчиняются рѣшенію народнаго собранія послѣ предварительнаго обсужденія вопросовъ стоящими во главѣ лицами». Эти демократическіе порядки сохранили отчасти свою силу и впоследствии. Такъ, когда Хлодвигъ, послѣ побѣды надъ Сигриемъ, пожелалъ удержать изъ добычи въ свою пользу серебряный сосудъ прихода епископа Ремигія въ Реймсѣ, то одинъ изъ членовъ его свиты разбилъ не-

¹ Kiesselbach, «Der Gang des Welthandels etc. im Mittelalter» 1860, 114.

медленно сосудъ, сказавъ при этомъ: «не смѣй брать ничего сверхъ жеребьевой доли». За такія республиканскія добродѣтели, идущія уже въ разрѣзъ съ эпохой, король, правда, при первомъ удобномъ случаѣ собственноручно закололъ упомянутого поборника демократическихъ традицій. Но встарину, по наступленіи мира власть короля тотчасъ же прекращалась съ вынужденною и неизбѣжною необходимостью. Именно на этомъ основаніи былъ убитъ своими же, несмотря на его великія заслуги въ борьбѣ съ римлянами, Германнъ, стремившійся къ учрежденію постоянной имперіи. Только послѣ продолжительныхъ войнъ возникаютъ достаточныя условія для развитія фактическаго преобладанія отдѣльныхъ военачальниковъ, благодаря, главнымъ образомъ, тому, что они увеличиваютъ свое частное имущество путемъ завоеваній и пріобрѣтаютъ средства для содержанія значительной дружины. Это происходитъ еще и потому, что, вмѣстѣ съ обладаніемъ землею, власть вождя надъ этимъ усиленнымъ корпусомъ войска начинаетъ переходить къ его сыну. Съ этихъ поръ, помимо личныхъ способностей, начинаетъ играть рѣшительную роль значительное имущество. Тогда возникаетъ соперничество между отдѣльными руководителями за первенство ранга. Благодаря большой дружинѣ и имуществу, отдѣльное лицо становится княземъ, а наиболѣе могущественный князь становится постепенно королемъ. Согласно замѣчанію *О. Тьерри* въ его *Исторіи завоеванія Англій*, названія «Kong, Konung, Kineg, Konig, King суть производныя отъ ken, kennen, können и прилагатся къ тому, кто наиболѣе знаетъ и можетъ; первый изъ вождей назывался иногда Kongong, т. е. король королей».

Однимъ изъ лучшихъ примѣровъ постепеннаго развитія центральной власти, опирающейся на цѣлый строй второстепенныхъ вождей и руководителей, представляется, какъ извѣстно, Скандинавія, а затѣмъ, то же самое явленіе повторяется, раньше или позже, почти во всей феодальной Европѣ. Гаральдъ Гаарфагръ требуетъ у свободныхъ земледѣльцевъ Одалбундовъ, чтобы они уступили ему верховное право на ихъ земли. Здѣсь король желаетъ стать къ отдѣльнымъ землевладѣльцамъ въ такія-же отношенія, въ какихъ находятся они сами къ различнымъ обитателямъ своихъ дворовъ — родственникамъ и зависимымъ. Порядокъ общественно-экономическаго наслоенія, имѣющій примѣненіе къ отдѣльному двору, принимается, при этомъ, за образецъ возникающаго государственнаго устройства. Война является творцомъ государства, какъ цѣлаго, матеріаломъ котораго служатъ разбросанные, разобщенные между собою землевладѣльцы. Первоначальное политическое единство феодальнаго общества образуетъ

одна только личная власть короля, основанная отчасти на соглашеніи съ главами земледѣльческихъ дворовъ и чисто личномъ чувствѣ вѣрности со стороны послѣднихъ, а отчасти на преобладаніи частнаго имущества короля, т. е. принадлежащей ему матеріальной силы. Но, кромѣ этого, король соединяетъ въ своей личности, такъ сказать, безсознательно различныя уже существующія общественныя функціи. Съ этими фактическими отношеніями связывается въ послѣдствіи византійско-римское міросозерцаніе, на основаніи котораго король, какъ таковой, считается собственникомъ области всего королевства. Разъ поступивши въ ленную зависимость отъ короля, свободные прежде Одальбунды тѣмъ самымъ подчиняются и юрисдикціи его (подобно тому, какъ и глава отдѣльнаго двора произносятъ судъ надъ своими товарищами по двору или, по крайней мѣрѣ, приводятъ въ исполненіе постановленія марки), должны платить ему налоги и оказывать личные услуги.

Процессъ образованія сословій и объединенія ихъ посредствомъ королевской власти, имѣющей исходнымъ пунктомъ устройство частнаго двора, и въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ слагается по тѣмъ-же частно-правовымъ типамъ, но только въ обратномъ направленіи отъ центра къ периферіи, отъ цѣлаго къ частямъ. Въ переходное время, пока верховная власть короля еще не вполне укрѣпилась, это двойное теченіе можетъ быть наблюдаемо въ самыхъ названіяхъ второстепеннаго начальства: *Edelherzog* и *Dienstherzog*, *Edelgraf* и *Dienstgraf*, а также и въ названіяхъ имѣній: *Erbgut* и *Königgut*. Но уже при Карлѣ Великомъ, какъ это видно изъ одного письма его къ сыну Пипину въ 800 году, герцоги и центграфы, вмѣстѣ съ сокольничьими и охотниками двора, называются *министериалами*. Насколько внутреннее устройство отдѣльнаго двора является образцомъ администраціи имперіи, по присвоеніи королемъ верховнаго господства надъ всею имперской землей, важнѣйшіе служители королевскаго двора — дворецкіи, сенешаль, маршалъ (конюшій) и другіе — естественно становятся первыми чинами самой имперіи. Такимъ образомъ, общественныя отношенія вновь созданной имперіи продолжаютъ еще рассматриваться, какъ частныя отношенія двора, на этотъ разъ, правда, королевскаго, т. е. самаго большаго и многочисленнаго двора въ странѣ.

Въ томъ же самомъ направленіи укрѣпленія общественныхъ различій дѣйствовали и ближайшія потребности военнаго устройства, играющія такую громадную роль въ позднѣйшемъ наслоеніи ленныхъ связей и отношеній. Съ образованіемъ монархіи, слова «народъ» и «войско» не перестаютъ еще, говоря вообще,

обозначать одно и то же. Чтобы знать въ точности свои военныя силы и группировать ихъ, смотря по надобности, король нуждался въ точномъ спискѣ воиновъ — *capitum registrum*. Но такъ какъ воины сами должны были пропитывать себя во время похода, то этотъ списокъ долженъ былъ необходимо обнимать также и размѣры принадлежащихъ имъ владѣній, съ которыхъ они жили. Отъ 3 до 4 гудъ земли было масштабомъ для одного полного воина, который содержался въ теченіи первыхъ трехъ мѣсяцевъ на собственный свой счетъ. Изъ болѣе бѣдныхъ должны были сходиться вмѣстѣ столько, чтобы ихъ общее имущество равнялось этой цифрѣ. Владѣлецъ 12-ти дворовъ долженъ былъ держать одно вооруженіе и являться въ немъ въ случаѣ призыва, если не желалъ потерять свое имущество. Кто же, благодаря малолѣтнему и старческому возрасту, а позже и принадлежности къ духовному сословію, не могъ являться лично, тотъ вносилъ свою военную подать. Въ силу этого учрежденія, всѣ имѣнія въ имперіи, были ли они прежде аллодами или бенефиціями, приобрѣли ленный, зависимый характеръ, и было положено начало приврѣпленію къ землѣ свободныхъ земледѣльцевъ. Но это еще не все. Надворъ за отпращиваніемъ воинской повинности и взносомъ военной подати потребовалъ установленія постоянной военной іерархіи. Назначеніе въ начальство надъ отдѣльными отрядами гауптмана или герцога было поставлено въ зависимость отъ поземельныхъ отношеній: границы герцогства или гауптманства естественно должны были охватывать тѣ земли, которыя принадлежали извѣстному числу внесенныхъ въ списокъ воиновъ и должны были служить источникомъ для продовольствія арміи. Поэтому, должностныя военно-королевскія округа были, въ дѣйствительности, поземельными группами, а жители ихъ искусственно составленными племенами. Привилегированное положеніе военачальниковъ, понятнымъ образомъ, содѣйствовало возрастанію ихъ власти и значенія не только въ теченіи войны, но также и по заключеніи мира. Отношенія эти, мало по малу, закрѣпились, благодаря тому, что должность военачальника, бывшая первоначально выборной, становилась съ теченіемъ времени наследственной.

На ряду съ военнымъ расчлененіемъ страны, король распространялъ и судебную юрисдикцію свою на всю далекую страну, посредствомъ своихъ графовъ, шульцевъ и фогтовъ. Черты обихъ организацій или рядомъ и пересѣкались, а, вмѣстѣ съ упроченіемъ ихъ, росла централизація военно-политическаго строя.

Но, по мѣрѣ распространенія своей власти, король становился все въ болѣею и болѣею зависимость отъ окружающей его дружины, и тутъ-то возникаетъ то центробѣжное движеніе, ко-

торое способствуетъ разложенію вновь созданной военно-политической организаціи и превращенію ея въ хаосъ феодализма, только вполнѣдствіи смѣняемой централизаціей иного, болѣе сложнаго порядка. Дружина требуетъ вознагражденія за военную службу и получаетъ его въ видѣ земель и людей, въ качествѣ бенефиціи изъ бывшей общинной, а теперь королевской марки (Bockland). Но, сдѣлавшись крупными землевладѣльцами, дружинники становятся совершенно самостоятельными и начинаютъ съ королемъ борьбу. Единственная связь, соединявшая въ мирное время феодальное земледѣльческое государство—личная вѣрность ленниковъ къ своему суверену, испытываетъ теперь противодѣйствіе со стороны естественной тенденціи земледѣлія—расползаться во всѣ стороны подъ видомъ множества изолированныхъ и независимыхъ имѣній. По раздробленіи на части своихъ верховныхъ правъ на землю и по распредѣленіи ихъ между своими содружинниками, самъ король оказывается лишь однимъ изъ многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ и даже не изъ самыхъ крупныхъ. Послѣдствія не заставляютъ ждать себя. «Уваженіе къ королю, говоритъ *Шпиттеръ* (въ своей *Исторіи европейскихъ государствъ*):—разсѣялось, какъ только у короля не осталось болѣе земель для раздачи. Громадная масса домэновъ была поглощена внолѣтъ, и шайка грубыхъ воиновъ, раздѣлившая между собою лучшіе участки домэна, не умѣла оцѣнить медленно возрастающей выгоды отъ... земледѣльческой культуры, стала распространять свои владѣнія во всѣ стороны съ полнѣйшимъ произволомъ, который, къ этому времени, сталъ возбуждаться наслѣдственными выгодами узурпаціи и не былъ стѣсняемъ никакою высшею и сильною властью въ государствѣ.» Такъ какъ наслѣдственность военно-феодальныхъ должностей дѣлаетъ все болѣе и болѣе успѣхи и даже признается иногда самой центральной властью¹, то герцогъ, мало-по-малу, становится полнымъ господиномъ своего военнаго участка. Онъ заставляетъ подчиненныхъ себѣ воиновъ платить себѣ военныя издержки, которыя взибалъ первоначально въ пользу главы государства и, такимъ образомъ, присваиваетъ себѣ родъ леннаго главенства надъ имуществомъ бывшихъ свободныхъ земледѣльцевъ. А по мѣрѣ распространенія и

¹ Такъ, напр., Карлъ Лисій на ландтагѣ въ Кіерси дѣлаетъ слѣдующее признаніе: «Когда умираетъ графъ, оставаясь взрослого сына, то послѣдній вступаетъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ условій въ ленъ. Если же умершій оставилъ несовершеннолѣтняго сына, то графство подчиняется опекуному управленію и притомъ такъ, что наслѣдникъ по достиженіи совершеннолѣтія получаетъ ленъ отъа. Напротивъ того, графствами безъ наслѣдниковъ императоръ удерживаетъ за собою право распорядиться по собственному произволу.»

упроченія имперскихъ должностей и, съ другой стороны, по мѣрѣ того, какъ давленіе военныхъ тягостей побуждаетъ мелкихъ землевладѣльцевъ лично откупаться за годичную плату отъ военной службы, кругъ зависимаго крестьянства расширяется все болѣе и болѣе. Контингентъ его естественно образуется изъ слѣдующихъ слоевъ сельскаго населенія: во-первыхъ, изъ тѣхъ свободныхъ, которые за уплату налога заставляли служить за себя другихъ; во-вторыхъ, изъ полусвободныхъ, которые, обладая маленькимъ леномъ, находились подъ покровительствомъ господъ и, въ-третьихъ, наконецъ, изъ совершенно неимущихъ крѣпостныхъ, которые были не въ состояніи нести за себя дорого стоящую службу. Даже самъ Карлъ Великій былъ не въ силахъ противодѣйствовать этому ходу вещей. Невадолго до его смерти имперія его уже вступила въ процессъ феодальнаго разьединенія. Напрасно дѣлаетъ опъ въ 811 году слѣдующее увѣщаніе духовнымъ и свѣтскимъ ленникамъ короны: «Мнѣ приходится слышать, что епископы, аббаты, графы, судьи и сотники до тѣхъ поръ мучаютъ и угнетаютъ мелкихъ свободныхъ людей, которые медлятъ уступить имъ свою собственность, пока эти бѣдняки добровольно или насильственно не лишаются своего имущества. Я слышу, что для достиженія подобныхъ цѣлей злоупотребляютъ именно военной службой и что тѣ, кто уступаетъ свою собственность, могутъ спокойно оставаться дома, между тѣмъ какъ другіе принуждены каждый разъ вновь выступать въ походъ. Мнѣ сообщаютъ, что епископы, аббаты и графы употребляютъ часто свободныхъ людей, поселенныхъ въ *завѣдываемыхъ ими округахъ*, подъ именемъ министеріаловъ, на свою домашнюю службу, въ качествѣ сокольничьихъ, охотниковъ, сборщиковъ пошлинъ, управляющихъ имѣніями, шультгейссовъ или для содержанія императорскихъ посланцевъ». По смерти императора, это феодальное превращеніе продолжаетъ совершаться безъ препятствій, такъ, что уже въ срединѣ IX столѣтія совершенно исчезаетъ пѣхота, состоявшая нѣкогда изъ свободныхъ франкскихъ крестьянъ ¹.

Резюмируя все сказанное на предъидущихъ страницахъ, мы видимъ, что процессъ образованія двухъ сословій, сопровождавшійся лишеніемъ свободы и земли громадной массы народонаселенія и возвышеніемъ власти фогтовъ, графовъ и другихъ руководителей народа, является ничѣмъ инымъ, какъ равнодѣйствующей двухъ основныхъ условий, среди которыхъ развивалась германская общественная жизнь, а именно: войны и земледѣлія.

¹ «Въ X вѣкѣ», говоритъ Герхардъ:—«почти всѣ обитатели Франціи кому-нибудь принадлежали, хотя и на весьма не одинаковыхъ условіяхъ» (ib. 235).

Изъ нихъ война является могучимъ стимуломъ къ объединенію разбросанныхъ по всей странѣ самостоятельныхъ хозяйствъ посредствомъ политической организаціи, носящей іерархической характеръ. Ростъ этого объединенія совершается медленно и постепенно, сначала по направленію отъ периферіи къ центру, впоследствии же, по упроченіи монархической власти, наоборотъ—отъ центра къ периферіи. На той и на другой ступени развитія политической организаціи, за отсутствіемъ всякаго иного матеріала, типомъ строенія ея одинаково является устройство частнаго двора, съ тою только разницею, что первоначально такую роль играетъ самый почетный дворъ общины или марки, впоследствии же самый большой и многочисленный дворъ страны или дворъ королевскій. Такимъ образомъ, въ основу *военно-общественнаго* строя владутся отношенія исключительно частнаго характера, которыя возводятся къ единству лишь постепеннымъ столбованіемъ и тревіемъ. Но развитіе политической іерархіи сословій наталкивается на постоянное препятствіе, лежащее въ самой природѣ земледѣлія, которое является въ ту пору почти единственнымъ источникомъ существованія населенія. Это препятствіе—разбросанность и отчужденность другъ отъ друга хозяйствъ-земледѣльцевъ, которая естественно противодѣйствуетъ ихъ объединенію и непрерывно разлагаетъ ту организацію, которая уже успѣла пустить корни. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ явленіи, что должностныя лица, власть которыхъ имѣла точкой отправленія устройство *частнаго* двора, мало по малу, замѣняютъ свою общественную функцію надзора за исполненіемъ государственныхъ повинностей распоряженіемъ землею и трудомъ свободнаго народа на правѣ *частной* собственности. Справедливо замѣчаетъ *Киссельбахъ*¹, «что феодализмъ потому только и получается въ Европѣ всеобщее господство, что является естественнымъ политическимъ выраженіемъ чистаго *земледѣлія*, представители котораго были вынуждены *войною* къ слитію въ большія группы». Не слѣдуетъ лишь забывать того, что война служила не только точкой отправленія процесса образованія сословій, но, сверхъ того, и постояннымъ условіемъ дальнѣйшаго его развитія. Не продолжайся войны непрерывно, на смѣну выборовъ въ общественныя должности не могло бы придти такъ скоро наследственное отправленіе послѣднихъ, служившее могущественнымъ средствомъ для упроченія за извѣстными родами громадныхъ правъ и преимуществъ, которымъ стала соответствовать наследственность повинностей закрѣпощенныхъ земледѣльцевъ. Съ другой же стороны, не будь въ эту эпоху господствующимъ родомъ

¹ Гл. 137.

завлѣтъ и источникъ существованія одно лишь земледѣліе, послѣдствіемъ котораго естественно являются разбросанность, разобщенность и неподвижность населенія, отдѣльные руководители не имѣли бы возможности съ такою легкостью присвоить себѣ власть надъ всею совокупностью труда и жизненныхъ условій прочихъ классовъ общества. Самое даже прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ для отбыванія воинской повинности и для обезпеченія взноса подати—исходный пунктъ позднѣйшаго закрѣпощенія крестьянъ владѣльцамъ, не оказалось бы въ подобномъ случаѣ *conditio sine qua* поп военнополитическаго строя, каковымъ было оно въ дѣйствительности ¹.

¹ Новѣйшія историческія изслѣдованія не оставляютъ никакой возможности сомнѣваться, что крѣпостное состояніе, обнимавшее въ началѣ среднихъ вѣковъ весьма незначительную часть народонаселенія, впоследствии распространяется на большинство свободнаго крестьянства. На этомъ основаніи, казалось бы, что установившаяся историко-экономическая доктрина, въ силу которой сельское рабочее населеніе Европы послѣдовательно проходило школу рабства, крѣпостного состоянія и свободы, должна была уступить мѣсто противоположному ученію, на основаніи котораго средневѣковое крѣпостное состояніе было для многихъ лицъ замѣною личной свободы, а освобожденіе въ новое время отъ узъ крѣпостничества только обратнымъ возвращеніемъ исконныхъ правъ. Тѣмъ не менѣе, старое заблужденіе пустило до того глубокіе корни въ сознаніи ученыхъ, что можно найти еще не мало приверженцевъ ученія о постепенномъ освобожденіи крестьянъ отъ состоянія поголовной и вѣковѣчной крѣпостной зависимости. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. По словамъ *Рошера* (Наука о народномъ хозяйствѣ, т. II, 357), «въ исторіи крѣпостныхъ повинностей очевидно, господствуетъ стремленіе съ развитіемъ сельскаго хозяйства становиться вообще легче. Первоначально помѣщикъ имѣлъ неограниченное право на все время и весь достатокъ своего холопа. Обычай понемногу приводилъ это въ порядокъ. . . По смерти обязаннаго лица, господинъ его пользовался первоначально правомъ наслѣдства на все его движимое и недвижимое имущество. Но постепенно одно ограничивалось правомъ выбора какаго-нибудь отдѣльнаго предмета или какакой-нибудь доли изъ наслѣдства (мортуарій), а другое взносомъ извѣстной доли со стоимости имѣнія, при каждой переимѣнѣ владѣльца (лаудемій)». Съ этимъ можно было бы, пожалуй, согласиться, если бы имѣть увѣренность, что *Рошеръ* говоритъ здѣсь исключительно объ однихъ первоначальныхъ рабахъ и сервахъ, положеніе которыхъ, дѣйствительно, становилось все сноснѣе и сноснѣе по мѣрѣ того, какъ крѣпостное право становилось господствующей формою зависимости. Понятно само собою, что крѣпостное право, пришедшее на смѣну рабству и холопству, являлось облегченіемъ, но не подлежить сомнѣнію и то, что параллельное закрѣпощеніе людей свободныхъ должно было имѣть противоположныя послѣдствія. Но *Рошеръ* ниже заявляетъ: «Обязаннаго сажали на предназначенныя работы въ имѣніи господина и на опредѣленные взносы на *собственной* его землѣ.» Вотъ въ томъ-то все и дѣло, что крѣпостному праву подчинили не однихъ только сервовъ, но и свободныхъ землевладѣльцевъ, а, слѣдовательно, нельзя и утверждать, что крѣпостныя повинности вообще дѣлались легче. Еще рельефнѣе высказывается эта точка зрѣнія у *Рилла* въ его *Land u. Leute*: «Свободное и самостоятельное германское крестьянское сословіе принадлежитъ, конечно, къ *новѣйшему* времени; но все же отъ своего *ярдыда*, который былъ крѣпостнымъ, а въ болѣе отдаленное

времѣ и совершеннѣе *рабомъ*, наследовалъ крестьянинъ лучшее основаніе неслобности—устойчивую натуру». Въ явнѣе разрѣзъ съ совершенно достояннѣе историческими фактами, тутъ даже не догусается и самое предположеніе, что въ старину на ряду съ крѣпостными и рабами существовало многочисленное свободное земледѣльческое и землевладѣльческое населеніе. Въ такомъ же смыслѣ выражается *Гераръ* (Prolégomènes), по мнѣнію котораго, положеніе крѣпостныхъ настолько улучшилось съ X и XI столѣтій, что они въ большинствѣ случаевъ дѣлались даже собственниками занимаемой ими земли.

Что касается принадлежности тѣмъ или другимъ лицамъ большей части земель вначалѣ среднихъ вѣковъ, то господствовавшая до послѣдняго времени теорія также высказывается на этотъ счетъ въ смыслѣ неблагоприятномъ для крестьянскаго населенія той эпохи. По мнѣнію представителей этой теоріи, большинство земель, на которыхъ были поселены крестьяне, уже тогда принадлежало сильнымъ міра, подъ видомъ бенефицій и иначе, и отдавалось крестьянскому населенію лишь на условіяхъ потомственнаго пользованія. Мы уже видѣли, что противуположный взглядъ *Ганауера*, подтвержденный множествомъ источниковъ первой руки, имѣлъ несчастье вызвать сильнѣйшее негодованіе среди нѣкоторыхъ другихъ эльзасскихъ ученыхъ. Одинъ изъ нихъ, *Шоффуръ*, старается доказать, что духовные и свѣтскіе князья Эльзаса имѣли право полной собственности на большую часть земель этой провинціи съ эпохи самаго завоеванія и что не только здѣсь, но и во всей Германіи никогда не существовало нигдѣ свободныхъ марокъ. Тутъ онъ вступаетъ даже въ полемику съ *Мауреромъ*, ссылаясь на полное якобы отсутствіе доказательствъ, что члены марокъ были людьми свободными. «На что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, говоритъ онъ (op cit. 63):—такъ это на то, что упомянутыя общины (Markgenossenschaften) никогда не заявляли претензій на собственность, и еще менѣе на суверенитетъ по отношенію къ землямъ, которыя были отведены имъ въ пользованіе». И далѣе (65): «Еслибы г. *Ганауеру* удалось доказать, что населеніе этихъ марокъ, ильгъ, барщинныхъ дворовъ состояло исключительно (?) изъ людей свободныхъ, то я немедленно присоединился бы къ теоріи первобытной независимости, первоначальнаго абсолютнаго самоуправленія... Но этого доказать невозможно (еще бы!), въ виду безчисленнаго множества документовъ, которые свидѣтельствуютъ, что въ маркахъ, какъ и на виллахъ, поддерживалось различіе классовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и рабство на различныхъ ступеняхъ — *мансиріи*, *homines proregii* и пр.» Читатель видитъ, что съ такой аргументаціей можно зайти очень далеко, но только врядъ ли туда, куда нужно. Изъ того, что составъ марки не былъ исключительно свободными, дѣлается тотъ странный выводъ, что свобода членовъ марки сама представляла не болѣе, какъ исключеніе! Другой эльзасскій ученый *Веронъ-Ресваль* (Le régime colonger en Alsace, etc. 25) утверждаетъ слѣдующее: «Въ первыя времена и даже до половины XIII столѣтія, въ деревняхъ Германіи считалось лишь очень мало совершенно свободныхъ людей и земель. Обработка почвы была предоставлена колонамъ, которые не обладали никакимъ личнымъ имуществомъ и эксплуатировали земли, которыя землевладѣлецъ уступалъ имъ по своей доброй волѣ въ вознагражденіе за нѣкоторыя повинности. На этихъ колонкахъ смотрѣли, какъ на гостей, которыхъ, по словамъ саксонскаго зеркала (1226 г.), владѣлецъ земли могъ лишитъ пользованія ею по своему произволу... Времѣя, мало-по-малу, содѣйствовало смягченію этого порядка вещей; уступка земли потеряла характеръ отдачи земли въ пользованіе и сдѣлалась наследственной. Въ параллель тому, что происходило въ порядкѣ феодализма, собственникъ земли удержалъ за собою только *dominium directum*, тогда какъ *dominium utile* перешло къ сѣмщику». Въ такомъ же родѣ говоритъ онъ и въ

другомъ сочиненіи своемъ (*Essai sur les anciennes juridictions d'Alsace, 1857, II*): «Въ принципѣ, сервы были по отношенію къ своему сеньеру въ состояніи абсолютной зависимости. Произволъ господина одинъ рѣшалъ все относившееся до ихъ личности и ихъ имущества. Время облегчило понемногу это состояніе вещей. Въ вознагражденіе за личныя повинности, которыми они обязывались относительно сеньера, послѣдній уступилъ имъ нѣкоторыя выгоды, которыя, будучи ослаблены и развиты обычаями, сдѣлались подъ конецъ правомъ этого безправнаго прежде класса». Все это можетъ быть совершенно основательно и справедливо, насколько рѣчь идетъ о крѣпостныхъ, рабахъ и сервахъ, которые издавна жили на земляхъ сеньеровъ: но дѣло въ томъ, что объясненіе это ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть того универсальнаго значенія, какое придается ему здѣсь, не можетъ обнимать ни всей совокупности, ни даже большей части крестьянскаго населенія той первоначальной эпохи. Конечно, лучшимъ способомъ для убѣжденія невѣрующихъ, еслибъ ихъ только можно было убѣдить, было бы, въ данномъ случаѣ, имѣть болѣе или менѣе точныя статистическія данныя, опредѣляющія въ различныхъ эпохи число свободныхъ и крѣпостныхъ крестьянъ и пространствъ крестьянскихъ и помѣщичьихъ земель. Но, къ сожалѣнію, подобныхъ данныхъ за столь отдаленные периоды времени нельзя найти, есть только нѣкоторыя, могущія служить для наведенія, цифры. Такъ, *Гераръ* въ своихъ *Prolegomenes etc, 358*, опредѣляетъ число хозяйствъ, принадлежавшихъ сервамъ на земляхъ Сен-Жерменскаго аббатства въ IX вѣкѣ всего въ 120, тогда какъ всѣхъ хозяйствъ тутъ было 2,800 или около 10,000 человекъ. «Число сервовъ,» продолжаетъ онъ (359) «принадлежавшихъ Алкуину, было гораздо больше, оно простиралось тысячъ до двадцати, сколько можно судить на основаніи упрека, который сдѣланъ былъ ему епископомъ толедскимъ Эанпономъ и на который онъ, не отрицая обвиненія, отвѣтилъ, что некогда еще не приобрѣлъ покупкой ни одного человека для *частимъ* своихъ надобностей. Помимо этого, въ числѣ 20,000 разужились нѣсколько сервы, но также и *лиды* и *колоны* и, притомъ цѣлыхъ 4 монастыря.

Мы почти готовы согласиться съ *Рейсхенмертеромъ* (*Die Agrarfrage, 1847, 491* и слѣд.), когда онъ признаетъ всю эту теорію, на основаніи которой дворянству искони вѣковъ противопоставлялся классъ завоеванныхъ и потому зависимыхъ крестьянъ, ничѣмъ инымъ, какъ тенденціозною докль, разсчитанною, по крайней мѣрѣ, при первоначальномъ появленіи своемъ, на поддержаніе дворянскихъ правъ. Но въ то же время, онъ основательно считаетъ опровергнутымъ это ученіе, возведенное въ систему еще графомъ Буланвиллье въ XVIII столѣтіи. Если доктрина эта, справедливо замѣчаетъ онъ далѣе, не применима къ Франціи, то еще менѣе вѣрна она по отношенію къ Германіи, хотя и здѣсь завоеваніе часто дѣлало зависимымъ множество мелкихъ землевладѣльцевъ. Существуетъ громаднѣйшая масса доказательствъ въ пользу свободнаго состоянія первоначальныхъ германцевъ. Саксонское и швабское веркала одинаково объявляютъ «всеобщую свободу обычнымъ правомъ первобытной эпохи;» «отсутствіе же свободы, по словамъ этихъ памятниковъ германскаго законодательства, имѣетъ источникомъ несправедливую силу». Впослѣдствіи, но мѣрѣ расширенія феодализма, различныя классы людей, дѣйствительно, стали сливаться въ одну массу, подъ именемъ зависимыхъ и крѣпостныхъ. Тогда все, что они прежде привыкли называть своимъ, отобралъ у нихъ сеньеръ. «*Den Vogel in der Luft und den Fisch im Wasser, den Wind, der die Mühle treibt, und die Welle, die den Kahn traegt*».

Справедливость посѣдлагаго положенія можетъ быть оспариваема тѣмъ менѣе, что она встрѣчается, какъ отчасти увидимъ ниже, самую строгую параллель въ исторіи другихъ странъ.

Н. Заберъ.

ТОРЖЕСТВО ДЖИНГО.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА

Е. Дженкинса ¹.

Сатиры автора «Джинксова Младенца», въ послѣдніе годы, составляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій англійской литературы. Почти каждое крупное политическое событіе, почти каждая общественная язва побуждаютъ его взяться за перо и набросать въ нѣсколько часовъ живую картину, въ которой, съ беспощадной ироніей и пламеннымъ негодованіемъ, онъ клеймитъ то или другое зло, мѣшающее мирному прогрессу его страны и побѣдоносному шествію всего человѣчества по пути добра, правды и свободы. Конечно, непостижимое въ наши дни торжество узкой, тщеславной, стремящейся лишь къ мишурной славѣ и личнымъ интересамъ политики лорда Биконфильда, должно было главнымъ образомъ обратить на себя беспощадные удары его бичующей сатиры. Читатели «Отечественныхъ Записокъ» еще, вѣроятно, помнятъ мастерской его разсказъ: «Пято на головѣ королевы или сказка о томъ, какъ маленькій Бенъ, старшій половой, пережѣнилъ вывѣску «Королевская Гостинница» на «Императорскій Отель» ², въ которомъ съ такимъ саркастическимъ юморомъ онъ осмѣялъ первый шагъ *высшей политики* Дизраэли, легкомысленное «превращеніе старинной, конституціонной королевы въ императрицу *parvenue*». Но послѣдующіе гигантскіе прыжки этой системы *политическихъ эффектовъ*, неостанавливающейся ни передъ какими нарушеніями конституціи и народныхъ правъ въ своей бѣшенной погонѣ за призрачной славой для страны и матеріальныхъ благъ сильнымъ міра сего, уже

¹ Hakeholme, or the Apotheosis of Jingo—a satire by Edward Jenkins. London, 1878.

² «Отеч. Записки», 1876 годъ, № 5-й.

вызывают не веселый смѣхъ, а негодующій протестъ оскорбленнаго гражданина, и вотъ въ послѣднемъ своемъ произведеніи Дженкинсъ, все въ той же сатирической, но въ гораздо болѣе серьезной формѣ, пригвоздилъ къ позорному столбу восточныя фантазіи лорда Виконсфильда, принесшія ему орденъ Подвязки и столько мишурной славы, а облагодѣтельствуемой имъ странѣ только матеріальныя потери и нравственное безчестье.

Передъ нами уже не маленький рассказъ на нѣсколькихъ страничкахъ, а цѣлый томъ, затрогивающій самыя серьезные основные вопросы, нетолыко общественные и политическіе, но нравственные и религиозные. Нѣкоторые критики упрекаютъ Дженкинса, что, перенеся свою сатиру въ такую высокую сферу, онъ слишкомъ поверхностно отнесся къ религиозной сторонѣ своего труда, но лучшимъ оправданіемъ въ этомъ случаѣ автора «Мальчика-съ-Пальчикъ» — послѣдшность работы, необходимая при такихъ животрепещущихъ литературныхъ произведеніяхъ, которыя должны налету схватывать вопросы и событія данной минуты. Наконецъ, это — не богословскій трактатъ, а политическая сатира, какъ самъ Дженкинсъ назвалъ свой новый очеркъ. Что же касается насъ, русскихъ, которыхъ глубоко интересуеть роль Англіи въ восточномъ вопросѣ, составляющая предметъ «Торжества Джинго», религиозные, чисто англійскіе вопросы намъ нисколько не любопытны и даже совершенно чужды. Поэтому мы и предпочли познакомить читателей съ этимъ замѣчательнымъ сочиненіемъ талантливаго автора не въ подстрочномъ переводѣ, а въ извлеченіи, причемъ главы, посвященныя религиознымъ вопросамъ, изложены въ самомъ сокращенномъ, сжатомъ видѣ.

Безъ сомнѣнія, совершенно излишне поднимать маски, которыя Дженкинсъ счелъ нужнымъ, изъ приличія, набросить на дѣйствующія лица своей сатиры. Онѣ такъ прозрачны, что всякій, конечно, узнаеть въ лордѣ Бенджинго — лорда Виконсфильда, въ Гудроуѣ — Гладстона, въ лордѣ Нользлеѣ — лорда Дерби, въ лордѣ Сальтимбюри — лорда Салусбѣри, въ англійскомъ кардиналѣ — Машинга, въ ораторѣ, бичующемъ Дизраэли въ нижней палатѣ — Брайтѣ, въ Старфитѣ — сэра Вильяма Гаркорта, въ Марскомба — Джорджа Тревельяна, племянника Маголея, въ Chimes — Таймсъ, въ Daily Bellograph — Daily Telegraph и т. д., и т. д.

I.

Сэръ Ричардъ Мандевилъ Гавергольмъ, баронетъ и членъ парламента, представитель мѣстечка Вигбюри, богатый землевладѣ-

лецъ, наследникъ древняго рода, человекъ умный, краснорѣчивый и дѣловой, хотя энтузіастъ по нѣкоторымъ вопросамъ, разговаривалъ въ одной изъ залъ Палаты Общинъ, гдѣ собираются члены оппозиціи, съ Эрнестомъ Вивелемъ Виллезденомъ. Этотъ послѣдній джентльменъ былъ третій сынъ лорда Роклю, представитель Слосшира, радикальный вигъ, не молодой, но не успѣшнѣй политическій дѣятель, другъ Пилля, Абердина, Россела, Кобдена, Брайта и Гладстона; его прежній пламенный энергичный радикализмъ мало по-малу разсѣялся, какъ дымъ изъ фабричныхъ трубъ, омрачающихъ небо его родного графства, и теперь онъ отличался только холоднымъ умомъ и циничнымъ безвѣріемъ.

Въ эту минуту въ палатѣ происходили жаркія пренія, длившіяся уже нѣсколько дней; предметъ ихъ былъ достоинъ вниманія. Дѣло шло ни болѣе, ни менѣе, какъ о будущности юговосточной Европы и о заключеніи мира. Стоило объ этомъ поговорить! Общественное мнѣніе было сильно возбуждено, и совершенно естественно. Англія вела свою послѣднюю великую войну по этому вопросу и національный бюджетъ продолжалъ нести на себѣ ежегодно бремя громадныхъ расходовъ, которые государственные люди, управлявшіе въ то время страной, находили необходимыми для поддержанія слабыхъ противъ сильныхъ, для обузданія излишняго честолюбія могущественной державы. Еще много оставалось въ живыхъ дѣтей, женъ и родителей храбрыхъ воиновъ, повоившихся подъ крымскими курганами. Не удивительно, что вся страна съ необыкновеннымъ пыломъ занялась этимъ вопросомъ. Но чувства страны измѣнились: долгій миръ вселялъ въ народѣ мирныя мысли и научилъ его любить миръ. Общественное сочувствіе избрало себѣ другой предметъ. Жестокія звѣрства охладили симпатію въ одной націи и ступевали неприязнь къ другой. Два могучіе потока увлекали въ разныя стороны общественное мнѣніе. Съ одной стороны парадировали недобвіріе и ненависть къ Россіи, съ другой—состраданіе и сочувствіе къ страждущимъ народамъ Турціи. Какими бы ни были побужденія той или другой партіи, никто не могъ отрицать, что источниками перваго потока были страхъ и личный интересъ, а втораго—человѣколюбіе, вѣра въ истину и справедливость. Именно первое мнѣніе одерживало верхъ. Это была вѣчная старая борьба между добромъ и зломъ, и пока зло торжествовало.

Одна партія полагала, что странѣ необходима война. Въ продолженіи двадцати лѣтъ она не воевала, исключая мелкой борьбы въ Абиссиніи и на западномъ берегу Африки. Могущественной націи полезно иногда пустить кровь, разсуждали великіе фило-

софи старой торійской школы, кинѣ обращенной въ новую вѣру «Джинго». Война была необходима, по ихъ словамъ, для поддержанія національной славы, омраченной министерствомъ Гудроа, экономичнымъ, благодѣтельнымъ, но не блестящимъ и слишкомъ, отзывавшимся Манчестеромъ и коммерческими сферами. Кромѣ того, тутъ были замѣшаны и такъ называемые англійскіе интересы. Слѣдующій силогизмъ, вполне достойный ихъ логики, ясно выражалъ политику приверженцевъ Джинго.

Христіанство и цивилизація полезны для свѣта, Англія самая христіанская и цивилизованная страна, следовательно, интересы Англіи—интересы всего свѣта.

Съ такимъ силогизмомъ на щитѣ можно было вызывать на бой весь свѣтъ, даже самого діавола.

Востокъ! Востокъ! Востокъ! Глаза всѣхъ были обращены на эту древнюю колыбель человѣчества. Члены Высокой Церкви, сектанты и атеисты одинаково обернулись на Востокъ. Тамъ, подъ лучами восходящаго солнца, въ океанѣ крови и слезъ, разрѣшались сложные, животрепещащіе вопросы. Весь свѣтъ смотрѣлъ съ ужасомъ на роковую драму, неожиданно разыгравшуюся на этой блестящей сценѣ, въ мирные осенніе мѣсяцы. Долго цивилизованные и христіанскіе народы закрывали глаза, затыкали уши, закаляли сердца, чтобы не видѣть, не слышать, не чувствовать того, что происходило на Востокѣ, надѣясь, что дѣла, въ концѣ концовъ, не такъ дурны, какъ увѣряли нѣкоторые, но теперь вдругъ, въ одно мгновеніе ока, страшная истина поразила, какъ бы острымъ кинжаломъ самыя жесткія сердца и могучій трубный гласъ заставилъ всѣхъ очнуться и взглянуть прямо въ глаза ужасающей правдѣ. Такова непостижимая сила беспомощныхъ, непредѣльныхъ страданій, которыя возбуждаютъ въ самой черствой душѣ сожалѣніе, укоры совѣсти и мучительное чувство безспокойства.

Не удивительно, что вся Англія поднялась; ей стало страшно, совѣстно, безпокойно. Одни считали старыхъ рутинныхъ политиковъ несовѣстными съ новыми порядками вещей и проводили свой новый взглядъ, другіе настаивали на сохраненіи старыхъ государственныхъ якорей и канатовъ. Партіи раздѣлились между отвлеченными симпатіями и преданностью своимъ интересамъ. Борась несущійся на всѣхъ парусахъ на встрѣчу грозной бурѣ подъ ненадежнымъ управленіемъ кормчаго, не пользующагося довѣріемъ смущеннаго экипажа—вотъ въ какомъ положеніи находилась Англія.

Гавергольмъ только-что произнесъ въ палатѣ рѣчь, умную, сильную, мѣстами краснорѣчивую, зрѣло обдуманную, основан-

ую на точныхъ свѣдѣніяхъ и, главное, искреннюю. Но онъ про-
велъ нѣсколько идей, которыя возбудили пламенные неодобренія
его циничнаго пріятеля.

— Вы энтузіастъ, Гавергольмъ, сказала Виллезденъ: — это
большая ошибка. Энтузіазмъ ничего не приноситъ, хотя бы и
былъ справедливъ, но онъ никогда не бываетъ справедливъ.
Энтузіазмъ имѣетъ такое же отношеніе къ здравому смыслу, какъ
сонъ къ дѣйствительности. Онъ производитъ сумбуръ въ самой
ушной головѣ. Я никогда не видывалъ, чтобы въ парламентѣ
занималъ высокое мѣсто человѣкъ не хладнокровный, не строго
дѣловой. Конечно, иногда высказываютъ люди совершенно противно
положнаго строя, напримѣръ Серкомбъ, который выпятился
изъ-за женскихъ правъ и прочіе гуманныя безумія; но, любез-
ный другъ, я васъ не мѣшаю съ такими людьми, хотя, признаюсь,
вы очень близко къ нимъ стоите. Нѣтъ, вѣрьте мнѣ, искренность
и горячность непригодны дѣловому человѣку. Посмотрите, какъ
Гудрока губить его проклятая искренность. Идетъ ли вопросъ
о китайскомъ фарфорѣ или найдутъ подосрительные остатки
Трои — онъ выходитъ изъ себя. Противъ непогрѣшимости папы
онъ кричитъ съ пѣной у рта, греческій вопросъ его сводить
съ ума, а восточный доводитъ до бѣшенства. Никогда свѣтъ не
видывалъ такого великаго безумца, но вы сами сознаетесь, что
это безуміе вортитъ дѣло.

— Оставимъ въ покоѣ Гудрока, отвѣчалъ Гавергольмъ: — я
желалъ бы быть такимъ безумцемъ. Энтузіазмъ, а не холодный
разсудокъ движетъ міромъ.

— Я удивляюсь, что вы такого мнѣнія въ виду результатовъ
энтузіазма. Исторія полна подобными великими мужами, но люди
здравомыслящіе, въ родѣ васъ, должны сдерживать ихъ энтузіазмъ
и слѣдовать только мудрымъ совѣтамъ. Достаточно мы слышимъ
повсюду проповѣдей, къ чему и государственнымъ людямъ записы-
ваться въ проповѣдники? Я только что съ удивленіемъ, хотя и
съ удовольствіемъ выслушалъ вашу рѣчь. Какъ можетъ человѣкъ,
такой развитой и разумный, какъ вы, толковать объ обязанности
государства, руководствоваться въ своей политикѣ высшими
принципами нравственности и религіи? Что это за принципы?
Я понималъ бы, еслибъ вы сослался на принципы здраваго
смысла, общественной пользы и опыта, а ваши принципы — мнѣ.
Свѣтъ руководится однимъ принципомъ — пользой; направленіе
человѣческимъ дѣламъ дадутъ не мнѣстескія преданія, которы-
ми тѣшатся пасторы, патеры и старухи, а практическій, здра-
вый смыслъ, основанный на знаніи и фактахъ.

— Но если вы отрицаете всѣ нравственные принципы, вос-
Т. ССXL — Отд. 1.

кликнул Гавергольмъ:—то куда же дѣлается отвѣтственность людей передъ Творцомъ...

— Все это вздоръ, Гавергольмъ, бросьте свои сантиментальности и взгляните трезво на свѣтъ. Неужели, вида, что дѣлается вокругъ васъ, вы можете вѣрить, что миромъ руководитъ Богъ, премудрый, всеблагый и всемилостивый, какими его провозглашаютъ тѣ самые люди, которые своими дѣйствіями всего краснорѣчивѣе опровергаютъ Его существованіе. Бога нѣтъ, или свѣтъ былъ бы иной.

— О! воскликнулъ Гавергольмъ.

— Да, Бога нѣтъ: укажите мнѣ на одного человѣка или группу людей, которые своей жизнью и практическимъ примѣненіемъ проповѣдуемыхъ ими принциповъ доказывали бы, что Богъ существуетъ на дѣлѣ, а не только на словахъ.

Гавергольмъ ничего не отвѣчалъ; онъ покалъ плечами и, отойдя отъ стараго циника, заговорилъ съ проходившимъ мимо съдымъ, но еще очень живымъ и энергичнымъ человѣкомъ, съ черными блестящими глазами, большой головой и лицомъ, напоминавшемъ стальной водорѣзъ паровой яхты.

Это былъ крупный капиталистъ, представитель одной изъ великихъ финансовыхъ силъ Европы. Владѣя громаднымъ капиталомъ, онъ побѣдоносно шелъ по своему пути, преодолевая всевозможныя преграды. Въ его глазахъ, политика, партія, борьба народовъ, революція, соперничество церквей греческой, католической и протестантской имѣли интересъ лишь насколько они касались главнаго рычага всѣхъ человѣческихъ дѣйствій — денегъ. То, что обыкновенно считается корнемъ зла, онъ считалъ корнемъ добра, и не удивительно, что деньги были основой его колоссальнаго вліянія на весь свѣтъ. Его интересы были тѣсно связаны съ судьбою всѣхъ націй, всего человѣческаго рода.

Быть можетъ, вы, читатели, никогда не думали о томъ удивительномъ положеніи, которое занимаютъ въ настоящее время подобныя финансисты. Эти евреи (они всегда евреи), умные, хитрые, образованные, знающіе лучше императоровъ, королей и министровъ всѣ глубочайшія политическія тайны, молча, тихо, незамѣтно забираютъ въ руки весь міръ. Ихъ финансовая, политическая и даже умственная сила растетъ съ каждымъ днемъ въ каждомъ центрѣ каждой націи. Кто можетъ предвидѣть дальнѣйшую судьбу этой могучей расы, держащей уже и теперь въ своихъ рукахъ финансы самыхъ сильныхъ и гордыхъ государствъ?

— Ну, Де-Джексъ, сказала Гавергольмъ: — что вы думаете о сегодняшнемъ засѣданіи.

Де-Джексъ былъ либераль, но, какъ всё его соплеменники, ненавидѣлъ великую славянскую державу. Въ этомъ іезуиты, евреи и *даситомы*.

— О, я думаю, что вы всё дураки.

— Это откровенно, отвѣчалъ Гавергольмъ, добродушно: — сдѣлайте милость, научите меня уму разуму.

— Вы подвергаете опасности интересы государства изъ-за пустой сентиментальности.

— Какой сентиментальности?

— Да, для васъ бѣдствія горсти бѣдныхъ, невѣжественныхъ, дикихъ обитателей Балканскаго Полуострова, важнѣе правъ и интересовъ громадной цивилизованной имперіи, какъ наша. Я называю это глупостью. Мы можемъ слишкомъ много потерять, рискуя своимъ положеніемъ, какъ могущественной державы и обладательницы Индіи ради какихъ-то сентиментальныхъ симпатій.

— А истина и справедливость? воскликнулъ Гавергольмъ.

— Истина и справедливость не имѣютъ никакого отношенія къ этому вопросу; дѣло идетъ о существованіи имперіи.

— Это ваша теорія Де-Джексъ? Такъ вы не думаете о чело-вѣчествѣ?

— Да, но только прежде о себѣ.

— Вотъ въ этомъ мы съ вами и расходимся; моя нравственная теорія учитъ меня прежде думать о другихъ, а потомъ о себѣ.

— А это та теорія, которую вы называете христіанской, сказала еврей съ иронической улыбкой: — много говорятъ объ этой теоріи, но я не видывалъ, чтобы кто-нибудь поступалъ согласно ей. Все это нелѣпость и вздоръ, не имѣющіе никакого значенія на практикѣ. А для меня только и важно то, что вліяетъ на дѣла. По мнѣ, ваша болтовня, прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на палату: — пустяки. Она ничего не измѣняетъ, ни на кого не дѣйствуетъ. Всякій уже давно составилъ свое мнѣніе. Для меня важна только баллотировка. Поколеблетъ ли она правительство? Понизитъ ли фонды? Увеличитъ ли надежды на миръ или приведетъ къ европейской войнѣ? Вы только что говорили о правахъ національностей. Признаюсь, я восхищенъ вашей рѣчью. Она прекрасно составлена, очень краснорѣчива и блещетъ классическими красотами. Но права національностей? Кто обращалъ серьезное вниманіе на эти пустыя слова до той минуты, какъ Наполеонъ эксплуатировалъ ихъ, старый дуракъ, для своихъ династическихъ цѣлей. Это просто было безуміе съ его стороны. Свобода наро-

*

довъ юго-восточной Европы! Это только фраза. Эти народы недостойны свободы. Когда они будутъ ея достойны, то завоюють ея сами. Все это хорошо говорить сумасшедшему Гудроку, но челоуѣку дѣловому, подающему большія надежды и стремящемуся къ власти...

— О, вы не вѣрите...

— Да вѣдь и вы не вѣрите въ этотъ вздоръ.

— Извините, Де-Джексъ, говорите только о себѣ. Я вѣрю въ великіе нравственные принципы, открытые намъ свыше, и справедливость которыхъ доказана вѣковымъ опытомъ всего челоуѣчества, я вѣрю въ положительныя истины, лежація въ основѣ общества, философіи, гуманности, я...

— Довольно, Гавергольмъ, перебилъ его Де-Джексъ:—простите, что я васъ останавливаю, но я люблю быть точнымъ, опредѣленнымъ. Всякое дѣло основано на фактѣ; и я никогда не занимаюсь дѣлами съ поэтами или съ сумасшедшими. Мы—великая нація, богатѣйшая, а, слѣдовательно, могущественнѣйшая на свѣтѣ. Какъ мы дошли до этого? Мы не сентиментальностями нажили свои богатства и достигли могущества. Мы заняли первое мѣсто среди народовъ не вѣрностью нравственнымъ принципамъ. Наше завоеваніе Индіей также безнравственно и несправедливо, какъ завоеваніе Испаніей Мексики или Перу. За насъ было не право, а сила. Мы жаждали основать громадную имперію и удовлетворили этой жаждѣ, вопреки всѣмъ библіямъ и вѣчнымъ принципамъ истины и справедливости. Мы и теперь слѣдуемъ той же политикѣ. Вспомните южную Африку и Фиджи.

— Мы до сихъ поръ дѣйствовали, какъ разбойники и пираты, воскликнулъ Гавергольмъ.

— Нѣтъ, мы поступали такъ, какъ были должны. Турки называютъ это *кизметъ*. Мы видѣли или чувствовали инстинктивно, что иначе не достигнемъ власти, а власть, разумно примѣняемая, даетъ богатство, приводящее въ движеніе весь свѣтъ. Впрочемъ, вѣроятно, эту политику можно оправдать и христіанскими принципами. Вѣдь въ палатѣ лордовъ всегда сидѣли епископы, но ни одинъ изъ нихъ не протестовалъ противъ кровавой и корыстной, по вашему мнѣнію, политики Питта. Они слишкомъ были благоразумны. Повѣрьте мнѣ, не примѣнивайте нравственности и религіи къ политикѣ. Между ними нѣтъ ничего общаго. У націи нѣтъ совѣсти, кромѣ интереса, нѣтъ руководящаго закона, кромѣ самосохраненія. Наконецъ, успѣхъ оправдываетъ все.

— А вѣрите вы въ Бога? спросилъ неожиданно Гавергольмъ, смотря пристально на своего собесѣдника.

— Вѣрю ли я въ Бога? воскликнулъ еврей, пораженный суевѣрнымъ страхомъ:—вы не хотите меня оскорбить или посмѣяться надъ такимъ святымъ предметомъ? Развѣ я могу не вѣрить исторіи моего народа?

Еврей казался глубоко взволнованнымъ.

— Извините, если я васъ оскорбилъ, отвѣчалъ Гавергольмъ:—но я хотѣлъ ясно опредѣлить, на какой почвѣ мы стоимъ, такъ какъ ваши идеи во многомъ сходны съ тѣми, что мнѣ только что говорилъ Виллезенъ. Вы совѣтовали мнѣ не руководствоваться нравственными принципами.

— Да, въ политикѣ и въ дѣлахъ, но не въ отвлеченной сферѣ.

— Это все равно. Вы не желаете, чтобы мы примѣняли на практикѣ нравственные принципы, значить вы ихъ совершенно отвергаете, а признаете только одинъ интересъ.

— Еще бы: онъ извѣстный интересантъ и признаетъ только пятьдесятъ процентовъ, замѣтилъ сэръ Вильямъ Ватерби, энтузіастъ и юмористъ, который, стоя у камина, слышалъ послѣдніе слова и неожиданно вмѣшался въ разговоръ.

Гавергольмъ и даже Де-Джексъ засмѣялись.

— Однако, сэръезно, господа, о чемъ вы спорите? продолжалъ сэръ Вильямъ.

— Да вотъ нашъ общій другъ Гавергольмъ, человѣкъ не глупый, прекрасно ведущій свои дѣла и толково разсуждающій о практическихъ вопросахъ, увѣрялъ только что палату, что наша страна обязана всегда стоять за свободу, человѣчество и цивилизацію, за угнетенные народы, нравственные принципы и такъ далѣе. Все это, конечно, должно руководить человѣкомъ въ частной жизни, но я стараюсь ему доказать, что свѣтъ никогда не руководствовался такими отвлеченными принципами. Всѣ вопросы частные и національные разрѣшаются интересами, а не принципами, и сильный всегда одерживаетъ верхъ надъ слабымъ. Что вы на это скажете?

— Я скажу, что никогда не слышалъ такого откровеннаго изложенія фарисейской теоріи, отвѣчалъ сэръ Вильямъ Ватерби:—хотя я убѣжденъ, что ею руководится большинство людей. Лордъ Гранвилъ и принцъ Уэльскій часто председательствуютъ на банкетахъ, даваемыхъ торговцамъ спиртныхъ напитковъ; едва ли они убѣждены, что учрежденіе это нравственно и благотвельно для страны, но совершенно честно считаютъ поддержку полезной его для королевской власти или либеральной партіи.

— Ваше замѣчаніе очень остроумно, воскликнулъ Гавергольмъ:—но не идетъ къ дѣлу. Что вы скажете о вопросѣ, о которомъ мы разсуждаемъ?

— Я не согласенъ ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Де-Джексъ и джиджингты хотятъ сражаться за національные интересы, а вы за принципы. Я же не хочу сражаться ни за то, ни за другое. Я противъ всякой войны.

— Но вѣдь вы стали бы защищаться отъ иностраннаго завоеванія?

— Это зависѣло бы отъ обстоятельствъ. Еслибъ иностранный завоеватель былъ лучше Бенджинго, то я призналъ бы охотно его власть, ибо глубоко убѣжденъ, что ничто не можетъ быть хуже правительства Бенджинго.

— Но поговоримъ серьезно, сказалъ Гавергольмъ.—Неужели вы отрицаете нашъ долгъ, какъ страны, стоящей во главѣ цивилизаціи, заступиться за угнетенныхъ подданныхъ Порты?

— Да, отвергаю. Я вѣрю только въ ту свободу, которую народъ самъ завоевываетъ. Я полагаю, что мы должны заботиться о своихъ собственныхъ дѣлахъ, не вмѣшиваясь въ чужія, обязаны стоять за миръ и показывать другимъ примѣръ мирнаго, просвѣщеннаго развитія.

— Ой, ой, воскликнулъ Де-Джексъ:—вы ни во что ставите англійскую честь и англійскіе интересы.

— Ой, ой! воскликнулъ Гавергольмъ:—вы ни во что ставите нравственные принципы.

— Я не понимаю, продолжалъ сэръ Вильямъ Ватерби:—зачѣмъ намъ быть Донъ-Кихотами и даровать свободу юго-восточной Европѣ, жертвуя сотнями тысячъ людей и миллионами фунтовъ. Мы ничего не теряемъ, что бы тамъ ни случилось, а крестовый походъ или присоединеніе какой нибудь части Турціи къ нашей имперіи, только навлечетъ на насъ безпокойство, заботы и расходы. Съ одной стороны, англійскимъ интересамъ не грозитъ никакая опасность, а съ другой—я руководствуюсь гораздо высшимъ принципомъ, чѣмъ вы, Гавергольмъ. Мой принципъ—всеобщій миръ.

— Люди, желающіе поддержать миръ цѣною чести и независимости, не заслуживаютъ свободы, воскликнулъ съ жаромъ еврей.

— Люди, жертвующіе нравственными принципами и не признающіе нравственнаго долга ради сохраненія мира, хуже язычниковъ, воскликнулъ Гавергольмъ съ негодованіемъ:—вы не вѣрите въ Бога?

— Да, я вѣрю въ Бога мира, отвѣчалъ Ватерби.

— Не забывайте, продолжалъ Де-Джексъ, стараясь измѣнить слишкомъ серьезный тонъ разговора:—что восточный вопросъ сильно затрогиваетъ наши интересы. Если Россія возьметъ Кон-

статииноль и укѣнится на Эгейскомъ Морѣ, то наше положеніе, какъ восточной державы, поколеблется.

— Отчего? спросилъ Ватерби.

— Отъ существованія рядомъ съ нами громадной, честолюбивой, воинственной и бесовѣстной славянской державы.

— Вадоръ, отвѣчалъ Ватерби:— Россія столько же угрожаетъ громадная, честолюбивая, воинственная и ... какъ вы сказали, бесовѣстная англійская держава. Лучше оставимъ другъ друга въ покоѣ. Какое намъ дѣло до Константинополя? Пусть Россія его возьметъ, если ей это принесетъ пользу.

— Ну, съ вами и говорить не стоитъ! воскликнулъ банкиръ:— вы совершенно непрактичный человѣкъ! Дѣло идетъ о существованіи нашей имперіи, а вы хладнокровно толкуете о Россіи въ Константинополѣ, словно разговоръ идетъ о Голландіи въ Новой Гвинее.

— Я долженъ васъ помирить, сказалъ Гавергольмъ:— ибо Ватерби предпочитаетъ миръ всѣмъ принципамъ, а Де-Джексъ стоитъ за войну вопреки всѣмъ принципамъ. Я обязанъ вамъ сказать, господа, что вы оба безнравственные негодяи. Вотъ и все.

Де-Джексъ и сэръ Вильямъ молча поклонились и всѣ трое съ веселымъ смѣхомъ разошлись въ разныя стороны.

II.

Гавергольмъ пошелъ въ палату лордовъ. Передъ нимъ развернулась блестящая картина, которая возбуждаетъ въ сердцѣ каждаго англичанина столько воспоминаній объ исторической славѣ націи, о возвышенныхъ принципахъ ея конституціи, о величіи свободнаго народа.

Въ великолѣпной залѣ, освѣщенной лишь настолько, чтобъ ея разгѣры и богатія украшенія ярко выступали въ мягкой атмосферѣ, на пунцовыхъ скамьяхъ сидѣли пары. Представительный лордъ канцлеръ помѣщался на шерстаномъ мѣшкѣ противъ трона, за нимъ въ живописныхъ группахъ тѣснились эск-министры, чины королевскаго двора, сыновья пэровъ, посланники; направо шли ряды серьезныхъ, достопочтенныхъ епископовъ; на поперечныхъ скамьяхъ видѣлись два принца королевской крови; съ обѣихъ сторонъ стола, за которымъ помѣщались секретари палаты, кишѣлъ цвѣтъ англійской аристократіи и правительственныхъ сферъ. Мѣста вдоль стѣнъ и верхнюю галлерей занимали, блестя своими роскошными туалетами, принцессы, жены пэровъ и дамы самаго гордаго и древняго двора

Европы, а внизу за баллюстрадой и на верку по обѣ стороны галлерей тѣснились члены нижней палаты. Все это многочисленное, гордое, могущественное и ни съ чѣмъ несравнимое собраніе слушало, притаивъ дыханіе, знаменательныя слова, произносимыя человѣкомъ, который, стоя передъ столомъ, говорилъ медленно, съ неприятной афектаціей, некрасивыми жестами и постояннымъ повтореніемъ «милорды, милорды».

Въ этотъ день происходили важныя пренія по случаю необыкновеннаго событія, занимавшаго всѣ умы. Вліятельный членъ кабинета, министръ иностранныхъ дѣлъ вышелъ въ отставку, расходясь съ своими товарищами по жизненному политическому вопросу. Но, удерживаемый условіями отвѣтственнаго поста, который онъ только-что оставилъ, лордъ Пользлей не могъ ясно объяснить настоящей причины своей отставки. Теперь первый министръ отвѣчалъ на рѣчь своего недавняго товарища.

— Что онъ говорилъ, Бунтингъ? спросилъ Гавергольмъ у молодого человѣка однихъ съ нимъ лѣтъ, стоявшаго у самой баллюстрады.

— То, что отъ него можно было ожидать, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ иронической улыбкой:— онъ увѣряетъ, что жаждетъ мира, но что этотъ миръ невозможенъ, если англійская честь и англійскіе интересы не удовлетворены.

— Мы всѣ въ этомъ согласны.

— Да, но у него особое, странное понятіе объ англійскихъ интересахъ и чести; къ тому же, онъ не удостоиваетъ объяснить, въ чемъ именно заключается это понятіе. Нѣсколько времени тому назадъ, мнѣніе правительства объ интересахъ и чести Англии было изложено въ депешѣ тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ и въ рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ, но теперь оно какъ будто требуетъ новаго опредѣленія и расширенія. Россія благоразумно держится въ условленныхъ границахъ и Англии не изъ чего съ нею ссориться. Но лордъ Бенджаминъ ничего не объясняетъ, увѣряя, что въ интересахъ Англии онъ долженъ молчать.

— Еще что онъ сказалъ?

— Онъ выразилъ искреннее сожалѣніе о потерѣ единственнаго друга, котораго онъ всегда глубоко уважалъ и теперь не перестаетъ уважать. Однако, это не помѣшало ему бросить грязь въ благороднаго друга.

— Это мѣфистофельски смѣлое заявленіе, замѣтилъ Гавергольмъ:— такъ какъ онъ пользовался помощью своего друга, пока онъ былъ ему нуженъ и бросилъ его при первой возможности.

— Да и не только виги, но и всѣ тоѳин, слушая его, громко

сблизилсь. Далѣе, онъ доказывалъ, къ полному удовольствію джингоновъ, что правительство всегда было одного мнѣнія, всегда слѣдовало одной политикѣ, всегда дѣлало всевозможныя уступки другимъ державамъ, и всегда руководило общественнымъ мнѣніемъ Европы, однимъ словомъ, онъ убѣждалъ меня, что я дуракъ, что я ничего не понимаю, ничего не слышу и не вижу, что я все забываю и только предрасудки партіи заставляютъ меня не признавать великихъ, непреложныхъ добродѣтелей лорда Бенджинго и его почтеннаго кабинета. Право, придется къ тому убѣжденію, что факты на семь свѣтѣ не выйдутъ никакого значенія, если этотъ фокусникъ умѣетъ такъ ихъ смѣшивать и передергивать, что они кажутся никогда не существовавшими. Послушайте его. Какой вздоръ онъ болтаетъ о величій английской имперіи; послѣдній школьникъ постыдился бы говорить такіа пошлости и, однако, друзья рукоплещутъ ему, какъ будто онъ произноситъ божественныя истины въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ. Посмотрите, вонъ лордъ Сальтмбюри одсбраетъ его безмолвными жестами. Вспомните, чтѣ этотъ вѣчно ворчащій, но умный пэръ, говорилъ о свсемъ теперешнемъ товарищѣ, и съ какимъ презрѣніемъ относился онъ къ фантастическому страху джингоновъ къ Россіи. Право, усумнишься послѣ этого, есть ли на свѣтѣ честности! Возьмите сборникъ Ганварда и прочтите рѣчь, которую лордъ Сальтмбюри произнесъ въ нижней палатѣ 15-го іюля 1867 года о лордѣ Бенджинго. Онъ обвинялъ его тогда въ политическомъ виланіи, въ обманѣ, во лжи; онъ умолялъ почтенныхъ членовъ своей партіи не преклоняться слѣпо передъ успѣхомъ, убѣждалъ ихъ, что партію и страну должны вести государственные люди, честно преданные извѣстнымъ принципамъ, и горячо протестовалъ противъ обращенія палаты общинъ въ арену презрѣнной борьбы за мѣста и почести. Я очень хорошо помню одну его фразу, которая врѣзалась въ мою память: «Вы практически изгоняете всѣхъ честныхъ людей съ политической арены и, въ концѣ концовъ, вы увидите, что государственными людьми у васъ будутъ искатели приключеній, и политическія убѣжденія превратятся въ простое средство къ достиженію власти». Неужели это пророчество исполнилось, и самымъ яркимъ примѣромъ справедливости словъ пророка сдѣлался онъ самъ? Что это все значитъ, Гавергольмъ? Неужели они рассчитываютъ на забывчивость людей или на совершенное исчезновеніе общественной совѣсти? Слышите, какіе крики одобренія, какія рукоплесканія! И это кричатъ и рукоплещутъ тѣ самые люди, которые, десять лѣтъ тому назадъ, скорѣе отрѣзали бы

себя ноги, чѣмъ послѣдовали за такимъ предводителемъ. Боже мой! Гавергольмъ, когда я смотрю на этого человѣка и думаю, что въ его рукахъ судьба нашей великой имперіи, я невольно спрашиваю себя, неужели есть Богъ, допускающій подобное зло?

Гавергольмъ вздрогнулъ. Какъ странно, что Бунтинга мучила также мысль, какъ и его. Дѣйствительно, вопросъ этотъ могъ смутить всякаго. Лордъ Бенджинго однажды сказалъ: «Ничто не одерживаетъ такого успѣха, какъ успѣхъ»; но онъ никогда не говорилъ, чтобъ успѣхъ оправдывалъ успѣхъ. Однако, свѣтъ, по-видимому, признавалъ эту истину, и общество уже не спрашивало, какими средствами, какими хитростями, обманами и ковами достигъ человѣкъ власти. Оно отдалось Бенджинго, вполнѣ сознавая, что онъ только искусный актеръ и болѣе ничего. Онъ самъ перешелъ изъ радикаловъ въ консерваторы, а свою партію перевелъ прежде изъ консерватизма въ радикализмъ, а теперь въ усовершенствованную форму торизма, именуемую конституціонализмомъ. И все это произошло при громкихъ рукоплесканіяхъ зрителей, которые, признавая всю безнравственность этого процесса, все же были увлечены деравой смѣлостью ловкаго фокусника.

Съ улыбкой торжества сѣлъ онъ на свое мѣсто среди громаго одобренія лордовъ. Неужели въ эти побѣдоносныя минуты, онъ не вспоминалъ прошедшаго, на примѣръ, того знаменательнаго засѣданія въ нижней палатѣ, когда его неосторожная ссылка на свое прежнее поворное поприще побудило честнаго, искреннаго оратора напомнить ему съ сверкающими отъ гнѣва глазами, какъ онъ, въ то время политической хлыщъ, лаялъ и скалилъ зубы на великаго человѣка, своего друга и покровителя?

— Что касается до меня, говорилъ этотъ ораторъ, презрительно смотря на съжившуюся фигуру Бенджинго, въ то время министра финансовъ:—я не обвиняю канцлера казначейства въ томъ, чтобы онъ былъ когда-либо протекціонистомъ. Я никогда не думалъ, чтобы онъ питалъ малѣйшую вѣру въ протекціонизмъ. Я не обвиняю его въ томъ, что онъ измѣнилъ своему прежнему убѣжденію. Я только обвиняю его въ томъ, что онъ забылъ, чѣмъ онъ хотѣлъ въ то время казаться и какую маску онъ тогда надѣвалъ на себя. Конечно, память сэра Роберта Пеля не нуждается въ защитѣ, его память живетъ въ благодарныхъ воспоминаніяхъ всего народа, а если вы хотите видѣть униженіе тѣхъ, которые напали на самымъ подлымъ образомъ на этого благороднаго человѣка, но истиннѣ, гордившагося чистотою своихъ политическихъ стремленій—то посмотрите на *это зрѣлище*».

И пламенный ораторъ съ презрѣніемъ указывалъ пальцемъ на

дѣйствительно дрожавшаго отъ униженія негодыя, пытавшагося укрѣсть у великаго человѣка его честное имя, на протекціониста, который не вѣрилъ въ протекціонизмъ, и потому поддерживалъ свободу торговли, не вѣра и въ нее.

— Я долженъ сказать, воскликнулъ въ томъ же засѣданіе, домашняя поразеніе бѣднаго Бенджинаго извѣстный, парламентскій юмористъ: — что со смерти знаменитаго восточнаго жонглера Рамо Самы, который одинаково ловко сдавалъ себѣ въ карты однихъ козырей и глоталъ шпагу, я не видывалъ человѣка, который такъ искусно передергивалъ бы карты и такъ много глоталъ бы шпагъ, какъ благородный джентльмэнъ, предводитель торійской партіи въ этой палатѣ.

И этотъ человѣкъ, заклейменный общественнымъ презрѣніемъ и насмѣшками, теперь былъ первымъ министромъ, перомъ страны, любимцемъ королевы, другомъ и товарищемъ Лорда Салтмбюри, идоломъ аристократіи, клубовъ, веселыхъ куплетистовъ и т. д. Неудивительно, что люди сомнѣвались въ Провидѣніи, допускавшемъ подобное зло. Смотря на такое чудо, и Гавергольмъ мрачно спрашивалъ себя: какое вліяніе могли имѣть политическія поведенія лорда Бенджинаго на общественную совѣсть и политическую нравственность, на честолюбивую молодежь и вообще на все общество?

Послѣ лорда Бенджинаго, долженъ былъ говорить новый министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Салтмбюри. Его рѣчи всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ, особливо Гавергольмъ. Это былъ человѣкъ совершенно противоположный своему теперешнему товарищу и предводителю. Онъ открыто и твердо вѣрилъ въ Бога, создавшаго церковь, королевскую власть и аристократію. Поэтому Гавергольмъ могъ, повидимому, надѣяться найти въ немъ человѣка высокорелигіознаго и нравственнаго, дѣятельностью котораго опрзвергались бы смѣлыя слова Виллсдена.

Наслѣдникъ одного изъ знатнѣйшихъ именъ Англіи, лордъ Салтмбюри не только получилъ отъ отца историческій титулъ и громадное состояніе, но и самъ отличался блестящими способностями и трезвымъ здравымъ смысломъ. Гордый по природѣ и грубый, дичиный по привычкѣ, онъ всѣми инстинктами и стремленіями былъ преданъ прошедшему. Въ его глазахъ имѣло цѣну только то, что поддерживалось древностью, преданіями, рутинной. Несмотря на свой смѣлый, обширный умъ, онъ упорно держался въ самыхъ узкихъ границахъ, наивѣченныя его воспитаніемъ и личнымъ темпераментомъ. Все новое онъ отвергалъ, какъ подозрительное, негодное и низкое. Съ удивительнымъ жаромъ и рѣзкостью, онъ нападалъ на современныя идеи. Въ его глазахъ,

честный либералъ былъ дуракъ, а либеральнѣйшій консерваторъ — негодяй. Вся его политическая система заключалась въ защиту существующаго и въ борьбѣ съ тѣмъ, что могло его замѣнить. Презрительный сарказмъ, грубая насмѣшка и рѣзкая брань были его обычными орудіями въ политическомъ единоборствѣ.

Одной изъ самыхъ почетныхъ въ немъ чертъ было пламенное презрѣніе къ тѣмъ политическимъ дѣятелямъ, которые, не освободившись совершенно отъ поклоненія прошедшему, старались ловкими изворотами примирить старину съ новизной. Онъ считалъ ихъ искаріотами святаго дѣла, а во главѣ этихъ политическихъ авантюристовъ былъ мифистофель и архидьяволъ, какъ его тогда готовъ былъ бы назвать лордъ Сальтмбюри — Бенджинго. Эти два человѣка никогда не были друзьями. Одинъ уже велъ свою партію съ коварствомъ Макіавеля, когда другой вступилъ въ нее юнымъ, неопытнымъ энтузіастомъ. Одинъ былъ уроженецъ Востока, другой — истый англичанинъ. Ловкая хитрость одного не могла мириться съ рѣзкой прямою другого. Трезвый, основательный умъ лорда Сальтмбюри не имѣлъ ничего общаго съ поверхностнымъ, быстрымъ геніемъ лорда Бенджинго. Къ тому же оба они любили властвовать: одинъ — силою, другой — умомъ. Это была пара коней, которыхъ неограниченный монархъ не запретъ бы никогда въ одну запряжку.

И однако теперь эти два, столь разнородные человѣка, шли въ ногу, какъ братья. Этотъ фактъ былъ тѣмъ удивительнѣе, что даже въ послѣднее время, входя въ составъ одного министерства, они, по восточному вопросу забавляли міръ подземной борьбой. Лордъ Бенджинго почти ясно говорилъ, что его товарищъ — дуракъ, а лордъ Сальтмбюри почти также ясно называлъ перваго министра осломъ. Казалось, что подъ гуманнѣйшимъ вліяніемъ сочувствія къ угнетеннымъ народамъ, кругозоръ лорда Сальтмбюри расширился, и онъ неожиданно сталъ высказывать удивительно либеральныя для него идеи. Онъ сдерживалъ чрезмѣрные стремленія своего предводителя въ духѣ Джинго и оказывалъ сопротивленіе не конституціоннымъ вліяніямъ, къ помощи которыхъ хотѣлъ прибѣгнуть Бенджинго, пользуясь своимъ положеніемъ придворнаго любимца. Лордъ Бенджинго старался раздуть воинственный пылъ, а лордъ Сальтмбюри саркастически смѣялся надъ людьми, которые были въ набабъ, когда ни откуда не грозила опасность. Лордъ Бенджинго утверждалъ, что для всего свѣта было необходимо поддержать неразрывность и независимость турецкой имперіи, а лордъ Сальтмбюри кладовровно спрашивалъ, какъ можно поддержать то, что не можетъ держаться. Лордъ Бенджинго пугалъ страну воображаемой опас-

ностью для Индіи, а лордъ Сальтимбюри совѣтовалъ людямъ, оцанувшимся русскими завоеваніями, посмотреть на карту и убѣдиться, что разстояніе между Россіей и Англійской Индіей надо измѣрять не пальцами, а масштабомъ, такъ какъ ихъ раздѣляютъ пустыни и горные края въ тысячи миль. На увѣренія пламенныхъ приверженцевъ Бенджинго, что Россія со смерти Петра Великаго всегда стремилась изгнать Англію изъ Индіи, лордъ Сальтимбюри отвѣчалъ иронически, что Петръ Великій умеръ въ 1725 году, а Англія утвердилась въ Индіи въ 1757 году.

И послѣ всего этого, вдругъ, въ одинъ день они сдѣлались политическими союзниками, бросили въ сторону сѣкиры и выкурили трубку мира. Естественно, что всёхъ занимало, какъ объяснить въ своей рѣчи лордъ Сальтимбюри эту странную перемену. Благодаря какому вліянію или по какому личному побужденію онъ усвоилъ себѣ фантастическій, воинственный, джингоизмъ и отказался отъ достойной политики мира и гуманнаго сочувствія къ угнетеннымъ расамъ?

Лордъ Сальтимбюри произнесъ длинную, цѣлѣстную рѣчь, но она не удовлетворила всеобщему любопытству, такъ какъ, не выяснивъ таинственныхъ причинъ его внезапнаго превращенія въ джингонга—только подтвердила этотъ удивительный фактъ. Тотъ самый человекъ, который вмѣстѣ съ лордомъ Нользлеемъ, своимъ предшественникомъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, старался положить преграды воинственному пылу Бенджинго, теперь упрекалъ лорда Нользлея въ «недостатѣ воображенія», дерзко бросалъ перчатку Россіи, оскорбляя ее передъ всей Европой и оквернялъ свой аристократическій языкъ площадными кельбостами, которыми лордъ Бенджинго въ теченіи двухъ лѣтъ всёхъ пугалъ и морочилъ. Его пресловутое сочувствіе къ восточнымъ христіанамъ, его презрѣніе къ шовинизму, его религіозные, гуманные и чисто національные принципы улетучились и, сдѣлавшись глашатаемъ джингоизма, онъ распѣвалъ о подчиненіи по сан-стефанскому договору Турціи Россіи, о замыслахъ Россіи на Индію, объ интересахъ Англій, о правахъ Европы, о неразрывности трактатовъ, о славіи и могуществѣ Британской Имперіи и т. д., и т. д.

— Что вы скажете объ этой рѣчи? спросилъ Гавергольмъ, выходя изъ палаты лордовъ вмѣстѣ съ мистеромъ Димитти, радикаломъ въ теоріи и витомъ на практикѣ.

— Бенджинго обошелъ Сальтимбюри, а лордъ Нользлей потерялъ предводительство торійской партіи, отвѣчалъ Димитти, замѣчательный типъ буржуазнаго политика, умѣреннаго, всегда готоваго пойти на сдѣлку, но глубоко честнаго и здравомыслящаго.

— Я этого же мнѣнія, произнесъ Гавергольмъ.

— Слава Бенджинго, онъ торжествуетъ по всей линіи, воскликнулъ подхода къ нимъ Сидней Марскомбъ, умный и способный молодой депутатъ, племянникъ знаменитаго историка: — я всегда считалъ Сальтимбюри сильнымъ, упорнымъ человекомъ, но Бенджинго наналъ на него свади и связалъ по рукамъ и ногамъ. Накладной имперіализмъ и священный культъ Джинго одержали повую побѣду и приобрѣли новаго адепта. Но, признаюсь, я не повѣрилъ бы, что Сальтимбюри можетъ произнести такую рѣчь, еслибъ я самъ не слышалъ ея.

— Люди, какъ Сальтимбюри, могутъ быть вылены, замѣтилъ Гавергольмъ:—но они не мѣняютъ мгновенно всего теченія своихъ мыслей. Какъ произошло это неожиданное превращеніе? Что побудило его увлечь за собою свою партію на такой рискованный шагъ, который, въ концѣ концовъ, ее погубитъ?

— Честолюбіе, отвѣчалъ Димитти.

— Естественно, сказалъ сухо Марскомбъ:—за сценою дѣйствуютъ могучія вліянія; Бенджинго, и нѣкоторые, высокопоставленныя особы, быть можетъ, полагаютъ, что народныя права въ послѣднее время слишкомъ ограничили прерогативу правительства. Новая теорія доказываетъ, что нація возложила на правительство священную обязанность отстоять неизбежную коронную прерогативу. Права исполнительной власти на заключеніе мира и объявленіе войны, на распоряженіе арміей, управление Индїей и участіе въ направленіи политики имперіи, постоянно, искусно и упорно расширяются. Эти притязанія правительства косвенно поддерживаются нижней палатой, гдѣ большинство, раболѣпное, глупое—я говорю глупое, ибо оно слышеомъ слѣпо, чтобъ быть хитрымъ—поддерживаетъ Бенджинго и придворную партію въ утайкѣ отъ насъ ихъ дѣйствій и принциповъ, которыми они руководятся. Это началось съ исторіи о шести милліонахъ, которые нація безумно дала правительству, предоставивъ ему распорядиться ими, какъ угодно, а кончится дарованіемъ исполнительной власти какого-нибудь новаго права, грозящаго опасностью для англійской свободы и противнаго чувствамъ англійскаго народа. Напримѣръ, что вы скажете, еслибъ правительство вдругъ звало въ Европу отрядъ индїйскихъ войскъ?

— Министерство было бы тотчасъ свергнуто, воскликнулъ Димитти.

— Я въ этомъ не увѣренъ, продолжалъ Марскомбъ:—сторонники правительства, кажется, готовы поддерживать его всегда и во всемъ. Ихъ подготовили съ дьявольскимъ искусствомъ. Они

убѣждены, что ихъ положеніе и собственность находится въ опасности отъ развитія и распространенія либерализма. Имъ внушили, что они безопасны только подъ тѣнью трона и конституціи, да при условіи слѣпонаго повиновенія своимъ предводителямъ. Это движеніе, происходящее на нашихъ глазахъ—самое важное и серьезное политическое движеніе въ странѣ, со времени революціи 1688 года. Цѣль его—поставить привилегіи и собственность съ одной стороны, а пролетаріатъ и прогрессъ—съ другой. Конечно, послѣдняя пара сильнѣе и, въ концѣ концовъ, одержитъ верхъ, но пока страна рискуетъ многимъ. Это очень опасное измѣненіе того принципа свободнаго конституціоннаго правленія, благодаря которому, въ теченіи прошедшаго столѣтія, общество постепенно достигло своего освобожденія, отодвинуло на задній планъ прерогативы исполнительной власти и расширило все болѣе и болѣе справедливое вліяніе народа на правительственную политику. Если дѣло пойдетъ далѣе въ томъ же духѣ, то партія Джинго вызоветъ на бой парламентъ въ защиту своихъ правъ. Это будетъ страшная борьба и ее никогда не слѣдовало бы возбуждать. Въ результатѣ ея будетъ не только гибель партій, возбудившей эту борьбу, но и колебаніе болѣе высокихъ и важныхъ интересовъ.

— Но на чемъ вы основываете существованіе подобнаго плана? спросилъ осторожный Димитти.

— На томъ, что я вижу, слышу и соображаю. Я, напримѣръ, вижу, что пресса очень хитро эксплуатируется для распространенія этихъ идей. На всякаго, кто возстаетъ противъ скрытности и незаконности министерскихъ дѣйствій, сыплются въ газетахъ брань и клеветы. Такихъ жестокихъ нападковъ пресса себѣ не позволяла со временъ королевы Анны. Цѣлая стая газетъ разлетается изъ тайныхъ трущобъ. Всѣ онѣ одного тона и подъ личиною патріотизма возбуждаютъ страсти и предрасудки, отставая древнія привилегіи и нападая на свободу во всѣхъ ея видахъ. Цѣль ихъ—возбудить ненависть противъ тѣхъ, которые думаютъ и дѣйствуютъ независимо отъ сторонниковъ новой религіи Джинго. Достоверно, что эти газеты не окупаются. Кто же ихъ поддерживаетъ? Кто ими руководитъ? Кто бросаетъ деньги для наводненія общества идеями и чувствами въ духѣ Джинго? Посмотрите въ тоже время, какъ ведется консервативная партія, какой въ ней царитъ деспотизмъ. Никто не смѣетъ тамъ разсуждать свободно и малѣйшее нарушеніе дисциплины карается тяжелымъ для многихъ наказаніемъ, прекращеніемъ доступа въ верхніе слои, чѣмъ нѣкоторые дорожатъ болѣе своей чести. Кромѣ того, недавно королевскіе мемуары. Я востаю противъ подобной ли-

тературы. Особа монарха слишкомъ священна, чтобы быть предметомъ будаарныхъ воспоминаній. Но дѣло становится еще серьезнѣе, когда коронованная особа пускается въ обсужденіе конституціонныхъ вопросовъ. Когда въ королевскихъ мемуарахъ защищаются не популярныя тезисы, то это явный вызовъ, брошенный народу. Если какой-нибудь министр одобрилъ изданіе подобной книги, то онъ или дуракъ, или злодѣй. Онъ или не видитъ опасности, что доказываетъ его слѣпоту, или видитъ и молчать, что обнаруживаетъ злѣйшу. Наконецъ, замѣтите, Бенджинго подготовляетъ въ тайнѣ какой-то чудовищный сюрпризъ съ своей имперской политикой. Въ чемъ будетъ состоять сюрпризъ? *Quo te Benjingo rapis tui plenum?* Вы знаете, что мы всѣ предсказывали поглощеніе императрицею королевы и это можетъ очень легко случиться. Теперь уже замѣтно стремленіе возвысить императорскую прерогативу надъ національной. Великобританія только часть Британской Имперіи, королева же — монархъ во всѣхъ странахъ. Изъ этого легко вывести право ея вызывать войска изъ Индіи, Канады, Австраліи, Новой Зеландіи и съ мыса Доброй Надежды безъ разрѣшенія парламента. Съ тѣхъ поръ, какъ мы даровали отвѣтственное управленіе колоніямъ, онѣ почти независимы отъ парламента, но права короны такъ же могущественны тамъ, какъ здѣсь. Она — главное связующее звено. Вы видите, что идеи Бенджинго могутъ привести къ важнымъ послѣдствіямъ. Управленія колоніями и Индіей могутъ превзойти по силѣ и вліянію англійское министерство внутреннихъ дѣлъ.

— Я всему этому не вѣрю, замѣтилъ дѣловымъ тономъ Димитти: — наша свобода пустила слишкомъ глубокіе корни, чтобы ее могли вырвать какой то искатель приключеній и глупый дворъ.

— Вы такъ думаете, возразилъ Гавергольтъ: — а много правды въ словахъ Марскомба. Наша виѣшняя имперія скорѣе нашего развивается и идетъ впередъ и мы можемъ въ одинъ прекрасный день неожиданно замѣтить, что всякій контроль за нею исчезъ изъ нашихъ рукъ. Въ отношеніи нашихъ колоній мы поступали слуха рукава и не подумали примѣнить нашу конституцію къ измѣнившимся обстоятельствамъ; неизбежнымъ результатомъ этой ошибки будетъ роковая катастрофа.

— Все это, продолжалъ Марскомбъ: — можетъ отчасти объяснить неожиданное обращеніе лорда Сальтмбюри. Его убѣдили въ глубокой мудрости имперской политики и джингонзма. Кроме того, можетъ быть, его побудила къ этому и оскорбленная гордость неудачей константинопольской конференціи. Во всякомъ слу-

чаѣ онъ наследуетъ отъ Бенджинго предводительство партіей. Впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть тутъ замѣшана женщина. Змѣй соблазнилъ Еву, она вкусила яблока и дала вкусить мужу. Это часто объясняетъ многое. Бенджинго не пренебрегаетъ никакими средствами для достиженія своей цѣли.

— Сальтимбюри приобрѣлъ предводительство партіей, но потерялъ свою честь, замѣтилъ Димитти.

— О! воскликнулъ Марскомбъ:—что такое честь? По словамъ поэта, «пустое слово для аристократа и лишняя обуза для бѣдняка». Позвольте мнѣ прибавить еще цитату. Основатель величія семьи Сальтимбюри писалъ однажды какому-то пріятелю пророческія слова: *«при англійскомъ дворѣ тяжело доказать свою честность и не испортить своей карьеры»*. То, что казалось тяжелымъ предку, навѣрное не по силамъ потомку.

III.

Гавергольмъ былъ глубоко взволнованъ всѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ въ послѣдніе три или четыре часа. Саркастическія слова стараго циника Виллездена, что нѣтъ Бога, ибо существованіе Его не доказывается жизнью и дѣйствіями вѣрующихъ въ него, сильно, поразили молодого человѣка, и онъ, въ глубинѣ своей души, принялъ вызовъ найти людей, которые дѣйствительно примѣняли къ общественной дѣятельности свою искреннюю вѣру и нравственные принципы. Конечно, тѣ общественные дѣятели, которыхъ онъ до сихъ поръ видѣлъ, казалось, должны были только убѣдить его въ справедливости смѣлой теоріи Виллездена, но онъ не унывалъ и не хотѣлъ еще признать, чтобъ дѣйствительно люди не вѣдали и практически отрицали Бога. Поэтому, онъ продолжалъ свои поиски, хотя съ стѣсненнымъ сердцемъ и смущенными мыслями.

Искать истины въ залахъ парламентскаго зданія показалось бы зоркому наблюдателю дѣтской потерей времени, но Гавергольмъ, по привычкѣ къ этой средѣ или по первобытной простотѣ натуры, сохранившейся въ немъ, несмотря на природныя способности, научныя знанія и нѣкоторый жизненный опытъ, возвратился въ нижнюю палату.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто на первой скамьѣ оппозиціи. Рядомъ съ нимъ помѣщался представитель Квиркса. Мистеръ Дубльгольтеръ не только представлялъ это древнее графство, но еще одну изъ великихъ силъ, движущихъ свѣтъ. Какъ Де-Джевсъ, олицетворялъ деньги, такъ Дубльгольтеръ олицетворялъ печать,

а трудно сказать, что могущественнѣе: матеріальная сила денегъ или интеллектуальное вліяніе прессы.

Мистеръ Дубльгольтеръ былъ джентльмэнъ, безусловно достойный, почтенный, съ самой незапятнанной репутаціей. Въ одно и тоже время, онъ былъ крупный землевладелецъ, компаньонъ и въ сущности руководитель величайшей въ свѣтѣ газеты, адвокатъ и членъ парламента; онъ имѣлъ ученую степень оксфордскаго университета и располагалъ по своему усмотрѣнію четырьмя пасторскими мѣстами. И при всемъ этомъ, онъ, по вѣншиности, былъ очень тихій, смиренный господинъ; что же скрывалось подъ его спокойной, серьезной оболочкой, трудно сказать; злые языки говорили даже, что лучше не докапываться до внутренней природы мистера Дубльгольтера. Нельзя сказать, чтобъ его всѣ любили, но, съ другой стороны, людямъ, не сочувствовавшимъ ему, было очень тяжело указать основанія ихъ антипатіи. Вообще, онъ казался очень симпатичнымъ, какъ говорятъ французы. Его обращеніе обнаруживало человѣка, который находить нужнымъ быть учтивымъ, но считаетъ недостойнымъ предупредительность или теплоту чувствъ. Никто не сомнѣвался въ его умѣ, образованіи и развитіи. Въ университетѣ онъ считался хорошимъ классикомъ и его рѣчи были всегда основательны и полезны. Онъ съ одинаковымъ интересомъ относился къ воскреснымъ школамъ, помѣщеніямъ для рабочихъ и восточному вопросу, и говорилъ объ этихъ предметахъ съ одинаковымъ достоинствомъ. Онъ былъ всегда очень серьезенъ и не тергѣлъ энтузіазма, шума, пламенныхъ вспышекъ. Изданіе первой въ свѣтѣ газеты, перешедшей къ нему отъ отца, развило въ немъ разумную, хотя нѣсколько свѣтскую совѣстливость, ловко поддерживавшую равновѣсіе между правдой и искренностью съ одной стороны и личной отвѣтственностью и заботой о своемъ положеніи—съ другой. Наконецъ, надо отдать справедливость его рѣдкой власти надъ собой и сдержанности, такъ какъ, имѣя возможность печатать свои рѣчи ежедневно въ своей газетѣ «The Chimes», онъ произнесъ ихъ не болѣе полудожини.

Спокойная, умѣренная и безгрѣшная жизнь Дубльгольтера естественно обратила на него вниманіе Гавергольма, въ теперешнемъ его настроеніи. Конечно, въ этомъ господинѣ убѣжденія и практическая дѣятельность подавали другъ другу руку и братски добзались.

— Вы уже говорили? спросилъ Гавергольмъ у этого почтеннаго джентльмена.

— Да, около двадцати минутъ.

— Въ какомъ духѣ?

— Въ нашемъ. Вы знаете, какъ глубоко я сочувствовалъ

страданиямъ христіанъ въ Турціи. Я сказалъ, что было бы позоромъ для насъ, какъ христіанской религіозной націи, не исполнить своего долга въ отношеніи несчастныхъ угнетенныхъ Портою расъ. Я утверждалъ, что необходимо уничтожить совершенно турецкую власть надъ ними и, глубоко сожалѣя о необходимости этой войны, выразилъ свою искреннюю радость ея резултату. Я указалъ, что крымская война не достигла своей единственной, достойной цѣли, утвержденія хорошей системы управленія христіанскими народами Турціи. Я, наконецъ, протестовалъ подобно вамъ противъ правительственной политики подобной и угрозы, столь же недостойной, какъ и безполезной.

— Хорошо, подумалъ Гавергольмъ: — Дубльгольтеръ стойкій либераль. Какое счастье, что «The Chimes» въ его рукахъ.

Дѣйствительно, въ продолженіи восемнадцати мѣсяцевъ, «The Chimes» постоянно и монотонно повторялъ одинъ звонъ, гудѣвшій похороннымъ гуломъ турецкой тирани и слегка привѣтствовавшій русскія побѣды. Рѣчь Дубльгольтера была отраженіемъ, такъ сказать, эхо многочисленныхъ передовыхъ статей газеты, которая нападала на лорда Бенджинго и его политику съ такимъ жаромъ, на какой способны редакторъ и сотрудники «The Chimes», вѣчно являющіеся передъ публикой въ туго накрахмаленныхъ воротничкахъ. Съ другой стороны, газета находила многое достойное восхищенія въ благородномъ, неустанномъ энтузіазмѣ Гудрока. Она, говоря метафорически, плевала на новую вѣру Джинго и отзывалась съ презрѣніемъ о его поклонникахъ. Въ этомъ отношеніи «The Chimes» вела себя передъ всей Европой строго послѣдовательно. Многіе даже этому удивлялись, такъ какъ у нея всегда была привычка звонить въ тонъ общественному мнѣнію. Ее часто называли флюгеромъ, ибо она не разъ повертывалась по вѣтру. Частыя измѣненія ея казались вѣшнымъ зрителямъ недостойными, нечестными и очень вредными для общественной нравственности. Но на замѣчаніе, что подобныя дѣйствія противорѣчатъ принципамъ, обыкновенно отвѣчали: «газета издается на основаніи этого принципа». Подобный отвѣтъ былъ доказательнымъ въ глазахъ легкомысленныхъ свѣтскихъ людей. Собственникамъ же газеты, такое направленіе рекомендовалось чистой прибылью въ 70,000 ф. ст. въ годъ.

Поэтому, либеральная партія была очень счастлива, что «The Chimes» такъ стойко и гармонично звонила въ продолженіи двухъ лѣтъ, въ которыя восточный вопросъ волновалъ всѣхъ. Это замѣчательное явленіе приписывали въ бѣдшей мѣрѣ вліанію мистера Дубльгольтера, который, по собственнымъ его словамъ, глубоко сочувствовалъ угнетеннымъ христіанамъ, циталъ недовѣ-

*

pie къ лорду Бенджинго и далъ редактору «carte blanche» вести газету въ направленіи антиджингоитскомъ.

Разговоръ съ Дубльгольтеромъ нѣсколько обуздаль Гавергольма и воскресилъ въ немъ надежду, что были же на свѣтѣ люди, искренно примѣнявшіе на практикѣ свои честныя убѣжденія. Но тѣмъ сильнѣе было его разочарованіе, когда, черезъ два дня, на вечерѣ у графини Виллогровъ, аристократической царицы партіи виговъ, къ нему подошелъ мистеръ Гачбуль-Нугессонъ, радикальный вигъ, и громогласно объявилъ:

— Вы слышали новость? Вѣднаго Дубльгольтера прокатили на черныхъ въ Гимназіумѣ и, мало того: кипу номеровъ «The Chimes» сожгли на биржѣ. Это дѣло джингоитовъ. Теперь «The Chimes» перейдетъ на сторону враговъ. Я слышалъ еще недавно, что продажа газеты сильно уменьшилась.

— Не можетъ быть, чтобъ Дубльгольтеръ намъ измѣнилъ, воскликнулъ Гаверольмъ:—я съ нимъ говорилъ только два дня тому назадъ и онъ былъ совершенно надежнымъ либераломъ.

Мистеръ Гачбуль взглянулъ вопросительно на Гаверольма, какъ бы сомнѣваясь, въ своемъ ли онъ умѣ.

— Газеты, сказалъ онъ медленно, какъ бы говоря известную аксіому:—скорѣе принимаютъ цвѣтъ или тонъ—называютъ какъ хотите—отъ своихъ читателей, чѣмъ отъ издающихъ ихъ лицъ. Очень мало газетъ съ твердымъ убѣжденіемъ и никто ихъ не читаетъ. Люди обыкновенно читаютъ газеты не для поученія, а чтобъ видѣть свои собственныя мнѣнія, ясно и краснорѣчиво изложенныя.

— Такъ вы не очень вѣрите въ призваніе издателей и редакторовъ?

— Я нисколько не вѣрю ни ихъ призванію, ни ихъ честности. Возьмите, на примѣръ, «Bellograff»; это низкая, еврейская спекуляція. Она вздается для класса, который мы не желаемъ и знать, хотя онъ многочисленный и шумный. Это любимая газета кабаковъ, прикащиковъ и полубразованныхъ лавочниковъ, не имѣющихъ совѣсти; она удовлетворяетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пошлomu любопытству ихъ женъ и дочерей.

— Это вѣрно, отвѣчалъ Гавергольмъ:—но вѣдь никто и не считаетъ эту газету хорошей и достойной. Но я полагаю, что «Chimes» руководится принципами.

— Непремѣнно, и я вамъ скажу, какими она руководится принципами. Газета болѣе ничего, какъ финансовая спекуляція, и если она не даетъ дохода, то погибаетъ. Нелѣпо требовать послѣдовательности у финансоваго предпріятія. Газета, какъ жорпорація, не имѣетъ совѣсти и руководится обстоятельствами.

Я знаю человѣка, который издаётъ двѣ газеты — торійскую и либеральную. Одинъ торіи собственникъ радикальной газеты, а мой хорошій другъ, стойкій радикаль, главный пайщикъ въ торійской газетѣ. Что же касается до «Chimes», то она каждый годъ обходитъ весь кругъ компаса и, въ концѣ-концовъ, это очень полезно. Передовыя статьи въ ней хорошо написаны и, читая ихъ постоянно, вы узнаете все, что можно сказать о всякомъ вопросѣ со всѣхъ сторонъ. Я готовъ держать пари, что черезъ недѣлю «Chimes» будетъ проповѣдовать самый дикій джингоизмъ и выхвалять правительство до небесъ, Дубльгольтеръ не можетъ этому помѣшать. Онъ не единственный собственникъ газеты, а еслибъ онъ даже и былъ полнымъ хозяиномъ, то не въ принципахъ этой газеты держаться какихъ-нибудь принциповъ.

— Гм! промолвилъ Гавергольтъ, пожимая плечами: — теперь, кажется, принципы ни въ чьихъ принципахъ.

Какъ бы живымъ примѣромъ справедливости этого замѣчанія, въ комнату вошелъ неожиданно сэръ Альджернонъ Старфитъ. Красивый, гордый, высокомерный, онъ былъ самымъ честолюбивымъ изъ виговъ, но, благодаря своимъ рѣзкимъ, отталкивающимъ манерамъ, имѣлъ очень мало вліянія, хотя въ палатѣ и въ судахъ онъ пользовался извѣстностью блестящаго оратора и умнаго, способнаго человѣка. Вигъ по происхожденію и воспитанію, онъ былъ другъ лорда Бенджинго и долговременныя близкія отношенія съ послѣднимъ развили въ немъ саркастическій, смѣлый, ни передъ чѣмъ не останавливающийся цинизмъ. Вступивъ въ палату общинъ во время министерства Гудрока, когда преемство виговъ было менѣе замѣтно, чѣмъ во всѣ предыдущія либеральныя министерства, сэръ Альджернонъ Старфитъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе шумными, бойкими рѣчами, въ которыхъ онъ не жалѣлъ и своей партіи. Поэтому, несмотря на общія ожиданія, онъ долго не попадалъ въ министерство и только, наконецъ, чтобы отдѣлаться отъ неугомоннаго сторонника, Гудрокъ назначилъ Старфита генералъ-соллициторомъ.

Судя по частнымъ разговорамъ и по нѣкоторымъ ядовитымъ замѣчаніямъ въ палатѣ, сэръ Альджернонъ, повидимому, восхищался гениемъ великаго предводителя своей партіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, питалъ къ нему личную неприязнь и даже презрѣніе. Поэтому всѣхъ удивляло, въ какихъ пламенныхъ выраженіяхъ онъ, накануне вечера леди Виллоговъ, выразилъ свое глубокое уваженіе къ Гудроку, при торжественномъ приѣмѣ котораго въ Камфордѣ онъ присутствовалъ въ качествѣ мѣстнаго депутата. Онъ такъ горячо отзывался о немъ, какъ объ одномъ изъ вели-

чайшихъ людей англійской исторіи, и съ такимъ энтузіазмомъ распространялся о его блестящихъ заслугахъ по восточному вопросу, что даже Гавергольмъ, не очень его любившій, растаялъ и подумалъ, что, вѣроятно, онъ былъ лучшимъ человекомъ, тѣмъ казался.

— Ну, Альджернонъ, воскликнула графиня, очень жаловавшая Старфита:— вы только что вернулись изъ Камфорда. Я прочла вашу рѣчь. Ужъ не слишкомъ ли вы ее подсластили.

Старфитъ покраснѣлъ и, уклоняясь отъ прямого отвѣта, сказалъ:

— Видали ли вы, чтобъ кто-нибудь велъ себя такимъ дуракомъ?

— Какъ вы? Никогда не видала.

— Нѣтъ, нѣтъ! воскликнулъ Старфитъ:— какъ Гудрокъ.

— Онъ меня ничѣмъ не удивитъ, сказала графиня, которая не очень любила Гудрока, слишкомъ искренняго человека для виговъ:— онъ гениальный безумецъ. Онъ уже однажды погубилъ свою партію и вчерашней рѣчью вторично толкаетъ ее въ бездну.

— Совершенно вѣрно, отвѣчалъ сэръ Альджернонъ:— у него нѣтъ ни такта, ни достоинства, ни выдержки, онъ не имѣетъ ничего общаго съ нами, не раздѣляетъ ни нашихъ интересовъ, ни нашихъ чувствъ. Это какой-то сьумасшедшій, играющій роль Петра Пустынника. Отчего онъ не удалится совершенно и не предоставитъ либеральной партіи идти мирно своей дорогой?

— Отъ того, что онъ долженъ совершить великое дѣло, воскликнулъ Гавергольмъ:— а тѣ, которыхъ вы называете либеральной партіей, не проявились еще святостью этого дѣла. Онъ не только стремится къ осуществленію нашей великой задачи, какъ свободной и христіанской націи на Востоку, но мужественно борется съ пагубными внутренними силами, которыя грозятъ опасностью свободѣ и, мало-по-малу, растлѣваютъ общественную совѣсть.

— А, между тѣмъ, совершивъ крушеніе своей партіи, произнесъ Старфитъ:— онъ топить всѣ спасательныя лодки, въ которыхъ удалось ей спасти свои остатки, и вскорѣ не останется ни одной доски, за которую можно было бы ухватиться.

— Напротивъ, онъ училъ васъ, какъ построить новый, лучший корабль, но вы не захотѣли: одни испугались смѣлыхъ, громадныхъ размѣровъ его плана, а другіе не были готовы на такой творческій трудъ. Многіе изъ нашей партіи перешли въ джингованъ, а остальные впали въ уныніе. Что можетъ сдѣлать партія безъ энергій, дисциплины и принциповъ?

— А я утверждаю, продолжалъ сэръ Альджернонъ:— что пока Гудрокъ остается независимой силой на политической аренѣ, либеральной партіи суждено прозябать въ холодномъ мракѣ оппозиціи. Мы не можемъ на него надѣяться, не можемъ его вести и идти за нимъ. Онъ поступаетъ ужасно несправедливо въ отношеніи Смартингтона и насъ всѣхъ. Такой человѣкъ, какъ Гудрокъ, можетъ погубить самое лучшее и великое дѣло.

— Нѣтъ, еслибъ вы слѣдовали его политикѣ, то наша партія была бы, какъ прежде, единая и могущественная.

— И всѣ виги были бы выброшены за бортъ.

— Однако, вы не такъ говорили вчера въ Камфордѣ, воскликнулъ Гавергольмъ съ нетерпѣніемъ.

Сэръ Альджернонъ величественно повернулъ свой длинный носъ по направленію къ Гавергольму, раздулъ ноздри и торжественно удалился изъ комнаты, какъ бы почувъ ненавистный духъ радикализма.

— Не хорошо, молодой человѣкъ, сказала леди Виллогровъ, ударяя вѣеромъ по рукѣ Гавергольма:— зачѣмъ вы его обидѣли? Онъ, бѣднякъ, и то приходитъ въ уныніе отъ своей партіи. И не удивительно: вы всѣ перессорились, благодаря Гудроку.

— Нѣтъ, графиня, отвѣчалъ Гавергольмъ:— въ этомъ виновать не Гудрокъ, а существенное, внутреннее различіе въ стремленіяхъ членовъ нашей партіи. Одни хотятъ идти впередъ, а другіе стоятъ на мѣстѣ, поэтому мы и вертимся безъ всякаго толку. Еслибъ Станморъ, Смартингтонъ, Старфитъ и другіе передовые виги рѣшили бы разъ на всегда, чего они хотятъ и энергично пошли бы къ своей цѣли, то вся партія послѣдовала бы за ними. Конечно, мы могли бы потерять нѣсколько виговъ, но виги въ палатѣ общинъ съ каждымъ годомъ становятся малочисленнѣе и слабѣе. Вскорѣ у насъ будутъ только либералы и консерваторы. Наши друзья должны рѣшительно встать на ту, или другую сторону. Что касается до меня, то я знаю, къ кому я пристану.

— И я знаю, на чью сторону перейдутъ нѣкоторые, сказала, знаменательно подмигивая, царица старыхъ виговъ.

— Какъ хотите, а я не могу сочувствовать людямъ, которые не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ идей и, однако, требуютъ, чтобъ другіе слѣдовали за ними. На передовой скамьѣ нашей партіи нѣтъ никого, кромѣ Гудрова, который пользовался бы или могъ бы пользоваться любовью и преданностью людей. Если наши пріятели хотятъ, чтобъ въ нашей партіи было единство, то они должны выставить радикаламъ достойную, великую задачу для борьбы. Иначе, по крайней мѣрѣ, что до меня ка-

сается, я не двину пальцемъ, чтобъ вывести ихъ изъ того бo-
лота, въ которомъ они погрязли.

— Вы радикалы! воскликнула графиня.

— Нѣтъ, я искренній вигъ, отвѣчалъ Гавергольмъ.

На этомъ разговоръ прервался и Гавергольмъ пошелъ бродить по великолѣпнымъ заламъ роскошнаго лондонскаго жилища леди Виллогровъ, которыя вишили цвѣтомъ нѣкогда могущественной партіи виговъ. Не унывая и не теряя надежды, это замѣчательно образованная и умная женщина, употребляла всевозможныя усилія, чтобы сплотить свою расшатавшуюся партію и, еслибъ объѣды, вечера, улыбки, комплименты, лесть, свѣтская болтовня и ухаживаніе за дамами могли спасти партію, то виги давно приобрѣли бы снова прежнее первенство. Но такъ какъ они этого не достигли и, съ одной стороны, на нихъ косятся либералы, а съ другой, ихъ ненавидятъ тори, то нельзя не придти къ заключенію, что судьба ихъ безнадежна, пѣсенка ихъ спѣта.

Не успѣвъ, однако, Гавергольмъ отойти отъ блестящей, обворожительной и гостепріимной хозяйки, которая въ теченіи трехъ поколѣній занимала одно изъ первыхъ мѣстъ въ лондонскомъ высшемъ свѣтѣ, какъ онъ снова услыхалъ голосъ сэра Алджернона Старфита, который громко говорилъ среди окружавшей его многочисленной группы:

— Джингоиты долго будутъ распоряжаться по своему въ странѣ. У нихъ въ рукахъ всѣ евреи, журналисты и крикуны, и денегъ, сколько угодно. Тори готовы всѣмъ жертвовать для своихъ принциповъ, не такъ, какъ другіе.

И Старфитъ искоса посмотрѣлъ на лорда Станмора, который, обладая громаднымъ состояніемъ, скорѣе спрыгнулъ бы съ крыши своего великолѣпнаго дома въ Сент-Джэмскомъ Паркѣ, чѣмъ далъ тысячу фунтовъ на покрытіе расходовъ по либеральной кандидатурѣ на выборахъ.

— Ихъ партія, продолжалъ онъ:—такъ назлектризована, что готова на все. А что мы можемъ сдѣлать?

— Стойте твердо за свои принципы, сэръ Алджернонъ, воскликнулъ Гавергольмъ, неожиданно вмѣшиваясь въ разговоръ:— мужественно боритесь за нихъ, а не оставайтесь въ безчувственномъ столбнякѣ, какъ бы приведенные въ ужасъ торіями.

— Мы не допустимъ радикаламъ вести себя, отвѣчалъ Старфитъ:—и если не отдѣлаемся отъ этого безпокойнаго, вреднаго элемента, то, что касается до меня, я готовъ бросить нашу партію.

— Развѣ вы можете съ такими идеями сидѣть на нашей перодовой скамьѣ? произнесъ съ негодованіемъ Гавергольмъ.

— Я никогда не исповѣдуюсь въ публикѣ, отвѣчалъ съ достоинствомъ Старфитъ.

Гавергольмъ молча поклонился и пошелъ далѣе, думая про себя, что сэръ Алджернонъ никогда въ жизни не скажетъ ничего справедливѣе этихъ словъ.

Вскорѣ, однако, мысли его приняли другое направленіе и сосредоточились на Гудроуѣ, о которомъ сэръ Алджернонъ отзывался такъ явительно въ частныхъ разговорахъ, и съ такими восторженными похвалами въ публичныхъ своихъ рѣчахъ.

Мистеръ Гудроу, величайшее свѣтило въ политической исторіи Англіи со временъ революціи, за исключеніемъ одного Бора, былъ неизмѣримо выше всѣхъ своихъ современниковъ, какъ по глубинѣ, такъ и по силѣ, энергіи, и разнообразію своихъ умственныхъ способностей. Обладая удивительной памятью, быстрой сообразительностью и строгой, безупречной логикой, онъ выражалъ всѣ движенія своего дѣятельнаго, пламеннаго и гибкаго ума съ необыкновенной легкостью, точностью и непреодолимой діалектикой. Но этого мало: подъ глубокими слоями его умственныхъ дарованій влोकоталъ вулканической огонь благороднаго энтузіазма къ добру и правдѣ. Онъ былъ искренно религіозный человекъ, и эту слабость никогда не упускали изъ виду его враги. Для всякаго своего шага, для всякаго своего дѣйствія онъ отыскивалъ глубокую нравственную основу, и въ этомъ онъ былъ даже слишкомъ добросовѣстенъ, какъ практическій дѣятель, потому что въ его глазахъ всякое мелочное отступленіе отъ прямого пути принимало важное значеніе, и онъ стремился къ достиженію такого совершенства, какого нельзя достигнуть на землѣ. Удивительное разнообразіе его обширнаго ума часто приводило въ тупикъ внѣшнихъ зрителей, спрашивавшихъ себя съ изумленіемъ, какъ можно примирить всѣ его поступки съ принципами и рѣчами. Начавъ свое политическое поприще въ качествѣ горячаго сторонника установленной англиканской церкви и строгаго торія, онъ впоследствии, въ зенитѣ своей славы, отдѣлилъ въ Ирландіи церковь отъ государства и смѣло повелъ борьбу за распространеніе избирательныхъ правъ. Въ этомъ онъ рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ политическихъ дѣателей, ибо перемена въ немъ произошла по глубокому искреннему убѣжденію, а не по личнымъ расчетамъ честолюбія, неоставляющагося ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей. Круговоръ его симпатій былъ безпредѣленъ. Поэтический темпераментъ и основанная на глубокомъ знаніи любовь къ языку и культурѣ одного изъ образованнѣй-

шихъ древнихъ народовъ побуждали его пламенно сочувствовать Греціи и онъ практически доказалъ это сочувствіе, принявъ главное, живѣйшее участіе въ возвратѣ греческому королевству цѣлой группы острововъ Средиземнаго Моря, имѣвшихъ не мало-важное значеніе для Англіи. Его классическіе вкусы и широкое человѣколюбіе естественно дѣлали его искреннимъ другомъ итальянской свободы. Все богатство своего обширнаго ума и весь пылъ своей страстной натуры онъ посвятилъ избавленію Неаполя отъ ужасной тираніи Бурбоновъ. Къ этому непрерывному служенію интересамъ національной свободы и человѣческаго прогресса дома и извнѣ онъ присоединялъ другія, столь многочисленныя и разнообразныя занятія, что онѣ оказались бы не по силамъ всякому иному, даже могучему уму. Книги, брошюры, журнальныя статьи и рѣчи по всевозможнымъ предметамъ, отъ классической древности до современной полемики, лились нескончаемымъ потокомъ изъ неиссякаемаго источника его ума. Едва ли былъ вопросъ ему незнакомый и по поводу котораго онъ не готовъ былъ бы вступить въ превія съ какимъ угодно соперникомъ.

Однако, странно сказать, умъ Гудрока былъ исключительно англійскимъ и во время борьбы Сѣвера съ Югомъ въ Америкѣ, онъ доказалъ, что не могъ освободиться отъ старой европейской рутинны и, несмотря на всю свою ненависть къ рабству, онъ выражалъ въ своихъ рѣчахъ замѣчательную холодность къ Соединеннымъ Штатамъ, не постигая настоящей цѣли, преслѣдуемой ими въ великой борьбѣ. Зато впоследствии еще разъ онъ посвятилъ всѣ силы своего ума и энергіи на святое, правое дѣло. Его пламенное сочувствіе обратилось тогда на христіанское населеніе юго-восточной Европы, угнетаемое нестерпимой тираніей Порты. Никогда, въ продолженіи всей своей долговременной жизни, онъ не былъ такъ великъ, не парилъ такъ высоко надъ остальными людьми, никогда не выказывалъ столько энергіи, силы огня и краснорѣчія, какъ въ ту памятную эпоху, когда съ практичностью государственнаго дѣятеля и съ вдохновеніемъ пророка онъ отставалъ днемъ и ночью, въ сочиненіяхъ и въ рѣчахъ, всевозможными аргументами и доводами священное право несчастныхъ жертвъ мусульманскаго варварства на защиту цивилизованной Европы и на сочувствіе всего христіанскаго міра. А дѣйствовалъ онъ такъ потому, что для него христіанство—не мифъ, а дѣйствительность, не догматъ, а истина, не преданіе, а вопросъ жизни и смерти.

Если мы говоримъ о Гудрокѣ въ такомъ восторженномъ

томъ, то это нисколько не значить, чтобъ мы не видѣли его слабыхъ сторонъ, которыя набросили тѣнь на его славную, полезную дѣятельность. Сила и удивительная быстрота умственныхъ способностей дѣлали его безсознательнымъ эгоистомъ и почти нестерпимымъ тираномъ. Ослѣпленные величіемъ его генія, люди слѣдовали за нимъ, какъ дѣти за отцомъ, и всѣмъ, которые покорно признавали его верховную власть, онъ милостиво протягивалъ покровительственную руку. Но онъ не терпѣлъ ни критики, ни даже разсужденія. Если кто-нибудь осмѣливался, хотя бы въ самыхъ смиренныхъ выраженіяхъ, противорѣчить ему, онъ тотчасъ обрушался на несчастнаго во всеоружіи своего ума, знанія и краснорѣчія. Если вы работали вмѣстѣ съ нимъ, то вамъ приходилось сидѣть сложа руки, а работалъ онъ одинъ. Онъ ни съ кѣмъ не дѣлилъ предводительства своей партіи, какъ бы его товарищи ни были способны. Поэтому, онъ, по несчастію, имѣлъ не много личныхъ друзей, не отъ недостатка сочувствія къ нему, но потому, что онъ былъ слишкомъ поглощенъ важными вопросами; полузѣнковое же абсолютное первенство развило въ немъ гордую неприступность. Рѣдкіе изъ товарищей любили его, а изъ молодежи очень немногіе становились его учениками, тогда какъ сотни тысячъ людей относились съ любовью и энтузіазмомъ къ его дѣятельности и политикѣ. Бывши первымъ министромъ, онъ почти молча входилъ и выходилъ изъ палаты, едва мѣняяся нѣсколькими словами со своими сторонниками.

Другою слабостью Гудрока было отсутствіе стойкости и опредѣленнаго направленія. Руэръ говорилъ о немъ: — «Нельзя предвидѣть политики этого человѣка; онъ живетъ изо дня въ день». Дѣйствительно, нельзя было предсказать, какъ онъ поступитъ въ отношеніи того или другого вопроса. Не посоветовавшись ни съ кѣмъ, онъ вдругъ бросался въ застрѣльщики, когда надо было дѣйствовать на врага всей массой своихъ сторонниковъ. Его партія не могла простить ему, что онъ ее бросилъ въ ту самую минуту, когда общественное мнѣніе страны было очевидно въ ея пользу. Потомъ, приведя ее къ крушенію, онъ преспокойно оставилъ ее тонуть, а самъ занялся изученіемъ Гомера и борьбою въ печати съ католицизмомъ. Наконецъ, когда эта партія мало-по-малу выбралась на берегъ и пришла въ кое-какой порядокъ, онъ снова перевернулъ ее вверхъ дномъ, то принимая на себя предводительство, то являясь какъ бы послѣдователемъ другихъ. Въ виду его громаднаго вліянія на страну, подобное поведеніе было несправедливо въ отношеніи его старыхъ товарищей, которые не могли ни руководить имъ, ни вести партіи, пока онъ

продолжать свои внезапные, могучие набѣги. Дѣйствительно, трудно было бы ему самому оправдать, съ нравственной точки зрѣнія, принятое имъ положеніе въ политикѣ, совершенно независимое и неоствѣтственное для него, но обязательное для его партіи. Еслибъ онъ оставался предводителемъ, то его политическая дѣятельность сдерживалась бы многими условіями и была бы гораздо благодѣтельнѣе какъ для всѣхъ, такъ и для него самого.

Несмотря на все это, истинное величіе Гудрока ставило его на недосыгаемый пьедесталъ въ англійской и европейской политикѣ. Быть можетъ, его величественная, одинокая фигура слишкомъ грандіозна, чтобъ современники вполне ее оцѣнили, и только будущія поколѣнія, смотря на него издали, вполне поймутъ всѣ достоинства и совершенства его возвышенной личности и благородной, столь полезной всему человѣчеству жизни.

IV.

Сэръ Вильямъ Гавергольмъ пришелъ въ уныніе. Старый циникъ Виллезденъ былъ, повидимому, правъ: куда онъ ни обращалъ своихъ жадныхъ взоровъ, вездѣ и въ политикѣ, и въ обществѣ и въ прессѣ, какъ между торіями, такъ и между вигами—теорія не согласовалась съ практикой, слово съ дѣломъ. Однако, прежде, чѣмъ признать себя побѣжденнымъ и мрачно согласиться, что не было искренно вѣрующихъ и нравственныхъ людей, строго примѣнявшихъ свои принципы къ общественной дѣятельности, ему оставалось взглянуть на одну нетронутую имъ область—міръ духовный. Онъ, конечно, съ жаромъ схватился за этотъ послѣдній якорь спасенія, но увы! этотъ якорь оказался утлой соломенной и только содѣйствовалъ скорѣйшему крушенію всѣхъ его надеждъ.

Для своего изслѣдованія, Гавергольмъ выбралъ трехъ самыхъ видныхъ представителей Высокой Церкви въ Англій, католицизма и новаго направленія въ англиканской церкви, такъ называемаго ритуализма, стремящагося придать простому, строгому протестантству блестящую внѣшность обрядами церковной пышностью и другими атрибутами католичества. Первый изъ нихъ, модный проповѣдникъ церкв св. Павла, поразилъ въ первую минуту молодого человѣка пламенной проповѣдью о поклоненіи Богу въ духѣ и правдѣ, но чѣмъ болѣе онъ прислушивался къ дѣятельному краснорѣчію этого витія, шедшаго по стопамъ Томы Кемпійскаго, тѣмъ яснѣе убѣждался, что все это были позитивскія

сентиментальности, мечтательный мистицизмъ и выспренная идеализація, а не то практическое христіанство, котораго требовалъ у него положительный Виллезденъ. Онъ пришелъ голодный и просилъ сытной пищи, а ему подавали, быть можетъ, вкусный для пресыщеннаго аппетита, легко взбитый, дутый пирогъ. Хорошо было убѣждать людей въ необходимости отвлеченныхъ созерцаній, но какъ примѣнять ихъ къ практикѣ, къ жизни? Подобное ученіе могло нравиться пасторамъ, женщинамъ, молодежи, но смѣшно было и думать убѣдить имъ старика въ существованіи Бога. Но каково же было негодованіе Гавергольма, преданнаго сына протестантской церкви, которая въ его глазахъ была основана на освобожденіи христіанства отъ католическихъ заблужденій, когда при немъ одинъ изъ ультрамонтанскихъ ученыхъ патеровъ побѣдоносно доказалъ въ богословскомъ спорѣ съ этимъ самымъ выспреннымъ проповѣдникомъ Высокой Церкви, что онъ и его сторонники въ своихъ сентиментальныхъ идеализаціяхъ только возвращались къ тѣмъ католическимъ доктринамъ, отъ которыхъ торжественно отреклась реформація.

Эта измѣна служителей англиканской церкви тѣмъ самымъ принципамъ своей вѣры, свято поддерживавъ которые они обязались по церковнымъ правиламъ и государственнымъ законамъ страны, выступала еще рѣзче въ дѣйствіяхъ ритуалистовъ. Эти послѣдніе не только нарушали теоретическіе догматы, но и въ ви́шнихъ формахъ богослуженія попирали церковныя постановленія и свѣтскіе законы, считая себя мучениками если ихъ подвергали справедливой карѣ. Такъ, достопочтенный пасторъ, новѣйшая слава ритуализма, съ которымъ Гавергольмъ вступилъ въ жаркое преніе, гордился тѣмъ, что высидѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ за ослушаніе епископа, который, строго держа законъ, приказалъ ему погасить свѣчи въ церкви, снять католическое облаченіе, убрать кадила, серебрянныя кресты, хоругви и другія украшенія, противныя пуританскому духу протестанства.

Разочаровавшись въ самыхъ видныхъ представителяхъ своей церкви, которые считали невозможнымъ истинное поклоненіе Богу, безъ нарушенія основъ своей вѣры и свѣтскихъ законовъ, Гавергольмъ обратился къ католицизму. По крайней мѣрѣ, тамъ онъ могъ найти полное соотвѣтствіе вѣры съ дѣйствіями вѣрующихъ, какова бы ни была самая вѣра. Представителемъ католицизма онъ избралъ англійскаго кардинала, одного изъ первыхъ свѣтилъ ультрамонтанства. Этотъ умный, хитрый прелать также съ первыхъ словъ своего разговора произвелъ на Гавергольма

пріятное впечатлѣніе пламенной искренностью своей вѣры и грустными сѣтованіями о томъ, что современные люди, нечестивой жизнью, отрицаютъ существованіе Бога. Краснорѣчиво и тепло доказывалъ онъ сочувственно слушавшему его собесѣднику, что хотя благороднѣйшее призваніе человѣка — развитіе его духовной жизни, но необходимо также примѣненіе' религіозныхъ истинъ въ политической и общественной дѣятельности, причемъ, конечно, онъ настаивалъ, что человѣкъ можетъ быть истинно религіознымъ и нравственнымъ въ жизни, только слѣпо подчиняясь католической церкви, имѣющей свыше призваніе распространять на землѣ волю Божию. Велико же было изумленіе Гавергольма, когда, упомянувъ случайно о вышедшей недавно статьѣ кардинала: «Истинная исторія Ватиканскаго Собора», онъ замѣтилъ, что гордый прелать смутился, искоса посмотрѣлъ на сидѣвшаго вблизи нѣмецкаго богослова и, послѣдно прекративъ разговоръ, удалился изъ комнаты. Нѣмецкій богословъ съ улыбкой объяснилъ недоумѣвавшему молодому человѣку, что «Истинная исторія Ватиканскаго Собора», написанная этимъ пламеннымъ, энергичнымъ христіаниномъ во славу Богу и Церкви, изобиловала преднамѣренной, дерзкой ложью, какъ ясно доказали нѣмецкіе и англійскіе критики.

И такъ и въ церкви, и въ политикѣ, и въ обществѣ и въ печати, не было искренней правды и полного соответствія слова съ дѣломъ. Значить, Виллезенъ былъ правъ. Убѣдившись въ этой горькой истинѣ относительно индивидуальныхъ личностей, Гавергольмъ захотѣлъ подвергнуть такому же изслѣдованію и уровень общественной совѣсти.

Въ послѣднее время, въ общественномъ мнѣніи Англіи произошла чудовищная перемѣна, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла. Шотландія и Ирландія сохранили все свое самообладаніе, но въ Англіи и особенно въ Лондонѣ царилъ новая, могучая сила, уничтожившая всякое чувство благородства, человѣческаго достоинства и національной гордости. Новая религія грозилъ замѣнить собой протестантизмъ, католичество, іудейство и позитивизмъ. Дѣйствительно, половина націи бросила всякую иную вѣру и преклонилъ колѣна передъ новымъ богомъ *Джинно*.

Какъ древнія антропоморфическія божества олицетворяли идеи, преобладавшія въ человечествѣ, такъ и Джинго былъ олицетвореніемъ идеи, одушевлявшей британскую націю; я говорю британскую націю, потому что въ ней было всего болѣе поклонниковъ Джинго, хотя и во Франціи, между монархистами и ортортистами, есть не мало людей, исповѣдывающихъ новую вѣру.

Джинго былъ такое божество, которымъ можно божиться, и его поклонники божились имъ безъ устали. «Клянусь Джинго» слышалось въ аристократическихъ дворцахъ и клубахъ, въ модныхъ гостиныхъ и притонахъ разврата, на скачкахъ и на лондонской биржѣ. Вездѣ, гдѣ царилъ духъ спекуляціи, обмана и корысти, преимущественно раздавалась эта божба, но въ тоже время клялись Джинго и блестящіе, приличные члены Снартонскаго клуба. Такимъ образомъ, поклоненіе Джинго не ограничилось одной какой-нибудь кастой, его поклонники принадлежали ко всѣмъ классамъ и сословіямъ. Между ними встрѣчались маркизы, графы, бароны и даже, говорятъ, принцы, но навѣрно среди нихъ были и трубочисты. Всѣ они сердцемъ и глоткой исповѣдовали вѣру въ Джинго, какъ одного истиннаго бога. Въ честь его писали гимны, которые распѣвались на официальныхъ торжествахъ. Толпы поклонниковъ чествовали его въ Сити; лордъ мэръ исполнялъ должность первосвященника, асерьезные трезвые коммерсанты, нѣкоторые изъ нихъ члены парламента, биржевые игроки и мелкіе лавочники плясали въ дикой пляскѣ, какъ жрецы Ваала. Евреи бросили своего золотого тельца и поклонились ему. Въ честь его провозглашали тосты на банкетахъ въ Сити и ежедневно многіе наливались въ его славу на счетъ различныхъ богоугодныхъ учреждений.

Но кто былъ Джинго? Тѣ, которые его видѣли, говорятъ, что это было чудовище, пришедшее съ Востока, могучее и страшное, съ громадными крыльями, съ фигурой сфинкса, лицомъ блестящимъ, мѣднымъ, глазами, сверкающими огнемъ, носомъ еврейскимъ и ртомъ, извергавшемъ на своихъ враговъ всякія нечистоты. Онъ стоялъ на заднихъ лапахъ и въ рукахъ держалъ дубину, которой сносилъ головы своимъ врагамъ. Впереді его бѣжало съ страшномъ лаемъ другое чудовище по имени «*Ежедневный Беломрафъ*». Однако, другіе увѣряли, что Джинго былъ только духъ варварскаго азіятскаго деспотизма, переселившійся изъ политическаго учрежденія на Востокъ въ политическое учрежденіе на Западѣ, хитро примѣняясь къ условіямъ свободнаго народа. Безъ всякаго сомнѣнія, еслибъ онъ обнаружилъ свой настоящій характеръ, то въ него увѣровали бы немногіе. Но онъ, какъ Юпитеръ, прибѣгалъ къ обману. Его дикая кровожадная природа была скрыта подъ маской конституціонныхъ формъ и христіанскихъ идей. Его славословили какъ бога христіанскаго милосердія, и его милосердіе было такъ безгранично, что онъ принималъ въ свое лоно грабителей и убійцъ, оплакивая въ то же время ихъ несчастныхъ жертвъ.

Своимъ успѣхомъ Джинго былъ главнымъ образомъ обязанъ, подобно всякому коммерческому предпріятію въ Англіи, покровительству знатныхъ лицъ, подъ эгидой которыхъ онъ впервые появился въ публикѣ. Кроме того, его выдавали за ангела-хранителя національной чести, которую дотолѣ хранили мужественные сыны Британіи, съ помощью Божіей. Джинго также представляли гениемъ покровителемъ державной славы Британской имперіи. Это было также новостью для англичанъ, которые привыкли надѣяться только на себя для поддержки съ Божьей помощью своей чести и славы. Но главной причиной популярности Джинго было то, что онъ олицетворялъ идею, прекрасно выражаемую старымъ англійскимъ тостомъ: «за себя». Въ горнилѣ честной критики, религія Джинго оказалась бы религіей эгоизма, честолюбія, хвастовства, жестокости, лицемерія и лжи. Но приличной и набожной англійской публикѣ Джинго искусно представляли духомъ рыцарства, чести, патриотизма и такъ далѣе. Всѣ поклонники Джинго считали себя джентльманами, патриотами и вѣрнопопаданными, а всякій, отрицавшій божество Джинго, признавался бунтовщикомъ, республиканцемъ и атеистомъ. достойнымъ смертной казни.

Поклоненіе Джинго было хитро примѣшано къ существовавшимъ религіознымъ идеямъ, такъ что его поклонники были убѣждены, что они поклоняются христіанскому Богу и стремятся къ водворенію «мира на землѣ и въ человѣкахъ благоволенія». По этому, среди нихъ встрѣчались епископы и пасторы, хотя въ очень маломъ числѣ.

Быть можетъ, самымъ страннымъ фактомъ въ отношеніи новой вѣры было единодушное исповѣданіе ея, съ одной стороны евреями, а съ другой—іезуитами. Такъ какъ тѣ и другіе всегда и во всемъ руководятся личными интересами, то, конечно, въ поклоненіи Джинго они видѣли возможность получить какую нибудь пользу. Что же касается до дѣйствія новой вѣры на общество и на отдѣльныя личности, то оно было самое невѣроятное. Мирные христіане сдѣлались воинственными демонами. Самые спокойные члены обѣихъ палатъ стали выказывать признаки бѣшенства. Одно имя Россіи производило на джингонга такое дѣйствіе, какъ красный цвѣтъ на быка. Добрые, тихіе лавочники, возстававшіе противъ жестокаго обращенія съ животными, стали кровожадными фанатиками и подвергали испытанію въ своихъ садахъ разрывныя бомбы.

Характеристической чертой религіи Джинго было поклоненіе успѣху, какими бы средствами онъ ни былъ достигнутъ. Джин-

гонты всегда начинали съ одной теоріи, а кончали другой и, стремясь къ одной цѣли, увѣряли, что идутъ къ противоположной. Они дѣйствовали силой и хитростью, а не полагались на правоту своего дѣла. Поклоненіе Джинго совершалось среди трубныхъ звуковъ, ржанія коней, свиста пароходовъ, маханія флагами и пестрой блестящей обстановки, а не въ безхитростной простотѣ честнаго убѣжденія. Клясться въ одномъ, а сдѣлать другое было вѣрнымъ доказательствомъ вѣры въ Джинго. Онъ назывался богомъ политики и его ученикамъ предписывалось изученіе Маккиавела. Подобно теоріи Пиеагора, поклоненіе Джинго было эзотерическое и экзотерическое. Эзотерики работали въ тайнѣ, а экзотерики молились публично и увѣряли вѣрующихъ, что имъ не слѣдовало ничего знать, а только приносить жертвы и слѣпо повиноваться, предоставляя верховному жрецу дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, свободный англійскій народъ съумѣли увѣрить, что открытіе тайнъ политики Джинго грозило роковой опасностью благоденствію страны.

Торжество Джинго достигло своего апогея съ появленіемъ на свѣтъ циркуляра лорда Сальтмбюри, принятаго громкими рукоплесканіями въ Англии и одобреніемъ европейскихъ государствъ. Слава Великобританіи стала руководительницей Европы; снова Турція властвовала независимо въ Европѣ и Азій, охраняя въ интересахъ всего свѣта ворота въ Индію. Все, что говорилось и печаталось въ эти лихорадочные, безумные дни, будетъ нѣкогда предметомъ удивленія и сарказма историковъ. Восторженные толпы собирались подъ окнами лорда Бенджинго и лордъ Камергеръ, взобравшись на бочку съ пивомъ, благодарилъ ихъ отъ имени перваго министра за патріотизмъ и вѣрно-подданничество. Могущественный Chimes перемѣнилъ свой звонъ. Лордъ Бенджинго, котораго газета эта недавно называла газромъ, сталъ теперь мудрымъ государственнымъ человѣкомъ, а Гудрокъ, изъ благороднаго, великаго пророка превратился въ безпокойнаго, вреднаго агитатора. Мистеръ Дубльголтеръ на публичныхъ банкетахъ прославлялъ добродѣтели лорда Бенджинго и лорда Сальтмбюри, совершенно забывъ свое прежнее недоувѣріе къ нимъ и сочувствіе къ угнетеннымъ народамъ Турціи. Дѣйствительно, Джинго царилъ въ странѣ безгранично. Вождество, которому поклонялся первый министръ, побудило преклонить передъ собою колѣна и лорда Сельтмбюри и мистера Дубльголтера, мало того: превратило Chimes въ защитника обмана, лжи и безчестія.

При видѣ всего этого Гавергольмъ естественно спрашивалъ

себя: неужели общество, терпѣвшее подобныхъ пророковъ и поощрявшее успѣхъ газеты, бывшей нравственнымъ флюгеромъ, вертѣвшимся согласно личнымъ интересамъ или минутнымъ страстямъ толпы, поклоняется чему-нибудь, кромѣ успѣха, и вѣрить во что-нибудь, кромѣ Джинго?

Въ древнихъ мифологіяхъ говорится о богахъ, которые подвергали своихъ поклонниковъ тяжелымъ искусамъ и требовали приношенія имъ въ жертву не только агнца или быка, но чести и всего, что человѣку дороже жизни. Такъ и роковой Джинго, воцарившись въ Англіи, требовалъ отъ всей націи безусловной жертвы разумомъ и совѣстью, а главное — слѣплаго повиновенія его первосвященнику. Самые невыносимые искусы или одинъ за другимъ, начиная изъ добавочнаго кредита въ шесть милліоновъ, до вызыва въ Европу индійскихъ войскъ. Эта послѣдняя мѣра, принятая безъ вѣдома парламента и вполнѣ не конституціонная, поразила, какъ громомъ, людей, подобныхъ Гавергольму, но джингоиты съ восторгомъ рукоплескали, восклицая, что на лорда Бенджинго пала мантія Макіавеля, Метерниха, Талейрана и можно было бы еще прибавить—Шовена.

Встрѣтивъ въ нижней палатѣ одного изъ пламеннѣйшихъ поклонниковъ новой вѣры и лорда Бенджинго, сэра Друмгеда Лупуса, Гавергольмъ спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, что все это значить? Зачѣмъ мы будемъ воевать?

— Мы не будемъ воевать, отвѣчалъ джингоитъ:— Россія уступить.

— Отлично, но зачѣмъ же мы теряемъ столько денегъ и приобретаемъ къ театральнымъ демонстраціямъ?

— Эти-то демонстраціи и заставятъ ее уступить.

— Ну, а что же мы получимъ отъ Россіи, болѣе того, что она и прежде предлагала?

— Она, безусловно, подчинитъ всѣ статьи Сан-Стефанскаго договора обсужденію конгресса, отойдетъ отъ Константинополя, откажется отъ полосы Бессарабіи и военной контрибуціи, уйдетъ за Дунай, предоставитъ Турціи управлять ея провинціями, возвратитъ Батумъ и Баязеть. Но этого мало: Англія, вѣроятно, займетъ сильный пунктъ на Эгейскомъ Морѣ.

— Такъ вотъ цѣль правительства! И для ея достиженія она рѣшится на кровопролитную войну?

— Да, если Россія не уступитъ. Мы должны охранять ворота въ Индію и унизить Россію, иначе мы пропали. Впрочемъ, я вамъ говорю: она уступитъ. Вызовъ индійскихъ войскъ—великолѣпный ходъ Бенджинго.

— Это позоръ для христіанства и цивилизаціи, воскликнулъ Гавергольмъ съ негодованіемъ:—мы—покровители туземцевъ Индіи. Они не пользуются свободными, независимыми учрежденіями нашихъ другихъ колоній и не могутъ сказать ни слова противъ политики, которую они, по нашему приказанію, должны поддерживать своей кровью. Ихъ интересъ въ этомъ дѣлѣ самый отдаленный и гадательный. Вы заставляете ихъ защищать Британскую Имперію, а не благоденствіе Индіи, и нѣтъ никакого смысла въ ихъ помощи. Со времени подкупа дикихъ племенъ для борьбы съ восставшими Американскими Штатами ни одинъ министръ не совершалъ такого гнуснаго дѣла, какъ лордъ Бенджинго.

— Все это сентиментальности! отвѣчалъ сэръ Друмгэдъ Лупсъ:— вы забываете, что Индія часть Британской Имперіи, а главное, что, защищая Константинополь отъ Россіи, мы охраняемъ ключъ Индіи.

— Вадоръ! произнесъ Гавергольмъ, совершенно вѣрно определяя достоинство нелѣпныхъ аргументовъ джингоизма.

Но, какъ бы то ни было, сэръ Друмгэдъ Лупсъ въ двухъ словахъ очертилъ правительственную программу:—*униженіе Россіи*. Для исполненія этой программы Англія дала *carte blanche* Бенджинго и лорду Сальтмбюри. А они, цѣною добавочнаго бюджета въ шесть милліоновъ фунтовъ, вызыва индійскихъ войскъ, громадныхъ расходовъ на вооруженіе и покупку лошадей, палатокъ, сухарей, миноносковъ, желѣзныхъ дорогъ, паровыхъ транспортовъ и всего, что только чиновники и дѣльцы могли придумать, пользуясь лихорадочной минутой, поставили на дыбы британскаго льва, къ великой радости джингоитовъ. Когда же разнеслась вѣсть, что Россія дѣйствительно уступила и конгрессъ соберется въ Берлинъ по программѣ Англіи, то восторгамъ не было конца. Наступилъ апофеозъ Джинго! Слава Бенджинго, новому Юпитеру, какъ называли его ликующіе джингоиты!

Однако, это ликованіе вдругъ омрачилось. Въ одной изъ почтенныхъ лондонскихъ газетъ напечатано было извѣстіе, что Англія вступила съ Россіей въ отдѣльное соглашеніе и явится на конгрессъ, связанная по рукамъ и по ногамъ обязательствомъ, въ силу котораго, между прочимъ, Россія получила Бессарабію, Батумъ и Карсъ, а Болгарія на сѣверъ отъ Балканъ подчинилась власти русскаго великаго князя. Переполохъ произошелъ страшный не только въ либеральной, но и въ джингоитской партіи. Однако, все успокоилось, когда лордъ Сальтмбюри публично въ верхней палатѣ отвергнулъ справедливость этого извѣстія, хотя

и въ такихъ уклончивыхъ выраженіяхъ, что вносльдствіи онъ доказывалъ, что сказалъ совершенно противоположное. Джингонтъ снова вздохнулъ свободно и лордъ Бенджинго съ лордомъ Сальтмбюри среди восторженныхъ кликовъ толпы и низкой лести прессы, отправились въ Берлинъ диктаторами Европы. При этомъ никто не заикнулся о нагломъ нарушеніи конституціи подобнымъ отсутствіемъ двухъ главнѣйшихъ министровъ изъ кабинета и парламента въ такую критическую минуту.

Поведеніе лорда Бенджинго въ Берлинѣ, гдѣ онъ торжественно позировалъ съ букетомъ въ рукахъ передъ коронованными особами, послами и народными толпами наполняло гордостью сердца джингонтонъ. Но одна изъ характернстическихъ чертъ поклоненія Джинго—постоянное колебаніе между усмѣхомъ и пораженіемъ, торжествомъ и скрежетомъ зубовымъ. Снова наступила тяжелая минута. Таже лондонская газета напечатала полный текстъ соглашенія между Россіей и Англіей. Надежды туркофиловъ, драконовская программа англійскаго правительства, интересы Европы—все исчезло; а главное, что было всего позорнѣе, тотъ самый кабинетъ, который настаивалъ на свободномъ обсужденіи вопроса конгресса, предварительно связалъ себѣ руки. Шумъ поднялся неслышанный. Слава Бенджинго померкла отъ строгой критики и всеобщаго негодованія, охватившаго всю Европу. «Journal des Débats» и «République Française» измѣнили свой сладкій, льстивый тонъ и разразились горькими упреками. Англійскіе джингонтъ рвали на себѣ одежды! Все погибло!

Что произошло затѣмъ въ Берлинѣ, я не знаю, но лордъ Бенджинго явился въ глазахъ Европы удивительнымъ чародѣемъ. За минуту существовало соглашеніе съ Россіей, Лордъ Бенджинго махнулъ своимъ волшебнымъ жезломъ, побоялися великимъ Джинго и соглашеніе это исчезло. Россія удалилась за Балканы и Турція, возстановленная по Румелію, снова стала независимой европейской державой!

Это непостижимое торжество Джинго заставило грустно повѣсить голову сэра Вильяма Гавергольма. Скептически смалось его сердце. Да, Виллезденъ былъ правъ, тысячу разъ правъ!

Въ подобномъ мрачномъ настроеніи, онъ встрѣтилъ саркастическаго старика, который издали закричалъ ему:

— Ну, что вамъ стыдно теперь за себя? Вся Европа рукоплещетъ блестящій политикъ Бенджинго и нашей великой побѣдѣ!

— Я не знаю еще, какою цѣною она куплена, отвѣчалъ Гавергольмъ: — во всякомъ случаѣ жаль, что столько сдѣлано рас-

ходовъ и выражено недостойной злобы, которая сдѣлаетъ русскихъ на нѣсколько поколѣній нашими злѣйшими врагами. Я выскажу основательнѣе свое мнѣніе, когда будетъ извѣстно, что заплатили Россіи за ея уступки. Я не вѣрю, чтобъ она даромъ уступила Англіи.

— Не завидуйте успѣху вашихъ противниковъ. Наконецъ-то, у насъ есть человѣкъ, который знаетъ, чего хочетъ и твердо стоитъ на своемъ.

— Я и на это отвѣчу лишь тогда, когда онъ привезетъ трактатъ и докажетъ что Англія добилась большаго, чѣмъ циркуляръ Горчакова и слова Императора намъ обѣщали. *Chimes* можетъ провозглашать Бенджинго «чудомъ», но вѣдь *Chimes* новообращенный его сторонникъ, и ему увлекаться естественно. Бенджинго умный человѣкъ и, можетъ быть, его нмѣ перейдетъ въ потомство со славою, но онъ еще не доказалъ, что онъ великій государственный человѣкъ; онъ ловкій тактикъ и предводитель партій, но кому сдѣлалъ онъ добро, кромѣ себя? Впрочемъ, оставимъ его пожинать лавры на Шпрее. Поговоримъ о болѣе серьезномъ предметѣ. Помните вы о нашемъ разговорѣ послѣ моей рѣчи по поводу поправки Гудрока? Вы меня поразили словами:—«найдите одного человѣка, или группу людей, которые своей жизнью, вполне согласной съ ихъ принципами, доказывали бы существованіе ихъ Бога». Вы, конечно, говоря это, думали о несоотвѣтствіи у христіанъ слова съ дѣломъ.

— Да, отвѣчалъ Виллезденъ со смѣхомъ:— ну, что-же, вы пришли теперь мнѣ сказать, что я правъ?

— Нѣтъ, напротивъ, я нашелъ группу людей, безусловно вѣрующихъ въ своего Бога и мужественно слѣдующихъ за нимъ всюду. Они жертвуютъ на служеніе ему всѣмъ—богатствомъ, душою, тѣломъ, умомъ, совѣстью, и повинуются слѣпо его перво священнику.

— Вы говорите объ ультрамонтанахъ? воскликнулъ Виллезденъ.

— Нѣтъ, я нашелъ что ультрамантоны не вѣрны своимъ принципамъ. Но тѣ люди, о которыхъ я говорю, вполне согласуютъ свои дѣйствія съ своей вѣрой.

— Это ритуалисты?

— Нѣтъ, ритуалисты—презрѣнные негодяи въ сравненіи съ этими вѣрующими. Я долженъ сознаться, что, обратясь въ своихъ поискахъ къ христіанамъ, я былъ пораженъ представившемся мнѣ зрѣлищемъ; даже моя вѣра поколебалась при видѣ ихъ поступковъ. Но есть группа людей, которые, какъ словами, такъ и

дѣйствіями, какъ теоріей, такъ и практикой ясно доказываютъ существованіе бога, въ котораго они вѣрятъ.

— Неужели?

— Да, произнесъ торжественно Гавергольмъ: — и ихъ вѣра, подобно мусульманской, выражается одной фразой: — *«Нѣтъ бога, кромѣ Джинно, и лордъ Бенджинно его пророкъ.»*

О С Е Н Ь.

Бываетъ осенью возвратъ
Тепла привольнаго и свѣта:
Нежданно Божій міръ объять
Какъ будто дуновеньемъ лѣта;
Прозрачно таютъ облака,
Чуть листь колыхеть вѣтеръ сонный,
Сверкаетъ золотомъ рѣка
И нѣжитъ воздухъ благовонный.
Но... силъ природа лишена!
Никто ей добраго зерна
Въ святое доно не положить...
Еще пестрѣ разцвѣчена,
Уже *творитъ* она не можетъ!
Еще висятъ румяный плодъ,
Цвѣтокъ красуется на волѣ,
Не тронуть пчель душистый сотъ
И озимь зеленѣетъ въ полѣ;
Но солнца поздніе дары
Такъ мимолетны! въ полѣ сжатомъ
Уже холодные пары
Встаютъ предъ солнечнымъ закатомъ;
Желтѣетъ листь, среди вѣтвей
Проходитъ ропоть... вѣтромъ стонеть
Природа въ немощи своей,
И въ ранней мглѣ тоскливо тонеть...

Когда художникъ ощутилъ
Безплодной немощи сознанье,
Какъ цѣлый свѣтъ ему не милъ,
Какъ глубоко его страданье!
Еще мечтаній юный рой

Его охватить на мгновенье,
 Въ душѣ блеснуть еще, порой,
 Лучъ свѣта, образъ, ощущение...
 Но уловить ихъ на-лету,
 Но почувствовать ихъ снова,
 Но воплотить ихъ въ красоту
 Животрепещущаго слова,
 Развѣнчанный, не властенъ онъ!
 Какъ ношей, опытомъ навьюченъ,
 Онъ гнетомъ жизни удрученъ,
 Ея тревогами замученъ.
 Ни свѣтъ, ни почестей магантъ,
 Ни благъ избытокъ возжеланныхъ —
 Ничто души не напоитъ,
 Ничто ему не замѣнитъ
 Восторговъ творчества блаженныхъ!
 Какъ нищій, копить онъ въ суму
 Остатки жизненной трапезы,
 Онъ помнить все: былия грезн,
 Любви восторженные слѣзы,
 Стремленья гордыя... Къ чему?
 Опалены младя крылья...
 Какъ волны моря о песокъ,
 Все разобьется о бессилье
 Его безвыходной тоски...

А. Яхонтовъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ДИЗРАЭЛИ-ВИКОНСФИЛЬДА.

I.

Выдающаяся роль, какую первый министр Великобританіи разыгралъ на берлинскомъ конгрессѣ, обратила вниманіе читающей Европы какъ на личность этого министра-еврея, бывшаго литератора и несомнѣннаго плебея по происхожденію, такъ и на его давно забытые политическіе романы. Политика Виконсфильда отличалась такими эффектными *cours de théâtre*, передъ глазами удивленной Европы, что въ его романахъ, писанныхъ 30—40 лѣтъ назадъ, естественно было отыскивать разгадку этихъ эффектовъ, и въ послѣднихъ тогда стали видѣть выполненіе давно задуманнаго плана. (Нѣчто подобное мы видали, когда властителемъ думъ и опасеній Европы былъ Наполеонъ III, также не чуждый литературѣ, въ которой проводилъ свои «наполеоновскія идеи», усердно комментировавшіеся при второй имперіи). Вращаясь въ политическомъ мірѣ уже болѣе 40 лѣтъ, Виконсфильдъ только теперь успѣлъ встать на нѣкоторый пьедесталъ въ глазахъ европейской публики; лѣтъ десять съ небольшимъ назадъ, когда ему удалось совершить дѣйствительно нѣчто полезное по внутреннимъ дѣламъ его адоптивнаго отечества — провести вторую парламентскую реформу, ореолъ талантливаго еврея былъ гораздо меньше. Его осуждали за измѣну своимъ (т. е. торійскимъ) принципамъ, не желая видѣть, что, по общему ходу исторіи Англіи, въ новѣйшее время она демократизируется болѣе и болѣе, и своевременное умѣренное распространеніе правъ народа самимъ правительствомъ можетъ даже быть признано послѣдовательнымъ съ консервативной точки зрѣнія, какъ тормазъ, какими англійскіе лорды вообще любили иногда сдерживать бурный потокъ народныхъ волея. Впрочемъ, что касается именно лорда Виконсфильда, то у него на этотъ счетъ есть свои особыя идеи.

Дизраэли — типъ политическаго авантюриста, какихъ Европа

уже не разъ производила въ новѣйшую эпоху, благодаря недостаткамъ въ своемъ политическомъ устройствѣ. Но онъ авантюристъ совсѣмъ особаго оттѣнка; его нельзя назвать просто проходивцемъ, готовымъ на все изъ-за личной выгоды: самые яростные враги Дизраэли едва ли могутъ упрекнуть его въ корыстолюбіи; у него есть опредѣленные идеи, хотя бы и несимпатичныя нашему времени: онъ старается подражать, хотя и въ миниатюрѣ, знаменитому Болингброку и только его, съ Шельбурномъ и младшимъ Питтомъ, считаетъ истинно государственными людьми Англіи.

Конечно, при немнѣйшихъ наслѣдственныхъ, фамильныхъ связяхъ, при трудности удовлетворить своему честолюбію прямыми путями, талантливому рагвену нужно было взять оригинальностью и, избравъ политическое поприще, волею-неволею усвоить себѣ физиономію авантюриста, не всегда соблюдая политическую послѣдовательность; но справедливость требуетъ сказать, что такой характеръ карьеры Дизраэли имѣла только въ молодости, вносилъ же онъ остается постоянно вѣреть себѣ. Особымъ обстоятельствомъ служитъ еврейское происхождение Дизраэли, которое онъ возвелъ чуть ли не въ добродѣтель; по крайней мѣрѣ, онъ выставляетъ его напоказъ, онъ хвалится имъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Кромѣ этой основной своей отличительной черты, Дизраэли постарался и въ политикѣ сказать нѣчто новое: начавъ свою карьеру радикаломъ, онъ вскорѣ перешелъ къ партіи тори, объявивъ, что, становясь на сторону тори, онъ, въ сущности, защищаетъ радикальные принципы. Дальнѣйшая дѣятельность его показала, что, несмотря на коренное противорѣчіе подобныхъ попятій, несмотря на повторявшіяся не разъ противорѣчія себѣ самому во второстепенныхъ вопросахъ, съ жадностью подхватываемыя противниками министра, Дизраэли все-таки представляетъ нѣчто послѣдовательное въ своихъ воззрѣніяхъ на внутреннюю политику. Онъ — ярый, неумолимый противникъ виговъ, либеральной аристократіи, «венеціанской партіи», какъ онъ ее называетъ. Онъ далеко не тори по убѣжденіямъ, потому что въ принципѣ противникъ ограниченной, сословной исключительности; въ его романахъ ѣдко осмѣиваются благородные лорды стараго образца, а на практикѣ Дизраэли вполне способенъ провести либеральную мѣру, немнѣющую ничего общаго съ торизмомъ, если такая мѣра вызывается обстоятельствами. Дизраэли называетъ себя консерваторомъ, но онъ, въ сущности, монархистъ, въ томъ значеніи, отъ котораго Англія давно отвыкла. Онъ не только прославляетъ теоретическія воззрѣнія, подобныя, напримѣръ, теоріи Болингброка, о «королѣ патриотѣ», не только подба-

вместѣ въ свои романы мистическо-патріархальный колоритъ съ очевидно политическими дѣлами (какъ, напримѣръ, въ «Танкредѣ»), но и явно выражаетъ, устами того же Танкреда, свое обращеніе къ парламентаризму, не задумывается даже выразить одобреніе такимъ эпизодамъ англійской королевской политики, осужденіе которыхъ стало дѣломъ признаннымъ, рѣшеннымъ въ общественномъ сознаніи англичанъ, и вызвало дѣльную литературу памфлетовъ, монографій и т. п. Мы говоримъ объ эпехѣ начала царствованія Георга III, который, при помощи своего любимаго министра, лорда Бьюта, пытался возстановить въ Англій личное правленіе, поколебленное частію благодаря строго конституціоннымъ началамъ, внесеннымъ въ Англій Вильгельмомъ III, всего же болѣе благодаря нѣмецкому происхожденію и полному личному ничтожеству первыхъ двухъ королей Георговъ, при которыхъ гвельфская династія, къ тому же, вынуждена была представлять собою либеральныя начала, потому что болалась пре-тендентовъ — Стюартовъ. Этотъ эпизодъ англійской исторіи до такой полноты уже разъясненъ и освѣщенъ, что со стороны Дивразли было нѣкоторою смѣлостью, въ половинѣ сороковыхъ годовъ, нападать на «людей великой революціи», какъ называютъ англичане революцію 1688 года, на «венеціанскихъ спагніфисовъ», которые будто бы низвели Георга II на степень дожа, и прославлять великодушныя усилія Георга III къ избавленію королевскаго сана изъ подъ власти этихъ олигарховъ. Это соединялось съ сѣтованіями на «голландскую» финансовую политику, внесенную въ Англій «принцемъ Оранскимъ», какъ Дивразли называетъ короля Вильгельма III, любимаго героя вигскаго историка Маколея. Такого рода симпатіи и антипатіи, высказанныя въ романахъ «Sybil», который посвященъ, по мысли автора, картинѣ плачевнаго положенія бѣднаго класса народа, картинѣ, нарисованной яркими и непривлекательными красками, нашли себѣ откликъ и въ современной дѣятельности лорда Биксонфильда, какъ перваго министра. Либеральныя англійскіе журналы уже говорятъ, что «доктрина личной власти провозглашена во всеуслышаніе».

Взгляды подобнаго свойства, какъ теперь оказывается, пользовались расположеніемъ при дворѣ королевы Викторіи еще въ ту пору, когда супругъ королевы, германскій принцъ Альбертъ, идеями котораго она напиталась, самъ находился подъ политическими вліяніями нѣмца-монархиста, барона Штокмара, который былъ при немъ чѣмъ то въ родѣ частнаго министра; общими трудами этихъ лицъ была выработана программа увеличенія власти и прерогативъ короны. Ранняя смерть принца Альберта,

холодность и несговорчивость старомоднаго вига Пальмерстона, который послѣ крымской войны почти безсмѣнно оставался во главѣ министерства, не позволили развиться этимъ стремленіямъ. Затѣмъ послѣдовали многолѣтнее добровольное удаленіе королевы отъ дѣлъ и реформы Гладстона, человѣка непридворнаго, притомъ безукоризненно честнаго и съ сильными либеральными политическими убѣжденіями. Но когда страна «утомилась реформами», т. е. та доля страны, которая сознавала ихъ тенденцію для себя невыгодною, а, между тѣмъ, держала все-таки въ своихъ рукахъ избирательство, тогда положеніе дѣлъ измѣнилось. Тори, призванные къ управленію страной, не могли выставить изъ своихъ рядовъ другого болѣе даровитаго человѣка, какъ того же бывшаго романиста, который когда-то восторгался Георгомъ III, ужасался усиленія вліянія богатыхъ людей, вслѣдствіе первой парламентской реформы, но вслѣдствіемъ самъ провелъ вторую, для того, быть можетъ, чтобы содѣйствовать дальнѣйшему ослабленію преобладающаго положенія палаты общины по отношенію къ странѣ. При Дизраэли старая тенденція двора королевы возобновились, проявились даже съ особенною силою въ политическихъ манифестахъ вліятельныхъ консервативныхъ органовъ и въ нѣкоторыхъ разоблаченіяхъ относительно прошлыхъ лѣтъ, сдѣланныхъ съ одобренія королевы. Это какъ разъ совпадало съ давнишними теоріями Дизраэли, который, между тѣмъ, превратился въ лорда Виконсфильда и лично пользуется расположеніемъ королевы. Начались внѣшнія предпріятія: королева получила титулъ императрицы индійской; воинственная политика Англіи на Востоцѣ, покушеніе ея на Египетъ и Малую Азію, присоединеніе Кипра, заставили читающую Европу заглянуть въ романъ англійскаго премьера «Танкредъ», не переводившійся до сихъ поръ на иностранные языки, а нѣкоторые антиконституціонные поступки, въ родѣ присылки индійскихъ войскъ въ Европу, личное вмѣшательство королевы въ дѣла, кое-какія воспоминанія изъ прошлой дѣятельности Дизраэли уже какъ министра (напримѣръ, управленіе страной при рѣшительномъ парламентскомъ меньшинствѣ въ 1868 году) и пренебреженіе къ внутреннимъ нуждамъ страны въ пользу внѣшняго блеска—могутъ послужить поводомъ ближе ознакомиться съ воззрѣніями на политическія нужды современной Англіи автора романовъ «Кониингсби» или «Новое поколѣніе, и «Сивилла или Двѣ націи» (т. е. богатые и бѣдные), написанныхъ въ 1844 и 1845 годахъ. Нѣкоторыя указанія на политическую фигуру Дизраэли биографы еще находятъ въ его раннихъ произведеніяхъ, въ особенности въ романѣ «Визіанъ»

Грей», служащемъ будто бы автобіографіей; впрочемъ, послѣднее неправдоподобно, такъ какъ Грей, въ которому самъ авторъ относится иронически, представляетъ собою типъ политическаго авантюриста, довольно низкаго сорта, чего авторъ, конечно, не сталъ бы усматривать въ себѣ самомъ. Дизраэли самъ впоследствии отрекался отъ этого романа, какъ произведенія крайне юношескаго и незрѣлаго, и сожалѣлъ, что не можетъ помѣшать его распространенію. Романъ, въ самомъ дѣлѣ, очень неглубокъ и имѣлъ значеніе только благодаря нѣсколькимъ талантливымъ политико-сатирическимъ сценамъ, а также по своему предполагаемому автобіографическому характеру и потому, что въ немъ будто бы введены подъ вымышленными именами лорды Брумъ, Каннингъ, Эльдонъ и т. п.

Наконецъ, въ литературныхъ произведеніяхъ Дизраэли должна была получить большое развитіе та основная черта его характера, о которой мы упоминали — поклоненіе юдаизму; на этотъ счетъ дѣйствующія лица въ нѣкоторыхъ его романахъ даже создаютъ цѣлыя теоріи, сыплютъ историческими примѣрами, тщательно подобранными авторомъ для большаго возвеличенія еврейской расы. Одно только дурно: послѣ блестящей и ѣдкой критики гонителей евреевъ, относительно внутреннихъ дѣлъ виговъ и торіевъ, авторъ видимо не справляется съ положительными типами и не въполнѣ выясняетъ, чего собственно онъ желалъ бы въ замѣнъ осмѣиваемыхъ личностей: его Конингсби, предназначенный быть образцомъ разумнаго консерватизма молодого поколѣнія англичанъ, говоритъ неясныя сентенціи, совершенно лишенная оригинальности; другой представитель молодого поколѣнія, Танкредъ — мечтатель, мистикъ, какіе едва ли даже и возможны въ Англіи хотя бы сороковыхъ годовъ. Идеальный еврей Сидонія — нѣчто недосыгаемое для обыкновеннаго смертнаго по совокупности своихъ совершенствъ всякаго рода, чтѣ не мѣшаетъ ему часто говорить общія мѣста и парадоксы, которые, по мысли автора, должны представлять собою глубокія истины. Всего лучше удаются Дизраэли второстепенные политико-сатирическіе персонажи; превосходны, напримеръ, въ романѣ «Конингсби» — нѣкій Ригби, журналистъ, пишущій хлесткія статьи въ газетахъ, пролѣзающій въ парламентъ при помощи сильныхъ міра и отстаивающій охранительныя начала; достопочтенная пара мелкихъ политикановъ — Тэперъ и Тэдполь, которые умѣютъ примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ, либеральнымъ и консервативнымъ; эмиръ Факрединъ, который постоянно хлопочетъ о займахъ, готовъ объявить себя сторонникомъ какой угодно религіи и не прочь даже отъ обык-

новеннаго грабежа, чтобъ только возвеличить свой будущій сирійскій тронъ. Большинство романовъ Дизраэли неизмѣнно проникнуто политической тенденціей и мѣстами содержатъ въ себѣ цѣлыя главы, посвященныя историческому изложенію, которое иногда кажется страннымъ современнымъ читателямъ, усвоившимъ себѣ на англійскую жизнь иныя воззрѣнія. Хотя въ нихъ замѣтенъ несомнѣнный талантъ (преимущественно сатирическій), и, слѣдовательно, авторъ занимался литературой по призванію (уже 60-ти-лѣтнимъ старикомъ онъ написалъ свой послѣдній романъ «Лотаръ» или «римскіе происки»), но, въ молодости, литература была для него также однимъ изъ способовъ выйти въ люди, а этого лорду Виконсфилдъ пришлось достигать долго и неутомимо, путемъ многихъ неудачъ. Онъ именно можетъ быть отнесенъ къ числу людей, которыхъ англичане называютъ «self-made men».

II.

«Рожденный среди книгохранилища, воспитанный съ раннихъ лѣтъ людьми учеными, которые не раздѣляли страстей и предразсудковъ нашей политической и соціальной жизни, я усвоилъ себѣ по нѣкоторымъ предметамъ мнѣнія, различныя отъ общепринятыхъ, особенно по отношенію къ исторіи нашей страны». Такъ объясняетъ Дизраэли, въ предисловіи къ одному изъ своихъ политическихъ романовъ, свою политическую дѣятельность, какъ бы стараясь защититься отъ упрековъ и нападокъ, которыми сопровождалась его карьера. Дѣйствительно, рѣдко политическій дѣятель подвергался такимъ нареканіямъ и брани со всѣхъ сторонъ, какъ лордъ Виконсфилдъ. «Fortnightly Review» объявилъ даже недавно, въ самый разгаръ дипломатическаго торжества англійскаго премьера, что его политическая карьера—поворотъ для Англійи, и что до 1874 года, т. е. до вступленія въ нынѣшнее министерство, вся политическая печать страны смотрѣла на него, какъ на шута, иногда очень неловкаго и несвоевременнаго, который то и дѣло мѣнялъ свои убѣжденія, смотря по обстоятельствамъ, смотря по покровителю, который въ данную минуту былъ сильнѣе; такъ онъ сперва льстилъ О'Коннелю, пока нуждался въ его поддержкѣ при выборахъ въ Уайкомбъ, а потомъ вражда къ этому политическому дѣятелю достигла у Дизраэли почти размѣровъ общественнаго скандала; сперва онъ поклонялся Пиллю, пока пользовался его поддержкой, а потомъ самъ былъ его ожесточеннымъ парламентскимъ

противникомъ, ненавидя англійскую аристократію, и завидуя ея замкамъ, имѣніямъ, титуламъ, этотъ честолюбецъ самъ ей льстилъ въ то же время и протирался самъ къ тѣмъ же титуламъ, и т. п.; наконецъ, даже единственное неизмѣнное свойство Дизраэли — ненависть къ вигамъ — произошло именно вслѣдствіе исключительности и замкнутости вигской аристократіи, кругъ которой остался для него недоступенъ. Подобныя обвиненія, такъ же какъ и сравненіе Биконфильда, какъ авантюриста, съ Наполеономъ III, не служатъ отвѣтомъ на вопросъ: почему же англійское общество, обладающее многими фамиліями, сдѣлавшими политику своею спеціальностью, пропустило авантюриста впередъ и дало ему встать во главѣ себя? Вѣдь Дизраэли дѣйствовалъ не обманомъ, не въ силу обаянія наследственнаго имени, не сулилъ несбыточныхъ благъ обществу по достиженіи власти; напротивъ, въ его произведеніяхъ замѣтно было нѣкоторое циническое отрицаніе установленныхъ въ Англии политическихъ началъ. Въ области практической политики, Дизраэли также долженъ быть насвободъ виденъ своимъ соотечественникамъ: его появленіе въ парламентѣ совпадаетъ съ годомъ вступленія на престолъ королевы Викторіи, и съ тѣхъ поръ онъ не исчезалъ съ политической арены Англии, постепенно повышаясь въ общественномъ мнѣніи. Не значить ли это скорѣе, что въ организмѣ самого англійскаго общества таится много недостатковъ, которые Дизраэли отлично научилъ, осмѣялъ въ своихъ романахъ и которыми самъ же воспользовался? Притомъ же политическіе нравы Англии вовсе не столь безукоризненны, чтобы Дизраэли представлялъ собою какое-то чудовищное, по испорченности, явленіе.

Замѣчательно, что Дизраэли постоянно нападаетъ на венеціанскую олигархію, а между тѣмъ самъ полу-венеціанецъ. Онъ происходитъ изъ семейства венеціанскихъ евреевъ, которые эмигрировали въ Италію изъ Испаніи, спасаясь отъ инквизиціи, нашли убѣжище въ венеціанской республикѣ, отличавшейся въ то время большою терпимостью, и тамъ приняди имя Дизраэли. Въ половинѣ 18 столѣтія, семейство Дизраэли переселилось въ Англію, гдѣ, по минованіи внутреннихъ смуть, установилась религіозная и политическая свобода. Отецъ будущаго министра, Исаакъ Дизраэли, не желалъ заниматься торговыми дѣлами и сдѣлался «литераторомъ», небезызвѣстнымъ въ свое время. За сочиненіе о Карлѣ I онъ даже получилъ отъ Оксфордскаго университета титулъ «лучшаго защитника лучшаго изъ королей». Изъ этого уже видны политическія тенденціи старшаго Дизраэли, унаслѣдованныя его сыномъ Веніаминомъ, который такъ

и подписывался Disraeli junior — на первых своих произведениях. Вліяніе юношеских впечатлѣній и расовыхъ наклонностей стало навсегда въ Вениаминѣ Дизраэли. Можно повѣрить его словамъ относительно своеобразности усвоенныхъ имъ съ дѣтства взглядовъ, словамъ, которыя мы привели. Склонность къ литературѣ и монархическія тенденціи унаслѣдованы имъ отъ отца. Къ религіи Исаакъ Дизраэли, повидимому, былъ равнодушенъ. Впрочемъ, онъ поддерживалъ сношенія съ еврейскою синагогою и оказывалъ ей денежную поддержку, не считая это для себя обременительнымъ. Но какъ только отъ него потребовалось активное, личное участіе въ дѣлахъ синагоги въ видѣ выбора на какую-то должность, онъ послалъ отказъ, который, вслѣдствіе настойчивости властей синагоги, кончился разрывомъ. Для Вениамина Дизраэли такое обстоятельство имѣло то практическое послѣдствіе, что уже 12-ти лѣтъ отъ роду, онъ неожиданно былъ окрещенъ, по убѣжденіямъ поэта Роджерса, пріятеля его отца, впрочемъ, не столько изъ религіозныхъ побужденій, сколько для доставленія юношѣ болѣе успѣшнаго прохожденія жизненнаго пути.

Весьма важнымъ условіемъ для послѣдующей дѣятельности лорда Бивонсфильда было еще то, что, повидимому, онъ не получилъ систематическаго научнаго высшаго образованія. По крайней мѣрѣ, сохранились только извѣстія, что онъ обучался въ какой-то частной школѣ, а потомъ былъ отданъ въ ученіе къ атторнею и, по положенію и литературнымъ связямъ своего отца, вскорѣ могъ вступить въ кругъ людей, въ извѣстной степени образованныхъ; дальнѣйшее образованіе и развитіе Дизраэли пріобрѣлъ чрезъ общество, знакомства, чтеніе и путешествія, такъ какъ отецъ его былъ человѣкомъ не безъ средствъ. Судя по біографическимъ даннымъ, Вениамину Дизраэли даже и некогда было получить образованіе: такъ рано онъ началъ вести самостоятельную жизнь. Ему былъ только 21 годъ отъ роду, когда явился первый романъ — «Вивіанъ Грей», получившій извѣстность. При всей незрѣлости этого литературнаго произведенія, оно показываетъ уже нѣкоторый политическій навыкъ въ авторѣ, который впервые взялся критиковать политическія нравы англійскаго общества. Въ числѣ раннихъ знакомыхъ молодого Дизраэли упоминается домъ лэди Блессингтонъ, писательницы, гдѣ собиралось общество нѣсколько своеобразнаго характера, положившее свою долю вліянія на формировавшійся тогда нравственный складъ будущаго премьера торійской партіи. Вотъ какъ отзывается объ этомъ обществѣ одинъ изъ біографовъ Дизраэли: «многіе изъ гостей, какъ и сами хозяйка, были искателями счастья, съ большими надеждами, еще большими долгами, бо-

татне талантами и энергіей, но не имѣвшіе еще карьеры или уже испортившіе ее; каждый новый день могъ принести этимъ людямъ или хорошую фортуна или окончательное паденіе». Въ салонахъ графини Блессингтонъ бывали преимущественно «джентльмэны» (въ отличіе отъ лэди), тамъ Дизраэли свелъ первое знакомство съ незначительнымъ въ ту пору принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ (впослѣдствіи Наполеономъ III), который туда являлся иногда виѣстѣ съ г. Морни; сомнительный общественный характеръ гланиаго пособника 2-го декабря слишкомъ извѣстенъ. Тамъ же Дизраэли встрѣтился съ лордомъ Линдгёрстомъ, котораго всегда считалъ въ числѣ самыхъ интимныхъ своихъ друзей и который имѣлъ большое вліяніе на его политическую карьеру. Линдгёрстъ также извѣстенъ своимъ равнодушіемъ къ политическимъ принципамъ; англійскіе либералы винятъ его даже въ томъ, что онъ изъ за личныхъ выгодъ покинулъ либеральную партію и сдѣлался поборникомъ торійскихъ принциповъ. Молодой Дизраэли, обыкновенно молчаливый и сдержанный, когда оживлялся, поражалъ собесѣдниковъ бойкостью рѣчи, сыпалъ сарказмами, блисталъ остроуміемъ. Крайнее щегольство его костюма также не осталось незамѣченнымъ. Такимъ образомъ, ничто не давало повода ожидать изъ этого молодого денди серьёзнаго политическаго дѣятеля; но что у него уже въ то время составились, по крайней мѣрѣ, отрицательныя политическія возрѣнія, тому доказательствомъ служить «Вивіанъ Грей», такъ какъ въ этомъ испытанномъ судьбою юношѣ, быть можетъ, независимо отъ воли автора, сказались знакомые ему общественно политическіе обычаи той поры, справедливо поражающіе читателей своимъ цинизмомъ. Излагать содержаніе «Вивіана Грея» не стѣдуетъ, такъ какъ и самъ авторъ, черезъ 44 года послѣ его появленія, въ общемъ предисловіи къ своимъ романамъ, признавалъ его ребяческимъ и сожалѣлъ о необычайной живенности своего перваго дѣтца. Но нѣкоторые эпизоды романа и особенно сентенціи, произносимыя его героемъ, характеризуютъ самого автора. Молодой Вивіанъ Грей, какъ и самъ авторъ — сынъ литератора, рѣшился проложить себѣ дорогу къ извѣстности и благосостоянію. Въ Англій, говоритъ авторъ романа отъ себя, личное отличіе составляетъ единственный паспортъ, пролагающій дорогу въ общество сильныхъ міра. Происходить ли такое отличіе изъ богатства, фамилійныхъ связей, таланта — это неважно; вѣрно лишь то, что для вступленія въ высшее общество человѣкъ долженъ обладать или родовитостію, или милліономъ, или талантомъ. Вивіанъ избралъ для себя политическую карьеру. Вотъ какъ рассуждалъ этотъ 19-ти-лѣтній юноша о другихъ путяхъ въ свѣтъ: «адвокатура — ба! законъ и плохія шутки

до 40 лѣтняго возраста, а тамъ, при самомъ блестящемъ успѣхѣ, перспектива подагры и парства. Сверхъ того, чтобъ добиться успѣха, въ званіи адвоката, я долженъ сдѣлаться великимъ законовѣдомъ, а чтобъ быть имъ, мнѣ нужно покинуть мысль сдѣлаться великимъ человѣкомъ. Военная служба въ военную пору годится только для сорви-головы (впрочемъ, я таковъ), но въ мирное пригодна развѣ для глупцовъ. Церковь гораздо болѣе рациональный путь: я, конечно, не прочь бы сдѣлаться чѣмъ-нибудь въ родѣ Уольсея, но тутъ тысяча шансовъ противъ меня. Будь я сыномъ миллионера или вельможи, я могъ бы имѣть все. Какая жалкая судьба! Изъ-за недостатка этихъ проклятыхъ денегъ, изъ-за неимѣнія нѣсколькихъ капель этой чертовской корошей крови, портится вся моя fortuna!»

Обладая такимъ знаніемъ человѣческаго сердца, Вивіанъ Грей, разумѣется, съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на Оксфордъ и на университетскую науку и рѣшился искать покровительства какого-нибудь вельможи, чтобы, при поддержкѣ его вліянія, самому пробраться въ министры. Для этого нужны только изобрѣтательный умъ и особенно смѣлость, а Вивіанъ Грей не изъ робкихъ. Случай его сводитъ съ маркизомъ Карабасомъ, перомъ, который занималъ какое-то видное, но лишнее вслѣга внутренняго значенія положеніе, и съ теченіемъ времени болѣе и болѣе терялъ честолюбивую надежду играть важную политическую роль. На одномъ обѣдѣ Вивіанъ Грей сумѣлъ завести съ простоватымъ маркизомъ вкрадчивый разговоръ, цитировалъ Болингброка для доказательства того, что мнѣніе маркиза Карабаса было самымъ здравымъ, мудрымъ и убѣдительнымъ изъ всѣхъ мнѣній, когда-либо произносившихся смертными. Для подобной тактики у Вивіана была выработана цѣлая теорія. «Правиломъ его было никогда не выдавать извѣстнаго мнѣнія за свое собственное. Глубоко зная человѣческую природу, онъ сознавалъ, что мнѣнія 20-лѣтняго мальчика, хотя бы здравыя и правильныя, имѣютъ мало шансовъ быть принятыми старѣйшимъ лѣтами, хотя бы и слабѣйшимъ умственно субъектомъ. Поэтому, системою Вивіана было выдавать свое мнѣніе за мнѣніе какого-нибудь высокопоставленнаго и значительнаго лица, и когда, благодаря санкціи знаменитаго имени, мнѣніе или совѣтъ были изложены и выслушаны, Вивіану Грею уже нечего было опасаться, можетъ ли онъ доказать ихъ справедливость и удобство. Онъ обладалъ также своеобразною способностью импровизировать цитаты, т. е. безъ подготовки выражать собственныя мысли въ характерномъ стилѣ извѣстнаго автора». Въ спорахъ онъ не разъ одерживалъ побѣду, благодаря такому способу завербовывать на

свою сторону знаменитыя имена. Въ дополненіе къ такому искусству, Вивіанъ былъ вообще изящнымъ собесѣдникомъ; умѣлъ разсказывать анекдоты, говорить комплименты такъ ловко, что они почти не казались и комплиментами; въ замкѣ маркиза Карабаса онъ умѣлъ понравиться знатнымъ особамъ, которыя тамъ были и въ числѣ которыхъ находится довольно тупой аристократъ, по имени лордъ Биконсфильдъ! Вивонта и виконтессу Кортюна Вивіанъ плѣнилъ тѣмъ, что ѣздилъ верхомъ съ виконтомъ, катался въ фэтонѣ съ виконтессой, которой конфиденціально сообщилъ все-какія свои соображенія относительно семейства Мартингаль, а изъ трехъ миссъ — съ первой говорилъ о чувствахъ, рисовалъ со второй и рѣвнился съ третьей. Лордъ и лэди Биконсфильдъ были также увлечены Вивіаномъ, такъ какъ лорду, который собиралъ коллекцію медалей, Вивіанъ обѣщалъ доставить какой-то неслыханный экземпляръ, а лэди, которая собирала коллекцію автографовъ, прислать частныя письма различныхъ знаменитостей. Самаго несговорчиваго изъ гостей, но весьма вліятельнаго сельскаго джентльмена, сэра Бердмора Скропа, трудно было обойти, но Вивіанъ и тутъ нашелся: увидѣвъ, что баронетъ находится подъ башмакомъ жены, онъ сталъ за нею ухаживать и тѣмъ обезпечилъ себѣ расположеніе мужа. Понятно, съ какимъ успѣхомъ Вивіанъ Грей повелъ осаду противъ маркиза Карабаса; онъ убѣдилъ его приняться за образованіе своей политической партіи изъ людей, столь же обойденныхъ въ политикѣ, какъ и самъ маркизъ. Однимъ изъ первыхъ принциповъ Вивіана Грея былъ тотъ, что все возможно, и что неудачи происходятъ только отъ недостатка мужества.

Какъ бы то ни было, политическая кампанія, предпринятая по совѣту Вивіана, пошла въ ходъ. Вотъ картина предварительнаго совѣщанія, происходившаго въ замкѣ маркиза Карабаса, за обѣдомъ, въ присутствіи предполагаемыхъ членовъ будущей «партіи Карабаса», лордовъ Биконсфильда, Кортюна, Бердмора Скропа и самого Вивіана. Маркизъ чувствовалъ уже нѣкоторую робость, но отступать было поздно, онъ выпилъ стаканъ кларета и открылъ засѣданіе слѣдующею рѣчью, которая составляетъ, очевидно, пародію обыкновенныхъ избирательныхъ рѣчей:

«Милорды и джентльмены, пользуюсь случаемъ сообщить вамъ мои мысли по извѣстному предмету, хотя мой молодой другъ уже дѣлалъ вамъ болѣе полныя сообщенія въ томъ же смыслѣ; прошу замѣтить только, что мы впервые собрались для совѣщанія о возможности нѣкоторыхъ политическихъ возвращеній, о пригодности ихъ по существу и объ удобствѣ ихъ приложенія. (Стаканъ

кларета). Настоящее состояніе партій, продолжалъ маркизъ: — безъ сомнѣнія, давно уже обратило на себя ваше вниманіе. Оно очень странно и, я опасаясь, не вполне удовлетворительно. Нынѣшнія различія между двумя сторонами палаты общинъ, вовсе не похожи на тѣ, какія существовали во времена, когда большинство изъ насъ, милорды и джентльмены, были дѣятелями этого собранія. Возникаетъ вопросъ: почему извѣстное число личностей, не представляющихъ собою никакихъ мнѣній, присвоиваютъ себѣ управление и контроль надъ страной? Второй вопросъ: какъ они могли достигнуть успѣха въ подобныхъ притязаніяхъ? Они успѣли, очевидно, потому, что партія, которая поставила ихъ во главѣ власти, какъ представителей извѣстныхъ мнѣній, еще продолжаетъ оказывать имъ поддержку. Нѣкоторые изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ этой партіи, позволяю себѣ сказать, находятся въ этой комнатѣ. Не знаю, каковъ бы былъ результатъ, еслибы, въ критическую минуту, мѣстечки лорда Кортоуна и лорда Биконфильда отказали въ своей поддержкѣ. Я увѣренъ, что еслибы 40 сельскихъ джентльменовъ, которые слѣдуютъ за нашимъ другомъ, сэромъ Бердморомъ, заявили оппозицію какому-нибудь извѣстному налогу, то нынѣшніе дѣтели были бы побиты, какъ они бывали уже побиты прежде. Я самъ бывалъ членомъ правительства въ подобномъ положеніи и знаю, что лордъ Ливерпуль говорилъ на другой день послѣ такого случая: «сорокъ сельскихъ джентльменовъ, если захотятъ, могутъ не пропустить всякій налогъ въ бюджетѣ». При такихъ обстоятельствахъ, милорды и джентльмены, по моему мнѣнію, намъ слѣдуетъ обсудить наше положеніе. Я далекъ отъ желанія быть свидѣтелемъ какой-нибудь коренной перемены или слишкомъ широкой перестройки теперешней администраціи, я думаю, что интересы страны требуютъ поддержки общаго характера нынѣшней системы, но, въ настоящей администраціи есть такіе члены, права которыхъ на это положеніе кажутся мнѣ болѣе, чѣмъ сомнительными, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, найдутся люди, удалившіеся отъ дѣлъ, не обладающіе большимъ вліяніемъ и признанными талантами, люди, которые, по моему мнѣнію, не должны бы находиться на второмъ планѣ». Тутъ маркизъ передалъ слово Вивіану. Въ собраніи возникли оживленныя, хотя и безсвязныя, пренія. Когда присутствующіе нѣсколько поуспокоились, Вивіанъ развилъ передъ ними новыя политическіе принципы, указавъ все зло пагубныхъ вліяній, отъ которыхъ члены собранія долго страдали, показавъ передъ ними въ перспективѣ вліятельныя мѣста, власть, если только они согласятся дѣйствовать по рекомендуемымъ имъ принципамъ. Эта рѣчь, произнесенная мелодическимъ голосомъ, плавнымъ язы-

вожъ, возбуждала шопоть восхищенія среди присутствующихъ. Лордъ Кортоуиъ, съ полнымъ стаканомъ въ рукѣ, предложили тостъ за мистера Вивіана Грея и за успѣхъ его первой рѣчи, а Вивіанъ отвѣчалъ тостомъ за процвѣтаніе задуманнаго «новаго союза». На Вивіана стали указывать, какъ на будущаго вождя возникающей партіи. Наконецъ, сэръ Бердморъ, самый спокойный изъ собесѣдниковъ, выразивъ полное согласіе съ воззрѣніями, развитыми мистеромъ Греемъ, полную увѣренность въ блестящихъ качествахъ этого джентльмена, замѣтилъ, что палата общинъ для него еще совершенно новая арена и хотя мистеръ Грей несомнѣнно способенъ взять на себя предводительство партіей, но онъ еще не испытанъ на этомъ поприщѣ; впрочемъ, если лорды признаютъ возможнымъ возложить такое руководство на мистера Грея, то онъ, сэръ Бердморъ, готовъ оказать ему всевозможную поддержку.

Вивіанъ, поблагодаривъ лордовъ, въ изысканныхъ выраженіяхъ, отказался отъ предводительства партіей и выразилъ готовность идти за всякимъ «лидеромъ», какой будетъ ему указанъ. Лорды не находили никого предложить въ это званіе; тогда самъ маркизъ, наполнивъ свой стаканъ, провозгласилъ, что онъ нашелъ человѣка, и что вождемъ партіи Карабаса будетъ сэръ Фредерикъ Клевеландъ. Это рѣшеніе произвело громовое дѣйствіе на всѣхъ присутствующихъ, даже самъ маркизъ потомъ сконфузился, и только невозмутимый Вивіанъ взялся уладить щекотливую операцію переговоровъ съ Клевеландомъ. Дѣло въ томъ, что Клевеландъ, весьма способный парламентскій дѣятель, былъ когда-то въ большой дружбѣ съ теперешнимъ маркизомъ Карабасомъ, который тогда, при жизни своего старшаго брата — идиота, назывался просто «достопочтенный Сидни Лорренъ», и былъ помощникомъ государственнаго секретаря. Клевеландъ, умѣвшій составить себѣ видное парламентское положеніе, много сдѣлалъ для той партіи, къ которой принадлежалъ Сидни Лорренъ; но когда наступилъ часъ расплаты за политическія услуги, Лорренъ и его друзья забыли своего молодого союзника. На его представленія они отвѣчали улыбкою. Онъ напоминалъ о прежнихъ дружескихъ сношеніяхъ; они указывали на политическую необходимость. Тогда Клевеландъ отправился въ палату и напалъ на своихъ бывшихъ товарищей съ несказанною рѣзкостью. Онъ по очереди перебравъ различныхъ членовъ партіи, которые его повинили; когда ораторъ дошелъ до Лоррена, то разразился такою громовою, подавляющею, клеймющею рѣчью, что даже такой крупколюбивъ и притерпѣвшійся ко всему человѣкъ, какъ Сидни Лорренъ, поблѣднѣлъ, задрожалъ и вышелъ изъ палаты. Несмотря на свой

блестящій триумфъ, Клевеландъ, разочарованный политической дѣятельностью, усталый отъ мелкихъ политическихъ интригъ и дрязгъ, покинулъ парламентское поприще и удалился въ частную жизнь. Въ такому-то человѣку маркизъ Карабасъ задумалъ обратиться, чтобъ сдѣлать его предводителемъ своей партіи. Неодолимое очарованіе, какое небывалый юноша Вивіанъ Грей, производитъ на всѣхъ, помогаетъ ему и здѣсь: онъ успѣваетъ привлечь къ будущей партіи Клевеланда, хотя тотъ сначала и принималъ его нѣсколько сурово. Объясненія между новыми союзниками содержатъ въ себѣ весьма интересные образчики политической морали особенно если припомнить, что они написаны двадцати-лѣтнимъ авторомъ.

Узнавъ, что Карабасъ самъ предложилъ возобновить съ нимъ сношенія, Клевеландъ сказалъ:

— Онъ болѣе низокъ, чѣмъ я думалъ, но, м-ръ Грей, когда я подумаю, что такой молодой человѣкъ, какъ вы, одаренный талантами, дѣйствующій, безъ сомнѣнія, по самымъ чистымъ побужденіямъ, становится игрушкой или орудіемъ этого безсовѣстнаго пѣра, мнѣ дѣлается невыразимо прискорбно.

— «М-ръ Клевеландъ, отвѣчалъ Вивіанъ:—я вовсе не игрушка и не орудіе маркиза Карабаса или кого бы то ни было. Вѣрьте мнѣ, сэръ, въ Англіи теперь совершается нѣчто такое, что можетъ повести человѣка къ фортунѣ, если умѣетъ воспользоваться приливомъ. Я вижу это, сэръ, я—молодой человѣкъ, неопытный въ политическихъ принципахъ, безъ всякихъ связей въ общественной жизни, но чувствующій нѣкоторое довѣріе къ своимъ способностямъ и въ тѣ же время желающій обратить въ свою пользу вліяніе другихъ. Такимъ образомъ, я вижу себя работающимъ для той же цѣли, какъ и лордъ Карабасъ, какъ двадцать другихъ людей подобнаго калибра, умственнаго и нравственнаго. Неужели я долженъ играть роль отшельника въ жизненной драмѣ только потому, что случайно мои сотоварищи актеры являются глупцами или плутами? Если маркизъ Карабасъ, какъ говорить молва, дѣйствительно оказалъ вамъ дурную услугу, то самую пріятною вашею местию будетъ сдѣлать его вашимъ орудіемъ; полнымъ торжествомъ вашимъ будетъ подняться къ власти посредствомъ его вліянія». Клевеландъ, съ своей стороны, при болшемъ сближеніи, такъ поучаетъ своего молодого союзника: «Изъ всѣхъ заблужденій, какія существуютъ на этомъ свѣтѣ, наиболѣе нелѣпо самообольщеніе того человѣка, который добровольно, по собственному желанію, поддерживаетъ интересы партіи. Если вы независимы, если не имѣете связей, то не воображайте, чтобъ вы могли достигнуть своихъ цѣлей безъ поддержки

въ политической борьбѣ. Успѣшныя ваши дѣяствія будутъ встрѣчаться одобреніемъ, но надѣ вашимъ юнопескимъ пыломъ только посмѣются ваши же соокники, или, внутренно радуясь неосмиданной поддержкѣ, побоятся вознаградить неожиданнаго помощника. Нѣтъ, Грей, заставьте бояться себя, и тогда будутъ цѣловать ваши ноги. Нѣтъ такого вѣроломнаго, низкаго поступка, на который бы не была способна политическая партія; въ политикѣ нѣтъ чести.»

Этотъ же афоризмъ доказывается, впрочемъ, и всею дѣятельностью молодого авантюриста, героя романа.

Роль Вивіана Грея, увлекающаго маркиза Карабаса въ безчестную политическую игру, такъ ясно понимается окружающими, что родственница маркиза, мистрисъ Лорренъ, вдова его младшаго брата, имѣвшаго репутацію «гоуэ», сама авантюристка, женщина необузданная и неразборчивая на средства, высказываетъ это Вивіану въ ночномъ интимномъ свиданіи, говоря, что «судьбы могущественной фамиліи Карабасъ сдѣлались добычею двухъ лицъ: чужеземца, соединеннаго съ нею только ненавистью, и молодого авантюриста, не имѣющаго съ этой фамиліей ничего общаго, ни по крови, ни по привязанности, человѣка, который управляетъ всѣми силами своего таланта и не заботится ни о какихъ послѣдствіяхъ, кромѣ собственнаго благополучія». Мистрисъ Лорренъ сама ведетъ политическія интриги, не разъ пытается устранить Вивіана съ дороги, даже путемъ отравы, но безуспѣшно; интриги эти приводятъ въ концѣ концовъ къ тому, что союзные лорды отступаютъ отъ дѣла маркиза Карабаса, которое невозвратно проиграно, Вивіанъ Грей объявленъ безчестнымъ проходивцемъ, выгнанъ маркизомъ изъ дому и побитъ Клевеландомъ; за это Вивіанъ вызываетъ Клевеланда на дуэль и убиваетъ его, а мистрисъ Лорренъ онъ же доводитъ до такого состоянія, затронувъ ея интимныя отношенія, что у нея дѣлается разрывъ кровеноснаго сосуда. Романъ еще продолжается въ видѣ путешествія Вивіана Грея по Германіи, гдѣ читатели встрѣчаютъ много мимолетныхъ сатирико-политическихъ личностей и сценъ, но въ внутренней политической жизни Англіи не имѣетъ уже болѣе прямаго отношенія. Мы опустили всю любовную сторону похождения Вивіана въ первой части романа, но и въ этихъ отношеніяхъ Вивіанъ является неизмѣнно безсердечнымъ, расчетливымъ и, въ то же время, поразительно легковѣрнымъ юношей. Романъ «Вивіанъ Грей», прочитанный въ Англіи всѣми, начиная съ короля, для нашего времени можетъ имѣть только біографическое значеніе по отношенію къ самому автору; герой романа служитъ отраженіемъ чертучуръ

житейски опытныхъ политическихъ тенденцій, какія изображены будущимъ министромъ въ такіа юношескіа лѣта и въ такую тревожную политическую эпоху, когда была бы естественнѣе нѣкоторая вполне искренняя идеализація дѣйствительности. Впрочемъ, практическое отношеніе къ политикѣ и пропіа надъ политическими дѣятелями всевозможныхъ отбѣнговъ характеризовали Дизраэли и въ послѣдующую жизнь, и придавали ему, по сознанію нѣкоторыхъ биографовъ, что-то мефистофелевское. Рьяность, съ какою биографы Дизраэли набрасываются на мельчайшія подробности и выраженія дѣйствующихъ лицъ «Вивіана Грея», чтобъ найти сходство съ послѣдующими поступками самого автора, показываетъ только ту крайнюю степень вражды, какую сумѣлъ внушить къ себѣ Дизраэли среди разнородныхъ англійскихъ политическихъ партій. Существеннаго значенія такое случайное сходство не имѣетъ. Оно скорѣе объясняется общностью политическихъ условій, при какихъ пришлось вступать въ политическій міръ, какъ самому Дизраэли, такъ и герою его романа, т. е. это значить, что Дизраэли вѣрно схватилъ безпринципность и случайность разнородныхъ глубокомысленныхъ комбинацій въ тогдашнемъ англійскомъ политическомъ мірѣ. Но независимо отъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ первой части романа, тамъ выведены вскользь или только упоминаются нѣсколько политическихъ типовъ, въ которыхъ вышедшій впоследствии «Ключъ къ Вивіану Грею» даетъ уразумѣть современныхъ автору политическихъ дѣятелей. Въ 1826 году, когда вышла первая часть романа, былъ кабинетъ Ливерпуля, который въ слѣдующемъ году уже уступилъ мѣсто министерству Каннинга. Существуетъ мнѣніе, что въ лицѣ Карабаса изображенъ слабый, неспособный лордъ Ливерпуль, а Каннингъ авторъ хотѣлъ видѣть въ фигурѣ Вивіана Грея, но, по болѣе принятымъ толкованіямъ, Каннингъ названъ въ романѣ мистеромъ «Charlatan Gav», Врумъ—мистеръ Foaming Fudge (буквально: пѣнящаяся ложка), а Эльдонъ—лордомъ Прошлое столѣтіе. Нельзя пропустить еще выведенную мимоходомъ въ романѣ характерную личность стариннаго англійскаго сквайра. Сэръ Кристоферъ Моубрей атакуемъ на вечерѣ въ замкѣ Карабаса нѣкимъ экономистомъ «Либераль-Снакомъ», который очень желалъ сдѣлать впечатлѣніе на эту значительную особу, и потому предположилъ ознакомиться сэра Моубрея съ вопросомъ, «что такое рентъ». Сэръ Кристоферъ Моубрей даже выругался нѣсколько разъ отъ удивленія къ безстыдству этого молодца. Сэру Кристоферу Моубрею уже 79-й годъ; онъ состоитъ представителемъ одного графства и надѣется остаться представителемъ на слѣдующихъ выборахъ; несмотря

на своей возрастъ, онъ еще такъ бодро охотится за женщиной, какъ дай Богъ любому сквайру въ королевствѣ. Сэръ Моубрей не имѣетъ понятія о «либеральныхъ принципахъ» и тому подобныя вещахъ. Политико-экономовъ онъ почему-то называетъ «французскими контрабандистами». Никто еще не успѣлъ добиться у него разъясненія такого страннаго названія, а если кто станетъ очень усердно допытываться болѣе опредѣлительнаго мнѣнія на этотъ счетъ у сэра Кристофера Моубрея, то послѣдній разражается неистовыми проклятіями на французскія вина, библейскія общества и мистера Гускиссона. Цѣлое полстолѣтіе сэръ Кристоферъ поддерживалъ «конституцію и хлѣбные законы»; онъ исполнѣ сознаетъ «настоящее опасное положеніе страны» и съ большимъ интересомъ наблюдаетъ за «планами и интригами» нынѣшняго просвѣщеннаго вѣка. Единственный предметъ, котораго онъ не можетъ съ точностью понять—это лондонскій университетъ. Почтенный джентльменъ не можетъ себя представить, чтобъ представителемъ графства могъ быть не фригольдеръ, не можетъ вообразить и университетъ не въ Оксфордѣ и не въ Кембриджѣ. Сэръ Моубрей считаетъ это дѣло мистификаціей, и когда ему скажутъ, что дѣйствительно куплено четыре акра весьма цѣнной земли для постройки, то старый джентльменъ возводитъ глаза къ небу и, откинувшись назадъ въ креслѣ, возражаетъ со святяческой улыбкой: «нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ!»

III.

Послѣ «Вивіана Грея», Дивразли долгое время не написали ничего замѣчательнаго; вообще и въ литературѣ, и въ политикѣ для него наступаетъ періодъ неудачъ, который выказываетъ въ полномъ свѣтѣ, какъ замѣчательныя терпѣніе и настойчивость будущаго министра въ достиженіи задуманной цѣли, такъ и малую разборчивость въ выборѣ путей, которой онъ старается придать видъ чего-то принципиальнаго. Въ послѣдніе годы правленія Георга IV и все царствованіе Вильгельма IV, Дивразли только подготовлялся какъ къ серьезной политической дѣятельности, такъ и къ болѣе зрѣлымъ литературнымъ произведеніямъ. Два или три года онъ провелъ въ путешествіяхъ по востоку, жилъ нѣкоторое время въ Константинополѣ, посѣтилъ Іерусалимъ, странствовалъ по Египту и Сиріи; многое, вынесенное изъ этого путешествія, вошло впоследствии въ его романы и даже въ политическіе памфлеты. Взгляды будущаго лорда Винчонс-

фильда на Востокъ и его обитателей составляютъ едва-ли не самую интересную часть его политическихъ воззрѣній и во многѣмъ просвѣщаютъ даже въ отношеніи къ домашнимъ дѣламъ.

Положеніе внутреннихъ дѣлъ Англіи въ концѣ 20-хъ и въ началѣ 30-хъ годовъ представляло признаки переходнаго времени и могло быть заманчиво для политическаго дѣятеля—не во вкусѣ Вивіана Грея, конечно, но для проникнутаго сочувствіемъ къ народу, во имя котораго совершался переворотъ. Продолжительное управленіе торійской партіи близилось къ концу; ретроградная внѣшняя политика Кэстлери и внутренняя лорда Сидмута становились невозможностью въ глазахъ самихъ англичанъ. Въ романѣ «Квинингсби» Дизраэли заклеилъ этихъ министровъ названіемъ «посредственности». Это служитъ доказательствомъ, что Дизраэли внимательно слѣдилъ за событіями, хотя только впоследствии составилъ себѣ на нихъ опредѣленный взглядъ. Проявленіемъ такой же шаткости воззрѣній служитъ и вопросъ о свободной торговлѣ; начатая Гускиссономъ, а впоследствии осуществленная Пилемъ, политика свободной торговли въ то время занимала собою умы. Откликъ на вопросъ мы находимъ даже въ «Вивіанѣ Грей», гдѣ искусный парламентскій дѣлецъ, Стагилтонъ Тодъ, написалъ памфлетъ о хлѣбныхъ законахъ, чѣмъ, возбудилъ сильное негодованіе со стороны политико-экономическаго клуба». Въ изданномъ черезъ два года послѣ «Вивіана Грея» юмористическомъ романѣ «Приключенія капитана Попанилла», (романъ, котораго самъ авторъ впоследствии также не хотѣлъ признавать своимъ) Дизраэли ѣдко осмѣиваетъ покровительство туземной промышленности, описывая поземельную аристократію и туземцевъ фантастической страны «Вроблѣзіа», которые всякими ухищреніями стараются навязывать свои земледѣльческіе продукты. Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ восхвалялъ экономическіе взгляды Шельбурна и младшаго Питта, заимствованные у Адама Смита. Между тѣмъ, впоследствии, какъ глава торіевъ, самъ Дизраэли обратился къ протекціонизму.

Не лишень оригинальности памфлетъ, въ которомъ Дизраэли рекомендовался публикѣ, при первомъ дѣятельномъ выступленіи на политическую арену. Памфлетъ носилъ характерное названіе: «Кто онъ?».. и написанъ былъ будто бы въ отвѣтъ на вопросъ лорда Грея, который интересовался знать, кто явился соперникомъ его сына на выборахъ въ мѣстечкѣ Уайкомбъ. Это было первое выступленіе молодого Дизраэли передъ публикой, въ роли радикальнаго кандидата въ парламентъ. Уайкомбъ имѣлъ уже въ парламентѣ двухъ представителей, либераловъ съ радикальнымъ оттѣнкомъ.

(в Манчестеръ въ ту пору не имѣлъ ни одного) и, несмотря на то, Дизраэли выступилъ также съ радикальными программами. Кромѣ радикальныхъ вліяній, въ смыслѣ которыхъ дѣйствовали въ этомъ мѣстечкѣ богатые негоціанты-квакеры, въ Бокингемширѣ (въ которомъ находилось мѣстечко Уайкомбъ) сильно было еще вліяніе крупныхъ землевладѣльцевъ торійской партіи, какъ это обыкновенно бывало въ маленькихъ городахъ, безъ фабрикъ и расположенныхъ среди графства. Но такъ какъ приверженцы торіевъ сами по себѣ все-таки были очень слабы, а въ тогдашнему вигскому правительству лорда Грея всѣ подобныя сельскіе джентльмены чувствовали безусловную ненависть, то они и предпочитали поддерживать радикальнаго, независимаго кандидата, который не оказывалъ бы поддержки министерству. Радикальный кандидатъ въ Уайкомбѣ могъ рассчитывать не только на всѣхъ радикаловъ мѣстечка, но отчасти также и на торіевъ. Такимъ радикальнымъ кандидатомъ явился Дизраэли, заручившись поддержкой нѣкоторыхъ вліятельныхъ радикальныхъ личностей того времени, какъ то: Бульвера, Юма, Даниэля О'Коннела, впоследствии своего непримиримаго врага. Но новый радикалъ съ перваго шага возбудилъ противъ себя подозрѣніе, и прежде всего тѣмъ, что, въ 'сущности, въ новомъ радикальномъ представителѣ мѣстечка Уайкомба пока не было надобности; Юмъ, узнавъ о томъ, немедленно отказался отъ поддержки, не желая ослаблять вліянія существующихъ представителей мѣстечка. Сверхъ того, Дизраэли пользовался слишкомъ уже неумѣренной поддержкой мѣстныхъ торійскихъ органовъ. Когда одинъ изъ представителей Уайкомба удался, а кандидатомъ выступилъ полковникъ Грей, сынъ министра, несомнѣнный вигъ, то, казалось бы, Дизраэли предстояли серьезныя шансы на успѣхъ, какъ радикалу—но вышло противное. Къ нему стали относиться съ недовѣріемъ, а либеральные органы осыпали его отборною бранью. Случай съ Юмомъ разгласился и чрезмѣрное сочувствіе торійской партіи не могло не показаться еще болѣе подозрительнымъ. Самъ Дизраэли въ эту пору обращалъ на себя вниманіе, съ одной стороны, чрезвычайнымъ щегольствомъ и даже нѣкоторою торжественностью своихъ появленій въ публикѣ въ качествѣ кандидата въ представители, а съ другой—такою беспощадною рѣзкостью выраженій, что его даже называли «ораторомъ черни», а либеральные журналы обозвали его рѣчи «арлекинадой», за грубыя шутки и неприличные сарказмы, которыми онъ клеймилъ виговъ, усиливаясь доказать, что они—антинаціональная партія. Репутація романиста также была пущена въ ходъ. Въ своихъ рѣчахъ, Дизраэли провозглашалъ таковаго рода принципы, напримѣръ, что «счастіе многихъ

должно предпочитаться благополучію нѣсколькихъ», обѣщавъ стоять за интересы бѣдныхъ, за закрытую баллотировку и трехгодинные парламенты, отнятые у народа вигами, напоминать, что онъ независимый кандидатъ, не связанный никакой партіей, что онъ самъ вышелъ изъ народа и что въ его жилахъ нѣтъ ни капли крови Плантагенетовъ и Тюдоровъ; въ то же время, Дизраэли дружески отзывался о поддержкѣ торіевъ, въ которыхъ, впрочемъ, по словамъ оратора, не онъ нуждался, а они сочли необходимымъ отстаивать достиженіе тѣхъ прекрасныхъ цѣлей, какія ставилъ себѣ ораторъ. (Патрономъ торіевъ былъ въ той мѣстности маркизъ Чандосъ, сынъ герцога Бокингема). Въ этотъ періодъ Дизраэли вообще старался соединить торійскія тенденціи съ радикальными, доказывалъ, что виги своимъ актомъ о реформѣ только обманываютъ народъ, вооружался противъ «налога на знаніе», въ силу котораго богатый капиталистъ можетъ издавать газеты и вліять на общественное мнѣніе, цитировалъ Болингброка и Уиндгема, для доказательства, что онъ только повторяетъ ихъ мнѣнія, а не проповѣдуетъ разрушительныхъ теорій. «Я не сентиментальный, а практический политикъ, говорилъ онъ потомъ въ письмѣ къ О'Коннелю:—я желалъ сильнаго, но конституціоннаго правительства, которое поддержало бы правительство, тогда какъ виги, оставаясь въ правительствѣ, довели бы страну до гибели. «Нужно было избавиться отъ виговъ во что бы то ни стало. Два раза выступалъ Дизраэли въ Уайкомбѣ, сначала съ перевѣсомъ радикальныхъ, потомъ съ преобладаніемъ консервативныхъ воззрѣній, но оба раза потерпѣлъ неудачу, за которую въ новыхъ своихъ рѣчахъ осуждалъ бранью и своихъ соперниковъ, и министерство, и виговъ вообще; затѣмъ опять рекламировалъ себя въ другомъ мѣстѣ кандидатомъ торі—радикальнаго оттѣнка; такимъ образомъ, въ 1833 и 1835 годахъ, онъ безуспѣшно выступалъ кандидатомъ въ Мэрилебонѣ и Тонтопѣ, причемъ, болѣе открыто склонился на сторону консерваторовъ. Особой новизны и интереса тогдашнія рѣчи Дизраэли не представляютъ, за исключеніемъ непоследовательности во второстепенныхъ вопросахъ, сообразной съ тѣми интересами, защитникомъ которыхъ онъ выступалъ. Такъ, въ Мэрилебонѣ, Дизраэли доказывалъ необходимость освободить промышленность отъ налоговъ, которые будто бы легче можетъ перенести недвижимая собственность, а, черезъ два года, онъ же явился ревностнымъ, хотя и смиреннымъ (защитникомъ земледѣльческихъ интересовъ», въ свѣтъ маркиза Чандоса, будущаго герцога Бокингема, который едва удостоивалъ знать его. (Замѣчательно, что впоследствии Дизраэли, сдѣлавшись первымъ министромъ,

назначилъ герцога Бокингэма на неважный постъ губернатора Мадраса). Дизраэли участвовалъ и въ петиціи о стѣсненномъ положеніи фермеровъ, нападавъ на бирмингэмскихъ и манчестерскихъ мануфактуристовъ. Такую перемену мнѣній биографы объясняютъ тѣмъ, что въ 1835 году партія торіи опять получила силу послѣ безвременнаго распадешя либеральнаго министерства, хотя, съ другой стороны, для безвѣстнаго честолюбиваго молодого человѣка, имѣли важность не столько тѣ или другіе министры, сколько мѣстные патроны (вотъ почему маркизъ Чандосъ напоминаетъ маркиза Карабаса), въ интересы которыхъ Дизраэли началъ входить серьезно.

Суди по словамъ извѣстнаго «Дневника» Гревилла, еще въ 1834 году, Дизраэли, до того былъ лишень опредѣленныхъ политическихъ убѣжденій, что колебался между патронатомъ лордовъ Чандоса и Дургамы, т. е. крайнихъ торіи и радикаловъ. Чандосъ принадлежалъ къ такимъ закоренѣлымъ торіи, которые громили Пилла за эманципацію католиковъ и противились парламентской реформѣ даже послѣ того, какъ вожди торійской партіи прекратили борьбу. Дургамъ, радикальный аристократъ, стоялъ за закрытую баллотировку и подомовную подачу голосовъ. Впрочемъ, Дизраэли раньше уже заявилъ, что не желаетъ связывать себя рамками какой бы ни было партіи и признаетъ улучшеніе быта народа обязанностью всѣхъ политическихъ партій. Перейдя къ консерваторамъ, онъ не обязался раздѣлять узкіе торійскіе взгляды. Въ этотъ періодъ времени Дизраэли не разъ высказывалъ въ своихъ адресахъ и рѣчахъ мнѣніе, что въ его глазахъ на первомъ планѣ стоятъ «мѣры», а не «люди», что консервативные министры точно такъ же, какъ и либеральные, могутъ провести либеральную мѣру, если способны на это. «Государственный человѣкъ—созданіе своего времени, дѣтя обстоятельствъ», говорилъ Дизраэли.—Характеръ государственнаго человѣка долженъ быть существенно практическимъ. Призванный къ официальному положенію, онъ не обязанъ сообразоваться съ тѣмъ, каковы были прежде его мнѣнія по тому или другому предмету. У народа бываютъ страсти, и общественные дѣятели даже обязаны иногда усонивать себѣ направленіе, имъ не симпатичное, потому что народъ долженъ имѣть вождей. Мнѣ смѣшно, поэтому, порицаніе человѣка за то, что онъ прежде слѣдовалъ иной политикѣ, тѣмъ нынѣ. Я желаю только знать, справедлива ли, необходима ли, удобна ли его настоящая политика, подготовленъ ли онъ въ настоящую минуту служить своей странѣ сообразно съ ея настоящими потребностями.» Послѣ такого откровеннаго изложенія убѣжденій политическаго утилитаріанства, которое лордъ Би-

конфликтъ повторялъ не разъ, странно было бы упрекать его въ политической непоследовательности въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно придается этому слову. При всемъ томъ, последовательность хотя бы только отрицательная, сказавшаяся и въ политической карьерѣ Дизраэли, потому что это такое качество, которое исходитъ изъ особенностей характера человѣка, изъ его взглядовъ на вещи. Волей неволей, Дизраэли-Биконфильдъ вышелъ довольно последовательнымъ, если взять его политическую жизнь въ цѣломъ. Это же можно видѣть въ лучшемъ изъ написанныхъ имъ въ зрѣломъ возрастѣ романовъ, «Корингтонъ» при сравненіи высказанныхъ тамъ политическихъ взглядовъ съ дѣйствительностью, въ которой автору пришлось быть замѣтнымъ лицомъ. Поэтому, подобно выходу, исповѣдь «практической политики» даже у Дизраэли слѣдуетъ считать больше признакомъ желанія пощеголять нѣкоторымъ цинизмомъ, блеснуть передъ выборами оригинальностью, неожиданнымъ эффектомъ, до которыхъ онъ былъ охотникомъ всю жизнь. Должно быть, и этотъ способъ не подѣйствовалъ, какъ и всѣ прочіе. Дизраэли терпѣлъ неудачи за неудачами и въ половинѣ тридцатыхъ годовъ уналъ очень низко, благодаря въ особенности ссорѣ съ О'Коннелемъ; послѣдній въ своихъ рѣчахъ буквально предалъ позору бывшего радикала, который когда-то искалъ помощи О'Коннеля, а потомъ, заискивая у консерваторовъ, называлъ его въ одной изъ своихъ рѣчей чѣмъ-то въ родѣ «измѣнника отечеству».

Начиная съ выборовъ въ Мэдстонѣ, въ 1837 году, Дизраэли сталъ подниматься; въ этотъ годъ онъ, наконецъ, попалъ въ палату; правда, съ перваго дебюта, Дизраэли опять понесъ жестокое пораженіе (вся палата хохотала надъ его «maiden-speech» и не давала ему говорить), но онъ не потерялъ своей невозмутимости и произнесъ достопамятныя слова, вошедшія впоследствии въ разныя біографическія хрестоматіи съ образцами характеровъ: «я многое начиналъ по нѣскольку разъ и нерѣдко случалось, что наконецъ успѣвалъ; теперь я сижу, но придетъ время, когда вы меня выслушаете».

Литературныя произведенія, написанныя Дизраэли въ этотъ періодъ, до вступленія въ парламентъ, не особенно заслуживаютъ вниманія; таковъ, напримѣръ, его «Революціонный эпосъ», написанный на развалинахъ Трои, какъ считаетъ нужнымъ возвѣстить авторъ въ предисловіи. Дѣло въ томъ, что героическій вѣкъ произвелъ эпосъ героическій — Илиаду; самая могучая изъ древнихъ имперій произвела, въ лицѣ Энеиды, политическій эпосъ, эпоха возрожденія подарила намъ національнымъ эпосомъ, въ видѣ Божественной комедіи, а реформація

и ея послѣдствія вызвали у лиры Мильтона религиозный эпосъ. Остается невоспѣтымъ духъ нашего времени, который оправдывается авторомъ, стоящимъ на рубежѣ двухъ частей свѣта, какъ революціонный. Вотъ причина появленія на свѣтъ «Революціоннаго эпоса», о которомъ авторъ впоследствии не любилъ вспоминать. Впрочемъ, когда въ 1864 году, Дизраэли въ парламентѣ разразился добродѣтельнымъ негодованіемъ на одного изъ членовъ кабинета лорда Пальмерстона, Стэнсфильда, обвиненнаго въ соучастіи въ тогдашнихъ революціонныхъ предпріятіяхъ Маццини и въ приниципавшихся великому итальянскому патриоту царевубійственнаго замыслахъ, тогда какой-то досужій человѣкъ досталъ экземпляръ «Революціоннаго эпоса» и процитировалъ оттуда нѣсколько строкъ, которыя оправдывали «убійство тирана». Дизраэли, чтобъ очиститься отъ обвиненія, вслѣдъ загѣмъ снова выпустилъ въ свѣтъ эту поэму, но исключилъ изъ нея указанныя строки. Сама по себѣ поэма не замѣчательна, но въ предисловіи къ ней высказано нѣсколько словъ, которыя, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, составили отличительную черту міросозерцанія автора. Онъ говорилъ: «Я стоялъ въ Азіи и смотрѣлъ на Европу; широкій Геллесовъ пролилъ между нами, и ночная тѣнь спускалась на горы. Два обширные материка казались мнѣ какъ бы двумя соперничающими правительственными принципами, которые борются за господство надъ міромъ...»

Эти то два принципа лордъ Биконсфильдъ потомъ сталъ часто противопоставлять одинъ другому и даже явно отдавать предпочтеніе принципу азіатскому. Въ связи съ сильной струей идѣизма въ характерѣ и произведеніяхъ Дизраэли, та сторона его возрѣвнѣй, о которой мы говоримъ, является объясненіемъ его колеблющейся торн-радикальной программы. Поэтому, новое «восточное» направленіе его мысли, которое произвело «Контарини Флемингъ» и всего полнѣе выразилось въ «Тамкредѣ», заслоняетъ въ нашихъ глазахъ политическіе памфлеты и политическо-философскія разсужденія, которыя въ періодъ своихъ наибольшихъ неудачъ, Дизраэли выпустилъ въ свѣтъ, подъ названіемъ «Защита англійской конституціи» и «Письма Руннимеда», составляющіе блѣдное подражаніе знаменитымъ письмамъ Ювіуса. Отдѣльный разборъ того и другого не представлялъ бы интереса; нѣкоторыя сентенціи и нападки историка-публициста философа Дизраэли, мы разсмотримъ при анализѣ лучшихъ его романовъ «Coningsby» и «Sybil», въ связи съ практической, парламентскою дѣятельностью автора и послѣ того, какъ ознакомимся съ его «восточными» возрѣвнѣніями, такъ какъ послѣднія проникаютъ собою всю

нравственную и политическую физиономию вышшаго британскаго премьера.

IV.

На ряду съ ненавистью къ вигамъ, отличительною чертою политическаго и литературнаго характера лорда Биконсфилда является культъ юдаизма. Приверженность къ еврейству, которому Дизраэли не измѣнялъ во всю жизнь, составляетъ даже почтенную черту его характера: принявъ христіанство, онъ остался въ душѣ тѣмъ же евреемъ, глубоко преданнымъ дѣлу національнаго величія своей расы, сохранилъ отличительныя черты еврейскаго характера и въ политической дѣятельности. Первая изъ этихъ характеристическихъ особенностей состоитъ въ умѣнии прилаживаться къ обстоятельствамъ и основываться съ идеями окружающихъ. Биографы Дизраэли вполне примѣняютъ къ нему слова Ренана о еврейскомъ историкѣ Иосифѣ: «Онъ обладалъ тою вышшею легкостью, которая даетъ возможность еврею, перенесенному въ среду, чуждую по цивилизаціи, съ изумительною быстротою прилаживаться къ теченію идей, среди которыхъ онъ очутился, и видѣть, съ какой стороны онъ можетъ ихъ эксплуатировать.» Это явленіе, замѣтное вообще среди литературныхъ и политическихъ дѣятелей Западной Европы изъ евреевъ, при сильномъ развитіи еврейскаго элемента въ административныхъ, финансовыхъ и журнальныхъ сферахъ Европы, постоянно проявлялось и въ характерѣ Дизраэли. Въ качествѣ англійскаго государственнаго человѣка, онъ оставался вѣрнымъ британскимъ интересамъ, какъ бывали вѣрны, въ старое время, швейцарцы-наемники тѣмъ государствамъ, въ войска которыхъ поступали на службу; при случаѣ онъ имѣлъ тѣмъ болѣе возможности служить еврейскому народу. Что окружающая дѣйствительность не гармонировала съ идеями Дизраэли, это видно изъ признаній въ его «психологическомъ романѣ» или «Контарини Флемингъ». Въ предисловіи къ этому роману авторъ поясняетъ, что онъ «пытался создать такое лицо, котораго вышшее положеніе находилось бы въ разногласіи и даже въ постоянномъ столкновеніи съ его настроеніемъ». Герой романа путешествуетъ въ Скандинавіи и на югъ, посѣщаетъ Испанію, Венецію (мѣста, гдѣ жили предки автора), Турцію, Іерусалимъ; картина дальняго, романтическаго города постоянно напоминаетъ о себѣ этому уроженцу юга, окруженному чуждымъ сѣгами и лѣсами. Такъ какъ

названный романъ также считается частію автобіографическимъ произведеніемъ, то одинъ англійскій журналъ и замѣтилъ, что «вмѣсто снѣговъ и лѣсовъ Скандинавіи можно подставить туманы и дожди Англій», а затѣмъ очень возможно, что образъ «романтическихъ мѣстъ», т. е. Иерусалима и Венеціи, постоляно находится въ умѣ автора, который сохранилъ въ себѣ качества полуеврея-полуенеціянца. Если герой «Вивіана Грея» на пути своего политическаго честолюбія находитъ преграду въ видѣ бѣдности и плебейскаго происхожденія, то Контарини Флемингъ, уроженецъ Венеціи, находясь въ Скандинавіи, находитъ такіа же преграды въ видѣ чуждой расы, нравственной и умственной розни ея съ собою. Цѣль у того и другого—одна и та же, приобрести могущество, извѣстность, поклоненіе окружающихъ, безъ особенной разборчивости путей и способовъ для того—цѣль возвеличенія, къ тому же, чисто личная: счастье другихъ никогда не имѣется въ виду ни у Вивіана, ни у Контарини, чего уже нельзя сказать о герояхъ зрѣлаго возраста автора, Конингсби и Эгремонтѣ.

Кромѣ искусства прилаживаться къ чуждымъ идеямъ и обстоятельствамъ, особенностью еврейскаго характера обыкновенно бываетъ ненависть и жажда мести, порожденныя многовѣковыми притѣсненіями и безправностью. Быть можетъ, слѣды этихъ свойствъ находятся въ ненависти лорда Виконсфильда къ англійской либеральной аристократіи, въ презрительномъ, проиическомъ отношеніи къ маркизамъ Карабасамъ и лордамъ Монмутамъ, выведеннымъ въ его романахъ. Судьба поставила, между тѣмъ, Дизраэли именно представителемъ и защитникомъ крупныхъ лордовъ и поземельной аристократіи. Напомнимъ вліянія, какія должны были дѣйствовать въ пору дѣтства Дизраэли. До 12 ти лѣтняго возраста, т. е. именно до крещенія, Веніаминъ Дизраэли находился подъ вліяніемъ своего дѣда, венеціянскаго эмигранта; онъ его называетъ человекомъ смѣтливымъ, отважнымъ, энергическимъ, дѣловымъ и знавшимъ удачу въ своихъ предпріятіяхъ! Случайная неудача не могла довести его до упадка духа; энергическій умъ венеціянскаго еврея, даже среди несчастій, умѣлъ находить ресурсы. Отецъ юноши, напротивъ, былъ весь поглощенъ своими литературными трудами и книгами. Но у того и другого была общая черта—нѣкоторое отчужденіе отъ общества, составлявшее, можетъ быть, результатъ вѣковыхъ предрасудковъ противъ расы и религіи евреевъ. Первый Дизраэли находилъ исходъ изъ такого положенія въ обыкновенныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, второй—въ книгахъ. Была еще семейная особенность, которую описываетъ самъ лордъ Виконсфильдъ: его бабка,

отъ постояннаго сознанія своего униженнаго, безправнаго состоянія, возненавидѣла своихъ соплеменниковъ, не могла терпѣть даже своего фамильнаго имени, которое напоминало о ея еврейскомъ происхожденіи. Всѣ эти картины, подъ вліяніемъ таланта и развитія, съ одной стороны, и формальнаго принятія христіанства, съ другой, могли способствовать созданію въ нравственной фізіономіи лорда Бивонсфильда защитника угнетенныхъ, выработкѣ въ немъ духа юдаизма, который внесенъ имъ въ политику и въ литературу. Любовь къ восточнымъ народамъ и ненависть къ «франкамъ» (умѣраемая лишь британскою лояльностью) были продуктомъ такого настроенія, которое особенно усилилось послѣ путешествія по Востоку, послѣ насмѣшекъ и неудачъ, испытанныхъ въ отечествѣ. Въ размышленіяхъ путешествующаго по востоку Контарини Флемингъ мы находимъ такіа мѣста: «Съ ужасомъ припоминаю я, что, въ силу какой-то таинственной необходимости, цивилизація, повидимому, покидаетъ самые счастливые края и самые одаренные народы. Персы, эстетическій по своему существу, арабы, котораго гибкій умъ могъ проникнуть въ самыя сокровенныя святаяища природы, греки, котораго чуткое пониманіе казалось исключительно пригоднымъ для созданія прекраснаго, сдѣлались теперь невѣжественными рабами среди варварскихъ земель. Искусства перешли къ плосконосимъ франкамъ. Они трудятся, изучаютъ, изобрѣтаютъ теоріи для объясненія своей неспособности: причиною является то климатъ, то рельефъ, то правительство, все, кромѣ истины, кромѣ общаго подозрѣнія, что, быть можетъ, самая организація франковъ ниже и что они составляютъ расу, столь же несомнѣнно отличную отъ своихъ образцовъ, какъ сами различны отъ калмыка и негра». Такой приговоръ прямо ведетъ къ различію расъ, къ рѣзкому раздѣленію ихъ на высшія и низшія, даже къ высказанной въ томъ же романѣ гипотезѣ, что «различныя людскія племена, населяющія земной шаръ, происходятъ отъ разнородныхъ особей». Высшія, наиболѣе даровитыя и умныя расы—восточныя, и между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ еврейская. Дизраэли является такимъ еврейскимъ апологетомъ, что ему позавидовали бы древніе историки Юсифъ и Аристовуль, которые доказывали, что философскіе и моральные взгляды греческихъ и римскихъ поэтовъ и ученыхъ заимствованы изъ еврейскихъ священныхъ книгъ. Дизраэли доказывалъ, что почти всѣ наиболѣе замѣчательные люди науки, искусства, мысли, дѣйствія, какіе являлись въ новѣйшей Европѣ, были евреи. Вотъ страстная защита евреевъ въ словахъ идеальнаго еврея

Сидоніи, который просвѣщаетъ молодого Конингсби о значительномъ превосходствѣ еврейской расы:

«Вы не найдете въ Европѣ ни одного великаго умственнаго движенія, въ которомъ не принимали бы большаго участія евреи. Первые іезуиты были евреи. Въ Германіи евреи почти монополизуютъ профессорскія кафедры. Неандеръ, основатель «духовнаго христіанства», профессоръ богословія въ берлинскомъ университетѣ, еврей. Вейль, профессоръ арабскаго языка въ Гейдельбергѣ, еврей. Вейль собиралъ въ Палестинѣ, на самомъ мѣстѣ, матеріалы для своей «Исторіи христіанства», изучалъ геній страны. Германскимъ профессорамъ этой расы имя легионъ». Далѣе Сидонія рассказываетъ, что, по своимъ финансовымъ дѣламъ (Сидонія — могущественный банкиръ, напоминающій Ротшильда), ему пришлось послѣдовательно вести переговоры въ Россіи и Испаніи относительно заключенія займовъ; онъ вездѣ встрѣчалъ своихъ соплеменниковъ: въ графѣ Канкринѣ онъ нашелъ лифляндскаго еврея, а въ сензорѣ Мендизавель — аррагонскаго еврея. Изъ Мадрида Сидонія отправился въ Парижъ для совѣщанія съ президентомъ совѣта министровъ и нангелъ — французскаго еврея, императорскаго маршала (Сультъ). (Были и другіе наполеоновскіе генералы изъ евреевъ, напримѣръ Массена, настоящее имя котораго Манассехъ). Финансовыя совѣщанія Сидонія съ Сультомъ указали ему необходимость обратиться въ Пруссію, и въ прусскомъ министрѣ, графѣ Арнимѣ, явившемся на нихъ конференцію, Сидонія узналъ прусскаго еврея. «Итакъ, вы видите, мой милый Конингсби, заключаетъ Сидонія: — что міръ управляется совсѣмъ не тѣми лицами, которыхъ обыкновенно считаютъ правителями люди, не знающіе закулисныхъ тайнъ...» (Какое легкое доказательство любимой мысли автора, что евреи управляютъ міромъ!).

— Но почему же ваша раса, столь одаренная природой, возражаетъ Конингсби: — не произвела великихъ поэтовъ, великихъ ораторовъ, великихъ писателей?

— Мы произвели на свѣтъ лиру Давида, мы дали вамъ Исаію и Іезекиилю. Благодаря особенностямъ своей расы, мы держимся, но, соразмѣрно этому покровительству природы, насъ преслѣдовалъ челоѣкъ. Послѣ множества битвъ, послѣ проявленій геройскаго мужества, съ какимъ не сравнивается даже Римъ, послѣ дѣяній патріотизма, которыхъ никогда не превосходили Афины, Спарта, Карфагенъ, мы вынесли полторы тысячи лѣтъ самаго тяжкаго рабства, но мы его посрамитъ. Еврейскій ребенокъ, съ наступленіемъ отрочества, зналъ, что онъ — парія среди неблаго-

*

дарной Европы, которая обязана ему лучшей частью своихъ законовъ, лучшей долей своей литературы и всей своей религіей. Великіе поэты требуютъ себѣ публики; мы же довольствовались безсмертными мелодіями, которыя пѣли болѣе двухъ тысячъ лѣтъ назадъ на рѣкахъ Вавилонскихъ. Великіе ораторы создаются народными собраніями; мы же могли только, крадучись, собираться даже въ нашихъ храмахъ. Что же касается ученыхъ, то много ли значить самъ Аквинасъ передъ Маймонидами, а новѣйшая философія вся происходитъ отъ Спинозы. Музыкальная Европа вполне наша. Нѣтъ труппы пѣвцовъ, нѣтъ оркестра въ столицѣ, которые бы не были переполнены нашими соплеменниками, подъ вымышленными именами. Почти каждый великій композиторъ, искусный музыкантъ, почти каждый голосъ, восхищающій насъ плѣнительными звуками, выходитъ изъ нашего племени. Россини, Мейерберъ, Мендельсонъ принадлежать еврейской расѣ; ваши лондонскіе денди и не подозреваютъ, что, восторгаясь голосомъ Гривви или Паста, они поклоняются пѣвицѣ израильскаго племени!

Авторъ, влагая подобныя изысканія въ уста самаго любимаго своего героя, не подозреваетъ, конечно, какъ мало доказательны эти примѣры еврейскаго гениа среди европейскихъ обществъ; приведенный списокъ именъ можно бы измѣнить, убавить и дополнить. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ предковъ прусскихъ графовъ Арнимъ (какъ извѣстно, весьма аристократической фамиліи) будетъ струйка еврейскаго происхожденія (что, впрочемъ, сомнительно): неужели изъ-за этого можно считать евреемъ современнаго представителя этой фамиліи, которая могла имѣть въ числѣ своихъ предковъ и людей изъ другихъ племенъ. Намъ приходится на мысль подобныя же попытки отысканія славянъ не только въ нынѣшнихъ нѣмцахъ, но даже и еще дальше. У насъ такія изысканія возбуждаютъ только улыбку. Трудно себѣ представить, чтобъ даже дѣйствительно еврейскаго происхожденія люди, отличившіеся талантомъ на томъ или другомъ поприщѣ, могли тѣмъ самымъ возвеличивать все еврейское племя, которому и безъ того нѣтъ не откажется въ даровитости. Талантъ не можетъ выражаться внѣ условій мѣста, времени, т. е. извѣстнаго государства, извѣстной эпохи, того или другого народнаго быта, если не предположить только, что евреи живутъ замкнутыми колоніями, чего нынѣ уже и не бываетъ. Дизраэли, или его идеальный еврей Сидонія, думаетъ иначе; онъ даже составилъ себѣ особый взглядъ на отношеніе еврейства къ англійской политической жизни. Но прежде приведемъ подробную, соеди-

венную съ эпизодами изъ новѣйшей еврейской исторіи характеристичеку этого таинственнаго еврея, въ которомъ авторъ, очевидно, хочетъ представить олицетвореніе своей даровитой расы.

V.

«Сидонія происходилъ отъ древней, знатной аррагонской фамиліи, которая, въ теченіи вѣковъ, дала государству многихъ знаменитыхъ гражданъ. Въ сословіи духовенства члены ея особенно были знамениты. Кромѣ нѣсколькихъ прелатовъ, они насчитывали въ своемъ числѣ архіепископа Толедскаго; одинъ изъ рода Сидонія, въ самую опасную и трудную пору, нѣсколько разъ исполнялъ даже обязанности великаго инквизитора».

Самое странное то, что эта знаменитая фамилія все время тайно соблюдала вѣру и обряды своихъ отцовъ по закону Моисееву. Они происходили отъ евреевъ-арабовъ (которые являются и въ «Танкредѣ»), перешедшихъ изъ Африки въ Европу задолго до нашествія арабовъ-магометанъ. Въ Африкѣ эти евреи жили съ незапамятныхъ временъ, какъ говорятъ ихъ преданія; очень возможно, что они были потомками какихъ-нибудь раннихъ выходцевъ евреевъ, подобно тѣмъ еврейскимъ колоніямъ, которыя находились въ Китаѣ и которыя, вѣроятно, выселились изъ Персіи при ея великихъ монархахъ. Безпримѣрное благосостояніе такихъ колоній на испанскомъ полуостровѣ, особенно на югѣ, гдѣ исключительно они занимались воздѣлываніемъ почвы, возбуждало зависть готовъ, и Толедскіе соборы въ VI и VII столѣтіяхъ пытались цѣлымъ рядомъ постановленій согнать съ земли евреевъ-арабовъ. Еврейское населеніе, страдавшее отъ жестокости и кровожадности преслѣдованій, обратило взоры на братьевъ со знаменемъ полумѣсяца, шатры которыхъ уже блестяли на противоположномъ берегу. Ниспроверженіе готскихъ королевствъ совершилось, сколько храбростью сыновъ пустыни, столько же и благодаря помощи, полученной арабами отъ своихъ соплеменниковъ. Возникли сарацинскія королевства; сыны Измаила вознаградили сыновъ Израіля равноправностью. Въ продолженіе существованія арабскихъ царствъ, трудно было отличить въ Испаніи послѣдователей Моисея отъ поклонниковъ Магомета: тѣ и другіе строили дворцы, сады и фонтаны, одинаково занимали высшія должности въ государствахъ, взаимно соревновали въ торговлѣ и наукѣ. Даже послѣ паденія главныхъ маврскихъ царствъ, побѣдители готы сперва относи-

лись къ испанскимъ евреямъ съ уваженіемъ, по причинѣ ихъ численности, богатства, воинственности и отваги, и потому, что особенно въ Арагоніи они были владѣльцами земли. Но съ усиленіемъ готовъ начались преслѣдованія. Гдѣ еврейское населеніе было малочисленно, тамъ его лишали правъ или вынуждали къ обращенію подѣ именемъ «новыхъ христіанъ». Наконецъ, совершилось соединеніе королевствъ Фердинанда и Изабеллы, паденіе послѣдняго арабскаго царства, явилась инквизиція, искренность обращенія «новыхъ христіанъ» испытывали на кострахъ, изобличенные въ еврейскомъ происхожденіи подвергались преслѣдованіямъ; затѣмъ, были изгнаны изъ Испаніи самыя трудолюбивыя и разумныя ея граждане, арабы моисеева и магометова закона. Фамилія арагонская Сидонія была въ числѣ «новыхъ христіанъ». Нѣкоторые изъ ея членовъ были сожжены при системѣ Торрвемады, но остальные сохранили свои титулы и имѣнія. Въ теченіе продолжительныхъ войнъ на полуостровѣ, одинъ изъ младшихъ членовъ этой фамиліи составилъ себѣ большое состояніе военными контрактами и поставкою комиссаріатскихъ принадлежностей въ арміи. Съ наступленіемъ мира, предчувствуя великую финансовую будущность Европы, обладая деньгами, талантомъ и знаніемъ національныхъ ресурсовъ, этотъ Сидонія переселился въ Англію; онъ сознавалъ, что ни Мадридъ, ни Кадиксъ не могутъ служить центромъ финансовыхъ операцій. Въ Англіи онъ все свое состояніе помѣстилъ въ Ватерлооскій заемъ и сдѣлался однимъ изъ крупнѣйшихъ капиталистовъ Европы. Перейдя въ Англію, Сидонія сталъ открыто держаться іудейской религіи; снабжалъ деньгами всю Европу, кромѣ Испаніи, естественные ресурсы которой хорошо зналъ. Онъ сдѣлался повелителемъ денежнаго рынка; монархи и министры обращались къ нему за совѣтами и указаніями. Но среди этой кипучей дѣятельности, онъ умеръ, оставивъ все состояніе единственному сыну, идеальному герою романовъ Дизраэли. Молодой Сидонія не имѣлъ доступа въ университеты и школы, но получилъ образованіе дома, благодаря удачно выбранному отцомъ наставнику, который до революціи былъ іезуитомъ, потомъ либеральнымъ изгнанникомъ, затѣмъ членомъ испанскихъ кортесовъ, и все время неизмѣнно оставался евреемъ. Сидонія выказалъ раннее умственное развитіе, вообще свойственное арабамъ; съ неимовѣрною легкостью проникъ высшія тайны математики и скоро освоился съ главнѣйшими европейскими новыми языками, причемъ его съ колебелами пріучили гордиться именемъ англичанина. Въ путешествіи по Европѣ, принятый къ неаполитанскому двору, котораго онъ былъ главнымъ кредиторомъ,

Сидонія рано усвоилъ себѣ и утонченныя навыки высшаго общества, необходимыя для окончательнаго образованія человѣка для выработки жизненнаго такта.

Достигнувъ совершеннѣйшаго, Сидонія, согласно рѣшенію фамиліаго совѣта, пять лѣтъ путешествовать по свѣту; проникать въ Африку по Нилу до Сеннаара и Абиссиніи, пробѣжалъ азіатскій материкъ до Татаріи; посѣтилъ Индостанъ и малозвѣстные индійскіе острова. Потомъ о немъ слышали въ Вальпараисо, въ Бразиліи, въ Лимѣ. Пробывъ нѣкоторое время въ Мексикѣ, онъ отправился въ Соединенные Штаты и въ одно утро пріѣхалъ въ Лондонъ безъ предувѣдомленія.

«Сидонія исчерпалъ всѣ источники человѣческаго знанія, изучилъ разныя народы, языки, живые и мертвые, былъ знакомъ съ литературою востока и запада. Онъ довелъ научныя изслѣдованія до возможнаго предѣла и самъ провѣрялъ ихъ путемъ наблюденія и опыта. Сидонія жилъ во всѣхъ классахъ общества, видѣлъ всевозможныя комбинаціи природы и искусства, наблюдалъ человѣка въ различныхъ фазисахъ цивилизаціи, изучалъ его даже въ пустынѣ. Вліяніе религій, законовъ, нравовъ, обычаевъ, преданій, во всемъ ихъ разнообразіи, не ушло отъ его воркаго изслѣдованія. Къ изученію этого громаднаго запаса знаній Сидонія приложилъ провѣщательный умъ, созрѣвшій путемъ долгихъ размышленій, при помощи безусловной свободы отъ предразсудковъ, которая ему досталась, какъ бы въ вознагражденіе за немѣнныя отечества; все это дало возможность Сидоніи проникать въ вопросы, повидимому, чрезвычайно трудныя и глубокія. Онъ обладалъ рѣдкою способностью выражаться, передавать съ точностью самыя отвлеченныя идеи. При этихъ познаніяхъ, соединенныхъ съ громаднымъ богатствомъ и съ атлетическимъ тѣлосложеніемъ, Сидонія все-таки не чувствовала довольства жизнью; она возбуждала только его любопытство. Религія не допускала Сидонію до исполненія гражданскихъ обязанностей; богатство избавляло его отъ тревоги о добываніи хлѣба. Сидонія сознавалъ себя суще, ствомъ одинокимъ, свободнымъ и отъ заботъ и отъ обязанностей. Для человѣка въ его положеніи могъ бы еще быть вѣрный источникъ радости — семейное счастье. Но это было для Сидоніи недоступно. Въ его организаціи существовала особенность-которая была также и большимъ его недостаткомъ. Онъ не имѣлъ привязанностей, и хотя былъ способенъ къ глубокому чувству, но не для отдѣльныхъ личностей. Сидонія былъ способенъ наприимѣръ, отстроить, сожженный городъ, возстановить колонію, разрушенную какимъ-нибудь страшнымъ явленіемъ природы, возвратить свободу толпѣ узниковъ, и всѣ эти великія

дѣла онъ могъ совершить втайнѣ. Не имѣя самолюбія, онъ не цѣнилъ и публичнаго одобренія. Отдѣльное лицо его не трогало; женщина была въ его глазахъ игрушкой, человекъ — машиной.

Подобные темпераменты свойственны Востоку, хотя и рѣдко встрѣчаются. Такимъ духомъ были одушевлены основатели великихъ монархій древности, пророки, которыхъ высылали на свѣтъ пустыня, татарскіе вожди, которые прошли по свѣту. Этотъ же духъ можно замѣтить и въ великомъ корсиканцѣ, который, подобно большинству обитателей острововъ Средиземнаго моря, вѣроятно, имѣлъ въ себѣ арабскую кровь. Такой характеръ годится для завоевателей и законодателей, но въ обыкновенное время, въ обычномъ положеніи, онъ сообщаетъ своимъ обладателямъ только эксцентрическое настроеніе или глубокую меланхолію.

Единственное человѣческое качество, интересовавшее Сидонію, былъ умъ. Сидонія не особенно заботился о томъ, какъ проявлялась умственная сила; религія, страна, общественный классъ, характеръ были въ этомъ отношеніи для него безразличны. Писатель, артистъ, ученый никогда не обращались къ нему напрасно; часто онъ предупреждалъ ихъ нужды и желанія, одобрялъ ихъ, поддерживалъ и своею бесѣдою и матеріальною помощью, но какъ скоро они переставали быть писателями, артистами, философами, и искали сближенія съ нимъ только, какъ съ симпатичнымъ человѣкомъ, онъ отходилъ прочь. Впрочемъ, была и еще сторона жизни, привлекавшая къ себѣ Сидонію. Онъ зналъ всѣхъ европейскихъ политическихъ авантюристовъ, поддерживалъ сношенія со всѣми даровитыми отверженцами людскаго общества. Перечисленіе его знакомствъ въ лицѣ грековъ, армянъ, арабовъ, тайныхъ евреевъ, татаръ, цыганъ, странствующихъ поляковъ и карбонаровъ пролило бы интересный свѣтъ на тѣ подземные двигатели, о которыхъ міръ вообще знаетъ мало, но которые оказываютъ большое вліяніе на событія. Обширныя путешествія, знаніе языковъ, смѣлый и предприимчивый характеръ и громадныя средства представляли Сидонію случаи сходиться съ этими личностями и пріобрѣтать ихъ расположеніе. Отсюда у Сидоніи происходило знаніе различныхъ скрытыхъ обстоятельствъ, которое часто поражало его слушателей. Свѣдѣнія дошли до него изъ столь многихъ и противоположныхъ источниковъ, что Сидонія почти тотчасъ могъ опредѣлить истину; обмануть Сидонію было нелегко и даже невозможно. Любимымъ его занятіемъ была секретная исторія людскихъ обществъ. Ему доставляло удовольствіе сопоставлять тайныя пружины событій съ показными ихъ причинами.

Постоянно интересовали Сидонію также его происхожденіе и

судьбы его расы. Убѣжденіе въ божественной милости могло бы въ его глазахъ служить вознагражденіемъ за людское преслѣдованіе, такъ какъ Сидонія оставался столь же твердъ въ вѣрѣ Моисеевой, какъ будто бы труба еще звучала на горѣ Синаѣ. Но были и другія соображенія, болѣе земнаго характера, которыя заставляли Сидонію гордиться своимъ происхожденіемъ и сохранять увѣренность въ великой будущности своей расы. Сидонія зналъ, что въ числѣ пяти разновидностей, на которыя дѣлится человѣчскій родъ, кавказской, монгольской, малайской, американской и эіопской, арабскія племена стоятъ въ первомъ и высшемъ отдѣлѣ, вмѣстѣ съ саксонскими и греческими. Но Сидонія и его собратья могли претендовать еще на одно отличіе, котораго не имѣли ни саксонскія, ни греческія, ни остальные кавказскія племена. Евреи—раса цѣльная, безъ постороннихъ примѣсей. Безъ сомнѣнія среди племенъ, обитающихъ въ нѣдрахъ пустыни, прародителей арабовъ, какъ магометанскаго, такъ и еврейскаго закона, кровь можетъ быть столь же чиста, какъ у прямыхъ потомковъ Авраама. Но изъ живущихъ въ городахъ самая древняя, если не единственная безпримѣсная кровь течетъ въ жилахъ арабовъ моисеева закона. Чистокровная раса перворазрядной (т. е. кавказской) разновидности людей составляетъ аристократію, указываемую самою природою. Такое превосходство составляетъ положительный фактъ, проявляющійся въ физическихъ преимуществахъ этой расы и въ ея умственной силѣ.

Въ своихъ обширныхъ путешествіяхъ Сидонія посѣщалъ и изслѣдовалъ существующія еврейскія общества; низшіе слои ихъ онъ нашелъ вообще въ жалкомъ состояніи, высшіе—въ погонѣ за корыстными дѣлами, но замѣтилъ, что умственные силы племени не были извращены. Это подало ему надежду на лучшее будущее. Онъ получилъ убѣжденіе, что природная организація евреевъ переживетъ и преслѣдованія и дурные жизненные наросты. Размышляя о томъ, что перенесли евреи, Сидонія удивлялся, какъ они до сихъ поръ не исчезли. Именно чистотѣ кавказской крови и генію великаго еврейскаго законодателя Сидонія и приписывалъ тотъ фактъ, что евреи уже давно не были поглощены тѣми смѣшанными расами, которыя думали ихъ искоренить преслѣдованіемъ, но сами періодически приходили въ упадокъ и исчезали, между тѣмъ, какъ жертвы ихъ процвѣтаютъ, во всей первобытной силѣ чистой азіатской крови.

Нѣсколько суровый, монотонный характеръ англійской жизни пришелся кстати для человѣка, который былъ чуждъ всякой чувствительности и часто давалъ просторъ сарказму. Сидонія былъ именно такой человѣкъ, который могъ рассчитывать на благосклон-

ный приемъ въ английскихъ кругахъ. Его громадное богатство, безпримѣрное знаніе общества, ясный, сильный умъ, суровая простота приемовъ, свободное, лишенное всякой претенціозности обращеніе, и любовь къ охотѣ и рыбной ловлѣ, составлявшимъ предохранительный клапанъ его энергій, все это такіа качества, которыа англичане цѣнятъ и любятъ.

Такой-то феноменальный продуктъ восточной фантазіи автора является въ качествѣ авторитетнаго ментора или, вѣрнѣе, оракула двухъ представителей английской молодежи высшаго круга, Конингсби и Танкреда Монтекьюта. Онъ же еще невольнo возбуждаетъ въ себѣ нѣжную страсть въ молодой женѣ стараго лорда Монмута, но, разумѣется, не допускается авторомъ ни до какаго романческаго увлеченія; при томъ же Сидонія очень заботится о сохраненіи чистоты своей расы и потому, если даже взялъ бы жену, то непременно еврейку. Мы приведемъ нѣсколько сценъ, въ которыхъ Сидонія, а въ его лицѣ самъ авторъ высказывается относительно поставленныхъ въ романахъ политическихъ вопросовъ.

VI.

Сидонія является эпизодически - дѣйствующимъ лицомъ въ двухъ романахъ; правда, его дѣйствіе ограничивается почти только разговорами, изрядно монотонными, но вѣдь и вообще большинство романовъ Дизраэли не столько беллетристическіа произведенія, сколько политическіе памфлеты или диссертации въ лицахъ, которымъ отведены то догматическіа, то злодѣйскія, то сатирическіа роли, и только эти послѣднія, съ прибавкою мелкихъ комическихъ эпизодовъ, спасаютъ отъ утомленія читателя, который сталъ бы въ романахъ искать обыкновеннаго легкаго чтенія. Едва ли не одинъ «Вивіанъ Грей» изъ числа собственно политическихъ романовъ Дизраэли читается легко и, особенно во второй части, наполненъ сценами и картиннами чисто беллетристическаго свойства. На фигуру Сидонія потрачено авторомъ столько старанія, а практическаго, полезнаго дѣла этотъ еврей дѣлаетъ такъ мало, что, очевидно, онъ выведенъ только для разсужденій, которыа должны занимать важное мѣсто въ политическихъ и общественныхъ professions de foi автора. Послѣдній, во время сочиненія «Конингсби» и «Танкреда», былъ уже не юнымъ авантюристомъ, который талантливо изобразилъ въ «Вивіанѣ Грей» современную жизнь и политическіе нравы и безъ даль-

нихъ размышленій былъ доволенъ своимъ успѣхомъ, не зная еще хорошенько, какую политическую фигуру самъ будетъ изображать впоследствии. Но двадцать лѣтъ спустя, авторъ уже сорокалѣтній человекъ, членъ парламента, правда, изъ молодыхъ, но порядочно обстрѣленный, какъ въ стѣнахъ парламента, такъ и внѣ его, принимающій участіе въ важныхъ парламентскихъ спорахъ и желающій уяснить себѣ самому и англійской публикѣ задачи молодого поколѣнія и задачи преобразованной на его вкусъ Британіи. Онъ честолюбивъ и помнитъ, что въ Англійю можно проложить себѣ дорогу, если не знатностью рода и не богатствомъ, то только талантомъ и притомъ оригинальнымъ, выдвигающимся изъ обыкновенныхъ шаблоновъ. Вотъ и является еврей Сидонія съ такими политико-общественными теоріями, которыя теперь, еще тридцать лѣтъ спустя, могутъ быть приняты развѣ только въ видѣ предостереженія противъ «восточныхъ» взглядовъ на политику, хотя въ отрицательномъ отношеніи имъ иногда нельзя отказать въ правильности.

Впервые Сидонія выводится на сцену подъ видомъ незнакомца, съ которымъ молодой Кониингсби, внукъ аристократа, лорда Монмута, только что вышедшій изъ Итонской коллегии, встрѣчается въ лѣсной гостинницѣ, куда укрывся отъ бури. Между ними завязывается разговоръ, въ которомъ незнакомецъ поразилъ молодого человека разнообразіемъ своихъ знаний, обширнымъ знакомствомъ съ разными странами свѣта и въ особенности съ востокомъ, и пріятною манерою бесѣды, которая вовсе не составляла монополіи ученаго собесѣдника. Напротивъ, къ мнѣніямъ и сужденіямъ юноши онъ прислушивался съ серьезнымъ вниманіемъ, и разговоръ незамѣтно перешелъ на тѣ вопросы, которые занимали въ то время развитую Итонскую молодежь, а въ числѣ ея Кониингсби занималъ одно изъ видныхъ мѣстъ.

— Я вижу, сказалъ Кониингсби, продолжая нить мысли своего собесѣдника:—что вы питаете большое довѣріе къ вліянію личнаго характера. Я также имѣю нѣкоторыя смутныя убѣжденія въ томъ родѣ. Но вѣдь духъ вѣка не таковъ.

— Нашъ вѣкъ не вѣрится въ великихъ людей, потому что не имѣетъ ихъ, возразилъ незнакомецъ:—духъ вѣка именно и долженъ быть пересозданъ великимъ человекомъ.

— Но не самъ ли такой человекъ скорѣе будетъ пользоваться духомъ вѣка? спросилъ Кониингсби.

— Пользуются только «*cravepus*», пояснилъ его собесѣдникъ:— но не пророки, не великіе законодатели, не великіе завоеватели.

Тѣ сами разрушаютъ и создаютъ. (Дизраэли, очевидно, не хотѣть, чтобъ его самого признали за рагчену).

— Но время ли теперь для великихъ законодателей и завоевателей?

— Когда же они были болѣе нужны? Отъ трона до лачуги все призываетъ вождя.

— Но что значить отдѣльный человѣкъ, воскликнулъ Кониингсби:—противъ общественнаго мнѣнія?

— Сообразите сами, сказалъ незнакомецъ. Человѣка сотворилъ Богъ по своему подобію, а публика формируется газетами, членами парламента, сборщиками податей, попечителями о бѣдныхъ. Развѣ Филиппъ могъ бы добиться успѣха, еслибы Эпаминондъ не былъ убитъ? А что было бы, еслибы Филиппъ не добился успѣха? Развѣ существовала бы Пруссія, еслибы не родился Фридрихъ? А еслибы Фридрихъ не родился? Какова была бы судьба Стюартовъ, еслибы не умеръ принцъ Генрихъ, и Карлъ I сдѣлался бы архіепископомъ Кентербурійскимъ, какъ и предполагалось?

— Но пока люди молоды, они нуждаются въ опытности, сказалъ Кониингсби:—а когда приобретутъ опытность, то уже не имѣютъ энергіи.

— Великіе люди никогда не нуждаются въ опытности, сказалъ незнакомецъ.

— Но всѣ говорятъ, что опытность...

— Самая лучшая вещь на свѣтѣ. Это кладъ для васъ, для меня, для миллионовъ людей. Но для творческаго ума опытность меньше, чѣмъ ничто. Почти все великое сдѣлано было молодыми людьми.

— Это, по крайней мѣрѣ, лестно для нашихъ лѣтъ, сказалъ Кониингсби, улыбаясь.

— Нѣтъ, сказалъ незнакомецъ:—для обыкновеннаго человѣка одинъ порядокъ. Въ юности—заблужденія, въ зрѣломъ возрастѣ—борьба, въ старости—сожалѣніе. Не думайте, прибавилъ онъ съ улыбкой:—чтобъ я считалъ непремѣнно молодость гениальною. Я говорю только, что гений въ молодости представляетъ собою нѣчто божественное. Почему великіе полководцы древнихъ и новыхъ временъ завоевывали Италію 25 лѣтъ отъ роду? Персидское царство было разрушено человѣкомъ крайне молодыхъ лѣтъ. Донъ Жуанъ Австрійскій 25 лѣтъ выигралъ побѣду при Лепанто, и еслибы не зависть Филиппа, то на слѣдующій годъ онъ былъ бы мавританскимъ императоромъ. Густавъ Адольфъ умеръ 38 лѣтъ. Изъ его полководцевъ, знаменитый герцогъ Веймарскій умеръ 36 лѣтъ, даже Баннеръ, послѣ всѣхъ своихъ изумитель-

ныхъ побѣдъ, умеръ 45 лѣтъ. Кортесъ имѣлъ 30 съ небольшимъ, когда увидалъ золотыя куполы Мексики. По смерти Морица Саксонскаго, 32 лѣтъ отъ рожденія, вся Европа признала въ лицѣ его потерю величайшаго полководца и самаго мудраго государственнаго человѣка своего времени. Есть еще Нельсонъ, Клейвъ, но это все войны, а вы, быть можетъ, думаете, что есть на свѣтѣ вещи поважнѣе войны. Я не того мнѣнія; я поклоняюсь «Богу воинствъ». Но возьмемъ наиболѣе знаменитыхъ изъ гражданскихъ дѣятелей. Иннокентій III, величайшій изъ папъ, былъ главою христіанства 37 лѣтъ. Лютеръ лишилъ папство его лучшей области въ 35 лѣтнемъ возрастѣ. Игнатій Лойола и Джонъ Уэсли работали молодою умственною силою. Паскаль, величайшій изъ французовъ, написалъ крупное произведеніе 16 лѣтъ и умеръ 37. Это роковое число 37 напоминаетъ мнѣ о Байронѣ, въ которомъ человѣкъ былъ еще выше писателя. Ричелье былъ государственнымъ секретаремъ 31 года отъ роду. Болингброкъ и Питтъ были министрами въ такіе годы, когда другіе еще играютъ въ крикетъ. Аквавива, генералъ іезуитовъ, ранѣе 37 лѣтъ отъ рожденія, уже управлялъ всѣми европейскими кабинетами и колонизовалъ Америку. Какая дѣятельность! восликинулъ незнакомецъ, вставъ съ кресла и прохаживаясь по комнатѣ:— Тайное вліяніе на всю Европу! Вотъ это было завидное положеніе! Но нѣтъ нужды въ новыхъ примѣрахъ. Исторія героевъ есть исторія юности.

— Ахъ, сказалъ Конингсби:—я хотѣлъ бы быть великимъ человекомъ!

Незнакомецъ бросилъ на него пронизательный взглядъ. Лицо его было серьезно. Голосъ звучалъ почти торжественно: — Питайте свой умъ высокими мыслями, вѣра въ героическое создаетъ героевъ.

Можно бы думать, что этотъ разговоръ Сидонія велъ съ недавнимъ школьникомъ, нарочно въ соответствующемъ послѣднемъ направленіи, до того онъ просится въ какую-нибудь христіанскую старую времени съ добродѣтельными діалогами. Но авторъ, очевидно, считаетъ развиваемую Сидоніей теорію великихъ людей исходною точкою здравыхъ политическихъ воззрѣній. Далѣе, при свиданіи и ближайшемъ знакомствѣ Конингсби съ Сидоніей въ замкѣ лорда Монмута, (котораго Сидонія оказывается пріятелемъ) разсужденія идеальнаго еврея принимаютъ уже болѣе практически-политическій оттѣнокъ, хотя все еще онъ уклоняется отъ прямого указанія на современныя политическія обстоятельства и даже съ неудовольствіемъ обрываетъ разговоръ,

какъ только молодой Конингсби дѣлаетъ попытку перейти къ современности.

— Замѣтите интересную черту въ исторіи нашей страны, сказалъ Сидонія Конингсби:—хранитель власти всегда непопуляренъ; всѣ соединяются противъ него, всегда онъ падаетъ. Власть принадлежала крупнымъ баронамъ. Церковь, сдѣлавъ короля своимъ орудіемъ, сокрушила бароновъ. Власть перешла къ церкви; тогда король, подкупивъ парламентъ, овладѣлъ церковью. Хранителемъ власти сдѣлался король; тогда парламентъ, употребивъ въ дѣло народъ, обезглавилъ короля, изгналъ короля, переименовалъ короля, и наконецъ, вмѣсто короля поставилъ административнаго сановника. Полтора ста лѣтъ власть принадлежала парламенту, и въ послѣднія 60 или 70 лѣтъ онъ становился болѣе и болѣе непопулярнымъ. Въ 1830 году, парламентъ попытался возвратитъ себѣ народное довѣріе путемъ преобразованія, но въ дѣйствительности, такъ какъ парламентъ сдѣлался болѣе могущественнымъ, онъ сталъ и болѣе ненавистнымъ. И такъ, бароны, церковь, король поочередно поглощали другъ друга; теперь остается парламентъ, послѣдній изъ великихъ британскихъ «поглотителей». Невольно думается, что и онъ также обреченъ на уничтоженіе; найдется пронипательный государственный человѣкъ, который пойметъ, въ какой формѣ и въ какое время явится тотъ, кому суждено «поглотить» и теперешняго хранителя власти—парламентъ.

— Такъ вы держитесь мрачнаго взгляда на наше положеніе?

— Тревожнаго, но не мрачнаго. Я не приписываю политическимъ учрежденіямъ такого преобладающаго вліянія, какое склонны придавать имъ въ нашъ вѣкъ. Сенатъ, который смѣло встрѣтилъ Бренна на форумѣ, былъ тѣмъ же самымъ учрежденіемъ, которое въ позднѣйшую эпоху одобряло гнусныя новеллія Нерона. Судъ присяжныхъ, напримѣръ, всѣми считается палладіумомъ нашей свободы, однакожъ, въ такой недавній еще періодъ англійской исторіи, какъ царствованіе Карла II, этотъ судъ былъ столь же неправымъ трибуналомъ, какъ инквизиція. Въ Англии, продолжалъ Сидонія, лицо котораго омрачилось при воспомнаніи объ инквизиціи:—есть фамиліи, принадлежащія къ обѣимъ историческимъ партіямъ, фамиліи, самыя знаменитыя члены которыхъ изгонялись и убивались, и жюри изъ ихъ же соотечественниковъ судило несчастныхъ столь же несправедливо и неумолимо, какъ насъ судили судьи Мадрида и Севильи.

— Въ чемъ же, по вашему мнѣнію, надежда на лучшее?

— Въ томъ, что могущественнѣе законовъ и учреждений, и безъ чего самыя лучшіе законы, самыя искусныя учрежденія мо-

гуть оставаться мертвой буквой или даже средством тиранин, въ національномъ характерѣ; опасность для Англій и вижу не въ увеличивающейся слабости ея учреждений, но въ упадкѣ характера англійскаго общества.

— Но едва ли вы можете назвать нашъ вѣкъ испорченнымъ.

— Не политическую испорченность я разумѣю. Но мы переживаемъ эпоху общественнаго разложенія, гораздо болѣе опаснаго по своимъ послѣдствіямъ, потому что болѣе широкаго. Бываетъ испорченное правительство, но чистое общество, или, наоборотъ, развращенное общество съ честной администраціей. Которое вы предпочтете?

— Ни то, ни другое, сказалъ Конингсби: — я желаю, чтобъ въ народѣ жила вѣра, а въ правительствѣ было сильно сознаніе долга.

— Вѣрите мнѣ, сказалъ Сидонія: — что Англія должна болѣе думать объ обществѣ и меньше о правительствѣ.

— Но чтѣ вы разумѣете подъ словами — національный характеръ?

— Характеръ есть совокупность тѣхъ или другихъ качествъ; характеромъ Англій должна быть совокупность великихъ качествъ.

— Но мы не можемъ же отрицать, что англичане обладаютъ многими доблестными качествами.

— Тысячелѣтная цивилизація должна была произвести великія добродѣтели; но мы говоримъ не о существованіи общественной добродѣтели, а о ея упадкѣ.

— Въ чемъ же вы замѣчаете этотъ упадокъ?

— Въ томъ, что различные общественные классы страны вооружены другъ противъ друга.

— Но чему вы приписываете эту взаимную вражду?

— Во всякомъ случаѣ, не экономическимъ причинамъ, о которыхъ такъ много говорятъ. Всѣ подобныя причины, я считаю второстепенными, которыя, въ извѣстной степени, должны существовать всегда, но въ смутныя эпохи особенно напоминаютъ о себѣ. Дѣло мудрыхъ государственныхъ людей — наблюдать за такими причинами, регулировать ихъ, улучшать общее положеніе, дѣлать преобразованія. Вообще, приписывать революціи экономическимъ причинамъ — одно изъ самыхъ распространенныхъ заблужденій. Безъ сомнѣнія, такія причины очень часто ускоряютъ катастрофу, но очень рѣдко сами ее вызываютъ. Я не знаю, напримѣръ, другой эпохи, когда бы матеріальное благосостояніе было распространено въ Англій болѣе, чѣмъ въ 1640 году. Англія обладала умѣренной населенностью, весьма хоро-

шимъ земледѣліемъ, богатою торговлею, и, при всемъ томъ, находилась наканунѣ величайшаго и сильнѣйшаго кризиса, какой только ей приходилось испытывать.

— То было религіозное движеніе.

— Допустимъ это; причина тогда была не матеріальная. «Воображеніе» англичанъ возстало противъ правительства, а когда эта способность возбуждена въ націи, то послѣдняя пожертвуетъ даже матеріальнымъ довольствомъ, чтобы только слѣдовать импульсу воображенія.

— Такъ вы думаете, что теперь въ странѣ существуетъ неустойчивое желаніе обширной политической перемены?

— Едва ли Англія теперь въ нерѣшительности, воображеніе страны молчитъ. Оно будетъ послѣдующимъ фазисомъ нравственнаго состоянія страны, и на него то я обращаю ваше вниманіе. Хотя я придаю мало значенія физическимъ причинамъ для объясненія настоящаго состоянія Англіи, но считаю еще меньше вѣроятнымъ, чтобы оно могло быть измѣнено новымъ распредѣленіемъ политической власти. Это только усложнило бы существующее зло, возвратило бы къ старому ошибочному предположенію, что національное довольство можно найти въ политическихъ учрежденіяхъ. Политическое учрежденіе—механизмъ; дѣйствующая сила есть національный характеръ. Отъ него зависитъ, будетъ ли механизмъ благотворенъ или пагубенъ для общества. Общество въ нашей странѣ апатично, почти парализовано; современемъ оно встрепенется и обнаружитъ признаки энергіи. Какъ тогда сложатся элементы націи? Въ какомъ духѣ совершится ея переустройство?

— Знать это—значитъ знать все, сказалъ Конингсби.

— Въ Англіи, продолжалъ Сидонія:—съ наступленіемъ мирнаго времени дѣлалась попытка отставать переустройство общества на чисто раціональной основѣ. Утилитарный принципъ былъ провозглашенъ. Я не желаю легкомысленно отзываться объ ученикахъ этой школы, я преклоняюсь предъ умственной силой во всякомъ ея проявленіи; каждой философской школѣ мы должны быть благодарны, хотя бы и не соглашались съ нею, вдвойнѣ благодарны въ нашей странѣ, гдѣ въ теченіи долгаго періода времени государственные люди такъ прискорбно отстали отъ общественнаго разумія. Была попытка перестроить общество на основѣ матеріальныхъ побужденій и расчетовъ. Она неудалась. Она должна была, въ концѣ концовъ, потерпѣть неудачу при всякихъ обстоятельствахъ; неудача ея въ древнемъ, густо населенномъ государствѣ была неизбежна. Самые глубокомысленные изслѣдователи сознаютъ, какъ ограниченъ человѣческой разумъ. Мы не

обязаны человѣческому разуму ни за одинъ изъ великихъ подвиговъ, которые составляютъ путевые столбы человѣческой дѣятельности и человѣческаго прогресса. Не разумъ осаждалъ Трои, не разумъ выслалъ сарадиновъ изъ пустыни для завоеванія свѣта, вдохновилъ крестовые походы, учредилъ монашескіе ордена, произвелъ іезуитовъ, и, самое главное, не разумъ создалъ французскую революцію. Человѣкъ истинно великъ только тогда, когда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ страстей, неодолимъ только, когда взываетъ къ воображенію. Даже мормонъ насчитываетъ больше приверженцевъ, чѣмъ Бентамъ.

— И вы думаете, что такъ какъ нѣкогда воображеніе подчинило своей власти государство, то воображеніе же теперь можетъ и спасти его?

— Человѣкъ созданъ для того, чтобъ боготворить и повиноваться; но если вы не распоряжаетесь имъ, если не указываете ему, кого боготворить, то онъ создаетъ самъ себѣ божества и найдетъ вождя въ собственныхъ страстяхъ...

Конингсби встрѣчаетъ Сидонію въ Парижѣ, при прогулкѣ по бульварамъ. Это было въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ, когда вниманіе Европы было обращено на Луи-Филиппа, который почему-то считался охранителемъ спокойствія Европы. Сидонія охарактеризовала короля французовъ именемъ Улиса, но не согласилась съ тѣмъ, чтобъ французской цивилизаціи грозила опасность.

— Я того мнѣнія, сказалъ онъ: — что въ Англии соціальному строю грозитъ несравненно бѣльшая опасность, чѣмъ во Франціи. Поверхностное волненіе этой страны не должно насъ вводить въ заблужденіе. Основы государственнаго порядка во Франціи лежатъ глубоко и прочно. Франція—это монархія, имѣющая столицей республику. Такъ было всегда, со временъ лиги до 1830 года. Франція все та же, мало перемѣнилась, только сдѣлалась болѣе національною, болѣе галльской и меньше франкскою; Англія также сдѣлалась менѣе норманскою и болѣе саксонскою.

Тутъ Сидонія вдался въ соображенія о прочности трона Луи-Филиппа, совмѣщавшаго въ себѣ два условія—диктатора для Парижа и монарха для провинцій, умъ—для столицы и происхождение—для остальныхъ частей страны.

— Но нѣтъ ли опасности, сказалъ Конингсби, послѣ нѣкотораго молчанія:—что парижская республика поглотитъ въ себя французское королевство?

— Я думаю наоборотъ, возразилъ Сидонія:—цивилизация стремится къ чистой монархіи. Монархія и есть именно такое правительство, которое для своего полнаго развитія требуетъ выс-

шей степени цивилизаціи. Она нуждается въ поддержкѣ либеральныхъ законовъ и обычаевъ и широко распространеннаго просвѣщенія. Политическіе компромиссы могутъ быть терпимы только въ суровыя переходныя эпохи. Просвѣщенная нація отступить отъ того неудовлетворительнаго замѣстительства, которое называется предостательнымъ правленіемъ. Ваша палата общинъ, которая поглотила всѣ прочія власти въ государствѣ, по всей вѣроятности, падеть скорѣе, чѣмъ поднялась. Общественное мнѣніе обладаетъ болѣе прямымъ, болѣе вразумительнымъ и цѣлесообразнымъ органомъ своего проявленія, чѣмъ собраніе людей, избранныхъ партіями. Печать составляетъ политическій элементъ, неизвѣстный ни классическимъ, ни феодальнымъ временамъ. Она въ значительной степени совмѣщаетъ въ себѣ обязанности государя, жреца и парламента; она контролируетъ, воспитываетъ, обсуждаетъ. Общественное мнѣніе можетъ выразиться въ формѣ, чуждой всякимъ сословнымъ интересамъ. Въ просвѣщенную эпоху монархъ на тронѣ, свободный отъ вулгарныхъ предрасудковъ и подкупныхъ интересовъ подданнаго, снова становится лицомъ божественнаго характера.

Наконецъ, вотъ взглядъ новаго еврейскаго пророка (какимъ дѣлается Сидонія у автора) на отношеніе евреевъ къ современному политическому порядку вещей. Сидонію вызываетъ къ себѣ министръ, который не можетъ уплатить процентовъ по національному долгу. Сидонія возмущенъ своимъ безправіемъ при такомъ могуществѣ. Что можетъ быть нелѣпѣе: нація обращается за поддержкою своего кредита, а съ нимъ и независимаго государственнаго положенія и народнаго благосостоянія — къ чужбѣ, которому законы отказываютъ въ самыхъ дорогихъ правахъ гражданина, въ правѣ засѣдать въ законодательномъ собраніи и владѣть землею. Хотя онъ довольно опрометчиво купилъ уже нѣсколько имѣній, но думаетъ, что, по существующимъ англійскимъ законамъ, англичанинъ еврейской вѣры не можетъ владѣть землею.

— Но навѣрное легко было бы отмѣнить такой нелиберальный законъ...

— О, что касается недостатка либерализма, то я противъ этого вовсе не возражаю, если дѣло идетъ о власти. Вообще слѣдуетъ избѣгать политической сентиментальности. Я хочу сказать только, что если вы допускаете людямъ приобрѣтать собственность, и они пользуются этимъ разрѣшеніемъ въ обширномъ размѣрѣ, то съ этою собственностью неразлучна и сила, и въ высшей степени неполитично дѣлать въ интересахъ такого сильнаго класса людей сопротивленіе существующимъ учрежденіямъ.

Напримѣръ, евреи, независимо отъ превосходныхъ гражданскихъ качествъ, какими они обладаютъ, въ своей промышленной дѣятельности, воздержности, энергіи и живости ума — составляютъ расу вполне монархическую, глубоко религіозную, они избѣгаютъ даже пропагандировать свою религію. Евреи всегда чрезвычайно заботятся о процвѣтаніи религіозной системы той страны, въ которой живутъ. Но если англійское общество взволновано, если могущественныя комбинаціи угрожаютъ учрежденіямъ, то вы непременно встрѣтите когда-то лояльнаго еврея въ однихъ рядахъ съ революціонеромъ или съ вольнодумцемъ; еврей скорѣе будетъ поддерживать такую политику, которая даже грозитъ опасностью его жизни и собственности, чѣмъ станетъ мирно уживаться съ такимъ общественнымъ порядкомъ, который систематически старается его принизить. Если торіи въ критическій моментъ теряютъ важные выборы, то евреи подадутъ голосъ противъ нихъ. Церковь встревожена проектомъ свободомыслящаго университета и надѣется, что нельзя будетъ собрать достаточно фондовъ для его открытія: евреи немедленно выступаютъ впередъ и снабжаютъ возникающее учрежденіе средствами. Между тѣмъ евреи, Конингсби — по своему существу, торіи. Съ каждымъ поколѣніемъ евреи становятся болѣе могущественными и опасными для общества, которое имъ враждебно. Не думаете ли вы, что тихое, безтолковое преслѣдованіе параднаго представителя англійскаго университета можетъ сокрушить людей, которые посрамили фараоновъ, Навуходоносора, Римъ и феодальные вѣва? Нѣтъ, ни уголовныя законы, ни физическія пытки не въ состояніи сдѣлать, чтобы высшая раса была поглощена низшею, или подавлена ею.

Приведенныя выдержки представляютъ собою разнородные доводы страстнаго юдаизма. Мы видѣли, что доводы эти не отличаются оригинальностью и убѣдительностью, а въ приложеніи къ современной европейской жизни, которую будто бы евреи руководятъ, даже иногда поражаютъ своею несообразностью, хотя, впрочемъ, содержатъ въ себѣ объясненіе многихъ политическихъ поступковъ и взглядовъ Дизраэли. Онъ, котораго винятъ въ непослѣдовательности, лести передъ сильными, въ сдѣлкахъ съ совѣстью, онъ объявляетъ себя врагомъ духа компромисса, характеризующаго новѣйшую исторію Англій и создаващаго партію виговъ. Затѣмъ, Дизраэли не признаетъ политическихъ партій въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ въ Англій. По своимъ еврейскимъ теократическимъ преданіямъ, онъ скорѣе подходитъ къ торіи, потому что видитъ идеалъ въ монархіи съ божественнымъ характеромъ, въ древнихъ пророкахъ и судіяхъ, въ ожиданіи

которыя проповѣдуетъ поклоненіе героическому въ политикѣ; онъ ставитъ на второй планъ вопросы гражданской жизни, какъ слишкомъ мелкіе для излюбленныхъ авторомъ великихъ людей и героев, и съ насмѣшкою относится къ европейскому прогрессу.

Этотъ героическій элементъ (мимолетный, надо надѣяться) еще больше можетъ найти себѣ пищи въ иностранныхъ дѣлахъ, и вотъ является «Танкредъ», совершающій «новый крестовый походъ».

Н. Поповскій.

ПОХОРОНЫ.

Случно жить на свѣтъ, господа!

Гоголь.

Мы уныло шли за траурными дрогами, изрѣдка только перебрасываясь отрывочными замѣчаніями. Быть можетъ, намъ не объ чемъ было бесѣдовать другъ съ другомъ (хотя почти всѣ, составлявшіе печальный corteжъ, были, по профессіи, литераторы), но, можетъ быть, и самая обстановка, среди которой совершалась погребальная церемонія, располагала къ угрюмой сосредоточенности.

Хоронили Пимена Коршунова, русскаго литератора, не особенно знаменитаго, но и не вовсе безвѣстнаго — такъ, средней руки. Хоронили на счетъ семидесяти пяти рублей, которые ассигновалъ литературный фондъ, предварительно, впрочемъ, удостоившись, что покойный пилъ водку только передъ обѣдомъ, и «не предавался». Стояло хмурое октябрьское утро, но, благодаря наступившимъ морозамъ, на улицахъ было сухо и слегка скользко; низко, почти надъ самыми домами, стояла непроглядная масса сѣрыхъ облаковъ, изъ которыхъ попархивалъ первый снѣжокъ. Вблизихъ по крови у Коршунова не было, изъ близкихъ по духу собралось на похороны четыре-пять сотрудниковъ газеты, въ которой, подъ конецъ жизни, участвовалъ покойный. Эти послѣдніе ближе жались къ гробу, но и ихъ горесть формулировалась какъ-то черезъ-чуръ несложно, словно одна только мысль и представлялась уму: вотъ и умеръ! Вообще, весь corteжъ состоялъ изъ пятнадцати-двадцати человѣкъ, разбившихся по группамъ. Всѣмъ было не по себѣ, всѣ шли понуривши голову, какъ будто каждый думалъ: вотъ скоро надорвусь и я... да и надъ тѣмъ

надорвусь!! Только какой-то проворный газетчикъ, лезуа подъ впечатлѣніемъ успѣшной розничной продажи, порхалъ отъ группы къ группѣ и таинственно сообщалъ всѣмъ, и хотѣвшимъ и не хотѣвшимъ слушать: вчера разошлось двадцать восемь тысячъ номеровъ!

На театральной улицѣ, противъ дома, гдѣ помѣщается цензурное вѣдомство, отслужили литію. Самъ покойный пожелалъ этого, и наканунѣ смерти говорилъ: пускай хоть по поводу моего переселенія въ лучший міръ совершится сближеніе литературы съ цензурой! Во время литіи, цензурный сторожъ пронесъ въ ворота ведро алыхъ чернилъ, и кто-то громко, безъ предварительной цензуры, съострилъ: вотъ писательская кровь, невинно проліянная! Но и эта острота ни въ комъ не вызвала отголоска, и затѣмъ, кортежъ убійственно-медленнымъ шагомъ потянулся дальше. ☪

Чувство безконечной отчужденности и наготы овладѣвало всякимъ при взглядѣ на эту бѣдную обстановку. Думалось, что везутъ какого-то отщепенца, до котораго никому изъ «публики» дѣла нѣтъ (а онъ именно для «публики»-то и жилъ, и ради «публики» безвременно зачахъ и сошелъ въ могилу). Да и своихъ не особенно поражала эта потеря, потому что «свои» ужь давно освоились съ могилами. Даже больше, чѣмъ просто «отщепенство» тутъ видѣлось: казалось, что только по ошибочному неизреченному благосердію допущена эта бѣдная церемонія, предметомъ которой служила совершенно особенная и притомъ не вполне безопасная человѣческая разновидность, именуемая русскимъ писателемъ.

По мѣрѣ того, какъ дроги приближались къ мѣсту назначенія (митрфаніевское кладбище), кортежъ, и безъ того немногочисленный, постепенно рѣдѣлъ. Одни разбрелись по попутнымъ кандитерскимъ и кухмистерскимъ, общавшись «нагнать» — и не нагнали; другіе окончательно возвратились по домамъ, мотивируя свое отсутствіе слѣшностью предстоящей срочной работы. У Обводнаго Канала оказалось на лицо не больше шести-семи человѣкъ, которые прежде не догадались, а теперь ужь совѣстились улизнуть. Обстоятельство это, однакожь, послужило къ оживленію кортежа; оставшіеся скучились, и бесѣда между ними пошла бодрѣе. Но предметомъ этой бесѣды служилъ не Пимень Коршуновъ («онъ умеръ» — этимъ все было сказано), а то, что наболѣло на душѣ у cadaго, что у всѣхъ на памяти свело въ могилу десятки надорвавшихся людей, что cadaго изъ пережившихъ преслѣдовало по патамъ, устраняя всякую мысль о возможности освободиться когда-нибудь отъ ига жгучей боли.

О, литература! о, змѣя — мачиха всѣхъ этихъ отщепенцевъ! ты, постылая! ты, наполяющая огнемъ и желчью сердца своихъ дѣтелей! ты, ты, ты была предметомъ ихъ внезапно оживившагося собесѣдованія! Много сѣтованій, много гнѣва слышалось въ ихъ рѣчахъ, но еще больше безконечной любви къ постылому ремеслу и какой-то дѣтской увѣренности, что все-таки только тутъ, на этомъ тернистомъ пути, кишачемъ всевозможными гадами, можно спасти душу.

Разумѣется, начали со слуховъ, имѣвшихъ ближайшее прикосновеніе къ современности. Какое отношеніе можетъ имѣть эта животрепещущая современность къ литературѣ? чего нужно ждать? будетъ ли лучше? Всѣ эти вопросы какъ-то искони фаталистически таготируютъ надъ литературой, а по временамъ врываются въ нее съ особенною назойливостью. Натурально, что они перенеслись и сюда. Кто-то изъ собесѣдующихъ высказался, что лучшія времена недалеко и что въ виду этого требуется только осторожность и терпѣніе; но остальные отнеслись къ этимъ надеждамъ скептически, хотя терпѣть соглашались, потому что «не терпѣть» — нельзя. Одинъ даже такой высказался, который прямо объявилъ, что надѣяться можно только на розничную продажу, а больше ни на что; что современныя условія литературнаго ремесла таковы, что самое существованіе литератора представляется чѣмъ-то несомнѣннымъ съ здравыми традиціями о внутреннемъ убѣжденіи; что, вообще, если относительно массы смертныхъ принято говорить: благо живущимъ, то въ примѣненіи къ русскимъ писателямъ правильнѣе выразиться такъ: благо умирающимъ, и еще большее благо — умершимъ. Высказавши это, онъ указалъ рукой на колебавшійся впереди на дрогахъ гробъ, и это напоминаніе невольно вызвало у нѣкоторыхъ чуть замѣтную дрожь.

— Я не говорю уже о томъ, продолжалъ расходившійся ораторъ: — что мы терпимъ отъ глада и труса, что мы живемъ чуть не въ засадѣ, но мы не знаемъ даже, для чего и для кого мы пишемъ. Кто насъ слышитъ и что извлекаетъ этотъ слышачій изъ обращеннаго къ нему слова? Многіе изъ насъ готовы положить душу (да и дѣйствительно полагаютъ ее) «за други своя», а кто знаетъ объ этомъ? Кто отличить страстнаго литературнаго труженика отъ легковѣсной литературной балалайки, которая, по случаю распутной подвижности темперамента, готова сватать себя любому проходящему? Кому вдомекъ, что гдѣ-то, въ какой-то лишенной свѣта и воздуха литературной норѣ, ежемгновенно совершается жертвоприношеніе, при которомъ сердце

истекать кровью, и сгарает многострадальная писательская душа под бременем непосильных болей?

Речь эта несомненно страдала некоторыми риторическими преувеличениями, но сущность ее была не безосновательна. Стали разискивать, что такое русская публика? из каких элементов она составляется? кто эти прекрасные незнакомцы, ради которых русский писатель волнуется в своей конуре? Сь какими намерениями они подписываются на журналы, покупают книги? что они вычитывают в этих книгах? можетъ быть, видятъ въ нихъ только пресловутую «фигу»? а можетъ быть, кромѣ «фиги», и видѣть-то нечего?

— Ахъ, господа, господа! вздохнулъ кто-то, когда дѣло дошло до «фиги», какъ мѣрила для оцѣнки содержанія русской книги.

Что современная русская литература небогата силами—это, конечно, не подлежитъ сомнѣнiю. Но не въ этой относительной бѣдности скрывается главная бѣда. Есть нѣчто гнетущее, что, при самомъ рожденiи, кладетъ на русскую мысль своеобразную печать. Литература наша и до днесь представляетъ два совершенно отличные типа: сь одной стороны, недоконченность, невысказанность, боязнь, сь другой стороны—такая ясность, которая равносильна наглости, доведенной до разврата. Очевидно, въ воздухѣ носится еще крѣпостное право. Оно провело заповѣдную черту, подь которой похоронило громадное количество явленiй и закупило наглухо цѣлыя мириады существованiй, которыя бьются гдѣ-то на днѣ, тщетно усиливаясь выйти на божiй свѣтъ. И оно же вызвало и пригрѣло безчисленное множество литературныхъ паразитовъ, которые сь изумительнымъ легкомыслиемъ вливаютъ ядъ распутства въ русской жизненный обиходъ.

Да, крѣпостное право упразднено, но още не сказало своего послѣдняго слова. Это цѣлый громадный строй, который слишкомъ жизненъ, всепроникающъ и силенъ, чтобы исчезнуть по первому манiю. Обыкновенно, говоря объ немъ, разумѣютъ только отношенiя помещиковъ къ бывшимъ крѣпостнымъ людямъ, но тутъ только одна капля его. Эта капля слишкомъ специфически нашла, а потому и приковала исключительно къ себѣ вниманiе всѣхъ. Капля устранена, а крѣпостное право осталось. Оно разлилось въ воздухѣ, освѣтило нравы; оно изобрѣло пути, связывающiе мысль, поразило умы и сердца дряблостью. Наконецъ, оно же вызвало цѣлую орду прихлебателей-хищниковъ, которыхъ дѣятельность такъ блестяще выразилась въ безчисленныхъ воровствахъ, банкротствахъ и всякаго рода распутствахъ.

Само начальство изнемогаетъ подь бременемъ борьбы сь этимъ

недугомъ. Возьмемъ для примѣра хоть литературу: кажется, ей дана самая широкая свобода, а между тѣмъ, онъ бьется и чувствуетъ себя, точно въ капканѣ. Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ точь въ точь такая же свобода—вездѣ литература процвѣтаетъ. А у насъ? У насъ мысль, несомнѣнно умѣренная, на которую въ цѣлой Европѣ смотрятъ, какъ на что-то обиходное, заурядное—у насъ эта самая мысль коломъ застряла въ головѣ писателя. Писатель не знаетъ, въ какія чернила обмокнуть перо, чтобы выразить ее, не знаетъ, въ какія ризы ее одѣть, чтобы она не вышла ужъ черезъ-чуръ доступною. Кутаетъ кутаетъ, обматываетъ всевозможными ооличностями и аллегоріями, и только выполнивъ весь, такъ сказать, сложный маскарадный обрядъ, вздохнетъ свободно и возмолвитъ: слава Богу! теперь, кажется, никто не замѣтитъ!

Никто не замѣтитъ? а публика? и она тоже не замѣтитъ? ужели есть на свѣтѣ обида болѣе кровная, нежели это нескончаемое эопство, до того вопедшее въ обиходъ, что нерѣдко самъ эопствующій перестаетъ сознавать себя Эопомъ?

Дойдя до этого заключенія, всѣ отдали полную справедливость либеральнымъ намѣреніямъ начальства. Не начальство стѣсняетъ—оно, напротивъ, само неустанно хлопочетъ—стѣсняетъ сама жизнь, пропитанная ингредиентами крѣпостного права. Что можетъ начальство противу разнообразныхъ и всемогущихъ вліаній, которыя, подобно безчисленнымъ электрическимъ токамъ, со всѣхъ сторонъ устремляются къ одному центру—литературѣ? что можетъ оно, въ виду громовъ, готовыхъ разразиться каждую минуту и невѣдомо по какому поводу? что можетъ оно, наконецъ, въ виду того литературнаго распутства, которое ревниво комментируетъ мысль противника, а повременамъ не откажется и прилгать?

Вотъ почему покойный Коршуновъ никогда не ропталъ на литературное начальство, хотя, какъ человѣкъ грѣшный, иногда и любилъ ввести его въ заблужденіе.

— Поддержать, братъ, насъ некому—вотъ въ чемъ бѣда! сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ:—читатель у насъ какой-то совсѣмъ особенный, словно непонящій родства: ни любовь его, ни негодованіе—ничто въ грошъ не ставится!

Когда я напомнилъ объ этихъ словахъ покойнаго, то всѣ опять принялись разыскивать, изъ какихъ элементовъ состоитъ русская читающая публика. Перечисляли, перечисляли (выходило какъ-то удивительно разношерстно по внутреннему содержанию и однообразно по костюму), и въ концѣ концовъ опустили руки. Въ заключеніе, рыный ораторъ, который такъ краснорѣчиво

говорилъ о писательскихъ жертвоприношеніяхъ, какимъ-то болѣзненно-надорваннымъ голосомъ крикнулъ:

— Читатель! русскій читатель! защити!

Но возгласъ этотъ потерялся въ шумѣ деревьевъ, охраняющихъ митрофаньевское кладбище.

Мы были у цѣли. Церковь была полна народа и гробовъ. Гробы были почти сплошь бѣдные, только одна успшая раба божія Пулкерія, 1-ой гильдіи купчиха, смиренно возвышалась на катафалкѣ, противъ самаго алтара, въ богато изукрашенной домовинѣ. По ея поводу, за обѣдней пѣли «хорошіе» пѣвчіе, и, благодаря этому обстоятельству, и Пименъ воспользовался сладкогласнымъ пѣніемъ. Мы скромно поставили нашего друга поодаль и терпѣливо ожидали очереди. Нашелся добрый батюшка изъ недавно кончившихъ курсъ, который посвятилъ себя умершему литератору, и сказалъ, по поводу этой смерти, увѣнчанной отверженное существованіе, отличнѣйшее, полное глубокаго состраданія слово. О Пименъ! еслибъ ты могъ изъ своей домовины слышать эти простыя, полная любви слова, ты, навѣрное, по великой своей скромности, воскликнулъ бы: батюшка! а чело-вѣкъ маленький, и право рисковать изъ за меня...

Наконецъ, мимо насъ пронесли съ парадомъ успшую 1-ой гильдіи купчиху Пулкерію, и церковь, мало по малу, начала пустѣть. Вынесли и мы своего покойника, шли довольно долго между рядами памятниковъ и рѣшетокъ, и, наконецъ, нашли уголокъ, въ которомъ готова была свѣжая могила. Черезъ полчаса все было кончено.

Съ кладбища мы зашли было въ одну изъ ближайшихъ кушмистерскихъ, гдѣ обыкновенно устраиваются поминальные торжества, но минутъ съ пять потолкались передъ буфетомъ, поглазѣли на собравшуюся публику, и, не совершивъ возмѣннѣя, разбрелись по домамъ.

Я зналъ Боршунова довольно хорошо. Это былъ чело-вѣкъ всецѣло литературный, жившій одною жизнью съ русской литературой, не знавшій никакихъ интересовъ, кромѣ интересовъ литературы, не вкусившій ни одной радости, которая не имѣла бы источникомъ литературу. Онъ съ жадностью слѣдилъ за всѣми подробностями литературнаго движенія, за всякою литературной полемикой; онъ ничего не зналъ, ни съ чѣмъ не хотѣлъ имѣть общенія, кромѣ литературы. Нынѣ, этотъ типъ мало по малу исчезаетъ, но еще въ недавнее время такихъ людей встрѣчалось достаточно. Я не могу сказать навѣрно, на сколько цѣнны и су-

существенны были интересы, их волновали, но навѣрно знаю, что только благодаря ихъ горячей преданности, ихъ безавѣтной, неподдавшейся никакимъ невзгодамъ любви, ихъ самоотверженному долготерпѣнію, русская литература не прекращала своего существованія.

Эти люди на весь міръ смотрѣли лишь по столько, по сколько онъ представлялъ матеріалъ для литературнаго воздѣйствія. Многие, даже въ то глухое время, надъ этимъ посмѣивались. Говорили: вы все съ вашими мизерными литературными интересиками носитесь. Ну, что такое ваша литературная безсильная страпня въ сравненіи съ плавнымъ и неусыпающимъ движеніемъ административнаго механизма! Вотъ гдѣ истинный центръ жизни, вотъ гдѣ настоящее жизненное творчество! А задача литературы — забавлять и безвреднымъ образомъ занимать досуги читателей.

Въ то время, такого рода приговоры считались безапелляционными. Въ любомъ указѣ губернскаго правленія предполагалось больше творческой силы, нежели, напримѣръ, въ произведеніяхъ Гоголя. И точно: указъ губернскаго правленія объявлялъ о рекрутскомъ наборѣ, напоминалъ о своевременномъ вносѣ податей, предписывалъ о пополненіи продовольственныхъ запасовъ, предупреждалъ, угрожалъ, понуждалъ. Словомъ сказать, и прямо, и косвенно врѣзывался въ жизнь множества людей; однимъ давалъ возможность тучнѣть, другихъ заставлялъ вытягиваться въ струнку. Напротивъ того, дѣйствіе повѣсти Гоголя, относительно большинства читателей, ограничивалось только взрывомъ хохота, и только въ рѣдкихъ случаяхъ производило что-то похожее на отрезвленіе. Но для того, чтобы оцѣнить это отрезвленіе, надобно было самому быть уже достаточно трезвымъ.

Коршуновъ и подобные ему очень хорошо понимали, какая область имъ отмежевана. Они ни мало не обижались мнѣніями о ничтожествѣ литературныхъ «интересиковъ», въ сравненіи съ величественнымъ воздѣйствіемъ административнаго механизма, а просто приняли ихъ къ свѣденію. Но за то, они ушли въ раковину и уже упорно не выходили изъ нея. Однажды убѣдившись, что жизнь есть администрація, они относились къ ней отчасти робко, отчасти какъ къ чему-то фантастическому, заповѣдному и неподдающемуся анализу. Сонное видѣніе, которое подчасъ могло воплотиться и ушибить — вотъ въ чемъ заключалось представленіе о жизни въ понятіяхъ тогдашнихъ литературныхъ пустынножковъ.

Все существованіе литературнаго подвижника проходило въ этой отчужденности, посреди которой душа человѣческая не знала иного идола, кромѣ литературнаго «дѣланія». Всѣ жизненные

силы и привязанности были сосредоточены тутъ, а остальной міръ, даже міръ близкихъ по крови и воспитанію, представлялся какъ бы бесодержательною формой, которая напоминала о себѣ лишь въ качествѣ докучнаго спутника, навязаннаго слѣпою судьбой. Но эти не особенно блестящіе труженики были люди свободные духомъ и вполне чистые сердцемъ, въ которыхъ литература нуждалась едва ли не больше, нежели въ личностяхъ, бьющихъ въ глаза своею блестящею одаренностью. Повторяю: еслибъ ихъ не было, литература перестала бы существовать. Они имѣли безповоротныя привязанности и безповоротныя вражды; они и любили и ненавидѣли одинаково беззаветно и страстно. Тогдашняя литература какъ-то сама собой подѣлилась на два лагера; причемъ не допускалось ни смѣшеній, ни компромиссовъ, ни элективизма. Говорять, что это было односторонне, но лучше ли было бы, еслибъ существовала разносторонность— въ этомъ позволительно усомниться. По крайней мѣрѣ, довольно странно представить себѣ Бѣлинскаго, отъ времени до времени поноживающаго съ Булгариномъ табачекъ. Во всякомъ случаѣ, если это и была односторонность, то она спасала литературу отъ податливости. Если и въ наши дни тяготѣніе къ дому терпимости составляетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, язву, которая подтачиваетъ лучшія основанія литературной профессіи, то можно себѣ представить, что было бы, еслибъ это тяготѣніе существовало— тогда?

Къ счастью, тогда была замѣнутость, явленіе, конечно, не особенно плодотворное, но охранявшее литературный декорумъ и положившее начало нѣкоторымъ литературнымъ преданіямъ, на которыя не безъ пользы можно ссылаться и нынѣ. Право, не безъ пользы.

Коршуновъ проявлялся почти исключительно рецензіями. Да болѣе любезнаго сердцу дѣла и подыскать было невозможно, потому что въ то время, въ отдѣлѣ критики и библіографіи, сосредоточивалась вся жизнь литературы. Пименъ не былъ «критикомъ», но рецензентъ изъ него вышелъ отличный: цѣпкій, обладавшій фразой и умѣвшій прятать концы въ воду. Тогдашнія рецензіи были своего рода руководящія статьи, имѣвшія предметомъ не столько разбираемую книгу, сколько высказъ по ея поводу совершенно самостоятельныхъ мыслей. Краткость не была въ числѣ достоинствъ этихъ статей, но за то въ нихъ всегда что-нибудь «проводилось». Разумѣется, очень часто (даже болѣе, чѣмъ часто) проводимое, благодаря безчисленнымъ покровамъ, подъ которыми оно скрывалось, было понято только членамъ «кружка», но случайно оно могло проникнуть и дагѣе. Я заранѣе со-

глашась, что теперь ни на одну из этих статей никто не сошлется, что имъ суждено покоиться безмятежнымъ сномъ въ тѣхъ толстыхъ томахъ, гдѣ онѣ увидѣли свѣтъ; но иногда все-таки сдается, что не безслѣдны онѣ были. Въ свое время, нѣкто надъ ними задумывался; въ свое время, онѣ производили въ человѣческихъ душахъ извѣстное наслоеніе, и притомъ періодически и все въ одну и ту же сторону. Что нынче онѣ совсѣмъ, совсѣмъ ненужны—это безспорно, но тогда...

Не надо забывать, что тогда совсѣмъ другое было. Движенія имѣли меньше простора, но за то они были, такъ сказать, поневолѣ приурочены, такъ что область ангельская рѣзко отличалась отъ области аггельской. Журналовъ и книгъ было меньше, но между ними не было межеумковъ, которые сегодня кажутъ еукипшъ въ карманѣ, а завтра раболѣпствуютъ. И хотъ я не буду утверждать это навѣрное, но, кажется, что и читатель, мало-по-малу, узналъ, въ чемъ заключается секретъ тѣхъ безконечныхъ баснословій, которыми отличалась литература того времени.

Нѣчего и говорить, что Коршуновъ былъ бѣденъ, какъ Ирѣ. Тогдашній журнальный гонораръ очень мало походилъ на нынѣшній, да сверхъ того и самое поле литературной дѣятельности было до крайности ограничено. Трапеза, предлагаемая однимъ или двумя органами печати (изъ наиболѣе распространенныхъ, потому что прочіе сами едва дышали), была слишкомъ скудна, чтобы напитать всѣхъ желающихъ. Поэтому, тѣ, которые почерпали средства къ жизни только въ литературномъ ремеслѣ, положительно бѣдствовали. Коршуновъ былъ блѣденъ и тощъ отъ недостаточнаго и худого питанія, но онъ не только не жаловался на это, а просто, кажется, забывалъ, что существуетъ впроголодь. Его волновало совсѣмъ другое: невозможность высказаться.

Цензура того времени была строгая и притомъ разнообразная, разбросанная по всевозможнымъ вѣдомствамъ. Я не говорю, чтобы цензорѣ были люди жестокіе, но они сами постоянно находились какъ бы на свамлѣ подсудимыхъ, потому что въ ихъ сторону отовсюду направлены были стрѣлы. Ежели прибавить въ этому, что, вслѣдствіе такой разбросанности цензуры, всякій (даже не цензоръ по профессіи) вычеркивалъ изъ корректуры или изъ рукописи все, что ему лично приходилось не по вкусу, то ясно будетъ, какъ мудрено было проскользнуть.

Пишущая братія это знала и потому всякій замахивался какъ можно шире, въ предвидѣніи, что ежели три четверти и будетъ выброшено, то все-таки хотъ что-нибудь возвратится нетронутымъ. Даже Булгаринъ не пренебрегалъ этимъ приемомъ, потому что и въ отношеніи къ нему цензура была нелицепріятна. Ко-

ично, никто не считалъ его «разбойникомъ пера», но такъ какъ и онъ могъ провратъся, то, слѣдовательно, и изъ-за него могла выйти «исторія». Сверхъ того, онъ былъ бѣльмою на глазу, потому что подсиживалъ писателей противоположнаго лагеря, и, стало-быть, въ тоже время подсиживалъ и цензуру, яко виновную въ слабомъ смотрѣннн. Цензоръ Крыловъ всѣмъ безразлично говорилъ: я никакъ не желаю, чтобъ мнѣ изъ-за васъ добъ забрили! Это очень похоже на шутку, но какая ужасная шутка! Когда Мусинъ-Пушкинъ былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа, то многіе цензора содрогались при одномъ напомниманн объ немъ и зачеркивали всегда двѣ-три строки лишннхъ. Они усмивались попасть ему въ мысль, но, вмѣсто того, часто попадали на гауптвахту, откуда, какъ извѣстно, недалеко и до рерутскаго присутствія. Это былъ тотъ самый Мусинъ-Пушкинъ, которому нѣкогда профессоръ Горловъ посвятилъ свой курсъ политической экономнн, и въ посвященнн упомянулъ о всѣхъ чинахъ, должностяхъ, званняхъ и орденахъ своего патрона. Вышла почти цѣлая страница, и я помню, что, въ школѣ, мы эту страницу пѣвали хоромъ на веселые голоса. Вотъ какой это былъ строгій человѣкъ, что даже несомнѣнно либеральный партизанъ принципа *laissez passer, laissez faire*—и тотъ, какъ могъ, ублажалъ его. Что же мудренаго, если корректура возвращалась къ автору нетолько изъязвленная и вся облитая красными чернилами, какъ кровью, но и доведенная почти до степени бормотаннн. Въ тогдашнее время, эти цензурныя проказы назывались «окошгами въ Европу».

Вотъ въ какомъ щекотливомъ положеннн находилась литература, и какую изумительную школу обязывались пройти ея служители! Нынче все это замѣнено предостереженннми и арестомъ книгъ и журналовъ, что, конечно, несравненно удобнѣе.

И вотъ, все, что не могло прорватъся въ печать, высказывалось въ интимныхъ собесѣдованнхъ, имѣвшихъ чисто кружковый характеръ. Заменуемость и общія невгоды удивительно какъ сближали людей. На эти бѣдныя и скудные вечера такъ и тануло. И, несмотря на то, что почва для собесѣдованнн имѣла характеръ чисто-отвлеченный, и что, благодаря общему единомыслнн, критики почти не существовало—все-таки скуки не чувствовалось. Участники расходились съ этихъ вечеровъ поздно, восторженные, полные ежели не намѣреннн, то какой-то сладчайшей музыки. И будочники (городовыхъ тогда не было) нетолько не хватали ихъ, но добродушно улыбались, словно понимали, что эти люди совсѣмъ занапрасно терпятъ мѣку мученскую отъ своего начальства, которое, въ свою очередь, такую же мѣку мученскую терпитъ отъ

своего начальства (это была цѣлая лѣстница). Да, тогдашніе будочники ничего не знали ни о подрываніи авторитетовъ, ни о потрясеніи основъ, о чемъ нынче всякій подчасокъ безъ малѣйшаго затрудненія на бобахъ разведеть.

О, будочники и всѣхъ сортовъ квартальные добраго стараго времени! да оскудѣтъ рука моя, если она напишетъ недоброе слово объ васъ! Миръ и благоволеніе да почіютъ надъ могилами вашими, если вы ужь достигли пристани, и да удесатерится вашъ пенсіонъ, если вы еще продолжаете полизоваться таковымъ!

Какъ бы то ни было, но Коршуновъ существовалъ. Три четверти этого существованія были поглощены вопросомъ: пройдетъ, или не пройдетъ? остальную четверть наполняли отвѣты: нѣтъ, не пройдетъ. Но иногда случалось вѣчто, чудесное: прошло! совсѣмъ прошло! Это была радость; это были тѣ рѣдкіе солнечные, теплые дни, которые, повременамъ, прорываются и среди сумерекъ туманной петербургской осени.

Да, бывали сладкія минуты, доставляемыя и цензурою; но нужно было пройти сквозь цѣлый искусь горчайшихъ испытаній, чтобъ оцѣнить эту случайную минутную сладость. Нынѣшняя печать не знаетъ такихъ минутъ, потому что она свободна.

Наконецъ, наступила эпоха возрожденія. Радовались всѣ, а литература — по преимуществу. Изъ сферъ отвлеченныхъ, заоблачныхъ, она сходила на арену дѣйствительности, дѣлалась участницей жизненнаго праздника, будила общество, ставила вопросы и блюла за ихъ разрѣшеніемъ. Да, блюла, и даже дѣлала выговоры и замѣчанія. Отовсюду неслись сочувственные отголоски и присылались корреспонденціи, снѣшившія до свѣдѣнія блюстителей возрожденія, что

..... гдѣсь проснулся
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей вострепнулся,
И весенней полною жадной...

Литература гордилась этимъ пробужденіемъ, записывала на скрижаляхъ своихъ его признаки и приписывала себѣ инициативу его. Цензура, съ своей стороны, тоже не препятствовала общему веселію, хотя въ государственномъ бюджетѣ, по прежнему, значалась соответствующая сумма на заготовленіе красныхъ чернилъ и карандашей. Въ концѣ-концовъ, веселье до того обострилось, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Валентинъ Коршъ объявилъ прямо: «живемъ хорошо, а ожидаемъ — лучше», и съ этимъ девизомъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и приступилъ къ редактированію «С. Петербургскихъ Вѣдомостей».

Пименъ не то, чтобы порицалъ общее ликованіе, а какъ бы

держался въ сторонѣ отъ него. Это многимъ казалось страннымъ, а между прочимъ и мнѣ.

— Помилуй, голубчикъ! говорилъ я ему:—какъ же ты не радѣлаешь общей радости! Сравни недавнее положеніе русской литературы съ теперешнею, почти свободой ея, и ты, конечно, сознаешься, что это ужъ не фантазмагорія, а фактъ. Во-первыхъ, литература не имѣетъ надобности прибѣгать къ эзоповскимъ аллегоріямъ, а можетъ говорить яснымъ и выразительнымъ языкомъ. Во-вторыхъ, она смѣло вкладываетъ пальцы въ родныя язвы и, не выжидая начальственныхъ по сему предмету мѣропріятій, сама предлагаетъ средства къ уврачеванію. Въ-третьихъ, она не только не трепещетъ передъ начальствомъ, но прямо сознаетъ себя силой, съ которой нельзя не считаться... Ужели это не побѣда?

На это онъ отвѣчалъ мнѣ не то уныло, не то загадочно:

— Такъ-то такъ, и я, конечно, вмѣстѣ съ прочими, очень признателенъ начальству за его благосклонную къ литературѣ снисходительность; но, признаюсь, одно обстоятельство тревожитъ меня.

— Что же тутъ можетъ тревожить?

— Боюсь я: гаду много въ литературѣ заведется. До сихъ поръ, русскіе писатели держались особнякомъ, а если кто изъ нихъ и чувствовалъ въ себѣ поползновеніе къ податливости, то или совѣстился высказываться, или же понималъ, что въ результатѣ этой податливости можетъ быть грошъ, такъ что, собственно говоря, и компрометировать себя нѣ изъ чего. А теперь съ этой «практической ареной», смотри какая скачка съ препятствіями пойдетъ! Изъ всѣхъ щелей бойцы выльзутъ, и всякій непременно будетъ добиваться, чтобъ ему дали возможность товаръ лицомъ показать. Ну, и насрамать.

Прежде всего, это было несправедливо и даже какъ будто своекорыстно. Гадливость, высказанная Коршуновымъ относительно бойцовъ, выполняющихъ изъ щелей, показалась мнѣ до того неожиданной, что въ головѣ моей невольно мелькнула мысль: ужъ не стойтъ ли онъ на стражѣ литературнаго единоторжія? Но не успѣлъ я надлежащимъ образомъ формулировать мой вопросъ, какъ онъ, Пименъ, уже угадалъ его.

— Нѣтъ, я не объ этомъ, сказалъ онъ совершенно наввно:—я не за кусокъ свой боюсь — Христось съ ними, пускай конкурируютъ!—а за литературу. Право, за литературу!

— Но гдѣ же факты? воскликнулъ я:—что даетъ поводъ сомнѣваться въ будущемъ нашей литературѣ?

— И фактами похвалиться не могу — времени для фактовъ

еще мало — но имѣю предвидѣніе... Я вижу людей, лица которыхъ должны были бы потускнѣть, а между тѣмъ, они сияютъ. Но, мало того, что эти господа не чувствуютъ себя сконфуженными — они, напротивъ, забѣгаютъ впередъ и объ томъ только и думаютъ, какъ бы повычурнѣе лягнуть то, передъ чѣмъ они еще вчера, у всѣхъ на глазахъ, работѣствовали. Развѣ это не страшно?

Въ виду подобныхъ предвидѣній, споръ, очевидно, утрачивалъ всякую реальную почву, и поэтому возражать было бесполезно. Но, кромя того, оставался и еще вопросъ, который въ высшей степени тревожилъ меня: что же онъ, Пименъ, предполагаетъ дѣлать съ собою?

— Неужели же ты бросишь литературу? спросилъ я.

— Нѣтъ, не брошу, отвѣтилъ онъ: — во-первыхъ, дѣваться мнѣ нѣкуда, во вторыхъ, чѣмъ же я лучше другихъ? а въ третьихъ, и новость дѣла меня не страшитъ: стѣнать только привыкнуть, да взловчиться — и все пойдетъ какъ по маслу. Вѣдь всѣ эти, такъ называемые, «жизненные вопросы» таковы, что, право, любая курица можетъ объ нихъ написать съ три короба руководящихъ статей.

— Да, но вѣдь и статьи въ такомъ случаѣ будутъ куринныя?

— А ты думалъ, что теперь потребуются статьи орлиныя?

Какъ ни странно были эти отвѣты, но они меня успокоили, потому что въ нихъ проглядывала покорность судьбѣ. Надо сказать при этомъ, что въ началѣ эпохи возрожденія, Пименъ участвовалъ въ одномъ толстомъ журналѣ, но вскорѣ какъ-то такъ случилось, что журналъ прекратилъ существованіе, и вслѣдствіе этого представилась такая дилемма: или класть зубы на полку, или вступить на арену «живыхъ вопросовъ». Къ счастью, какъ разъ кстати, въ это самое время, нашъ общій другъ, Менаандръ Прелестновъ, затѣялъ въ Петербургѣ новую газету и устроилъ при ней Пимена въ качествѣ передовика. Первые шаги Коршунова на этомъ новомъ поприщѣ были, конечно, довольно робки и нерѣшительны, но, мало по малу, онъ сталъ поправляться, поправляться — и черезъ мѣсяцъ такъ взловчился, что уже не оставалось желать ничего лучшаго. Однако, странное дѣло, всякій разъ, когда я принимался за чтеніе коршуновскихъ статей, меня почему-то такъ и обдавало какимъ-то специфическимъ куриннымъ запахомъ...

Тѣмъ не менѣе, несмотря ни на возрожденіе, ни на куринный запахъ статей, Пименъ все-таки не утратилъ старой привычки трепетать. Я помню, однажды онъ принесъ мнѣ статью, смыслъ которой заключался въ томъ, что ежели будочники наврыли вора

на мѣстѣ преступленія, и не настолько физически силенъ, чтобы однолично стащить его въ кварталъ, то всякій мимо идущій обыватель немедленно обязывается оказать ему содѣйствіе. Статья была написана горячо, убѣжденно и даже нѣсколько назойливо, то есть совсѣмъ такъ, какъ причестствуетъ страстно-блочущей курица. Положеніе слабосильнаго будочника, въ виду грозящей обществу опасности, было изображено такимъ перекатымъ бурмицкимъ слогомъ (*style perlé*), какимъ умѣютъ писать только могиканы сороковыхъ годовъ; напротивъ того, обязанность мимолетствующаго обывателя была обрисована кратко и отрывисто, штрихами рѣзкими, почти приказательными. Однимъ словомъ, такъ эта статейка была хороша, умѣстна и благовременна, что я тутъ же неприминулъ поздравить Пимена съ успѣхомъ.

И вдругъ онъ меня поразилъ.

— Хорошо-то хорошо, сказалъ онъ:—я самъ понимаю, что по нашему мѣсту лучше не надо. Да вотъ въ чемъ штука: пройдетъ или не пройдетъ?

— Помилуй, любезный другъ! разгорчился я:—да какое же, наконецъ, имѣешь ты право сомнѣваться въ этомъ! Могу удостоверить тебя, что не только пройдетъ, но даже, если позволительно такъ выразиться, пройдетъ съ удовольствіемъ!

— А поминишь, Булгаринъ говаривалъ: о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ начальства не слѣдуетъ отзываться не только въ смыслѣ порицанія, но ниже съ смысломъ похвалы. Стало быть, содѣйствіе слабосильному будочнику... Но позволь! прежде всего, отвѣть мнѣ на вопросъ: имѣемъ ли мы право публично заявлять, что бываютъ слабосильные будочники?

— Почему же не заявить?

— Потому что это, хотя и отдаленное, но тѣмъ не менѣе все-таки несомнѣнное порицаніе. Кто опредѣлилъ будочника? Квартальный! Кто опредѣлилъ квартальнаго? — частный приставъ! А затѣмъ, и пошло, и пошло! Вспомни-ка, какъ объ этомъ въ Булгаринѣ пишется?

— То Булгаринъ, а теперь...

— Нѣтъ, мой другъ, въ сущности, Булгаринъ отлично понималъ, въ чемъ тутъ суть. Ни порицанія, ни похвалы—вотъ истинный принципъ во всей чистотѣ. Потому что, гдѣ есть похвала, тамъ есть ужъ и разсужденіе, а въ этомъ корень всего. Отъ разсужденія не далеко до анализа, отъ анализа до порицанія. А потомъ пойдутъ несвоевременныя притязанія, подрыванія, потрясанія... Нашему брату публицисту нужно азбуку-то эту наизусть знать!

— Какія, однако-жь, у тебя допотопныя теоріи! Разумѣется,

осторожность никогда не лишняя, но не слишкомъ ли ужъ ты пересолить, голубчикъ? Вспомни, что теперь совсѣмъ другое время, что теперь всякое благонамѣренное указаніе, особливо ежели оно сдѣлано благовременно...

Однако, какъ я ни старался разуверить его, онъ такъ-таки и остался при своемъ: пройдетъ или не пройдетъ?

Разумѣется, прошло.

Вообще, статьи его нетолько проходили, но и производили впечатлѣніе, такъ что одинъ статскій совѣтникъ искалъ даже случая познакомиться съ нимъ. Пименъ самъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ замѣчательномъ казусѣ.

— Пришелъ, братецъ, ко мнѣ на квартиру, рекомендуется: статскій совѣтникъ Растопыриусъ. Статьи ваши, говорить, превосходны, но чтобы онъ окончательно сдѣлался образцовымъ, необходимо привести ихъ въ соотвѣтствіе. Нужно, чтобы вы познакомились съ нѣкоторыми видами и соображеніями, которые составляютъ васъ на настоящую точку. Не сдѣлаете ли вы, говорить, мнѣ честь пожаловать ко мнѣ на чашку чаю?

Разумѣется, какъ человѣкъ робкій и подверженный начальству, Пименъ не осмѣлился послушаться. Онъ купилъ готовую фракъ и пошелъ. Но тутъ произошло нѣчто неслыханное. Когда ш-г Растопыриусъ подвелъ его къ ш-ше Растопыриусъ, и когда послѣдняя протянула ему ручку, Пименъ, вмѣсто того, чтобы почтительно пожать эту ручку, бросился на хозяйку и обнялъ ее. И затѣмъ тотчасъ же упалъ въ обморокъ. Разумѣется, его немедленно же убрали. На этомъ попытка сближенія съ статскими совѣтниками и кончилась. Мало того: съ этихъ поръ Растопыриусъ даже открыто сталъ называть Пимена неблагонамѣреннымъ.

Но, кромѣ вопроса о томъ, пройдетъ или не пройдетъ, было и еще одно слово, которое не сходило у него съ языка.

— Гаду много! непрерывно восклицалъ онъ: — гаду! гаду! гаду!

И называлъ по именамъ. Но что всего хуже, я и самъ, по временамъ, становился въ тупикъ передъ его обличеніями. Дѣйствительно, хотя вполне сформировавшись, окончательно созрѣвшихъ гадовъ, въ то время, еще нельзя было указать, но нѣчто намекающее ужъ было. Были, такъ сказать, гадъ ближайшаго будущаго, заявлявшіе въ настоящемъ только о безконечной продолжительности. Большинство ихъ копошилось въ газетахъ, и, работая вно-дня въ день, забывало сегодня, что говорило вчера, и заботилось лишь о томъ, чтобы выходило бойко и занозисто. Поистинѣ, это были совсѣмъ-совсѣмъ легкомысленные люди (но

*

еще не распутные), хотя нѣкоторые изъ нихъ были несомнѣнно талантливы и пользовались извѣстностью.

Признаюсь, этими постоянными напоминаніями о гадахъ Пименъ достаточно-таки смущалъ меня, а однажды даже поставилъ въ весьма щекотливое положеніе.

Подобно Пимену, и я, грѣшный человѣкъ, изрѣдка пописывалъ передовыя статейки, но манера у меня была нѣсколько иная. Въ то время, какъ Пименъ мысленно облеталъ всю Европу и призывалъ во свидѣтельство древнія и новыя законодательства, чтобы доказать, что будочники безъ свистковъ все равно, что мужикъ безъ портковъ, я ту же мысль проводилъ тонами двумя пониже. Я не прибѣгалъ къ громоздкой обстановкѣ, не блисталъ ученостью, но дѣйствовалъ по преимуществу съ помощью образовъ. Я изображалъ уныніе и безпомощность обывателей, отданныхъ на жертву грабителямъ, живописалъ отчаяніе будочника при видѣ безнаказанно убѣгающаго вора, и этой мрачной картинѣ противопоставлялъ другую, болѣе свѣтлую: картину спокойствія обывателей, достигаемаго однимъ введеніемъ свистка. И ежели «серьезныя» статьи Пимена находили многочисленныхъ сочувственниковъ, то и моя скромная манера имѣла своихъ поклонниковъ. У Пимена былъ статскій совѣтникъ Растопыриусъ (уроженецъ суровой Финляндіи), у меня — статскій совѣтникъ Раскаряка (уроженецъ благословенной Малороссіи), которому, въ добавокъ, уже дано было слово, что къ предстоящей Пасхѣ, онъ будетъ произведенъ въ дѣйствительные статские совѣтники.

И вотъ, однажды, сидитъ у меня статскій совѣтникъ Раскаряка, и мы мирно бесѣдуемъ. Радуемся происходящему, а въ будущемъ предаемся сугубой радости. Онъ говоритъ:

— Но представьте, какія преспективы!

Я отвѣчаю:

— А за этими преспективами еще преспективы! И еще, и еще и еще!

Словомъ сказать, журуруемъ.

Вдругъ вбѣгаетъ Пименъ. Блѣденъ, волосы на головѣ растрепаны, глазныя яблоки вылѣзаютъ изъ орбитъ, ничего не видитъ... Не видитъ даже статскаго совѣтника Раскаряку, который учтиво всталъ при появленіи его (чутьемъ узналъ, что вошелъ публицистъ), и застылъ въ позѣ, ясно говорившей о готовности отрешиться.

— Гады! гады! гады! вѣ себя рычалъ Пименъ, держа себя за голову.

Первая мысль моя была: не прошло!

— Что такое? что случилось? воскликнулъ я, бросаясь къ нему

— На, читай!

Онъ подалъ мнѣ номеръ только-что начавшей выходить газетъ «И шло брѣть». Въ передовой статьѣ шла рѣчь о тѣхъ же самыхъ пресективахъ, о которыхъ мы только-что разговаривали съ статскимъ совѣтникомъ Раскаряю. Выразалось изумленіе передъ безконечностью пресективъ; бросался взглядъ на прошлое, и приподнималась завѣса будущаго; ставился вопросъ: выдержать ли наше молодое общество, или не выдержать? Словомъ сказать, всѣ виды и предположенія, сейчасъ проектированныя Раскаряю, были изложены почти съ буквальной точностью.

— Что-жъ тутъ такого... ужаснаго? изумился я:—не самъ ли ты, не далѣе какъ вчера, въ статьѣ о передачѣ пожарной части въ вѣденіе городскихъ думъ...

Но Пименъ ничего не слышалъ и только восклицалъ:

— Ужасно, ужасно! ахъ, это ужасно!

Я привыкъ къ подобнымъ выходкамъ моего друга; но статскій совѣтникъ Раскаряка—не привыкъ. Онъ нѣкоторое время стоялъ въ нерѣшимости, словно прислушивался и соображалъ. И вдругъ, онъ позеленѣлъ и какъ то неприятно заѣрзалъ губами.

— Однако, милостивые государи, въ васъ блокъ-то еще довольно! процѣдилъ онъ сквозь зубы, и, не подавая мнѣ руки, гордо прослѣдовалъ въ переднюю.

Но чѣмъ же я-то тутъ виновать?!

Разумѣется я не позволилъ себѣ ни одного слова упрека Пимену, но въ глубинѣ души все-таки не могъ не сказать себѣ: такъ-то вотъ мы всегда! Безъ надобности раздражаемъ людей несвоевременными выходками, а послѣ жалуемся, что у насъ «не проходитъ»! А вѣдь отъ жалобъ, какъ извѣстно, одинъ шагъ и до раскаянія...

Бъ удивленію моему, я впоследствии узналъ (Коршуновъ самъ признался мнѣ въ этомъ), что точь въ точь такія же мысли волновали въ это время и Пимена, и что онъ немедленно послѣ ухода Раскаряки уже спохватился и началъ обдумывать на эту тему передовую статью для завтрашняго номера.

Я съ умысломъ останавливаюсь на этомъ фактѣ, ибо онъ очень назидателенъ. Мы, писатели, вообще слишкомъ легко относимся къ статскимъ совѣтникамъ, и подчасъ даже бываемъ склонны подтрунить надъ нимъ. Мы думаемъ, что статскій совѣтникъ не важная птица, и что отъ нея литературѣ ни тепло, ни холодно. Но, къ сожалѣнію, это мнѣніе заключаетъ въ себѣ самое пагубное самообольщеніе.

Во-первыхъ, нѣтъ въ природѣ субъекта, относительно котораго

русскій писатель могъ бы считатьъ себя вполне безопаснымъ. Одни вліяютъ на него непосредственно, подвергая различнымъ непредвидѣностямъ и даже лишая средствъ къ пропитанію; другіе—вліяютъ посредственно, распространяя въ обществѣ слухи, что литература есть вертепъ, въ которомъ безчинствуютъ разбойники пера. Идетъ по улицѣ смѣшной прохожій, а ты, легкомысленный писатель, ужъ и цѣпляешься за него! А почему ты знаешь, какую тайну хранить въ себѣ этотъ смѣшной прохожій?!

Во-вторыхъ, что касается спеціально статскихъ совѣтниковъ, то отнюдь не слѣдуетъ забывать, что каждый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ зерно дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ свою очередь, предполагаетъ въ себѣ зародышъ такого пышнаго цѣвта, одинъ видъ котораго можетъ сразу убить человѣка...

Всѣ эти превращенія нужно предвидѣть, и, вмѣсто того, чтобы трунить надъ статскими совѣтниками, гораздо расчетливѣе ихъ угождать, дабы они, взойдя на высоту величія и славы, помнили намъ это. Скажутъ, быть можетъ, что изъ ста статскихъ совѣтниковъ девяносто девять, навѣрное, такъ и отцвѣтутъ въ этомъ чинѣ, такъ стоитъ ли дескать съ ними церемониться? Допустимъ, что и такъ. Но если даже одинъ изъ сотни разовьется какъ слѣдуетъ, то представьте, какое онъ дастъ отъ себя благоуханіе, и какъ это благоуханіе отзовется на литературѣ, смотря потому, былъ ли расцвѣтшій субъектъ пренебреженъ или угоженъ въ скромномъ чинѣ статскаго совѣтника!

И еще скажу: прежде нежели приступить къ насмѣшкамъ надъ статскимъ совѣтникомъ, необходимо соразмѣрить свои силы и на всякій случай приготовить приличное отступленіе. Я не порицаю раскаянія, но нахожу, что все-таки лучше вести себя такимъ образомъ, чтобы и раскаиваться было нѣ въ чемъ. Однако, мы видимъ, что въ большинствѣ случаевъ (особенно въ газетномъ дѣлѣ) бываетъ совершенно наоборотъ. Иной газетчикъ одинъ разъ сгрубить, въ другой разъ сгрубить, видитъ, что ему сходитъ съ рукъ, а подписка между тѣмъ прибавляется—начнетъ допускать даже прихоти. Все-то ему не мило, все не такъ, все надо пережѣвить и даже вверхъ дномъ перевернуть. И вдругъ, статскій совѣтникъ начинаетъ когти выпускать. Выпускаетъ-выпускаетъ... хлопъ! Какой, съ Божью помощью, переворотъ! Въ одно прекрасное утро, читатель беретъ въ руки газету, въ надеждѣ, что статскаго совѣтника въ конецъ раскостать—и не вѣрнуть глазамъ своимъ. Оказывается, что въ одну ночь статскій совѣтникъ и выросъ, и похорошѣлъ, и поумнѣлъ, и что всѣхъ сомнѣвающихся въ этомъ слѣдуетъ признавать людьми неблагонадежными и сокрушить.

Опять-таки повторяю: я не говорю, что такіе возвраты на путь высокопочитанія неприличны или безсовѣстны. Но спрашивается: зачѣмъ предпринимать такіа дѣйствія, въ вѣчномъ результатѣ которыхъ должна оказаться одна вонь?

Увы! Раскарява высказалъ горькую истину! Много, ахъ, какъ много водилось за Пименомъ блохъ! Непрерывно его щекоча и покусывая, эти блохи не давали его литературно-публицистическому дарованію развиться въ томъ благовременномъ направленіи, которое во Франціи извѣстно подъ именемъ оппортунистскаго, а у насъ, покуда, носить кличку газетнаго легкаго поведенія.

Я знаю, впрочемъ, что Пимель дѣлалъ очень серьезныя усилія, чтобъ быть свободнымъ отъ блохъ. Всю жизнь находился подъ гнетомъ нужды, и зная твердо, что внѣ легкаго поведенія нѣтъ дѣятельности, онъ заткавалъ себѣ уши, чтобъ не слышать, зажималъ носъ, чтобъ не обонять, и закрывалъ глаза, чтобъ не видѣть. Обезпечивши себя такимъ образомъ, онъ строчилъ довольно свободно и приводилъ въ восторгъ статскаго совѣтника Растопышуса. Но вдругъ, въ самомъ разгарѣ публицистическихъ затѣй, когда одна перспектива быстро смѣняется другою, когда въ нѣкоторомъ отдаленіи уже мелькаетъ чуть не фаланстеръ (были же военныя поселенія!)—его укусятъ «блоха». Пимель вскакиваетъ, какъ ужаленный, хватаетъ себя за голову, вопить: это ужасно! ужасно! — и сбѣжить вонъ изъ дому. И шляется Богъ вѣсть гдѣ (быть можетъ, на томъ самомъ митрофаніевскомъ кладбищѣ, куда судьба привела его теперь), до тѣхъ поръ, пока «сладкая привычка жить» не возьметъ верхъ и не загонитъ опять домой за постылый письменный столъ. Тогда онъ опять дѣлался смиренъ, опять начиналъ строчить, и строчилъ до тѣхъ поръ, пока новая «блоха» не уязвляла его...

Такъ и прошла вся эта жизнь...

Правда, что благодаря усиліямъ, которыя Пимель постоянно надъ собой дѣлалъ, «блохи» появлялись, сравнительно, довольно рѣдко; правда и то, что онъ нигдѣ окрестъ не производилъ ни малѣйшей пертурбаціи; но вѣдь статскому совѣтнику Раскарякѣ нѣтъ дѣла ни до усилій, ни до пертурбацій; онъ чутьемъ догадывается, что «блохи» все-таки существуютъ, и говоритъ: достаточно-таки еще въ васъ «блохъ», милостивнй государь!

Я помню, какъ Пимель огорчился, когда нашъ другъ, Менаандръ Прелестновъ, впервые провозгласилъ въ своей газетѣ, что «наше время не время широкихъ задачъ» (онъ сдѣлалъ это сгоряча и не предупредивъ Пимена).

— Слушай! читай! нѣ, читай! восклицалъ Коршуневъ, подавая мнѣ номеръ газеты:—говорилъ я тебѣ, что изъ этихъ «живыхъ вопросовъ» ничего, кромѣ распутства не выйдетъ! Куда теперь идти?

Но я уже прежде прочелъ эту статью и, право, не нашелъ въ ней ничего «такого». Такъ, глупость—надо же объ чемъ нибудь писать! Поэтому, я, на сколько могъ, утѣшалъ Пимена.

— Ты преувеличиваешь, мой другъ! говорилъ я.—Во-первыхъ, Менаандръ, открывая вопросъ о непригодности въ наше время «широкихъ задачъ», этимъ самымъ бросаетъ въ публику такую широкую задачу, надъ разрѣшеніемъ которой закружится не одна голова. Во-вторыхъ, если ты подозреваешь, что Менаандръ нарочно пустилъ фортель, чтобы «прельстить», то это напрасно: онъ просто закидываетъ уду общественному мнѣнію и прочимъ газетчикамъ. Нужны ли широкія задачи или не нужны—это, конечно, бубушка на двое связала, но полемика по этому поводу, навѣрное, возникнетъ, и Менаандръ будетъ себѣ, подъ сѣнію ея, «украшать столбцы». Въ-третьихъ, наконецъ, никто тебѣ не мѣшаетъ въ завтрашнемъ же номерѣ написать разъясненіе, какъ слѣдуетъ понимать и т. д.

Но, въ горячахъ, мои резоны ни мало не утѣшили и не убѣдили его. Признаюсь, теперь, когда я разсуждаю хладнокровно, то понимаю и самъ, что Менаандръ дѣйствительно поступилъ не ладно. Въ извѣстномъ смыслѣ, для него было бы выгоднѣе поставить совсѣмъ противоположный тезисъ, а именно: доказывать, что такъ какъ подробности и мелочи давно всѣмъ опротивѣли, то теперь-то и наступило настоящее время для «широкихъ задачъ». Навѣрное, «украшеніе столбцовъ» было бы достигнуто этимъ путемъ гораздо существеннѣе...

— И отъ кого вышла эта распутная фраза! волновался Пимень:—отъ Менаандра, котораго я считалъ послѣднимъ изъ Могикановъ именно по части широкихъ задачъ («style perlé» — почему-то мелькнуло у меня въ головѣ)! отъ Менаандра, который знавалъ лучшія времена русской литературы! отъ Менаандра, котораго всѣ обвиняли въ излишней цепетильности и даже брезгливости! Отъ Менаандра, который... нѣтъ, это все онъ, все Гамбетта! повѣрь, что лавры оппортуниста Гамбетты не дадутъ Менаандру спать.

Высказавшись такимъ образомъ и не внимая никакимъ убѣжденіямъ, онъ схватилъ шалку и убѣжалъ. Но все-таки, хоть частью, онъ послѣдовалъ-таки моимъ внушеніямъ, потому что на другой день я уже читалъ въ газетѣ «разъяснительную» статью. Растолковывалось, что вчерашнее предостереженіе имѣло въ виду не тѣ широкія задачи, которыя, дѣйствуя благотворно на умствен-

ный уровень общества, тѣмъ самымъ полагають начало полному развитію новыхъ и уже развѣшенныхъ формъ жизни, но тѣ, которые, имѣя лишь видъ «широкихъ задачъ», какъ волкъ въ овчарню, проникають въ публику съ цѣлю произвести въ ней замѣшательство. Статья принадлежала перу Пимена, и тоже... прошла! И что всего замѣчательнѣе, Менандръ сдѣлалъ къ этой статьѣ примѣчаніе, гласившее такъ: «Мы и сами именно такъ и разумѣли наши вчерашнія слова, какъ понимаетъ ихъ нашъ почтенный сотрудникъ. *Ред.*»

Долгое время послѣ того Пименъ не казалъ ко мнѣ глазъ: со-вѣстился. Но вотъ, въ одно прекрасное утро, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, свѣтлый и радостный.

— Не прошло!

— Не можетъ быть!

— Не прошло и баста! не прошло! не прошло! не прошло!

— Да расскажи толкомъ, что такое случилось?

— Не прошло — вотъ и все! А какую, братецъ, я штуку написалъ! Вѣдь я... ну, просто самъ Растопыриусъ навѣрняка простилъ бы меня за невѣжество, совершенное надъ его женой, и опять пригласилъ бы на чашку чаю! Да, есть Провидѣніе, есть! Рѣче безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть! анъ оно — вотъ оно! Спасибо, спасибо, спасибо старикамъ! прихлопули! Фу ты!

— Но ежели ты самъ сознаешь, что написалъ «штуку» — за-чѣмъ ты ее писалъ?

— Не могу! не понимаю! Газета, братецъ — это дьявольское навожденіе какое-то! Такъ тебя и тянетъ въ омутъ, такъ и про-низываетъ распутствомъ насквозь. Одуматься не дадутъ! пере-дохнуть нѣтъ средствъ! такъ и стоять надъ душой: сейчасъ! сію минуту! пожалуйста оригиналь! Ну, и...

— А Менандръ какъ принялъ это извѣстіе?

— Ъздилъ. Да только на извозчиковъ напрасно потратился. Отвѣтили: да послужить сіе вамъ урокомъ, что ежели поряца-ни не допускаются... безусловно! то и въ похвалахъ надлежить избѣгать излишней разнузданности!

— Вотъ какъ!

— Да, братецъ, ни порицаній, ни похвалъ! Я давно говорилъ: вотъ истинный принципъ во всей его чистотѣ!

— Стало быть, ты въ статьѣ допустилъ «излишнюю разнуз-данность» въ похвалахъ?

— Пименъ, вмѣсто отвѣта, заалѣлся.

— О, Пименъ! Пименъ!

Начали мы вдвоемъ обдумывать, какимъ бы образомъ устраи-вать на будущее время повтореніе подобныхъ казусовъ. Самымъ

цѣлесообразнымъ средствомъ представлялось совсѣмъ уйти изъ газетной атмосферы. Но куда?—вотъ вопросъ. Толстыхъ журналовъ мало, да и тамъ всѣ мѣста заняты, негдѣ упасть аблоку. Поступить на частную службу?—и тамъ переполнено до краевъ; люди, въ-за паче рублей годовыхъ, готовы другъ съ другомъ на ножи...

— Вотъ кабы ты на фортопьянахъ умѣлъ, такъ въ талѣры бы можно... рискнулъ я пошутить.

— А что ты думаешь! важно было бы!

— Знаешь ли что! не предложить ли газетчикамъ устроить по вечерамъ... нѣчто въ родѣ фельетоновъ en action? Ты бы, какъ передовикъ и стало бытъ человѣкъ солидный, за буфетомъ стоялъ... отлично!

Но Пименъ, вмѣсто отвѣта, только вдохнулъ: знакъ, что онъ начинаетъ впадать въ угрюмость.

— Я, братецъ, не только въ тапѣры, но даже въ кассеры на желѣзнодорожную станцію не гожусь, наконецъ, вымолвилъ онъ:— пробовалъ я это... поминишь, *тогда?* да не выгорѣло! Я двадцать лѣтъ сряду въ литературѣ вращаюсь, двадцать лѣтъ одною ея живу. И ничего другого не понимаю. Знаю, что изъ моей дѣятельности ничего не выходитъ, а все танусь, все думаю: а вотъ, погоди! Сны какіе-то наяву вижу—такъ и проходитъ день за днемъ. Это умственное цыганство до того въѣдается, что нужно именно что-нибудь совсѣмъ чрезвычайное (вотъ какъ *тогда*), чтобъ человѣкъ пришелъ въ себя. Но если онъ и пойметъ, что вся его жизнь есть не болѣе, какъ безконечная цѣпь пустяковъ—что пользы въ томъ? Ну, и пойметъ, и только. Ахъ, вѣдь у насъ даже «своего мѣста» нѣтъ, того «своего мѣста», куда всякій бѣжитъ, когда его настигнетъ бѣда! Вотъ я, напримѣръ. Особенными талантами природа меня не наградила, я не генералъ въ литературѣ, а простой солдатъ. Но вѣдь и солдатъ, если выслужилъ срокъ, въ правѣ воротиться въ «свое мѣсто» и тамъ забыть о солдатствѣ. А куда пойдетъ солдатъ-литераторъ? Литературное ремесло имѣетъ свойство до того оболванивать человѣка, что онъ вездѣ, кромѣ литературы, представляетъ только лишній ротъ. И у меня отецъ и мать есть (овець духовныхъ въ смоленской епархіи пасутъ и волною ихъ питаются, прибавилъ онъ въ скобкахъ), да зачѣмъ я къ нимъ пойду? Во-первыхъ, я и тамъ буду все объ своемъ наскудствѣ тосковать и бѣгать по помѣщикамъ, нельзя ли гдѣ газетку почитать; а во-вторыхъ, меня будетъ ежеминутно точить мысль, что я лишній ротъ, каковныкъ въ моей семьѣ не полагается. А ужъ какъ мнѣ опостыглѣло ли-

тературное ремесло, еслибъ ты зналъ! такъ опостыгло! такъ опостыгло!

Пимень въ волненіи нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— Иногда вся внутренность горитъ, продолжалъ онъ: — саднить, ноетъ, сосетъ, не знаешь, куда дѣваться отъ тоски. Еслибъ слезы можно было выжать, легче бы было, да негдѣ ихъ взять. Нѣтъ, никогда этого не бывало! никогда, даже въ самые горькіе дни плѣненія вавилонскаго не знали такой мертвенной тоски, такого холоднаго отчаянія! «Наше время не время широкихъ задачъ» — этимъ все сказано! Тутъ и скудоуміе, тутъ и распутство, и желаніе сказать нѣчто пріятное... Ахъ!

— Слушай! да надо же выходъ найти!

— Оставаться попрежнему въ вертепѣ — вотъ и выходъ. Тяпуть безконечную канитель невѣдомо объ чемъ, распиваться невѣдомо по поводу чего, поучать невѣдомо чему, преслѣдовать невѣдомо какія цѣли, жить въ постоянномъ угарѣ, упразднить мысль и залѣплать глаза пустословіемъ, балансировать между «съ одной стороны нужно сознаться» и «съ другой стороны нельзя не признаться» — вотъ удѣлъ современнаго литературнаго солдата! Другого ничего не выдумаешь. И когда, послѣ такого-то трудового дня, начнешь на сонѣ грядущій припоминать, что было — ну, хоть убей, ничего не припомнишь! Чувствуешь только усталость физическую, и ватѣмъ обрывки, винегреть — и ничего больше. Даже для сновъ настоящаго матеріала нѣтъ.

Онъ отеръ потъ, выступившій на лбу, и остановился передо мной.

— Патроны наши, сказалъ онъ: — тѣ, на сонѣ грядущій, хоть счетомъ барышей отъ розничной продажи могутъ заняться, а мы?

Но тутъ онъ ужъ окончательно разсердился.

— Мы то, мы-то, скажи, изъ-за чего себя нудимъ?

Да, были блохи у Пимена. Но чѣмъ пышнѣе разцвѣтала пресса, чѣмъ либеральнѣе становились ея замашки, тѣмъ смириѣе и какъ-то унылѣе становился мой другъ. «Блохи» скрывались одна по одной и, наконецъ, пропали совсѣмъ. Онъ не ерошилъ волосъ, не восклицалъ въ тоскѣ: ахъ, это ужасно! а неутомимо и безропотно строчилъ съ утра до вечера, не чувствуя ни удовольствія, ни омерзенія...

Менандръ ступевался. Не успѣвъ совладать съ «разнузданностью въ похвалахъ», онъ дотого раздражилъ своими «наглыми» усиліями понасть въ томъ минуты («все это одно крокодлово притворство!» говорилъ про него статскій совѣтникъ Растопырѣусъ), что вынужденъ былъ уступить мѣсто другимъ, болѣе

сноровистымъ дѣателямъ. Сначала явилась либеральная газета «Чего изволите?», затѣмъ, и еще болѣе либеральная: «И шло брѣть». Но Пимень до того уже потерялъ нюхъ, что не могъ отличать степеней либерализма, и безразлично работалъ то тутъ, то тамъ.

Онъ почти совсѣмъ пересталъ ходить ко мнѣ, я же посѣщалъ его довольно часто, и всегда заставлялъ за работой.

— Не помѣшалъ ли я? спросилъ я его однажды.

— Нѣтъ, какая помѣха! Работа такого сорта, что на всякомъ мѣстѣ можно точку поставить! Было бы пристойное количество «строчекъ», а объ остальномъ, то есть о противорѣчіяхъ, неясностяхъ и даже пошлостяхъ, я давно уже не забочусь. Все равно, читатель сжуётъ.

— Объ чемъ же ты пишешь? все, чай, о перспективахъ?

— Нѣтъ, о перспективахъ писать теперь ужъ чересчуръ широко. По нашему, это называется «расплываться». Нынче мы больше по части патриотистии и пламени сердець, къ которымъ, ради оживленія столбцовъ, пристегивается и взнуздываніе. Вотъ напримѣръ, я написалъ статью «Гдѣ корень зла?» — хочешь, прочту?

— Нѣтъ ужъ, не надо! Ахъ, Пимень, Пимень! зачѣмъ ты это пишешь?

— Какъ сказать, зачѣмъ? знаю грамматику, синтаксисъ, учился правописанію, умѣю разставлять знаки препинанія — вотъ и пишу. Неужто же, обладая такими сокровищами, оставлять ихъ втунѣ?

— А знаешь ли, что я замѣтилъ. Прежде, бывало, хоть ты не подписывался подъ статьями, а я все-таки узнавалъ твою манеру. Прочтешь и скажешь:—вотъ это Коршуновъ писалъ. И даже отгадаешь: а вотъ это словечко Менандръ лично отъ себя вклеилъ! А нынче, какъ ни стараешься угадать — всѣ статьи на одинъ манеръ пишутся!

— Это у насъ новая метода завелась, съ тѣхъ поръ, какъ отъ передовика ничего, кромѣ правописанія, не требуется. Чтобъ всѣ, какъ одинъ человекъ. Выгодно это, голубчикъ. Во-первыхъ, публика читаетъ и думаетъ: стало быть, однакожъ, у нихъ есть что-нибудь за душой, коли они такъ сбѣлись! а во вторыхъ — дешево.

— Это почему?

— А потому что, если однажды данъ извѣстный шаблонъ, то нѣтъ нужды дорожить сотрудничествомъ той или другой личности. Всякій встрѣчный можетъ любую статью написать, все равно какъ свадебныя приглашенія. Важнѣе всего — аккурат-

ность, чтоб не задерживать типографію. Поэтому, и передовики выѣшшіе присмирѣли: знаютъ, что мѣсто свято пусто не будетъ. Прежде, мы упирались, растабарывали объ убѣжденіяхъ, а нынче этого ужъ не полагается.

— Однако, некрасивое ваше положеніе!

— Покуда еще ничего, можно терпѣть, а вотъ въ ближайшемъ будущемъ... Я, напримѣръ, покуда еще не стѣсняюсь, и почти совсѣмъ *туда* не хожу: покажешься на минуту, слышь что слѣдуетъ—и былъ таковъ. А скоро, пожалуй, и прихоти заведутся: придется различные виды и соображенія выслушивать. А еще того горше: вечера для общѣна мыслей устроить, да съ дамами, да съ отставными полководцами, да съ «дипломатами», да съ рассказами изъ народнаго быта... Вотъ когда худо-то будетъ! Придется самолюбіе хозяйки дома щекотать, выслушивать полководческое фронтѣрство и въ антрактахъ освѣжаться протухлыми лобасѣнками!

— А развѣ есть ужъ признаки, предвѣщающіе что-нибудь подобное?

— Есть. На меня ужъ и теперь косатся, что мало разговариваю. Надняхъ, я *тамъ* былъ—*сама* выбѣжала. «Вы, говорить, Коршуновъ?»—Я, говорю. «Ахъ, какой вы нелюбезный!»

— Съ чего-жь это она?

— Стало быть, разговоръ былъ. Въ Аспазія она къ нашему Периклу готовится — ну, и принимаетъ участіе. Да, терпятъ меня покуда, любезный другъ! но только терпятъ. А такъ какъ и ангельскому терпѣнію предѣлъ есть, то поневолѣ спрашиваешь себя: что будетъ, когда этотъ предѣлъ настанетъ? Разумѣется, стану просить милости. Негожусь въ передовики—можетъ быть, къ «намъ пишутъ» опредѣлять, или «Тайнства мадридскаго двора» переводить велять. Все равно какъ въ домѣ терпимости: сперва гостей занимать заставляють, а потомъ, какъ розы то отцѣвтъ, начнутъ въ портѣрню за пивомъ посылать.

До этого, однако, не дошло, хотя мнѣ самому не разъ приходилось слушать отзывы: ахъ, какой неприятный у Коршунова характеръ! И не только Аспазія, но и самъ Периклъ отзывался такъ. Пименъ имѣлъ даже по этому поводу объясненіе, но, къ счастью, успѣлъ доказать, что до его «характера» никому никакого дѣла нѣтъ. Я убѣжденъ, однакожь, что едва ли бы онъ доказалъ это, еслибъ у него не было кой-какой опоры въ прошломъ. Ради этого прошлаго, его, очевидно, щадили, ибо, какъ ни «разносторонни» современные дѣятели политики и литературы, но есть еще ниточка (очень тоненькая), которая связываетъ ихъ съ прошлымъ. Вотъ когда и они сойдутъ со сцены, то на

ихъ мѣсто придуть «новѣйшіе» дѣтели — этихъ ужъ ничто не будетъ связывать. Тогда, натурально, Коршуновыхъ выметуть помеломъ.

Изрѣдка, впрочемъ, и Пименъ оживлялся, и именно въ тѣхъ случаяхъ, когда у него накоплялся запасъ анекдотовъ о Периклахъ. Главное горе Перикловъ заключалось въ томъ, что они вѣчно были въ поискахъ за идеей, которую, впрочемъ, безразлично называли и идеей, и фортелемъ. Какую бы идею начать проводить? на какой бы фортель подняться?— вотъ задача, которую предстояло разрѣшить. Читатель капризенъ, и однообразныя статьи надоедаютъ ему. Однообразіе можно допустить только въ исключительныхъ случаяхъ. Вотъ напримѣръ, во время войны— ахъ, какая розничная продажа была! Но разъ исключительныя обстоятельства кончились, надо подниматься на фортель. И не одинъ фортель, а даже нѣсколько таковыхъ не худо найти. Какъ вы, напримѣръ, на счетъ либерализма полагаете? а? хорошо? Съ Богомъ, начинайте ка рядъ статей! Или на счетъ святости подвига? а? вѣдь подвигъ-то, батюшка, очищаетъ человѣка, даетъ его жизни смыслъ? Тиснете-ка статейку... а? Главное, дремать не нужно, да почаще оглядываться кругомъ. Да, вотъ и еще тамъ... мирные успѣхи! По возвращеніи съ поля брани это даже самое подходящее дѣло... въ носъ бросится—а? Эту штуку пять лѣтъ хлебай — не расхлебашь! Начать хоть съ желѣзныхъ дорогъ... или вѣтъ, это ужъ старо! Просто начнемъ съ земледѣльческой промышленности! «Россія страна земледѣльческая»... это хоть тоже старо, но вѣстѣ съ тѣмъ и всегда ново, потому что Россія, дѣйствительно, страна земледѣльческая, стало быть, какъ ни вертись, а этой тѣмы не минешь! Не въ томъ бѣда, что мы земледѣльцы, а въ томъ, что мы нашъ продуктъ въ зернѣ отпускаемъ... а? Отсюда, прямой выводъ: заводить маслобійни, винокурни, мельницы — главное, мельницы! А когда съ земледѣльческою промышленностью покончимъ, можно и за горнозаводскую промышленность взяться: рельсы, паровозы, пароходы, желѣзо листовое и прокатное, гвозди... Нужна ли покровительственная система, или не нужна... а? А потомъ и до рубля доберемся... ахъ, этотъ рубль! сколько публицистическихъ усилій, сколько полемики потрачено, чтобъ онъ настоящимъ рублемъ смотрѣлъ, а онъ все на полтинники смахиваетъ! Придется, пожалуй, и пословицу: «взглянулъ, словно рублемъ подарилъ» говорить такъ: взглянулъ, словно полтинникомъ подарилъ! Да, надо, надо какъ-нибудь этому горю помочь! И поможемъ, съ Божьею помощію... да! А, наконецъ, когда наговоримся досыта, можно и заключеньице сформулировать: впро-

чемъ—дескать что бы мы ни говорили, мы знаемъ заранее, что наши слова все равно, что къ стѣнѣ горохъ... а? какъ вы думаете? хорошо будетъ? а?

Но какъ ни любопытны были эти анекдоты, а настоящей веселости въ нихъ не было. И самъ Коршуновъ, повидимому, сознавалъ это, потому что, истощивъ свой запасъ, онъ неизмѣнно заканчивалъ одною и тою же угрюмой фразой:

— И всё эти фортели я обязываюсь, съ Божьею помощью, развить!

Такимъ образомъ онъ промаячился года три сряду.

Одно было недурно: Коршуновъ получалъ хорошій говорарь за свои работы. Но лишникъ денегъ у него все таки не бывало, потому что «свое мѣсто» поглощало, навѣрное, половину заработка.

Да, и у Коршунова было «свое мѣсто», которое довольно часто напоминало ему себя. Отецъ Пимена былъ старъ и добывалъ мало, да и овцы, которыхъ онъ пасъ, имѣли волну скудную. А семья была большая: семь дочерей при одномъ сынѣ, Пименѣ. На этого сына былъ сначала расчетъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, хоть дьякономъ будетъ, а онъ вдругъ ускользнулъ. И долгое время, покуда Пименъ бѣдствовалъ, едва зарабатывая на хлѣбъ лично для себя, между нимъ и отцомъ шла ожесточенная полемика. Отецъ ужъ приискалъ сыну невѣсту и намѣтилъ дьяконское мѣсто, но сынъ бунтовалъ. Дѣло доходило до жалобъ и просьбъ о высылкѣ по этапу, вслѣдствіе чего Пименъ скрывался, не имѣя постоянного пристанища. Но, наконецъ, Пимену посчастливилось. Заработокъ его увеличился, и онъ первня же «лишнія» деньги послалъ домой. Тогда его оставили въ покоѣ.

Въ «своёмъ мѣстѣ» смекнули, что, несмотря на странное занятіе, Пименъ все-таки добытчикъ, и, разумѣется, рѣшились пользоваться этимъ. Онъ чаще и чаще началъ получать отписки съ родины, и каждая неизмѣнно заключала въ себѣ напоминаніе объ деньгахъ. То сестру выдаютъ замужъ и надо готовить приданое, то коровушка пала, то милость Божья пристигла, хлѣбъ градомъ выбило. Коршуновъ вытягивался въ нитку, чтобъ удовлетворять этимъ требованіямъ, самъ же постоянно нуждался. Разумѣется, онъ понималъ, что единственно на этихъ денежныхъ соображеніяхъ и держатся его кровныя связи, но чувствовалъ ли онъ по этому поводу сердечную боль — это сказать трудно. Вообще, онъ упоминалъ о домашнемъ очагѣ рѣдко и сдержанно, и никогда не порывался въ побывуе домой, говора, что прїѣздъ его только прибавитъ лишній ротъ въ семьѣ!

Но, кромѣ кровной связи, имѣлъ ли Пименъ какую-нибудь волнующую сердечную привязанность? Ощущалъ ли онъ, хотя въ молодые годы, то блаженное таяніе сердца, которое ощущаетъ всякій юноша въ періодъ весенняго разцвѣтанія? Увы! эти вопросы даже въ голову никому не приходили, до такой степени своеобразною казалась личность Коршунова. Ходили, правда, анекдоты о якобы любовныхъ его похожденияхъ, но всё очень хорошо понимали, что это только анекдоты, скорѣе служившіе къ подтвержденію противнаго. Вообще на него смотрѣли, какъ на человѣка, для котораго вопросъ о сближеніи половъ составляетъ нѣчто совсѣмъ постороннее, его не касающееся. Даже когда возникъ такъ называемый женскій вопросъ — и тутъ онъ уклонялся, несмотря на то, что этотъ вопросъ стоялъ на чисто теоретической почвѣ. Иногда, впрочемъ, замѣчая, что онъ ужъ чересчуръ утрируетъ въ этомъ смыслѣ, я невольно нападалъ на мысль, что причина этого явленія заключается не столько въ холодности темперамента, сколько въ непреодолимой застѣнчивости. Повидимому, онъ слишкомъ настойчиво говорилъ себѣ, что такъ ужъ сложилась его жизнь. Бываютъ люди, которымъ на роду суждено глубокое и горькое заточеніе, и онъ принадлежалъ къ числу этихъ людей. Просто было почти негѣпно вообразить его себѣ любящимъ и любимымъ. Пименъ, смотрящій въ книжку, Пименъ съ перомъ въ рукахъ — вотъ настоящій Пименъ. Но Пименъ таящій, палимый страстью къ женщинѣ, Пименъ, шепчущій признанія любви и просвѣтленный увѣренностью въ взаимности — помыслите, это какое-то баснословіе, это почти влетьета!

Точно также было и по части дружбы. Пименъ вращался исключительно въ литературной средѣ, гдѣ, въ взаимныхъ отношеніяхъ, примѣшивается очень значительная доля рационализма. Я не отрицаю, что связи, вслѣдствіе этого, становятся болѣе прочными, но думаю, что въ тоже время онъ приобретаетъ окраску исключительно дѣловую, и совершенно утрачиваютъ тотъ ласкающій элементъ, который такъ присущъ инстинктивной дружбѣ. Бываютъ, однакожь, минуты, когда человѣкъ имѣетъ право быть малодушнымъ, когда онъ чувствуетъ непреодолимую потребность жаловаться, роптать, проклинать, не соображая, глупо это или умно, полезно или бесполезно — и вотъ въ эти-то минуты ему и необходимо, чтобъ дружеская рука сняла хоть часть того бремени, которое давитъ его. Ничего подобнаго Коршуновъ положительно не зналъ: онъ малодушествовалъ, жаловался и проклиналъ — въ пространство.

Онъ не былъ настолько силенъ и одаренъ, чтобы составить

около себя кружокъ, а слѣдовательно не могъ создать для себя и искусственной дружбы. Онъ самъ былъ по природѣ поклонникомъ, страстнымъ и беззаветно преданнымъ, но поклонниковъ не имѣлъ и пользовался только благосклоннымъ сочувствіемъ. Сверхъ того, составъ кружка, которому онъ былъ преданъ, часто мѣнялся; люди вымирали и исчезали, а наконецъ, кружокъ и совсѣмъ распался. Приблизившись къ старости, Пименъ очутился въ невѣдомой средѣ, окруженный незнакомыми людьми, и все-таки вынужденный работать съ ними. Эти насильственные сближенія дотого изнурили его, что нерѣдко онъ буквально ходилъ какъ потерянный.

Таковы были кровныя и вольныя связи Пимена. Совокупность ихъ составляла мученическое существованіе, хотя видимыхъ пытокъ и не было. Дома, онъ видѣлъ голыя стѣны квартиры; вѣтъ дома — видѣлъ деревянныхъ людей. Развѣ можно представить себѣ пытку болѣе злостную?

И вотъ, онъ умеръ. Умеръ въ одинъ день съ 1-ой гильдіи купчихой Пулхеріей Конопатчиковой, которая спокойно и непостыдно отошла въ вѣчность, окруженная заботливыми попеченіями законныхъ наследниковъ. Пименъ же и умеръ словно украдкой, такъ что о смерти его узнали отъ квартирной хозяйки, которая прежде всего побѣжала въ участокъ, а потомъ ударила за деньгами въ литературный фондъ, потому что, въ послѣднее время, Коршуновъ почти совсѣмъ не работалъ.

На кладбищѣ громко говорили, что купчиха Конопатчикова оставила шести сынамъ—каждому по двадцати пяти тысячъ, и тремъ дочерямъ—каждой по десяти. Да старшему сыну отказала лавку, а божіе благословеніе раздѣлила между всѣми поровну. Все это и батюшка въ своей проповѣди упомянулъ не въ осужденіе усопшей, но въ похвалу. Что же оставилъ послѣ себя Пименъ?

Страшно сказать, но ничего яснаго. Человѣкъ жилъ, неутомимо трудился, и, по мѣрѣ того, какъ трудъ его приводился къ окончанію, тутъ же онъ и улетучивался.

Выше я сказалъ, что Пименъ нѣкогда участвовалъ въ творчествѣ извѣстныхъ наслоеній, которыя, быть можетъ, и не прошли безслѣдно. Но кто же разберетъ, чтò въ этихъ наслоеніяхъ принадлежитъ ему и что другимъ атомамъ общей рабочей массы. Да и кому охота возвращаться къ этимъ забытымъ наслоеніямъ, а тѣмъ болѣе разбираться въ нихъ?

Даже историкъ русской литературы и общественности — и тотъ не отыщетъ Пимена, потому что надъ рабочею массой всегда

рветъ какое нибудь выдающееся имя. Этому имени и честь, и слава, и поклоненіе. И слава, и страданія, и подвигъ — все достойно вмѣнится ему въ сугубую похвалу. А Пимену даже по истинѣ мученическая его жизнь ни во что не вмѣнится, потому что объ ней нигдѣ не упоминается, и она нигдѣ ни оставила слѣдовъ своей крови.

Я помню, онъ мнѣ говорилъ: когда я умру, то на памятникѣ моемъ надобно написать: литература освѣтила ему жизнь, но она же наполнила ядомъ его сердце. Да, это надпись хорошая и вполне согласная съ истиной, но вопросъ въ томъ, будетъ ли когда-нибудь памятникъ на его могилѣ?

Допустимъ, однакожъ, что памятникъ—уже прихоть. Гораздо проще другой вопросъ: долго ли мы, скоронившіе Пимена, будемъ ощущать, что смерть его оставила послѣ себя пустоту? долго ли воспоминаніе объ немъ будетъ жить между нами?

Онъ жилъ—и умеръ... Благо умершимъ!

Н. Щедринъ

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

УГОЛОВНАЯ СТАТИСТИКА РОССИИ ЗА 1876 ГОДЪ.

Министерствомъ юстиціи изданъ надняхъ 5-й томъ «Свода статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, производившимся въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ 20 го ноября 1864 г.». Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія за 1876 годъ.

Это почтенное изданіе выходитъ ежегодно, въ видѣ большого тома, наполненнаго статистическими цифрами и таблицами. Если можно сдѣлать ему упрекъ, то развѣ въ чрезмѣрной обработкѣ нѣкоторыхъ подробностей. Для общихъ выводовъ существенное значеніе имѣютъ лишь крупныя цифры. Цифры, не превышающія десятковъ и даже единицъ, слишкомъ случайны, чтобы служить надежнымъ основаніемъ для выводовъ. А между тѣмъ, на эти подробности, представляющіяся не необходимостью, а излишнею роскошью, идетъ, конечно, не мало времени, труда и средствъ. Этимъ стремленіемъ къ обработкѣ подробностей объясняется и нѣкоторая запоздалость отчетовъ: на обработку свѣдѣній за 1876 г. понадобилось болѣе года.

«Сводъ» не представляетъ собою полной уголовной статистики Россіи: въ него не вошли, во-первыхъ, свѣдѣнія изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ судебные уставы еще не введены; во-вторыхъ—свѣдѣнія изъ кавказскаго округа, который не состоитъ въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, и, наконецъ, варшавскій округъ, гдѣ судебные уставы введены лишь съ 1-го іюля 1876 г.. Но, по отношенію къ остальнымъ новымъ судебнымъ учрежденіямъ, свѣдѣнія достаточно полны и точны.

Точность свѣдѣній гарантируется самымъ способомъ ихъ собранія. Къ каждому возникающему уголовному дѣлу прилагается листъ, на которомъ должно быть, въ соответствующихъ графахъ, отмѣчено движеніе дѣла; часть этого листа, съ свѣдѣніями о возникновеніи дѣла, немедленно отрѣзывается и посылается въ статистическое отдѣленіе министерства; затѣмъ, по

мѣръ дальнѣйшаго движенія дѣла, отрѣзываются и отсылаются туда же другія части листа, съ соответствующими отиѣтками. Такимъ образомъ, въ министерствѣ постоянно имѣются свѣдѣнія о положеніи каждаго дѣла. Эти листки служатъ для цѣлей статистики, а, въ случаѣ надобности, могутъ служить и лучшимъ средствомъ для контроля.

Цифры «Свода» показываютъ, что дѣятельность новыхъ судовъ нельзя не признать вполне удовлетворительною, за весьма немногими исключеніями.

При разсмотрѣніи «общихъ свѣдѣній о состояніи дѣлопроизводства въ судебныхъ установленіяхъ», рѣзко бросается въ глаза крайняя неравномѣрность распредѣленія труда между судебными дѣятелями различныхъ мѣстностей. Къ сожалѣнію, мы не нашли въ «Сводѣ» цифръ, которыя давали бы возможность судить о томъ, сколько работы приходится на долю каждаго члена судовъ и палатъ. Но относительно судебныхъ слѣдователей и прокурорскаго надзора окружныхъ судовъ тавія цифры имѣются. Изъ нихъ оказывается, что судебные слѣдователи обременены работою далеко неравномѣрно. Такъ, по ржевскому и устюженскому судамъ на каждаго слѣдователя приходилось по 72 дѣла, тогда какъ по устьмедвѣдичьему суду—315. Подобная же неравномѣрность замѣчается и относительно лицъ прокурорскаго надзора. Число дѣлъ, доставшихся на долю каждаго изъ нихъ, колеблется между 86 (по ржевскому суду) и слишкомъ 400 (по вятскому). Вообще, въ округахъ петербургской и московской судебныхъ палатъ на каждое лицо прокурорскаго надзора приходится дѣлъ: въ петербургскомъ—слишкомъ вдвое, а въ московскомъ—почти вдвое меньше, чѣмъ въ округахъ саратовскомъ и казанскомъ. На это обращаетъ вниманіе и «Сводъ»: 56 лицъ прокурорскаго надзора казанскаго округа разсмотрѣли 18,123 дѣла, тогда какъ 81 лицомъ петербургскаго и одесскаго округовъ въ сложности разсмотрѣно только 15,843. Цифры эти указываютъ на настоятельную необходимость болѣе правильнаго распредѣленія труда между судебными слѣдователями, а равно и между лицами прокурорскаго надзора, посредствомъ уменьшенія ихъ числа въ однихъ мѣстностяхъ и увеличенія—въ другихъ. Это тѣмъ болѣе желательно, что на слѣдователяхъ и прокурорскомъ надзорѣ окружныхъ судовъ лежитъ главная масса работы.

Нельзя не замѣтить, что успѣшность работы слѣдователей и прокуроровъ не всегда соответствуетъ ея количеству. Судебные слѣдователи сарапульскаго суда, получивъ по 216 дѣлъ, успѣли окончить по 183 (это — максимум); слѣдователи одесскаго суда, изъ 201, успѣли окончить по 176. Между тѣмъ, слѣдователи ржевскаго суда, изъ 72 дѣлъ, окончили только 56. Slѣдователи устьмедвѣдичьаго суда, несмотря на весьма успѣшную дѣятельность (окончили каждый по 172 дѣла), очевидно не въ силахъ справиться съ массою лежащей на нихъ работы: у нихъ осталось неоконченными 46% общаго числа дѣлъ. Наиболее пор-

мальною представляется дѣятельность ярославскихъ слѣдователей: получивъ по 113 дѣлъ, они успѣли окончить по 106. Эти послѣднія цифры и слѣдовало бы принять за норму при распределеніи общаго числа слѣдователей между судами. Къ этой нормѣ близокъ только московскій судебный округъ (тамъ на каждого слѣдователя приходится по 107 дѣлъ; но и здѣсь желательно болѣе справедливое распределеніе слѣдователей между отдѣльными судами); остальные округа представляютъ цифры выше нормальной; наиболѣе обременены слѣдователи казанскаго округа (по 175 дѣлъ на каждого). Поэтому, мы полагаемъ, что наличный персоналъ слѣдователей недостаточенъ и нуждается въ увеличеніи, тѣмъ больше, что промедленіе со стороны слѣдователя отражается на интересахъ лицъ, прикасающихся съ судебною властью, наиболѣе чувствительно.

Что касается лицъ прокурорскаго надзора, то изъ общаго числа поступившихъ къ нимъ дѣлъ ими рассмотрѣно, въ огромномъ большинствѣ судовъ, 96% и выше. Цифра эта доходитъ до 100% (въ ярославскомъ, елецкомъ и калужскомъ судахъ) и упадаетъ до 85%—въ харьковскомъ. Отсюда видно, что прокурорскій надзоръ, во всякомъ случаѣ, не обремененъ работою непосильно. Въ харьковскомъ судѣ каждымъ лицомъ окончено по 207 дѣлъ, изъ общаго ихъ числа 241; но едва ли эта послѣдняя цифра представляется непосильною, такъ какъ во многихъ судахъ число оконченныхъ каждымъ лицомъ прокурорскаго надзора дѣлъ далеко превосходитъ эту цифру (въ полтавскомъ—350, въ сарапульскомъ—364, въ самарскомъ—384, въ вятскомъ—398). Если принять за норму на каждое лицо 250 дѣлъ (цифра эта, въ виду сейчасъ приведенныхъ, едва ли слишкомъ велика, тѣмъ болѣе, что, какъ сейчасъ увидимъ, значительное число поступающихъ къ прокурорскому надзору дѣлъ требуетъ съ ихъ стороны весьма не много труда), то окажется, что въ личномъ составѣ прокурорскаго надзора можетъ чувствоваться недостатокъ развѣ только въ четырнадцати судахъ (хотя и тамъ успѣваютъ окончить почти всѣ поступающія дѣла); въ остальныхъ же 38 судахъ, быть можетъ, возможно даже уменьшеніе наличнаго состава, безъ вреда для дѣла.

При оцѣнкѣ дѣятельности прокурорскаго надзора, нужно принимать въ соображеніе не только количество, но и *быстроту* работы. Существуетъ законъ, по которому «прокуроръ обязанъ дать указанный въ законѣ ходъ, въ теченіи *недѣли* отъ времени полученія дѣла» (уст. угол. суд. ст. 517). Бываютъ случаи, когда исполненіе этого правила, по сложности и многочисленности поступающихъ дѣлъ, физически невозможно. Но такъ какъ огромное большинство дѣлъ не представляютъ особой сложности и такъ какъ лица прокурорскаго надзора не слишкомъ обременены работою, то желательно, чтобы отступленія отъ упомянутаго правила допускались лишь въ рѣдкихъ, оправдываемыхъ вполне уважительными причинами, случаяхъ. Едва ли можно *

найти оправданіе тому факту, что въ нѣкоторыхъ судахъ прокурорскимъ надзоромъ не дается, въ теченіи недѣли, направленіе даже такимъ дѣламъ, которыя поступаютъ къ нимъ отъ слѣдователей на основ. 277 ст. уст. угол. суд. (объ этомъ будетъ сказано ниже) и не требуютъ со стороны прокуроровъ почти никакой работы. По соблюденію правила о семидневномъ срокѣ, первое мѣсто занимаетъ ярославскій судъ, гдѣ въ теченіи недѣли изъ общаго числа разсмотрѣнныхъ дѣлъ направляется 93%о; послѣднее—екатеринославскій (15%о) и симферопольскій (только 12½%о). Разница слишкомъ большая и вовсе неоправдываемая количествомъ работы, въ особенности для симферопольскаго суда, гдѣ вообще, въ теченіи года, разсматривается каждымъ лицомъ прокурорскаго надзора лишь по 176 дѣлъ, тогда какъ въ ярославскомъ—по 193.

Несмотря на манкированіе семидневнымъ срокомъ, дѣла въ прокурорскомъ надзорѣ идутъ довольно быстро. Однакожь, въ саратовскомъ округѣ значительное число дѣлъ задерживается долѣе мѣсяца (31%о общаго числа); подобный же упрекъ слѣдуетъ сдѣлать и одесскому округу (29½%о), тогда какъ въ московскомъ округѣ такая медленность допускается гораздо рѣже (15%о).

За прокурорскимъ надзоромъ окружныхъ судовъ осталось не разсмотрѣнными лишь 2806 дѣлъ (3½%о). Цифра весьма небольшая. Но замѣчательно, что изъ этого числа 293 дѣла производятся уже въ прокурорскомъ надзорѣ *долѣе 6 мѣсяцевъ*, причѣмъ въ одномъ одесскомъ округѣ — 132! Внушительность этой цифры «Сводѣ» объясняетъ тѣмъ, что «въ кишиневскомъ окружномъ судѣ почти половина всѣхъ неоконченныхъ дѣлъ (46%о) продолжаютъ уже болѣе 6 мѣсяцевъ» (это—вмѣсто законныхъ 7 дней!)... Между тѣмъ, лица прокурорскаго надзора кишиневскаго суда необоженно обременены работой: они оканчиваютъ лишь по 208 дѣлъ (вспомните цифру вятскаго суда: по 398).

Ограничиваясь, относительно личнаго состава судебныхъ дѣятелей, лишь этими замѣчаніями, которыя мы считали наиболѣе существенными, переходимъ къ обзору движенія дѣлъ.

Въ отчетномъ году у судебныхъ слѣдователей возникло 83,629 дѣлъ; отъ прежнихъ лѣтъ оставалось 23,985, итого 107,614. Окончено—89,018 слѣдствій. Изъ оконченныхъ слѣдствій только половина отправлены для дальнѣйшаго направленія, въ прокурорскому надзору (50%о), около 14%о—отосланы въ мировыя установленія и въ постороннія вѣдомства, и 36%о — *направлены къ прекращенію по 277 ст. уст. угол. суд.*

На этой послѣдней цифрѣ слѣдуетъ остановиться. По 277 ст. дѣла направляются слѣдователями, черезъ прокурорскій надзоръ, въ окружныя суды, какъ неосновательно возбужденныя («за отсутствіемъ состава преступленія») или какъ неприведшія къ успѣшному результату («за неимѣніемъ въ виду виновныхъ»). Цифра такихъ дѣлъ особенно велика въ нѣкоторыхъ судахъ:

такъ, по сибирскому суду изъ общаго числа дѣлъ, направленныхъ къ прокурорскому надзору, направлено по 277 ст. 54%, по херсонскому—столько же, по сумскому — 53%, по псковскому — 52%, по нижегородскому — 51%, т. е. въ каждомъ изъ этихъ судовъ *болѣе половины* общаго числа слѣдствій. Цифра эта велика и для остальныхъ судовъ (не менѣе 40%). — Составители «Свода» объясняютъ, что это—такого рода дѣла, по которымъ жалоба частнаго лица, подавшая поводъ къ возбужденію уголовного преслѣдованія, оказывается при слѣдствіи неосновательною, или же когда, по собраннымъ свѣдѣніямъ, самое событіе преступленія, или совершеніе его лицомъ, противъ котораго предъявлено обвиненіе, оказывается невѣроятнымъ или неправдоподобнымъ, а также, *когда, за всѣми принятыми мѣрами, не обнаружено лица, на которое бы пало подозрѣніе* въ преступленіи». Къ сожалѣнію, въ «Сводѣ» нѣтъ цифръ, по которымъ можно было бы судить, какую роль играетъ подчеркнутая нами причина. Между тѣмъ, свѣдѣнія эти были бы желательны, потому что прямо указывали бы, въ какой мѣрѣ успешна дѣятельность полиціи по открытію виновныхъ.

Наглядно движеніе дѣлъ можетъ быть представлено слѣдующею таблицей:

изъ общаго числа	90,025 дѣлъ,
слѣдователями направлено не въ общія судебныя установленія, какъ имъ неподсудны	11,386 >
прекращено:	
начальствомъ обвиняемыхъ	1,330 >
оружными судами (въ распоряд. засѣданіяхъ).	35,804 >
обвинительною камерою	19,533 >
<hr/>	
и того не дошло до <i>судебнаго</i> разсмотрѣнія	68,053 >
за сѣмъ, изъ общаго числа (90,025) дошло до суда изъ этой послѣдней цифры окончились оправданіемъ	21,972 >
обвиненіемъ	6,489 >
обвиненіемъ	15,533 >

Итакъ, изъ 90,025 возбужденныхъ слѣдствій, 68,053 вовсе не дошли до *судебнаго* разсмотрѣнія, а изъ остальныхъ окончились обвиненіемъ только 15,533, т. е. около 17% возникшихъ дѣлъ.

Останавливаясь на этой цифрѣ, составители «Свода» высказываютъ слѣдующее странное сужденіе: «..... при опредѣленіи точнаго числа дѣлъ, по которымъ *вполнѣ* достигается цель *уголовнаго правосудія*, каковыми дѣлами являются *только* тѣ, по которымъ постановлены *обвинительныя* приговоры, почти всѣ дѣла, прекращенныя оружными судами, должны быть исключены изъ общаго количества оконченныхъ дѣлъ»; исключивъ эти послѣднія, составители «Свода» утѣшаютъ тѣмъ, что, при такомъ расчетѣ, количество дѣлъ, по которымъ «*вполнѣ* достигнута цель уголовного правосудія», составитъ не 17, а 28,6% общаго числа оконченныхъ дѣлъ. Результатъ, все-таки, крайне печальный, если

стать на точку зрѣнія составителей «Свода», ибо, все-таки, оказывается, что по 72% дѣлъ цѣль уголовного правосудія не достигается. Но такая мрачная точка зрѣнія—очевидно неосновательна. «Цѣль уголовного правосудія» вовсе не въ томъ, чтобы каждое начатое слѣдствіе непременно оканчивалось обвинительнымъ приговоромъ, а въ томъ, чтобы виноватые были осуждены, а невиноватые—или были бы оправданы, или, еще лучше, и суду бы не предавались. Съ этой, единственно-правильной, точки зрѣнія, «цѣль уголовного правосудія» достигается по всѣмъ 100% дѣлъ. Составители «Свода» были бы болѣе правы, еслибы въ приведенныхъ выше цифрахъ усмотрѣли указаніе лишь на то, что 83% дѣлъ были возбуждены, какъ впоследствии оказалось, неосновательно, или не привели къ успешнымъ результатамъ. А слѣлавъ этотъ выводъ, можно бы остановиться на вопросѣ: есть ли возможность помочь этому горю? Если же помочь ему нельзя, то остается ограничиться лишь простымъ констатированіемъ факта, «немудрствая лукаво». Мы, съ своей стороны полагаемъ, что горю, до известной степени, помочь можно. Цифра дѣлъ, прекращаемыхъ до судебного разсмотрѣнія, складывается: 1) изъ дѣлъ, неосновательно возбужденныхъ, по винѣ жалобщиковъ, и 2) изъ дѣлъ, по которымъ «не обнаружено виновныхъ». Что касается дѣлъ первой категоріи, то ограниченіе права гражданъ приносить жалобы на уголовныя преступленія вовсе нежелательно: такая мѣра отнюдь не оправдывалась бы цѣлью—избавить слѣдователей отъ части работы, ибо не публика учреждена для слѣдователей, а наоборотъ. Относительно же уменьшенія дѣлъ второй категоріи, быть можетъ, и возможно бы было что-нибудь придумать. Но прежде надо съ ясностью констатировать факты: какъ велика и какъ разнообразится въ различныхъ мѣстностяхъ цифра дѣлъ этой категоріи? Такихъ свѣдѣній, какъ мы уже свазали, въ «Сводѣ» нѣтъ.

Гораздо интереснѣе представить движеніе дѣлопроизводства не по количеству дѣлъ, а по количеству *лицъ*, привлекавшихся въ качествѣ обвиняемыхъ. Подобная таблица представить наглядно, какъ велико число лицъ, неосновательно привлекавшихся къ «уголовному правосудію», и, что особенно важно—какъ велико число лицъ, неосновательно содержавшихся подъ стражей, и сколько времени сидѣли они въ тюрьмахъ.

Слѣдователями были привлечены, въ качествѣ обвиняемыхъ, 99,964 лица. Приговоры постановлены о 37,159 лицахъ. Если основать расчетъ на этихъ цифрахъ, то окажется, что по суду предается 37% привлеченныхъ слѣдователями. Расчетъ этотъ, вонечно, не точенъ: слѣдователями окончены не всѣ дѣла, и судомъ рассмотрѣны также не всѣ, поступившія въ теченіи отчетнаго года. Но если принять во вниманіе, что, съ другой стороны, въ судахъ оставались дѣла отъ прошлаго года и что этотъ остатокъ уравниваетъ цифры, то приведенный расчетъ можно считать приблизительно вѣрнымъ. Согласно этому расчету оказывается,

что около 63⁰/₁₀₀ обвиняемыхъ привлекаются къ суду неосновательно или ошибочно, и во всякомъ случаѣ настолько безвинно, что не признается даже возможнымъ передать ихъ суду.

Продолжимъ этотъ расчетъ. Изъ 37,159 судившихся, осуждены 24,547 лицъ, а остальные 12,612—оправданы. Если эту цифру, 24,547, сравнить съ цифрою привлеченныхъ къ суду, 99,964, то выходитъ, что изъ общаго числа привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ, оказались дѣйствительно виновными—менше 25⁰/₁₀₀. Надъ этими цифрами стоитъ задуматься: нѣтъ ли возможности уменьшить количество напрасныхъ заподозриваній?

Остановимся теперь на еще болѣе важномъ вопросѣ: какъ велико число лицъ, содержавшихся до суда подъ стражею, и въ частности сколько лицъ подвергались этой мѣрѣ невинно? Слѣдователями заключены подъ стражу 20,740 лицъ. По разсмотрѣннымъ прокурорскимъ надзоромъ дѣламъ, обвиняемыхъ было подъ стражею 16,092 человекъ, т. е. на 3,648 лицъ менше, чѣмъ было первоначально арестовано. Если исключить 648 лицъ на дѣла, неоконченныя слѣдователями, и на дѣла, по которымъ обвиняемые были арестованы правильно, но которыя переданы слѣдователями въ другія вѣдомства, а не прокурорскому надзору, все-таки, около 3,000 человекъ были арестованы неосновательно. Судебными палатами были прекращены дѣла, безъ преданія суду, о 1,484 лицахъ, содержавшихся подъ стражею. Эту цифру надо, значить, прибавить въ общему числу арестованныхъ неправильно. Чтобы вывести окончательную цифру неправильно арестованныхъ, надо знать, сколько лицъ было оправдано изъ числа преданныхъ суду и содержавшихся подъ стражею. Такихъ было 2,563. Итого, невинно арестованныхъ было болѣе 7,000 человекъ. А если эту цифру сравнить съ общею цифрою арестованныхъ слѣдователями (20,740), то окажется, что невинныхъ было между ними болѣе третьей части.

Цифра эта не вполне точна: не всѣ лица, арестованныя слѣдователями въ 1876 году, въ томъ же году и судились. Но недочетъ этотъ едвали вводитъ въ наше исчисленіе погрѣшность, такъ какъ онъ восполняется остаткомъ въ судахъ дѣлъ отъ предъидущаго года.—Для точныхъ по этому предмету выводовъ желательнее было бы въ будущихъ томахъ «Свода» видѣть, сколько именно изъ числа арестованныхъ было осуждено (на этотъ разъ показана только цифра оправданныхъ арестантовъ, осужденные же показаны общею цифрою—арестованные и находившіеся на свободѣ).

Предварительное заключеніе можетъ быть допускаемо лишь, какъ крайняя, оправдываемая только необходимостью мѣра. Процентъ предварительныхъ арестовъ далеко не одинаковъ въ различныхъ округахъ: такъ, въ петербургскомъ онъ составляетъ 29⁰/₁₀₀ общаго числа привлеченныхъ къ слѣдствію, тогда какъ въ харьковскомъ только 14⁰/₁₀₀, т. е. слишкомъ вдвое менше. Особенно часто мѣра эта практиковалась слѣдователями въ округахъ судовъ: пе-

тербургскаго (37%), одесскаго (33%), наименѣе часто—въ округѣ кашинскаго суда: тамъ изъ 1,258 привлеченныхъ къ слѣдствію были посажены въ тюрьму только 73 человѣкъ (т. е. около 6%). Такъ какъ въ «Сводѣ» нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы практика кашинскаго суда представляла въ этомъ отношеніи какія либо неудобства для правосудія, то осторожностью, съ какою прибѣгаютъ тамошніе слѣдователи къ арестамъ, слѣдовало бы рекомендовать какъ достойную подражанія. Напротивъ, чрезвычайно большой процентъ предварительныхъ арестовъ въ нѣкоторыхъ другихъ судахъ нуждался бы въ уважительныхъ оправданійхъ.

Возьмемъ, напримѣръ, одесскій судъ. Изъ общаго числа привлеченныхъ къ слѣдствію. 1,734 человѣкъ, были заключены подъ стражу 574, т. е. 33%. По дѣламъ, поступавшимъ къ прокурорскому надзору, было арестованныхъ 508, т. е. (ср. выше), освобождено до окончанія слѣдствія около 50; палатою освобождено еще 58. *Слѣдовательно, прежде, чѣмъ дѣло дошло до суда, уже обнаружилось, что слѣдователями арестовано неосновательно 108 человекъ, т. е. болѣе 20% общаго числа арестованныхъ. Затѣмъ, изъ числа арестованныхъ оправдано 173 человѣка. Итого, въ округѣ одного одесскаго суда было арестовано невинно 273 человека, т. е. половина числа всего арестованныхъ.*

Еще одно замѣчаніе по тому же вопросу: изъ таблицы «о производствѣ дѣлъ въ судебныхъ палатахъ, въ качествѣ обвинительной камеры», и изъ сравненія ея съ таблицей «о производствѣ дѣлъ въ прокурорскомъ надзорѣ» съ наглядностью видно, до какой степени опрометчиво примѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ предварительный арестъ. Возьмемъ, напр., ватскій судъ: тамъ, по разсмотрѣннымъ прокурорскимъ надзоромъ дѣламъ, было содержавшихся подъ стражею 523 человѣка. Когда дѣла эти дошли до палаты, какъ обвинительной камеры, то ея прекращены слѣдствія о 111 лицахъ, содержавшихся подъ стражею, т. е. палатою признано, что болѣе 20% арестовано неправильно! Цифра эта становится еще болѣе внушительною въ виду того, что число арестованныхъ, пока дѣла дошли до прокурорскаго надзора, значительно уже поубавилось: всего же слѣдователями было арестовано 667 человѣкъ...

Переходимъ теперь къ дѣятельности суда присяжныхъ.

Присяжные, въ 1876 г., судили 17,721 дѣло, о 28,390 лицахъ. Обвинено ими 18,008 человѣкъ (63½%), оправдано — 10,382 (36½%). Процентъ оправданій разнообразится въ такой мѣрѣ:

по московскому округу	33%
› харьковскому ›	34%
› петербургскому	34%
› казанскому ›	37%
› саратовскому ›	38%
› одесскому ›	45%

По этому поводу составители «Свода» разсуждаютъ: «присяж-

ные харьковскаго округа, въ которомъ преобладаетъ одноплеменное земледѣльческое населеніе, *гораздо ревнивѣе относятся къ дѣлу уголовнаго правосудія, чѣмъ присяжные одесскаго округа, которые, при разноплеменности населенія, чаще прибѣгаютъ къ оправдательнымъ приговорамъ*». Замѣчаніе поистинѣ легкомысленное: развѣ «ревниво относиться къ дѣлу уголовнаго правосудія» значитъ не рѣшать дѣло по правдѣ, а постановлять какъ можно больше обвинительныхъ приговоровъ? И какая связь между «разноплеменностью населенія» и оправдательными приговорами? Должно быть, одесскіе присяжные философствуютъ, что, если «почаще прибѣгать къ оправдательнымъ приговорамъ», то разноплеменность сгладится и всѣ станутъ одноплеменными?..

Сконфузимъ составителей «Свода» ихъ же цифрами:

Безъ присяжныхъ, коронными судьями, постановлено оправдательныхъ приговоровъ:

по петербургскому округу	19 1/2%
» казанскому »	21%
» московскому »	23%
» одесскому »	24 1/2%
» харьковскому »	24 1/2%
» саратовскому »	44 1/2%

Итакъ: значитъ, коронные судьи саратовскаго округа «не ревниво относятся къ дѣлу уголовнаго правосудія»? А развѣ они «разноплеменны»?

Но довольно: составители «Свода» свою легкомысленную фразу опровергаютъ сами же, и, притомъ, въ слѣдующихъ же за ней строкахъ. Сопоставивъ двѣ сейчасъ приведенныя таблицы, они говорятъ:

«Изъ сравненія приведенныхъ цифръ оказывается, что, по различію мѣстностей, въ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей замѣчается наибольшее однообразие, въ приговорахъ же окружныхъ судовъ и палатъ — наименьшее.. Эти цифры весьма характеристичны и, повстрѣаясь изъ юду въ юдъ, доказываютъ, что уголовная юстиція, врученная присяжнымъ засѣдателямъ, отправляется или по прочимъ нравственнымъ началамъ, весьма слабо видоизменяющимся подъ вліяніемъ мѣстныхъ различій».

Итакъ, ставить нѣкоторое колебаніе процента оправданій въ разныхъ мѣстностяхъ въ упрекъ присяжнымъ — очевидно несправедливо. Процентъ этотъ у присяжныхъ колеблется даже меньше, чѣмъ у коронныхъ судей. Не будемъ ли мы ближе къ истинѣ, если припишемъ оправданія не нерадѣнію судей къ дѣлу правосудія, а, напротивъ, невольнѣ осторожному преданію суду, недостаточной успѣшности слѣдствій и т. п.?

Само собою разумѣется, что главный контингентъ дѣлъ составляютъ преступленія «противъ имущества» и, въ частности, кражи. Но вотъ что странно: непосредственно за этими преступленіями и за преступленіями противъ личности слѣдуютъ преступленія «служебныя». Они превышаютъ даже цифру «преступленій про-

тивъ порядка управленія» и вообще, по замѣчанію составителей «Свода», въ отчетномъ году значительно увеличались сравнительно съ предъидущимъ.

Въ этомъ отношеніи характерны слѣдующіе факты:

Въ отчетномъ году присяжные судили:

за возстаніе и сопротивленіе власти. . . . 324 лица.
 > оскорбленіе и неуваженіе власти. . . . 273 >

Итого . 597 лицъ.

Въ тоже время представители власти судились:

за причиненіе истязаній, побоевъ, нанесеніе обидъ и противозаконное лишеніе свободы при отправленіи должности. . . 76 лицъ.
 > неправосудіе 5 >
 > мздоимство и лихоимство 180 >

Итого . 261 лицо.

Этими цифрами характеризуются правонарушенія въ непосредственныхъ, такъ сказать, отношеніяхъ между властями и публикой. Если принять во вниманіе, что общее число гражданъ въ сотни разъ превосходитъ общее число властей, а между тѣмъ, число нарушеній закона въ отношеніяхъ между гражданами и властями приходится на долю гражданъ лишь съ небольшимъ вдвое противъ такихъ же нарушеній со стороны властей—то мы должны заключить, что въ представителяхъ власти замѣчается несравненно бѣльшая «наклонность къ преступленіямъ», выражаясь языкомъ уголовной статистики, чѣмъ въ подчиненныхъ имъ гражданахъ.

Замѣчательно, что въ столкновеніяхъ между властями и гражданами присяжные относились снисходительнѣе къ властямъ. Изъ числа первыхъ они оправдали 69%, а изъ числа вторыхъ — только 58%.

Мы указали лишь весьма незначительную долю преступленій «служебныхъ»; общее ихъ число гораздо значительнѣе и, какъ уже сказано, занимаетъ, по количеству, третье мѣсто въ ряду преступленій, уступая только преступленіямъ противъ имущества и противъ личности. Отмѣтимъ здѣсь еще слѣдующіе факты: въ отчетномъ году не было ни одного злоупотребленія властью по взысканію повинностей... Значить, всѣ жалобы по этому предмету, доходящія изъ разныхъ концовъ Россіи—клевета... Иначе, пришлось бы предположить, что этого рода преступленія остаются безнаказанными... Еще утѣшительный фактъ: совершенно пустою стоитъ графа «проступки цензоровъ». Всѣ цензора исполняли свои обязанности неукоснительно. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться...

Вообще, въ Россіи приходится одно возникшее дѣло на 567 человекъ населенія. Цифра эта колеблется по округамъ между 1 на 422 чел. (въ петербургскомъ округѣ) и 1 на 669 чел. (въ саратовскомъ). По отдѣльнымъ судамъ, наибольше дѣлъ возникло

въ таганрогскомъ (1 на 265 чел.), наименьше — въ кашинскомъ (1 на 1825 чел.).

Остановимся, кстати, на этихъ цифрахъ. Допуская даже, что, быть можетъ, и существуютъ причины, по которымъ население таганрогское болѣе склонно къ преступленіямъ, чѣмъ кашинское, мы, все-таки, полагаемъ, что это — не единственная причина такой рѣзкой разницы въ количествѣ возникающихъ дѣлъ: разница эта, въ значительной степени, должна быть приписана слѣшкомъ ревностному возбужденію дѣлъ въ таганрогскомъ судѣ. Предположеніе это вполнѣ подтверждается вердиктами присяжныхъ: въ кашинскомъ судѣ наименьше возбуждается дѣлъ, зато тамъ и наименьше оправданій (только 22½%), то есть наименьше дѣлъ возбуждается неосновательно; напротивъ, въ таганрогскомъ судѣ, гдѣ возбуждается наибольше дѣлъ — тамъ и наибольшій % оправданій (50%), то есть здѣсь наибольше дѣлъ, возбуждаемыхъ неосновательно. Итакъ, «наклонность къ преступленіямъ» таганрогскаго населенія оказывается, въ сущности, по крайней мѣрѣ, вдвое меньшею, чѣмъ показана она въ приведенныхъ выше цифрахъ.

«Преступность населенія» въ нѣкоторыхъ судахъ, сравнительно съ 1875 г., разительно измѣнилась: такъ въ пермскомъ судѣ въ 1875 г. приходилось 1 дѣло на 840 чел., а въ 1876—на 461; наоборотъ, въ симферопольскомъ въ 1875 г. было 1 дѣло на 168, а въ 1876—на 355 чел. Такое измѣненіе нравственности дѣлаго населенія въ теченіи одного года—совсѣмъ неправдоподобно. Эти цифры станутъ понятнѣе, если, вмѣсто «наклонности къ преступленіямъ», мы скажемъ «наклонность къ возбужденію дѣла»... Эта послѣдняя наклонность гораздо легче поддается измѣненіямъ, ибо можетъ зависѣть просто отъ измѣненій въ личномъ составѣ судебныхъ дѣлателей.. И такъ, выводы о преступности населенія, пока они основаны на числѣ возникающихъ дѣлъ, не имѣютъ серьезнаго значенія.

Выводы эти только тогда получаютъ значеніе, когда они дѣлаются не по количеству дѣлъ, а по количеству осужденныхъ, и, слѣдовательно, виноватыхъ лицъ. Такъ, въ Пермской Губерніи осуждено въ теченіи года 1013 человекъ; всего населенія въ губерніи около 2.200,000; значить, одинъ виноватый, примѣрно, на 2,200 душъ. Въ Таврической Губерніи осуждено 280 человекъ; жителей тамъ около 670,000; значить, одинъ на 2,400. Т. е., разницы между Пермскою и Таврическою Губерніями по «преступности населенія» почти не существуетъ, а если небольшая и существуетъ, то въ пользу Таврической Губерніи, а не наоборотъ.

Въ «Сводѣ», на этотъ разъ, нѣтъ вычисленія процентнаго отношенія осужденныхъ къ общему числу населенія. Имѣется только одна цифра: во всей мѣстности, которую отчетъ обнимаетъ, приходится 1 осужденный на 1880 общаго населенія. Составители «воздержались» отъ вычисленій по отдѣльнымъ мѣстностямъ, въ

виду недостатковъ общей статистики: послѣдній выпускъ «Статистическаго Временника» даетъ официальные свѣдѣнія о населеніи лишь за 1870 годъ. Недостатокъ этотъ дѣйствительно существуетъ. Но, вѣдь, для данной цѣли нѣтъ необходимости въ точныхъ цифрахъ; интересны были бы хоть приближительныя. Во всякомъ случаѣ, онѣ были бы интереснѣе, чѣмъ вычисленіе процентнаго отношенія числа возникшихъ дѣлъ къ числу населенія; а между тѣмъ, для этого исчисленія составители «Свода» пользовались тѣми же самыми, неточными цифрами общей статистики; почему же было не воспользоваться ими для болѣе интересной цѣли?

Впрочемъ, такъ какъ цифры осужденныхъ по каждой губерніи въ «Сводѣ» показаны, то, взявъ хотя и довольно устарѣлыя свѣдѣнія о населенности губерній, мы можемъ и сами вывести процентное отношеніе. Не останавливаясь на подробностяхъ, замѣтимъ только, что наименьшею «преступностью» отличаются Губерніи Самарская, Харьковская, Екатеринославская, область Войска Донскаго; наибольшую — Владимірская, Черниговская, Псковская. Впрочемъ, цифры эти, хотя и гораздо интереснѣе свѣдѣній о процентномъ отношеніи количества возникшихъ дѣлъ къ числу населенія, сами по себѣ, безъ помощи общей статистики, мало понятны. Цифры «преступности» суть, въ сущности, лишь указанія на *причины*, вызывающія преступленія, а эти причины могли бы быть объяснены лишь при помощи общей статистики. Еслибы мы, напримѣръ, имѣли статистическія цифры о томъ, въ какой губерніи какое количество потребляется мякины, какъ сурогата хлѣба; отсюда мы должны были бы вывести заключеніе не о «наклонности населенія къ ѣдѣ мякины», а о степени недостатка въ настоящемъ хлѣбѣ. Такъ точно и цифры «преступности» указываютъ, что въ той или другой мѣстности не больше *охоты* свершать преступленія, а больше нужды и горя, толкающихъ на преступленія. Объяснить же, въ чемъ именно кроются эти сѣмена преступленій, можетъ только общая статистика. Подобно тому, какъ никому не вздумается кушать мякину, коль скоро имѣется хлѣбъ, такъ точно развѣ весьма не многимъ вздумается совершать преступленіе, коль скоро имѣется возможность честной жизни. Огромное большинство преступленій носить имущественный характеръ, и едва ли возможно отвергать даже à priori, что масса этихъ преступленій больше тамъ, гдѣ больше имущественной нужды. Сопоставьте цифры «преступности» съ урожаями, наводненіями, пожарами и. т. д., между ними не можетъ не быть тѣсной связи. Можно заранѣе съ полною увѣренностью сказать, что статистическія цифры краснорѣчиво подтвердили бы это положеніе, не нами выдуманное и давно принимаемое за аксіому всякимъ, кто ищетъ причину преступленій хоть немного глубже «заранѣе или не заранѣе обдуманнаго умысла». — Итакъ, цифры уголовной статистики получаютъ истинный смыслъ только тогда, когда онѣ будутъ стоять не одиноко,

какъ показатели «преступности», а будутъ разсматриваться, какъ показатели причинъ преступленій и истолковываться цифрами общей статистики. А пока—уголовная статистика даетъ основаніе не къ яснымъ выводамъ, а лишь къ болѣе или менѣе правдоподобнымъ догадкамъ и предположеніямъ.

Изъ общаго числа подсудимыхъ, присяжными оправдано женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ (первыхъ—почти 53%, вторыхъ—35% общаго числа подсудимыхъ каждаго пола). Это—фактъ, общій и судамъ Западной Европы.—Всего съ присяжными судилось 30,096 человекъ; изъ нихъ мужчинъ—26,958, женщинъ—3,138. Такимъ образомъ, въ общемъ числѣ подсудимыхъ, женщины составляли лишь около 10%. Оправдано присяжными 9,435 мужчинъ и 1,657 женщинъ, осуждено—первыхъ 17,523, вторыхъ—1,481. Значитъ, въ общемъ числѣ осужденныхъ—женщины составляютъ значительно менѣе $\frac{1}{10}$ части. А если принять во вниманіе, что общее число женщинъ одинаково съ общимъ числомъ мужчинъ, и даже нѣкоторый численный перевѣсъ на сторонѣ послѣднихъ, то «преступность» у женщинъ слишкомъ вдесятеро меньше, чѣмъ у мужчинъ. Въ значительной мѣрѣ, это объясняется вообще незначительностью той роли, какую женщина играетъ въ семейныхъ интересахъ. Убийство супруговъ и родственниковъ (вмѣстѣ съ покушеніями) распределяется между полами почти поровну: судилось 86 мужчинъ и 92 женщины; осуждено 62 мужчинъ и 49 женщинъ.

По возрасту, наибольшая преступность приходится на возрастъ отъ 21 до 25, для мужчинъ и отъ 25 до 30 лѣтъ для женщинъ. Въ обѣ стороны отъ этого возраста—къ малолѣтству и къ старости она уменьшается, въ довольно правильной постепенности.

Цифры осужденныхъ, состоящихъ въ бракѣ, подраздѣленные на три категоріи: а) бездѣтныхъ; б) имѣющихъ одного ребенка и в) имѣющихъ двухъ и болѣе дѣтей—показываютъ, что наименьшее число осужденныхъ приходится на долю второй, а наибольшее—на долю третьей изъ этихъ категорій. Другими словами: бракъ съ однимъ ребенкомъ ставитъ человека въ положеніе «наименьшей преступности»; но большая семья, содержать которую для работника не по силамъ, дѣлаетъ его наиболѣе «склоннымъ къ преступленіямъ».

За неизмѣнимъ точныхъ статистическихъ данныхъ о состояніи образованія въ Россіи вообще, распредѣленіе осужденныхъ по степени образованія не даетъ прочныхъ основаній для выводовъ о вліяніи образованія на «преступность». Изъ общаго числа осужденныхъ, на долю лицъ, получившихъ образованіе (высшее, среднее или низшее), приходится весьма ничтожный процентъ (2,34% для мужчинъ и 0,28% для женщинъ); на долю грамотныхъ—нѣсколько больше (29,14% муж. и 6,65% женщ.); остальная часть осужденныхъ—неграмотные: ихъ наименше (61,39%) въ петербургскомъ округѣ и наибольше

(77,64%)—въ казанскомъ. Изъ приведенныхъ выше цифръ видно, что изъ общаго числа осужденныхъ женщинъ неграмотныя составляютъ 93,07%, тогда какъ у мужчинъ—только 68,52%. Отсюда можно бы вывести заключение, что образование предохраняетъ отъ преступленій гораздо болѣе женщину, чѣмъ мужчину, еслибы значеніе этого вывода не ослаблялось тѣмъ соображеніемъ, что вообще образованность и грамотность гораздо меньше распространены между женскимъ населеніемъ, чѣмъ между мужскимъ. Подчеркнемъ, однакожъ, тотъ фактъ, что между осужденными судами и палатами въ округахъ харьковскомъ, одесскомъ и саратовскомъ, а также между осужденными мировыми судьями во всѣхъ округахъ, не было ни одной женщины, получившей образованіе.

За недостаткомъ общей статистики, недостаточно выразительно и распредѣленіе осужденныхъ по ихъ *занятіямъ*. Составители «Свода», сравнивая цифры мужчинъ и женщинъ въ числѣ осужденныхъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ каждому роду занятій, дѣлаютъ тотъ выводъ, что «вліяніе рода занятій на преступность каждаго пола проявляется различно: «сельское хозяйство, ремесленная, фабричная и заводскія работы ограждаютъ женщину отъ преступнаго пути гораздо болѣе, чѣмъ мужчину; напротивъ, поденная работа, личный наемъ и пребываніе безъ опредѣленныхъ занятій отражаются на женщинахъ гораздо неблагоприятнѣе, чѣмъ на мужчинахъ тѣхъ же категорій; эти данныя совершенно однородны съ полученными въ прошломъ году». Но для того, чтобы принять этотъ выводъ на вѣру, необходима увѣренность, что въ каждой категоріи—мужчинъ и женщинъ приблизительно одинаковое число. Между тѣмъ, этотъ послѣдній фактъ представляется сомнительнымъ. Изъ общаго числа лицъ «неопредѣленныхъ занятій»—несомнѣнно больше женщинъ, чѣмъ мужчинъ—и *этимъ*, а не тѣмъ соображеніемъ, будто неизмѣнне опредѣленныхъ занятій вреднѣе отражается на женщинахъ, чѣмъ на мужчинахъ, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, объяснять тотъ фактъ, что въ этой рубрикѣ процентъ осужденныхъ женщинъ весьма великъ. Возьмемъ, напр., въ частности, графу «домашнее хозяйство». Въ ней показано осужденныхъ мужчинъ только 25, тогда какъ женщинъ—263, т. е. слишкомъ вдесятеро больше. Такимъ образомъ, изъ общаго числа осужденныхъ мужчинъ на долю занимавшихся «домашнимъ хозяйствомъ» приходится 0,11%, а на долю женщинъ—12,57%.—т. е. слишкомъ во 100 разъ больше. Но отсюда отнюдь нельзя было бы сдѣлать выводъ будто «домашнее хозяйство» ведетъ къ болѣе преступности женщину, чѣмъ мужчину; это показывать только, что «домашнимъ хозяйствомъ» занимаются женщины почти исключительно. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, за недостаткомъ общей статистики, приходится цифрами уголовной статистики объяснять общую, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало.

Говоря о распредѣленіи осужденныхъ по ихъ занятіямъ, не можемъ не остановиться на слѣдующихъ цифрахъ:

Изъ числа лицъ, занимающихся промышленностью добывающею, осуждено:

хозяевъ	26
рабочихъ	27

Число ремесленниковъ:

хозяевъ	1,109
рабочихъ	1,019

Изъ занимающихся строительнымъ производствомъ и очисткою домовъ:

хозяевъ	443
рабочихъ	402

Изъ торгующихъ:

хозяевъ	968
прикащиковъ и мальчи- ковъ	268

Изъ занимающихся трактирною промышленностью:

хозяевъ	388
прислуги	133

Итого, по всѣмъ названнымъ родамъ занятій осуждено:

хозяевъ	2,934
рабочихъ	1,849

И не обращаясь къ общей статистикѣ, можно съ полною увѣренностью сказать, что въ названныхъ родахъ занятій — хозяевъ, по крайней мѣрѣ, въ десять разъ болѣе, чѣмъ рабочихъ. Слѣдовательно, хозяева почти въ полтора раза болѣе «склонны въ преступленіямъ», чѣмъ рабочіе. Замѣчательно, что почти то же отношеніе остается и тогда, если мы возьмемъ исключительно преступленія корыстныя: за всѣ преступленія этого рода (разбой, грабежъ, кража, мошенничество, присвоеніе, подлогъ въ актахъ и обязательствахъ, переводъ и покупка завѣдомо краденаго, поддѣлка и распространеніе фальшивыхъ денегъ, нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій), осуждено хозяевъ 2,010, а рабочихъ—1,463. Не подлежитъ сомнѣнію, что во всякой категоріи занятій хозяева гораздо болѣе обезпечены въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ рабочіе, а тѣмъ не менѣе преступность первыхъ несравненно сильнѣе. Фактъ, надъ которымъ стоить задуматься. Значитъ, существуютъ причины, выѣ вопроса о матеріальномъ обезпеченіи, обусловливающія столь значительную преступность хозяевъ.

Для тѣхъ, кто желаетъ въ нашей «буржуазіи» видѣть «опору порядка» — подчеркнемъ еще одинъ, весьма краснорѣчивый фактъ: за оскорбленіе и неуваженіе власти осуждены: хозяевъ упомянутыхъ выше категорій занятій—298, тогда какъ рабочихъ—75

Если же принять во вниманіе относительную честность тѣхъ и другихъ, то «преступность» хозяевъ выразится баснословнымъ процентомъ...

Само собою разумѣется, что въ нашемъ расчетѣ мы не брали сельскаго хозяйства и фабричной промышленности, такъ какъ тутъ число хозяевъ, сравнительно съ числомъ рабочихъ, совершенно ничтожно.

По религіи, наименьшею преступностью отличаются протестанты, наибольшую—евреи. На каждые 100 человекъ общаго населенія всѣхъ судебныхъ округовъ протестантовъ приходится 1,30%, а евреевъ—0,85%; между тѣмъ, на 100 осужденныхъ— протестантовъ только 0,75% а евреевъ—4,16%. Другими словами, у евреевъ преступность почти въ десять разъ больше, чѣмъ у протестантовъ. Преступность евреевъ выступаетъ еще ярче, если мы возьмемъ отдѣльныя мѣстности. Напримѣръ, полтавскимъ и лубенскимъ судами осуждено: евреевъ—376, а православныхъ—761. Между тѣмъ, всего въ Полтавской Губерніи православныхъ 2,049,725, а евреевъ—48,423. Значитъ, у православныхъ—одинъ осужденный на 2,693 человека общаго населенія, а у евреевъ—одинъ на 129, т. е. слишкомъ въ двадцать разъ больше. Въ частности же, въ лубенскомъ судѣ осуждено православныхъ всего 78, и евреевъ—89! (слишкомъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ преступленій, совершаемыхъ евреями, заключается въ нарушеніи уставовъ казенныхъ управленій). Само собою разумѣется, что тутъ играетъ роль, собственно говоря, не религія, а національная особенность и положеніе евреевъ въ Россіи.

Замѣчательно, что у евреевъ процентъ осужденныхъ женщинъ весьма значителенъ сравнительно съ другими национальностями: вообще, преступность женщинъ относится къ преступности мужчинъ какъ 1 : 11; у евреевъ—какъ 1 : 7.

По сословіямъ, наибольшій процентъ осужденныхъ, сравнительно съ общою численностью каждаго сословія, приходится на долю мѣщанъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ съ ихъ семьями; затѣмъ слѣдуютъ купцы и дворяне; наименьшій процентъ—для сельскаго сословія и духовенства. Для отдѣльныхъ мѣстностей, это различіе выступаетъ еще рѣзче. Такъ полтавскимъ и лубенскимъ судами осуждено 377 мѣщанъ, что составляетъ 1 осужденный на 282 человека общаго числа «городскихъ сословій», а крестьянъ (и казаковъ)—546, т. е. 1 на 3,358 человекъ сельскихъ сословій. Итакъ, преступность у мѣщанъ несравненно выше, чѣмъ у сельскихъ сословій.

У мѣщанъ—и преступность женщинъ выше нормальной. Но особенно она высока въ семьяхъ отставныхъ солдатъ: еще выше, чѣмъ у евреевъ.

Вообще, семьи отставныхъ нижнихъ чиновъ представляютъ весьма грустную картину. Крайняя неудовлетворительность семейнаго быта въ этой средѣ доказывается не только большею ихъ преступностью вообще, но и весьма высокимъ процентомъ,

въ частности, такихъ преступленій, какъ преступленія противъ союза родственнаго и брачнаго (32,42% общаго числа осужденныхъ), противъ женской чести (15,58), дѣтубійство (13,27).

По мѣсту совершенія преступленій, относительная преступность городовъ выше, чѣмъ въ уѣздахъ, причѣмъ въ городахъ выше и относительное количество осужденныхъ женщинъ.

Мы привели наиболѣе интересныя данныя относительно дѣятельности общихъ судебныхъ установленій. Приведемъ теперь нѣсколько цифръ о дѣятельности мировыхъ установленій.

Общая судебная установленія введены въ мѣстностяхъ, имѣющихъ, въ общей сложности, около 48.000.000 населенія. Мировые же судьи введены, сверхъ того, еще въ нѣсколькихъ губерніяхъ, гдѣ общіе суды пока еще не преобразованы. Поэтому, мировые судьи дѣйствуютъ на большемъ пространствѣ, чѣмъ общіе суды, и на большее количество населенія, а именно, слишкомъ на 60.000.000 (т. е. на 12 миліоновъ сверхъ упомянутыхъ 48).

Осуждено мировыми судьями всего 29,771 чел. Наибольшая преступность приходится на Петербургскую (1 осужденный на 622 чел. общаго населенія), затѣмъ—Московскую (1 на 767), наименьшая—на Олонецкую (1 на 4,234), Воронежскую и Пензенскую Губерніи (1 на 3,885). Разница весьма значительная. Она объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что въ Московской и въ особенности въ Петербургской Губ. весьма значительная доля осужденныхъ (до половины) приходится на пришлое населеніе, а вторыхъ—преобладаніемъ въ Петербургской и Московской Губерніяхъ городовъ надъ селами, а города, какъ мы уже видѣли, даютъ и для общихъ установленій сравнительно высшій процентъ преступленій, чѣмъ села.

Разсматривая табличку, показывающую распределеніе осужденныхъ между полами въ разныхъ мѣстностяхъ, мы были поражены цифрою для 9-ти западныхъ губерній: такъ, одинъ осужденный мужчина приходится на 138 мужчинъ общаго населенія. Такимъ образомъ, выходитъ, что тамъ преступность мужчинъ въ 120 разъ больше, чѣмъ, напримѣръ, въ саратовскомъ округѣ. Цифра столь невѣроятная, что мы обратились къ ея провѣркѣ. Оказалось, что вмѣсто 138, слѣдовало поставить 1,380. Обращаемъ вниманіе составителей «Свода» на эту опечатку (не оговоренную и въ концѣ книги). Подобныя описки въ статистическихъ цифрахъ подрываютъ къ нимъ довѣріе и могутъ вести къ нелѣпнымъ выводамъ.

Распределеніе осужденныхъ по полу, возрасту, семейному быту и пр.—аналогично съ тѣмъ, какое существуетъ и въ общихъ судебныхъ установленіяхъ. Выводы остаются почти тѣ же, хотя и подтверждаются нѣкоторыя изъ нихъ не столь рѣзко. Такъ, сравненіе преступности хозяевъ и рабочихъ перечисленныхъ нами выше родовъ занятій даетъ такіе результаты: осуждено хозяевъ 1,829, а рабочихъ—4,420. Хотя абсолютный перевѣсъ на сторонѣ послѣднихъ, но онъ далеко не соответствуетъ ихъ

численному перевѣсу въ общемъ составѣ населенія, такъ что тотъ выводъ, что хозяева преступнѣе рабочихъ, остается вѣрнымъ и здѣсь, хотя и не въ столь рѣзкихъ размѣрахъ, какъ указаны нами для судившихся въ общихъ судахъ за преступления болѣе тяжкія. Другими словами: хозяева, вообще, преступнѣе рабочихъ, причеиъ фактъ этотъ особенно замѣтенъ по отношенію къ преступлениямъ болѣе тяжкимъ. Значительная преступность евреевъ также замѣчается и въ мировыхъ установле- ніяхъ; но и этотъ фактъ также проявляется здѣсь съ гораздо- меньшею рѣзкостью. Такъ, напримѣръ, мы видѣли, что въ под- тавской Губерніи осужденныхъ православной религіи приходится 1 на 2,693 человека общаго населенія, а евреевъ — 1 на 129. Изъ числа же осужденныхъ въ той же губерніи мировыми судьями, православные составляютъ такой же процентъ (1 на 2,730), а евреи — 1 на 1,345. — Итакъ, здѣсь повторяется тоже явленіе, какое сейчасъ указано нами относительно хозяевъ и рабочихъ. Евреи, вообще, больше, чѣмъ православные, склонны къ преступ- леніямъ, и въ особенности — къ болѣе тяжкимъ.

Закончимъ наши замѣтки рассмотрѣніемъ цифръ о рецидивис- тахъ — цифръ, какъ сейчасъ увидимъ, едвали не самыхъ поучи- тельныхъ.

Изъ общаго числа осужденныхъ общими и мировыми установ- леніями (24,547 + 29,771 = 54,318), рецидивистовъ въ отчетномъ году было 9,219, т. е. около 17% общаго ихъ числа. Процентъ этотъ больше въ общихъ, чѣмъ въ мировыхъ установлеиіяхъ: для первыхъ — слишкомъ 18%, для вторыхъ — 15,50%, т. е., говоря вообще, больше для преступленій тяжкихъ, чѣмъ легкихъ. Въ общихъ установлеиіяхъ петербургскаго округа — процентъ реци- дивистовъ поднимается до 24,84, т. е. они составляютъ *чутью четверть* общаго числа осужденныхъ; а собственно въ петер- бургскомъ судѣ — рецидивисты составляютъ 30%, т. е. *почти треть* общаго числа!

Цифры эти очень краснорѣчивы. Они показываютъ съ очевид- ностью, насколько наказаніе дѣйствительно достигаетъ «исправ- ленія» — цѣли, которую многие приписываютъ карательнымъ мѣ- рамъ. Оказывается, что наказанія, съ этой точки зрѣнія, вполнѣ безсильны. Когда говорятъ, что, «удалия преступнаго члена изъ среды общества», оказываютъ обществу услугу, это, конечно — правда: преступникъ, пока онъ связанъ, сидитъ въ тюрьмѣ, не можетъ совершить новаго преступленія. Но возвращается онъ изъ тюрьмы съ прежнею же, если еще не съ болѣею степенью «преступности». Воспитательнаго значенія наказаніе не имѣетъ, да и сомнительно, чтобы могло имѣть, за исключеніемъ какихъ- либо особыхъ, ничего не доказывающихъ, отдѣльныхъ случаевъ. Корни преступленій — не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ невѣже- ствѣ, бѣдности и тому подобныхъ неурядицахъ, которыя тяготѣ- ютъ надъ цѣлымъ обществомъ. «Преступники», это — только слѣд- ствія этихъ несчастныхъ причинъ. Устраненіе этихъ причинъ —

вотъ гдѣ дѣйствительное «исправленіе» преступниковъ.—Все это уже много разъ говорилось, и пусть говорится чаще и чаще. Это подтверждается цифрами, это—очевидность.

Изъ всѣхъ отраслей правовѣдѣнія, уголовная статистика—едвали не самая почтенная. Она основана на прочномъ фундаментѣ; ея цифры краснорѣчивѣе всякихъ теорій.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЯТСКОГО КРАЯ.

«Вятка—хлѣбу матея»—
прежняя народн. поговорка.
«Вятка—хлѣба гладко» —
современная вятск. поговорка.

Вятская Губернія — безспорно лѣсиста, особенно сѣверная часть ея; по свидѣтельству г. Н. Романова, въ его «Очеркахъ уѣздовъ Вятской Губерніи» (стр. 5)—здѣсь есть мѣстности, гдѣ 99 1/2% общаго пространства составляютъ сплошныя, можно сказать, дѣвственные лѣса. Но несмотря на такое богатство лѣса, «при проѣздахъ чрезъ деревни сѣвера Вятской Губерніи (читаемъ мы на 9 и 17 стр. «Ислѣд. экон. б. населенія сѣв. части Вят. Губ.», г. Заволожскаго):—новыя избы встрѣчаются весьма рѣдко, въ большинствѣ, всѣ строенія ветхія, съ покачнувшимися въ той или другой части углами. Новыя избы строятся весьма туго и то только въ крайнихъ случаяхъ, когда постройки уже совершенно валятся. Въ Орловскомъ Уѣздѣ встрѣчаются не дома, а какіе-то рѣзкимъ образомъ говорящіе за голую бѣдность обитателей шалаши, годные скорѣе для телатниковъ, чѣмъ для людскаго жилья». Тоже самое свидѣтельствуемъ и г. Потанинъ («Др. и Нов. Россія, № 10, стр. 150): «Въ Котельническомъ Уѣздѣ, по словамъ его, крестьяне *перерубаютъ избы изъ старихъ до трехъ разъ*; размѣры избы, такимъ образомъ, уменьшаются съ каждымъ разомъ и, въ концѣ концовъ, доходятъ чуть не до величины телачей стойки. Въ сѣверной части Яранскаго Уѣзда, преимущественно въ Тожолинской Волости, строятъ избы всегда изъ старыхъ, которыя скупаютъ у крестьянъ, ѣдущихъ на починки. Здѣсь начинаютъ быть въ ходу также и мазанки, чего прежде никогда не бывало».

«Большинство татарскихъ семействъ Малмыжскаго Уѣзда, читаемъ мы въ «Докладахъ собранію по обезпеченію въ продовольствіи населенія Вят. Губ. Вятка, 1878», (стр. 109):—живутъ въ самыхъ маленькихъ избахъ, да и эти избы большей частью ста-

*

рыя, ветхія и уже разваливаются. Въ ветхихъ и очень небольшихъ оконныхъ рамахъ обыкновенно не достаетъ нѣсколькихъ стеколъ, отверстія заткнуты тряпками или затыкнуты пузыряремъ». Неудбно можно было затѣять, говоритъ Романовъ:—что стѣны избъ покочнулись, потолокъ едва держится, по полу не вездѣ безопасно ходить, можно упасть въ подполье, и ко всему этому—вездѣ крайне грязно, въ каждой избѣ какой-то особенный, тяжелый и непріятный воздухъ».

Перечисляя эти грустные факты, невольно переносишься въ счастливую Америку и невольно припоминаешь слова консула Гилянса изъ Буфало. «Рабочіе, говоритъ онъ въ рапортѣ своемъ отъ 14-го ноября 1870 года:—живутъ въ деревянныхъ домахъ, обыкновенно окрашенныхъ бѣлой краской, съ подъѣздомъ и зелеными жалюзі передъ окнами. Каждый домикъ окруженъ садикомъ, очень хорошо засаженнымъ. Дома снабжены газомъ и водой изъ водопроводовъ» («Отч. Зап.», ССХХІІІ, отд. І, стр. 385). Сравнивая убогія утлыя хижины вятскихъ крестьянъ съ прекрасными домами американцевъ, невольно удивляешься безкультурности этого края. Откуда же причина, по которой, при богатствѣ лѣсовъ, происходитъ такое убожество въ постройкахъ вятскихъ крестьянъ?

Для того, чтобы взглянуть на дѣло съ настоящей точки зрѣнія, не нужно упускать изъ виду, что въ Вятской Губерніи частные землевладѣльцы дѣлались бичемъ для государственныхъ лѣсовъ; тамъ покупались имѣнія, чтобы обогатиться такимъ способомъ: подъ предлогомъ вывозки лѣса изъ собственныхъ дачъ, на огромныя суммы вывозился государственный лѣсъ. Но тогда не обращалось на это никакого вниманія. Теперь же, когда крестьянину нужно разчистить клочекъ земли, когда ему нужно построить убогую хижину, на сцену явился во всемъ величій зловѣщій призракъ лѣсоистребленія: его ловятъ и штрафуютъ самымъ безпощаднымъ образомъ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, крайне трудно построить мужику хижину, зато лѣсные объѣзчики живутъ, какъ сыръ въ маслѣ: «они дѣлаютъ періодическіе съ крестьянъ сборы хлѣбомъ, масломъ и набираютъ будто бы больше, чѣмъ священники» (Заволожскій, стр. 61).

«Какова обитель, таковъ и житель», говоритъ русская пословица. Въ самомъ дѣлѣ: вятчане всегда поражали своимъ умственнымъ и физическимъ убожествомъ всѣхъ, кто только наблюдалъ и изучалъ ихъ. Не даромъ о нихъ составлены слѣдующія пословицы: «Вячки ребята—хвачки: семеро одного не бояся», «У вятчанъ еще не початый край дураковъ» и т. д. «Въ наружности вятскаго народа, говоритъ Савиновъ въ своихъ Забѣткахъ о Вятскомъ Краѣ («В. геогр. об., 1858 г. № 11, стр. 118):—нѣтъ выраженія того свѣтлаго и положительнаго ума и той жизни въ глазахъ, какая встрѣчается у жителей другихъ великороссійскихъ губерній; въ здѣшнихъ лицахъ скорѣе можно замѣтить апатію, а во взглядѣ недовѣрчивость и скрытность». «Въ дѣйствіяхъ

и движеніяхъ ихъ проглядываетъ какая-то тяжелая медленность: въ нихъ нѣтъ великороссійской удали и молодечества» («Географ. Вѣстн.», 1860 г., № 4, стр. 104), Особенно отличаются въ этомъ отношеніи жители сѣверной части Вятской Губерніи. «Вѣчная безуспѣшная борьба съ голодомъ повліяла на характеръ сѣвернаго населенія, развила апатію и неподвижность, говорить г. Заволожскій (стр. 81):—насколько сильна эта апатія и неподвижность видно, на примѣръ, изъ слѣдующаго: «Въ одной деревнѣ Трушниковской Волости горѣлъ домъ у одного крестьянина. Никто изъ крестьянъ не принималъ участія въ тушеніи пожара. Всѣ стояли неподвижно съ какою-то тупою покорностью. Чтò это? Какая-то непонятная суровая покорность судьбѣ, мало того: какое-то обидно-безучастное отношеніе къ судьбѣ ближняго» (Заволожскій, стр. 83).

II.

Послѣ этого чисто-внѣшняго описанія, перейдемъ теперь къ статистикѣ Вятскаго Края. Начнемъ, прежде всего, съ налоговъ. Государственные и земскіе налоги въ Вятской Губерніи падаютъ въ количествѣ 7 р. 88 коп. на каждую ревизскую душу (кн. Васильчиковъ: Земледѣліе и землевладѣніе, т. II, стр. 695). Если сюда присоединить еще страховые и мірскіе платежи, которые въ Вятской Губерніи можно обозначить въ 32 коп. на ревизскую душу, то вся подушная подать будетъ—8 р. 20 к. Чтобы составить ясное представленіе о величинѣ этой подати, нужно знать: какую часть составляетъ она относительно всего валоваго земледѣльческаго дохода? На каждую ревизскую душу собирается озимоваго и яроваго хлѣба, круглымъ числомъ, 77¹/₂ пудовъ на сумму 31 рубля¹. Такимъ образомъ, подать въ 8 р. 20 коп. составляетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ четвертую часть валоваго земледѣльческаго дохода.

Если считать, по вычетѣ податей, только одинъ *чистый доход*, который пріобрѣтается вятскимъ крестьяниномъ отъ земледѣлія, то результатъ получается настолько чудовищно-безобразный, что ему трудно повѣрить. Въ самомъ дѣлѣ: при доходности вятской десятины въ 1 р. 1 к., (Яксонъ: «Опытъ изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ». См «приложенія, табл. V,

¹ «Труды экспедиціи, снаряженной импер. русскимъ географ. и вольно-экономич. обществами для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ Россіи». Томъ I, выпускъ 6-й, стр. 60 и слѣд.

Въ Вят. Губ. собирается всѣхъ хлѣбовъ 69 мил. пуд. на сумму 27.600.000 р. (по 40 к. за 1 пудъ).—Раздѣляя эти два числа поровнь на 889, 285 ревиз. душъ (Спасскій: «Стат. Опис. Вят. Губ.» стр. 156), найдемъ, что на каждую ревизскую душу озимоваго и яроваго приходится 77¹/₂ пуд. на сумму 31 р.

стр. 13), государственный крестьянинъ Вятской Губерніи платить съ десятины 1 руб. $\frac{1}{2}$ коп., удѣльный—1 руб. 8 коп. и помѣщичій—2 р. 8 к. Слѣдовательно, чистой прибыли за всю свою работу («Списки населенныхъ мѣстностей». X. Вят. Губерніи, стр. X) государственный крестьянинъ получаетъ съ десятины ровно *прош* ($\frac{1}{2}$ коп.), а объ удѣльныхъ и помѣщичьихъ и говорить нечего; они несутъ только одинъ убытокъ: первые въ количествѣ 7 к., а вторые—1 р. 7 к. съ каждой десятины.

Общее количество податей въ 1858 году простиралось до 3.000,000 руб. («Памятная книжка Вятской Губерніи на 1860 годъ», стр. 204). Нынче же эти подати достигли до 7.000,000 руб. ¹. Если принять во вниманіе то обстоятельство, что количество земли на ревизскую душу уменьшилось ², цѣна на хлѣбъ осталась почти таже самая, какъ и прежде (см. цѣны на хлѣбъ съ 60 г. по 68 г. «Воен. Стат. Сборн.», вып. IV.), то понятно, что такое увеличеніе податей должно было отразиться на экономическомъ бытѣ Вятскаго Края. Въ самомъ дѣлѣ, въ сороковыхъ годахъ вятскіе крестьяне были настолько состоятельны, что выплачивали подати *всѣ сполна*, но съ ратническаго года (1856 г.) стали появляться постоянно недоимки, которыя теперь растутъ все *crescendo* и *crescendo*:

Къ 1858 г. недоимокъ было	73,000 р.
> 1864 > > >	387,408 >
> 1865 > > >	580,690 >
> 1874 > > >	1.837,942 > ³

Такимъ образомъ, чрезъ 16 лѣтъ Вятка увеличила свои недоимки на 1.755,000 руб. въ сравненіи съ 1858 г.

Къ 1-му января 1857 года въ Глазовскомъ Уѣздѣ числилось недоимокъ 19,012 р. (Шестаковъ: «Глазовскій Уѣздъ». «Вѣсти. Геогр. Общ.» за 1859 г., № 8, стр. 146), а черезъ 17 лѣтъ недоимки за нимъ въ 1874 году числилось уже 124,586 р. (Спасскій, стр. 165). «По волостямъ Слободскаго Уѣзда недоимка по податамъ относительно всей платимой крестьянами суммы налога составляла: въ 1861 годъ—5,5%. въ 1865 г.—153%, въ 1869 г.—260% (Заволожскій, стр. 124). Въ 1870 году недоимокъ уже было за Слободскимъ Уѣздомъ 644,711 р., въ 1872 г.—849,973 р. (Романовъ: «Очерки уѣзд. в. г.», стр. 84—85), а въ 1874 г.—почти 900,000 р. (Спасскій, стр. 166).

Недоимокъ въ Уржумскомъ Уѣздѣ было: въ 1872 г.—52,201 р., въ 1873 г.—52,681 р., въ 1874 г.—65,277 р., въ 1875 г.—

¹ «Труды Податной Комиссiи», т. XXII, ч. III, отд. I, стр. 494—496. — По Спасскому: 7.371,000 р. стр. 202.

² Такъ въ Глазовскомъ Уѣздѣ на кажд. ревиз. душу въ 50-хъ годахъ приходилось по 14 дес. (Вѣст. Геогр. Общ. за 1859 г., № 7, стр. 74), нынѣ же по 9 дес., а вмѣстѣ съ гѣсами по 12 дес. (Романовъ. «От. уѣз. вят. г.», стр. 121).

³ Памят. кн. Вят. Губ. на 1860 г., стр. 204. Памят. кн. Вят. Губ. на 1866 и 1867 г., отд. IV, стр. 83. Спасскій: «Стат. опис. Вят. Губ.», стр. 166.

85,642 р., въ 1876 г.—86,600 р. («Вятская Незабудка» на 1878 годъ, стр. 118. «Сѣвер. Вѣстн.», 1877 г., № 198).

Насколько увеличеніе податей вліяетъ на увеличеніе недоимокъ, это очень хорошо видно изъ доклада по «народному здравію» котельническаго врача Серебрякова (Докл. и постанов. Котельнич. X-го очередн. земск. собр.) 1876 г., стр. 187 и 188). Вотъ какія цифровыя данныя онъ приводитъ относительно Котельническаго Уѣзда:

Въ 1834 г., при 3 р. 80 к. оклада податей, недоимки не было.

Въ 1850 г., при 5 р. 9 к. оклада податей, податной недоимки было 979 р.

Въ 1865 г., при 7 р. 11 коп. оклада податей, податной недоимки было 7,448 р.

Въ 1868 г., при 7 р. 65 коп. оклада податей, податной недоимки было 10,817 руб.

Но, быть можетъ, недоимка стала возрастать въ послѣднее время только лишь потому, что подати собираются «полиціей и волостными правленіями, недостаточно энергично и пунктуально»?

Обратимся къ фактамъ. Слободское земское собраніе 1875 года постановило: «неплательщиковъ податей и сборовъ чаще подвергать исправительнымъ взысканіямъ, а именно: общественнымъ работамъ до 6-ти дней, аресту до 7-ми дней и телесному наказанію розгами до 20 ти ударовъ; дагѣ, людей, на которыхъ не дѣйствуютъ исправительныя взысканія, высылать въ Сибирь» («Журн. Слоб. Зем. Собр.» отъ 30 го сент. 1875 г.).

По этому постановленію, въ Трушниковской Волости изъ 844 человекъ взрослога мужскаго населенія ¹ подвергнуто было телесному наказанію 400 человекъ. Такимъ образомъ, исключая 44 человекъ, какъ разъ *молодична*. Но такъ какъ трушниковцы настолько бѣдны, что на 10 жителей приходится только по одной овцѣ, коровѣ и лошади и на 100 жителей по одной свиньѣ (Заволожскій, 31—32), то и «недоимокъ, какъ сообщаетъ «по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе»:—*все-таки, не взыскано*». Еще болѣея экзекуціи подверглись крестьяне Кайгородской Волости: здѣсь наказано было буквально поголовно почти все взрослое мужское населеніе въ количествѣ 1,329 человекъ ². Но и здѣсь результатъ былъ тотъ же самый: *недоимокъ, все-таки, не было взыскано* («Вятская Незабудка» на 1877 г., изд. I, стр. 263).

Но, быть можетъ, кто-нибудь замѣтитъ, что сѣченіе, по всей вѣроятности, производится «вѣжливленско», по Домострою, только лишь «для острастки». Факты, кажется, противорѣчатъ этому предположенію. Такъ, одного крестьянина Гидяевскаго Прихода

¹ Все мужск. населеніе этой волости состоитъ изъ 1,900 чел. (Спасскій, 27). Изъ нихъ 2/4 или 844 чел. можно считать за взрослое мужское населеніе.

² Въ Кайгородской Волости муж. нас. 3,801 чел.; изъ нихъ 2/4 или 1,466 чел. можно считать за взрослое мужское населеніе; слѣдовательно, не наказано было только 37 чел.

того же Слободскаго Уѣзда, подвергли, при сборѣ податей и недоимокъ, такой жаркой экзекуціи, что онъ, спустя три дня, отдалъ душу Богу.

Мнѣ, кажется, во вѣкъ не забыть слѣдующихъ словъ одного становаго пристава Слободскаго Уѣзда, сказанныхъ имъ недалѣе, какъ лѣтомъ 1877 года.

«...Прійдешь это въ правленіе— мужичье, извѣстно, жалуется. Ну, и спросишь иной разъ: «а сколько тебѣ, братецъ, закатили?»— Да, 20 розгачей, ваше благородіе!— скажете мужланъ, почему сиваясь. «Закатить ему еще столько же!» крикнешь судьямъ. Десятые тотчасъ подхватятъ его, раба божія, и отдѣлаютъ какъ надо. Вы не подумайте, что, стегая мужиковъ, мы дѣйствуемъ, такъ сказать, не «въ духѣ времени», не по «принципамъ либеральнаго вѣва» и не по «буквѣ закона». Нѣтъ, напротивъ, мы строго соблюдаемъ крестьянское самоуправленіе и ту статью закона, которая воспрещаетъ намъ сѣченіе. Дѣлается это очень просто. Прійхавши въ правленіе, прежде всего кривнешь къ себѣ судей и *велими* имъ сдѣлать постановленіе о наказаніи розгами столькоми-то ударами такихъ-то и такихъ-то своихъ собратьевъ. Судьямъ же, по закону, предоставляется право виновныхъ подвергать наказанію розгами. Тѣ, конечно, не смѣютъ же перечить своему начальству и постановляють. Такимъ образомъ, въ самоуправленіе сохраняется, и крестьяне сѣкутся самымъ заправскимъ образомъ, и буква закона строго охраняется, и самъ ты— что всего лучше— остаешься всегда въ сторонкѣ.»

Изъ всего этого, кажется, можно заключить, что недоимки и подати въ нынѣшнее новѣйшее время собираются едвали даже не съ болѣею энергіей, чѣмъ прежде, «во времена оны». Заволожскій говоритъ, что въ настоящую пору все болѣе и болѣе прибѣгаютъ, при добываніи податей и недоимокъ, къ продажѣ имущества несостоятельнаго плательщика съ публичнаго торга.

Сейчасъ описанъ былъ тотъ способъ, къ которому прибѣгаетъ мѣстная администрація для полученія недоимокъ; какой же способъ употребляетъ вятскій мужикъ для прикрытія своей недоимки? «Способъ этотъ очень не хитрый. Крестьянинъ не доплачиваетъ и не добѣдаетъ. Этотъ способъ крестьянинъ считаетъ для себя весьма легкимъ и удобнымъ, такъ какъ, чтобы воспользоваться имъ, не нужно просить разрѣшенія (Заволожскій, стр. 99). Но и этотъ способъ уплаты недоимокъ приноситъ крайне мало пользы: недоимка растетъ и растетъ, можно сказать, не по днямъ, а по часамъ.»

Заканчивая эту главу, невольно спрашиваешь себя словомъ Сидорова: «Не заслуживаютъ ли порицанія тѣ, которые довели дѣло до того, что Вятская, первѣйшая (нѣкогда) по урожаемъ, скотоводству и богатству російская губернія, *вся подавлена недоимками?*» (Сидоровъ: «Сѣверъ Россіи», стр. 10).

III.

Мы всё основательно знаемъ, что на дипломатической лѣнѣ графа Бисмарка находится ни больше, ни меньше, какъ именно три волоска. Эти статистическія данныя мы крѣпко помнимъ, но когда насъ спросать: сколько, напримѣръ, собирается ржи въ Вят. Губ., то мы этотъ вопросъ найдемъ не умѣстнымъ и не имѣющимъ положительно никакого интереса, тогда какъ отвѣтъ на этотъ вопросъ привелъ-бы насъ къ очень, очень тяжелымъ размышленіямъ. Судите сами!

	Собиралось ржи:	Меньше противъ:
До 1870 г.	6.360,000	четвертей. до 1870 г.
Въ 1870 >	6.269,000	> 91,000 четв.
> 1871 >	4.905,000	> 1.455,000 >
> 1872 >	5.165,000	> 1.195,000 >
> 1873 >	4.585,000	> 1.785,000 >
> 1874 >	3 622,838	> 2 637,162 >
> 1875 >	4.125,105	> 2.234,895 >
> 1876 >	3.485,833	> 2.854,167 >
> 1877 >	2.892,913	> 3.467,087 > ¹

Въ 1878 г. озимоваго соберется, по всей вѣроятности, еще меньше. Впрочемъ осени 1877 г. червь поѣдалъ и зимовое въ громаднѣхъ размѣрахъ чуть не по всей губерніи, при чемъ въ Малмыжскомъ, напримѣръ, Уѣздѣ истребилъ такъ, что крестьяне принуждены были сѣять вновь («Вят. Губ. Вѣд.», 1877 г., № 81). Немѣншій вредъ принесло также и продолжительное отсутствіе снѣга на поляхъ (онъ выпалъ въ Вят. Губ. только около нов. года), отъ чего зерно, подъ вліяніемъ сильныхъ холодовъ, все вымерзло («Недѣля», 1878 г., № 4, жор. изъ Яранска).

Если мы сравнимъ нынѣшнее время съ сороковыми и пятидесятыми годами, о которыхъ у насъ такъ много мрачныхъ представлений, то контрастъ будетъ еще болѣе удивительный. Такъ: въ 1845 г. собиралось ржи 4.040,515 четв. («Вятск. Губ. Вѣд.», 1845 г., № 32), въ 1875 г. 4.125,105 четв.

Такимъ образомъ, чрезъ 30 лѣтъ абсолютное количество собираемой ржи осталось тоже самое и, слѣдовательно, земледѣльческая производительность, несмотря на увеличеніе народонаселенія, не подвинулась на волосъ впередъ. Зато относительное количество значительно уменьшилось: въ 1845 г. на каждого

¹ «Памятная книжка Вятской Губ. на 1870 г.», отд. V, стр. 14. «Статистич. Временникъ», серія II, вын. X, отд. II, стр. 40—41. Спасскій: «Стат. опис. Вят. Губ.», стр. 85. Журн. Вят. Губ. Зем. Собр. VIII сессіи, т. I, стр. 162. Журн. Земск. Собр. IX сессіи т. II, стр. 22—24. Журн. X сессіи, т. II, стр. 292. «Доклады Вят. Губ. Управл. Собравію XI сессіи о мѣрахъ къ обезпеченію населенія Вятск. Губ. въ продовольствіи, въ 1878 г.», стр. 18, Вятка, 1878 г.

жителя собиралось по 2½ четв. (Народонаселенія въ 1845 г. было 1.553,702), а въ 1875 г.—по 1, 7 четв или на 6½ пуд. менѣе. Въ 1856 г. *въ 6 уѣздахъ* Вят. Губ. собиралось 3.436.814 четвертей («Вѣст. Геогр. Общ.», 1868 г., № 4, стр. III), а 1876—*во всей губ.* 3.485,858; слѣдовательно, чрезъ 20 лѣтъ Вятка такъ шагнула впередъ, что собираетъ теперь по всей губерніи съ 11-ю ея уѣздами столько ржи, сколько собирала ее прежде въ 6 уѣздахъ. Относительное же количество уменьшилось болѣе, чѣмъ въ 2 раза: въ 1856 г. на каждого жителя собиралось по 3, 4 четв. (народонаселенія въ этихъ 6 уѣз. было—1,102, 240 чел. *Ibid.* p. 80), а въ 1876 г.—1, 4 четв.

Чтобы видѣть болѣе наглядно современный упадокъ земледѣльческой производительности, необходимо привести слѣдующую таблицу, которая показываетъ какое количество ржи, по вычетѣ посѣва, приходится на каждого жителя:

До 1870 г.	по 2,10 четв.
въ 1870 >	> 2,00 >
> 1871—72 >	> 1,44 >
> 1873 >	> 1,38 >
> 1874 >	> 0,91 >
> 1875 >	> 1,09 >
> 1876 >	> 0,80 > ¹

Если даже предположить, что для пропитанія каждого чело-вѣка нужно, среднимъ числомъ, не по 1,7½ четверти, а по 1,25, то съ 1874 года народонаселеніе было обречено на систематическое голоданіе (впрочемъ, если принять достаточнымъ на продовольствіе по 1,25 четв. на чело-вѣка, то 1871, 1872 и 1873 гг. будутъ еще урожайными). Дефицитъ въ народномъ продовольствіи, по опредѣленію земства, составлялъ:

въ 1875 г.	748.354	четверти
> 1876 >	832,634	>
> 1877 >	1.400,000	> ²

Такимъ образомъ, нынѣшній 1877 годъ, голодный годъ, можетъ быть уже вполне сравненъ съ самарскимъ.

Несмотря на такіе крайніе недостатки въ хлѣбѣ, крестьяне Вят. Губ. принуждены еще уплачивать подать въ 7.000,000 руб. Отхожіе и кустарные промыслы даютъ населенію немного болѣе 3 мил. руб. (Труды податн. комиссіи, т. XII, стр. 496.—Спаскій, 110—111). Слѣдовательно, «для полной уплаты податей, крестьяне Вят. Губ. несмотря на недостатокъ въ хлѣбѣ должны продавать хлѣба на 4 мил. рубл., въ ущербъ питанію и хоро-

¹ Разность между цифрой собираемой ржи и посѣянной соответствующаго года раздѣлена на число жителей даннаго года.

² Журн. Вят. Зем. Собр. IX сес., т. II, стр. 22 — 24. Журн. X сес., т. II, стр. 292. Докл. Губ. Управл. Собранію XI сес. о мѣрахъ къ обезпеченію населенія Вят. Губ. въ продовольствіи и обмененіи долей въ 1878 г., стр. 6.

«шешу хозяйству». (Труды податной комиссіи, т. XXII, ч. III, отд. I, стр. 494).

Существующій дефицитъ по народному продовольствію падаетъ главнымъ образомъ, по уѣздамъ: Глазовскому, Слободскому, Котельническому и Орловскому, особенно по сѣвернымъ полосамъ этихъ уѣздовъ: «здѣсь хлѣба недостаетъ не только для продовольствія, но даже для посѣва» (*Янсомъ*: «Опытъ изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ», стр. 24). Даже въ 1870 году, несмотря на то, что этотъ годъ былъ очень плодородный, этими уѣздами привулалось хлѣба: въ Слободскомъ Уѣздѣ 801,225 пуд., Котельническомъ 599,885, » Орловскомъ 404,600 («Докладъ вят. губ. упр. относительно направленія сибирской желѣзной дороги», стр. 20).

Въ виду такого постоянного недостатка въ хлѣбѣ, крестьяне этихъ уѣздовъ «постоянно голодаютъ и питаются хлѣбомъ, который только носитъ названіе хлѣба». Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, это значитъ, что крестьяне «подбавляютъ въ муку мякины, коры» (Заволожскій, стр. 70), древесной клѣтчатки и тому подобныхъ ингредиентов. Вслѣдствіе чего, «хлѣбъ получается въ видѣ отвратительной лепешки. Онъ комкомъ ложится въ желудѣ, трудно варится и представляетъ собою балластъ, служащій скорѣе обманомъ для стѣнокъ желудка, а не дѣйствительнымъ питательнымъ матеріаломъ». «Къ такой пищѣ нужно привыкнуть съ молодыхъ лѣтъ, говорить другой этнографъ:— но эта привычка, хотя и освобождаетъ отъ быстрой голодной смерти, зато въ скоромъ времени доводитъ людей, питающихся ею, до такого умственного и физическаго убожества, который ведетъ къ измельчанію и вырожденію» что, дѣйствительно, какъ мы это увидимъ впоследствии, и оказывается въ Вятской Губерніи.

Что кора и другіе ингредиенты въ высшей степени вредно отзываются на организмъ, это, конечно, понятно каждому. Но не такъ разсуждаютъ объ этомъ разные псевдо-ученые и псевдо-специалисты. «Одинъ изъ таковыхъ, извѣстный статистикъ и политико-экономистъ, описывая, какъ ѣдятъ древесную кору въ Вятской Губерніи, прибавляетъ, что отъ этой прекрасной пищи только у дѣтей раздуваетъ животъ, а взрослые люди имѣютъ здоровый и красивый видъ» («Дѣло», 1867 г., № 4, стр. 254). Очевидно, сей хитроумный Одиссей, свершавшій свою экскурсивную одиссею въ область питанія корой, «слона то и не примѣтилъ»: онъ не замѣтилъ того, что въ такихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ сѣв. части Слободскаго Уѣзда, народъ выродился до того, что на 1½ и на 2 вершка ниже тѣхъ людей, которые питаются хлѣбомъ безъ всякихъ ингредиентов.

Другой псевдо-специалистъ, относительно древесной клѣтчатки, написалъ слѣдующее: «спеціальныя наблюденія новѣйшаго времени доказали, что древесное вещество (клѣтчатка), въ противоположность общепринятому мнѣнію, не только не вредитъ пи-

тательности хлѣба, но даже *необходимо для болѣе помато и легкаго перевариванія*¹. Мы не будемъ критиковать всю эту высокопарно-полоумную ерунду, а замѣтимъ только то, что это ужь очень походить на слова Балалайкина о достоинствѣ протухлой кнѣпки.

Чтобы составить себѣ болѣе точное представленіе о земледѣльческой производительности Вятской Губерніи, необходимо нужно имѣть подѣ рукою еще цифры сбора ярового. Вотъ онѣ:

Въ 1870—71 г.	собиралось	7.600,500 четв.
> 1872—73 >	>	6.440,000 >
> 1874—75 >	>	6.580,000 >
> 1876—77 >	>	5.437,000 > ²

Итакъ, при уменьшеніи количества собираемой ржи, уменьшается также количество собираемаго ярового. Но контрастъ будетъ еще болѣе удивительный, если сравнить сборъ ярового съ тѣмъ количествомъ, которое собиралось въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. Назадъ тому 30 лѣтъ, а именно въ 1845 г. ярового собиралось 6.229,000 четв. («Вятск. Губ. Вѣд.», 1845 г., № 32). т. е. столько же почти, сколько въ 1874—75 году, несмотря на то, что народонаселенія тогда было въ полтора раза менѣе, чѣмъ теперь. Назадъ тому около 20-ти лѣтъ, а именно въ 1858 г. собиралось ярового 7.392,000 четв. («Памяти. книжка Вят. Губ. на 1860 г., отд. IV, стр. 289»), т. е. почти столько же, сколько въ 1870—71 г., хотя народонаселенія тогда было всего почти 2 мил. Какъ уменьшалось количество сбора ярового, это видно изъ слѣдующаго:

На каждаго жителя приходилось:

Въ 1845	г.	4 четв.
> 1848	>	3,5 >
> 1870—71	>	3,17 >
> 1872—73	>	2,6 >
> 1874—75	>	2,6 >
> 1876—77	>	2,17 > ³

При такомъ изобиліи ярового хлѣба въ былое время, вятчане пеки прежде въ каждую субботу блины изъ гречневой муки

¹ «Технич. Сборн.», т. XVI, стр. 270. Интересно-бы знать: «чьи это спеціальныя наблюденія новѣйшаго времени? Ужь не въ «клиникѣ-ли душевныхъ болѣзней» онѣ произведены?

² Народонаселенія въ 1845 г. — 1.553,702. См. «Памяти. кн. на 1870 г.», отд. IV, стр. 9. «Народн. въ 1858 г.—2.123,904. См. «Движ. народн. Вят. Губ.», за 1874 г., стр. 5. Количество жителей соотвѣтствующихъ годовъ взято по книжкѣ Спасскаго: «Движ. народн. въ Вят. Губ.». Въ 1876—1877 г. народонаселеніе принято въ 2½ мильона.

³ Довольно обстоятельную критику на измншенія «Техн. Сборн.» можно найти въ одномъ изъ номеровъ журнала «Здоровье» за 1877 г. «Стат. Вр.», серия II, вып. X, отд. II, стр. 40—41. «Стат. Вр.» и «Стат. оп. Вят. Губ.», стр. 85. Журн. губ. собр. VIII-й сес. т. I, стр. 162 и IX-й сес., стр. 22—24. Журн. X-й сес., стр. 292 и «Докл. губери. управл.—собранію, XI сес.», стр. 18.

попласть съ яровою, а также ѣли ярушники («Вѣстникъ геогр. общества», 1858 г., № 10, стр. 123); но эти блаженныя времена прошли. Недаромъ въ 40-хъ и 50-хъ годахъ существовала поговорка: «Ватка — хлѣбу матка», а теперь говорятъ: «Допрѣжь ратничаго года (1856 г.) жилось куда хлѣбъ лучше, а теперь мы дѣлами подошли такъ, что и... и...» Но на такіе отвѣты крестьянъ о ихъ житѣй-бытѣй, у насъ принято относиться почему-то съ усмѣшкой.

Что экономическій бытъ вятскаго мужика ухудшается, это можно уже было видѣть: а) изъ того, что недомка возрастаетъ въ ужасающихъ размѣрахъ, и б) изъ того, что количество собираемаго хлѣба годъ отъ году уменьшается. Но приведемъ еще факты.

Въ 50-хъ годахъ вывозилось хлѣба изъ шести уѣздовъ Вятской Губерніи (Вятскаго, Слободскаго, Глазовскаго, Котельничскаго, Орловскаго и Нолинскаго) 6,350,000 пуд. ¹ Въ нынѣшнее же новѣйшее время Ватка такъ двинулась впередъ, что изъ *всѣхъ 11-ти уѣздовъ* вывозить почти тоже самое количество хлѣба, а именно 6.600,000 пуд. (Ив. Савиновъ: «Статист. описаніе Вятскаго Края». Вѣстн. геогр. общ.» 1860 г., № 5, табл. вывозимаго хлѣба). Такимъ образомъ, количество вывозимаго хлѣба уменьшилось, если не вдвое, то, по крайней мѣрѣ, въ 1¹/₂ раза.

Въ Слободскомъ Уѣздѣ въ 50 хъ годахъ вывозилось ржи — 200,000 четв. ², нивѣ — 10,000 ³; овса въ 50 хъ годахъ — 100,000 четв., нивѣ — 30,000 четв.; муки ржаной въ 50 г. — 700,000 пуд., нивѣ — 120,000 пуд. Въ Нолинскомъ Уѣздѣ въ 50 хъ годахъ вывозилось 39 т. четв. ржи, 3 т. четв. овса и 100 тыс. пуд. ржаной муки ², теперь же вывозится до 100 т. пуд. всего хлѣба (Памятн. книжка Вятск. Губ. на 1870 г., отд. V, стр. 175).

Въ 1838 году вся стоимость вывозимаго изъ губерніи хлѣба простиралась до 5.000,000 руб. ⁴; цифра въ высшей степени громадная, если принять во вниманіе тогдашнюю дороговизну денегъ и полутора-милльонное народонаселеніе. Нивѣ же, чрезъ

¹ Вывозилось изъ 6-ти уѣздовъ: ржи—около 3 мил. пуд. (367,832 четв.), овса—850,000 пуд. (161 т. четв.) и ржаной муки—2¹/₂ мил. пуд. Итого всего 6.350,000 пудовъ.

² Въ Архангельскъ отправляется 3¹/₂ мил. пуд. хлѣба, по Волгѣ—2.300,000 пуд. (Сидоровъ: «Сѣверъ Россіи», стр. 2) и по р. Камѣ—800 тыс. пуд. («Списки населенныхъ мѣстностей Россійской Имперіи» X, Вят. Губ., стр. V). Слѣд. всего вывозится изъ Вят. Губ. 6.600,000 пудовъ.

³ Также самая почти цифра получается и по Спасскому: по р. Ваткѣ: отпущается ржи 600 т. пуд., муки—500 тыс. пуд., овса—2,400 тыс. пуд., по р. Камѣ: ржи—450 т. п., овса—240 т. п., муки—700 т. Въ Архангельскъ отправляется хлѣда 3.400,000. Итого 7,290,000 п. Но изъ этого нужно вычесть 400 т. пуд. льна, да хоть 100 тыс. пуд. льняного сѣмени, отправляемаго въ Архангельскъ. Слѣдов. всего хлѣба вывозится 6.600,000 пуд. (Спасскій, стр. 185 и 87).

⁴ «Вят. Губ. Вѣд.», 1838 г., № 5.

40 лѣтъ, при крайней дешевизнѣ денегъ и при 2½ миллионномъ населеніи «продажа сельско-хозяйственныхъ продуктовъ Вятской Губерніи, говоритъ Б—ринъ, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, можетъ дать никакъ не болѣе 3.200,000 р.»¹. При богатствѣ земледѣльческой производительности края въ былое время было множество торговыхъ домовъ въ Вятской Губерніи. Гдѣ же теперь они? «Гдѣ теперь три дома Синцовыхъ, торговавшихъ отдѣльно другъ отъ друга? Гдѣ два дома Ивергинныхъ? Гдѣ теперь дома Машковцовыхъ, Аршауловыхъ, Раванцовыхъ, Репиныхъ, Платуновыхъ, Герасимовыхъ, Суэтинныхъ, Пыхтѣевыхъ, Микулиныхъ, Атрыганьевыхъ, Митягинныхъ, Юрасовыхъ, Сушкяныхъ, Юферевыхъ, Гводевыхъ, Шмелевыхъ, Косаревыхъ, Кардаковыхъ и Ермолиныхъ?» (Сидоровъ: «Сѣверъ Россіи», стр. 8). Всѣ эти торговые дома пали вмѣстѣ съ упадкомъ земледѣльческой производительности края. Пусть это послужитъ доказательствомъ того, что благосостояніе массъ служить и благосостоянію торговаго и высшаго класса, какъ сочность почвы — произрастанію растительности. Итакъ, хлѣбная торговля въ Вятской Губерніи значительно пала. Такииъ образомъ, въ то время, когда во всей Россіи отпустилъ хлѣба увеличился слишкомъ на 50 мил. четвертей (Васильчиковъ: «Землевлдѣніе и Земледѣніе», т. II, стр. 650 и 692). Вятская Губернія, къ стыду своему, должна доказать, что не только не приняла участія въ этомъ прогрессивномъ развитіи земледѣльческой производительности, но должна была даже отступить назадъ.

IV.

Какія же причины послужили къ объединенію Вятскаго Края? По мнѣнію Сидорова, одна изъ самыхъ главныхъ причинъ объединенія заключается въ томъ, что *«искоренилось именитое вятское купечество»* (Сидоровъ: «Сѣверъ Россіи» 1870 г., стр. 7). И, въ порывѣ увлеченія отъ своего гениальнаго открытія, Колумбъ-Сидоровъ воскликнулъ: «возстаньте вы, вожди народа!» Это именитые-то купцы—водители народа?

Въ переводѣ на обыкновенный языкъ, эта фраза значитъ: «что мощной трасти, что народъ вести—это положительно одно—единственно» (Sic!). Итакъ, главная причина, объединенія вятскаго края, по мнѣнію Сидорова, заключается въ томъ, что искоренилось именитое вятское купечество! По логикѣ Сидорова, значитъ, выходитъ: «не отъ того малина зимой не растетъ, что холодно, а отъ того и холодъ, и зима бываетъ, что малина не растетъ».

Помѣщики, какъ и слѣдуетъ ожидать, главную причину, такъ

¹ Б—ринъ: «Кустарная промышленность». «Русск. Обзоръ» 1878 г., № 6, стр. 12.—Если обозначить по 50 к. за каждый пудъ хлѣба, вывозимаго изъ Вятской Губ. (6.600,000 пуд.), то получимъ—3.300,000 р.

сказать, самую почку зла, видать въ реформѣ 19-го февраля. Но всё ихъ доводы сводятся къ известной избитой формулѣ:

«Post hoc, ergo propter hoc». Что освобожденіе крестьянъ не имѣло по отношенію къ Вятскому Краю никакого значенія, это показываетъ уже то, что число помѣщичьихъ крестьянъ здѣсь крайне незначительно—всего на все 3%.

По нашему же мнѣнію, одна изъ самыхъ главныхъ причинъ обвѣденія заключается: во-1-хъ) въ чрезвычайныхъ податяхъ, превышающихъ доходность земли и дѣлающихъ земледѣліе промышленно неприводительнымъ, бездоходнымъ и даже убыточнымъ и во-2-хъ) въ истощеніи земли. «Въ прежнее время, говоритъ Штуценбергъ:—на хорошихъ земляхъ Вятской Губерніи озимое родилось самъ 12, яровое — самъ 8» (Штуценбергъ: «Статист. Труды», т. I, статья XXII, стр. 22). Въ 40-хъ годахъ, озимое и яровое родилось круглымъ числомъ по всей губерніи самъ—4,3¹. Въ 1854 г., озимое родилось самъ—4, яровое—самъ—5,3². Въ концѣ 50-хъ годовъ (съ 1857 по 1858 г.), урожан сразу понизились: озимое родилось самъ—4, а яровое уже самъ—3,3 («Военно-статист. Сборн.», вып. IV, стр. 250 и 251). Съ 60-хъ годовъ неурожай все увеличивается и увеличивается. Въ первое пятилѣтіе озимое родилось, вмѣсто прежнихъ самъ—5 и самъ—4, всего на всего самъ—2,4,—а яровое самъ—2,5. Въ 1861 г., въ разгаръ самаго медоваго либерализма, дѣла были настолько плохи, что озимое родилось самъ—1,3. Въ 70-хъ годахъ тѣ же неурожай. Такъ въ 1875 г., озимое и яровое по всей губерніи родилось самъ—3 («Журн. Губ. Собр.» за 1875 г., т. II, стр. 22—24), а въ 1876 г. озимое даже самъ—2½ (Журналы 1876 г., т. II, стр. 292). О 1877 году и говорить нечего: урожай озимого самъ—2¼, яроваго самъ—1¾ (Доклады 1877 г., стр. 19). Только въ 1870 году средній урожай по губерніи достигалъ до самъ—4³, т. е. приближался къ 40-мъ и 50-мъ годамъ. Но «здѣсь нужно замѣтить что, при опредѣленіи среднихъ выводовъ урожая хлѣбовъ 1870 года, количество десятинъ, выбитыхъ червемъ и градомъ, исключено изъ общаго числа засеянныхъ полей, и, такимъ образомъ, опредѣленъ средній урожай тѣхъ только полей, съ которыхъ былъ собранъ хлѣбъ». Слѣдовательно,

¹ Штуценбергъ, стр. 23, 24, 25. Въ 1843 г., озимое родилось самъ—5, а яровое самъ—5½, въ 1844 г.—озимое самъ—4, яровое самъ—3½, въ 1845 г.—озимое и яровое самъ—3,3. Слѣд. съ 1843 по 45 г. озимое и яровое родилось круглымъ числомъ по всей губ. самъ—4,3. Относительно другихъ годовъ въ періодъ времени 1840—1850 г., въ сожалѣнію, данныхъ нѣтъ.

² Ibidem, p. 26. Цифры эти получаются по раздѣленіи количества собираемаго хлѣба на количество посеяннаго.

³ „Сборникъ въ память перваго русскаго статистич. съѣзда 1870 года“, составленный Семеновскимъ. Издан. витебск. статистич. комит. Смотрѣть статью М. И. Куропцева: „О сборѣ хлѣбсъ въ Вят. Губ. за 1869 и 1870 г., стр. 276. Урожая 1870 г. ржи—самъ—4,4, овса самъ—3,3, ячменя самъ—3,3.

дѣйствительный урожай въ этотъ самый плодородный годъ послѣдняго времени долженъ быть менѣе, чѣмъ самъ—4.

Въ то время, когда въ Англіи урожай хлѣба даетъ самъ—34, во Франціи—самъ—11, въ Россіи—самъ 4½ («Отч. Зап., 1877 г., № 2, стр. 303), въ Вятской Губерніи урожай этотъ—только самъ—3 (Журналы 1875 г., стр. 22).

Какая же причина уменьшенія урожая съ 60-хъ годовъ? Почему въ прежнее время озимое родилось самъ—12, яровое самъ—8, въ 40-хъ же и 50-хъ годахъ урожай давалъ самъ—4 и 5, а почему нынѣ урожай всего только самъ—3. ?

Дѣло въ томъ, что до 60-хъ годовъ существовала въ Вятской Губерніи преимущественно лядинная система земледѣлія. «Въ прежнее время, говоритъ Куропневъ (Сборникъ Семеновскаго, стр. 260 и 261)—крестьяне Вятской Губерніи переходили съ одного мѣста на другое по произволу, расчищая лѣса и производя посѣвы по ноямъ. Урожай на такихъ новяхъ давалъ самъ—20 безъ всякаго уваживанія. Когда крестьянинъ замѣчалъ, что сборы хлѣбовъ у него начинаютъ съ каждымъ годомъ уменьшаться, онъ искалъ въ лѣсу новое удобное для поселеній мѣсто, подчеркивалъ лѣсъ, сожигалъ его, сѣялъ рожь и затѣмъ, построивъ избу, селился тамъ, оставивъ свое прежнее жилище. Когда и эта земля мало по малу истощалась, онъ опять искалъ новое для жилья и посѣва мѣсто». Понятно, что такіе урожаи, какъ самъ—20, имѣли громадное значеніе на цифру собираемаго хлѣба. Вотъ почему въ прежнее время, и хлѣба-то у крестьянина было вдоволь, и подати то онъ уплачивалъ всѣ сполна, и хлѣба-то продавалъ больше, чѣмъ теперь, и лѣсу-то въ его распоряженіи было столько, сколько душѣ угодно—не даромъ избы крестьянъ, построенныя въ прежнее время, отличаются своею колоссальностію; эта громадность избъ и крытый на глухо дворъ тѣсомъ прямо указываютъ на избытокъ пользованія лѣсомъ. Теперешніи дачуги—только слабая тѣнь прежнихъ крестьянскихъ домовъ. Земли крестьянинъ имѣлъ въ прежнее время столько, сколько въ состояніи былъ вычистить лѣсу. Въ тѣмъ деревнямъ, гдѣ утвердилась уже осѣдлость, прирѣзывалась земля, если чувствовался недостатокъ. Такъ, нѣкоторымъ волостямъ Глазовскаго Уѣзда въ срединѣ 50-хъ годовъ было прирѣзано: 36,368 дес. (Шестаковъ: «Глазовскій Уѣздъ», «Вѣсти. геогр. общ.» 1859 г., № 8).

Въ нынѣшнее новѣйшее время, насколько извѣстно, такихъ прирѣзковъ не бывало, а если, что бывало, такъ нѣчто прямо противоположное.

Но вотъ насталъ 1864 годъ, въ который послѣдовало воспрещеніе самовольныхъ расчистокъ казеннаго лѣса и заселеній. Это воспрещеніе застало большую часть крестьянъ на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ мы ихъ теперь видимъ. Владѣя уже продолжительное время этими новями, привыкнувъ во время лядиннаго періода не уваживать ихъ, крестьяне до того истощили

свою, нѣкогда плодородную землю, что не получаютъ теперь отъ нея даже и пятой доли того, что они прежде собирали (Сборникъ Семеновскаго, стр. 261). Истощивъ до послѣдней степени свою землю, крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ (Котельническаго, Яранскаго и др.) часть пахатной земли оставляютъ въ «залежи» для отдыха, отъ 6 до 15 лѣтъ. До какой степени истощено бываетъ поле, оставленное для отдыха, это показываетъ уже то, что на такомъ полѣ въ первый годъ *даже и трава-то плохо растетъ* (Ibidem, p. 265). Эта хищническая система земледѣлія, чуждая всякой рациональной обработки, и привела къ тому рубежу, на которомъ стойтъ теперь Вятскій Край. Что дальше послѣдуютъ новыя неурожаи, новыя бѣдствія въ этомъ, конечно, нельзя сомнѣваться. Что экономическій бытъ страны ухудшается, это доказываетъ уже тотъ длинный рядъ постепеннаго уменьшенія количества собираемаго хлѣба, который былъ уже приведенъ въ этой статьѣ; это доказываетъ уменьшеніе неурожаявъ по всей губерніи, это доказываетъ еще нѣсколько фактовъ, къ числу которыхъ можно причислить:

а) Уменьшеніе хлѣбныхъ запасовъ для народнаго продовольствія и помпѣшее оскуднѣніе губернскаго продовольственнаго капитала.

Въ 1868 г. губ. продов. капитала было цѣлыхъ 2 мил. руб. Теперь же онъ оскудѣлъ до того, что отъ него осталось всего только 340,000 («Докладъ вят. губ. земск. управы губ. собранію XI-й сессіи о мѣрахъ къ обезпеченію населенія Вят. Губ. въ продовольствіи и обмѣненіи полей въ 1878 г., стр. 57), но и эти 340,000 р. въ нынѣшній голодный годъ будутъ розданы голодающему населенію, такъ что ко времени XII сессіи губ. земства о 2 мил. рубл. у земства останется только лишь одно воспоминаніе.

Въ 60-хъ годахъ въ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ было 1.860,000 четв. хлѣба, а нынче къ 1 января 1873 г. въ запасныхъ магазинахъ въ наличности состояло уже только 700,000 четвертей (Спасскій, 155).

Въ Котельническомъ Уѣздѣ, въ 1867 году, въ общественныхъ магазинахъ было болѣе 53,000 четв. или, среднимъ числомъ, около 2½ пудовъ на cadaго жителя. Въ 1876 году, чрезъ 10 лѣтъ, общественные магазины такъ опустѣли, что въ нихъ считается всего только 11,000 четверт. или около 11 фунт. на человѣка. Въ 1867 г. общественныхъ магазиновъ было—173, а въ 1876 г. осталось ихъ всего только 44. «Остальные были разломаны и употреблены на другое дѣло». Котельническій Уѣздъ дошелъ теперь до такой степени, что только въ одни общественные магазины долженъ внести болѣе 900,000 пудовъ и сверхъ сего заплатить по продовольствію около 66,000 руб.1 (Доклады котельнич. земск. собранія 1876 г., стр. 56—58).

б) Увеличеніе количества градобитій.

Въ 50 хъ годахъ въ Вятской Губ., по выводамъ академика Веселовскаго, побивалось градомъ около 6,000 дес. (5,913) на

сумму 38,000 руб. (Веселовскій: «О климатѣ Россіи», см. статьи: «О градѣ»). Теперь же побивается градомъ ужь 25,000 десятивъ на сумму 307,500 руб. («Журн. губ. собр. IX сессіи», т. II. см. «Вѣд. о колич. посѣвовъ, истребл. осенью 1874 г. червемъ и лѣтомъ 1875 г. градомъ»). Слѣдовательно, убытокъ отъ градобитій увеличился въ 8 разъ. Вотъ, напримѣръ, какъ систематически увеличиваются градобитія въ Яранскомъ Уѣздѣ:

Выбито десятивъ.		Сумма убытка.
Въ 1869—70 г.	. . . 2,546	48,600 р.
> 1871—72 >	. . . 3,124	58,000 >
> 1873 >	. . . 3,280	31,000 >
> 1874—75 >	. . . 6,062	86,600 > ¹ .

с) Уменьшеніе количества посѣвовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ. Такъ, напримѣръ, въ Орловскомъ Уѣздѣ высѣвалось:

Въ 1870 г.	. ржи 109,000 четв.	овса 200,000 четв.
> 1871 >	. > 107,000 >	> 165,000 >
> 1872 >	. > 106,000 >	> 145,000 >
> 1873 >	. > 104,000 >	> 135,000 >
> 1874 >	. > 92,000 >	> 140,000 >

Итакъ, земледѣльческая производительность Вятскаго Края падаетъ и это доказывается:

- а) систематическимъ увеличиваніемъ недонмокъ изъ году въ годъ,
- б) систематическимъ уменьшеніемъ количества собираемой ржи изъ году въ годъ,
- с) систематическимъ уменьшеніемъ количества собираемаго проваго,
- д) постепеннымъ уменьшеніемъ урожаявъ,
- е) уменьшеніемъ вывоза хлѣба,
- ф) опустошеніемъ хлѣбныхъ магазиновъ,
- к) уменьшеніемъ посѣвовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ
- л) и всеобщимъ обѣднѣніемъ крестьянства.

Нельзя сказать, чтобъ вятское земство не сознавало современнаго экономическаго состоянія дѣль и не старалось хоть сколько-нибудь «помочь горю». Оно вполне понимало, что причина ухудшенія экономической жизни заключается, между прочимъ, въ хищнической системѣ земледѣлія, уничтожить которую можно только привитіемъ народу рациональныхъ основъ земледѣлія. Съ этою цѣлью въ Вяткѣ была устроена «школа для распространенія сельско-хозяйственныхъ и техническихъ знаний и приготовленія учителей», но, подъ гнетомъ какого-то невидимаго рока, изъ этой школы не вышло ровно ничего. Какъ вліяютъ подобнаго рода школы на улучшеніе земледѣлія, это можно видѣть изъ примѣра Финляндіи, гдѣ рациональная система земледѣлія съ сѣвоборотами распространяется радіально отъ подоб-

¹ Журн. Яранск. уѣздн. земск. собр. IX-й сессіи, стр. 335.

ного же рода школы. (См. статью W. W.: «Финляндія». «Вѣст. Евр.», за 1876 г., № 12, стр. 650—653).

Какъ заразительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, благотворно дѣйствуетъ примѣръ, это можно видѣть, не ходя далеко, въ той же Вятской Губерніи. Известно, что производство вѣялокъ водворено въ Вятской Губерніи черезъ посредство учениковъ с.-петербургскаго удѣльнаго земледѣльческаго училища, и употребленіе этихъ вѣялокъ встрѣчается именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя состояли въ удѣльномъ вѣдомствѣ. (Статист. времен., отд. «кустарн. промысл», стр. 28). Какое полезное вліяніе на край могла бы имѣть вятская сельско-хозяйственная школа—это очевидно, какъ 2 + 2 = 4. Но что вы будете дѣлать съ разными личностями, выдающимися въ каждомъ полезномъ шагѣ земства («вѣстн»)?

Недалеко, быть можетъ, то время, когда Вятская Губернія будетъ представлять изъ себя «аравійскую степь». Нѣтъ сомнѣнія, что въ это время и будетъ дано правильное развитіе этой школѣ; но не будетъ ли тогда уже поздно? Всякій знаетъ, что гораздо легче предупредить болѣзнь, чѣмъ лечить ихъ.

Кромѣ того, эта школа необходима, какъ проводникъ грамотности въ народѣ. А позаботиться о грамотности кажется ужь слѣдовало-бы. Вѣдь здѣсь, по волѣ судьбы, несмотря на послѣднюю четверть XIX вѣка, царитъ почти абсолютная безграмотность. Въ то время, когда въ Норвегійи на тысячу жителей едва можно найти одного совершенно безграмотнаго человѣка, въ Вятской Губерніи замѣчается совершенно обратное явленіе: «здѣсь на 100 жителей едва найдется одинъ только грамотный». Не пора ли позаботиться о народномъ образованіи? Вѣдь ужь въ Турціи, напримѣръ, въ Филиппольскомъ Уѣздѣ приходится 60% грамотныхъ («Вѣстн. Евр.» 1878 г., № 2, стр. 711), а «въ Болгаріи, говоритъ Е. Утинъ: — мнѣ ни разу не пришлось услышать: у насъ нѣтъ школы! Въ каждой общинѣ ихъ 2—3».

V.

Теперь рассмотримъ нѣкоторыя изъ уѣздовъ въ отдѣльности.

Еслибы вы взяли, читатель, «доклады котельничскаго земскаго собранія 1876 года» и прочитали ихъ съ корки до корки, то вамъ представилось бы не что иное, какъ плачь Іереміи. Вотъ что говорить земство о своемъ уѣздѣ: «*Нашъ уѣздъ не улучшится, а бѣднѣетъ*», и это доказывается: «совершеннымъ опустѣніемъ хлѣбныхъ запасовъ, ежегодно накапливающимися разнаго рода недонимами, постепенно упадающимъ сельскимъ хозяйствомъ, видимымъ обѣднѣніемъ домашней крестьянской осѣлости и прочими всѣмъ извѣстными фактами» (29 стр.). «Мы дожили до того, продолжаютъ земцы:—что тамъ, гдѣ необходимо быть по-»

косу, нынѣ остается доживающая свой вѣкъ пашня, а тамъ, гдѣ должна быть пашня, давно уже поковтятся мертвая пустошь, а *бѣдный крестьянинъ нашъ дошелъ до того, что у него не стало ни скота, ни сѣна, ни хлѣба, ни денегъ и положеніе его сдѣлалось безвыходнымъ*» (49 стр.). Валовой доходъ, по вычетѣ посѣвовъ, получаемый отъ земледѣлія, въ Котельническомъ Уѣздѣ равенъ 3.400,000 рубл. (11), необходимыхъ же расходовъ выѣстъ съ окладными повинностями—4.300,000 рубл. (18—19 стр.). Слѣдовательно, ежегодный дефицитъ составляетъ 900,000 рубл.!! Изъ этого вытекаетъ прямое заключеніе, что Котельническій Уѣздъ не въ состояніи платить ни одной копейки податей, т. е. пришелъ къ полнѣйшему финансовому разстройству: всѣхъ долговъ числятся теперь по Котельническому Уѣзду 650,000 рубл. (20), и несчастное земство чуть не читаетъ себѣ отходную, говоря, что ему предстоитъ такое положеніе, которое называется «банкротствомъ» (40). Обездоленные жители, вслѣдствіе крайняго истощенія почвы, ежегодно бѣгутъ изъ уѣзда на чужія земли, но опредѣлить число бѣгущихъ, говорить управа, нѣтъ возможности. Насколько велика бѣдность въ уѣздѣ, это доказываетъ уже то обстоятельство, что врачу, напримѣръ, Серебрякову, пришлось вскрыть 3 трупа, гдѣ самоповѣшеніе вытекло прямо отъ нищенства и безпомощности субъектовъ (188). «Хлѣбные магазины, гдѣ бы народонаселеніе могло брать хлѣбъ для своего продовольствія, на половину волостей пусты, и нѣтъ надежды на пополненіе ихъ со стороны крестьянъ; скота недостаточное количество, да и тотъ *продается* (съ торговъ?) *на утѣту податей и недоимокъ*, а между тѣмъ, истощенная почва, для возвращенія ей прежняго плодородія, требуетъ тройнаго количества скота противъ настоящаго. Постройки крестьянскихъ дворовъ въ самомъ жалкомъ видѣ, нѣтъ никакой надежды, чтобы крестьяне вышли изъ этого убожества. Наконецъ, долги растутъ, а не уменьшаются». Всѣ эти цитаты интересны, какъ голосъ земства и самаго народа на современное экономическое состояніе дѣль. А вѣдь «голосъ народа—голосъ Божій»!

Еще въ худшихъ условіяхъ находится Орловскій Уѣздъ. Здѣсь дѣла на столько плохи, что «количество снятаго хлѣба не достаетъ даже на посѣвъ («Памятная книжка Вят. Губ. на 1870 г.», отд. V, стр. 142), вслѣдствіе чего и посѣвы, какъ мы видѣли, сокращаются изъ году въ годъ. На сколько систематически ухудшается экономическій бытъ крестьянъ Орловскаго Уѣзда, видно, напримѣръ, уже изъ того, что количество ссуды, выдаваемой земствомъ на продовольствіе этого уѣзда годъ отъ году увеличивается: въ 1873 г. было выдано 9,104 р. въ 1874 г.—14,964 р. въ 1875 г.—61,682 р. (Романовъ: «Орловскій Уѣздъ», стр. 328). Въ 1876 г. потребовалось уже цѣлыхъ 100 000 р. («Вят. Незабудка», стр. 328). Въ этотъ годъ въ земскую управу, въ видѣ образца, представленъ былъ такой хлѣбъ, какимъ питаются иногда въ Архангельской или Самарской Губерніяхъ въ голодное время

и который, как диковинка, завозился в былое время в Вятский Край (Ibidem, p. 24). Сколько бы мы ни старались уменьшить оказывающийся дефицит в продовольственных средствах уезда, онъ всегда оказывается в громадномъ количествѣ. «Въ такіе годы, говоритъ Н. Романовъ: — крестьянское населеніе бѣдствуетъ; развивается в громадныхъ размѣрахъ нищенство, дѣлаясь новаго рода отхожимъ промысломъ; крестьяне накапливаютъ за собой десятки тысячъ долговъ продовольственному капиталу и такія-же десятки тысячъ недоимокъ въ налогахъ... Распродается скотъ, запасныя новины холста, вообще все, что скоплено было съ великимъ трудомъ въ болѣе благопріятныя годы; значительная часть населенія потребляетъ въ пищу весь производимый въ хозяйствѣ овесъ со всею мякиною и часто еще съ разными неудобоваримыми примѣсями (Романовъ: «Орловскій Уездъ», стр. 45 - 46).

Какъ систематически падаетъ скотоводство въ этомъ уездѣ, это показываютъ слѣдующія цифры:

	Въ 1869 г. ¹	1870—72 ²	1873 ³	1875 ⁴
лошадей . . .	49,824	45,700	44,666	42,597
рогат. скота .	99,236	86,100	85,641	82,741
овець	101,058	100,200	96,803	86,843

Подъ влияніемъ такого упадка края, народъ дѣльными массами стремится къ выселенію, вслѣдствіе чего количество ревизскихъ душъ въ Орловскомъ Уездѣ съ году на годъ уменьшается. Такъ:

въ 1857 г.	было	83,699	ревиз. душъ.
> 1864 >	>	81,607	>
> 1867 >	>	80,953	>
> 1874 >	>	78,458	> ⁵

Въ сѣверной части Слободскаго Уезда, а именно: въ Кайскомъ Краѣ уже много лѣтъ, какъ существуютъ неурожаи, а въ Синеглинскомъ съ 1862 г. *урожаевъ вовсе не бывало*. Хлѣба хватаетъ здѣсь на 2—4 мѣсяца. Урожайными годамъ жители этихъ мѣстностей называютъ тотъ, въ который хлѣба достаетъ до Рождества. Бѣдятъ сухой хлѣбъ, въ который примѣшиваютъ кору и отруби («Вят. Незаб.», 1877 г. изд. 2, стр. 266). Недаромъ жители сѣверной части Слободскаго Уезда на 1½ и 2 вершка ниже южной части того же уезда (Заволожскій, 79).

Дома представляютъ жалкія лачуги, внутри которыхъ иногда не бываетъ даже полу. Мелютъ хлѣбъ на ручныхъ жерновахъ, какъ это бывало во времена Авраама. Въ сѣверной же части Слободскаго Уезда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *крутымъ тодъ издѣтъ на самалъ*, а о тарантасахъ и телегахъ понятія не имѣютъ. Да, много такыхъ, быть можетъ, уголковъ въ этомъ краѣ, но объ

¹ Памятн. кн. Вят. Губ. на 1870 г., отд. V, стр. 171. ² «Статист. врем.» серия II, вып. X, отд. II, стр. 72. ³ Спасскій, 89. ⁴ Романовъ, «Орлов. Уездъ» стр. 88.

⁵ Блиновъ: «Движеніе населенія въ Орловскомъ Уездѣ», стр. 17—18.

нихъ выдаютъ лишь сѣрныя сѣверныя тучи, да бурный вѣтеръ, который съ восемъ и стономъ свищетъ по дремучимъ лѣсамъ въ дебрямъ...

О Малмыжскомъ Уѣздѣ и говорить нѣчего. Вотъ, напримѣръ, въ какихъ краскахъ обрисовываетъ земскій статистикъ Романовъ нѣкоторые татарскія селенія этого уѣзда: «Въ очень многихъ татарскихъ уѣздахъ Янгуловской Волости, Малмыжскаго Уѣзда, вовсе нѣтъ никакого домашняго скота; приводилось только удивляться тому, что въ дворахъ, владѣющихъ, напримѣръ, четырьмя душевыми надѣлами земли, нѣтъ даже овечки, нетолько лошади и коровы. Эти семейства должны ежегодно выплачивать 30 р. податей и сборовъ, а у нихъ всего достоянiя не найдется на такую сумму. Въ Янгуловской Волости часто встрѣчаются татарскiе дворы, представляющiе одну ветхую и самую маленькую избенку безъ всякихъ другихъ строенiй и безъ ограды; если въ такихъ дворахъ имѣется хотя чужая, взятая въ кормъ, корова, то для нея обыкновенно бываетъ на одворицѣ плетеная загорода, сверху почти не прикрытая ¹».

Если заглянуть въ самыя хаты обитателей этихъ деревень, то картина получается еще ужаснѣе. Вотъ какъ фотографируетъ ее Романовъ (См. «Доклады XI сессii», стр. 132):

Домъ Фактулы Сайфулина. Ревизскихъ душъ 2, лошадь 1, коровъ и овецъ нѣтъ. Въ семьѣ 3 человекъ: хозяинъ 70 лѣтъ, жена-старуха и дочь 18 лѣтъ. Изба очень плохая. Старикъ собираетъ милостыню. Семья питается почти однимъ картофелемъ.

Домъ Миниша Забирова. Ревизскихъ душъ—1, скота нѣтъ. Въ семьѣ 5 человекъ: самъ, жена, сынъ холостъ, двое дѣтей. Сынъ призывается къ воинской повинности. Хозяинъ плотникъ, искалъ нынче работы и не нашелъ. Изба ветхая, разваливается.

Домъ Гибадулы Габайдулина. Ревизскихъ душъ 1, скота нѣтъ. Въ семьѣ 6 человекъ: самъ, жена, три дочери и сынъ 11 лѣтъ. Изба разваливается. Засѣяно нынче только на ¹/₂ души. Хозяинъ (55 лѣтъ) ушелъ искать работы. Семья въ крайней нуждѣ, питалась картофелемъ, но онъ уже конченъ. Всѣ члены семьи лежатъ больными (голоднымъ тифомъ).

Домъ Сайфумлока Ишмуратова. Ревизскихъ душъ 1. Скота нѣтъ. Семья изъ 4 человекъ: самъ, жена и двое дѣтей (14 и 10 лѣтъ). Эта семья не имѣетъ своего дома и живетъ у сосѣда. Крайняя бѣдность. Дѣти хвораютъ уже цѣлый мѣсяцъ».

И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Мы взяли здѣсь только одну страничку изъ этой скорбной лѣтописи, распротраняющейся на цѣлыхъ 22 листкахъ!..

На земляхъ черемисовъ, которые, какъ аборигены, заняли самыя лучшiе и плодородныя участки земли, въ послѣднее время

¹ Докладъ земскаго статистика Н. Романова о Малмыжскомъ Уѣздѣ. См. Доклады Вят. Губерн. Земства XI сессii, о мѣрахъ по продовольствiю населенiя Вят. Губ. стр. 110, Вятка 1878 г.

неурожай были настолько чувствительны, что экономическій бытъ ихъ ни чѣмъ не лучше только-что описанныхъ татаръ. Еще въ прошломъ году, нѣкоторые изъ нихъ сидѣли сутокъ по двое безъ хлѣба, а безъ соли такъ даже по цѣлымъ недѣлямъ. («Недѣля», 1878 г., № 6, корреспонденція изъ Уржума). Какъ существуютъ эти несчастные люди въ этотъ голодный годъ, это одному Богу извѣстно. Въ 17 волостахъ Уржумскаго Уѣзда, который, главнымъ образомъ, населенъ черемисами, недостатокъ въ хлѣбѣ опредѣленъ въ 1.400,000 пудовъ!.. (Докл. Собранію XI сессіи о мѣрахъ по продовольствію Вят. Губ., стр. 42. Вятка 1878 г.). Откуда возьметъ для своего продовольствія мѣстное населеніе это страшное количество хлѣба, принужденное притомъ уплатить еще подати въ количествѣ 9 р. съ каждой ревизской души? («Сѣверн. Вѣсти», 1877 г., № 198). Голодъ послѣднихъ лѣтъ не могли не отразиться на уменьшеніи скотоводства въ Уржумскомъ Уѣздѣ. До чего достигли неурожай въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Уржумскаго Уѣзда, это видно изъ того, что въ Кичминской Волости овесъ родился самъ — $\frac{1}{4}$. (Доклады, стр. 176).

Рогатаго скота было:

въ 1875 г.	107,032 чел.
» 1876 »	101,310 »
» 1877 »	76,727 » ¹

Такое ненормальное и крайне-натянутое экономическое состояніе не можетъ не вызывать «прискорбныхъ» фактовъ. Вотъ данныя:

а) Осенью 1876 г. черемисы въ количествѣ 10 тыс. человекъ собирались на молитву между селами Елеевымъ и Сернуромъ. Весной 1877 г. къ нимъ присоединились черемисы Уфимской и Казанской Губерній. Моленіе было около встрѣчи границъ этихъ трехъ губерній на берегу ручья, гдѣ-то въ дубовой рощѣ. Толпа была въ громадномъ количествѣ («Недѣля», 1877 г., № 6, корреспонденція изъ Уржума); б) Въ сѣверной части Вятской Губерній существуетъ секта «медальщиковъ». Главныя основанія этой секты слѣдующія:

«Подати за земли высоки, урожай не окупаютъ ихъ, пахать землю не нужно. Само-де правительство знаетъ, что тяжело крестьянамъ за бесплодную землю платить подати и освободило-де ихъ отъ земли и податей, въ знакъ чего и вычеканило медаль (медаль въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, откуда и названіе секты — «медальщики»). Землю пахать заставляютъ-де чиновники, но стѣдуетъ-де показать медаль — никто не посмѣетъ о податяхъ замѣнуться» (Заволожскій, 84).

с) Съ 1867 г. въ Вятской Губерній замѣчается постоянное стремленіе къ выселенію, что прямо указываетъ на неудовлетворенность

¹ Журн. IX сессіи, т. II, стр. 22. Журн. X сессіи, т. II, стр. 292. Доклады XI, стр. 18.

современной экономической жизни. «Съ 1867 по 1875 г. Вятская Губернія лишилась болѣе 15 тыс. человекъ. При чемъ выселенія эти ежегодно усиливаются. Въ 1870 году болѣе 90% переселенцевъ отправлялись въ Сибирь («Вятск. Губ. Вѣд.» за 1857 г., № 17). Такимъ образомъ, вятскіе мужики предпочитаютъ Сибирь, страну казни и наказаній, своему родному гнѣздышку. Уже это одно доказываетъ многое. Не даромъ одинъ путешественникъ, проѣзжая по Вятской Губерніи и сравнивая съ Сибирью, говорить, что «Сибирь кажется пользующеюся большимъ благосостояніемъ, чѣмъ этотъ край». Судьба загоняетъ вятчанъ даже въ такія отдаленныя мѣстности, какъ Амуръ и Уссурийскій Край («Медико Топографическій Сборникъ», т. I, стр. 67 и «Уссурийскій Край» Пржевальскаго въ «Вѣстн. Евр. за 1870 г.. № 5, стр. 253). Только голодъ, нужда и безнадежное отчаяніе принуждаютъ вятчанина продѣлать «пѣхтуромъ» по сугробамъ и болотамъ цѣлыя тысячи верстъ до Амура, чтобы въ этихъ невѣдомыхъ для него земляхъ найти кусокъ хлѣба.

VI.

Скотоводство, какъ извѣстно, имѣетъ большое вліяніе на развитіе и упадокъ земледѣльской производительности края. Въ Сербіи, напримѣръ, гдѣ земледѣльская производительность процвѣтаетъ, приходится на 1,000 жителей 4,245 головъ всего скота.

Если сопоставить цифровыя данныя количества скота по Вят. Губ. 50 годовъ съ цифровыми данными нынѣшняго новѣйшаго времени, то прогрессъ Вятскаго Края несомнѣненъ. Въ самомъ дѣлѣ, крупнаго скота числилось по всей губерніи: въ 1856 г. 1.626,585 шт., а въ 1873 г. 1.623,801 шт. Слѣдовательно, чрезъ 17 лѣтъ количество крупнаго скота уменьшилось на 2785 г. («Памятная книжка Вят. Губ.» на 1875 г., отд. IV, стр. 210—211. Спасскій, «Статист. опис. Вят. Губ.», стр. 89).

Крупнаго рогатаго скота числилось: въ 1856 г. 964,800 шт., а въ 1873 г. 927,444 шт. Чрезъ 17 лѣтъ количество крупнаго рогатаго скота уменьшилось на 37 тыс.

Свиной было: въ 1856 г. 392,000, а въ 1873 г. 364,000 шт.

Сюда же можно отнести: Глазовскій Уѣздъ и Ижевскій Заводъ.

Въ Глазовскомъ Уѣздѣ:	1858 г.	1873 г.
Лошадей	109,000	104,500
Рогатаго скота	137,000	122,000
Овецъ	186,000	179,000
Свиной	53,000	48,000

(«Вѣстн. Геогр. Общ.» 1859 г. № 7, стр. 120).

Въ Ижевскомъ Заводѣ:

Крупн. рогат. скота.	2,777	2,080
------------------------------	-------	-------

(«Сборн. суд. мед.», 1876 г., т. I, стр. 8).

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уменьшеніе скота особенно чувствительно:

Уѣзд:	1856 г.	1873 г.	1856 г.	1873 г.
I. Вятскій	43,000	лош. 41,000	лош. 70,000	рог. ск. 65,000
II. Слободскій	42,000	> 33,500	> 59,000	> > 48,500
III. Нолчинскій	59,000	> 51,000	> 105,500	> > 91,000
IV. Елабужскій	53,000	> 52,000	> 102,000	> > 45,000
V. Яранскій	84,500	> 76,000	> 172,000	> > 97,500

Всѣ эти цифровыя данныя краснорѣчиво говорятъ, что въ количественномъ отношеніи скотоводство шагнуло назадъ; ну, а въ качественномъ?—но и тутъ оказывается тоже самое.

Въ самомъ дѣлѣ: «въ старину Вятскій Край славился особенною породою лошадей, называемыхъ обвинскими или вятскими». Эта полезная и цѣнная порода составляла истинное сокровище края. «Но она со временемъ значительно измѣнилась и переродилась» («Памятн. книжка Вят. Губ.» на 1866 г., отд. III, стр. 71), конечно, въ худшую сторону, короче сказать: «порода эта *сильно выродилась*» (Романов. «Стат. опис. Орл. У.», стр. 118). «Въ свое время былъ въ Вятск. Губ. нерѣдкостью рогатый скотъ холмогорской породы, нынче этотъ скотъ встрѣчается только въ городахъ» («Вятск. пам. кн.» на 1873 г., отд. III, стр. 25). Среди же крестьянъ, въ нынѣшнее новѣйшее время, рогатый скотъ «мелокъ, некрасивъ, неудойливъ» и, по отзывамъ крестьянъ, какъ замѣчаетъ яранское земство, *этотъ скотъ, безъ того уже мелкій, еще мельчаетъ*. (Журн. Яранск. Собр.» VII сессіи, стр. 81).

Итакъ, лошади вырождаются, а коровы мельчаютъ.

Уменьшеніе и вырожденіе скотоводства въ Вятской Губ. зависитъ, главнымъ образомъ, отъ систематическихъ неурожаевъ послѣднихъ лѣтъ, которые, изъ году въ годъ разоряя крестьянъ, заставляютъ ихъ разстаться при нуждѣ и со своей скотиной.

«Застигнутый нуждою крестьянинъ часто не имѣетъ другого выхода, какъ продать коровъ, иначе онъ не можетъ заплатить подати или даже прокормить семейство». (Романов. «Орловскій Уѣздъ», стр. 127).

Такъ, напримѣръ, «въ волостяхъ Колковской и Левинской Орловскаго Уѣзда» въ настоящее время трудно найти домъ, гдѣ бы въ послѣдніе три года не было продано одна или нѣсколько головъ скота на уплату податей и на покупку хлѣба». (Романовъ: «Орлов. Уѣзда», стр. 127). Не даромъ бабы, провожая на кладбище своихъ мужей и сыновъ кормильцевъ, причитаютъ слѣдующее: «Гдѣ мнѣ отдать всѣ подати казенныя, гдѣ мнѣ взять золота, казна безсчетная? А и придется видно со двора продать любиму намъ скотинушку, со конюшеньки увести да коня добраго» (Е. В. Барыковъ: «Причитанія сѣвернаго края»).

Не малую помѣху скотоводству представляютъ также: недостатокъ луговъ, изобиліе волковъ и богатство разныхъ скотскихъ падежей. Во многихъ мѣстностяхъ Вят. Губ. «скотъ цѣлое лѣтучко пасется на паровомъ полѣ. Особенно тяжело приходится

скотинкѣ въ то время, когда парь вспашутъ, засѣютъ и запрутъ, а въ ржанія поля еще не пускаютъ. Тогда скотъ жалобнымъ ревомъ оглашаетъ дряхлыя убогія деревушкы». Какой крайній недостатокъ въ лугахъ въ Вятск. Губ., это можно видѣть изъ слѣдующаго:

Въ Землѣ Войска Донскаго	62,2%	луг. земли
» Таврической Губ.	50,2%	» »
» Екатеринославской	47,0%	» »
» Херсонской	38,4%	» »
» Вятской	4,1%	» »

(«Стат. вр.», вѣд. I, гл. I, стр. 4—5).

Такимъ образомъ, въ Вят. Губ., гдѣ почва должна быть болѣе унавоживаема, чѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ, и гдѣ, слѣдовательно, должно быть и большее количество луговъ для содержанія скота, луговъ нетолько не больше, но, напротивъ, неизмѣримо меньше. Недаромъ въ Вятской Губ. чувствуется сильный недостатокъ въ сѣнѣ. Общій дефицитъ по губерніи въ 1875 году былъ болѣе 16 млн. пудовъ! (Журн. Вят. Губ. Зем. Собр. IX сессіи, т. II, стр. 22—24).

Между эпидеміями господствуютъ, главнымъ образомъ, чума и сибирская язва. Въ Яранскомъ Уѣздѣ съ августа 1871 г. по январь 1872 г. отъ этихъ двухъ болѣзней изъ 97 тыс. рогат. скота пало *одинадцать тысячъ* (Журн. Яран. Земск. Собр. VII сессіи, стр. 356); слѣдовательно, падежъ былъ такой ужасный, что *падала каждая изъ девяти коровъ*. Въ Уржумскомъ Уѣздѣ съ 1873 г. по 1878 г. рогатаго скота пало болѣе 17 тысячъ головъ («Сѣверный Вѣст.», 1877 г. № 197). Въ слѣдующихъ деревняхъ Вят. Губ. въ 1875 году былъ поголовный падежъ:

			Процентъ смертности.
Въ дер. Порвой	изъ 104 гол. здор. скота пало	102	98%
» » Кильмезѣ	» 170 » » » »	160	98%
» » Квишурѣ	» 129 » » » »	125	96,9%
» » Новомъ Чумоѣ	» 98 » » » »	96	97,9%
» » Будришлурѣ	» 197 » » » »	180	93,9%
» » Дерюшевѣ	» 180 » » » »	169	93,8%
» » Вукогуртѣ	» 97 » » » »	89	91,75%

(Протоколы III сѣзда врачей, т. II).

Въ означенныхъ 7 дер. пало скота 921 гол. на сумму 23,000 руб., что падаетъ въ количествѣ болѣе чѣмъ 3 т. р. на каждую деревню! Въ теченіи 1873 г. истреблено было волками и медвѣдами въ Вятск. Губ. крупнаго скота 7,600 гол. и мелкаго 34 тыс. головъ всего на сумму 152 т. рубл. Такимъ образомъ, содержаніе этихъ благородныхъ животныхъ обходится народу лишь на половину менѣе, чѣмъ содержаніе всѣхъ врачей, больницъ, аптекъ и всего того, что относится къ народному здравію.

Еслибы всѣ эти цифры дать какому-нибудь европейскому

статистику, то онъ никогда бы не повѣрилъ, что имѣеть дѣло съ мѣстностью, находящеюся въ Европѣ.

VII.

Задѣльная плата, какъ извѣстно, регулируется слѣдующими законами политическаго экономіи:

а) Задѣльная плата увеличивается, когда на рынокъ труда вкнута масса бумажныхъ цѣнностей, и

б) Задѣльная плата увеличивается, когда смертность среди рабочаго класса усиливается.

Послѣ крымской кампаніи деньги, какъ извѣстно, значительно подешевѣли во всей Россіи, а также, конечно, и въ Вятской Губерніи; смертность въ Вятской Губерніи съ 50-хъ годовъ значительно усилилась, какъ мы это увидимъ впоследствии.

Повидимому, задѣльная плата въ Вятской Губерніи должна была подняться со времени 50 хъ годовъ. Но чтѣ же оказывается? Оказывается совершенно обратное явленіе. Въ то время когда въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки заработная плата съ 1860 года увеличилась на 60 и 70%, въ Вятской Губерніи съ 50-хъ годовъ она значительно пала.

Очевидно, что Вятскій Край находится еще въ такомъ фазисѣ развитія, который на юридическомъ языкѣ называется «состояніемъ невмѣняемости». Вотъ факты:

1) Плотники въ 50-хъ годахъ получали отъ 30 до 60 руб. въ годъ, а лучшіе даже 90 руб. («Памятная книжка Вятской Губерніи на 1856 г.» отд. IV, стр. 223. — «Пам. кн. Вят. Губ. на 1860 г.», отд. IV, стр. 199. — «Вѣст. Геогр. Общ.» 1860 г. № 5, стр. 12), въ нынѣшнее время они получаютъ всего только— 3 руб.¹ (Спасскій, 110—111).

2) Извозчики въ 50-хъ годахъ получали въ годъ отъ 24 до 60 руб. («Вѣст. Геогр. Общ.», 1860 г. № 5 стр. 11, 27, 43, 59), нынче они получаютъ 11 руб.

3) Печники получали прежде отъ 30 до 80 р., получаютъ теперь отъ 14 до 30 руб. («Оглянемся назадъ». Отеч. Зап. 1877 г., № 3, стр. 147).

4) Камельщики получали въ годъ 60 руб., получаютъ теперь 50 руб.

5) Кузнецы въ Орловскомъ, напримѣръ, Уѣздѣ получали прежде до 100 р. въ годъ («Вѣст. Геогр. Общ.» 1860 г., № 5, стр. 30). Количество кузнецовъ 412, зарабатывали отъ 40,000 р. кузнецы Вятской Губерніи получаютъ теперь 22 р.

6) Вурлаки получали въ 50-хъ годахъ отъ 10 до 15 р. въ

¹ Цифры эти получаютъ при раздѣленіи общей цифри дохода на число рабочихъ.

лѣто, нынче получаютъ 11 р. и 13 р. («Памятная книжка Вят. Губ. на 1773 г.», отд. III, стр. 43).

7) Валяльщики Сигеровской Волости (Малмыж. Уѣзда) получали прежде по 50 к. за пару сапогъ — нынѣ 30 к. (Докладъ Романова о Малмыжскомъ Уѣздѣ, стр. 106. 1878 г.).

И такъ далѣе.

Большинство промысловъ Вятской Губерніи точно также падаетъ.

1) Любимое занятіе нѣкоторыхъ жителей сѣвера Вятской Губерніи, это — звѣроловство. Особенно страстные охотники — вотяки. Охотясь на бѣлку, вотякъ, отъ природы скупой и расчетливый, заряжаетъ свое убогое ветхое ружье не болѣе, какъ одной дробинкой и цѣлитъ бѣлку прямо въ глазъ, чтобъ не испортить шкурки, и непременно попадаетъ. Убивъ бѣлку, онъ отыскиваетъ дробину въ бѣлкѣ и, вынувъ ее, пускаетъ снова въ дѣло («Вѣст. Геогр. Общ.», 1858 г., № 10, стр. 220). Причина такой скупости заключается въ томъ, что въ Вятской Губерніи трудно достать всѣ предметы, нужные для охоты. Но старинно-крестьяне выдѣлываютъ сами порохъ, крайне своеобразный и малопригодный (Спасскій, стр. 94—98).

Звѣроловство съ 50-хъ годовъ замѣтно упало. Такъ въ Глазовскомъ Уѣздѣ убивалось:

	въ 50 хъ гг.	нынче
бѣлокъ . . .	50 000 .	30,000
лисицъ . . .	1,000 .	130
куницъ . . .	5,000 .	60
горностаевъ .	10,000 .	100
зайцевъ . . .	60,000 ¹ .	8,000 ²

Въ то время, когда, въ 50-хъ годахъ, звѣроловство и птицеводство въ одномъ Глазовскомъ Уѣздѣ доставляло жителямъ отъ 24 до 50 тыс. руб., нынѣ оно во *всей* Вятской Губерніи доставило всего 37¹/₂ тыс. (Шестаковъ: «Глазовскій Уѣздъ». «Вѣст. Геогр. Общ.» 1859 г., № 8, стр. 121. Спасскій, 110).

2) Лѣсная промышленность въ 40 и 50 хъ годахъ была одной изъ самыхъ важнѣйшихъ. Огромное количество кулей, мочалы и дегтя ежегодно сплавлялось въ низовья губерніи, гдѣ этотъ товаръ всегда находилъ себѣ вѣрный и выгодный сбытъ («Памятная книжка» на 1860 г., отд. IV, стр. 196). Теперь же лѣсная промышленность приходитъ все въ болѣе и болѣе упадокъ и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ уже не существуетъ, какъ отдѣльный промыселъ («Памятная книжка» на 1866 и 1867 гг., отд. IV, стр. 73).

3) При прежней громадной хлѣбной торговлѣ и при отсутствіи судоходства, извозный промыселъ приносилъ жителямъ Вятской Губерніи огромные доходы. Въ 6 уѣздахъ въ 50-хъ годахъ онъ

¹ *Ис. Савиновъ*: „Замѣтки о Глазовскомъ Уѣздѣ“. „Вѣст. Геогр. Общ.“ 1863 г., № 10, стр. 220.

давалъ цифру въ 750,000 руб. (Савиновъ: «Статист. очерки Вят. Края». Вѣст. Геогр. Общ. 1860 г., № 5, стр. 11, 27, 39, 50, 59, 69)¹, теперь же во всѣхъ 11 уѣздахъ онъ даетъ всего 193,000 руб. (Спасскій, 110—111).

4) Промыселъ древодѣланія имѣлъ въ былое время громадное развитіе. Но и этотъ промыселъ сталъ замѣтно падать. Такъ, въ Троицкой Волости въ 50-хъ годахъ колесниковъ было до 200 чел. нынче же — 164 (Савиновъ: «Замѣтки о Вят. Краѣ», стр. 133—134. «Статист. врем.», II, выпускъ III, стр. 23, 25, 27). Мебельщиковъ въ той же волости было до 400 чел., нынѣ—92. Ложечниковъ въ Пасѣговской Волости было до 150 чел., нынѣ—58. Въ 40-хъ годахъ отправлялось мебели до 8 судовъ, въ 50-хъ—до 4 («Геогр. Вѣст.» 60 г. № 5, стр. 5, 4, и 8), а нынѣ сомнительно, чтобы отправлялось даже одно. Савиновъ, замѣчая упадокъ промысла древодѣланія еще въ 50-хъ годахъ, объясняетъ это тѣмъ, что «крестьяне за трудъ свой, при возникшей дороговизнѣ на все, даже на лѣсъ, получаютъ слишкомъ ничтожное вознагражденіе за свои труды».

5) Кузнечный промыселъ въ двухъ уѣздахъ Вятской Губерніи (Вят. и Слоб.) въ 50-хъ годахъ простирался до 65 тыс. руб. нынче же во всѣхъ 11 уѣздахъ до 71 тыс. руб.

6) Бурлачество, вслѣдствіе развитія пароходства, точно также пало. Въ 30-хъ годахъ числилось бурлаковъ болѣе 23 тыс. («Памятн. книжка на 1857 г.», отд. IV, стр. 219), нынче же всего—16 тыс.

7) Рыболовствомъ въ Вят. Уѣздѣ занималось въ 50-хъ годахъ 350 чел., нынче—166 («Геогр. Вѣсти.», 1860 г., № 5, стр. 13 и 30); въ Слобод. Уѣздѣ—589 («Памятн. книжка Вят. Губ.» на 1873 г., отд. III, стр. 47), нынче—465.

Не даромъ и г. Романовъ говоритъ: «Явленіе упадка извознаго промысла относится ко всѣмъ мѣстностямъ Вятской Губерніи («Доклады по продовольствію населенія Вят. Губ.» 1878 года, стр. 86).

8. Бумажно-твѣцное производство также пало. Такъ въ Малмыжскомъ Уѣздѣ по вѣдомости, имѣющей въ памятной книжкѣ Вятской Губерніи на 1858 г., показано за этотъ годъ китайскихъ и бумажныхъ фабрикъ—7, мастеровъ и рабочихъ на нихъ 959, производство ихъ оцѣнено въ 147,265 руб. А за 1874 г. изд. Вят. стат. комит. показало уже означенныхъ фабрикъ—5, рабочихъ на нихъ 128, производство оцѣнено только въ 39,500 руб. (Докладъ И. Романова о Малмыж. Уѣздѣ, стр. 86). Въ дер. Новый Салаусъ Малмыжскаго Уѣзда прежде было 30 твѣцныхъ станковъ, нынче—всего 4.

Такой упадокъ промысловъ не могъ не отразиться на нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской Губерніи въ высшей степени пагуб-

¹ Цифра эта получается, если сложить доходы, получаемые отъ извознаго промысла каждымъ уѣздомъ въ отдѣльности, въ одно цѣлое.

но. Вотъ что говоритъ статистикъ Романовъ объ одной изъ такихъ мѣстностей: «Главная причина нынѣшней бѣдности татаръ Малмыжскаго Уѣзда заключается, безъ сомнѣнн, въ томъ, что теперь они остались при одномъ земледѣлн, а прежде имѣли, кромѣ земледѣлн, хорошия промысловыя заработки».

Итакъ, промышленность въ Вятской Губернн замѣтно падаетъ. Впрочемъ, объ упадкѣ всей промышленности этого нельзя сказать. Такъ, напр., винная промышленность цвѣтеть и расцвѣтаетъ. Въ самомъ дѣлѣ производительность винокуренныхъ, водочныхъ и пивоваренныхъ заводовъ равнялась въ 1866 г.—2,642,000 руб., а въ 1873 г.—7,419,400 руб. (Спасскнй, стр. 115), слѣдовательно, увеличилась на 5,777,392 руб.

Недаромъ разныя «водочныя падишахи» потирають руки отъ удовольствн и, поглаживая свою бороду, поютъ:

Времена не тѣ ужъ стали,
Сердце бьется горчѣй.

Да, и какъ не радоваться, какъ не восхищаться: вѣдь, 6 кабаковъ приходится на 1 школу (Свящ. Блиновъ: «Народное образованн въ Вятск. Губ. за послѣднн десяти лѣтъ» 1875 г., стр. 162). «Огненная вода» теперь рѣкой разливается по Вятской Губернн и въ ея волнахъ гибнуть уже не единицы, не десятки, а цѣлыя сотни народа. Судите сами: въ 1858 г. занималось во всей губ. всего на всего 9 человекъ (Памятн. книжка Вят. Губ. на 1860 г., стр. 224). («Вѣдь, эдакое тогда было невѣжество!» воскликнетъ какая-нибудь «кабацкая затычка», пропешная въ предсѣдателя какой-нибудь земской управы). Вначалѣ 60-хъ годовъ количество заливающихся увеличилось уже до 150 чел. въ годъ¹. Нынѣ же въ трехлѣтн 1871—1873 года ежегодно заливается отъ 500 до 600 чел.² Если каждаго залившагося мы примемъ за «единицу мѣры послѣ севастопольскаго прогресса», то вятская цивилизаця увеличилась болѣе, чѣмъ въ 50—60 разъ!!!...

Я останавливаюсь на увеличенн пьянства въ народѣ такъ долго потому, что придаю ему слишкомъ серьезное значенн. Вѣдь пьянство производитъ въ организмъ человека тѣ же патолого-гистологическн измѣненн, какъ и сифилисъ. Микроскопическая картина интерстиціальнаго воспаленн почекъ, печени, селезенки, мозга, какъ при сифилисѣ, такъ и при алкоголизмѣ пьянства—одна и та же. Въ виду этого, мнѣ кажется, что заботиться объ увеличенн кабаковъ и слѣд. о процвѣтанн пьянства въ народѣ, это—одно и то же почти, что заботиться о прив-

¹ „Покрншннн: „Судебно-медицинская дѣятельность въ Вят. Губ.“ (Арх. Судеб. Меднц. 1868 г. № 3 и № 4). Съ 1-го сентября 1832 г. по 1-е янв. 1865 г. умершихъ отъ пьянства въ продолженн 28 мѣсяцовъ найдено 340 чел. или 144 чел. въ продолж. одного года.

² По Спасскому заливалось: въ 1871 г.—483 муж. и 33 жен., въ 1872 г.—567 муж. и 35 женц., въ 1873 г.—479 муж. и 34 женц. См. «Движенн населенн Вят. Губ. за 1874 г.», стр. 141—142.

ваніи сифилиса!). Недаромъ среди специалистовъ существуютъ такое мнѣніе: «сифилисъ и алкоголизмъ, это—двѣ причины, способствующія вырожденію населенія и по преимуществу некультурныхъ расъ», въ числу которыхъ мы, русскіе, по волѣ судьбы, еще до сихъ поръ принадлежимъ. Не пора ли послушаться если не голоса совѣсти, то, по крайности, голоса науки и прекратить этотъ разливающійся все болѣе и болѣе потокъ пьянства?

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ хорошо развита земледѣльческая или фабричная промышленность, тамъ задѣльная плата стоитъ всегда высоко. Такъ въ Америкѣ (въ Калифорніи) даже пастухи получаютъ отъ 35 до 45 руб. въ мѣсяцъ на полномъ содержаніи. Въ Западной Европѣ рабочіе получаютъ не менѣе 12—15 долларовъ въ недѣлю. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ земледѣліе и промышленность находятся въ болѣе или менѣе сноскомъ положеніи, трудъ рабочаго болѣе значительно цѣнится, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ. Не то совершенно замѣчается въ Вятской Губерніи при хронической пневмоніи ея земледѣлія и анеміи ея промышленности.

Насколько низка заработная плата въ этомъ краѣ, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

а) Каменьщики въ Балашевскомъ Уѣздѣ Саратовской Губерніи получаютъ въ годъ 96 руб., каменьщики Вятской Губерніи получаютъ 24 руб., или вчетверо меньше.

б) Пильщики Балашевского Уѣзда зарабатываютъ до 25 р. въ два мѣсяца, пильщики Вятской Губерніи зарабатываютъ 26 руб. въ годъ, или въ шесть разъ менѣе.

в) Валашевскіе печники зарабатываютъ до 15 р. въ мѣсяцъ, вятскіе печники—до 33 р. въ годъ, или въ шесть разъ менѣе (Николаевскій: «Хозяйственное описаніе Балашевского Уѣзда», Сиб. 1855 г., стр. 116—119.—Спасскій, стр. 110, — «Статист. врем.», кустарн. промыш., стр. 107—119).

д) Ярославскіе кузнецы получаютъ отъ 30 р. до 200 р. въ годъ («Статист. врем.», II, вып. III, стр. 114), вятскіе—25 руб. въ годъ (Памятн. книжка на 1873 г., отд. III, стр. 27).

е) Кирпичники Ярославской Губерніи получаютъ въ годъ до 90 р., кирпичники Вятской—до 24 р.

ф) Скорняжники Московской Губерніи получаютъ до 50 р. (съ Покрова до Пасхи), скорняжники Вятской Губерніи—22 р.

г) Бондари Переславскаго и Александровскаго Уѣздовъ Владимирской Губерніи получаютъ въ годъ 20—30 руб., бондари Вятской Губерніи—14 р. 60 к. (Спасскій, стр. 110).

к) Рудокопы Земли Войска Донскаго получаютъ, на хозайскомъ иждивеніи отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ (и даже по 17 р.), (Материалы для географіи и статистики Россіи». Екатеринославская Губернія, стр. 239 и 351), рудокопы Вятской Губерніи получаютъ 11 руб. въ годъ (Спасскій, 110).

Въ нѣкоторыхъ единичныхъ случаяхъ условія рабочихъ невыносимо тяжелы. Г. Романовъ рассказываетъ объ одномъ тка-

тъ, который работает въ продолженіи 18 часовъ сутки и зарабатываетъ только 5 коп. (въ сутки)!! (Докладъ Романова, стр. 86. См. земск. докл. за 1876 г.). Прежде этотъ ткачъ получалъ по 4 коп. за конецъ (конецъ—7 арш.) и притомъ на хозяйскомъ содержаніи, нынѣ онъ получаетъ 2 к. за конецъ и работаетъ на своемъ содержаніи.

Трудно вообще подыскать мѣстность во всей Европѣ, гдѣ бы трудъ цѣнился такъ убійственно дешево.

Въ Западной Европѣ, гдѣ рабочій получаетъ 12 и 15 долларовъ въ недѣлю, социальное положеніе такихъ рабочихъ считаются гнетущимъ. Посмотримъ: сколько получаетъ вятскій рабочій въ недѣлю?—Ни больше, ни меньше, какъ 13 — 30 коп. или 4—5 коп. въ день ¹.

VIII.

Если обратить вниманіе на то, что хлѣбная производительность годъ отъ году падаетъ, что скотоводство уменьшается, что подати увеличиваются, несмотря на то, что они или равняются доходности земли, или даже превосходятъ ее, что новыхъ заработковъ и новыхъ источниковъ промышленности нѣтъ, а старые годъ отъ году сокращаются и падаютъ, что кабаки размножаются, высасывая изъ народа послѣдніе гроши, что народное образованіе, которое могло бы еще бороться съ бѣдностью, стоитъ на точкѣ замерзанія, то невольно рождается вопросъ: какъ живутъ обитатели этого края?

Народное здравіе въ Вятской Губерніи таково, что ежегодно умираетъ среднимъ числомъ 100,000 человекъ!! Дѣйствительно, смертность въ губерніи находится на такой стадіи, что такую врядъ-ли «днемъ съ огнемъ» найдешь гдѣ-нибудь въ Европѣ: здѣсь умираетъ 1 изъ 23,6. Чтобы понять весь смыслъ этой цифры, нужно помнить смертность въ Западной Европѣ:

Въ Норвегіи умираетъ . . .	1 изъ 53,6 ² .
» Англіи . . .	1 » 51
» Германіи . . .	1 » 45
» Франціи . . .	1 » 39
» Турціи . . .	1 » 30
Между нищи-	
ми въ Англіи . . .	1 » 28
Въ Россіи . . .	1 » 27
» Вятской Губ. . .	1 » 23,6

¹ Колич. рабоч., занимающихся кустар. пром.—125 т. зарабатываютъ они—1,400 т. р. Слѣд. каждый изъ нихъ зарабатываетъ въ продолж. года—11 р. 20 к. или 3 к. въ день.—Занимающихся отхожими промыслами насчитывается около 91 тис. Зарабатываютъ они 1,600,000 р. Слѣд., каждый изъ нихъ получаетъ меньше 18 р. въ годъ, или 5 к. въ день.

² Гаузгоферъ, стр. 161. Улэ и Вагнеръ: «Руков. къ Общ. Патологіи», 1874 г., стр. 47 и 102. «Недѣля», 1870 г., № 8, стр. 271. По даннымъ «Военно-Статист. Сборника». «Движеніе народонас. въ Вятск. Губ.», стр. 31.

Западные просвѣщенныя европейцы приходятъ всегда въ ужасъ, когда узнаютъ, что въ такой-то провинціи умираетъ тридцатый. Начинаются толки, изслѣдованія этой мѣстности и въ концѣ концовъ прекращеніе прежней громадной смертности. У насъ совершенно не то: въ Вятской Губерніи умираетъ двадцать-третій, а мы и въ усъ себѣ не дуемъ. Наша обломовщина, наша вѣчная всероссійская инертность довели насъ до такой степени отупѣнія и нравственнаго убожества, что насъ «не страшатъ даже громы небесные».

Вотъ цифровыя данныя:

Въ 1793 г. умиралъ въ Вятск. Губ.	1 изъ 46, ¹
» 1806 » » » »	1 » 35 ²
» 1845 » » » »	1 » 29, ³
Въ 10 ти лѣтіе съ 1854 — 1863 г. умиралъ въ Вятской Губерніи.	1 » 25
Тоже съ 1864—1873 г.	1 » 23, ⁴
Въ 1875 г. умиралъ въ Вятской Губ.	1 » 22, ⁵

Пройдетъ еще лѣтъ 10-ть—и смертность въ Вятской Губерніи будетъ, по всей вѣроятности, такая же, какъ въ Алжирѣ, гдѣ ежегодно умираетъ 1 изъ 16 — 19 (по Легоа). Ожиданія эти подтверждаются тѣмъ, что ужъ и теперь есть подобная смертность въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вятской Губерніи. Такъ: въ Слободскомъ Уѣздѣ умираетъ 1 изъ 20; въ Орловскомъ—1 изъ 19⁶, въ Елеевскомъ Приходѣ 1 изъ 15⁷, въ Мулинскомъ—1 изъ 14⁸, между черемисами умираетъ 1 изъ 17⁹.

Увеличеніе смертности въ Вятской Губерніи прямо зависитъ отъ ухудшенія экономической жизни края. Въ этомъ отношеніи, очень хорошо докладъ по народному здравію вѣдѣльническаго земскаго врача Серебрякова. Вотъ какому параллелю проводить этотъ врачъ между ухудшеніемъ экономической жизни и увеличеніемъ смертности.

¹ Штукенбергъ: «Статистич. труды», ст. XXII. Въ 1793 году въ вятской и пермской епаріяхъ (онѣ были соединены въ одно цѣлое) числилось жителей 1.228,692 души обоого пола (стр. 9). Умерло въ этотъ годъ въ вятской и пермской епаріяхъ 26,1Е0 душъ обоого пола (стр. 18). Слѣдовательно, въ 1793 году умиралъ 1 изъ 46,9.

² Ibidem. Въ 1806 году въ Вятской Губерніи было 1.120,190 душъ обоого пола (стр. 9). Въ этотъ годъ количество умершихъ не обозначено. Я взялъ среднее арифметическое между умершими 1806 и 1807 г., которое равно 32,266 человекъ. Раздѣливъ количество жителей на количество умершихъ, найдемъ, что въ 1806 умиралъ 1 изъ 35.

³ Ibidem. Народонаселенія—1.553,704 (стр. 11), умершихъ—52,818 человекъ (стр. 18).

⁴ «Движеніе народонасел. въ Вятской Губ.», стр. 31.

⁵ Блиновъ: «Оспенная эпидемія въ Вятской Губ.», стр. 6.

⁶ Блиновъ, «Осп. эпид. въ Вят. Губ.», стр. 6. ⁷ «Митр. кн. с. Елеевского, Уржум. Уѣзда за 1874 г. Число душъ обоого пола — 8,442, число умершихъ—228. ⁸ Врачъ Радаковъ: «Сибирійскій Край». ⁹ Движен. народон въ Вят. Губ., 1874 г., стр. 131.

Въ 1834 году, въ Котельническомъ Уѣздѣ, при незначительныхъ податяхъ (всего 3 р. 79³/₄ к. на ревизскую душу), когда не было ни податной недоимки, ни переселеній, когда хлѣбной ссуды было всего только 823 четв., и смертность, подъ влияніемъ такихъ благоприятныхъ экономическихъ и социальныхъ условий, была крайне ничтожна, а именно 2,62%.

Въ 1850 году, когда подать возвысилась до 5 р. 9 к. на ревизскую душу, экономическій бытъ Котельничскаго Уѣзда ухудшился: податной недоимки стало 979 руб., хлѣбной ссуды взято было 8,558 четв., выселилось изъ уѣзда 30 человекъ—при такомъ ухудшеніи экономическаго быта, смертность тотчасъ же поднялась до 3,12%.

Въ 1868 году, при 7 р. 65 к. оклада податей, податной недоимки было уже 10,817 р., хлѣбной ссуды—5,918 четв., смертность—3,0,0%¹.

Въ 1875 году, при нынѣшнихъ податяхъ, податной и проч. недоимки числится за уѣздомъ 234,500 руб. хлѣбн. ссуды—132 т. четв., смертность—4,30%.

Эти цифры, кажется, очень краснорѣчиво говорятъ, гдѣ главная причина увеличенія смертности и экономическаго упадка Вятскаго Края. Изъ 100 тыс. человекъ, ежегодно умирающихъ, 50 тыс. составляютъ дѣти, моложе одного года. Число этихъ несчастныхъ, говорятъ «Вят. Губ. Вѣд.» «увеличивается изъ году въ годъ»: Процентъ смертности грудныхъ дѣтей въ десятилѣтіе съ 1854 по 1863 года былъ равенъ въ Вятской Губерніи 45, теперь же онъ больше—50.

Въ 1871 г. смертность грудныхъ дѣтей была	52,2 ⁰ / ₀
> 1872 > > > >	53,7 ⁰ / ₀
> 1873 > > > >	53,2 ⁰ / ₀

(«Вят. Губ. Вѣд.», 1876 г. № 17. Спасскій: «Движ. народон. въ Вят. Губ., стр. 42).

Чтобы понять во всемъ блескѣ и красѣ это «Иродово избіеніе младенцевъ», нужно припомнить смертность грудныхъ дѣтей въ другихъ мѣстностяхъ:

Въ Норвегіи она равна	10,4 ⁰ / ₀
> Шотландіи	11,0 ⁰ / ₀
> Женевѣ	12,2 ⁰ / ₀
> Россіи	33,0 ⁰ / ₀
> Вятской Губерніи . .	53,2 ⁰ / ₀

Такая удивительно громадная смертность (Эрисманъ, «Руководство къ гигиенѣ», ч. III. стр. 705) существуетъ въ двухъ мѣстностяхъ Россіи: въ Московской и Иркутской Губерніяхъ (43,4 и 60,2%).

Недаромъ «по силѣ смертности, Вятская Губернія стоитъ на ряду съ азиатскими нездоровыми мѣстностями и выдѣляется на картѣ Имперіи въ особую мѣстность, гдѣ смертность огромная,

¹ Докл. котельнич. земск. собр. 1876 г, стр 187—188.

причемъ, несмотря на разныя мѣропріятія, не уменьшается, а идетъ crescendo» (Вят. Губ. Вѣд. № 12).

Въ то время, когда вѣроятная жизнь для новорожденныхъ: въ Англіи (по Фарру) равна 46 годамъ, во Франціи—42, въ Бельгіи—38, въ Россіи—24 (Янсонъ, «Сравнит. статистики Россіи и западноевропейскихъ государствъ» стр. 52), въ Вятской Губерніи всего на всего—6¹/₂ год. (Спасскій, «Стат. опис. Вят. Губ., стр. 73). Въ Орловскомъ Уѣздѣ вѣроятная жизнь для новорожденныхъ еще меньше. Здѣсь она равняется 5¹/₂ годамъ (Священ. Блиновъ, «Движеніе народонаселенія въ Орлов. Уѣздѣ» стр. 210) 5 лѣтъ для мужского п. и 6 лѣтъ для женскаго. «Число это такъ поразительно, говоритъ священ. Блиновъ:—что нельзя примѣнить къ нему никакого сообразнаго ему сравненія; мы только видимъ, что новорожденный въ Орловскомъ Уѣздѣ, при вступленіи въ жизнь, встрѣчаетъ въ десять разъ болѣе препятствій, чѣмъ новорожденные въ Англіи, что препятствія эти въ пачеро сильнѣе, чѣмъ вообще въ Россіи, но затѣмъ рядъ сопоставленій уже прерывается, и мы видимъ только, что опасности, окружающія новорожденнаго, вѣроятно, неисчислимы».

Средняя продолжительность жизни, подъ вліяніемъ ухудшенія экономической жизни Вятскаго Края, замѣтно уменьшается. Такъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, она была въ 36 лѣтъ, а нынче— всего только въ 20 лѣтъ. (Вычисленія сдѣланы по способу, рекомендованному Валпеусомъ). Слѣдовательно, въ ³/₄ столѣтія сократилась въ 1¹/₂ раза!. Что можетъ быть хуже экономической жизни Франціи до первой революціи (1789 г.)? Но и въ этой разоренной и угнетенной тогда странѣ средняя продолжительность жизни, по таблицамъ Дювилляра, была въ 28³/₄ лѣтъ. (Позровскій, Очеркъ статистики народовъ и государствъ, стр. 24). Такимъ образомъ, Вятская Губернія представляетъ изъ себя страну еще болѣе неустроенную, бѣдную и несчастную, чѣмъ Франція до 1789 года. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вятской Губерніи средняя продолжительность жизни еще менѣе. Такъ, въ Ижевскомъ Заводѣ она составляетъ всего только 16 лѣтъ (Врачъ Андржеевскій: «Ижевскій заводъ». «Военно Медицинскій Журналъ», 1877 г., часть СХХІХ, № VI, стр. 37), въ Мулинскомъ Приходѣ даже 12 лѣтъ («Вят. Незаб.» на 1877 г., 2-е изд. См. статью: «Кайскій и Синеглинскій край»). Если припомнишь, что въ Англіи и въ Уэльсѣ средняя продолжительность жизни между поселянами составляетъ 55 лѣтъ, («Медико-Топографич. Сборникъ» 1870 г., т. I, стр. 153), а въ Вятской Губерніи 20 лѣтъ, то невольно удивляешься крайней отсталости этой захолустной мѣстности.

Громадная смертность въ Вятской Губерніи и крайне ничтожная продолжительность жизни находится въ связи съ разными эпидеміями.

Отъ одной *оспы* умираетъ, по изслѣдованіямъ священника Блинова, ни много, ни мало какъ 12,700 человѣкъ!.. (Блиновъ:

*

«Осенняя эпидемія въ Вят. Губ., стр. 5). Чтобы понять насколько почтенна и солидна эта цифра, нужно припомнить смертность отъ оспы въ западныхъ государствахъ.

Такъ, отъ оспы умираютъ: изъ 1,000 человекъ въ Женевѣ — 2, въ Баваріи—3, въ Пруссіи—5, въ Вельгін—6, въ Англіи—8, а въ Вятской Губерніи 127 чел. Гаузгоферъ, стр. 246. По Engel'ю въ Пруссіи умираетъ 7 изъ 1000. Ежегодно умираетъ въ Вят. Губ. 100 т. чел.).

Съ необыкновенно-сильной силой оспа, какъ извѣстно, свирѣствовала въ XVII и XVIII вѣкахъ. О беззащитности отъ нея лучше всего свидѣтельствуетъ слѣдующая французская поговорка того времени: «оспа и любовь минуетъ лишь немощныхъ». Но если посравнить Западную Европу XVII и XVIII вѣковъ съ современною Вяткою, то пальма первенства въ интенсивности оспы несомнѣнно принадлежитъ этой послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ: въ Пруссіи изъ 7.000,000 народонаселенія умирало отъ оспы въ XVII и XVIII вѣкахъ 26 тыс. или $\frac{1}{270}$ часть народонаселенія. (Оспа, статья д-ра Gurschmann'a Ziemnsten: Руководство къ частной патологій и терапіи» т. II, вып. V, стр. 269).

Въ Вятской-же Губ. смертность отъ оспы значительно сильнѣе: здѣсь умираетъ отъ оспы $\frac{1}{176}$ часть населенія. Слѣдовательно, несмотря на послѣднюю четверть XIX столѣтія, въ Вят. Губ. смертность отъ оспы въ $1\frac{1}{2}$ раза болѣе, чѣмъ въ XVII мѣ и XVIII-мѣ столѣтіи въ Пруссіи!. Въ Англіи умершихъ отъ оспы было 7—9% всѣхъ смертныхъ случаевъ, въ Вятской же Губ. 12,9%.

Во всей западной Европѣ въ прошломъ столѣтіи на оспу приходилось 7—12% всѣхъ смертныхъ случаевъ, въ Вятской Губ. въ 1875-мъ году болѣе 12%.

Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что Вятскій Край, несмотря на послѣднюю четверть XIX-го столѣтія, стоитъ по культурѣ на одной доскѣ съ XVII и XVIII вѣками Западной Европы. Не пора ли двинуться впередъ? Или же долговременное пребываніе на точкѣ замерзанія не только насъ приморозило, но даже совсѣмъ заморозило?

Еще болѣшая смертность, по всей вѣроятности, происходитъ отъ *носса*. Исслѣдованія врача Красовскаго надъ Кивнурскими Приходами это доказали.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вят. Губ. замѣчается не только вырожденіе, но даже вымираніе.

Такъ въ Ижевскомъ Заводѣ «совершается несомнѣнное прогрессирующее вымираніе не только взрослыхъ мужчинъ, но и дѣтей мужскаго пола». (Ис. Андриеевскій: «Ижевскій заводъ» Военно-Медиц. Журн., 1877 г., ч. СХХІХ, № VI, стр. 36).

Въ Жулинскомъ Приходѣ Слободскаго Уѣзда замѣчается въ послѣднее время перевѣсъ умершихъ надъ родившимися, при чемъ въ 1875-мъ году онъ достигъ 53%. «При такихъ условіяхъ, говоритъ врачъ Радаковъ:—народонаселеніе можетъ вымереть съ небольшимъ въ 40 лѣтъ». (Радаковъ: «Синеглинскій край»).

Въ Кайгородѣ народонаселеніе уменьшилось, впродолженіе 24 лѣтъ, болѣе, чѣмъ на 100 чел.: въ 1840-мъ г. считалось здѣсь болѣе 800 жит., въ нынѣшнее время не болѣе 700. Вят. Губ. Вѣд. 1874 г., № 3. Въ г. Яранскѣ съ 1866 г. по 1873 г. впродолженіи 8 лѣтъ, было 6 годовъ, въ которыхъ количество умершихъ болѣе количества родившихся¹.

Дѣйствительная прибыль народонаселенія въ Вят. Губ. систематически падаетъ изъ году въ годъ. Вотъ данныя:

1854—58 г.	она составляла	1,78%
1858—62 г.	» » »	1,32%
1862—70 г.	» » »	0,93%
1870—74 г.	» » »	0,63%

Положимъ, скажутъ намъ, что экономической бытъ Вятскаго Края систематически падаетъ и ухудшается; но за то, въ сравненіи съ 40-ми и 50-ми годами, нынѣшнее время имѣетъ то преимущество, что теперь нѣтъ прежняго взяточничества, казнокрадства и всѣхъ прежнихъ безобразій. Но, вѣдь, такое заключеніе сдѣлано a priori, а если обратиться къ фактамъ, то оно не выдержать ни малѣйшей критики...

Басню эту можно-бы и болѣе пояснить,
Да чтобъ гусей не раздражить,

а посему, я совѣтую вамъ, читатель, сдѣлать вотъ что: Возьмите ны «Губернскіе Очерки» Щедрина, гдѣ обрисованъ чиновничій міръ Вятской Губ. 40-хъ и 50-хъ годовъ и «Вятскую Незабудку» на 1877 и 1878 года; при чтеніи этихъ книгъ примите во вниманіе то обстоятельство, что Щедрина, по той формѣ, которую онъ придалъ своей книгѣ, писать было гораздо удобнѣе, и вольнѣе, вамъ многое будетъ вполне ясно. Я же ставлю точку и тѣмъ закончу свою статью.

Если кто-нибудь изъ читающихъ усумнится въ томъ экономическомъ и социальномъ упадкѣ Вятскаго Края и, усумнившись, самъ прочтетъ все, что писалось о Вятскомъ Краѣ, то тогда я буду вполне счастливъ; а буду еще болѣе счастливъ, когда усумнившійся читатель, особенно, если онъ хорошій, статистикъ и этнографъ, захочетъ во-очію убѣдиться въ современномъ экономическомъ и социальномъ упадкѣ, и съ этою цѣлью поѣдетъ въ

¹ Спасскій: „Движеніе народонаселенія въ Вят. Губ.“ стр. 81.

въ 1866 г.	родилось въ Яранскѣ	112,	умерло	132 чел.
» 1867 г.	»	»	147,	» 149 »
» 1868 г.	»	»	135,	» 142 »
» 1871 г.	»	»	160,	» 177 »
» 1873 г.	»	»	115,	» 141 »

Вятскую Губернію съ специальною цѣлью изучить ее. Меккэнзи Уоллесъ, въ своей знаменитой книгѣ о Россіи, говоритъ, что Россія для изученія—въ высшей степени интересная страна; это вполне вѣрно; но къ этому нужно еще прибавить: а въ Россіи самый интересный для изученія уголокъ это — Вятская Губернія.

Е. Верхотенскій.

22-го Февраля
1878 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРИЖСКИЕ ПРАВЫ

ВЪ БЕЛЬ-ЭТАЖАХЪ И ПОДВАЛАХЪ.

Les femmes et la fin du monde. Paris 1877 an.

Le sublime ou le travailleur comme il est en 1870 et ce qu'il peut être, par D. P. Deuxième édition 1872 an.

Въ настоящій моментъ Парижъ ликуеть. Давно уже стѣны его не видали такой массы всевозможныхъ торжествъ, которыя идутъ непрерывнымъ рядомъ одно за другимъ, напоминая собою тѣ народныя празднества, какія устраивались въ эпоху первой революціи. Въ то время, какъ народъ, то привѣтствуя открытіе всемирной выставки, то чествуя излюбленную республику, озаряетъ улицы массою потѣшныхъ огней и оглашаетъ ихъ громкими криками восторга и пѣніемъ торжественныхъ гимновъ, представители его, официальные и неофициальные, въ свою очередь, на всевозможныхъ банкетахъ по случаю выставки или юбилеяхъ въ честь великихъ представителей французской мысли, льютъ потоки торжественныхъ рѣчей, въ которыхъ то прославляютъ успѣхи промышленности и торговли, идущіе рука объ руку съ успѣхомъ знанія и просвѣщенія, то призываютъ всѣ народы земные къ слиянію въ любви и братствѣ и дружному шествію по мирному пути всякаго рода прогрессивныхъ преуспѣяній. Правда, свѣтлое обаяніе этихъ торжествъ порою нарушается кое-какими домашними неприяностями, то въ видѣ марсельскихъ беспорядковъ клерикальнаго характера, то зловѣщими раскатами какого то подземнаго гула, какова анзенская стачка на каменноугольныхъ копяхъ. Но эти пустяки нисколько не смущаютъ парижанъ и не омрачаютъ ихъ свѣтлаго настроенія; до всего этого Парижу нѣтъ никакого дѣла, и онъ продолжаетъ ликовать.

Я убѣжденъ, что многимъ, читавшимъ описанія всѣхъ этихъ

торжество, невольно приходилъ въ голову вопросъ: какъ объяснить этотъ избытокъ ликования? Происходить ли онъ вслѣдствіе радостнаго сознанія, что Франція избавилась, наконецъ, отъ того кошмара неизвѣстности и неопредѣленности, въ какомъ она пребывала послѣдніе восемь лѣтъ, потрясенная унижительными для нея событіями 70-го года, что горизонтъ какъ внѣшней политики, такъ и внутренней, окончательно расчистился и прояснился, мирное положеніе дѣлъ и внѣ, и внутри вполне упрочилось и народу остается только торжествовать въ сознаніи достиженія всѣхъ своихъ завѣтныхъ цѣлей и побѣды надъ всѣми своими врагами? Или же, можетъ быть, это ликование происходитъ лишь вслѣдствіе стремленія забыться хоть на минуту отъ гнетущаго сознанія печальнаго положенія дѣлъ въ настоящемъ; можетъ быть, это—лихорадочно-истерическій взрывъ веселости несчастнаго человека, который черезъ минуту способенъ заплакать; можетъ быть, наконецъ, въ этихъ празднествахъ скрывается желаніе внѣшнимъ блескомъ и помпозо загородить отъ взоровъ тѣ язвы и недуги, которые развѣдаютъ больно тѣло общества и грозятъ ему опасною гангреною?

Что касается насъ, то мы лучше пристанемъ къ послѣднему предположенію, чѣмъ къ первому. Мы, конечно, не принадлежимъ къ числу такихъ оптимистовъ, которые, слѣпо вѣруя въ спасительность различныхъ комбинацій политическихъ партій въ Версали, воображаютъ, что одинъ успѣхъ выборовъ, да двѣ-три парламентскія побѣды, какъ бы ни казались онѣ блистательны, могли бы сразу искоренить тѣ общественные недуги, которые создались вѣвами и требуютъ серьезнаго и основательнаго леченія. Въ этомъ, между прочимъ, можетъ убѣдить насъ и французская литература нынѣшняго десятилѣтія, которая во всемъ своемъ составѣ была посвящена цѣлому ряду самообличеній и указаній на общественные недуги, грозящіе обществу серьезными опасностями. Не говоря уже о беллетристахъ, драматургахъ, сатирикахъ, не жалѣвшихъ самыхъ мрачныхъ красокъ для изображенія всей бездны и северны паденія общественныхъ нравовъ въ эпоху второй имперіи, можно положительно сказать, что ни одного публицистическаго трактата, философскаго и спеціально-научнаго сочиненія не выходило въ послѣдніе годы во Франціи безъ того, чтобы прямо или косвенно не указывалось въ немъ на печальное положеніе дѣлъ въ отечествѣ. И замѣчательно при этомъ, что не одни только какіе-нибудь мрачные пессимисты, крайніе клерикалы и радикалы, имѣвшіе тенденціозное побужденіе представлять вещи въ черномъ свѣтѣ изъ ненависти къ существующему порядку вещей, упражнялись въ этихъ самообличеніяхъ. Не менѣе скорбные голоса о печальномъ положеніи дѣлъ раздавались изъ среды людей самаго умѣреннаго и даже консервативнаго образа мыслей. Доказательствомъ этому могутъ служить и тѣ двѣ книжки, которыя выписаны въ заглавіи настоящей статьи. Мы избрали ихъ не только потому, что они

представляют довольно систематическую и полную картину состоянія общественных нравовъ въ различныхъ слояхъ парижскаго населенія, но также и по той причинѣ, что неизвѣстные авторы этихъ книжонокъ, по своимъ политическимъ и моральнымъ воззрѣнїямъ, ничѣмъ не выдѣляются изъ среды умѣренныхъ и положительныхъ буржуа, чуждыхъ какихъ-либо крайнихъ увлеченій. Это два неизвѣстные голоса изъ обывденной, уличной толпы, показывающіе намъ, какъ смотреть на современное положеніе дѣлъ во Франціи и эта пошлая толпа, такъ, повидимому, беззаботно фланирующая по парижскимъ бульварамъ и галереямъ выставки и такъ беззаботно ликующая на устраиваемыхъ для нея торжествахъ.

Книга «Les femmes et la fin du monde» повѣствуетъ о страшномъ паденіи нравовъ въ средѣ парижской буржуазіи и преимущественно о вырожденіи женщины, предрекая, что окончательное вырожденіе женскаго пола естественно должно угрожать гибелью если не всему міру, то, по крайней мѣрѣ, французскому народу. Хотя авторъ и впадаетъ порою въ нѣсколько наивный и цвѣтистый риторическій пафосъ, но зато мѣстами книга не лишена художественныхъ достоинствъ. Вы не найдете въ ней ничего особенно новаго, чего бы не было на страницахъ лучшихъ современныхъ французскихъ беллетристовъ, Зола, Додэ, Гонкура, Дроза и т. п.; но главное ея достоинство заключается въ томъ, что тѣ черты буржуазныхъ нравовъ, которыя встрѣчаются у вышеозначенныхъ беллетристовъ въ разбросанномъ видѣ конкретныхъ художественныхъ образовъ, здѣсь сведены въ одну систематическую, общую картину, а, главное дѣло, прослѣжены исторически въ ихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ съ конца прошлаго столѣтія и до настоящихъ дней.

Книга «Le sublime ou le travailleur, comme il est en 1870 et ce qu'il peut être, par D. P.» вышла въ 1870 году, подъ самыми свѣжими впечатлѣніями перенесенной Франціей катастрофы и въ два года выдержала два изданія. Наибольше любопытна она тѣмъ, что неизвѣстный авторъ ея принадлежитъ самъ къ рабочему классу, о чемъ онъ неоднократно заявляетъ въ своей книгѣ. И дѣйствительно, въ книгѣ вы встрѣтите немало интересныхъ подробностей о бытѣ и нравахъ рабочихъ классовъ въ Парижѣ, которыя могли быть представлены только человекомъ, близко знакомымъ съ этимъ предметомъ. Говорятъ, что книга послужила если не матерьяломъ, то толчкомъ для Зола въ созданіи его «L'Assomoir». Но не менѣе всѣхъ бытовыхъ чертъ, сообщаемыхъ въ этой книгѣ, любопытенъ нравственный тонъ самого автора въ связи съ тѣми точками зрѣнія, съ которыхъ онъ смотритъ на эти бытовые черты. Здѣсь намъ наглядно раскрывается, что рабочіе классы въ массѣ своей представляютъ далеко не что-либо однородное и вполне солидарное въ образѣ жизни, привычкахъ, симпатіяхъ, антипатіяхъ, инстинктахъ, стремленіяхъ и проч. Напротивъ того, мы увидимъ, что въ самой средѣ рабочаго класса скрп-

ваются различные нравственные элементы, находящиеся между собою въ самомъ непримиримомъ антагонизмѣ.

Прежде всего, мы обратимся къ книгѣ «Les femmes et la fin du monde», наречемъ изъ нея наиболѣе характеристическія черты нравовъ современной парижской буржуазіи. Въ первой главѣ авторъ обращается къ своему собрату-парижанину и спрашиваетъ его: любилъ ли онъ когда-нибудь? Послѣ нѣсколькихъ страницъ сентиментальныхъ разглагольствованій относительно прелести первой любви, онъ продолжаетъ:

«Итакъ, ты любилъ, у тебя есть о чемъ вспоминать, съ чѣмъ сравнивать. Ну, а теперь, скажи мнѣ, полюбилъ ли бы ты снова? Не заботься отвѣчать. Продолжай курить свою сигару, закури другую, хватить времени, пока я во всѣхъ подробностяхъ изобразю тебѣ твой предметъ, Галатею, которую тебѣ предстоитъ полюбить. Будь спокоенъ: я представлю ее въ наилучшемъ видѣ, изберу ее изъ средняго круга: это, конечно—буржуазка, приличнаго возраста, ей двадцать лѣтъ.

«Э-э! Чтѣ съ тобой? Въ чемъ ты сомнѣваешься? Развѣ я не точно выразился? Повѣрь, что ей едва минуло двадцать. А, да! я понимаю: тебя смущаетъ подрашивание: ты находишь, что подъ румянами нѣтъ возраста, ровно какъ нѣтъ возраста и для румянъ; тебѣ навѣстно, что нынѣ у дѣвицъ, едва обсохнеть на щекахъ молоко кормилицы, какъ уже тѣ же щеки покрываются дѣвичьимъ молокомъ (lait virginal), блан-де-перлам, кольд-кремами и проч. Мы живемъ въ вѣкъ парфюмеріи. Никогда не употреблялось столько искусственныхъ розъ и лилій, столько тщательнаго татуированія, столько заботливыхъ притираній различными жидкостями и кремами.

«На официальныхъ балахъ, на частныхъ вечеринкахъ, на скачкахъ или гуляньяхъ, куда бы вы ни взглянули, направо или налево, вверхъ или внизъ вдоль лѣстницъ—вездѣ одно и тоже зрѣлище: на сто женщинъ едва ли найдется десять, которыя довольствовались бы своею собственною эпидермою. Большинство покрыто толстымъ и густымъ слоемъ всевозможныхъ маселъ, и слойъ иногда очень дорогимъ. Можно сказать, что нынѣ всѣ женщины поддѣльныя.

«Впрочемъ, такъ какъ въ наше время все болѣе и болѣе увеличиваются размѣры декольтировки, то оптимисты, воображающіе, что все идетъ къ лучшему, могутъ замѣтить, что равновѣсіе вполне соблюдается, такъ какъ все, что отнимается отъ костюмовъ, замѣняется красками. Остается пожелать, чтобы не оставались замѣны на подорогѣ, а попытались достигнуть верха искусства. Не мѣшало бы обратиться за образцами къ океанійскимъ народамъ, у которыхъ татуированіе возведено въ дѣльное учрежденіе. Тамъ нашли бы обстоятельныя наставленія, правила, утвержденныя традиціей. Но если мы отстали отъ индѣйцевъ по части татуированья, зато насколько превзошли ихъ въ искусствѣ обнаженія! Тамъ женскій костюмъ состоитъ изъ муслиноваго це-

редника съ жемчужнымъ поясомъ. Женщина, такимъ образомъ, обнажена на чистоту. У насъ отсутствіе костюма устраняется совершенно иначе, болѣе утонченнымъ способомъ, хотя секретъ тутъ очень простой: дѣло заключается въ томъ, чтобы подъ предлогомъ прикрытія подчеркивать то, что якобы желаютъ скрыть. Посмотри на мой образецъ женщины, который я тебѣ представлю. Обнажена она? Нисколько. Одѣта?—еще того менѣе. Нѣтъ, она подчеркнута.

«Осмотри нарядъ ея со всѣхъ сторонъ, справа, слѣва, спереди, сзади, сколько подробностей, сколько размаховъ карандаша. Обрати вниманіе на пуффъ, на эту утрировку природы. Напрасно портные составили заговоръ противъ него, онъ сдался только на половину; но сдѣлавшись менѣе раздутымъ, онъ гораздо ближе къ своей цѣли: онъ подчеркиваетъ.

«Спереди, о! тутъ—совсѣмъ другое дѣло. Панье стягиваетъ ноги и, вслѣдствіе этого, имѣя цѣлію скрывать ихъ, оно, напротивъ того, какъ только возможно рѣзче обрисовываетъ формы ихъ при малѣйшемъ движеніи. Геніальная изобрѣтательность! Прибавьте къ этому, что необходима особенная наука, знаніе цѣлой системы всевозможныхъ изгибаній и увертокъ, чтобы не запутаться во время ходьбы.

«Что же касается до остального... О! тутъ, чего хочешь, того просишь: всего понемножку—и среднихъ вѣбовъ, и эпохи возрожденія, и этрусскаго стиля, и помпейскаго, и андалузскаго—чистое вавилонское смѣшеніе костюмовъ. Ну, такъ вотъ, мой милый другъ, парижанинъ, рекомендую тебѣ твой предметъ: онъ весь передъ тобою съ головы до ногъ. Это волнующееся море шолка и кружевъ, прорѣзовъ, вырѣзовъ, плиссе, рюше, панье, эта прическа въ родѣ каски, этотъ туникъ, словно шаръ земной, этотъ пудреръ, словно кочанъ капусты, это—парижанка.

«Это—парижанка? Никогда! Эта куча тряпья, эти чрезмѣрные разрѣзы, венгерскія шубки, камзолы Паликара, эпoletы, петлицы, жакеты—этотъ костюмъ ни мужской, ни женскій, а для какого-то средняго рода, это расфуфыреніе готтентотской Венеры, эта вѣчная ложь, эта безстыдная карриватура, въ которой неприличіе купается въ глупости, это—парижанка? Полноте!

«Среди всѣхъ земныхъ созданій парижанка безспорно занимала видное мѣсто. Въ ней было столько граціи и вкуса, что она не нуждалась въ красотѣ. Но въ чемъ она была неподражаема, такъ это, конечно, въ искусствѣ одѣться. Изъ какаго нибудь бантика, куска тряпки, матеріи въ 25 су за метръ, ея руки творили чистыя чудеса. Она блистала во всемъ этомъ, какъ солнечный лучъ, прельщая васъ граціею, полною изящества и простоты, и вы восклицали, въ упоеніи: вотъ королева!..

«Увы! королева сошла съ трона. И очень просто: знаешь ли почему исчезла парижанка? потому что парижанка была по преимуществу женщина, а, между тѣмъ, женщины болѣе не существуютъ.

«Очевидно, мѣсто ея не оставалось вакантнымъ. Его замѣстили искусственной женщиной, спитой изъ разныхъ лоскутковъ и обрѣзковъ. Поддѣлка представляетъ верхъ утонченнаго искусства, не недостаетъ въ ней только двухъ вещей:—дѣйствительности и жизни: осталась одна внѣшность. Все очарованіе ея сосредоточилось въ костюмѣ; молодость же и красота сдѣлались второстепенными аксессуарами къ нему».

Въ заключеніе главы, авторъ, продолжая обращаться къ парижанину, говорить, что онъ, парижанинъ, вырожденный буржуа, не только жертва подобаго извращенія женщины, но и виновникъ, и въ слѣдующей главѣ общается разсказать исторію извращенія женщины. Онъ начинаетъ эту исторію съ эпохи революціи и замѣчаетъ, что революція не могла оказать на парижскую женщину такого гибельнаго вліянія. Она причинила женщинѣ много страданій, много тяжелыхъ опытовъ, не пощадила ея ни темницею, ни эшафотомъ, но, въ концѣ концовъ, она ея не унизила, не затоптала, а напротивъ того—возвеличила и исполнила энтузіазма. Въ обоихъ лагеряхъ мы видимъ равные образцы доблести: мадемуазель-де-Сомбрѣйль стоитъ мадамъ Роландъ, которая, въ свою очередь, стоитъ на одномъ ряду съ Шарлоттою Кордэ. Въ средѣ всѣхъ партій, якобинцевъ, роялистовъ, жирондистовъ, среди всѣхъ приливовъ и отливовъ революціонныхъ войнъ, бушевавшихъ у подножія гильотины, одно оставалось неизмѣннымъ и неизблжимымъ—именно женскій героизмъ. Понятно, что въ эту эпоху женщина, при всѣхъ своихъ испытаніяхъ и несмотря на нещадившій ея топоръ гильотины, возвышалась на такую высоту, какал равнялась апогею.

Даже затѣмъ наступила эпоха наполеоновскихъ войнъ и для апогеоза женщины наступила реакція. Военный героизмъ, исключительно свойственный мужчинѣ, низвелъ женщину съ ея пьедестала и возвратилъ къ очагу, правда, довольно пустынному.

Но тутъ не было еще настоящаго паденія; не было особеннаго вреда для женщинъ и въ томъ литературномъ разсвѣтѣ, который наступилъ съ эпохой реставраціи, когда женщины увлеклись музами, хотя бы и нѣсколько театральными, аффектированными, и у нихъ явилась страсть къ изысканному позированью въ манерахъ, улыбкахъ и особенно въ слезахъ, которыя блестяли въ нихъ рѣсницахъ очень эффектнымъ перлами при блескѣ люстръ. Послѣ Аустерлица и Иены онѣ вдалились въ сентиментализмъ родственныхъ душъ и телячей лазури нѣмецкой поэзіи, и каждой изъ нихъ непремѣнно грезился въ «туманной дали» свой Освальдъ. И тутъ не было еще большаго зла. Напротивъ того, прекрасный Дюнуа такъ долго увѣнчивался лаврами, что на оппозицію ему, въ видѣ Освальда, на противупоставленіе военному милитаризму идеализированной маниловщины, можно было смотрѣть, какъ на своего рода прогрессъ. Но мало по малу, это новое сентиментальное направленіе вдалось въ крайность.

Въ началѣ іюльской монархіи, мадамъ Сталь уже была забыта, и Шатобрианъ всецѣло господствовалъ тогда въ средѣ электиче-скихъ кружковъ. Въ это время, былъ въ большой модѣ недугъ Ренѣ, страшная болѣзнь, на которую жаловались очень громко, но надечиваться отъ нея не желали ни за что на свѣтѣ. Но и въ эту эпоху сентиментальныхъ сумерокъ, повѣтрія предвзятой меланхолии и безпричиннаго отчаянья—женщина оставалась на пьедесталѣ. Нужно было, чтобы буржуазія достигла апогея своего торжества среди іюльской монархіи для того, чтобы женщина была нанесенъ роковой ударъ и она была низвергнута съ высоты своего величія.

Едва сдѣлавшись владычицей міра, буржуазія низверглась въ грязь эгоизма, въ жалкое ребячество гордости выскочекъ. Сентиментальныя грѣзы потеряли всякій кредитъ въ ея глазахъ. Онѣ смѣнились культомъ вишняго блеска, грубой роскоши, и по мѣрѣ того, какъ этотъ культъ все поглощалъ въ себя, по мѣрѣ того, какъ, проповѣдуя владычество личнаго интереса и матеріальной пользы, выбросилъ изъ новаго пантеона поэзію, любовь, энтузіазмъ и всѣ высшія человѣческія страсти, вмѣстѣ съ гѣмъ, онъ низвергъ и женщину съ ея пьедестала. Она перестала быть матерью, перестала быть и музою, а сдѣлалась предметомъ блеска и роскоши. По мѣрѣ же того, какъ начали развиваться потребности къ вишнему блеску въ массахъ населенія, захватывая все болѣе и болѣе низшіе слои буржуазіи, удовлетвореніе имъ стало становиться все труднѣе и дороже, ломась тяжелымъ гнетомъ на бюджеты. И вотъ мы видимъ, что и средніе классы начали утрачивать традиціи нравственной чистоты и скромности жизни, и они увлеклись все въ тотъ же водоворотъ приврачнаго существованія, въ которомъ вишнему блеску жертвуется всѣмъ заветнымъ. Таково начало паденія женщины. Но чтобы обозначить рѣзкою чертою полное ея вырожденіе, надо обратиться къ блестящему періоду послѣдняго режима, къ этой эпохѣ финансовой и промышленной горячки, трансцендентальной спекуляціи, когда Франція, утративши свободу, съ арстію ринулась въ бѣшенство ажіотажа, когда по всѣмъ улицамъ начали развѣшиваться широкія афиши, возвѣщающія о фантастическихъ предпріятіяхъ, сулящихъ дивиденды, такіе же громадные, какъ Маделена. Деньги полились тогда изъ всѣхъ тайниковъ, и въ волнахъ этого наводненія начали производиться такіа колоссальныя повышенія, что цѣны на недвижимыя имѣнія удваивались и утраивались.

И вотъ тогда-то пришлось оплакивать, какъ окончателно канувшую въ вѣчность, счастливую эпоху Поль-де-Кока, который начинаетъ одинъ изъ своихъ романовъ слѣдующей фразой: «Густавъ имѣлъ десять тысячъ франковъ дохода, квартиру въ бельэтажѣ на улицѣ Гельдеръ, грума, кушъ и любовницу по имени Альфонсина». Счастливый Густавъ, который все это могъ имѣть при десяти тысячахъ франковъ. Все это было возможно

въ 1830 году. Но двадцать пять лѣтъ спустя, этихъ денегъ не хватило бы на одно содержаніе Альфонсины, не только что на поддержаніе приличной обстановки: если въ этотъ промежутокъ времени доходы увеличились на одну треть, то всеобщая дороговизна, по крайней мѣрѣ, утроилась. Эмиль Перейра имѣлъ полное право сказать: «черезъ тридцать лѣтъ нужно будетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, двадцать пять тысячъ франковъ ренты, чтобы получить возможность жить въ Парижѣ въ нищетѣ». Какъ же справиться съ такимъ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ бюджета? Хорошо, если кошелекъ г. Бенуатона столь эластиченъ, что можетъ удовлетворить всѣмъ расходамъ мадамъ Бенуатонъ. Ну, а если не можетъ? Въ такомъ случаѣ, мадамъ Бенуатонъ вы рѣдко застанете дома. Характеристическая черта современной женщины—никогда не быть дома. Она то у портного, то у парикмахера, то по магазинамъ. Основная причина такихъ постоянныхъ разъѣздовъ заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ необходимости разрѣшенія трудной задачи согласованія скудныхъ доходовъ съ чрезмѣрными расходами. Разъѣзды эти и заключаютъ въ себѣ тотъ X, который рѣшаетъ эту задачу. Если ш—г Бенуатонъ проныцателенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, безстыденъ, онъ мирится съ этимъ X и не повѣряетъ расходовъ, а если онъ глупъ и легковѣренъ, то нѣсколькихъ пустыхъ предосторожностей достаточно, чтобы замазать ему глаза. Но стоить только женщинѣ вставить пальчикъ въ зубцы этого колеса, и ей ничего не стоить дойти отъ одной постыдной сдѣлки къ другой, отъ кумовства съ поставщиками, до продажи своей благосклонности и безстыднаго торга съ любовникомъ подъ носомъ нѣжнаго супруга. Такія явленія мы наблюдаемъ въ среднемъ классѣ буржуазіи, въ средѣ Бенуатоновъ и Формишелей. Въ слояхъ же высшихъ и болѣе достаточныхъ является новое зло въ видѣ иностранцевъ, въ видѣ всѣхъ этихъ графинь на кѣ, боронесъ на козъ, принцессъ всевозможныхъ окончаній, которыя стекаются на берега Сены со всѣхъ четырехъ сторонъ, съ береговъ Шпрее и Вислы, Волги и Дуная. Эти иностранки внесли нравы полусвѣта въ большой свѣтъ. Чего же вы хотите? Ихъ пустили на полную свободу въ среду парижскихъ нравовъ и привычекъ и сказали имъ: будьте какъ дома, рѣзвитесь, ломайте, бейте все, какъ вамъ вздумается, и эти испорченные дѣти разнесли по влочкиамъ всѣ наши побрякушки; имъ доставило большую забаву смѣшать наши ранги; моды, нравы, не заботясь о томъ, съ какими женщинами вступаютъ онѣ въ весьма неприличную конкуренцію, перенимая у нихъ туалеты, манеры, способъ выражаться. Но вмѣстѣ съ вѣщностью онѣ заимствовали у этихъ женщинъ и кое-что другое. Такъ это онѣ изобрѣли «la note gaie», неизмѣющую ничего общаго съ стариною и французскою веселостію. «La note gaie» — совершенно новѣйшее изобрѣтеніе, опредѣлимое только по своимъ продуктамъ. Въ литературѣ, это — клубничный романъ; въ театрѣ — оперетка, въ газетѣ — скандальная хроника, представляю-

щая собою странню репортеров альмана; въ домашникъ кружкахъ, это — живны картины, въ искусствахъ — зарисовка, замѣняющая все остальное. Истинной веселости тутъ нѣтъ и слѣда. Ни XVI вѣкъ, эта эпоха молодого хохота, ни XVIII — вѣкъ скептическаго смѣха, не имѣли понятія объ этомъ поразительномъ смѣшеніи разнузданности и ребячества, объ этихъ лихорадочно-нервныхъ бѣснованіяхъ, въ которыхъ всѣ нація смѣшиваются въ одинъ интернаціональный хаосъ и уравниваются во взаимной безотвѣтственности.

Таково начало паденія нравовъ. А затѣмъ нѣтъ ничего удивительнаго, что, повинуясь закону прогрессивнаго паденія тѣлъ, современная буржуазія дошла до такой странной испорченности, въ грязи которой люди тонуть, несмотря на всѣ жалобы и усилія выкарабкаться. Такъ, послѣ войны нѣкоторые оптимисты надѣялись, что испытанія, которыя пережила нація, приведутъ за собою возрожденіе. Но вотъ уже восемь лѣтъ; сколько въ это время совершенно серьезныхъ и прогрессивныхъ реформъ, но нравы остались тѣ же. Буря 1870 года прошла, словно шквалъ, надъ мутною поверхностью стоячихъ водъ, не очистивъ ни мало ихъ тинистой глубины. Тщеславіе и эгоизмъ буржуазіи остались во всей своей силѣ. Мало того: никогда еще страсть къ внѣшнему блеску не была такъ сильна, никогда не приносили столькихъ жертвъ вапризамъ моды, безумнымъ прихотямъ и разорительнымъ излишествамъ. Бюджетъ парижанина нашего времени дошелъ до ужасающихъ размѣровъ. Но что бросается вамъ въ глаза во всѣхъ этихъ стремленіяхъ задать шпигу во что бы то ни стало, это — страсть ко всему поддѣльному, грубое и полнѣйшее невѣжество относительно основныхъ условій благоразумной траты денегъ и просвѣщенной роскоши. Мы такъ же далеки отъ солиднаго комфорта голландцевъ, какъ и отъ нащпаго блеска итальянскихъ городовъ эпохи возрожденія. У купцовъ Амстердама роскошь была выраженіемъ ихъ могущества, развитія богатствъ, которыя должны были имѣть исходъ, иначе задушили бы своихъ владѣльцевъ. Въ эпоху Медичи роскошь соотвѣтствовала пробужденію умовъ: она была какъ бы совершенно естественнымъ и непродвольнымъ цвѣтомъ эпохи. Но чему соотвѣтствуетъ и что представляетъ собою современная роскошь Парижа? Да и можетъ ли она представлять что-либо: столько въ ней пустоты, театральности, фальши. Обратите, напримѣръ, вниманіе на современныя жилища, на эти узорчатые коробки съ ихъ сваредными размѣрами, жалкою мѣблировкой, банальною позолотою, дюжинною рѣзбою, мраморомъ низшаго сорта и убогою лѣпкою; кто видѣлъ одно изъ этихъ блестящихъ и безвкусныхъ зданій, видѣлъ тысячи ихъ. Внѣшность и внутренность ихъ, обстановка комнатъ, бронза и шелкъ — все устроено по одному образцу — и, притомъ, только на показъ. Что же касается оригинальности, то никому и въ голову не приходитъ ничего подобнаго; даже и на прочность смотрятъ, какъ

на вещь второстепенную. Это—искусство и архитектура призрачные для эфемерного общества: якобы мраморные фасады, якобы каменные вазы, якобы бронзовые балюстрады—вот суть современного искусства.

Правы, очевидно, должны соответствовать этому фальшивому и мечущемуся въ глаза блеску. И въ самомъ дѣлѣ, въ нихъ тоже на первомъ планѣ стоитъ «на показъ». И женщина въ этомъ «на показъ» играетъ первенствующую роль виновницы и жертвы. Она превратилась въ искусственную куклу, въ существо совершенно призрачное, не имѣющее ничего реальнаго. Мало-помалу, *еnтренинее содержаніе*—это выраженіе, родившееся на буржуазной почвѣ, но полное глубокаго смысла—совершенно утратило всякое значеніе. По мѣрѣ же того, какъ исчезло это внутреннее содержаніе и все было посвящено внѣшности, женщина превратилась въ мебель на показъ и для парада. Изъ всѣхъ ея старинныхъ атрибутовъ при ней осталось одно только трансцендентальное кокетство «на показъ». Далѣе затѣмъ, говоря о безвкусицѣ и дороговизнѣ костюмовъ, употребляемыхъ парижскими женщинами ради шику, авторъ, между прочимъ, указываетъ на весьма характеристическое и, въ то же время, разорительное современное учрежденіе, свидѣтельствующее о всей глубинѣ паденія парижскихъ нравовъ. Дѣло въ томъ, что парижанкѣ, желающей явиться на гульбище или скачки во всемъ блескѣ и ком-виль фотности, мало одного моднаго и дорогаго костюма. Кромѣ этого, ей еще необходимо, чтобы въ экипажѣ на второмъ планѣ сидѣла подруга, которая какъ своимъ невзрачнымъ лицомъ, такъ и простотою, безцвѣтностью или даже мрачностью своего костюма представляла изъ себя фонъ, отбѣняющій блескъ красоты и наряда госпожи. Это называется на модномъ парижскомъ жаргонѣ *le geroussoir*, т. е. отраженіе. Конечно, подобное *отраженіе* достается недаромъ, потому что весьма нежелательная обязанность—служить фономъ для блеска парижской красавицы—естественно должно окупаться не малою цѣною, а между тѣмъ, *le geroussoir* является нынѣ не мимолетною прихотью моды, а необходимымъ условіемъ жизни парижскаго beau mond'a.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, современная парижанка является безусловною рабыней своего портного, и это рабство представляется однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ игъ, лежащихъ на ней; оно упорно и неотступно преслѣдуетъ ея, не покидая ее и среди лѣтняго дачнаго сезона.

Дачная жизнь, въ свою очередь, совершенно преобразилась въ послѣднее время. Лѣтъ 20 или 25 тому назадъ, любили природу, зелень, траву. Нынѣ все это въ пренебреженіи; всему этому предпочитаютъ голые морскіе берега, острый и твердый булыжникъ и сухой, раскаленный песокъ, шалаши, въ которыхъ по вечерамъ царить полярный холодъ, а днемъ тропическій зной, и казино, въ которыхъ одинъ и тотъ же оркестръ вѣчно пилятъ однѣ и тѣ же старыя кадрили. Все это предпочитаютъ, потому

что всему предпочитают Парижъ. Всемъ извѣстно, что купальщички и купальщицы отправляются въ Трувилъ единственно потому, что тамъ обрѣтають они свой милый парижскій бульваръ съ океаномъ на концѣ. И къ тому же, что бы съ ними было, еслибы они не имѣли ни театровъ, ни баловъ, ни концертовъ? Эти великія традиціи требуютъ соблюденія. Необходимо, чтобы мужчины каждый вечеръ задыхались въ толпѣ публики, а женщины сохраняли декольте и у своего домашняго очага. Въ сущности, это вовсе не удовольствіе, это—мода. Парижанка почла бы себя обезчещенною, еслибы ей не пришлось провести лѣто на водахъ въ Діепѣ, Трувилѣ или въ другомъ какомъ-нибудь гнѣздѣ избранныхъ купальщичковъ. Сколько семействъ цѣлые мѣсяцы экономничаютъ и отказываютъ себѣ во всемъ для того, чтобы доставить себѣ возможность удовлетворить суетной модѣ и совершить экскурсію на нормандскій или бретанскій берегъ! Тамъ въ продолженіи трехъ недѣль они подвергаются жестокимъ испытаніямъ, тѣснотѣ, духотѣ, эксплуатаціямъ и остаются все при томъ же парижскомъ солинѣ, который приносятъ съ собою на морскія купанья. Затѣмъ, они возвращаются съ пустыми карманами, съ весьма скуднымъ запасомъ воспоминаній, не успѣвши даже и выкупаться порядкомъ, но зато съ сознаніемъ, что они совершили свой сезонъ, отдали дань этикету.

Далѣе, въ главѣ подъ заглавіемъ «семейство въ троюбъ», авторъ характеризуетъ современный парижскій адюльтеръ и дѣлаетъ параллели съ адюльтеромъ прежнихъ временъ. «Адюльтеръ, говоритъ онъ:—давно уже пользовался у насъ терпимостью и жилъ гостемъ подъ сѣнью очага, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ оставался въ полусвѣтѣ тайны и сохранялъ кой-какую печать чувства. Въ предыдущій вѣкъ адюльтеръ слагался изъ элементовъ вполне эфемерныхъ. Кокетство, мода, распущенность общества, чувствовавшая себя накануне потопа, особеннаго рода гуманное возрѣніе, отрицавшее супружескую ревность, какъ чудовищность, почти какъ неблагопристойность, таковы были элементы всѣхъ этихъ безчисленныхъ связей, то минутныхъ, то длившихся до гроба, но всегда легко переносимыхъ, легко разрываемыхъ, обвитыхъ поддѣльными цвѣтами, которые, однакоже, никогда не превращались въ цѣпи. Я не думаю оправдывать этотъ пошлый и легкомысленный развратъ. Я только прошу обратить вниманіе на то, что онъ былъ непосредственно искрененъ, что не было ни тѣни задней мысли, какого либо денежнаго интереса въ этой терпимости, невѣрности, въ этихъ кадильныхъ панжъ-де-дамахъ, которыми краевались два поколѣнія сряду. Въ этомъ безкорыстїи адюльтера, наконецъ, является передъ нами вполне національная французская черта; восемнадцатый же вѣкъ тѣмъ и отличается, что это былъ вѣкъ французскій по преимуществу, и даже въ прелюбодѣйствѣ онъ сумѣлъ осуществить разумную мѣру, придать ему видъ легкой граціи,

тот веселый колоритъ, который такъ свойственъ французской національности.

«Этотъ добродушный адюльтеръ такъ вкоренился въ наши нравы, что пережилъ времена революціи. Но въ началѣ XIX-го столѣтія, онъ уже утратилъ свой первоначальный характеръ, когда въ него внесли театральное позированье и аффектацію, когда супружеская невѣрность приняла картинную личину неудавшейся страсти, сердца непонятаго, оскорбленнаго до самыхъ глубокихъ его тайниковъ и жаждающаго участія. Это было золотое время такъ называемыхъ родственныхъ душъ. Слово «родственная душа» все объясняло и все извиняло. Необходимо было, чтобы душа нашла свою родственную душу во что бы ни стало, хотя бы вопреки десяти брачнымъ контрактамъ. Подобнаго рода адюльтеръ вель обыкновенно къ трагическимъ развязкамъ, если не въ видѣ дуэли, самоубійства, то въ видѣ чахотки, являющейся результатомъ сильныхъ ощущеній. Бальзакъ исчерпалъ до дна тому этого сентиментальнаго адюльтера. Нѣсколько позже явились на сцену героини Феидо и Флобера. Тридцатилѣтней женщиной наслѣдовала мадамъ Бовари. Общество преисполнилось барынями, которыя, подобно Бовари, выносили изъ методическихъ ласкъ супружеской жизни, вмѣсто удовлетворенія своей чувственности, напротивъ того, возбужденіе ея, которымъ пріѣданы и проза семейной жизни, и слишкомъ реальныя мужья.

«Въ наше время, все это радикально измѣнилось.

«Мы далеки какъ отъ пылкихъ страстей бальзаковской тридцатилѣтней женщины, такъ и отъ чувственныхъ кривисовъ мадамъ Бовари. Мы подчинили нашимъ практическимъ расчетамъ и самый адюльтеръ. Въ чемъ наши предки видѣли усладительныя буволическія утѣхи въ гротахъ Цитеры, въ чемъ наши дѣдушки и бабушки находили легкое свѣтское развлеченіе, нынѣ глядятъ на это, какъ на денежную аферу. Если женщина жертвуетъ честью, мужчина долженъ жертвовать деньгами. Страсть не виѣтъ въ вашихъ глазахъ ни малѣйшей цѣны: любовникъ долженъ представить цѣнность болѣе солидную. Роль любовника, такимъ образомъ, опредѣлена: онъ — компаньонъ и владчикъ въ коммерческое предпріятіе брака и, при такихъ условіяхъ, является уже не виновникомъ семейнаго раздора, а, напротивъ того, обусловливаетъ собою прочность семейнаго очага и даже чести дома. Женщина, предающаяся такого рода прелюбодѣланію, уже не подвергается карамъ общественнаго мнѣнія; напротивъ того, невѣрность дѣлается гарантіею ея общественнаго положенія: укрѣпляетъ всѣ слабыя стороны недостаточнаго бюджета. Что было бы безъ нея съ зданіемъ женскаго тщеславія суетной и жадной кокетки, поставленнымъ на такое непрочное основаніе, какъ слабыя ресурсы мужа, въ видѣ биржевого маклера или столоначальника? Да и съ какими нравственными обвиненіями накинетесь вы на подобную преступницу? Скажите въ ей, что она пала, увлекшись чувственностью, забывши женскій стыдъ

и пренебрегли своими семейными обязанностями? Напротив того: она поступала хладнокровно, обдуманно, рассчитанно и если чѣмъ увлеклась, то ужъ никакъ не страстью, а, напротивъ того, сознаниемъ обязанности—поддержать честь дома. «Глубокое знаніе математики, говорить въ заключеніе авторъ:—во всѣхъ ея примѣненіяхъ къ текущей жизни, полное отрѣшеніе отъ чувственныхъ увлеченій, безусловное преврѣненіе къ непронизводительному сентиментализму, много логики, достаточно постоянства, вѣрность обѣимъ сторонамъ брачной ассоціаціи (т. е. и мужу, и любовнику)—вотъ практическая женщина—образецъ современной прелюбодѣйки».

Рядомъ съ подобнымъ двоемужествомъ, какъ логическій результатъ его и естественная параллель—представляется двоеженство.

Этотъ обычай, въ свою очередь, ведется издавна и, подобно предыдущему, совершенно измѣнилъ свой первоначальный характеръ и сдѣлался неузнаваемъ. Никто не будетъ спорить, что двойной домашній очагъ существовалъ во всѣ времена. Въ каждую эпоху, по причинѣ всеобщей терпимости и снисходительности къ мужскимъ слабостямъ, вы найдете рядомъ съ браками, освященными церковью, рядъ внѣбрачныхъ союзовъ, заключаемыхъ случайно, по прихоти фантазіи. Объ этомъ влеченіи къ запрещенному плоду свидѣтельствуетъ Антонское Шоссе, бывшее Сен-Жерменскимъ Преддѣльемъ аристократическаго волеитства XVIII го столѣтія. Тамъ знатныя особы устраивали себѣ питейскія колоніи, свои оленьи парки, еще болѣе цѣнные, чѣмъ королевскіе. Тамъ они свободно распоряжались отъ строгости свѣтскаго этикета, устраивали себѣ нѣчто въ родѣ мѣщанскаго счастья, порою находили тамъ и страсть, занимавшую широкое мѣсто въ ихъ сердцахъ. Это былъ маленькій «свѣтъ», стоящій рядомъ съ настоящимъ «большимъ свѣтомъ», но отнюдь не смѣшиваемый съ нимъ. Онъ плѣнялъ воображеніе, рисуясь волшебною страной фей; но, входя въ предѣлы настоящаго свѣта, отражали прахъ его съ своихъ ногъ, подобно тому, какъ съ утреннимъ пробужденіемъ, стараются расхлѣять послѣдніе слѣды ночныхъ грѣвъ. Допускаемый и терпимый, при такихъ условіяхъ, подобный полусвѣтъ нисколько не колебалъ семейныхъ основъ. Это было лишь однимъ изъ наслажденій высшаго общества, аристократическое развлеченіе, недоступное для черни и замкнутое въ тѣсный кругъ.

Это въ значительной степени служитъ оправданіемъ прошлаго вѣка. Какъ ни великъ, какъ ни утонченъ былъ развратъ его, но этотъ развратъ составлялъ своего рода привилегію высшаго класса, чѣмъ мѣшало ему спускаться и распространяться въ низшіе слои общества. Высшій классъ XVIII го вѣка оставилъ по себѣ мрачныя воспоминанія, но безпристрастные умы должны признать, что вліяніе его было ничтожно. Испорченность его послала характеръ эгоистическій и потому была бесплодна:

классъ этотъ погубилъ самъ себя, растративъ во всякаго рода излишествахъ послѣдніе остатки своихъ богатствъ и своего значенія; но онъ никого не заразилъ своимъ развратомъ.

Нынѣ и въ этомъ отношеніи мы видимъ полную революцію. Двоеженство, въ свою очередь, обуржуазилось, потеряло свое волшебное обаяніе, свой раззорительный декоръ, который умѣрялъ его развитіе. Не представляясь уже нынѣ ни дѣломъ случая, ни излишествомъ, оно заранѣе предусматривается в составленіи статьи бюджета. Прежде—заключить благоразумный бракъ значило повончить съ холостою жизнію, провести демаркаціонную линію между прошедшимъ и настоящимъ. Нынѣ не столь уже наивны: не только что не кончаютъ, а, напротивъ того, начинаютъ, если еще не успѣли начать. Проще сказать: человѣкъ, вступающій въ бракъ съ богатою дѣвицею, продолжаетъ содержать метрессу или заводить, если у него ея не было. Это, въ его глазахъ—домашній очагъ пріятный, на ряду съ очагомъ серьёзнымъ; но, мало-по-малу, оба очага приобрѣтаютъ, въ его глазахъ, одинаково серьёзное значеніе, въ каждомъ воцаряется строгая регулярность: столько-то часовъ—обязанности, столько-то—цѣлтамъ удовольствія. Такимъ образомъ, родилась содержанка въ ту самую минуту, когда умерла гризетка. Въ нашъ вѣкъ паденія всѣхъ легендъ и легенда гризетки подверглась, въ свою очередь, сомнѣнію. Послѣ того, какъ на всѣ лады прославляли гризетку, начали сомнѣваться въ самомъ ея существованіи, стали смотрѣть на нее, какъ на мнѣе, фантазію романистовъ, обвиняя Поль-де-Кока и Миржера въ изобрѣтеніи ея, словно будто она, какъ Минерва, выскочила изъ ихъ головы.

А между тѣмъ, гризетка существовала. Откинемъ, если угодно, въ сторону тотъ поэтический ореолъ, которымъ окружили ее романисты, предположимъ, что далеко не всѣ были онѣ Мюзетамъ и Мими, что деньги играли не малую роль въ ихъ любовныхъ похожденияхъ. Но, тѣмъ не менѣе, гризетка имѣла свое время и свое мѣсто. Пустая, непостоянная, жадная до денегъ, она все-таки была гризеткой и сохранила свой характеръ перелетной птички; она пользовалась настоящимъ моментомъ, злоупотребляла имъ, но не посягала на будущее. Бѣдненькая Мюзета пришла бы въ неописанное удивленіе, еслибъ ей сказали, что она заключила съ Родольфомъ неразрывныя узы, что она свила настоящее семейное гнѣздо въ коморкѣ студента! Ей и въ голову не приходило видѣть серьёзную аферу въ ея минутныхъ связяхъ, и она оставалась гризеткою, подругою на часъ, много—на мѣсяць. Положеніе содержанки не было тогда карьерою. Но нынѣ эта карьера имѣетъ свою іерархическую лѣстницу, какъ и всякая другая. Нашъ практический вѣкъ и здѣсь все уравновѣсилъ, ввелъ въ границы, изгналъ беспорядочныя страсти и предначерталъ опредѣленные цѣли. И прощай гризетка со своими ситцевыми платьицами, косыночками въ 10 су и цѣточными чепчиками! Нѣтъ болѣе ни цѣтвовъ, ни чепчиковъ, ни

*

косыночекъ, но есть разсудительныя дѣвцы, которыя заботятся какъ можно скорѣе бросить мальчишескую жизнь и сдѣлаться матерями уважаемыхъ семействъ. И вотъ мы видимъ въ нижнихъ этажахъ социальнаго зданія массу почтенныхъ семейныхъ очаговъ, которымъ недостаетъ только церковнаго освященія, а недостаетъ имъ церковнаго освященія потому только, что выше ихъ, въ бель-этажахъ, существуютъ подобныя же имъ семейные очаги столь же почтенные, но уже освященные. Но будьте спокойны: въ обоихъ очагахъ вы найдете правы, повидимому, столь же чистые и одинаково соблюдающіе личину семейнаго благочинія. Правда, жена на содержаніи не вышла изъ церкви, но это не мѣшаетъ ей ходить туда.

Уровень мужского прелюбодѣйства, такимъ образомъ, значительно понизился, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и распространился въ массахъ. На него перестали смотрѣть уже, какъ на слабость, порокъ; оно пустило въ нравы общества miriady корней и развѣтвленій, какъ общепринятая привычка, проникло въ повседневную будничную жизнь буржуазнаго міра. Двойной семейный очагъ можетъ поразить развѣ какого-нибудь рѣдкаго простачка.

Итакъ, еще разъ: вотъ передъ вами честная содержанка, имѣющая любовниковъ нисколько не болѣе, чѣмъ и честная жена, напротивъ того, соблюдающая себя въ строгихъ границахъ долга, въ сознаніи своихъ интересовъ и въ заботѣ о сохраненіи своего положенія. Вотъ передъ вами мужъ, правда, обманывающій свою жену, но безъ шума, безъ скандаловъ и, притомъ, обманывающій такъ продолжительно, что по всѣмъ правамъ имѣть на своей сторонѣ право давности. Если это все не особенно нравственно, зато вполне практично.

Далѣе затѣмъ слѣдуютъ главы «Les pomades» и «L'ouvrière», которыя мы пройдемъ мелькомъ, такъ какъ онѣ мало касаются того главнаго предмета, который занимаетъ насъ въ настоящую минуту, т. е., характеристики нравовъ парижской буржуазіи. Въ главѣ «Les pomades» авторъ представляетъ бѣглую характеристику ночного уличнаго разврата, при чемъ на первой же страницѣ онъ обращаетъ вниманіе на тотъ фактъ, что, по статистикѣ полицейской префектуры, наблюдается въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ поразительное уменьшеніе числа патентованныхъ проститутокъ. Но на этотъ фактъ слѣдуетъ смотрѣть не какъ на улучшеніе, а, напротивъ того, какъ на ухудшеніе парижскихъ нравовъ. Онъ свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что на счетъ патентованнаго разврата возрастаетъ развратъ скрытый, потайной. Рядомъ съ этимъ, послѣднее время представляетъ ту особенность, что прежде уличный развратъ сосредоточивался подъ сводами Пале-Рояля; это представляло ту выгоду, что нравственные миазмы этого разврата имѣли свою опредѣленную клоаку, и каждый по своей волѣ могъ обходить это мѣсто и избѣгать его. Но нынѣ полиція уничтожила это сосредоточіе и разсыпала миазмы по всему Парижу. Съ одной стороны, распространившись по

всему городу, проституція естественно должна все болѣе и болѣе превращаться изъ явной въ потайную, а, съ другой стороны, лишившись своей главной квартиры, довольствоваться простыми бивуаками; но эти бивуаки расширяются на цѣлыя предмѣстья. Каковъ, напримѣръ, знаменитый въ своемъ родѣ Лоретскій Кварталь.

Статистическія цифры полицейской префектуры знакомятъ насъ не только съ количествомъ проституціи (конечно, только патентованной), но и съ элементами ея. Такъ, мы видимъ, что видную роль въ составленіи кадровъ парижской проституціи играетъ провинція. Иногда это—крестьянки, съ которыми случилось «несчастье» и которыя спѣшатъ въ Парижъ замести слѣды своего проступка, иногда молодыя дѣвушки изъ бѣднобуржуазнаго провинціальнаго круга, похищаемыя какимъ нибудь гарнизоннымъ донжуаномъ или комми-воажеромъ. Къ этимъ элементамъ слѣдуетъ присоединить иностранокъ, которыя прѣзжаютъ въ Парижъ нажитья, но быстро опускаются до той наиболѣе надежной и терпимой нищеты, о которой идетъ рѣчь. Германія и въ Парижѣ въ этомъ отношеніи играетъ такую же преобладающую роль, какъ и въ Петербургѣ. Но самая первенствующая роль принадлежитъ рабочимъ классамъ.

«Положеніе работницы, говоритъ авторъ:—представляетъ возмутительное безобразіе нашего общества, которое воображаетъ себя гуманнѣе и милосерднѣе. Въ положеніи этомъ лежитъ его приговоръ и предстоящее наказаніе; оно цитаель внутри себя язву, которая погубитъ его, если оно не позаботится о ней, хотя бы въ виду своихъ собственныхъ интересовъ, если не изъ стыда. Не говоря уже о томъ, что женщина, имѣющая, какъ слабое существо, болѣе правъ на покровительство, получаетъ, между тѣмъ, вдругъ въ три раза менѣе мужнины; мало того: мы видимъ, что мужнина, въ послѣднее время, вытѣсняетъ ее изъ такихъ областей труда, которыя издревле были за нею. Такъ, онъ выхватилъ изъ ея руки прялку; выхватилъ иглуку и ножницы, занявшись шитьемъ бѣлья и костюмовъ, вязаньемъ чулокъ, изготовленіемъ корсетовъ. Онъ же захватилъ въ свои руки модныя мастерскія, изъ магазиновъ, въ свою очередь, вытѣснилъ онъ женщинъ. За выручками преобладаютъ нынѣ шалопаи, предпочитающіе тяжелымъ работамъ аршинъ и вѣсы. Этого требуютъ покупщицы: онѣ не желаютъ приказчицъ, имъ подавай приказчиновъ. Удивляйтесь послѣ того, что для земледѣлія недостаетъ рукъ и навигация упала. Прежде женщины прислуживали въ отеляхъ, ресторанахъ, кафе, а нынѣ мужчины метутъ комнаты и корридоры, моютъ стаканы, носятъ блюда и вытираютъ ковры.

«Что же остается, послѣ всего этого, женщинѣ? Ручная работа въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Но развѣ такая работа можетъ прокормить? Объ этомъ можно судить по сравненію цифры женской заработной платы съ цифрами необходимыхъ потребностей жизни работницы. Такъ, извѣстно, что самое бѣдшее, что въ со-

стояниі заработать женщина, при лучшихъ условіяхъ относительно платы и здоровья—500 франковъ. Изъ нихъ 100 фр. нужно заплатить за квартиру, 115 изстратить на одежду, 36 фр. на мытье бѣлыя и 36 фр. на отопленіе и освѣщеніе. Остается 213 фр. на пищу, т. е., 59 сантимовъ въ день, менѣе 12 су. Что же остается работницѣ при такихъ условіяхъ существованія—самоубійство, бѣгство отъ жизни или сдача на капитуляцію въ объятіи разврата, Моргъ въ настоящемъ или Сен-Лазаръ въ будущемъ. Таковы двѣ дороги, фатально предназначенныя для работницы, если у нея нѣтъ ни семьи, которая могла бы поддержать ее, ни какого-нибудь счастливаго случая, который явился бы на выручку. Путь ея такъ опасенъ, что каждый неосторожный шагъ является ложнымъ, а каждый ложный шагъ влечетъ въ пропасть.

Далѣе слѣдуютъ главы «Les restrictions conjugales» и «Le malthusianisme par omission», въ которыхъ авторъ говоритъ о воздержаніи отъ браковъ, о воздержаніи отъ дѣтей въ нѣдрахъ браковъ, и, наконецъ, о фиктивныхъ бракахъ, дополняя этими печальными явленіями французской жизни мрачную картину паденія нравовъ и ставя ихъ, совершенно справедливо, въ тѣсную зависимость отъ условій, разсмотрѣнныхъ имъ въ предыдущихъ главахъ: страшная дороговизна жизни и общее стремленіе къ вышнему, ложному блеску. При этихъ условіяхъ, естественно, что для дѣвушекъ бѣдныхъ, безприманницъ, бракъ обратился въ мигъ, о которомъ онѣ не смѣютъ и мечтать. Онѣ могутъ имѣть одинъ шансъ—выйти за мужъ за бѣднака, труженника. Но, при вышней дороговизнѣ, подобная ассоціація двухъ отрицательныхъ цѣнностей есть самый плохой расчетъ, если только не имѣется въ виду съ обѣихъ сторонъ одинаковой готовности и способности къ полному самоотверженію. На этомъ основаніи, въ большинствѣ случаевъ бѣднякъ рассчитываетъ, что, оставаясь холостымъ и ведя борьбу за существованіе на свой страхъ и рискъ, онъ сохраняетъ тысячу средствъ для этой борьбы, которая бракъ сразу долженъ уничтожить. Понятно, что, вслѣдствіе этихъ соображеній, онъ постарается воздержаться отъ брака, предоставивъ своей возлюбленной на выборъ: печальное положеніе престарѣлой весталки или же рискъ незаконной связи. Нынѣ мужчина богатый или бѣдный можетъ жениться только на богатой дѣвушкѣ. Содержаніе дѣлается столь трудно, нѣтолько рослошь, но и мало мальски сносное благосостояніе стоить такихъ цѣнъ, что, собственно говоря, нынѣ самое большее приданое—ничтожество. Какой бы громадный капиталъ ни принесла невѣста, но вмѣстѣ съ нимъ она приноситъ сообразныя ему наклонности къ расходамъ, на удовлетвореніе которыхъ едва хватаетъ процентовъ съ этого капитала. Представимъ гипотезу наиболѣе благоприятную: именно союзъ, въ которомъ расходы ведутся совершенно правильно; и мужъ, и жена, имѣя на нихъ равныя права, удерживаются въ границахъ издержекъ, пропорціональныхъ ихъ взаимному состоя-

ню, не позволяя себѣ выходить изъ предѣловъ бюджета. Сначала все идетъ у нихъ хорошо; но вдругъ является непредвидѣнность, которая сразу нарушаетъ равновѣсіе кредита и дебета въ ихъ приходорасходной книгѣ. Эта непредвидѣнность — дѣти.

«Извѣстно, говоритъ авторъ: — что появленіе каждого ребенка производитъ нѣкоторую смуту въ семейной экономіи. И не столько непосредственные расходы тотчасъ по рожденіи причиняютъ это замѣшательство, сколько предстоящіе въ будущемъ, въ видахъ устройства судьбы новорожденного: дѣвочкѣ надо копить приданое; мальчику готовить карьеру. Здравый смыслъ требуетъ (а вѣдь извѣстно, что всѣ богатые семейства представляются образцами здраваго смысла, надо имъ отдать въ этомъ справедливость), чтобы заранѣе были приняты мѣры противъ этихъ затрудненій. И вотъ избирается самое разумное средство, примирающее всѣ интересы: воздержаніе отъ дѣтей. Я не говорю, чтобы совсѣмъ отказывались отъ нихъ, это — крайность, а богатые буржуа, извѣстное дѣло — враги всякихъ крайностей. Нѣтъ, просто на просто, убавляютъ огонь въ каминѣ, ограничиваясь двумя дѣтьми. Послѣ чего, какъ бы ни были молоды, какъ бы ни были влюблены другъ въ друга — стопъ машина. Мужъ не хочетъ имѣть болѣе дѣтей, жена и подавно. Ей жалко своей красоты, свѣжести лица, гибкости стана, которые могутъ пострадать отъ частыхъ посѣщеній Латоны. Да и развѣ малое бремя двое дѣтей? Всякое излишество вредно. Не будетъ никакой возможности поддержать обстановку. Развѣ господинъ захочетъ отказаться отъ кареты? Развѣ мадамъ распротится со своимъ портнымъ? Откажется ли господинъ отъ своего круга знакомыхъ, а мадамъ неужели должна прекратить свои вечера? Придется выкинуть изъ бюджета поѣздку на воды, продать дачу, или не переѣхать ли ужъ въ верхній этажъ? Мыслимо ли все это? Сообразно ли съ тѣмъ-нибудь въ одинъ день порѣшить съ комфортомъ всей жизни? Понятно, что въ благоустроенномъ домѣ — дѣти являются непредвидѣнными нарушителями порядка. Надо поэтому устранить этихъ нарушителей. Такимъ образомъ, массы супруговъ проводятъ свою жизнь съ ясною совѣстью узкаго эгоизма, занимаясь ежедневнымъ отрицательнымъ дѣтоубійствомъ. Денежный вопросъ, господствуя надо всѣмъ, успокоиваетъ чувства и умѣряетъ похоти».

Зло это приняло, въ послѣднее время, такое широкое развитіе, что даже оффиціальныя моралисты обратили на него вниманіе и не перестаютъ жаловаться на него, но, вмѣсто того, чтобы преслѣдовать зло въ настоящихъ корняхъ его, приписываютъ его вдругъ вліянію экономическихъ доктринъ, именно ученію Мальтуса, который и является якобы настоящимъ виновникомъ зла.

А между тѣмъ, зло успѣло уже оказать и свои губительныя слѣдствія. По послѣднимъ статистическимъ даннымъ (по оффиціальной статистикѣ де-Лаверна и по оффиціальной статистикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ), оказывается уменьшеніе въ приращеніи народонаселенія. Въ то время, какъ сосѣдніе народы

размножаются въ значительныхъ пропорціяхъ, Франціи угрожаетъ полное status quo. И замѣчательно при этомъ, что богатѣйшимъ департаментамъ принадлежитъ въ этомъ отношеніи первая роль. Такъ, въ самомъ процвѣтающемъ департаментѣ Кальвадосскомъ число рожденій стоитъ ниже числа смертности. Вотъ результаты извращеннаго мальтузіанства. Экономія алкоголя, воздержаніе отъ дѣтей ведетъ Францію прямымъ путемъ къ постепенному обезлюженію, и если ничто не остановитъ ее въ этомъ пути, ей угрожаетъ вымираніе въ безплодіи гнущихся цивилизацій.

Рядомъ съ воздержаніемъ отъ излишнихъ дѣтей, стоятъ фиктивные браки (le malthusianisme par omission). Это—финансовыя сдѣлки, при заключеніи которыхъ мэръ утверждаетъ, а священникъ благословляетъ союзъ исключительно только двухъ денежныхъ портфелей. Браки эти представляются ничѣмъ болѣе, какъ ассоціаціей двухъ состояній, при чемъ никакими семейными отношеніями тутъ и не пахнетъ.

Подобные денежные браки возрастаютъ и распространяются, въ послѣднее время, въ геометрической пропорціи. Юношество заботливо воспитываютъ въ такомъ духѣ, чтобы оно смотрѣло на нихъ, какъ на единственную практическую цѣль, какъ на долгъ касты. Отцы въ этомъ отношеніи не жалѣютъ словъ, чтобы внушить своимъ дѣтямъ всю гибельность браковъ по склонности. «Любовь, говорятъ они:—преходяща и непостоянна, и при богатствѣ всегда есть возможность по горло насытиться ею, безъ всякихъ формальностей и затрудненій, лишь бы было чѣмъ заплатить за нее. Любовь—капризь, а бракъ—дѣло; чѣмъ онъ будетъ совершенъ блистательнѣе, тѣмъ будетъ и солиднѣе. Красота проходитъ, а приданое остается. Что же толку жениться по любви? Такъ какъ страсть слѣпа и скоропреходяща, то за первымъ порывомъ ея всегда слѣдуетъ ожидать разочарованія и раскаяній. Поэтому, бракъ по склонности, это—безвыигрышная лотерея. Съ приданнымъ же нѣчего бояться; оно и завтра останется тѣмъ же, чѣмъ было вчера. Беря портфель съ деньгами, знаютъ, что брать...»

Впрочемъ, всѣ подобныя наставленія излишни. Молодежь и безъ нихъ получаетъ такое практическое воспитаніе, что нѣчего бояться за нее относительно какихъ-либо любовныхъ увлеченій. Та сердечная чистота, тѣ смутныя желанія, мечты, грѣзы и идеальныя стремленія, которыя нѣкогда составляли всю прелесть юности—обо всемъ этомъ нѣтъ и помину. По молодымъ нивамъ дуетъ страшный самумъ, крутитъ, ломаетъ и мертвитъ всю ихъ нѣжную зелень. Самумъ этотъ представляется въ видѣ ироническаго исполненнаго презрѣнія смѣха надъ идеями, людьми, вещами. Это то, что называется на бульварномъ жаргонѣ la blague.

Нивому и ничему нѣтъ пощады отъ этого смѣха. Въ коллежахъ старшіе смѣются надъ новичками. Послѣдніе страдаютъ, возмущаются и на слѣдующій годъ насмѣхаются въ свою оче-

редь. Тоже самое мы видим и въ практической жизни. Надъ кѣмъ насмѣхались вчера, тотъ завтра станетъ насмѣхаться въ свою очередь. Величайшій недугъ французовъ—страхъ показаться смѣшнымъ. Что за охота подставлять свои бока подъ блчи насмѣшекъ? И вотъ снѣшать поскорѣе перенять у другихъ тотъ же костюмъ, тѣже воззрѣнія и парадоксы. Съ этой точки зрѣнія современная французская молодежь является двойнѣ французскою. Представляется вдругъ всему свѣту со своими вѣрованіями, симпатіями, антипатіями, мечтами—allons donc—за какихъ святошь вы ее принимаете! И вотъ вчера еще честный, искренній юноша, сегодня, вмѣсто того, чтобы оставаться тѣмъ, что онъ есть, принимаетъ общепринятые позы, надѣваетъ насмѣшливую маску на свое лицо и онъ спокоенъ: онъ походитъ на всѣхъ и потому не смѣшонъ болѣе.

«Влюбляться—какая глупость! Слѣдовать влеченію чувства—какое ребячество! кричать со всѣхъ сторонъ и на разные лады въ его уши. Юноша этому вѣрить и осмѣиваетъ любовь, чтобы избѣжать насмѣшекъ свѣта надъ собою. И то, что было сначала простымъ парадоксомъ, обращается въ привычку поведенія. И вотъ вы видите, съ какою удивительною быстротою исчезъ бывшій нѣкогда въ таковой модѣ типъ, казавшійся такимъ же вѣчнымъ, какъ сама человѣческая природа, типъ любовника. У насъ есть титулованные мужья, есть ихъ компаньоны, но любовниковъ въ истинномъ смыслѣ нѣтъ и слѣда. Адольфъ, Ренѣ, Вергеръ, сдѣлались такими же предметами исторіи, какъ какіе-нибудь трубадуры. Вы уже не встрѣтите болѣе Донъ-Жуана, расторгающаго брачныя узы. Боже сохрани! Цыгншніе молодые люди отлично знаютъ, во что обходится браконьерство на чужихъ земляхъ. Однимъ словомъ, любовникъ умеръ, а на другой день послѣ его смерти умеръ и влюбленный!

— Влюбляться — очень нужно! какой вздоръ! Ну, скажите мнѣ откровенно, съ каковой стати примѣшивать вдругъ страсть въ такомъ простомъ дѣлѣ, какъ женитьба? Тутъ только и требуется, что черная пара, бѣлые перчатки, безукоризненное бѣлье, нѣсколько дипломатическихъ аллюровъ и круговъ вальса и цифры, достаточно солидна для представленія ихъ тѣсти, чтобы сообразно имъ получить отъ него не менѣе солидный капиталъ. Бракъ, однимъ словомъ, ничего болѣе не требуетъ, какъ лишь знанія арифметики.

«При такомъ взглядѣ на вещи, современный молодой человѣкъ, когда ему приходитъ пора жениться, не имѣетъ надобности ни въ слишкомъ далекихъ, ни въ слишкомъ долгихъ исканіяхъ, потому что соответственное состояніе найти, конечно, гораздо легче, чѣмъ соответственный характеръ и сочувствующее сердце. Къ тому же, онъ имѣетъ подъ руками дѣлюю толпу посредниковъ въ видѣ друзей, родителей, кузеновъ, готовыхъ перечислить ему всѣ взаимные шансы различныхъ болѣе или менѣе выгодныхъ партій, знающихъ до малѣйшихъ подробностей всѣ состоянія, истинныхъ

мажеровъ большого свѣта, держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ брачныя сдѣлки и которые каждую минуту могутъ вамъ представить бюллетень наслѣдницъ, не боясь сдѣлать ни малѣйшей ошибки въ этихъ биржевыхъ цѣнностяхъ.

«Разъ оба портфеля на лицо, урегулированіе взаимныхъ интесесовъ идетъ быстро, а антракты наполняются свѣтскими отношеніями, сдерживаемыми въ строгихъ границахъ изысканныхъ приличій. Въ глазахъ свѣтскаго человѣка свѣтлое будущее придетъ само собою, въ свою пору, и остается только терпѣливо дожидаться его, прилагая къ своей невѣстѣ точную и строгую теорію свѣтскаго этикета — ни болѣе, ни менѣе. Онъ подымаетъ оброненный ею вѣеръ и не забываетъ пригласить ее во время на кадрили. Къ несчастію, только изъ десяти пять разъ онъ перепутываетъ ее имя и изъ двадцати девятнадцать разъ онъ ни за что не узналъ бы ея, встрѣтивъ гдѣ-нибудь внѣ дома ея почтенныхъ родныхъ.

«При всѣхъ этихъ условіяхъ, понятно, къ чему приходятъ подобныя браки. То, чего недоставало въ нихъ до свадьбы, продолжаетъ отсутствовать и послѣ нея. Какъ съ самаго начала ни мало не заботились ни о взаимномъ изученіи характеровъ, ни о согласованіи симпатій и убѣжденій, такъ продолжается и до самаго конца. Афера остается аферой. Она продолжаетъ сохранять свой спеціальныи характеръ финансовой ассоціаціи. Первая же беременность доставляетъ мужу благовидный предлогъ возвратиться къ своей холостой жизни, которую онъ и не покидалъ. Супруги дѣлаются ничѣмъ болѣе, какъ сочленами ассоціаціи, и устанавливаютъ относительно другъ друга границы обыденной вѣжливости, за которыя никогда уже болѣе не переходятъ. Это — два существа, поставленные рядомъ, но не соединенныя. Между тѣмъ какъ мужъ возвращается къ своей холостой жизни, жена къ своему дѣвчеству. Она хоть и приобретаетъ право имѣть свои брилліанты, свой экипажъ и выѣзжать одной къ подругамъ, но если бракъ измѣняетъ ея дни, зато онъ не посягаетъ на ея ночи».

Въ слѣдующей главѣ, подъ заглавіемъ «Les compensations», авторъ говоритъ о тѣхъ крайнихъ степеняхъ женскаго разврата, которыя являются прямыми послѣдствіями подобныхъ фивтивныхъ браковъ. Это — пороки, не имѣющіе на нашемъ языкѣ соотвѣтствующаго термина и заключающіеся въ томъ, что здѣсь предметами страсти разнузданныхъ парижанокъ являются не мужчины, а женщины. «Предоставленную самой себѣ и всѣмъ опасностямъ праздности, при полномъ отсутствіи какихъ-либо заботъ матеріальныхъ или моральныхъ, хозяйственныхъ или материнскихъ, несчастную женщину, говоритъ авторъ: — ничто не можетъ удержать отъ той пропасти, въ которую стремглавъ низвергается она, влекомая своимъ разнузданнымъ и ничѣмъ не сдерживаемымъ воображеніемъ. Прибавьте къ этому еще и тепличное монастырское воспитаніе, продолжающееся до 18-ти-лѣтняго возраста, всѣ эти

полудѣтскія связи, столь опасныя и столь неизбежныя, которыя начинаются съ мистацизма, а кончаются грязною дѣйствительностью, эту взаимную экзальтацію еще невинныхъ душъ, стремищихся все навѣдать, готовыхъ всему повѣрить, эту первую лихорадочность, еще болѣе усиливаемую взаимными возбужденіями, эти опьяняющія химерическія грѣзы, взаимно повѣряемыя... Подобныя опасныя впечатлѣнія, правда, проходятъ для многихъ дѣвушекъ безслѣдно, оставляя въ нихъ одни смутныя воспоминанія. Но въ нѣкоторые темпераменты они глубоко врѣзаются и оставляютъ раны, готовыя, при удобныхъ обстоятельствахъ, раскрыться». Очевидно, подобнымъ натурамъ для полнаго ихъ исцѣленія необходимо было бы подвергнуться трудамъ и заботамъ хотя бы семейной жизни. Представьте же вы себѣ, что, наоборотъ, эти натуры, флегматическія и вмѣстѣ съ тѣмъ чувственныя, нервныя и меланхолическія, предоставлены самимъ себѣ въ супружескомъ домѣ, пресыщенныя прежде опыта и разочарованныя прежде времени. Естественно должна произойти реакція и эта реакція является въ видѣ возврата къ прежнему. «Это души, говоритъ авторъ:—навсегда потеряныя, потому что гораздо легче остановиться на дорогѣ обыкновеннаго прелюбодѣянія; здѣсь возможно и раскаяніе, и пресыщеніе; но влзкіе пороки, о которыхъ идетъ рѣчь, терпятъ наказаніе въ той неутолимой лихорадкѣ, которую они носятъ въ себѣ. И вотъ мы видимъ въ литературѣ, въ этомъ зеркалѣ общественныхъ нравовъ, рядъ чудовищныхъ типовъ; галлерей эта съ каждымъ днемъ увеличивается, принимая въ свои нѣдра новыхъ гостей, причемъ мадемуазель Жиро явилась на смѣну г-жѣ Бовари и безстыднаго изображенія страстей, не имѣющихъ и названія, послѣдовали за грязными картинами истерическаго адюльтера. Такимъ путемъ мы пришли отъ Мальтуса къ Сафо и дошли до Цитеры Лесбосской».

Эту главою исчерпывается описательная часть книги «Les femmes et la fin du monde». Изобразивши картину паденія нравовъ современной парижской буржуазіи и вырожденія женщины, авторъ затѣмъ приступаетъ къ изложенію своихъ взглядовъ на цѣль и назначеніе женщины въ человѣческомъ родѣ и на средства къ исправленію нравовъ своихъ соотечественницъ. Эта вторая часть трактата составляетъ самую слабую и жалкую часть книги и лишаетъ ее того достоинства, которое могла бы имѣть книга, еслибы авторъ ея ограничился одною первою описательно-сатирическою частью и не вдавался далѣе ни въ какія разсужденія. Но авторъ, разсмотрѣвъ всѣ симптомы болѣзни своего общества, вознамѣрился быть и врачомъ его и сразу обнаружилъ передъ нами поразительную скудость своей мысли. Просто какъ-то глазамъ своимъ не вѣришь, чтобы можно было обладать такимъ колоссальнымъ легеомыслиемъ: нарисовавъ такую страшную картину, ограничиться вдругъ рядомъ такихъ банальныхъ фразеологовъ, какія мы читаемъ да-

лѣе. Дѣло все заключается здѣсь въ томъ, что женщина, по мнѣнію автора, создана специально для материнства. Въ этомъ заключается все ея предназначеніе въ человѣческомъ родѣ, причѣмъ въ узкомъ, матеріальномъ смыслѣ предназначеніе это выражается въ кормленіи и воспитаніи своихъ дѣтей, а въ обширномъ, духовномъ—въ вдохновеніи человѣчества въ разныхъ возвышенныхъ, идеальныхъ стремленіяхъ. Въ первой, т. е. матеріальной области, женщина, видите ли, оплодотворяется, а во второй, духовной—она сама оплодотворяетъ. Въ силу подобнаго двойственнаго, антитезическаго назначенія женщины—оплодотворяться въ матеріальной области и оплодотворять въ духовной—авторъ отрицаетъ не только то ужасное положеніе женщины, какое создалось нынѣ въ средѣ буржуазнаго класса, но и грѣзы тѣхъ «утопистовъ», какъ онъ выражается, которые мечтаютъ о полномъ сравненіи женщинъ съ мужчинами какъ въ правахъ, такъ и во всякаго рода дѣятельности. Подобное уравненіе, по мнѣнію автора, отклонило бы женщину отъ ея врожденнаго назначенія и извратило бы въ такой же степени, какъ и современная парижская жизнь, и далѣе авторъ доказываетъ, какъ водится, что у женщинъ и мускулы, и нервы, и тѣло, и мозгъ не такіе, какъ у мужчинъ, вовсе не соответствуютъ различнымъ мужскимъ занятіямъ и специально предназначены для вышеупомянутаго женскаго призванія. Все это такъ изношено и старо, что перо не поворачивается, чтобы опровергать всю эту беззавѣтную рутину, и мы не станемъ, конечно, останавливаться на этомъ и входить въ какіе-либо споры съ авторомъ. Допустимъ даже, что онъ правъ, что женщина, и въ самомъ дѣлѣ, по самой натурѣ своей—совсѣмъ особая статья, чѣмъ мужчина, и создана исключительно для материнства, въ какомъ хотите смыслѣ, въ узкомъ, или широкомъ, въ матеріальномъ, или духовномъ. Но какъ быть въ виду той страшной картины, которую нарисовалъ намъ авторъ? Какія средства слѣдуетъ употребить, чтобы снова поставить выродившуюся женщину хотя бы на тотъ скромный путь, на который обрекаетъ ее авторъ? Этому роковому вопросу, разрѣшенію котораго посвящена вся книга, авторъ посвящаетъ всего десять страничекъ послѣдней главы. На этихъ десяти страничкахъ авторъ доказываетъ намъ, что все зло происходитъ отъ того, что женщины воспитываютъ въ нравственной изолированности отъ общественныхъ и общечеловѣческихъ интересовъ и задачъ, и, собственно говоря, не воспитываютъ даже, а только дрессируютъ ради эфемерныхъ цѣлей тщеславія, блеска, воекетства и т. п. Для того же, чтобы это зло пресѣчь, слѣдуетъ не только дрессировать женщинъ, но и давать имъ образованіе, и притомъ, конечно, ужь образованіе въ духѣ врожденнаго женскаго предназначенія. Вотъ и все: рецептъ прописать, и женщина спасена, а вмѣстѣ съ нею спасено и человѣчество, которое все сосредоточивается, въ глазахъ автора, въ городѣ Парижѣ. Но какъ же достигнуть, что-

бы женщинамъ давалось такое идеальное образованіе, о какомъ мечтаетъ авторъ, въ виду опять таки той грозной картины, которую онъ нарисовалъ намъ въ первой части трактата? Вѣдь сообразите только, что передъ нами маменьки, которыя о томъ только и заботятся, какъ бы дочки ихъ не вздумали проникнуться материнскими инстинктами и не влюбились бы въ какого-нибудь нравственно и физически здороваго пролетарія помимо ихъ отеческихъ финансовыхъ соображеній, маменьки, которыя, по словамъ самого автора, приходятъ иногда въ негодованіе отъ слишкомъ чадолюбивыхъ наклонностей зятя-провинциала, не искушеннаго еще въ тонкостяхъ парижской жизни, и восклицаютъ въ ужасъ: «за кого вы принимаете мою дочь, за телку что-ли, которая только и должна заботиться, что о принесеніи вамъ телятъ?» Передъ нами господа Бенуатаны, которые не могутъ дожидаться, когда пройдутъ скучные часы ихъ положеннаго пребыванія у семейнаго очага и можно будетъ имъ вылетѣть на охоту за пѣвцами парижскихъ удовольствій. Передъ нами госпожи Бенуатаны, которыя, въ свою очередь, не могутъ дожидаться, когда уйдетъ мужъ и гувернантка уведетъ несносную Мими или Зизи, и можно будетъ отправиться устроить финансовыя операціи съ компаньономъ своего супруга по брачной операціи. Передъ нами, наконецъ, всѣ эти чудовищныя г-жи Бовари или дѣвицы Жиро. Какъ же это устроить, чтобы подобные монстры прониклись вдругъ серьезнымъ стремленіемъ воспитывать своихъ дочерей въ такомъ духѣ, въ какомъ предписываетъ это авторъ?.. Но объ этомъ у автора въ ужь не спрашивайте: ограничившись лаконическимъ совѣтомъ воспитывать женщину какъ слѣдуетъ, если она воспитывается не какъ должно, авторъ граціозно раскланывается передъ вами и удаляется со сцены послѣ нѣсколькихъ штриховъ пируэттовъ напыщенной риторики, въ спокойномъ сознаніи спасителя общества. Подобное окончаніе рутинной, банальной фразой страшной картины паденія общественныхъ нравовъ приводитъ васъ въ содроганіе и пугаетъ васъ еще въ болѣе степени, чѣмъ самая картина. Авторъ здѣсь своею личностью какъ бы дополняетъ ужасъ этой картины, давая вамъ понятіе о томъ, какая жалкая скудость и бесплодіе мысли и дѣтское легкомысліе развиваются въ нѣдрахъ этой извращенной среды. Другое дѣло, еслибы эти люди не сознавали всей бездны своего паденія. Но то именно болѣе всего и поражаетъ васъ, что, при всей ясности страшнаго сознанія, они могутъ безпечно играть словами и любоваться фонтанами блестящихъ фразъ, толчась на одномъ мѣстѣ и пережевывая все тѣ же старыя, изношенныя, банальныя пошлости, въ спасительность которыхъ они сами, безъ сомнѣнія, плохо вѣрують. Такимъ образомъ, вышеозначенная книга своимъ концомъ производитъ на васъ еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ началомъ.

Обратимся теперь къ книгѣ D. P. «Le sublime» и пр., представляющей, какъ я сказалъ уже выше, характеристику нравовъ современныхъ парижскихъ рабочихъ. Но прежде, чѣмъ мы займемся этою характеристикой, пусть авторъ книги познакомитъ насъ съ ея цѣлью и страннымъ заглавіемъ.

«Философы, экономисты, писатели, говоритъ онъ въ предисловіи:—трактуютъ объ области труда съ чувствомъ и воображеніемъ, иногда справедливо, вообще разумно, но, прибавлю я, рѣдко съ знаніемъ дѣла. Энергія и даже страсть, внесенныя въ изслѣдованіе этой области, возбуждали воображеніе и привели къ глубокимъ размышленіямъ нѣскольکو горячихъ головъ, которыя тѣмъ болѣе заинтересовались рѣшеніемъ этой задачи, что сами живутъ поденнымъ трудомъ и представляются рабочими въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Я—одинъ изъ такихъ рабочихъ.

«Болѣе двадцати лѣтъ проработалъ я съ десяткомъ тысячами рабочихъ, какъ товарищъ и какъ начальникъ. Этого длиннаго срока достаточно для изученія спеціальнаго вопроса. Какъ ни тяжело мнѣ будетъ проводить рядъ сценъ грубаго и грязнаго реализма, но я сознаю, что такъ должно. Когда на чеху стойтъ такой важный вопросъ, какъ вопросъ о трудѣ, слѣдуетъ тщательно изучить недугъ, мѣшающій разрѣшенію его. Первое условіе къ излеченію какой бы то ни было болѣзни заключается въ томъ, чтобы изучить ея характеръ, причины, приносимый ею вредъ и развитіе ея. Такъ точно для того, чтобы излечить язву, которая точитъ тѣло рабочаго класса, нужно изслѣдовать ее до глубины.

«Въ этомъ будетъ заключаться цѣль первой части моего труда, которую я могу совершенно правильно озаглавить медицинскимъ терминомъ «патологической діагностики». Такимъ образомъ, она будетъ представлять точную фотографію современнаго болѣзненнаго состоянія рабочаго класса. Можно сказать о средствахъ излеченія, отвергать то или другое лекарство, сомнѣваться въ дѣйствительности различныхъ мѣръ, но, въ виду очевидности болѣзни, остается только преклониться передъ истиною.

«Во второй части мы займемся леченіемъ. Я не предъявляю никакихъ радикальныхъ претензій на этотъ счетъ: мы ограничимся изслѣдованіемъ нынѣ существующихъ учреждений и постараемся обсудить тѣ результаты, какихъ можно достигнуть въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, если эти учрежденія усовершенствовать и измѣнить.

«Первая мысль, которая, безъ сомнѣнія, бросится въ голову читателю при взглядѣ на мою книжку, будетъ вопросъ: что такое значить Sublime? и для чего въ припѣвѣ известной пѣсни Тиссерана¹, избранномъ мною эпиграфомъ, сдѣлано измѣненіе? Это я сейчасъ объясню.

¹ Припѣвъ этотъ слѣдующій:

Enfants de Dieu, créateur de la terre,
Accomplissons chacun notre métier,

«Я управлял мастерскою въ Бельвилѣ, этомъ центрѣ спившихся рабочихъ по преимуществу. Двое отпѣтыхъ проноицъ, *des grosses culottes*, какъ ихъ называли прежде, уставши пьянствовать, принялись искать работы. Подкрѣпившись нѣсколькими стаканчиками водки для придачи себѣ бодрости, они обратились ко мнѣ. Одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Вы—управляющій мастерскою?

— Да, гражданинъ.

— Принимаютъ у васъ рабочихъ?

— Въ настоящую минуту мы не имѣемъ нужды ни въ одномъ болѣе.

«Тогда товарищъ обратился ко мнѣ съ фамильярнымъ тономъ.

— Хотите выпить съ нами стаканъ вина?

— Благодарю васъ, я употребляю только за обѣдомъ.

— Пойдемъ, мы угостимъ васъ бутылочнымъ виномъ ¹.

— Нѣтъ, я не имѣю ни малѣйшаго желанія, совершенно напрасно.

«Тогда первый въ раздраженіи вскричалъ:

— Ахъ, болванъ! ну предложи ему *gloria* ².

— Еще разъ повторяю вамъ, что я ничего не употребляю, а еслибы имѣлъ желаніе выпить, то никакъ ужъ не съ пьяницами.

«Послѣ подобнаго отвѣта, я былъ осыпанъ градомъ ругательства, которыя закончились слѣдующею фразою:

— Знаешь ли ты, тройной намордникъ, что наиболѣе угодилъ Богу—превыспренній работникъ (*ce qui plait à Dieu, c'est le sublime ouvrier*).

«Драматическій тонъ и жесты, съ которыми были произнесены эти слова, заставили всѣхъ бывшихъ тутъ покатиться со смѣху, тѣмъ и кончилось объясненіе, и мы потомъ нѣсколько разъ повторили: «вотъ-то ужъ по истинѣ превыспренній работникъ!»

«Такимъ образомъ, слово было инстинктивно найдено. Послѣ того, когда пьяница приходилъ къ намъ въ мастерскую искать работы, мы повторяли: «вотъ и еще сублимъ». Мало по малу, это слово вошло въ такую привычку, что обратилось въ рабочій терминъ, такъ что перестали о рабочемъ примѣрнаго поведенія говорить «это—хорошій рабочій», а о лѣнивомъ, пьяницѣ и гру-

*Le gai travail est la sainte prière,
Qui plait à Dieu, ce sublime ouvrier.*

Этотъ пригвѣзъ поставленъ авторомъ въ оглавленіи въ своемъ настоящемъ видѣ; между тѣмъ какъ передъ предисловіемъ онъ слова новоторецъ, но уже въ слѣдующемъ измѣненіи:

*Fils de Dieu, créateur de la terre,
Accomplissons chacun notre métier,
Le gai travail est la sainte prière.
Ce qui plait à Dieu, c'est le sublime ouvrier.*

¹ Le vin à la bouteille, т. е. виномъ высшаго сорта, въ отличіе отъ низшаго сорта, которое называется le vin au litre.

² Gloria—кофе съ водкой.

бланъ это—рабочій дурной, а начал просто говорить: объ одномъ, это—рабочій, а о другомъ, это—сублимъ.

«Сублимизмъ—это и есть та лъва, которая гложеть рабочій классъ и, прибавлю я, грозитъ гибелью всему обществу. Поэтъ въ своемъ прекрасномъ прищивѣ сказалъ, что «работа есть молитва самая угодная Богу, этому всевышнему работнику». Оказалось, что это была ошибка: въ глазахъ нѣкоторыхъ рабочихъ это работникъ сублимъ, угоденъ Богу—утѣшеніе, за которое они съ радостью ухватились. Таково происхождение термина, поставленнаго въ заголовкѣ и значеніе его.

«Для того, чтобы глубже изслѣдовать и удобнѣе обсудить столь важный вопросъ, я раздѣляю рабочихъ на 8 различныхъ типовъ:

«1) Истинный или, лучше сказать, идеальный работникъ (L'ouvrier vrai).

«2) Обыкновенный работникъ (L'ouvrier).

«3) Работникъ посредственный (L'ouvrier mixte).

«4) Сублимъ обыкновенный (Le sublime simple).

«5) Сублимъ, заклеянный и прогорѣвшій (Le sublime fêtré et descendu).

«6) Истинъ сублимъ (Le vrai sublime).

«7) Сынъ божій (Le fils de Dieu).

«8) Сублимъ высшей пробы (Le sublime des sublimes)».

Далѣе затѣмъ слѣдуетъ характеристика всѣхъ этихъ восьми рубрикъ, составляющая главную основу книги. Здѣсь я считаю необходимымъ сдѣлать ту оговорку, что впоследствии, когда у насъ пойдетъ разговоръ о взглядахъ автора, мы обсудимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и эту характеристику: теперь же я представляю ее въ скатомъ видѣ, не вмѣшивая пока въ изложеніе ни малѣйшей критики.

Первая глава посвящена, конечно, изображенію идеальнаго работника. Такой работникъ, по мнѣнію автора, работаетъ 300 полныхъ дней въ году безъ перерывовъ. Онъ никому не долженъ, напротивъ того, имѣетъ въ сбереженіи на черный день копейку и можетъ снабдить, въ случаѣ нужды, вамъ въ долгъ. Онъ живетъ въ семьѣ и для семьи и не любитъ доставлять себѣ удовольствія отдѣльно отъ жены и дѣтей. Онъ никогда не пьянствуетъ и не имѣетъ обыкновенія поведѣльничать. Онъ работаетъ о своемъ умственномъ развитіи посредствомъ дѣльнаго чтенія, причѣмъ особенное предпочтеніе отдаетъ исторіи. Такъ, вы найдете у него непременно L'Histoire de la Grande Révolution, L'Histoire de Dix ans, les Girondins de Lamartine, L'Histoire du Deux Décembre и т. п. Онъ опрятенъ и вполне првличенъ, какъ по отношенію къ одеждѣ, такъ и въ обращеніи и разговорахъ. Онъ справедливъ. Онъ сознаетъ свои права, но сознаетъ также и свои обязанности, начинаетъ съ исполненія послѣднихъ прежде, чѣмъ заявлять свои требованія относительно первыхъ. Онъ аккуратенъ во всемъ и не нуждается въ принужденіяхъ. Не пренебрегаетъ онъ и своими гражданскими обязанностями и пра-

занимать, аккуратно платить свои подати и занимается у хозяина половину рабочего дня для подачи своего голоса на выборах. Он республиканец и сознает почему. Три пресловутые, обожаемые лозунга он не повторяет, как поугай, а обсуждает. Свобода в глазах его кончается тамъ, гдѣ начинается вредъ ближнему. Равенство признаетъ оно только въ правахъ, а не въ людяхъ; такъ, напримеръ, работая шесть дней въ недѣлю, онъ никакъ не можетъ признать равнымъ себѣ сублима, который работаетъ только три дня, а остальные четыре пьянствуетъ. Братство, по его мнѣнію—дѣло будущаго; а въ ожиданіи его пришесться, будемъ довольствоваться справедливостью.

Вслѣдствіе всего этого, всѣ тѣ, которые не похожи на него, ненавидятъ и даже клеветаютъ на него, чествятъ его то аристократомъ (aristo), то идиотомъ (muffe), то шпиономъ (roussin). Онъ хорошо одѣтъ—шпионъ! у него есть деньги—шпионъ. Онъ не сходится съ сублимами—шпионъ! Онъ подавалъ свой голосъ въ воскресенье, чтобы работать въ понедѣльникъ. «Какъ, говорятъ ему:—тебѣ удалось вписаться? Вотъ какъ! Ну, это понятно, у тебя тамъ протекція, ты самъ изъ полиціи». Наконецъ, такъ какъ онъ не имѣетъ обыкновенія проводить воскресенье, этотъ единственный день отдыха, въ кабакъ, то, конечно, онъ—ничего болѣе, какъ аристократъ и идиотъ.

Если у него есть сынъ, онъ старается воспитать его въ своемъ ремеслѣ и самъ начинаетъ это воспитаніе, посвящая ему свободные вечера и воскресные дни. Когда ребенокъ вырастаетъ, онъ становится другомъ отцу. Иногда мать противится воспитанію сына въ ремеслѣ отца: ей бы хотѣлось, чтобы сынъ сдѣлался инсепомъ, потому что механики всѣ замазаны сажей. «Ни за что! возражаетъ ей мужъ:—ты хочешь, чтобы бѣдный мальчикъ умеръ съ голоду! Чернильная душа—последнее дѣло! Чтобъ Генри сдѣлался когда-нибудь куклой на пресс-папье?! Да чтобы меня чортъ разорвалъ на части! При ручномъ ремеслѣ никогда не останется безъ куска!..»

Но не воображайте, чтобы это былъ человекъ вполне покорный. Напротивъ того. Настоящее его давить и душить, прошлое же для него отвратительно и безнадежно. Но, предоставляя другимъ дѣло, себѣ онъ оставляетъ разумъ. Людей движенія и безъ него много. Онъ становится на сторонѣ трезваго ожиданія осуществленія своего идеала труда въ сообществѣ съ людьми, подобными ему. Видъ этого идеала подобія и гармоніи онъ ничему не вѣритъ. Когда, въ 1848 году, ассоціація механиковъ получила 25,000 франковъ отъ временнаго правительства, онъ сказалъ: «Это—потерянные деньги. Ассоціація не удастся, потому что въ средѣ ея слишкомъ много мусора. Годъ не пройдетъ, какъ они всѣ перекусаютъ другъ у друга носы». Такъ и случилось.

Изъ этой характеристики, говоритъ авторъ въ началѣ второй главы:—можно вывести то заключеніе, что идеальный работникъ, очерченный мною—тотъ, который обладаетъ существенными

свойствами работника и гражданина. Но, къ сожалѣнію, число подобныхъ работниковъ очень ограничено. Преобладающими же типами являются тѣ, которые мы обозначили рубриками—обыкновенный и посредственный работники. Обыкновенный работникъ, подобно идеальному, работаетъ, но меньшей мѣрѣ, 300 дней въ году. У него порою случаются долги, но онъ выплачиваетъ ихъ аккуратно. Иногда ему случается имѣть въ рукахъ до 300 франковъ, но рѣдко у него найдете вы сбереженія, и деньги его не залеживаются въ сберегательныхъ кассахъ. Онъ любитъ свое семейство, но не прилагаетъ къ воспитанію дѣтей тѣхъ заботъ, какія требуетъ отъ него эта обязанность. Онъ—охотникъ до чтепія и всему другому предпочитаетъ «La Science pour tous», изъ котораго онъ почерпаетъ свѣдѣнія о томъ, что картофель менѣе питателенъ, чѣмъ хлѣбъ, что абсентъ ведетъ къ помѣшательству, что пивовары подмѣшиваютъ пух чоміса въ пиво. «О, отравитель!» восклицаетъ онъ при этомъ. Когда подъ руку попадется ему романъ Евгенія Сю, онъ восхищается «Вѣчнымъ жидомъ». Онъ чистоплотеиъ, но одежда его не отличается изысканностью. За работою онъ часто постѣ, но, въ тоже время, замѣтно любитъ свой трудъ. Случается ему порою и кутнуть при благопріятномъ случаѣ, въ видѣ похоронъ или свадьбы. Но каждый разъ онъ даетъ заклятыя, что это въ послѣдній разъ. Самый тяжелый вопросъ въ его бюджетѣ, висящій дамокловымъ мечомъ надъ его головою, это — вопросъ о платѣ за квартиру. При жадности домовладѣльцевъ и страшныхъ повышеніяхъ квартирныхъ цѣнъ, плата за квартиру представляется тяжкимъ искушеніемъ въ жизни работника. Изъ-за нея-то именно работника и дѣлается проституткою, жена обманываетъ мужа, мужъ впадаетъ въ сближннать. И это очень понятно: всѣ другія потребности при возвышеніи цѣнъ, могутъ такъ или иначе сдерживаться или сокращаться по произволу потребителя; мясо, напримѣръ, бичачье, можетъ замѣняться лошадинымъ или совсѣмъ вычеркиваться изъ бюджетовъ, но квартирные деньги не сократимы, и съ неумолимою точностью требуется въ опредѣленные сроки выплачивать ихъ или убраться на мостовую. Между тѣмъ, работникъ, имѣющій одного и двухъ ребятъ, принужденъ занимать квартиру не менѣе, какъ въ 300 и до 400 фр. Получаетъ же онъ, работая 300 дней въ году, по 4 фр. въ день, всего 1,200 фр.; такимъ образомъ, квартира обходится ему въ 30% его заработка.

По окончаніи работы, по вечерамъ, работникъ любитъ пошляться по бульварамъ, останавливаясь передъ магазинами. Если попадетъ ему на пути народная сходка, онъ заходитъ на нее. Идеальные работники обходятъ подобныя сходки: они не любятъ слушать утопій; пышныя фразы не увлекаютъ ихъ; они требуютъ спокойныхъ обсужденій. Но обыкновенный работникъ, хотя по развитію своему и плохо понимаетъ, что говорится на подобныхъ сходкахъ, но, пр случай, не прочь послушать ораторовъ и даже поддодать, если ораторъ защищаетъ рабочіе интересы. Домой онъ возвращается

рано, такъ какъ не желаетъ безповоротъ жену, и, къ тому же, она его заѣсть, если онъ просрочить отпускъ: безъ него она не заснетъ, а она тоже устала, вознившись съ ребятишками, и требуетъ отдыха.

Онъ любитъ театръ и особенно драму. Циркъ тоже привлекаетъ его, и особенно тѣмъ, что тамъ рано кончается; но это удовольствіе онъ рѣдко себѣ позволяетъ, такъ какъ оно не по финансамъ его.

Если его дочь отдана въ какую нибудь мастерскую въ ученье, онъ ходитъ за нею по вечерамъ и провожаетъ ее домой, во избѣжаніе какихъ-нибудь дурныхъ встрѣчь для нея. Если изъ его руководствомъ находится ученикъ, онъ ему внушаетъ работать прилежно и журить его, если тотъ говоритъ какія-нибудь сальности. Если онъ холостой и заводитъ связь съ порядочной дѣвушкой, которая сумѣетъ взять его въ руки, онъ привязывается къ ней. Предметами его, въ этомъ случаѣ, являются, по большей части, прачки, горничныя, нянюшки. Но случается, что въ одинъ прекрасный день онъ бросаетъ всѣ эти предметы и женится на своей землячкѣ. Вы найдете множество, какъ идеальныхъ рабочихъ, такъ и обыкновенныхъ, у которыхъ жены—молочницы, бакалейщицы, торговки виномъ, прачки. Такія семейства естественно отличаются наибольшимъ благосостояніемъ при ассоціаціи двойного заработка. Обыкновенный рабочій вообще очень трудолюбивъ. У него постоянно, кромѣ фабрики, на сторонѣ какое-нибудь дѣло, которымъ онъ старается увеличить свои заработки. Такъ, напримѣръ, иногда онъ занимается въ привратники. Жена его дежуритъ въ привратницкой, а онъ исполняетъ тяжелыя работы до и послѣ фабричнаго труда.

Далѣе слѣдуетъ посредственный работникъ, у котораго вы не найдете уже ни предусмотрительности, ни положительности первыхъ двухъ категорій. Напротивъ того, онъ имѣетъ много слабостей, и его ничего не стоитъ увлечь дурными примѣрами. Онъ работаетъ тоже триста дней въ году, но это—максимумъ. Время отъ времени, онъ празднуетъ святой помядѣльничъ, этотъ праздникъ гѣни. Иногда случится ему проманкировать половину рабочаго дня, проводя его съ какимъ-нибудь пріателемъ, явившимся навѣстить его. Онъ не прочъ выпить¹ при каждомъ удобномъ случаѣ и прибѣгаетъ къ чарочкѣ довольно часто, хотя по воскресеньямъ иногда и помогаетъ женѣ по хозяйству, сколотить какой-нибудь развалившійся сундукъ или починить дѣтямъ обувь. Онъ уважаетъ и боится своей жены, которая держитъ его подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ, задаетъ ему жестокия гонки изъ-за недонесенныхъ до дома десяти франковъ изъ жалованья и вывертываетъ его карманы во время сна, ища утаенныхъ отъ нея денегъ. Онъ любитъ своихъ дѣтей, но воспитаніе ихъ всецѣло сваливаетъ на руки жены: ему и никогда, да и скучно возиться съ ними. Одѣвается онъ опрятно, но небрежно. Онъ не должна въ кабацѣ и по вечерамъ не таскается съ сублимами,

а возвращается домой. По воскресеньямъ, онъ имѣетъ обыкновеніе кутнуть въ компаніи до второго взвода, но рѣдко доходить до третьяго и до мыслетей. Если, во время этой пирушки, ему приходится быть за городомъ, среди полей и лѣсовъ, ему все представляется въ розовомъ цвѣтѣ, онъ чувствуетъ себя счастливымъ, растроганнымъ, вспоминаетъ дѣтство, родную деревню. Въ такомъ случаѣ, онъ на другой день говоритъ вамъ: «я хорошо провелъ праздникъ, и моя жена осталась довольна мною. Маленькая выпивочка необходима для нашего брата, возстановляетъ силы.» И съ веселымъ видомъ принимается онъ за работу. Но если въ воскресенье пришлось ему ползать на четверенькахъ, а въ понедѣльникъ трещить у него голова, да и не у одного его, а и у вчерашнихъ собутыльниковъ, то можетъ случиться, что онъ и не дойдетъ до мастерской, а ради опохмѣленья пропьянствуетъ весь понедѣльникъ. Но если ему удастся дойти до фабрики, работа возстановляетъ его и духъ, и плоть, и онъ снова входитъ въ свои границы. Если въ воскресенье дождливая погода и есть выставка, онъ идетъ съ товарищемъ смотрѣть картины. Въ праздничные дни вы всегда найдете толпу рабочихъ передъ картинами. Прислушайтесь къ нимъ, вы увидите, что ихъ занимаютъ въ картинахъ не формы, не техника, а сюжеты. Они проходятъ мимо спящихъ Венеръ и купающихся нимфъ и останавливаются передъ сюжетами, которые способны поразить ихъ или привести въ умиленіе; это—сцены инквизиціи, матерей, оплакивающихъ дѣтей, наводненія, голода и т. п.

Посредственный работникъ любитъ народныя гулянья, на которыхъ онъ охотно слушаетъ остроты паяцѣвъ, пробуетъ силу на головѣ турка, вступаетъ въ борьбу съ силачами и т. п.

Читаетъ онъ мало, развѣ только книги, рекомендуемыя ему божьими сюблимами, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Но по вечерамъ онъ любитъ послушать чтеніе дочери о какихъ-нибудь путешествіяхъ. Въ молодости онъ читалъ Дюма, но всему предпочиталъ Евгенія Сю, котораго называлъ Eugène Transpire.

Холостые работники подобной категоріи живутъ обыкновенно въ меблированныхъ комнатахъ. Иные изъ нихъ обзаводятся и своею мебелью, покупая ее съ разсрочкой. Но при первой пертурбаціи, они продаютъ всю свою движимость, и это часто бываетъ началомъ сюблизма. Посредственные работники, прибывшіе въ Парижъ уже женатыми, бываютъ устойчивѣе. Ихъ спасаетъ провинціальное воспитаніе, какъ ихъ самихъ, такъ въ особенности ихъ женъ. Вообще, честная, трудолюбивая женщина, умѣющая держать мужа въ ежовыхъ рукавицахъ—спасеніе для подобнаго рабочаго, нравственное равновѣсіе котораго такъ неустойчиво, что достаточно ему жениться на какой-нибудь парижской потаскушкѣ, овдовѣть или же хотя бы только попасть на фабрику въ компанію сюблимовъ, чтобы опуститься до сюблизма.

«Во всякомъ случаѣ, если бы всѣ рабочіе, говоритъ авторъ, въ заключеніе этой главы:—принадлежали къ тремъ вышепредстав-

ленными типамъ, какъ былъ бы быстръ и легокъ прогрессъ, какъ процвѣтало бы народное образованіе съ такими людьми! Политическое и социальное воспитаніе было бы обезпечено, и мы избѣгли бы тѣхъ конвульсивныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ насъ въ будущемъ».

Но дальѣе слѣдуетъ мрачная область сублимизма и, на первомъ планѣ рисуется передъ нами обыкновенный сублимъ.

Обыкновенный сублимъ работаетъ всего отъ 200 до 225 дней въ году, пьянствуя, по крайней мѣрѣ, въ двѣ недѣли разъ и столько же возмущаясь. Онъ съ трудомъ оплачиваетъ свою квартиру и, если возможно, безъ скандала улизнуть изъ нея, не расплатившись, не упускаетъ случая. Если онъ холостъ, онъ занимаетъ самые грязные углы, предпочитая ихъ, между прочимъ, и потому, что, занимая такой уголокъ, можетъ являться домой въ пьяномъ видѣ, не встрѣчая нотаций со стороны привратника. Если онъ женатъ, онъ, по необходимости, расплачивается съ булочникомъ, потому что не можетъ отдѣлаться отъ него, съ виноторговцемъ же — никогда. Вообще, не заплатитъ долга — въ его глазахъ составляетъ честь и славу, надуть хозяйна — мало сказать — привычку, но обязанность. Если у него нѣтъ въ карманѣ ни копейки, хозяйнъ долженъ пользоваться этимъ; онъ будетъ работать за четверныхъ, безъ усталы, и даже въ воскресенье, но завелись деньги, и онъ бросаетъ работу: что ему дѣлать у васъ? Онъ мѣняетъ отъ трехъ до пяти хозяевъ въ годъ, и еслибы еще онъ это дѣлалъ, имѣя въ виду лучшее вознагражденіе, это было бы извинительно, но поводы къ перемѣнамъ мѣстъ, по большей части, бываютъ самые ничтожныя, и притомъ каждый разъ, какъ онъ оставляетъ мастерскую, онъ непременно увлекаетъ за собою и нѣсколькихъ своихъ друзей.

Если вы встрѣтите подобнаго сублима, человѣка семейнаго, въ среду, и спросите у него, что съ нимъ случилось, не былъ ли онъ боленъ, что не работалъ ни въ понедѣльникъ, ни во вторникъ, онъ начинаетъ каяться передъ вами и поносить себя самыми суровыми словами, а не то станетъ обливаться слезами, рассказывая вамъ прискорбную исторію своего пьянства и его послѣдствій, въ видѣ страшной нищеты его семейства, которое сидитъ безъ хлѣба и не имѣетъ ни гроша, чтобы купить молока для малютокъ. Вообще, самыми горькими и скорбными днями для сублима представляются субботы, въ которыя онъ получаетъ жалованье, и дни, когда онъ принимается за работу. На его долю приходится вдругъ двѣ трети или половина всего, что бы онъ могъ получить, еслибы работалъ полныя двѣ недѣли, а онъ долженъ и виноторговцу, и друзьямъ, у которыхъ занималъ по мелочамъ. Какъ быть? Онъ дѣлается мраченъ, блѣденъ, въ его головѣ бушуетъ цѣлая буря, мысли его направляются въ сторону обсужденій печальнаго положенія рабочаго человѣка, котораго со всѣхъ сторонъ эксплуатируютъ, едва обезпечивающъ отъ голодной смерти. Но вотъ его приглашаетъ молодой со-

ближъ. Хорошо, если его жена или виноторговецъ присутствують при этомъ; въ противномъ случаѣ — прощай и послѣдній остатокъ заработка. Такимъ образомъ, субботнія размышленія обыкновеннаго сублима склоняются болѣе къ социализму, въ понедѣльникъ же они принимаютъ сентиментальное направленіе. «Да, думаетъ онъ:—жалъ. Еслибы я послѣднія двѣ недѣли работалъ сплошь, получилъ бы вдвое! Эхъ, баста пьянствовать!» Подобная рѣшимость овладѣваетъ иногда до такой степени его волею, что онъ воздерживается отъ вина до цѣлаго мѣсяца. Эти раскаянія и борьба съ собою отличаютъ обыкновеннаго сублима отъ дальнѣйшихъ категорій.

По отношенію къ ученикамъ сублима — развратитель. Онъ научаетъ ихъ драться и пьянствовать и обращаетъ ихъ въ сублимы, по своему образу и подобию

Люди, близко стоящіе къ фабричному дѣлу, безъ труда различаютъ сублима; между тѣмъ какъ тѣ, которые имѣютъ свѣдѣнія о рабочихъ только по книгамъ, на первый взглядъ, не отличаютъ его отъ порадочнаго рабочаго. Впрочемъ, въ Парижѣ существуетъ нѣсколько выдающихся и бросающихся въ глаза типовъ. Такъ, если вы видите мальчика-каменьщика, облѣпленнаго пластырями, который трется среди прохожихъ по тротуару, нарочно стараясь измарать ихъ, навѣрное это — сублимъ. Если вы видите пѣшехода, переходящаго улицу или бульваръ, наполненные экипажами, безъ малѣйшей осторожности, безопасно и съ фанфаронствомъ, словно говоря: «пусть попробуютъ меня задѣть», знайте, что это — сублимъ. Въ свою очередь, если кучеръ или домовой несетя безъ удержу и на прополую, это тоже сублимъ, и вамъ предстоитъ зрѣлище уличной драки, съ ударами кнута и кулачной расправой, если почта или возъ съ дровами не остановитъ безумной прыти. Если въ omnibusъ или вагонѣ вы встрѣтите человѣка, который полагаетъ за собою право быть грубымъ съ вами и на ваши скромные упреки отвѣчаетъ, что грубость свойственна ему, потому что онъ въ блузѣ и у него нѣтъ на рукахъ перчатокъ, это — сублимъ.

По части политикъ, обыкновенный сублимъ — круглый невѣжда, онъ ничего не читаетъ и потому не имѣетъ никакихъ ясныхъ убѣжденій. Онъ выдаетъ себя за республиканца, смутно сознавая, что это такое. Онъ ропщетъ противъ властей безъ всякаго толку. Для него существуетъ только два тирана, къ которымъ онъ питаетъ непримиримую ненависть — хозяинъ и купецъ. Но не вникая глубоко въ основу ненормальности общественнаго строя, онъ просто-на-просто перваго ненавидитъ за то, что тотъ ему мало даетъ, а послѣдняго за то, что много съ него беретъ. На народныхъ сходкахъ онъ подкушается не столько идеями, сколько виѣшностью оратора: чтобы привлечь на свою сторону, стѣбитъ лавить-ся передъ нимъ на трибунѣ въ блузѣ и съ грязными руками. «Это не изъ аристократовъ, это — нашъ, послушаемъ!» восклицаетъ онъ и аплодируетъ оратору. Вообще, виѣшность играетъ такую

большую роль въ его глазахъ, что вы можете осмѣлеть его самыми жестокими оскорбленіями, назвать его негодяемъ, карманнымъ воромъ, паразитомъ, и онъ останется хладнокровнымъ къ вашей брани, но скажите вы ему только съ презрѣніемъ: убирайся ты со своей грязной блузой, и онъ передъ вами тотчасъ превратится въ звѣря.

Къ пятой категоріи (*le sublime flétri et descendu*) авторъ причисляетъ три типа: 1) типъ паразита-сводника; 2) заклеименнаго судомъ и 3) прожигнагося кутилу, занимавшаго нѣкогда болѣе высшее мѣсто въ обществѣ.

Что касается до сводника (*prochète*), то всѣмъ извѣстенъ этотъ типъ господина, живущаго на счетъ проституціи несчастныхъ, мѣнѣе все-таки падшихъ, чѣмъ онъ самъ. Въ юности, будучи фабричнымъ рабочникомъ, онъ водился со старшими и незамѣтно сдѣлался такимъ же, какъ они. Въ субботы полученія заработка, онъ кутилъ съ ними и черезъ нихъ свелъ знакомство съ особой предосудительнаго поведенія. Мать ждала его по два, по три дня и, случалось, жаловалась въ полицію, когда онъ долго не являлся. Прокутивши весь заработокъ, онъ возвращался въ мастерскую, но такъ какъ денегъ у него не было, онъ бралъ ихъ у своей любовной. Такъ какъ днемъ онъ работалъ, то могъ удѣлять ей только вечера и извѣстные дни выхода¹. Но, въ одинъ прекрасный день, онъ оставилъ со-всѣмъ свое мѣсто въ мастерской, такъ какъ любовная его добывала достаточно, а, между тѣмъ, скучала безъ него по утрамъ, могла его бросить, и такимъ образомъ омончательно дѣлался сводникомъ. Это типъ чрезвычайно вредный въ рабочемъ классѣ: въ промежутокъ перехода отъ труда къ полному прокленетству онъ вліяетъ самымъ разлагавшимъ образомъ на многихъ изъ своихъ товарищей по мастерской.

Заклеименный закономъ, это—ворюшка, разъ сидѣвшій уже въ тюрьмѣ и на скамьѣ подсудимыхъ. Верадчивый, лъстивый, въ то же время ловкій и расторопный, онъ могъ бы быть хорошакомъ рабочникомъ, еслибы работалъ постоянно, а не урывками. Но онъ пропадаетъ по недѣлямъ, а иногда и по мѣсяцамъ, и никто не знаетъ гдѣ. Послѣ подобныхъ исчезновеній, онъ можетъ вынырнуть снова на скамьѣ подсудимыхъ, запутавъ кое-кого изъ товарищей, которыхъ ему удастся также и завербовать въ сообщники по воровству, причемъ дѣло начинается съ кражи инструментовъ у своихъ же сотоварищей, а потомъ порою доходить и до крупнаго воровства со взломомъ.

Прогорѣвшій кутила представляется самымъ вреднымъ и развращающимъ элементомъ въ рабочемъ классѣ. Это человекъ воспитанный и образованный. Въ свое время, онъ самъ имѣлъ рабочихъ, экипажи, дѣлалъ большія дѣла, но, конечно, ужь раз-

¹ По закону, патентованная проститутка имѣетъ по субботамъ право выхода изъ заведенія.

ныя превратности судьбы принудили его взяться за рабочий молотъ. Но это продолжится недолго, увѣраетъ онъ товарищей: у него есть богатая тетка, которая скоро умретъ и оставитъ ему богатое наслѣдство. Въ ожиданіи этого, онъ подмаываетъ къ молодому съблиму, льститъ ему, увѣряя, что съ его способностями онъ совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ; сулитъ ему протекцію вліятельныхъ людей для получения болѣе виднаго мѣста, а самъ между тѣмъ кутитъ на его счетъ и занимаетъ у него деньги. Между прочимъ, онъ корчитъ изъ себя законника и впутываетъ товарищей въ кляузы. Такъ, если работникъ подвергся увѣщанію въ мастерской, онъ его подстрекаетъ, чтобы онъ не склонялся на предложенное хозяйномъ вспоможеніе, а добивался путемъ закона болѣе значительной награды, и, опять-таки, обѣщаетъ ему свою протекцію, выманивая у него деньги и угощенія. Подобно обыкновенному съблиму, онъ работаетъ отъ 200 до 225 дней въ году. Говоритъ онъ съ апломбомъ, растагивая слова изысканными фразами; судить о политикѣ, ничего въ ней не понимая, любить привлекать къ себѣ фабричную молодежь салными анекдотами. На пирушкахъ онъ занимаетъ президентское мѣсто, выдавая себя за знатока по части винъ и лѣтъ. Если ассоціація имѣетъ несчастье допустить его въ свои члены, горе управляющему этой ассоціаціи: прогорѣвшій съблимъ ловко сумѣетъ заподозрить его въ глазахъ сочленовъ. Такимъ образомъ, подобный субъектъ представляется не только злымъ честолюбцемъ, но и опасною язвою въ средѣ рабочаго класса.

Далѣе, въ лицѣ истаго съблима представляется съблимизмъ въ апогеѣ своего развитія. Истинный съблимъ работаетъ всего 170 дней въ году, не болѣе трехъ, четырехъ дней въ недѣлю. Онъ тщеславится своими пороками, и хвастовство это доходитъ до возмутительнаго цинизма. Онъ постоянно пребываетъ между двумя рюмками водки, причемъ брезгаетъ виномъ и даже обыкновенную водку считаетъ дрянью: онъ предпочитаетъ водку купоросную и не остановится даже передъ чистымъ спиртомъ. Лица истыхъ съблимовъ бываютъ двухъ цвѣтовъ: или синебагровыя, или пунцовыя. Вообще, это люди, окончательно спившіеся, пьющіе горькую чашу, какъ говорятъ у насъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, это—натуры въ высшей степени талантливыя, проворныя и ловкіе работники. Сознаніе своихъ достоинствъ и чрезвычайна-захваливанья и приводятъ ихъ, по мнѣнію автора, къ безпробудному пьянству. Чѣмъ болѣе такой съблимъ считаетъ себя незамѣнимымъ работникомъ, тѣмъ болѣе онъ полагаетъ себя въ правѣ уклоняться отъ работы; онъ увѣренъ, что имъ дорожатъ и не выгонятъ его, потому что какъ же можно обойтись безъ него: онъ—первый работникъ въ столицѣ по своей части! Хвастовство его вообще не имѣетъ предѣловъ. Въ кабацѣ онъ хвалится всѣмъ перепеть и просить, чтобы его не задѣвали, а то отъ всѣхъ останется мокренько. Въ мастерской, стоитъ ему сдѣлать одну какую-нибудь маленькую гаечку въ машинѣ, и онъ бу...

дети хвалиться, что онъ сдѣлалъ всю машину. Онъ только и дѣлаетъ, что съ утра до ночи хвалится своими подвигами. Это онъ поставилъ ильскую колонну, безъ него она и до сей поры лежала бы, онъ соорудилъ мостъ des Saints Pères; Полонсо очень любилъ его; онъ сковалъ и коромысло на Гренельскомъ колодезь. Что касается мастерской, то пока его не было въ ней, никто ничего не умѣлъ, едва были способны задуть огонь. Хозяинъ долженъ бы ноги дѣловать у него и пр. Настоящаго сюрлима очень легко отличить по его грязной, вонючей одеждѣ, стоптанной, прорванной обуви, по его голосу, глухому, хриплому, и по той водочной вони, которою несетъ отъ него, какъ изъ бочки. Если вы спросите у него, гдѣ онъ работаетъ, онъ смѣраетъ васъ съ головы до ногъ въ изумленіи, что вы не знаете его... его, который... и съ рѣшительнымъ жестомъ отвѣтитъ вамъ, наконецъ, что это онъ и есть, конечно, извѣстный вамъ Грязный кловъ или Неутолимая пьянчуга или Деревянный полштофъ. Лѣнь, рисовка, пьянство и грубость, не знающая удержа и не стѣсняющаяся ни передъ кѣмъ самую забористую бранью — вотъ суть сюрлима этого сорта.

Настоящій сюрлимъ мало говоритъ о политикѣ, читаетъ рѣдко; такъ, иногда пробѣжитъ номеръ газеты, чтобы узнать о новостяхъ. Но зато онъ внимательно слушаетъ чтеніе и особенно комментариі въ духъ его рабочихъ интересовъ.

Въ массѣ, сюрлимы способны выдвигать изъ среды своей героевъ, но отдѣльно взятый сюрлимъ пошлъ, малодушенъ, глупъ и гадокъ. Если онъ женатъ, жена ничего не составляетъ въ его глазахъ; хоть бы на мѣстѣ ея была кобыла или коза, это мало его занимаетъ. Когда онъ принужденъ бываетъ идти куда-нибудь съ нею, онъ говоритъ на другой день: «я вчера гулялъ съ своей пиллою». Настоящій сюрлимъ устраиваетъ квартирныя дѣла такимъ образомъ, что не только не платитъ за квартиру, но хозяинъ даетъ ему еще денегъ, чтобы онъ поскорѣй убирался. Жены терпятъ подобныхъ мужей только ради дѣтей. Колостые же сюрлимы, вдовцы или покинутые женами связываются обыкновенно съ ветхими развалинами былаго проститутства, не успѣвшими пристроиться въ молодости — и выходятъ чета, вполне достойная друга. Въ заключеніе, слѣдуетъ сказать, что настоящіе сюрлимы представляютъ своими подвигами пьянства и обжорства легендарный элементъ парижскихъ рабочихъ классовъ. Между ними выдаются такіе богатыри, которые своими колоссальными желудками, могущими вмѣстять несмѣтное количество вина или пищи, приобретаютъ славу, переходящую въ потомство. Такъ, на примѣръ, вышеупомянутый Деревянный полштофъ славился тѣмъ, что могъ выпивать однимъ залпомъ жбанъ вина въ 5 литровъ, за что и получилъ свое прозвище. Существовало нѣкоторое особенное общество Rince-pintes, заведенное въ оппозицію обществамъ трезвости, которое прославилось своими подвигами пьянства. Чтобы удо-

стоитъ званія члена его, нужно было быть способнымъ вынуть, по крайней мѣрѣ, одну пинту или два литра въ двѣ минуты. На собраніяхъ этого общества предлагались конкурсы на состязанія по части выпивки. Можно легко себѣ представить результаты такихъ ужасающихъ испытаній.

До сихъ поръ авторъ представлялся намъ вполне логичнымъ и послѣдовательнымъ въ своей классификаціи рабочихъ по нисходящимъ ступенямъ ихъ умственной и нравственной деморализаціи. Если только въ какомъ-нибудь отношеніи и можно было его опровергнуть, то развѣ только относительно порядка его рубрикъ. Такъ, пятая рубрика безъ труда могла бы помѣняться съ шестю, потому что какъ ни грязенъ и какъ не дикъ въ своемъ пьянствѣ и обжорствѣ истый сублимъ, а все таки на иные глаза онъ можетъ показаться нравственно выше тѣхъ типовъ сводниковъ, ворюшекъ и прогорѣвшихъ буржуа, какіе авторъ характеризуетъ въ пятой рубрикѣ. Но, во всякомъ случаѣ, руководящая нить классификаціи останется одна и та же, какъ бы вы ни перемѣняли рубрики. — Но далѣе затѣмъ авторъ вдругъ сославкиваетъ съ этой руководящей нити совершенно въ сторону, и двѣ остальные рубрики, седьмая и восьмая, не имѣютъ никакаго логическаго соотвѣтствія съ шестю предыдущими. Авторъ самъ чувствуетъ этотъ логическій промахъ своей классификаціи и дѣлаетъ, приступая къ седьмой главѣ, слѣдующую оговорку:

«Тѣ три категоріи сублимизма, которыя мы рассмотрѣли, представляютъ дисградацію, большее и большее одичаніе, весьма низшую ступень умственнаго развитія или полное отсутствіе его. Двѣ же послѣднія категоріи, которыя мы обозначаемъ терминомъ «божьи сублимы», напротивъ того рисуются въ блескѣ теоретическаго развитія. Но это не мѣшаетъ нашей рѣчи, такъ какъ божьи сублимы часто опускаются такъ же низко, какъ и истые сублимы, но только другимъ образомъ».

Но въ чемъ же заключается это опусканіе до истыхъ сублимовъ и какимъ это такимъ *другимъ образомъ* оно происходитъ, авторъ этого намъ не показалъ. Напротивъ того, на первой же страницѣ онъ впадаетъ въ этомъ отношеніи въ полное противорѣчіе съ самимъ собою.

Такъ мы видимъ, что типъ, обозначаемый имъ снѣгъ божій (le fils de dieu), характеризуется имъ слѣдующимъ образомъ: онъ работаетъ отъ 260 до 270 дней въ году; одѣвается опротно, носитъ пальто. За рѣдкими исключеніями, онъ отличный работникъ. Въ мастерской онъ стоитъ вполне наравнѣ съ идеальнымъ работникомъ. Онъ ежедневно читаетъ журналы и разсуждаетъ о полетикѣ. Онъ почти всегда ораторъ. У него нѣтъ хвастливости истаго сублима, онъ не позируетъ подобно послѣднему. Онъ имѣетъ видъ глубоко размышляющаго и сосредоточеннаго мыслителя, непрестанно занятаго рѣшеніемъ общественныхъ вопросовъ. Въ пищѣ и питѣи онъ воздерженъ и трезвъ. Онъ искрененъ въ своихъ убѣжденіяхъ — рѣдкое качество въ нашъ каучуковый вѣкъ;

вѣра его въ средства для общественнаго возрожденія непоколебима. У него есть въ этомъ отношеніи жила мученичества: онъ не отступитъ ни передъ чѣмъ, чтобы оправдать свою политическую вѣру, готовъ пожертвовать даже и жизнью. «Но въдѣ это возвышенно, благородно! восклицаетъ авторъ при этомъ:—это героизмъ, почерпаемое изъ убѣжденій, идеалъ истиннаго гражданина!» Но тогда въ чему же помѣщать божія сына въ число сублимовъ?

Далѣе оказывается, что авторъ помѣщаетъ божіихъ сыновей въ число сублимовъ по двумъ причинамъ. Во первыхъ, потому, что сынъ божій не подходитъ къ типу идеальнаго рабочаго по отношенію къ мѣщанско-семейнымъ добродѣтелямъ: такъ, онъ является плохимъ семьяниномъ, потому что, по своимъ принципамъ, совсѣмъ не женится, причѣмъ онъ не смущается тѣмъ, что ребенокъ, прижитый имъ съ служанкою, будетъ отправленъ ею въ воспитательный домъ; по ббльшей же части, онъ любитъ посѣщать всякіе балъ-мабляи, гдѣ онъ является первымъ танцоромъ и заводитъ порой связи съ знаменитостями танцевальныхъ вечеровъ, причѣмъ не брезгаетъ подарками и даже содержаніемъ этихъ особъ. Въмѣстѣ съ этимъ, онъ неаккуратный плательщикъ долговъ и готовъ бываетъ совсѣмъ уклониться отъ уплаты, если представится къ тому возможность. Но самая главная вина божія сына, за которую авторъ наиболѣе обрушивается на него, является въ видѣ того политическаго элемента, который представляетъ собою сынъ божій. Это—человѣкъ дѣла и притомъ непосредственнаго движенія. Онъ мало занимается какими либо экономическими теоріями улучшенія быта рабочихъ и довольствуется однѣми общими фразами въ этомъ духѣ. На первомъ планѣ стоитъ у него политика и въ этомъ отношеніи онъ—истый якобинецъ и террористъ. Онъ старается дѣйствовать преимущественно на возбужденіе страстей, при чемъ, конечно, самымъ годнымъ для этого матеріаломъ представляются ему сублимы, и онъ становится во главѣ ихъ, льстя имъ, пользуясь ихъ пороками и разжигая въ нихъ ненависть противъ хозяина мастерской и исправныхъ рабочихъ. Божіимъ сыновьямъ наиболѣе обязаны послѣдніе въ тѣхъ подозрѣніяхъ въ инюиствѣ и различныхъ оскорбительныхъ кличкахъ, которыми осмѣиваютъ ихъ сублимы.

Что касается сублимовъ высшей пробы, то у нихъ вы найдете въ описаніи автора еще менѣе нравственныхъ недостатковъ, чѣмъ у божіихъ сыновей. Это, по ббльшей части, главные мастера, начальники мастерскихъ, члены совѣтовъ присяжныхъ и представители рабочихъ въ депутаціяхъ всякаго рода, люди, вполне образованные, начитанные, первые и самые вліятельные ораторы на народныхъ сходкахъ. Они отличаются отъ божіихъ сыновей только тѣмъ, что, въ то время, какъ божіи сыновья стоятъ на почвѣ политики, сублимы высшей пробы—преимущественно теоретики, утописты, развиваютъ различныя теоріи идеальнаго общественнаго строя. Божіи сыновья дѣйствуютъ на страсти, субли-

мы высшей пробы — на разумъ, убѣжденія. Вотъ вся разница между ними.

Ниже авторъ приводитъ двѣ сравнительныя таблицы численнаго отношенія работниковъ вышеупомянутыхъ восьми категорій, причемъ первая таблица касается механиковъ вообще; вторая же представляетъ отношеніе различныхъ категорій механическаго производства. Итакъ, по мнѣнію автора, на 100 работниковъ въ механическихъ мастерскихъ приходится:

идеальныхъ работниковъ	10
обыкновенныхъ работниковъ	15
работниковъ посредственныхъ	15
обыкновенныхъ слоблимовъ	20
слоблимовъ, заклепанныхъ и прогорѣвшихъ	7
истыхъ слоблимовъ	10
божійхъ сыновей	16
слоблимовъ высшей пробы	7

Итого 40 работн. и 60 слобл.

Работники различныхъ категорій механическаго дѣла представляютъ слѣдующее отношеніе:

1) Модельщики	40 слобл.	60 раб.
2) Литейщики	40 »	60 »
3) Кузнецы	75 »	25 »
4) Чеканщики	85 »	15 »
5) Шпворенщики	85 »	15 »
6) Котельники	75 »	25 »
7) Оправщики (собирающіе вмѣстѣ отдѣльныя части издѣлій)	50 »	50 »
8) Токари, скобельщики и сверлильщики	60 »	40 »
9) Слесари	60 »	40 »
10) Управляющіе работами	30 »	70 »

Итого 600 » 400 »

Приведа эти таблицы и усматривая изъ нихъ, что перевѣсъ остается на сторонѣ слоблимовъ, авторъ затѣмъ предается горькимъ сѣтованіямъ и пророчитъ, что, если число слоблимовъ будетъ продолжать возрастать въ такой же пропорціи, какъ оно возрастаетъ въ послѣднее время, то, въ концѣ концовъ, вся фабричная промышленность должна прійти къ концу, изсякнуть, и дѣло дойдетъ до всеобщаго банкротства, не говоря уже о тѣхъ страшныхъ потрясеніяхъ, какихъ слѣдуетъ ожидать въ будущемъ при подобномъ порядкѣ вещей.

Если мы теперь оставимъ на время автора въ сторонѣ и попробуемъ взглянуть самостоятельно на тѣ восемь категорій работниковъ, которыя онъ намъ представилъ, и затѣмъ и на изображенныя имъ таблицы, то дѣло можетъ представиться намъ если не въ болѣе отрадномъ свѣтѣ, то, во всякомъ случаѣ, совсѣмъ въ иномъ видѣ, чутъ что не противоположномъ относительно нравственныхъ точекъ зрѣнія автора. Въ самомъ дѣлѣ

если вы постараетесь, отрѣшась отъ нравственныхъ воззрѣній автора, взглянуть вполне безпристрастными глазами на изображенную имъ характеристику работниковъ всѣхъ восьми категорій, то васъ поразитъ аналогія, знаете ли съ тѣмъ? Именно съ тѣми характеристиками нашихъ бурсъ, корпусовъ, вообще дореформенныхъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, характеристиками, которыя въ изобиліи можете найти въ нашей беллетристикѣ прошлаго десятилѣтія. Совершенно точно такъ же на 100 воспитанниковъ семинаріи или корпуса воспитанниковъ 10 находилось такихъ идеальныхъ, которые вполне удовлетворяли всѣмъ требованіямъ официальной морали, поведеніе бывали самаго благоправнаго, по отношенію къ начальству безукоризненно вѣжливы, почтительны и даже предупредительны, въ усердіи по части долбленія уроковъ доходили до самоотверженія и пр. пр. Но странно, подобные воспитанники рѣдко оправдывали въ жизни тѣ блистательныя ожиданія, какія возлагались на нихъ въ училищахъ: изъ нихъ выходили потомъ весьма жиденькіе, безцвѣтные, зачастую и въ достаточной мѣрѣ подленькіе людишки. Затѣмъ слѣдовала масса посредственныхъ воспитанниковъ, представлявшихъ преобладающій составъ воспитанниковъ съ различными маленькими грѣшками, большее или меньшее количество которыхъ приближало ихъ то къ категоріи идеальныхъ воспитанниковъ, то, напротивъ того, къ разряду отпѣтыхъ. Эти отпѣтые, какъ они назывались на ученическомъ жаргонѣ, и «негодяи», какъ честило ихъ начальство, представляли собою лѣвтяевъ, повѣсь и всякаго рода пакостниковъ, которые шли окончателно наперекоръ училищной морали. Подобно сублимамъ парижскихъ фабрикъ, они только и думали о томъ, какъ бы отлынуть отъ работы; точно такъ же надуть и проведсти начальство въ ихъ глазахъ представлялось не преступленіемъ, а нравственнымъ подвигомъ; точно также изъ среды ихъ выступили страшилища по части обжорства, пьянства и всякаго недотребства, тщеславившіеся своими пороками и доставлявшие своими подвигами матеріалъ для училищной скандальной хроникки. Рядомъ съ этими негодьями «тѣла», если можно такъ выразится, стояли негодяи «духа». Въ глазахъ начальства, съ точки зрѣнія училищной морали, это были, конечно, тоже негодяи, потому что очень плохо учились или совсѣмъ махали рукой на ученье, грубили учителямъ, участвовали и стояли даже во главѣ различныхъ классныхъ заговоровъ. Но негодяйство ихъ ударялось въ другую, противоположную крайность: въ то время, какъ негодяи тѣла старались превзойти товарищей въ буйствѣ, обжорствѣ и всякихъ физическихъ излишествахъ, негодяи духа проиивались стремленіемъ самостоятельнаго нравственнаго и умственнаго развитія, ударяясь въ мечтательность и фантазѣрство, если подъ руками ихъ не было книжекъ, чтеніе которыхъ могло бы дать болѣе правильное и трезвое направленіе ихъ мысли. Во всякомъ случаѣ, какъ негодяи духа, такъ и негодяи тѣла представлялись наиболѣе богато-одаренными натурами. Если

они не погибали подъ гнетомъ школьной рутинны и дальнѣйшихъ невгодъ жизни, то изъ нихъ выходили талантливыя, честныя и надежныя люди. На школьной же скамьѣ между примѣрными воспитанниками и негодными обѣихъ категорій существовалъ постоянный антагонизмъ, выражавшійся во взаимномъ презрѣніи и враждѣ, при чемъ примѣрные, ради угожденія начальству и самосохраненія, доносили на негодяевъ, а негодяи ихъ за это честили самыми неприятыми прозвищами и колотили.

Совершенно точно такую же классификацію представляютъ и тѣ восемь категорій парижскихъ рабочихъ, которыя представляемъ авторъ разсматриваемой книги. Идеальныя рабочіе первой категоріи вполне соответствуютъ примѣрнымъ воспитанникамъ нашихъ старинныхъ закрытыхъ заведеній. Такъ, между прочимъ, вотъ что говоритъ авторъ о своихъ идеальныхъ рабочихъ:

«Когда съблимъ говорить о хозяинѣ, что онъ — эксплуататоръ, идеальный рабочій возражаетъ ему: «а будь ты на его мѣстѣ, какъ бы ты поступалъ? Если тебѣ не нравится заведеніе, ступай въ другое». Вообще онъ разсудителенъ и исполненъ здраваго смысла. Ему бы хотѣлось зарабатывать больше, но онъ знаетъ, что положеніе работника одинаково повсюду, и что, въ концѣ концовъ, гораздо выгоднѣе утвердиться у мало мальски порядочнаго хозяина, который, наконецъ, отличить его и наградить своимъ довѣріемъ. Не мало можно встрѣтить идеальныхъ рабочихъ, которымъ удалось устроиться, и я могъ бы насчитать до двадцати бывшихъ управляющихъ большими заведеніями, не болѣе какъ въ пятнадцать лѣтъ сами основавшихъ отличныя и обширныя мастерскія. Индивидуализмъ имѣетъ и свои хорошія стороны».

Далѣе слѣдуютъ, по нисходящей линіи категорій, обыкновенныя и посредственныя рабочіе, которыя вполне соответствуютъ посредственнымъ воспитанникамъ, колеблющимся между разрядами воспитанниковъ примѣрныхъ и отпѣтыхъ. Что же касается съблимовъ, то ихъ, подобно отпѣтымъ воспитанникамъ, можно раздѣлить на съблимовъ тѣла, тщеславящихся цинизмомъ своего разврата, и съблимовъ духа, которыхъ авторъ именуетъ божьими съблимами. Авторъ самъ, при всемъ своемъ отвращеніи къ съблимизму, свидѣтельствуеетъ, что не только божьи съблимы, но развратники — малые способности, и что даровитость очень часто и влечетъ ихъ на путь съблизмиа, вслѣдствіе захваливанья, поселяющаго въ нихъ сознаніе, что имъ можно, какъ угодно, макировать работой, такъ какъ ими очень дорожатъ. Въ тоже самое время, говоря объ истинъ съблимахъ, авторъ приводитъ одинъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ трогательномъ духѣ товарищества, который, какъ всѣмъ извѣстно, существовалъ и среди отпѣтыхъ воспитанниковъ. Такъ, когда одинъ запьянствуетъ, другой заступаетъ его мѣсто и работаетъ за него. Двоимъ съблимамъ, такимъ образомъ, пришлось, однажды, не видѣться другъ съ другомъ въ продолженіи восьми мѣсяцевъ, такъ какъ постоянно

они забили взаимно друг друга. «Надо было идти объ-
зти и рукопожатия ихъ, когда они, наконецъ, встрѣтились. Они
сдѣлались закадычными друзьями на всю жизнь. Хосеитъ, при-
бавляетъ въ этомъ авторъ:—былъ настолько слабъ, что вообра-
жалъ, будто онъ дѣлаетъ благодѣяніе своимъ рабочимъ, терпя
подобныя вещи».

Если мы все это примемъ въ соображеніе, то мрачная картина,
которую нарисовалъ нашъ авторъ, должна представиться еще
мрачнѣе. Оказывается, что мало того, что количество сублимовъ
превышаетъ число прилежныхъ работниковъ, но при этомъ про-
мышленность утрачиваетъ въ лицѣ сублимовъ все наиболее та-
лантливое и щедро-одаренное природою мускульными и нервными
силами.

Педагогія давно и теоретически, и практически порѣшила во-
просъ о сублимизмѣ воспитанниковъ такимъ образомъ, что пре-
обладаніе лѣнтяевъ и новѣвъ въ классѣ находится въ обратномъ
пропорціональномъ отношеніи съ удовлетвореніемъ моральныхъ
и физическихъ потребностей человѣческой природы воспитанни-
ковъ. Вообразите себѣ монотонную, однообразную жизнь, рас-
численную по часамъ, наполненную бессмысленной и утоми-
тельной долбней, ни мало не занимающею мысль человѣка и
вобуждающею только скуку и отвращеніе. Естественно, при этомъ,
долженъ образоваться избытокъ нервныхъ силъ, ничѣмъ не заня-
тыхъ, никуда не направленныхъ и требующихъ какого-нибудь
исхода, и, конечно, этотъ избытокъ долженъ быть тѣмъ больше,
чѣмъ щедрѣе человѣкъ одаренъ отъ природы. Прибавьте еще
къ всему этому и другія стороны дурного воспитанія, въ родѣ пло-
хой пищи, брани, наказаній, побоевъ и всякаго рода нравствен-
ныхъ угнетеній, вслѣдствіе которыхъ незанятый избытокъ нерв-
ныхъ силъ долженъ еще болѣе раздражаться и обостряться, и
опять-таки тѣмъ въ болѣеи степени, чѣмъ богаче человѣкъ
этими нервными силами; въ результатъ, при подобной системѣ вос-
питанія, вы и получите тѣмъ болѣишій процентъ лѣнтяевъ и по-
вѣвъ, чѣмъ хуже условія воспитанія и даровитѣе составъ воспи-
танниковъ.

Что совершенно тотъ же самый законъ оказываетъ свое дѣй-
ствіе и среди парижскихъ рабочихъ, въ этомъ мы можемъ убѣдиться,
взглянувши бѣглимъ взглядомъ на представленную авторомъ вто-
рую таблицу отношеній порядочныхъ работниковъ къ сублимамъ
по разнымъ отраслямъ желѣзнаго производства. Такъ, мы видимъ,
что наименьшее число сублимовъ приходится на долю управляю-
щихъ фабричными работами, лѣщниковъ, литейщиковъ, оправ-
щиковъ; все это работы, сравнительно не столь обременительныя
для тѣла, какъ прочія, и для нихъ требуется усиліе ума. Что
же касается до кузнецовъ, чеканщиковъ, шеворенщиковъ, ко-
тельщиковъ, то они даютъ наибольшій процентъ сублимовъ. И
это очень понятно: вы подумайте только о всей каторжности
этихъ работъ. Одна изъ маленькихъ парижскихъ газетокъ 1870 г.,

въ рецензіи своей на книгу «D. P.», сдѣлала нѣсколько весьма дѣльных замѣчаній въ этомъ отношеніи относительно неизбѣжности пьянства кузнецовъ:

«Не слѣдуетъ относиться слишкомъ строго къ парижскимъ работникамъ, говорить неизвѣстный авторъ этой рецензіи: — ихъ адъ имѣть свои дантовы круги. Недостаточно разсуждать объ этомъ съ поверхностностью челоѣка, развалившагося въ креслѣ, въ позѣ ничегонеделанія. Слѣдуетъ посмотрѣть своими глазами. Тогда авось явится у васъ милосердіе и снисходительность.

«Пожалуй, заявляйте свои строгія требованія, чтобы челоѣкъ былъ неутомимъ при деревянныхъ и каменныхъ работахъ. Дерево оказываетъ свою любезность, какъ это хорошо извѣстно столярамъ, тоарямъ и рѣщикамъ. Даже и камень не лишень пріятности въ обращеніи.

«Но желѣзо, но огонь!.. Одно безъ другого немислимо, всякій это знаетъ. Но, чтобы защититься отъ него, кузнецъ, механикъ, кочегарь — однимъ словомъ, всѣ работающіе молотомъ — имѣютъ одного друга — вино! Не будемъ же обвинять этихъ несчастныхъ, что они пьютъ. Сколько разъ видѣлъ я ихъ, полуобнаженныхъ, въ ломотяхъ, мокрыхъ отъ пота, испачканныхъ ржавчиною, сажею и пепломъ, съ опаленными волосами, слезящимися, гноящимися слѣплыми глазами, лишенными рѣсницъ и бровей, при чемъ руки, грудь, лицо представлялись изсѣченными рубцами, ранами и усѣянными слѣдами тѣхъ огненныхъ брызгъ, какія летятъ изъ подъ кушачаго молота.

«Пусть же пьютъ и отдыхаютъ почаще эти циклопы. Не чамъ ихъ упрекать и судить. Кому никогда не было жарко, тотъ пусть бросаетъ въ нихъ камень, если ему угодно. Пожалѣемъ лучше о томъ, что ничего не предпринято для утоленія ихъ профессиональной, если можно такъ выразиться, жажды. Путешественники, не всегда, конечно, достовѣрные, рассказываютъ, что въ Германіи на нѣкоторыхъ литейныхъ, кузничныхъ и стевлянныхъ заводахъ христіанское участіе хозяевъ устроило крапивницы, у которыхъ работники, уставши париться у огня и дышать раскаленнымъ воздухомъ, могутъ освѣжать свои члены и утолять жажду. Германія — вѣчная страна поэтовъ и мечтателей! Даже и въ кузницы проникаетъ тамъ сентиментальность! Они много читаютъ, и это ихъ погубитъ. Мы далеки отъ этихъ глупыхъ, фамиллярныхъ вѣжностей. Мы суровы. Семейныя чувства мы исключительно сохраняемъ для нашего домашняго очага и не позволяемъ себѣ, чтобы они выпускались въ мастерскія. Наши кузницы — плантаціи, и мы ведемъ себя въ нихъ чистыми креолами. Наши негры не совсѣмъ только черны — вотъ и вся разница. Къ тому же, мы очень религіозны и вѣримъ, что трудъ есть наказаніе свыше. Поэтому, и не слѣдуетъ его смягчать. Это значило бы возставать противъ догмата первороднаго грѣха и исправлять Виблію... Авторъ разсматриваемой нами книги является именно господиномъ, не желающимъ исправлять Виблію. Онъ совершенно

упускаетъ изъ виду тѣ условія жизни парижскихъ рабочихъ, которыя роковымъ путемъ вліяютъ на этихъ людей и ведутъ ихъ къ сублимизму. По своей морали, онъ стоитъ всецѣло на рутинной почвѣ индивидуализма и воображаетъ, что нравственность людей вполне зависитъ отъ ихъ доброй воли. Онъ судитъ въ этомъ отношеніи по себѣ, такъ какъ самъ вполне подходитъ къ типу тѣхъ идеальныхъ работниковъ, о которыхъ трактуетъ въ первой главѣ своей книги: онъ самъ себя называетъ въ предисловіи счастливецемъ и говоритъ, что своему благосостоянію обязанъ ничему иному, какъ своему труду. Отчего же и другіе не могутъ добиться того же самаго и тѣмъ же путемъ трудолюбія, бережливости, угожденія хозяину и проч? Мѣрая достоинства и недостатки своихъ товарищей на чисто фабричный аршинъ и смотря потому, сколько какой человекъ приноситъ пользы въ карманъ фабриканта, авторъ, въ тоже время, относительно сублимовъ вполне стоитъ на почвѣ тѣхъ рутинныхъ педагоговъ старой школы, которые воображали, что испорченные воспитанники являются отъ нерадѣнія, дурныхъ примѣровъ и поблажки со стороны начальства. Поэтому, и средства, которыя предлагаетъ авторъ для исправленія нравовъ парижскихъ работниковъ и для искорененія сублимизма, вполне соответствуютъ тѣмъ педагогическимъ приемамъ, какіе нѣкогда практиковались рутинными педагогами. Все дѣло ограничивается здѣсь именно искорененіемъ, путемъ отстраненія. Такъ, самое главное и первое средство, по мнѣнію автора, заключается въ уничтоженіи въ мастерскихъ учениковъ, которые, подвергаясь вліянію сублимовъ, сами дѣлаются подобными имъ. Въмѣсто этого, авторъ проэктируетъ учрежденіе по всей странѣ техническихъ училищъ, которыя приготовляли бы образованныхъ и дѣльныхъ мастеровъ. Мѣра эта безспорно сама по себѣ прекрасная и весьма желательная, но, по отношенію къ вопросу о сублимизмѣ, она, во всякомъ случаѣ, является палліативомъ, потому что, если принять въ соображеніе тѣ существенныя причины, которыя производятъ и развиваютъ сублимизмъ, то можно ли поручиться, чтобы самые образованные и дѣльные мастера, вышедшіе изъ техническихъ училищъ, не обратились бы въ послѣдствіи въ сублимовъ, подвергаясь все тѣмъ же неблагоприятнымъ условіямъ жизни, общимъ для всѣхъ парижскихъ работниковъ? Въ этомъ случаѣ на чтѣ и можно разсчитывать, такъ это развѣ на уменьшеніе числа сублимовъ-пьяницъ и циниковъ, но зато навѣрное въ значительной степени должно возрасти число божьихъ сублимовъ. Второю мѣрой, предлагаемою авторомъ, является развитіе, распространеніе и правильная организациа синдикатовъ и совѣтовъ присяжныхъ (*les conseils de prud'hommes*), которые, состоя изъ членовъ, выбранныхъ всеобщей подачею голосовъ изъ рабочихъ и фабрикантовъ, рѣшали бы всѣ споры и недоразумѣнія между хозяевами и работниками, устанавливали какъ число рабочихъ часовъ, такъ и рабочую плату и пр. Эти синдикаты должны выдавать работникамъ свидѣтельства

въ родѣ нашихъ адресныхъ билетовъ, въ которыхъ прописывалось бы имя рабочаго, его лѣта, происхождение и сроки его работъ на разныхъ фабрикахъ. По этому свидѣтельству хозяинъ всегда могъ бы отличить хорошаго работника отъ сублима, сообразно долговременности пребыванія работника на мѣстѣ, занимаемомъ имъ до того времени. Но самую главною мѣрою, въ глазахъ автора, является развитие и распространение различнаго рода рабочихъ ассоціацій, производительныхъ и потребительныхъ, ссудосберегательныхъ и страховыхъ — съ весьма строгими уставами, при которыхъ пребываніе сублима въ нѣдрахъ ассоціаціи было бы немислимо.

Предположимъ, что всѣ эти мѣры, проектируемыя авторомъ, осуществились бы: ни одинъ работникъ не принимался бы на фабрику безъ аттестата, свидѣтельствующаго о его примѣрномъ поведеніи, ни одинъ сублимъ ни тѣла, ни духа, не могъ бы проникнуть сквозь запретную для него дверь мастерской. Въ тоже время, ассоціаціи такъ развились бы и распространились, что члены ихъ могли бы совсѣмъ встать на свои ноги и завладѣть фабричною промышленностью на правахъ хозяевъ. Но не забудьте, что такого завиднаго положенія могло бы достигнуть только меньшинство парижскихъ рабочихъ, мало мальски подходящихъ въ тому типу идеальнаго работника, который изобразилъ нашъ авторъ. Большинство, болѣе 60%, въ качествѣ сублимовъ, мало-того, что не было бы допущено ко вкушенію всѣхъ благъ земныхъ, открытыхъ для членовъ ассоціацій, но они должны были бы очутиться въ положеніи гораздо болѣе ужасномъ, чѣмъ находятся нынѣ. Въ самомъ дѣлѣ: при настоящихъ порядкахъ сублимъ, самый отчаянный, работающій всего 150 дней въ году, все-таки приноситъ свою долю пользы этими полуторастами днями и кое-какъ поддерживаетъ свое существованіе съ грѣхомъ пополамъ; но авторъ желаетъ, чтобы сублимы были совсѣмъ выброшены за бортъ фабричной промышленности, лишены разъ и навсегда возможности и всякаго права трудиться—однимъ словомъ, безапелляціонно осуждены на голодную смерть. И при этомъ не нужно забывать опять-таки, что такимъ образомъ былъ бы исключенъ и лишенъ права жизни наиболѣе даровитый элементъ рабочей среды.

Но не воображайте, чтобы подобная мрачная перспектива была несбыточною фантазмагорією, случайно пришедшею въ голову исключительно одному автору рассматриваемой нами книги. Я убѣжденъ, что мнѣнія, высказываемыя имъ, раздѣляются цѣлою группою рабочихъ, принадлежащихъ къ одному съ нимъ нравственному типу. Авторъ является передъ нами не какимъ либо моралистомъ, фанатикомъ, карающимъ пороки и слабости людскіе изъ одного пуризма. Во всѣхъ его нападкахъ на сублимовъ проглядываетъ замѣтная политическая нотка. Онъ ненавидитъ сублимовъ, какъ своихъ политическихъ враговъ, не упускаетъ случая, чтобы не представить въ смѣшномъ и нелѣпномъ видѣ

ихъ сходки и тѣ рѣчи, какія говорятся на этихъ сходкахъ. Въ то же время, видно, что глубоко задѣваетъ его за сердце тѣ насмѣшки, оскорбительныя прозвища, подѣ часъ и потасовки, которыми осыпають сублимы работниковъ его лагеря: во многихъ мѣстахъ книги онъ возвращается къ жалобамъ на подобное враждебное отношеніе сублимовъ, за которое онъ болѣе всего ихъ и не жалуется. Наконецъ, изъ чего, какъ не изъ политической вражды, онъ включаетъ въ число сублимовъ работниковъ двухъ послѣднихъ категорій: искусныхъ, прилежныхъ, опрятныхъ и образованныхъ не менѣе его самого? Очевидно, что тутъ замѣтенъ глубокой антагонизмъ, раздѣляющій самую рабочую среду. Конечно, во Франціи этотъ антагонизмъ далеко еще не обнаружился въ такомъ открытомъ и организованномъ видѣ, какъ, на примѣръ, въ Германіи, гдѣ онъ раздѣлилъ рабочихъ на двѣ враждебныя партіи, но, конечно, и во Франціи этотъ антагонизмъ не замедлитъ перейти съ почвы частныхъ, личныхъ столкновений отдѣльныхъ рабочихъ между собою на общественную почву партій. Какая роль предстать въ будущемъ сублимамъ: явятся ли они когда-нибудь новыми паріями, исключенными, во имя святого труда, изъ праздника жизни своими же собратами, успѣвшими засѣсть хозяевами на этомъ праздникѣ, или же дѣло совершится какъ-нибудь такъ, что, въ концѣ концовъ, не будетъ ни буржуазно-примѣрныхъ работниковъ въ духѣ автора разсматриваемой нами книги, ни сублимовъ—все это скрыто отъ насъ во мракѣ будущаго. Мы видимъ только, что настоящее Франціи очень печально. Объ авторѣ же книги «Le sublime» мы можемъ сказать тоже самое, что мы сказали и объ авторѣ брошюры «Les femmes et la fin du monde»: своей особю и своими средствами, предлагаемыми имъ для исцѣленія общества, онъ только дѣлаетъ еще мрачнѣе и безъ того мрачный фонъ картины.

Пожалуй, м-р D. P. въ этомъ отношеніи превзошелъ автора книги «Les femmes etc». Послѣдній, представивъ передъ нами зрѣлище страшнаго паденія нравовъ въ верхнихъ слояхъ общества, сболтнулъ нѣсколько пустыхъ, но вполне безобидныхъ фразъ о необходимости образованія женщины—и былъ таковъ. Первый же, показавъ намъ цифрами, что и въ низшихъ слояхъ болѣе половины согражданъ находится въ положеніи печальнаго разложенія, предлагаетъ, ради исправленія нравовъ соотечественниковъ, ампутировать радикально больную часть, предоставивъ ей умирать съ голоду на парижскихъ мостовыхъ. Что же можетъ быть лучше этого?

*

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Манифестъ республиканскаго комитета въ виду сенатскихъ выборовъ. — Комитетъ консерваторовъ. — Подготовка выборовъ: общія собранія делегатовъ. — Поведеніе де-Фургу и Париса. — Лѣтняя сессія генеральныхъ совѣтовъ. — Поѣздки министровъ Фрейсине, Марсера и пр. — Рѣчи министровъ и начальствующихъ лицъ на актахъ учебныхъ заведеній. — Анатолю де-ла-Форжъ и герольды учителей. — Провинціальныя учителя на парижской выставкѣ

Сенатскіе выборы, процедура которыхъ протянется не менѣе двухъ мѣсяцевъ—съ половины ноября нынѣшняго года до половины января 1879—уже и теперь составляютъ главнѣйшій интересъ нашей внутренней политической жизни. Сигналомъ къ подготовительной избирательной агитаціи послужило появленіе въ началѣ настоящаго мѣсяца двухъ манифестовъ—одного отъ имени сенаторовъ, другого отъ имени депутатовъ лѣвой стороны. Составлены оба эти манифеста особымъ республиканскимъ бюро, организованнымъ изъ всѣхъ фракцій лѣвыхъ немедленно по закрытіи парламентской сессіи. Такимъ образомъ, для организаціи сенатскихъ выборовъ—на первомъ планѣ снова является могущественный союзъ всѣхъ безъ исключенія республиканскихъ фракцій, уже побѣдившій на законодательныхъ выборахъ 14 октября коалицію монархистовъ всѣхъ цвѣтовъ. Противъ ожиданія реакціонеровъ, первая побѣда республиканскаго союза не привела къ раздѣленію побѣдителей, но они съ замѣчательною стойкостью и благоразуміемъ рѣшили продолжать до конца однажды принятый ими на себя образъ дѣйствій. «До тѣхъ поръ, говорятъ единодушно какъ радикалы, такъ и умѣреннѣйшіе изъ умѣренныхъ:—пока все не сдѣлано, не сдѣлано ничего», и хотя съ самыхъ разнобразныхъ точекъ зрѣнія, но всѣ одинаково согласны въ томъ, что сохранить и упрочить республику можно будетъ только тогда, когда она будетъ окончательно признана всѣми общественными властями и когда для всѣхъ станетъ обязательнымъ покоряться ей безусловно.

Оба манифеста предназначены не для всей массы избирателей, а обращаются только къ избирателямъ *по праву*, т. е. къ де-

парламентскимъ депутатамъ, генеральнымъ и окружнымъ совѣтникамъ. Если республика до сихъ поръ, говорится въ манифестѣ сенаторовъ, не сдѣлала и не могла осуществить того, что имѣлъ право требовать народъ, то виною этого было сенатское большинство, обыкновенно нерѣшительное, а часто и враждебное. Если 16 мая могло осуществиться, то произошло это не безъ участія этого большинства, выказавшаго при этомъ значительное малодушіе. Поэтому, чтобы предохранить страну отъ возможности новыхъ кризисовъ и уничтожить въ самомъ зародышѣ тѣ смуты, которыя волнуютъ ее и вносятъ раздраженіе въ умы—единственнымъ средствомъ остается не выбирать въ сенаторы никого, кромѣ лицъ, которыя несомнѣнно преданы республикѣ и готовы защищать ее.

Въ манифестѣ депутатовъ, редакція котораго, по слухамъ, принадлежитъ Луи Блану, говорится: «нѣтъ никакого основанія опасаться, что республика перестанетъ существовать послѣ сенатскихъ выборовъ, какими бы они ни оказались, но отъ этихъ выборовъ зависитъ, чтобы ее перестали смущать безпрестанная агитация. Пора, наконецъ, покончить съ тѣми преступными покушеніями реакціи, которыя постоянно возмущали Францію и толкали ее на путь гражданскихъ междоусобій. Достигнуть выборами республиканскаго большинства въ Сенатѣ—значитъ доказать націи, что между общественными властями достигнута гармонія и что для спокойствія страны, въ которомъ она такъ нуждается, добыта полная гарантія». Далѣе манифестъ говоритъ, что сенатъ въ томъ составѣ, какой получится послѣ возобновленія одной трети сенаторовъ, въ 1879 году, долженъ быть въ ноябрѣ 1880, когда кончится срокъ полномочій Макъ-Магона, приступить къ избранію новаго президента, и, соединясь въ конгрессъ съ палатою депутатовъ, на основаніи конституціи, приступить къ ея пересмотру и измѣненіямъ и что, слѣдовательно, если въ такія рѣшительныя минуты для судьбы Франціи, сенатъ окажется реакціоннымъ, то все дѣло республики можетъ быть безвозвратно испорчено.

Еслибы одной общей ненависти къ республикѣ было достаточно, чтобы связать мертвыя реакціонныя партіи и оживить ихъ, то правые сената и палаты не оставили бы этихъ манифестовъ безъ немедленныхъ опроверженій, но, увы! послѣ неудачной избирательной кампаніи прошлаго года, гдѣ эти партіи потерпѣли полнѣйшее пораженіе, какъ представители, такъ и цѣлыя группы этихъ трехъ монархическихъ партій никакъ не могутъ между собою сговориться ни въ принципахъ, ни въ совмѣстномъ образѣ дѣйствія. Въ улицѣ Перель, уже около трехъ недѣль, какъ возникъ консервативный комитетъ по подобію республиканскаго, но лишь теперь онъ успѣлъ заявить о томъ, что побѣжденные 14 октября рѣшились поддерживать борьбу съ республиканцами и 5 января. Сегодня же (21 августа) въ роялистскихъ и бонапартистскихъ изданіяхъ появилась замѣтка, что

комитетъ сенаторовъ правой стороны открылся въ улицѣ Миромениль. Въ числѣ 15 членовъ его составляющихъ, нѣтъ ни одного имени, пользующагося хотя какою нибудь извѣстностью; ни Бюффе, ни де Броли, ни Руэръ не рискуютъ болѣе выставляться впередъ, очевидно потому, что не могутъ установить между собою никакого прочнаго соглашенія ни по одному пункту.

Кромѣ этого, въ 90 департаментскихъ генеральныхъ совѣтахъ (считая въ томъ числѣ и Алжирію), гдѣ открылись лѣтнія сессіи, происходили перевыборы ихъ бюро. Предсѣдательство въ нихъ не потеряно республиканцами ни въ одномъ изъ 50 совѣтовъ, гдѣ оно принадлежало имъ во время зимней сессіи. Новыхъ предсѣдателей республиканцевъ избрано 5; въ трехъ или четырехъ совѣтахъ число голосовъ республиканскихъ и реакціонныхъ раздѣлилось поровну; въ остальныхъ же 25 или 26 совѣтахъ, гдѣ большинство осталось реакціоннымъ, республиканское меньшинство все таки настолько значительно, что въ состояніи воспрепятствовать своимъ протестомъ всякимъ слишкомъ яркимъ монархическимъ манифестаціямъ. Такимъ образомъ, изъ 35 департаментовъ, въ которыхъ предстоятъ сенатскіе выборы, 20 республиканскихъ, 13 реакціонныхъ и въ двухъ мѣнѣи раздѣлены. Это весьма сильно огорчаетъ реакціонеровъ, тѣмъ болѣе, что на отведенномъ для нихъ не особенно обширномъ полѣ дѣйствій придется прибѣгать для успѣха къ самымъ разнообразнымъ способамъ. Въ однихъ мѣстностяхъ можно побѣдить только при помощи крайняго клерикализма, въ другихъ надобно являться демагогами цезаристами и т. д.

Въ департаментахъ, гдѣ преобладаютъ республиканцы, ничего не можетъ быть легче добиться переизбранія выходящихъ республиканскихъ сенаторовъ, или замѣстятъ республиканцами выходящихъ роялистовъ и бонапартистовъ, такъ какъ кандидаты уже теперь всѣ намѣчены на собраніяхъ генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ, въ которыхъ принимали участіе сенаторы и депутаты. Но тамъ, гдѣ республиканцамъ предстоитъ сильная борьба съ неизвѣстнымъ еще результатомъ, способы избирательной борьбы, указанные въ манифестѣ лѣвыхъ, едва ли достаточны. Въ этомъ смыслѣ въ «Temps» помѣщенъ былъ весьма практической совѣтъ: созвать въ такихъ департаментахъ старыхъ республиканскихъ делегатовъ и наиболѣе вліятельныхъ гражданъ общинъ, не имѣвшихъ въ 1876 году делегатовъ республиканцевъ, и выслушать мнѣнія этихъ лицъ обо всѣхъ главнѣйшихъ интересахъ ихъ мѣстностей, чтобы потомъ уже намѣтить кандидатовъ. Конечно, при всеобщемъ голосованіи въ переходное время, подобное нашему, всего удачнѣе могло бы быть указаніе кандидатовъ сверху, но при голосованіи ограниченномъ, въ мѣстностяхъ отсталыхъ, гдѣ существуютъ личныя вліанія особенно крупныхъ собственниковъ, необходимо дѣйствовать иначе, чтобы узнать какіе кандидаты могутъ имѣть

болѣе шансовъ на успѣхъ и какими способами можно побудить избирателей противодѣйствовать переизбранію выходящихъ сенаторовъ-реакціонеровъ. Должно полагать, что въ десяти или въ двѣнадцать департаментахъ можно добиться успѣха, если противопоставить кандидатовъ изъ богатыхъ буржуа кандидатамъ изъ представителей бывшаго дворянства, а нотаблей, красныхъ по убѣжденіямъ, нотаблямъ-реакціонерамъ. Недавно родилась еще мысль, которая все больше и больше распространяется, выставить въ такіа мѣстности кандидатовъ безо всякой надежды на успѣхъ. Эти лица будутъ обязаны только явиться на законное общее собраніе делегатовъ въ назначенномъ мѣстѣ, наканунѣ выборовъ, и тамъ произнести заранѣе написанныя сильныя рѣчи. Конечно, какъ бы эти рѣчи ни были энергичны и краснорѣчивы, немедленнаго дѣйствія на сельчанъ онѣ не произведутъ и не освободятъ ихъ отъ вліянія крупныхъ землевладѣльцевъ и духовенства, но все-таки неизбѣжный слѣдъ онѣ оставятъ и крестьяне твердо запомнятъ, что нашлись люди, которые не слишкомъ-то церемонно обрисовали тѣхъ лицъ, которыхъ они привыкли слѣпо уважать, не разсуждая заслуживаютъ ли они этого. Такимъ образомъ можно подготовить почву для слѣдующихъ сенатскихъ выборовъ. Оптимисты такой ходъ дѣла считаютъ слишкомъ медленнымъ; имъ хотѣлось бы, чтобы съ сельчанами произошло чудо и они сразу стали бы за республиканцевъ. Но такого чуда, разумѣется, не произойдетъ. Достаточно будетъ, если сельчане поймутъ, что республиканцамъ дѣйствительно дороги ихъ интересы, и если республиканцамъ удастся расположить къ себѣ хотя нѣсколько сердца и умы своихъ слушателей; тогда при слѣдующихъ выборахъ, черезъ три или шесть лѣтъ, ожидаемое чудо дѣйствительно произойдетъ, именно потому, что не будетъ уже болѣе чудомъ.

Однимъ изъ признаковъ полного отчаянія реакціи служить то, что большинство роялистовъ и бонапартистовъ, продолжающихъ неистовствовать въ нѣсколькихъ крайнихъ газетахъ, притворяются согласными на признаніе существующаго порядка. Наиболѣе ловкіе изъ нихъ стараются противопоставить республиканскому союзу исчезновеніе противуреспубликанскихъ идей во Франціи. Не умѣя столкнуться объ общей программѣ дѣйствій, сколько-нибудь благовидной, они стараются распространить повсюду мнѣніе, что, при настоящихъ выборахъ, нѣтъ никакой политической борьбы и что, разъ республика существуетъ, всѣ честные люди готовы применить къ ней, подъ условіемъ, разумѣется, чтобы имъ, изъ предубѣжденія, не заграждали всѣхъ дорогъ къ послѣдному ей служенію. Надняхъ апелляціоннымъ порядкомъ въ парижскомъ судѣ разсматривался процессъ, начатый однимъ изъ депутатовъ-республиканцевъ противъ де-Фурту, за диффамацию этого депутата въ «Бюллетенѣ общины», въ бытность де-Фурту министромъ внутреннихъ дѣлъ, и адвокатъ ех-министра отъ его имени торжественно заявилъ, что у него не было даже ни ма-

лѣйшаго намѣренія набрасывать какую-либо тѣнь на его достойныхъ всякаго уваженія политическихъ противниковъ! Мало того, при пособіи строчилъ «Фигаро», де-Фурту нѣсколько разъ провель въ этомъ органѣ мысль, что всѣ пресловутыя клеветы, появившіяся въ «Бюллетенѣ общинъ», появились тамъ помимо всякаго его участія и благодаря только усердію не по разуму одного рьянаго официального строчила. Бывшій соумышленникъ де-Фурту, Парисъ, присутствуя на одномъ банкетѣ при открытіи небольшой вѣтви желѣзной дороги въ департаментѣ Па-де-Кале, воскликнулъ въ присутствіи республиканскихъ властей, иронически его поздравлявшихъ, что «если страна благоденствуетъ, то рѣшительно все равно какой бы образъ правленія въ ней ни существовалъ!» «Подчинимся тому правительству, дополнилъ онъ:—которое нами управляетъ, и будемъ трудиться на благо нашихъ общинъ и департаментовъ!»

Подобный маскарадъ, какъ онъ ни комиченъ, принесъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую пользу, отразившись самымъ благоприятнымъ образомъ на дѣятельности лѣтней сессіи генеральныхъ совѣтовъ. На нихъ не происходило никакихъ почти политическихъ заявленій и никогда еще общинныя и департаментскіе интересы не обсуждались съ большею серьезностію и дѣловитостію. Правда и то, что министры никогда еще не доставляли для департаментскихъ собраній такого богатаго матерьяла, въ видѣ хорошо разработанныхъ вопросовъ по предметамъ несомнѣнной общественной пользы и необходимости. Такъ, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ въ первый еще разъ доставилъ въ эти совѣты бланки таблицъ для полученія полныхъ и вѣрныхъ статистическихъ данныхъ о состояніи финансовъ во всѣхъ 36,000 общинъ Франціи. Онъ же обязалъ префектовъ представлять ихъ общіе доклады по извѣстной формѣ, а такъ какъ такіе доклады служатъ исходною точкою для преній на департаментскихъ совѣтахъ, то все, о чемъ бы на этихъ совѣтахъ ни предлагалось, что бы на нихъ ни обсуждалось и не принималось голосованіемъ, возвращается въ министерство въ полномъ порядкѣ, и можетъ быть приведено имъ немедленно въ дѣйствіе. Министръ земледѣлія и торговли озаботился къ открытію сессіи составленіемъ и повсюдною раздачею практическаго разъясненія закона, прошедшаго въ палатахъ о мѣрахъ для истребленія и ограниченія зловредныхъ дѣйствій бичей нашихъ виноградниковъ и полей—филоксеры и дорифоры. Министръ народнаго просвѣщенія, не безъ значительнаго труда, добился отъ сената разрѣшенія учрежденія кредитной кассы, при пособіи которой самыя заолустныя мѣстности могутъ въ самомъ скоромъ времени возвести постройки для школы, и позаботился снабдить совѣты разъясненіями, какъ всего лучше и удобнѣе распорядиться ресурсами, доставляемыми этими кассами. Министръ общественныхъ работъ, добившійся разрѣшенія постройки 18,000 километровъ желѣзныхъ дорогъ, для соединенія главныхъ линій небольшими побочными вѣтвями—

представилъ въ генеральныя совѣты всѣ техническія и экономическія подробности, на основаніи которыхъ онъ избралъ одинъ изъ трехъ проектовъ проведенія этой сѣти.

Тотъ же самый министръ де-Фрейсине посѣтилъ лѣтомъ нѣскольکو большихъ городовъ, какъ Марсель, Гавръ и Руанъ, и повсюду встрѣченный съ живымъ энтузіазмомъ, съумѣлъ вездѣ вполне разъяснить свои колоссальныя проекты и высшую ихъ политическую цѣль — заставить всѣхъ полюбить республику, доказавъ массою затѣянныхъ имъ общепользныхъ работъ, что никакое другое правительство не съумѣетъ и не захочетъ лучше удовлетворить одновременно и общественной пользѣ, и интересамъ частныхъ лицъ.

Въ своей мобѣжской рѣчи, о которой я только вкратцѣ упомянулъ въ своей послѣдней корреспонденціи, де-Марсэръ высказалъ, между прочимъ, весьма важную мысль, возбуждившую противъ него цѣлую бурю нападеній со стороны клерикаловъ. Вотъ эта высказанная имъ мысль: «Было бы ошибкою государства, еслибы оно, подѣ предлогомъ свободы образованія, разрѣшало воспитаніе молодыхъ поколѣній въ духѣ ненависти къ законамъ, существующимъ въ ихъ странѣ», и что «если правительство не имѣетъ права навязывать единства въ преподаваніи, то на немъ все-таки лежитъ долгъ озаботиться объ *единствѣ нравственнаго направленія*; иначе массы молодежи одного поколѣнія будутъ выростать, лишеныя возможности взаимнаго пониманія и соглашенія, въ интеллектуальномъ антагонизмѣ, этомъ предшественникѣ самыхъ опасныхъ раздоровъ».

Ту же самую мысль, въ другихъ выраженіяхъ, высказалъ министръ, и при раздачѣ наградъ парижскимъ и провинціальнымъ лицамъ, на торжественномъ собраніи, происходившемъ по этому поводу въ зданіи Сорбонны, возбудивъ громкія рукоплесканія профессоровъ и учениковъ. Проводя параллель между національнымъ университетомъ и такъ называемыми свободными католическими университетами, министръ сказалъ: «Нашъ государственный университетъ представляетъ полную традицію нашей развивающейся жизни... такъ какъ преподаваніе, производящееся въ немъ, основано на коренныхъ принципахъ нашего современнаго права: *онъ одинъ можетъ сохранить за Франціей ея нравственное единство, подобно тому, какъ одна только республика сохраняетъ за ней ея единство политическое...*»

На раздачѣхъ наградъ во всѣхъ коллежахъ Парижа, профессоръ-республиканецъ заявилъ почти тоже самое. Въ коллежѣ Фонтана присутствовалъ на такомъ актѣ помощникъ государственнаго секретаря Казиміръ Перрье, который произнесъ очень остроумную рѣчь противъ сторонниковъ католическихъ университетовъ. «Вина государственнаго университета, сказалъ онъ: — которой никакъ не хотять простить ему многочисленныя его враги, состоитъ въ томъ, что онъ несправимый либераль, и никто никакъ не можетъ убѣдить его въ томъ, что распространять

знанія и приучать мыслить — дѣло безнравственное». Въ коллежѣ Роланъ, полицейскій префектъ Альберъ Жюго говорилъ о томъ, что только свѣтское образованіе можетъ выработать настоящихъ гражданъ, «граждане же, сказаль онъ:—дѣлая этими словами намекъ на бонапартистовъ, въ какихъ теперь нуждается Франція, послѣ столькихъ бѣдъ, со стойкостью ею вынесенныхъ, никакъ не должны походить на тѣхъ жалкихъ людей, малодушныхъ и истощенныхъ, которые щеголяютъ своимъ скептицизмомъ, стремятся къ однимъ наслажденіямъ и идолопоклонствуютъ передъ силою, короче, ведутъ націю къ рабству, упадку и вырожденію». Анатоли де-ла-Форжъ, въ вѣдѣніи котораго находится вся французская пресса, предсѣдательствуя на раздѣчъ награды свѣтскихъ начальныхъ школъ въ Сен-Кентенѣ, гдѣ въ 1870—71 годахъ онъ былъ супрефектомъ и распоряжался національной защитой противъ прусскаго нашествія, помянулъ благодарнымъ словомъ учителей Энского Департамента, разстрѣлянныхъ пруссаками за ихъ патриотизмъ, или убитыхъ ими за ихъ геройское сопротивленіе врагамъ своего отечества. Онъ объяснилъ дѣтямъ, какъ великъ подвигъ этихъ учителей и какого уваженія заслуживаютъ вообще сельскіе учителя, которые за вознагражденіе, едва обезпечивающее ихъ скудное пропитаніе, «бодро вносятъ въ самыя заброшенныя деревушки, въ самыя мрачныя хижины живой свѣтъ просвѣщенія».

Рѣчь эта была какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ произнесеніе ея совпало съ прїѣздомъ на всемірную выставку на средства, вотированныя палатами, первой партіи сельскихъ учителей, выбранныхъ общинами. Нужно ли говорить, какими препятствіями обставляли эту поѣздку мѣстные крупные землевладѣльцы и священники? Я самъ былъ свидѣтелемъ на одномъ изъ собраній учителей, какъ большая часть ихъ всячески старалась не попасть въ число выбранныхъ, изъ опасенія, что, по возвращеніи изъ поѣздки въ новый Вавилонъ, имъ придется подвергаться всевозможнымъ неприяностямъ и преслѣдованіямъ со стороны вліятельныхъ людей. Но, несмотря на это, все-таки поѣздка состоялась, и Парижъ, вмѣстѣ съ выставкой, увидятъ цѣлыя массы сельскихъ учителей, большая часть которыхъ до сихъ поръ никуда изъ своихъ деревень не выѣзжала. Это должно отразиться самымъ благотворнымъ образомъ какъ на учителяхъ, такъ и на ученикахъ. Министръ Барду, предсѣдательствовавшій во время прїѣзда первой партіи учителей на генеральномъ совѣтѣ въ Пюи-де-Домъ, не могъ ихъ привѣтствовать и принять, что исполнилъ за него и вполне достойно, его товарищъ, Казиміръ Перрье. Учителямъ отведены были даровыя помѣщенія въ трехъ лицахъ лѣваго берега Сены, отъ которыхъ имъ полагался и столъ. Каждое утро въ Сорбоннѣ знаменитѣйшими изъ профессоровъ читались для нихъ лекція по разнымъ предметамъ, а въ одинъ изъ вечеровъ былъ устроенъ праздникъ, на которомъ извѣстный Петербургу фокусникъ,

Казенёвъ, продѣлалъ передъ ними всё, такъ называемыя, чудеса спиритовъ, о чемъ они, конечно, будутъ подробно разсказывать въ своихъ деревняхъ, къ крайнему неудовольствію католическихъ патеровъ. На выставкѣ ихъ сопровождали свѣдущія лица, объяснявшія имъ все для нихъ непонятное. Безъ всякаго сомнѣнія, въ десятки лѣтъ ихъ прозаябанія въ деревняхъ, они едва ли могли усвоить себѣ столько разнообразныхъ свѣдѣній, сколько имъ сообщили въ продолженіи восьмидневнаго ихъ пребыванія въ Парижѣ. Разумѣется, главное ихъ вниманіе обращали на педагогическія выставки всѣхъ народовъ и особенно на русскую, которая имѣла огромный успѣхъ въ публикѣ и въ печати. До какой степени это, хотя и кратковременное политическое и научное воспитаніе можетъ быть полезно для сельскихъ учителей—нѣчего и говорить. Кромѣ того, что они, надѣясь встрѣтить вверху поддержку, рѣшались открыто заявлять сочувствіе къ республикѣ, нѣкоторые изъ нихъ, имѣющие и теперь уже влияніе на сельчанъ, разъяснять имъ многое, чего бы имъ никогда во всю жизнь не узнать и, такимъ образомъ, при будущихъ выборахъ, могутъ принести значительную пользу республикѣ.

II.

Отчаяніе реакціонеровъ.—Кандидатура герцога Омальскаго.—Слухи объ оставленіи маршаломъ президентскаго поста.—Возрастающая неприязнь въ обществѣ къ магистратурѣ.—Медленная республиканизація прокуратуры.—Неудавшіяся надежды бонапартистовъ.—Случай съ генераломъ Шанзи.—Стачки: Анзенская, прислушницъ ресторановъ Дювала и кучеровъ.—Премія за добродѣтель и присужденіе ея г-жѣ Додю.—Убийцы Баррэ и Лебіезъ.—Дѣло вдовы Кремьѣ.—Новый скандалъ.

Громадный успѣхъ всемірной выставки, полное спокойствіе и порядокъ, господствующіе по всей Франціи, надежды населенія на достиженіе мирнымъ путемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, разныхъ либеральныхъ реформъ, все это выводитъ изъ себя органы побѣжденныхъ дѣятелей 16 мая. Въ видахъ самоутѣшенія, они рисуютъ настоящее Франціи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Еслибы, не читая другихъ газетъ, вы основывали свои сужденія о положеніи дѣлъ только по такимъ органамъ, какъ «Défense», «Assemblée nationale» и «Paus», которые расходятся не болѣе, какъ по 2,000 экземпляровъ каждый, вы пришли бы къ заключенію, что свобода, порядокъ и миръ — только мечты, которыми французы себя убажкиваютъ, а въ сущности мы мечемся среди самой разнузданной анархіи, наканунѣ страшныхъ внутреннихъ междоусобій и грозныхъ внѣшнихъ войнъ, и гибель Франціи неизбежна, если только маршалъ не обратитъ

своего пера въ мечъ архистратига и не поразить имъ, наконецъ, Дюфора, какъ поразилъ нѣкогда Жюль Симона.

Но существуетъ ли даже маршалъ? Такой вопросъ задаетъ себѣ «Paus» Кассаньяка, и разрѣшаетъ его отрицательно, хотя «Défense», вдохновитель которой Дюпанлу, продолжаетъ исповѣдывать супругу маршала, и заявляетъ еще, что «куртка живъ». «Assemblée nationale» съ горя пускается въ позднія соображенія о томъ, какія ошибки были сдѣланы дѣятелями 16 мая, и по какому плану они должны были располагать свои дѣйствія, чтобы имѣть въ результатъ побѣду.

Орлеанисты тоже инсинуируютъ, что въ случаѣ, если сенатъ окажется республиканскимъ, маршалу ничего не останется, какъ выйти въ отставку, и для спасенія Франціи, порядка и... республики, президентство должно быть поручено герцогу Омальскому. Что они ведутъ какую-то интригу, въ этомъ нельзя и сомнѣваться, что маршалъ тоже не дремлетъ и совѣтуется о чемъ-то съ своими приближенными—это тоже въ порядкѣ вещей. Что при приближающимся сровѣ сенатскихъ выборовъ, всѣ политическія страсти ожесточаются и побѣда республиканцамъ достанется не легко—это тоже понятно само собой; но, если я только не ошибаюсь относительно настроенія населенія Франціи, эта побѣда положительно неизбежна, и маршалу останется только одно—оставаться на своемъ посту... *до конца*.

Нужно отдать справедливость Дюфору: онъ употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы сдѣлать сладкимъ для маршала-реакціонера управленіе республиканской страной; благодаря ему, всякіе смѣлые порывы кабинета 14-го декабря гасятся въ самомъ началѣ и все, что бы ни предложили министры, въ видахъ удовлетворенія народа, остается въ видѣ однихъ обѣщаній; Дюфоромъ же прикрывается обыкновенно и военный министръ послѣ каждаго изъ своихъ, должно сознаться, незначительныхъ ошибокъ и промаховъ; Дюфоръ же поддерживаетъ и систему несмѣняемости магистратуры, которой нанесено уже столько ранъ республиканской печатью. Но какъ ни сильна въ этомъ послѣднемъ случаѣ его защита, магистратура сама дѣлаетъ все, чтобы вывести изъ терпѣнія общественное мнѣніе. Такъ, въ Алжирѣ она окончила процессъ противъ газеты «La Vigie» о диффамациі, начатой противъ нея совѣтникомъ Бастьеномъ, осужденіемъ газеты, отказавъ ей защитнику въ выслушаніи выставленныхъ имъ свидѣтелей, въ числѣ которыхъ находился бывший хранитель государственной печати—Мартель, нарочно переплывшій Средиземное Море для дачи показаній по этому дѣлу. Въ самомъ Парижѣ она признала за сыномъ Наполеона III титулъ «императорскаго принца» и, несмотря на провозглашеніе низложенія династіи бордосскимъ собраніемъ, утвердила за нимъ право обвиненія газеты «Siècle» въ диффамациі памяти императора (по поводу расхищенія имъ лѣсовъ, принадлежавшихъ государству). Такимъ образомъ, старѣйшій и спокойнѣйшій изъ всѣхъ республиканскихъ органовъ

былъ приговоренъ къ штрафу въ 2,000 франковъ и къ издержкамъ (гораздо большимъ противъ этой суммы) по напечатанію судебного рѣшенія во множествѣ газетъ. Какъ ни хладнокровенъ Дюфоръ, но это и его, сочувствующаго «Siècle» болѣе, чѣмъ всякимъ другимъ газетамъ, заставило разсердиться, результатомъ чего было нѣсколько смѣщеній и новыхъ назначеній въ составѣ смѣняемыхъ членовъ суда (magistrature debout). Благодаря этой переměнѣ, нѣкоторые изъ новыхъ генеральныхъ прокуроровъ (въ Руанѣ, Рiomѣ и Тулузѣ) произнесли уже нѣсколько вполнѣ республиканскихъ рѣчей, чѣмъ дали какъ бы косвенный урокъ несмѣняемымъ судьямъ (magistrature assise). Но несмѣняемые, разумѣется, и ухомъ не повели по поводу этого урока; имъ извѣстно, что Дюфоръ—сторонникъ системы несмѣняемости, а потому при немъ имъ не можетъ предстоять никакихъ непріятностей. Забываютъ они только то, что Дюфоръ смертенъ, какъ человѣкъ, и не вѣченъ, какъ министръ, да и сверхъ того, что хотя онъ всегда оставался реакціонеромъ въ душѣ, онъ все-таки не изъ тѣхъ людей, которые пожертвовали бы, ради сохраненія этой системы, республикой, въ которой и онъ, какъ его бывший другъ и учитель—Тьеръ, не считаетъ возможнымъ осуществленіе юридической справедливости. Къ сожалѣнію, онъ до сихъ поръ не разубѣдился въ своей утопіи, будто старыхъ членовъ магистратуры можно склонить къ сознанию необходимости для Франціи республики. Но застарѣлые въ заблужденіяхъ члены магистратуры не хотятъ или даже не могутъ понять его, почему и погубятъ вмѣстѣ съ собой и ту систему, которая ихъ поддерживаетъ. Наша политика уступчивости до того великодушна, что, примирились эти господа съ настоящимъ порядкомъ вещей, и мы примирились бы съ ними, но они ничего не хотятъ знать, и всякій разъ, какъ имъ представляется случай, творятъ самыя возмутительныя несправедливости съ республиканцами. Этимъ они обусловливаютъ то, что волны общественнаго негодованія постоянно усиливаются противъ нихъ и, разумѣется, въ концѣ-концовъ, потопятъ ихъ. Система несмѣняемости судей, благодаря ихъ прохѣлкамъ, до того всѣмъ надоѣла, что едва образуются у насъ двѣ республиканскія палаты, какъ на первыхъ же ихъ засѣданіяхъ явится на очереди вопросъ или о приостановленіи дѣйствія этой системы, или даже просто объ отмѣнѣ ея.

Точно также, до того времени, пока сенатъ не сдѣлается республиканскимъ, а маршалъ Мак-Магонъ не оставитъ своего президентскаго поста, нельзя ждать доведенія до благополучнаго конца реорганизаціи нашей арміи въ духѣ нравственнаго единства, то есть смѣны и замѣщенія молодежью большей части остальныхъ корпусныхъ и полковыхъ командировъ. Но и въ этой средѣ появляются нѣкоторые признаки, что республика дѣлаетъ успѣхи: такова республиканская рѣчь вице-адмирала Буржуа въ Брестѣ, новое письмо извѣстнаго Галлифе, которымъ онъ снова подтверждаетъ то, чтó писалъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ,

къ Дюклерку, вице-президенту сената, т. е., что важнѣйшій долгъ каждаго военнаго патриота — скорѣйшее присоединеніе къ республикѣ; таково, наконецъ и полученіе генераломъ Соссье, бывшимъ республиканскимъ депутатомъ, значительнаго поста въ военной іерархіи. Подобные факты, какъ они, повидимому, ни мелки, въ совокупности составляютъ серьезный прогрессъ въ дѣлѣ упроченія республики, такъ какъ пріѣздомъ еще съ самаго того времени, какъ Дюкро былъ (хотя и весьма мягко) наказанъ, всякія клерикальныя и монархическія манифестаціи въ арміи рѣшительно прекратились. Изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобы старыя партіи и бонапартисты перестали вести свою пропаганду въ войскѣ: они не такъ легко угомоняются, а послѣдніе особенно усиленно дѣйствовали въ этомъ смыслѣ во время недавней поѣздки экс-императрицы въ Германию, которая имѣла цѣлью планъ (не осуществившійся) устройства брака принца не у дѣлѣ съ подлинною и настоящею принцессою. Наиболѣе ярке изъ империалистовъ открыто хвастались, что имъ удастся 15-го августа поднять народъ въ пользу имперіи и произвести pronunciamiento. День этотъ, однако же, прошелъ совершенно мирно и все дѣло ограничилось мессою въ церкви св. Августина, какъ это бываетъ ежегодно, причѣмъ нельзя было не замѣтить, что число фигурантовъ и статистовъ бонапартизма, обыкновенно посѣщающихъ эту мессу, былъ въ настоящемъ году значительно меньше, чѣмъ во всѣ предшествовавшіе годы.

Бывшій, въ 1873 году, президентомъ лѣваго центра въ національномъ собраніи, генералъ Шанзи, на котораго всѣ смотрѣли, какъ на лицо, долженствовавшее стать послѣ Тьера президентомъ, считался бы и теперь первымъ кандидатомъ на этотъ постъ послѣ Мак-Магона, еслибы онъ не принялъ отъ побѣдителей 24-го мая, въ замѣнъ своего политическаго вліянія, управленія Алжиріей. Онъ сумѣлъ и оттуда поддерживать пріятельскія связи съ членами парламента, но не сумѣлъ дѣйствовать благоразумно въ качествѣ управляющаго краемъ. Онъ не давалъ тамъ ходу никому, кромѣ военныхъ, вооружилъ этимъ противъ себя чуть не всю колонію, также какъ и депутатовъ отъ Алжиріи въ палатѣ. Желаніе его во все вмѣшиваться и крутой, чисто цезарскій способъ дѣйствія послужилъ поводомъ къ серьезному столкновенію между нимъ и комиссарами алжирской выставки. Комиссары эти, такъ же, какъ и депутаты, протестовали противъ него тѣмъ, что подали въ отставку. Шанзи взялъ отпускъ и явился въ Парижъ, и, должно думать, что послѣ запроса объ его дѣйствіяхъ, который готовится сдѣлать депутаты въ палатѣ тотчасъ же по открытіи сессіи—ему придется подать въ отставку. Губернаторомъ Алжиріи, вмѣсто него, вѣроятно, будетъ назначенъ Кранцъ—главный организаторъ настоящей выставки.

Я уже упоминалъ въ прошлой своей корреспонденціи о стачкахъ, возникшихъ разомъ въ нѣсколькихъ промышленныхъ

центрахъ, и о ихъ продолжительности. Я указалъ при этомъ, что причина этихъ стачекъ лежитъ, съ одной стороны, въ дѣйствительныхъ бѣдствіяхъ рабочаго класса, съ другой, въ томъ, что реакціонеры, особенно же бонапартисты, весьма коварно эксплуатируютъ какъ эти бѣдствія, такъ и самыя стачки въ свою пользу; къ счастью большинство рабочихъ понимаетъ, что реставрація имперіи нисколько не послужитъ къ облегченію ихъ положенія и что социальными компликаціями не слѣдуетъ усложнять трудности упроченія республики, единственнаго образа правленія, при которомъ возможно осуществить мирнымъ, хотя и медленнымъ путемъ свободы ихъ стремленія. Несмотря на это, анзенская стачка, въ продолженіи болѣе, чѣмъ двухъ недѣль, имѣла весьма грозный характеръ. Около 9.000 рабочихъ отказались работать въ копахъ, составляли многолюдныя сходки и голодными толпами бродили по странѣ. Эта борьба рабочихъ, протестовавшихъ противъ уменьшенія работы и задѣльной платы, подерживалась еще и тѣмъ, что капиталисты, еслибы даже и хотѣли удовлетворить ихъ желаніямъ, то не могли, по недостатку средствъ, вслѣдствіе упадка у насъ каменноугольной промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже около двухъ лѣтъ, какъ всѣ товарищества разработки угольныхъ копей вынуждены довольствоваться самою жалкою прибылью, да еще подъ условіемъ сокращенія производства. Анзенское товарищество находится еще въ лучшихъ, противъ другихъ, условіяхъ, такъ какъ оно, до сихъ поръ, не сокращало производства, а было въ послѣдній годъ, вмѣсто обыкновеннаго количества угля (2 милліона тоновъ)—2.100,000 тоновъ, но за то, прибыли его до того значительно уменьшились, что акціонеры получили дивиденду только 14,000 франковъ, вмѣсто обычныхъ 40,000. Все это было объяснено рабочимъ управленіемъ копей при помощи подробныхъ печатныхъ афишъ. Префекторальныя власти и новый депутатъ-республиканецъ, только-что выбранный тѣмъ округомъ, въ которомъ находятся анзенскія копи, также занялись разъясненіемъ дѣла рабочимъ и дѣйствовали вообще съ огромнымъ тактомъ и кротостью. Министръ де-Марсэръ, въ своей мобѣжской рѣчи, съ полною ясностью указалъ на ту роль, какую слѣдуетъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, играть вооруженной силѣ: она должна ограничиваться поддержаніемъ порядка и защитой труда отъ всякихъ препятствій. По распоряженію генерала Кленшана (республиканца), оставленныя копи были окружены весьма значительною массою войска. Кавалерія при этомъ разсыяла нѣсколько скопищъ, но нигдѣ не было произведено ни одного выстрѣла. Вообще, войско дѣйствовало такъ, что бывший нѣкогда рабочій, а нынѣ депутатъ крайней лѣвой, всѣми уважаемый, Мартенъ Нэдо, счелъ необходимымъ помѣстить въ газетахъ благодарственное письмо къ министру внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ поздравляетъ правительство съ тѣмъ, что оно «умѣло воздержаться отъ тѣхъ жестокихъ и ди-

ких способов прекращения стачекъ, въ какихъ прибѣгала имперія (напримѣръ въ Обенѣ и Рикамарѣ), затѣвавшая при подобныхъ обстоятельствахъ цѣлыя бойни, и отказалось отъ попытокъ и впредь когда-нибудь разрѣшать выстрѣлами столкновения, какія могутъ возникать между хозяевами и рабочими».

Различныя стачки, въ центральной Франціи, прекратились, такимъ образомъ, безъ всякихъ печальныхъ усложненій и окончились по большей части соглашениями между хозяевами и рабочими. Но и Парижъ не обошелся безъ стачекъ. Одна изъ нихъ произошла въ районѣ самой выставки и дала обильный матеріалъ для смѣха безсовѣстныхъ строчилъ «Фигаро», хотя дѣло это было весьма серьезное и ужъ ни въ какомъ случаѣ не заслуживало глумленія. Я говорю о стачкѣ женщинъ и дѣвушекъ (*les petites bonnes*), прислуживающихъ, въ такъ-называемыхъ «бульонныхъ учрежденіяхъ» Дювала (сравнительно дешовые рестораны). Въ одно утро, всѣ онѣ отказались служить, не желая платить по 2 франка, которыми ежедневно облагало ихъ управленіе этихъ ресторановъ за возможность развитія ими посуды. Прислужницы эти не получаютъ жалованья, имъ полагается только даровой обѣдъ, а существуютъ онѣ на тѣ средства, какія доставляетъ имъ раздѣлъ между ними суммы, получаемой ими отъ посѣтителей, вкладываемой въ общую кружку. Агенты мясника Дювала, управленію которыхъ онъ поручаетъ свои учрежденія, такимъ образомъ, вычитая съ каждой прислужницы по 60 фран. въ мѣсяцъ за посуду, чуть не послѣдовали примѣру нашихъ большихъ бульварныхъ кафе и ресторановъ, гдѣ хозяйка тоже не только ничего не платитъ прислугѣ, но еще удерживаютъ изъ кружечнаго сбора (кружка обыкновенно помѣщается въ дорогой серебряной вазѣ) въ свою пользу 50%! Прислужницамъ Дювала не удалось спасти своихъ ежедневныхъ 2 франковъ, но, благодаря имъ, этотъ вопросъ всплылъ на свѣжую воду, и журналистка занялась его обсужденіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, пора искоренить у насъ обычай, который ведетъ только къ обогащенію содержателей кафе и ресторановъ, что публика за каждую консомацию, будь это чашка кофе или стаканъ лимонаду, обязана прибавлять 10 сантимовъ *pour boire*. Покупая сапоги или пальто, не дасте же вы на чай портному или сапожнику, почему же каждая котлетка или кружка пива должны сопровождаться такимъ налогомъ съ великодушія публики? Согласись разъ посѣтители ресторановъ и кофеенъ не подавать болѣе такой милостыни, и содержатели этихъ заведеній будутъ вынуждены назначать прислугѣ жалованье, вмѣсто того, чтобы позорно поживать изъ подачекъ посѣтителей.

Стачка въ Парижѣ многочисленныхъ кучеровъ товарищества легкихъ экипажей, заставившая нѣсколько дней ходить пѣшкомъ тысячи иностранцевъ и провинціаловъ, пріѣхавшихъ на выставку съ увеселительными желѣзнодорожными поѣздами—была организована съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ. Заправлялъ ею комм-

теть, составленный изъ людей грамотныхъ и имѣющихъ связи въ журналистикѣ. Возникновеніе стачки было мотивировано трудностью сохраненія лошадей при тѣхъ дурныхъ условіяхъ корма и помѣщенія, какихъ придерживается товарищество, и невозможностью со стороны кучеровъ работать по 14 часовъ ежедневно, не имѣя хотя бы двухъ дней въ мѣсяцъ отдыха. Кромѣ того, кучера требовали уменьшенія количества того ежедневнаго взноса изъ выручки, который обязанъ дѣлать каждый кучеръ, и увеличенія поденной себѣ платы съ 3-хъ до 4-хъ франковъ. Товарищество, которому принадлежитъ чуть ли не половина всего числа парижскихъ экипажей, уступило кучерамъ только дни отдыха. Рѣшившись сопротивляться исполненію всѣхъ ихъ другихъ требованій, оно наняло множество новыхъ кучеровъ, и хотя неумѣнне послѣднихъ и послужило поводомъ къ нѣсколькимъ несчастнымъ случаямъ на улицахъ, но за то участники въ стачкѣ перепугались не на шутку, что, пожалуй, товарищество можетъ обойтись безъ нихъ. Поэтому, на общемъ собраніи стачки, организованномъ ея комитетомъ въ зданіи цирка Фернандо, участники ея не могли придти ни къ какому положительному практическому рѣшенію, чтобы съ успѣхомъ продолжать ее. Кромѣ того, и общественное мнѣніе было противъ нихъ, такъ какъ они требовали еще отмѣны таксы въ конецъ и по часамъ, что подало бы поводъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ между ними и нанимателями, но не заявили, что они готовы отказаться отъ добавочной платы, тоже *pour boire*, который они, обыкновенно, требуютъ часто просто наступя на горло, и какъ можно больше, чуть замѣтять, что сѣдокъ попался смиренный, или дѣло происходитъ поздно вечеромъ, въ отдаленныхъ и глухихъ улицахъ.

Французская академія, по ежегодному обычаю, выдала монтионовскую премію за добродѣтель и различныя другія подобныя преміи за особые подвиги героизма и самоотверженія, совершенныя въ теченіи года. Одна дѣвушка, служащая телеграфисткой, г-жа Додю, удостоилась, сверхъ монтионовской преміи, полученія ордена «Почетнаго Легіона» за героизмъ, выказанный ею въ послѣднюю нашу войну. Когда бюро, въ которомъ она работала, было взято пруссаками, она съумѣла нѣсколько разъ уносить отъ нихъ телеграфные аппараты, при помощи которыхъ поддерживала сношенія съ правительствомъ народной обороны. Всѣ эти награды и академическій объ нихъ докладъ появились какъ нельзя болѣе кстати, чтобы отдохнуть мыслью на проявленіяхъ героизма послѣ тѣхъ ужасовъ, какіе обнаружались за послѣднее время нашими ассизными судами.

Такъ сенскій уголовный судъ приговорилъ къ смертной казни Барре и Лебиза, убившихъ изъ корысти старуху-молочницу и, по примѣру Вилуара, для скрытія слѣдовъ своего преступленія, разрѣзавшихъ трупъ своей жертвы на куски, чтобы спрятать ихъ въ разныхъ мѣстахъ. Преступленіе въ этомъ случаѣ отягчалось еще тѣмъ, что одинъ изъ убійцъ, послѣ своего злодѣянія,

зайдя съ своимъ сообщникомъ въ кафе для отдыха, оттуда уже черезъ нѣсколько часовъ самымъ спокойнымъ образомъ отправился грабить въ квартиру, которую отперъ помощью ключа, найденнаго имъ въ карманѣ убитой. Такимъ образомъ это не были обыкновенные воры, прибѣгающіе къ убійству нечаянно, при встрѣчѣ съ неожиданными сопротивленіями, или для скрытія слѣдовъ своего грабежа и ради своего личнаго спасенія. Убійство въ дѣлѣ вдовы Жилле не было развязкою дѣла, а его исходною точкою. Кромѣ того, оба убійцы не были побуждаемы къ воровству нищетою, а принадлежали къ достаточнымъ семействамъ, получили хорошее образованіе, и могли отъ своихъ профессій имѣть порядочныя средства. Баррѣ — сынъ торговца дровами, а Лебизъ — сынъ фотографа, и оба они окончили съ успѣхомъ курсъ въ анжерскомъ лицейѣ. Лебизъ пріѣзжалъ въ Парижъ доканчивать свое медицинское образованіе послѣ того, какъ проявилъ свои хорошія способности къ хирургіи въ качествѣ помощника хирурга анжерскаго госпиталя. Баррѣ былъ клеркомъ у нотариуса въ ожиданіи времени, когда отецъ купитъ ему въ родномъ его городѣ нотаріальную контору. Истративъ деньги, полученныя отъ отца, на биржевую игру, Баррѣ основалъ въ Парижѣ справочный кабинетъ и принималъ къ себѣ Лебиза, какъ помощника. Вдова Жилле-молочница, обладавшая нѣсколькими тысячами франковъ, накопленными ею въ дѣлую ея жизнь, была въ числѣ ихъ кліентокъ. Казалось бы имъ было весьма нетрудно выманить у нея эти деньги на какое нибудь предпріятіе, или даже просто на сохраненіе, но они предпочли убійство, «не желая, вѣроятно, терять много времени на ожиданіе.» Однажды утромъ, когда молочница эта принесла Баррѣ молоко, онъ бросился на нее съ молоткомъ, которымъ ударилъ ее въ високъ; она тотчасъ же упала, но такъ какъ еще дышала, Лебизъ, какъ любитель анатоміи, вонзилъ ей прямо въ сердце скальпель. Потомъ этотъ же вивесекторъ — какъ сказано въ протоколѣ допроса — «чистенько» рознялъ трупъ убитой на части и голову ея снесъ въ отель гарни улицы Поливо, а остальные куски тѣла спряталъ въ чемоданъ и, подъ видомъ товара, отправилъ въ Мансъ по желѣзной дорогѣ. Весь этотъ рядъ возмутительныхъ дѣйствій былъ произведенъ имъ съ полнѣйшимъ хладнокровіемъ — и полиція, нашедшая отдѣльныя части трупа, весьма долго не могла напасть на слѣдъ преступниковъ, а, можетъ быть, и не нашла бы никогда, еслибы ей не помогла необъяснимая болтливость Баррѣ въ кафѣ того квартала, гдѣ жила вдова Жилле. Онъ былъ приглашенъ къ слѣдствію, какъ свидѣтель, и былъ бы освобожденъ, такъ какъ его даже не подозрѣвали, но ему почему-то показалось, что слѣдователю все уже извѣстно, и онъ самъ во всемъ не сознался, заботясь только о томъ, чтобы большую часть вины свалить на своего сообщника, Лебиза, который и былъ арестованъ по его указаніямъ. Лебизъ же, послѣ своего злодѣя-

нѣя, пустился въ философію и политику. Такъ онъ, въ такъ называемой «загѣ школѣ», прочелъ публичную лекцію о дарвинизмѣ съ совершенно нелѣпыми изъ нея выводами и принялъ на себя веденіе новой газеты крайняго направленія «le pègre Duchêne», основаннаго на деньги одной богатой дамы — пруссачки. Этими его продѣлками хотѣла воспользоваться клерикальная печать, чтобы сдѣлать ихъ аргументомъ противъ демократіи вообще—но это ей не удалось, такъ какъ всѣмъ стало ясно, что и лекція была прочитана и газета, печатанная на прусскія деньги — была принята имъ на себя изъ платы, для дискредитированія демократіи въ интересахъ тѣхъ лицъ, которыя уже не первый разъ прибѣгаютъ къ подобнымъ средствамъ.

Другое дѣло, разбиравшееся сенскимъ ассизнымъ судомъ, надѣлало страшнаго шума и до сихъ поръ продолжаетъ его производить, такъ какъ въ Парижѣ судили только одного изъ преступниковъ, Деженна, другого же бельгійца Годистера еще будутъ судить—въ Брюсселѣ. Дѣло это тоже объ убійствѣ съ цѣлю грабежа. Убита была старуха-нимфоманка во время неистовой оргіи.—Убийцы знали, что у ней есть брилліанты, которыя они и задумали похитить. Показанія свидѣтелей въ этомъ процессѣ до того скандальны, что я не рѣшаюсь ихъ даже и приводить, а между тѣмъ, убійцѣ-парижанину всего 20 лѣтъ, а его сообщнику только 16! Изъ снисхожденія къ ихъ молодости, а также и потому, что убитая вдова Кремьё была субъектомъ уже черезъ-чуръ отталкивающимъ и животнымъ—смертная казнь убійцамъ была замѣнена пожизненною каторжною работою.

Едва окончилось это дѣло, какъ въ одномъ изъ наиболѣе бонапартистскихъ департаментовъ Франціи въ городкѣ Окъ (Auch) началось слѣдствіе по одному дѣлу, напоминающему знаменитую исторію аллен Марбѣфъ, которую наполеоновскому правительству стоило такого труда затушить. Дѣло идетъ не болѣе, ни менѣе, какъ объ организованной проституціи, если хотите, въ турецкомъ вкусѣ. Организация имѣла свои притоны въ нѣсколькихъ департаментахъ, а главнѣйшимъ ея инициаторомъ былъ мелочной торговецъ, выдававшій себя въ послѣднее время за республиканца (это подало «Раусъ» поводъ обвинять республику въ томъ, въ чемъ повинно было чуть не большинство сановниковъ имперіи), но, въ сущности, этотъ мнимый республиканецъ—бонапартистскій мушаръ изъ бывшихъ зуавовъ; товарищемъ у него былъ мировой судья—членъ общества св. Винченца де-Поля и сборщикъ по церквамъ пожертвованій на это общество. Въ компаніи съ ними находились отставной кавалерійскій офицеръ, продавецъ церковной утвари и совѣтникъ префектуры. Какъ бы ни хлопотали реакціонныя газеты, политика въ этомъ дѣлѣ рѣшительно не причесть. Всѣ главныя дѣйствующія лица—старики и привычки ихъ приобрѣтены ими во время имперіи, разумѣется, не въ три послѣдніе года существованія республики.

*

III.

Выставка: продолженіе концертовъ, успѣхъ большого орѳана и скандинавскихъ пѣвцовъ-студентовъ.— Трагическое утро г-жи Руссейль.— Первый конгрессъ о правахъ женщинъ.— Международный антропологическій конгрессъ: рѣчь Брокъ, сообщенія русскихъ ученыхъ и предложеніе г. Миклухи-Маклая и т. д., и т. д. — Открытіе конгресса французской ассоціаціи для усовершенствованія наукъ.

Количество посѣтителей выставки, нѣсколько уменьшившееся въ іюль, съ началомъ августа, снова увеличилось, но еще большаго наплыва публики должно ждать въ сентябрь. Въ августѣ празднества происходили только въ провинціи, именно въ Варезѣ (въ Турени) по случаю открытія въ этомъ городѣ памятника знаменитому памфлетисту, Полю Луи-Курье и въ Мавонѣ при подобномъ же открытіи статуи Ламартина. Парижу пришлось за это время удовлетворяться полетами на «плѣнномъ шарѣ», вошедшими, мало-по-малу, въ моду водной экскурсіей капитана Бойтона, проплывшаго, при помощи своего аппарата, 50 верстъ, и прогулками по Сенъ до Сен-Жермена на приспособленномъ для этого особомъ пароходѣ «Туристъ». Зато концертовъ и музыкальныхъ состязаній было вдоволь и музыка каждый день гремѣла во всѣхъ большихъ и малыхъ залахъ дворца Трокадеро. Оффиціальныхъ концертовъ французской музыки было уже 9, и хотя они и достигли предположенной ими цѣли—ознакомленія публики съ произведеніями малоизвѣстныхъ композиторовъ при самыхъ лучшихъ условіяхъ для исполненія, но особеннаго успѣха не имѣли. Конечно, ихъ и теперь посѣщать охотно, но будутъ посѣщать гораздо болѣе въ сентябрь, когда погода станетъ хуже и посѣтителямъ выставки будетъ удобно часа два въ день отдыхать въ роскошныхъ залахъ Трокадеро. Состязательные концерты между военными и садовыми оркестрами, происходящіе почти каждое воскресенье и замѣчательные по многочисленности исполнителей, всегда полны, чему не мало способствуетъ то, что цѣна за входъ на эти концерты и на всѣ мѣста безъ различія весьма дешева—именно франкъ. Многолюднѣе ихъ только концерты большого орѳана, вполнѣ, наконецъ, установленнаго и производящаго колоссальный эффектъ при игрѣ на немъ лучшихъ французскихъ и иностранныхъ органистовъ. Дѣйствительно, впечатлѣніе, производимое этой игрой, чрезвычайно сильно, и надобно самому ее слышать, чтобы понять, до чего она восхитительна. Хоры студентовъ изъ Упсалы и Христианіи заслужили успѣхъ колоссальный; публика рукоплескала имъ съ энтузіазмомъ. Этими шведскимъ и норвежскимъ студентамъ дѣлается большую честь, что они не позволили себѣ, ради выгоды, эксплуатировать со-

чувствіе къ нимъ публики, и, несмотря на всѣ дѣланія имъ предложенія, не согласились участвовать ни въ театральныхъ, ни въ другихъ второстепенныхъ концертахъ. Съ большимъ трудомъ можно было упротить ихъ дать одинъ добавочный концертъ, сверхъ назначенныхъ ими по программѣ.

Кромѣ концертовъ, въ залѣ Тровадеро происходило «трагическое утро», устроенное даровитой г-жею Руссейль. Шель открыла изъ «Андромахи» съ г-жею Руссейль-Герміоной, и Муне Сюлли—Орестомъ. Г-жа Агаръ продекламировала известное проклятіе изъ «Горація» Корнеля, послѣ чего шло первое дѣйствіе «Эриній» Леконта де-Лилля съ г-жой Мари Лоранъ въ роли Клитемнестры. Въ наше время не такъ-то легко встрѣтить любителей трагедіи, но смѣю увѣрить васъ, что публика, слушавшая въ это утро трехъ свѣтилъ нашего драматическаго искусства, превосходшихъ самихъ себя, испытала такое полное эстетическое наслажденіе, какое не часто случается испытывать въ жизни.

Конгрессы и публичныя чтенія непрерывно слѣдуютъ одни за другими. Я во весь мѣсяцъ не успѣлъ попасть ни на одно чтеніе и изъ двѣнадцати конгрессовъ присутствовалъ только на двухъ, о которыхъ и могу дать вамъ теперь отчетъ.

Не знаю, известно ли вамъ или нѣтъ, что десять лѣтъ тому назадъ, нѣкто Леонъ Ришеръ основалъ въ Парижѣ небольшой еженедѣльный листокъ, подъ названіемъ «Права женщинъ». Листокъ этотъ существуетъ и до сихъ поръ, хотя и прерывался во время осады Парижа и коммуны. Газета эта послужила ея редактору орудіемъ для основанія имъ «общества для улучшенія участи женщинъ», которое, какъ и слѣдовало ожидать, было закрыто правительствомъ нравственнаго порядка, но съ установленіемъ республиканскаго министерства, получило легальную санкцію для своего существованія. Едва былъ опредѣленъ срокъ открытія выставки, какъ редакторъ «Правъ женщинъ», черезъ посредство своей газеты, обратился къ лицамъ, сочувствующимъ женскому вопросу, съ предложеніемъ устроить по его поводу въ Парижѣ международный конгрессъ. Мысль его повсюду встрѣтила сочувствіе и, во времени открытія конгресса, въ Парижъ съѣхались делегаты отъ множества различныхъ обществъ, какъ, на примѣръ, отъ женеvской «Лиги мира и свободы», отъ «Англійской національной ассоціаціи», «Миланской демократической ассоціаціи», «Неаполитанскаго общества итальянскихъ женщинъ», «Флорентійской Конкордіи», «Лионскаго соединеннаго общества женщинъ» и т. д., и т. д. Кромѣ этихъ делегатовъ, изъявило желаніе участвовать на конгрессѣ множество лицъ всѣхъ націй, въ томъ числѣ и русскихъ, сочувствующихъ дѣлу эманципаціи женщинъ. При объявленіи объ этомъ конгрессѣ, клерикальные органы и клубничныи «Фигаро» заранее приготовились къ безошадному его осмѣванію. Но увы! имъ этого не удалось, такъ какъ засѣданія этого конгресса, проис-

ходившія въ залѣ массонской ложи Великаго Востока въ продолженіи цѣлой недѣли, заслужили самое серьезное вниманіе публики и подверглись весьма сочувственному обсужденію всей лучшей части журналистики. Въ первомъ же засѣданіи (общемъ) о правахъ женщинъ и о равенствѣ представителей обоего пола въ человѣчествѣ — говорили весьма краснорѣчиво и глубоко три оратора-женщины: дѣвица Дерэмъ — французка, дѣвица Моццони — итальянка и дѣвица Уардъ Гоу — американка. Несмотря на то, что между публикой было не мало шлопаевъ, нарочно явившихся на конгрессъ, чтобы поднять его на смѣхъ, рѣчи этихъ трехъ ораторовъ до того были исполнены логики и здраваго смысла, что во все время произнесенія ихъ онѣ сопровождались громкими рукоплесканіями.

Послѣ общаго засѣданія, члены конгресса, по обыкновенію, раздѣлились для своихъ работъ на спеціальныя секціи. Секція историческая завалась изслѣдованіемъ положенія женщины во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, а американецъ Стантонъ прочелъ записку о ходѣ движенія по женскому вопросу въ Америкѣ; изъ нея явствуетъ, что въ этой странѣ движеніе это ведется уже тридцать лѣтъ сряду и достигло такихъ счастливыхъ результатовъ, что между американками насчитывается уже не мало врачей, адвокатовъ, мировыхъ судей и даже депутатовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Соединенныхъ Штатовъ.

Секція педагогическая пришла къ тремъ заключеніямъ, высказаннымъ въ видѣ желаній: 1) чтобы всѣ женщины, способныя кормить грудью, кормили сами своихъ дѣтей, и какъ замужнія, такъ и дѣвушки впредь до введенія въ законодательство мѣръ, покровительствующихъ матерямъ и дѣтямъ, имѣли бы право, въ случаѣ бѣдности, получать пособіе отъ муниципалитетовъ въ теченіи 18 мѣсяцевъ (періода кормленія); 2) чтобы повсюду для всѣхъ дѣтей были доступны дѣтскіе сады, и чтобы дѣтское воспитаніе повсюду согласовалось съ системою Фрѣбеля или, еще лучше, съ естественнымъ методомъ, и 3) чтобы во всѣ существующія школы былъ открытъ доступъ для дѣтей обоего пола безразлично, такъ какъ и тѣ, и другія могутъ совмѣстно проходить всякіе курсы.

Экономической секціей установили, что женщина имѣетъ право на трудъ; что каждый работникъ или работница должны быть вознаграждаемы сообразно своей работѣ и что всѣ профессіи, какъ либеральныя, такъ и промышленныя могутъ исполняться женщинами. Тамъ же было констатировано, что ассоціація и кооперація между рабочими обоего пола безъ различія суть лучшія переходныя формы, ведущія мирнымъ путемъ къ справедливому соціальному переустройству общества, что при ихъ пособіи можетъ быть залечена язва пауперизма, такъ какъ мысль работающихъ классовъ при помощи ихъ освободится отъ гнетущей ежедневной заботы о кускѣ хлѣба. Конгрессъ провозгласилъ экономическое равенство обоего пола, и, настаивая на допущеніи на одинаковыхъ условіяхъ какъ мужчинъ, такъ и женщинъ во всѣ

учебныя заведенія и къ занятію всякихъ должностей и профессій, закрѣпилъ эту мысль формулой: «за одинаковое производство одинаковое вознагражденіе». Требуя для женщины, свободы труда, онъ тѣмъ же не менѣе воздалъ должную справедливость и значенію домашнихъ и хозяйственныхъ работъ; заявилъ о необходимости допущенія женщинъ въ совѣты свѣдущихъ людей и рекомендовалъ устройство, какъ смѣшанныхъ синдикальныхъ палатъ, такъ и синдикатовъ изъ однѣхъ работницъ; возсталъ противъ привилегій, раззорительныхъ для женскаго труда, которыми пользуются монастыри и тюрьмы и конкурировать съ которыми свободному производству трудис; заявилъ о необходимости учрежденія женскихъ кооперативныхъ мастерскихъ и обществъ покровительства работницъ и служащихъ женщинъ, и вообще отмѣны всѣхъ тѣхъ ограничительныхъ законовъ, которыми стѣсняется право сходоуъ и ассоціацій.

Въ секціи, гдѣ разсматривался женскій вопросъ съ нравственной точки зрѣнія, равно, какъ и на заключительномъ общемъ собраніи конгресса, гдѣ обсуждались заключенія, выработанныя въ этой секціи, съ весьма замѣчательнымъ тактомъ былъ разработанъ вопросъ о проституціи. На общемъ собраніи, впрочемъ, прежде чѣмъ этотъ вопросъ былъ затронутъ, произнесены были двѣ превосходныя рѣчи: одна объ общественной нравственности вообще, горячо высказанная уже упомянутой мною г-жею Дерэмъ, а другая о тѣхъ способахъ, какими женщина можетъ помочь скорѣйшему уничтоженію войны. Последнюю рѣчь съ громаднымъ одушевленіемъ произнесла весьма почтенная старушка, г-жа Гриссъ-Траутъ. Относительно проституціи, конгрессъ пришелъ къ такимъ заключеніямъ: 1) чтобы законъ поставилъ женщину въ такія условія, которыя дали бы ей возможность свободного исполненія обязанностей, налагаемыхъ на нее нравственностью, 2) чтобы официальная регламентація проституціи была отмѣнена, 3) чтобы публичные дома были закрыты, 4) чтобы полицейскія мѣры ограничивались только надзоромъ за соблюденіемъ на улицахъ общественнаго порядка лицами обоого пола, 5) чтобы были учреждены свѣтскія убѣжища для женщинъ, выходящихъ изъ тюремъ и 6) чтобы всѣ законоположенія, ограничивающія свободу вступленія въ бракъ, были прогрессивно отмѣнены.

Докладчикъ законодательной секціи, Леонъ Ришеръ, представилъ двѣ замѣчательныя записки: одну о несправедливости современныхъ законодательствъ относительно женщинъ, такъ какъ женщина почти вездѣ поставлена ими въ подчиненное положеніе, и вторую о прелюбодѣяніи, въ которой доказываетъ необходимость, чтобы и мужъ, и жена были поставлены въ одинаковыя условія при нарушеніяхъ супружеской вѣрности, какъ относительно отвѣтственности, такъ и наказуемости. Муниципальный совѣтникъ, Аристидъ Мартэнъ, высказалъ весьма здравыя соображенія относительно обольщенія и права отыскиванія отца. Сек-

цей выражены слѣдующія желанія: 1) чтобы современныя законодательства были исправлены сообразно съ признаніемъ равноправности обоихъ половъ, 2) чтобы была допущена полная свобода развода, 3) чтобы прелюбодѣяніе, въ какихъ бы условіяхъ оно ни происходило, считалось одинаковымъ, какъ со стороны мужа, такъ и жены, 4) чтобы обольщеніе несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ при пособіи лжи, напрімѣръ, неисполненнаго обѣщанія жениться, было рассматриваемо и наказуемо, какъ проступокъ, 5) чтобы процессы по отыскиванію отца также, какъ по обольщеніямъ несовершеннолѣтнихъ дѣвушекъ — были даровыми, 6) чтобы право наслѣдства послѣ родителей было одинаковымъ для всѣхъ дѣтей и, 7) чтобы такъ называемая полиція правовъ была повсюду отмѣнена.

Комиссія, составленная изъ членовъ всѣхъ національностей, имѣвшихъ своихъ представителей на этомъ первомъ международномъ конгрессѣ по женскому вопросу, Россіи, Голландіи, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Италіи, Румыніи, Швейцаріи, Англіи, Германіи и Франціи, было поручено подготовить слѣдующій конгрессъ и озаботиться присканіемъ средствъ для продолженія начатаго дѣла.

Международный конгрессъ по антропологіи собирался во дворцѣ Троядеро съ 16 по 21 августа, подъ предсѣдательствомъ доктора Брокя, профессора медицинскаго факультета и директора антропологической школы; первымъ изъ вице-президентовъ былъ выбранъ докторъ Богдановъ, профессоръ московскаго университета. Въ рѣчи, которою профессоръ Брокя открылъ первое засѣданіе, онъ указалъ на ту отдаленную до-историческую эпоху, для которой невозможно составить никакой хронологіи, когда на землѣ появился впервые человѣкъ «въ видѣ слабого и безсильнаго существа, голаго и беззащитнаго и вынужденнаго съ громаднымъ трудомъ поддерживать свое жалкое существованіе, находя лишь въ расщелинахъ скалъ невѣрное убѣжище отъ окружающихъ его со всѣхъ сторонъ грозныхъ опасностей». «Какимъ образомъ, продолжалъ Брокя:—это жалкое существо, окруженное страшными врагами и лишенное всякихъ средствъ нападенія и защиты могло не только сохранить свое существованіе, но и поддержать существованіе своего рода среди враждебной ему мачихи-природы? Этимъ онъ обязанъ только тому, что обладалъ двумя орудіями, болѣе совершенно у него организованными, чѣмъ у всѣхъ другихъ существъ: мозгомъ, который повелѣваетъ, и рукою, которая исполняетъ». Сидя онъ противопоставилъ интелектъ и это противопоставленіе оказалось на столько могущественнымъ, что самые колоссальныя виды чудовищъ различныхъ геологическихъ эпохъ вымерли и уничтожились, а слабый человѣкъ остался, восторжествовавъ надъ самою природою. «Можетъ быть, продолжалъ профессоръ:—на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь собрались, человѣкъ, въ незапамятныя времена, обтачивалъ свое первое орудіе изъ

временей, намытых рѣкою, не имѣвшей еще даже и названія — мы же — его прямая отрасль, обладаемъ сокровищами и чудесами, произведенными безчисленнымъ множествомъ рукъ и расположенными на всемирной выставкѣ».

При помощи какихъ трудовъ и усилій въ цѣлыя, можетъ быть, тысячи вѣковъ могла возникнуть и развиться цивилизація, начавшаяся съ каменнаго періода и дошедшая до вѣка, открывшаго силу пара и электричества? Не было ли бы въ высшей степени полезно и любопытно представить наглядную параллель между человѣчествомъ развитымъ, производящимъ чудеса современной промышленности, и человѣчествомъ первобытнымъ? Такою мыслью задались учредители международной антропологической выставки, и республиканское правительство, разрѣшивъ подобную, чисто научную выставку, въ самомъ районѣ выставки искусствъ и промышленности, дало этимъ какъ бы официальную санкцію антропологии, которой послѣдняя во Франціи не имѣла. Благодаря этой инициативѣ и совмѣстному участию ученыхъ всѣхъ странъ, организовалась эта взумительная коллекція, каждый предметъ которой далъ поводъ къ важнымъ научнымъ выводамъ и цѣлыя массы публики могутъ нагляднымъ путемъ убѣдиться, что тѣ свѣденія, какія внесла антропология въ научное міросозерцаніе, не суть теоретическія мечтанія, а подтверждаются конкретными фактами и открытіями, произведенными и производящими естественными опытами всего цивилизованнаго міра.

Антропология — наука о человѣкѣ по преимуществу — находится, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ медициной, зоологіей, геологіей, исторіей, археологіей, миеологіей, лингвистикой и статистикой и даетъ весьма цѣнный матеріалъ для положительной философіи и социологии. Причина того, что эта новая наука могла въ самое короткое время достигнуть высокой степени развитія — та, что изслѣдованія и открытія въ ея области производятся по точному методу наблюденія. Ничто такъ не послужило бы къ усовершенствованію дальнѣйшаго ея развитія, какъ періодическія выставки всѣхъ матеріальныхъ ресурсовъ, какими она, благодаря трудамъ ученыхъ всего міра, обладаетъ. Первый опытъ въ этомъ родѣ, устроенный парижскими антропологами, имѣлъ такой громадныи успѣхъ, что, должно надѣяться, и во всѣхъ другихъ государствахъ съ этихъ поръ будутъ время отъ времени организоваться подобныя выставки.

Докторъ Тюлье, президентъ парижскаго муниципальнаго совѣта, въ коротенькомъ докладѣ, рассказалъ исторію этой науки: «антропология, сказалъ онъ: — внесла фактическія демонстраціи въ ту область человѣческаго знанія, въ которой ученые и мыслители, до ея возникновенія, дѣйствовали какъ бы ошущью при помощи наведенія и гдѣ разумъ оказывался бессильнымъ, пока не обладали тѣми матеріальными научными подтвержденіями, какими мы теперь, благодаря ей, располагаемъ. Антропология, открывающая намъ въ настоящее время такіе обширные горизонты, показы-

вающая, насколько природа и истина грандіознѣ всякихъ легендъ и фикцій, какими такъ долго обманывались люди—представляется самою молодою изъ наукъ, на нашихъ глазахъ рожившеюся. Не заслуживаетъ ли удивленія, что она явилась на свѣтъ такъ поздно и что человѣкъ бросался на изученіе всего другого прежде чѣмъ обратился къ изученію самого себя?»

Отдами антропологіи слѣдуетъ признать Линнея, который первый отвелъ мѣсто человѣку въ своей зоологической классификаціи, Бюффона, перваго составившаго естественную исторію человѣка, и Блюменбаха, классифицировавшаго человѣческой родъ, на основаніи изученія череповъ различныхъ народностей. Первый опытъ учрежденія «общества наблюдателей человѣка» относится къ 1800 году и честь его учрежденія принадлежитъ французу Жоффре. Попытка эта неудалась и была забыта до 1839 года, когда, послѣ учрежденія въ Лондонѣ англійскаго «общества покровительства аборигеновъ», въ 1838 г., ученый Годжинъ явился во Францію съ цѣлю его пропаганды, а Вильямъ Эдвардсъ основалъ парижское этнологическое общество. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по его программѣ были учреждены два подобныхъ же общества въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ. Благодаря матеріалу, выработанному этими обществами, Флурансъ могъ уже въ своемъ курсѣ, читанномъ имъ въ Музеѣ, нарисовать исторію человѣческихъ расъ. Его намѣстникъ по кафедрѣ, Серръ, внесъ и въ анатомію человѣка сравнительный методъ, а Катрфажъ, занимающій до сихъ поръ эту кафедру, далъ новой наукѣ названіе антропологіи.

Парижское этнологическое общество, отдавшееся со страстію вопросу объ эмансипаціи черной расы, изъ-за этого социальнаго дѣла упустило, какъ извѣстно, изъ вида чисто научныя цѣли; когда же въ 1848 году, республика уничтожила рабство, члены этого общества перестали собираться, какъ будто бы цѣль его учрежденія была достигнута. Никакого другого подобнаго общества не возникало до 1859 года, когда было основано парижское антропологическое общество, поводомъ къ основанію котораго послужилъ протестъ 19 ти естествоиспытателей полигенистовъ противъ оффиціальной доктрины моногенизма Института. Общество это 'задалось весьма широкой программой и подало поводъ къ возникновенію другихъ антропологическихъ обществъ въ Геттингенѣ (1861 г.) и Лондонѣ (1863 г.), а нѣсколько позднее и въ Манчестерѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Флоренціи, Мадридѣ и на Гавайѣ; въ то же время, открыли антропологическіе отдѣлы и общества естествоиспытателей въ Москвѣ, Краковѣ и т. д. Парижское этнологическое общество воспользовалось всемірною выставкою, чтобы учредить свой конгрессъ антропологіи и археологіи. Это же общество, благодаря энергіи доктора Брокъ и его председателя, открыло антропологическій институтъ, а на щедрія пожертвованія какъ въ Парижѣ, такъ и Сенскаго Департамента открыло большую школу, въ которой читается семь различныхъ курсовъ, а именно: анатомической антропологіи, біоло-

гической антропологии, этнологии, доисторической антропологии, антропологии лингвистической, демографии и медицинской географии. Всѣми этими способами, какъ выражается докторъ Толье въ концѣ своего доклада, мы хотимъ научить человѣка, откуда онъ происходитъ, и можно предсказать, не будучи пророкомъ, что изъ работъ антропологовъ получится прочное основаніе для новой философіи и научной социологии.

Я не могу входить въ подробности по поводу этого конгресса и перечислю только одни названія чрезвычайно важныхъ докладовъ, читанныхъ на собраніяхъ конгресса. Такъ докторъ Тошнаръ прочелъ объ анатомической, биологической и патологической антропологии; Жираръ де-Риалль о состояніи этнологии въ Европѣ, западной Азии и Америкѣ; докторъ Бордье объ этнологии азиатскаго Востока Африки и Океаніи; де-Мортилле о доисторической пале-аналогии и археологии; докторъ Шервель, редакторъ «Записокъ по международной демографіи» объ отношеніяхъ демографіи къ антропологии. Демографія, какъ вы знаете, есть самая юная отрасль антропологическихъ наукъ и опять-таки французъ, нѣкто Ашиль Гюилларъ, около 15-ти лѣтъ тому назадъ, далъ это названіе искусству изученія при пособіи статистики составныхъ элементовъ народонаселенія, для извлеченія изъ цифръ браковъ, рожденій и смертей, законовъ, обуславливающихъ движеніе человѣческихъ коллективностей. Зять Гюилларя, докторъ Вертилонъ, посвятилъ всю свою жизнь этой спеціальности и выставилъ въ Троядеро не менѣе сорока таблицъ, на которыхъ нагляднымъ способомъ изображены различныя числовыя отношенія между главнѣйшими социальными факторами, относящимися къ сохраненію и распространенію человѣческаго рода и, разумѣется, таблицы эти отличаются такою строгою точностью, какой никогда не достигали ни административныя статистическія изслѣдованія, ни цифровыя данныя, приводимыя сторонниками той или другой политической теоріи.

Въ практической демографіи Франція далеко не сдѣлала такихъ успѣховъ, какъ въ теоретической; первое мѣсто въ этомъ дѣлѣ, какъ показала выставка, должно принадлежать Швеціи. Сообщение Пальяни на второмъ засѣданіи антропологическаго конгресса объ антропометриі, снабженное графическими таблицами различныхъ степеней физическаго развитія обитателей Сѣверной Италіи, весьма много способствовало возбужденію въ средѣ публики интереса къ новой наукѣ. На спеціальномъ демографическомъ конгрессѣ, происходившемъ также въ концѣ августа, была предложена коренная реформа въ способахъ произведенія статистическихъ переписей населеній.

Повторяю еще разъ, что какую бы степень интереса ни представляли работы современныхъ антропологовъ, мнѣ, въ качествѣ хроникѣра, нѣтъ возможности входить въ подробности объ нихъ, а приходится ограничиваться только перечисленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы показать, до какой степени важно и интересно для

науки ихъ значеніе. Въ этомъ смыслѣ, упомяну объ объясненіяхъ Лебона, касательно отношеній, существующихъ между формою черепа и умственными способностями человѣка, объ анатоміи волоса доктора Латте, который доказалъ, что устройство волоса служитъ весьма характеристическимъ элементомъ въ различеніи человѣческихъ расъ, объ изслѣдованіи вашего путешественника антрополога (Извольскаго?) бѣлокуроухъ урожденцевъ Кавказа, отчетъ котораго объ его ученой побѣдѣ въ центральную Азію имѣлъ громадный успѣхъ; о докладѣ вѣнскаго ученаго Бенедикта, выяснившего всѣ особенности череповъ преступниковъ на 19-ти черепахъ венгерцевъ. Доводы послѣдняго ученаго подтвердилъ антропологъ Бордье, показавшій, что на коллекціи череповъ убійцъ, находящихся на настоящей всемірной выставкѣ, можно увидать всѣ эти уродливыя отклоненія, и этимъ какъ нельзя болѣе подтверждается тезисъ, высказанный Брокъ, что «преступники суть существа аномальныя, столько же и въ физическомъ, какъ и въ нравственномъ смыслѣ». «Исслѣдователь Далли, пошелъ далѣе: различая между уродливостями черепа такія, которыя служатъ признаками расы и прямого унаслѣдованія, отъ тѣхъ, которыя образуются вслѣдствіи вліяній среды и воспитанія, онъ попытался, на основаніи этихъ данныхъ, опредѣлить въ преступленіи ту часть его, которая должна быть вѣнена самому преступнику, отчасти отвѣтственность за которую, по всей справедливости, должно нести общество.

Докторъ Шиль-и-Наранцо, на четвертомъ засѣданіи, прочелъ отчетъ о своихъ раскопкахъ и изслѣдованіяхъ на Канарскихъ Островахъ для опредѣленія типовъ ихъ первобытныхъ обитателей. Докладъ его, несмотря на всю длину, былъ прослушанъ публикою съ особеннымъ вниманіемъ, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что за свои выводы, находящіеся въ прямомъ противорѣчій съ библейскою теоріею происхожденія человѣка, ученый этотъ былъ отлученъ отъ церкви и преданъ анаемѣ папою Піемъ IX. Должно полагать, что послѣдователь Наранцо, молодой и симпатичный ученый докторъ де-Ласъ-Пальмъ, пришедшій въ этомъ смыслѣ къ выводамъ еще болѣе рѣзкимъ, подвергнется такому же отлученію и анаемѣ со стороны Леона XIII.

Берлинское свѣтло, докторъ Вирховъ, отъ имени вашего соотечественника Милуха Махлая, изслѣдующаго Малайскій Архипелагъ и Новую Гвинею, внесъ предложеніе, единодушно одобренное, о необходимости для правительствъ, обладающихъ колоніями въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, учрежденія въ различныхъ колоніяхъ лабораторій и антропологическихъ станцій.

На пятомъ и послѣднемъ засѣданіи, одинъ изъ наиболѣе молодыхъ и горячихъ французскихъ антропологовъ, Абель Гавелокъ, представилъ ясную и краснорѣчивую записку о признакахъ, какими различаются высшія и низшія расы человѣчества; онъ показавъ въ ней, что люди низшихъ расъ и въ наше время представляютъ признаки полнѣйшаго сходства съ члвчвоподоб-

ними обезьянами. Брокъ представилъ нѣкоторыя опроверженія такимъ чисто дарвиновскимъ выводамъ своего товарища. Но этотъ въ высшей степени интересный диспутъ не окончился эгмъ и продолженіе преній на эту тему отложено до засѣданія антропологической секціи конгресса французской ассоціаціи для усовершенствованія наукъ.

Члены антропологическаго конгресса, въ промежутокъ засѣданій, совершили три экскурсіи въ антропологическій музей ботаническаго сада, въ антропологическую школу латинскаго квартала и въ до-историческій музей Сен-Жермена-анъ-Ла, при чемъ профессора поочередно принимали на себя объясненія.

Оффиціальныи каталогъ антропологической выставки, готовый уже три мѣсяца, не вошелъ въ общій печатный каталогъ всемірной выставки по причинѣ своего слишкомъ большого объема, обусловленнаго множествомъ заключающихся въ немъ объясненій. Администрація выставки потребовала отъ составителей его, къ сожалѣнію, сокращеній сообразно общему плану каталога, что привело его къ простому перечисленію предметовъ; въ видѣ исключенія, однакоже, допущено 12 страницъ предисловія, безъ котораго онъ былъ бы рѣшительно непонятенъ для публики. Окончательная редакція каталога въ этомъ видѣ поручена антропологическимъ обществомъ доктору Коллино.

Въ моихъ корреспонденціяхъ прежнихъ годовъ, я имѣлъ случай не однажды говорить какъ о возникновеніи, такъ и объ различныхъ конгрессахъ французскаго общества для усовершенствованія наукъ. До сихъ поръ конгрессы этого общества собирались обыкновенно въ провинціи, въ Гаврѣ, въ Клермонферранѣ, Лионѣ и Бордо и главнѣйшимъ его назначеніемъ было «какъ бы идти по провинціи навстрѣчу ученымъ», которыхъ работы въ прежнее время могли пропадать за невозможностью представленія ихъ въ Парижъ, и произвести такимъ образомъ научную связь между всѣмъ городами Франціи, какіе посѣтитъ это общество. Если на этотъ разъ собраніе, въ видѣ исключенія и собранось въ Парижѣ, то только потому, что всемірная выставка сдѣлала изъ столицы Франціи временное мѣсто свиданія представителей всѣхъ другихъ націй. Для доказательства пользы, какую можетъ принести это общество для самихъ ученыхъ, председатель рассказалъ исторію изобрѣтенія искусственной соды, происшедшаго до основанія этого общества. Изобрѣтатель этого способа приготовленія соды, Лебланъ, умеръ въ крайней нищетѣ, а ежегодное производство этого продукта доходитъ въ наши дни до 300.000.000 килограммъ. Въ рѣчи своей председатель конгресса, Фреми, указалъ также на всѣ неисчислимыя преимущества обработки стали по способу Бессемера. Окончилъ онъ свою рѣчь заявленіемъ благодарности Парижу за всѣ его жертвы, дѣлаемыя имъ въ пользу науки и за тотъ почетный приѣмъ, какимъ онъ удостоиваетъ ученыхъ. «Приѣмъ этотъ, сказалъ онъ: — служить лучшимъ опроверженіемъ легкомысленныхъ отзывовъ о Парижѣ

тѣхъ лицъ, которыя клеветуютъ на него, не зная его, и смотрятъ на него какъ на городъ праздности, пустого блеска и удовольствій». Слова эти, повторенныя вслѣдъ за Фреми докторомъ Тюлье, председателемъ парижскаго муниципальнаго совѣта, вызвали оглушительныя рукоплесканія публики. Сигналъ къ нимъ подавъ былъ Гамбетой, сидѣвшимъ вблизи обоихъ ораторовъ. Знаменитый иенскій профессоръ Геккель, присутствовавшій подобно многимъ другимъ ученымъ Германіи въ первый разъ еще послѣ 1870 года въ средѣ французскихъ дѣятелей науки, присоединился съ особенной горячностью къ этому выраженію благодарности Парижу отъ лица остальной Франціи. Такимъ образомъ наука уничтожаетъ тѣ границы между государствами, какія воздвигаетъ война, точно также, какъ со временемъ уничтожить она и всѣ предрассудки, раздѣляющіе народы.

Людвикъ.

Парижъ, 31-го августа 1878 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Жителіе отголоски. II. Суворова. Спб. 1878.

Мы ни подъ какимъ видомъ не сдѣлали бы книжекъ г. Суворова совершенно незаслуживаемой ея чести—остановить на ней вниманіе читателей «Отч. Зап.», еслибы насъ не побудило къ этому одно обстоятельство. Дѣло въ томъ, что г. Суворовъ и его книжка очень типичны. Журнальное, собственно газетное дѣло развивается у насъ, какъ извѣстно, все шире и шире; оно притягиваетъ къ себѣ людей зачастую очень дѣльных, по крайней мѣрѣ, очень дѣловитыхъ, очень ловкихъ, юркихъ и практическихъ, но рѣшительно лишенныхъ всѣхъ тѣхъ истинно-литературныхъ качествъ, благодаря которымъ только и можно быть писателемъ въ настоящемъ смыслѣ слова—писателемъ по призванію, а не по ремеслу и не изъ карьеры. Мы констатируемъ этотъ фактъ рѣшительно безъ всякой горечи: это въ порядкѣ вещей, таковы требованія газетнаго дѣла, обусловливаемые самою сущностью его, его коренными цѣлями и задачами. Эти требованія такъ просты, эти задачи такъ ясны, что не понимать ихъ—значитъ очень плохо рекомендовать свои умственные способности, въ особенности если это непониманіе встрѣчается въ человѣкѣ, посвятившемъ себя газетной дѣятельности. Всякій сверчокъ долженъ знать свой шестокъ и презабавную картину изображаетъ сабою какой-нибудь газетный инкогнито, когда, возжаждавши извѣстности, соберетъ свои писанія, позабытыя че-

резъ полчаса по ихъ прочтеніи, въ отдѣльную книгу и выступить съ нею передъ удивленною публикою. Являясь въ формѣ нѣкотораго литературнаго дѣлага, эта мѣшанина изъ газетныхъ вырѣзокъ и обрывковъ, тѣмъ самымъ заставляеть критику приложить къ ней критерій совершенно иной, нежели тотъ, который, по всей справедливости, долженъ быть употребляемъ при оцѣнкѣ всевозможныхъ газетныхъ замѣтокъ и статей, если только вообще стоить заниматься такою оцѣнкою. Понятно, что такая, чисто литературная точка зрѣнія не можетъ быть выгодна для писателя минуты, сегодняшняго дня: вѣдь критикѣ въ подобныхъ случаяхъ остается только подтвердить теоретическими доводами то, что уже давно исполнено практической жизнью относительно произведеній этой категоріи, т. е. отрекомендовать ихъ, какъ удобную обертку для свѣчь, колбасы и т. п.

Всѣ эти простыя истины, къ сожалѣнію, какъ-то плохо понимаются нашими газетными фельетонистами, беллетристами, публицистами, поэтами и проч. Несмотря на теперешнее книжное безвременье (а можетъ быть, и благодаря ему, по пословицѣ о Омѣ на безлюдьи), все чаще и чаще появляются теперь, подъ разными хитрыми заглавіями, тощенькія книжечки, въ которыхъ какіе то, только самимъ себѣ, да своимъ редакторамъ и извѣстные господа, предлагаютъ для вторичнаго употребленія продукты своей мысли. Г. Суворовъ—изъ ихъ числа и не только не худшій, но даже одинъ изъ лучшихъ между ними. По крайней мѣрѣ, если очевидна слабость его способностей, то совершенно несомнѣнна и честность его намѣреній.

Въ предисловіи къ своимъ «отголоскамъ» авторъ съ несомнѣнною искренностью выражаетъ, что онъ «будетъ безмѣрно счастливъ, если его скромная литературная дѣятельность, его юношескія мечты, стремленія къ свѣту не пройдутъ безслѣдными для тѣхъ, кто читалъ его произведенія и кто почтитъ ихъ въ будущемъ своимъ вниманіемъ». Отчасти, изъ сострадательнаго сочувствія къ этимъ безсильнымъ, но несомнѣнно искреннимъ «мечтамъ и стремленіямъ», отчасти потому, что «произведенія» г. Суворова, по своему содержанію, стоятъ не только ниже, но просто внѣ всякой критики, мы не будемъ смѣяться надъ тѣми ученическими упражненіями, которыя автору угодно назвать громкимъ именемъ «произведеній». Онъ сознается, что, «быть можетъ, многое не совсемъ обработано, не вполне развито»—но что ужъ тутъ! Это слишкомъ изысканный *façon de parler*—говорить «объ обработкѣ» тамъ, гдѣ и обрабатывать-то нѣчего. А затѣмъ, мы недоумѣваемъ, что именно хотѣлъ сказать г. Суворовъ, когда говорилъ, что «все», написанное имъ, «все было пережито, все искренно проанализировано и проникнуто горячимъ желаніемъ: (двоеточіе!) быть полезнымъ, по силѣ возможности, развитію нашего общественнаго самосознанія». Въ книгѣ г. Суворова есть и беллетристика, и поэзія, и публицистика. Въ интересахъ самого г. Суворова, мы не скажемъ ни слова ни о

его стихахъ, ни о его повѣстахъ; авторъ, надѣмся, и самъ понимаетъ, что «общественное самосознаніе» подвигается впередъ не путемъ плоскихъ виршъ и пустѣйшихъ анекдотовъ. Что же касается публицистики, то въ этомъ отдѣлѣ мы находимъ статьи: «Петръ Великій», которую бы г. Суворову, по совѣту известной эпиграммы, слѣдовало назвать «Петръ Длинный» или «Петръ Большой», но только не «Великій»; «Борьба Версаля съ коммуной» и «Парижская рѣзня»—двѣ статейки, выдающіяся только въ томъ, правда, важномъ отношеніи, что авторъ, говоря объ известныхъ личностяхъ, событіяхъ и партияхъ, не столь часто прибѣгаетъ къ нецензурнымъ ругательствамъ, какъ это обыкновенно практикуется нашими пяткопечными и семикопечными Цицеронами; наконецъ, «Спириты и спиритизмъ» («произведение» въ четыре странички) и «Михаилъ Ивановичъ Глинка» (этотъ съ чего припутанъ?)—вотъ и все, что г. Суворовъ даетъ намъ, какъ публицистъ. Такія статьи, даже *по силѣ возможности*, какъ выражается авторъ, не могутъ помочь дѣлу общественнаго самосознанія. Это—слишкомъ ясно. Зачѣмъ же было огородъ городить? Зачѣмъ было городить «жалкія слова» о юношескихъ мечтахъ, стремленіи къ свѣту и т. п.? Читатель не безъ основанія поопасется, чтобы въ большія ворота предисловія не ушелъ маленький городокъ книги г. Суворова. Безъ сомнѣнія, и репортеру не запрещается «юношески мечтать» и для фельетонистовъ обязательно «стремиться къ свѣту». Но они насмѣшать всѣхъ куръ, если въ доказательство силы или искренности, или плодотворности своихъ стремленій укажутъ на ворохъ своихъ ежедневныхъ или еженедѣльныхъ издѣлій. А «произведения» г. Суворова, всѣ безъ исключенія, совершенно фельетоны и выше газетнаго уровня не поднимаются. Мы не знаемъ, гдѣ г. Суворовъ печаталъ прежде свои работы; самъ онъ говорить объ этомъ очень глухо: «въ разныхъ изданіяхъ». Во всякомъ случаѣ, тамъ бы ему и оставаться до конца дней своихъ. Шапка была бы по Сенькѣ и Сенька по шапкѣ: г. Суворовъ *юношески мечталъ* бы вмѣстѣ съ г. Сувориннымъ, *стремился къ свѣту* въ компаніи съ г. Буренинымъ, всѣ бы понимали въ чемъ дѣло, все было бы ясно и просто, такъ что съ этой стороны «общественное самосознаніе», о которомъ такъ хлопочетъ г. Суворовъ, выиграло бы несомнѣнно. А теперь г. Суворовъ отъ фельетонистовъ отсталъ, къ писателямъ не пристралъ и, какъ известная Матрена, сдѣлался ни пава, ни ворона.

Все хорошо на своемъ мѣстѣ, скажемъ мы опять-таки. Овому талантъ, овому два, овому ни одного—это, если хотите, печально и даже несправедливо, но плетью обуха не перешибешь. Надо знать свое мѣсто и не уподобляться ни той легкомысленной сеницѣ, которая надѣлала шуму, а моря не зажгла, ни той честолюбивой лягушкѣ, которая раздувалась до вола. Прежде чѣмъ заботиться объ «общественномъ самосознаніи», необходимо «познать самого себя» и съ силами газетнаго репортера не высту-

вать на арену серьёзной литературы. Говорить это съ искреннимъ доброжелательствомъ и столько же въ интересахъ литературы, сколько и въ интересахъ самого г. Суворова и подобныхъ ему. Наплывъ въ литературу изъ газетныхъ подваловъ разныхъ таинственныхъ незнакомецъ, претенціозныхъ, но несовсѣмъ грамотныхъ, не принесетъ ей ни особенной чести, ни особенной выгоды; что же касается самихъ авторовъ, то едва-ли и имъ будетъ особенно пріятно выслушать отъ критики, что нѣсколькими благоглупостями никого нельзя благоудивить. Милне фэльтонисты и репортеры, *roug vivre heureux, vivons cachés.*

На встрѣчу. Очерки и стихотворенія *Василія Маркова*. Спб. 1878 г.

Тяжела шапка рецензента. При огромномъ сердечномъ благодушіи (ибо кто-же изъ настоящихъ русскихъ людей не благодушенъ?), періодически исполнять обязанность какого-то журнальнаго Ирода, осужденнаго избивать новорожденныхъ литературныхъ младенцевъ, это, говоря, безъ всякихъ шутокъ, въ самомъ дѣлѣ очень тяжело. Да и не въ одномъ благодушіи тутъ дѣло. Дѣйствительная жизнь, тѣ элементы ея, для которыхъ голосъ литературы—только мѣдъ звенящая и кимвалъ брацающій, но которые тѣмъ не менѣе стоятъ на авансценѣ, представляютъ намъ такіе пейзажики, въ сравненіи съ которыми самый курьезный или отвратительный литературный монстръ—чудо красоты, можно сказать. Дѣдушка Крыловъ, бывшій очень добрымъ человекомъ, хорошимъ стихотворомъ, но весьма посредственнымъ мыслителемъ, утверждалъ, какъ извѣстно, что сочинитель хуже разбойника. Съ точки зрѣнія управы благочинія, эта мораль отличается, конечно, большими достоинствами, но согласиться съ нею, какъ хотите, все таки трудно. Воля ваша, лучше писать романы въ духѣ московскихъ великосвѣтскихъ беллетристовъ, нежели содержать домъ терпимости; лучше Суворинъ и Ко, нежели Грегеръ и Ко; даже г. Леонарду, мы увѣрены, не удалось умирить въ конецъ ни одного изъ своихъ читателей, подобно тому какъ г. Варшавскій морилъ погонцевъ. Въ виду этого, логично ли, справедливо ли набрасываться на какую-нибудь безотвѣтную божію коровку, высидѣвшую, въ потѣ лица своего, романчикъ или повѣстунку и «скромно» подносящую ихъ публикѣ? Лепта—деньги небольшія, конечно, и «мошки и букашки», подвзшія изъ газетныхъ щелей въ литературу—собесѣдники не особенно пріятны, но все это справедливо только въ безотносительномъ смыслѣ. И глядя на всѣ эти желтенькія и лиловенькія книжки—право, опускаются руки, чувство сострадательной симпатіи овладѣваетъ вами и вамъ хочется сказать: да Христось съ вами, голубчики! Живите себѣ! Что вы кому сдѣлали, кому поймѣшали? Ктѣ слушалъ васъ, или, по выслушаніи, кто не забылъ мгновенно о самомъ существованіи вашемъ?

Таковъ голосъ гуманнаго чувства. Но въ томъ-то и трагизмъ
Т. ССXL — Отд. II.

положенія рецензента, что для него обязательно руководствоваться не чувствами своими, а известными литературными критеріями и не его вина, если приходится, подобно Прокрусту, тащить и за ноги и за уши своих бѣдненькихъ, маленькихъ пациентовъ. Вотъ хоть бы г. Василій (просимъ не смѣшивать съ славнымъ Евгеніемъ) Марковъ. Человѣкъ написалъ до тридцати пяти печатныхъ листовъ, въ которыхъ предупредительно идетъ «На встрѣчу» (таково авторское объясненіе замысловатаго заглавія книги) всѣмъ возникавшимъ у насъ въ разное время общественнымъ вопросамъ. Чего бы, казалось, лучше? Къ несчастію, все высказанное нами выше о г. Суворовѣ примѣнимо и къ нашему автору: книга г. Маркова, какъ и книга г. Суворова, рѣшительно не имѣетъ никакого *raison d'être* и авторъ, безъ всякаго ущерба для литературы и для своей собственной репутаціи, если таковая имѣется у него, могъ бы оставить свои фельетоны въ пыли старыхъ газетныхъ номеровъ. Впрочемъ, г. Марковъ далеко не такъ безобиденъ, какъ г. Суворовъ. Онъ самъ съ усами; онъ самъ всякаго обидитъ. По крайней мѣрѣ, въ книгѣ имѣются обращения превосходнѣйшей полемикой автора, напр. полемика противъ гг. Полонскаго (по славянскому вопросу) и Михайловскаго (по вопросу о «деревнѣ»), которые если и удѣляли послѣ этого нападенія, то, вѣроятно, потому что до сихъ поръ обрѣтались въ спасительномъ невѣденіи относительно угрожавшей имъ опасности. Несмотря, однако, на воинственные позы, принимаемыя нашимъ авторомъ, его невинность не подлежитъ для насъ сомнѣнію. Это безвредный ужъ, который сердито шипитъ, желая прослыть за ядовитую змѣю, но котораго можно исполнѣ улагодворить горшечкомъ молока. Книга г. Маркова наполнена, главнымъ образомъ, политическими и критическими этюдами. Какъ политикъ, г. Марковъ «со всею твердостью» совѣтывалъ «братъ Константинополь» (112), а въ резюме статьи, съ неменьшею твердостью, утверждалъ, что «мы должны крѣпко держать поднятое нами знамя свободы» (117). Горько оплачиваемъ эти своего рода *illusions perdues* бѣднаго политика автора. Какъ критикъ, онъ «убѣжденъ всѣмъ своимъ разумомъ и всѣми душевными силами» (377) въ неотложной необходимости для насъ индивидуально-нравственныхъ идеаловъ. Но «въ чемъ же долженъ корениться нравственный идеалъ, чтобъ онъ былъ плодотворнымъ, вѣчно развивающимся, идущимъ впередъ?.. Отвѣчаю, не боясь ложныхъ истолкованій—въ системѣ философско-научныхъ возрѣній, дающихъ болѣе правильное и полное понятіе о человѣческомъ духѣ, чѣмъ это было доселѣ, видящихъ въ человѣкѣ безсмертное, по духу, существо, одаренное безконечными силами, въ системѣ возрѣній, захватывающихъ въ себя все, что связано съ идеєю безконечнаго и, въ то же время, подкрѣпленныхъ всѣми средствами философіи и науки. Не той, прибавлю, науки, которая во многихъ изъ ны-

«**Вмѣнить** ее предознательей, **личить** ее **весить** и **обращать** ее **сколестину**, а науки истинно прогрессивной, широко открытой для истины. Необходимо, чтобы въ общемъ пониманіи была духовная сторона челоуѣка, возносящая его надъ природою» (377). Мы не знаемъ, понимаетъ ли самъ г. Марковъ, что онъ хотѣлъ сказать тутъ; что касается насъ, то мы не имѣемъ чести его понимать. Мы не говоримъ, что въ его словахъ нѣтъ смысла: грамматическій смыслъ имѣется. Но мысли сколько-нибудь опредѣленной и ясной мы рѣшительно не находимъ въ этомъ наборѣ словъ. Это даже не общія мѣста, это просто безсодержательныя фразы, ровно ничего не выражающія и не характеризующія. «Система философско-научныхъ воззрѣній», «болѣе правильное понятіе о челоуѣческомъ духѣ», «истинно прогрессивная наука, широко открытая для истины»—въ рамки такихъ эластическихъ выраженій можно уложить какое угодно содержаніе. Добрѣйшій г. Марковъ, такъ писать, увѣряемъ васъ, шельма; вѣдь вы, такимъ образомъ, оставляете своихъ читателей въ совершенной неувѣдѣнности относительно того, въ чемъ такомъ именно вы увѣждены «всеми душевными силами».

Г. Марковъ не только полетѣлъ и критикъ, но и—не къ ночи будь сказано—спиритъ или «спиритуалистъ», какъ онъ самъ себя называетъ. Это обстоятельство многое уясняетъ въ сужденіяхъ г. Маркова, уясняетъ, пожалуй, даже тотъ мабалистическій отрывокъ, который мы привели только что. Г. Маркову, въ его медлуническихъ бормотаніяхъ о нравственномъ идеалѣ, очевидно, хотѣлось бы притануть науку къ поддержкѣ тѣхъ воззрѣній, которыя «видятъ въ челоуѣкѣ безсмертное, по духу, существо, одаренное безконечными силами». Наука, «широко открытая для истины»—это, конечно, наука гг. Вагнера, Булгéroва и Аксакова; а «наука, которая начинаетъ косить и обращаться въ схоластику»—это, нѣтъ сомнѣнія, наука г. Менделѣева, главы извѣстной комиссіи, настолько огорчившей нашихъ спиритовъ, что они составили протестъ противъ ея заключеній, который имѣется и въ книгѣ г. Маркова. Спорить съ г. Марковымъ и съ его единомышленниками о спиритизмѣ мы, разумѣется, не станемъ: «и погромче насъ были витія, да не сдѣлали пользы перомъ». Отмѣтимъ только для окончательной характеристики автора слѣдующую черту. Какая то американская миссъ Доттъ, столько же отличающаяся поэтическимъ талантомъ, сколько и своимъ пренебреженіемъ къ холоднымъ душамъ, произнесла публично, въ состояніи «магнетическаго сна» стихотвореніе, продиктованное ей, по ея увѣренію, духомъ извѣстнаго Эдгара Поэ. Г. Марковъ, безъ дальнихъ околичностей, заявляетъ, что онъ «не видитъ причинъ сомнѣваться въ исключительномъ происхожденіи этой пьесы» и переводитъ ее затѣмъ на русскій языкъ. Это «не вижу причинъ сомнѣваться», полагаемъ, не требуетъ комментариевъ. Ступайте, г. Марковъ! Dominus vobiscum.

*

Черногорцы или смерть Сивиль-аги Ченгича, поэма Ив. Мажуранича, перев. съ сербско-хорватскаго А. Лукьяновскаго, Псковъ, 1877 г.

Страницы изъ книги страданій Болгарскаго племени, повѣсти и рассказы Д. Каравелова, Москва, 1878 г.

Русскій человекъ, какъ извѣстно, только заднимъ умомъ крѣпокъ. Передъ началомъ сербско-турецкой кампаніи, огромное большинство нашего образованнаго общества могло, подобно пушкинскому Бонапарту, спросить: «Черногорцы! Что такое?» и подобно герою Островскаго, отвѣчать: «а эта Литва къ намъ съ неба упала». Дѣйствительно, наши свѣдѣнія объ исторіи славянъ даже до сихъ поръ очень скудны. Съ неба, не съ неба, конечно, но не подлежить, однако, сомнѣнію, что изъ ста русскихъ образованныхъ людей девяносто девять не сужьютъ сколько-нибудь обстоятельно отвѣтить на вопросъ «откуда есть пошла» такая или такая-то славянская земля. Наши специалисты-славяновѣды, за двумя-тремя исключеніями, умѣютъ, какъ извѣстно, очень ядовито попрекать насъ нашимъ незнаемъ, но рѣшительно не въ состояніи толково и ясно, не усыпая читателя, рассказать о событіяхъ и людяхъ, знакомство съ которыми они вмѣняютъ намъ въ патріотическій долгъ. До самаго послѣдняго времени этотъ «пробѣлъ» въ нашихъ занятіяхъ очень мало давалъ себя чувствовать. Мы изучали исторію и внимательно слѣдили за жизнью Германіи, Англіи и въ особенности Франціи, въ справедливой увѣренности, что игра стоить свѣчь, что каждое крупное событіе, совершившееся въ одной изъ этихъ странъ, хотя риконетомъ, но непременно отразится и на нашихъ собственныхъ дѣлахъ и дѣлншахъ. А до славянъ, что бы тамъ ни говорили наши патріоты объ исторической миссіи Россіи, намъ не было и дѣла даже, какъ не было дѣла до какой-нибудь Португаліи или княжества Монако. Теперь обстоятельства, конечно, значительно измѣнились. Вѣдь мы, говорятъ, спасли славянъ; не познакомиться съ ихъ жизнью, хотя бы то заднимъ числомъ, неудобно, невѣжливо, можно сказать просто даже неприлично. Въ самомъ дѣлѣ, спасти—спасли, а кого спасли, неизвѣстно: такое положеніе, по своему досадному, столь несоответствующему торжественности событийъ комизму, способно навести уныніе на самаго безпардоннаго патріота. Несомнѣнно, что это неудобство чувствуется нашимъ обществомъ, и въ немъ существуетъ потребность такъ или иначе отдѣлаться отъ него; несомнѣнно, съ другой стороны, что литература не замедлитъ, по силѣ возможности, удовлетворить этой потребности, и выписанныя нами въ заголовкѣ сочиненія представляютъ собою, конечно, только первыхъ ласточекъ, за которыми послѣдуютъ цѣлыя чиркающія стада.

Мы, конечно, ничего не имѣемъ противъ ознакомленія русскаго общества съ духовною и не духовною жизнью его «братушекъ». Напротивъ того, въ виду удивительной разногласицы

относительно настоящей и будущей исторической роли всеславянства, мы прививаем такое ознакомление дѣломъ очень серьезной важности. Но мы опасаемся того чрезмернаго усердія, которое русскій человѣкъ обыкновенно обнаруживаетъ, когда спохватится о какомъ-нибудь своемъ промахѣ, недосмотрѣ, «пробѣлѣ» и которое, разумѣется, больше вредитъ, чѣмъ помогаетъ дѣлу. Нѣтъ никакого резона преувеличивать значеніе нашего ознакомленія съ литературою западныхъ и южныхъ славянъ. Славянскія литературы (за исключеніемъ чешской — полунѣмецкой, полуславянской) въ культурномъ отношеніи не представляютъ собою ничего ярко замѣчательнаго, выдающагося. Этотъ фактъ трудно оспаривать. Той высоты, того, если такъ можно выразиться, космополитизма мысли, благодаря которымъ литературы передовыхъ европейскихъ народовъ составляютъ общечеловѣческое достояніе, конечно, было бы странно искать въ литературахъ народовъ, только что вытщившихъ платокъ изъ своего рта. Такимъ образомъ, хоть намъ и «нехвально искать правды у нѣмцевъ», но, какъ прежде, такъ и теперь, приходится, скрѣпя сердце, обращаться именно къ этому источнику. Того требуютъ непосредственные интересы нашего собственнаго самообразованія, для которыхъ «братушки» не въ силахъ ровно ничего сдѣлать. Если же, какъ оно и слѣдуетъ, мы обратимся къ славянскимъ литературамъ не за тѣмъ, чтобы учиться, а лишь за тѣмъ, чтобы изучать, будемъ искать въ нихъ не идей, могущихъ вліять на наше міросозерцаніе, а только фактовъ, характеризующихъ умственную и нравственную физиономію нашихъ единоплеменниковъ, то и въ этомъ случаѣ, прежде чѣмъ отрѣзаться, полезно бы нѣсколько разъ примѣрить. Мы серьезно опасаемся наплыва въ нашу литературу именно тѣхъ болгарскихъ, сербскихъ, черногорскихъ и т. д. произведеній, которыхъ основные мотивы обуславливались политическимъ положеніемъ этихъ племенъ и которыя именно поэтому и останавливать на себѣ вниманіе русскихъ переводчиковъ. Произведенія этой категоріи менѣе всего могутъ служить своей главной цѣли — знакомить насъ съ внутреннею интимною жизнью славянъ. Национальность народа, его духъ, его индивидуальность, трудно найти въ этихъ пѣсняхъ, о страданіяхъ подъ чужеземнымъ игомъ, въ этихъ лирическихъ сѣтованіяхъ о потерянной свободѣ: какой же угнетенный народъ не ненавидитъ своихъ угнетателей, не желаетъ освобожденія и не мечтаетъ о лучшемъ будущемъ? Это черта общечеловѣческая, а не національная. Эти пѣсни могли способствовать — и, безъ сомнѣнія, способствовали — пробужденію національнаго самосознанія славянъ, питали и поддерживали его, но онѣ, во всякомъ случаѣ, не результатъ, не выраженіе, не формула этого сознанія. Онѣ и слѣшкомъ узки и — главное — слѣшкомъ односторонни для этого. Съ другой стороны, мы рекомендовали бы нашимъ переводчикамъ особую осторожность въ выборѣ пьесъ въ виду нѣкоторыхъ типическихъ особенностей самаго русскаго общества.

Наше общество—особенное общество. Сверху вниз на что бы то ни было оно смотреть не привыкло, критически размышлять не умеетъ, объективно относиться къ дѣлу не можетъ и готово принять ан великихъ многое изъ того, что, по своему содержанию, вовсе не серьёзно. Когда какой-нибудь черногорскій поэтъ налагиваетъ всё струны своей лиры, осыпая отборнѣйшими проклятіями «неверныхъ», возбуждая въ своихъ соотечественникахъ ненависть къ нимъ и т. д.—онъ дѣлаетъ, быть можетъ, нужное дѣло, онъ, какъ умѣетъ, служитъ своей родицѣ, онъ, во всякомъ случаѣ, полезенъ. Но если—и возможность этого мы именно и имѣемъ въ виду—русскій читатель, увлеченный этой проповѣдью крестоваго похода противъ нечестивыхъ агарянъ, становится, въ свою очередь, выливать «регатъ» турецкимъ носамъ, утверждая, что «dieu le veut» — мы не можемъ не признать такой результатъ весьма печальнымъ. Вѣдь и домашняго то шовинизма намъ дѣвать нѣкуда; вѣдь и своихъ-то собственныхъ рыцарей мы не знаемъ, какими средствами угомонить и образумить. Наше общество уже слышномъ достаточно поразстроило за послѣднее время свой организмъ этимъ политическимъ монфортивомъ, приготавливаемымъ у насъ и въ прозаическомъ, и въ стихотворномъ видѣ. А ограничиться простымъ химическимъ анализомъ этого яда мы не въ состояніи—въ томъ-то, повторяемъ, и горе наше: какъ малы дѣти, мы непременно наберемъ его себѣ за обѣщаніе, въ несказанному удовольствію всѣяъ господъ, занимающихся полезнымъ дѣломъ фабрикаціи этого продукта.

Собственно «поэма» Мажураича озабочиваетъ насъ очень мало, и мы находимъ ее совершенно безвредной. Она безвредна, потому-что, несмотря на свой кровожадный, такъ сказать, деспотично-ненавистнический характеръ, она до послѣдней степени явля и безцвѣтна. Капля отравы, разведенная въ бочкѣ стихотворно-риторической воды, не страшна даже для нашихъ слабыхъ желудковъ. Надо думать, что мы обязаны этимъ утѣшительнымъ результатомъ г. Лукьяновскому. Мы не знаемъ, какова «поэма» въ подлинникѣ, но, судя по тому, что она была «издана сначала по «иллирски» въ загребскомъ альманахѣ «Искро» въ 1845 г., потомъ напечатана по-сербски» въ «Цвѣтничѣ сербск. словъ» Субботича въ 1853 г., наконецъ, ее издалъ Тгалацъ, тоже по-сербски» въ Загребѣ въ 1859 г. («Предисловіе») — судя по этимъ повторяющимся перепечаткамъ, надо полагать, что въ подлинникѣ «поэма» представляетъ собою нѣчто дѣйствительно замѣчательное. Г. Лукьяновскій оказалъ важную услугу русскому обществу, подвергнувши Ив. Мажураича въ своемъ переводѣ тяжелой пилкѣ, послѣ которой неукротимый черногорскій поэтъ является передъ нами совершенно ручнымъ и обезоруженнымъ. Вотъ, наприимѣръ, одно изъ самыхъ яламенныхъ лирическихъ мѣстъ «поэмы»:

Милосердїи Божїи имѣю,
Волѣю вашу Та не хочу.

Можно ли вникнуть поддѣтъ
Мертвеца!.. А ты хочешь,
Кровошница!... (34).

И такими, будто бы, «стихами» переведена вся поэма. Хромые, кособоковыя, убогіе, жалкіе, точно цѣпля сугубы на колу просидѣвшіе, они тянутся унылою вереницею передъ читателемъ, безжалостно подгоняемые кавасомъ-переводчикомъ. Общее впечатлѣніе получается удовлетворительное. Читатель выскакиваетъ изъ застѣвка г. Лукьяновскаго, какъ опшаренный, и клянется на будущее время для патриотическихъ прогулокъ подальше выбрать закоулокъ.

Книга г. Каравелова, какъ указываетъ и самое заглавіе ея, тоже не свободна отъ туркофобскихъ тенденцій, но, въ общемъ, характеръ ея совершенно иной, нежели поэмы Мажуранича. Въ общедоступной беллетристической формѣ, г. Каравеловъ знакомитъ насъ съ бытовою стороною жизни болгаръ, съ ихъ нравами, обычаями, вѣрованіями и т. п. Такіе рассказы, по нашему мнѣнію, быть прямо въ точку, давая читателю опредѣленное понятіе объ этнографіи страны, т. е. о томъ элементѣ, который менѣе другихъ поддается контролю или репрессіямъ и въ которомъ, слѣдовательно, народный духъ находитъ себѣ наиболѣе свободное выраженіе. Такіе этнографическіе очерки, наряду съ изслѣдованіями экономическаго положенія страны, только и могли бы дѣйствительно ознакомить съ жизнью народа и они были бы тѣмъ умѣстнѣе, что не являлись бы горчицей послѣ ужина, подобно поэмѣ Мажуранича. Г. Каравеловъ исполняетъ свою задачу далеко не вполнѣ удовлетворительно (его описательный и повѣствовательный талантъ очень не великъ) но его задача — та самая, которую надлежитъ рѣшить; онъ идетъ по своему пути невѣрными шагами и часто уклоняется въ сторону, но этотъ путь — именно тотъ путь, который можетъ привести къ цѣли. Если — что несомнѣнно — въ славянскихъ литературахъ есть хорошія сочиненія, отвѣчающія на эти вопросы — переводъ ихъ принесъ бы намъ безконечно больше пользы, нежели знакомство съ какими бы то ни было поощими, вошощими и вызывающими лириками-агитаторами.

И. П. Минаевъ. Очерки Цейлона и Индіи. Изъ путевыхъ замѣтокъ русскаго. Спб. 1878 г.

Два небольшіе томика путевыхъ замѣтокъ профессора И. П. Минаева встрѣтили очень сочувственный пріемъ со стороны русской печати. Это совершенно понятно: русская публика не избалована отечественными путешественниками. Ничего, что у г. Минаева фактическая сторона часто преобладаетъ въ ущербъ чисто литературной и страдаетъ односторонностью, ничего, что г. Минаевъ часто плохо пишетъ по русски, во всякомъ случаѣ, его путевые очерки выдѣляются, по своей обстоятельности и интересу, изъ цѣлаго ряда путешествій гг. Смальковскихъ, Невмировичей и т. д. Жаль только, что г. Минаевъ, путешествуя,

интересовался больше прошлыми вѣками, чѣмъ настоящимъ, что отвелъ онъ слишкомъ много мѣста описанію разныхъ древнихъ построекъ и сооружений (дворцовъ, храмовъ, искусственныхъ озеръ и т. п.) и посвятилъ слишкомъ много времени измѣренію карнизовъ, длины зданій и т. д. Первый томъ, большая часть котораго посвящена Цейлону, въ особенности изобилуетъ такого рода подробностями, совсѣмъ отодвигающими современную жизнь на задній планъ. Еслибы г. Минаевъ имѣлъ спеціальною цѣлью описывать древности и писалъ свое сочиненіе для «антикваріевъ», то мы, конечно, противъ этого ничего не сказали бы, но онъ, повидимому, этого не желалъ. Въ одно мѣсто онъ не поѣхалъ, въ другомъ, по недостатку времени, недостаточно тщательно осмотрѣлъ какія-то знаменитыя развалины и т. п. Такимъ образомъ его описаніе, для антикваріевъ покажется недостаточнымъ и несистематичнымъ, а для обыкновенной публики скучнымъ и безполезнымъ. По всей вѣроятности, путешественниковъ сильно поражаютъ колоссальныя остатки старой цивилизаціи (другой путешественникъ по Индіи и Цейлону — Грандиде также заплатилъ имъ большую дань); эти искусственныя озера, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, Минери, имѣютъ въ окружности около 20 миль (т. I, стр. 129); эти остатки дворцовъ, какъ напримѣръ, остатки мѣднаго дворца, состоящіе изъ 1,600 точеныхъ изъ гранита столбовъ, въ 12 фут. вышины, служившихъ, какъ предполагаетъ г. Минаевъ, поддержкою многоэтажному зданію (118); эти десятиэтажныя монастырскія зданія, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, Жетованская ступа (не самая еще высокая), по расчету сэра Е. Тенинта, потребовала бы, даже при современныхъ усовершенствованіяхъ строительнаго искусства, для своего возведенія «500 рабочихъ, въ продолженіи 6 или 7 лѣтъ», затраты 1 миллионъ фунт. стерлинг. и «столько строительнаго матеріала, сколько потребовалось бы для построенія стѣны въ 1 футъ толщины и 10 фут. вышины отъ Лондона до Единбурга» (113). Правда, что въ связи съ описаніемъ священныхъ древностей, г. Минаевъ знакомитъ читателя и съ религіознымъ культомъ, и съ окружающею обстановкою, но вообще природа Цейлона и этнографическія, бытовая и экономическія стороны населенія совершенно остаются на заднемъ планѣ. Г. Минаевъ даже охотнѣе описываетъ устройство гостинницъ, прислугу и носильщиковъ, рекомендуя ихъ больше со стороны своекорыстія и желанія сорвать чтонибудь съ путешественника, чѣмъ нисколько еще не характеризуетъ общественныхъ нравовъ.

Описаніе Индіи гораздо полнѣе и интереснѣе: описавъ остатки прежней культуры, авторъ знакомитъ съ географіею страны, этнографіею, землевладѣніемъ, юридическимъ устройствомъ и другими сторонами жизни въ эпоху, предшествовавшую англійскому водворенію, и въ позднѣйшую до настоящаго дня. Онъ рассматриваетъ вліяніе англичанъ, стараясь быть, по возможности, безпристрастнымъ; описываетъ довольно подробно механизмъ

англійскаго управленія, полный недостатокъ и часто чуждый справедливости и гуманности по отношенію къ туземцамъ, и объясняетъ, какимъ образомъ ничтожная горсть европейцевъ (англичанъ въ Индіи немногимъ болѣе 64,000 д. и столько же войска) располагаетъ «неограниченно» почти 200 миллионнымъ населеніемъ. «Конецъ XVIII ст., или начало британскаго господства въ Индіи, говоритъ г. Минаевъ:— было временемъ тяжкимъ для всей страны. Горсть чужеземцевъ, овладѣвъ обширною страной, нашла, что всѣ ея учрежденія, какъ соціальныя, такъ и политическія, не нравятся ей и могутъ быть ею терпимы; пришлецы не задумались разрушать все это, имъ не любезное и не понятное, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не умѣли воздвигнуть новаго зданія на мѣстѣ стараго, частью распатаннаго, частью сломаннаго... Юные чиновники компаніи, плохо или даже совсѣмъ незнакомые съ страной, вполне не разумѣвшіе или полупонимавшіе народную рѣчь, явились творить справедливый судъ; ихъ окружили толпы пройдохъ, необходимыхъ посредниковъ между заморскимъ судьей и ему непонятнымъ туземцемъ. Справедливый судъ сталъ вещью продажною; и самый честный судья, вполне сознавая зло, не имѣлъ и не былъ въ силахъ пресѣчь его. Разбой, упадокъ торговли и промышленности, развитіе бѣдности—все это слѣдовало за водвореніемъ англичанъ, какъ правителей Бенгаліи» (Т. II, стр. 99). Выжимать деньги изъ всего, изъ чего только можно было выжать, начиная съ поземельнаго налога и кончая платою съ пилигримовъ (Pilgrim tax), служило главнымъ девизомъ для цивилизаторовъ. Прежде всего обратила на себя вниманіе земля; явился вопросъ: кому принадлежитъ земля въ Индіи? Туземные законодатели разрѣшали этотъ вопросъ такимъ образомъ: они говорили, что царь есть безусловный владѣлецъ земли, но въ тоже время земля принадлежитъ тому, кто срубилъ дѣсь, кто вспахалъ и засѣялъ ее. «Между тѣмъ люди, которымъ пришлось рѣшать этотъ вопросъ путемъ законодательныхъ мѣръ, были или владѣтели помѣстій въ Англіи или знакомылись съ дѣтства съ одною англійскою формою землевладѣнія»; а потому остановились на земиндарѣ, т. е. частномъ землевладѣльцѣ, стремясь создать нѣчто подобное англійской аристократіи (100—1, т. 2). Г. Минаевъ совершенно справедливо называетъ такое разрѣшеніе вопроса «вопліющею несправедливостію» и полнымъ непониманіемъ мѣстной жизни и предшешихъ судебъ народа. Нужно замѣтить, что и во время предшествовавшаго англійскому господства мусульманъ земля считалась собственностью правительства, а земиндары были только сборщиками податей. Признавая землю не за земледѣльцами, а за *притѣснителями* ихъ, «выражалось наивное убѣжденіе, что вѣковые притѣснители земледѣльца, ставъ еще сильнѣе и безнаказаннѣе, перестанутъ угнетать райю, оказавшуюся еще безпомощнѣе по новому законоположенію» (101). Права райи были совсѣмъ неограждены. Земиндаръ, въ силу законовъ 1799

в 1812 г., имѣлъ надъ нимъ неограниченную власть, могъ заключать его въ темницу, произвольно возвышать цѣну за его участокъ; отбирать его собственность въ случаѣ неуплаты аренды (104). Положеніе райи, въ прежнія времена, было не только не грустнѣе, чѣмъ теперь, а легче (94). Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ англичане нашли сельскую общину въ полномъ процвѣтаніи. Съ одной стороны, вида худые результаты, а съ другой, въ интересахъ фиска, англичане поддерживали круговую поруку и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старались даже временно создать сельскую общину (114). Но все это такъ не гармонировало съ общимъ направленіемъ новой жизни и новыхъ порядковъ, что и община стала клониться къ упадку. Законоположеніемъ 1842 г., составленнымъ на 30 лѣтъ впередъ, «привзано было за правило, что $\frac{2}{3}$ ренты составляютъ государственный поземельный доходъ», а $\frac{1}{3}$ и всѣ будущія приращенія дохода съ земли составляютъ собственность владѣльца» (110). Правда, что по новому законоположенію, черезъ 30 лѣтъ, правительство понизило свои требованія до $\frac{1}{2}$ ренты, но, во всякомъ случаѣ, и это—ужасный налогъ, который разоряетъ населеніе. Хотя крупнаго землевладѣнія, какъ свидѣтельствуеъ г. Минаевъ, англичанамъ пока создать и не удалось, но создается зато среднее землевладѣніе (500 акр.); есть, впрочемъ, помѣстья въ 20 т. акр. и болѣе (104). Въ настоящее время совершается въ громадныхъ размѣрахъ переходъ земли изъ однихъ рукъ въ другія. Лишаются земли какъ мелкіе землевладѣльцы, такъ и старинныя богатая фамиліи. И этому обыкновенно выставляются двѣ причины: поземельный налогъ и способъ его собранія. Сообщаемые г. Минаевымъ факты крестьянской бѣдности и низкіе размѣры заработной платы поразительны. Такъ, поденщикъ въ Бихарѣ получаетъ $\frac{1}{4}$ шиллинга, поденщикъ для земледѣльческихъ работъ только половину этого, а если оплачивается рисомъ, то и еще того меньше. Женщины получаютъ гораздо меньше (194). Плата носильщиковъ въ Катманду не превышаетъ 9 к. (250). Около Бихары, Гая и въ другихъ мѣстахъ, земледѣльцы, по болѣе части, не владѣютъ землею, а только арендуютъ ее на краткіе сроки и во всякое время могутъ быть прогнанными. Между тѣмъ, арендныя цѣны довольно высоки: отъ 1 фунт. 4 шил. до 6 фунт. 12 шил. за акръ. Долги земледѣльцевъ становятся наследственными, а въ южномъ Бихарѣ весьма часто случается и такъ, что должникъ продаетъ или себя, или своихъ дѣтей въ рабство (Т. 1, стр. 195). Тамъ, гдѣ общинное землевладѣніе сохранилось, положеніе дѣлъ лучше: деревни съ общиннымъ землевладѣніемъ гораздо достаточнѣе и красивѣе земнидарскихъ; онѣ легко узнаются по обилію земли, окружающей ихъ поля—«это почти всегда вѣрный признакъ того, что здѣсь не властвуетъ земнидаръ или его повѣренный» (т. 2, стр. 131). Рядомъ съ большими прямыми налогами, существующими и косвенные, изъ которыхъ налогъ на соль, падающій

главнымъ образомъ на народную массу, составляетъ даже одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ индѣйскихъ доходовъ (126). Г. Минаевъ убѣжденъ, что англичане когда-нибудь дорого заплатятъ за свою дѣятельность и распоряженія въ Индїи, только расплата эта послѣдуетъ не отъ русскихъ. Послѣ подробнаго описанія путей въ Индїю и перечисленія племенъ, которымъ ненавистно англійское господство, г. Минаевъ приходитъ къ тому заключенію, что походъ этотъ очень труденъ, въ значительной степени невозможенъ и, главное, бесполезенъ для того, кто не можетъ удержать за собою Индїи (76). Расплата послѣдуетъ изнутри самой Индїи: толчекъ, данный ей Европою, способствовалъ тому, что она теперь «стремительно развивается»; «едва ли въ жизни другой какой страны бывалъ такой быстрый переходъ изъ одного фазиса въ другой». Отъ пуранъ и таиръ индѣецъ прямо перешелъ къ Дарвину и Боклю. Въ главѣ VIII, «Молодая Индїя и Брахмансты», г. Минаевъ указываетъ на новое религиозное и умственное движеніе, которое, хотя и слабо еще, но очень много общается. Стремленіе къ самоуправленію высказывается все чаще и громче.

Земскій Ежегодникъ за 1876 г., изданъ Императорскимъ Вольно Экономическимъ Обществомъ, подъ редакціей И. Е. Андреевскаго. СПБ. 1878 г.

Въ 1876 г., въ «Отечеств. Зап.» печатался рядъ статей г. Мордовцева, подъ заглавіемъ «Десятилѣтіе русскаго земства», вышедшихъ послѣ отдѣльнымъ изданіемъ. Статьи эти прочли съ большимъ интересомъ и неоднократно цитировались другими журналами, не исключая даже солиднѣйшаго «Сборн. Госуд. Зн.» Это была едва ли не первая попытка систематическаго обзора дѣятельности нашего земства. Нечего распространяться о томъ, насколько дѣятельность эта представляетъ богатый матеріалъ для экономиста, публициста, историка, администратора и главнымъ образомъ для самого же земства, идущаго впередъ далеко не торною дорогою, далеко не твердою, самоувѣренною поступью и живущаго другъ отъ друга изолированою жизнью. Статьи г. Мордовцева носили журнально-публицистическій характеръ, имѣли преимущественно въ виду обобщенія и конечные выводы и потому, естественно, не исчерпывали всего сыраго матеріала. Да одному человеку и трудно совладать съ громадною земскою литературою, съ не одной тысячею томовъ земскихъ отчетовъ, журналовъ, извѣстій, докладовъ комиссій и проч. Но, прежде чѣмъ совладать съ массою имѣющагося матеріала, его очень трудно достать: даже въ Петербургѣ нѣтъ полнаго собранія земской литературы, не исключая библіотекъ Губернской Управы, Вольно-Экон. Общ., Университетской и Публичной. (Ежегодн., стр. VI) Весь этотъ дорогой матеріалъ до сихъ поръ находился въ разбросѣ и забросѣ. Благодаря статьямъ «Десятил. рус. зем.» или просто потому, что пришло наконецъ время, въ концѣ 1876 г. И. Е. Андреевскій сдѣлалъ въ Вольн. Экон. Общ. докладъ о важ-

ности изученія земской литературы. Волн. Экон. Общ. прежде всего, разумѣется, избрало особую комиссію, поручивъ ей разрѣшить такую задачу: «что нужно сдѣлать для достиженія общедоступнаго пользованія земскою литературою?» Послѣ надлежащихъ трудовъ и доклада, Волн. Э. Общ. порѣшило: во 1) издать сборникъ свѣдѣній о дѣятельности земства за десятилѣтній періодъ его существованія, съ 1865 г. по 1875 г. включительно, и 2) издавать земскій ежегодникъ, въ которомъ бы налагалось въ опредѣленной системѣ все, сдѣланное земствомъ въ отчетный періодъ, съ изложеніемъ тѣхъ соображеній, по которымъ собранія приняли или отвергли известное мѣропріятіе. Ближайшее разсмотрѣніе финансовой стороны этихъ изданій было, однако, причиною того, что младшій братъ родился раньше старшаго, т. е. Ежегодникъ вышелъ раньше Сборника, при чемъ остается даже неизвѣстнымъ, появится ли когда нибудь послѣдній. Изданіе Сборника, по расчету В. Э. Общ., должно было потребовать отъ 16 до 17 руб., каковую сумму общество затратить не рѣшилось. Оно *вѣстило* себя надеждою, что нѣкоторые министерства и земскія учрежденія, *можетъ быть*, ассигнуютъ деньги на изданіе, но надежды его пока не осуществились. Министерства Внутр. Дѣлъ и Госуд. Имущ., правда, показали, по выраженію И. Е. Андреевскаго, *самое теплое отношеніе къ дѣлу*, но теплота была безденежная; такую же теплоту обнаружили и земства. Конечно, Вол. Э. Общ., располагающее капиталомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, ничего путнаго на нихъ не дѣлающее и не мало изведшее ихъ на изданіе своихъ трудовъ, которыхъ никто не читаетъ, могло бы удѣлать потребную сумму на изданіе столь полезной книги; но оно не рискнуло на такую сумму и рискнуло только отъ 5 до 5500 р. на изданіе Ежегодника, въ надеждѣ, что эта сумма будетъ «по возможности возмѣщена продажей Ежегодника» и обѣщая, что, возмѣстивъ затраты, оно «всю остальную выручку обращаетъ въ основной капиталъ на слѣдующіе Земскіе Ежегодники» (IX стр.). Будемъ благодарны и за это льно съ камня.

Вышедшій Ежегодникъ представляетъ громадный томъ въ 69 листовъ большаго формата. Программа его была выработана особою комиссіею. Въ предисловіи редакторы изъявляютъ сожалѣніе, что «нѣкоторыхъ изданій, несмотря на всѣ старанія, невозможно было найти», что по 35 губерніямъ, гдѣ введены земскія учрежденія, Пензенская губ. совсѣмъ не попала въ Ежегодникъ, по причинѣ неполученія ея изданій, что въ губернскихъ журналовъ не оказалось Вологодскаго, Казанскаго, Калужскаго, Самарскаго и многихъ уѣздныхъ. Несмотря, однако, на это, въ рукахъ редакціи очутилось ни много, ни мало, какъ 747 томовъ разныхъ земскихъ изданій. Держались редакторы такой системы: они выписывали изъ каждаго изданія на отдѣльную страничку каждое постановленіе, справку, свѣдѣніе и вообще все, что только не составляло текущихъ исполнительныхъ дѣлъ, не заключив-

шихъ въ себѣ опредѣленій и распоряженій. Это составило 7199 писанныхъ страницъ. Затѣмъ всѣ выборы, по содержанію ихъ, были разбиты на 34 группы, съ подраздѣленіемъ ихъ по отдѣльнымъ предметамъ, причѣмъ въ каждой группѣ губерніи и въ каждой губерніи уѣзды, расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Къ «Ежегоднику» приложены въ концѣ: таблица земскихъ сметъ на 1876 г. и алфавитный указатель «Ежегодника». Каждое свѣдѣніе, извлеченное изъ земскихъ работъ, помѣщено подъ отдѣльнымъ № и сопровождается указаніемъ источника. Что касается до такого метода и расположенія содержанія ежегодника не по губерніямъ и вообще не по административнымъ округамъ, а по содержанію самаго матерьяла, то противъ этого врядъ ли можно сдѣлать какое либо возраженіе, такъ какъ такое расположеніе имѣетъ много удобствъ. Все, что касается народнаго продовольствія, общественнаго призрѣнія, образованія и проч., находится въ особомъ отдѣлѣ, и если недостаточно ярко обрисовывается областная жизнь, то зато выигрываетъ общая картина и гораздо легче сравнить действительность отдѣльныхъ земствъ. Гораздо неудовлетворительнѣе другіе приемы редакціи, какъ напримѣръ, сортированіе самаго матерьяла, благодаря которому, вы найдете свѣдѣнія о сельскомъ кредитѣ (земскихъ банкахъ и ссудосберегательныхъ товариществахъ) не въ отдѣлѣ земскихъ финансовъ, а непосредственно послѣ рыболовства (стр. 730), а самое рыболовство непосредственно послѣ истребленія вредныхъ животныхъ (729). Точно также: улучшеніе благосостоянія крестьянъ отнесено къ содѣйствію развитію сельско-хозяйственной промышленности (682); пожертвованія на славянскую войну къ общественному призрѣнію бѣдныхъ (452) и т. п. Вообще расположеніе свѣдѣній и самое расположеніе группъ можно назвать довольно неудачнымъ, и отъ профессора полицейскаго права можно бы было ожидать лучшей группировки. Слѣдуетъ также указать на крайне неэкономное отношеніе редакціи къ бумагѣ, такъ напримѣръ; по нѣскольку разъ на одной и той же страницѣ повторяется, что такое-то земское собраніе постановило то-то и опять такое-то земское собраніе постановило и т. д.; или: Козьмодемьянское собраніе поручило управѣ ходатайствовать о высочайшемъ соизволеніи на пожертвованіе 1000 р. на вспомошествованіе славянамъ; Чебоксарское собраніе постановило ходатайствовать о высочайшемъ соизволеніи на пожертвованіе 1000 р. въ пользу славянъ; Свіяжское собраніе постановило ходатайствовать о дозволеніи пожертвовать 1000 р. въ пользу славянъ; Крестецкое собраніе опредѣлило ходатайствовать о разрѣшеніи ассигновать 1000 р. на пособіе балванскимъ славянамъ (453) и т. п. Всѣ эти повторенія не только однихъ и тѣхъ же предложеній, но даже цѣлыхъ періодовъ, повторенія, начинающіяся обыкновенно съ красной строки и которыхъ, при болѣе тщательной работѣ, можно было бы избѣжать, значительно растянули размѣры «Ежегодника» и сдѣлали его въ значительной степени утомительнымъ для чте

ція. Могла бы точно также редакція сократить и нѣкоторые продолжительныя описанія, распространенныя въ ущербъ другимъ, болѣе важнымъ, о которыхъ, между тѣмъ, сообщено крайне лаконично; такъ напримѣръ: можно было бы не описывать съ такими подробностями сусликовой повинности и объясненій, почему одни земства требуютъ представленія четырехъ лапокъ зѣбрея, другія — хвостика, а третьи — головокъ (723) и т. п. и гораздо лучше было пояснить, какимъ способомъ дворовые люди рязскаго уѣзда просили земство помочь имъ приобрести земельныя участки. Редакція говоритъ: рязское собраніе признало «невозможнымъ помочь имъ предлагаемымъ ими способомъ, по необходимости на то земскихъ средствъ» (688) — и только. Или нѣсколько ниже говорится: «Александровское (Екатер.) собраніе утвердило мѣстныя управы, признавшей неудачнымъ проектъ Ростовской управы о способахъ вызова и закрѣпленія сельскихъ рабочихъ» (690). Что это за проектъ и что это за способы? Можетъ быть, въ «Пост. Очер. 1876, 39 и 182», на которое ссылается редакція, и заключаются разъясненіе, но почему бы редакція вмѣсто сусликовъ, володцевъ при земскихъ больницахъ, вентиляторовъ и ватерклозетовъ (356), не сдѣлать разъясненія и не экономничать не кстатѣ нѣсколькими строками. «Ежегодникъ» и такъ представляется какимъ-то вырваннымъ листкомъ изъ исторіи земства, безъ начала, безъ конца, который не даетъ вамъ цѣльнаго представленія о земской дѣятельности, о размѣрахъ народнаго образованія, врачебной помощи и проч.

Но, несмотря на недостатки земскаго «Ежегодника», справедливость требуетъ сказать, что читатель, интересующійся жизнью земства, все таки найдетъ въ «Ежегодникѣ» много интереснаго. Передъ нимъ развертывается жизнь цѣлыхъ 34 губерній за цѣлый годъ: онъ увидитъ тутъ и безцеремонное обращеніе чиновниковъ вѣдомства Гос. Имущ. съ земскими собраніями (2), и то, какъ полиція, нарядивъ надъ мертвымъ тѣломъ караулъ, держать его въ теченіи 19 дней, не предавая погребенію (1038); увидитъ, какъ болѣе 200 различныхъ земствъ ведутъ ожесточенную борьбу съ волками и медвѣдами (701); какъ одни земства платятъ учителямъ по 10 р. въ мѣсяцъ жалованья (792), какъ другія, вмѣсто устройства училищъ на земскія деньги, устраиваютъ спеціальныя сборы съ крестьянъ до 40 к. съ души (793), какъ въ третьихъ ученики ходятъ въ училища за 15 верстъ (856) и т. д. Рядомъ со всѣмъ этимъ читатель увидитъ, какъ Вятское губ. собраніе, въ видахъ поощренія промышленности, выдаетъ займообразно безъ % частнымъ лицамъ десятилѣтнія ссуды для устройства заводовъ (742); какъ Харьковское земство выдаетъ изъ 6% 150,000 р. изъ страховаго капитала какой-то акціонерной К°, торгующей шерстью (744); а Таврическое производитъ займообразныя выдачи для покупки швейныхъ машинъ (743). Узнаетъ также читатель, что Кирсановское (Тамбовск. губ.) земство, не находящее денегъ для сельскаго кредита и народнаго образова-

ніа, находятъ 3 т. р. на поѣзду предсѣдателя въ Петербургъ (11); что Орловское губ. земство, очутившись лицомъ къ лицу съ крестьянскою недоимкою въ 7.087,144 р., пришло къ предположенію объ об'ѣднѣніи крестьянъ и сдѣлало запросъ о причинахъ этого уѣзднымъ собраніямъ, причѣмъ всѣ они признали фактъ об'ѣднѣнія, за исключеніемъ одного Болховскаго, гдѣ находили, что «положеніе крестьянъ гораздо обезпеченнѣе сравнительно съ положеніемъ помѣщиковъ» (685). Прочтеть читатель и странныя мнѣнія земствъ относительно причинъ упадка крестьянскаго благосостоянія, причѣмъ, неизвѣстно почему, виновницею этого является община. Община—это настоящій *bête noire* для нѣкоторыхъ земскихъ дѣятелей. Разанское земство дѣятельно, хотя и преждевременно занималось вопросомъ о расселеніи крестьянъ на ихъ участки (686). Есть, впрочемъ, земства, смотрящія на вопросъ и нѣсколько иначе, такъ напримѣръ: Екaterинославская губ. управа убѣждена въ необходимости расширенія крестьянскихъ надѣловъ, примѣрно до 10 дес (682). Вообще, читатель найдетъ въ «Ежегодникѣ» много интереснаго и поучительнаго. Желая «Ежегоднику» полнаго успѣха, мы отъ души желаемъ, чтобы это издавіе продолжалось и поскорѣе былъ изданъ «Земскій Сборникъ», устранившій Вольн. Эк. Общ.

КЪ ИСТОРИИ СТУДЕНТКИ НЕКРАСОВОЙ.

По поводу разоблаченій студентки Некрасовой, мы получили нѣсколько писемъ.

Докторъ Нестеровъ пишетъ:

«Въ июльской книгѣ «Отеч. Записокъ» помѣщена замѣтка «о письмахъ студентки Некрасовой», замѣтка, которая, между прочимъ, дѣлаетъ какъ бы вызовъ доктору Х. въ объясненіямъ, «долженствующимъ положить конецъ всякимъ неясностямъ...»

Докторъ Х. — я. Хотя я и далекъ отъ убѣжденія въ рѣшительномъ значеніи моихъ «свидѣтельствъ и показаній» въ дѣлѣ, которому, въ сожалѣнію, суждено было попасть въ печать и которое едвали когда можетъ имѣть конецъ, тѣмъ не менѣе, въ виду настоятельныхъ приглашеній съ одной стороны и нѣкоторыхъ неточностей въ сказанной замѣткѣ съ другой, имѣю сказать слѣдующее:

«Во 1-хъ, касательно обстановки дѣла. Покойная В. С. Некрасова работала со мною, кажется, около 1¹/₂ мѣсяцевъ во Фрагештахъ, въ отдѣленіи Краснаго Креста (гдѣ я исполнялъ обязанности старшаго врача), бывъ однимъ изъ лучшихъ моихъ помощниковъ. Докторъ Студенскій состоялъ членомъ братештской сортировочной комиссіи въ качествѣ консультанта-хирурга. Въ той же комиссіи состоялъ и я членомъ, какъ консультантъ по внутреннимъ болѣзнямъ. Профессоръ Чудновскій былъ консультантомъ при главноуполномоченномъ для всѣхъ госпиталей Краснаго Креста въ Румыніи.

«Изъ этого очевидны отношенія къ В. С. Некрасовой лицъ, упоминаемыхъ въ письмахъ ея и неточности въ печати относительно замѣщенія меня по отъѣздѣ.

«Во-2 хъ, касательно сущности дѣла. Фактъ передачи мнѣ В. С. Некрасовой «всей исторіи» дѣйствительно былъ въ той формѣ, какъ приведено въ напечатанномъ письмѣ ея. Но это была не жалоба начальству, долженствовавшая повлечь за собою судъ и расправу, а просто желаніе выслушать мнѣніе илѣ со-

вѣтъ человѣка, которому В. С. довѣряла, какъ выйти изъ ея положенія, особенно въ виду моего отъѣзда въ Россію? Я, по крайней мѣрѣ, такъ понялъ ея заявленіе, почему и *просилъ позволенія* (или что то же — *посоветовалъ*) передать все профессору Чудновскому, что и было сдѣлано. При выслушаніи *жалобъ* не спрашиваютъ *позволенія* жалующихся на направленіе дѣла.

«Въ 3-хъ, касательно психическаго состоянія здоровья покойной Некрасовой — пусть высказываются специалисты-психіатры и люди, знавшіе ее ранѣе. Я могу только сказать, что при своихъ съ ней столкновеніяхъ, я не имѣлъ случая видѣть въ ея душевной сферѣ чего-либо аномальнаго, кромѣ нѣкоторыхъ особенностей характера, которыми всѣ мы, смертные, отличаемя одинъ отъ другого, оставаясь все-таки въ предѣлахъ душевнаго здоровья».

Докторъ Буцѣе, ординаторъ московской преображенской больницы для душевно-больныхъ, между прочимъ, пишетъ:

«Я имѣлъ случай собрать самыя подробныя свѣдѣнія отъ не-причастныхъ къ дѣлу лицъ, близко знакомыхъ съ покойной Некрасовой, ежедневно сталкивавшихся съ нею во время пребыванія ея во Фратештахъ и знавшихъ всѣ подробности скандальнаго поступка Студенскаго... Покорнѣйше прошу дать мѣсто слѣдующимъ строкамъ: 1) я зналъ студентку Некрасову, зналъ ее коротко, и заявляю, что въ теченіи 10-ти лѣтъ нашего знакомства она не страдала душевнымъ расстройствомъ, 2) что, во время своего пребыванія во Фратештахъ, по свидѣтельскимъ показаніямъ достовѣрныхъ лицъ, она никакихъ признаковъ душевнаго расстройства не обнаруживала, 3) что утвержденіе, будто Некрасова страдала умственнымъ расстройствомъ, носить на себѣ печать явнаго вымысла, ибо основано единственно на тѣхъ фактахъ, которые вызвали желаніе, во что бы то ни стало, оправдаться».

Докторъ Шпаковский, врачъ колмовской больницы душевно-больныхъ, пишетъ:

«Письма Некрасовой, обвинявшія между прочимъ д-ра Студенскаго въ попыткѣ изнасиловать самую Некрасову и ея подругу, студентку N, вызвали со стороны г. Студенскаго отвѣтъ, напечатанный въ 23 № «Недѣли». Авторъ отвѣта, попытавшись теоретически извести до абсурда взведенное на него обвиненіе, разсматриваетъ мотивы, которые могли побудить Некрасову оклеветать его передъ сестрою, и окончательно приходитъ къ предположенію, что Некрасова была помѣшанною. Это же предположеніе, съ легкой руки г. Студенскаго, было повторено г. Гирсомъ и врачомъ Лещинскимъ, слышавшимъ отъ д-ра Жданко, что Некрасова, по словамъ пользовавшаго ее врача, страдала «горделивымъ помѣшательствомъ». И такъ, въ результатъ оказалось, что Некрасова, по предположенію г. Студенскаго, страдала идеей фикс'ами, по мнѣнію г. Гирса, мономанією или женскимъ маньячествомъ, по заявленію же г. Лещинскаго, гордели-

внѣ помѣшательствомъ. На одного человѣка многолько!.. Въ виду того, что Некрасова, какъ мертвая, не можетъ отвѣтить на всѣ эти лестныя для ея особы предположенія, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу этихъ посмертныхъ діагностики и особенно по поводу «отвѣта» г. Студенскаго.

«Я имѣю сказать весьма немногое въ отвѣтъ на письмо г. Гирса, помѣщенное въ 813 № «Новаго Времени». Я обратилъ бы только вниманіе почтеннаго автора письма на то, что Некрасова могла даже, не будучи помѣшанною и не желая оклеветать 80-ти-лѣтняго генерала Кренке, совершенно ложно истолковать многое въ его съ ней обращеніи. Въ той средѣ, въ которой вращалась Некрасова, на двусмысленности и остроумные, но слѣшкомъ вольныя анекдоты французскаго пошиба, смотреть строже, чѣмъ въ свѣтскихъ салонахъ, а дѣлованіе ручекъ считается прямымъ оскорбленіемъ. Подъ вліяніемъ хорошаго настроенія духа, вызваннаго прогулкой, хорошимъ обѣдомъ, 2 — 3 рюмками стараго вина, старій генералъ могъ сказать нѣсколько шутокъ, имѣвшихъ, быть можетъ, и вольный характеръ, нѣсколько любезностей, поцѣловать ручку, даже предложить свое покровительство. На всѣ эти вещи свѣтская женщина, быть можетъ, расхотѣлась бы, и, во всякомъ случаѣ, не придавала бы имъ серьезнаго значенія. Возможно, что Некрасова посмотрѣла слѣшкомъ строго на простыя любезности, а предложеніе «протекціи» у высшаго медицинскаго начальства, обѣщаніе доставить хорошую практику въ Петербургѣ вызвало прямое ея негодованіе. На студенческой самѣхъ люди глубоко вѣрують въ свои собственныя силы, принатіе «протекціи» считается не особенно красивымъ фактомъ, о будущей же практикѣ они не мечтають, такъ какъ умѣють просуществовать и на 25 р. въ мѣсяць. На Некрасову вся эта исторія произвела тѣмъ болѣе еще тяжелое впечатлѣніе, что она происходила въ квартирѣ Кренке, и, слѣдовательно, при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ рекомендуется особенная сдержанность по отношенію къ женщинамъ, доказавшей, самимъ фактомъ посѣщенія, полное довѣріе къ хозяйну. Хотя, въ виду отсутствія какихъ-либо данныхъ, указывающихъ на ненормальности умственныхъ способностей Некрасовой, параллель между даннымъ случаемъ и дѣломъ Андерсонъ, по меньшей мѣрѣ, слѣшкомъ смѣла, а предположенія г. Гирса относительно особаго вида мономаніи или женскаго маньячества прямо таки нелѣпы, такъ какъ подобныя формы душевнаго разстройства въ дѣйствительности не существуютъ; но г. Гирсъ не врачъ и спорить съ нимъ по этому предмету невозможно. Я вполне соглашаюсь съ почтеннымъ авторомъ письма, что въ виду невозможности когда-либо вполне достоверно узнать, о чемъ бесѣдовали за обѣдомъ г. Кренке и Некрасова, было бы гораздо благоразумнѣе со стороны родственниковъ покойной не печатать той части писемъ, въ которой говорится о г. Кренке и, пожалуй, еще о докторѣ Ж., относительно котораго обвиненіе пере-

дано въ слѣдующемъ общихъ выраженіяхъ и не приведено никакихъ фактовъ. Въ виду всего вышесказаннаго, однако, не могу не замѣтить, что эпитетъ «клевета», употребленный г. Гирсомъ, не можетъ быть оправданъ.

«Но если, по вопросу объ участіи г. Кренке въ настоящемъ дѣлѣ, многое можетъ быть объяснено простымъ недоразумѣніемъ, неизбѣжнымъ при столкновеніи элементовъ слѣдующихъ противоположныхъ, старика генерала и молодой дѣвушки-студентки, элементовъ, которые понять другъ друга не были въ состояніи, то совершенно другое представляютъ обвиненія, введенныя Некрасовою на г. Студенскаго. Г. Студенскій — врачъ, человѣкъ еще не старій и не особенно давно сошедшій со студенческой скамьи. Онъ обвиняется въ самомъ циничномъ отношеніи къ женщинамъ, въ попыткѣ изнасиловать Некрасову и ея подругу студентку N, дагѣ въ томъ, что онъ обзавелся «султаншей», въ видѣ какой-то сестры милосердія. Наконецъ, по словамъ обвиненія, Студенскій готовъ добиваться удовлетворенія своихъ страстей всякими неправдами, мало того: въ случаѣ надлежащаго отпора, онъ не прочь дѣлать крупныя публичныя скандалы въ родѣ милой сценки, описанной Некрасовою въ письмѣ отъ 23-го сентября 1877 г. (зри майскую книжку «Отеч. Записокъ»). Положеніе обвиненнаго было дѣйствительно щекотливо. Лицо, обвинявшее сошло въ могилу, принесши свою жизнь въ жертву святому дѣлу помощи несчастнымъ страдальцамъ, и это таковое обвиненіе было брошено въ г. Студенскаго изъ-за могильной плиты. Обвиненному предстояло два пути. Потребовать судебнаго порядка отъ лицъ, опубликовавшихъ письма покойной, юридическихъ доказательствъ справедливости введенныхъ на него обвиненій, или же ждать разъясненія вопроса путемъ гласности. Къ чести своей, г. Студенскій избралъ послѣдній путь.

«Вотъ почему «отвѣтъ» былъ прочитанъ большинствомъ публики весьма внимательно и вполне безпристрастно. Еслибы статья г. Студенскаго ограничивалась простымъ воззваніемъ къ сослуживцамъ по госпиталю, къ студентамъ, посѣщавшимъ Фрагетти, наконецъ, къ сестрѣ покойной, просьбою помочь ему разоблачить инкогнито студ. N и тѣмъ дать въ руки орудіе защиты, то это воззваніе было бы встрѣчено всѣми сочувственно, какъ крикъ о помощи человѣка обвиняемаго, но еще не осужденнаго. Всякому было ясно, что лица, могущія сказать что-либо по данному дѣлу, обязаны были откликнуться на зовъ г. Студенскаго, что не исполнившіе этого сами должны быть обвинены въ недобросовѣстномъ отношеніи къ его репутаціи. Но г. Студенскій назвалъ свою статью «отвѣтомъ». Онъ силится доказать *прямую невозможность* попытокъ, указанныхъ въ письмахъ Некрасовой. Идя далѣе тѣмъ же псевдо-логическимъ путемъ, г. Студенскій, въ видѣ единственнаго возможнаго объясненія мотивовъ, заставившихъ Некрасову оклеветать его, «какъ врача», дѣлаетъ пред-

*

положеніе о ненормальности умственныхъ способностей покойницы.

«Въ своемъ «отвѣтѣ» г. Студенскій исходитъ изъ того несомнѣннаго факта, что у мужчинъ могутъ существовать интимныя отношенія какъ съ женщинами красивыми, такъ и съ некрасивыми. Въ первомъ случаѣ, обаяніе физической красоты можетъ быть настолько неотразимо, что подаетъ поводъ къ насилію; во второмъ же случаѣ, по мнѣнію г. Студенскаго, подобный исходъ невозможенъ, потому что уваженіе къ душевнымъ качествамъ субъекта этому воспрепятствуетъ. Основываясь на этикъ положеніяхъ, г. Студенскій сводитъ все дѣло о взведенномъ на него обвиненіи къ вопросу о томъ, была ли красива, или некрасива Некрасова. Такъ какъ она, по мнѣнію г. Студенскаго, была некрасива, то выводъ изъ этого ясенъ: «никакнхъ, дескать, покушеній не было и быть не могло». Вотъ логическая канва, на которой вышита добрая половина «отвѣта» г. Студенскаго.

«Передъ подобными соображеніями, напоминающими, по своей наивности, золотые дни давно минувшаго младенчества, всякая критика могла бы преспокойно положить оружіе. Только въ виду крайне настоятельнаго обращенія г. Студенскаго «къ здравому смыслу умѣющей логично думать публики», мы попробуемъ оцѣнить доказательность приведенныхъ г. Студенскимъ теоретическихкихъ соображеній, приложивъ ихъ къ одной изъ областей спеціальности автора, а именно—къ судебной медицинѣ. Что бы сказать г. Студенскій о врачѣ, который, будучи призванъ въ качествѣ эксперта по дѣлу о изнасилованіи, вмѣсто рѣшенія вопроса, былъ ли совершенъ данный фактъ или нѣтъ, потребовалъ бы предварительно категорическаго отвѣта на то, красивъ или некрасивъ потерпѣвшій субъектъ, буде же онъ окажется некрасивымъ, то и отъ экспертизы отказался бы, руководствуясь тѣмъ, что самый фактъ слѣдуетъ считать невозможнымъ, въ силу вышеприведенныхъ соображеній? Я не знаю, что сказать бы о подобной экспертизѣ г. Студенскій, но судьи, навѣрное, признали бы ее нелѣпою и не обратили бы на нея вниманія. А что она въ равной же мѣрѣ нелѣпа, какъ и теоретическія соображенія г. Студенскаго—это не подлежитъ сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, г. Студенскій допускаетъ возможность половаго влеченія даже къ женщинамъ некрасивымъ, но думаетъ, что это влеченіе всегда можетъ быть подавлено чувствомъ «уваженія». Но разъ допустивъ возможность самаго раздраженія, г. Студенскій, какъ врачъ, не можетъ не знать, что вопросъ объ эффектѣ этого раздраженія, есть вопросъ, не подходящій ни подъ какія общія разсужденія, чисто субъективный, потому что всѣ мы въ весьма различной степени обладаемъ какъ восприимчивостію къ данному раздраженію, такъ и способностью задерживать, подавлять рефлексъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, при достаточно сильной восприимчивости къ извѣстному раздраженію, или же, при достаточной слабости задерживательныхъ механизмовъ, а тѣмъ паче,

при совмѣстномъ существованіи обѣихъ условій, возможны состоянія сильнаго душевнаго волненія, такъ, напримѣръ, состоянія аффекта, при которыхъ данная склонность или влеченіе можетъ непосредственно возрастать до чрезвычайнаго напряженія и прямо переходить въ волю и дѣйствіе, не допуская возникновенія никакихъ другихъ ограничивающихъ представленій. Находясь въ такомъ состояніи, человѣкъ не думаетъ, а прямо дѣйствуетъ, слѣпо подчиняясь данному влеченію и забывая при этомъ не только «уваженіе», но и многія другія вещи. Нечего и говорить о томъ, что только при подобнаго рода душевныхъ состояніяхъ возможны тѣ попытки, въ которыхъ Некрасова упрекаетъ г. Студенскаго, равнымъ образомъ понятно, что способность приходить въ состояніе аффекта для различныхъ лицъ весьма различна; у одного ничтожная причина вызываетъ сильную реакцію, другой же способенъ подавить и очень сильнаго раздраженія. Въ виду всего вышеназложеннаго, нельзя не признать, что, съ теоретической стороны, вопросъ о томъ, возможенъ ли или невозможенъ поступокъ, въ которомъ Некрасова обвиняетъ г. Студенскаго, скорѣе можно поставить въ связь не съ тѣмъ, красива ли или некрасива Некрасова, но съ тѣмъ, каковъ темпераментъ г. Студенскаго. Въ разсмотрѣніе этого я входить не могу, такъ какъ не знакомъ лично съ г. Студенскимъ, да притомъ же и самъ авторъ «отвѣта» не желаетъ давать объясненій по этому пункту, предоставляя судить о немъ лицамъ, близко его знающимъ. Здѣсь же я только замѣчу, что, въ виду капитальной важности этого вопроса, съ моей точки зрѣнія, громадному большинству читателей «Недѣли», не знающему лично г. Студенскаго, невозможно рѣшить, способенъ ли или не способенъ послѣдній совершить тотъ поступокъ, о которомъ идетъ рѣчь. Что же касается попытки г. Студенскаго теоретически низвести до абсурда взведенное на него обвиненіе, то она, «во имя здраваго смысла умѣющей логично думать публики», должна быть признана напрасной тратой времени и бумаги.

«Послѣдствіемъ неправильнаго теоретическаго взгляда на вопросъ является то, что г. Студенскій даже на факты, сообщаемые о немъ Некрасовой, смотритъ сквозь ложную, чисто субъективную призму. Такъ напримѣръ, онъ особенно настаиваетъ на томъ, что, въ виду своей весьма некрасивой, по его мнѣнію, наружности, Некрасова никакихъ «бурныхъ страстей» въ немъ возбуждать не могла. — Да помилуйте, г. Студенскій!.. Ни въ какихъ африканскихъ страстяхъ, исключительно направленныхъ къ ея особѣ, Некрасова васъ и не упрекаетъ. Правда, по ея словамъ, вы и ей не дали спуска, но это только въ силу того, что (опять таки, если вѣрить Некрасовой) вы одинъ изъ тѣхъ «субочниковъ», о которыхъ Лепорелло говоритъ, что они си старушкамъ не спускаютъ...» Вѣдь Некрасова говоритъ прямо, что вы ни одной женщины не пропусаете, со всякой кусокъ шерсти сорвать хо-

тите. Кроме себя и студентки N, она прямо указывает на какую-то сестру милосердія, бывшую актрису...

«Но курьезнѣе всего то, что, на основаніи всёхъ этихъ, по меньшей мѣрѣ, весьма наивныхъ теоретическихъ соображеній, г. Студенскій приходитъ въ выводъ, что Некрасова или ради своихъ интересовъ уммышленно извратила факты, или же что, обвиняя г. Студенскаго, находилась въ состояніи психоза. Каковы могутъ быть тѣ интересы, ради которыхъ Некрасова рѣшилась измыслить на ни чѣмъ не повиннаго человѣка всякія небывлицы, объ этомъ знаютъ только Всевышній, да г. Студенскій; для насъ же, обыкновенныхъ смертныхъ читателей «Недѣли», этотъ вопросъ такъ, такъ и останется тайной. За то г. Студенскій подѣлился съ нами однимъ случаемъ изъ своей практики, на основаніи котораго, а также въ виду нѣкоторыхъ особенностей въ поведеніи Некрасовой, особенностей, заслужившихъ названіе замѣчательнаго психологическаго явленія, онъ и пришелъ къ тому предположенію, что Некрасова помѣшанная и страдаетъ какими то *idées fixes* ами. Г. Студенскій такъ добръ и благоразуменъ, что *не настаиваетъ* на этомъ, и если высказываетъ данное предположеніе, то дѣлаетъ это только потому, что онъ врачъ. Но именно потому, что вы, г. Студенскій, врачъ, вамъ-то и не позволительно, даже въ видѣ предположенія высказывать подобныя нелѣпости. Обратимся къ фактамъ, указаннымъ въ «отвѣтѣ». Изъ того, что г. Студенскій лечилъ отъ воспаленія колѣннаго сустава весьма прекрасную старуху, которая все время жаловалась ему на то, что многіе мужчины за нею ухаживаютъ, а потому *помышляла* на мысли, что она красавица-пѣвица и что въ нее влюблены мужчины всего свѣта, можно вывести только одно заключеніе, что г. Студенскій во все время пользованія, не понималъ психическаго состоянія своей пациентки. Я смѣло говорю «не понималъ», такъ какъ въ моментъ, когда эта старуха разсказывала г-ну Студенскому объ ухаживающихъ за нею мужчинахъ, *она уже была несомненно помышанной*. Неужели г. Студенскій до сихъ поръ не догадался, что его пациентка не только страдала иллюзіями, но глубоко вѣрила въ ихъ реальность, а, слѣдовательно, была помѣшанной въ полномъ значеніи этого слова. Всякій врачъ, имѣвшій случай наблюдать душевно-больныхъ, замѣтитъ при этомъ, что напрасно г. Студенскій не взглянулъ повнимательнѣе въ свою больную. Еслибы онъ это сдѣлалъ, то навѣрное замѣтилъ бы, рядомъ съ упомянутыми явленіями, массу другихъ болѣе крупныхъ ненормальностей: полную переибы въ образѣ жизни, душевномъ настроеніи, привычкахъ, наконецъ, въ отношеніяхъ ко всёмъ окружающимъ и преимущественно къ самымъ близкимъ людямъ, однимъ словамъ, полное перерожденіе прежняго психическаго «я» своей пациентки. Задумавшись надъ этими явленіями, г. Студенскій утратилъ бы на вѣки вѣру въ *idées fixes* и въ возможность помѣшаться на известной мысли, въ вещи, говорить о которыхъ въ лѣто отъ Р. X. 1878, образо-

ванному врачу, также неприлично, какъ современному химику проповѣдывать теорію «флогистона». Послѣ всего этого, г. Студенскій навѣрное уже потерялъ бы случай похвастаться передъ читателями «Недѣли» тѣмъ, что онъ будащею и таракашею замѣтилъ, а на слона-то и вниманія не обратилъ, не причислялъ бы элементарныхъ симптомовъ душевнаго расстройства къ замѣчательнымъ психологическимъ явленіямъ, а что главное, не предположилъ бы, что Некрасова, обвиняя его, а также гг. К. и Ж., находилась въ состояніи психоза. Прежде, чѣмъ доказать всю нелѣпость проводимой имъ параллели, я долженъ сказать нѣсколько словъ по поводу тѣхъ свѣдѣній о наружности Некрасовой, которыя сообщены въ «отвѣтѣ». Я обязанъ тѣмъ болѣе сдѣлать это, что самъ г. Студенскій придаетъ этому вопросу весьма важное значеніе.

«Не предполагая злого умысла со стороны г. Студенскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ боюсь, что онъ слишкомъ увлекся неприязненнымъ чувствомъ къ покойной и нарисовалъ картину, совершенно не похожую на дѣйствительность. Некрасова, по мнѣнію г. Студенскаго, «по меньшей мѣрѣ, весьма и весьма некрасива», мало того, «она какъ будто на женщину не похожа».

«Человѣкъ, никогда не видавшій Некрасовой и получившій, благодаря г. Студенскому, такія свѣдѣнія о наружности покойной, подумаетъ, пожалуй, что покойная въ физическомъ отношеніи, была уродомъ въ полномъ значеніи этого слова. Хотя я не желаю входить въ споръ съ г. Студенскимъ относительно красоты Некрасовой, но не могу не прибавить къ свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ «отвѣтѣ» того, что она была молодая дѣвушка лѣтъ 24—25, что хотя ее нельзя было назвать красавицей или даже хорошенькой, но, съ другой стороны она вовсе не была уродомъ и не обладала отталкивающей наружностью. Опасаясь, чтобы, на основаніи словъ г. Студенскаго, что Некрасова была какъ будто на женщину не похожа, нѣкоторые, особенно провинціальныя читатели «Недѣли» не сопричислили бы покойную къ разряду представительницъ «синяго чулка», я долженъ замѣтить слѣдующее: хотя Некрасова, по общему отзыву своихъ товарокъ, въ виду своего необычайно серьезнаго отношенія къ дѣлу, замѣчательныхъ познаній, трудолюбія и добросовѣстности, всегда считалась одной изъ лучшихъ представительницъ среди тѣхъ лицъ, капитальныя заслуги которыхъ на санитарномъ поприщѣ признаются самимъ г. Студенскимъ, но никакихъ признаковъ принадлежности къ разряду синяго чулка она не представляла. Я глубоко увѣренъ, что все сказанное мною о Некрасовой, о ея знаніяхъ и добросовѣстности, въ виду которыхъ нельзя не пожалѣть, что она не была допущена г. Студенскимъ въ завѣдуемое имъ отдѣленіе тяжело-раненныхъ, могутъ подтвердить лица, близко знавшія покойную, ея товарики по курсу, нынѣ уже врачъ, а также нѣкоторые профессора медицинской академіи, знавшіе Некрасову, какъ личность выдающуюся по своему весьма серьез-

ному отношенію къ дѣлу. Я не менѣе сильно увѣренъ въ томъ что сказать о Некрасовой, будто бы она была на женщину не похожа, можетъ развѣ человѣкъ, ослѣпленный сильнымъ недружелюбнымъ чувствомъ къ покойной, или же тотъ, у кого идеалы женщины реализируются только на сценѣ театра Буффъ. Все сказанное мною о Некрасовой имѣетъ цѣлью поставить на видѣ г. Студенскому, что никакой параллели между его старухой и покойной дѣвушкой проведено быть не можетъ, такъ какъ то, что звучало прямою недѣльностью въ устахъ первой, недѣльностью, обязывавшею г. Студенскаго, въ качествѣ врача, болѣе серьезно приглядѣться къ психической сторонѣ своей пациентки, то является далеко не страннымъ у Некрасовой, сдѣлавшей публично нѣсколько замѣчаній о слишкомъ безперемонномъ обращеніи съ женщинами и то послѣ того, какъ она имѣла, по ея словамъ, случай столкнуться съ фактами, не могшими не поразить ее. И такъ вся ошибка проводимой параллели состоитъ въ томъ, что, не узнавъ психоза тамъ, гдѣ онъ былъ несомнѣнно, г. Студенскій теперь предполагаетъ его при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ мысль о душевномъ разстройствѣ никому бы и въ голову не пришла. Ошибка эта тѣмъ болѣе непростительна, что лицо, о которомъ идетъ рѣчь, уже покинуло юдоль подвиговъ г. Студенскаго, и что все «предположеніе» сдѣлано послѣднимъ «только потому, что онъ врачъ». Указывая въ данномъ случаѣ на свою профессію, г. Студенскій этимъ самымъ придаетъ большую авторитетность своимъ словамъ и, слѣдовательно, обязанъ знать то, о чемъ говорить, и не высказывать вещей, слушая которыя у всякаго человѣка, мало-мальски знакомаго съ дѣломъ, что называется, «уши вынутъ».

СОВРЕМЕННАЯ ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга.

IV.

Какъ для философской фізіономіи Дюринга вообще, такъ въ особенности для его нравственно-политическихъ взглядовъ, очень характерно то обстоятельство, что на границѣ психологіи и общественной теоріи мы находимъ въ его «Курсѣ философіи» защиту и даже апологезъ нѣкоторыхъ чисто личныхъ, эгоистическихъ чувствъ: мести, ревности, зависти.

Оптимистскій, жизнерадостный взглядъ Дюринга на міръ (объ чемъ мы въ свое время будемъ говорить подробнѣе) естественно не мирится съ тою моралью, которая во всякой страсти видитъ гибельный порокъ. Хотя, по его мнѣнію, страсти способны достигать отвратительныхъ размѣровъ, но они имѣютъ и свою полезную роль въ жизни общества, по сколько коренятся въ совершенно законномъ чувствѣ самосохраненія личности.

Такъ, обыкновенная пошлая зависть свидѣтельствуетъ о двойной дрянности субъекта: въ собственному недостатку лучшихъ качествъ онъ присоединяетъ еще положительную низость, которая дѣлаетъ его неспособнымъ признавать чужія достоинства и заслуги и заставляетъ вездѣ предполагать родственную ему самому грязь. Но въ лучшихъ своихъ проявленіяхъ зависть не такова. Естественныя условія зависти даны тогда, когда произошло дѣйствительное или кажущееся (завидуящему) нарушеніе равенства и воздаяніа по заслугамъ. «Долю Немезиды (ein Stück Nemesis), говоритъ Дюрингъ: — которая представляется правомѣрными формами зависти, мы беремъ подъ свою защиту отъ ходячихъ приговоровъ, въ качествѣ полезнаго мотива дѣйствія и, такъ сказать, экономіи общественной природы» (Cursus der Philosophie. Leipz. 1875, 173). Но особеннаго вниманія заслуживаетъ чувство мести по той громадной исторической роли, которую ему отводитъ нашъ мыслитель. Съ его точки зрѣнія месть есть основаніе всей философіи права.

Собственно теорія нравственности у Дюринга довольно блѣдна, какъ бы не додѣлана. Мы поэтому не будемъ на ней останавливаться и извлечемъ изъ нея только самое существенное и характерное для идеи автономіи личности, получающей полное

развитіе въ теоріи юридической, экономической и политической организаціи общества.

Нравственность представляетъ равнодѣйствующую влеченій и аффектовъ съ одной стороны и разсудочной дѣятельности съ другой. Будучи проявленіемъ воли, она мыслима только въ области отношеній одной воли къ другой или другимъ. Въ отношеніяхъ человѣка къ природѣ категория нравственности не имѣетъ мѣста. Силы природы многообразно возбуждаютъ насъ, но ни одна ни къ чему не обязываетъ въ смыслѣ нравственной обязанности. Человѣкъ самъ по себѣ, внѣ связи съ другими людьми, не несетъ никакихъ обязанностей, а имѣетъ только хотѣнія. Система нравственныхъ обязанностей покоится не на изолированной волѣ, а на взаимности междуличныхъ отношеній. Въ этихъ же послѣднихъ, первымъ несомнѣннымъ фактомъ представляется естественная равноцѣнность двухъ сопрягающихся волей. Если кто-нибудь заявляетъ, что его воля вообще цѣниже моей, то фактическаго оправданія этого своего положенія онъ можетъ достигнуть только какимъ-нибудь внутреннимъ или виѣшнимъ насиліемъ; нравственной же связи въ подобныхъ отношеніяхъ нѣтъ. Взаимное воздержаніе отъ обидъ и насилій, то есть признаніе чужой воли равноцѣнною своей, есть первый законъ междуличной морали и, вмѣстѣ съ тѣмъ, исходный пунктъ справедливости. Воля единичнаго человѣка, не будучи обязана подчиняться чужой волѣ, тѣмъ самымъ обязывается не подчинять себѣ волю другого человѣка. Такимъ образомъ, положительно для человѣка существуетъ только хотѣніе, и только отрицательно, въ виду возможныхъ или дѣйствительныхъ обидъ и насилій надъ чужою волею, возникаетъ обязанность¹. «Такова истина, замѣчаетъ Дюрингъ:—единственно соответствующая достоинству и свободѣ индивидуальной жизни». Взаимность нравственныхъ отношеній, кромѣ простого воздержанія отъ обидъ и насилій, требуетъ еще свободнаго соглашенія, договора. Намъ нечего бояться этого слова, замѣчаетъ Дюрингъ. Понятіе общественнаго договора, игравшее такую важную роль въ умственной жизни прошлаго столѣтія, подвергалось въ нашемъ вѣкѣ жестокой, но неосновательной критикѣ. Во всякомъ случаѣ, мы принимаемъ въ соображеніе естественныя условія первобытныхъ отношеній и представляемъ себѣ договоръ не въ видѣ случайной и произвольной сдѣлки, а какъ результатъ побужденій, объясняющихся законосообразностью хотѣнія. Изъ этого уже ясно видно, каковы нравственныя обязанности человѣка, разъ онъ испытываетъ на себѣ нарушеніе основного правила нравственности и терпитъ обиду и насилія.

Согласно опять-таки своему общему оптимистскому взгля-

¹ По-нѣмецки противоположность хотѣнія и обязанности выходитъ арте: *das Wollen* и *das Sollen*. Переводить *das Sollen* терминомъ «долженствованіе» имѣетъ казалося слишкомъ искусственнымъ.

ду, Дюрингъ утверждаетъ, что по природѣ своей человѣкъ вовсе не злое существо, что онъ склоненъ относиться къ другимъ людямъ доброжелательно или, по крайней мѣрѣ, безразлично. Что же касается многихъ страстей или многихъ формъ страстей, обыкновенно осуждаемыхъ ходячею моралью, то мы уже видѣли, что онѣ, не противорѣча основному закону нравственности (равноцѣнности воли) и даже будучи направлены въ его вѣщающему осуществленію, исполняютъ важную и полезную функцію общественной жизни. Но ложный пессимизмъ, считающій человѣческую природу чѣмъ-то въ корень испорченнымъ, окончательно падаетъ, если мы примемъ въ соображеніе нѣкоторые другіе, заложенные природою въ человѣческую душу мотивы. Таково состраданіе. Тутъ сама природа позаботилась устроить дѣло такъ, чтобы чужое страданіе болѣзненно отзывалось въ нашемъ собственномъ чувствѣ.

Но изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы въ мѣрѣ не существовало зла и злыхъ людей. Дюрингъ рѣзко возстаетъ противъ того воспитанія и тѣхъ ученій, которыя открываютъ преимущественно только казовый конецъ человѣческихъ отношеній и приучаютъ людей думать, что въ жизни все добро вѣло. Подобныя ложныя представленія отнимаютъ энергію въ жизненной борьбѣ, которая неизбежна. Зло существуетъ и съ нимъ надо бороться, бороться иногда жестокии, даже террористскими средствами. Мудрствовать о происхожденіи зла—дѣло совершенно излишнее, а тѣмъ паче нѣтъ надобности припутывать къ этому простому вопросу какую-нибудь мистику. Само чувство состраданія способно притупляться практикой военнаго ремесла, а также излишествомъ половыхъ сношеній (?). Въ подобныхъ случаяхъ, человѣкъ можетъ являться чудовищнѣйшимъ изъ всѣхъ чудовищъ. Да и вообще мы слишкомъ часто встрѣчаемся въ жизни съ такими экземплярами, которые представляютъ «смѣсь человѣка со скотомъ». Мало того, бывають историческіе моменты, когда даже благороднѣйшіе люди, вынужденные борьбою съ представителями подобной смѣси, прибѣгаютъ къ жестокимъ средствамъ и должны вслѣдствіе этого въ извѣстной мѣрѣ нравственно деградироваться. Разъ обида нанесена, разъ насиліе совершено, надо видѣть во врагѣ врага, причемъ оказываются дозволительными орудія хитрости и насилія. Но и въ подобныхъ крайнихъ случаяхъ нравственный человѣкъ не долженъ забывать, что онъ—человѣкъ и что онъ имѣетъ дѣло не съ чистымъ скотомъ (Bestie), а съ смѣсью человѣка со скотомъ. Низость одной стороны не можетъ оправдать низость другой. «Кто выступаетъ противъ меня во имя принципа борьбы за существованіе, тотъ вызываетъ во мнѣ не раздраженіе, а глубоко нравственное противодействие. Кто грозитъ убить или поработить меня ради своего благоденствія или властолюбія; кто говоритъ мнѣ, что задавить мое потомство, чтобы его собственное отродье лучше выводилось, того я буду уважать не больше, а скорѣе меньше, чѣмъ

простого разбойника, который ведет частную борьбу за существование собственным кулакомъ. Он совершенно чистомъ сознѣніемъ и буду относиться къ нему, какъ къ звѣрю (ein Stück Bestie) и человѣчскія качества его буду цѣнить лишь постольку, поскольку они дѣйствительно существуютъ, а не поглощены замаскированными якобы необходимостью борьбы за существование низостью и эгоизмомъ». Понятно, что первоначальная обида или насиліе, первичное зло не имѣетъ никакого нравственнаго оправданія, но противодѣйствіе злу не только ни малѣйше не противорѣчитъ основному нравственному закону, но составляетъ одну изъ его формъ. «Чужая воля и здѣсь остается равноцѣнною, но ея извращенное и враждебное направленіе вызываетъ реакцію, и если она подвергается насилію, то только пожинаетъ плоды своей собственной несправедливости. Брага, нанесшаго намъ тяжкій ущербъ, мы не только накажемъ, но постараемся сдѣлать его на будущее время безвреднымъ, а это можетъ быть часто достигнуто и въ мягкихъ формахъ».

Само собою разумѣется, что нравственно отвѣтственными могутъ быть только личности, а не общественныя группы. Единственный носитель сознания, а, слѣдовательно, единственно отвѣтственный индивидъ не долженъ прятаться за группу или вообще прикрываться чужой волей. Отчуждая же свою волю, слѣпо отдаваясь какому-нибудь авторитету, онъ превращается въ простое орудіе, въ «обезчеловѣченную машину», съ которою слѣдуетъ поступать такъ же, какъ мы вообще поступаемъ съ наносящими намъ вредъ орудіями—мы ихъ уничтожаемъ или какъ-нибудь убираемъ съ дороги. Надо, однако, замѣтить, что бываютъ такія обстоятельства, когда личности, вполне сознательныя, отвѣтственны только за то, что терпятъ гнусные порядки, но не за спеціальныя дѣйствія, совершаемыя по необходимости въ рамкѣ этихъ порядковъ.

Особое мѣсто въ теоріи нравственности должны занимать обязанности по отношенію къ самому себѣ. Эти обязанности накладываются, впрочемъ, въ нѣкоторой связи съ тѣмъ же основнымъ закономъ нравственности, закономъ равноцѣнности соприкасающихся волей. Такъ, на примѣръ, заботы о собственномъ здоровьи обязательны и съ точки зрѣнія взаимности, въ виду возможности зараженія. Но никто, конечно, не прогладитъ пропасти, отдѣляющей обязанности непосредственныя отъ производныхъ и гораздо менѣе настоятельныхъ. Было бы даже смѣшно выводить изъ основнаго правила морали то, что отдѣльный человѣкъ долженъ дѣлать въ виду своего личнаго блага. Поэтому обязанности по отношенію къ самому себѣ выдѣляются изъ системы междуличной морали и сводятся къ правиламъ воспитанія «благороднѣйшей человѣчности», отдѣлъ нравственной философіи, съ которымъ мы еще встрѣтимся. Но и теперь уже мы можемъ сказать, что хотя для человѣка обязательно воздерживаться отъ всякаго рода излишествъ, но никогда это воздержан-

нѣе не должно быть доводимо до аскетизма. Напротивъ, способности къ наслажденію жизнью требуютъ ухода, гармоническаго развитія и возможнаго повышенія. При этомъ нужно имѣть въ виду естественную лѣстницу потребностей. Удовлетворяя низшую ступень, мы освобождаемъ жизненную энергію для поднятія на слѣдующую, если только не выѣшивается лѣность или стремленіе къ искусственному поднятію низшаго наслажденія. Наилучшимъ средствомъ для возбужденія энергіи служить трудъ въ настоящемъ смыслѣ слова, то есть преодоленіе естественныхъ препятствій на пути къ цѣли жизни.

Очевидно мы за тысячу верстъ отъ утопіи Ренана, съ которою новонамоллись въ прошлый разъ. Тамъ все было рассчитано на преданность и самоотверженіе въ виду цѣлага общества, олицетвореніемъ котораго, впрочемъ, является могучая лига «боговъ», мудрыхъ людей, культивирующихъ науку. Здѣсь до сихъ поръ и помину нѣтъ о какомъ-нибудь цѣломъ, стоящемъ надъ личностью, воля которой равноцѣнна всякой другой волѣ. Тамъ личности предлагалось поступиться наслажденіемъ и радоваться чужой, а не собственной радостью. Здѣсь требуется подъемъ личной энергіи для борьбы со зломъ и всесторонняго влеченія отъ плодовъ परिшата жизни. Тамъ—страшныя кары за неповновеніе, адъсь—кары и мѣсть за оскорбленіе и насиліе. Тамъ—зависть предается проклятію, здѣсь она ставится на пьедесталъ.

Но читатель, привыкшій къ ходячимъ рассужденіямъ—хвалебнымъ и порицательнымъ—объ индивидуализмѣ и эгоизмѣ, очень ошибется, если, на основаніи предыдущаго, причислитъ Дюринга къ теоретикамъ эгоизма. По крайней мѣрѣ, самъ Дюрингъ съ этимъ ниванъ не согласится. Признавая законными нѣкоторыя чисто эгоистическія склонности и страсти, ставя ихъ даже во главу угла своей морали, требуя далѣе безостановочнаго возвышенія личности по лѣстницѣ наслажденія жизнью, Дюрингъ, однако, рѣзко различаетъ тѣ мотивы, которые Коитъ назвалъ альтруистическими. Онъ считаетъ совершенно праздыми попытки свести симпатическія чувства къ общему съ эгоизмомъ корню. Состраданіе есть для него совершенно самостоятельный принципъ. По его мнѣнію, «ссылка на то обстоятельство, что человекъ, сострадавъ, слѣдуетъ все-таки своему личному, эгоистическому побужденію — нелѣпа и не можетъ обмануть здравый смыслъ на счетъ противоположности побужденій, имѣющихъ центръ тяжести въ собственной личности и въ чужомъ существованіи. (Der Werth des Lebens. Leipz. 1877, второе изданіе, 75). Что же касается отстаиваемой имъ законности и даже верховности интересовъ личности, то онъ даетъ очень ясную и точную границу, отдѣляющую его точку зрѣнія отъ ходячаго эгоизма: «Эгоизмъ есть несправедливое преслѣдованіе своей личной матеріальной пользы въ ущербъ другимъ; отбросьте эту несправедливость и останется невинное пониманіе собственнаго блага, которое составляетъ есте-

ственный законъ для каждаго существа и должно быть признано исходнымъ пунктомъ даже самой возвышенной морали» (ibid. 58). Изъ этого видно, что, несмотря на свой апофеозъ мести и борьбы, Дюрингъ никакимъ родомъ не можетъ сочувствовать модной идеѣ борьбы за существованіе. И дѣйствительно, едва ли какой-нибудь другой современный писатель, особенно изъ лагера, въ которомъ стоитъ Дюрингъ, отзывался объ идеѣ Дарвина съ такою страшною ненавистью. Отрицая научное значеніе теоріи борьбы за существованіе, Дюрингъ съ особенною силою напираетъ на ея нравственный характеръ. Въ той части современной теоріи происхожденія видовъ, которая принадлежитъ спеціально Дарвину, онъ находитъ «безстыдство и «нѣчто звѣрское, направленное противъ человѣчности». Надо замѣтить, что измѣнчивости видовъ Дюрингъ, собственно говоря, вовсе не отрицаетъ. Онъ находитъ только, что прогрессъ жизни идетъ не тѣмъ путемъ, какой указалъ Дарвинъ, ибо борьба за существованіе никакого творческаго, совершенствующаго значенія имѣть не можетъ. Нравственные же послѣдствія распространенія такого ученія велики и печальны. «Идеаль благороднѣйшей человѣчности таетъ въ этомъ направленіи все болѣе и болѣе, а съ другой стороны имъ поддерживается грубое отождествленіе силы и права, при которомъ исчезаетъ всякое естественное понятіе о справедливости. Нравственный ядъ адъсь несомнѣненъ». (Kritische Geschichte der Philosophie. Berl. 1873, второе изданіе, 540).

Заговоривъ о тождествѣ или различіи права и силы, мы естественно переходимъ въ область юриспруденціи.

Подъ правомъ разумѣется, обыкновенно, совокупность извѣстныхъ фактически существующихъ отношеній. Юристы не имѣютъ собственно никакой руководящей нити для различенія права и безправія и называютъ безразличнымъ словомъ «право» самую наличность практики и принужденія. Если они и разсуждаютъ о правѣ и правонарушеніи, о преступленіи и справедливости, то эти различія имѣютъ только второстепенный и подчиненный характеръ, а именно правонарушеніями признаются единичные случаи уклоненія отъ совокупности установленныхъ отношеній. Для провѣрки же этой самой совокупности никакихъ орудій не имѣется. Правда, юристы признаютъ, что, независимо отъ положительнаго права, существуетъ право естественное. Нельзя, однако, предоставлять естественному праву почетное и праздное положеніе совокупности драгоценныхъ, но въ частныхъ случаяхъ неприменимыхъ основныхъ истинъ. Естественныя основанія права всеобщи и потому спеціальныя черты ихъ положительныхъ формъ въ нихъ не содержатся. Нѣчто подобное представляется въ области математики и механики; естественное и положительное право могутъ быть отдѣляемы въ такомъ же точномъ смыслѣ, въ какомъ чистая математика и рациональная механика отдѣляются отъ ихъ практическихъ приложений. Истины математики и рациональной механики остаются истинами, какъ бы ни былъ слу-

часть и запутанъ какою нибудь наличный фактъ ихъ примѣненіи. Такъ и въ области права. Существуютъ опредѣленные протѣя основанія справедливости, но на практикѣ они, глядя по условіямъ своего осуществленія, могутъ многообразно осложняться, видоизмѣняться и даже подавляться. Отсюда то многообразіе, столько же измѣнчивое, сколько положительное, которое подъ именемъ права заключаетъ въ себѣ массу несправедливостей.

Другой упрекъ, обращенный Дюрингомъ къ юриспруденціи, состоитъ въ слѣдующемъ.

Историческій ходъ вещей отдѣлилъ цѣлою пропастью частное право отъ публичнаго. Конечно, собственность, бракъ и наследство, поскольку соответственныя отношенія составляютъ предметъ спора, предполагаемаго съ обѣихъ сторонъ добросовѣстнымъ, могутъ быть сгруппированы въ особый отдѣлъ права, подъ названіемъ частнаго права. Но не слѣдуетъ забывать, что другое названіе этого отдѣла — право гражданское — не имѣетъ никакого смысла, ибо «гражданитъ» былъ покоренъ римскимъ цезаризмомъ и затѣмъ никогда не поднимался. Римскій гражданитъ превратился въ частнаго человѣка, въ простаго собственника и отца семейства. Отъ него отошла вся область политикѣ, въ которой право было замѣнено произволомъ. Сообразно этому, и въ современной юриспруденціи наиболѣе разработаны имущественное право и обязательственное и, поскольку ими затрогиваются матеріальные интересы — право семейное и наследственное. А между тѣмъ, даже и въ этой области наша юриспруденція недалеко ушла отъ римлянъ. Но тѣмъ болѣе въ печальномъ положеніи находятся другія отрасли права, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ право уголовное, ибо оно, по мнѣнію Дюринга, служитъ ключомъ къ уразумѣнію всѣхъ правовыхъ отношеній. Ни публичное право, ни неправильно изолированное частное право не встанутъ на ноги, пока основныя начала уголовного права не будутъ поставлены на плодоносную естественную почву.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ наиболѣе выдающеюся и оригинальною чертою Дюринговой теоріи права.

Корень морали и права одинъ и тотъ же, поскольку та и другая область опираются на понятіе справедливости. Но они различаются способами охраненія своихъ законовъ: для нравственности первая инстанція есть совѣсть, послѣдняя — общественное мнѣніе; право же опирается на принужденіе, силу. Въ дѣйствительности, эта граница между правомъ и моралью очень подвижна, потому что одни и тѣже дѣйствія могутъ въ различные историческіе моменты то предоставляться суду личной совѣсти и общественнаго мнѣнія, то входить въ область насильственнаго принужденія. Тѣмъ не менѣе, существуютъ отношенія, неизбѣжно разрѣшающіяся насиліемъ, а потому, въ концѣ концовъ, система права немислима безъ принудительныхъ средствъ, тогда какъ

нравственное правило такой опоры не имѣть и не должно имѣть. Въ интересахъ свободы, однако, надо имѣть въ виду, чтобы не слишкомъ много предоставлялось на долю физическаго насилія. Законное, правомѣрное насиліе есть только слѣдствіе несправедливости и должно ограничиваться своею естественною цѣлью по масштабу двухъ равноцѣнныхъ волей. Если, такимъ образомъ, мораль и право—близнецы, различающіеся только способами своего осуществленія; если, далѣе, нравственная обязанность возникаетъ, какъ мы видѣли, только отрицательно въ виду возможныхъ или дѣйствительныхъ оскорбленій и насилій, то нѣчто подобное должно существовать и для права. И дѣйствительно, соглашаясь въ этомъ случаѣ съ Шопенгауеромъ, Дюрингъ, въ противность употребительному языку, считаетъ несправедливость положительнымъ понятіемъ, изъ котораго отрицательно родится право.

Оскорбленіе, обида, насиліе, ничѣмъ не вызванны, составляютъ первоначальную несправедливость. Они вызываютъ реакцію, выражающуюся въ обиженномъ потребностью возмездія, воздаянія, прощя говоря—мести. Съ такою же необходимостью, съ какою въ механикѣ слѣдуютъ другъ за другомъ паденіе и отраженіе, за обидой слѣдуетъ влеченіе къ мести. Влеченіе это есть очевидно учрежденіе самой природы, направленное къ самосохраненію. Оно то и есть основаніе всего права. Въ раннюю пору развитія всѣхъ народовъ, частная месть играетъ роль зародыша уголовного права. Затѣмъ къ кровной мести, отвѣчающей на убійство убійствомъ и дающей начало и возбужденіе неустанной войнѣ въ одиночку, присоединяется система выкупа или искупленія вины какою нибудь жертвою или вознагражденіемъ. Изъ за грубыхъ тарифовъ, по которымъ оплачивались тѣлесныя поврежденія и убійства родственниковъ, выглядываетъ и нѣчто иное: искреннее раскаяніе, измѣненіе направленія воли, мирное настроеніе. Потребность же мести удовлетворяется не только активнымъ нанесеніемъ вреда врагу, а и его готовностью самому наложить на себя соотвѣтствующую винѣ жертву. При этомъ нѣтъ никакой надобности окружать искупленіе мистическимъ туманомъ: это просто своего рода удовлетвореніе мести.

Но и въ болѣе развитомъ видѣ уголовное право не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ публичной организаціи мести. Что касается нынѣ существующей уголовной юстиціи, то она не только не представляетъ чего нибудь иного, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно уступаетъ древнему правилу «око за око и зубъ за зубъ». Современныя теоріи криминалистовъ точно также несостоятельны. И даже лучшая изъ нихъ, старая, но до сихъ поръ не превзойденная теорія психическаго принужденія или устрашенія, предложенная Ансельмомъ Фейербахомъ, далека отъ истиннаго пониманія задачи уголовного права. Эта теорія, составлявшая въ свое время большой шагъ впередъ, имѣетъ въ виду только предупрежденіе преступныхъ дѣйствій путемъ страха,

такъ что даже исполненіе угрозы нужно лишь въ видахъ сохраненія достоинства закона и продолженія естического давленія. При этомъ нѣтъ и тѣни удовлетворенія естественному, природоу установленному чувству возмездія и справедливости. Одно дѣло — правосудіе, и другое дѣло — предупрежденіе преступленій. Цѣль мести состоитъ не въ предупрежденіи будущихъ обидъ и насилій и не въ полученіи вознагражденія за обиду, а въ восстановленіи оскорбленной воли и ея значенія. Это достигается только соотвѣтственнымъ приниженіемъ чужой воли, выступавшей изъ своихъ предѣловъ. Соотвѣтственнымъ, но не равнымъ. «Плохо было бы дѣло природы съ ея учрежденіемъ мести, еслибы она требовала только, чтобы два человѣка нанесли другъ другу равный ущербъ, одинъ несправедливо, а другою по праву. Природа, къ счастью, не такъ тупа, какъ древняя логика, требовавшая око за око и зубъ за зубъ. Местъ обыкновенно переступаетъ вѣшній итогъ несправедливо нанесеннаго вреда. И вмѣсто того, чтобы этотъ избытокъ возданія признавать распущенностью грубости, каковою онъ впрочемъ можетъ и быть, лучше сообразить, что несправедливость, какъ таковая, можетъ быть дѣйствительно наказана только избыткомъ вѣшнаго возмездія. Дѣло идетъ слѣдовательно о болѣе тонкихъ и глубокихъ побужденіяхъ, чѣмъ какія доступны произвольному терроризму, потерявшему изъ виду естественные корни справедливости и руководящемуся полицейскими соображеніями о цѣляхъ государства, которыя еще надо оправдать». (Cursus, 227).

Для выясненія основныхъ началъ права достаточно нашей схемы двухъ соприкасающихся волей. Вводя въ эту схематическую ячейку все большее и большее количество личностей, мы получаемъ возможность усиленія производнаго чувства возмездія; а именно непричастный къ дѣлу человѣкъ можетъ, мысленно становясь въ положеніе обиженнаго, вмѣстѣ съ тѣмъ стать на сторонѣ справедливости. Но полное развитіе не только принудительной силы, а и безпристрастной оцѣнки столкновеній можетъ быть достигнуто только всеобщей солидарностью даннаго общества. Будетъ ли это общество дѣйствовать какъ единое цѣлое или избереетъ особыхъ людей въ органы правосудія, но во всякомъ случаѣ оно можетъ только превратить индивидуальную мечь въ публичную, общественную. Уголовная самопомощь, непосредственно выражающаяся въ частной мести, должна уступить мѣсто упорядоченной, на взаимной связи и общей волѣ основанной мести. Но такой результатъ вовсе не долженъ покушаться цѣною личной свободы, какъ думалъ Гоббсъ, хотя его теорія и совпадаетъ съ фактическимъ ходомъ исторіи. Положимъ, что въ обществѣ Гоббса достигнутъ внутренней міръ и кое-какое отправление правосудія по дѣламъ второстепенной важности. Но оно основано на рабствѣ, а въ такомъ обществѣ немислимо дѣйствительная организація мести, немислима стало быть и полная справедливость.

Могут замѣтить, что месть сама подлежитъ карѣ закона во всякомъ цивилизованномъ обществѣ и потому не можетъ быть основнымъ принципомъ и мѣриломъ права. Но это возраженіе неосновательно. Въ цивилизованномъ обществѣ преслѣдуется месть только какъ самопомощь, то есть личныя и грубыя формы мести, враждебно сталкивающіяся съ ея вышешю и обобщенною формою. Надо однако замѣтить слѣдующее. И личная самопомощь въ дѣлѣ мести, и общественно организованная месть одинаково предполагаютъ потребность воздаянія, но послѣдняя беретъ на себя исключительно функцію правосудія. Эта исключительность можетъ даже получить характеръ ненавистной монополіи, чрезмѣрной опеки, тогда какъ наиболѣе заинтересована въ дѣлѣ воздаянія сама обиженная личность. Поэтому, такъ называемый, общественный интересъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе только посредственно, только какъ обобщеніе естественнаго индивидуальнаго влеченія.

Таковъ основной принципъ права, скрытый отъ глазъ юристовъ, благодаря ихъ слѣпому поклоненію всякому совершившемуся факту. Въ международныхъ отношеніяхъ ложный позитивизмъ юриспруденціи едва возможенъ. Здѣсь месть, какъ принципъ справедливости, слишкомъ очевидна, поскольку вообще международная борьба требуетъ для своего объясненія особаго элемента, кромѣ хищническихъ и властолюбивыхъ стремленій. Справедливость и несправедливость внутренней, междусословной борьбы должны быть сведены къ тому же естественному началу и съ его точки зрѣнія осуждаемы. Иначе придется возстановить право сильного, излюбленное Гуго Гроціемъ, смѣшавъ право съ успѣхомъ, признать право побѣдителя, кто бы онъ ни былъ: революціонеръ, реакціонеръ или творецъ удачнаго *coup d'état*. На самомъ же дѣлѣ онъ только вступаетъ въ обладаніе внѣшними формами и орудіями правосудія. При этомъ естественное основаніе права не замираетъ и ищетъ особыхъ, частныхъ путей для своего обнаруженія. Мы знаемъ, что среди цивилизаціи и вопреки ей пробивается временами индивидуальныя попытки возстановленія поправнаго права. Эти поправки прискорбны, но еще прискорбнѣе поражающіе ихъ порядки. Бываютъ времена, когда «частная месть, которая въ первобытныя времена имѣла громадное значеніе, а среди цивилизаціи не должна бы имѣть никакого, поднимается точно изъ подъ земли, какъ призракъ, напоминающій, что есть сила, болѣе глубоко заложенная, чѣмъ произвольныя ограниченія такъ называемаго права. Машина криминалистики можетъ быть и захватить самостителя и натѣпится надъ нимъ, но едва ли она поколеблетъ его совѣсть».

Хорошаго во всемъ этомъ мало. Желательны такія отношенія, при которыхъ не было бы нужды въ карающей справедливости, и справедливость, воздерживающая отъ обидъ, царяла бы повластно. Карающая справедливость исправляетъ зло зломъ, а кромѣ того месть, какъ мы видѣли, стремится перейти за итогъ

нанесеннаго вреда. Такъ какъ точная мѣра мести не можетъ быть опредѣлена ни чувствомъ, ни разсудкомъ, опирающимся на матеріалъ, доставляемый чувствами же, то можно всегда опасаться, что предписанное природою *больше* перейдетъ въ *черезчуръ*. Это «черезчуръ» можетъ получить характеръ обиды для обидчика и вызвать новую месть уже съ его стороны. И такъ далѣе; такъ что ничтожное сравнительно явленіе можетъ путемъ наслоенія взаимныхъ обидъ возрасти до ужасающихъ размѣровъ. Тѣмъ болѣе, что жажда мести осложняется въ дѣйствительности еще посторонними мотивами: злобой, грубостью, ошибочной опѣнкой оскорбленія и проч. Вывести людей изъ этого ужасающаго положенія можетъ главнымъ образомъ обобщеніе и правильная организація мести.

Тому же результату могутъ способствовать косвеннымъ образомъ развитіе великодушія, милосердія и другихъ чертъ «благороднѣйшей человѣчности». Но пока существуютъ обиды и насилія и слѣдовательно пища для чувства мести, наказаніе не можетъ быть устранено изъ обихода общественной жизни, хотя вполне возможно «очеловѣченіе» наказаній. Не лишне замѣтить, что дѣло тутъ не въ строгости наказаній, а въ ихъ соразмѣрности обидѣ и въ присутствіи живого, реальнаго чувства мести. По мнѣнію Дюринга, смертная казнь, по крайней мѣрѣ, какъ она нынѣ практикуется, не соотвѣтствуетъ обоимъ этимъ условіямъ. Въ холодной официальной, съ которою произносится смертный приговоръ, живое непосредственное влеченіе къ мести тонетъ до неузнаваемости. Какъ ни грубо въ своихъ проявленіяхъ мотивъ мести, но по природѣ своей человѣкъ-мститель развѣ только въ видѣ исключенія способенъ убить врага покореннаго, безсильнаго и притомъ по долгомъ размышленіи. Наконецъ смертная казнь при такихъ условіяхъ представляетъ именно тотъ случай хватанія мести «черезъ край», объ которомъ говорено выше.

V.

Въ представленномъ уголкѣ возрѣній Дюринга мы имѣемъ частное отраженіе его общей философской фізіономіи и вмѣстѣ съ тѣмъ рельефный образчикъ его нравственно-политическихъ взглядовъ. Полное довѣріе къ жизни и ея естественнымъ факторамъ въ значительной мѣрѣ оправдываетъ придуманную имъ для своей философіи кличку—*Wirklichkeits-philosophie*; по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что онъ никогда не старается затупевать дѣйствительный характеръ человѣческой природы. Можетъ быть, вся громада природы, природа въ цѣломъ, рисуется Дюрингу въ слишкомъ благодѣтельномъ для человѣка освѣщеніи, но относительно добродѣтелей отдѣльнаго человѣка онъ чуждъ

всякихъ иллюзій. Исходнымъ пунктомъ своихъ разсужденій онъ беретъ человѣка какъ онъ есть, съ его низкими и высокими, грубыми и мягкими побужденіями. Онъ стремится построить идеально прекрасное зданіе, прямо изъ этикъ грубыхъ кирпичей: будучи увѣренъ, что игра страстей, заложенныхъ въ человѣка природою, должна привести къ благополучному концу и что жизнь сама по себѣ имѣетъ громадную цѣну, онъ естественно ничего не прячетъ ни отъ другихъ, ни отъ себя. Каждое ощущеніе или волненіе ему дорого уже потому, что оно ощущеніе, волненіе, проявленіе жизни, и если представляется хоть какая-нибудь возможность положить его къ подножію идеально лучшихъ формъ общежитія, Дюрингъ никогда не упуститъ случая. Единственный пока русскій критикъ Дюринга, г. Козловъ, считаетъ изложенную теорію мести результатомъ стремленія къ оригинальничанью, въ особенности по скольку она сопрягается съ теоріей нравственности. Это совсѣмъ несправедливо, если только не питать странной мысли, что *вся* философія Дюринга есть не болѣе, какъ плодъ оригинальничанья. Едва ли кто-нибудь способенъ утверждать такую дичость, а между тѣмъ страницы, посвященные теоріи мести, ничѣмъ ни отличаются, по духу и формѣ, отъ остальныхъ писаній Дюринга. Вездѣ онъ тотъ же страстный жизнелюбецъ, точно жадный скрага неустанно шагающій по большимъ дорогамъ и закоулкамъ жизни и разыскивающій способныя поднять строй личной жизни ощущенія и волненія. Мы уже сообщили его взгляды на чувство зависти. Примѣрно такъ же смотритъ онъ и на ревность.

Горячій сторонникъ улучшенія гражданскаго положенія женщины, Дюрингъ думаетъ, что энергическая, ничѣмъ не стѣсняемая взаимная любовь брачующихся служитъ лучшимъ ручательствомъ за добродѣтельность имѣющаго произойти отъ этого брака плода. Здѣсь сказывается все то же безграничное довѣріе къ жизни въ ея естественныхъ факторахъ, все то же преклоненіе передъ живымъ чувствомъ, волнующимъ человѣка. Дюрингъ торопится заявить, что любовь и сама по себѣ, назависимо отъ тѣхъ благопріятныхъ результатовъ, которые она даетъ какъ средство, есть драгоценный даръ природы. Но сюда же примыкаетъ и защита ревности, какъ чувства отвращенія къ постороннимъ половымъ примѣсямъ, находящимся въ противорѣчій къ нашему собственному аффекту. Такою законною, потому что естественною, ревностью часто сопровождается любовь до брака. Но ревность становится отвратительною и всадіемъ несправедливости, когда она истекаетъ изъ господства одной стороны надъ другою, когда она, слѣдовательно, является стремленіемъ наложить оковы на чужую, равноцѣнную волю.

Что касается теоріи мести, то, по крайней мѣрѣ, какъ основаніе уголовного права, она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не такъ нова и оригинальна, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. И это вполне натурально, потому что Дюрингъ несомнѣнно

правъ, видя въ уголовномъ правѣ общественную организацію мести и концентрацію ея въ рукахъ власти. Хотя въ разсказѣ о превращеніи личной и кровной мести въ уголовное юстицію Дюрингъ упустилъ изъ виду нѣкоторыя существенныя черты (изъ которыхъ особенно важна идея мстящаго божества), но общее теченіе дѣла изображено имъ вѣрно. И уже поэтому мечь, какъ теоретическое основаніе уголовного права, должна была время отъ времени всплывать наружу. Намъ неизвѣстна, однако, ни одна теорія уголовного права, въ которой реальный фактъ мести такъ прямо, такъ полно, такъ, скажемъ, безцеремонно обращался бы въ принципъ справедливости. Другія особенности теоріи Дюринга состоятъ во-первыхъ въ идеѣ отрицательнаго происхожденія права и во-вторыхъ въ той постановкѣ вопроса объ отношеніи личности къ обществу, которая одна насъ здѣсь занимаетъ.

Дюрингъ имѣетъ въ виду не только объяснить существующее, но и опредѣлить перспективу должнствующаго бытія. Для этого изъ міра дѣйствительности онъ беретъ, во-первыхъ, психическій фактъ ощущенія мести и социологическій фактъ общественной организаціи мести. Онъ не думаетъ сокрушать эти два факта или какъ-нибудь подкапываться подъ нихъ. Онъ напротивъ на нихъ именно, какъ на реальныхъ столбахъ, строить свое идеальное зданіе. Чувство мести, говоритъ онъ (едвали, между прочимъ, основательно), несокрушимо, да оно и полезно и важно. Общественная ея организація необходима, да она и есть въ наличности, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, хотя фактическое ея осуществленіе иногда такъ несостоятельно, что сквозь ея прорѣхи правомѣрно прорываются потоки неудовлетворенной личной мести. Но, продолжаетъ онъ, въ теоріяхъ криминалистовъ, сержантъскихъ, игнорирующихъ идею мести, какъ источникъ и показатель справедливости, мечъ Темеиды прикрываетъ собою всякую данную форму общественныхъ отношеній. Правомъ называется совокупность этихъ отношеній, каковы бы они ни были; преступленіемъ, правонарушеніемъ признается нарушеніе этихъ отношеній. Но должны быть выработаны нѣкоторыя общія истины, съ точки зрѣнія которыхъ возможенъ былъ бы судъ надъ самыми этими отношеніями. Этотъ судъ, это мѣрило дается судьбами личности: «Если какая-нибудь форма общества, хотя бы и социалистская, вздумаетъ выводить уголовное право не изъ индивидуальности отдѣльнаго человѣка, надъ нею можно поставить крестъ. Права человѣка существуютъ и всегда будутъ существовать не милостью какой-нибудь общественной формы, а напротивъ формы эти должны основываться на правахъ человѣка. Личность есть единственный исходный пунктъ и цѣль всякаго права; общественныя формы изъ нея выходятъ и къ ней же опять примыкаютъ. Всякій союзъ лишь по столько живетъ истинною жизнью, по сколько въ немъ выразилась свободная воля отдѣльныхъ личностей. Поэтому и право способно къ жизни

въ той мѣрѣ, въ какой имъ приняты въ соображеніе основныя влеченія индивидуальной человеческой природы. Пока этого нѣтъ, природа сама заботится о все болѣе и болѣе полномъ осуществленіи своихъ заповѣдей, пользуясь для этого тѣмъ мотивомъ, который побуждаетъ отдѣльныхъ личностей отвѣчать противодѣйствіемъ на обиду и насиліе; такимъ образомъ, дѣйствія и учрежденія вводятся въ русло справедливости». (*Cursus der Philosophie*, 237).

Понятно, значить, въ какомъ смыслѣ Дюрингъ называетъ уголовное право ключемъ къ уразумѣнію всей области права. Но очевидно, что лежащая, по его мнѣнію, въ основаніи уголовного права месть есть только показатель степени претерпѣнной личностью несправедливости, нѣчто въ родѣ натурального термометра и притомъ термометра не совсѣмъ вѣрнаго, потому что, какъ онъ и самъ очень вѣрно замѣчаетъ, месть по необходимости, по самой своей природѣ хватается дальше внѣшняго итога нанесеннаго личности зла. Едва ли мы поэтому ошибемся, если скажемъ, что съ точки зрѣнія самого Дюринга идея мести требуетъ своего дополненія въ видѣ положительнаго воздаянія каждому по достоинству, и по отношенію ко всей области права имѣетъ не самостоятельное значеніе, а производное отъ нравственнаго закона равноцѣнности соприкасающихся воль. Само чувство мести коренится въ этомъ законѣ и имъ должно ограничиваться, какъ и чувства зависти и ревности. На немъ же должны быть построены всѣ общественныя функціи и отношенія, причемъ нормальная роль уголовной юстиціи только и будетъ состоять въ общественной организаціи мести. Ей предоставляется, слѣдовательно, совершенно специальная функція возстановленія достоинства обиженной личности и униженія воли, нанесшей ей обиду. Самое же содержаніе интересовъ и достоинства личности, равно какъ опредѣленіе условій ихъ развитія, должно быть выведено не изъ мести, а изъ какого-нибудь болѣе общаго и притомъ положительнаго основанія, по Дюрингу — изъ закона равноцѣнности соприкасающихся воль, хотя и подъ контролемъ мести.

Такъ оно и по самому Дюрингу выходитъ. Вся его теорія «автономіи личности», всѣ его соображенія о политической, юридической и экономической организаціи общества могутъ быть построены независимо отъ идеи мести, а, слѣдовательно, и отъ уголовного права.

По мнѣнію Дюринга, ученіе объ «основныхъ началахъ человеческого общежитія» находится еще въ пеленкахъ. Наиболѣе выдающееся въ этой области явленіе составляетъ Руссо, но и тотъ недостаточно глубоко вникъ въ предметъ, скоронивъ волю личности въ «верховой власти народа». Для выясненія политическаго права совершенно достаточно схемы двухъ соприкасающихся воль, но осуществленіе его предполагаетъ присутствіе цѣлаго общества, какъ бы третьяго лица, незаинтересованнаго

въ спорѣ. Каково бы ни было это третье лицо—единичное или коллективное, оно должно только поддерживать справедливость, то есть исходить изъ интересовъ личности, не навязывая ей «рабскаго права» и не превращая общество въ «мирное владѣнiе свободн». Большинство такъ же мало имѣетъ правъ посягать на интересы и достоинства личности, какъ и любой отдѣльный человѣкъ. Но нравственная роль большинства велика, такъ какъ въ немъ различныя уклоненія взаимно сокращаются, вслѣдствіе чего можетъ возникнуть рѣшеніе, болѣе вѣрное и непристрастное, чѣмъ какое доступно одному индивиду. Дѣло сводится, слѣдовательно, къ свободному союзу для взаимной охраны не прикосновенности личности. Въ основу такого союза должна лечь «die Individualsovereignität». О строй большинства современныхъ государствъ Дюрингъ невысокого мнѣнія. Но даже если бы государственный строй былъ и гораздо лучше, замѣчаетъ онъ, на него все-таки слѣдуетъ смотрѣть только какъ на средство, а не какъ на конечную цѣль, стоящую выше личной жизни. «Индивидуальная жизнь есть единственная самодовлѣющая дѣятельность и потому всѣ политическія учрежденія должны играть по отношенію къ ней служебную роль». Личная жизнь можетъ быть пожертвована обществу, но эта жертва должна основываться на взаимности и сочувствіи—случай довольно рѣдкій въ обычной современной жизни—а не на преклоненіи передъ античною негнѣпостью всепоглощающаго цѣлаго. Въ этихъ видахъ раздѣленіе политическихъ функций должно быть доведено до минимума. Такъ военное искусство должно быть принадлежностію всѣхъ, и каждаго. Союзъ, въ которомъ обособилась спеціально военная каста, не можетъ гарантировать своимъ членомъ свободу. Всѣ и каждый должны владѣть оружіемъ и, въ случаѣ надобности, быть въ состояніи исполнять обязанность вождя, который, разумѣется, долженъ быть избираемъ. Общее военное образованіе должно быть такъ высоко поднято, чтобы спеціалисты техники не отдѣлялись непроходимую пропастью отъ профановъ и всегда подлежали бы контролю. Понятно, что самый вопросъ объ участіи въ войнѣ рѣшается самою личностью. Хотя она можетъ при этомъ встать въ противорѣчіе съ общимъ рѣшеніемъ, изъ чего должны произойти столкновенія, но безъ подобныхъ болѣе или менѣе тяжелыхъ подробностей могутъ обойтись только вполне идеальныя общества, изъ которыхъ война изгнана. Точно также должно стать всеобщимъ юридическое образованіе, благодаря чему личность выйдетъ изъ подъ опеки спеціалистовъ-юристовъ. Дѣло это вовсе не трудное, потому что, «по крайней мѣрѣ, девять десятыхъ содержанія юриспруденціи обязаны своимъ существованіемъ обособленію юристовъ и пропасти, которую вырыла политическая опека между ними и обществомъ». Теорія и законодательство должны поступиться множествомъ схоластическихъ и мертвыхъ подробностей, только затемняющихъ простыя правовыя отношенія. Соответственныя измѣ-

ненія произведутся, конечно, и въ самомъ строѣ общества, а затѣмъ воспитаніе должно быть такъ направлено, чтобы люди съ юности знакомились съ правовыми, то есть политическими и общественными отношеніями. Только при такихъ условіяхъ возможенъ истинно народный судъ, плохой обломокъ котораго представляетъ нынѣшній судъ присяжныхъ.

Однако, это только этапные пункты на пути исторіи. «Вполнѣ мыслимо, что нравственно усовершенствованная индивидуальность будетъ нѣкогда существовать безъ особенныхъ охранительныхъ союзовъ и держаться только того чисто положительнаго вида сообщества, которое, по техническимъ основаніямъ, необходимо для производительной дѣятельности» (Cursus, 304).

Понятно, что требуемое Дюрингомъ соединеніе политическихъ функций въ лицѣ всѣхъ и каждаго можетъ осуществиться только въ сравнительно ничтожныхъ по размѣрамъ общественныхъ группахъ, а не въ большихъ государствахъ. Можно бы было поэтому думать, что въ вопросѣ о централизаціи и децентрализаціи онъ станетъ безусловно на сторону послѣдней. И дѣйствительно, усиленная централизація есть, по его мнѣнію, и причина и симптомъ смерти: центральной силы не хватаетъ для сдерживанія все далѣе отодвигающейся и все болѣе развивающейся периферіи. Какъ бы ни была подавлена эта периферія въ политическомъ отношеніи, но ея экономическое развитіе, не встрѣчая усиленныхъ препятствій, можетъ наконецъ вызвать и политическое сознаніе. На этомъ, однако, Дюрингъ не останавливается. Имѣя въ достоинствѣ и интересахъ личности опредѣленный критерій и признавая лишь относительное значеніе за различными общественными формами, именно насколько онѣ хороши или дурны, какъ средства для цѣлей индивидуальной жизни, онъ не даетъ безусловнаго рѣшенія по вопросу о централизаціи. Бываютъ моменты, говоритъ онъ, когда вражда съ централизаціей есть дѣло ретроградное; именно когда дѣло идетъ объ обузданіи мѣстныхъ нарушителей закона равноцѣнности воль. Наоборотъ, децентрализація, при всей почтенности принципа, можетъ иногда состоять въ усиленіи мѣстныхъ гнетущихъ элементовъ. Такое самоуправленіе есть не болѣе, какъ «реакціонная романтика», какими бы благообразными вывѣсками она ни прикрывалась. Значить, мѣрила достоинства политическихъ формъ надо искать не въ нихъ самихъ, а въ судьбахъ личности.

Сообразно этому, и въ области экономическихъ отношеній намъ прежде всего представляется слѣдующее соображеніе: «Индивиды суть нѣчто больше, чѣмъ простые атомы общественнаго или государственнаго тѣла; они—верховные носители всякаго общенія и его политическихъ формъ. Поэтому социалитарное (терминъ, исключительно принадлежащій Дюрингу) экономическое ученіе имѣетъ дѣло прежде всего съ реальными лицами и затѣмъ уже съ образуемыми ими союзами. Такъ называемая атомистика, хотя и не ею одною достигается ясность и точность,

есть въ политической экономіи, какъ и въ строгой наукѣ о природѣ, признакъ, что туманности общихъ представлений уступаютъ мѣсто строгому различенію дѣйствительныхъ элементовъ явленій (Cursus der National- und Socialökonomie. Leipz. 1876, 2 издание, 4). Такая постановка вопроса существенно сближаетъ нашего автора съ классической экономіей и такъ называемой манчестерской школой. И дѣйствительно Дюрингъ отдаетъ должную дань этой школѣ, но полагаетъ, что основные принципы ея не доведены ею до логическаго конца. Логическій же жонецъ этотъ состоитъ въ «самохозяйствѣ (Selbstwirthschaft) труда или, другими словами, въ экономической автономіи политически и общественно свободныхъ людей» (ibid. 515). Уже Адамъ Смитъ набросалъ очеркъ свободнаго общества, въ которомъ экономическія стремленія отдѣльныхъ личностей должны были слѣдовать безъ всякаго стѣсненія своему естественному пути. Но онъ не отдѣлялъ дѣйствительно естественныхъ условій отъ условій, наложенныхъ на личность историческимъ ходомъ развитія политическихъ и общественныхъ отношеній. Правда, онъ ратовалъ противъ монополій и тому подобныхъ искусственныхъ стѣсненій, но его анализъ шелъ не глубоко и не касался многихъ сторонъ общественной жизни, которыя, однако, обращаютъ его свободное общество въ совсѣмъ не свободное. Преемники Смита не исправили этой ошибки и часто обращали ее въ умысленный недостатокъ. За исправленіе ея взялись люди другого лагеря.

Когда говорятъ объ экономической власти человѣка надъ природой, то забываютъ обыкновенно, что исторически власть эта развивалась путемъ власти человѣка надъ человѣкомъ. Болѣе или менѣе значительное земледѣльческое хозяйство до сихъ поръ всегда и вездѣ предполагало гнетъ человѣка надъ человѣкомъ въ видѣ рабскаго или крѣпостнаго труда. Съ теченіемъ времени, этотъ гнетъ слабѣлъ, принимая форму менѣе непосредственной зависимости и нынѣ онъ состоитъ, главнымъ образомъ, въ наемномъ трудѣ, на которомъ, слѣдовательно, и покоится все нынѣшнее богатство. Манчестерская школа это очень хорошо знала, но все-таки находила возможнымъ говорить о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ свободной будто бы при этихъ условіяхъ конкуренціи. Тутъ происходитъ нѣчто аналогичное судьбамъ права. Какъ тамъ правомъ признается совокупность фактическихъ отношеній, каковы бы они ни были, такъ и здѣсь наука беретъ подъ свое покровительство эмпирически данный порядокъ, не подвергая его дальнѣйшему допросу. Это даже больше, чѣмъ простая аналогія, потому что юридическая и экономическая области соприкасаются, главнымъ образомъ, на институтѣ собственности. Для юридической части ученія мы уже имѣемъ корректуру въ лицѣ закона равноцѣнности воли. Очевидно, что монополизациа природы, захватъ ея силъ въ исключительное пользованіе, когда это отзывается ущербомъ на другихъ, есть обидя этимъ другимъ, насиліе надъ ними, ничѣмъ не уступа-

ющее тѣлесному поврежденію. «Фактъ власти надъ вещью еще не составляетъ права; онъ можетъ оказаться правомъ только въ томъ случаѣ, если будетъ доказано, что игнорированіе его составляетъ обиду, вызывающую чувство мести». Но и это право все-таки не было бы историческимъ правомъ собственности, потому что послѣднее, какъ уже было говорено, включаетъ въ себя, подъ видомъ господства надъ вещью, господство надъ людьми, которое ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Что же касается экономической стороны вопроса, то здѣсь законъ равноцѣнности воль выступаетъ въ видѣ закона равноцѣнности силъ, въ равное время приложенныхъ къ труду. Но въ эту область мы теперь не пойдемъ. Мы только отмѣтимъ нѣсколько чертъ, характеризующихъ самый предметъ экономической науки съ точки зрѣнія идеи автономіи личности.

То, что Адамъ Смитъ называлъ «національнымъ богатствомъ» и сдѣлалъ предметомъ своего изслѣдованія, было представленіемъ, умѣренно говоря, смутнымъ. Это было собственно богатство экономически господствующихъ классовъ, но въ глазахъ изслѣдователя играло роль всеобщаго богатства, богатства народа или народовъ. Мы и до сихъ поръ выражаемся столь же неопредѣленно. Какъ въ политикѣ часто говорятъ о государственномъ благѣ, общественномъ благосостояніи, государственномъ могуществѣ и т. п., разумѣя въ дѣйствительности благо и мощь извѣстныхъ группъ интересовъ, такъ и въ политической экономіи съ «національнымъ богатствомъ» расправляются очень щедро, подставляя его на мѣсто богатства извѣстныхъ классовъ общества. Проникающая отсюда путаница можетъ быть устранена, очевидно, только «атомистичкой», то есть разложеніемъ общественнаго состава на индивиды и солидарныя группы индивидовъ. Напримѣръ, колониальная торговая политика или сношенія съ экономически неразвитымъ и, слѣдовательно, полужившимъ народомъ могутъ создавать громадныя богатства, которыя, однако, добывались не изъ средствъ родной страны и сосредоточиваясь въ рукахъ магнатовъ торговли и промышленности, никоимъ образомъ не составляютъ части національнаго богатства. Но этого мало. Если правда, а это несомнѣнно правда, что до сихъ поръ власть надъ природой пріобрѣталась при посредствѣ власти надъ людьми, то внутри страны, въ районѣ національнаго богатства, рядомъ съ богатствомъ должна стоять нищета, какъ его логическій коррелятъ. Богатство однихъ даже можетъ измѣряться нищетою другихъ, ибо богатство тѣмъ больше, чѣмъ большее количество людей находятся у него въ услуженіи. Понятно, что, съ развитіемъ производства, нищета принимаетъ болѣе благообразныя формы, но корень вопроса о національномъ богатствѣ отъ этого нисколько не измѣняется.

VI.

Въ виду малой у насъ извѣстности Дюринга, намъ приходится оговориться, что все вышензложенное представляетъ лишь небольшую долю и притомъ одной только стороны его нравственно-политическаго вѣроисповѣданія. Многое мы еще встрѣтимъ, многого до поры до времени совсѣмъ не встрѣтимъ. Но какъ ни бѣгло, какъ ни отрывочно (по необходимости) сдѣланъ нашъ очеркъ, мы думаемъ, что рѣзкость Дюринговой постановки вопроса объ отношеніи личности къ обществу для читателя очевидна. А это то намъ пока только и нужно. Мы видѣли «мечту» Ренана, гдѣ личность утопаетъ въ «божественной массѣ» міроваго цѣлаго и теряется въ ней, какъ ничтожная пылинка въ волнахъ солнечнаго свѣта. Мы видѣли теорію Дюринга, гдѣ личная жизнь представляется единственною самодовлѣющей дѣятельностью, которой весь міръ долженъ служить подножіемъ. Очень поучительно наблюдать взаимныя отношенія этихъ двухъ полюсовъ современной нравственно-политической мысли. Оба стоятъ другъ противъ друга вооруженные съ головы до ногъ и нисколько не сдерживая своей ярости. Тотъ реальный, «научный» адъ, та возможность истребить весь шаръ земной, которыми грозить Ренанъ, къ счастью, конечно, только въ «мечтѣ», направлены какъ бы непосредственно противъ Дюринга, этого апологета зависти во имя равенства и мести во имя справедливости. Въ свою очередь, мечь, которую дышетъ Дюрингъ, и терроръ, который онъ общааетъ надругателямъ надъ достоинствомъ личности, есть какъ бы непосредственный отвѣтъ Ренану. Иначе и быть не можетъ, когда рознь во взглядахъ на самый коренной вопросъ жизни достигаетъ такой степени и когда взгляды эти составляютъ плоть отъ плоти и кость отъ кости самой исторіи. Тѣ благодушные русскіе писатели, которые, оставляя на нашу долю смиренномудріе, терпѣніе и любовь, склонны видѣть въ «насмѣстственности» общую характеристическую черту европейской цивилизаціи, могутъ порадоваться при видѣ этого сходства двухъ противоположныхъ крайнихъ ученій. Мы не пойдемъ за ними. Мы постараемся извлечь другіе, менѣе двусмысленные, болѣе скромные, но можетъ быть болѣе полезныя уроки изъ представляющагося намъ зрѣлища.

Утопія Ренана не имѣетъ сама по себѣ рѣшительно никакихъ правъ на титулъ научности, хотя и претендуетъ на него. Но общій ходъ мыслей Ренана, ея, такъ сказать, общая физиономія находится въ тѣснѣйшей связи со многими нравственно-политическими ученіями, съ болѣшимъ правомъ опирающимися на науку. Дюрингъ же есть несомнѣнный человекъ науки, и хотя его теорія автономіи (собственно сильнѣе: суверенитета) лич-

ности стоит на довольно шаткомъ основаніи, но разработана послѣдовательно и разносторонне, такъ что подъ нее можно бы было подвести и другой, болѣе прочный фундаментъ, не колебля самой постройки. Изъ этого слѣдуетъ, что русскій человѣкъ, просто ли многоглаголюющій о наукѣ или дѣйствительно уважающій науку, долженъ приложить довольно много стараній и самостоятельныхъ усилій мысли для выработки себѣ нравственно политическаго символа вѣры. Давно прошло то время, когда европейская литература была въ этомъ отношеніи настолько единодушна, что затрудненіе выбора почти не существовало. По правдѣ сказать, она никогда не была достаточно единодушна, но съ теченіемъ времени ровнь достигла такихъ размѣровъ и такой интенсивности, что прежнія отношенія кажутся, по сравненію, мирною идилліей. Значитъ, человѣку, преклоняющемуся передъ европейскою наукою, недостаточно ткнуть, зажмури глаза, пальцемъ въ длинный списокъ именъ людей науки и, такимъ образомъ, добыть себѣ непререкаемый авторитетъ; ибо, поповъ, напирѣвъ, въ Фредерика Бастиа, можно попасть пальцемъ въ небо, какъ попалъ и самъ этотъ знаменитый покойникъ, надписавъ надъ своимъ «*Harmonies économiques*»: *digitus Dei est hic* (здѣсь перстъ божій). Выгоднѣе, повидимому, положеніе того упornaго русскаго человѣка, который, памятуя свое смиренномудріе, терпѣніе и любовь, не хочетъ знать европейской науки. Однако, это только повидимому, ибо приступивъ къ самостоятельному рѣшенію какого нибудь важнаго общаго вопроса—скажемъ вопроса объ отношеніи личности къ обществу—онъ увидитъ, что единственные два возможные послѣдовательные отвѣта на этотъ вопросъ уже существуютъ въ европейской литературѣ. Можно, конечно, искать для нихъ другой обосновки, но въ концѣ концовъ, все-таки придется примкнуть къ тому или другому готовому рѣшенію. Но такъ какъ ихъ два, то надо выбирать.

Поучительно также для русскаго читателя слѣдующее обстоятельство. Говоря условнымъ политическимъ жаргономъ, утопія Ренана есть мечта буржуазная. Она—внучка тѣхъ самыхъ освободительныхъ идей, которыя когда-то съ такимъ громомъ разбивали цѣпи и оковы, наложенныя на личность исторіей. Она перемѣнила фронтъ. Она предлагаетъ личности добровольно надѣть вѣнецъ мученическаго терпѣнія и цѣпи преданности и любви. Добровольно, а въ противномъ случаѣ, мудрецы, уразумѣвшіе цѣли природы, нашьютъ на нее казни, адъ и, наконецъ, всеобщее разрушеніе. Съ другой стороны, идея Дюринга есть родная дочь того негодованія противъ разнузданности личности, которое овладѣло благородными сердцами, когда праздникъ свободы превратился въ сатурналію. Она тоже перемѣнила фронтъ. Она находитъ, что личности не было дано должнаго простора, что шире и святѣе идеи личности для человѣка нѣтъ ничего. Эта перемѣна фронта двухъ армій, готовыхъ ко взаимному истреб-

ленію, собственно говоря, исчерпываетъ собой весь современный моментъ нравственно-политической мысли. Она тѣмъ поучительнѣе, что происходитъ не только въ головахъ одиночныхъ мыслителей, а и на почвѣ исторіи, коренясь въ самой механикѣ взаимнаго тренія интересовъ.

Можно а ргіогі сазать, что когда такіа два діаметрально противоположныя рѣшенія общаго, но живаго вопроса, какъ утопія Ренана и теорія Дюринга, встають другъ противъ друга съ кровавыми угрозами, то должны возникать различныя промежуточныя, болѣе мягкія рѣшенія. Дѣйствительно, кровь, месть, адъ, терроръ, разрушеніе, все это—такія вещи, которыя сами по себѣ и вообще не любы человѣку, а тѣмъ паче человѣку, занятому теоретическимъ рѣшеніемъ научнаго вопроса. Въ жизни въ этимъ вещамъ прибѣгаютъ либо подъ напоромъ страсти и въ виду дѣйствительной или кажущейся необходимости, либо люди по своей индивидуальной природѣ жестокіе. Въ теоріи они поминаются только очень послѣдовательными людьми, не могущими, по свойствамъ своего ума, не дойти до логическаго конца пути, на который они встали. Большинство, мягкое и податливое, склонно избрѣтать мирныя комбинаціи и срединныя рѣшенія.

Такъ и въ нашемъ вопросѣ. Самая возможность единовременнаго появленія утопіи Ренана и теоріи Дюринга показываетъ, что европейская цивилизація переживаетъ страшный кризисъ, исходъ котораго незавѣстенъ. Разумѣется, кризисъ, какъ и все на свѣтѣ, пройдетъ и такъ или иначе разрѣшится. Но пока этого нѣтъ, мало-мальски проникательные и чуткіе люди подвергаютъ тщательному пересмотру соотвѣтственную часть багажа науки и пытаются придумать какое-нибудь переходное, срединное рѣшеніе вопроса объ отношеніи личности къ обществу, осуществленіе котораго могло бы произойти совершенно мирно. Оставляя въ сторонѣ практическое значеніе подобныхъ попытокъ, которое бываетъ иногда, хотя и временно, но довольно велико—нетрудно видѣть, что въ теоретическомъ смыслѣ они имѣють лишь второстепенное значеніе. Но они важны, какъ знаменіе времени, какъ признакъ зрѣлости вопроса, ибо только очень зрѣлый вопросъ привлекаетъ къ себѣ усиленное вниманіе мягкаго и податливаго большинства мыслящихъ людей.

Намъ предстоитъ взглянуть на цѣлый рядъ продуктовъ такого настроенія. Но прежде, чѣмъ перейти къ нимъ, намъ придется остановиться на одномъ, повидимому, побочномъ явленіи, не имѣющемъ, повидимому, непосредственныхъ отношеній къ нравственно-политической литературѣ, но, на самомъ дѣлѣ, составляющемъ нестѣмлемую ея принадлежность. Мы разумѣемъ борьбу пессимизма съ оптимизмомъ. До сихъ поръ пессимизмъ, уже давно представленный гениальнымъ Шопенгауеромъ, не удостоивался чести попасть въ курсы и трактаты по исторіи нравственно-политическихъ ученій. Обошелъ его и г. Чичеринъ, съ которымъ мы, впрочемъ, ни въ какомъ смыслѣ мѣряться не пред-

полагаемъ, а говоримъ только къ слову. Во всякомъ случаѣ, Шопенгауеръ нынѣ какъ бы поднимается изъ гроба, влияние его въ европейской литературѣ становится до такой степени сильно, что едвали есть нынѣ возможность говорить о какой бы то ни было области мысли, не касаясь идей мрачнаго франкфуртскаго философа. Съ другой стороны, тотъ же Дюрингъ настойчиво твердитъ о «цѣнности жизни». Пессимизмъ требуетъ отреченія отъ личнаго счастья и даже отъ личной жизни. Оптимизмъ рекомендуетъ возвышеніе личнаго счастья и полноту индивидуальной жизни. Мы, слѣдовательно, только немного раздвинемъ предѣлы нашего вопроса, ибо общественныя условія играютъ не маловажную роль въ томъ процессѣ, который приводитъ личность къ самоотреченію. Роль эта довольно хорошо изучена въ современно-правственно-политической литературѣ.

Форжъ и героизмъ учителей.—Провинціальныя учителя на парижской выставкѣ.—II. Отчаяніе реакціонеровъ.—Кандидатура герцога Омальскаго.—Слухи объ оставленіи маршалою президентскаго поста.—Возрастающая неприязнь въ обществѣ къ магистратурѣ.—Медленная республѣканизація прокуратуры.—Неудавшіяся надежды бонапартистовъ.—Случай съ генераломъ Шанзи.—Стачки: Анзенская, прислужницъ ресторановъ Дювала и кучеровъ.—Премія за добродѣтель и присужденіе ея г-жѣ Додю.—Убийцы Баррѣ и Лебіезъ.—Дѣло вдовы Кремьѣ.—Новый скандалъ.—III. Выставка: продолженіе концертовъ, успѣхъ большого органа и скандинавскихъ пѣвцовъ-студентовъ.—Трагическое утро г-жи Руссейль.—Первый конгрессъ о правахъ женщинъ.—Международный антропологическій конгрессъ: рѣчь Брокъ, сообщенія русскихъ ученыхъ и предложеніе Миклухи-Маклая и т. д., и т. д.—Открытіе конгресса французской ассоціаціи для усовершенствованія наукъ. Людовина 100

- XV. — **НОВЫЯ КНИГИ.** Житейскіе отголоски. П. Суворова.—Ченгорцы или смерть Смайлъ-аги Ченгича. А. Лукьяновскаго.—Страницы изъ книги страданій Болгарскаго племени. Л. Каравелова.—И. П. Минаевъ. Очерки Цейлона и Индіи.—Земскій Ежегодникъ. 126
- XVI. — **КЪ ИСТОРИИ СТУДЕНТКИ НЕКРАСОВОЙ.** . . . 144
- XVII. — **СОВРЕМЕННАЯ ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.** Утопія Ренана и теорія автономіи личности Дюринга. 153

Объявленія: о выходѣ сентябрьской книжки «Русской Старини». Отъ книжнаго магазина Н. И. Мамонтова.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ.

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкою: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Данію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію. 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редаціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАДІСКИ

1878

№ 10 ОКТЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Кравченкаго (Басейна, № 2).

I. — УСТОИ. Исторія одного поселка. Н. Златовратскаго.	275
II. — САМОЗВАННЫЯ ДѢТИ. (Изъ сказаній XVIII столѣтія). Часть третья и послѣдняя. (Окончаніе). Е. Карновича.	325
III. — ЦАРЬ ПРИРОДЫ.—* * * (Стихотворенія). А. Боровиковскаго.	377
IV. — ПРЫГУНЫ (Матеріалы къ исторіи обрусенія Закавказскаго Края).	379
V. — ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ДИЗРАЭЛИ-ВИКОНС-ФИЛЬДА. (Окончаніе). Н. Поповскаго.	431
VI — МОЯ МУЗА.—КРЫЛЬЯ.—ВЪ АЛЬБОМЪ СЧАСТЛИВИЦЪ. (Стихотворенія). А. Барыковой.	472
VII. — РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ. Альфонса Додэ. I. Пожалованный орденомъ.—II Пролается дождь —III Каб-бесилья —IV. Старички. — V. Письмоводитель — VI. Съ тремястами тысячъ франковъ...—VII. Видѣніе кольмарскаго судьи	475
VIII. — ОБЛАВА. Разсказъ. А—ва	505
IX. — ПОХОЖДЕНІЯ ДИКА ТЕПЛЯ И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ПО ЛОНДОНСКИМЪ ТРУЩОВАМЪ. Романъ Дженса Гринвуда, автора «Исторія Найденыша». (Прилож. въ концѣ книги. (Оконч). Стр. 193—121).	

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

X. — ЕВРЕИ-АРЕНДАТОРЫ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ. (Очерки изъ экономическаго быта Малороссіи). В. Варзера.	175
XI. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Поѣздка Гамбетты въ департаментъ Дромы и его рѣчи.—Полное соглашеніе республиканцевъ всѣхъ отгѣнковъ.—Неурядицы въ лагерѣ реакціонеровъ.—Комитетъ сенаторовъ правой стороны.—Конгрессъ социалистовъ.—Отстраненіе Гамбетты отъ участія въ вопросахъ второстепенной важности и программа дѣйствій до 1880 года, высказанная имъ.—Клерикализмъ и общественная опасность.—Амнистія, какъ вѣнецъ республиканскаго управленія.—Поѣздка Фрейсина и Сэ въ сѣверные департаменты.—Смотръ войскамъ 15 го сентября.—Вопросъ о несмѣняемости и «инвеститурѣ» въ сферѣ магистратуры.—Дѣйствія министра Барду по дѣламъ народнаго образованія.—Административные вопросы: (См. стрѣлницу 3-ю).	

13-00

Среди пустынь, джунглей, болот,
Среди! Просиди вмиг сумерек, седюшка
Русский народ!
И. Александров

УСТОИ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОСЕЛКА.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Новые люди.

— Ну, что, приедет? Вѣрно? Нынче ждете?

— Ждемъ, ждемъ... Надо бы нынче быть...

— Здравствуйте!.. быстро говорилъ, встрѣтившись, при входѣ въ поселокъ, съ Ванифантіемъ Мосевичемъ жиденькій человекъ съ худымъ, почти дѣтскимъ лицомъ, черты котораго были какъ-то особенно обострены. Онъ былъ въ фуражкѣ и длинномъ демисезоновомъ разлетаичкѣ, который постоянно запахивалъ.

— Онъ какъ отписывалъ? За недѣлю до Покрова?

— За недѣлю...

— Ну, вѣрно! Нынѣшнее число!.. Я ужъ высчитывалъ... Книжка такая есть—«Путеводитель» проывается... У адвоката я ея одолжился... Вотъ, я сейчасъ...

Худенькій человекъ полѣзъ сначала въ одинъ карманъ демисезоноваго разлетака, затѣмъ въ другой, пощупалъ лежавшія въ нихъ пачки какихъ-то бумагъ, затѣмъ слезилъ за-пазуху, откуда вытащилъ сначала истрепанную и, кажется, съ оборваннымъ концомъ книжку «Судебныхъ Уставовъ», и, наконецъ, послѣ нея, досталъ тоже весь истрепанный «Путеводитель».

— Вотъ, я вамъ сейчасъ разъясню, говорилъ Ванифантію человекъ, быстро обмусоливая середній палецъ и перевертывая слышшіяся страницы «Путеводителя». Онъ весь былъ нетерпѣніе, а быстрые и живые глазки его напряженно пробѣгали заголовки страницъ.

— Вотъ! наконецъ, сказалъ онъ.

— Ну, ну! Высчитывай... Посмотримъ, каковъ ты отгадчикъ.

Т. ССКЛ. — Отд. I.

Вы вѣдь дошли до всего—граматик! говорилъ, снисходительно улыбаясь, Ванифантій Мосенчъ.

Нетерпѣливый человѣчекъ тотчасъ же началъ высчитывать часы и минуты прихода поѣздовъ ближайшей къ Волчьему поселку чугунки.

— Вотъ ужъ это вѣрно; еще утромъ должны быть, заключилъ, наконецъ, онъ:—задержка вышла... Это ужъ насчетъ подводы въ городъ... Тутъ всегда остановки бывають... А теперь ждите—это вѣрно.

— Подождемъ.. Нѣкуда бѣжать-то намъ!.. говорилъ Ванифантій Мосенчъ. Онъ, впрочемъ, хотя и плохо вѣрилъ вычислениямъ худенькаго человѣчка, тѣмъ не менѣе, частенько посматривалъ вдоль дороги, извивавшейся по высокому склону на горизонтъ. А когда послышался вдали грохотъ колесъ, не только обернулись на него невольна оба собесѣдника, но и хлопнуло окно въ кельѣ Ульяны Мосевны, и ея голова высунулась поглядѣть въ томъ же направленіи.

— Да никакъ Филаретушка здѣсь? спросила она, замѣтивъ худенькаго человѣчка.

— Здѣсь, здѣсь!.. Здравствуйте, Ульяна Мосевна, откликнулась онъ.

— Али также поджидаешь Петрушку-то?

— К-а-аж-е-сть!

— Ну-ну... Одногодки вѣдь вы съ нимъ, вмѣстѣ росли тоже, неразлучно...

— Какъ-аже!.. пріятеля душевные были... Помилуйте! чтобы я забылъ!.. Ну и теперь изъ столицы ѣдетъ. Все это намъ лестно, все это намъ въ поученіе: какъ и чтѣ... Вѣдь мы, Ульяна Мосевна, не болѣе, какъ мужики, темные-съ... Обучаться должны всему отъ умныхъ людей, кому, значить, счастье вышло въ столицахъ побывать...

— Ты у насъ и самъ—граматникъ, наученый... Всему поселенью извѣстенъ. Натка-съ! по судамъ ходишь, съ господами судьями говоришь...

— Нѣтъ-съ, это что!.. Какая у насъ грамота, Ульяна Мосевна?. Такъ, кое-что—самоучкой.. А посмотришь на господъ образованныхъ — все-то у него гладко идетъ, тонко... А у насъ урывками-то спорины нѣтъ—вотъ въ чемъ загадка! Нѣтъ-съ, какіе же мы наученые!

Худенькій человѣчекъ грустно покачалъ головой, снялъ фуражку и вытеръ платкомъ вспотѣвшее отъ волненія лицо, не смотря на то, что на волѣ было свѣжо и осенній вѣтеръ продувалъ его демикотоновый разлетай.

— Ну, вот Петюшка прїѣдетъ, научить всему... Не горюй, благодушно замѣтилъ Ванифантїй:—говорять, ума барку везеть...

— Ка-а-а-а-а-а! Слышалъ, слышалъ... то намъ и лестно! Такъ ужъ я побѣгу... за село... къ Коронату Львовичу... Тамъ у него встрѣчу... Мимо поѣдетъ... Это ужъ вѣрно: гляди, часу не пройдетъ—здѣсь будемъ съ Петромъ Ванифантыичемъ. Ждите!

— Ну, бѣги, бѣги... Не терпится! сказалъ Ванифантїй Ульянѣ Мосевнѣ, когда Филаретушка побѣжалъ вонъ изъ выселка, наскоро застегивая свой разлетаичикъ и поправляя полы, которыя раздувалъ холодный вѣтеръ:—Птица, какъ есть птица. Недаромъ Чижомъ прозвали...

— Добрый паренѣкъ... Вотъ ему, что Петюшкѣ, поди, годовъ двадцать съ лишкомъ будетъ, а совсѣмъ почестъ младенецъ. И matka у него старуха добрая... Только не спорится у нихъ... Кабы, говорить старуха-то, женить Филаретушку, работницу бы въ домъ вять... Да вѣдь у насъ дѣвки какія! Говорять: развѣ кто за Чижика замужъ пойдетъ? Хохочутъ! А что изъ того, что онъ Чижикъ? Да добротой его Господь наградилъ не въ примѣръ прочимъ... Не даромъ къ нашему Петюшкѣ привязался... Тотъ тоже сердцемъ-то былъ ровно младенецъ...

— Что ужъ за мужикъ — птица! Какой дѣвкѣ прїятно, коли смѣяться надъ мужемъ будутъ!..

— Смѣхъ смѣху рознь... Надъ Чижикомъ и посмѣются, а глядишь—вѣрнѣе Чижика нѣтъ, все къ Чижикѣ идутъ... Хотъ и дѣло у Чижика не спорится, а всѣ Чижикѣ вѣрять, потому съ нимъ дѣло, какъ съ младенцемъ, чистое...

Такъ говорили большаки Волчьего поселка, пока худощавый человѣчекъ почти бѣжалъ по направленію къ селу Доброму, борясь съ дувшимъ ему навстрѣчу сѣвернымъ осеннимъ вѣтромъ и весь погруженный въ какія-то свѣтлыя мечты объ имѣющей воскреснуть, послѣ долгаго промежутка, теплой сердечной дружбѣ, когда-то согрѣвавшей его сиротскую младенческую душу. Мы съ удовольствіемъ подѣлимся съ читателями нѣсколькими данными о прошломъ этой «сиротской души».

Этотъ худощавый человѣкъ, съ обостренными чертами лица, этотъ мужичекъ-птица, эта, наконецъ, сиротская младенческая душа, былъ Филаретъ Флегонтычъ, сынъ давно уже помершаго двороваго человѣка. Филаретъ Флегонтычъ, какъ, вѣроятно, замѣтили читатели, былъ извѣстенъ подъ разными прозвищами: Птицы, Чижика, Филаретушки, а иногда и просто Филаретки, но какъ бы его ни прозывали мужики, каждое прозвище несомнѣнно было на то, чтобы выразить собою существеннѣйшую сторону его души: какою-то чисто птичью беззавѣтность и пѣ-

вучестъ. Филаретушка былъ дергачевецъ, хотя и не считался полноправнымъ членомъ этого невеликаго міра; а не считался потому, что имѣлъ въ Дергачахъ только небольшую избушку, въ которой и жилъ съ своей матерью, да полдесятины своей собственной земли, еще купленной на кое-какіе гроши его отцомъ, по освобожденіи изъ барской передней. Въ этой барской передней родился, воспитался, выросъ и возмужалъ его отецъ, пройдя всѣ стадіи холопскаго развитія. Отецъ его былъ добръ по-душѣ, но холопское положеніе заговало его душу въ безмолвную сосредоточенность и на его лицо и всю фигуру наложило печать суровой степенности. Съ этой суровой степенностію барскаго наперсника покинулъ онъ, послѣ 19-го февраля, барскую переднюю и приписался къ дергачевскому обществу. Дергачевцы предложили было ему, по своему обычному добродушію, войти съ ними въ общеніе на «всѣхъ мужицкихъ правахъ», но суровый Флегонтъ предпочелъ лучше купить на скопленные гроши собственную усадьбу и землю и жить на свою личную отвѣтственность, чѣмъ принимать участіе въ несеніи общей мірской тяготы. Это было резонно, пока у Флегонта оставался еще запасъ всякой барской рухляди, которую онъ пускалъ въ оборотъ, кое-какіе гроши, которые онъ пускалъ въ ростъ и хлопотливая, хозяйная баба, не покладывавшая рукъ по хозяйству. Въ то время, какъ мать Филаретушки успѣвала раздѣлывать свою невеликую усадьбочку, вскапывала гряды подъ огурцы, капусту, вспахивала загона два-три подъ картофель и горохъ, а затѣмъ, успѣвала чинить и мыть бѣлье на мужа и сына, Флегонтъ, флегматичный и лѣнивый, могъ спокойно сидѣть на крыльцѣ своей избы, курить «кружку» изъ длиннаго барскаго чубука и, пуская колечки, смѣяться въ свои густыя, рослыя баки надъ дергачевскими мужиками, которые чуть не въ драку лѣзли изъ-за аренды Флегонтовой полудесятины. «Филаретка, говорилъ онъ сыну: — ты у меня учись... Ты у меня не думай въ мужики идти... Пропадомъ пропадешь! Ни за грошъ сгинешь! Развѣ это жизнь? Изъ-за куска-то хлѣба?.. Помилуйте! Ты гляди, Филаретка, мужикъ-то встанетъ до свѣту, ляжетъ за-полночь, за день-то жилы вытянетъ, а что получить? До Рождества своего хлѣба не хватить... Развѣ это жизнь?.. Дураки они, Филаретка, дураки... То ли дѣло, какъ ежели человекъ съ понятіемъ, себя на барскую ногу поставить: поучится маленько, съ благородными людьми знакомство поведетъ, одежкой городской раздобудется — и сидитъ себѣ — покуриваетъ! Ха-ха-ха! Потому, онъ строку написалъ, анъ больше заработалъ, чѣмъ мужикъ пять разъ сохой пройдетъ... Такъ-то, Филаретка!» заканчивалъ свою житейскую

философію «барскій человекъ», поглаживая по головѣ единственнаго и кѣжно любимаго сына.—«Я, папенька, учусь», бойко отвѣчалъ мальчуганъ, ёжась, какъ котенокъ, подъ отцовской лаской. Филаретушка, дѣйствительно, въ это время учился у писаря. Но философія «барскаго человека» вліяла на него какъ-то совершенно своеобразно. Филаретушка не былъ похожъ на отца. Впечатлительный и подвижной, Филаретушка не могъ бы, по темпераменту, удовольствоваться идеаломъ сидѣнья на крылечкѣ и попыхиваніемъ въ чубукъ. Но это, впрочемъ, не мѣшало отцу и сыну быть пріятелями. Отецъ любилъ слушать, отъ нечего дѣлать, а сынъ искалъ душу, передъ которой могъ бы излить запасъ своихъ ребяческихъ впечатлѣній. По цѣлымъ вечерамъ сидѣли они на крылечкѣ своей избы и предавались разнообразнымъ мечтаніямъ, пока хлопотливая мать Филаретушки не обзывала ихъ лѣнтяями и не гнала ужинать и спать. «Ха-ха-ха! добродушно подсмѣивался его отецъ: — ничего, Филаретка! Постой, мы съ тобой далеко пойдемъ! Только учись: главнымъ образомъ, это необходимо!» Однако, Флегонтъ скоро умеръ, умеръ какъ разъ въ то время, когда всякіе ресурсы изъ «барской рухляди» уже истощились; оборотный капиталъ тоже иссякъ. Богъ знаетъ, что было бы съ «барскимъ человекомъ» послѣ этого, еслибы Богъ не принялъ его къ себѣ и тѣмъ, такъ сказать, до конца не далъ ему возможности поддержать достоинство философіи, выработанной въ барской передней. «Хозяйная» мать Филаретушки не упала духомъ. Она рѣшила сама «поднять» землю, взявъ сына изъ ученья, и принялась вмѣстѣ съ нимъ пахать. Филаретушка заскучалъ. Жажда впечатлѣній и изліяній не давала ему покоя. Для изліяній скоро нашелъ онъ другую душу, Петюшку Ванифантьева, задумчиваго, сосредоточеннаго, тщедушнаго мальчика. Филаретушка привязался къ нему; онъ былъ доволенъ, что тотъ молча и внимательно выслушивалъ все, что по цѣлымъ часамъ рассказывалъ ему неугомонный Филаретушка. Но скоро и Петюшку взяли въ Москву. Филаретушка, прощаясь съ нимъ, плакалъ, просилъ позволить ему проводить его до «машины», несмотря на то, что назадъ пришлось идти пѣшкомъ, въ распутицу, подъ дождемъ, верстъ двадцать. «Не забудь меня, смотри, въ столицѣ-то, говорилъ онъ Петькѣ:— можешь, и я вырвусь.. Приѣду... А ты, гляди, высоко влетишь! Кабы вмѣстѣ намъ, неразлучно!» заключилъ онъ и чуть не заревѣлъ. Съ отъѣдомъ Петьки, Филаретушкой овладѣла какая то ненасытная жажда дѣятельной жизни ума и сердца. Едва выпалъ ему, даже въ страдную пору, линій свободный часъ, онъ бѣжалъ на мирскую сходку, вмѣшивался въ суету, въ говоръ, не

обращая вниманія, что онъ тутъ ни при чемъ, что ему тутъ нѣтъ никакого дѣла... «Какъ? что? почему?» раздавался его задорный, тенористый голосъ. Филаретушку гнали, Филаретушку ругали, даже били, но онъ упорно продолжалъ «соваться», пока, наконецъ, дергачевцы не убѣдились, что и изъ Филаретушки можетъ быть толкъ.

Скоро ни одно «общественное» собраніе не только въ Дергачахъ, но и въ волости — селѣ Добромъ не обходилось безъ участія Филаретушки. Филаретушка ловилъ захожаго мужика въ кабакъ, жаловавшася кабачнику на что-то, и налеталъ на него съ неизмѣннымъ вопросомъ: «какъ? что?.. почему такъ? Прощеніе прописать?.. Милости просимъ! У насъ грамотники есть!» Мужика, дѣйствительно, оказывалось нужнымъ написать прошеніе и Филаретушка писалъ, а, въ случаѣ недоумѣнія, обжалъ къ своему пріятелю, волостному писарю. Это неустанное «какъ, что, почему?» давало такую массу разнообразныхъ впечатлѣній душѣ, такую дѣятельность уму, что Филаретушка отдавался своей новой дѣятельности съ какимъ-то запоемъ, въ особенности по зимамъ. Если «дѣла» не оказывалось, онъ самъ ихъ откапывалъ. Встрѣтитъ, напримѣръ, Филаретушка мужика. Мужикъ что-то рассказываетъ другимъ.

— Что? какъ? объ чемъ?

— Да нѣтъ, мы такъ...

— Да ты скажи...

— Да что тутъ! Такъ зря болтаемъ. Все одно дѣло пропащее. Къ слову пришлось...

— Какое дѣло? Въ чемъ? Почему пропащее?.. Кто можетъ сказать? Говори! Рассказывай!

— Да нѣтъ! Что тутъ зря-то языкомъ бить, упорно отказывается мужикъ.

— Въ чемъ у него дѣло, братцы? Расскажите, пожалуйста... Сдѣлайте такую милость! молитъ мужиковъ Филаретушка.

— Да что, вотъ видишь, начинаетъ нехотя рассказывать мужикъ. Филаретушка — весь вниманіе. Онъ поощряетъ мужика разными возгласами и въ концѣ концовъ безповоротно рѣшаетъ, что «нужно подавать... выше надо подавать!»

— Да что тутъ: подавать! Сказано ужь...

— Какъ? Почему? Кто сказалъ? Подавать нужно. Главнымъ дѣломъ — подавать! Пиши довѣренность... Пойдемъ въ кабакъ, а тамъ въ волость, рукоприкладство совершимъ и шабашъ...

— Да не стойтъ!..

— Я за тебя... Понимаешь — я? Ну? Развѣ тебѣ не все равно?.. Выгорить — наша взяла!.. Такъ-ли? Ставь полштофъ... Вотъ

и мужичковъ угостимъ... Валей!.. Они уже меня знаютъ... Ты откуда, изъ Дерюхина?

— Изъ Дерюхина.

— Ну, значитъ, къ Павлу Васильичу... Павелъ Васильичъ у васъ мировой-то?

— Онь, онъ самый...

— Ну, вотъ... знакомый! Валимъ въ кабакъ... А на меня надѣйся, меня здѣсь знаютъ.

Мужикъ чешетъ затылокъ, потомъ вопросительно поглядываетъ на Дергачевцевъ.

— Ничего... Довѣряйся съ Господомъ... Мы его знаемъ, Чижикъ-то... Онь, братъ, не обманеть... Онь не изъ корысти...

Мужикъ поддается, пишетъ довѣренность — и Филаретушка начинаетъ искъ у мирового... Въ первое время адвокатской дѣятельности, Филаретушка былъ у мирового вродѣ горохового шута. Надъ нимъ потѣшался мировой, хохотали писаря, помѣщики «изъ публики», но Филаретушка только отмалчивался, да потѣлъ и вытиралъ лицо большимъ синимъ платкомъ, а когда ужъ слишкомъ обижали его писаря, онъ криливо ругался и даже дрался. Пользуясь его незнаемъ «мировой казуистики», очень часто мировой судья и писаря заставляли его нарочно проигрывать завѣдомо вѣрныя дѣла. И нужно было посмотреть въ эти минуты на Филаретушку! Онь такъ искренно горевалъ на свое незнаніе, такъ искренно сокрушался о своей долѣ, которая не дала ему возможности выбиться «въ настоящіе люди», что у проигравшихъ дѣло его клиентовъ языкъ не поворачивался ругнуть его. Случалось, что въ минуты такого самобичеванія, Филаретушка приносилъ обратно — рубль или два — «пропиты на него» или взятыя впередъ и уже истраченныя имъ деньги своего клиента. Вотъ это-то ребячье безкорыстіе, эта наивная искренность и поддерживали въ мужикахъ довѣріе въ Филаретушку, несмотря на то, что у него «плохо спорилось». Иногда даже богатые мужики довѣряли ему искъ по векселямъ, роспискамъ, довѣряли полученіе денегъ, такъ какъ добросовѣстность его была всѣмъ извѣстна. Было время, когда отчаяніе овладѣло-было отъ неуспѣха Филаретушкой. Но онъ не поддакъ ему. Онь раздобылся отъ одного барина старыми, истрепанными судебными уставами и долго штудировалъ тѣ мѣста, которыя ему указалъ его пріятель — писарь, и которыя ближе относились къ его дѣламъ. Несмотря на градъ насмѣшекъ, несмотря на то, что даже мать начинала ворчать на него и говорила: «Полно, Филаретушка, бреханьемъ-то заниматься... не наше это дѣло... Вѣдь это умнимъ на пользу идетъ, а у насъ съ тобой — не то,

чтобы въ домѣ прибѣль, а все изъ дому... Занялся бы ты, по бойкости своей, торговлей. Много бы прибѣльнѣе было!» — не смотря, наконецъ, на неуспѣхи своихъ дѣлъ, Филаретушка не могъ «отрѣшиться» отъ дѣятельности, которая давала пищу его уму и сердцу.

Впрочемъ, врядъ ли изученіе судебныхъ уставовъ могло помочь «споркости» Филаретушкиной дѣятельности. Для этого требовалось отъ адвоката нѣчто другое, нѣчто такое, чего Филаретушкѣ никогда бы не удалось развить въ себѣ. Былъ такой случай. Филаретушка, по довѣренности отъ одного кулака, долженъ былъ взыскать по роспискѣ съ одного безработнаго мужика, служившаго у кулака въ батракахъ, нѣсколько рублей. Дѣло, юридически, было чистое. Филаретушка уже зналъ, что такія дѣла — всегда вѣрныя дѣла. Но когда онъ услышалъ рассказъ отвѣтчика о томъ, при какихъ условіяхъ дана была эта росписка, когда увидалъ, какъ мужикъ заплакалъ и повалился мировому въ ноги — Филаретушка тутъ понесъ такую ахинею, что чуть самолично не втянулъ своего довѣрителя подъ уголовный судъ за вымогательство... Писаря хохотали, мировой, улыбаясь, только руками махалъ, а дѣло полученія по роспискѣ такъ и прогорѣло.

Филаретушка бѣжалъ... Какъ извѣстно, онъ направлялся къ усадьбѣ землевладѣльца Короната Львовича, расположенной въ полуверстѣ отъ села Добраго по одному проселочному тракту. Здѣсь онъ думалъ встрѣтить, ранѣе другихъ, своего друга дѣтства, Петра, который, пробѣжая, не могъ миновать этого пункта. И такъ, Филаретушка бѣжалъ; онъ уже миновалъ свои Дергачи; деревню Подпалуху, и теперь входилъ въ село Доброе. А въ это время, въ усадьбѣ Короната Львовича происходила такая сцена...

Но, предварительно, нѣсколько словъ о селѣ Доброе, которое, въ концѣ концовъ, не можетъ не играть извѣстной роли въ судьбѣ нашихъ героевъ, такъ какъ въ немъ привитало и привитаетъ непосредственное начальство того крестьянскаго міра, судьбы котораго насъ интересуютъ. Село Доброе — большое село; расположено на горѣ, внизу которой лежитъ небольшая пристань при мелководной рѣкѣ. Такое его положеніе сразу дало ему и своеобразную фязіономію; а если еще къ этому прибавить, что послѣ 19 февраля его населеніе подвергалось такимъ перодержкамъ и пертурбаціямъ, было торжественъ такихъ разнооб-

равныхъ сдѣлокъ, что, въ концѣ концовъ, оказалось похожимъ на тѣ одѣла изъ пестрыхъ доскутовъ, которыя являютъ собою высшую степень эстетическаго вкуса каждой мѣщанской невѣсты — то эта фязіономія опредѣлится уже достаточно. Еще до освобожденія, село Доброе дѣлилось между четырьмя владѣльцами — троими помѣщиками и казной. Послѣ же освобожденія, прежніе владѣльцы-помѣщики раздѣлили свои клочки между наследниками, а послѣдніе пустили въ послѣдній оборотъ свои уставныя грамоты и выкупныя свидѣтельства, начались нескончаемыя «раздѣлы» между братьями, сестрами и родственниками по всѣмъ нисходящимъ линіямъ. Къ этой борьбѣ за наследство пристали кулаки и, пользуясь на этомъ торжищѣ правами людей капитальныхъ, приобрѣтали въ руки «куски» прежде обширныхъ барскихъ усадьбъ; наконецъ, изъ барскихъ переднихъ хлынулъ выброшенный на Божій свѣтъ «въ чѣмъ мать родила» цѣлый своеобразный контингентъ «дворовыхъ людей». Село Доброе представляло собою такимъ образомъ характерную почву для борьбы за жизнь и смерть, въ которой вымиралъ «ветхій» деревенскій человѣкъ, лиговалъ человѣкъ «переходный», и на которой суждено развиться «новому человѣку деревни». Читателю легко представить, по этимъ даннымъ, какова должна быть и внѣшняя фязіономія села. Тутъ были и купеческія хоромы съ желѣзными крышами, и крытыя тесомъ избы казенныхъ крестьянъ и «клевушки» дворовыхъ людей. Здѣсь было два кабака, трактиръ, школа, волостное правленіе, аптека, нѣсколько лавокъ, лѣсная контора. Здѣсь жили разворенные, мелкопомѣстные баре, купцы, рядчики, крестьяне, мѣщане, дворовые и поны... Кругомъ села, по высокому берегу рѣки, тамъ и здѣсь видѣлись бывшія барскія усадьбы, одичавшіе парки и сады, разрушающіеся, заколоченные на-глухо, большіе, длинныя барскіе дома, сѣрые, мрачныя, неприглядныя, а рядомъ съ этими хоромами мелькали и блистали на солнцѣ своими желтоватыми, новыми стѣнами какіе-то наскоро сколоченныя, недостроенныя, высокіе домики, напоминающіе тѣ «конторы» и «сторѣжи», которыя выводятся около лѣсной эксплуатаціи или пристаней. Одна изъ этихъ старыхъ барскихъ усадьбъ была въ особенности мрачна въ своемъ разрушенномъ величіи, но за то тѣмъ наглѣе билъ въ глаза поставленный рядомъ съ заколоченными «барскими дворцами» новенькій пятиоконный домикъ. Въ этомъ домѣ и проживалъ землевладѣлецъ Коронатъ Львовичъ, который, впрочемъ, извѣстенъ былъ въ селѣ Добромъ просто подъ именемъ Короната. Коронатъ Львовичъ явился въ эти палестины лѣтъ семь тому назадъ, неизвѣстно откуда, въ качествѣ претендента, среди массы другихъ на-

слѣдниковъ, на имѣніе «ветхаго» человѣка. Получивъ, по раздѣлу, полуразрушенную усадьбу и нѣсколько десятинъ плоховатой земли, онъ выстроилъ близъ заколоченнаго дома, въ которомъ всего одинъ разъ и былъ съ тѣхъ поръ, новенькій домикъ. Вскорѣ, впрочемъ, стали доходить слухи, что Коронатушка былъ гдѣ-то, когда-то мировымъ посредникомъ, развѣзжалъ въ поддѣвкѣхъ и красной шолковой рубахѣхъ, ухитрился совершить въ три года своего служенія до 150 беззаконныхъ уставныхъ грамотъ, вызвалъ среди подвластнаго ему мужицкаго населенія нѣсколько «недоразумѣній» — и кончилъ тѣмъ, что его отдали подъ судъ, отобрали въ казну имѣніе и оставили затѣмъ въ покоѣ... Онъ перемѣнилъ только шолковую рубаху на кумачевую — и внезапно явился въ сосѣдство добросельскаго міра.

Въ описываемое нами утро у Короната Львовича, по обыкновенію, были гости, тѣмъ болѣе, что было воскресенье. Въ большой комнатѣ, съ итальянскимъ окномъ наклонныхъ табаконъ; стѣны были безъ обоевъ; никакого признака хозяйской руки ни на чемъ. Около стѣнъ два, три плетеные стула и столъ; посерединѣ плохой билліардъ съ изодранными лузами и оббитыми бортами; у противоположной стѣны новый необитый ничѣмъ диванъ; близъ него въ углу — плевальница и кин; на окнахъ куски мѣлу и окурки. Между обоями, по бокамъ плохаго ломбернаго стола сидѣли — добросельскій староста Сила Титычъ, извѣстный уже намъ нѣсколько, давно уже переставшій заносить передъ «благочысленными» деревенскими людьми и политично расклавываться съ ними. Съ тѣхъ поръ онъ достаточно поколѣбалъ и полнысѣлъ, фізіономія распухла — что называется, ему «Господь лица прибавилъ» — и сдѣлался еще флегматичнѣе и недоступнѣе. Онъ лѣниво смотрѣлъ на играющихъ на билліардѣ и неторопливо, но неустанно грызъ подсолнечныя сѣмечки, которыя отъ времени до времени вынималъ изъ кармана своего субоннаго халата. Рядомъ съ нимъ, черезъ столъ, сидѣлъ пьяный кулакъ, мѣстный воротило по хлѣбной части, дальше — волостной писарь Тѣрка — рабой, съ перекваченнымъ запоемъ горломъ и, наконецъ, сельскій учитель — юноша въ сажень ростомъ, съ большимъ носомъ и большими ногами, на которыхъ чрезвычайно какъ-то странно сидѣли сапоги и брюки, съ убитымъ выраженіемъ лица. Всѣ они лѣниво смотрѣли, какъ Коронатъ Львовичъ, въ казакинѣ табачнаго цвѣта, съ цѣпочкой черезъ шею, остриженный à la мужикъ, сіяющій пухлыми розовыми щеками игралъ на билліардѣ съ низенькимъ, юркимъ рядчикомъ. Кулакъ съ Тѣркой выпивали, старшина невозмутимо грызъ сѣмечки и увлѣдывалъ въ правильныя вучки шелуху; учитель внимательно

сдѣлать за игрой и старался «держать въ умѣ» счетъ очковъ; ридчикъ, ликуя, игралъ около бортовъ, а Коронать Львовичъ сердито мѣлилъ послѣ каждаго удара кій.

Въ такомъ направленіи давно уже шла пріятельская, среди деревенской интеллигенціи, бесѣда, когда послышалось звяканье бубенцовъ. Коронать Львовичъ взглянулъ въ окно, мигомъ распакнулъ его и закричалъ: «Петрушка!.. Петръ Ванифантычъ! Заѣзжай же, сдѣлай милость! Что же ты, братецъ, мимо? Это не не-пріятельски... Заѣзжай, заѣзжай!...»

— Неколи-съ! Поспѣшаемъ оченно! отозвался звучный, молодой голосъ съ середины дороги.

— Да полно! Успѣешь еще! Ишь, гордый какой сталъ!...

— Да право-съ, поспѣшаемъ оченно, чтобы засвѣтло вотъ по-путчику въ домамъ поспѣть... Ужъ мы какъ нито на даяхъ...

— Да ты хоть на минутку заверни, на одно словцо...

— Это кто же такой будетъ, графъ-то? спрашивалъ кулакъ, прожывывая огурецъ.

— Это-съ, Петръ Ванифантьевъ, Маркъ Маркычъ, отвѣчалъ Тѣрка:—изъ Волчьяго поселка.

— Петрушка-то?

— Онъ самый...

Въ комнату вошелъ молодецъ въ суконномъ кафтанѣ, поверхъ котораго надѣтъ былъ синій халатъ, въ сапогахъ, съ тщательно уложенными складками на голенищахъ. Изъ-за борта кафтана выглядывала тонкая серебряная цѣпочка отъ часовъ. Молодой человѣкъ былъ средняго роста, худощавый, съ худымъ, выразительнымъ лицомъ, опущеннымъ рѣдкой, кудрявой бородкой и гладко причесанными волосами. Въ особенности выразительны были его каріе, смотрѣвшіе изъ подлбья глаза, подозрительные, недоувѣрчивые, какъ бы мимоходомъ сторожившіе малѣйшее движеніе собесѣдниковъ, схватывавшіе всякое чуть замѣтное измѣненіе на лицахъ другихъ и затѣмъ коронившіе весь запасъ своихъ наблюденій на глубинѣ души. Что творилось тамъ, на днѣ этой души, не говорилъ, казалось, ни одинъ мускулъ на лицѣ, такъ вышколилъ свою подвижную отъ природы физиономію этотъ молодой парень. Едва онъ успѣлъ войти, какъ его зоркіе глаза уже донесли ему, что могъ сказать о немъ кулакъ и какъ смотрѣли на него всѣ присутствовавшіе. Петръ поискалъ-было глазами образа, но, не найдя его, только перекрестился.

— Ну, братъ, извини, сказалъ Коронать Львовичъ:—нѣтъ еще... Все еще вотъ не обставлюсь какъ слѣдуетъ... Все еще, признаться тебѣ сказать, на кабакъ у насъ адѣсь похоже... Да ничего не подѣлаешь, время такое, дѣловое... А непременно

нужно. У одного старовѣра я декусь видѣлъ... Надо приобрѣсти... Это еще лучше будетъ! Ко мнѣ вѣдь самый сѣрый народъ ходитъ... Я обычай уважаю... Ну, здравствуй! Поцѣлуемся, братъ, безъ церемоній, не-пріятельски... Кажись, можно намъ пріятелими быть: въ Москвѣ достаточно познакомились...

Петръ трекратно расцѣловался съ Коронатомъ Львовичемъ, затѣмъ съ легкимъ поклономъ пожалъ руку старшинѣ, который только притронулся до нея своей, затѣмъ пожалъ руку Тѣркѣ и просто поклонился прочимъ. Учителю онъ только кивнулъ головой, потому ли, что онъ не зналъ его, или не считалъ его достойнымъ—неизвѣстно.

— Ну, присядь, говорилъ Коронатъ Львовичъ:—вотъ сюда... Панироску не хочешь ли?

— Нѣтъ-съ, благодарствую... Этого не придерживаемся, отвѣчалъ Петръ, отирая платкомъ лобъ.

— Старовѣръ? Бросить бы пора предрасудки.

— Съ измалѣтства, точно, баловались... Но, отстали... Потому — мустое дѣло...

— Ну, водочки...

— Не употребляемъ.

— Что такъ?

— Такъ съ... Безхарактерность это одна—не болѣе...

— Вотъ какъ!..

— Къ отцу ѣдешь? строго спросилъ его кулакъ, словно обидѣвшись на его замѣчаніе о водкѣ.

— Къ кому-же больше?.. Понятное дѣло! отвѣчалъ Петръ, не смотря на него.

— А ты не учи: понятное дѣло... Безъ тебя знаютъ...

— А коли знаете, такъ что-жь и спрашивать!.. сдержанно отвѣтилъ Петръ, между тѣмъ какъ глаза его сгустились и заискрились.

— А коли спрашиваютъ, такъ значить, есть зачѣмъ... Тебѣ объ этомъ разсуждать нечего, а надлежить одно—почтене выразить. Не великъ еще баринъ! Дергачевскій голоштанникъ!

— Ну, будетъ тебѣ... Угомонись... Вѣдь это, братъ, не съ захлаками мужиками... Набилъ мошну-то, такъ думаешь, что на тебя, какъ на идола, всѣ политься должны, сказалъ Коронатъ Львовичъ кулаку.

— Кто это—идолъ?

— Да ты...

— Я?.. Такъ помолишься и самъ...

— Давно не видалъ своихъ-то? заговорилъ старшина съ Петромъ такъ же равнодушно, какъ равнодушно ѣлъ подсолнечникъ.

— Давненько, годовъ пять будетъ, какъ наѣзжалъ на малое время... Одначе, прошу прощенія... Поджидаютъ меня... Можетъ, вы сообщеніе какое нито хотѣли сдѣлать? обратился Петръ къ Коронату Львовичу.

— Да, да, заторопился Коронатъ Львовичъ: — вотъ поди-ка сюда...

И Коронатъ Львовичъ увелъ Петра въ сосѣднюю комнату.

— Вотъ присядь-ко.

— Ничего-съ, постоимъ.

— Нѣтъ, ты присядь, братъ, по-пріятельски... Я тебѣ по дружбѣ все открою... Будь другой, да и я, еслибы до кого другаго касалось, не сказалъ бы, во-первыхъ потому, что нашъ братъ, дворянинъ, съ вами все еще, знаешь, привыкъ по-крѣпостнически... Ну, а я этого предразсудка никогда не имѣлъ... Не такъ воспитанъ. Такъ вотъ и хочу предупредить тебя, истинно изъ дружбы...

— Коли что-съ, будемъ благодарны, въ убыткѣ не оставимъ. Оплатимъ.

— Вотъ вѣдь ты какой: сейчасъ и обижать. Недовѣрчивы вы очень.

— Дружба дружбой, а убытки къ чему же нести?

— А изъ чувства благородства?! Вы вѣдь этого не понимаете, что изъ одного благороднаго чувства развитой человѣкъ можетъ на всякую жертву рѣшиться...

Петръ молчалъ и постукивалъ по столу пальцами.

— Что-жь ты молчишь? Не вѣришь?

— Извольте продолжать-съ.

— А если вотъ за это я не буду продолжать?.. Если за это вотъ, что ты такъ говоришь, я ничего и не скажу тебѣ?.. рассердился Коронатъ Львовичъ и въ волненіи сталъ закуривать папиросу.

— Какъ вамъ будетъ угодно... Только чего же вы отъ насъ желаете?

— Довѣрія, братецъ, довѣрія дружескаго... Сердечности—вотъ чего... Вѣдь еслибы ты былъ кулакъ Маркушка, такъ я бы, конечно, съ тобой такъ не сталъ говорить... Потому вѣдь тотъ — идола! Вѣдь онъ свинья откормленная! Съ нимъ по-человѣчески и не обращаются... Теперь я съ него получаю, что мнѣ слѣдуетъ, какъ довѣренному по дѣламъ, и больше знать его не хочу...

— Такъ и со всѣми подобаетъ-съ, замѣтилъ Петръ.

— То-то вотъ и есть, что не со всѣми... Я съ тобой вовсе не хочу такъ дѣло вести, потому что ты не свинья, потому что въ тебѣ замѣчаю нѣчто другое... Ты молодъ... Въ тебѣ вижу я за-

логъ... Не свинства—понимаешь?.. А залогъ именно тогда, чего недоставало до сихъ поръ мужику... Залогъ ума, русскаго ума, русскаго здраваго смысла... Вотъ почему я хочу отъ тебя довѣрія не бумажнаго, не официальнаго, а сердечнаго... Я тебя ужъ давно отличилъ отъ другихъ—и готовъ открыть для тебя свое сердце.

Петръ молчалъ и угрюмо продолжалъ постукивать пальцами по столу.

— Что-жь ты опять молчишь?.. Ну, да, впрочемъ, мы еще объ этомъ поговоримъ... Ты меня еще недостаточно хорошо знаешь. А вотъ присмотришься, тогда... Только пойми, что я сердечно хочу сойтись съ вами... Я дорожу хорошими отношеніями съ «новымъ» мужикомъ, съ мужикомъ передовымъ, такъ сказать, который не хочетъ больше, какъ его родители, распустя слюни по бородѣ, жить, да у всякого, кто въ сюртукѣ, руки цѣловать...

Коронатъ Львовичъ нѣсколько разъ молча прошелся по комнатѣ, какъ бы желая умѣрить свое волненіе.

— Ты еще меня не знаешь, снова началъ онъ: — ты думаешь, что я только разными аферами занимаюсь, богатыхъ мужиковъ охаживаю.. Нѣтъ, братъ, съ нами еще живутъ благородныя чувства... Мы не какіе-нибудь высочки изъ кутейниковъ... Для тѣхъ одно: рви, сколько влѣзетъ—и все... У насъ, братъ, другое воспитаніе было... Мы, братъ, съ рабами умѣли жить душевно, съ сердечною привязанностію.

Коронатъ Львовичъ опять замолчалъ; повидимому, у него уже приходилъ къ концу запасъ дипломатическихъ подходовъ подъ «новаго мужика».

— Такъ вотъ на первый разъ я тебѣ скажу откровенно: пора вамъ за умъ взяться... Ыдешь ты теперь къ старикамъ, на тебѣ лежитъ обязанность ихъ расшевелить, указать имъ на то, въ какія они могутъ власть бѣды, если, по нынѣшнему времени, будутъ жить, спуста рукава...

— Это мы знаемъ-съ.

— Ты-то знаешь, въ этомъ я увѣренъ... А по какимъ документамъ твоимъ старики владѣютъ Корявинской пустошью?

— По условію... Самимъ баринномъ было подписано...

— То-то!.. А знаешь-ли, что барыня-то теперь хочетъ всѣ эти условія объявить несостоятельными, такъ какъ баринъ-то былъ тово?—и Коронатъ Львовичъ повертѣлъ пальцами у лба.

Коронатъ Львовичъ пронизательно смотрѣлъ въ глаза Петру, желая угадать, какое впечатлѣніе произвело сдѣланное имъ со-

общеніе. Но Петръ молчалъ, и въ его глазахъ свѣтилась только одна таинственная бездна.

— Ну, вотъ тебѣ на первый разъ... доволенъ? Ты пойми, чѣмъ я рискую, открывая это тебѣ, прибавилъ Коронатъ Львовичъ.

— Благодаримъ душевно-съ, проговорилъ Петръ и, повидимому, чистосердечно.

— Ну, то-то... Ты всегда, Петруша, обращайся, коли будетъ нужно, какъ къ другу... Заходи почаще, поговоримъ... Вѣдь тебѣ скучно будетъ тамъ, въ лѣсу-то, съ медвѣдами... Вѣдь у тебя старики-то сущіе волки... Когда, случается, придуть на село, такъ на нихъ, какъ на рѣдкахъ звѣрей смотреть... Приходи-же.

— Благодаримъ... Къ намъ на праздникъ не угодите-ли? Милости просимъ... А теперь счастливо оставаться!

— До свиданія, Петруша, до свиданія! ласково-покровительственно говорилъ Коронатъ Львовичъ, поклонивъ Петра по плечу, вполне, кажется, довольный, что, наконецъ, удалось ему вырвать у Петра хоть одно «сердечное» слово.

Между тѣмъ, Филаретушка давно явился. Еще во время бесѣды съ Коронатомъ Львовичемъ, Петръ неоднократно прислушивался, какъ въ сосѣдней комнатѣ надъ кѣмъ-то хохотали и надѣвались кулакъ Маркушка и писарь Тѣрка. Онъ слышалъ, какъ кулакъ кричалъ: «Эй ты, Филаретушка!.. хочешь къ моей козѣ въ абакаты наняться?.. ха, ха, ха!.. Промежь козы съ козломъ у меня препирательства произошли... Хочешь, али нѣтъ? Отвѣчай, когда спрашиваютъ!..»—«Помилуйте, Маркъ Маркычъ, какъ это можно, такъ его обижать... Мы его въ судьи мѣтимъ-съ!.. Вотъ: только цѣпъ еще не сготовлена!.. Ха, ха, ха!..»—«Да чего-жь ждать-то!.. Позвольте!.. Господинъ старшина! при васъ наши регалии? Позвольте на малое время... Вотъ мы только на Чижѣ примѣраемъ: какой видъ будетъ!..»

Филаретушка молчалъ.

— Писарь! Надѣвай на него! Надѣвай! Ну, садись за столъ—суди... Рублевку дамъ! Слышишь? Получай рублевку, оралъ кулакъ:—сдѣлай намъ удовольствіе.

Вдругъ Филаретушка взвизгнулъ.

— Отстаньте! Отступитесь! Что я вамъ сдѣлалъ!.. Уйдите! Я за себя не отвѣчаю, кричалъ онъ какимъ-то дикимъ, пѣвучимъ, вивгливымъ голосомъ.

Въ это время Петръ и Коронатъ Львовичъ входили въ дверь. Тѣрка держалъ Филаретушку въ охапкѣ и старался надѣть на него старшинскую медаль. Миниатюрное, острое лицо Филаре-

тушки было немовѣрно жалко: на немъ выразалась и злость, и испугъ, и стыдъ.

— И Чижикъ здѣсь! сказалъ Коронатъ Львовичъ. — Вотъ, братъ, рекомендую, мой конкурентъ по адвокатской части... Оставьте его! Что вы, идолы, надѣваетесь!.. Я свожу въ обиду не дамъ!.. Ты знаешь его, Чижика-то? спросилъ онъ Петра.

— Да-съ, знавали... сказалъ Петръ и сердито холодно посмотрѣлъ на Филаретушку.

Филаретушка успѣлъ нѣсколько поправиться. Онъ уже не обращалъ ни на кого вниманія, онъ видѣлъ только Петра. Весь еще красный отъ волненія, съ бѣгающими и возбужденными глазами онъ подошелъ къ Петру.

— Вотъ у насъ... какая здѣсь публика то! несмѣло и стыдливо проговорилъ онъ, вытирая платкомъ потное лицо, какъ будто извиняясь за деревенскія безобразія: — и ничего не сдѣлаешь! Никакихъ средствъ! Конечно, отъ необразованія.. А я такъ и зналъ, вдругъ переимѣнивъ тонъ, заговорилъ онъ шепотомъ и скороговоркой:—ужъ я тамъ стариковъ-то предупредилъ... Я ужъ имъ высчиталъ минуту въ минуту... Книга такая есть... «Путеводитель» прозывается. Говорю: черезъ часъ ждите насъ.. Непремѣнно самолично представляю... И вотъ, какъ разъ!.. Минута въ минуту!..

— Совсѣмъ, думается, напрасно волненіе такое заводить, холодно замѣтилъ Петръ.

— Какъ напрасно? Почему такъ?.. Мы всё ждемъ... и старики... Всѣмъ лестно... Я нарочно бѣгомъ бѣжалъ, волновался Филаретушка.

— Пока счастливо оставаться! обратился Петръ къ Коронату Львовичу.

— Ну, такъ до свиданія, Петруша!..

— Къ намъ на праздникъ не угодите-ли? пригласилъ Петръ, обращаясь за-разъ ко всѣмъ.

— Придемъ, придемъ! отвѣчалъ Коронатъ Львовичъ.

— Ну, это еще бабушка на двое сказала!.. Пуцай поплачется не разъ, тогда и честь будетъ! замѣтилъ вулакъ.

Петръ вышелъ, а Филаретушка успѣлъ проскользнуть въ двери еще впереди его.

— Каковъ! Парнишка-то! оралъ Маркъ Маркычъ:—ха, ха, ха!.. Изъ молодыхъ да ранній!.. Мое почтеніе-съ, говоритъ, и ручку!.. Ахъ, поросенокъ!.. Ха, ха, ха!..

— Вотъ, погоди, утретъ онъ вамъ бороды-то.. Это братъ не такіе люди, что вы... Не идолы!.. замѣтилъ Коронатъ Львовичъ.

— Ну, ученые, простите!.. Виноваты!.. Конечно, люди образованные!.. Слечите до насъ, а мы подождемъ! Авось на нашу дорожку вернете!.. У насъ, братъ, что ни говори, а колея наѣзжаная: ѣдешь—ровно дома сидишь; только укачиваетъ... Ха, ха, ха!.. Такъ ли, старшина?

— Правильно! рѣшилъ старшина, догрызшій уже всѣ подсолнечники, и сталъ собираться домой.

— Еще партійку отмахаемъ-съ, сказалъ рядчикъ Коронату Львовичу.

— Ставь!..

Коронатъ Львовичъ опять сердито насупилъ брови и принялся мѣлить кѣй.

— Извините, Макарь Барпычъ, говорилъ, поправляя сидѣнье, Петръ дожидавшемуся его спутнику, уже знакомому намъ московскому молодцу въ сибирѣ:—вотъ позамѣшался очень...

— Продолжительно! недовольно замѣтилъ москвичъ, подбирая возки.

— Нельзя... Я бы и не пробылъ такъ долго, да человекъ-то, оказывается, нужный будетъ... Сообщение одно сдѣлать.—Петръ занесъ ногу въ телегу.

— Это—статья особая, коли такъ, рѣшилъ москвичъ: — трогать?

— А мнѣ-то можно... съ вами?.. замѣтилъ Филаретушка, все время терпѣйся около телеги.

— Стѣсненіе будетъ... вотъ имъ, проворчалъ Петръ.

— Я на облучокъ... вотъ на самый кончикъ...

— Ну, ладно!.. До деревни подвеземъ... Это недалеко, замѣтилъ Петръ москвичу.

Филаретушка вскочилъ на облучокъ. Статная, свая лошадь, въ тяжелой наборной сбруѣ, сразу «снялась» съ мѣста и пошла бойкой рысью. Филаретушка пріосанился. Онъ любовно поглядывалъ на москвичей и думалъ, съ чего бы начать съ ними, какъ людьми столичными, политичный разговоръ.

— Ну, что, Петюша... токъ Петръ Ванифантычъ, какъ вы, значить, въ Москвѣ поживали? началъ онъ какъ-то особенно ухарски:—хорошо жить?

— Умному человекъку веждъ хорошо, а дуракамъ и въ столицѣ плохо, оборвалъ Петръ.

— Да... это вѣрно... Безъ образованія куда плохо!.. Да вѣдь
Т. ССXL.—Отд. I. 20

гдѣ же его возьмешь по здѣшнимъ хоть, примѣрно, мѣстамъ? Плохо здѣсь, бѣдно на этотъ счетъ... Чтобъ ежели для ума, или для души полезнаго—ничего не найдешь... Богачи здѣшніе—все на счетъ того, чтобы какъ надѣвку надъ кѣмъ произвести, а простые мужички во тѣмѣ ходятъ... Трудно здѣсь, трудно!.. Вѣрно вѣдь, что трудно здѣсь, кому ежели пробиться вздумается?

— Умному человѣку вездѣ ходъ, опять сердито-лаконически замѣтилъ Петръ, глядя въ сторону, въ даль полей.

— Это вѣрно!.. Конечно, что все отъ глупости... Только вѣдь тоже безъ поддержки трудно! Очень трудно! Я вотъ безъ васъ, Петръ Ванифантычъ, тоже было по умственной части пошелъ... Книжки кое-какія, нужныя, произошелъ...

Филаретушка улыбнулся и взглянулъ на Петра. Филаретушкѣ хотѣлось высказаться, по обыкновенію, его такъ и подмивало «излиться», но едва онъ взглядывалъ въ серьезное, недоувѣрчивое лицо Петра, что-то перехватывало его птичье горло. Онъ начиналъ и не договаривалъ, снова начиналъ и снова глоталъ конецъ рѣчи. Наконецъ, вдругъ загрустивъ какъ-то, когда Петръ, на его вопросъ о томъ, что, вѣроятно, въ Москвѣ ученыхъ по судейской части много?—отвѣтилъ: — Брехачей то этихъ достаточно... А что фигларовъ-то—такъ и своихъ тамъ много...

— Что-жь такъ... фигларовъ? Вѣдь ежели это на мой счетъ, такъ вѣдь я не виноватъ, ежели здѣсь публика такая... Вы видѣли, какая у насъ публика-то!.. обидѣлся Филаретушка и замолчалъ. Онъ пересталъ «изливаться». Но жгучая потребность узнать отъ новыхъ людей—какъ, что и почему? такъ и подмивала его, и онъ отъ времени до времени обращался съ односложными вопросами.

— Ивана Великаго видѣли?.. Взлѣзали на него? Говорятъ, ежели посмотрѣть съ него—картина? Вѣрно? спросилъ онъ.

— Не знаю... Этимъ не занимались.

— Гм... Спутники опять молчали. Гулко и отчетливо равномерно била лошадь копытами о плотную почву. Слегка поскрипывалъ и покачивался небольшой тарантасикъ.

— А правда-ли, что будто скоро передѣлъ земли будетъ? опять внезапно спрашивалъ Филаретушка, закуривая трубку.

— Какой передѣлъ?

— А такъ: мужички наши поджидаютъ...

— И съ той, что есть, управиться не умѣютъ! И ты бы отъ дураковъ отобрать надо, замѣтилъ москвичъ.

— Гм... Такъ у васъ тамъ, выходитъ, объ этомъ размышленія нѣтъ?

— Мало ли вадору болтають, всего не переслушаешь, отвѣтилъ Петръ.

Филаретушка опять замолчалъ, и снова сталъ вслушиваться въ тупые удары лошадиныхъ подковъ.

— А не слышали вы, говорить въ народѣ, будто въ псаломщики теперь по найму можно будетъ всякому поступать?

— Что же? Думаешь самъ?

— Отчего же? Все же поддержка... и при томъ—по книжной части...

— Нѣтъ, не слышали..

— Гм...

— Ну, а что на счетъ податей... Говорять, будто одна поземельная подать будетъ?..

— Это не наше дѣло, сказалъ москвичъ:—для этого есть кто выше поставлены... Говорить-то объ этомъ...

— Вы, значить, этимъ не занимаетесь?

— Нѣтъ! Мы своимъ дѣломъ занимаемся.

— Ну, а у насъ здѣсь мужички и объ этомъ думаютъ... Поэтому, нельзя—дѣло близкое... Только что вотъ разъяснить некому... Много зря болтають... Книжекъ этакихъ тоже здѣсь не достать... Думалъ, что вотъ вы разъясните... Ожидалъ...

— За эти разговоры-то у насъ въ Москвѣ не хвалать, сказалъ москвичъ.

— Ой? быстро спросилъ Филаретушка.

— То-то и есть.

— Да вѣдь это все одно: чему быть—тому быть... Вотъ приблизительно, передъ чугуновой говорили, что будетъ-де вмѣсто лошадей машина возить, огнемъ... кто бы повѣрилъ? Анъ такъ и оказалось... Куда же вы сворачиваете?.. вдругъ спросилъ Филаретушка.—Вѣдь вотъ сюда, въ Дергачи-то...

— Зачѣмъ намъ въ Дергачи-то? сказалъ Петръ.—Ты вотъ слѣзай... Мы подвезли...

— Какъ заѣдемъ? Почему такъ? А мы было всей деревней поджидали... Думали—мимо поѣдешь, поздороваешься съ своими деревенскими-то... Тоже всѣмъ лестно...

— Нѣту, не за чѣмъ... Чего тамъ? Не видывалъ я что ли мужиковъ? А на мнѣ какіе узоры-то смотрѣть?

— Такъ, значить, не заѣдешь?

— Нѣту... Приходите на праздникъ къ намъ въ поселокъ—тамъ и увидимся...

— Гм... Такъ пока прощайте!..

— Прощай!

*

Филаретушка спрыгнулъ съ облучка; запакнулъ полы разлетал и быстро побѣжалъ къ Дергачамъ. Онъ былъ взволнованъ; ему было не по себѣ. Онъ постоянно поправлялъ на головѣ свой новый, нарочно надѣтый для нынѣшняго дня картузь, и только про себя повторялъ: «нѣтъ, не такъ... Тутъ что-нито не такъ!».

— Нѣтъ, не такъ!.. Тутъ что нито не такъ! повторялъ Филаретушка таинственно и тогда, какъ дергачевскіе мужики любопытствовали отъ него: «ну что, Филаретъ Флегонтычъ — какъ твои хваленые москвичи проявили себя?»..

— Нѣтъ, сразу нельзя, говорилъ Филаретушка:— надо прежде всего разслѣдовать... Тутъ что нито не такъ!..

— Чего тамъ разслѣдовать! Это, братъ, дѣло давно разслѣдовано! Кулаки-то, у насъ, кажись, не въ новинку!.. Али ты ихъ еще не примѣчалъ! нападали дергачевцы на Филаретушку.

Но Филаретушка не поддавался; онъ ничего не говорилъ о московскомъ пріятелѣ Петра, который и самому ему почему-то не нравился, но защищалъ самого Петра; онъ боялся слѣлать окончательный выводъ, и глубоко вѣрилъ, что тутъ есть что-то непонятное, чтд нужно «разслѣдовать». Онъ не находилъ въ своемъ лексиконѣ достаточнаго опредѣленія для этого «чего-то», которое, по его мнѣнію, должно было составлять сущность Петровой души. До праздника въ Волчьемъ посѣлѣ оставалось еще недѣля. Филаретушка мучился желаніемъ скорѣе разузнать это таинственное «что то» въ своемъ другѣ Петрѣ; онъ нѣсколько разъ порывался сходить въ посѣлокъ, не дожидаясь праздника, но обида, нанесенная его беззавѣтной дружбѣ холодностію Петра, сдерживала его порывы. Онъ бы и готовъ былъ простить эту обиду также беззавѣтно, онъ и простилъ даже ее отчасти, во имя того таинственнаго «нѣчто», которое такъ измѣнило душу Петра и наложило на нее своеобразную печать, но чувство собственнаго достоинства и нѣсколько уязвленное самолюбіе не пускали его. Признаться, онъ даже поджидалъ, что Петръ расцветаетъ въ своей холодности, которая могла быть напущена въ виду товарища москвича, и самъ придетъ въ родные Дергачи.

Возбужденное воображеніе Филаретушки уже не одинъ разъ рисовало во снѣ такая соблазнительная картины. Сидитъ подъ вечеръ весь дергачевскій міръ на заваленкѣ около избъ старости Макридія и «промываетъ бока» кулакамъ, мірѣдамъ и вновь наѣхавшимъ москвичамъ. Но вотъ вдали слышится стукъ колесъ. Кто-то ѣдетъ въ телегѣ со стороны Волчьяго посѣлка.

И вдругъ всё узнаеть, что это Петръ съ Ванифантіемъ и Ульяной Мосевной. Телега подъѣзжаетъ. Петръ еще издали раскланивается, любовно улыбаясь, съ дергачевцами, самодовольно поглаживаетъ бороду Ванифантія. — «Ну, что? какъ живы-здоровы, спрашиваетъ Петръ, пожимая по очереди руки каждому дергачевцу. — «Ничего, живемъ по маленьку, пока Богъ грѣхамъ терпитъ... Ты какъ?»

— И мы, слава Господу!.. Вотъ въ Москвѣ побывали, ума-разума попытали, людей посмотрѣли, себя показали, да и опять домой вернулись. Потому, недаромъ пословица говорить: «въ гостяхъ хорошо, а дома лучше...»

— Такъ, такъ, это вѣрно... Спасибо, что насъ не забылъ... «Зачѣмъ забывать!.. Всѣ мы свои люди!.. Объ васъ мысли не оставляли... Объ томъ старались, чтобы какъ никакъ полезнымъ оказаться... Чему научились, объ чемъ слышались, все вамъ предоставимъ, обо всемъ побесѣдуемъ... Есть объ чемъ поговорить, есть!» Такъ говорилъ Петръ въ разгулявшемся воображеніи Филаретушки. — Ну, а какъ парнишки поживаютъ, что Филька Косой? Что Василій Картошка?.. А какъ слѣпенькая Дашутка живетъ... Чай ужъ большая выросла?... И долго, долго въ такомъ родѣ спрашиваетъ и любопытствуетъ Петръ, долго и странно отвѣчаетъ ему проницатѣль такую душевностию дергачевскій міръ, долго подчуется молодого москвича староста Макридій жиденькимъ чаемъ... Но вотъ, наконецъ, покончилъ бесѣду Петръ съ почетными лицами дергачевского міра. «— Ну, что, Филаретъ Флегонтчъ? Ты какъ? Какъ твоя старушка живетъ-можетъ? Жива ли?» — Жива, жива! вѣдъ себя отъ радости отвѣчаетъ Филаретушка: — Пойдемъ ко мнѣ, въ хибару-то мою... Припомни-ка избушку-то... Вотъ, братъ, гдѣ кое-что поисправилъ, крышу тесомъ перекрылъ. Это, братъ, все на то, что зимой перепало отъ судейскихъ дѣлопроизводствъ!.. Да, братъ!.. А то бы шабашъ!.. хоть въ пастухи нанмайса!..»

И пойдутъ они съ Петромъ въ Филаретушкину избушку... Тутъ-то ужъ покажетъ ему Филаретушка все и вся, накопленное имъ, свое «святая святыхъ.» Покажетъ онъ ему картины, развѣшенныя по стѣнамъ, которыя покупалъ онъ, когда случалось ѣздить въ городъ въ мировой сѣздъ. Картины на стѣнахъ все были больше «строгія», которыя онъ выбиралъ, сообразуясь съ вкусомъ матери: сначала шли различныя изображенія Божіей Матери, отъ «Утоли моя печали» до «Неувядаемаго цвѣта», затѣмъ архипаstryри, въ число которыхъ попалъ даже какими-то судьбами Іоаннъ Гуссъ, вѣроятно, выданный изъ какой нибудь книги, и, наконецъ, уже генералы, гарцующіе

на гигантскихъ коняхъ по головамъ своихъ дивлоцированныхъ между ногами этихъ гигантскихъ коней войскъ. Но, главнымъ-то образомъ, показалъ-бы онъ ему свой сундучокъ. Въ этомъ сундучкѣ лежать на самомъ низу, тщательно сложенными (о, ужась! Филаретушка даже при одной мысли покраснѣлъ) старенькіе триковые брючки, поношенный сюртучокъ, доходявшій ему ниже колѣнъ, жилетка съ фасонистыми обшлагами, глаженная манишка и галстухъ. Онъ сказалъ бы ему, что все это онъ надѣвалъ только одинъ разъ и то потому, что «никакъ нельзя было иначе», и то въ городѣ, гдѣ бы не видали его мужчины. Единственный разъ форснулъ онъ въ немъ въ мировомъ сѣздѣ. — Съ тѣхъ поръ весь этотъ костюмъ лежитъ нетронутымъ... Впрочемъ, былъ еще случай. Какъ-то прошелъ слухъ, что къ добросельскому батюшкѣ пріѣхали «господа ученые» — его два сына: одинъ вновь испеченный врачъ, въ только что шитомъ форменномъ вицмундирѣ, и студентъ-медикъ. Филаретушкѣ ужасно хотѣлось познакомиться и поговорить съ этими «учеными». Но какъ это сдѣлать? Будутъ-ли они съ простымъ мужикомъ знакомиться! какъ бы имъ представиться въ качествѣ новаго деревенскаго человѣка? И вотъ Филаретушка рѣшилъ одѣться въ свою завѣтную пару. Одѣвшисъ, онъ сначала издали прошелъ мимо батюшкина дома, затѣмъ поближе, еще поближе, пока, наконецъ, не дождался, когда вышли «господа ученые» на крыльцо. Здѣсь онъ, какъ будто разгуливающій по своимъ дѣламъ, почтительно снялъ фуражку и раскланялся. Къ его счастью, «господа ученые» сразу заговорили съ нимъ, и онъ такимъ образомъ достигъ цѣли. Впрочемъ, это знакомство было не долгое. «Ученые» скоро уѣхали. А надъ Филаретушкиной парой долго послѣ того гоготала и издѣвалась сытая добросельская интеллигенція.

Поверхъ этой завѣтной пары лежала разная «необходимая принадлежность». Онъ не сталъ бы, конечно, показывать Петру зеркальцо, ваксу, помаду, щетки, карандаши, бумагу, но показалъ бы ему пріобрѣтенныя имъ въ городѣ же на толкучкѣ книжки: «календарь» крестный («чрезвычайно приспособительная книжка!») «Уставъ о воинской повинности», о конной повинности какіе-то листочки («все это болѣе для деревенскаго приложения»), нѣсколько разрозненныхъ книжекъ «Грамоты», евангеліе вѣнскаго изданія, Богъ знаетъ гдѣ добытое имъ и, наконецъ, тетрадка, на которой крупнымъ почеркомъ выведено: «Титулы» (важная вещь! Это мнѣ добросельскій писарекъ все выписалъ, какъ, въ кому, съ какими титуломъ, при какомъ обращеніи и чину и званію всякаго положенія относиться... Вотъ наприимѣръ:

къ г. мировому судѣ — его высокоородію... Къ г. губернатору — его превосходительству, г. начальнику губерніи)...

Такъ долго бесѣдуетъ во снѣ Филаретушка съ воображаемымъ Петромъ, пока Петръ не скажетъ:— «Эхъ, братъ Филаретка, славный ты малый!.. Я, братъ, думалъ, ты загибъ во тѣмъ-то здѣшней кромѣшной... Думалъ, и грамату то забылъ! Думалъ, что ты, при своей бѣдности, кромѣ мамона, ни о чемъ уже понятій не имѣешь! Думалъ, выйдеть изъ тебя, отъ тоски да горя, вьанчужка что у богатыхъ мужиковъ, да господъ наѣзжихъ ручки цѣлуетъ за косушку водки... А вотъ Богъ хранилъ!.. Ну, коли такъ, Филаретушка, мы съ тобой вмѣстѣ въ Москву поѣдемъ... Тамъ, братъ, не такихъ еще книжекъ достанемъ!.. Съ умственными людьми я тебя тамъ сведу!.. Вотъ парочка-то, какъ разъ, и пригодится тамъ... Тамъ ужъ не будутъ надъ ней издѣваться!

Разгулявшаяся фантазія уже донесла Филаретушку въ Москву.

Онъ въ Москвѣ съ Петромъ. Петръ водить его повсюду. Показалъ онъ ему и Ивана Великаго, и царь пушку, познакомилъ онъ его съ «умственными людьми».. И эти умственные люди надъ нимъ не хохочутъ, не издѣваются, а все говорятъ, все толкуютъ, все рассказываютъ; книжекъ да вѣдомостей надавали — счету нѣтъ. Закружилась у Филаретушки голова. Давно, еще прежде, въ деревнѣ, онъ не рѣдко задумывался надъ вопросомъ: кто и какъ это книжки пишетъ? А теперь ужъ онъ думаетъ: ловко бы было, кабы самому книжку составить и все въ ней изложить, что крестьянства касающее! Только вѣдь смыслу много надо! Тоже вѣдь попробуй на начало съ концомъ свести!.. Много смысла надо! сомнѣвается въ своихъ силахъ Филаретушка. Но умственные люди обѣщаютъ послѣ показать ему, какъ и книжки составлять.

— Ну, говоритъ Петръ:— будетъ намъ въ Москвѣ проживаться. Вѣдь здѣсь соблазны велики! Только дай надъ собой волю, такъ, пожалуй, и родныхъ своихъ презирать будешь, пожалуй, и сѣраго мужика станешь стыдиться; забудешь, зачѣмъ и ѣхалъ сюда! Пора, Филаретушка, пора въ родныя палестины забираться...

Опять фантазія переноситъ Филаретушку въ родныя Дергачи.

Видится ему, съ какимъ почетомъ и съ какимъ уваженіемъ встрѣчаютъ ихъ родная деревня, да и не одна только, а вся добросельская волость. По всей добросельской волости про нихъ слава, что стали они совсѣмъ людьми «умственными», а межъ тѣмъ въ Москвѣ не отстали отъ нихъ, мужиковъ, не отрѣшились. Мало ли, много ли времени спустя, только скоро выгнали изъ старшинъ толстаго Силу Титова и выбрали «единогласно» Петра

Ванифантьева, Волга младшаго. Филаретушку сейчас же къ нему въ волостные писаря опредѣлили. Фантазія донесла ужъ Филаретушку до того пункта его заповѣдныхъ мечтаній, гдѣ ужъ она не могла остановиться. Даже во снѣ трепатавъ Филаретушка, покуда картина за картиной, неудержимо, одна за другой, неслись передъ нимъ.

Видится ему, что едва только совершилось единогласное утверждение Петра въ добросельскихъ старшинахъ, а его, Филарета Флегонтова Чижова въ волостные писаря, какъ тотчасъ они съ Петромъ объявили добросельскому міру, чтобы онъ собрался къ волостному правленію. Собрался міръ. Вышелъ къ нимъ Петръ и сказалъ: «Ну, мужички почтенные, извѣстно намъ давно, что много у насъ съ вами накопилось горя, много накопилося нуждъ... И пока владычествовали надъ нами кулаки-міроѣды, не можно было намъ о тѣхъ нуждахъ кому слѣдуетъ изложить... Теперь надлежащее время приспѣло.—Для того мы и въ Москву ѣздили, и отъ «умственныхъ» людей научались, чтобы полезными вамъ въ семь дѣлъ оказаться... Посему, надлежитъ вамъ выбрать изъ каждаго сельскаго общества депутата къ намъ въ пособіе, а мы съ депутатами составимъ подробное изложеніе, какъ мужички и въ чемъ нуждаются и въ какомъ родѣ крестьянское устройство наилучшимъ и справедливымъ помышляютъ... А сіе изложеніе, по прочтеніи вамъ и по составленіи надлежащаго законнаго приговора, повеземъ мы съ депутатами въ Петербургъ.

Еще неудержимѣ несется фантазія Филаретушки. Вотъ уже выбраны семь «депутатовъ», семь благомысленныхъ мужиковъ отъ семи сельскихъ обществъ добросельской волости. Вотъ уже засѣдаютъ эти благомысленные «депутаты» въ волостномъ правленіи цѣлый мѣсяцъ, за составленіемъ изложенія нуждъ и необходимостей крестьянскихъ и какъ крестьянскому устройству, согласно желанію мірскому и справедливости, надлежитъ бытъ; засѣдаютъ они подъ руководствомъ Петра Ванифантьевича Волга младшаго, и Филаретъ Флегонтовъ Чижовъ неустанно исправляетъ, направляетъ и составляетъ протоколы. Вотъ уже готово «изложеніе», готовъ приговоръ добросельскаго міра, который уполномочиваетъ семерыхъ благомысленныхъ людей, подъ старшинствомъ Петра и въ сообществѣ съ волостнымъ писаремъ Филаретомъ Флегонтовымъ, ѣхать съ этимъ изложеніемъ куда надлежитъ, и «что сіи «депутаты» по сему дѣлу сочтутъ нужнымъ и необходимымъ учинить, въ томъ онъ, добросельскій міръ, спорить и прекословить не будетъ».

Но здѣсь уже отказалась фантазія Филаретушки рисовать

дальше. Дальше что-то закружилось въ его головѣ неясное, неопредѣленное, баснословное. Остановимся и мы здѣсь.

Филаретушка мечталъ, мечталъ день, другой, третій, а Петръ не прѣзжалъ въ родные Дергачи.

— Какъ-то теперь въ Волчьемъ поселкѣ? Чтѣ? какимъ образомъ? вообще въ какомъ направленіи дѣло состоитъ? не одинъ уже разъ спрашивалъ самого себя Филаретушка.

Филаретушкѣ очень интересно было узнать, какъ тамъ встрѣтили Петра, какъ и чтѣ самъ онъ, какъ взглянулъ на своихъ, близкихъ, «какое обращеніе имѣеть»; какъ отнесся онъ къ стороннимъ людямъ выселка, кому какіе подарки привезъ; объ чемъ и съ кѣмъ «собесѣдуетъ»... Всѣ эти вопросы вертѣлись въ его головѣ постоянно, на всѣ хотѣла получить самыя подробныя отвѣты его полная любопытства душа. Эти же вопросы не переставалъ онъ задавать себѣ, когда рѣшился, наконецъ, зайти въ поселокъ.

А между тѣмъ мирная жизнь поселка вступала въ новый фазисъ...

Мы уже упоминали, что ожидаемый прѣздъ «москвичей» возбуждалъ въ обитателяхъ выселка какія-то неясныя, неопредѣленныя—и потому тяжелыя «предчувствія». Обитателямъ поселка, такъ же, какъ и всѣмъ прочимъ людямъ, тоже не чужды и мечты, и жажда переменъ, и смутное стремленіе къ лучшему; но тяжелый опытъ исторической жизни подорвалъ крылья этимъ мечтамъ. Давно уже эти смутныя, неопредѣленныя стремленія обозвали мужикъ «предчувствіями» чего-то недобраго, давно онъ боится ихъ, чурается и вслѣдствіи усиливается заглушать въ себѣ; рѣдко великія переменъ въ исторической жизни приносили ему радость и счастье. Когда нѣчто «новое», нѣчто «чуждое» ему колебало устон его жизни, онъ бѣжалъ въ расколъ, и крѣпко держался за эти устон, крѣпко стоялъ за нихъ, какъ за «свое», каково бы оно ни было; такъ какъ въ этомъ «своемъ» онъ находилъ удовлетвореніе и своему уму, и своему сердцу, и своимъ вѣковымъ идеаламъ. Эти «предчувствія», въ ожиданіи наплыва чего-то «новаго», напоминаютъ то душевное состояніе, которое испытываетъ мужикъ при приближеніи мрачной, свинцовой, надвигающейся изъ-за горизонта тучи. Давно ожидали ее мужики, ее, желанную и неоднократно просимую у Бога! Давно растрескавшаяся земля жаждетъ хотя капли влаги, давно ждутъ ее и по-

блекшіе встеды ярого хлѣба, и уже по мѣстамъ «загорѣвшіа-ся» полосы ржи, и душный, пропитанный гарью, воздухъ... Въ этомъ душномъ, распаленномъ воздухѣ носатся міриады насѣкомыхъ... Истомленная скотина ищетъ хоть капли свѣжаго воздуха, хотя влочка тѣни; она бросается въ лѣсъ, но здѣсь обгѣ-пляютъ ее мухи и слѣпни — и скоро, какъ очумѣлая, несется она вонъ изъ лѣса, вся какъ будто насѣченная иглами и прутьями, съ потоками струящейся по груди и бокамъ крови... А солнце жжетъ и жжетъ неустанно: томительно-однообразно таетъ день за днемъ въ какой-то тяжелой истомѣ; работа валится изъ рукъ; изнурительный потъ ослабляетъ организмъ; трудъ становится каторжнымъ; тяжело дышать и жить... Хотѣ бы какойнибудь перемѣны! Надо молиться! Но вотъ и она! Тяжело, медленно подвигается она, гдѣ-то тамъ, далеко... Крестится мужикъ, но въ то же время душу его томитъ страшное предчувствіе.. Ее гнететъ неизвѣстность — ороситъ ли эта желанная, давножданная туча благодатнымъ дождемъ его опаленныя нивы, или пронесется разрушительнымъ ураганомъ и градомъ и уничтожитъ послѣднія мечты и надежды...

Передъ Волчьимъ поселкомъ, гдѣ дорога дѣлала поворотъ изъ рощи, московскій молодець Макаръ Карпычъ пріосанился, поправилъ на головѣ картузь, подобралъ возжи, крѣпко натянулъ ихъ — и статная сивая лошадь молодцовато пронесла прѣѣхавшихъ черезъ улицу поселка, прямо къ избѣ Ванифантія. Петръ не успѣлъ даже раскланяться съ встрѣтившимися его обитателями. Ванифантій, побрякивая и улыбаясь, бросился бѣгомъ во дворъ и настѣжь распахнулъ ворота. Макаръ Карпычъ ввелъ въ нихъ подъ уздцы лошадь, а Петръ суетливо сталъ вынимать изъ кузова тарантаса узлы.

— Поди, поди, касатикъ, въ избу-то, говорила старая бобылка Овдлуша: — мало ли здѣсь народу-то!

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Я самъ... Мы сами.

— Ну, милости просимъ... Пора, давно пора! Забыли совсѣмъ родную-то деревню! ласково говорила Ульяна Мосевна, уже успѣвшая войти въ избу Ванифантія, смахнуть съ лавокъ и со стола соръ и выгнать насѣдку съ цыплятами: — ну, входите, входите! А вы, ребята, пропустите, пропустите гостей то, обратилась она къ набравшимся уже въ сѣнцы крыльца солдатскими ребятишкамъ...

Петръ молча вошелъ въ избу, положилъ на лавку узлы и фуражку и сталъ креститься.

— Честь имѣемъ кланяться! Вотъ и мы къ вамъ! громко сказалъ, войдя, товарищъ Петра.

— Ну, милости просим! ждали, давно ждали!..

Петръ, по прежнему, молча раздѣловался троекратно съ Ульяной и Ванифантіемъ. Солдаткины ребятишки успѣли забраться и въ самую избу.

— Припереть бы дверь-то, замѣтимъ Петръ.

— Зачѣмъ, зачѣмъ приперать, Петруша! всѣ наши вѣдь соберутся! сказала Ульяна.

— Вы... пошли вонъ!.. Пошли... Чего не видали, выгонялъ Ванифантій ребятишекъ.

— Полно, оставь ихъ. Вѣдь имъ тоже любо... Всѣ вѣдь мы здѣсь почестъ что родные... Совсѣмъ мы здѣсь, Петрушенька, всѣ какъ сроднились... Вотъ солдаткины-то ребятишки мнѣ все одно, ровно свои, кровные... Право!

— Такъ это, выходитъ, у васъ родни-то здѣсь весьма довольно! вскричалъ Макаръ Карпычъ.

— Довольно, довольно, замѣтилъ, улыбаясь, Ванифантій, садясь рядомъ съ Петромъ, вытиравшимъ платкомъ лицо и разстегивавшимъ кафтанъ.

— Весьма довольно! Эдакъ и наслѣдства не хватить про всѣхъ! Какъ бы послѣ каковаго препирательства между названными родственниками не вышло!

— Хватить, про всѣхъ хватить... Намъ вѣдь не много надо! Мы по мірскому живемъ! А отъ неудовольствія сохрани Господи! замѣтила, Ульяна:—мы всѣ свои...

— Тетенька, распорядись! сказалъ Петръ, вынимая изъ узла свертокъ, и подавая Ульянѣ:—у меня, значить, намѣчено—кому что... Распредѣлено. Только ежели недостача выйдетъ, такъ прошу не взыскать... Потому, все у меня не болѣе, какъ по кровному родству распредѣлено...

— Ну, ужъ, какъ сдѣлано, такъ сдѣлано, замѣтила Ульяна:—не передѣлывать... Только бы, по моему, забывать и другихъ тоже не слѣдъ... Всѣ вѣдь изъ одной чашки ѣдимъ, въ одну житницу хлѣбъ возимъ... Ну, да ужъ ничего: мы вѣдь не взыскательны...

— Надо извинить, сказалъ Макаръ Карпычъ:—почему что, какъ все это отъ любви къ вамъ, кровнымъ, онъ такъ сдѣлалъ... больше васъ уважаетъ, чѣмъ чужихъ...

— Про всѣхъ не хватить, проговорилъ Петръ.

— А по маленьку, такъ и про всѣхъ хватить, Петюшенька... Хоть и по маленьку да всякому, аяъ глядишь и всѣмъ удовольствіе.

— Ну, полно тебѣ ворчать-то!.. Только что взѣхалъ, а она

ужь и выговоры! Дай хоть оглядѣться-то... вступился Ванн-фантій.

— Ну, онъ на мнѣ не взыщеть, а вѣдь не отъ сердца говорю... Только на предкѣ, чтобы въ умѣ держалъ...

— Натко-сь, натко-сь! удивлялась Ульяна Мосевна: — на всякомъ подаркѣ ярлычки прописаны... Всякая вещь веревочкой нерезвязана... Какъ быть по столичному!

— Все, чтобы въ порядкѣ. Онъ зря не любитъ. Вы бы взглянули у него въ Москвѣ, на фатерѣ... Заглядывае! Не то, что по деревенски, можно сказать, свинство какое, какъ нѣкоторые изъ мужиковъ живутъ! рекомендовалъ Петра его пріятель.

— Это дѣло хорошее, что говорить. Вѣдь и по деревенски живутъ въ чистотѣ, кого ежели Господь мало-мальски достаткомъ благословитъ. Тоже грѣхъ сказать, чтобы какъ свиньи жили. Всѣ люди!.. А кого Господь бѣдностью пошлетъ, то ему ужь не къ чему и порядки приспособлять. Хвалиться этимъ нечего!.. Все отъ Бога!..

— Не могу сказать-сь...

— Вишь ты, вишь ты какую шаль мнѣ привезъ! Вотъ, что напрасно, такъ напрасно! А это вотъ тебѣ, вишь ты, намѣчено, отецъ! На кафтанъ вотъ это. А это ужь и не знаю къ чему, такое узорчатое...

— Это батюшкѣ на жилетку, заявилъ Петръ: — полубархатъ... Остаточкомъ закупишь.

— Ай, ай, ай, закачала головой Ульяна Мосевна: — вотъ не похваляю... Ну, куда намъ, старикамъ, эти форсы?.. Ты бы подумалъ...

— Я такъ полагаю, тетенька, что пора бросить смиренство-то да приниженье... Тоже и мы люди! Чѣмъ мы другихъ хуже!.. Нужно-сь тоже и свою гордость имѣть! сказалъ Петръ и весь вспыхнулъ.

— Весьма правильно, поддержалъ его московскій товарищъ.

— А по моему глупому разуму, сказала Ульяна: — такъ намъ бы попроще и за глаза было довольно, да и всѣмъ бы нашимъ поселскимъ хватило на уваженіе по подарочку. Всѣмъ бы было въ удовольствіи!.. А то вотъ теперь и заorno мнѣ на людяхъ въ фасонахъ-то этихъ ходить... Вотъ и спрячу я его подароку-то твой, чтобы люди не видали...

— Напрасно. Не съ тѣмъ деньги тратили. Думали, чтобы какъ лучше, какъ способнѣе...

— А вотъ поживешь между нами, такъ и узнаешь, какъ лучше надо. Такъ-то, Петюшенька. Ну, да и то сказать: чего я

раскудакталась въ самомъ дѣлѣ! Голодное-то брюхо, говорятъ, къ ученю глухо... Пойти-ко мнѣ сготовить все. Приходите ко мнѣ нонѣ въ келью обѣдать. Нонѣ ужь, такъ будемъ считать, праздникъ у насъ... Я на всѣхъ готовила. Филаретушка ввсчитала, что тебѣ непременно сегодня быть надо. Да встрѣтилъ ли онъ тебя? Должно, задержало что-нито. А какъ ужь онъ старался, всячески, чтобы тебя встрѣтить... Больно ужь онъ къ тебѣ приверженъ, словно младенецъ! На рѣдкость такая дружба.

— Видѣлъ я его. У Короната Львовича встрѣтилъ.

— Что жь онъ съ тобой не прѣхалъ?

— Стѣсненіе могло быть, потому меня вотъ Макаръ Карпычъ нарочно въ городѣ встрѣтилъ. Притомъ, что-жь ему теперь здѣсь дѣлать?.. Здѣсь дѣло родственное... На праздникъ приглашалъ я его.

— Ну, ваше дѣло, ваше дѣло!.. Такъ я кликну васъ обѣдать!

Ульяна ушла. Петръ снялъ кафтанъ. Онъ хотѣлъ переодѣться. Въ дверь то и дѣло выглядывали чьи-то глаза. Одинъ разъ мелькнулъ даже единственный глазъ Сатира.

— Припереть бы, тятенька, дверь-то, сказалъ опять Петръ.

— О? Ну, ладно. Припру, припру. Еще посмотрятся.

— Конечно... Не болѣе, какъ деревенское любопытство: гѣзуть въ самую физиономію, замѣтилъ москвичъ.

Петръ взялъ узелъ и ушелъ переодѣваться за перегородку.

Москвичъ подѣлъ поближе къ Ванифантію и, мотнувъ головой по направленію къ Петру, сказалъ въ полголоса:

— Весьма умственный человѣкъ!

— Это Петюшка-то?

— Петръ Ванифантычъ... да-съ. На рѣдкость, я вамъ могу сказать. Изъ крестьянскаго званія даже очень рѣдко такіе проявляются.

— Ой-ли? наивно-самодовольно удивлялся Ванифантію.

— Совершенно правда. Конечно, не самъ отъ себя, все отъ родителей... Выходить, вы сами почтенный родитель, и дѣтище такое вышло... Весьма умственный крестьянинъ.

— Онъ у меня шустрый! И я вѣдь въ свое-то время, куда шустерь былъ, большой руки былъ воръ!.. Теперь-то вотъ пристарѣлъ, какъ бы, значить, смирился...

— Такъ, такъ!.. По родителямъ! Мой тятенька вотъ тоже большой руки былъ комерсантъ... Пять разъ банкротился, а все капиталецъ намъ, хоша и небольшой, предоставилъ, вѣчная ему память!

И москвичъ перекрестился.

— Мы родителей уважаемъ-съ!

— А мать-то жива у тебя?

— Какъ же-съ! Божією милостію проживаетъ. У насъ капиталъ общій-съ. Все на маменькино имя переведено-съ. Оно такъ-то свободнѣе...

— А вы изъ крестьянъ будете?

— Какъ же-съ! Изъ крестьянъ. Татенька не одинъ разъ хотѣлъ въ купцы выписаться, да говорилъ:—зачѣмъ свое званіе унижать? Умственнымъ людямъ своему сословію надлежитъ честь дѣлать...

— Гм...

Помолчали.

— Далекъ пойдетъ! опять мигнулъ москвичъ за перегородку:—только, по молодости, весьма съ людьми суровъ... А такъ нельзя. Болѣе надо обходительностію брать.

— Молодъ еще!

— Дочка ваша, тоже могу сказать, весьма пріятная дѣвица, опять какъ бы мимоходомъ, замѣтилъ москвичъ:—конечно, одного родителя...

— Такъ что-жь? Сватай, коли нравится! На то и дѣвки растутъ, пошутилъ въ концѣ польщенный и размякшій отъ благодушнаго настроенія Ванифантій Мосенчъ. Москвичъ пріятно и чуть замѣтно улыбнулся.

— Ты колостой вѣдь?

— Пока не въ сожительство.

— Чего-жь думать? Пора и законъ принять, пока не набаловался. Вотъ мы и Петюшку окрутимъ здѣсь, по деревенскому.

— Мы не прочь.

— Такъ-то такъ... Да вѣдь вамъ наши деревенскія-то дѣвки, поди, не по губѣ ужь будутъ?

— Отчего же-съ? По нѣмѣннимъ временамъ и съ деревенской дѣвушкой можно весьма значительный оборотъ сдѣлать.

— А можно, такъ и за сватовъ приниматься! Слышалъ ли, Петюшка? Мы здѣсь сватовство начинаемъ, обратился Ванифантій къ вернувшемуся изъ боковуши Петру.

— На чей счетъ?

— Да вотъ обоихъ бы весь, московскихъ молодцовъ.

— Я и подожду. Торопиться съ этимъ не куда. А что насчетъ ежели Макара Карпыча, то это дѣло ужь у насъ давно удумано. Единственно только за вами съ теткой разговоръ оставался...

Ванифантій Мосенчъ нѣсколько удивленно посмотрѣлъ сна-

чала на улыбавагося Макара Карпыча, потомъ въ серьёзные, вдумчивые глаза Петра.

— Да вы въ шутку это, али въ сурьёзъ? спросилъ онъ.

— Отъ умственныхъ людей шутокъ не бываетъ, замѣтилъ Петръ: — ежели мы съумѣемъ умственного человѣка отличить, такъ отъ него, кромѣ сурьёзнаго, ничего быть не можетъ.

— Это такъ, такъ... Я тебѣ вѣрю. Ты даромъ что молодецъ, а зря слова не бросишь, у тебя все впередъ удумано. Всѣмъ такъ говорю...

— Эти качества не при насъ только состоятъ, скромно замѣтилъ Петръ: — они у всякаго, кто умственно желаетъ жить, а не то, что по благодушю, спуста рукава... Одначе, татенька, поспѣшить бы съ этой самой церемоніей-то, прибавилъ онъ.

— Съ какой? Со свадьбой то? Больно ты прытокъ...

— Не объ свадьбѣ рѣчь, а насчетъ обѣда.. Макару Карпычу поспѣшать въ губернской надо, такъ чтобы намъ съ тобой успѣть палестины наши обѣжать... Макаръ Карпычъ сейчасъ прикинетъ, что къ чему нужно. А потомъ въ городѣ насчетъ земельныхъ банковъ справку сдѣлаеть... Съ чиновниками объ аукціонахъ поговорить. Нынче даръ то Божій, земля то, весьма легко съ молотка приобрѣсть...

— Не пойму я васъ, признаться.

— А впоследствии времени все это весьма уяснится, утѣшилъ Макаръ Карпычъ.

— Объ этомъ ужъ обо всемъ заранѣе удумано: даромъ время не проводили въ столицахъ... Коли въ чемъ праяма польза, такъ непонятнаго и сумнительнаго быть не можетъ. Я такъ полагаю, никто своему счастью не врагъ, проговорилъ нѣсколько раздраженно Петръ.

— Что-жь! Коли что впередъ удумано, такъ тутъ фальши нѣтъ. Значить, дѣло не зря. Вы люди дѣловые, вамъ виднѣе, поспѣшилъ заявить Ванифантій, какъ бы боясь, чтобъ какъ-нибудь не разрушились за-разъ всѣ его мечты: — Ступай, торопи тетку-то, прибавилъ онъ.

— Да-съ, поспѣшать надобно, сказалъ Макаръ Карпычъ, поднимаясь и осанисто начиная слегка покачиваться на носкахъ своихъ блестящихъ сапоговъ. — Съзначала насчетъ общаго земельного вашего обустройства операцію сдѣлаемъ, а тамъ, смотря по обстоятельствамъ времени, вашу дочку, съ вашего позволенія, на нашемъ жеребцѣ по селу проватимъ съ... И весьма будетъ это для всѣхъ насъ вообще дѣло полезное!

— Посмотримъ, посмотримъ, полунедовѣрчиво, но, тѣмъ не ме-

лѣе, не безъ тайной пріятной мечты въ сердцѣ, проговорилъ Ванфантіи Мосевчъ.

— Присмотримся и мы-съ.

Какъ ни старался Петръ, однако «послѣпить съ церемоніей обѣда» ему не удалось. Прежде всего, Ульяна Мосевна прямо заявила, что онъ больно прытокъ сталъ... «Вотъ погоди—въ Москву къ тебѣ приѣду, тамъ и верти какъ хочешь, по новымъ модамъ... А здѣсь, въ наше дѣло старинное, соваться тебѣ нечего», говорила она, хотя и любовно, но съ очевиднымъ расчетомъ на заднюю мысль. Затѣмъ, оказалось необходимымъ разъискать и подождать дядевъ, безъ которыхъ ни подъ какимъ видомъ церемонія обѣда не могла состояться. Пришли дядья; троекратно разцѣловались—Хипа съ неизмѣннымъ молчаливымъ добродушіемъ, Вахрамей—полусердито-недовѣрчиво. Послѣдній тотчасъ же сѣлъ на порогъ двери, закурилъ трубку и, поджавъ подъ себя ноги, попыхивая въ чубукъ, да сплѣвывая за дверь, сталъ настойчиво и хладновровно смотрѣть на Петра. Одновременно внимательно и неторопливо изслѣдовалъ онъ его лицо, затѣмъ жилетку, рубаху, штаны, сапоги. Онъ ни о чемъ не спрашивалъ, ни о чемъ не любопытствовалъ; повидимому, свои личныя, безмолвныя наблюденія онъ считалъ совершенно непогрѣшимыми и достаточными, и считалъ ненужнымъ входить въ какіе-либо распросы. Хипа, напротивъ, вовсе не думалъ дѣлать выводовъ и наблюденій, а удовольствовался только тѣмъ, что любопытствовалъ посмотреть у Петра московскіе часы; повертѣлъ ихъ въ рукахъ и бережно опять положилъ ему въ жилетный карманъ.

Сѣли-было уже совсѣмъ за столъ, но Ульяна Мосевна заявила, что она нынче про всѣхъ готовила и что, ради такого случая, нужно непременно кликнуть къ общему столу и Сатира съ Иваномъ Забытымъ.

— Къ чему эту церемонность, тетенька? опять не вытерпѣлъ и замѣтилъ Петръ:—лучше бы конѣ безъ гостей... По родственному...

— Не гости они у насъ, не гости—свои люди... И тебѣ надлежитъ съ ними общаго хлѣба-соли принять: вмѣстѣ, Богъ дастъ, жить приведется; вмѣстѣ и горе и радость дѣлить, отвѣтила Ульяна Мосевна:—къ людямъ ближе, счастье крѣпче.

— Чего людей-то боишься? круто и неожиданно спросилъ Петра Вахрамей.

Петръ не отвѣчалъ.

Пришли и Сатиръ съ Иваномъ. Начался обѣдъ—чинно, продолжительно, степенно. Даже Вахрамей, несмотря на свой порывистый темпераментъ, несмотря на то, что и самъ въ другое время рѣдко высиживалъ до конца обѣда, нынче ѣлъ какъ нарочно, особенно медленно. За обѣдомъ мало говорили, только одинъ москвичъ рассказывалъ до утомленія обстоятельно объ удобствахъ московскихъ конныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Наступилъ уже вечеръ, когда Ванифантій, Петръ и Магаръ Карпычъ, порядочно таки взмученные, возвращались съ обхода палестинъ Волчьего Поселка. Московскій молодецъ былъ, по видимому, вполне доволенъ результатомъ осмотра. Онъ уже не разъ повторилъ, вздыхая: — «мѣста здѣсь — блаженство!» А рощу даже назвалъ «паркомъ». Ванифантій, хотя и не понималъ, что это значить, но остался очень доволенъ. Петръ не предавался никакимъ восторгамъ, никакимъ изліаніямъ. Онъ шелъ нѣсколько впереди, одинъ, и глядѣлъ упорно въ безконечную даль полей. По видимому, тамъ, въ этой туманной дали, передъ его умственными очами носилось что-то такое величественное, которое давно уже приковало къ себѣ всѣ его помислы, всю душу.

А въ это время, у избы Вахрамея мирно бесѣдовали обитатели поселка и двое изъ дергачевцевъ, уже облекшіеся, по осеннему времени, въ валеные сапоги и полушубки. Вахрамей держалъ въ пазухѣ свою младшую дочурку и занималъ ее разными охотничьими подсвистываніями и подкракиваніями. Хипа съ однимъ изъ дергачевцевъ, какъ малыя ребята, «баловались», сидя на землѣ и перетягивая другъ друга за палку. А другой дергачевецъ ихъ поощрялъ и, сіяя своей широкой рыжей бородой, произносилъ рѣшающій приговоръ состазанію. Тутъ же присутствовалъ и Сатиръ съ Иваномъ Забытымъ.

Петръ давно уже замѣтилъ мирную компанію, но когда онъ разглядѣлъ, чѣмъ эта мирная компанія занималась, ему вдругъ стало ужасно стыдно. Ему хотѣлось обойти ихъ, отвести мимо и своего пріятеля-москвича, но обойти было нельзя. Притомъ, же его примѣтилъ и тянувшійся за палку бородатый дергачевецъ, бывшій, замѣтно, на-веселѣ.

— Петру Ванифантьичу! Сколько лѣтъ, сколько зимъ не виделись! закричалъ онъ ему навстрѣчу. — А мы вотъ не утерпѣли...

Сами явились... Полюбопытствовать, выходить, прибавилъ онъ, когда подошелъ Петръ.

— Интереснаго мало, проворчалъ Петръ.

— Помилуйте... Какъ можно-съ! Вѣдь у насъ такіе люди — на-рѣдкости! Столичное поведеніе, такъ скажемъ... Совсѣмъ, значить, особая статья.

— На пальцѣ не тянемся—это вѣрно! опять отрывисто замѣтилъ Петръ.

— Ну, вотъ, вотъ! Какъ есть! Вѣдь это наше дурацкое поведеніе. Почему что какъ лѣсные дураки, выходить!..

— А онъ, братцы, у васъ изъ дѣловыхъ, иронически замѣтилъ другой дергачевецъ: — не даромъ съ москвичемъ-то друженъ... не успѣлъ роднымъ честь сдѣлать, да ужъ и за дѣло.

— Въ дѣлѣ грѣха нѣтъ.

— По коммерческой части, продолжалъ рыжебородый дергачевецъ:—смотрите, какъ бы и васъ, за-живо, не запродали, подмигнувъ онъ дядьмѣ.

— Ни о чемъ не думая, скорѣй себя запродашь, а умный человекъ еще другихъ закупить, отвѣчалъ Петръ, ликорадочно постукивая себя пальцами по борту кафтана и стоя въ полъ-оборота къ присутствовавшимъ.

— Такъ, такъ... Неравно продавать будете, такъ спросить не забудьте. Можетъ, кто и не согласится еще!

— Отъ счастья люди не отказываются.

— Какъ знать? Мы вѣдь деревенскіе дураки! Можетъ, по-глупости, и счастья не признаемъ...

— Случается. Подъ носомъ не видать. Въ благодупіи непрестанно пребываютъ. До старости по боямъ ходятъ, на палкахъ тянутся, на птицу лѣсную охотятся. А тѣмъ временемъ на спинахъ-то горбы вырастаютъ, а на этихъ горбахъ только лѣнивый не катается. Други да приятели послѣ самимъ же въ глаза нахохочутъ! А тамъ, малое время года, фиглярить начнемъ! За рюмку водки ликъ крестьянскій подъ плевки подставлять!

Петръ говорилъ, ни на кого не смотря, и только блескъ его глядѣвшихъ сердито изъ-подлобья глазъ, да порывистыя движенія руки по борту кафтана выдавали его волненіе.

— Такъ, такъ! подтвердилъ дергачевецъ: — это, братъ, что вѣрно, то вѣрно! Эту самую нашу судьбу расписалъ ты чудесно... А съ прїѣздомъ, братъ, поздравиться надо бы! прибавилъ онъ, утеревъ бороду.

— Этой безхарактерностію мы не занимаемся! круто закончилъ Петръ и, замѣтивъ подходившихъ отца и москвича, зашагалъ къ своей избѣ.

— Ванифантію Мосеичу! крикнули дергачевцы: — а мы вотъ полюбопытствовать насчетъ вашего молодца...

— Ну, что-жь!

— Видѣли, видѣли! Дѣловой!

— Дай Богъ!..

— Дай Богъ! Что говорить! Разнесъ онъ тутъ и дядьевъ своихъ, и насъ—чудесно! Лучше быть не надо! Къ вашему богатому дѣлу оно идетъ... А кабы онъ къ намъ въ деревню пріѣхалъ, такъ мы бы ему, дѣловому-то, да цѣль въ рука! Это бы вѣрнѣе... Такъ-ли?

Но Ванифантію только махнулъ рукой и, не отвѣчая, прошелъ съ москвичемъ.

— Съ пріѣздомъ бы, Ванифантію Мосеичъ, крикнули ему въ слѣдъ дергачевцы.

— На праздникъ приходите, на праздникъ. За одно ужъ! откланялся онъ.

— Ну, на праздникъ, такъ на праздникъ — нечего дѣлать!.. Прощайте пока! Дѣловить больно у васъ молодець-то.

Дергачевцы ушли. Дядья продолжали еще сидѣть молча. Вахрамей, однако, давно уже спустилъ съ рукъ дочурку, и порывисто выкуривалъ трубку за трубкой, что было у него признакомъ сильной душевной неурядицы. Но онъ, до поры до времени, не любилъ говорить, не любилъ «отводить душу» разговорами. Онъ высказывалъ только конечный результатъ, къ которому приведетъ его психическая внутренняя работа.

Скоро мимо ихъ проѣхалъ москвичъ на своемъ сивомъ жеребцѣ и какъ-то особенно почтительно раскланялся. Вахрамей только сплюнулъ ему вслѣдъ и сердито крикнулъ въ окно своей бабѣ:

— Прасковья! накрывай ужинать!

Собесѣдники разошлись. Ульяна Мосевна заглянула-было въ окно къ Ванифантію, но Петръ сказалъ, что онъ усталъ и хочетъ спать. Ушла къ себѣ въ келью и Ульяна Мосевна.

Утро слѣдующаго дня застало обитателей Волчьего поселка за молотбой хлѣба. Они уже работали давно, и нынче какъ-то особенно молчаливо шла работа. Вслѣдствіе ли осенней погоды, или почему другому, но мужики были суровѣе обыкновеннаго, сердитѣе кричали на бабъ и лаконичнѣе отвѣчали на вопросы. Даже Хипа меньше улыбался. Только Ванифантію Мосеичъ

былъ, въ удивленію, благодушнѣе чѣмъ когда либо, и даже расшутился было, но шутка не удалась, когда его сердито оборвалъ Вахрамей. Ванифантій замолчалъ, но лицо его не перестало сіять благодушіемъ. Это «сіянiе», повидимому, не особенно нравилось Вахрамею и раздражало его, хотя онъ не говорилъ ничего. Братья Вояки уже кончали овсянкъ и собирались идти завтракать, когда проснулся Петръ. Умывшись, онъ тщательно причесалъ свои черные кудри, затѣмъ истово помолился передъ образомъ и, наконецъ, вынулъ изъ ящика небольшой самоваръ, въ видѣ вазы, съ львиными лапками у ручекъ. Онъ самъ сходилъ за водой, самъ поставилъ его и, когда онъ закипѣлъ, внесъ его въ избу, постлалъ скатерть на столъ, вынулъ изъ чемодана пару чашекъ, небольшой ящикъ съ чаемъ и сахаромъ и, помѣстившись передъ самоваромъ у окна, молча, сосредоточенно и съ сознаниемъ собственнаго достоинства, принялся пить чай. Пилъ онъ неторопливо, блюдечко за блюдечкомъ, и, повидимому, нисколько не смущаясь одиночествомъ. Нисколько не смутился онъ, когда вошелъ въ избу отецъ и, размахнувъ руками, вскричалъ:

— Ай да москвичъ! Ужь и хозяйствомъ раздобылся! Ну, и дѣловой же у васъ въ Москвѣ народъ! Ну, ну, угощай!..

Петръ съ особенною ловкостію вытеръ чашку, какъ-то особенно искусно, то приподнимая, то опуская чайникъ, тонкой струей налилъ чай и, подвинувъ чашку на другой вонецъ стола, проговорилъ:

— Садись.

— Угощай, угощай, братъ!.. Только вотъ безъ хозяйки-то что-то какъ будто не хватаетъ! говорилъ Ванифантій, въ душѣ совершенно довольный «хозяйными» качествами своего сына.

— Дѣловой, дѣловой! Правду дергачевцы-то говорили, повторилъ Ванифантій, принимаясь за блюдо:— московскій чайкъ-то? спросилъ онъ, втягивая носомъ паръ отъ чашки.

— Кяктинскій, настоящій. Черная бровь. Петра Орлова съ сыновьями.

— То-то, попахиваетъ... пріятно!

— Букетъ... два рубля фунтъ... Тамъ завсегда такой пьютъ, кто ежели толкѣ понимаетъ...

— Что говорить!.. Нѣтъ вотъ у насъ, что ни вали въ чайникъ-то, все будто травой отзываетъ. Да вѣдь мы не выселятельные! Была бы вода, въ животѣ попарить, да поотдохнуть на распашку... Тепло оно при самоварѣ-то...

Но еще въ большее изумленіе пришла отъ «хозяйныхъ» качествъ Петра Ванифантьевича Ульяна Мосевна.

— Ишь ты, ишь ты! сказала она, входя въ избу Ванифантія, ударила по поламъ руками и пристально посмотрѣла въ лицо племянника. Затѣмъ она сѣла и долго, съ какой-то особенной, не то грустной, не то иронической улыбкой качала головой.

— Искушайте за компанію, предложилъ Петръ свою чашку.

— Кушай, батюшка! спасибо за угощеніе... А я было тебя вотъ пришла звать со всѣми сообща попить. Завтракать наша-то деревня собралась... А ты вишь особнячкомъ все, все особнячкомъ! замѣтила Ульяна Мосевна.

— По столичному. Такъ-то оно лучше: ни ты ни къ кому въ душу не лѣзешь, ни въ твое расположеніе никто носу не суетъ.

— Особнячкомъ, особнячкомъ, вмѣсто отвѣта, задумчиво проговорила Ульяна Мосевна и вышла. Она начинала огорчаться такимъ обособленіемъ Петра. Вначалѣ она принимала своеобразныя выходки Петра не больше, какъ за ребячество, и относилась къ нимъ, какъ ворчливая нянька. Но чѣмъ больше она вглядывалась въ отношенія Петра къ обитателямъ выселка, тѣмъ суровѣе смотрѣла на то «новое», что наложила столица на душу Петра, тѣмъ молчаливо-степеннѣе стали ея разговоры съ Ванифантіемъ и Петромъ.

— Что-жь родитель-то съ сыномъ не жалуютъ въ нашу компанію? спросилъ Вахрамей, когда Ульяна молча стала разливать чай въ своей кельѣ.

— Свой пьютъ.

— Московскій, значить?

Ульяна не отвѣчала. Ее очень огорчало это странное, повидному, безпричинное нарушеніе обычнаго благодушія, которое, такъ давно ни чѣмъ не затуманиваясь, царило на ея «общихъ» чаяхъ и обѣдахъ. Ничто не можетъ принести большаго огорченія домовитой, хозяйной женщинѣ.

Молчали и всѣ. Только слышалось усиленное вслѣбываніе горячаго чая съ блюдечекъ.

Деревенскій человекъ привыкъ жить открыто. Вѣльшая часть его жизни проходитъ «на міру», на улицѣ, на глазахъ у всѣхъ. Даже самыя интимныя моменты своей жизни онъ не умѣетъ скрыть отъ улицы: какъ, что и сколько онъ работаетъ, какъ, что и сколько онъ ѣстъ, какъ и кого онъ любитъ, какъ воспитываетъ дѣтей, каковы отношенія въ его семьѣ—все это извѣстно «міру», «улицѣ» до мельчайшихъ подробностей, точно такъ же, какъ извѣстно и то, кого онъ ненавидитъ. Въ этомъ вся сила мирской, общинной жизни. Изъ этого вытекаютъ всѣ ея преимуще-

ства, при естественномъ и нормальномъ развитіи. Въ этой-то привычкѣ народа жить открыто, откровенно, передъ лицомъ всѣхъ, и заключены гарантіи высоко-нравственной жизни. Понятно, что крестьянинъ подозрительно относится ко всякой замкнутой въ самой себѣ жизни. Онъ полагаетъ, можетъ быть, справедливо, что не совсѣмъ чисто дѣло тамъ, гдѣ боятся выставить его открыто на людскія очи. Тонкіе же психическіе мотивы замкнутости онъ не всегда понимаетъ, да и рѣдки онъ въ его жизни... Во всякомъ случаѣ, обособленность, замкнутость, изъ какихъ бы онѣ причинъ ни вытекали, звучатъ диссонансомъ въ крестьянской жизни; крестьянинъ не мирится съ ними. Кому приходилось близко стоять къ мірской крестьянской жизни, тотъ навѣрно припомнитъ не мало фактовъ, болѣею частью комичныхъ, иногда грустныхъ и возмутительныхъ, отношенія міра къ обособляющимся индивидуумамъ. Не говоря уже о цѣломъ циклѣ легендъ, которыя слагаетъ про нихъ молва, не говоря о недовѣріи и безпричинномъ страхѣ, который питаетъ къ нимъ народъ, не говоря о массѣ суевѣрныхъ нелѣпностей, въ родѣ «сажанія килы» и вообще «порчи», которыми окружаетъ ихъ народная фантазія, часто міръ, сообща, принимаетъ противъ нихъ репрессивныя мѣры. Онъ старается такъ или иначе выжить ихъ отъ себя, освободиться отъ нихъ.

Обитатели Волчьего поселка были «мірскіе люди», жили общинными инстинктами, какъ и близкіе къ нимъ дергачевцы. Понятно, что появленіе среди нихъ Петра съ такъ рѣзко заявляемымъ все больше и больше стремленіемъ обособиться отъ общей жизни не могло не возбудить въ нихъ какого то бессознательнаго недовольства, а впоследствии и неопредѣленнаго страха передъ какою-то «бѣдой».

А между тѣмъ, въ Петрѣ не замѣчалось никакого стремленія стать съ обитателями Волчьего поселка въ болѣе душевные отношенія. Весь этотъ день онъ не выходилъ, вплоть до вечера, изъ избы. Сначала онъ разобралъ свой гардеробъ, перечислялъ одежду; самолично провѣтрилъ ее, развѣсивъ на возжакъ на задахъ избы, затѣмъ развѣсилъ въ клѣти. Только къ вечеру, когда бабы, дѣвушки и мужики выселка, по обыкновенію, собрались у качелей, Петръ надѣлъ армякъ (покуже который), фуражку, шарфъ на шею и, засунувъ руки въ карманы, сѣлъ одинъ на завальню отповской избы. Такъ какъ Ванифантій былъ занятъ на мельницѣ, а Ульяна Мосевна уѣхала «по бабынмъ дѣламъ» въ Дергачи, то къ Петру никто и не подходилъ. Повидимому, это его ни мало не смущало. Онъ слегка постукивалъ

по землѣ своими вычищенными на-свѣтло сапогами и смотрѣль въ глубь постепенно охватываемой сумерочной мглою рощи.

А когда вернулся отецъ, онъ опять вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ избу. Сидѣвшіе у качелей могли видѣть, какъ, при зажженной свѣчѣ, ловко щелкалъ на толстыхъ конторскихъ щетахъ Петръ, разсматривая въ то же время какія-то бумаги, которыя подавъ ему отецъ, вынувъ ихъ изъ тряпицы, завернутыми въ которой лежали онѣ въ углу божицы. Долго засматривали бабы въ окно Ванифантьевой избы, а Петръ всё еще продолжалъ считать, что то обстоятельно доказывая отцу. Ванифантій слушалъ и только время отъ времени теръ рукою бороду, да снималъ со свѣчи нагаръ.

Наконецъ, и бабамъ надобло смотрѣть въ окна; и онѣ ушли спать. Только Вахрамей долго еще сидѣлъ у качели и, покуривая трубку за трубкой, время отъ времени взглядывалъ на освѣщенные окна Ванифантьевой избы.

Но вдругъ онъ поднялся, высыпалъ на ладонь золу изъ трубки и, набивая ее свѣжимъ табакомъ, быстро пошелъ къ брату. Вахрамей широко расстворилъ дверь и вошелъ. Петръ вспыхнулъ при такой неожиданности, по лицу у него пробѣжало неприятное выраженіе, но онъ ничего не сказалъ. Ванифантій же Мосенчъ почему-то смѣшался, словно его накрыли съ полицнымъ. Онъ разсѣянно сталъ-было собирать со стола бумаги, но Петръ сложилъ ихъ и положилъ къ себѣ въ чемоданъ. Вахрамей спокойно закурилъ у свѣчи, стоявшей на столѣ, трубку и сѣлъ на лавку въ дальній уголъ.

— Ну, и дѣловой же у васъ тамъ народъ, въ столицахъ! заговорилъ Ванифантій: — такъ изъ копейки рубль и сдѣлается?... Дома сидя и рукъ не мозоля?

— Въ лучшемъ видѣ.

— Слышишь? обращался Ванифантій къ Вахрамею. — И безъ грабежу? опять спрашивалъ онъ Петра.

— Дѣло чистое... Тутъ деньги сами нарастаютъ. Потому — взаимный кредитъ, говорилъ Петръ вполне увѣренно, какъ человекъ, которому это дѣло извѣстно въ совершенствѣ.

— Слышь? опять кивалъ головой Вахрамей Ванифантій.

Но Вахрамей въ отвѣтъ только усилениѣ сопѣлъ трубкой.

— Ну, и гдѣ-жь это... въ какихъ то-ись мѣстахъ? опять спрашивалъ Ванифантій, сіяя своей широкой бородой и уже раньше предвѣшавъ тотъ эффектъ, который долженъ произвести его «умственный» сыгъ знаніемъ такихъ тонкихъ столичныхъ дѣлъ.

- Капиталы преизрастают?
- Да, да.
- Въ банкахъ.
- Ну, ну... какъ? Рассказывай.

Петръ началъ объяснять вообще хитрую механику банковыхъ операций, и въ особенности земельныхъ банковъ, сначала неособенно удачно и даже какъ будто неохотно, но скоро одушевился: ему очень хотѣлось поразить своими познаніями суроваго дядю, повидимому, болѣе другихъ скептически относившагося къ нему. Но суровый дядя, лѣсной охотникъ, въ совершенствѣ умѣвній подкрѣпивать утокъ и тетеревей и приходившій въ дѣтскій восторгъ передъ каждымъ своеобразнымъ проявленіемъ лѣсной жизни, плохо понималъ, а еще хуже оцѣнилъ развитіе своего племянника, несмотря даже на поощрительныя подмигиванія умилявшагося Ванифантія. Въ концѣ-концовъ, онъ такъ же внезапно и молча поднялся, засунулъ трубку въ карманъ штановъ и вышелъ.

А на утро, когда въ Волчій Поселокъ пришелъ посланный отъ Короната Львовича, и Ванифантій съ Петромъ внезапно уѣхали, Вахрамей вошелъ въ келью Ульяны Мосевны. Но въ избѣ ея не оказалось. Онъ прошелъ къ житницѣ, около которой собрались бабы и мужики поселка. Они пересыпали и провѣвали прошлогоднее зерно.

— Ульяна здѣсь? спросилъ Вахрамей.

— Здѣсь, здѣсь, отвѣчали бабы: — Ульяна Мосевна! прыгнули онъ въ глубь житницы: — Вахрамей Мосенчъ тебя спрашиваетъ.

— Слышу, слышу.

Пока вылѣзала Ульяна изъ житницы, Вахрамей, отворотившись отъ присутствовавшихъ, сердито смотрѣлъ вдоль дороги и даже на привѣтствіе Клопа, участвовавшаго въ общей работѣ, только сурово сказалъ: «здравствуй!»

— Ты что меня, Вахрамей Мосенчъ? спросила, отряхая съ себя нылъ, Ульяна Мосевна.

Нужно здѣсь замѣтить, что преимущественно передъ всѣми Вахрамея всегда и всѣ величали по имени и отчеству. Не рѣдко большаковъ поселка просто звали Ванифантіемъ и Ульяной, но Вахрамей всегда былъ Вахрамей Мосенчъ, даже для братьевъ, несмотря на то, что онъ не игралъ никакой особенной роли ни въ поселкѣ, ни въ Дергачахъ, ни въ селѣ Добромъ. Это не рѣдко случается въ крестьянствѣ, и бываетъ чрезвычайно трудно объяснить такое особое почтеніе къ личности, повидимому, ничѣмъ не выдающейся. Нужно долго присматриваться, прежде, чѣмъ увѣриться, что такое почтеніе не совсѣмъ безпричинно.

— У тебя гдѣ брать-то съ племянникомъ? спросилъ сердито Вахрамей, круто поворачиваясь къ ней.

Необычный тонъ и вообще особая сосредоточенность Вахрамея обратили вниманіе всѣхъ. Клопъ боязливо даже вадрогнулъ и придвинулся къ разговаривавшимъ, не смѣло и добродушно заглядывая имъ въ глаза.

— А что? спросила Ульяна, и сама нѣсколько испугавшись.

— То-то! Они у тебя объ чемъ по ночамъ-то разговоры ведутъ?

— Мало ли объ чемъ сынъ съ отцомъ говорить.

— А зачѣмъ они къ Коронашѣ поѣхали?

— Почему знать...

— То-то! Пора бы знать. Мы здѣсь не въ особнякъ живемъ. Въ молчанку-то играть нечего бы. Не одни мы здѣсь живемъ, къ намъ и другіе привержены... Всякому тоже думается...

Сказавъ это, Вахрамей зашагалъ къ Сатировой избѣ. Въ первое время Ульяна Мосевна не нашла что сказать, но слова Вахрамея сконцентрировали именно то, что уже давно смутно чувствовалось каждымъ изъ обитателей поселка.

— Давно ужъ я чула, милые, быть бѣдѣ... По пчелѣ ужъ я знаю. Не будетъ у меня даромъ пчела бунтоваться, сказала старая бобылка Оеклуша.

— Дѣда своего, старца почтеннаго, не оповѣстятъ... Старческому лику почести не сдѣлалъ! сказалъ заштатный пономарь Фестимычъ.

— Какая тутъ почести! Зачѣмъ насъ, мужиковъ, почитать!.. Благо дядя-то молчать, такъ и тетокъ знать не надо... Работницы—все одно!.. Чего имъ въ зубы-то смотрѣть! сказала жена Хипы.

— Дождемся, что и совсѣмъ погонять, въ чемъ мать родила!.. Это не въ рѣдомъ бываньи-то!

— Благомысленная!.. Точно, что-то думается, замѣтилъ и смиренный Андрей Терентычъ.

— Полно, полно вамъ пустое молоть, ничего не вида! наконецъ, строго выговорила Ульяна Мосевна, но вдругъ, какъ бы спохватилась и тотчасъ перемѣнила тонъ:—Ну, что, что тутъ такое? Дѣло Петюшчино еще молодое, еще онъ самъ себя хорошенько не спозналъ: что видѣлъ, за тѣмъ и танется... А вотъ старика-то надо бы хорошенько всѣмъ сообща выучить. Молиться, молъ, пора тебѣ, старому, молиться, а не то, что бороду широкою поглаживать, да за молодыми тагаться! Вотъ мы его, какъ ни-то, въ хорошей часть, по бабѣму примемъ... Мы, вѣдь, бабы,

какъ сообща-то примемся учить, такъ хоть кого приймемъ! шутила Ульяна Мосевна:—вотъ мы Оеклушу съ Оеотимычемъ на нихъ напустимъ: Оеклуша-то, въ былое время, боець была, за словомъ въ карманъ не лаяла!

. — Нѣтъ ужъ... Мы ужъ съ дѣдомъ на все махнули, мы свой вѣкъ изжили. Вы живите. А мы свой предѣлъ, какъ по чести-совѣсти подобаеъ, преизжили. Вы ужъ теперь управляйтесь, а мы повѣдокъ-то не много давали... Наше время было строгое! говорила Оеклуша.—Бывало, какъ соберутся благомысленныя бабочки, да, какъ гусыни, накинута на мужа-то непутеваго, такъ только ключья изъ бороды летать!.. Строго жили!.. А бывало, бабушки наши говорили, какъ у которой матери парень задурить, поидеть она, соберетъ сосѣдокъ-матерей, свяжутъ парня, да на овинѣ и высѣкутъ! Такъ бабъ-то и боялись! Одна такъ-то одна жена мужа учила. Вотъ у насъ какіе порядки-то были: у мужиковъ—миръ, а у бабъ—свой... Наше время строгое было. Чего смѣтесъ? Вѣрно говорю, строго закончила Оеклуша, когда у житницы раздался звонкій хохотъ Души и Ивана Забытаго. Даже самъ Андрей Терентычъ Клопъ разсмѣялся и съептически покачалъ головой. Ужъ на что былъ онъ «смиранный» мужикъ, и то усумнился, чтобъ у бабъ могла быть такая сила.

— Миѣ ужъ вотъ за девятый десятокъ переваило, неужто лгать буду?.. Чего гогочешъ? обидѣлась-было Оеклуша.

— Вѣрно, вѣрно, Оеклуша! сама слыхивала, поддержала ее Ульяна Мосевна:—погоди, вотъ и мы какъ ни-то въ силу войдемъ, и мы бабушкины порядки заведемъ!..

Развеселившаяся рабочая компанія заставила Оеклушу еще рассказать про старыя бабушкины порядки. У каждаго и въ своей памяти нашлось кое-что подходящее. Оеклуша была очень довольна и все время съ усердіемъ рассказывала про свое «строгое время». Ея рассказы, на этотъ разъ, отвели отъ обитателей поселка налетѣвшее-было уныніе.

Ульяна Мосевна была очень довольна этимъ и сама шутила все время, но тѣмъ не менѣе, когда, послѣ обѣда, вернулись Ванифантій и Петръ, она положила передъ образомъ три поклона и степенно направилась къ Ванифантьевой избѣ. Еслибы кто-нибудь изъ обитателей поселка увидалъ ее въ это время, посмотрѣлъ ей въ серьезное, вдумчивое лицо, замѣтилъ ея мѣрную и нѣсколько тяжеловатую походку, какъ будто она нарочно отчеканивала каждый шагъ, тотъ навѣрное могъ бы сказать, что въ жизни выселка начинается нѣчто важное.

Но прежде, чѣмъ идти прямо къ избѣ Ванифантіа, она про-

шла мимо житницы, оглядѣла все ли въ порядкѣ, и когда, наконецъ, повернула къ воротамъ, ее окрикнулъ чей-то голосъ.

— Здравствуйте, Ульяна Мосевна! сказалъ, подбѣгая, Филаретушка.

— Никакъ ты къ Петюшкѣ собрался? Ну, вотъ и встали...

— Не утерпѣлъ, Ульянея Мосевна. Сначала я хотѣлъ-было къ вамъ зайти, чтобы предварительно разслѣдовать—какъ, что вообще въ какомъ направленіи дѣло состоитъ...

— Какое дѣло?

— Какже съ! Петръ-то Ванифантьичъ нынче ужъ не таковъ, какъ прежде... Тоже затруднился я прямо-то отнестись... Можетъ статься, онъ и теперь не въ снисхожденіи...

— А вотъ пойдемъ, пойдемъ вмѣстѣ. Вотъ оно и встали!.. Тамъ мы и поговоримъ на счетъ снисхожденія-то...

— Весьма хладнокровенъ онъ сталъ въ настоящее время, проговорилъ тихо Филаретушка, входя въ ворота.

Филаретушка, послѣ матери, больше всѣхъ любилъ и уважалъ Ульяну Мосевну. Ульяна Мосевна тоже любила, какъ родного, Филаретушку. Когда надъ Филаретушкой издѣвались многие, а смѣялись почти всѣ, даже братья Волки, Ульяна Мосевна всегда стояла за него и защищала его. Теперь ихъ еще больше связывали одинаково-сердечныя отношенія къ Петру. Почти съ одинаковыми чувствами въ душѣ вступали эти два любящія существа въ избу Петра...

Когда наступили сумерки, съ такимъ же одинаковымъ душевнымъ настроеніемъ, опять вмѣстѣ съ Филаретушкой вышла отъ Петра Ульяна Мосевна. Еще суровѣ легли складки на ея лицѣ. И еслибы полупрозрачная мгла осеннихъ сумерекъ не скрыла и не смягчила этихъ складокъ, то, можетъ быть, обитатель выселка, замѣтивши ихъ, долго не уснулъ бы въ эту ночь. Филаретушка, по своей обычной привычѣ, только нетерпѣливо подергивалъ козырекъ и постоянно поправлялъ на головѣ картузь, какъ будто никакъ онъ не укладывался на его встревоженной головѣ.

— Весьма хладнокровенъ онъ сталъ въ настоящее время, вторилъ тихо Филаретушка, выходя отъ Петра, ту же самую фразу, съ которою входилъ къ нему.

Ульяна Мосевна молчала.

— Говорить: каковъ есть!.. Не взыщате... Чему отъ умныхъ

людей научились, съ тѣмъ и проявились... Иныхъ примѣровъ искали, да нигдѣ не видали... Надо полагать, умные люди лучше насъ знаютъ, что хорошо! повторялъ внушительно вслухъ Филаретушка разговоръ Петра, какъ будто хотѣлъ на вѣки запечатлѣть его въ своей памяти. И тутъ же онъ обращался, время отъ времени, къ Ульянѣ Мосевнѣ за разъясненіями.

— Что же, тетенька, неужели-жъ иныхъ примѣровъ и нѣтъ отъ умныхъ людей? Думается, не должно такъ быть? спрашивалъ онъ.

— Не знаю, Филаретушка... Должно быть, для насъ, мужиковъ, нѣтъ. Не про насъ тамъ палаты строены, не про мужичья бока барскія полаты выведены. Нечего бы намъ соваться-то туда... Для насъ свои примѣры есть. Слушали бы, какъ дѣды да прадѣды жили—вотъ и примѣры. Отъ устоевъ-то бы дѣдовскихъ не отбивались...

— Говорить: «умные-то люди вотъ какъ учать: я тебѣ не мѣшаю и ты мнѣ не мѣшай... Я въ твое расположеніе не суюсь, и ты въ мое времяпровожденіе носа не суй... Всякъ, говорить, себя знай... Всякъ Еремѣй, про себя разумѣй... Съ благодушіемъ-то, что на хромой кобылѣ, не далеко уѣдешь... Въмѣсто, чтобы дару-то божьему настоящее приложеніе сдѣлать, мы побиралицевъ напускаемъ на собственныя земли»... Говорить: «на погостѣ жить—не о всѣхъ тужить»... продолжалъ, какъ будто про себя, выговаривать Филаретушка.

— Что же, тетенька, я такъ полагаю, что ужъ это, значитъ, какъ бы дѣло мірское... Вотъ мы съ маменькой и дворовые люди, а вѣкъ-то проживши вмѣстѣ съ дергачевцами, какъ будто и со всѣми сроднились... Вотъ теперь у сосѣдей, въ Комарахъ недавно я былъ: гляжу—мірскіе чай распиваютъ... Что такъ? Почему? А это, тетенька, къ нимъ переселенцы въ гости пріѣхали... Лѣтъ, видишь, десять тому будетъ, какъ отъ нихъ въ башкирскія земли пять семей ушли... Ну, вишь, теперь нарочно оттуда въ гости побывать собрались! Ка-акже! Все одно, говорить, что родные. Тоска взяла, нельзя не навѣдаться: какъ, что, ну, и прочее такое. Зовутъ съ собой земляковъ-то, кои обѣдняли: земли общають у себя, избы помощью поставятъ...

— Такъ-то, по божьему-то, Филаретушка, и надо бы. Дѣдовскіе это устои-то. Вѣка люди на нихъ прожили, такъ примѣра худого не будетъ...

И снова задумался Филаретушка.

— Говорить: «на своей шеѣ я ужъ испыталъ, каково это благодущіе-то деревенское!.. Видѣлъ я, говорить, какъ тетенька то,

по благодушю своему, ко мнѣ въ Москву въ лаптахъ представился... Это собственникъ-то! землевладелец! хохочутъ умные люди, а тятенька только улыбается благодушно... Весьма, говорить, приятно!.. Тоже и на счетъ любви этой самой—весьма почувствовали хорошо! Обобрали въ лучшемъ видѣ, а мы, по глупости, думали бѣдному человѣку отъ сердца поддержку сдѣлать... Весьма, говорить, обучительно вышло!» «Бѣдный-то, говорить, съ голоду, въ пять разъ скорѣе богатаго, тебя продасть».. снова воспроизводилъ слова Петра Филаретушка и, наконецъ, вдругъ какъ-то особенно неожиданно обратился къ Ульянѣ Мосевнѣ:

— А знаете, тетенька Ульянѣ Мосевна? я такъ полагаю: у него, у Петруши то, прострѣлъ въ сердцѣ! почти вскрикнулъ Филаретушка, какъ будто самъ пораженный осѣннившей его мыслью.

— Не легче отъ этого, Филаретушка, не легче! по прежнему съ грустной суровостію проговорила Ульяна Мосевна.

Они подошли къ кельѣ Ульяны, какъ до нихъ донесся говоръ отъ качели. Только теперь замѣтили они, что у качелей собралась обычная компанія. Ульяна Мосевна не хотѣла, впрочемъ, теперь идти къ ней и уже стала было прощаться съ Филаретушкой, какъ услыхала неснѣйся отъ качелей голосъ Ванифантія. Ванифантій былъ что-то необычно веселъ, что-то рассказывалъ, чѣмъ-то хвалился и самъ хохоталъ на весь выселокъ. Это поразило не только Ульяну Мосевну, но и Филаретушку, и они пошли къ качелямъ.

Сумеречная мгла все больше и больше сгущалась надъ выселкомъ. Окружающіе предметы все больше теряли опредѣленные очертанія и сливались въ какія-то сплошныя темныя полосы. Фигуры людей превратились въ движущіяся тѣни. На темномъ осеннемъ небѣ кое-гдѣ загорались звѣзды. Сырой, сѣверный вѣтеръ гналъ по улицѣ поселка желтыя листья, и вмѣстѣ съ ними разносилъ надъ выселкомъ веселыя рѣчи Ванифантія.

Когда Ульяна подошла къ качелямъ, Ванифантій рассказывалъ про какую-то продѣлку Короната Львовича и кулака Маркушки съ Филаретушкой.

— Здравствуйте! сказалъ Филаретушка.

— Да вотъ онъ и самъ здѣсь, господинъ аблавать!.. Ха, ха!.. Легковъ на поминѣ! Ну, умственный крестьянинъ, рассказы-ка намъ отъ судейскаго то пониманія что нито! Ну-ка, пойдемъ къ моему Петюшкѣ, онъ тебѣ провѣрку сдѣлаетъ!.. Каковъ ты передъ нимъ окажешься?.. Ха, ха! Небось надъ Петюшкой баре, да богачи не надсмѣются, какъ надъ тобой! Такъ-то, другъ! Куда ужъ намъ! На-ка, вотъ тебѣ семачекъ... Поцелкай, г. судейщикъ!..

Все лицо Ванифантія сіяло несказаннымъ благодушіемъ; его глаза прищурились и были влажны; щеки даже пылали, казалось, вмѣстѣ съ его рыжей широкой бородой. Онъ, былъ по истинѣ, человѣкомъ, который вдругъ увидаль осуществленіе своей долгой мечты, и притомъ безъ всякаго личнаго труда съ своей стороны. На немъ была поярковая шляпа грешневикомъ, нѣсколько свалившаяся на затылокъ, синій, слегка наброшенный на плечи разлетай, въ широкой карманъ котораго онъ поминутно лазилъ за подсолнечниками и постоянно просыпалъ ихъ черезъ пальцы. Онъ угощалъ ими всѣхъ присутствовавшихъ. Душа весело смѣялась надъ отцомъ, дѣйствительно нѣсколько смакивавшимъ на паяца. Отъ него попахивало водкой. Сидѣвшихъ у качелей было очень трудно распознать, и только по голосу можно было отличить разговаривавшихъ, да изрѣдка трубка Вахрамея красноватымъ заревомъ освѣщала его сурово-таинственное, нѣсколько цыганское лицо и здоровую, полнощекую, широкую, вѣчно улыбающуюся физиономію брата Хипы, сидѣвшаго рядомъ съ нимъ.

— Такъ-то, братъ! Далекое намъ съ тобой! хлопнулъ Ванифантій по-плечу Филаретушку и захохоталъ.

— Что-ты гогочешь? Чего ты старину-то свою безчестишь! вдругъ раздался среди тьмы звучный, нѣсколько мужиковатый голосъ Ульяны Мосевны.—Али тѣмъ—такъ никому не видно, что у тебя старческаго стыда нѣтъ? Молитесь тебѣ пора, старикъ, молитесь! А ты что дѣлаешь? За молодыми, что-ли, угощаться хочешь? Чѣмъ бы молодой разумъ на путь наставить, а ты за нимъ же въ погоню?..

— Ну, что, ну, что ты, старуха, разворчалась? нѣсколько смутившись, проговорилъ Ванифантій.

— Молитесь, говорю, молитесь пора тебѣ, старикъ, а не по Коронашкамъ да Маркушкамъ бѣгать... Пора бы тебѣ сѣсть за Четьи-Минен, да благочестиво чады своихъ поучать... А вы что затѣваете съ сыномъ-то? Объ чемъ по ночамъ-то въ молчанку играете?

— Развѣ мы къ худу? Мы къ тому, чтобъ всѣмъ какъ лучше, а она...

— Какъ лучше? Али ты забылъ, какъ по-дѣдовски лучше-то? Али дѣдовскіе устои потерялъ? Такъ поди — дѣдушка-то еще живъ! Поди, пади передъ нимъ ницъ, да и сына-то возьми съ собой (еще онъ, Господи благослови, объ дѣдушкѣ-то и не забывнуса спросить!), да и моли старца, чтобъ онъ вамъ разумъ и сердце открылъ... Можетъ быть, Господь, отъ вашей молитвы

смиловавшись, и отпереть старцу словесную рѣчь вамъ въ поученіе... Вотъ какъ лучше-то! Можетъ быть, тебѣ старецъ-то и скажетъ, что по дѣдовски въ молчанку-то не играли, что помнили, ежели къ намъ чужіе люди привержены, то ихъ въ смущеніе трѣхъ приводить... Вотъ какъ лучше-то! Лучше-то — вышли бы вы вотъ на улицу да передъ всѣмъ честнымъ міромъ и сказали: «вотъ молъ и вотъ чтò мы придумали — а верхъ за мірскимъ словомъ». Потому — умъ хорошо, а два лучше!..

— А ежели пятеро дураковъ да столько же бабъ — такъ и совсѣмъ никуда не годится! ха, ха, ха! засмѣялся своей остротѣ Ванифантій Мосенчъ, совсѣмъ нетолько уже оправившійся отъ смущенія, но даже преисполнившись наипущей храбрости. — Да теперь, ежели правду-то говорить, такъ Петюшка-то всѣхъ насъ разумомъ за поясъ заткнетъ, вдругъ твердо заговорилъ онъ, внушительно наступая на Ульяну Мосевну.

— Его разумъ при немъ и останется, а нашъ — при насъ.

— Да теперь, продолжалъ, не слушая и повышая голосъ, Ванифантій: — знаючи его, я прямо скажу: дураки мы здѣсь сидимъ, круглые дураки... На насъ также люди-то смѣются, что вотъ надъ Филареткой!

— Мы для души живемъ, а не для похвалыбы.

— Да теперь, снова продолжалъ, все внушительнѣе, Ванифантій Мосенчъ: — скажи мнѣ Петюшка только слово — да я за нимъ куда хочешь пойду! Потому — это человекъ на рѣдкости! Ему ото всѣхъ уваженіе, а не то что смѣшки..

— Пуцай передъ Коронашками онъ и выхвалется, коли нашей душевностью небрежетъ!.. А ты подождать бы свою-то старость безчестить! Подождать бы примѣръ-то съ Маркушекъ брать, да отъ дѣдовскихъ устоевъ отшатываться! А и то сказать, коли здѣсь не любо, такъ свой монастырь въ столицахъ заводите, да въ немъ свои уставы и вводите! А въ дѣдовскомъ гнѣздѣ, на дѣдовской землѣ вамъ дѣлать нечего... Въ дѣдовскомъ гнѣздѣ сообща живутъ, на дѣдовской землѣ ни для кого особняковъ не построено!

— Да какая земля-то? спросилъ, нѣсколько даже торжественно, Ванифантій Мосенчъ.

— Дѣдовская, не чужая...

— Да чья она такая... а? Земля-то? Дѣдушка-то вонъ глухой да слѣпой сидитъ, а мы, дураки, въ благодушій пребываемъ... А земля-то чья?

— Никакъ что-то я не пойму тебя, сказала Ульяна Мосевна между тѣмъ, какъ у нея вдругъ подогнулись колѣна и задрожали ноги.

— А вотъ поди къ Петюшкѣ, онъ тебѣ скажетъ... Онъ вотъ въ столицѣ жилъ, да больше насъ знаетъ.

— Чья-же земля-то? вдругъ кто-то спросилъ глухимъ голосомъ среди окружавшей тьмы. Голосъ этотъ звучалъ такъ странно, что даже Ванифантій вздрогнулъ и не отвѣчалъ, пока не догадался, кому онъ принадлежалъ.

— Поди, Короната Львовича спроси: онъ тебѣ скажетъ, кто нынче за Корявинскую пустошь полтораста серебромъ, какъ одну деньгу, отвалилъ.

— Кто-же отвалилъ? спросилъ опять тотъ-же голосъ, сопровождавшійся усиленнымъ сопѣніемъ въ чубукъ и полнымъ слепомъ красноватыхъ лучей, вылетающихъ изъ трубы.

— А Петюшка отвалилъ, потому онъ въ столицѣ былъ да знаетъ, что съ землей дѣлается, а мы здѣсь, дураки, сидѣли да мало видѣли. Вотъ чья земля-то! Еще надо попросить умственнаго человѣка разузнать, чья у насъ земля-то!.. А мы разсѣлись на ней, ровно и впрямь помѣщики! Да замѣсть того, какъ умные люди поступаютъ, чтобы даръ-то божій за собой закрѣпить, да обороть съ нимъ сдѣлать, мы, по бабьему-то разуму, еще чужаковъ на нея нагнали, богадѣльню для души спасенія сдѣлали! Пора за умъ взяться, а коли своего не хватаетъ, такъ тѣхъ, у кого онъ есть, слушаться! Вотъ что! Еще большаѣ-то—я!.. Какое распредѣленіе сдѣлаю, такъ и будетъ! Худого не придумаю!

Ванифантію высказать все это стоило такого напряженія, что, замолчавъ, онъ потерялся и не могъ ничего сообразить.

Нѣтъ ничего страннѣе, непослѣдовательнѣе, порывистѣе мечтателей. Они живутъ иллюзіями, и покажите имъ хоть только въ отдаленіи возможность осуществленія ихъ смутной, неопредѣленной мечты, какъ вдругъ все ихъ существо преобразится, они ничего не хотятъ понять, ни видѣть, ни знать, не хотятъ здѣсь, что имъ показана еще только одна возможность, одна «вѣроятность». Они уже эту вѣроятность принимаютъ за полную достовѣрность.

Послѣднія слова Ванифантія были до того неожиданны для слушателей, что всѣ смолкли, никто сразу ничего не могъ возразить, и кругомъ настала мертвая тишина; даже трубка Вахрамѣя не сопѣла больше. Ванифантій и самъ какъ будто испугался своей храбрости. Не будь онъ выпивши, не ослѣпнѣвъ онъ такъ отъ обаянія передъ успѣхомъ Петра среди «добротельской интеллигенціи», не будь, наконецъ, такъ темно—враждь, ли бы онъ сказалъ и половину того, что открылъ теперь. Да

вряд-ли бы его за это похвалили и самъ Петръ, такъ какъ это не могло быть въ разчетахъ его недоувѣрчиваго, скрытнаго ума.

Наконецъ, Ванифантій опомнился, но чувствовать себя болѣе-шакомъ не пересталъ.

— Луша, иди домой! строго приказалъ онъ среди общаго молчанія.

— Татенька, я еще успѣю, тихо проговорила она. Она сидѣла на доскѣ качели, рядомъ и обнявшись, съ дозволенія обычаевъ тѣхъ палестинъ, съ Иваномъ Забытымъ.

— Иди, говорятъ! Пора за умъ взяться! Будетъ со всякимъ акшаться! Ступай къ брату!.. Ступай въ свой домъ! крикнулъ грозно Ванифантій, поправилъ на головѣ шляпу и походкой самоувѣреннаго человѣка пошелъ къ своей избѣ.

Еслибы кто могъ освѣтить въ эту минуту осеннюю глубокую тьму, передъ его глазами предсталъ бы одинъ изъ драматическихкихъ моментовъ въ жизни выселка. Онъ увидалъ бы, какъ, при словахъ отца, сказанныхъ такимъ тономъ, котораго еще никто не слыхалъ, сошла вся кровь съ пунцовыхъ щекъ Луши и онѣ сдѣлались бѣлѣе полотна; какъ вспыхнулъ, напротивъ, Иванъ Забытый, и его рука, обнимавшая Лушу, вдругъ унала, словно разбилъ ее параличъ, и горькая улыбка, съ примѣсью не то злобы, не то покорности судьбѣ, пробѣжала по его губамъ. Вряд-ли съ этой минуты онъ оправится и будетъ по-прежнему добродушно говорить свое обычное: «съ удовольствіемъ!»

Кромѣ этого, въ тотъ же моментъ совершилось здѣсь и еще нѣчто. Нѣсколько секундъ спусти послѣ словъ Ванифантія, залившая была опять труба Вахрамѣя вдругъ смолкла, но, по лившемуся отъ нея свѣту, было видно, какъ быстро поднялся Вахрамей, хотѣлъ крикнуть: «Раздѣлы!», но удержался, сжалъ губы и медленно опустился опять на бревно, на которомъ сидѣлъ. Рано или поздно, впрочемъ, этому слову уже не миновать теперь сорваться съ его губъ.

— Ну, милые, утро вечера мудренѣе! сказала Ульяна Мосевна:—идите ка спать, да подумайте каждый про себя!

А между тѣмъ «новый человѣкъ деревни», Петръ Ванифантьевичъ Волеъ-младшій, сидѣлъ все это время на завальнѣй отцовской избы и угрюмо смотрѣлъ въ глубину ночи, окутавшей и его, и выселокъ, и рошу... Онъ думалъ на неизмѣнную свою тѣму, «чтобы все какъ лучше».

Филаретъ же Флегонтовичъ Чишовъ (иначе Чижики) давно уже, еще какъ только Ванифантій заявилъ свои права большака, тихонько исчезъ отъ качели и побѣжалъ къ своимъ Дергачамъ. Онъ струсилъ и испугался, его охватила болзнь—чего?

онъ рѣшительно не понималъ! Онъ только безсвязно твердилъ: «прострѣлъ въ сердце—это вѣрно!... Въ сердце прострѣлъ! Вотъ оно самое!» Что онъ разумѣлъ подъ этими словами, онъ врядъ-ли бы и самъ объяснилъ. Онъ только очень былъ радъ, что нашелъ такое слово, которое, по его мнѣнiю, знаменовало то *«что»*, что измѣнило душу Петра.

Какъ бы то ни было, нынѣшняя ночь—была первая ночь, когда обитатель выселка легъ, неуверенный въ завтрашнемъ днѣ.

Н. Златовратскiй.

САМОЗВАННЫЯ ДѢТИ.

(Изъ сказаній XVIII столѣтія).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

I.

Въ концѣ 1774 и въ началѣ слѣдующаго года, Римъ былъ въ сильномъ волненіи. Папа Климентъ XIV скончался, а преемникъ ему въ это время избранъ еще не былъ. Спустя одиннадцать дней послѣ его кончины, кардиналы собрались въ Ватиканѣ въ конклавъ и размѣстились тамъ по маленькимъ комнатамъ, отрѣшенные отъ всякаго сообщенія съ посторонними людьми, дабы тѣмъ самымъ предупредить какое-либо постороннее вліяніе на избраніе новаго первосвященника. Изъ конклава они только дважды въ день выходили въ Сиестову капеллу. Тамъ на алтарѣ стояла золотая чаша, въ которую они клали записочки съ именами кандидатовъ, избираемыхъ ими на папскій престолъ. Необходимо было, чтобы такимъ образомъ, для окончательнаго избранія новаго папы, составилось, по крайней мѣрѣ, двѣ трети голосовъ въ пользу одного лица, и тогда послѣдовала бы такъ-называемая «инспирація», т. е. всѣ кардиналы повыходили бы изъ своихъ келій и провозгласили бы другъ другу имя того, кого Духъ Святой благоизволилъ, чрезъ нихъ, смиренныхъ и недостойныхъ слугъ Божіихъ, вознести на престолъ св. Петра. Но, при избраніи преемника Клименту XIV, кардиналамъ никакъ не удавалось достигнуть инспираціи, и они уже болѣе мѣсяца продолжали сидѣть въ заперти. Для ускоренія этого дѣла въ церквахъ Рима отправлялась особая служба, и два раза въ день звонъ колоколовъ созывалъ вѣрныхъ католиковъ въ храмы Божіи, чтобы помолиться о наятіи св. Духа на запертыхъ въ конклавъ изби-

*

рателей. По этому случаю всѣ церкви Рима были наполнены молящимися, и въ церковь Santa Maria degli Angeli являлась всякій день, среди богомольцевъ, дама, лицо которой было скрыто подъ густою вуалью.

Однажды, когда, послѣ вечерней службы, всѣ, находившіеся въ этой церкви, начали выходить, она неподвижно оставалась на постоянно занимаемомъ ею мѣстѣ, какъ-будто ожидая чьего-то прихода. Все рѣже и рѣже стала слышаться въ обширномъ храмѣ стукъ о мраморный полъ шаговъ запаздывавшихъ къ выходу богомольцевъ. Свѣчи были уже погашены, и въ храмѣ сдѣлалось почти темно, а между тѣмъ, покрытая вуалью дама не трогалась съ мѣста. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ только тогда, когда въ полумракѣ, наполнявшемъ храмъ, показались двое мужчинъ, которые медленными шагами выходили изъ ризницы и направлялись въ ту сторону, гдѣ стояла таинственная дама. Одинъ изъ нихъ былъ аббатъ, а другой—свѣтское лицо.

По мѣрѣ ихъ приближенія, дама начала тревожно озираться кругомъ, пристально вглядываясь въ окружавшій ея сумракъ. Замѣтно было, что она желала избѣгнуть постороннихъ свидѣтелей предстоявшаго ей свиданія. Убѣдившись же, что въ этомъ отношеніи можно быть совершенно спокойной, она возвратилась назадъ и стала на прежнее мѣсто.

Аббатъ и его спутникъ подошли къ ней.

— Имѣю честь представить вашему высочеству господина маркиза д'Античи, резидента его величества, короля польскаго, при святѣйшемъ престолѣ, сказалъ аббатъ Рокотани, подводя къ дамѣ маркиза, который съ глубокимъ поклономъ поцѣловалъ поданную ему ея руку.—Мы здѣсь можемъ вести нашъ разговоръ совершенно спокойно, всѣ уже вышли изъ церкви, а сторожа мною удалены на время. Вообще, приняты всѣ предосторожности, чтобъ никто не нарушалъ нашей бесѣды. Не угодно ли будетъ вашему высочеству пойти туда? продолжалъ аббатъ, и съ этими словами онъ повелъ даму къ тому мѣсту, гдѣ, вблизи алтара, стояли кресла, занимаемыя во время богослуженія членами церковнаго капитула.

По приглашенію Рокотани, дама заняла одно изъ этихъ креселъ, предложивъ сѣсть подлѣ нея съ одной стороны аббату, а съ другой—маркизу.

Аббатъ началъ бесѣду и, хотя онъ говорилъ очень тихо, но эхо въ пустомъ храмѣ вторило его словамъ. Отголосокъ этотъ видимо смущалъ даму; она безпокойно оглядывалась и, приподнявъ немного вуаль, повела рѣчь чутъ внятнѣмъ шопотомъ.

— Вамъ, господинъ маркизъ, уже извѣстна цѣль моего свиданія съ вами, сказала она, обращаясь къ резиденту. — Говорить вамъ о моихъ правахъ на русскую корону и о моей горестной жизни было бы совершенно излишне. Обо всемъ этомъ вы можете узнать въ подробностяхъ отъ господина аббата, доставившаго мнѣ честь лично познакомиться съ вами. Я же, съ своей стороны, нахожу нужнымъ только удостовѣрить васъ, какъ представителя свѣтлѣйшей польской республики, въ томъ, что я питаю къ ней самыя дружественныя чувства. Скажу вамъ даже болѣе: лично для себя я ничего не желаю, но я хочу восстановить Польшу во всемъ ея прежнемъ величїи. Я скорблю о тѣхъ бѣдствїяхъ, какія недавно испытала эта прекрасная и славная страна, и всѣ силы мои будутъ употреблены для возвращенія ей могущества и благоденствїя.

— Благодарю ваше высочество за участіе, выражаемое вами къ судьбамъ Польши; но позволяю себѣ доложить вамъ, что его величество, король Станиславъ Августъ, питаетъ безпредѣльную преданность и вѣчную признательность къ нынѣ царствующей императрицѣ всероссійской и что мнѣ, какъ лицу, имѣющему счастье представлять особу его величества, невозможно дѣйствовать въ противность той полтики, какою держится мой августѣйшій государь. Я не могу выражать сочувствїя, несходныя съ личными его симпатїями, проговорилъ почтительно маркизъ.

— Значить, вы — сторонникъ императрицы Екатерины, которая надѣлала столько зла Польшѣ? съ живостїю перебила принцеса.

— По моему положенїю, я долженъ быть имъ, но это, отозвался любезно маркизъ: — не препятствуетъ мнѣ нисколько считать, себя лично вашимъ преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приказанія ваши не будутъ въ противорѣчїи съ моими дипломатическими обязанностями.

— Уклончивость дипломата и любезность свѣтскаго человѣка слышатся въ вашихъ словахъ, господинъ маркизъ! насмѣшливо замѣтила дама. — Впрочемъ, несочувствїе господина посланника моимъ планамъ не слишкомъ тревожитъ меня, спокойно добавила она, обращаясь къ аббату: — если я отказалась отъ поддержки со стороны могущественной Турціи, то, конечно, мнѣ еще легче будетъ сдѣлать тоже самое въ отношенїи Польши, слишкомъ ослабленной Россїею, и я прежде всего надѣюсь на васъ, господинъ аббатъ.

Еслибы не сумракъ, бывший въ церкви, то при обращенїи дамы къ аббату съ послѣдними словами, каждый могъ бы замѣтить какимъ удовольствїемъ, какою радостїю просїяло его лицо.

Аббатъ былъ первымъ человѣкомъ, съ которымъ познакомились принцеса по прїѣздѣ въ Римъ, и онъ, какъ и многіе другіе, былъ очарованъ новою знакомою. И не столько изъ политическихъ цѣлей и религіозныхъ побужденій, сколько изъ увлеченія лично ею, какъ хорошенькой и умной женщиной, онъ сдѣлался преданнымъ ея работъ. Онъ искалъ случая какъ можно чаще видѣться съ нею, почти безвыходно сидѣлъ у нея и, казалось, что, забывъ свой духовный санъ, готовился сдѣлаться неразлучнымъ ея спутникомъ.

— Вы не оставите меня, господинъ аббатъ, вашимъ содѣйствіемъ?—прошептала принцеса такимъ голосомъ, который шелъ прямо въ сердце влюбливаго пастыря.—Не правда ли?..

— Святая католическая церковь будетъ вамъ, дочь моя, лучшей споспѣшницею во всѣхъ вашихъ предпріятіяхъ, набожно отовзался аббатъ, прикрывая свои грѣховныя чувства попеченіемъ о душевномъ спасеніи заблудшейся овечки.—Весь католическій міръ единымъ сердцемъ и едиными устами будетъ молить Бога, чтобъ Онъ благословилъ ваши начинанія въ тотъ день, когда святая апостольская церковь приметъ васъ въ свое лоно... Какое высокое, какое необъяснимое чувство овладѣваетъ мною, торжественно сказалъ аббатъ, вставая съ мѣста: — когда я среди тишины этого храма могу обратиться къ вамъ съ словами вѣчнаго спасенія!..

— Ахъ, еслибы вы, господинъ аббатъ, съ жаромъ перебили принцеса:—могли видѣть чтѣ происходитъ теперь въ душѣ моей! Еслибы вы знали, какъ пламенно желаю я включить русскіи народъ въ вселенскую паству намѣстника Христова! Къ сожалѣнію, на этомъ пути я не могу теперь предпринять даже перваго шага. Временное отсутствіе на папскомъ престолѣ главы католической церкви лишаетъ меня возможности сдѣлать положительное заявленіе въ этомъ смыслѣ. Нужно, по крайней мѣрѣ, подготовить дѣло; но я скоро должна буду уѣхать изъ Рима: такъ нельзя ли доставить мнѣ случай видѣть кардинала Альбани? Онъ, какъ извѣстно, пользуется во всемъ католическомъ мірѣ громаднымъ вліяніемъ...

— Это совершенно справедливо; но, къ сожалѣнію, въ настоящее время кардинала нельзя видѣть: онъ безвыходно находится въ конклавѣ.

— Въ такомъ случаѣ, проведите меня къ нему туда, настоячио сказала принцеса.

Аббатъ, словно ужаленный, привскочилъ на креслѣ.

— Вы требуете невозможнаго! позабывшись, крикнулъ онъ и крикнулъ такъ громко, что эхо нѣсколькими перекатами повто-

рило его возгласъ.— Въ конклавъ, кромѣ кардиналовъ, даже изъ духовныхъ лицъ никто не имѣетъ права входить, и еслибы туда проникла когда нибудь женщина, то это... это... запинаясь, говорила аббатъ:—это разрушило бы всю святость папскаго избранія.

— Господинъ аббатъ, такъ же, какъ и вы, господинъ маркизъ, не слишкомъ охотно оказываетъ мнѣ свое содѣйствіе, печально проговорила принцеса.— Мнѣ остается надежда на одного только Бога...

— Надежда самая твердая, но я позволю себѣ прибавить, что и я, съ моей стороны, готовъ всегда и всѣмъ служить вамъ въ предѣлахъ возможнаго, отозвался Ровотани.

— Точно такъ же, какъ и я, предупредительно добавилъ маркизъ.

Принцеса поднялась съ кресель и, выразивъ маркизу, что знакомство съ нимъ доставило ей большое удовольствіе, сказала аббату, что ей пора ѣхать домой.

Идя впередъ, она направилась къ выходу изъ церкви, а аббатъ и маркизъ слѣдовали за нею. Когда же д'Античи раскланялся ей при выходѣ изъ церкви, она, слегка коснувшись руки аббата, удержала его.

— Мнѣ нужно еще поговорить съ вами, шепнула она ему.

Ровотани и она остановились подъ портникомъ церкви.

— Я очень хорошо понимаю, сказала ему принцеса:—что настоящее мое положеніе внушаетъ мало довѣрія къ будущимъ успѣхамъ. Я до сихъ поръ была окружена врагами; за мной агенты императрицы слѣдятъ такъ зорко, что мнѣ пришлось даже, чтобъ устранить подозрѣнія, назначить свиданіе съ маркизомъ въ храмѣ. Но все это скоро пройдетъ. Слабость моего пола не измѣнитъ моихъ твердыхъ намѣреній. Я начала уже дѣйствовать; я хотѣла проѣхать изъ Рагузы въ Константинополь, но была обманута мнимыми друзьями, которые предпочли свои выгоды защитѣ моего справедливаго дѣла. Мнѣ угрожали въ Рагузѣ страшныя опасности, и я должна была измѣнить планъ моихъ дѣйствій. Но, быть можетъ, такимъ образомъ все устроилось къ лучшему. Воля Божія не напрасно привела меня въ апостольскую столицу, и если Всевышній поможетъ мнѣ одолѣть моихъ враговъ, то я не премину заключить самый дружественный договоръ съ римскимъ дворомъ и употреблю всѣ мои усилія къ тому, чтобъ народъ мой призналъ надъ собою спасительную власть римскаго первосвященника. Но пока, я должна еще таить это намѣреніе въ непроницаемой тайнѣ и заклинаю васъ, господинъ аббатъ, дѣлать тоже самое.

Принцеса говорила это съ сильнымъ воодушевленіемъ, но аббатъ разсѣянно слушалъ ея благочестивыя обѣты. Его влекла къ ней не ревность къ папскому престолу, но тѣ чувства, которыя внушаетъ молодая и красивая женщина.

Ровотани проводилъ ее до кареты и обѣщалъ на другой же день быть у нея, повидавшись предварительно съ маркизомъ д'Античи, чтобъ окончательно узнать отъ него, каковаго образа дѣйствій намѣренъ онъ придерживаться.

Дѣйствительно, на слѣдующій день аббатъ явился къ принцесѣ. По словамъ его, представитель Польши, въ виду сдѣланныхъ принцесой обѣщаній, началъ колебаться. Аббатъ совѣтовалъ ей послать къ маркизу записку съ подробнымъ изложеніемъ дѣла и дожидаться въ Римѣ избранія новаго папы, который, безъ сомнѣнія, приметъ самое горячее участіе въ судьбѣ претендентши на русскій престолъ, такъ ревностно желающей просвѣтить схизматическій народъ свѣтомъ истинной вѣры.

Принцеса послѣдовала совѣту аббата. Она рѣшилась оставаться въ Римѣ до тѣхъ поръ, пока не окончится избраніе папы и отгравировала къ Античи мемуаръ, наполненный самыми блестящими обѣщаніями въ пользу Польши. При этомъ, мнимая принцеса сообщила, что она—дочь гетмана Разумовскаго и была воспитана въ Персіи при одномъ изъ родственниковъ ея отца, что, при помощи денегъ, которыя вскорѣ доставить ей изъ Персіи, она произведетъ возмущеніе въ Россіи, а, въ случаѣ неудачи, оставитъ все и удалится въ пріятное убѣжище, которое устроитъ себѣ въ какомъ нибудь тихомъ уголкѣ Европы.

Маркизь, однако, не поддавался обѣщаніямъ и соображеніямъ графини и въ своемъ уклончивомъ отвѣтѣ, представляя ей тѣ опасности и бѣдствія, какія она можетъ встрѣтить при своей черезчуръ смѣлой попыткѣ, оканчивалъ письмо такими словами: «Въ виду всего этого, я полагаю бы, что вамъ лучше начать ваше предпріятіе тѣмъ, чѣмъ вы намѣрены окончить его въ случаѣ неудачи, а именно: оставя все, удалиться въ пріятное убѣжище.»

Молва о томъ, что пріѣхавшая въ Римъ русская дама—будто бы дочь императрицы Елизаветы, имѣющая право на русскій престолъ, значительно подняла на первый разъ кредитъ графини или принцесы. Она успѣшила воспользоваться имъ и начала жить съ роскошною обстановкою, употребляя часть займовъ и на дѣла благотворенія, доставлявшія ей похвальную извѣстность среди столичнаго населенія. Но молодая вѣтренница оказалась слишкомъ нерасчетливою и вскорѣ очутилась въ рукахъ безпощадныхъ ростовщиковъ, которые грозили употребить противъ нея

строгія мѣры. Между тѣмъ, дѣла ея не подвигались впередъ. Страстно влюбившійся въ нее аббатъ Рокотани, повидимому, чрезвычайно услужливый, желалъ въ душѣ, чтобъ очаровательная иностранка какъ можно долѣе жила въ Римѣ, и потому не только не содѣйствовалъ ея намѣреніямъ, но, напротивъ, старался разстроить ихъ, чтобъ отдалить часъ предстоявшей ему роковой разлуки.

Поставленная въ затруднительное и даже въ безвыходное положеніе и не рассчитывая на успѣхъ въ Римѣ, принцеса начала мысленно перебирать тѣхъ лицъ, къ которымъ можно было бы обратиться съ просьбою о выручкѣ изъ такого тяжелаго положенія. При этомъ переборѣ, передъ ней мелькнулъ сэръ Гамилтонъ, англійскій посланникъ при неаполитанскомъ дворѣ, съ которымъ она познакомилась въ Неаполѣ, гдѣ провела нѣсколько недѣль передъ своимъ прїѣздомъ въ Римъ. Она просила Гамилтона прислать ей англійскій паспортъ на имя г-жи Вальмоденъ и одолжить ей въ займы 7000 червонцевъ. Для подкрѣпленія же своего кредита она сообщила Гамилтону, что дѣла ея принимаютъ благоприятный оборотъ, такъ какъ миръ Россіи съ Турціею не состоится, а Пугачевъ продолжаетъ дѣйствоваться успѣшно. Къ этому, въ противорѣчіе своимъ прежнимъ разсказамъ, она прибавляла, что Пугачевъ—не ея братъ, а казацкій мальчишъ, вывезенный въ Петербургъ Разумовскимъ, что онъ былъ взятъ ко двору въ пажы, а затѣмъ былъ отправленъ въ Берлинъ для изученія военныхъ наукъ.

При чтеніи этого письма, на стиснутыхъ губахъ британца проявилась насмѣшливая улыбка и онъ сомнительно покачалъ головою. Англійскому дипломату очень хорошо было извѣстно, что мирные переговоры Россіи съ Турціею приближаются къ концу и что Пугачевъ уже захваченъ; но, соблюдая дипломатическую точность, онъ, для повѣрки сообщенныхъ ему принцесою извѣстій, отправилъ письмо принцесы къ сэру Джону Дикю, бывшему англійскимъ консуломъ въ Ливорно, куда, какъ въ одинъ изъ главныхъ тогдашнихъ торговыхъ пунктовъ, стекались изъ разныхъ концовъ Европы всевозможныя вѣсти.

Принцесѣ приходилось очень плохо въ Римѣ. Кредитъ ея истощился и, въ добавокъ, къ отсутствію денежныхъ средствъ присоединились еще опасенія за ея участь. Около дома ея сталъ появляться какой-то таинственный незнакомецъ, который нерѣдко выглядывалъ изъ за угла сосѣдней улицы, всюду слѣдилъ за нею, развѣдывалъ и спрашивалъ, при чемъ съ величайшимъ почтеніемъ отзывался о ней и относился къ ея участи съ горячимъ сочувствіемъ. Принцеса не вѣрила, однако, въ искренность

этого загадочнаго незнакомца и, заподозривъ въ немъ русскаго агента, просила аббата Рокотани защитить ее отъ опасности, угрожающей ей.

Выслушавъ просьбу принцесы, аббатъ раскохотался.

— Вы хотите, сказалъ онъ:—чтобъ у такой прелестной дамы, какъ вы, не было поклонниковъ, которые постоянно слѣдили бы за ней и не считали бы для себя блаженствомъ взглянуть на нее и любоваться ею какъ можно чаще? Повѣрьте, что вамъ опасаться нечего, а если я, для удаленія изъ Рима этого влюбленнаго страдальца, вмѣшаю полицію, то сдѣлаюсь предметомъ насмѣшекъ: меня сочтутъ за ужаснаго ревнивца и начнутъ говорить, что я пользуюсь моимъ высокимъ положеніемъ для того, чтобъ выживать моихъ соперниковъ насильственными мѣрами...

Принцеса пріятно улыбнулась на отказъ аббата, вложенный въ такой любезной формѣ. Она успокоилась и, попривыкнувъ къ таинственному незнакомцу, дозволила ему представиться ей. Онъ воспользовался этимъ и сталъ являться къ принцесѣ ежедневно. Она замѣтно повеселѣла, и денежныя дѣла ея стали поправляться. Заговорили въ Римѣ о новомъ романѣ, затѣянномъ знатной иностранкой, и полагали, что подъ уличнымъ волокитею скрывался какой нибудь высокопоставленный богатъ.

Аббатъ между тѣмъ началъ дуться, а кардиналъ Альбани, съ которымъ принцесѣ сперва такъ хотѣлось видѣться, сидѣлъ, въ ожиданіи инспираціи, по прежнему, въ наглухо запертомъ конклавѣ; но графиня и не думала теперь заводить съ нимъ знакомство. Дѣла ея, какъ казалось, и безъ участія вліятельнаго кардинала приняли самый благопріятный оборотъ, и она стала готовиться къ отъѣзду изъ Рима.

Въ это время, послѣ продолжительнаго перерыва переписки съ княземъ Филиппомъ, она получила отъ него письмо. Князь оказывался такимъ же страстнымъ и неизмѣннымъ ея поклонникомъ, какимъ былъ и прежде. Видно было, что онъ написалъ письмо подъ вліяніемъ сильнаго волненія и неудержимаго раздраженія: все оно дышало пылкою страстью, отзываясь, однако, мѣстами горькою ироніею. Многое въ письмѣ было недосказано, такъ какъ не только слова, но и цѣлыя строки были замѣнены въ немъ точками умолчанія.

Филиппъ предвидѣлъ опасность, которой подвергается любимая имъ женщина, пускаясь въ слишкомъ отважное предпріятіе; поэтому онъ умолялъ ее остерегаться и искать спасенія и надежнаго убѣжища или въ Италіи, или въ Германіи. Онъ просилъ ее вернуться къ нему, обѣщая, что готовъ замѣнить ей

отца, отказавшись даже, если она желаетъ, отъ брачныхъ узъ, которые могутъ быть для нея почему нибудь тягостны.

Судя по письму, не трудно было догадаться, что обезумѣвшій отъ любви князь приходилъ въ отчаяніе и самъ не зналъ, что ему дѣлать.

Улыбаясь, прочла принцеса это посланіе, и черезъ нѣсколько дней утромъ, 11 февраля 1775 года, выѣхала изъ Рима. Передъ нею, въ особомъ экипажѣ ѣхалъ, въ качествѣ ея провожатаго, таинственный незнакомецъ. Всѣ долги были заплачены. Знакомымъ и прислугѣ сдѣлала она дорогіе подарки. Кошелекъ ея былъ полонъ золота, и она, подѣхавъ къ церкви Санъ-Карло, роздала собравшимся тамъ нищимъ милостыню необыкновенно щедрою рукою.

Долго послѣ того говорили въ Римѣ объ отъѣздѣ знатной иностранки, предполагая, что она отправилась въ Тоскану.

II.

Недовольные тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, которое занялъ при императрицѣ Екатеринѣ Потемкинѣ, Орловы, бывшіе самими усердными приверженцами государыни при вступленіи ея на престолъ, отдалились теперь отъ двора, и одинъ изъ нихъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ, подъ предлогомъ поправленія разстроеннаго здоровья, уже нѣсколько лѣтъ сряду жилъ въ Италіи. Находясь, по видимому, въ бездѣйствіи, Орловъ зорко слѣдилъ за ходомъ дѣлъ на востокѣ Европы, и когда, въ 1768 году, началась война между Россією и Турцію, онъ, рассчитывая, что славяне и греки, подвластные султану, крайне недовольны тяготѣвшимъ надъ ними мусульманскимъ игомъ, предложилъ императрицѣ послать эскадру въ Архипелагъ и Левантъ. Эскадра эта, по мнѣнію Орлова, могла, съ одной стороны, побуждать грековъ къ возстанію противъ турокъ, а съ другой — значительно поддержать дѣйствія нашихъ войскъ на сушѣ, отвлекая силы турокъ въ такія мѣста, гдѣ они всего менѣе могли опасаться нападенія русскихъ, при отсутствіи непріятельскаго флота у турецкихъ береговъ.

Предложеніе Орлова понравилось Екатеринѣ, и она въ письмѣ своемъ къ нему «поручила и ввѣрила ему приготовленіе, распоряженіе и руководство сего подвига». Огромныя суммы были переданы къ итальянскимъ и другимъ банкирамъ въ «полную диспозицію» Орлова, и, кромѣ того, письма императрицы должны были служить ему квитанціями по расходамъ, произведеннымъ

имъ безотчетно. Императрица гордилась этою «великою затѣю» и писала Орлову: «Мы прославимся въ сей вѣтъ, спасая многія тысячи подъ варварскимъ игомъ страдающихъ нашихъ единовѣрцевъ».

«Вся Европа дивится великому нашему подвигу» — писала она Орлову въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ.

Предоставивъ Орлову главное начальство надъ снаряжавшеюся экспедиціею, Екатерина разрѣшила ему жить, гдѣ онъ пожелаетъ, въ Италіи или въ «Архипелагѣ», лишь бы только онъ былъ въ безопасности, но не совѣтовала ему оставаться въ Туринѣ и Неаполѣ, сообщая, что «король неаполитанскій съ своимъ министерствомъ по французской дудѣѣ плашеть, а сія дудка — замѣчала императрица — съ російскимъ голосомъ не ладитъ».

Въ іюлѣ 1769 года отправилась къ Орлову изъ Кронштадта эскадра адмирала Спиридова съ десантнымъ войскомъ. Другая эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала Эльфинстона, выступила оттуда же въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года.

Хотя Орловъ и задумалъ экспедицію для освобожденія восточныхъ христіанъ, но онъ не очень похвалявалъ ихъ, а военныя его предпріятія въ Моревѣ не удались. Адмиралы Спиридовъ и Эльфинстонъ между собою ссорились, и тогда Орловъ, уполномоченный императрицею, отдалъ «повелительный» приказъ, чтобы всѣ слушали того корабля, на которомъ онъ самъ находится. И вотъ теперь приблизился для Орлова день побѣды и торжества.

Флотъ нашъ, состоявшій подъ его начальствомъ и находившійся на якорѣ при островѣ Сціо, на разсвѣтѣ, 24 іюня, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, двинулся на непріятеля. Турки въ это время стояли на якорѣ вдоль анатолійскаго берега, близь крѣпостцы и порта Чесмы. У нихъ было шестнадцать линейныхъ кораблей, изъ которыхъ на шести находилось отъ 80 до 90, а на прочихъ отъ 60 до 70 орудій. Кромѣ того, флотъ ихъ былъ усиленъ шестью фрегатами, шебеками, бригантинами и множествомъ галеръ, полугалеръ, фелукъ и другихъ мелкихъ судовъ. По собственному сознанію Орлова, онъ «ужаснулся», увидѣвъ передъ собою такую грозную силу, но отступление было невозможно, и въ десять часовъ утра поданъ имъ былъ сигналъ къ атакѣ. Въ половинѣ двѣнадцатаго передовые корабли начали сраженіе, а черезъ часъ завязалась общая битва.

Два часа длился бой, и перевѣсъ постоянно былъ на нашей сторонѣ, такъ что турки, отрубивъ якоря, направились подъ защиту береговой крѣпостцы. Въ это время, взятый русскими въ плѣнъ 84 пушечный адмиральскій корабль загорѣлся и сжегъ

русскій корабль «Святый Евстафій». Съ страшнымъ грохотомъ оба корабля взлетѣли на воздухъ. Между тѣмъ, русскіе корабли осыпали непріятеля бомбами. Но наступили сумерки, и сраженіе прекратилось.

Слѣдующій день прошелъ въ приготовленіяхъ обѣихъ сторонъ къ новому бою, и 26 іюня русскіе опять атаковали турокъ и зажгли ихъ флотъ бранд-кугелями и брандерами. Послѣ четырехъ часового сраженія, весь турецкій флотъ былъ истребленъ; на водѣ держались только обгорѣлые и догоравшіе его остатки. 28 іюня побѣдители снялись съ якоря и направились къ Дарданелламъ. Бой этотъ покрылъ славою Алексѣя Орлова и доставилъ ему наименованіе «Чесменскаго».

Въ мартѣ слѣдующаго года, Орловъ поѣхалъ въ Петербургъ, а 28 іюня былъ уже опять въ Ливорно. Ему поручено было императрицею держать въ блокадѣ Константинополь съ моря, расположившись близъ Дарданеллъ и не предпринимая пока ничего «казнистаго». Такою мѣрою императрица надѣялась побудить султана къ мирнымъ переговорамъ, а затѣмъ и къ выгоднымъ для Россіи уступкамъ. Въ этихъ переговорахъ прошло много времени, и въ маѣ 1774 года, война готова была возобновиться, но заключеніе, 23 іюня, кучукъ-кайнарджійскаго мира предупредило ее. Русскій флотъ началъ теперь готовиться къ выходу изъ Архипелага, и военная дѣятельность Орлова прекратилась. Но, до его отъѣзда въ Россію, императрица возложила на него особое порученіе.

«Письмо, писанное къ вамъ отъ мошенницы, писала Екатерина Орлову, отъ 12 ноября 1774 года:—я читала и нашла оное сходственно съ таковымъ же письмомъ, отъ нея, писаннымъ къ графу Н. И. Панину. Извѣстно здѣсь, что она съ княземъ Радзивиломъ была въ іюлѣ въ Рагузѣ, и я вамъ говорю послать кого нибудь туда и развѣдать о ея пребываніи, и куда дѣвалась, и если возможно приманите ее въ такомъ мѣстѣ, гдѣ къ вамъ можно бы было ее посадить на нашъ корабль и отправить ее за карауломъ сюда; буде же она въ Рагузѣ гнѣздитъ, то я васъ уполномочиваю чрезъ сіе послать туда корабль или нѣскольکو съ требованіемъ о выдачѣ сей твари, столь дерзко на себя всплывавшей имя и природу вовсе несбыточныя, а въ случаѣ непослушанья, дозволяю вамъ употребить угрозы, а буде и наказаніе нужно, то бомбъ нѣсколько въ городъ метать можно, а буде безъ шума достать можно, то я и на сіе соглашаюсь»¹.

¹ Заимствовано изъ документовъ, напечатанныхъ въ «Сборникѣ императорскаго историческаго общества».

Орловъ тотчасъ отправилъ своего довѣреннаго развѣдчика въ Рагузу, но оказалось, что тамъ не было уже «персоны», выдававшей себя за русскую принцессу и что она отправилась въ Венецію. Пославецъ Орлова посетилъ туда, но и тамъ не захватилъ ея, а, по собраннымъ о ней справкамъ, узналъ, что она выѣхала въ южную Италию, но въ какой именно городъ—это никому не было извѣстно. Такимъ образомъ слѣдъ ея былъ потерянъ, и возвратившійся въ Ливорно агентъ Орлова донесъ ему о безуспѣшности своихъ поисковъ.

— Гдѣ же мнѣ достать ее? думалъ Орловъ, досада на испытанную при первой попыткѣ неудачу. — Ни слуху, ни духу, совсѣмъ запропала!..

Скоро, однако, досада Орлова миновала. Пріятель его, англійскій консулъ въ Ливорно, сэръ Дикъ, передалъ ему письмо принцессы, написанное ею изъ Рима къ Гамильтону, который, съ своей стороны, препроводилъ его къ Дикю.

— Такъ вотъ гдѣ она, голубушка, обрѣтается! радостно воскликнулъ Орловъ. — Теперь она отъ насъ не уйдетъ!..

При Орловѣ состоялъ въ это время нѣкто Христенекъ или и Брестенекъ, малый бойкій и расторопный. Этого молодца, готоваго безъ оглядки на все, отправилъ Орловъ на поиски. Христенекъ то и явился въ Римѣ подъ видомъ таинственнаго незнакомца, котораго аббатъ Рокотани принялъ за страстнаго поклонника принцессы, тогда какъ этотъ незнакомецъ старался завлечь ее не въ любовныя сѣти, но въ хитро разставленную ловушку.

Хотя Орловъ и достаточно полагался на смѣтливость въ этомъ отношеніи своего агента, но все-таки счелъ не лишнимъ посодѣйствовать ему стороною. Орловъ отвѣчалъ Гамильтону, что госпожа, написавшая ему, посланнику, письмо, должна быть, сумасшедшая женщина, что на нея не стѣдуетъ обращать особаго вниманія, но что, во всякомъ случаѣ, не худо было бы посоветовать ей отправиться въ Пизу, такъ какъ ему, Орлову, желательно было повидаться съ такою интересною персоною. Орловъ просилъ также и консула Дика посодѣйствовать этому.

Несмотря на ловкую подготовку и на проницательность Христенека, ему не легко было уладить дѣло согласно желанію Орлова. Онъ выдалъ себя принцессѣ за лейтенанта русской службы, увѣрилъ ее, будто признаетъ законность ея правъ на русскую корону и заговорилъ съ ней объ Орловѣ.

— Всего лучше было бы, еслибы ваше высочество изволили войти въ непосредственныя сношенія съ графомъ Орловымъ. Онъ, какъ мнѣ извѣстно, принимаетъ самое горячее участіе въ бѣд-

ственномъ вашемъ положеніи, вѣрачиво нашептывалъ принцесѣ въ Римѣ агентъ.

— Странно, что вы мнѣ дѣлаете такое предложеніе. Я очень хорошо знаю, что графъ—одинъ изъ преданнѣйшихъ императрицѣ лицъ, съ живостью возразила претендентша.

— Да, такимъ онъ, дѣйствительно, былъ прежде, но теперь обстоятельства измѣнились. Онъ крайне недоволенъ холодною, каку ему и его братьямъ оказываетъ императрица. Онъ понимаетъ, что она дорожитъ имъ только временно, какъ необходимымъ человѣкомъ, и что когда пройдетъ надобность, онъ будетъ забытъ и оставленъ. Развѣ вашему высочеству неизвѣстно, что и пребываніе графа, въ теченіе столькихъ лѣтъ за границею, происходило единственно вслѣдствіе немилости къ нему императрицы?

Внимательно слушала принцеса своего собесѣдника, но сердце ея чуло недоброе.

— По всей вѣроятности, вы неумышленно, безъ злого намѣренія, вводите меня, господинъ лейтенантъ, въ сильное заблужденіе, сказала она, пристально взглянувъ на Христенека.

Какъ ни беззащѣтнѣе былъ довѣренный Орлова, но онъ нѣсколько смутился отъ взгляда, брошеннаго на него молодою женщиною, и отъ того простодушнаго укора, который слышался въ ея голосѣ. И отъ нея не ускользнуло мгновенное замѣшательство лукавца.

— Нѣтъ, нѣтъ!... Я ни за что не могу войти въ сношенія съ графомъ!... Я предчувствую, что знакомство съ нимъ будетъ для меня гибельно! рѣшительнымъ голосомъ сказала принцеса.

— Если вашему высочеству угодно—хотя, по моему мнѣнію, и совершенно неосновательно—уклониться отъ непосредственныхъ сношеній съ графомъ, то онъ, съ своей стороны, почтетъ за особенное счастье быть вамъ полезнымъ и въ этого условія. Еслибы напимѣръ, вы изъявили желаніе воспользоваться въ настоящую минуту для достиженія вашихъ цѣлей, услугами графа, помимо личнаго его участія въ вашихъ дѣлахъ, то вамъ отъ его имени тотчасъ же былъ бы открытъ у здѣшнихъ банкировъ неограниченный кредитъ. Что же касается предчувствій, то, повѣрьте, они чаще всего обманываютъ людей...

Принцеса встрепелась. Ей живо представились тѣ непріятности и то униженіе, какія ей приходилось испытывать при безденежьи и которыя неизбѣжно подрывали довѣріе къ ея притязаніямъ.

— Я... а... заговорила она отрывисто и въ сильномъ волненіи, а между тѣмъ, собесѣдникъ ея наострилъ свое и безъ того чут-

кое ухо, готовясь услышать согласіе молодой женщины на его предложеніе. — Нѣтъ, нѣтъ! вдругъ какъ-то болѣзненно вскринула она:—уйдите отъ меня поскорѣе, вы погубите меня вашими искушеніями!

Христенекъ, молча, съ почтительнымъ поклономъ исполнилъ приказаніе раздраженной принцессы. Но онъ не унялся. Собравъ достовѣрныя свѣдѣнія и убѣдившись въ невозможности похитить ее изъ Рима силою, онъ съ удвоенною настойчивостью началъ стараться выманить ее изъ папской столицы. И убѣжденія, и уговариванія его не прошли безслѣдно.

Спустя нѣсколько времени, въ рукахъ молодой женщины появились кредитивы на громадныя суммы, а вслѣдъ затѣмъ къ Орлову пересланы были и документы, будто подтверждавшіе права «принцессы Елизаветы» на русскій престолъ.

— И такъ, ваше высочество, изволите ѣхать въ Пизу? спросилъ ее, въ одно изъ своихъ посѣщеній, Христенекъ, показавъ ей предварительно присланное ему отъ Орлова письмо, въ которомъ графъ выражалъ самое восторженное сочувствіе къ судьбѣ несчастной принцессы.

— Ъду! рѣшительно проговорила она: — и вотъ мой отвѣтъ графу.

Въ отвѣтѣ своемъ, она сообщала Орлову, что письмо его къ лейтенанту даетъ ей смѣлость отправиться въ Пизу и передать съ полною увѣренностью свою судьбу въ его руки.

III.

Древняя, вѣкогда блестящая, богатая и многочисленная Пиза, въ половинѣ прошлаго столѣтія, при восемнадцати только тысячахъ жителей, была незначительнымъ и бѣднымъ городкомъ, сохраняя, однако, памятники прежняго процвѣтанія. На главной площади города, совершенно пустой по буднямъ, стояли громады палатцо, замѣчательныя произведенія знаменитой поры флорентинскаго зодчества. Ихъ украшали стройныя колонны, статуя и узорчатныя арабески, точно кружева, высѣченныя изъ мрамора. Пизанскій соборъ, построенный еще въ 1016 году, считался во всей Италіи лучшимъ храмомъ готической архитектуры. Для постройки его были доставлены съ дальняго Востока порфиръ, агаты, яшма и мраморъ. Владбище, или такъ называемое «Самро Санта», было окружено высокою каменною стѣною, расписанною ал фреско знаменитѣйшими художниками Италіи. За этой каменною оградой была насыпана земля, привезенная изъ Пале-

стины во время крестовыхъ походовъ, въ которыхъ пизанцы принимали дѣятельное участіе. Быть погребеннымъ на этомъ кладбищѣ считалось величайшимъ почетомъ, доступнымъ только для людей богатыхъ и знатныхъ.

Но блестящіе дни Пизы давно миновали, прошло то время, когда городъ этотъ кипѣлъ жизнью и велъ дѣятельную торговлю съ Левантомъ и Африкою. Теперь сотни обширныхъ домовъ стояли никѣмъ незаняты, широкія ступени ихъ мраморныхъ лѣстницъ растрещались и поросли мохомъ; большая часть рамъ была безъ стеколъ. Уныло выглядывали безлюдныя улицы, покрытыя травою; великолѣпные храмы города, точно сельскія церкви, стояли среди пустырей, поросшихъ вустарниками и деревьями. Тишь и спокойствіе господствовали въ городѣ, какъ будто все населеніе его вымерло отъ опустошительной заразы.

Съ нѣкотораго времени Пиза, однако, оживилась. У русской эскадры, находившейся въ Архипелагѣ, была въ Средиземномъ Морѣ одна только стоянка въ Ливорно, и Орловъ очень часто прѣзжалъ туда. Не нравился, однако, ему шумный и суетливый Ливорно съ многочисленнымъ населеніемъ, фабриками, заводами, корабельными верфями, и онъ предпочиталъ тихую, и близко отстоящую отъ Ливорно Пизу, въ которой съ такимъ радушіемъ и съ такимъ почетомъ встрѣчали его. Поэтому, Орловъ, посѣщая время отъ времени Ливорно, большую часть свободнаго времени проводилъ въ Пизѣ. Примѣру его слѣдовали и офицеры русской эскадры. Орловъ жилъ въ Пизѣ на широкую ногу, офицеры, въ свою очередь, не жалѣли денегъ, и финансовыя дѣла пизанцевъ замѣтно стали поправляться, вслѣдствіе пребыванія у нихъ богатаго и щедраго русскаго вельможи и тароватыхъ русскихъ моряковъ. Но еще болѣе обогащался отъ стоянки русскихъ Ливорно, такъ какъ здѣсь дѣлались разныя закупки и заказы для русской эскадры на громадныя суммы.

Наступилъ карнавалъ 1775 года. Карнавалъ въ Италіи—пора безумнаго веселья, и шумно проводили его такіе населенные и богатые въ ту пору города, какими были Венеція, Римъ и Флоренція, но обдѣлывшая Пиза не въ состояніи была тагаться съ ними въ этомъ отношеніи. Но Орловъ вздумалъ напомнить Пизѣ ея былую випучую жизнь. Поводомъ къ устройству блестящихъ карнавальныхъ увеселеній служило для него пребываніе въ Пизѣ какой-то таинственной дамы, носившей фамилію графини Силинской, о которой между пизанцами и въ особенности между пизанцами или непрерывные и самыя оживленные толки.

Дама эта — *questa donna*—какъ называлъ ее по-итальянски Орловъ, жила въ палатцѣ, нанятомъ для нея Орловымъ. Па-

лаццо этотъ сохранялъ остатки бывлой обстановки жилищъ богатыхъ пизанскихъ патрициевъ. Въ немъ было нѣсколько обширныхъ залъ съ высокими лѣпными плафонами и съ фресками на стѣнахъ, мозаичные полы съ изящными узорами, огромныя окна, въ которыхъ вставлены были венеціанскія зеркальныя стекла. Въ палаццо этомъ были и тяжелыя штофныя занавѣсы, и позолоченая мебель, и вазы на консольяхъ и каминныхъ, и рѣзныя двери, и мраморныя каминны, и неизбѣжная въ каждомъ патриціанскомъ домѣ картинная галлерей.

О появившейся въ Пизѣ дамѣ извѣстно было только то, что она пріѣхала прямо изъ Рима, въ сопровожденіи русскаго офицера, и что графъ Орловъ оказывалъ ей знаки величайшаго вниманія и почета. Одни толковали, что это русская принцесса, укрывавшаяся отъ преслѣдованій со стороны императрицы Екаторины подъ защитою могущественнаго Орлова, который и относится къ ней, какъ къ царственной особѣ. Другіе приходили къ совершенно противоположному заключенію на счетъ ея общественнаго положенія, полагая, что она не болѣе, какъ любовница богатаго графа.

Орловъ хотѣлъ поразить Пизу давно невиданнымъ тамъ разнообразіемъ карнавальныхъ празднествъ. Онъ позаимствовалъ отъ разныхъ городовъ Италіи всѣ особенности карнавальныхъ потѣхъ и увеселеній, поручивъ устройство ихъ въ Пизѣ лучшимъ знатокамъ дѣлъ этого рода.

Въ назначенный для начала праздника день, вся Пиза украсилась разноцвѣтными флагами; они заперстрѣли даже на необитаемыхъ домахъ, а изъ оконъ жилыхъ домовъ были вывѣшены ковры и тѣяны. Молва о затѣвавшихся въ Пизѣ увеселеніяхъ быстро разнеслась по окрестностямъ, и въ Пизу наѣхало теперь множество гостей, никогда прежде не думавшихъ посѣщать этотъ унылый, давно забытый городъ.

Съ самаго ранняго утра на главной площади Пизы раздались веселыя звуки музыки; въ залахъ одного палаццо, нанятаго Орловымъ, былъ устроенъ «*gedutto*»—общественное собраніе, гдѣ около карточныхъ столовъ явились игроки въ маскахъ и въ домино, а на столахъ зазвенѣло золото. Началась азартная игра, столь любимая итальянцами вообще и въ особенности во время карнавала.

На площади для народа были устроены всевозможныя забавы. Здѣсь показались арлекины, пультинелли, панталоне, тарталья—словомъ, всѣ тѣ забавныя личности, которыя съ давнихъ поръ возбуждали радостный смѣхъ въ уличной толпѣ итальянцевъ. Не были забыты и фокусники, и акробаты, и канатные

члеуны, и марьонетки, вторыя въ ту пору правились не одному только простонародью, но и знатнымъ итальянскимъ дамамъ. Все ожило, засуетилось, засмѣялось, зашѣло, и среди шумной, развеселившейся толпы, на площади показалась въ коляскѣ, въ сопровожденіи графа Орлова, таинственная незнакомка. При появленіи ея, площадь огласилась громкими кликами: «viva!», но всё очень сожалѣли, что не могли разсмотрѣть лицо этой дамы, такъ какъ, слѣдуя обычаю карнавала, она была въ маскѣ. За-мѣтили, однако, что гордый графъ обходился съ нею такъ почтительно, какъ навѣрно онъ никогда не обходился бы съ особой, равной съ нимъ по общественному положенію.

Вечеромъ, по окончаніи оперы, началась на площади прогулка со свѣчами. Каждый изъ гуляющихъ имѣлъ непременно въ рукѣ хоть одну восковую свѣчку; другіе держали по свѣчкѣ въ каждой рукѣ, а нѣкоторые, не довольствуясь этимъ, носили жирандоли или деревянные пирамиды съ десяткомъ и болѣе свѣчей. Пизанская площадь представляла очаровательную картину. Подъ покровомъ теплой итальянской ночи, среди оживленнаго говора, смѣха, пѣнія, восклицаній и музыки, мелькали сотни тысячъ огоньковъ. Орловъ, подѣхавъ къ площади въ каретѣ, уставленной по-верку свѣчами, съ замаскированной дамой, высадилъ ее изъ экипажа и затѣмъ съ глубокимъ поклономъ, предложилъ ей руку. Орловъ и его спутница вошли въ толпу и смѣшались съ гуляющимъ народомъ.

— Сегодня нельзя узнать скучную Пизу! говорила маска, идя съ мужественно-красивымъ и статнымъ Орловымъ и опираясь вѣжливо на его руку.

— Мнѣ, принцеса, весело сегодня потому, что я могу провести время наединѣ съ вами. Къ сожалѣнію, это самое счастливое въ моей жизни время мнѣ приходится считать только минутами, отвѣчалъ Орловъ, придавая своему голосу выраженіе нѣжной страсти и отводя свою даму въ пустую улицу, прилетавшую къ площади.

— Если вы говорите искренно, то отъ васъ болѣе, чѣмъ отъ когонибудь другого, зависитъ, чтобъ эти минуты обратились въ часы, въ дни, даже въ цѣлые годы... томно замѣтила спутница графа.

— И я готовъ для этого пожертвовать всѣмъ! восторженно перебилъ графъ.

— И даже вѣрностію императрицѣ Екатеринѣ?.. нерѣшительно, взволнованнымъ голосомъ спросила маска.

— Если я говорю всѣмъ, то, конечно, не исключаю изъ этого и вѣрности моей къ императрицѣ, твердо отвѣтилъ Орловъ.

*

— Значить, вы согласны, чтобъ русская эскадра, состоящая подъ вашимъ начальствомъ... прошептала маска.

— Приняла вашу сторону? Нетолько согласенъ, но даже нахожу, что прежде всего нужно это сдѣлать для предьявленія вашихъ правъ на корону, а я готовъ подчиниться вамъ безирекословно. Вы найдете во мнѣ самаго преданнаго слугу...

— И преданнаго друга... не правда ли? перебила маска.

— Если только вамъ угодно будетъ удостоить меня вашей дружбы... Вамъ нужно будетъ прежде всего побывать на моей эскадрѣ, не отрывая пока тамъ тайны вашего происхожденія. Появленіе ваше возбудитъ толки и подготовитъ моряковъ въ вашу пользу. На дняхъ мы поѣдемъ въ Ливорно, чтобы начать дѣло, а послѣ...

— Я раздѣлю съ вами и власть и могущество, порывисто проговорила маска, сжимая своей рукой руку Орлова:—если, разумѣется, предпріятіе наше удастся... робко добавила она.

— Въ успѣхъ его я не сомнѣваюсь нисколько. Пора теперь самая благоприятная. Волненія въ Россіи, какъ вамъ извѣстно, не прекратились и появленіе ваше на русской эскадрѣ усилитъ ихъ.

— Скажите мнѣ, графъ, протяжно заговорила принцеса:—императрица Екатерина красива собою? Мнѣ не приходилось видѣть ея хорошаго портрета.

— Красива на столько, на сколько можетъ сохранить свои прелести женщина въ ея годы, отвѣчалъ Орловъ.

— А въ молодости?..

— Она была очаровательна.

— Значить, она нравилась вамъ? и, кромѣ того, вы, кажется, были однимъ изъ самыхъ ревностныхъ ея приверженцевъ? Почему же вы теперь хотите измѣнить ей?

— Измѣнить ей, какъ женщинѣ, для меня очень легко, смѣясь отвѣчалъ графъ:—потому что я и не дерзалъ пользоваться ея вниманіемъ; а что касается до измѣны ей, какъ государниѣ, то бывають обстоятельства... слегка вздрогнувъ и запинаясь, проговорилъ Орловъ.—Впрочемъ, мы завели съ вами слишкомъ серьезный разговоръ, добавилъ онъ, стараясь придать своему голосу веселое выраженіе.—Забудемте на время ожидающія насъ тревоги, пойдете на площадь, посмотримъ, что тамъ дѣлается. Слышите, какой оживленный гулъ несетса оттуда?..

— Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ: почему вы хотите измѣнить Екатеринѣ? настойчиво повторила маска.

— Изъ любви къ вамъ можно на все рѣшиться, перебилъ Орловъ, поцѣловъ вѣриво руку своей спутницы и вывода ее

почти силою изъ пустой улицы на кипѣвшую народомъ площадь.

Праздникъ былъ въ самомъ разгарѣ. Орловъ старался развлечь свою даму шутивою болтовней. Онъ вводилъ ее въ толпу, указывалъ ей на смѣшныя маски, на великолѣпныя или странныя маскарадные костюмы и на забавныя сцены неподдѣльнаго веселья. Но она, казалось, не обращала ни на что вниманія и какъ будто нѣхотя слѣдовала за графомъ. Ее не занимала пестрая картина оживленнаго праздника, ее волновали тревожныя мысли.

На другой день, при свиданіи съ Орловымъ, она снова повторила свой вчерашній вопросъ, и Орловъ, незадаченный уже имъ, какъ это было наканунѣ, выставилъ, какъ побужденіе къ измѣнѣ, свое неудовольствіе противъ Екатерины, забывшей оказанныя имъ услуги и только притворно, по необходимости, выражавшей ему свое расположеніе. Орловъ высказалъ все это съ полною, повидимому, откровенностью и, рассчитывая на то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ этимъ на графиню, захотѣлъ, въ свою очередь, развѣдать ея тайны. Онъ, однако, сильно обманулся въ своемъ расчетѣ. Она рассказала ему только то, что говорила другимъ: о своемъ пребываніи сперва въ Сибири, а потомъ въ Персіи, о тайномъ проѣздѣ чрезъ Россію и о своихъ странствованіяхъ по Европѣ. Какъ ни ухищрялся Орловъ въ своихъ распросахъ, онъ не узналъ ничего новаго.

— Я, впрочемъ, не желаю и даже не смѣю допытываться у васъ о вашихъ тайнахъ, сказалъ онъ, скрывая свою досаду: — и если я позволю себѣ спрашивать о вашемъ прошедшемъ, то единственно изъ участія къ вашей превратной судьбѣ. Впрочемъ, поѣздка ваша въ Ливорно покажетъ вамъ, до какой степени вы можете положиться на преданность къ вамъ Алексѣя Орлова.

IV.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда въ Ливорно, Орловъ былъ чрезвычайно мраченъ. Его лицо, всегда суровое, принимало по временамъ страшное выраженіе.

— Еще новый тяжелый грѣхъ падеть на мою совѣсть... Я предаю женщину, которая такъ смѣло довѣрилась мнѣ... Но долгъ и святость присяги... рассуждалъ онъ самъ съ собою.

Рѣшаясь заманить принцессу въ сѣти, Орловъ оправдывалъ свой поступокъ тѣмъ, что онъ предотвратитъ смутенія, которыя, какъ и пугачевщина, могутъ нанести Россіи страшныя бѣдствія. Зарождавшееся въ немъ чувство если не любви, то прихотливой страсти, Орловъ подавлялъ тѣмъ холоднымъ соображеніемъ, что

молодая женщина не могла бы любить его искренно, такъ какъ ему извѣстно было, что сердце ея принадлежало уже другому.

Послѣ продолжительной борьбы съ самимъ съ собою, Орловъ судорожно схватилъ перо и написалъ Дикѣ записку, извѣщающаго, что онъ, Орловъ, на слѣдующій день прїѣдетъ къ консулу въ Ливорно обѣдать съ одною дамою и съ нѣсколькими мужчинами.

Прїемъ гостей не могъ нисколько затруднить сэра Джона: англійскій консулъ жилъ такъ широко и роскошно, какъ не жилъ тогда въ Италіи самые богатые италіянскіе князья. Его домъ въ Ливорно былъ настоящій дворецъ и считался образцомъ невданнаго еще въ Италіи комфорта. Жилище консула было раздѣлено на двѣ половины: зимнюю и лѣтнюю. Въ первой изъ нихъ были устроены заимствованныя изъ сѣверныхъ странъ приспособленія противъ холодовъ; во второй—можно было найти прохладу въ самые знойные дни. Кромѣ того, хозяинъ дома отличался гостепрїимствомъ, и обильныя, изысканныя угощенія были у него не въ рѣдкость. Прїѣзжая въ Ливорно, Орловъ всегда останавливался у него, и Дикъ великодушнo угощалъ своего знатнаго гостя съ его многочисленной свитой.

На записку Орлова консулъ отозвался самымъ любезнымъ приглашеніемъ, извѣщая, что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ будетъ ожидать прїѣзда графа со всѣмъ обществомъ. Орловъ передалъ приглашеніе Дикѣ графинѣ, сообщивъ ей, чтобъ она, не стѣсняясь, взяла изъ своей свиты того ей будетъ угодно, и обѣщавъ доставить ей самую прїятную поѣздку. Она быстро собралась въ путь; сѣла съ Орловымъ въ одну коляску, а въ другой помѣстились: генеральскъ-адъютантъ графа, Христенекъ, и двое спутниковъ принцесы, Доманскій и Чарномскій.

Въ разговорѣ съ Орловымъ о планѣ будущихъ дѣйствій, небольшое разстояніе между Пизою и Ливорно показалось графинѣ еще короче. Между тѣмъ, кромѣ гостей, ѣхавшихъ изъ Пизы, собрались къ Дикѣ на обѣдъ еще нѣсколько добрыхъ его прїятелей; въ числѣ ихъ былъ и русскій контръ-адмиралъ съ своею женою.

Супруга консула встрѣтила прїѣзжихъ чрезвычайно прївѣтливо, оказывая при этомъ особое вниманіе дамѣ, прибывшей съ графомъ. Впрочемъ, и всѣ присутствовавшіе въ домѣ консула выражали ей, какъ и въ Пизѣ, исключительное уваженіе: безъ приглашенія ея никто не садился, и самъ Орловъ обращался съ нею при постороннихъ съ почтительностію, доходившею до раболѣвства.

Консулъ, разумѣется, угостилъ на славу. Обѣдъ прошелъ чрезъ-

вычайно оживленно, графиня была разговорчива, весела и очаровала всѣхъ своею любезностью, умомъ и находчивостью. О политическихъ дѣлахъ за обѣдомъ не было вовсе помину; всѣ шутили, остряли, рассказывали забавные анекдоты и смѣялись отъ души. Одинъ только Орловъ казался озабоченнымъ и по временамъ сильно хмурился; но когда къ нему обращалась графиня, онъ старался придать своему лицу веселое, беззаботное выраженіе. Она замѣчала это, но объясняла себѣ тревожное расположеніе графа тѣмъ, что онъ, готовясь къ отчаянному предпріятію въ ея пользу, не могъ вполнѣ владѣть собою.

Послѣ обѣда, она вышла на террасу, обращенную на море. Отсюда была видна стоявшая на ливорнскомъ рейдѣ русская эскадра. Орловъ тоже пришелъ на террасу а вслѣдъ за нимъ и прочіе гости.

— Я съ нетерпѣніемъ ожидаю, графъ, исполненія вашего обѣщанія, сказала она, обращаясь къ Орлову:—вы мнѣ хотѣли показать сегодня адмиральскій корабль...

— Если только вамъ угодно, то сейчасъ же можно туда отправиться, отвѣчалъ Орловъ, пересиливая свое волненіе.

— Я очень желала бы: море такъ и манитъ меня къ себѣ, сказала она и вдругъ задумалась.—А знаете, графъ, мнѣ какъ-то страшно стало ѣхать! прошептала она.

— Какъ вы, однако, нерѣшительны! возразилъ Орловъ, и при этихъ словахъ по лицу его пробѣжала какая то странная улыбка.

— А вы, графъ, возьмете меня съ собою? спросила мистрисъ Дикъ.

— И я съ вами поѣду! вызвалась адмиральша.

Орловъ быстро, украдкой отъ принцессы, сдѣлалъ обѣимъ дамамъ знакъ глазами, чтобъ онѣ отказались отъ поѣздки.

— Вы доставите мнѣ этимъ большое удовольствіе, проговорила графиня, обращаясь къ г-жѣ Дикъ и адмиральшѣ.

— Вы, шедшая, шутя сказалъ Орловъ:—такъ часто бывали на адмиральскомъ кораблѣ, что, я думаю, вамъ скучно будетъ осматривать его снова. Притомъ, я долженъ заявить вамъ, что я, какъ вѣжливый кавалеръ, обязанъ буду удѣлить и вамъ мое вниманіе; между тѣмъ, сегодня мнѣ хотѣлось бы предоставить себя въ полное распоряженіе знаменитой гостьѣ, удостоившей въ первый разъ почтить своимъ посѣщеніемъ русскую эскадру.

Эти слова графа сопровождались повтореніемъ прежняго отрицательнаго знака, сдѣланнаго уже имъ дамамъ.

Предложивъ имъ изъ вѣжливости ѣхать вмѣстѣ, графиня была, однако, въ душѣ очень рада, что поѣздка г-жи Дикъ и адмиральши

разстроивалась. Она думала, что спутницы могут помѣшать ей говорить съ графомъ о такихъ предметахъ, о которыхъ неудобно было бы завести при нихъ рѣчь. Графиня не настаивала болѣе.

— Полагаю, что эти господа не откажутся сопутствовать намъ, сказалъ Орловъ, указывая рукою на Доманскаго и Чарномскаго. — Я же за ранѣе прошу у нихъ извиненія, если при этой поѣздкѣ, я въ отношеніи къ нимъ не окажусь внимательнымъ проводникомъ.

Молодые люди вѣжливо поклонились графу.

— Вы, графъ, здѣсь полный хозяинъ, и если вамъ угодно пригласить ихъ, то они съ удовольствіемъ воспользуются вашимъ позволеніемъ, сказала графиня, поспѣшно надѣвая черную съ бѣлыми перьями шляпку и накидывая на плеча бѣлую шелковую мантилью, поданную ей Орловымъ.

Охватившая ее боязнь теперь исчезла, она была весела и беззаботна по прежнему. Съ привѣтливою улыбкою подала она руку Орлову и стала съ нимъ спускаться съ террасы. Въ нѣсколькихъ шагахъ за ними слѣдовали Христенекъ, Доманскій и Чарномскій.

У пристани, къ которой вела широкая аллея консульскаго сада, стояла на готовѣ адмиральская шлюпка, убранная какъ для торжественнаго случая. Ловкіе и сильные гребцы дружно махнули веслами, навалились на нихъ и шлюпка быстро понеслась къ стоявшей невдалекѣ русской эскадрѣ. Когда шлюпка стала къ ней приближаться, то съ адмиральскаго корабля грянулъ пушечный выстрѣлъ. Принцеса вздрогнула и быстрымъ движеніемъ прижалась къ плечу Орлова.

— Васъ напугала неожиданность, сказалъ онъ шуточно: — но бояться холостыхъ зарядовъ нечего; притомъ эти выстрѣлы означаютъ салютъ, отдаваемый въ честь вашего высочества. Вамъ нужно привыкать къ такого рода почестямъ, смѣясь, добавилъ Орловъ.

Слѣдомъ за этимъ выстрѣломъ раздался другой. Принцеса уже не испугалась его. Она приятно улыбалась при мысли, что торжество ея начинается. Когда шлюпка подѣхала къ кораблю, то съ него спустили трапъ, по которому стали взбираться принцеса, слегка и почтительно поддерживаемая Орловымъ, а Христенекъ несъ шлейфъ ея платья.

При входѣ на палубу она была встрѣчена установленными для владѣтельныхъ особъ почестами, а Орловъ и командиръ корабля стали поздравлять ея адмиральскій корабль, отличавшійся изяществомъ отдѣлки, чистотою и порядкомъ.

Послѣ осмотра былъ предложенъ десертъ.

— Теперь я подамъ сигналъ, чтобы начать манѣвры — вы сей-

часъ увидите морское сраженіе, сказалъ Орловъ. выводя принцессу на палубу: — только не испугайтесь, пальба поднимется страшная.

Указавъ на палубѣ принцессѣ мѣсто, съ котораго всего удобнѣе можно было видѣть манѣвры, Орловъ всталъ за своею дамою.

Съ адмиральскаго корабля раздался выстрѣлъ, и чрезъ нѣсколько минутъ корабли, стоявшіе прежде неподвижно, вдругъ заколыхались. На нихъ началось суетливое движеніе, матросы живо взбирались на мачты, развѣщаясь по реямъ; паруса то распускались, то подбирались, и корабли плавно и величаво сходили съ своихъ мѣстъ.

Не много потребовалось времени для того, чтобы всѣ они встали одинъ противъ другого въ двѣ линіи.

На одномъ изъ нихъ взвился клубъ бѣлаго дыма, рванулось красное пламя и захохоталъ выстрѣлъ, за нимъ другой, третій, и вскорѣ началась оглушительная канонада. Участвовавшіе въ примѣрномъ бою корабли то выходили изъ линіи, сближаясь одинъ съ другимъ бортъ-о-бортъ, то становились на прежнее мѣсто, то обходили другъ друга, дѣлая залпы изъ всѣхъ орудій борта. Густой бѣловатый дымъ стлался клубами по поверхности моря, и затѣмъ, поднимаясь вверхъ, казался туманомъ, посреди котораго, какъ молнія между тучъ, вспыхивало пламя пушечныхъ выстрѣловъ. Среди грохота тяжелыхъ орудій слышались барабанный бой, крики и ружейная перестрѣлка. По временамъ легкой вѣтерокъ, нагонившій на море чуть замѣтную зыбь, развѣвалъ густой дымъ, заставлявшій сражавшіеся корабли, и тогда можно было рассмотреть ихъ правильныя движенія и суетню бывшихъ на нихъ матросовъ.

Принцесса была восхищена представлявшейся ей оживленною картиной. Она засмотрѣлась на невиданное ею до этого зрѣлище морской битвы, и горделивые помыслы уносили ее въ блестящую будущность.

Позади принцессы, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи, стоялъ, опершись на саблю, Доманскій. Онъ самодовольно покручивалъ свой черный усъ, мечтая о томъ, что женщина, которая такъ любитъ его, будетъ скоро могущественнѣйшею повелительницею въ цѣлой Европѣ.

Пальба начала стихать, выстрѣлы раздавались уже не залпами, а отдѣльно. Принцесса стояла въ раздумьѣ на прежнемъ мѣстѣ, какъ вдругъ поднявшійся на палубѣ шумъ вывелъ ее изъ мечтаній. Сзади ея раздались мѣрные, дружно отбиваемые шаги. Она обернулась. По палубѣ проходилъ взводъ вооруженныхъ сол-

дать, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ она находилась. Начальствовавшій надъ этимъ взводомъ офицеръ подошелъ къ Доманскому.

— Извольте, государь мой, сказать ему сурово капитанъ гвардіи Литвиновъ:—отдать вашу саблю—вы арестованы.

Доманскій скрестилъ руки на груди и надменнымъ взглядомъ смѣрилъ капитана съ головы до пятокъ. Презрительная улыбка мелькнула на его губахъ.

— Ахъ, какъ любезенъ графъ! вскрикнула, засмѣявшись, принцеса: — онъ хочетъ довести до конца доставленное мнѣ имъ удовольствіе. Вѣроятно, чтобъ показать мнѣ, какъ берутъ въ плѣнъ, онъ приказалъ сдатьъ нашему кораблю и мы теперь военно-плѣнные. Отдайте вашу саблю господину офицеру, сказала она Доманскому.

Пожимая плечами, онъ поспѣшилъ исполнить приказаніе принцесы. То же сдѣлалъ Чарномскій, а стоявшій съ ними рядомъ Христенекъ, съ изумленнымъ лицомъ, отдалъ Литвинову свою шпагу.

— Вамъ это, господа, по дѣломъ за то, что вы не участвовали въ кровопролитномъ сраженіи, смѣясь сказала принцеса своимъ спутникамъ. — Теперь все кончено?... спросила она, обращаясь къ Литвинову.

— Все.. отрывисто проговорилъ онъ.

— И такъ, прощайте, господа военно-плѣнные! Я, впрочемъ, нисколько не жалѣю васъ, вы остаетесь въ рукахъ великодушнаго побѣдителя, проговорила она шутливо и, кивнувъ ласково головою капитану на прощанье, сдѣлала шагъ впередъ, отыскивая глазами Орлова.

— Не угодно ли вамъ будетъ остаться здѣсь? твердо проговорилъ по-французски Литвиновъ, заслоня ей дорогу, и въ то же время два солдата скрестили передъ нею штыки; а другіе ихъ товарищи окружили со всѣхъ сторонъ Доманскаго, Чарномскаго и Христенека.

— Благодарю васъ за ваше желаніе познакомить меня со всѣми подробностями взятія въ плѣнъ, сказала весело принцеса капитану: — но, кажется, что уже пора мнѣ уѣхать съ корабля. Гдѣ же графъ?...

— Графа вамъ ужъ нельзя видѣть, какъ-то загадочно отвѣчалъ Литвиновъ.

— Значить, и онъ взятъ въ плѣнъ? Но какъ же я возвращусь одна? Не будьте слишкомъ строги и отпустите со мною моихъ провожатыхъ. Графъ такъ любезенъ къ дамамъ, что не взыщетъ съ васъ за снисхожденіе, оказанное по моей просьбѣ,

говорила принцеса, забавляясь тѣмъ комическимъ положеніемъ, въ которомъ она такъ неожиданно очутилась.

— Сяди съ палубы! скормандоваль капитанъ солдатамъ, не обращая никакого вниманія на слова дамы.

Христенекъ тронулся съ мѣста въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ; но Доманскій и Чарномскій захотѣли выйти изъ круга оцѣпившихъ ихъ солдатъ. Попытка ихъ оказалась тщетною.

— Сомкнись! грозно крикнулъ капитанъ и солдаты, стиснувъ плотно обоимъ молодцовъ со всѣхъ сторонъ, повели ихъ за собою.

— Не пора ли, однако, окончить эти шутки? съ изумленіемъ спросила принцеса.

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало, а солдаты, по приказанію капитана, окружили ее. Она рванулась впередъ, но Литвиновъ положилъ ей на плечо свою руку.

— Что значить эта дерзость?... какъ вы смѣли забыться до такой степени?... вскрикнула она въ порывѣ сильнаго негодованія.

— Я исполняю приказанія моего начальства и съ сожалѣніемъ вижу необходимость употребить противъ васъ силу, хладнокровно и твердо возразилъ Литвиновъ.

Въ эту минуту, Доманскій, окруженный солдатами, кинулся, было къ принцесѣ, но они, подхвативъ его подъ руки и употребляя въ дѣло пинки, потащили съ палубы.

— Насъ предали нашимъ врагамъ! Мы погибли! отчаянно кричалъ онъ.

Теперь только принцеса поняла весь ужасъ своего положенія. Разгорѣвшееся прежде отъ гнѣва ея лицо мгновенно поблѣднѣло. Закрывъ глаза и схвативъ руками голову, она пошатнулась на подвешенныхъ ногахъ.

Литвиновъ поддержалъ ее и повелъ въ каюту. Совершенно обезсиленная, она шла, повинувшись безсознательно движенію своего проводника. Капитанъ ввелъ ее въ каюту.

— Гдѣ же графъ? спросила она дрожащимъ голосомъ, обводя испуганными глазами это тѣсное помѣщеніе. — Попросите его придти поскорѣе...

— Графъ, быть можетъ, придетъ къ вамъ послѣ, а сейчасъ къ услугамъ вашимъ явится ваша горничная, проговорилъ спокойно капитанъ и проворно юркнулъ изъ каюты.

Вслѣдъ за его выходомъ, щелкнувъ въ дверяхъ каюты замокъ. Плѣнница бросилась къ дверямъ и, собравъ всѣ силы, толкнула ихъ, но двери не поддавались. Принцеса сдѣлала еще нѣсколько попытокъ, но все было напрасно. Голова ея кружилась, въ гла-

захъ темнѣло, дыханіе спиралось въ груди, и она, едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, упала безъ чувствъ на койку.

Когда она пришла въ себя, то увидѣла, что около нея суетились ея горничная Франциска Мешедѣ, вся въ слезахъ, стараясь поскорѣ освободить свою госпожу отъ стѣснявшихъ ее парадныхъ уборовъ...

У.

Орловъ, присутствовавшій при началѣ манѣвровъ подлѣ принцесы, увидя, что она засмотрѣлась на увлекавшую ее картину, незамѣтно сталъ отдаляться отъ нея, чтобъ сдѣлать распоряженіе о захватѣ своей гостини и двухъ ея спутниковъ, а также и Христенека, который, конечно, заранѣе былъ предувѣдомленъ о предстоящей для него комедіи и отлично сыгралъ роль человѣка, озадаченнаго неожиданною бѣдою. Въ тому же времени, когда стали арестовывать поляковъ и принцесу, Орловъ съѣхалъ съ корабля и пришелъ къ Дику. Онъ былъ блѣденъ, лицо его было искажено, и онъ просилъ Дика дать ему изъ библиотеки консула самую занимательную книгу. На вопросъ же Дика: куда дѣлалась поѣхавшая съ графомъ дама?—онъ отвѣчалъ въ сильномъ смущеніи, что она осталась на кораблѣ, не желая возвращаться на берегъ. Дикъ догадался, что тутъ вышло что-то неладное, но не рѣшился спрашивать графа, предполагая, что во всемъ этомъ можетъ быть или капризъ женщины, или размолвка, происшедшая между ею и ухаживавшимъ за нею Орловымъ.

Придя въ себя, плѣнница Орлова съ изумленіемъ выслушала разсказъ своей горничной. По словамъ ея, тотчасъ послѣ отъѣзда принцесы изъ Пизы, въ занимаемый ею тамъ домъ явилось изъ Ливорно нѣсколько русскихъ, которые объявили Францискѣ Мешедѣ, обоимъ камердинерамъ ея госпожи и прочей прислугѣ, чтобы всѣ они поскорѣ ѣхали въ Ливорно, такъ какъ принцеса сегодня же, вечеромъ, уѣзжаетъ оттуда на русскомъ кораблѣ. Франциска не только не подозрѣвала ничего дурнаго, но, напротивъ, радовалась, думая, что дѣла ея госпожи пошли такъ хорошо, что ей уже можно отправиться въ Россію. Теперь же она видитъ, что ея свѣтлость и всѣ преданные ей люди были жестоко обмануты графомъ Орловымъ.

— Не можетъ этого быть! вскрикнула узница, выслушавъ разсказъ Франциски:—не можетъ этого быть! Побѣдитель, покрывшій себя славой чесменскаго боя, не рѣшится омрачить ее

такимъ вѣроломствомъ съ беззащитною женщиною... Вѣроятно, онъ самъ сдѣлался жертвою предательства.

При этой мысли воскресли въ воспоминаніяхъ молодой женщины часы, проведенные ею съ Орловымъ. Живо представлялись ей его увѣренія въ страстной, безпредѣльной любви и въ готовности пожертвовать для нея всѣмъ. Ей вспомнились также тѣ непріязненные отанвы, какіе дѣлалъ Орловъ объ Елатеринѣ. Ей слышались напентыванія его о легкости побѣды и о томъ торжествѣ, которое вскорѣ ожидаетъ любимую имъ женщину.

— Онъ самъ манилъ меня къ величію и славѣ... Онъ уговаривалъ меня отважиться на такое дѣло, которое страшило меня своими трудностями и опасностями... Не можетъ быть, чтобы онъ былъ такъ жестокъ и коваренъ! шептала принцеса.

Остановившись на той мысли, что Орловъ несколько непріязненъ въ ея бѣдствіи и что, какъ надобно заключить изъ словъ арестованнаго ея офицера, самъ графъ попался въ западню, она желала получить отъ него какое нибудь извѣстіе и, подъ предлогомъ, что хочетъ написать адмиралу, потребовала бумаги и перо. Требованіе ея было исполнено безпрекословно.

Въ письмѣ къ адмиралу принцеса въ рѣзкихъ выраженіяхъ протестовала противъ того насилія, какому она подверглась и требовала у него объясненія о причинахъ ея задержанія на русскомъ кораблѣ, куда она явилась въ качествѣ приглашенной гостьи, не подавая никакого повода къ тѣмъ жестокимъ мѣрамъ, какія были употреблены противъ нея.

Письмо это было взято немедленно дежурнымъ офицеромъ для доставленія по принадлежности, но переписка ея съ Орловымъ встрѣтила затрудненіе, и только ловкая горничная, чрезъ представленнаго къ ея дѣлѣ часового, успѣла уладить это дѣло. Отговаривался страхомъ жестокаго наказанія, часовой сперва отказывался взять письмо принцесы къ Орлову, но потомъ согласился, слѣдуя, разумѣется, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, даннымъ ему наставленіямъ. Въ письмѣ, принцеса описывала графу весь ужасъ своего настоящаго положенія, удивляясь, что онъ исчезъ незамѣтно въ ту минуту, когда ее захватили. Съ нѣжною заботливостію высказывала она свои опасенія объ участи, которой онъ, вѣроятно, подвергся изъ любви и преданности къ ней, и сожалѣла о немъ болѣе, нежели о самой себѣ. Все письмо было пронизано тревожною мыслию, что не она ли виновница несчастья, разразившагося надъ графомъ. «Впрочемъ, добавляла она: — еслибы и вы отняли у меня свободу и счастье, то я, несмотря и на это, сохранию къ вамъ любовь и дружбу».

На письмо къ адмиралу она получила самый короткій отвѣтъ.

закончавшійся только въ томъ, что онъ, адмиралъ, распорядившись объ ея арестованіи, исполнилъ приказаніе начальства. Но отвѣтъ отъ Орлова, написанный по-нѣмецки, довольно, впрочемъ, безграмотно, былъ ей вскорѣ доставленъ, со внушеніемъ съ стороны передатчика сохранить переписку съ графомъ въ недоступной тайнѣ.

Орловъ писалъ, что онъ также подвергся аресту, что адмиралъ предупреждалъ его о грозившей ему бѣдѣ и что поэтому онъ успѣшилъ удалиться съ корабля въ томъ соображеніи, что, остававшись самъ на свободѣ, найдетъ средства спасти и ее. Орловъ рассказывалъ, что онъ благополучно свѣлъ въ шлюпку и приближался уже къ берегу, когда его настигла посланная за нимъ погоня и онъ, уступаая силѣ, принужденъ былъ сдаться; что положеніе ея приводитъ его въ трепеть, но что онъ не теряетъ еще надежды на ея освобожденіе, такъ какъ ему сочувствуетъ вся русская эскадра. Къ этому онъ прибавлялъ, что офицеръ, арестовавшій его, исполнилъ свою печальную обязанность со слезами на глазахъ. Орловъ просилъ ее быть спокойною, положить на него и вѣрить въ его неизмѣнную любовь и въ его готовность пожертвовать всѣмъ для ея избавленія. Въ письмѣ своемъ онъ упоминалъ нѣсколько разъ имя Бога, какъ свидѣтеля его преданности къ принцесѣ, и называлъ ее обожаемымъ другомъ.

Отрадный лучъ надежды промелькнулъ для плѣнницы по прочтеніи этого успокоительнаго и нѣжнаго письма, которое, въ сущности, было только вызовомъ обманутой имъ женщины на полную откровенность. Несмотря на свое сближеніе съ нею, Орловъ не могъ добраться до сокровенныхъ ея тайнъ, и ему казалось, что, при настоящемъ положеніи, она высветится вполне.

Между тѣмъ, отправка плѣнницы и захваченныхъ съ нею людей въ Петербургъ была рѣшена. Корабельный палмейстеръ составлялъ описи вещамъ, найденнымъ въ баулахъ принцесы. Тамъ оказались бѣляриновыя роброны и тафтянныя юбки съ флеровою выкладкою, такія же кофточка, польскіе и амазонскіе кафтаны, камзолы, корсеты, фижмы и шляпки, мантильи атласныя и кисейныя, восемь сорочекъ голландскаго полотна, осьмнадцать паръ шелковыхъ чулокъ, семь паръ башмаковъ, шитыхъ золотомъ и серебромъ, головной токъ ниванннй перлами, искусственные итальянскіе цвѣты, батистовныя носовыя платки, одинъ зонтикъ, ленты разныхъ цвѣтовъ въ кускахъ не початые, двадцать пять паръ новыхъ лайковыхъ перчатокъ, бумажный вѣеръ, нѣсколько блондъ старыхъ и новыхъ. Изъ этого видно, что гардеробъ претендентки на императорскій престолъ не отличался

богатствомъ; у ней не омазалося ни слишвомъ роскошныхъ нарядовъ, ни драгоценныхъ украшеній. Эти послѣднія состояли только изъ серебрянныхъ браслетовъ, отдѣланныхъ жемчугомъ, изъ подвѣски на славажъ «съ осыпью», жемчужныхъ серегъ и пятнадцать маленькихъ красныхъ хрустальныхъ камешковъ. Между вещами, захваченными у принцесы, найдены были: образъ Спасителя на мѣдной доскѣ, «четыре рисунка лайковыхъ на подобіе фрака», «три плана о побѣдахъ російскимъ флотомъ приобрутенныхъ». Въ числѣ ея имущества были и книги: четыре географическихъ, шестнадцать историческихъ на иностранныхъ языкахъ и одинъ французско-нѣмецко-русскій лексиконъ.

Въ то время, когда молодая женщина содержалась на кораблѣ подъ крѣпкою стражею, Орловъ писалъ императрицѣ пространное донесеніе о своемъ подвигѣ.

«Угодно было вашему императорскому величеству — такъ началъ онъ свое донесеніе — повелѣть доставить называемому принцесу Елизавету, которая находилась въ Рагузахъ. Я со всеподданническою моею рабскою должностію, чтобъ повелѣніе вашего величества исполнить, употребилъ всевозможныя мои силы и старанія и щестливымъ теперь здѣлался, что я могъ оную злодѣйку захватить со всею ея свитою на кораблѣ, которая теперь со всѣми ними содержится подъ арестомъ на корабляхъ и рассажены по разнымъ кораблямъ».

При этомъ Орловъ отдавалъ должную справедливость своему клевету Христенеку, который, какъ писалъ графъ, «поступалъ со всевозможною точностію по моимъ повелѣніямъ и умѣлъ удачно свою роль сыграть».

Но, заманивъ въ западню довѣрлившуюся ему женщину, Орловъ не былъ спокоенъ. Онъ писалъ императрицѣ слѣдующее: «признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что я теперь, находясь внѣ отечества, въ здѣшнихъ мѣстахъ опасаться долженъ, чтобъ не быть отъ сообщниковъ сей злодѣйки застрѣлену или оковрену, и, можетъ, для спасенія жизни, я долженъ буду сдать команду».

Неизвѣстно, впрочемъ, дѣйствительно ли послѣдствія вѣроломства тревожили Алексѣя Орлова, или же онъ, только желая во всякое время вернуться въ Россію безъ особаго повелѣнія государыни, сообщалъ ей о грозившихъ ему опасностяхъ. Предваряя императрицу, что у «злодѣйки» найдутся его портретъ и его нѣмецкое письмо, онъ прибавлялъ: «если захотятъ въ Россіи мнѣ недоброхотствовать, то могутъ ко мнѣ по этому придраться».

Разсказывая подробно о своемъ знакомствѣ съ плѣнницею, Ор-

ловъ, между прочимъ, писалъ: «не могъ я узнать въ точности, кто она дѣйствительно, свойство же она имѣть довольно отважное и своею смѣлостью много хвалится: этимъ то самымъ мнѣ и удалось завести ее куда желалъ. Она же ко мнѣ казалась быть благосклонною, чего для и я старался казаться передъ нею быть очень страстенъ, наконецъ я ее увѣрилъ, чтобы я съ охотою и женился на ней, и въ доказательство хотъ сегодня, чему она, обольстясь, болѣе повѣрила. Признаюсь, всемилющѣйшая государыня, что я оное исполнилъ бы, лишь только достигъ бы того, чтобы волю вашу исполнить. Но она сказала мнѣ что теперь не время, что она еще несчастлива, а когда будетъ на своемъ мѣстѣ, тогда и меня сдѣлаеть счастливымъ. Мнѣ въ оное время и бывшая моя невѣста Шмитца, могу теперь похвастать—безтолково добавляя Орловъ—што имѣлъ невѣсть богатыхъ. Извините меня, всемилющѣйшая государыня, заключаю онъ, что осмѣливался такъ писать».¹

Донесеніе это отправилъ Орловъ сухимъ путемъ съ Христенокомъ въ Москву, гдѣ тогда находились императрица. Между тѣмъ, въ Ливорно разнеслась молва о насильственномъ похищеніи знатной иностранки; весь городъ пришелъ въ сильное волненіе, и консулъ Дикъ сдѣлался предметомъ озлобленныхъ порицаній, какъ соучастникъ Орлова. Множество лодокъ кружилось на рейдѣ около русской эскадры, бывшіе на нихъ мужчины и женщины старались подсмотрѣть что-нибудь, и людямъ съ игривымъ воображеніемъ слышались несшіеся съ корабля жалобные стоны и видѣлось въ окнѣ каюты блѣдное лицо узницы. Всѣ громко негодовали на жестокой поступокъ Орлова, но никто не смѣлъ заступиться за несчастнукъ: пушки такъ грозно смотрѣли изъ люковъ русскихъ кораблей, а стоявшіе на палубѣ адмиральскаго корабля часовые приказывали лодкамъ не приближаться къ нему, угрожая, въ случаѣ ослушанія ружейными выстрѣлами. Городскія власти не знали, что имъ предпринять, и только донесли о случившемся во Флоренцію. Герцогъ тосканскій во владѣніяхъ котораго находился тогда городъ Ливорно, протестовалъ противъ нарушенія международнаго права русскимъ военачальникомъ, но протестъ его, разумѣется, остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

26-го февраля, русская эскадра тронулась съ ливорнскаго рейда. Однообразно и уныло залескали волны въ стѣны той каюты, въ которой была заключена узница. Изъ маленькихъ задѣлан-

¹ Переписка императрицы съ Орловымъ по этому дѣлу напечатана въ «Сборникѣ императорскаго историческаго общества».

ныхъ желѣзною рѣшеткою оконъ видно было ей только неустанно бѣжавшія вмѣстѣ съ кораблемъ волны. Она, однако, была спокойна, убѣжденная, что Орловъ выручитъ ее у береговъ Англїи. Но вотъ показались я эти желанныя берега, и вблизи ихъ оставился адмиральскій корабль. Молва о томъ, что на немъ находится знатная плѣнница, захваченная въ Ливорно, предшествовала ему изъ порта въ портъ; ее передавали экипажи тѣхъ кораблей, которые вышли изъ ливорнской гавани прежде русской эскадры. Англичане и англичанки прїѣзжали на русскій адмиральскій корабль подѣ предлогомъ, что желаютъ осмотрѣть его, но на самомъ дѣлѣ для того, чтобъ развѣдать что нибудь о несчастной узницѣ. Несмотря на то, что между ею и людьми экипажа не допускалось никакихъ сношеній и что къ ней не могъ проникнуть никто изъ постороннихъ, она какимъ-то образомъ узнала, что была постыдно предана Орловымъ, что онъ свободенъ и что для нея не осталось уже никакой надежды на освобожденіе.

Съ воплемъ и рыданіями упрекала она себя за то, что поддавалась обману съ такимъ непростительнымъ легковѣріемъ. Страшныя проклятія и грозную месть Бога призывала она на своего предателя. Но силы ея не выдержали: послѣ порывовъ изступленія и отчаянія, она впала въ совершенное безчувствіе; дыханіе, біеніе сердца и пульсъ прекратились. Съ помутившимися глазами и съ полуоткрытымъ ртомъ она лежала безъ движенія въ каютѣ, и докторъ ожидалъ, что этотъ страшный припадокъ окончится смертью.

— Воздуху!.. Воздуху!.. Я задыхаюсь... Я умираю, вдругъ закричала она дикимъ голосомъ.

Докторъ призналъ необходимымъ вынести ее на палубу. Тамъ, придя въ себя, она рванулась къ борту, чтобъ броситься въ англійскую шлюпку, стоявшую возлѣ адмиральскаго корабля. Ее удержали и послѣ того приняли уже всѣ мѣры, чтобы предотвратить всякую ея попытку къ самоубійству.

Подавленная горемъ, она безсознательно проводила дни и ночи на постели и, впадая часто въ забытїе, повторяла въ бреду то съ проклятіемъ, то съ нѣжностію имя того, кто такъ безжалостно погубилъ ее...

VI.

На берегу полуострова Зеланда, занесенномъ отъ морскихъ приливовъ глубокимъ пескомъ, высится, недалеко отъ городка Ольсберреда, небольшой холмъ, на которомъ стоитъ одиноко

маленькая каменная лютеранская церковь. Церковь эта существовала еще въ началѣ прошлаго столѣтїя, а подлѣ нея была деревенька Рергвигъ, отъ которой нынѣ не осталось никакихъ слѣдовъ, такъ какъ наступавшія на нее въ непогоду морскія волны заставили жителей этой деревеньки поселиться подалѣе отъ берега. Но слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ ней было порядочное населеніе, и въ концѣ ея стоялъ, въ прежнюю пору домъ приходскаго пастора.

Наступила темная ночь, и пасторъ, покончивъ свои вечерніе занятія, собирался уже лечь въ постель, когда въ наружныя двери его жилища послышался сильный стукъ.

— Должно быть, пришли звать къ умирающему, съ неудовольствіемъ подумалъ пасторъ, обезноженный въ такую позднюю пору, и быстро перебралъ въ своей головѣ имена тѣхъ прихожанъ рергвигской церкви, которые были больны и могли желать его духовнаго напутствія въ загробную жизнь.

Но слишкомъ торопясь, отворилъ пасторъ дверь и въ изумленіи отступилъ отъ нея. Онъ ожидалъ встрѣтить бѣднаго поселенца, но вдругъ очутился лицомъ къ лицу передъ двумя незнакомцами. Изъ-подъ распахнувшихся ихъ плащей видѣлось золотое шитье ихъ кафтановъ и изящныя кружева, а на одномъ изъ нихъ и орденская лента. Озадаченный пасторъ чуть не выронилъ изъ рукъ свѣчки. Онъ не въ силахъ былъ промолвить слова и, пропуская въ дверь неожиданно пожаловавшихъ къ нему знатныхъ посѣтителей, молча привѣтствовалъ ихъ почтительнымъ поклономъ.

— Вы, господинъ пасторъ, сейчасъ же должны пойти съ нами въ церковь и совершить тамъ бракосочетаніе, сказалъ на поклонъ датскомъ языку одинъ изъ незнакомцевъ, повидимому, подначальный другому.

Удивленный пасторъ только развелъ руками.

— Вы понимаете, что я говорю вамъ? строго спросилъ незнакомецъ.

— Понимаю, но не могу исполнить вашего требованія; я не въ правѣ вѣнчать никого безъ соблюденія формальностей, предписанныхъ закономъ. Притомъ, теперь глухая ночь.

Не успѣлъ онъ еще докончить этихъ словъ, какъ зазвенѣли червонцы, брошенные другимъ посѣтителемъ полною горстью на столъ, близъ котораго остановился пасторъ.

— Кажется, что это золото должно достаточно вознаградить васъ за ваши труды и за то безпокойство, какое мы дѣлаемъ вамъ, сказалъ господинъ, разговаривавшій съ пасторомъ, указывая ему на ярко блестящїе червонцы.

— Дѣло, высочродный господинъ, не въ вознагражденіи, но въ томъ, что я не могу исполнить вашего требованія, хотя бы вы мнѣ предлагали еще большее вознагражденіе, отбѣивался пасторъ.

Незнакомцы быстро переглянулись между собою, и одинъ изъ нихъ, который до сихъ поръ безмолствовалъ, видя упорство пастора, быстро подошелъ къ нему и, приставивъ дуло пистолета къ его лбу, сказалъ что-то своему спутнику на азыгѣ, непонятномъ пастору.

— Вамъ, господинъ пасторъ, остается на выборъ одно изъ двухъ: или золото, или пуля, рѣшительнымъ голосомъ заявить посѣтитель, переговаривавшійся по-датски съ перетрусившимся пасторомъ.

Въ виду такого заявленія, пастору не оставалось ничего другого, какъ только удовлетворить требованіе щедрыхъ и гроныхъ посѣтителей.

— Мнѣ нужно взять ключъ отъ церкви и фонарь, заговорилъ прерывавшимся голосомъ пасторъ.

— Ничего не нужно; церковь уже отперта и освѣщена; женихъ и невѣста ждутъ тамъ вашего прихода, прервалъ незнакомецъ.—Только идите скорѣе. И съ этими словами онъ подошелъ къ пастору и крѣпко завязалъ ему платкомъ глаза.

Пасторъ, молча, отдался въ распоряженіе своихъ загадочныхъ гостей, которые, подхвативъ его подъ руки, повели къ церкви. По мѣрѣ приближенія къ ней, до слуха пастора сталъ доходить какой-то глухой говоръ; но все въ церкви смолкло, когда туда вошелъ онъ со своими спутниками, и онъ слышалъ, какъ толпа почтительно разступалась передъ ними. Пастора подвели къ алтарю и здѣсь сняли съ глазъ его повязку.

Робко оглядѣлся онъ кругомъ и наведенный на него страхъ ночными посѣтителями еще болѣе усилился. Церковь была ярео освѣщена и полна народомъ. Ему показалось, хотя и неясственно, будто у одной изъ стѣнъ церкви, по направленію къ которой раздвинувшаяся толпа какъ бы образовала дорогу—стояло нѣсколько прислоненныхъ каменныхъ плитъ, должно быть, какъ подумалъ онъ, вынутыхъ изъ церковнаго пола.

За исключеніемъ двухъ женщинъ, весь собравшійся въ церковь народъ состоялъ лишь изъ мужчинъ. Одна изъ женщинъ, старуха съ зловѣщимъ лицомъ, обратила на себя особое вниманіе пастора. Она была въ какомъ-то странномъ пестромъ нарядѣ, съ красною повязкою на головѣ. Другая, молодая, красивая собой, представляла совершенную противоположность въ сравненіи съ отвратительной старухой. Голубое шелковое платье этой

*

женщины, съ богатымъ серебрянымъ шитьемъ, плотно обхвати-вало ея стройную талию, а на головѣ ея блистала великоблѣнная брилліантовая діадема. Она была блѣдна, какъ мертвая, и замѣтно было, что по тѣлу ея пробѣгала лихорадочная дрожь.

Одинъ изъ посѣтителей, приходившихъ въ домъ пастора, а именно тотъ изъ нихъ, который былъ съ орденскою лентою черезъ плечо, сказалъ что-то повелительнымъ голосомъ своему спутнику.

— Начинайте обрядъ вѣчанія, передалъ этотъ послѣдній пастору, по датски.

Старуха взяла за руку невѣсту и подвела ее поближе къ алтарю, и въ тоже время одинъ изъ присутствовавшихъ, богатъ разодѣтый, выступилъ изъ толпы и подошелъ къ невѣстѣ. Онъ былъ мраченъ и злобно взглянулъ на нее.

— Говорать вамъ, чтобы вы начинали! грозно крикнулъ мужчина, переговаривавшійся съ пасторомъ.

Пасторъ поставилъ рядомъ жениха и невѣсту. По церкви въ это время пронесся какой-то гулъ, въ которомъ слышались и ужась, и ропотъ, и сожалѣніе.

Взволнованнымъ голосомъ, сбиваясь почти на каждомъ словѣ, началъ пасторъ читать на память установленныя при брачномъ обрядѣ молитвы.

Сурово, потупивъ глаза и не взглянувъ ни разу на невѣсту, стоялъ подлѣ нея женихъ. Онъ, повидимому, замеръ, окаменѣлъ на мѣстѣ. Невѣста, казалось, вовсе не сознавала, что около нея дѣлалось; она стояла неподвижно, опустивъ внизъ безжизненные руки, и только двѣ слезы, катившіяся по ея щекамъ, были признакомъ не погасшей еще въ ней жизни.

— Какъ зовутъ жениха? спросилъ пасторъ, дойдя въ молитвахъ до того мѣста, гдѣ требуется упоминать имена брачующейся четы. Съ этимъ вопросомъ онъ обратился къ тому лицу, съ которымъ велъ прежде переговоры и которое было теперь главнымъ распорядителемъ при совершавшемся бракѣ.

— Неандръ, отвѣтилъ тотъ.

— А невѣсту? спросилъ пасторъ.

— Θεодора.

— Желаетъ ли ты, Неандръ, взять за себя женою предстоящую предъ тобою Θεодору? сказалъ пасторъ обращаясь къ жениху.

— Дѣ, подсказалъ ему по-датски распорядитель.

— Дѣ, угрюмо и неохотно промолвилъ женихъ, и послѣ этого короткаго отвѣта онъ еще крѣпче прежняго стиснулъ свои тѣнкія губы.

— А ты, Теодора, желаешь ли взять собою мужемъ предстоящаго предъ тобой Неандра? спросилъ пасторъ невѣсту чрезъ переводчика.

Она молчала.

— Да, да, повелительно подсказывала ей распорядитель.

Грудь невѣсты сильно волновалась, вся она дрожала и, наконецъ, сдѣлавъ надъ собою невозможное усилие, чуть внятнымъ голосомъ прошептала: Да.

Какой-то крикъ ужаса раздавался въ церкви. Изъ-подлобья взглянулъ теперь женихъ на невѣсту, которая затряслась и зашаталась на подкосившихся ногахъ; но старуха успѣшила поддержать ее и посадить въ кресла.

Въ сильномъ волненіи, съ трудомъ переводя дыханіе, доканчивалъ пасторъ брачный обрядъ. На этотъ разъ, онъ не рѣшился заключить его, по существующему у лютеранъ обычаю, позравательною, поучительною и благожелательною рѣчью, обращенною къ молодымъ. Да ему, вѣроятно, и не позволили бы сдѣлать это, такъ какъ, едва лишь онъ окончилъ вѣнчаніе, какъ распорядитель подошелъ къ нему, снова завязалъ ему глаза и, подведя къ дверямъ церкви, почти вытолкнулъ его на паперть.

Дверь церкви быстро захлопнула, и пасторъ, ошеломленный всѣмъ, что видѣлъ, до того растерялся, что не спохватился сдернуть съ глазъ повязку и нѣсколько минутъ почти безсознательно оставался на паперти, не смѣя заглянуть въ церковь, чтобы узнать, что тамъ дѣлается. Онъ слышалъ только, какъ сперва въ церкви наступила глубокая тишина, среди которой раздавался потомъ чей-то громкій, повелительный голосъ. Потомъ поднялся шумъ, послышались угрожающіе крики; казалось, что тамъ происходилъ какой-то ожесточенный споръ. Потомъ опять все смолкло; но вдругъ раздавался пронзительный, отчаянный вопль женщины, и вслѣдъ затѣмъ грянулъ пистолетный выстрѣлъ, а за нимъ поднялся опять шумъ и началась страшная суетна.

Сбросивъ, наконецъ, повязку и притаившись за угломъ церкви, пасторъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, ожидая выхода таинственныхъ прихожанъ. Скрываться отъ нихъ пастору было удобно среди непроглядной ночной тьмы. Довольно долго пришлось ожидать ему выхода народа изъ церкви, но, наконецъ, густая толпа новалила оттуда. Среди этой толпы шелъ громкій, оживленный говоръ на непонятномъ пастору языкѣ и притомъ на такомъ, въ которомъ онъ не замѣтилъ ни малѣйшаго сходства съ знакомыми ему европейскими языками.

Вышедшая изъ церкви толпа быстро направилась къ морскому берегу. Скоро она исчезла въ ночномъ мракѣ, но еще долго,

среди мертвой тишины, господствовавшей около церкви, доносился до пастора гулъ смѣшанных голосовъ. Когда же онъ со всѣмъ затихъ, то немного успокоившійся пасторъ бросился опрометью въ деревню и принялся будить повоившіяся тамъ сладкимъ сномъ сельскія власти.

Въ сопровожденіи ихъ и захвативъ съ собою ключи и фонарь, пасторъ отправился въ церковь, дверь которой оказалась незапертою. Въ церкви была теперь совершенная темень, которую едва, и то на небольшомъ пространствѣ, разгонялъ слабый свѣтъ фонаря.

Съ замирающимъ отъ ужаса сердцемъ, тщательно осматривая пасторъ и его спутники опустѣлую церковь, по каменному полу которой громко раздавались ихъ тяжелые шаги. Въ церкви, однако, не оказалось ни какихъ слѣдовъ недавняго загадочнаго событія, свидѣтелемъ и даже участникомъ котораго привелось быть пастору. Не безъ удивленія посматривали почетные прихожане на служителя алтаря господня, теряясь въ разныхъ догадкахъ и останавливаясь на томъ предположеніи: не рехнулся ли какъ-нибудь ихъ достопочтенный пастырь, издавна извѣстный во всемъ приходѣ своею трезвою жизнью?

Осмотръ церкви близился уже къ концу, когда вдругъ пасторъ вспомнилъ о показавшихся ему каменныхъ плитахъ, прислоненныхъ къ стѣнѣ. Но онъ подумалъ, что это только ему померещилось, потому что, при первоначальномъ осмотрѣ церковнаго пола, не было вовсе замѣтно, чтобы плиты гдѣ-нибудь были тронуты съ мѣста. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ, однако, приказалъ поднять плиты въ той части церкви, гдѣ видѣлъ ихъ снятыми.

Подойдя туда и смотря пристально на каменный полъ, пасторъ убѣдился въ дѣйствительности видѣннаго имъ. Отъ этого мѣста къ выходу церкви видѣлась черная, чуть-чуть примѣтная дорожка. Она, по догадкѣ пастора, могла образоваться отъ земли, которую выносили изъ церкви и которая разсыпалась по полу во время ея переноски.

Когда приступили къ исполненію приказанія, отданнаго пасторомъ, и приподняли первую плиту, всѣ съ ужасомъ отшатнулись при видѣ того, что имъ, при свѣтѣ фонаря, представилось подъ церковнымъ поломъ. Въ свѣжей вырытой могилѣ показалась часть богато-украшеннаго гроба. Увидѣвъ гробъ, сельскія власти кинулись въ испугѣ къ дверямъ церкви. Не мало труда стоило пастору убѣдить оторопѣвшихъ спутниковъ, чтобы они продолжали начатую работу. Когда же нѣсколько плитъ было приподнято, то на гробѣ увидѣли листъ бумаги съ написанными на немъ нѣсколькими строками. Взявъ эту записку, пасторъ по-

спѣшилъ просмотрѣть ее, но онъ не могъ не только понять ея содержанія, но даже и прочесть ее, такъ какъ записка была написана буквами, рѣзко отличавшимися отъ буквъ знакомыхъ пастору алфавитовъ, нѣмецкаго, латинскаго и греческаго.

Собравшись съ духомъ, прихожане приподняли крышу гроба, и у пастора замерло сердце и сперлось дыханіе. Пораженный ужасомъ, онъ хотѣлъ вскрикнуть, но голосъ его оборвался. Въ гробу лежала только что обвинянная имъ невѣста. Красивое ея лицо, на которомъ онъ такъ недавно видѣлъ выраженіе мукъ и ужаса, было теперь спокойно. Она, казалось, спала безмятежнымъ сномъ. На груди ея подъ сердцемъ виднѣлась глубокая рана, и вытекшею оттуда еще свѣжею кровью было залито шелковое платье покойной, но на головѣ ея уже не было великолѣпной діадемы, такъ ярко блиставшей во время брачнаго обряда.

Узнавъ о такой страшной развязкѣ загадочнаго брака, пасторъ поклялся предъ бывшими съ нимъ въ церкви прихожанами, что онъ все имъ слышанное и видѣнное будетъ хранить въ вѣчной ненарушимой тайнѣ. Такую же клятву потребовалъ онъ и отъ прихожанъ, присутствовавшихъ при вскрытіи гроба. Они исполнили его требованіе. Послѣ этого гробъ былъ снова поставленъ въ могилу, плиты были положены на прежнее мѣсто, а замѣченные потомъ на полу слѣды крови были тщательно соскоблены и замыты.

Долго хлопотали въ церкви пасторъ и его спутники, и когда они вышли оттуда, то утренняя заря стала уже занимать на небѣ. Они взглянули съ церковнаго холма на море и увидѣли тамъ быстро удалявшійся на всѣхъ парусахъ отъ берега Зеланды большой военный корабль, который направлялся къ сѣверу.

Пасторъ, возвратясь домой, тотчасъ же отправилъ къ мѣстному зеландскому епископу подробное секретное донесеніе обо всемъ случившемся. Съ своей стороны, епископъ послѣдшилъ сообщить обо всемъ этомъ придержащей власти въ Копенгагенъ. Спустя нѣскольکو дней послѣ этого, прибылъ оттуда въ деревеньку Рергигъ подъ видомъ простаго путешественника, какой-то знатный сановникъ. Онъ подробно спрашивалъ обо всемъ пастора, а также и тѣхъ изъ прихожанъ, которые были свидѣтелями при ночномъ осмотрѣ церкви. Снова собравъ ихъ тамъ, онъ приказалъ вскрыть могилу и гробъ и составилъ объ этомъ надлежащій актъ. Онъ не только одобрилъ распоряженіе пастора относительно принесенной имъ самимъ и взятой имъ съ другихъ клятвы—хранить вѣчную тайну обо всемъ случившемся, но потребовалъ еще отъ всѣхъ такой же подтвердительной клятвы.

Составленный приѣзжавшимъ въ Рергвигъ сановникомъ актъ былъ препровожденъ въ Копенгагенъ, для храненія въ секретномъ отдѣленіи тамошняго государственнаго архива, вмѣстѣ съ запискою, найденною на гробѣ, которая, какъ говорили потомъ, оказалась писанною на русскомъ языкѣ, но содержаніе которой до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ.

Пасторъ, однако, не былъ до такой степени скромнымъ, какъ этого можно было ожидать вслѣдствіе данной имъ клятвы. Онъ въ большихъ подробностяхъ описалъ это загадочное событіе, въ которомъ пришлось ему быть однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ; но найденная послѣ его смерти и переданная въ церковное хранилище записка, по какому-то странному случаю, на заключаетъ въ себѣ указаній ни на число, ни на годъ, въ которые совершилось описанное въ ней событіе. Событіе это до нынѣ остается не разъясненной загадкой, ключъ къ которой, быть можетъ, отыщется въ копенгагенскомъ государственномъ архивѣ, такъ какъ въ находящихся тамъ бумагахъ, по всей вѣроятности, должно быть точное указаніе на время, когда совершился въ Рервигской церкви таинственный бракъ, сопряженный ужасною смертію невѣсты.

Извѣстно, что если хоть два человѣка знаютъ какую либо тайну, то, несмотря на ихъ взаимныя обѣщанія и даже на самыя страшныя клятвы, такая тайна скоро перестаетъ быть таковою. Такъ случилось и въ настоящемъ случаѣ. Молва о приходѣ русскаго военнаго корабля къ пустынному берегу Зеланда, а также о таинственномъ бракѣ и объ убіеніи невѣсты стала распространяться исподволь сперва въ Даніи, а потомъ пошла далѣе, и, по неопредѣленности времени этого событія, его стали приурочивать къ возвращенію эскадры графа Орлова изъ Средиземнаго моря съ захваченною Орловымъ въ Ливорно княжною Елизаветою Таракановою. Еще въ исходѣ прошлаго столѣтія, въ иностранной печати появились сбивчивые рассказы о бракѣ Орлова съ княжною, а также о томъ, что она погибла насильственною смертію на пути изъ Ливорно въ Петербургъ...

Упомянутое приурочиваніе этого таинственнаго событія къ судьбѣ дѣвушки, захваченной Орловымъ, оказывается, однако, не вѣрнымъ: ее ожидала другая, хотя тоже весьма плачевная участь...

VII.

Въ свѣтлую майскую ночь, въ устьѣ Невы медленно входила военная яхта, направляясь вверхъ по рѣкѣ, обѣ набережныя которой были, въ ту ночную пору, и пусты, и тихи. Яхта подошла къ воротамъ крѣпости, когда на колокольнѣ петропавловскаго собора проиграли куранты и затѣмъ тоскливо началъ равняться надъ славшимъ городомъ бой часовъ. Они пробили два раза.

Въ это время, изъ воротъ крѣпости выступилъ отрядъ военной команды съ ружьями. Онъ расположился въ два ряда, образуя узкую дорожку отъ того мѣста, куда пристала яхта, и до самыхъ воротъ крѣпости.

При приближеніи яхты къ крѣпости, въ дверь особой каюты, сперва постучался капитанъ преображенскаго полка, Александръ Толстой, потомъ замочъ двери щелкнулъ, и Толстой, немного приотворивъ ее, сказалъ по-французски, что путь конченъ и пора выходить на берегъ.

Слова эти относились къ молодой женщинѣ, которая, въ изнеможеніи и какъ будто въ забытіи, лежала въ каютѣ на кушеткѣ. Услышавъ голосъ Толстого, она вздрогнула, поднялась на ноги и, собравъ всѣ силы, рванулась къ двери; но силъ было у нея немного, и она, послѣ перваго порыва, нетвердыми шагами, поддерживаемая служанкой, поднялась на палубу. Тамъ со всѣхъ сторонъ окружилъ ее военный конвой, который и повелъ ее къ крѣпостнымъ воротамъ.

Непривѣтливо, въ уныломъ полусвѣтѣ петербургской лѣтней ночи, выглядывала петропавловская крѣпость. Изъ подъ мрачнаго свода воротъ невольная гостья этой печальной обители вышла на довольно обширную площадь, окруженную гранитными стѣнами съ рѣдко расположенными на нихъ дверями и маленькими окнами, въ которыхъ были вдѣланы толстыя желѣзныя рѣшетки. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ черезъ дворики, площадки, ворота и корридоры, она очутилась передъ небольшою желѣзною дверью.

Дверь со скрипомъ отворилась, и она вошла въ какую-то горенку. Тяжело лежалъ надъ этой горенкой каменный сводъ, а сквозъ толстую амбразуру окна, продѣланнаго високо подъ самымъ потолкомъ, заблѣннаго извѣстью и заслоненнаго рѣшеткою, едва пробивался тусклый свѣтъ наступающаго утра. Мрачное это жилище казалось не пріютомъ для живаго человѣка, а могильнымъ склепомъ.

Привезенная на яхтѣ узница очутилась теперь въ такъ назыв-

васомъ алексѣевскомъ рavelинѣ, гдѣ въ ту пору содержались арестанты, находившіеся въ вѣдѣніи тайной экспедиціи.

При видѣ новаго суроваго жилища, мысль о томительномъ, а, быть можетъ, и безъисходномъ заточеніи поразила молодую женщину, и она съ горькими рыданіями бросилась на жесткую, ожидавшую ее постель. Вновь застонали петли двери, застучалъ желѣзный затворъ, и затѣмъ наступила мертвая тишина, среди которой слышались тяжелые шаги часового, глухо раздававшіеся въ длинномъ корридорѣ.

— Теперь для меня все кончено, думалось несчастной плѣнницѣ Орлова:—меня не пощадятъ. И въ разстроенномъ ея воображеніи грезились страшныя пытки и мучительная смертная казнь. Но вдругъ отъ этихъ потрясавшихъ картинъ переходила она мысленно къ инымъ, отраднѣмъ: ей представлялась кроткая царица, прощающая ей ея легкомысліе. Ей казалось, что свобода возвращена, передъ нею снова являлась молодая жизнь...

Вспомнилось ей, какъ она, дѣвушка безъ рода и племени, младенцемъ подкинута въ чужую убогую семью, росла тамъ, не встрѣчая ни ласкъ ни заботъ. Какъ потомъ вдругъ оказались у нея какіе-то таинственные благодѣтели, которые, между прочимъ, озаботились о блестящемъ ея воспитаніи. Покинувъ семью, въ которой она сиротой-приемышемъ провела грустное дѣтство, она стала пользоваться если не богатствомъ, то избыткомъ денежныхъ средствъ, которыя доставлялись ей изъ невѣдомаго ей самой источника; и, въ добавокъ къ этому, она наслаждалась полною безотчетною свободою. Неожиданно, однако, полученіе тѣхъ средствъ, на которыя ей жилось такъ привольно, прекратилось; но она была уже тогда взрослой и хорошенькой дѣвушкой и вскорѣ убѣдилась, что, при этихъ двухъ условіяхъ, можно жить и безъ благодѣлій, дѣлавшихся ей таинственной рукою. Ей понравилась веселая, ни кѣмъ не стѣсняемая жизнь, у нея явились поклонники. Она любила нѣкоторыхъ изъ нихъ сама, любили и ее многіе до безумной страсти. Она вѣтрено измѣняла имъ, а порою измѣняли и ей, обманывали ее, обманывала и она, въ свою очередь. Весело безъ оглядки неслась молодая вѣтреница среди тревожной, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разнообразной жизни. Бывали, правда, у нея мрачныя дни, но они быстро пробѣгали, какъ пробѣгаютъ тучки по ясному весеннему небу.

Перебирая мысленно свое прошедшее, она сознавала, что пребываніе ея въ Парижѣ дало ей новый, погубившій ее толчекъ. Окружавшіе ее люди, узнавъ о таинственности ея рожденія, стали намекать ей, что судьба ея должна быть совершенно иная; что она, а не кто другой, имѣетъ неоспоримое право быть вла-

дычицею обширной и могущественной сѣверной державы. Она сперва забавлялась этими выдумками, но потомъ все чаще и чаще стала останавливаться на этой мысли. Если она сама не знаетъ, откуда явилась она на свѣтъ божій, то, думалось ей, объ этомъ могутъ знать другіе.

То вѣра, то сомнѣніе овладѣвали ею, а между тѣмъ, жизнь манила ее мимолетнымъ веселіемъ, и въ тоже время ей подсказывали, что слѣдуетъ заявить свои права на русскую корону.

— Быть можетъ, я и въ самомъ дѣлѣ законная дочь императрицы Елизаветы? говорила она себѣ: — быть можетъ, только подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ, я должна была лишиться тѣхъ правъ, которыя принадлежать мнѣ по рожденію. Еслибы не было никакихъ основаній признавать меня такою личностію, то неужели одинъ изъ первенствующихъ имперскихъ князей, первый магнатъ Литвы и Польши и знаменитый русский вельможа стали бы поддерживать ни на чемъ неоснованную глупую выдумку?

Въ добавокъ къ нимъ, присоединились еще всезнающіе іезуиты, которые и внушили ей дѣйствовать прямо и рѣшительно. Отъ чего Шуваловъ, спрашивала она себя, вмѣсто прямого обличенія меня въ обманѣ или хоть вмѣсто безусловнаго молчанія, завелъ со мною переписку въ такомъ тонѣ, что письма его могли также поддерживать мое заблужденіе?

Такъ размышляла молодая узница, и ей приходили на память и читаніе, и часто слышанные рассказы о томъ, что не только въ знатныхъ семействахъ, но и среди владѣтельныхъ фамилій Европы бывали дѣти, сперва покинутыя на произволъ судьбы, а потомъ признанныя. Но еслибы даже, думала она, я и не изъ царственнаго семейства, то отъ чего же не воспользоваться представляющимъ мнѣ счастьемъ?

Нужно было, однако, самозванной принцессѣ рассказывать и другимъ свою загадочную судьбу, и тогда она вспомнила, какъ ловко подготовилъ ее іезуитъ Ганецкій, рассказывая ей самой такія событія и такіе случаи, бывшіе въ дѣтскую пору ея жизни, о которыхъ она сама, какъ ребенокъ, не могла еще помнить. Поэтому, когда приводилось ей самой рассказывать о своей жизни, она принималась говорить объ этомъ по намѣченнымъ со стороны іезуита фактамъ. Она знала, что въ такихъ рассказахъ передавала она вымышленные ея приверженцами факты, но что значили прикрасы и даже безусловная ложь въ виду возможности надѣть на себя императорскую корону? Всѣ, казалось, вѣрили тому, что она говорила; всѣ оказывали ей подобающій ея мнимому сану почетъ. Отъ этого одного могла закружиться

пылка молоденькая голова, не говоря уже о томъ, какъ должны были повліять на воображеніе дѣвушки мечты о великой ея будущности. Тогда опасаться Екатерины ей было нечего, самозванка была далеко отъ власти царицы, и только легкомысленное сближеніе съ Орловымъ вовлекло ее въ бѣду.

— Предатель! въ отчаяніи, при воспоминаніи о немъ, повторяла узница, разражаясь рыданіями, которыя душили ее.

Когда привезли въ Петербургъ ливорнскую плѣнницу, императрица была въ Москвѣ. Тамъ она торжественно праздновала заключеніе съ Турціею вучукъ-кайнарджійскаго мира. Но передъ отъѣздомъ въ Москву она сдѣлала распоряженіе относительно ожидавшейся въ Петербургъ «авантюрьеры», всклепавшей на себя чужое имя. Ее приказано было сдать въ Кронштадтъ съ корабля тому лицу, которое явится съ собственноручнымъ повелѣніемъ государыни.

Такимъ уполномоченнымъ лицомъ былъ Толстой, передавшій «авантюрьеру» коменданту петропавловской крѣпости, Андрею Чернышеву, пользовавшемуся полною довѣренностію со стороны государыни. По казематамъ этой крѣпости онъ размѣстилъ и захваченныхъ въ Ливорно поляковъ и пять человѣкъ мужской прислуги, бывшей въ Пизѣ при графинѣ Силинской.

Главнымъ слѣдователемъ по дѣлу о привезенной изъ Ливорно «обманщицѣ» былъ назначенъ фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Ему императрица непосредственно поручила женщину, «которая, по словамъ государыни, разлѣзкая повсюду съ безпутнымъ Радзивиломъ, дерзнула взять на себя имя мнимой дочери государыни императрицы Елизаветы Петровны».¹

Еще не успѣла узница отчетливо сознать свое положеніе, какъ дверь ея каземата отворилась и туда вошелъ пожилой сановитый мужчина въ бархатномъ французскомъ кафтанѣ, съ голубою лентою черезъ плечо. Его сопровождалъ какой-то господинъ съ сверткомъ бумагъ въ рукѣ.

Неожиданный приходъ незнакомаго и, повидимому, очень знатнаго лица заставилъ вздрогнуть молодую женщину. Она, съ трудомъ приподнявшись на постели, сѣла на ней, закрывъ глаза руками, но вдругъ какъ будто опомнилась и, выпрямивъ во весь ростъ, гордо спросила у вошедшаго къ ней Голицына:

— По какому праву и по какой привычѣ такъ жестоко обходятся здѣсь со мною?

¹ Относящіеся къ этому эпизоду документы въ «Сборникѣ императорскаго историческаго общества».

— Не вы, милостивая государница, можете спрашивать меня о чемъ-нибудь, но я долженъ васъ распросить обо всемъ, со строгою вѣжливостью замѣтилъ князь:—и я буду просить васъ дать мнѣ безотлагательно прамыя и неуклончивыя отвѣты на тѣ вопросы, которые будутъ вамъ сейчасъ же предложены.

Молча опустила она на постель, какъ бы озадаченная этимъ твердымъ отвѣтомъ. По приказанію Голицына, секретаря его, Ушаковъ, сѣлъ около постели на бѣломъ деревянномъ табуретѣ, у такого же стола, на которомъ онъ поставилъ чернильницу и разложилъ бумаги, а Голицынъ усѣлся въ принесенномъ для него креслѣ, около Ушакова.

— Вы должны сказать намъ все, заговорилъ онъ: — всякая ложь съ вашей стороны будетъ бесполезна, да и небезопасна, такъ какъ будутъ употреблены всѣ средства для открытія вашихъ самыхъ сокровенныхъ тайнъ, а средства эти, я долженъ предупредить васъ, ужасны...

Съ суровымъ видомъ, грозно насупивъ брови, произносилъ это слово фельдмаршалъ, а между тѣмъ, сердце его болѣзненно ныло при взглядѣ на дѣвушку, истомленную болѣзнию и неволю.

Начался формальный допросъ по пунктамъ, заранѣе написаннымъ на французскомъ языкѣ и просмотрѣннымъ предварительно императрицею ¹.

Допрашиваемая показала, что зовутъ ея Елизаветой, что ей 23 года отъ роду, что дѣтство свое она провела въ голштинскомъ городѣ Кнлѣ, гдѣ воспитывалась у госпожи Пере или Перонъ и что она была крещена по обряду греко-россійской церкви.

— Я никогда не знала моихъ родителей, говорила она сильно взволнованнымъ голосомъ: — меня постоянно утѣшали въ дѣтствѣ тѣмъ, что я скоро увижу ихъ. Не могу сказать, сколько лѣтъ прожила я въ Кнлѣ до тѣхъ поръ, пока трое какихъ-то незнакомыхъ мнѣ людей повезли меня и мою няню сухимъ путемъ въ Россію, объявивъ мнѣ, что меня доставятъ въ Москву. Но, вмѣсто Москвы, привезли они меня на персидскую границу, гдѣ я жила у какой-то очень образованной старушки. Она говорила мнѣ, что ее послалъ въ эту даль императоръ Петръ III. Старушка жила въ домикѣ, стоявшемъ одиноко въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кочевало какое-то дикое племя. Здѣсь я захворала отъ даннаго мнѣ яда. Здѣсь же научилась я нѣсколько русскому языку, который, однако, вскорѣ забыла. Съ помощью татаръ убѣжала я въ Багдадъ, гдѣ принялъ меня къ себѣ богатый персія-

¹ Весь послѣдующій рассказъ основанъ на подлинныхъ актахъ.

иня Гамидъ. Къ нему няня моя имѣла какое-то письмо. Вся жизнь моя окружена странною, непонятною для меня самою таинственностію, продолжала Елизавета.—Годъ спустя послѣ моего прѣѣзда въ Багдадъ, другъ Гамидъ, Али, перевезъ меня оттуда въ Испагань, и здѣсь я получила блестящее образованіе, подъ руководствомъ Жака Фурье. Здѣсь же мнѣ уже приводилось часто слышать, что меня ждетъ въ будущемъ необыкновенно-высокій жребій. Когда въ 1769 году начались безпорядки въ Персіи, Гамидъ, уѣзжая оттуда въ Европу, взялъ меня съ собою...

Она привадумалась, настало нѣсколько минутъ молчанія. Голицынъ, повидимому, терпѣливо ожидалъ дальнѣйшихъ показаній узницы.

— Въ Европѣ, съ трудомъ и прерывающимъ голосомъ заговорила снова она:—я въ первый разъ узнала тайну моего рожденія: всѣ начали твердить мнѣ объ этомъ; стали титуловать меня высочествомъ, но я просила не давать мнѣ этого титула. На просьбу мою не только не обращали вниманія, но, напротивъ, мнѣ это-то прислалъ документы, которые должны были подтвердить права мои... права мои... на императорскую корону.

— Но подобнаго рода документовъ никогда и ни у кого не могло существовать, спокойно замѣтилъ Голицынъ.

— Значить, я была обманута; но, клянусь всемогущимъ Богомъ, что я во всемъ этомъ нисколько не виновата.

Проговоривъ съ усиліемъ эти слова, она въ изнеможеніи опустилась на постель, а на помертвѣвшихъ ея губахъ выступила кровь и сильный сухой кашель началъ душить ее. Лежа на постели, она вздрагивала всѣмъ тѣломъ.

Сдѣлавъ Ушакову знакъ глазами, чтобы онъ собралъ бумаги, Голицынъ тихими шагами вышелъ съ нимъ изъ каземата, и, тотчасъ послѣ ихъ ухода, туда пришла Франциска, начавшая хлопотать около своей больной, обезсиленной госпожи и утѣшать ее, какъ умѣла.

Въ тотъ же день, т. е. 26-го мая, Голицынъ, въ письмѣ къ императрицѣ, отправленномъ въ Москву, рассказалъ подробно о первомъ своемъ свиданіи съ «авантюрьерой», а, по прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ писалъ императрицѣ слѣдующее:

«Исторія ея наполнена несбыточными дѣлами и походитъ больше на басню. Отъ долговременной бытности въ морѣ, отъ строгаго мнѣ содержанія, а паче отъ смущенія духа, она сдѣлалась больна. Сколько по рѣчамъ и поступкамъ ея можно судить, свойства она чувствительнаго, вспыльчиваго, разума и понятія остраго, имѣетъ многія знанія, по-французски и по-нѣмец-

ки говорить она совершенно съ чистымъ обонхъ языковъ произношеніемъ и объявляетъ, что, возжируя по разнымъ націямъ, испытала великую въ себѣ способность къ скорому изученію языковъ, спознавъ въ короткое время англійскій и французскій, а живучи въ Персіи, учила арабскій и персидскій. Росту она средняго, сухожава, статна, волосы имѣеть черныя, глаза каріе и нѣсколько коса, носъ продолговатый съ горбомъ, почему и походитъ на италианку»¹.

Неудовольствовавшись первымъ допросомъ, Голицынъ, спустя пять дней, снова навѣстилъ свою узницу. Ни одного слова не захотѣла она измѣнить въ своемъ первомъ показаніи и клялась, что сама не распространяла никакихъ слуховъ о своемъ рожденіи, а что все это выдумали другіе на ея погибель, такъ какъ она сама ничего не знаетъ о своихъ родителяхъ.

— Не можетъ статься, возразилъ ей Голицынъ: — чтобы вы были такъ безпечны, чтобы не спрашивать, отъ кого вы родились, потому что всякому свойственно о томъ вѣдать, и никакого нѣтъ стыда отъ крестьянина, мѣщанина или благороднаго человѣка родиться. Притомъ у меня есть неопровергаемыя доказательства, что вы дочь трактирщика изъ Праги.

— Я въ жизнь мою никогда не бывала въ Прагѣ, и еслибы узнала, кто говоритъ это, тому я выпарапала бы глаза! вскочивъ съ постели и топнувъ ногою, вскрикнула она въ порывѣ неубузданнаго гнѣва.

— Признайтесь лучше съ полною откровенностію, сказалъ мягко Голицынъ: — тогда мы васъ тотчасъ отпустимъ въ Стірумъ.

— Какъ ни обрадовала бы меня свобода, но я ничего болѣе сказать не могу! рѣшительно проговорила она.

Голицынъ пристально смотрѣлъ на нея, какъ бы стараясь допытаться еще какихъ-нибудь новыхъ объясненій.

— Уйдите отъ меня!... Я не въ силахъ долѣе говорить! Оставьте меня въ покоѣ! вдругъ вскрикнула она, въ отчаяніи хватаясь за голову.

Голицынъ молча вышелъ изъ каземата и довелъ до свѣдѣнія императрицы объ упорствѣ арестантки. Вслѣдъ за этимъ, онъ отправилъ въ Москву письмо, полученное имъ отъ арестантки для доставленія государынѣ. Письмо это было подписано: «*princesse Elisabeth*» и подпись эта ухудшила участь молодой узницы.

Императрица приказывала Голицыну объявить ей, что она можетъ облегчить свое положеніе только одною безусловною откоро-

¹ Изъ «Сборника императорскаго историческаго общества».

венностию, а также отказомъ отъ разыгрываемой ею доселѣ безумной комедіи. Теперь же государыня предписывала Голицыну принять строгія мѣры, потому что наглость послѣдняго письма выходить изъ всякихъ возможныхъ предѣловъ.

Измученная неволею, болѣзнью и душевными страданіями, лежала на постели Елизавета, когда двери ея каземата отворились и въ него вошли офицеръ и два солдата. Въ недоумѣніи посмотрѣла она на этихъ посѣтителей, когда вдругъ въ дверяхъ каземата показался Голицынъ.

— Вы еще болѣе прогнѣвали необыкновенною вашею дерзостью всемилостивѣйшую государыню, заговорилъ онъ, подавляя въ себѣ сильное волненіе:—и дабы показать вамъ, что въ отношеніи васъ не будетъ допущено никакого снисхожденія, я долженъ принять противъ васъ самыя строгія мѣры. Служанка ваша не будетъ къ вамъ болѣе допущена, а этотъ караулъ безотлучно будетъ находиться въ вашей комнатѣ.

Въ ужасѣ вскрикнула узница, услышавъ объ этомъ, и еще болѣе смутилась она, когда, по приказанію Голицына, у нея были отобраны всѣ ея платья, кромѣ самой необходимой одежды, и все, за исключеніемъ кровати, было вынесено изъ каземата.

Послѣ этого она, какъ безумная, постоянно рыдала и въ продолженіи двухъ сутокъ отказывалась отъ пищи. Силы ея ослабѣли до того, что она едва знаками могла выразить караульному офицеру, что хочетъ писать. Ей принесли письменныя принадлежности. Съ трудомъ написала она Голицыну нѣсколько строкъ, умоляя о снисхожденіи и прибавляя, что «природа содрогается отъ того ужаснаго положенія, въ какомъ она находится».

Тронутый этимъ, Голицынъ отмѣнилъ прежнюю строгость. Онъ донесъ въ Москву императрицѣ о безнадежномъ здоровьи «авантюрьеры», сообщая, что жить ей остается не долго и что признанія ожидать отъ нея невозможно. «При естественной быстротѣ ума, писалъ Голицынъ государынѣ:—при обширныхъ по нѣкоторымъ отраслямъ свѣдѣніяхъ, при привлекательной и повелительной наружности, нѣтъ ничего удивительнаго, что она возбуждала въ людяхъ довѣріе и благоговѣніе къ себѣ.»

Это письмо Голицына рѣшило участь Елизаветы. Императрица приказывала ему «не разспрашивать болѣе распутную лгуню и объявить ей, что она, за упорство и безстыдство, осуждается на вѣчное заточеніе.»¹

¹ «Сборникъ императорскаго историческаго общества».

VIII.

— Не могу я, ваше сіятельство, многого уразумѣть въ показаніяхъ авантюрьеры, говорилъ Ушаковъ князю Голицыну, прочитаеъ съ нимъ рядъ допросовъ, сдѣланныхъ Елизаветѣ.

— Чего же, на примѣръ, ты не можешь уразумѣть? спросилъ князь.

— Начать хоть бы съ того, ваше сіятельство, кто такая она въ дѣйствительности? Вѣдь вспомнить между нами, такъ обличеніе ея въ томъ, что она дочь трактирщика изъ Праги было вымышленное для того, чтобы смутить ее подобной неожиданностью, затѣялъ глубокомысленно Ушаковъ.

— Да не удалось, братецъ, ни это, ни угрозы, ни тѣ крайнія мѣры, которыя я, скрѣпя сердце, долженъ былъ принять противъ нея. А, между тѣмъ, я полагаю, все дѣло объясняется куда-какъ просто. Должна она быть дочь какой нибудь знатной иностранной персоны, рожденная за границей вѣдь брака, или въ тайномъ супружествѣ отъ престолюдики, а, статья можетъ, что и отецъ, и мать ея были оба важныя лица и согрѣшили по любви; ну, а послѣ хоронить концы нужно было. Подбросили они ее, бѣдняжку, въ попыхахъ куда попало, да и забыли, словно ея на свѣтѣ не было, а послѣ, вѣроятно, при благопріятной перемиѣ обстоятельствъ, вспомнили и стали заботиться объ ея воспитаніи. Потомъ или они умерли, или обстоятельства измѣнились, и она осталась снова покинутою на произволь судьбы. Разумѣется, что она думала о своихъ родителяхъ. Да донскается ихъ не могла и ждала, что авось когда-нибудь они ей или сами откроются, или на нихъ ей укажутъ.

— Но съ чего же ей, и въ такомъ даже случаѣ, вздумалось выдавать себя за дочь покойной государыни? спросилъ Ушаковъ.

— Не выдавала она себя такою, перебилъ Голицынъ:—а другіе натолкнули ее на подобное самозванство. А вина ея развѣ въ томъ только и заключается, что она слишкомъ легкомысленна была, глупымъ бреднямъ повѣрила, и, не предвидя пагубныхъ послѣдствій, воспользовалась ими. За границей же враги наши на подобную выдумку съ большимъ расчетомъ и смѣлостію пуститься могли. Извѣстно, конечно, имъ, что нигдѣ столько, какъ въ государствѣ россійскомъ, самозванствъ не было. Да и недавняя пугачевская исторія на это надоумить ихъ могла. Кажись, какъ бы можно было повѣрить у насъ воскресенію изъ мертвыхъ государя Петра Ѳеодоровича, а вышло иначе. Сколько бѣдъ и

зла надѣлала эта нелѣпость! Радзивилъ же и его пріатели рассчитывать могли такъ: появится самозванка въ замѣнъ Пугачева, такъ она большихъ хлопотъ государынѣ надѣлаетъ, некогда будетъ и о Польшѣ думать...

— А позволите спросить у вашего сіятельства: къ какой же стати Персію тутъ прицелили? спросилъ Ушаковъ.

— И это, братецъ мой, объясняется просто. Тебѣ, быть можетъ, неизвѣстно, что, по нелѣпому мнѣнію раскольниковъ, настоящіе Романовы, царскаго нашего рода члены, будто бы живутъ нынѣ въ Персіи. Раскольниковъ же нашихъ въ Польшѣ не малое число находится, а отъ нихъ объ этой вадорной молвѣ могли узнать и поляки. Ну, разумѣется, откуда же лучше всего могла, ни съ того, ни съ сего, явиться русская царевна, какъ ни изъ той стороны, гдѣ, по глупости престога народа, мѣсто-жительство ея семьи полагается? Въ настоящемъ случай, такая басня куда какъ пригодной казаться могла. А прочти-на, братецъ ты мой, послѣднее ея письмо ко мнѣ, добавилъ Голицынъ.

Ушаковъ, изъ груди лежавшихъ передъ нимъ бумагъ, досталъ листъ въ четвертку и сталъ читать по-французски:

«Умоляю васъ, именемъ Бога, скажитесь надо мною, князь. Если бы вы знали мое положеніе, то не стали бы...

— Пропусти это; такія строки только бесполезно сердце надрываютъ, а читай съ того мѣста, гдѣ ея объясненія по дѣлу начинаются, сказалъ не безъ замѣтнаго волненія Голицынъ.

Исполняя приказаніе князя, Ушаковъ прочиталъ слѣдующее:

«Требуютъ отъ меня, какъ отъ виновной, непременно свѣдѣній о моемъ рожденіи, но самый фактъ рожденія не составляетъ никакого преступленія. Если же изъ него хотятъ сдѣлать преступленіе, то слѣдовало бы собрать доказательства о моемъ происхожденіи, о которомъ я сама ровно ничего не знаю. Слова, сказанныя мною въ минуты веселости, въ видѣ шутки, будто бы я дочь императрицы Елизаветы, не могутъ служить серьезнымъ обвиненіемъ противъ меня. Въмѣсто того, чтобъ предъявить мнѣ положительныя доказательства моей виновности, мнѣ твердятъ только въ общихъ словахъ, что меня подозрѣваютъ. Но развѣ возможно защищаться противъ такихъ обвиненій? а между тѣмъ они ведутъ прямо къ тому, что мнѣ придется умереть въ моемъ ужасномъ заточеніи.»

— По легкомыслію попалась въ бѣду, и сему я крѣпко вѣрю, да ужъ теперь дѣлать-то нечего. Просится она къ своему кѣмцу въ Оберштейнъ, да развѣ возможно было бы отпустить ее туда, еслибы она и чистосердечно во всемъ созналась и настоящее ея происхожденіе открылось бы съ полною несомнѣнностію? Раз-

уѣдется, что государыня въ такомъ случаѣ помиловала, облегчила бы судьбу ея, но на всѣ четыре стороны все-таки отпустить, нельзя. Да вообще, еслибы императрица хоть малѣйшую вѣру могла имѣть въ то происхожденіе, какое вздорно авантюрьеръ приписывалъ, то дѣло пошло бы иначе. Государыня всегда вспоминаетъ о своей теткѣ, какъ о своей благодѣтельницѣ, а въ самозванствѣ этой дѣвицы видитъ только возни нашихъ враговъ. Что у тебя еще есть по дѣлу?

— Докладъ по прошенію Доманскаго. Онъ, какъ извѣстно нашему сіятельству, заявилъ, что такъ страстно любитъ эту женщину, что, еслибы его обвиняли съ нею даже безъ всякаго приданаго, то онъ считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ и согласился бы всю жизнь сидѣть безвыходно въ казематѣ.

— Ты говорилъ ей объ этомъ?

— Говорилъ.

— Что жъ она?

— Улыбнулась и проговорила: Доманскій слишкомъ глупъ.

Послѣ этой бесѣды, Голицынъ не навѣщалъ уже Елизаветы, а между тѣмъ дни шли за днями, и прошло болѣе шести мѣсяцевъ со времени заключенія ея въ петропавловскую крѣпость. Въ теченіе этого времени, строгости, принятыя противъ нея, то усиливались, то ослаблялись. На нѣсколько дней освобождали ее горенку отъ стѣснявшаго ее каждую минуту караула; допускали къ ней ея служанку, но вскорѣ опять подвергали ее страшной пыткѣ: быть въ постоянномъ сообществѣ троякъ мужчинъ. Во все это время, она почти безъ движенія лежала на постели, безпрестанно хватаясь судорожно руками за грудь, которая надрылась отъ сильнаго сухого кашля, сопровождаемаго кровохарканіемъ.

30-го ноября, врачъ, навѣщавшій больную, доложилъ Голицыну, что ей остается жить лишь нѣсколько дней и что она просить священника. Еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, на такой случай послѣдовалъ Голицыну отъ императрицы особый наказъ. Голицынъ долженъ былъ приказать священнику, чтобы онъ, если будетъ позванъ къ самозванкѣ, довелъ ее увѣщаніями до открытія истины. Въ дополненіе къ этому наказу, генераль-прокуроръ князь Вяземскій предложилъ Голицыну внушить священнику, чтобъ этотъ послѣдній, подъ страхомъ смертной казни, хранилъ вѣчное молчаніе обо всемъ, что онъ увидитъ и услышитъ въ крѣпости.

Духовникомъ къ умирающей былъ назначенъ священникъ казанской церкви Петръ Андреевъ, говорившій пс-ѣмцеки.

Слабымъ, едва вытннмъ голосомъ разсказала она ему то, что показывала прежде при допросахъ.

— Прошу васъ, говорила она въ концѣ своей исповѣди:—молиться за меня... Я раскаяваюсь въ моей жизни, которую я прогнѣвила моего Создателя... Молю его простить мои тяжкіе грѣхи... а я прошаю моего преда...

На этомъ прервался ея голосъ. Она, какъ казалось, хотѣла сказать еще что-то, но у нея уже не было силъ. Тяжело дыша, она лежала съ закрытыми глазами и вытянутыми вдоль стана руками. Видно было, что наступали послѣднія минуты ея страданій.

Священникъ осѣнилъ крестомъ умирающую и съ наверхуши-мися на глазахъ слезами вышелъ изъ каземата.

Вечеромъ 7-го декабря 1775 года, на площадкѣ алексѣевского рavelина нѣсколько солдатъ копали глубокую яму, и въ то же время, въ одной изъ казармъ этого рavelина собрано было 30 человекъ рядовыхъ, при капралѣ и сержантѣ. Вскорѣ пришелъ туда комендантъ крѣпости Чернышевъ и, послѣ «напоминовой о вѣрности службы ея императорскому величеству», наискрѣпчайше подтвердилъ собранной командѣ, что о мѣстѣ погребенія «известной персоны» должно хранить вѣчную тайну» подѣ страхомъ лишенія воинской чести и живота».

Изъ каземата, гдѣ томилась плѣнница Орлова, нѣсколько солдатъ, въ глубокую темную ночь, при тускломъ свѣтѣ фонарей, вынесли бѣлый досчатый гробъ. Остальная воинская команда плотно со всѣхъ сторонъ окружала его. Прошло нѣсколько времени, и комья мерзлой земли глухо застучали о крышку гроба...

Въ январѣ 1776 года, особая комиссія, разсматривавшая слѣдственное дѣло о самозванцѣ, постановила: Доманскаго, увлеченаго страстью и легкомысліемъ, вѣсто вѣчнаго заточенія, отпустить въ отечество, съ выдачею ста рублей; Франциску Мешеду, умственная слабость которой не допускаетъ мысли о сообщничествѣ, отпустить за границу, выдавъ ей, въ уваженіе ея бѣдности и дворянскаго происхожденія, сто пятьдесятъ рублей и старыя вещи покойницы; служителей умершей: Рихтера, Лабенскаго, Марезини и Кальтфингера выслать изъ Россіи, выдавъ имъ по пятидесяти рублей каждому. Всѣхъ увольняемыхъ обязать клятвою хранить все происходившее въ вѣчной тайнѣ, объявивъ при этомъ, что, въ случаѣ возвращенія ихъ въ Россію, они безъ суда будутъ казнены смертью.

Впродолженіи почти ста лѣтъ со времени кончины неразгаданной доселѣ личности, выдававшей себя или, вѣрнѣе сказать, вы-

данной другими за дочь императрицы Елизаветы, дѣло о ней считалось одною изъ важнѣйшихъ государственныхъ тайнъ. Только въ недавнее время у насъ заговорили о ней, ошибочно называя ее княжною Таракановой, такъ какъ она этой фамиліи никогда и нигдѣ не носила. Подъ именемъ князей Таракановыхъ приписали ей и братьевъ; но достовѣрныхъ слѣдовъ ихъ существованія нигдѣ не оказывается. Объ нихъ упоминаютъ только Кастера, и Шлёцеръ въ своей автобіографіи, обозначая фамилію ихъ лишь инициаломъ Т. и придавая имъ графскій титулъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что въ этомъ случаѣ Шлёцеръ передѣлалъ простонародное казачье прозваніе Дараганъ на слово «тараканъ» и придалъ этому слову русско-фамильное окончаніе «овъ», изъ чего и составилось прозваніе Таракановъ. Поводомъ же къ этому послужило то обстоятельство, что прозваніе Дараганъ носили родные племянники Разумовскаго, жившіе нѣкоторое время во дворцѣ Елизаветы, что и породило выдумку о Таракановыхъ, мнимыхъ дѣтиахъ государыни.

Въ печати нашей упоминается, однако, что графъ Блудовъ, отлично знавшій государственный тайны, рассказывалъ, будто бы въ одномъ изъ переяславско-залѣскихъ монастырей, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, содержался князь Таракановъ, горько жаловавшійся на свою печальную судьбу. Авторъ настоящаго разсказа имѣлъ случай ознакомиться со списками лицъ, содержавшихся въ означенныхъ монастыряхъ за все время, въ которое могъ бы тамъ находиться упоминаемый графомъ Блудовымъ заточникъ. Но въ спискахъ этихъ никакого князя Тараканова не оказалось. Впрочемъ, еслибы даже тамъ и отыскался князь Таракановъ, то и это обстоятельство нисколько не подтвердило бы вымысловъ иностранныхъ, а вслѣдъ за ними и нашихъ историковъ и повѣствователей. Князья Таракановы дѣйствительно нѣкогда существовали. Они принадлежали къ разряду тѣхъ немовѣрно многочисленныхъ князей, которые, происходя отъ крестившихся татарскихъ муръзъ и такъ называемыхъ «мордовскихъ панковъ», живутъ нынѣ въ приволжскихъ мѣстностяхъ, болѣею частію какъ простые крестьяне. Легко могло случиться, что такой князь Таракановъ, прослышавъ какъ-нибудь о князьяхъ Таракановыхъ, вымышленныхъ сыновьяхъ императрицы Елизаветы, сталъ выдавать себя за одного изъ нихъ или просто рехнулся на мысли о своемъ царственномъ происхожденіи, за что его, по старинному обычаю, «для обузданія отъ ненстоваго вранья», и запрятали въ кабую-нибудь богохранимую обитель.

Всѣ дочери Елизаветы отъ сомнительнаго брака съ Разумовскимъ,

являющихся и въ предѣлахъ, и въ печати—личности вымысленныя, а подъ именемъ Яганы или Юганы Шмидтъ, женщины чрезвычайно близкой къ императрицѣ Елизаветѣ, можно признать личность Жуаны или, что тоже самое, Яганы и тогда будетъ понятно загадочное до сихъ поръ хвастовство Алексѣя Орлова въ письмѣ къ императрицѣ о невѣстѣ Шмидтъ...

Отставленный отъ воинской службы бригадиръ баронъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ фонъ-Ашъ, подшепнувшій Шувалову дорогое ему имя Тодескины, во все продолженіе царствованія императрицы Екатерины II, содержался въ строгомъ заточеніи въ шлиссельбургской крѣпости. Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, возвратилъ бригадиру и свободу, и шпагу, приставивъ къ нему для постоянного надзора подполковника Муханова. Бригадиръ, однако, несмотря на то, что былъ на смиреніи вырочженіи почти двадцати лѣтъ, не угомонился. Живя въ Петербургѣ, на Литейной Улицѣ, онъ, 25-го марта 1797 года, въ то время, когда мимо его квартиры проходила артиллерія, отворилъ форточку, высунулся въ нее и крикнулъ во все горло, что слѣдуетъ служить не императору Павлу Петровичу, а Ивану Ивановичу Шувалову. За такую продѣлку бригадиръ былъ признанъ виновнымъ «во вредительныхъ противъ російскаго государства намѣреніяхъ», и императоръ Павелъ отправилъ его въ суздальскій Слассо-Ефимьевъ монастырь на вѣчное заточеніе.

Стихотворецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и владимірскій губернаторъ, князь Долгоруковъ, «почитая, какъ писалъ онъ въ Петербургъ долгомъ соболѣзновать о несчастныхъ и привлекать къ нимъ вниманіе сильныхъ на землѣ людей, сходить въ тѣ жилища скорби, гдѣ слышать еще доселѣ веревъ ужаса и поражаютъ слухъ ушъ темничныя», ходатайствовалъ предъ императоромъ Александромъ Павловичемъ объ освобожденіи барона Аша изъ монастырскаго заточенія.

Это было въ 1802 году, и затѣмъ прекращаются всякія извѣстія о бригадирѣ, знавшемъ, повидимому, такія тайны, которые и не снились нашимъ историкамъ.

Е. Карновичъ.

ЦАРЬ ПРИРОДЫ.

«Человѣкъ есть царь природы».
Букарь.

Одарило небо щедро
Благодатный этотъ край
Жирнымъ хлѣбомъ, жирной пашей,
Жирной дичью—просто рай!...

Но среди природы жирной—
Тошчъ и скорбень, весь въ пыли,
Человѣкъ, «вѣнецъ созданья,
Перль природы, царь земли...»

— Эй, мужикъ! Ты—царь природы!...
Понимаешь? Это все—
Хлѣбъ роскошный, звѣри, птицы,
Что ни видишь—все твое!...

Шапку снялъ: «не становой ли?»
Тошчй, скорбный, весь въ пыли,
Человѣкъ, «вѣнецъ созданья,
Перль природы, царь земли...»

* * *

«Богъ старости—неумолимый Богъ...
Отъ юности готовьте вамъ итогъ...»
Некрасовъ.

О, берегись—и жди обиды:
Смотри—становишься ты сѣдъ...
Ты прямо вступишь въ инвалиды—
Безъ поражений, безъ побѣдъ...

И «сорокъ лѣтъ»—какъ тяжкій молотъ
Ударятъ соннаго по лбу: .
«Что дѣлалъ ты, пока былъ молодъ?
Какую выдержалъ борьбу?...»

И, перерывъ воспоминанья,
Ты самъ сознаешь свой позоръ.
Искать ты станешь оправданья,
Какъ предъ судьбою ловкій воръ...

Судьбу, людей ты проклинаешь:
На нихъ—вина твоей вины.
Пожалуй, даже зарыдаешь...
И будутъ слезы тѣ смѣшны!...

А. Боровиковскій.

П Р Ы Г У Н Ы.

(Материалы къ исторіи обрусенія Закавказскаго Края).

I.

Лѣтъ 25—30 назадъ, во многихъ селеніяхъ Тамбовской и Саратовской Губерній стало быстро распространяться такъ называемое молоканское ученіе. Полиція и духовенство встревожились. Мѣстные пристава и исправники, въ союзѣ съ мѣстными отцами Иванами, Петрами и пр., безуспѣшно домогались удержать заблудшихся въ лонѣ православной церкви и тщетно пытались разсѣять мракъ заблужденія. «Замолочанившіе» крестьяне упорствовали, и власти свѣтскія и духовныя скоро окончательно убѣдились, что отщепенцы все болѣе и болѣе укрѣпляются въ лжеученія и съ пути сего сойти не желаютъ.

Порѣшили выслать значительную часть заблудшихся административнымъ порядкомъ за Кавказъ, гдѣ и расселить по указаніямъ мѣстнаго начальства. Распродавъ свои позитки, забравъ все, что можно, переселенцы, длинными караванами, потянулись на югъ и, послѣ долгихъ странствованій, прибыли за Кавказъ, въ Эриванскую Губернію, гдѣ ихъ расселили на возвышенной плоскости Гокчинскаго Озера. Мѣста для поселеній были болѣею частью выбраны самими переселенцами. Ихъ соблазнили роскошная растительность, прохладный воздухъ, близость воды и лѣса, тучныя пастбища Гокчинской равнины. Суровая зима ихъ не пугала.

Благодатная почва и климатъ Закавказья созданы на всѣ вкусы и могутъ одинаково удовлетворить наклонностямъ обитателя сѣверныхъ странъ и потребностямъ югожителя. Есть мѣста съ климатомъ почти тропическимъ, есть такія, гдѣ климатъ подобенъ климату средней полосы Россіи и, наконецъ, есть такія пространства, гдѣ суровая зима длится 4—5 мѣсяцевъ, гдѣ завываютъ бури, свирѣпствуютъ метели и вьюга и гдѣ теплая шуба,

шапка и теплые сапоги или валенки составляют необходимую принадлежность костюма.

Сектанты выбрали для своих поселений исключительно мѣста послѣдняго характера, а потому, безъ всякой ломки и почти безъ уступокъ, порядкомъ еще прежде заведеннымъ перенесли сюда дѣликомъ почти всѣ свои прежніе домашніе и хозяйственныя обычаи. И по переселеніи на крайній югъ имъ не пришлось оставлять ни валенокъ, ни мохнатыхъ шубъ, ни мохнатыхъ шапокъ. Не пришлось обходиться безъ саней и розвальней, и все прочее жетье-бытье какъ нельзя лучше примѣнилось къ новой мѣстности—что, конечно, на первое время, не мало облегчило сектантамъ и тягость переселенія и горечь ссылки и разлуки.

Сектанты не пожелали занять ни тѣхъ низменностей, гдѣ съ успѣхомъ произрастаютъ хлопокъ и рисъ—ни тѣхъ искусственно орошаемыхъ пространствъ, гдѣ, безъ поливки, не произрастаетъ ничего и гдѣ, кромѣ искусства управлять сохой и плугомъ, требовалось еще искусство управлять лопатой при орошеніи поля—а болѣе всего требовалось смотрѣть въ оба и не прозввать очереди поливки, подъ страхомъ лишиться всѣхъ посѣвовъ. Они отказались отъ выгодъ и пріятностей разведенія винограда, отъ посѣвовъ чалтыка и клеветчины и отказались ради посѣвовъ ячменя, проса, льну, конопли и гречихи. Пришлось, правда, разстаться съ знакомыми посѣвами ржи и овса—но и это было нисколько не накладно и переселецъ не только скоро вошелъ во вкусъ пшеничнаго хлѣба, но, по примѣру туземца, сталъ своихъ лошадей кормить ячменемъ, находя даже, что такъ лучше, что скорѣе добрѣетъ скотина.

Сектанты разсудили, что хотя виноградъ и рисъ дѣйствительно хорошия, достойныя ихъ вниманія вещи, но вино пить имъ воспрещалось и потому разведеніе винограда уже не представляло большихъ выгодъ. Еще менѣе пожелали они, стоя по колѣни въ водѣ и напуская воду на рисовыя поля, запасаться на зиму не только рисомъ, но и злокачественными лихорадеями и по прошествіи многихъ лѣтъ, сектанты продолжали довольствоваться говядиной и гречневою кашей и не вошли во вкусъ ни баранины или плова, ни всякихъ травъ, составляющихъ самую суть пищи туземца.

Словомъ, въ отношеніи своего хозяйственнаго быта, сектанты-переселенецъ почти никакихъ измѣненій не сдѣлалъ и, переимѣнивъ только мѣсто дѣйствія, да окружающую обстановку, да переставъ созерцать колокольню родной церкви и слышать оверсть одну русскую рѣчь, принялся сразу за ту же работу и тѣ же тягости, которыя несъ тамъ, откуда пришелъ.

Новоселенцевъ окружала сплошная масса армяно татарскаго населенія. Спустя 30 лѣтъ послѣ завоеванія, край пребывалъ въ томъ же невѣжествѣ, какъ и въ персидскую эпоху. Армяне, слѣдя природному влеченію, занялись торговлей и прославили своею имя, какъ ненасытные искатели наживы. Мусулмане и не думали дѣлать какихъ либо уступокъ просвѣщенію. Ихъ меджи-ресе (школы), муллы, муэдзины, чабры, весь ихъ глубоко азіатскій строй домашней и общественной жизни не потерпѣлъ отъ руки завоевателей ни малѣйшихъ измѣненій. Объ обрусеніи края не было и рѣчи. Незначительная часть молодыхъ туземцевъ - мусулманъ, пройдя чрезъ кадетскіе корпуса, побывавъ въ конвоѣ и окунувшись въ столичную жизнь, возвращались на родину, не неся съ собою никакой цивилизаціи. Съ живѣйшею готовностію эти туземцы вновь надѣвали коши¹, обрывали головы, заводили жену, другую и третью и, погружаясь въ созерцаніе кальяннаго дыма и прелестей разныхъ Гюльнаръ, Шаринокъ, Хейраниссъ и Туказбанъ, нечувствительно переходили къ идіотизму. Мусулманство втягивало въ себя. Крайнія уступки, на которыя рѣшались у себя на родинѣ смѣлѣйшіе изъ вкусившихъ Петербурга, было ношеніе сапогъ, небритые головы, введеніе ножей и вилокъ взамѣнъ перстовъ и потребленіе шампанскаго.

Народъ, безспорно болѣе спокойный и обеспеченный подѣ властью Россіи, жилъ прежнею жизнью и ни о какомъ сближеніи съ центромъ не помышлялъ. Нѣсколько туземцевъ-мусулманъ и множество туземцевъ-армянъ пошли въ чиновники и, заселивъ разные канцеляріи, стали, по крайнему своему разумѣнію, силѣ и возможности, увѣчать русскую орографію, а вмѣстѣ съ тѣмъ служить единственными истолкователями и нуждъ народа, и стремленій правительства.

Въ отношеніи внутренняго управленія, край, что называется, состоялъ на особомъ положеніи. Задавленный персидскимъ деспотизмомъ народъ отдыхалъ. Всѣ мѣропріятія ограничивались исправнымъ взносомъ податей и повинностей, сглаживаніемъ мелочныхъ злоупотребленій и привлеченіемъ симпатій народовъ особыми мѣрами поощренія достойнѣйшихъ и почетнѣйшихъ туземцевъ.

Дѣятельность суда была парализована шариатомъ, дѣятельность полиціи парализовалась всѣми условіями туземнаго и особенно мусулманскаго быта, всѣми свойствами народа и нескрывимаго имъ отчужденія отъ новыхъ властителей. Только вниманіе доходовъ облеклось въ правильную форму, да отчасти

¹ Мѣстная обувь.

увеличилась общественная безопасность и затѣмъ на пользу просвѣщенія, промышленности, земледѣлія, путей сообщенія и санитарной части не было сдѣлано ничего или почти ничего.

Въ этомъ краѣ безъ переводчика или искусной пантомимы нельзя было перемолвить ни слова ни съ однимъ туземцемъ; пришельцы русскіе оставались сами по себѣ—туземцы тоже сами по себѣ и связующимъ элементомъ служили водворившіеся въ канцеляріяхъ искатели чиновныхъ благъ изъ числа мѣстныхъ уроженцевъ.

Сюда-то сослали непокорныхъ тамбовскихъ и саратовскихъ «кривотоловъ» и, причисливъ новопоселенцевъ къ сектантамъ «особенно-вреднымъ» — предоставили закавказской полиціи жесокоренать изъ нихъ то, чего не могъ жесокоренить ни мѣстный отецъ Иванъ, ни мѣстный становой и исправникъ.

Полагалось, что наименьшій вредъ эти вредные люди принесутъ именно здѣсь, окруженные сплошною армяно-татарскою массою. Тутъ сектаторская пропаганда хоть и не была страшна для православія, но свободное отправленіе обрядовъ было разрѣшено лишь родившимся въ расколѣ; всякое вербованіе прозелитовъ изъ кого бы то ни было строго воспрещалось и безусловно каралось всякое, такъ называемое, *публичное оказательство раскола*.

Состоя подѣ попеченіемъ устава о ссыльныхъ, сектанты, въ особенности, на первыхъ порахъ, терпѣли большія гоненія отъ полиціи. Часто усердствуя не по разуму, часто руководясь корыстными соображеніями, полицейскіе миссіонеры свирѣпствовали и сразу нагнали страхъ на новыхъ поселенцевъ. Въ то время дѣйствовало, такъ называемое, «Наставленіе» (1858 года), указывавшее, какъ гражданское начальство дѣйствуетъ единодушно съ духовнымъ, взаимно стремясь къ одной главной цѣли—*искорененію въ народѣ раскольничьяго убѣжденія*. Въ Наставленіи требовалось, чтобы со стороны раскольниковъ не было публичнаго оказательства раскола, соблазнительнаго для православія, запрещалось: «такое пѣніе внутри молеленъ, которое было бы слышно внѣ оныхъ», возбранялось торжественное совершеніе браковъ, погребеній и пр. и пр.; однимъ словомъ, запрещалось, возбранялось и не допускалось многое, безъ чего сектанты, по ихъ крайнему разумѣнію, обойтись не могли.

Съ такимъ «Наставленіемъ» въ рукахъ, любой полиціантъ пріобрѣталъ надъ сектантами неограниченную власть. Влекая наѣздами въ сферу религіозныхъ убѣжденій сектантовъ, такъ называемые, *участковые* начальники своимъ неразуміемъ нерѣдко положительно содѣйствовали не искорененію въ народѣ расколъ-

ничьяго убѣжденія, а взоренію всякихъ полѣностей и распро-
страненію заблужденій.

И по духу своихъ вѣрованій, и вслѣдствіе толчвовъ неблаго-
слонной судьбы, выселенные изъ внутренней Россіи сектанты и
такъ были своего рода мыслителями. Наклонные къ мистициз-
му, лишеныя всѣхъ способовъ умственного развитія и, къ тому
же, увѣщаемые полицейскимъ порядкомъ, новые поселенцы
скоро додумались до образованія новаго ученія. Изъ нѣкоторыхъ
молоканскихъ собраній выдѣлились наиболѣе усердные модель-
щики и сдѣлали свое собственное собраніе. Придерживаясь пра-
вилъ молоканства, они исполняли это правило гораздо строже.
Переходя отъ поста къ молитвѣ и отъ молитвы къ посту, вы-
дѣлившіеся изъ молоканства «ревнители истинной и чистой вѣ-
ры», какъ они себя называли на первыхъ порахъ — скоро дошли
до прямого общенія съ св. духомъ. Сначала духъ сошелъ на
одного, потомъ на другого, потомъ на многихъ. Духъ сходилъ
такъ, что осѣненные имъ, тутъ-же, въ собраніи, начинали дро-
жать, кривляться, ломаться и, наконецъ, прыгать, и полиція не
замедлила довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что въ существу-
ющимъ вреднымъ толкамъ присоединился еще одинъ таковой,
именуемый *прыгунствомъ*.

Это случилось въ 1852 году.

Мысль поближе узнать этихъ вредныхъ людей, поближе со-
прикоснуться съ предполагаемымъ отъ нихъ вредомъ и узнать
самую сущность ихъ вреднаго толка, оказалась не легко осуще-
ствимою. Нужно было прежде всего преодолѣть все то недо-
вѣріе, которое вызываетъ въ крестьянинѣ вообще всякій чинов-
никъ и, на этотъ разъ, специальный чиновникъ-судья, поселив-
шійся среди нихъ и призванный охранять законъ отъ наруше-
нія. По всѣмъ справкамъ оказывалось, однако, что новые вред-
ные люди, выдѣлившись изъ молоканства, отличаются и болъ-
шею строгостью нравовъ, и болъшимъ рвеніемъ въ постѣ и мо-
литвѣ. Ни пьянства, ни сквернословія, ни надувательства, ни
лжи, ни обмановъ между ними не существовало. Приписываемыя
имъ, по рассказамъ молоканъ, разныя безобразія, будто бы со-
вершаемыя при моленіи, не подтверждались ничѣмъ. Болъе все-
го мѣстныхъ власти пугались той таинственности, къ которой пры-
гуны считали необходимымъ прибѣгнуть, отправляя свои рели-
гиозные обряды, и попытка многихъ проникнуть въ эту тайну не
имѣла успѣха.

Собираясь на такъ называемое «собраніе», прыгуны не пре-
пятствовали постороннимъ находиться при своемъ моленіи. Лю-
бопытствующимъ обыкновенно говорили:

— «Что жъ, пожалуйста! Посмотрите! Отъ чего не посмотрѣть? Можно... отчего не можно... можно...»

Любопытствующихъ впускали въ собраніе—но оно проходило и оканчивалось чинно, точь въ точь, какъ молоканское. Духъ ни на кого не сходилъ—никто не прыгалъ.

— «Да кто же у васъ тутъ прыгаетъ?» спрашивали чинно расходившихся по домамъ прыгуновъ.

— «Да всякъ — кому придется... На кого сойдетъ духъ... съ тѣмъ и случается—отвѣчаетъ прыгунъ уклончиво.

— «Да на кого же духъ сходитъ?»

— «На всякаго сходитъ... Вотъ предайся только Богу... соедини съ нимъ... и сойдетъ».

Съ тѣмъ обыкновенно любопытствующіе и уходили. Духъ не появлялся при постороннихъ.

Но мало по-малу все сладилось. Съ свойственнымъ здравомыслящимъ людямъ чутьемъ прыгуны поняли, что въ нашемъ любопытствѣ не заключается никакихъ полицейскихъ подвоховъ. Они перестали стѣсняться посторонняго и цѣлый рядъ собраний, мною посѣщенныхъ, прошелъ съ *духомъ*.

Нисхождение св. духа, какъ оказалось, проявляется въ разнообразной формѣ, видоизмѣняясь отъ простаго усиленія до бѣшеной, неустойчивой пляски. Въ каждомъ прыгунскомъ собраніи найдется не болѣе двухъ-трехъ лицъ, на которыхъ духъ сходитъ постоянно, т. е. каждое собраніе, а иногда, кромѣ того, еще и дома; большинство же прыгуновъ осѣняются духомъ только при очень торжественныхъ случаяхъ и тогда прыгаютъ всѣ до единаго. Обыкновенно духъ приходитъ къ концу собранія, послѣ такъ называемаго моленія, когда всѣ, предшествовавшей бесѣдой, дѣлающейся иногда по нѣсколькимъ часамъ, достаточно къ тому подготовлены. Видимые знаки его сошествія заключаются прежде всего въ блѣдности лица, затѣмъ идетъ усиленное дыханіе, потомъ начинается раскачиваніе тѣломъ и ерзанье по лавкѣ, потомъ притаптываютъ ногами, оставаясь въ сидячемъ положеніи, потомъ припрыгиваютъ на мѣстѣ и непремѣнно въ тактъ пѣсанія и, наконецъ, начинаются скачки и прыжки, завершаемые болѣею частью тяжеловѣснымъ гроханьемъ объ полъ. Вся эта процедура соблюдается, однако, не всегда въ томъ порядкѣ, какъ она описана. Нѣкоторые, покачавшись на лавкѣ, вскакиваютъ и сразу начинаютъ бѣсноваться; другіе не идутъ далѣе раскачиванія на мѣстѣ и, покачавшись, вдругъ грохаются объ полъ, сильно ударяясь лбомъ, и лежатъ такъ полчаса и болѣе. Нѣкоторые, сидя на мѣстѣ, громко, можно сказать, театрално рыдаютъ или также театрално-ходульнымъ шагомъ ходятъ по со-

Прыгуны.

бранію, размахивая руками и обводя всѣхъ побѣдоносными взглядами. Самые скромные, наконецъ, только закрываютъ глаза и покачиваютъ головой, стараясь попасть въ тактъ пѣсни. Распрыгавшіеся мужички и бабы поднимаютъ въ тѣсной хатѣ немовѣрную возню. Кружась, сталеживаясь, падая на полъ, вновь поднимаясь, взвизгивая и вскрикивая—вся эта компанія сохраняетъ на лицахъ отгѣнокъ чрезвычайной серьезности и озабоченности, и эта общая серьезность и сосредоточенность удерживаетъ посторонняго зрителя отъ улыбки.

Такъ происходить собранія съ дугою. Собранія безъ духа малочѣмъ, по вѣншнему виду, отличаются отъ молоканскихъ. Разница только въ продолжительности собранія, да въ содержаніи прочитаннаго и пропѣтаго. У прыгуновъ есть свои излюбленныя мѣста въ св. писаніи, у молоканъ—свои. Прыгуны, послѣ моленія, поютъ много духовныхъ пѣсень, сочиненныхъ разными ихъ прыгунскими пророками и въ особенности Максимомъ Рудометкинскимъ; молокане прыгунскихъ пѣсень не поютъ, а знаютъ свои, больше же всего ограничиваются пѣніемъ нѣсколькихъ любимыхъ псалмовъ. У прыгуновъ масса саими ими сочиненныхъ молитвъ, которыя и прочтываются къ концу собранія такъ называемымъ читальникомъ или священникомъ; у молоканъ свои молитвы и свой порядокъ въ чтеніи молитвъ. По вѣншности собранія молоканскія и прыгунскія совершенно сходствуютъ.

Обыкновенно, въ хатѣ, ничѣмъ не отличающейся отъ другихъ, кромѣ развѣ нѣсколько большимъ размѣромъ, сходятся послѣдователи одного толка. За столомъ, покрытымъ скатертью, усаживается читальникъ, а если ихъ нѣсколько, то всѣ рядомъ. Приносятъ библію и начинаютъ читать, давая посылное толкованіе непонятнымъ мѣстамъ. Толкуютъ, разумѣется, по своему.

Послѣ чтенія идетъ пѣніе. Берутъ опять библію, читальникъ прочитываетъ какую-нибудь фразу, запѣвало подхватываетъ ее и за нимъ слѣдуетъ все собраніе, подгоняя слова прочитанной фразы подъ мотивъ пѣсни. Такъ продолжается съ полчаса. Потомъ начинается опять чтеніе, прерываемое толкованіями непонятныхъ мѣстъ, потомъ опять пѣніе и т. д., пока читальникъ, онъ же молитвенникъ, не встанетъ и не произнесетъ: — Ну, что-жъ, пора молиться!

Всѣ встаютъ, лавки сдвигаютъ въ стороны, складываютъ руки, и молитвенникъ отчетливо и внятно прочитываетъ съ десятокъ молитвъ подъ рядъ, то становясь на колѣни, то вновь поднимаясь на ноги, въ чемъ за нимъ слѣдуетъ все собраніе.

Собраніе заканчивается, такъ называемымъ, братскимъ лобзаніемъ. Читальники, перецѣловавшись между собою, становятся

по обѣимъ сторонамъ того стола, гдѣ они сидѣли. Къ нимъ по очереди подходить всѣ братья и сестры, дѣлають трижды земные поклоны другъ другу и трижды лобызаются. Облобызавшіеся становятся врядь и ждутъ, пока къ нимъ подойдутъ не совершившіе еще обряда дѣлованія. Братское дѣлованіе длится также полчаса и, въ самомъ незначительномъ собраніи, на каждаго брата и сестру приходится каждый разъ минимумъ до сотни поцѣлуевъ.

Затѣмъ всѣ расходятся по домамъ.

Особенною торжественностью отличаются собранія по нѣкоторымъ праздничнымъ днямъ и еще болѣе тогда, когда прыгунство ликуеть по случаю приращенія новыхъ членовъ своего толка. Собранія эти бывають чрезвычайно продолжительны и, понатно, всегда съ духомъ. Намъ пришлось попастьъ разъ на такое собраніе, гдѣ эти два торжества, такъ сказать, сливались. Случился, во-первыхъ, большой праздникъ — такъ называемый «судный день», а во-вторыхъ, разомъ три лица присоединились къ прыгунскому толку, что было тѣмъ болѣе замѣчательно, что всѣ три лица были армяне и это приводило прыгуновъ въ совершенный восторгъ.

Собраніе отличалось особенно умиленнымъ настроеніемъ духа молящихся. Разрыдавшіеся братья и сестры съ видимымъ сокрушеніемъ поверглись на землю и въ такомъ положеніи оставались не менѣе четверти часа. Читальникъ читалъ молитвы и, подъ вліяніемъ общаго плача и воя, исполнялъ свою обязанность съ большимъ увлеченіемъ. Въ голосѣ его слышались сдержанныя рыданія; онъ часто и глубоко вздыхалъ, въ глазахъ стояли слезы. Болѣе часу продолжалась эта картина, дѣйствующая на самые сильные нервы. Бабы рыдали и голосили, мужчины сдержанно вскрипывали и, вклада земные поклоны, крѣпко прикладывались лбомъ къ землѣ, просяживая по долгу.

Наконецъ, молитвенникъ смолкъ. Двѣ крупныя слезы скатились по его сѣдой бородѣ. Воздѣвая руки къ небесамъ, онъ повергся въ прахъ и собраніе огласилось новымъ плачемъ и стонами. И вдругъ все успокоилось. Настала мертвая тишина. Пѣвцы затанули что-то заунывное и жалобное, но словъ разобрать было нельзя и, оказалось, впоследствии, что они пѣли по-гречески, или, по крайней мѣрѣ, считали, что поють по-гречески. Но пропѣвъ по-гречески, тутъ же спѣли и въ переводѣ на русский языкъ. Пѣсня состояла всего изъ пяти строкъ, повторенныхъ до сотни разъ. Пѣлась она такъ:

Понивестоне, понивестонъ,
Наривезоне, наривезонъ,
Богъ нашъ, Богъ всѣмъ

Царь нашъ, царь всѣмъ,
Духъ нашъ, духъ всѣмъ.

Слова этой пѣсни приписывались самому извѣстному изъ прыгунскихъ пророковъ Максиму Рудометкину и явились они ему будто бы во время обычнаго сошествія на него св. духа.

Крайне однообразный мотивъ этой пѣсни, держащійся, вопреки обычая, на самыхъ низкихъ нотахъ женскихъ и мужскихъ голосовъ, имѣлъ нѣкоторый мрачный оттѣнокъ. Пѣніе становилось все тише и заунывнѣе и, наконецъ, за общимъ рыданіемъ прекратилось.

Новообращенные армяне-прыгуны сидѣли на прежнихъ скамейкахъ, ближе къ читальницамъ и библии. Двое изъ нихъ пришли къ началу собранія и, занявъ мѣста на лавкахъ, тотчасъ же обнаружили, что вошли въ сношенія съ духомъ. Они закрыли глаза и стали покачиваться, не прекращая этого съ часъ. Третій новообращенный появился почти къ концу собранія. Когда моленіе было уже на половинѣ, во дворъ прискакалъ какой-то армянинъ, вооруженный, въ пыли, на измученной лошади. Онъ бросилъ лошадь во дворъ, быстро вбѣжалъ въ собраніе, сбросилъ съ себя оружіе, пробрался впередъ къ столу, за которымъ сидѣли читальники, и повалился на полъ. Черезъ десять минутъ послѣ того, на одного изъ новообращенныхъ сошелъ духъ. Сначала онъ сталъ усиленно дышать, широко раздувая ноздрами. Это произвело блѣдность въ лицѣ. Потомъ онъ сталъ раскачиваться, сидя на скамьѣ. Нѣсколько разъ онъ закладывалъ себѣ руки за голову и сильно потягивался, какъ бы послѣ сладкаго сна. Когда всѣ встали для слушанія молитвъ, Хачатуръ—такъ звали этого армянина—усилилъ раскачиваніе, потомъ сталъ перегибаться назадъ и одинъ разъ, потерявъ равновѣсіе, упалъ и провалялся минутъ пять съ закрытыми глазами, сложивши руки на крестъ. Потомъ всталъ, немного постоялъ и принялся вновь ломаться. Онъ, впрочемъ, совсѣмъ не прыгалъ и не скакалъ, но подъ звуки «понивестоне», сталъ ходить по комнатѣ (свободнаго мѣста оставалось шага 3—4) и выкрикивать что-то по-армянски. Слышались слова: Іисусъ Христосъ и Аствацъ (Богъ). Иногда онъ вскрикивалъ по-татарски: Аллахъ! Аллахъ!

Почти въ тоже время духъ сошелъ на пчельничиху—Петровну, бабу лѣтъ подлѣ сорокъ, на кузнечиху Екатерину Новикову, бабу лѣтъ 20 съ небольшимъ, и еще на одну бабу, лѣтъ за шестьдесятъ. Когда запрыгала Петровна, то Хачатуръ сталъ въ сторонѣ и поднималъ руки вверхъ, ибо двумъ стало уже тѣсно. Когда Петровна, порядкомъ умаявшись, стала на свое мѣсто, то пошелъ разгуливать опять Хачатуръ, и тутъ разыгралъ сцену

поборонія нечистой силы дѣйствіемъ духа святаго. Изобразилъ это онъ такъ. Сначала Хачатуръ остановился и сталъ пристально смотрѣть на одну точку, и, какъ будто что-то усматривая на землѣ, началъ все болѣе и болѣе таращить глаза. Вытаращивъ ихъ, на сколько позволяли орбиты глазъ, онъ поднялъ правую руку и сталъ потрясать ея въ воздухъ, какъ бы приготовляясь нанести ударъ. Потомъ, соединивъ у себя надъ головой обѣ руки, какъ будто бы хотѣлъ обхватить ими палку или иное орудіе. Хачатуръ сталъ примѣрно ударять по тому мѣсту, на которое таращилъ глаза. При ударахъ онъ испускалъ тотъ звукъ, который испускаютъ при рубкѣ дровъ, при раскалываніи камня, звукъ, состоящій изъ быстрого выдыханія воздуха изъ груди, что облегчаетъ производство удара. Звукъ этотъ знакомъ всякому, а Хачатуру—ремесломъ камнетеса, и подавно. Нарубившись вдоволь, Хачатуръ, какъ бы отбросивъ въ сторону то орудіе, которымъ онъ рубилъ, притопталъ ногами то мѣсто, надъ которымъ онъ все это продѣлывалъ, прокричалъ что-то пс-армянски и нѣсколько разъ пршелся по изрубленной пустотѣ.

Между тѣмъ, прыганье продолжалось. Пчельничиха попрыгала не болѣе трехъ минутъ и притомъ съ крайнею неуклюжестью. Всѣ прыжки она дѣлала впередъ и, дойдя черезъ два-три прыжка до конца свободнаго мѣста, поворстила назадъ и продѣлала тоже самое къ мѣсту, гдѣ прежде стояла. Прыжки дѣлались обѣими ногами разомъ и руки держались такъ, какъ ихъ держать при такъ называемомъ гимнастическомъ шалѣ. При каждомъ прыжкѣ пчельничиха издавала какой-то болѣзненный звукъ, въ родѣ сдержаннаго стопа или крика, какъ будто она прыгала противъ собственной воли, какъ будто вотъ и хочетъ остановиться, да не можетъ, какъ будто это такъ трудно и такъ больно, а удержаться все-таки не въ ея власти. Намучившись порядкомъ, она остановилась какъ разъ на томъ мѣстѣ, откуда начала свои прыжки и спокойно обтерла фартукомъ градомъ катившійся съ лица потъ. Почти одновременно съ пчельничихой заврыгала кузнечиха Катерина, но такъ какъ все свободное мѣсто было уже занято прыгающей пчельничихой, то кузнечиха, сдѣлавъ нѣсколько небольшихъ прыжковъ впередъ и назадъ, также ташеловѣсно и неуклюже, какъ пчельничиха, успокоилась и стала ломать у себя руки надъ головою. До прыганья Катерина стояла все время съ груднымъ ребенкомъ, и, несмотря на то, что все время была, повидимому, *въ духѣ*, потому что вздрегивала, но это ей не мѣшало то давать ребенку грудь, то стѣмать ее и указывать поднимавшаго крикъ мадьянскаго прыгунчика.

Передь самымъ же прыганьемъ она сноважно положила ребенка въ уголь и затѣмъ уже запрыгала.

Попрыгала еще шестидесяти-лѣтняя старушка, но скоро успокоилась. Настала длинная пауза. Пѣвiе прекратилось, всѣ сидѣли на лавкахъ отирая потъ, сморкаясь, оправляя растрепавшіяся одежды и сдвинувшіяся на бокъ головные и шейные платки.

Но вдругъ все вновь зашевелилось. Нѣсколько человѣкъ разомъ грянуло пѣніе почти плясового характера, хотя и духовнаго содержанія. Всѣ, кто могъ, т. е. около кого было свободное мѣсто, запрыгали и закружились. Принужденные, по тѣснотѣ, сидѣть или стоять на мѣстѣ захлопали въ ладоши и стали расквашиваться на мѣстѣ. Припертые къ задней стѣнѣ собранія, сидѣвшіе на послѣднихъ лавкахъ прыгуны, не имѣвшіе возможности прыгать, ни даже встать, заерзали на лавкахъ, тоже прихлопывая въ ладоши. Около кого было свободное мѣсто тотъ прыгалъ, дѣлая прыжки впередъ и назадъ или въ сторону и опять на мѣсто, смотря потому, съ какой стороны оказывалось свободное пространство. Не мѣсто напрыгавшихся и уходившихъ въ задніе ряды выступали свѣжія силы. Пѣвцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ гикали и вскрикивали. Пыль въ хатѣ стояла столбомъ; кто-то заботливо отворилъ-было окошко, но другой тотчасъ его затворилъ опять. Прыгали уже безостановочно болѣе двадцати минутъ, когда пѣсня стала слабѣть и тактъ сталъ рѣже. Нѣкоторые изъ прыгавшихъ сидѣли на полу, нѣкоторые совсѣмъ растанулись, преимущественно подъ лавками, очевидно, придя въ полное изнеможеніе. Одинъ мужикъ лежалъ на груди у другого и тотъ вытиралъ ему съ лица потъ, пустивъ для этого въ ходъ свой красный шейный платокъ. Пчельничиха умалалась окончательно и сидѣла неподвижно. Новообращенный армянинъ, прискакавшій позже другихъ, забрался на лавку и стоялъ поднимая руки и глаза къ верху. Читальникъ Новиковъ, сидѣвшій все время въ почетномъ углу, страшно поблѣднѣвъ и закрывъ глаза, опустилъ голову на столъ. Пчельникъ Меньшовъ разодралъ на себѣ рубаху и огромнымъ кулакомъ колотилъ въ свою обнаженную грудь, не переставая называть себя окаяннымъ. Забытый въ углу ребенокъ неистово оралъ. Всѣ лица вытянулись, всѣ какъ будто сильно похудѣли. Въ заключеніе, всѣ разомъ разошлись, молча разобравъ шапки. — Это было около 10 часовъ вечера; началось же торжество около 5 часовъ пополудни, и пятичасовое возбужденіе, конечно, отразилось на физиономіяхъ прыгавшихъ. Тѣмъ не менѣе, утромъ, на зарѣ, всѣ своимъ чередомъ отправились на полевая работы, гдѣ и провели до заката солнца.

На такихъ собраніяхъ непремѣнно кто-нибудь изъ осѣненныхъ

*

духомъ занимается пророчествомъ. Впрочемъ, на пророчествахъ такъ сказать, официально признанныхъ прыгунами, вовсе не лежитъ непремѣнная обязанность предсказывать. Окажется предсказаніе вѣрнымъ — хорошо; не сбудется предсказанное также хорошо; и ничто не въ претензіи. Максимъ Рудометкинъ три раза предсказывалъ наступленіе столь пламенно ожидаемаго тысячелѣтняго царствія, когда прыгуны будутъ господами, а всѣ прочіе — слугами; и воѣ три раза сроки предсказаннаго наступленія прошли въ лихорадочномъ ожиданіи, не принеся съ собою ничего, а Максимъ Рудометкинъ, не стѣсняясь, отложила наступленіе прыгунскаго царства на новый срокъ. Одинъ изъ прыгунскихъ учителей далъ послѣднее объясненіе этимъ неудачнымъ предсказаніямъ. Онъ, Максимъ Рудометкинъ, предсказывалъ жѣрно и такъ оно, согласно божьей волѣ, и должно бы было, но заглавъ Богъ судилъ иначе... а потому тутъ Рудометкинъ не причѣтъ, а все Богъ...

II.

Таинственная сторона прыгунскаго ученія, ихъ вѣра въ сошествіе св. духа на усердно молящихся и ихъ такъ называемая на официальномъ языкѣ «духовная пляска» составляютъ ту сторону ихъ толка, которая оказывается наиболѣе неосновательной. При нравственности, вообще говоря, тѣхъ принциповъ, которые положены въ основу ученія прыгуновъ, при высокой степени трезвости и разумности тѣхъ житейскихъ правилъ, которые преподаются этимъ ученіемъ, и не только преподаются, но и дѣйствительно проводятся въ жизнь, эта пляска является какимъ-то комическимъ фарсомъ въ ровномъ ходѣ серьезной пьесы.

Эта пляска привела къ тому, что прыгуны, выдѣлившись изъ молоканства, поставлены въ списки вредныхъ сектъ еще выше молоканъ; она, эта пляска, заставила перепугавшуюся администрацію приравнять ихъ къ ученіямъ, соединеннымъ съ свирѣпымъ изуверствомъ, и, по крайней мѣрѣ, на первое время, вызвало со стороны власти усердѣйшее преслѣдованіе и гоненіе. Однимъ словомъ, эта злосчастная пляска накликнула на головы «духовныхъ христіанъ» наибольшую сумму бѣдъ и невгодъ и при всемъ томъ, а, главное, не взирая на весь свой козырь, успѣла достаточно сохраниться и поднестъ.

Можно, впрочемъ, сказать, что упорство прыгуновъ въ этомъ отношеніи и есть наиболѣе замѣтный плодъ продолжительнаго преслѣдованія отъ властей. Многие и многіе прыгуны отъ пляски

отстали, многіе отстають, многіе одать даже перешли въ моленіе, и все это произошло съ тѣмъ поръ, какъ мысль насильственнаго обращенія на путь истинный была оставлена, и заблудшимся овцамъ было предоставлено искать того стада, гдѣ тѣхъ пастырей, которые имъ были болѣе по сердцу. — Такимъ образомъ, многіе прыгуны, очевидно, сознавъ комическую сторону ихъ ученія и не сознаваясь лишь въ томъ явно, собираются на собраніе лишь для молитвы, а не для прыганья, и въ духовномъ имъ не принимаютъ участія никогда, отговариваясь тѣмъ, что «не удостоены благодати», «не отличены, не отличены святымъ духомъ».

Самое усердіе къ прыганью, какъ оказалось по справкамъ, всегда было, въ разныхъ селеніяхъ, разнo и неравно. Еленовцы прыгали много; Семеновцы прыгали лишь по временамъ, но до изступленія; Никитинцы болѣе всѣхъ; Афтинцы вообще мало; Константиновцы и Александровцы, расположенные въ сторонѣ отъ большой дороги, прыгали и часто и по многу, но лишь тогда, когда у нихъ не было постороннихъ согладатаевъ. Все зависѣло отъ данной минуты и отъ коноводовъ, умѣвшихъ возбуждать не только умы, но и вызывать духъ по востребованію. Замѣчено было только то, что въ многочисленныхъ прыгунскихъ обществахъ прыгали болѣе, чѣмъ въ малочисленныхъ; затѣмъ замѣчено, что бѣдняки прыгали болѣе, чѣмъ богатые, дѣвки болѣе, чѣмъ женщины, а парни не прыгали нигдѣ и никогда, и вообще даже не принимали особаго участія въ собраніяхъ, а при моленіяхъ только выслушивали молитвы и затѣмъ уходили. Въ маленькихъ обществахъ, какъ напр., въ Сухомъ Фонтайѣ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда туда собирались гости изъ другихъ деревень, не прыгали почти никогда, пока не появлялась одна старуха съ большимъ избыткомъ «духа», пригваившая каждое собраніе.

Въ послѣднее время прыганье замѣтно уменьшилось. Сами прыгуны какъ бы теперь стыдятся за тотъ періодъ возникновенія ихъ ученія, когда духъ только-что сталъ являться и въ прыганье ваялись и старъ, и младъ, оставивъ всякія житейскія заботы и каждую минуту ожидая, что наступитъ желанное тысячелѣтнее царствованіе. Всѣ относящіяся къ тому времени источниками, какъ официальные, такъ и неофициальные, свидѣлствуютъ о томъ, что на первыхъ порахъ прыгали всѣ поголовно, что допрыгивались до потери сознания; до полного изнеможенія, до болѣзней, а, по увѣреніямъ нѣкоторыхъ, впрочемъ, совсѣмъ бездоказательнымъ, допрыгивались и до такъ называемаго сыльнаго грѣха. Съ теченіемъ времени, на каждое прыгунское собра-

ніе осталось не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ, одаренныхъ св. духомъ, которые приходили въ общеніе съ этимъ духомъ каждое собраніе. Въ рѣдкихъ, можно сказать, исключительныхъ случаяхъ при очень большихъ торжествахъ и единственно тогда, когда соберутся представители нѣсколькихъ прыгунскихъ обществъ, и теперь еще устраивается особое экстренное собраніе, которое отличается необыкновенною продолжительностью, длится по семи-восьми часовъ и непременно заканчивается прыганьемъ, въ которомъ принимаютъ участіе почти всѣ, но и такіа собранія рѣшаются всегдѣ чинно и только болше по слухамъ, неизвѣстно отъ кого исходящимъ, а также и по враждѣ послѣдователей другихъ толковъ подозрѣвается, что эти собранія иначе не оканчиваются, какъ свальнымъ грѣхомъ, каковому подозрѣнію много способствуетъ то, что такіа экстренныя собранія устраиваются всегда ночью и обставляются разными мѣрами предосторожности противъ всякихъ подсматриваній лицъ постороннихъ.

Прыганье производится не иначе, какъ подъ пѣсни, которыя, несмотря на ихъ духовное содержаніе, исполняются почти всѣ на мотивы совершенно плясовые, ничуть не соответствующіе самому смыслу этихъ пѣсенъ.

Ученіе прыгуновъ, вмѣстѣ съ воспрещеніемъ поклоненія всему *видимому*, наложило запретъ и на всякое проявленіе человѣческой веселости. Всякія другія пѣсни, кромѣ «духовныхъ», строго воспрещены, что, впрочемъ, не мѣшаетъ дѣвкамъ вполголоса напѣвать пѣсенки о томъ, какъ по камешкамъ бѣжить ручеекъ и какъ за ручейкомъ идетъ красная дѣвица, а за красной дѣвицей, по пятамъ, слѣдуетъ разудалый паренъ, и какъ близъ самаго ручейка, на удобной полянкѣ, паренъ приступаетъ къ красной дѣвицѣ, которая парню нисколько не противится. — Но такіе пѣсни поютъ только тамъ, гдѣ нѣтъ старшихъ и никто не слышитъ, «а то и и-и-хъ какъ разругаютъ!...»

Эти веселенькіе мотивы занесены, въ качествѣ запрещеннаго плода, тѣми изъ сектантовъ и особенно изъ сектантокъ, которымъ приходилось жить въ городѣ и волей-неволей вслушиваться въ развеселую хоровую пѣсню мѣстнаго баталіона и въ забубенную пѣсенку нахалявающихъ сюда время отъ времени коробочниковъ.

«Вихры намъ дерутъ за эти пѣсни, рассказывалъ мнѣ одинъ паренъ:— а то и поспегаютъ... возжами.. али чѣмъ...»

Всякая пляска мірскаго характера также строгойше воспрещена. Собственно для какого либо веселья или для удовольствія прыгуны никогда не собираются, но желающіе вмѣстѣ проводить время, не выходя изъ набожнаго настроенія, «собираютъ обѣ-

децъ», гдѣ трезвыя рѣчи запиваются водой, а, при хорошихъ достаткахъ хозяйина или при торжественныхъ случаяхъ, квасомъ. Квасъ уже признакъ большаго торжества.

«Наваримъ квасу! пообѣдаемъ, священнаго почитаемъ», говорятъ прыгуны, предвкусная впередъ какое нибудь торжество по случаю посѣщенія гостей или какой-нибудь свадьбы, или чего нибудь экстреннаго.

Въ такихъ случаяхъ, пообѣдавши и посвятивъ обѣду часа полтора, два, тутъ же, за столомъ, съ котораго убираютъ принадлежности трапезы, а иногда и во время самой трапезы, начинаютъ читать изъ священнаго писанія и въ антрактахъ между «перемѣнами», которыхъ бываетъ и шесть и семь, поютъ духовныя пѣсни. Къ концу обѣда, всѣ уже достаточно возбуждены и духовно настроены. Наступаютъ длинные промежутки общаго молчанія. Всѣ сидятъ, понуривъ головы и опираясь локтями на колѣни. Сокрушенные вздохи начинаютъ слышаться изъ разныхъ угловъ хаты. Изрѣдка еще поддерживается разговоръ, въ видѣ короткихъ замѣчаній или короткихъ отвѣтовъ на вопросы.

«Еленовскій Терентій-то побывшился¹, замѣчаетъ одинъ: — сказываютъ вчера ночью кончился. Слышали?»

Всѣ молчатъ. Послѣ длинной паузы, одинъ собирается отвѣчать.

«Что-то не слышно... Не было такихъ слуховъ. Что-жъ! Божье все дѣло... Божье произволеніе.

Опять длинная пауза.

«Мировой у насъ вчера былъ, заводитъ кто-то рѣчь: — приказалъ вязать татаръ... потравщиковъ... коли, говорить, что, важите...»

Опять молчаніе длится минутъ пять.

«Сказываютъ, вишь губернатора ожидаютъ», добавляетъ тотъ, который завелъ рѣчь о мировомъ и какъ бы не замѣтилъ промежутка.

Никто не отвѣчаетъ. Головы опустились еще ниже, вздоховъ еще болѣе. Кто-то не вздохнулъ, а застоналъ; кто то поднялъ руки къверху и, быстро опустившись на землю, крѣпко приложился къ ней лбомъ и замеръ на мѣстѣ.

Наступаетъ гробовое молчаніе. Ближе сидящій къ писанію зажмуриваетъ глаза и тихимъ, тихимъ голосомъ начинаетъ:

Нову пѣсню мы поемъ,
Путемъ истиннымъ идемъ.

¹ Умеръ.

Сейчасъ же присоединяются два голоса еще, потому тихо подиѣваютъ два женскіе голоса:

Миръ стрѣляетъ въ насъ и бьетъ,
Честъ намъ, славу не даетъ...

поютъ уже хоромъ, учащая тактъ и усиливая голоса.

Подъ плясовой мотивъ *новой тѣсни*, сначала двое-трое, а потомъ и другіе начинаютъ подергивать плечами, потомъ отъ легкаго подергиванія переходятъ къ притаптыванію на мѣстѣ, отъ притаптыванья къ легкому припрыгиванью, а затѣмъ доходятъ и до бѣшенаго пляса, во славу св. духа, невидимо присутствующаго и ликующаго.

Такая пляска длится иногда часть, иногда и болѣе. Натоптавшись и наплясавшись всласть, «духовные» полагаютъ, что знатно угодили Богу.

Какъ ни мало вѣроятно, что прыгуны *могутъ* такъ думать и такъ полагать, но прыгунскій учитель, Пимень Шубинъ, удостоившись, что фальши тутъ нѣтъ никакой, а какъ есть все одинъ святой духъ и болѣе ничего.

«Вѣдь, рази сами не знаете, въ писаніи сказано, разъяснялъ онъ мнѣ:—что всѣ пророки были безпремѣнно «въ духѣ!» А какъ же пророки разговаривали-то съ обыкновенными людьми, свяжемъ такъ, хотъ бы вотъ со мной, али съ вами—такъ это, значить, къ примѣру говорится—вѣдь вы люди ученые, лучше насъ это знаете...»

Тщетно я увѣрялъ Пимена, что моеѣ учености не хватаетъ, чтобы постичь такую мудреную штуку.

«Не знаю! А какъ же это они разговаривали? спрашиваю я. «Да какъ?! Рази не знаете!? Завсегда, значить, прифѣвали или прихлопывали въ ладоши, или сказывали что чудное... А пророкъ Неемія вишь такъ роги надѣвалъ себѣ на лобъ, когда на него духъ-то находилъ, добавилъ Шубинъ, съ полною искренностью.—Вѣдь не мы тутъ, а Писаніе...»

Пимень Шубинъ, какъ и прочіе прыгуны, убѣжденъ, что пророчить вовсе не такъ трудно тѣмъ, кто одаренъ св. духомъ, что пророчить можно также и въ наши дни, какъ пророчили во время дна, но что предсказывать нельзя иначе, какъ съ поднятыми къ верху руками и разными другими тѣлодвиженіями. Логика Шубина и другихъ прыгуновъ такова: въ Книгѣ Царствъ сказано: «Саулъ, сынъ Кисовъ, пророчилъ», отсюда они уже сами догадываются, по соображенію съ другими мѣстами библіи, что при этихъ пророчествахъ сынъ Кисовъ долженъ былъ поднимать руки и прыгать.

«Вотъ вы вѣдь не вѣрите! убѣждалъ меня Шубинъ. — Да коли по вашему не такъ — какой же это пророческій ликъ?»

«А какой?»

«Вотъ онъ самый пророческій ликъ и выходитъ, что одинъ, значить, прыгаетъ, другой поетъ, третій что сказываетъ. Вѣдь вотъ онъ въ чемъ пророческій-то ликъ! Да какъ же бы пророки, да эти самые апостолы, разговаривали бы съ людьми, да передавали имъ отъ Бога приказанія, кабы они не были съ духъ, да кабы на нихъ былъ не пророческій ликъ? Сами лучше насъ вы знаете. Теперь, примѣрно, какой былъ разговоръ Ананія и Сапфиры?! какой!? Вишь ты Ананій сказалъ апостолу Петру, что продалъ, значить, свою землю и получилъ всего на все, ну, хоть тамъ триста рублей, скажемъ такъ въ примѣру! Получилъ то онъ, вишь ты на самомъ дѣлѣ болѣе — да не хотѣлось ему отдавать апостоламъ десятину — по тогдашнему значить положенію! Петръ-то и говоритъ ему: «Не человекъ солгалъ, а Богу». Ананій сейчасъ упалъ и издше! Потомъ Петръ спросилъ Сапфиру, значить его хозяйку, и она тожъ самое твердитъ, что Ананій, да еще прибавила, какъ бы по вашему сказать: ей богу, молъ триста рублей! Петръ же ей и говорить и съ тобой, говорить, будетъ тоже, что съ Ананіемъ. «И Сапфира упала и издше!» Коли бы не по духу — вѣдь откуда бы Петръ зналъ, что Ананій обманываетъ? Вѣдь выходитъ самый онъ духъ-то сказалъ ему... а вы вотъ сказываете — нѣтъ пророческаго лика... а онъ вонъ есть... Вонъ тоже самое пророкъ Саулъ плясалъ, царь Давидъ плясалъ, да еще при народѣ плясалъ, опять же про пророка Ездру сказано въ писаніи «прострояъ руди...» такъ какъ же не пророческій ликъ...»

И Шубинъ съ убѣжденіемъ прибавилъ:

«А вѣдь пророки-то были всѣ изъ простыхъ — вотъ какъ примѣрно мы, мужики, значить...»

И этимъ онъ какъ бы хотѣлъ сказать, что, въ силу этого, ни онъ, Пименъ Шубинъ, ни сосѣдъ его, Павелъ Карякинъ, ни кузнецъ Петръ Новиковъ, слывшій, за добродѣтельныйшаго мужа, также не лишены права пророчествовать и проч., и проч.

Съ немалымъ трудомъ, послѣ многихъ розысковъ и безчисленныхъ вопросовъ, обращенныхъ къ самымъ замѣтнымъ представителямъ прыгунства, мнѣ удалось получить указанія тѣхъ мѣстъ св. писанія, которыя, по разумѣнію прыгуновъ, будто бы служатъ объясненіемъ и подтвержденіемъ правильности ихъ прыганья. — Мѣста эти оказались слѣдующія:

1) Дѣянія апостоловъ гл. IV ст. 17: «И поставивше ихъ (Петра

и Иоанна) посредѣ вопрошаху: кою силою, или конемъ именемъ сотвористе вы сіе (исцѣленіе)?

«Тогда Петръ, исполнився духа свята, рече къ нимъ» и т. д.

Эго мѣсто считается особенно убѣдительнымъ доказательствомъ, хотя о прыганіи не сказано ничего, но сказано, что «исполнился духа святаго», а ужь что же это можетъ значить, какъ не прыганье?

2) Дѣянія апост. гл. V ст. 1. «Мужъ нѣкій, Ананій, съ Сапфиною, женою своею, продаде село и утанъ отъ дѣвны, свѣдущей и женѣ его и принесъ часть, нѣкую, предъ ногами апостолъ положи. Рече же Петръ: Ананіе! Почто исполни сатана сердце твое солгати духу святому... не человекамъ солгалъ еси, но Богу. Слыша же Ананія словеса сіи падъ издше». Тоже самое повторилось и съ женою Ананія Сапфиною, когда она также солгала предъ апостолами. Изъ этого прыгуны заключаютъ, что такъ какъ Петръ былъ простой человекъ, и самъ о себѣ сказалъ, что въ немъ есть духъ святой, то, слѣдовательно, святой духъ можетъ быть и въ нихъ, также простыхъ людяхъ, а присутствіе св. духа и выражается въ скаканіи, прыганьи или чемъ нибудь *чудномъ*.

3) Дѣянія апост. гл. II ст. 4. «Въ день пятидесятницы и исполнишася же вси духа свята и начаша глаголати иными языки, яко же духъ давши имъ повѣщевати». Всѣ дивились. Иніе же ругающеся глаголаху: яко виномъ исполнены суть». Но на такое подозрѣніе относительно нетрезваго состоянія апостоловъ, Петръ замѣтилъ, что пьяными они быть не могутъ «естъ бо третій часъ дня». — Изъ приведеннаго мѣста прыгуны уже смѣло заключаютъ, что, кромѣ способности повѣщевать, если только сойдетъ св. духъ, является еще способность говорить «иными языки», и дѣйствительно поголовно бѣснованію какому нибудь особенно торжественнаго прыгунскаго собранія нерѣдко предшествуютъ попытки заговорить *иными языки*. Задумавшій такое дѣло прыгунъ подходитъ къ другому и произноситъ какую нибудь сумбурную фразу, составленную изъ слоговъ, пошавшихся на языкъ, наиримѣръ, «виреминафигумериданъ?» На что вопрошаемый, замѣтивъ по интонаціи голоса, что къ нему обращается какой нибудь вопросъ, отвѣчаетъ такой же сумбурной фразой, стараясь ей придать, посредствомъ интонаціи голоса, форму отвѣта. И такъ продолжаютъ переговариваться оба, притворяясь, что говорятъ, спрашиваютъ, отвѣчаютъ и понимаютъ другъ друга.

4) Прор. Іоиль гл. II ст. 28. «И излію отъ духа моего на всаку плоть и прорекуть сынове ваши и дщери ваши и старцы ваши сонія узрять и юноты ваши видѣнія увидятъ. Ибо на рабы моя и на рабыни моя въ дни оны излію отъ духа моего». Въ этомъ мѣ-

стѣ прыгуны уже положительнo усматриваютъ свое право *пререканія*, и правомъ этимъ всѣ болѣе или менѣе замѣтные въ прыгунскомъ мірѣ, какъ на примѣръ, духовные цари, пророки, читальники, молитвенники, пользуются весьма часто, предсказывая преимущественно близкую кончину міра и пришествіе врага рода человѣческаго и обыкновенно побуждая своихъ собратій отнестись по этому случаю ко всему земному съ пренебреженіемъ, въ виду наступающихъ небесныхъ радостей. Такія прорицанія, не влекущія, впрочемъ, за собою ни малѣйшей отвѣтственности со стороны прорицателей, на случай неисполненія предсказанія, всегда очень поправляли карманы прыгунскихъ пророковъ и потому на первыхъ порахъ дѣлались очень охотно, но потомъ, какъ недостаточно вознаграждаемыя, значительно уменьшились въ числѣ, хотя случаются и теперь. «Издлю отъ духа моего» да еще «на всякую плоть» прыгуны толкуютъ въ томъ смыслѣ, что нисхожденіе св. духа дѣлается на людей безразлично, по благоусмотрѣнію лишь самого духа, а потому разсуждаютъ, что собственно какихъ либо *избранныхъ* для этого нѣтъ, что избраннымъ можетъ быть всякій, хотя усердіе и молитвы могутъ или ускорить нисхожденіе духа или вообще участить появленіе онаго.

5) 1 Коринѣ. Гл. XII. Ст. 1. «О духовныхъ же братіе не хочу васъ невѣдѣти... И нието же можетъ рещи Господа Исуса точію духомъ святымъ... Комужде дается явленіе духа на пользу. Овому бо духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума о томъ же дусѣ: другому же вѣра тѣмъ же духомъ: иному же дарованіе исцѣленій о томъ же дусѣ: другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роти языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и той же духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощеть»...

6) Тамъ же гл. XIII, ст. 1. «Аще языки человѣческими глаголю аггльскими, любве же не имамъ, быхъ яко мѣдъ звѣнаци или кимвалъ звяцаля». Говорить аггльскими языки, по мнѣнію прыгуновъ, ничего иного означать не можетъ, какъ нахожденіе подѣ дѣйствіемъ св. духа, а быть подѣ дѣйствіемъ духа и не выражать это тѣлодвиженіями, по мнѣнію духовныхъ, нельзя.

7) Книга 2. Царств. гл. VI, ст. 20, разсказываетъ какъ Кивотъ Завѣта переносился въ городъ Давидинъ. «И бытъ Кивоту приносиму ко граду Давидову и Мелхола, дщи Саулова, приницаше оконцемъ и вида царя Давида скачуща и играюща предъ Кивотомъ и уничижи его въ сердцѣ своемъ». Потомъ на упрекъ, сдѣланный Мелхолой Давиду, что онъ «открыся днесъ предъ очима рабовъ и рабынь своихъ, яко же открывається открывшійся единъ

отъ плещущихъ». Давидъ отвѣчалъ: «Предъ Господемъ плясати буду и благословенъ Господь, иже избра меня паче отца твоего и паче всего дома его, поставити мя властелина надъ людьми своими, надъ Израилемъ и буду играти и плясати предъ Господемъ», а за упрекъ Мелхола прибавилъ: «Не бытъ у нея дѣтища до днѣ смерти ея». Это мѣсто также признается особенно авторитетнымъ, а потому *ирати гѣсни* и *плясати предъ Господомъ* прыгуны считаютъ вполне законнымъ и богоугоднымъ.

Этими семью ссылками исчерпываются всѣ указанія прыгуновъ на св. писаніе, какъ на подтвержденіе того, что они могутъ пророчить, могутъ говорить *иными языки*, могутъ плясать или прыгать и могутъ чувствовать въ себѣ присутствіе св. духа. Для своего собственнаго въ томъ убѣжденія прыгуны, какъ видно изъ приведенныхъ выше примѣровъ, съ величайшею мелочностью придираются ко всякой фразѣ библіи, гдѣ только говорится о *святomъ духѣ* и пространно толкуютъ всякое подходящее для нихъ мѣсто. Одинъ прыгунскій учитель увѣрялъ меня, однако, что приведенными мѣстами еще далеко не исчерпываются всѣ ссылки на св. писаніе, что тамъ не разъ говорится о какихъ-то пророчицахъ, припрыгивавшихъ при вѣщаніяхъ, что, однимъ словомъ, библія полна доказательствами законности прыганья, но учитель мѣстъ этихъ отыскать не могъ, хотя долго рылся, перелистывалъ книги пророчествъ, апокалипсисъ, книги царствъ и т. д.

«Запомитовалъ, заявилъ онъ наконецъ:—а есть... вѣрно слово... есть... Сразу-то вѣдь не прищешь, а сказано... въ самый разъ сказано... какъ есть сказано...»

Если, по прочтеніи этихъ семи ссылокъ прыгуновъ на св. писаніе, какъ на источникъ, подтверждающій догматы прыганья, позволительно спросить, искренно ли прыгуны заблуждаются, придавая такое значеніе приведеннымъ мѣстамъ св. писанія, или тутъ дѣйствуютъ корыстныя цѣли и шарлатанство, то, въ силу нашихъ непосредственныхъ наблюденій надъ этими явленіемъ мы можемъ сказать, что такое заблужденіе чаще всего бываетъ совершенно искренное, что вѣра производитъ такое давленіе на весь организмъ усерднаго прыгуна, что онъ безъ притворства приходитъ въ экстазъ и убѣжденъ, что духъ святой приводитъ его въ состояніе произвольнаго движенія и что собственная воля его тутъ бессильна. Корысть бываетъ, но рѣдко. Если иной обдѣнякъ, осѣнившись духомъ святымъ, настроитъ себя возбуждающимъ образомъ и, пламенно желая вѣстности св. духа, наконецъ, начинать прыгать, почувствовавъ какое-то особенное состояніе, которое его убѣждаетъ, что духъ уже въ немъ присут-

.. ствуета, го въ такое состояние бдннать, приходтъ не иначе, какъ предварительно испостившись до потери человеческаго образа и въ самомъ корнѣ расстроивъ всю свою нервную систему; и отъ этого прыганья этотъ бдннать все-таки никакиѣ прибыли не получаетъ, а острѣея въ прежней бдности, хотя въ своемъ кружку просыиваетъ за хорошаго, достойнаго и богоугоднаго человека. Если няная вдова, послѣ усерднаго посѣщенія собраний и прилежнаго адумыванія въ разныхъ загадочныхъ мѣстахъ св. писанія о святомъ духѣ и проч., а, можетъ, еще и подъ влиянiемъ житейскихъ невзгодъ, печалей и скорбай, вообразитъ, что ее посѣтитъ духъ и начнетъ попрыгивать, то это не поможетъ ей выйти ни изъ бдности, ни изъ вдовьяго жалованія, хотя и бднннхъ вдову тоже станутъ считать женщиной добродѣтельной и богоугодною и въ собраніяхъ будутъ сажать на переднюю лавку, ближе къ учителямъ и къ писанію.

И немудрено, что сосредоточеніе всѣхъ умственныхъ силъ около одного беземннаго вопроса: какъ войти въ соприкосновеніе съ духомъ свѣтымъ? порождаетъ ненормальное состояніе всего организма, и мистически настроенная душа, рядомъ съ изумленіемъ тѣла, окончательно изгоняетъ разумъ и приходитъ въ галлюцинаціамъ.

Правда, среди прыгуновъ были и такіе, которые, на счетъ непосредственнаго сношенія съ св. духомъ, весьма поправили свои обстоятельства; но и тѣ не извлекали изъ этого никакиѣ выгоды и сполченныя пожертвованія быстро расточали.

Впоследствии, при изложеніи обрядной стороны прыгунскаго толка, ми укажемъ, какими правилами и уставами обставлено совершеніе такихъ обрядовъ, какъ рожденіе, смерть, бракъ, и пр., въ настоящее же время ми коснемся въ общихъ чертахъ этой обрядной стороны и скажемъ лишь, что, по разумннмъ прыгуновъ, духъ святой нисходитъ на человека безразлично, во всякое время, лишь бы было для сего приличное настроеніе; что духъ можетъ сойтъ и во снѣ, и въ собраніи, и на свадьбахъ, и на похоронахъ. Въ силу этого, иной разъ, съ изумленіемъ можно увидѣть, какъ при чтеніи надъ покойникомъ и тещъ, и изумленная его чтеніемъ публика мало по-малу расстроиваются, какъ голосъ чтеца начинаетъ прерываться чаще и чаще и, наконецъ, совсѣмъ замираетъ въ сдержанныхъ рыданіяхъ, какъ затѣмъ подхватываютъ за запѣвалой.

Нору късю ми поемъ,

а черезъ пять минутъ одинъ двое, а затѣмъ и трое, начинаютъ притоптывать на мѣстѣ, а потомъ съ обычными жестами, кривляніями сочиняютъ вокругъ мертвеца отчаянный плясъ.

Между прыгунами въ большомъ ходу особаго рода требникъ, который у нихъ носить названіе «Обряда». Этотъ требникъ всегда представляетъ рукопись церковнославянскаго шрифта, изрядно засаленную и облеченную въ тяжеловѣсный кожаный, а то и деревянный переплетъ, съ массивными металлическими застежками. Въ требникѣ обыкновенно изложена не только обрядовая сторона ученія, но непременно и сущность прыгунскаго толка и собственнаго сужденія прыгуновъ о достоинствѣ ихъ вѣры. Всѣ находящіяся въ обращеніи подобныя книги, озаглавленныя «Обрядъ», вообще тождественны по содержанию. Видно, что онѣ переписаны всѣ съ одного экземпляра, причемъ, разумѣется, переписчики снабдили всѣ эти рукописи массой грамматическихъ ошибокъ, пропусковъ и только въ качествѣ этихъ ошибокъ, да свойствъ пропусковъ заключается оригинальная сторона каждаго отдѣльнаго экземпляра такого «Обряда».

Между прыгунами, какъ и между молоканами, имѣющими также свой *Обрядъ*, есть такіе, которые воецѣло посвятили себя переписыванію этихъ «Обрядовъ» и въ этомъ дѣлѣ достигли замѣчательныхъ результатовъ. Переписавъ много разъ «Обрядъ», они знаютъ его наизусть и, выучивъ его твердо, перестаютъ уже переписывать, а просто пишутъ на память, взимая за это баснословно дешевую плату. Недѣльный трудъ переписки, что называется не разгибая спины, оплачивается однимъ рублемъ, каковая плата устанавливается, благодаря конкуренціи.

Мои старанія узнать имена авторовъ «Обряда» не увѣщались успѣхомъ. Въ этомъ, какъ и во всѣхъ прочихъ *вопросахъ*, царитъ полное разнорѣчіе. Одинъ прыгунъ (изъ ученыхъ читальщиковъ) разсказалъ мнѣ, что «Обрядъ» написанъ какимъ-то Григоріемъ Петровичемъ Буйгаковымъ; другой, тоже изъ ученыхъ, сказалъ, что писалъ его Уклемъ, а нѣкоторые увѣряютъ, что сочинилъ его Делижанскій житель, Лукьянъ Соколовъ, одинъ изъ первыхъ прыгуновъ. Кто былъ Григорій Петровичъ Буйгаковъ, этого никто не знаетъ, вѣдомо лишь, что онъ «россійскій» и изъ «временъ стародавнихъ». Нѣкоторые прыгуны на мой вопросъ объ авторахъ «Обряда», отвѣчали просто:

— Не можемъ знать! Предки написали!

Между прыгунами ходитъ разсказъ о томъ, что нѣкій Петръ Журавцевъ, одинъ изъ самыхъ замѣтныхъ распространителей прыгунства, будто бы требовалъ непосредственно отъ императора Николая позволенія исполнять свои обряды свободно, но за такой подвигъ, по разсказамъ прыгуновъ, Петръ Журавцевъ «воспріялъ мученическій вѣнецъ» въ какомъ то монастырѣ, находя-

щемся въ Суздальской губерніи (sic) и погібъ тамъ за крестъ, будучи расплатъ.

Прыгуны теперъ еще высказываютъ, что они достойно отстаивали свою «вѣру», что «за многія претерпѣнія» они уже стажали себѣ «вѣнецъ радости» и успѣхъ дѣла, кромѣ своей стойкости, приписываютъ еще тому, что среди нихъ были «умные люди», которые будто сьумѣли передъ правительствомъ отстаить правоту «духодѣйствія».

— Вся сила была въ нихъ, говорилъ мнѣ одинъ изъ «наставниковъ»:— безъ нихъ бы насъ стерли, какъ есть стерли, вся сила была въ нихъ, а ихъ сила была въ духѣ!

За эту, какъ они называютъ, *выдержку* въ вѣрѣ, они ожидаютъ себѣ «вѣчнаго небеснаго царствія», которые можетъ придти не только по смерти, но и до смерти, если наступитъ ожидаемое тысячелѣтнее царство духовныхъ христіанъ. Это вѣчное небесное царствіе они себѣ представляютъ по своему и весьма односторонне. То будетъ царство «праведныхъ»; для не праведныхъ, къ которымъ должны быть отнесены не только всѣ грѣшные люди, но и всѣ, которые не признали «духодѣйствія»—въ то же время наступитъ мученіе. Праведные работать не будутъ, кормить будутъ Богъ, и обитатели царствія «угнѣздатся» и «ужирятся» и всѣ будутъ играть на гусяхъ, да на органахъ, словомъ, наслаждаться музыкой. При всемъ томъ, что работа и вообще добываніе хлѣба, какъ будто бы, должны прекратиться только съ наступленіемъ вѣчнаго небеснаго царствія, прыгуны нѣсколько смущаются тѣмъ, что они, согласно писанія, теперъ же, не дожидаясь наступленія этого царствія, не могутъ уподобиться «птицѣ небесной», которая сыта, не сѣя и не собирая запасовъ.

Въ періоды сильныхъ возбужденій и ожиданія наступленія тысячелѣтняго царствованія, дѣйствительно пытались подражать «птицѣ небесной, не сѣющей и не собирающей» и быстро доходили до совершеннаго нищенства, а потомъ, во времена болѣе спокойныя, замисловатый вопросъ о томъ, правильно или неправильно поступаютъ «сионцы», заботясь о завтрашнемъ днѣ, возникалъ не разъ и подвергался обсужденію прыгунскихъ авторитетовъ. На одномъ собраніи, по этому поводу, вопросъ былъ разрѣшенъ въ пользу помышленія о завтрашнемъ днѣ, хотя и вопреки писанію.

«Нельза! рѣшили собравшіеся не помышлять.— Ъсть-то хочется вѣдь каждый день! Какъ оно того обойдешься-то? Живемъ по земнотѣ... Маленькія вѣдь дѣти... кормить—питать надоть. Оно, точно сказано, не думать о завтрашнемъ днѣ.. да вѣдь сказано...

не то, чтобы не ѣмши сидѣть, потому все блуждаешь что либо про запасъ».

Всѣ прыгунскіе обряды отличаются крайнею простою и неза-
тѣйливостію. Кромѣ массы самими же прыгунами сочиненныхъ
и наизусть заучиваемыхъ молитвъ и нѣкоторыхъ установившихся
порядковъ въ собраніяхъ, все остальное—чистѣйшая импровиза-
ція. Иногда прочтутъ изъ библіи одинокъ разъ и приступать къ
молитвамъ, иногда прочтутъ пять разъ, да пять разъ сповѣть, а
затѣмъ уже начинаютъ молиться. Иногда собраніе начинаютъ съ
пѣнія, иногда съ чтенія и вообще какъ задумается ихъ *читаль-
нику* или *молитвеннику*. Эти *молитвенники* ничѣмъ по виду отъ
другихъ не отличаются; въ шутку ихъ зовутъ попами, но не
считаютъ за ними особыхъ правъ на совершеніе обрядовъ, а
полагаютъ, что это право принадлежитъ всякому и что священ-
никовъ не можетъ быть и нѣтъ, потому что давно изсякъ тотъ
источникъ, изъ котораго выходили священники, а именно пле-
мя Левитово, а носить длинные волосы, какъ это дѣлаютъ свя-
щенники православные, уже потому не считаютъ возможнымъ,
что мужчинѣ «позорно унедебляться женщиноу».

Обрядъ вѣнчанія пытаются совершать по древнееврейскому
обычаю, призывая въ свидѣтели цѣлое общество. На прыгунской
«свадьбѣ», на которую я какъ-то разъ попалъ, были разные це-
ремоніи. Женихъ, плетавый мужиченко, стоялъ, понуривъ голову,
и держалъ въ правой рукѣ конецъ полотенца, за другой конецъ
котораго держался другъ. Въ хатѣ, въ которой была чрезмѣр-
ная духота, стояла плотная стѣна широкихъ сплнѣ, облечен-
ныхъ то въ поддѣвки, то въ полшубки. Толпа биткомъ напач-
няла небольшую избу. На печкѣ торчало не менѣе 20 головъ.
Атмосфера, убійственная съ самаго начала собранія, все болѣе
и болѣе подвергалась порчѣ. За перегородкою, на которую на-
пирала толпа, приготавлилась невѣста. Молитвенникъ, Никита
Полшубкинъ, гравный, косой, влохмоченный мужикъ, вытаскилъ
изъ-за пазухи немовѣрно истрепанную книгу въ кожаномъ пе-
реплетѣ и сталъ перелистывать слипшіяся страницы книги, слю-
ня свои грязнѣйшіе пальцы.

— Выходите! что-жь! Чево тамъ засѣли? крикнулъ молитвен-
никъ по направленію къ перегородкѣ.

Оттуда показалась невѣста, покрытая платкомъ такъ, что лица
не было видно. Въ обѣихъ рукахъ она держала по полотенцу;
за конецъ одного изъ нихъ держалась какая-то баба, другой
конецъ передали жениху.

— Становитесь! крикнулъ Никита и молодые стали другъ про-
тивъ друга.

— Кланяйтесь! крикнулъ опять Никита, и молодые низко поклонились одинъ другому.

— Говори ты, Семень Ивановичъ, обратился Никита къ жениху: — желаешь ли ты жениться на Катеринѣ Ѳедоровнѣ? И Никита головой мотнулъ по направленію къ невѣстѣ.

— Желаю! прошепталъ женихъ.

— Говори рѣзче! Рѣзче говори, крикнулъ Никита: — чтобы всѣ слышали! Желаешь, аль нѣтъ?

— Желаю, сказалъ Семень Ивановичъ погромче.

— Теперь говори ты, Катерина Ѳедоровна, обратился Никита къ невѣстѣ: — желаешь ли ты обручиться законнымъ бракомъ вотъ съ Семень Ивановичемъ?

И Никита пальцемъ указалъ на жениха.

— Желаю, еле-еле проговорила невѣста.

— Рѣзче говори! Говори рѣзче! крикнулъ опять Никита. — Тутъ вишь не мы съ тобой, а всѣ слушаютъ! Желаешь, али нѣтъ?

— Желаю, пропищала невѣста.

— Ну-ка ты, женихъ, поблагодари-ка отца-то за невѣсту, сказалъ Никита: — небось есть за что!

Женихъ поклонился въ ноги отцу и матери невѣсты.

— Такъ, братцы, слышали, что Семень Ивановичъ и Катерина Ѳедоровна желаютъ промежъ себя обручиться законнымъ образомъ? обратился Никита ко всѣмъ присутствующимъ и толпа гаркнула.

— Слышали! Всѣ слышали!

Шубинъ началъ читать изъ засаленной книжки, заставляя то жениха, то невѣсту повторять за собой слова; дѣло все шло о брачномъ союзѣ. Женихъ долженъ довольствоваться одной женой, а жена — однимъ мужемъ. Нарушеніе сего составляетъ де блудъ.

«Жена и мужъ да повинуются другъ другу». Не то, чтобы, значить, съ твоего кулака... пояснилъ отъ себя Никита, обращаясь къ жениху: — а ей своя предѣленія должна быть — ты, значить, хозяинъ, а она хозяйка».

— Жена да почитаетъ мужа, а мужъ да бережетъ свою жену, читалъ далѣе Никита и опять отъ себя растолковалъ:

— Беречь долженъ супругу, обратился онъ къ жениху: — потому что самъ, небось, знаешь, какое такое дѣло женскій сосудъ, не то, чтобы зря... За всякую малость... а взыскивай, когда слѣдуваетъ...

Потомъ Никита читалъ о томъ, какъ человѣкъ, остави отца и мать прилѣпится къ женѣ своей, говорилъ, чтобы воздержаться отъ пьянства и вина, «ибо въ винѣ блудъ есть».

Читаль Никита много и долго, много и часто слынить пальцы, заикался, раза два рыгнулъ. Часто прерывая чтеніе и обращаясь къ молодымъ, онъ командовалъ:

«Кланяйтесь отцу!

«Кланяйтесь другъ дружкѣ!

«Кланяйтесь!»

Когда произносилъ просто «кланяйтесь», то молодые кланялись ему въ ноги. Поклоны отцу и матери всегда сопровождались двукратнымъ лобзаніемъ. Потомъ поставили молодыхъ на колѣни. Отецъ, мать, двое дружекъ положили имъ на головы руки, такъ что на каждую голову пришлось по двѣ пары рукъ. Никита опять началъ читать, опять scomандовалъ нѣсколько разъ «кланяйтесь» и затѣмъ объявилъ, что дѣло кончено. Съ непокрытыми головами шла толпа по улицѣ къ дому жениха. Въ срединѣ толпы, рядомъ съ мужемъ, шла молодая, и завѣщенное еще при вѣнчаніи лицо ея такъ и оставалось закрытымъ. Пѣніе довольно мелодичное сопровождало шествіе. За толпой, люди везли приданое. Шестъ красныхъ, новенькихъ, одинаковой величины сундуковъ были поставлены въ рядъ на длинныхъ дрогахъ. Сверху сундуковъ набросаны были разныя постельныя принадлежности. Въ толпѣ шла рѣчь о содержимомъ шести сундуковъ и дѣлались предположенія, что сундуки на половину пусты и что такъ много поставлено «съ одного форса». Около дома молодого, процессія остановилась, пропѣла предъ дверьми одну изъ Рудометъинскихъ пѣсень и разошлась по домамъ.

Съ такой же, если еще не съ большею простотою, совершаются прочіе обряды, какъ напримѣръ, крещеніе и погребеніе. Тутъ уже не дѣлается никакихъ церемоній; на крещеніе никогда не зовутъ попа или читальщика, самъ отецъ даетъ новорожденному имя, читаетъ надъ нимъ массу молитвъ и, если можно, устраивается обѣдецъ

Въ послѣдніе годы прыгуны вообще начали склоняться къ признанію правильности празднованія субботы предпочтительно предъ воскресеньемъ и, приблизившись, вслѣдствіе этого, болѣе къ жидовствующимъ, стали своимъ новорожденнымъ давать имена преимущественно древне-еврейскія, и теперь уже въ каждомъ прыгунскомъ семействѣ можно встрѣтить Саръ, Рахилей, Ревекъ, Давидовъ, Сауловъ и проч., и проч.

Кстати о празднованіи и праздникахъ. Если неразвитіе народа отчасти выражается въ множествѣ праздниковъ, то прыгуны должны быть отнесены къ породамъ самымъ цивилизованнымъ. Не признавая святыхъ, чтимыхъ различными исповѣданіями, и не придираясь къ случаю праздновать ни собственныя именины,

ни именины всѣхъ святыхъ, прыгуны, кромѣ воскресныхъ дней, довольствуются самымъ ограниченнымъ числомъ праздниковъ. Таковыхъ собственно три: «Пасха», «Буци» и «Память трубъ». Въ отношеніи времени празднованія, прыгуны придерживаются законовъ Моисеевыхъ и потому ихъ праздники совпадаютъ съ праздниками субботниковъ. Исчисленіе идетъ по лунѣ, почему разнымъ формамъ ея придается болѣе или менѣе солидное значеніе. Путаница, впрочемъ, идетъ изрядная. Никто толкомъ ничего не знаетъ, всѣ смотрятъ другъ на друга и идутъ ощупью. Основаніе къ такому порядку празднованія прыгуны находятъ въ III кн. Моисея гл. 23, гдѣ сказано: «Въ день седьмый суббота, покой нарѣченный святъ Господеви—всякаго дѣла да не сотворите, суббота есть Господеви во всемъ обитаніи вашемъ». Относительно празднованія субботы, у прыгуновъ происходятъ тѣмъ не менѣе колебанія, несмотря на то, что они признаютъ достаточно яснымъ приведенное выше мѣсто. Всѣ они согласны, что празднованіе субботы, вмѣсто воскресенья, было бы правильнѣе, но рѣшительному переходу къ субботѣ мѣшаетъ частью недостатокъ инициативы, отчасти неувѣренность, что переходъ будетъ правленъ, такъ какъ не знаютъ объ этомъ мнѣнія Максима Рудометкина; больше же всего колеблется вслѣдствіе нежеланія слиться съ субботниками, къ которымъ прыгуны чувствуютъ нѣкоторое презрѣніе за обнаруженную ими, въ особенности въ послѣднее время, склонность къ спиртнымъ напиткамъ, и непомѣрному лихоимству. Субботниковъ они пренебрежительно величаютъ жидами и употребляютъ это названіе, какъ, впрочемъ, это дѣлается повсюду, въ смыслѣ бранномъ. Наконецъ, отъ рѣшительнаго склоненія на сторону субботы ихъ удерживаетъ и высокое почтеніе, которое они оказываютъ Христу. Въ Евангеліи они не нашли того мѣста, которое бы узаконило для нихъ празднованіе воскресенья и потому многіе прыгуны собираются скоро начать празднованіе субботы, такъ какъ правильность празднованія воскресенья ничѣмъ, по ихъ мнѣнію, не удостовѣряется. Въ самое послѣднее время прыгуны с. Воскресенки хотѣли было первые показать собою примѣръ «перехода на субботу», такъ какъ главный ихъ пророкъ Емельянъ Телегянъ сообщилъ обществу, что ему «по духу извѣстно», что такой переходъ одобряется Рудометкинымъ, но, за всѣмъ тѣмъ, на субботу пока не перешли.

Въ отношеніи празднованія Пасхи прыгуны придерживаются также книгъ Моисеевыхъ. «Въ первомъ мѣсяцѣ, сказано тамъ, въ четвертый надесять день мѣсяца, между вечерними, Пасха Господу. И въ пятый надесять день мѣсяца перваго, праздникъ опрѣсноковъ Господу: семь дней опрѣсноки да ясте».

Первымъ мѣсяцемъ въ году у нихъ считается мартъ, а потому прыгунская Пасха всегда бываетъ въ этомъ мѣсяцѣ.

«Память трубъ» празднуется прыгунами, потому что въ той же главѣ сказано:

«Мѣсяца седьмаго, въ первый день мѣсяца да будетъ вамъ покой, «Память трубъ»: нарѣченъ святъ будетъ вамъ: всякаго дѣла работня не сотворите и принесете всесоженіе Господу. Въ десятый день седьмаго мѣсяца сего, день очищенія, нарѣченъ святъ да будетъ вамъ... Всяка бо душа аже не покорится въ день той, потребится отъ людей своихъ. И всяка душа, аже сотворитъ дѣло въ самый день сей, погибнетъ душа та отъ людей своихъ; всякаго дѣла не сотворите законно вѣчно въ роды ваша, во всѣхъ селеніяхъ вашихъ. Субботы субботы будутъ вамъ: и смирите души ваши отъ девятаго дне мѣсяца отъ вечера даже до десятаго дне мѣсяца до вечера субботаствуйте субботы ваша».

Что это за «память трубъ», прыгуны толкомъ не знаютъ, но празднуютъ эту память однѣ сутки, а подъ очищеніемъ разумѣютъ необходимость покаянія и въ этотъ день съ вечера, настроившись покаянно и углубившись въ созерцаніе своей внутренней грѣховности, собираются на молитву, въ которой проводятъ всю ночь и заканчиваютъ усерднымъ духовнымъ плясомъ.

«Кущи» празднуются въ домахъ, не устраивая, подобно евреямъ, временныхъ жилищъ около своихъ хатъ и не напекая «маца» и разныхъ пряностей и коврижекъ, какъ это дѣлаютъ евреи.

Празднуютъ ли прыгуны, рядомъ съ еврейскими праздниками, и праздники христовы—какъ-то Крещеніе, Рождество, Богоявленіе, это опредѣлить весьма трудно и въ этомъ отношеніи между ними самими замѣтно великое разномысліе и колебаніе. Не совсѣмъ отрѣшившись отъ отъ молоканства и не приставъ къ субботакамъ, прыгуны и сами не знаютъ, чего имъ держаться, тѣмъ болѣе, что среди нихъ нѣтъ рѣшительно авторитетнаго человека, какимъ былъ Максимъ Рудометкинъ. Одни утверждаютъ, что всѣ эти праздники у нихъ празднуются, но только не совпадаютъ съ тѣми же праздниками православной церкви, потому будто бы, что у нихъ идетъ особое исчисленіе по лунѣ; другіе же прямо утверждаютъ, что этихъ праздниковъ они вовсе не празднуютъ и не почитаютъ. Изъ наблюденія же оказывается, что вѣрнѣе послѣднее, хотя прыгуны и утверждаютъ, что у нихъ есть какой-то календарь, въ которомъ эти праздники помѣщены, каковымъ календаремъ они будто бы и руководствуются, но это совсѣмъ не вѣрно и календаря нигдѣ не видно. Какой это календарь, гдѣ онъ составленъ и гдѣ хранится, я добиться не могъ и прыгуны ссылаются на него больше съ тою цѣлью, чтобы

дать понять, что указанія на счет времени и порядка празднованія они будто бы *откуда-то* получаютъ, что гдѣ-то у нихъ есть *маіные* руководители, которые этимъ заправляютъ, но все это неправда, и закавказскіе прыгуны, въ этомъ, какъ и во всѣхъ подобныхъ вопросахъ, никакихъ указаній ни откуда не получаютъ.

Другое дѣло въ отношеніи вопроса о дозволенной къ употребленію пици. Въ воззрѣніяхъ на этотъ пунктъ всѣ прыгуны между собою сходятся, безъ всякихъ разнорѣчій. Прыгуны, какъ молokane и субботники, прежде всего большіе свиноненавистники и ненависть ихъ распространяется не только на свинью, но и на зайца и многихъ другихъ животныхъ, которыхъ они въ пицу не употребляютъ, находя положительное запрещеніе такого употребленія въ св. писаніи. Въ ненависти къ своимъ всѣ эти сѣктанты особенно стойки, возражая противъ всякихъ ревоновъ въ защиту свиньи одно: «Богъ не приказалъ». Одинъ изъ прыгунскихъ учителей толковалъ даже, что барана и корову потому можно ѣсть, что они не *кричатъ*, когда ихъ рѣжутъ, чѣмъ будто бы и выражаютъ свое полное согласіе повиноваться волѣ божіей, предназначавшей баранью породу на питаніе человѣчеству. На счетъ же свиньи оказалось, что кромѣ безобразнаго крику и неумѣстнаго сопротивленія, которое она оказываетъ, когда ее влекутъ на алтарь человѣческой ненасытности, ее нельзя еще ѣсть и потому, что Богъ проклялъ ее, ибо она «*кряхтитъ не болѣмши и ищетъ не потерамши*».

Къ вопросу о пицѣ можно лишь прибавить, что и дозволяемая писаніемъ къ употребленію скотина, зарѣзанная не прыгуномъ, не должна быть употребляема прыгунами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, считаютъ безразличнымъ, зарѣзана ли скотина прыгуномъ или молokane, лишь бы не жидомъ и не русскимъ. Всякое рѣзаніе быка или теленка величается *жертвоприношеніемъ* и нельзя сказать, чтобы способъ этихъ жертвоприношеній обличалъ въ жертвоприносителяхъ состраданіе къ животнымъ. Жертва привязывается къ столбу и не зарѣзывается сразу или убивается топоромъ, а только надрѣзывается и оставляется въ такомъ положеніи, довольно продолжительное время мучась, вырываясь съ стопами и ревомъ. Такой процессъ жертвоприношенія будто бы также указанъ въ Писаніи, медленное же убіеніе имѣетъ будто бы тотъ смыслъ, что кровь *лучше* и больше вытекаетъ. Въ какомъ мѣстѣ писанія это сказано—неизвѣстно, а порядокъ такой.

Какъ понимаютъ прыгуны идею царствія небеснаго и вѣчнаго блаженства, уже разъяснено выше. Содерничество за будущія

мѣста въ радъ касаются не столько всѣхъ прочихъ еретиковъ, какъ прыгуны называютъ православныхъ и всѣхъ христіанъ вообще, сколько молочанъ и субботниковъ—ихъ ближайшихъ сосѣдей, наиболѣе съ ними сталкивающихся и препирающихся.— Признавая, что молочане хотя и отступники отъ правой вѣры, но, тѣмъ не менѣе, ближе другихъ находящіеся на пути къ этой правой вѣрѣ, прыгуны называютъ себя членами Сіона, а молочанъ—членами Іерусалима, причемъ, по ихъ понятію, сіонское братство происходитъ вовсе не отъ названія горы Сіонъ, а отъ того, что духъ ихъ сілетъ.

Относительно этихъ членовъ Іерусалима прыгуны, негодую болѣе всего за то, что они не признаютъ духа, рассуждаютъ такъ: когда придетъ антихристъ (по ихнему аничхристъ), то члены Сіона будутъ отправлены «въ мѣсто убѣжища», куда именно, они не знаютъ, а члены Іерусалима на 3½ года остаются подъ властью антихриста и только, путемъ продолжительныхъ мученій, они познаютъ, наконецъ, сколь сильно они ошибались относительно прыгуновъ и божественнаго происхожденія ихъ ученія. Въ концѣ концовъ, однако, члены Іерусалима удостоятся присоединенія къ членамъ Сіона, за исключеніемъ самыхъ упорныхъ, которыхъ удѣлъ «вѣчное мученіе». Въ книжкѣ «Душевное Зеркало», находящейся въ обращеніи между прыгунами, въ главѣ, названной «Горе всему свѣту», Антихристъ деликатно называется «великимъ монархомъ», и прыгуны вѣрятъ, что только послѣ появленія этого монарха образуются члены Іерусалима и захотятъ стать на путь правый, то есть принять ученіе прыгуновъ, и тогда «предъ онимъ мучительнымъ зѣремъ ихъ защитоу будутъ два знаменитые свидѣтели». Свидѣтели эти, оказывается будутъ вознесшіеся живыми на небо пророкъ Ілія и Енохъ, о чемъ будто бы сказано даже въ апокалипсисѣ (по прыгунскн аполексисѣ). Относительно великаго монарха (гл. 12 «Душевное Зеркало»), одинъ изъ прыгунскихъ учителей, при насъ, выразилъ въ собраніи такое соображеніе:

— Когда явится антихристъ, то первѣе всего Вавилонъ будетъ разрушенъ и уничтожены всѣ народы.

— Вавилона, замѣтилъ я учителю:—уже нѣтъ. Что же будетъ разрушено?

Учитель на минуту призадумался, но потомъ оправился и нашелъ выходъ.

— Мы это-то знаемъ, что Вавилона нѣтъ, сказалъ онъ:—мы подъ нимъ, значить, понимаемъ всю, значить, управу...

— Какую управу? вопрошалъ я.

— Да, значить, всѣхъ иконниковъ, всѣхъ идолопоклонниковъ, поповъ долгогривыхъ, кто ихъ тамъ знаетъ?

— Ну, а какіе народы будутъ уничтожены вмѣстѣ съ Вавилономъ? спрашиваю я.

— Всѣ народы, кромѣ тѣхъ, которые покланяются Богу живому. Вотъ къ примѣру татары—тѣ не будутъ уничтожены...

— А англичане будутъ?

— Мы этого не знаемъ! Какіе это англичане? Нѣмцы они, али татары, али армяне?

— Нѣтъ, они англичане! народъ совсѣмъ особенный!

— Не можемъ знать! Кто ихъ знаетъ, какой это народъ.

Затѣмъ, для полнаго представленія о внутренней сторонѣ прыгунскаго ученія необходимо еще коснуться вопроса о повинности властямъ и царю. Немоленіе за царя, какъ извѣстно, есть одинъ изъ серьезнѣйшихъ поводовъ, послужившихъ къ признанію принциповъ молоканъ и всѣхъ прочихъ подобныхъ сектаторовъ за особенно вредную ересь. Но если немолненіе и дѣйствительно существуетъ, то о неповиновеніи царю и властямъ предержавшимъ не можетъ быть никакой рѣчи. Ни прыгуны, ни молокане нетолько какимъ либо дѣйствіемъ на обнаружили склонности къ неповиновенію или непризнанію царской или правительственной власти, но и въ словесныхъ своихъ разсужденіяхъ о правахъ земныхъ владыкъ никогда не доходили до отрицанія царской или иной власти. Едвали, напротивъ, сектаторы не служатъ наилучшимъ образцомъ повиновенія земнымъ владыкамъ, своимъ исправнымъ отбываніемъ всякихъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей, точностію исполненія самыхъ мелкихъ полицейскихъ требованій и соблюденіемъ у себя внутреннего порядка, тишины и спокойствія, и если ихъ *неповиновеніе* выражается единственно въ отрицаніи или скорѣе въ своеобразномъ пониманіи истинной вѣры, то, поплатившись за это пониманіе ссылкой и лишеніемъ правъ состоянія, они уже искупали и продолжаютъ искупать свои заблужденія. Немоленіе за царя не мѣшаетъ, однако, прыгунамъ высказывать свои патриотическія и радостныя чувства и къ царю и къ отечеству, а принесенныя молоканами и прыгунами пожертвованіями на войну, кажется, не оставляютъ сомнѣнія въ ихъ симпатіяхъ къ общему отечеству.

При посѣщеніи Государемъ Императоромъ Тифлиса, въ 1871 году, была даже сдѣлана попытка поднесенія Государю привѣтственнаго стихотворенія прыгунскаго сочиненія. Попытка явилась въ сел. Воскресенскѣ и не осуществилась только благодаря случайностямъ. Авторомъ стихотворенія былъ житель этого села Василій

Емельяновъ Шубинъ, большой дока по части писанія; онъ же сочинитель для односельцевъ всякихъ прошевій, онъ же сельскій учитель, онъ же мастеръ на разныя руки—плотникъ, сапожникъ, колесникъ, портной. Василий Шубинъ, для полноты образованія, даже обучался въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ игрѣ на кларнетѣ и, по его словамъ, можетъ на этомъ инструментѣ изобразить 120 голосовъ (мотивовъ). Шубинъ, кромѣ всѣхъ этихъ искусствъ и ремеслъ, еще сочинитель духовныхъ пѣсней, и не скрываетъ увѣренности, что пѣсни, имъ сочиненныя столь высокаго достоинства, что всѣ рудометкинскія, въ сравненіи съ его, шубинскими—ничто.

Прослышавъ о предстоящемъ приѣздѣ въ Тифлисъ Государя, Шубинъ задумалъ, какъ онъ говорить, и лично заслужить царское спасибо, да и провести ксати правильный взглядъ на прыгуновъ, чтобъ, молъ, «не думали, что мы какіе-нибудь невѣжи». Стихи и къ нимъ голосъ Василий Шубинъ придумалъ самъ, но поднести стихи одинъ не рѣшался и не зналъ, куда за этимъ обратиться, а общество, опасаясь какого-нибудь подвоха со стороны Шубина и гнѣва полиціи, а, съ другой стороны, не зная вообще, какъ примутъ эту затѣю, медлило и не высказывалось. Списавъ заготовленные имъ стихи и показывая ихъ разнымъ лицамъ, Шубинъ выражалъ сердечное свое желаніе увидѣть ихъ напечатанными въ какой-нибудь газетѣ, дабы хоть этимъ путемъ они дошли по назначенію, но стихи эти, при всей почтенности побужденія, ихъ вызвавшего, для напечатанія годными не оказались.

Сочиненная Василиемъ Шубинымъ пѣсня слѣдующаго содержания:

«Пѣснь во славу Государю Императору, Помазаннику Божію».

Богъ святославецъ и великъ
Славить Царя намъ велитъ!
Самъ Богъ изъ славы своей
Удѣлилъ Царю въ жизни сей.
Какъ прекрасно Богъ сотворилъ,
Царя мира намъ подарилъ.
Мы, природные сыны Россіи
И будемъ пѣть стихи сіи,
И громозвучно воспѣвать
Императора прославлять!
Императоръ великій Царь,
Всея Россіи Государь
Помазанникъ Божій отецъ нашъ!
Мы готовы на всѣ жертвы за вѣст.
Ополчаться противъ враговъ
За царя русскій народъ готвъ.
Мы, вѣрноподданне рами,

А Ты Самодержецъ всѣмъ намъ,
 Мы изъ любви Тебя славимъ
 И здравія Вамъ желаемъ.
 Въ богомоленіи каждый разъ
 Всѣ мы молимся за Васъ
 И за Твой августѣйшій домъ
 Слава Богу и поклонъ!
 О великій нашъ Царь,
 Всемилостивѣйшій Государь,
 Славно могучій герой,
 Государь Александръ второй!
 Въ Россіи крестьянъ освободилъ
 И повсемѣстно не забылъ.
 О, великій милостивецъ!
 Награди Тебя Творецъ,
 Какъ звучать всѣ голоса
 Съ молитвой къ Богу въ небеса,
 За милость Царя мы хвалимъ
 И всѣхъ благъ ему желаемъ
 Навсегда, чтобы Господь Богъ
 Хранилъ Его отъ враговъ
 И много лѣтъ Ему царствовать
 Въ мирѣ Русью управлять,
 А въ будущей жизни вѣчной
 Быть въ блаженствѣ безконечной,
 Гдѣ серафимы восхваляютъ
 Превѣчнаго Бога прославляютъ
 И гдѣ воссѣдаетъ Царь царей
 «По чину Мельхиседека—Іерей».
 Вотъ обитель вѣчная
 Въ небесахъ царство безконечное,
 За милость Царю награда,
 Въ вѣчности душѣ отрада!
 О, великолѣпность въ вѣчности!
 Какъ изъяснить все въ брвенности!
 Знаетъ только Богъ одинъ,
 Истина вѣрна. Аминь.

Послѣ каждыйхъ двухъ строкъ слѣдуетъ припѣвъ: «Слава нашему Царю всей Россіи Государю».

Тотъ же авторъ сочинилъ еще пѣсню, въ томъ же духѣ, и, по обыкновенію, придумалъ къ ней голосъ, на манеръ обыкновенныхъ прыгунскихъ напѣвовъ. Пѣсня эта озглавлена: «На встрѣченіе Государю Императору, Помазаннику Божию. Пѣснь».

Богомъ благословенъ градъ
 Государь Александръ Второй!
 О, коль велика добродѣтель!
 Коль славенъ съвера владѣтель!
 Онъ какъ солнце на всѣхъ сіяетъ
 И съ нимъ вся Россія процвѣтаетъ.
 По указу Его Величества,

Возрастают всѣ совершенства!
 Ему слава, честь и хвала,
 Громкое ура! ура! ура!

Распространивъ это сочиненіе во многихъ писанныхъ экземплярахъ, Василій Шубинъ подъ каждымъ собственноручно росписался: «сочинитель Вас. Емел. Шубинъ».

Стихи эти заслуживаютъ вниманія прежде всего потому, что они не составляютъ только поэтическую фантазію «сочинителя Василія Емельянова Шубина», а являются выраженіемъ чувствъ и мыслей прыгуновъ, потому что пѣсня распѣвается и слѣдовательно одобряется, а во-вторыхъ, стихи эти заслуживаютъ вниманія и тѣмъ, что въ нихъ проводятся мысли, какъ бы прямо несвойственныя ученію прыгуновъ, молоканъ и всѣхъ подобныхъ толковъ, въ томъ видѣ, какъ они официально извѣстны. По официальнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что молења за царствующій домъ у сектантовъ не существуетъ, но неправильность этого воззрѣнія, кромѣ приведенныхъ стихотвореній, несомнѣнно прыгунскаго происхожденія, доказывается еще и упомянутымъ выше «Обрядомъ», гдѣ есть глава о царѣ, въ которой проводятся тѣ же мысли, что въ шубинскомъ стихотвореніи. Вообще Шубинъ, какъ и всѣ прыгуны, говоритъ неохотно о томъ, какъ думаютъ прыгуны, напримѣръ, о власти правительства, о правахъ земныхъ владыкъ на ихъ доходы или имущество, на тѣлесную неприкосновенность и на личную каждого изъ нихъ свободу и т. п. Смыслъ прыгунскихъ рѣчей, по всѣмъ этимъ предметамъ, темень, понимается съ трудомъ или совсѣмъ не понимается, а приходится догадываться и додумываться по проскальзывающимъ намекамъ, при всемъ томъ, что многіе прыгуны, какъ люди грамотные и толковые, постигли уже, что можно говорить и чего нельзя, но, въ силу еще прежнихъ страховъ, они неохотно распространяются о своей вѣрѣ, и, напримѣръ, подъ великимъ секретомъ, одинъ изъ учителей сообщилъ мнѣ о существованіи въ Воскресенскѣ еще одной рѣдкостной книжки, написанной рукою Рудометкина и имѣющей всего въ одномъ экземплярѣ. Книжка эта содержится въ большомъ секретѣ собственно потому, что прыгуны осязаются ответственности за то, что книжка, озаглавленная «Воссияетъ вамъ солнце правды», подписана такъ: «Царь духовъ Максимъ Рудометкинъ»; въ самой же книжкѣ, по словамъ Шубина, противузаконнаго ничего не содержится, а написана она, разумѣется, *по духу*. Царство надъ духами, по увѣренію Шубина, бесспорно принадлежитъ Рудометкину, а въ с. Хачинѣ хранится даже царская корона ца-

ря духовъ, со всѣми прочими регаліями, какъ то: лентой и орденскими знаками.

Свидѣтельства такихъ лицъ, какъ прыгунскіе учителя, не могутъ не имѣть значенія, въ виду того вліянія, которымъ эти люди пользуются въ своемъ обществѣ за святую жизнь и благочестіе. Большинство изъ нихъ ведетъ весьма скромную жизнь. Многіе никогда не ѣдятъ мяса, чай пьютъ только съ медомъ или кишмишемъ, считая употребленіе сахара грѣхомъ. Не ругаются никогда и «гнилыхъ словъ» не произносятъ. Они вообще большіе мистики, много говорятъ о сочувствіи къ Богу, о внутреннемъ познаніи божества, толкуютъ своимъ слушателямъ частенько о томъ, что Богъ сотворилъ всѣхъ людей добрыми, далъ всѣмъ свободную волю, но «слабость похотѣнія» губить людей, дѣлая ихъ грѣшными. Въ св. писаніе безусловно вѣрять, всѣ темныя мѣста кажутся имъ достаточно вразумительными и ясными и они никогда не стѣсняются въ ихъ толкованіи по крайнему своему разумѣнію. Тому же Шубину принадлежитъ и слѣдующая пѣсня, сложенная имъ еще въ тѣ времена, когда были въ ходу экзекуціи и полицейскія увѣщанія.

«Молитва съ пѣснью».

Мы вѣруемъ—Богъ съ нами,
Онъ вѣчно намъ въ царя—
Припадемъ мы со слезами,
Къ подножью его алтара!

Боже, прими молиби Сіона,
Да взмдетъ плачъ-воплъ на небеса,
Избавь насъ отъ сего стона,
Къ тебѣ взываемъ на голоса!

Боже, храни насъ отъ враговъ
На сей доли земной,
Сердце наше полно упованья
На милость твою, всесвятой!

Ты, Іегова, Богъ боговъ
Всему міру Творецъ
Избавь насъ отъ всѣхъ враговъ
Всемогущій нашъ отецъ.

Дабы напрасни были усилы
Нечистыхъ злыхъ враговъ.
Кон Сіонъ всегда поносилъ.
Но Сіонъ чтить самъ Богъ Іегова!

Никогда Богъ не попуститъ
Побѣжденнымъ битъ тому,
Кто въ вѣрѣ живой, святой
Обращается къ нему.

Воскликнемъ ми къ Богу
Слезно усердной молюбой,
Боже! Будь Сіону на помощь,
Онъ со врагами борьбой!

И узнали бы враги твоя вѣщья,
Стало бъ видно ясно имъ,
Что безумни ихъ стремленья
Предъ могуществомъ твоимъ.

За все хвала святому,
Который насъ сотворилъ,
Богу вѣчному живому,
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Затѣмъ переходимъ къ исторіи возникновенія и развитія кавказскаго прыгунства, опираясь, въ изложеніи этого событія, на официальные источники.

III.

Въ январѣ 1853 года, пошли предварительные слухи о появленіи въ сел. Никитиномъ и Воскресенскомъ (Алек. Уѣзда) *новой секты прыгуновъ*. Почти одновременно стало извѣстно, что во всѣхъ другихъ молоканскихъ селеніяхъ есть послѣдователи той же секты. Новая секта, повидимому, быстро преуспѣвала, потому что не успѣли пройти эти слухи, какъ, по дознанію полиціи, оказалось, что въ Никитинѣ почти *все*, а въ Воскресенкѣ *одна половина* жителей принадлежать къ новой сектѣ или къ *новому безумію*, какъ отъ себя соображалъ уѣздный начальникъ.

Полицейское дознаніе успѣло, на первый разъ, обнаружить только существованіе какого-то *новаго безумія* и прибавляло, что догматы новой секты ложно перетолкованы изъ библіи, но изъ какой главы—неизвѣстно. По собраннымъ первоначальнымъ свѣдѣніямъ, оказалось, что появился какой-то *новый главный толкователь*, по имени и фамиліи неизвѣстный, что явился онъ изъ Шемахинской Губерніи, перебивалъ во многихъ селахъ и исчезъ.

Главный этотъ толкователь называлъ себя богомъ. Проповѣдь его заключалась въ томъ, что скоро настанетъ кончина свѣта, что умереть слѣдуетъ очистившись отъ грѣховъ и что для такого очищенія имъ, главнымъ толкователямъ, уже назначены въ деревняхъ особенныя довѣренныя лица, названныя *искупителями грѣховъ*. Въ деревнѣ Никитинѣ этими искупителями были Герасимъ Клубничкинъ, Василій Цыкинъ, Терентій Колесовъ.

Въ придачу имъ былъ данъ старецъ *Акимъ* въ качествѣ спеціалиста-снотолкователя. Искупители, въ присутствіи народа, обыкновенно въ *собраніи*, толковали грѣхъ каждаго, интересовавшагося этимъ дѣломъ, приглашали при этомъ очиститься, а старецъ *Акимъ* тутъ же толковалъ сны.

Толкованіе собственныхъ грѣховныхъ дѣяній оказалось настолько занимательнымъ, что обратившіеся къ новому ученію стали, мало-по-малу, переставать заниматься работами, собирались на цѣлые дни въ свои молебни, т. е. сборныя для молитвы избы, приносили *подаваніе* что чѣмъ попало: деньгами, имуществомъ и проч., за что и получали немедленное отпущеніе грѣховъ, притомъ, однако, условіи, чтобы *искупители* нашли подаваніе соотвѣтственнымъ тяжести грѣховъ кающагося. Кто дѣлалъ скудное приношеніе, того искупители выгоняли изъ собранія, какъ грѣшника; кто приносилъ достаточно, то искупители, «яко назначенные отъ Бога», начинали производить особенныя тѣлодвиженія, падать навзничь и проч., и, приходя такимъ порядкомъ въ соприкосновеніе съ св. духомъ, вымаливали для кающагося прощеніе и онъ уходилъ съ облегченнымъ сердцемъ. Въ сел. Воскресенскѣ искупителями назначены были Сохряковъ и Василій Шубинъ.

Въ порядкѣ грѣхоочистительныхъ и снотолковательныхъ инстанцій, надъ искупителями поставленъ былъ еще одинъ чинъ, названный «*жертвенникомъ*». Это былъ делижанскій крестьянинъ Лукьянъ Петровичъ, у котораго стекались всѣ денежные пожертвованія. Оказалось, однако, что эта обязанность весьма щекотливая. Въ самомъ началѣ проявленія прыгунства, къ явному соблазну новыхъ прозелитовъ, произошла между Лукьяномъ Петровичемъ и *искупителями* значительная ссора. *Искупители* и *жертвенникъ* крупно поругались по поводу растраты жертвы, которую допустили искупители, и ссора эта была причиной, что многіе изъ обращенныхъ въ *новое безуміе* обратились вновь въ магометанство.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о новыхъ сектантахъ сообщали, что основаніе новому ученію взято изъ *лави XIII пророка Іезекииля*, начиная съ стиха 10. Прочелъ затѣмъ слухъ, что сектанты нашли какую-то старинную книгу, которая служитъ основаніемъ ихъ ученія. Большинство послѣдователей этого ученія вышло изъ среды такъ называемыхъ *общихъ*¹ и молоканъ, и эти, такъ сказать, сугубые отщепенцы и отъ православія, и отъ молоканства названы *притумами*, хотя сами отщепенцы продолжали,

¹ Секта общихъ существовала на коммунистическихъ началахъ.

подобно молоканамъ, называть себя «духовными христианами» и утверждали, что ихъ вѣра есть только «исправление и добавленіе вѣры молоканской», новаго же ничего не представляетъ.

Въ моленіи прыгуновъ, между тѣмъ, съ самаго начала введены уже были нѣкоторыя нововведенія. Въ собраніяхъ избирались, изъ наличныхъ присутствующихъ, спаситель и богородица. Парень лѣтъ 25 и дѣвка лѣтъ 18 становились въ два противоположные угла собранія; первый, какъ говорилось у нихъ, «за спасителя», а вторая «за богородицу». По окончаніи моленія, всѣ, поочередно, подходили къ спасителю и богородицѣ. Подходя къ спасителю, каждый дѣлалъ земной поклонъ и произносилъ: «сынъ божій, прими мое моленіе, прости мое согрѣшеніе и введи въ царствіе небесное». Послѣ того слѣдовало еще поклонъ до самой земли. Спасителю дѣловали ногу и тѣмъ же порядкомъ обращались къ стоявшей въ противоположномъ углу дѣвкѣ, причѣмъ произносилось: «а ты, святая дѣва богородица, упроси сына твоего и бога нашего, да ниспошлетъ на насъ свое милосердіе и спасеніе душъ нашихъ». За этимъ слѣдовало лобзаніе богородицыной ноги. При совершеніи этихъ лобзаній, въ третьемъ углу хаты стоялъ столъ, покрытый бѣлымъ «столешникомъ», куда и клались жертвоприношенія, т. е. деньги и все прочее, годное для жертвы.

Всѣ первоначальныя свѣдѣнія о новомъ ученіи указывали, что самое моленіе производилось съ какими-то странными тѣлодвиженіями, какъ-то: трясеніемъ тѣла, маханіемъ рукъ, раскачиваніемъ корпуса, а главное пляской, которая производилась до потери чувствъ, причѣмъ плясавшіе падали ницъ и долго оставались въ такомъ положеніи.

Неточность свѣдѣній о новомъ ученіи и таинственность, съ которой велась его пропаганда, заставили, на первыхъ порахъ, считать это ученіе болѣе опаснымъ зломъ, нежели оно оказалось впоследствии, и отъ многихъ низшихъ начальниковъ получались донесенія о томъ, что «сей важный случай противенъ правительству, существующимъ узаконеніямъ, общественному спокойствію и даже самой религіи». Какой именно религіи противенъ былъ *важный случай* — не объяснялось. Православіе, конечно, тутъ не имѣлось въ виду, потому-что правительствомъ не было дозволено и самое молоканство, изъ котораго происходилъ важный случай, и не въ интересахъ власти было возвращать прыгуновъ обратно въ молоканство, признавая тѣмъ за нимъ послѣднимъ какъ бы право на свободное отправление своего ученія.

Въ одномъ изъ первыхъ донесеній намѣстнику кавказскому,

мѣстный губернаторъ докладывалъ, что, кромѣ выяснившихся уже сторонъ новаго ученія, послѣдователи новой секты «предаются явному разврату съ цѣлью религіозною», причѣмъ выражалось опасеніе, что новая «*мусная секта*», *по еяму строителю*, имѣеть еще какую-нибудь скрытую цѣль. Но скрытыхъ цѣлей, при самомъ тщательномъ изслѣдованіи, все еще обнаружить не могли, и начальникъ Бамбакскаго¹ участка не только этихъ цѣлей не открылъ, но доносилъ, хотя и не совсѣмъ выразительно, что пропагандисты хотѣли, кажется, прежде всего, собрать дань съ людскаго невѣжества, а религіозныя цѣли были дѣломъ лишь побочнымъ. «Догматы новаго ученія, писалъ этотъ начальникъ:—обнаружились въ лихоимствѣ; проповѣдники требуютъ раскаянія во всеуслышаніе и для отпущенія грѣховъ возмездія собственностью, чѣмъ можетъ кающійся грѣшникъ вознаградить оныя». Полицейскіе розыски, между тѣмъ, продолжались и одинъ изъ первыхъ былъ заарестованъ житель селенія Нивитана, Василій Шубинъ, ревностный прыгунъ, который считался *старшимъ ученикомъ того пророка* или бога, фамилія котораго, попрежнему, оставалась неизвѣстной.

Новое ученіе, на первое время, распространилось только въ Александропольскомъ Уѣздѣ и въ сосѣдній, Новобаязетскій Уѣздъ пока не проникало, и потому мѣстный (новобаязетскій) уѣздный начальникъ, еще въ маѣ 1853 года, курьёзно доносилъ, что *между молокамами никакля ересь еще не проникла*. Тѣмъ временемъ, изъ розысковъ и дознаній, оказалось, что, таинственно появившійся и затѣмъ таинственно исчезнувшій пророкъ или богъ приходилъ издалека и есть житель сел. Андреевки Ленкоранскаго Уѣзда, по фамиліи Уколъ Любавинъ или Любафѣевъ. Сел. Андреевка въ то время было мѣстомъ средоточія послѣдователей секты *общей* или Акиноевой. Уколъ принадлежалъ къ общинѣ, былъ грамотенъ и, на досугѣ почитывая Апокалипсисъ, набрелъ, между прочимъ, на главу 13-ю пророка Іезекіиля и пришелъ къ заключенію о близости кончины міра. Этотъ Уколъ и былъ первымъ *прыгуномъ*. Собственно, догмата *прыганья* никто никогда не проповѣдывалъ, и Уколъ никому не внушалъ, что прыгать обязательно или необходимо; самъ же онъ это дѣлалъ, повинувся, какъ онъ объяснялъ, «непреодолимой силѣ». Глава *о седьмой печати* убѣдила Укола, что страшный судъ близокъ и что седьмая печать уже разверзлась. Всѣ предсказанія Апокалипсиса, какъ убѣдился Уколъ, уже сбылись: былъ гладъ и моръ на человѣковъ и тварей, былъ трусъ по землѣ,

¹ Александропольскаго Уѣзда.

горы рассыпались, воды убѣгали. Для него было ясно, что покаяніе передъ кончиною было необходимо и Уколъ сталъ проповѣдывать покааніе въ формѣ гласнаго объясненія своихъ грѣховъ передъ избранными людьми, послѣ чего грѣхи очищались жертвоприношеніемъ. Уколъ, однако, и не думалъ вводить какое-либо новое ученіе и, продолжая принадлежать къ сектѣ общихъ, сдѣлалъ къ ученію ихъ лишь нѣкоторыя необходимыя, по его мнѣнію, дополненія, изъ которыхъ важнѣйшее было публичное покааніе.

Секта *общихъ* или Михаила Акинѣева Попова возникла нѣсколько раньше. Начало общей собственности проводилось довольно послѣдовательно. Сектаны жили домами въ 30—40—50 душъ, хозяйствомъ завѣдывали выбранные старшины, въ рукахъ которыхъ находились общія денежные суммы. Особенности ихъ устроения заключались прежде всего въ выборѣ 12 чиновъ, которые имѣли особыя названія, въ родѣ: 1) судья, 2) жертвенникъ, 3) распорядитель, 4) видатель, 5) словесникъ, 6) членъ, 7) мысленикъ, 8) тайникъ и, наконецъ, четыре женскіе члена, которымъ особыхъ названій не было. Всѣ эти члены несли особыя обязанности—распорядитель отбиралъ шапки у входящихъ въ собраніе и складывалъ ихъ въ общую кучу; *тайникъ* принималъ исповѣдь, для чего удалялся въ совершенно отдѣльную комнату и т. д. Каждый членъ секты получалъ названіе какой-нибудь части тѣла, въ родѣ головы, правой или лѣвой руки, глаза. Цѣлымъ тѣломъ назывались лишь избираемые изъ среды всѣхъ Спаситель и Богородица, при чемъ послѣдняя еще называлась десятою патницею. Послѣдователи общей секты не признавали молитвъ за царя, а правительство называли *бичемъ антихриста*.

Исслѣдованія, произведенныя начальствомъ объ ученіи Укола Любавина, привели, между прочимъ, прежде всего, къ нѣкоторому выясненію подробностей ученія общихъ и указали на главныхъ его дѣятелей. Кромѣ Укола Любавина, біографія котораго приведена будетъ ниже, и упомянутого уже Лукьяна Петровича, который былъ сдѣланъ общимъ казначеемъ и хранилъ значительную сумму денегъ, собранную жертвами, оказались слѣдующіе дѣятели: житель сел. Новодежжанъ Иванъ Ларионовъ выбранъ былъ *искупителемъ*; поселянинъ сел. Воронцовки Алексѣй Добрынинъ былъ наименованъ *старшиной* или *настоятелемъ*. У послѣдняго въ домѣ была устроена обширная молебеня. Упомянутые выше Максимъ Рудометкинъ, Василій Цыкинъ, Герасимъ Клубничкинъ и Акимъ величались *главными уздниками*. Все это были самые усердныя прыгунскіе дѣятели, а впоследствии

оказалось, что жители сел. Карабулагъ, Денисъ Клеменовъ и Александра Ермакова, привлеченные къ дѣлу объ Уколѣ Любавинѣ, долгое время исполняли обязанности *спасителя* и *богослужащихъ*. Притянутый къ слѣдствію Любавинѣ, отрицая всякое намѣреніе ввести какое либо новое ученіе, объяснилъ, что на него дѣйствительно нападаетъ непонятное ему трясеніе, продолжающееся отъ 2-хъ минутъ до 1-го часу, и что при этомъ онъ самъ не знаетъ, чтò говорить и чтò дѣлаетъ. Не признавая своей виновности Любавинѣ доказывалъ, что отъ секты общихъ онъ никогда не отставалъ. Клеменовъ показалъ, что онъ Акинѣевецъ (общій), что Акинѣй поставилъ его главнымъ надъ всѣми своими послѣдователями въ Закавказскомъ Краѣ, а вторымъ послѣ него рядового Филимона Дороеева. Клеменовъ не скрылъ и того, что онъ и Дороеевъ находятся въ перепискѣ съ Акинѣемъ, жившимъ будто бы за границей, и что послѣдній будто прислалъ въ *столовую сумму* сел. Андреевки 103 р. Все число послѣдователей общей секты доходило, по заявленію Клеменова, въ Закавказскомъ Краѣ до 300—400 душъ и въ числѣ ихъ 12 рядовыхъ линейнаго баталіона въ Ленкоранѣ. На предварительномъ слѣдствіи по дѣлу Любавина, между прочимъ, обнаружено, что поселанинъ дер. Борисовки, Гурій Петровъ, былъ знакомъ въ Шутѣ съ какимъ-то Зарембою, который будто бы печаталъ тамъ книги и за тѣмъ будто бы удалился въ Англію, откуда переписывался съ Шутинскимъ жителемъ Давыдомъ, ремесломъ трактирщикомъ, чѣмъ, по словамъ Любавина, воспользовались послѣдователи общей секты и, въ видахъ укрѣпленія въ своемъ ученіи и большаго убѣжденія въ истинности его, запрашивали Зарембу письмомъ на счетъ того: «нѣтъ ли гдѣ упованія подобнаго Акинѣеву», на что получили отвѣтъ—что нѣтъ.

«Новое безуміе» распространялось не особенно быстро и въ Эриванской Губерніи за предѣлы Александропольскаго Уѣзда долго не выходило. Только въ 1854 году было первое официальное сообщеніе о томъ, что Лукьянъ Петровичъ проникъ съ своей пропагандой въ сел. Еленовку (Новобаязетскаго Уѣзда) и въ весьма короткое время обратилъ въ новую секту цѣлыя два семейства: Чеботарева и Мельникова. Тамъ секта, хотя появилась подъ другимъ названіемъ и именовалась *Сіонской*, но такое видоизмѣненіе видимо было сдѣлано не безъ цѣли; всѣ же основанія новаго ученія указывали на его несомнѣнную тождественность съ ученіемъ Любавина. Сіонцы уже смѣло заявляли, что на нихъ сходитъ святой духъ, и, по донесенію мѣстныхъ властей, во время моленья «ворчатъ себя всѣмъ корпусомъ тѣла», ссылаясь на непреодолимость силы дѣйствія Св. Духа. Сіонцы,

на первых же порахъ, вздумали предсказать какую-то скорую побѣду турокъ надъ русскими, въ чемъ власти хотѣли было усмотрѣть нѣкоторое политическое недоброжелательство къ Россіи и уже приготовлялись нѣсколько притѣснить предсказателей, но все оказалось вздоромъ.

Три мѣсяца спустя послѣ провозглашенія новаго ученія въ сел. Еленовку, по начальству уже доносилось, что то же ученіе явилось и въ селѣ Константиновкѣ (Дарочичагѣ). Тамъ оно тоже называлось сіонскимъ, но нашло такихъ ретивыхъ послѣдователей, которые сразу стали во главѣ броженія и въ послѣдствіи оказались самыми фанатическими приверженцами сіонства. Богѣ всѣхъ выдвинулись тогда же личности трехъ жителей сел. Константиновки: Ѳодора Валова, Ивана Агальцева и Александры Волковой. Подъ руководствомъ этой троицы, константиновскіе сіонцы еженочно собирались въ какой либо домъ и, вызвавъ въ себѣ присутствіе св. Духа, начинали немилосердное самоистязаніе, сопровождаемое прыганьемъ, дикимъ крикомъ и пронзительными взвизгиваніями. Въ изнеможеніи падали они на землю, бились объ нее лбомъ, разбивались до крови, раздирали одежды, вырывали себѣ волосы. Неприменувшіе къ новому ученію утверждали, что на сіонцевъ нападало положительное бѣшенство. По справкамъ оказывалось, что если у Дарочичагскихъ сіонцевъ слишкомъ долго не являлся св. Духъ, то они стремились вызвать его подвижничествомъ. Начинался поголовный постъ въ формѣ совершеннаго голоданья. Они не принимали вовсе ни пищи, ни воды, по 4—5 дней. Жены сіонцевъ, по большей части, слѣпо подражая мужьямъ, постились до полного истощенія силъ. На улицѣ селенія нерѣдко появлялись живые мертвецы въ образѣ человѣческомъ. За едва волочащимъ ноги сіонцемъ тащилась испостывшаяся его жена, неся на рукахъ грудного ребенка, едва не умирающаго на высохшей груди матери.

Всѣ свои догматы, вѣрованія и правила сіонцы, по полицейскимъ свѣдѣніямъ, основывали на псалтырь и библію, но, по слухамъ, по рукамъ сіонцевъ ходила еще какая-то книга, подъ заглавіемъ «Потерянный и возвращенный рай», и послѣдователи «нововыдуманной и соблазнительной сѣтки» видѣли въ ней нѣкій кивотъ завѣта, какъ думала мѣстная полиція, которой, однако, не удавалось овладѣть этимъ кивотомъ, несмотря на всѣ старанія.

Въ 1855 году, новое ученіе также проявилось въ сел. Семеновкѣ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ стало извѣстно официально, хотя несомнѣнно, что въ Семеновку, какъ лежащую на дорогѣ изъ Никитина въ Еленовку и близко Делижана, ученіе это могло

проникнуть ранѣ другихъ мѣстъ Новобаязетскаго Уѣзда. Тамъ, въ мартѣ 1855 года, были задержаны четверо мужчинъ и три женщины, между прочимъ жители сел. Борисы (Шушинскаго Уѣзда) Фалалѣй Черкасовъ и Ермилъ Кобзевъ. Въ числѣ разныхъ вещей, найденныхъ при задержанныхъ, оказалась книга въ 526 писанныхъ славянскими буквами страницъ, подъ заглавіемъ: «Зеркало души». Въ этой книгѣ, между прочимъ, говорилось «о скоромъ раздѣлѣ Сіона и Іерусалима и избавленіи духовныхъ молоканъ отъ владычества невѣрныхъ.» Была тамъ даже особая глава, подъ названіемъ «Изображеніе кометы, бывшей въ сентябрѣ 1853 года и толкованіе значенія ея». Четыре задержанные проповѣдника изобличены были въ пропагандѣ своего ученія. Они, по обыкновенію, увѣряли, своихъ слушателей, что не далеко монецъ свѣта, что нужно, молъ, приготовиться и поваяться; при этомъ проповѣдники жестоко ломались и прыгали и, какъ рассказывали поучаемые, пѣли на какомъ-то непонятномъ языкѣ. Проповѣдывали они, между прочимъ, новый догматъ «согрѣванія плоти», каковаго догмата будто бы придерживался и Царь Давидъ. Въ силу этого догмата проповѣдники возили съ собою 3-хъ женщинъ, которыя прислуживали имъ, какъ рабыни, и именовались «отогрѣвательницами».

Кавказское начальство, между тѣмъ, не придавало новому ученію никакого особеннаго значенія и, захвативши въ свои руки Укола Любавина и нѣсколькихъ болѣе крупныхъ дѣятелей изъ секты общихъ, ограничивалось въ отношеніи прыгуновъ, сіонцевъ, *духовныхъ* и всѣхъ вообще появившихся подъ разными названіями новыхъ сектантовъ, увѣщаніями и отобраніемъ подписокъ о нераспространеніи новаго ученія и непослѣдованіи ему. Мѣры эти не приводили ни къ чему. Увѣщанія выслушивались потому только, что они исходили исключительно отъ полицейской власти; подписки давались тѣмъ охотнѣе, что они подписчиковъ ни къ чему не обязывали. Обнаруженная на первыхъ порахъ начальствомъ умѣренность въ отношеніи все болѣе и болѣе расходившихся сектантовъ заслуживала, конечно, похвѣльнаго одобренія, и еслибы власть неуклонно придерживалась этого пути и впредь, то можетъ быть теперь ни прыгунства, ни сіонства уже не было бы. Но эта система не была выдержана. Были такіе періоды, когда прослѣдованіе вдругъ почему-то считалось необходимымъ, когда усиливалось рвеніе полиціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливалось сопротивленіе сіонцевъ и всѣхъ другихъ сектантовъ.

Самъ Уколъ Любавинъ, судившійся въ то время въ Тифлисѣ,

привлеченъ былъ къ суду не столько за свои религиозныя воззрѣнiя, сколько за преступленiя, совершенныя на службѣ.

Болѣе опасными всегда считались такъ называемыя «общіе», но и въ отношенiи къ нимъ власти обнаруживали совершенную терпимость и, кажется, добивались лишь преращенiя всякихъ сношенiй кавказскихъ общинъ съ заграничными и жившими во внутренней Россiи.

Тогда же среди послѣдователей новой секты появилась и ходила по рукамъ рукописная книжка, подъ заглавiемъ «Письма и поученiя»; эти письма и поученiя проливали нѣкоторый свѣтъ на новое ученiе и указывали какое, по мнѣнiю новыхъ сектантовъ, они должны занять влiятельное положенiе въ будущемъ мiрѣ, гдѣ они должны сдѣлаться привилегированными законодателями наступающаго 1,000 лѣтняго царствованiя. Письма начинались: «Нисьмомъ изъ отечества». «Братiя—друзья возраста моего, говорилось въ томъ письмѣ:—пишутъ мнѣ: братъ и другъ! у насъ между первыми ревнителями слова божiя сдѣлалось раздѣленiе. По виду лучшіе люди, отдѣлившись, называютъ себя членами Сиона—устроили общiя имѣнiя, неупустимо четыре раза въ день совершаютъ моленiе, учреждена жертвенная сумма, въ какую кладутъ и паки берутъ; за рубль постается день и паки кладутъ. Выбраны девять человекъ управлять церковью и домашностью. Имѣется пламенная любовь въ лобзанiи разныхъ половъ, но болѣе всего опираются на Сионскую книжку и таковымъ скромнымъ видомъ столь увлекаютъ наши сердца къ себѣ, потому просимъ тебя: напиши намъ о томъ и прочiя...»

На эти вопросы въ той же книгѣ слѣдовалъ отвѣтъ, подъ заглавiемъ «Письмо на братскiй и дружескiй вопросъ», въ которомъ, между прочимъ, значится слѣдующее: «Князи сонма божiя, сынове вышняго, вся церковь Господа нашего Исуса Христа, братiя и сестры и всѣ ревнители слова божiя! Благодать вамъ и миръ да умножается въ познанiи тайны вѣчнаго блаженства! Возлюбленные друзья и духовные братiя на счетъ *общественнаю* собранiя у васъ не согласно съ писанiемъ и строгое наказанiе тому, кто четыре раза въ день не помолится». Такимъ образомъ, какимъ-то авторитетнымъ лицомъ порядки общинъ вполне не одобрялись и за образецъ ставилось новое ученiе сионцевъ. Въ той же книгѣ послѣ «Письма на братскiй и дружескiй вопросъ» слѣдуетъ ко всѣмъ братiямъ разсужденiя о уставахъ и разсмотрѣнiе о чинахъ общественной церкви. «Возлюбленные братiя и сестры! говорилось въ этой главѣ.—Вы—родъ избранъ изъ тмы въ чудный свѣтъ. Нынѣ кто есть въ васъ человекъ дивозритель, знающій притчу и темное слово рѣченiя

премудрыхъ гаданій, всѣ таковыя вникните въ дѣла Вышняго и сообразите ихъ съ закономъ божіимъ, да не уклонитесь ни на десно, ни на лѣво! Посмотрите сердечными очами! Во дни нашего раздѣленія духомъ божіимъ благо тѣмъ, которые дуломъ божіимъ водятся и его наставленіямъ повинуются. Видно изъ числа таковыхъ явились вы подобно сынамъ израевымъ, просящимъ себѣ царя со властью и князей въ гнѣвѣ, ибо сами себѣ царя и властей поставили, а не Господомъ. Такъ и нынѣ изъ числа братій нашихъ избрали сами себѣ судей и прочихъ чиновъ не точію для земныхъ порядковъ, но и души свои предали имъ...» И затѣмъ, обращаясь къ вопрошавшимъ о правильности новаго ученія, авторъ этого сочиненія энергически возстаётъ противъ назначенія, по волѣ людской, чиновъ церкви, и утверждаетъ, что никакихъ назначенныхъ чиновъ быть не должно, ибо «единъ наставникъ и учитель Христосъ, вы же есть всѣ братія!»

Но вмѣсто избранныхъ людьми чиновъ церкви, должны быть чины, избранные Богомъ, «на которыхъ онъ излилъ духъ Моисея»—вотъ эти-то избранные и должны играть главную роль въ общественной церкви, «ибо духъ невидимо наставляетъ прорицателей истины, которые, сидя позади, людямъ неизвѣстны, но предъ ними все-таки должны молчать почтенные люди, сидящіе впереди». Это—указаніе на то, что всѣ должностные чины общественной церкви сидѣли, обыкновенно, впереди. «Вы же чинами своими не даёте въ достойныхъ воссіать истинѣ, тѣмъ угашаете духъ и пророчество его уничтожаете, а свои надмѣнія поставяете людямъ важными, дабы не остались вамъ праздными и равными съ братіями...» «Послушайте вы, чины праздности, заключаетъ авторъ:—что вамъ глаголетъ Господь: растерзаю, говоритъ онъ, покрывала ваша, отыму люди моя отъ руки вашей, къ тому не будутъ въ рукахъ вашихъ на развращеніе; упасу овцы моя и къ тому не будутъ на разграбленіе, но будутъ подъ властью пастыря единого, но онъ и самъ говоритъ: вы же не нарицаетесь учителя и наставники, но единъ наставникъ учитель Христосъ, вы же всѣ братія!» И затѣмъ всѣ и прежде и вновь отпавшіе приглашаются къ соединенію и идутъ энергическія нападки на ученіе общественной церкви. «Послушайте! послушайте! взываетъ авторъ.—Вы, смиренныя, подъ игомъ праздности и тягости, воззрите сердечными очами въ зеркало дѣйствія божія! Такъ вы начали духомъ—хотите плотію кончить! говорите: «мы—Михайла Акинтича! Другіе говорятъ—мы Семенушкины! Другіе опять мы—Давыдовы, другіе—мы Лукьяна Петровича!» Не плотскіе ли есте: кто Михайла, кто Семенушки или Исая, или Лукьяна! Они только служители! Неужели

кто изъ нихъ возвышалъ себя болѣе и выше писанія! Не надѣясь! Духъ святой говоритъ, «таковыя живые апостолы, дѣлатели льстивые преобразуются въ апостолы Христовы! Не дивно, самъ сатана преобразуется въ ангела свѣтла и проч.» Тако и вы примете тѣхъ, кто васъ порабощаетъ, объѣдаетъ, напрасно оскорбляетъ! А кто величается, о таковыхъ Павелъ возвѣщаетъ: «Яко аще кто не хочетъ дѣлати, ниже да не асть. — Но слышимъ у васъ нѣкоторые живутъ праздно и таковыхъ повелѣваемъ дѣлать своими руками и ясти свой хлѣбъ и не отягчать прочихъ! Такъ у васъ есть оныя чины—упражняются въ дѣлахъ тщетныхъ, которыя, по писанію, совсѣмъ не нужны, но они ихъ ставятъ важными, дабы имъ было въ нихъ дѣло быть чинами и почтенными предъ людьми и жить на легкомъ пропитаніи! Но писаніе на ведетъ таковымъ и хлѣбъ давать, но чтобы сами трудились! А когда писаніе не велитъ, то надо слушать! Вы теперь посмотрите, сколько у васъ заведено книгъ разной записи, которыя совсѣмъ праздныя и въ божественномъ писаніи такихъ дѣлъ нигдѣ не было и неизвѣстно, съ чего вы взяли записывать милостыню, жертвы, моленіе, пѣніе, посты и всѣ добрыя дѣла ваши поставяете на видъ предъ людьми! Или думаете: Богъ не знаетъ вашихъ дѣлъ добрыхъ или забудетъ и не сможетъ право разсудить?! Нѣтъ ему извѣстна даже вся не содѣланная наша, колыми паче дѣла, слова и мысли наши! Если вы въ томъ увѣрены, то на что же записывать! Какъ фарисеи творили добрыя дѣла, чтобы людямъ было извѣстно, такъ и вы! Напрасно себе утруждаете! Какъ Христосъ сказалъ: не будетъ тѣмъ награды, которые отъ людей за то славу получили! Но эти дѣла дѣлаются у васъ потому, что чинамъ вашимъ безъ этого дѣлать нечего, а потому они эти дѣла производятъ, дабы имъ не остаться праздными! Это видится по св. писанію! Вы напрасно ихъ поставяете и честь, принадлежащую духу святому, имъ предлагаете, за то не останетесь безъ вины, что ихъ такъ возносите! Они напрасно радуются!»

Послѣ такого назиданія чинамъ общественной церкви и приглашенія смириться слѣдуетъ «Пророчество», въ которомъ предсказывается, что «скоро и очень скоро придетъ отъ Господа жестокъ ратникъ, мечъ острый неліцемерно носай...» убѣдить чиновъ общественной церкви въ ихъ заблужденіяхъ и заставить ихъ уступить «переднее мѣсто», которое они самовольно заняли, другимъ и, конечно, прыгунамъ. Тотъ же жестокъ ратникъ покараетъ общественниковъ больше всего за то, что «сами собою поставили судей и чиновъ, а духа святого уничтожили», и тѣ книги, которыя ведутся общими и въ которыхъ запи-

саны ихъ «нигины добрыя дѣла», будутъ выставлены на посрамленіе и обличеніе. «Тогда же явится духъ святой и создастъ Сионъ и произойдетъ такъ, какъ сказано въ книжѣ о раздѣленіи Сиона, а «это избраніе чиновъ совѣтъ останется»...

Видимо, однако, что авторъ писемъ и поученій оспариваетъ у общихъ только присвоенное ими «переднее мѣсто», во всѣхъ же остальныхъ отношеніяхъ крайне уступчивъ. «Если, говоритъ онъ:—вамъ общія имѣнія не въ тягость, то живите такъ, но если въ тягость, то возрите на Авраама и Лота, какъ они раздѣлились»... Авторъ даже соглашается допустить и всѣ прочія «выдуманности» общихъ, только внушаетъ онъ имъ: «имѣйте любовь со всею чистотою, а не такъ, какъ есть у многихъ пламенная любовь въ цѣлованіи сестеръ, у нихъ сливается отъ похотѣнія не токмо душа, но и тѣло! Это не любовь совершенная, но разжженіе. О, какъ тонокъ, какъ пронизателемъ выходитъ духъ лести, который считается духомъ любви! Очистите сердце ваше отъ оной любви, но творите лобзанія для сообщенія духа святаго со страхомъ и трепетомъ, въ чистотѣ духа, души и тѣла, и мыслей сердечныхъ, во истинѣ, въ дусѣ святѣ да будетъ съ вами благодать Господа нашего Иисуса Христа, любви Бога и Отца и общеніе св. Духа. Аминь».

IV.

Между тѣмъ, сектаторство разросталось, и прыгунское ученіе на Кавказѣ не было одиночнымъ явленіемъ. Въ 1855 году, выслано по суду изъ Саратовской Губерніи въ Закавказскій Край 23 семейства молоканъ «за новыя между ними толки». Ихъ поселили въ Шемахинской Губерніи, Ленкоранскомъ Уѣздѣ, въ 37 верстахъ отъ Ленкорана, при почтовой станціи Кизиль-Агачъ, близъ Каспійскаго Моря. Переселенцы, по прибытіи въ Закавказье, кромѣ новыхъ толковъ, принесенныхъ изъ внутренней Россіи, стали держаться еще новаго ученія—отрицанія личной собственности. Все имущество движимое и недвижимое должно было принадлежать общему «братскому союзу». Жилища строились этимъ братскимъ союзомъ и принадлежали ему. Помѣщались въ нихъ партіями въ нѣсколько человекъ, съ подраздѣленіемъ холостыхъ, семейныхъ, вдовцовъ, вдовъ и т. д. Союзъ выбиралъ старшинъ, гражданскихъ и духовныхъ, которые заведывали хозяйствомъ и имуществомъ братства, и распредѣляли занятія его членовъ. Свои нравственные и общественныя правила *общіе* извлекали, какъ разслѣдовало начальство, изъ произвольнаго тол-

ковані Евангелія. *Общіе* считали себя, подобно прыгунамъ, сіонцамъ и проч., *единственными христіанами* и избраннымъ отъ Бога народомъ для распространенія истинной вѣры христовой. Церковь свою они называли христовой. Затѣмъ, какъ и всѣ подобныя имъ сектаторы «общіе», по смыслу 20 главы Апокалипсиса, ожидали скорого наступленія 1000 лѣтняго царствованія, которое будетъ основано именно около Ленкорана, и сами то «общіе» будутъ первыя, которые наслѣдуютъ это царство. Въ селѣ Николаевкѣ, составлявшемъ главный центръ «общихъ», учреждена была школа для дѣтей отъ 7 до 12 лѣтъ, гдѣ обучались читать и писать, и вѣрѣ по своимъ правиламъ. Въ отношеніи пищи общіе придерживались Моисеева закона; воспрещалось употребленіе табаку, сахару и рыбьяго клея. Общіе, конечно, имѣли своего спеціальнаго мученика, въ тоже время своего Мессію. Это былъ Михаилъ Акинѣевъ Поповъ, основатель секты, уже сосланный въ Сибирь. По соображеніямъ общихъ, онъ-то и будетъ со временемъ ихъ царемъ и освободитъ ихъ отъ ига.

Общіе считались, по отзывамъ мѣстныхъ властей, вреднѣе мюлоканъ, собственно потому, что 1) правила опаго ученія сближаются съ ученіемъ о коммунизмѣ, 2) что послѣдователи секты этой находятся подъ деспотическимъ гнетомъ своихъ старшинъ и наставниковъ и 3) потому что, по правиламъ ученія, у нихъ гласно поощряется присоединеніе къ нимъ изъ другихъ сектъ.

По добытымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ въ 1853 году, всѣхъ послѣдователей ученія общихъ было въ Закавказскомъ Краѣ 1,300 мужчинъ, 170 женщинъ. Въ 1854 году было первыхъ 305, вторыхъ 340, всего 645. Кромѣ того, 185 душъ находилось въ другихъ мѣстахъ, именно въ Саратовской Губерніи и частью въ ссылкѣ въ губерніи Енисейской и Томской, и вотъ все, что *общіе* считали *своими*.

Въ серьезномъ ожиданіи наступленія 1000 лѣтняго царствованія, «общіе» нашли нужнымъ соединиться въ одномъ мѣстѣ, чтобы быть готовыми къ этой, съ часу на часъ ожидаемой, радости, и съ этою цѣлью подавали не разъ прошенія о поселеніи всѣхъ послѣдователей ихъ ученія въ сел. Николаевкѣ. Первое прошеніе было подано въ 1853 году. Просьба уважена не была но они продолжали свои домогательства. Кромѣ затрудненій чистоты мѣстныхъ, а именно недостатка земли, самыя взгляды кавказскаго начальства о возможности сосредоточенія всѣхъ общихъ въ Николаевкѣ не всегда были одинаковы, и возрѣнія различныхъ начальниковъ на этотъ вопросъ не сходились между собой. Намѣстникъ генераль Реедъ полагалъ возможнымъ исполнить просьбу общихъ; князь Воронцовъ и князь Барятинскій были про

тивооложнаго мнѣнія и находили это неудобнымъ уже потому, что, по собраннымъ свѣдѣнiямъ, 25 человекъ изъ числа общихъ находились или на поселенiи въ Сибири, или въ арестантскихъ ротахъ, и переселенiе ихъ въ Николаевку явилось бы, по мнѣнiю, власти, «вреднымъ учевiю ихъ послабленiемъ». Сколько извѣстно, впрочемъ, начальство было не прочь дозволить отчасти это переселенiе, но главнѣйшее затрудненiе заключалось въ недостаткѣ земли, которой числилось при сел. Николаевкѣ всего 277 десятинъ, а отъ окружающихъ татарскихъ деревень отрѣзать было нечего. Спрошенный по тому же поводу св. синодъ высказалъ по этому предмету свое мнѣнiе въ смыслѣ неблагопріятномъ для домогательства сектантовъ. Синодъ находилъ соединенiе всѣхъ общихъ въ Николаевкѣ вреднымъ уже потому, что такое поселенiе могло бы вызвать въ «общихъ» ту мысль, что секта ихъ правительствомъ признана и утверждена. Св. синодъ полагалъ еще, что сосредоточенiе всѣхъ «общихъ» въ одномъ пунктѣ дастъ имъ только больше средствъ къ усиленiю сектаторской дѣятельности, привлеченiю въ секту другихъ лицъ и сокрытiю совершаемыхъ преступленiй. Синодъ находилъ даже вреднымъ допускать дальнѣйшее существованiе въ с. Николаевкѣ школы, устроенной сектаторами, предлагалъ школу эту, какъ *средство распространенiя ереси*, уничтожить, а въ замѣнъ ея учредить особое полицейское управленiе для надзора за сектантами и для доставленiя православному священнику возможности безопасно исполнять миссiю обращенiя заблудшихся въ нѣдра православной церкви.

Послѣ долгихъ разсужденiй рѣшено было: 1) домогательства «общихъ» о совмѣстномъ жителствѣ всѣхъ послѣдователей этого ученiя въ Николаевкѣ оставить безъ удовлетворенiя и на будущее время прошенiй ось этомъ не принимать 2) школу оставить, но съ назначенiемъ учителя по одобренiю епархіальнаго начальства, 3) полицейскаго управленiя не учреждать, въ видахъ дороговизны его содержанiя, 4) подтвердить строжайшее воспрещенiе о распространенiи этой секты и подвести ее подъ одинъ разрядъ съ жидовствующими и 5) преслѣдованiе «общихъ» судбнымъ порядкомъ прекратить.

Къ тому же времени разрѣшена была участь сіонскаго *бача* в *пророка*.

Рѣшенiемъ 16 мая 1855 года, Уколъ Любавинъ приговоренъ на 8 лѣтъ въ арестантскiя роты инженернаго вѣдомства и прогнанiю сѣвозъ строй черезъ 500 человекъ два раза. Замѣчательно, однако, что въ приговорѣ не упоминалось ни слова о сектаторскихъ подвигахъ Любавина. Его судили просто, какъ бѣглаго

солдата, и совершенно игнорировали величание его себя пророкомъ и богомъ. Это служило еще разъ доказательствомъ правильности взгляда мѣстныхъ властей на сектаторскія заблужденія. Послѣ прогнанія севозъ строй, рѣшено было Укола Любавина отправить въ Ставрополь въ арестанскую роту № 51.

Настоящая фамилія Укола была Осипъ Петровъ Юдинъ. Воспитывался онъ въ оренбургскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ, откуда, вмѣстѣ съ другими, поступилъ, въ 1840 г., въ шемахинскую палату уголовного и гражданского суда писцомъ. Въ 1842 году, «за совращеніе изъ православія въ молоканство», былъ сужденъ и сосланъ въ сибирскій линейный баталіонъ № 62, куда прибылъ въ 1845 году. Тамъ прослужилъ рядовымъ до 1848 г. Въ августѣ этого года былъ отпущенъ въ гор. Красноярскъ на 1 мѣсяць для заработковъ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи мѣсячнаго срока, внесъ въ артель 50 руб. ассиг. Не выработавъ этихъ денегъ и боясь быть наказаннымъ, Юдинъ написалъ себѣ фальшивый билетъ отъ красноярской экспедиціи о ссыльныхъ и въ сентябрѣ бѣжалъ. Съ фальшивыми билетами, изготовляемыми имъ самимъ, бродяжничалъ онъ по разнымъ губерніямъ, и въ октябрѣ 1849 года явился въ Шемаху къ своему знакомому баталіонному писцу Осипу Герасимову, гдѣ временно проживалъ. Затѣмъ онъ опять ходилъ по заработкамъ и въ 1850 году, по совѣту Герасимова, отправился въ сел. Андреевку, куда явился и былъ принятъ подъ именемъ мѣстнаго жителя Укола Любофѣева. Водворившись въ Андреевкѣ, онъ прожилъ тамъ до іюля 1850 года. Еще разъ сходилъ на заработки и, возвратившись, былъ боленъ до 1852 года. Выздоровѣвъ, отправился на заработки въ Эриванскую Губернію. Тамъ, въ молоканскихъ селеніяхъ, съ нимъ начало происходить особое трясеніе тѣла, и въ такомъ состояніи онъ проповѣдывалъ покаяніе, почему тамошніе молокане, сначала въ насмѣшку, а потомъ съ самомъ дѣлѣ, стали признавать его пророкомъ, а нѣкоторые Іисусомъ Христомъ. Въ 1853 году, Любавинъ, хоть и былъ арестованъ за распространеніе новаго ученія, но сужденъ, какъ солдатъ «за побѣгъ, сокрытіе воинскаго званія, ложное наименованіе себя крестьяниномъ, составленіе фальшивыхъ видовъ и изворотливыя показанія.»

Выше уже упомянуто, что изъ всѣхъ закавказскихъ сектантовъ наиболѣе опасными считались «общіе» и, главнымъ образомъ, въ виду свойственнаго этому ученію коммунистическаго оттѣнка. Высшія мѣстныя власти весьма хлопотали о прекращеніи вслѣдствіи сношеній между закавказскими «общими» и тѣми, которые проживали во внутренней Россіи и особенно за-границей. Одна изъ

мѣръ для достиженія этого, которому предполагалось ввести тогда, было вскрытiе писемъ, адресованныхъ къ «общимъ», и непринятiя отъ нихъ никакой корреспонденци безъ удостовѣренiя полицiи.

Къ такой мѣрѣ, однако, не прибѣгли, усмотрѣвъ до приведенiя ея въ дѣйствiе крайнюю ея несостоятельность. Нельзя было не догадаться, что дѣло тутъ было не въ письмахъ и не въ почтѣ и что одни уже частыя отлучки сектантовъ съ мѣстъ ихъ жительства, въ силу ихъ извощичьей промышленности, давали имъ полную возможность корреспондировать между собою, не прибѣгая къ услугамъ почтовыхъ учрежденiй, и безъ ихъ помощи отправлять, и получать все, что требовалось.

Какъ замѣчено выше, сiонское ученiе распространялось чрезвычайно медленно и въ три года своего существованiя приобрѣло въ Эриванской Губернiи всего лишь нѣсколько семействъ послѣдователей въ Александропольскомъ и Новобаязетскомъ уѣздахъ. Встревожившись появленiемъ «новаго безумiя», начальство, на первыхъ порахъ, ограничивалось отобращенiемъ отъ сiонцевъ подписокъ о *непринадлежности* ихъ къ новому, хотя еще доподлинно неизвѣстному безумiю. Требовалось только всего, чтобы сiонцы, на вопросъ, принадлежить ли онъ къ сiонцамъ, отвѣчали: нѣтъ, не принадлежу, а держусь молоканскаго ученiя! и показанiю сiонца давалась полная вѣра. Между тѣмъ, было замѣчено, что разъ перешедшiе въ сiонство вообще не возвращались уже (за исключенiемъ 2—3 случаевъ) въ молоканство, и такимъ образомъ сiонство, хотъ и медленно, но распространялось. Время отъ времени начальство навѣдывалось о томъ, что подѣлываютъ сiонцы, и мѣстные полицейскiе начальники отбирали отъ нихъ подписки, а затѣмъ, признавая за собою какъ бы обязанность блюсти за исполненiемъ подписокъ, доносили, вопреки дѣйствительности, что сiонцы будто бы «заблужденiя» свои мало по малу оставляютъ и вновь примыкаютъ къ молоканству. О сел. Никитинѣ и Воскресенгѣ, гдѣ сiонство началось и укрѣпилось особенно сильно, Бамбакскiй участковый начальникъ даже доносилъ: что «по учиненному имъ самовѣрнѣйшему и секретному развѣдыванiю, оказалось, что молокане сел. Никитинки и Воронцовки, въ настоящее время, не продолжаютъ слѣдовать вновь образовавшейся вредной молоканской сектѣ (сiонству).» Въ 1857 году, сiонцы первый разъ официально названы «*тричунами*»; сами же они себя такъ и прежде не называли, и нинѣ никогда не называютъ. Въ этомъ именно году обнаружилось сильное движенiе между прыгунами, которые, уже не довольствуясь названiемъ сiонцевъ, стали величать себя «сектою духовъ», и съ этого вре-

мени распространённое прыгунство пошло довольно замѣтно. По собраннымъ тогда свѣдѣнiямъ, оказалось, что въ одномъ Новобаязетскомъ Уѣздѣ насчитывалось уже до 60 семействъ, слѣдовавшихъ новому ученiю, и главными прыгунскими дѣятелями въ этомъ уѣздѣ являлись слѣдующiя лица: въ сел. Еленовкѣ Савелiй и Ивлiй Минниевы, Пантелей Бирюковъ и Панфилъ Корякинъ, въ Константиновкѣ—Андрей Юдинъ, Никифоръ Сливинъ, Иванъ Егоровъ Волковъ и семейство сосланныхъ уже за прыгунство въ Дербентъ и обратно возвращенныхъ Федора Волкова, Ивана Агалцева и др., въ сел. Семеновкѣ—Никифоръ Трегубовъ; въ Александровкѣ—Евсей Дмитриевъ и братъ его Игнатъ, и только въ сел. Нижнихъ-Ахтахъ не было пока ни одного прыгуна. Всѣ поименованныя личности фигурировали по большей части въ роли *царей* своихъ импровизированныхъ духовныхъ царствъ. Начальство, узнавъ объ усиленiи движенiя въ прыгунскомъ мiрѣ, хотѣло было прибѣгнуть къ прежней мѣрѣ: подпискамъ о непринадлежности къ прыгунству, но сiюды дѣйствовали въ то время уже подъ влiянiемъ начавшаго свое прище Максима Рудометкина и, при первомъ требованiи властей, не только отказали въ выдачѣ подписокъ, но энергически при семъ заявили, что «готовы перенести тягчайшiя наказанiя и самую смерть, но подписокъ не дадутъ.» Тогда, по указанiю высшихъ властей, прибѣгнуто было къ мѣрамъ строгости и 13 человекъ подвергнуто аресту.

(Продолженiе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ДИЗРАЭЛИ-ВИКОНСФИЛДА.

VII.

Разсмотрѣнны нами черты политическаго характера Дизраэли, поклоненіе героическому началу, въ связи съ превозне сениемъ избранныхъ расъ и великихъ людей, восхваленіе теократическаго равенства въ сравненіи съ представительными и парламентскими порядками, наконецъ, неумѣренное и заносчивое прославленіе еврейскаго элемента, которому (какъ таковому) на дѣлѣ вовсе не принадлежитъ столь могущественная роль въ современной жизни Европы, какъ фантазируетъ авторъ—все это дѣлаетъ Дизраэли болѣе родственнымъ востоку, чѣмъ Европѣ. Онъ понялъ это и, вѣрный себѣ, выразилъ свою основную тенденцію какъ въ политикѣ—попыткою перенести на востокъ центр тяжести британской имперіи, такъ и въ литературѣ—романомъ «Танкредъ». Романъ этотъ, при появленіи на свѣтъ, былъ встрѣченъ частію равнодушно, частію насмѣшливо, несмотря на отдѣльныя превосходныя сцены, и, дѣйствительно, разсматриваемый просто, какъ произведеніе беллетристической фантазіи, онъ поражаетъ нелѣпостью и незаконченностью своей основной мысли. Между тѣмъ, этотъ именно романъ возбудилъ къ себѣ въ наше время наибольшее вниманіе, благодаря неожиданному осуществленію на нашихъ глазахъ нѣкоторыхъ содержащихся тамъ политическихъ сужденій. Конечно, успѣхъ романа «Танкредъ или новый крестовый походъ» не значитъ, чтобы европейскіе читатели, вслѣдъ за великимъ магомъ и чародѣемъ берлинскаго конгресса, убѣдились въ сильномъ, имѣющемъ возобновиться вліяніи Азіи, азіатскихъ идей на Европу, какъ было послѣ дѣйствительныхъ крестовыхъ походовъ. Вниманіе къ роману значитъ только, что силою событийъ востокъ пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія въ ходѣ всемірной исторіи и что замѣтны признаки броженія на азіатскомъ материкѣ, которые, быть можетъ, означаютъ начало его возрожденія. Японія рѣшительно цивилизуется на европейскій

ладъ, за исключеніемъ религіи. Китай, насильно вырванный изъ своего многовѣкового уединенія, благодаря войнѣ съ англичанами, переживаетъ сильный внутренній кризисъ. Нынѣшній Китай дошелъ до крайней степени соціального упадка, вслѣдствіе немощнаго многолюдства и бюрократическаго деспотизма, и затопляетъ волнами своей эмиграціи материкъ новаго свѣта. Индія цивилизуется англичанами на свой ладъ и все таки ихъ ненавидитъ. Постоянно усиливающееся соперничество двухъ сильнѣйшихъ азіатскихъ державъ, Англии и Россіи, и послѣдніе перевороты въ политическомъ существованіи Оттоманской Порты—завершаютъ собою рядъ моментовъ выдвигающагося на видное мѣсто движенія на азіатскомъ востокѣ. Но, очевидно, что процессъ броженія востока совершается въ обратномъ направленіи противъ рекомендуемаго Дизраэли. Онъ смѣшиваетъ два начала, совершенно противоположныя, когда говоритъ, что христіанство, сообщенное Европѣ Азіей, составляетъ высшее развитіе арабскихъ принциповъ, которыхъ будто бы Европа не оцѣнила. Древняя Азія отжила, передавъ Европѣ лучшее изъ выработанныхъ ею началъ, которыя и освѣщали европейскую жизнь много вѣковъ: во ихъ имя совершалось не мало подвиговъ любви къ человѣчеству, но во ихъ же имя пылали костры инквизиціи: которое изъ этихъ двухъ явленій больше соответствуетъ современной европейской цивилизаціи, и которое составляетъ воспоминаніе азіатскихъ принциповъ—указывать излишне. Дизраэли неправъ, также говоря, что «лѣтъ 50 назадъ» отъ «Танкреда» т. е. въ эпоху французской революціи, была попытка замѣнить арабскую религію европейской, и неудача этой попытки показываетъ бессиліе европейской цивилизаціи и въ особенности ненавистнаго ему 18 вѣка создать что-нибудь самостоятельное. Начала французской революціи гораздо ближе къ чистой идеѣ христіанства, чѣмъ инквизиція и азіатскій деспотизмъ съ завоевательными предпріятіями. Такимъ образомъ, если арабскіе принципы и служили свѣточемъ европейской жизни много вѣковъ, то все-таки къ европейскому складу они примыкаютъ лишь своею лучшею, гуманною стороною, которая и заняла свое мѣсто въ исторіи развитія европейскихъ идей; теперь же, если восточныя страны выдвинутся къ новой жизни (быть можетъ, и дѣйствительно къ первенству надъ европейскими, такъ какъ Азія имѣетъ за собой физическія, территоріальныя преимущества надъ Европою и сверхъ того европейскій опытъ), то только подъ влияніемъ выработанныхъ Европою началъ, которыя и вносятся туда съ разныхъ окраинъ, за исключеніемъ именно той, которую прославляетъ лордъ Биконсфильдъ: именно «колыбелью человѣчества».

Сирія и Аравія, не представляетъ признаковъ жизненности, кромя періодической рѣзни, хотя тамъ, по теоріямъ Дизраэли, основанселенія служатъ самыя высока одаренныя расы. Недостатки современной жизни, разумѣется, велики, въ особенности—осмѣиваемаго авторомъ британскаго парламентаризма, но когда послѣдній падеть, то едва ли замѣнится мормонскими и тому подобными порядками. Какъ бы то ни было, лордъ Биконсфильдъ старается служить британской конституціонной странѣ, но служить ей на особый образецъ, который легко можетъ вызвать ему проклятія потомства. Внѣшнимъ образомъ продолжая въ восточныхъ дѣлахъ политику Пальмерстона и Редклифа, опираясь на «британскіе интересы, онъ отличается особенною страстностію и систематичностію въ антагонизмѣ къ Россіи, раздуваетъ въ своихъ новыхъ соотечественникахъ духъ узкаго, мишурнаго патріотизма, мѣтко очерченнаго въ извѣстной читателямъ сатирѣ Дженкинса «Торжество Джинго». Этотъ новый духъ—духъ поклоненія успѣху и минутной, мелкой славѣ, увлекаетъ Англію даже на путь территориальныхъ прибрѣтений, совершаемыхъ на счетъ защищаемой ею Турціи. Напряженность борьбы, которую ведетъ Дизраэли, преслѣдуя свою цѣль, поразительна; но со времени крымской войны, и разстояніе между Англіей и Россіей въ Азіи чрезвычайно сократилось; понятно, что лордъ Биконсфильдъ, въ виду возможности индійскихъ усложненій, хочетъ подготовить, въ лицѣ англо-индійской имперіи, сильную военную монархію. Насчетъ характера будущаго столкновенія онъ не заблуждается, какъ это видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ «Танкреда». Обращеніе Англии въ великую азіатскую державу, съ соответственнымъ преобладаніемъ азіатскихъ ея интересовъ, воинственной политики надъ интересами рабочаго, европейскаго британскаго населенія, отвѣчаетъ давно набросаннымъ, смутнымъ, тогда же осмѣяннымъ проэктамъ самого Дизраэли. Это не можетъ не льстить самолюбію человѣка, вышедшаго изъ плебеевъ и имѣющаго въ крови восточную закваску: во всякомъ случаѣ, онъ ведетъ на поводу англійскую аристократію, эксплуатируя ея сословный эгоизмъ, и не безъ успѣха бравивируетъ даже такого честнаго и здравомыслящаго политическаго дѣятеля, какъ Гладстонъ. Служеніе пресловутымъ британскимъ интересамъ лордъ Биконсфильдъ постарался соединить съ практическимъ разъясненіемъ не менѣ пресловутой «великой азіатской тайны», на раскрытіе которой ѣдетъ въ Палестину молодой Танкредъ Монтэкультъ, напутствуемый, разумѣется, идеальнымъ евреемъ Сидоніей. Мистическій покровъ, накидываемый авторомъ на предпріятіе новаго крестоносца, не долженъ вводить насъ въ заблужденіе: на дѣлѣ «великая азіатская тайна»,

воздѣйствіе азіатской цивилизаціи на Европу и т. п., сводится къ коммерческимъ выгодамъ Англіи, захватывающей въ свои руки Малую Азію, и къ возвеличенію романиста-министра, въ силу его же теорій о великихъ людяхъ, составляющихъ воплощеніе даровитой расы. Мистическій характеръ предпріятія и самого романа не мѣшаетъ тому, что дѣятельность перваго министра Великобританіи, осуществляющаго проекты этого романа, выражается просто поклоненіемъ успѣху и кажущейся пользѣ: припомнимъ его крайнія утилитаристскія воззрѣнія на политику, высказанныя въ молодости. Но такъ какъ лично Дизраэли, кромѣ удовлетворенія честолюбію, ничего здѣсь не выигрываетъ, то эту, хотя и крайне неприглядную сторону его политики, нельзя ставить на одинъ уровень съ карьерою истыхъ политическихъ проходимцевъ, въ родѣ нѣкоторыхъ министровъ бывшей французской второй имперіи. Причемъ же поклоненіе юдаизму и теоріи о превосходствѣ расы въ современныхъ цѣляхъ политики британскаго премьера? Онъ прямо высказываетъ въ «Танкредѣ», что прогрессивное развитіе способностей чловѣка ни при чемъ въ дѣлѣ цивилизаціи, что исторія—миная наука, нивого ничему не обучающая, и что просто чередуются, смѣняя одна другую, расы, болѣе или менѣе одаренныя, выполняя то, къ чему предназначены и къ чему способны по крови. «Англія сдѣлалась рѣшительницею судебъ міра не въслѣдствіе прогрессивнаго развитія способностей ея обитателей, а благодаря качествамъ саксонской расы, и эта раса, охраняемая островнымъ положеніемъ Великобританіи, запечатлѣла на нѣтъшнемъ столѣтіи свой дѣятельный, методическій характеръ. Придетъ высшая раса, съ высшими идеями о трудѣ и общественномъ строѣ, тогда ея государство будетъ прогрессивнымъ, а англичане, быть можетъ, наслѣдуютъ участь странъ, находящихся нынѣ въ заупустѣніи». Итакъ, высоко одаренная англо-саксонская раса, подѣ главенствомъ какого-нибудь героя-избранника, должна соединиться съ другими высшими расами, какова арабская (и безъ сомнѣнія, еврейская), и развернуть свою дѣятельность въ Азію, которая была источникомъ первоначальнаго европейскаго просвѣщенія. Такой смыслъ должно видѣть въ романѣ «Танкредъ», причемъ предполагается, по мысли автора, что Европа отжила, одряхлѣла, раздирается внутренними смутами, и что ея, такъ называемой, цивилизаціи идти болѣе некуда. Вся умственная и политическая жизнь вернется также въ Азію, а Европа, вѣроятно, предана будетъ одичанію (за исключеніемъ, конечно, англо-саксонской расы). Не въ пользу переживаемой Европою эпохи говорить то, что теперь подобныя фантазіи читаются и

обсуждаются: должно быть, въ послѣднія 30 лѣтъ Европа дѣйствительно вступила въ періодъ героическихъ событій. Однимъ изъ признаковъ такого поворота послужила дѣятельность Дизраэли, и какъ писателя и какъ государственнаго человѣка. Хотя востокъ—любимое дѣтище лорда Биксонфильда, но къ Турціи онъ относится далеко не вездѣ снисходительно. Правда, въ «Контарни Флемингъ» восхваляется султанъ Махмудъ II, какъ крупный реформаторъ, взявшій себѣ за образецъ Петра Великаго, и признавшій равноправность за всѣми своими подданными безъ различія вѣроисповѣданій, восхваляются также добродѣтели турокъ, принадлежащихъ къ высшему классу, и порицается «хлопотство» грековъ, «хотя они уже болѣе не рабы», но въ «Танкредѣ», при сравненіи съ излюбленными авторомъ арабами и евреями, о туркахъ говорится съ пренебреженіемъ. Повидимому, турки признаются сравнительно высшею расою только въ свѣтѣ европейскихъ владѣніяхъ; въ Азіи же они отступаютъ на второй планъ и даже винятся авторомъ въ томъ, что довели до упадка нѣкогда прекрасную страну. Предчувствуя возможность вопроса: почему столь совершенныя расы сами не возвысятъ опять процвѣтавшій нѣкогда край, покрытый развалинами славнаго прошлаго, авторъ, въ лицѣ Сидоніи, разъясняетъ: «Раса можетъ выродиться. Почему нынѣшніе египтяне не выстроитъ другихъ Оивъ и не могутъ вытесать колоссальныхъ храмовъ? Упадокъ расы неизбеженъ, необходимъ, если только она не живетъ въ пустынѣ и не охраняетъ свою кровь отъ постороннихъ примѣсей». Только расы, удовлетворяющія этимъ условіямъ, т. е. арабы и примыкающіе къ нимъ евреи, помогутъ современнымъ англичанамъ вырваться изъ-подъ вліянія глетворной европейской цивилизаціи, если англичане возьмутъ на себя попеченіе объ этихъ странахъ. Исходнымъ пунктомъ ориентализированія англійской монархіи должна быть Индія. Отсюда изобрѣтеніе индійской имперіи, отсюда раздуваніе противъ Россіи джунгоизма англичанъ, которые не видятъ, что подобными химерическими прозетами тормозится развитіе ихъ внутренняго благосостоянія.

Содержаніе романа «Танкреда», о которомъ еще недавно съ одобреніемъ отзывался самъ авторъ, лордъ Биксонфильдъ, не представляетъ ничего глубокаго и цѣльнаго. Въ угоду своимъ кореннымъ взглядамъ, Дизраэли назвалъ свой оригинальный романъ «новымъ крестовымъ походомъ», но этотъ походъ нужно понимать нѣсколько иначе. Молодой Танкредъ Монтэкьютъ, наслѣдникъ древней британской фамиліи и громаднхъ ея богатствъ, уразумѣлъ всю суетность, неудовлетворительность, неправдивость

окружающаго его политическаго порядка, несообразность его съ вѣчными истинами откровенія, и рѣшился ѣхать въ Палестину за вдохновеніемъ, которое указало бы ему, гдѣ социальная правда и въ чемъ политическая справедливость. Конечно, обладая богатствами, имѣя, по рожденію, право на видную политическую карьеру, онъ бы могъ приложить свои таланты и знанія на пользу своего отечества, провести общепользныи законъ, дать землю своимъ фермерамъ и т. п. (замѣчательно, что въ минуту опасности, при стычкѣ съ бедуинами, когда Танкредъ нуждается въ помощи своихъ двухъ слугъ, Фримена и Трюмена, онъ говоритъ имъ: «Ну, если мы останемся живы, то вы будете жить на собственной землѣ»). Но такой мирный подвигъ слишкомъ прозачтенъ и простъ, а Танкредъ хочетъ быть героемъ, какъ того требуютъ идеалы автора. Онъ хочетъ узнать причину упадка Европы, а такъ какъ авторъ, въ лицѣ Сидонія, не раздѣляетъ мнѣнія о важности экономическихъ причинъ того или другаго состоянія страны, то, конечно, Танкреду остается искать вдохновенія свыше. Но вообще Танкредъ, по характеру, по поступкамъ—вовсе не англичанинъ, а еврей *pur sang*. Онъ даже молится на горѣ Синаѣ «Богу Моисееву» и получаетъ (какъ ветхозавѣтные пророки) видѣніе, въ родѣ ангела, который утверждаетъ его въ той мысли, что нужно искать теократическаго равенства и что такое благо можетъ дать только Азія. Еврей Сидонія напутствуетъ Танкреда совѣтами, рекомендаціями, неограниченныиъ кредитомъ у банкира Бессо, такъ какъ все это необходимо для открытія «великой азіатской тайны». Но прежде ея открытія, Танкреду довелось испытать на себѣ неудобства жизни востока. Онъ неосторожно съ перваго разу обнаружилъ свое богатство великолѣпныиъ нарочныиъ богослуженіемъ въ латинскомъ храмѣ св. гроба и тѣмъ возбудилъ говоръ и жадность въ пестрой, разнородной толпѣ мѣстнаго люда, изъ котораго выдается эмиръ Факрединъ, толкующій о европейской политикѣ веривъ и вкось и мечтающій, подъ вліяніемъ недавнихъ успѣховъ Мегемета-Али египетскаго, создать для себя Сирийскій тронъ. Но, такъ какъ для этого нужны оружіе и деньги, а заключить заемъ Факредину не удастся, то онъ и составляетъ проектъ захватить Танкреда живьемъ въ плѣнъ по дорогѣ, чтобъ взять хорошій выкупъ съ «брата англійской королевы». Танкредъ попадаетъ въ плѣнъ, выноситъ разныя превратности восточной судьбы, но избавительницею его является еврейка Ева, съ которою онъ раньше встрѣтился въ Венеціи и которая его побѣдила въ ученомъ разговорѣ о преимуществахъ еврейской религіи надъ христіанскою. Ева—молодая сестра Факредина и дочь банкира Бессо, которому Танкредъ былъ пору-

ченъ Сидоніей. Затѣмъ Танкредъ посѣщаетъ гористую страну ансаріевъ, знакомится съ царицей Астартой, которая въ него влюбляется и предлагаетъ ему раздѣлить съ ней престолъ. Отъ любви царицы Танкредъ отказывается, но путешествіе въ землю ансаріевъ даетъ ему возможность ознакомиться съ сохранившимся въ этомъ уголкѣ языческимъ культомъ олимпійскихъ боговъ. Затѣмъ, онъ сражается съ турецкими войсками, пришедшими для покоренія земли ансаріевъ, раненъ и кончаетъ свою эпопею тѣмъ, что признается въ любви Евѣ, которая попала въ плѣнъ къ ансаріамъ и едва не была лишена жизни по приказанію Астарты, но во время спасена Факрединомъ. На этомъ застаютъ увлекающагося юношу отецъ и мать, герцогъ и герцогиня Баллемонть, пріѣхавшіе въ Іерусалимъ, и на этомъ же обрывается романъ. Поворотнымъ пунктомъ романа должно считать явленіе Танкреду на горѣ Синаѣ ангела, возвѣщающаго ему начала, дальше которыхъ, разумѣется, идти нельзя. Достоинствомъ романа служатъ множество характерныхъ восточныхъ сценъ и типовъ, а приманкой настоящей минуты—разсужденія различныхъ восточныхъ личностей объ отношеніи Англіи къ востоку и ея интересахъ на востокѣ. Мы приведемъ нѣсколько такихъ сценъ въ сокращенномъ изложеніи.

VIII.

Молодой эмиръ Факрединъ вошелъ въ палатку Евы и бросился къ ея ногамъ.

— Я пріѣхалъ въ Іерусалимъ вчера на закатѣ солнца. Крайне нужно видѣть васъ, сказалъ онъ на ея вопросъ.—Я съ хорошими извѣстіями, только жаль, что иностранные консулы остановили затѣянную мною междоусобную войну, а дѣло мнѣ стоило сто тысячъ піастровъ. Раньше этой проклятой мирной интриги, Ливанская гора была въ смутахъ больше, чѣмъ когда-нибудь, и Порты, поддерживаемая сэромъ Каннингомъ, противилась управленію какого бы то ни было принца изъ нашего дома.

— Такъ это-то вы называете хорошими извѣстіями?

— Разумѣется. Во-первыхъ, это удерживаетъ моего дядю, эмира Бешира, и его сыновей плѣнниками въ Семибашенномъ замкѣ. Я послалъ къ дядѣ съ предложеніемъ выплачивать ему съ сыновьями пожизненно 200,000 піастровъ въ годъ, если они представятъ Портѣ, что никто иной, кромѣ принца изъ дома Шехаба, не въ состояніи замирить Ливанъ и управлять имъ, и что для этой дѣли они готовы отречься отъ своихъ правъ въ пользу какого-нибудь другого члена фамиліи. Въ томъ же смыслѣ

я дѣйствую и на Рнза-пашу, я ему разъясняю, что нзъ всѣхъ принцевъ дома Шекаба эмиръ Факредннъ всего болѣе пригоденъ для отстанваня интересовъ Порты, потому что онъ обладаетъ высокими качествами; качества эти доказываются тѣмъ, что я гарантирую визирю весь доходъ за первый годъ съ моего княжества, если получу брать. Наконецъ, Факредннъ—единственный добрый мусульманннъ нзъ принцевъ дома Шекабъ.

Ева напомнила собесѣднику, что всего два мѣсяца назадъ, онъ послалъ посольство въ Парнжъ, объявляя себя хрнстанскимъ принцемъ, защитникомъ вѣры и привилегнй маронитовъ.

— О, что касается до этого, Ева, то вы должны помнить, что я стремлюсь къ власти, и тогда мнѣ придется управлять маронитами-хрнстанами, метуалисами-магометанами, ансарями-язычниками, и друзьями, немѣющимися никакой религнй. Мой домъ древнѣе дома Османа. Мы прямо происходимъ отъ знаменонсца пророка; наши предки сдѣлались хрнстанами, чтобъ замнрнть маронитовъ. Развѣ въ Европѣ англійскнй или французскнй принцъ, добывающнйся трона, поколеблется перемѣннть религнй? Зачѣмъ же стѣсняться мнѣ? я придерживаюсь той религнй, какую указываетъ мнѣ скипетръ. Не понимаю, почему бы мнѣ и не мѣннать ее, смотря по тому, въ какую часть Ливана я провѣжаю. Въ чемъ же и польза принадлежать къ древней фамилнй, если не имѣть наготовѣ авторнтетъ какого-нбудъ предка для оправданя всякаго предрасудка, религнознаго или политическаго, какой только требуется по обстоятельствамъ?

— Ахъ, Факредннъ, сказала Ева, качая головой, у васъ нѣтъ самоуваженя.

— Ни у одного снрнйца нѣтъ его. Оно для насъ не годится. Вы арабской крови, тамъ, въ пустынѣ, это встати. Самоуважене—предрасудокъ прошлыхъ временъ, дѣло крестовыхъ походовъ. Къ нашимъ временамъ оно не пристало, никто теперь не обладаетъ такимъ выдающимся значенемъ, чтобъ имѣть самоуважене. Принцы теперь не имѣютъ никакой цѣны, пока не заключили займа. Помогите мнѣ заключнть заемъ, и тогда принцъ получитъ должное значене. Вотъ въ чемъ дѣло.

Тутъ Факредннъ разсказалъ о своихъ неудачныхъ домогательствахъ у Абердина и Гнзо и вызвалъ замѣчане добродѣтельной Евы, что подобные происки поворны и что интриги погубатъ са-мого эмира.

— Интриги! воскликнулъ эмиръ, вскакивая:—да интриги — жизнь! Въ нхъ все дѣло. Вы думаете, Гнзо и Аберднну удалось сдѣлаться министрами безъ интриги? А Рнза-паша и Мегемедъ-Али? Вы думаете, Каннннгъ (Редкнлнфъ, англнйскнй посолъ) не

интригуешь? Его бы отозвали въ недѣлю времени, еслибы онъ не интриговалъ. У меня теперь въ замѣѣ сидитъ одинъ изъ его агенто́въ, котораго я заставляю писать для англичанъ все, что мнѣ заблагоразсудится. Интрига! Англія пріобрѣла Индію интригою. Она и теперь интригуешь въ Пенджабѣ. Чтобы добиться успѣшнаго результата, нужны комбинаціи, а вы, Ева, эти комбинаціи называете интригою.

Тутъ Факрединъ подробно изложилъ свои планы сближенія съ Франціей чрезъ патриарха Ливанскаго и де-Буркенэ, при помощи деклараціи въ пользу его, Факредина, отъ вождей маронитовъ и при безмолвномъ содѣйствіи друзовъ, т. е. посредствомъ обмана тѣхъ и другихъ—все для того, чтобъ основать нѣзъ Ливанской горы королевство.

— Когда Ибрагимъ-паша составилъ планъ обезоруженія Ливана, марониты, подъ вліяніемъ своихъ священниковъ, попали въ ловушку, а друзы благоразумно ушли прочь съ ружьями. Порта, разумѣется, ничего не сдѣлаетъ для маронитовъ, она не хочетъ даже дать имъ ружья, и потому я рѣшился самъ сдѣлать это. Караванъ готовъ. Шерифъ-эффенди досталъ мнѣ 5,000 английскихъ ружей, и я уже условился съ бедуинами. Ружья доставятся на Ливанъ. Нужно только заплатить 200,000 піастровъ этому египетскому верблюду, Шерифу-эффенди, а до тѣхъ поръ онъ не выдастъ ни одного ружья.

— А сколько теперь у васъ есть, Факрединъ, изъ этой суммы?

— Ни одного піастра. Мои жатвы проданы уже на будущій годъ; мои драгоценности пошли въ ходъ. Нѣтъ ни одной собаки на улицахъ Бейрута, у которой бы я не занималъ денегъ. Риза-паша — это такая губка, которая способна высушить цѣлое галилейское озеро.

— Но, въ концѣ концовъ, эти ружья бесполезны; вѣдь вы не думаете же о возстаніи?

— Нѣтъ; но марониты могутъ перессориться съ друзами, порѣзать горло одни другимъ, тогда къ Ливану совѣсьмъ трудно будетъ подступиться, и англичане не найдутъ покупателей для своего каленкора. Лордъ Пальмерстонъ выскажетъ порицаніе министру въ совѣтѣ, и я отплачу Абердину за то, что онъ показалъ Гизо письмо моего агента. Торговцы каленкоромъ будутъ призывать принца изъ дома Шехаба. Риза-паша предложитъ меня. Буркенэ не промолвитъ ни слова, а Каннингъ, вида, что попался въ просакъ, напишетъ ноту изъ красивыхъ фразъ о европейскомъ мирѣ и о благосостояніи Ливана, и дѣло кончено.

Затѣмъ, Факрединъ проситъ Еву похлопотать о деньгахъ у отца ея Бессо, основываясь на томъ, что предокъ его, Факре-

дина, былъ знаменосцемъ пророка, пророкъ—потомкомъ Измаила, а Измаиль и Израиль были братья, что самъ Факрединъ, питавшійся молокомъ матери Евы—еврей, и въ заключеніе излагаетъ слѣдующій планъ:

— Молодой англійскій лордъ, что пріѣхалъ на этой недѣлѣ въ Иерусалимъ и имѣетъ неограниченный кредитъ на ванаго отца, богатъ такъ, что могъ бы купить цѣлый базаръ въ Дамаскѣ. Онъ отправляется на гору Синай. Это не пилигримство, потому что англичане, въ сущности, не евреи и не христіане, но придерживаются собственной религіи, которая каждый годъ составляется ихъ епископами въ такъ-называемомъ парламентѣ, въ родѣ собранія муфтій. Что еслибы одно изъ племенъ, повинующихся вашему дѣду, взяло въ плѣнъ этого англичанина при переѣздѣ чрезъ пустыню. Какой выкупъ! Пусть Ибрагимъ, Луи Филиппъ, самъ Пальмерстонъ составятъ комбинацію получше этой. Англійскій лордъ заплатитъ Шерифу-эффенди и за ружья и за провозъ ихъ на Ливанскую гору.

Замыселъ Факредина осуществляется помимо вѣдома Евы, при помощи ея дѣда по матери, шейха Амалека. Пока Танкредъ находился въ плѣну, Факрединъ сошелся съ нимъ и, по своей увлекающейся натурѣ очаровался его наружностью, высокими нравственными качествами, задумчивой и спокойной осанкой. Вооруженіе маронитовъ сдѣлалось предметомъ второстепеннымъ въ сравненіи съ полученіемъ дружбы Танкреда. Послѣдній сталъ развивать ему свои взгляды на интриги, какими Факрединъ достигалъ задуманныхъ цѣлей: «Система интригъ устарѣла и въ Европѣ. Это одинъ изъ предразсудковъ, оставленныхъ несчастнымъ XVIII-мъ столѣтіемъ, когда аристократія господствовала во всемъ христіанскомъ мірѣ. (Мы живемъ въ иную эпоху, когда получили важность народныя симпатіи; теперь нужно обращаться къ народу, какъ дѣлали герои, пророки и законодатели древности. Если вы хотите освободить свою страну, то это должно дѣлать не посылкою тайныхъ посланцевъ въ Парижъ или Лондонъ, города, сами, быть можетъ, обреченные паденію; вы должны дѣйствовать, какъ Моисей и Магометъ. Если только вы действительно желаете быть княземъ Ливанскимъ, то можете добиться успѣха, быть можетъ, даже съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ теперь. Міръ никогда не былъ завоеванъ интригой; онъ былъ побѣжденъ вѣрой».

— Я не нахожу, продолжалъ Танкредъ съ необычайнымъ одушевленіемъ:—ничего привлекательнаго въ покореніи міра для того, чтобы утвердить какую нибудь династію: династія, какъ все на свѣтѣ, исчезаетъ. Покорить міръ должно для того, чтобы вода-

рять не человека, а идею—идея существуетъ всегда. Но какую идею? Вотъ вопросъ. Среди крушенія разныхъ религій, распаденія царствъ, французскихъ революцій, англійскихъ реформъ, агоніи католицизма, судорожныхъ потрясеній протестантства, Европа, раздираемая раздорами, требуетъ возрождающаго слова. Если Азія находится въ упадкѣ, то Европа несомнѣнно въ смятеніи.

— Я думаю о томъ, сказалъ Факрединъ задумчиво:—какъ мы въ Сиріи можемъ достигнуть того, чтобъ имѣть вѣру во что-нибудь. Вотъ я вѣрилъ въ Мегемета-Али, но онъ турокъ, и это его подорвало. Еслибы, вмѣсто того, чтобъ быть мятежнымъ пашей, онъ всталъ во главѣ арабовъ и оживилъ калифатъ, тогда вы бы увидѣли что-нибудь серьезное. Степныя племена—это самумы, хамсинъ, нѣчто роковое, неодолимое. Арабы всегда молоды: это единственная раса, которая не вырождается.

— Еслибы я былъ арабомъ не по религій только, но и по происхожденію, сказалъ Танкредъ:—то не потратилъ бы жизнь на проекты—какъ управлять горными племенами.

— Вотъ что я вамъ скажу, воскликнулъ эмиръ вскакивая съ дивана и бросая трубку своего наргиле въ другой конецъ палатки:—дѣло въ нашихъ рукахъ, нужна только энергія. Есть такая комбинація, которая совершенно переиживаетъ обликъ міра и возвратитъ востоку господство. Видите-ли, какъ ни переворачивайте дѣло, ясно одно—съ Англійей покончено. Есть три вещи, которыя сами по себѣ должны ее разрушить. Во-первыхъ, присвоеніе себѣ О'Коннелемъ доходовъ съ цѣлой половины владѣній королевы. Во-вторыхъ, хлопокъ: міру начинается надобность этотъ хлопокъ, всѣ предпочитаютъ шелкъ. Я увѣренъ, что со временемъ Ливанъ могъ бы снабдить шелкомъ цѣлый свѣтъ, если будетъ управляться, какъ слѣдуетъ. Въ-третьихъ, паръ, съ которымъ ваши большіе корабли сдѣлались тѣмъ-то вродѣ Ноева ковчега. Вы должны осуществить въ обширномъ размѣрѣ то, что было сдѣлано въ Португаліи: малое, истощенное положеніе промѣнять на обширную, изобильную имперію. Пусть англійская королева соберетъ большой флотъ, захватитъ свои сокровища и драгоценное оружіе и, въ сопровожденіи всего своего двора и лучшихъ людей изъ народа, перенесетъ свою резиденцію изъ Лондона въ Дели. Тамъ она найдетъ обширную имперію, уже готовую первоклассную армію, огромные доходы. Я тѣмъ временемъ улажу дѣло съ Мегеметомъ Али. Онъ получитъ Багдадъ и Месопотамію и двинетъ бедуинскую конницу на Персію. Я позабочусь о Сиріи и Малой Азіи. Справиться съ афганами можно только при посредствѣ Персіи и арабовъ. Мы признаемъ императрицу Индіи своимъ свереномъ и обеспечимъ ей берегъ Леванта. Она

будетъ обладать, если захочетъ, Александріей, какъ теперь владѣетъ Мальтой: это можно уладить. Ваша королева молода, передъ ней будущность. Абердинъ и Пилъ никогда не подадутъ ей такого совѣта. Ихъ взгляды сложились, они слишкомъ стары, слишкомъ хитры. Но вы посмотрите: вѣдь это будетъ величайшая имперія, какая только существовала на свѣтѣ! И дѣло очень практичное: самая трудная часть сдѣлана—завоеваніе Индіи, которое остановило самого Александра! А кромѣ всего этого, ваша королева избавится и отъ помѣхи въ лицѣ своихъ палатъ!

Вотъ еще одна сцена, дополняющая изложенные прозеты образованія новой Македонской имперіи. Разговоръ идетъ въ арабской кофейнѣ въ Іерусалимѣ по поводу захвата въ плѣнъ Танкреда.

— Не слышали-ли чего? спросилъ еврей-торговецъ Баризи консула Пасквалиго, входившаго въ его диванъ, гдѣ обыкновенно собиралась компанія, дней черезъ десять послѣ отъѣзда Танкреда изъ Іерусалима на гору Синай.

— Слыхалъ то, что теперь уже всѣ знаютъ, отвѣчалъ Пасквалиго:—и еще то, чего никто не знаетъ.

— Такъ вы знаете, сказалъ Баризи:—умышленно или случайно былъ убитъ англійскій принцъ?

— А, сказалъ Пасквалиго, до котораго не дошло еще никакихъ извѣстій:—это важный вопросъ.

— Но отъ этого все зависитъ, сказалъ Баризи:—если онъ убитъ случайно, то начнутся переговоры; но дѣло все-таки плохо. Англіи нуженъ Кипръ, и сна возьметъ его въ видѣ вознагражденія. Если же это—дѣло злого умысла, то будетъ война. Произойдетъ кризисъ, хотя не надолго. Первый вопросъ: кому принадлежитъ арабская пустыня: Портѣ или вице-королю? Я говорю, что Египту; мой братъ—что Портѣ, а по мнѣнію нашего соплемянника, Рафамла Тафны, ни тому, ни другому. Бедуины независимы.

— Но они не признаны, замѣтилъ Пасквалиго:—безъ дипломатическаго существованія они ничто. Англія возложить отвѣтственность на всѣ сосѣднія государства, какія только признаны. Весь турецкій гарнизонъ выступить изъ города въ пустыню.

— Арабы истребятъ вашъ турецкій гарнизонъ, сказалъ Баризи, смѣясь:—когда власть была въ рукахъ Мегемета-Али, тогда степныя племена еще были довольно спокойны. Но турки, даже въ свои лучшія времена, никогда не могли справиться съ арабами.

— Тогда Англія призоветъ египтянъ, сказалъ Пасквалиго.

— Да! возразилъ Баризи:—англичане пошлютъ военный корабль

съ протоколомъ и одного изъ своихъ лордовъ, знакомаго съ моремъ. Они приказуютъ нашѣ истребить арабское племя, которое умертвило брата ихъ королевы. Паша скажетъ, что когда онъ былъ въ Сиріи—ничего подобнаго не случилось, и спрячетъ протоколъ въ свой тюрбанъ. Это не удовлетворитъ Пальмерстона; онъ прикажетъ...

— Пальмерстонъ тутъ не причемъ, возразилъ Пасквалиго:—онъ больше не Рейссъ-эффенди; онъ въ изгнаніи, губернаторомъ острова Уайта.

— Онъ будетъ вызванъ для этой цѣли, возразилъ Баризи.—Англичане не предпримутъ войны въ Сиріи безъ Пальмерстона. Но англичане не будутъ дѣлать опять дѣло турокъ даромъ. Они возьмутъ нашъ городъ и удержатъ его. Имъ нуженъ новый рынокъ для хлопка. Вспомните мои слова: Англія до тѣхъ поръ не удовлетворится, пока жители Іерусалима не будутъ носить каленкорovýchъ тюрбановъ.

Этимъ почти исчерпываются главнѣйшія политическія откровенія въ Танкредѣ. Великая азіатская тайна, рекомендуемая лордомъ Биконсфильдомъ, не оправдываетъ своего громкаго названія. Европа, быть можетъ, дѣйствительно находится въ мукахъ рожденія, какъ говорилъ Танкреду ангелъ на Синаѣ, народы волнуются, но не потому, чтобъ гонялись задругими богами, въ родѣ упоминаемыхъ ангеломъ. Причины волненій кроются глубже и не съ теоріями Танкреда исцѣлить ихъ. Азія можетъ оказать услугу Европѣ, но лишь только ту, какую оказывали послѣдней и другія части свѣта, т. е. быть вмѣстѣлищемъ излишнихъ элементовъ, не находящихъ себѣ мѣста въ нашей части свѣта. Но даже и это Азія можетъ выполнять лишь въ ограниченной степени: у нея самой міриады желтаго населенія, бѣгущаго отъ тѣхъ самыхъ порядковъ, которые прельстили Танкреда. При томъ же, со времени появленія «Танкреда», далеко ушли впередъ — европейская наука, ея выводы и приложенія къ разнымъ областямъ жизни, даже къ войнѣ. Слѣдовательно, и матеріальная и умственная силы даютъ перевѣсъ Европѣ, которая можетъ возродить когда-нибудь и Азію.

IX.

Если въ «Танкредѣ» Дизраэли изобразилъ права нынѣшнихъ торійскихъ правителей Англіи на популярность посредствомъ энергической внѣшней политики, то въ цѣломъ рядѣ литератур-

ныхъ произведеній, со времени своего избранія въ парламентъ и даже нѣсколько ранѣе, онъ доказывалъ права торійской партіи, реформированной по мысли автора, на титулъ народной партіи внутри страны. Онъ началъ съ осмѣиванія и униженія тѣхъ дѣятелей либеральной партіи, которые болѣе всего ему были ненавистны. Мы уже упоминали о «Письмахъ Руннимеда», жалкомъ, блѣдномъ подражаніи знаменитымъ письмамъ Юніуса. Въ нихъ анонимный авторъ ополчается на Мельбурна, Брума, Пальмерстона, О'Коннеля и другихъ. Слогъ писемъ желченъ до неприличія и иногда переходитъ въ простыя ругательства. Только къ Роберту Пилю, который считался, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, опорой консерваторовъ, авторъ относится съ нѣжностью, называя его «единственной надеждой страдающаго народа», «любѣзномъ», призваннымъ низложить «ужаснаго дракона, который опустошаетъ наши поля, отравляетъ фонтаны, грозитъ нашей цивилизаціи». Впослѣдствіи, Дизраэли сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ Пилля. Негодованіе «Руннимеда» за отступничество нѣкоторыхъ вигистскихъ дѣятелей отъ прежнихъ политическихъ мнѣній такъ велико, особенно на тотъ случай, когда перемѣна политическихъ мнѣній сопровождается выгодными послѣдствіями для отступника, что біографъ Дизраэли иронически признаетъ невозможною тождественность «Руннимеда» съ Дизраэли. (Хотя вопросъ объ авторѣ писемъ «Руннимеда» окончательно не рѣшенъ, но указываютъ на Дизраэли, судя по политическимъ приемамъ автора, по причинѣ крайней рьяности и нетерпимости консервативныхъ мнѣній, свойственныхъ вообще неофитамъ, и по сходству стиля съ остальными его произведеніями). Особенно ѣдкостью отличаются нападки на Пальмерстона, «женоподобнаго лорда Фанни дипломатіи», который, съ веселымъ комплиментомъ, заигрываетъ съ Франціей, грозя Россіи «благоуханной палкой». Дизраэли всегда питалъ особенную ненависть къ Пальмерстону, быть можетъ, потому, что тотъ видѣлъ его насквозь. «Руннимедъ» вообще охраняетъ церковь, государство, и т. п. отъ виговъ и ирландскихъ авантюристовъ, расчищая поле политики для торійской партіи. Болѣе подробнаго разсмотрѣнія не заслуживаютъ ни эти письма, ни написанная около того же времени «Защита конституціи», гдѣ встрѣчаются такого рода выраженія, какъ «свободное и демократическое царство Англіи», «тори или національная партія», «здравый смыслъ и великій духъ Георга III, который всталъ во главѣ націи», «парламентская тиранія или олигархія», породившая на свѣтъ виговъ и т. п.; вообще терминологія очень знакомая, имѣющая цѣлью доказать, что король-патріотъ заботится о благѣ на-

родныхъ массъ, если ему не мѣшаютъ правящіе классы: противъ такой теоріи вообще можно спорить или можно соглашаться съ ней, но, во всякомъ случаѣ, нельзя утверждать завѣдомую неправду, говоря, что полупомѣшанный король, какимъ былъ Георгъ, могъ заботиться о народѣ во время своимъ свѣтлыхъ промежутковъ. Но затѣмъ, въ этомъ произведеніи, есть и нѣчто положительное: прославляя память всегдашняго своего идола, Болингброка, Дизраэли хвалить его именно за то, что онъ вычеркнулъ изъ торизма всё нелѣпна и ненавистна ученія, случайно имъ усвоенна, ясно изложилъ его существенный и постоянный характеръ, поставилъ на должную основу изложение Іакова и воцареніе Георга, указалъ новыя начала торійской партіи и тѣмъ проложилъ ей путь «къ будущей власти и популярности, которая всегда принадлежитъ политикѣ правительства, проникнутаго духомъ нашихъ древнихъ свободныхъ учреждений». Приведенныя строки замѣчательны тѣмъ, что категорически отрицаютъ у торійской партіи ея основныя черты и придаютъ ей, по мнѣнію автора, тотъ характеръ партіи «истинно демократической», который Дизраэли постоянно старался утверждать какъ въ самыхъ первыхъ своихъ рѣчахъ въ Уайкомбѣ, такъ и при проведеніи парламентской реформы въ 1867 году, оставаясь, въ сущности, монархистомъ стараго образца. Извѣстно, что только благодаря такому отступничеству отъ старинныхъ торійскихъ началъ и возможно было достиженіе консерваторами власти въ послѣднюю четверть столѣтія. Новыя торійскія или консервативныя взгляды должны были на первыхъ же порахъ выдержать столкновение съ дѣйствительностью; мы видимъ попытки Дизраэли въ этомъ смыслѣ, какъ въ парламентской дѣятельности, такъ и въ романахъ, посвященныхъ изображенію «новаго поколѣнія». Если соединеніе интересовъ монарха съ народными массами было лозунгомъ новыхъ торійскихъ взглядовъ Дизраэли, то хорошимъ пробнымъ камнемъ для нихъ вскорѣ явилась знаменитая петиція чартистовъ, представленная въ 1839 году палатѣ общинъ. Извѣстно, что чартисты, въ числѣ многихъ другихъ вещей, требовали всеобщей подачи голосовъ, закрытой баллотировки и годичныхъ парламентовъ. Обыкновенному тори не предстояло бы никакой трудности высказаться по этому предмету; но Дизраэли долженъ былъ опадить ту маленькую демократическую струйку, которая была введена въ его консервативное profession de foi. Дизраэли высказалъ сочувствіе чартистамъ, въ ихъ недовольствѣ современной конституціей, извращая, однакожъ, ихъ стремленія. Чартисты высказывали недовольство реформой 1832 года, какъ

недостаточной и неполной; онъ же увѣрялъ, что причиной народнаго недовольства былъ о реформѣ вообще. «Прежняя конституція заключала въ себѣ понятный принципъ, котораго не имѣетъ нынѣшняя, говорилъ Дизраэли. — Прежняя облекала политическими правами небольшую часть націи. Такія права были вѣрены этому небольшому классу людей подъ условіемъ охраненія гражданскихъ правъ массы». Это воскваленіе стараго времени по поведѣ чартистскихъ требованій пояснялось далѣе въ рѣчи Дизраэли тѣмъ, что общественный классъ, вновь облеченный политическими правами въ силу реформы, не былъ соединенъ съ массою народа общими социальными обязанностями и что люди, получившіе, такимъ образомъ, политическую власть, старались пользоваться ею лично для себя съ возможно меньшими хлопотами и издержками.» Выходитъ, будто бы чартисты сѣтовали только на управление страны среднимъ классомъ, нападали не на аристократію, не на хлѣбные законы, не на старую конституцію, а на вновь дарованная конституціонныя права. Но, высказавъ такое своеобразное сочувствіе къ чартистамъ, за недовольство существующимъ порядкомъ, Дизраэли счелъ нужнымъ сопротивляться каждому изъ ихъ требованій въ отдѣльности и выразилъ свое неодобреніе самой «чартіи». Такими же противорѣчіями отличались мнѣнія Дизраэли во время парламентскихъ преній по поводу чартистскихъ безпорядковъ, происходившихъ вслѣдъ за тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ страны. Очевидно, что мнимая заботливость о благѣ народныхъ массъ прикрывала собою только желаніе имѣть поводъ къ личному нападенію на виговъ и средніе классы общества.

Мало того, что Дизраэли отнесся съ такой своеобразной симпатіей къ чартистамъ въ парламентѣ, онъ сдѣлалъ даже чартиста-рабочаго и его дочь героями романа «Sybil», посвященнаго картинѣ положенія народа. Романъ написанъ въ то время, когда «чартистская агитація была еще свѣжа въ памяти у всѣхъ, и возобновленіе ея было не лишено вѣроятности». Въ предисловіи Дизраэли указываетъ на свое близкое знакомство съ предметомъ, такъ какъ онъ имѣлъ случай читать всю корреспонденцію Фергуса о'Коннора съ вождями и главными дѣятелями чартистскаго движенія. Несмотря на многочисленныя повторенія того, что говорилось въ другихъ романахъ, посвященныхъ очеркамъ и типамъ новаго поколѣнія Англіи, во многихъ мѣстахъ «Сивиллы» выражаются насколько это возможно для Дизраэли симпатіи къ положенію рабочихъ классовъ; рядомъ идутъ воспоминанія о добромъ, старомъ времени, когда существовали «йомены» (мелкіе собственники), когда страна еще не раздѣлилась на два

класса, богачей и бѣдняковъ, господъ и рабовъ, когда существовало нѣчто посредствующее между роскошью и нищетою. Рабочій чартистъ сожалѣетъ даже о тѣхъ временахъ, «когда монастири были снисходительными ландлордами, брали низкую ренту и давали даровныя аренды, когда ихъ фермеры могли безпрепятственно возобновлять свою аренду» и т. д. Добрые старые порядки противопоставляются взглядамъ современнаго безсердечнаго аристократа, лорда Марни, положеніе рабочихъ у котораго нарисовано авторомъ яркими, грубыми, ужасающими красками. Изобразивъ жилища рабочихъ, какъ жалкія конуры, зараженныя тифомъ, гдѣ, однакожъ, помѣщаются цѣлыя семейства, авторъ говоритъ: «Городокъ Марни былъ метрополіей земледѣльческаго труда; сосѣдніе землевладѣльцы, въ продолженіе послѣдняго столѣтія, придерживались системы уничтоженія коттеджей на своихъ земляхъ, чтобъ избавиться отъ пособія ихъ обитателямъ. Изгнанный людъ стекался въ Марни, гдѣ, въ теченіе войны, мануфактура доставляла бѣднякамъ нѣкоторое пропитаніе, но и эта работа давно уже прекратилась. Лишенные послѣдняго ресурса, несчастные, мало по малу, опять разсѣялись по окрестностямъ, изъ которыхъ были высланы, и кое какъ добывали себѣ нищенское пропитаніе. Появленіе ихъ въ сосѣднихъ приходахъ возбуждало подозрительность; новому водворенію несчастныхъ противились всевозможными способами; даже люди, которые пользовались ихъ трудомъ, старались не допустить поселенія рабочихъ на своей землѣ, такъ что, кромѣ тяжелаго труда, рабочіе должны были совершать утромъ и вечеромъ далекое путешествіе, чтобы только достигнуть мѣста своего труда или дойти до отвратительной норы, которая святотатственно называлась «домомъ». Лордъ Марни также держался того мнѣнія, что поправить положеніе страны можетъ только эмиграція въ обширномъ размѣрѣ, и потому озаботился, чтобы населеніе его прихода не увеличивалось. «Я не строю новыхъ коттеджей, говорилъ онъ:—разрушаю всѣ, какіе могу, и вовсе не боюсь и не считаю за стыдъ сказать это».

Въ романѣ мы находимъ даже такія сентенціи, которыя можно бы принять за насмѣшку надъ парламентскими «симпатіями» автора къ чартистамъ: «Почему я здѣсь? разсуждаетъ ткачъ, сидя въ въ своей убогой комнатѣ. — Почему я в 600,000 другихъ поданныхъ королевы, честныхъ, вѣрныхъ своему долгу и трудолюбивыхъ, послѣ многолѣтнихъ лишеній и борьбы, изгнаны изъ нашихъ сельскихъ, родныхъ, любимыхъ пріютовъ и, мало-по-малу, дошли до труппы, въ родѣ этой, а теперь едва находимъ себѣ пропитаніе, получая по одному пени въ часъ за 12 часовъ каждо-

дневной работы. Потому что капиталистъ нашелъ себѣ механическаго работника, который замѣняетъ собою трудъ и смышленность человѣка; рабочій сталъ ниже вьючнаго скота. Скотъ кормить лучше, о немъ больше заботятся, чѣмъ о насъ — и справедливо, потому-что, при нынѣшнемъ порядкѣ, скотъ имѣетъ болѣе цѣны, чѣмъ мы. А еще говорятъ, что интересы капитала и труда одинаковы! Если общество, созданное человѣческимъ трудомъ, вдругъ становится независимымъ отъ этого труда, то такое общество обязано поддержать людей, единственную собственность которыхъ составляетъ трудъ, поддержать на счетъ прибыли съ прежней, созданной трудомъ же собственности, которая не перестала быть производительной. Когда во Франціи дворянство было низложено, его численность не составляла и трети численности насъ, ручныхъ ткачей; однакожь, вся Европа объявила войну, чтобы отмстить за дворянъ; каждое государство собирало подати для пособія французскимъ дворянамъ въ ихъ бѣдственномъ положеніи, а когда эмигранты возвратились въ отечество, ихъ собственная страна дала имъ огромное вознагражденіе. Кто же заботится о насъ? Вѣдь мы лишились своихъ земель. Кто подалъ за насъ голосъ? Вѣдь мы, по меньшей мѣрѣ, столь же невинны, какъ французское дворянство. И мы падаемъ, не слыша другихъ знаковъ сочувствія, кромѣ нашихъ собственныхъ стонovah. Если и выказываютъ намъ симпатію — что изъ этого? Симпатія, конечно, утѣшительна для бѣдняковъ, но для богатыхъ она сама по себѣ составляетъ вознагражденіе». (Можно ли лучше осмѣять ту безплодную симпатію, которую выказалъ самъ авторъ при чтеніи петиціи чартистовъ?). Самъ Дизраэли ставитъ себѣ эту симпатію въ заслугу; объ этомъ чтеніи петиціи чартистовъ упоминается и въ романѣ. Влюбленный въ Сивиллу Герардъ, дочь рабочаго чартиста, молодой аристократъ Эгремонтъ, одинъ только говорилъ въ парламентѣ не въ одинаковомъ смыслѣ съ прочими членами собранія, высказался болѣе благосклонно къ петиціи; но это не помѣшало ему отнять у дѣвушки надежду на успѣшный исходъ дѣла.

«Сивилла развернула принесенную съ собою газету. Тамъ былъ отчетъ о преніяхъ въ палатѣ общинъ при представленіи національной петиціи. Въ этомъ гордомъ парламентѣ нашелся одинъ свободный отъ духа партій голосъ, который осмѣлился высказать истину, голосъ человѣка благородной крови, который, не будучи демагогомъ, поддерживалъ народное дѣло, высказалъ убѣжденіе, что права труда столь же священны, какъ и права собственности, что если даже устанавливать различіе между этими обоими видами богатства, то интересы живого богатства слѣ-

дуетъ предпочесть; ораторъ рѣшился заявить, что благосостояніе милліоновъ людей должно быть главною цѣлью государственнаго человѣка, и что если эта цѣль не достигнута, то ни высоекое положеніе, ни богатство, ни блескъ королевскихъ дворовъ, ни военное могущество имперіи не имѣютъ цѣны... Передъ Сивиллой стоялъ самъ ораторъ».

Сивилла, ея отецъ и Эгремонтъ выражаютъ хотя и передовыя воззрѣнія, по мысли автора, но воззрѣнія эти отличаются больше книжнымъ характеромъ. Они стоятъ за «народъ», но самъ авторъ, въ другомъ мѣстѣ, говоритъ, что «народъ есть терминъ естественной философіи, а не политической науки». И, въ концѣ-концовъ, радикальныя воззрѣнія, пламенные рѣчи за народъ оказались принадлежавшими исключительно аристократамъ: Эгремонтъ, парламентскій боецъ за чартистовъ, братъ лорда Марни, только временно скрывался въ народѣ подъ именемъ Франклина, а рабочій Герардъ и Сивилла, представители рабочихъ классовъ, по происхожденію, принадлежатъ къ одной изъ самыхъ аристократическихъ фамилій и только временно впадали въ бѣдность. Разумѣется, Сивилла становится женою Эгремонта, который впоследствии получаетъ титулъ лорда Марни. Есть еще радикальный журналистъ Морлей, который говоритъ, что «нельзя обновить общество индивидуальнымъ вліяніемъ, принципъ домашній выполнилъ свое назначеніе, и неотразимый законъ прогресса требуетъ иного, высшаго начала. При теперешнемъ состояніи цивилизаціи и при научныхъ средствахъ, находящихся въ нашемъ распоряженіи, понятіе «домъ» становится устарѣлымъ, варварскимъ; намъ нужна община». Разумѣется, авторъ сильно недолюбливаетъ этого Морлея, относится къ нему иронически, снабжаетъ необузданной, даже не вполне честной натурой и заставляетъ дѣлать такіе поступки, отъ которыхъ настоящіе его герои отступаютъ съ ужасомъ. Что симпатія автора къ народу совершенно поверхностны, тому много доказательствъ. Онъ не развилъ экономической подкладки чартистскаго движенія, на которую прямо указываетъ приведенный монологъ тлача. Онъ не признаетъ за народомъ (этимъ крайне неопредѣленнымъ существомъ) умѣнья вести свои дѣла. Отъ лица автора говоритъ Эгремонтъ, сочувствующій чартизму представитель молодого, здравомыслящаго поколѣнія Англіи. Рѣчь, произнесенная Эгремонтомъ въ парламентъ по поводу чартизма, взволновала аристократическій кружокъ его брата, лорда Марни, котораго иронически поздравляли съ обращеніемъ Эгремонта въ радикализмъ. Какъ же относится, въ дѣйствительности, къ чартистско-

му движенію этотъ радикальный аристократъ, а въ лицѣ его и всѣ новые, просвѣщенные консерваторы?

«Вы смотрите на меня, какъ на природнаго врага, Сивилла, потому что я, по рожденію, принадлежу къ привилегированному классу. Но я—человѣкъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и аристократъ. Могу ли я не сочувствовать людямъ, моимъ ближнимъ, какова бы ни была ихъ судьба? Я знаю, вы будете отрицать это, но вы неправы. Мнѣніе ваше основано на преданіи, а не на опытѣ. Мірѣ, который теперь существуетъ, не тотъ міръ, какой вы видѣли въ книгахъ; общественный классъ, который теперь навывааетъ себя высшимъ, не тотъ, который управлялъ страной во времена вашихъ отцовъ. Въ немъ, какъ и во всемъ остальномъ, произошла перемѣна, которая также отразилась и на мнѣ.

— Если совершилась перемѣна, сказала Сивилла:—то только потому, что народъ до нѣкоторой степени узналъ свою силу.

— О, бросьте эти обманчивыя мечты, возразилъ Эгремонтъ.— Народъ вовсе не составляетъ силы; онъ никогда не можетъ составлять ее. Попытки народа подняться и отстоять себя всегда кончатся страданіями и смятеніемъ въ его же средѣ. Желанную перемѣну совершила и совершаетъ только цивилизація. Лишь большее познаніе самихъ себя можетъ указать людямъ, благодаря просвѣщенію, ихъ социальныя обязанности. Въ исторіи нашей націи наступаетъ разсвѣтъ, который до сихъ поръ пока могутъ различать только люди, высоко поставленные въ обществѣ. Внизу все еще кажется, что существуетъ мракъ. Новое поколѣніе англійской аристократіи — не тираны, не притѣснители; ихъ сердца доступны сознанію отвѣтственности общественнаго положенія. Трудъ, предстоящій имъ, не легкой трудъ. Не поверхностнымъ, лихорадочнымъ порывомъ можно устранить глубоко вкоренившіяся преграды между ними и народомъ, результаты цѣлыхъ вѣковъ невѣжества и преступленія. Довольно того, что въ этихъ аристократахъ пробудилась симпатія къ народу; время и мысль довершатъ остальное. Вотъ кто естественные вожди народа, Сивилла; вѣрьте мнѣ, что это единственные его вожди.

— Вожди народа — тѣ, кому народъ довѣряетъ, сказала Сивилла.

Въ чемъ же состояла заря лучшаго будущаго, занимавшаяся на горизонтѣ Англій въ первой половинѣ сороковыхъ годовъ? Мы, отстоящіе отъ той эпохи на тридцать слишкомъ лѣтъ, видимъ, что эти обѣщанія ни къ чему не привели: точно также продолжалось, и даже усилилось господство преимущественно денежнаго аристократіи, такъ же неутѣшительно положеніе рабочихъ классовъ; требованія чартизма далеко не выполнены. Къ чему же сводится вся эта декламація объ эпохѣ политическаго матеріализ-

ма, смутныхъ цѣлей, сбившагося съ истиннаго пути пониманія, объ эпохѣ, которая стремится только къ богатству, потому что не вѣрять ни въ какое другое совершенство. Авторъ враждебенъ олигархіи, но что изъ этого?

«Торизмъ возстанетъ изъ могилы, на которую Болдинброкъ пролилъ свою послѣднюю слезу, возвратитъ коронѣ силу, подданнымъ свободу, возвѣститъ, что главный долгъ правителей — обезпечить благосостояніе народа». Мы видѣли уже, что этотъ народъ, въ пользу котораго Дивраэли романестъ говорить высокопарныя фразы, по его мнѣнію — отвѣченное понятіе. Потому, быть можетъ, тотъ же Дивраэли, какъ парламентскій дѣятель, усердно боролся противъ народной пользы въ частныхъ случаяхъ, начиная отъ однополовыхъ парламентовъ и кончая хлѣбными законами. Дивраэли сознается въ трудности отвѣчать на вопросъ: что такое народъ и гдѣ законная квалификація для права голоса? Уплата налоговъ, какъ признакъ политической правоспособности, дала бы голосъ послѣднему нищему, который мететъ улицу; такъ опасается авторъ. Онъ возстаетъ также противъ 10-фунтоваго ценза, говоря, что установитъ подобный принципъ, значить уступить всеобщей подачѣ голосовъ. Результатомъ признанія палаты общинъ 1832 года народною былъ чартизмъ. Однакожъ, признаки отличія простого народа отъ его руководителей должны быть. Авторъ говоритъ, отъ лица Эгремонта, что наступающій принципъ внутренней политики, враждебный олигархіи и прошлымъ, уже вымирающимъ стремлѣніямъ, не будетъ, однакожъ, принципомъ нивелирующимъ, враждебнымъ вообще всякимъ привилегіямъ, но лишь будетъ благопріятствовать ихъ расширенію. Равенство будетъ обезпечено не приниженіемъ «немногихъ», но путемъ возвышенія многихъ. Но такъ какъ «многіе», замѣнившіе собою «немногихъ», все-таки будутъ стоять выше «всѣхъ» или «массы», то, казалось бы, нѣтъ «raison d'être» существованія такой новой консервативной партіи, видными дѣятелями которой авторъ предназначаетъ быть младшихъ сыновей лордовъ. Изъ полусловъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ романа и обширнаго послѣсловія къ нему, также, какъ и изъ большаго историческаго очерка въ началѣ романа, мы вправѣ заключить, что новая консервативная партія, безусловно враждебная вигамъ, денежной аристократіи, но высоко стоящая надъ народомъ, которому напрашивается въ руководители, эта партія преобразовалась изъ бывшей торійской съ сильно монархическими тенденціями и съ нѣкоторымъ ослабленіемъ узкихъ сословныхъ взглядовъ. Шагъ отъ торизма впередъ очень небольшой; нѣтъ ничего похожаго даже на демократическую монархію, которая облекаетъ

монарха властью отъ имени народа. Дизраэли допускаетъ возможность того, что политическія движенія нашей эпохи только съ виду имѣютъ демократическій характеръ, а завска у нихъ чисто монархическая. Быть можетъ, потому въ его разнородныхъ произведеніяхъ, даже въ романахъ, и встрѣчается такое неизбѣжное, на восточный образецъ, славословіе монарха, что даже современная англійская либеральная журналистика, вообще строго лояльная, порицала подобныя выраженія. Руководители народа отдѣляются отъ простаго рабочаго люда, въ романахъ Дизраэли, красотой своихъ чувствъ и величіемъ поступковъ: ихъ противно полагаются народныя толпы, общества недовольныхъ; въ романѣ это—какія-то безпорядочныя скопища, не понимающія иной цѣли, кромѣ ближайшей выгоды и не умѣющія даже соблазна необходимсе на одинъ разъ единогласіе. Дѣло сводится на необходимость народу такихъ вождей, въ которыхъ сохранилась бы въ чистотѣ порода, кровь (Animal шав, какъ выражается авторъ); только съ ихъ помощью, притомъ сильною властью монарха, можетъ быть, спасенъ народъ, уничтожены «политическое вѣроломство, низкія страсти, мелкіе помыслы». «Въ борьбѣ партій, наполняющей исторію Англій, выдѣлились два великія существа—монархъ и масса народа; по мѣрѣ того, какъ уменьшалась власть короны, исчезали и права народа; наконецъ, сакетръ сдѣлался только «параднымъ», а подданне онова упали до уровня рабовъ». Авторъ выражаетъ желаніе видѣть Англійю своимъ обладающею свободной монархіей, привилегированнымъ и благоденствующимъ народомъ, при помощи молодого поколѣнія.

IX.

Болѣе подробныя картины типовъ и изложеніе задачъ «новаго поколѣнія» консервативной Англій (которое теперь само успѣло сдѣлаться старымъ) находятся въ лучшемъ романѣ Дизраэли, романѣ, который пользовался въ свое время не только вышшимъ успѣхомъ (въ родѣ успѣха Вивіана Грея), но представлялъ интересъ для читателей по мысли. Впрочемъ, если даже въ «Сивиллѣ», гдѣ вопросъ поставленъ рѣзче и высказаться опредѣлительно было легче, авторъ ухитрился занять двусмысленное положеніе и, представивъ яркія картины нищеты и антагонизма капитала съ трудомъ, не ввелъ въ рецептъ болѣзни экономическихъ мѣръ и идеаловъ, то въ «Конингсби» задача сама по себѣ труднѣе. Задача романа чисто политическая—показать состояніе политическихъ партій между парламентской реформой и отгнѣной

хлѣбныхъ законовъ и опредѣлить, въ чемъ состоятъ истинно-консервативные принципы. «Конингсби» появился годомъ раньше «Сивилли»: по смыслу обоихъ романовъ, должно признать за авторомъ замѣчательную чуткость къ тогдашнимъ «злобамъ дня». Но первоначальный хорошій замыселъ у Дизраэли рѣдко бываетъ выполненъ какъ слѣдуетъ, благодаря неопредѣленности собственного политическаго положенія автора въ ряду государственныхъ людей Англій. Такъ вышло и въ «Конингсби», успѣхъ котораго отчасти должно приписать своевременному появленію и отдѣльнымъ, списаннымъ съ натуры типамъ. О сильномъ героическомъ еврей Сидоніи мы уже говорили, но эта сторона фантазіи будущаго министра, хотя важная для пониманія общей подкладки его воззрѣній и, какъ идеалъ грядущихъ временъ, вовсе не приложима къ реальному объясненію того фазиса внутренней политики Англій, который раздѣляетъ первыя сильныя проявленія чартистскаго движенія отъ борьбы по поводу отмѣны хлѣбныхъ законовъ.

Рядъ реформъ, совершенныхъ въ Англій со времени священной войны, непрерывная внутренняя борьба, въ которой старымъ торіямъ съ ихъ узкими сословными взглядами принадлежало далеко не всегда почетное мѣсто, лавированіе королевской власти между симпатіями и необходимостью, увеличеніе политическаго вліянія виговъ и денежныхъ классовъ, ухудшеніе положенія большинства рабочихъ классовъ, неудовольствіе, прорывавшееся частыми волненіями, и, наконецъ, представленная парламенту петиція-монстръ чартистовъ, указывавшая, въ чемъ ядро внутреннихъ вопросовъ, волновавшихъ новую эпоху политической жизни Англій—таковы были главные фазисы, среди которыхъ складывалось новое поколѣніе. Оно должно было видѣть, что парламентская реформа не улучшила положенія народа. Виги, нѣсколько лѣтъ стоявшіе во главѣ правительства, отстали отъ требованій времени; виговъ много готовы были считать обманщиками, и прежнія партіи переимѣнились; почва для сформированія популярной правительственной партіи въ Англій была готова. Дизраэли внимательно слѣдилъ за задачами своего времени, но ничего лучшаго не нашелъ для отвѣта на нихъ, какъ все ту же торі-радикальную политику, на половину анти-вигскую, на половину народно-монархическую, съ сильнымъ «божественнымъ» характеромъ, приписываемымъ и монарху и народу. Съ этой точки зрѣнія объясняются его взгляды на крупныхъ политическихъ дѣателей того времени. Мы вовсе не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ озлобленныхъ біографовъ лорда Биконсфильда, которые хо-

тять видѣть даже въ его романахъ отраженіе личныхъ отношеній къ тогдашнему вождю консервативной партіи, Роберту Пилло, и другимъ политическимъ дѣятелямъ. Самъ консерваторъ, Дизраэли съ негодованіемъ и презрѣніемъ относится къ чисто-торійскимъ государственнымъ людямъ, Кэстлери и Сидмуту, и, признавая великія политическія заслуги герцога Веллингтона, отказываетъ ему въ необходимомъ для государственнаго человѣка качествѣ, въ знаніи своей страны. Видя неудовлетворительность прежней торійской программы, заявивъ себя враждебно врагамъ, не имѣя реальной почвы для своего платоническаго сочувствія къ народу, Дизраэли задумалъ въ романѣ «Конингсби» «опредѣлить истинный характеръ политическихъ партій, указать путь для возвышенія тона общественной жизни, побудить къ тщательному различію между фактами и фразами, дѣйствительностью и призраками». Онъ справедливо созналъ необходимость популярнаго политическаго союза въ странѣ и на эту тему написалъ романъ, но такъ какъ Дизраэли задался мыслью доказать, что такую популярною партією могутъ быть только реформированные тори, то цѣль и осталась недостигнутою, недоказанною. Нужно было провѣрить задачи охранительной партіи вообще, разъяснить нарастающему молодому поколѣнію, что же именно ему предстоитъ охранять, показать, что «сторизмъ не фраза, а фактъ».

Въ связи съ сужденіями о мимолетномъ консервативномъ министерствѣ 1835 года, мы находимъ въ романѣ весьма характерныя разсужденія Дизраэли о консервативныхъ началахъ. «Въ 1834 году было много шума, говоритъ авторъ, изъ за вопроса: что такое охранительныя начала? Въ чемъ они выражаются? Въ прерогативахъ короны, подразумѣвая, что эти прерогативы не осуществляются на дѣлѣ, или въ независимости палаты лордовъ, предполагая, что она не доказана, или въ духовномъ сословіи, если только его дѣла вѣдаются комиссіей изъ мірянъ, короче, нужно охранять все, что установлено, пока оно составляетъ простую фразу, а не дѣйствительность. Между тѣмъ, пока формы и фразы лѣгкуются чуть-ли не съ религіознымъ почтеніемъ, на практикѣ господствуетъ правило подчиненія страстямъ и комбинаціямъ данной минуты. Консерватизмъ въ теоріи принимаетъ, что все установленное должно быть удерживаемо, а на практикѣ допускаетъ, что именно всего установленнаго невозможно защищать. Для примиренія такой теоріи съ такой практикой, придумывается такъ называемый «наилучшій компромиссъ», какаянибудь сдѣлка, не имѣющая ни принципа, ни другой цѣли, кромѣ временной задержки рефор-

мистской агитациі; задержка эта бываетъ нужна до тѣхъ поръ, пока консервативные умы, лишеныя руководителя и цѣли, разсѣянные, сбѣтые съ толку, подготовятся для новой сдѣлки, столь же мало проникнутой государственными цѣлями, какъ и первая.

Консерватизмъ былъ попыткою вести правительственныя дѣла, замѣняя широкій ихъ смыслъ простымъ выполніемъ служебнаго долга; поддерживать эту отрицательную систему старались однимъ только вліяніемъ собственности, почтеннаго частнаго характера и такъ называемыхъ хорошихъ связей. Нашъ консерватизмъ не признаетъ обязательнымъ для себя «повеленіе» (монарха), пятится вообще прочь отъ «принципа», не признаетъ прогресса. Отбросивъ всякое уваженіе къ древности, онъ не предлагаетъ никакихъ улучшеній въ настоящемъ и не готовится ничего для будущаго. На время, при благопріятномъ положеніи дѣлъ, подобный политическій союзъ можетъ имѣть успѣхъ, но при критическихъ обстоятельствахъ, какія періодически встрѣчаются во всѣхъ государствахъ, и даже порождаются упомянутой системой, силы сопротивленія и устойчивости въ политической партіи не оказывается: проклятіе политическаго безвѣрія будетъ парализовать всѣ ея дѣйствія.

Въ этихъ словахъ мы видимъ желаніе остаться вѣрнымъ тѣмъ самымъ началамъ, которыя Дизраэли на словахъ отстаивалъ и прежде: онъ осуждаетъ узкій, формальный, дѣловой консерватизмъ, заоченѣвшій на старинныхъ титулахъ и обрадахъ, но склонный къ политическимъ компромиссамъ, въ минуту опасности. Положительнаго тутъ мало, какъ и во всей новей консервативной программѣ автора. Многие не безъ основанія видятъ, что приведеннымъ ироническимъ опредѣленіемъ консерватизма романистъ просто начерталъ будущую программу своихъ дѣйствій, какъ министра: не онъ ли защищалъ существующее зло (хлѣбные законы, ограниченное избирательство), пока реформы противъ этого зла предлагались другими, и самъ же быстро перемѣнилъ фронтъ, какъ только эти самыя реформы оказались полезными для его собственнаго возвышенія? Самъ же Дизраэли проповѣдывалъ принципъ полезности правительственныхъ мѣропріятій, какъ руководящее правило для государственнаго челоука на практикѣ, и даже какъ бы хвалился этимъ. Но въ романѣ съ заявленою цѣлю—указать новые консервативные принципы—сказать такъ, значило бы предать себя позору. Авторъ предпочелъ отнестись отрицательно къ собственной программѣ; вообще отчетливыхъ очертаній консерватизма въ романѣ мало, если не считать героическихъ теорій Сидоніа, приведенныхъ

нами особо, и сильной монархической тенденціи, которая и составляет основную мысль всѣхъ идеаловъ лорда Биконсфильда.

Разсказъ о приключеніяхъ Гарри Конингсби начинается съ пребыванія его въ Итонѣ, гдѣ школьники уже толкуютъ о политикѣ, разбираютъ вопросы, проистекающіе изъ парламентской реформы, осуждаютъ и защищаютъ виговъ, временное удаленіе которыхъ послѣ реформы было въ 1834 г. событіемъ дня. Конингсби, его пріатели—Генри Сидни, лордъ Веръ, аристократы, и Мильбанкъ, сынъ богатаго фабриканта, составляли уже въ Итонѣ различные отбѣны политическихъ мнѣній, что не мѣшало ихъ личной дружбѣ. Послѣдняя скрѣплена особенно тѣмъ, что Конингсби спасъ жизнь Мильбанку. Конингсби себя считалъ крайнимъ тори, зналъ, что существуютъ виги, и думалъ, что политическая борьба означаетъ борьбу только между двумя частями аристократіи—вигами и тори. Отъ Мильбанка онъ впервые узналъ, что существуютъ вліятельные классы недворянскаго происхожденія, которые также добиваются власти. Затѣмъ, предъ читателемъ выводятся два характерныя лица: дѣдъ Конингсби, суровый къ своимъ роднымъ, но втайнѣ фривольный аристократъ, лордъ Монмутъ, который не могъ никогда простить отцу Конингсби, своему младшему сыну, его неравнаго брака—и журналистъ Ригби, нѣчто въ родѣ прихвостня того же лорда. (Ригби считаютъ списаннымъ съ журналиста Джона Вильсона Крокера, а Монмута—съ нѣкоего маркиза Гертфорда). По выходѣ изъ коллегіи, Конингсби случайно знакомится съ знаменитымъ евреемъ Сидоніей, и эти всѣ личности своимъ вліаніемъ опредѣляютъ дальнѣйшую фізіономію юноши: фамиліное происхожденіе и суровый дѣдъ тянутъ его въ сторону аристократіи, къ которой Конингсби лично не чувствуетъ особаго влеченія. Сидонія показываетъ ему въ перспективѣ идеалъ героевъ—монарховъ и вояновъ, раскрываетъ нѣкоторые недостатки англійскихъ учрежденій, но, повидимому, у Конингсби сочувствіе къ теоріи великихъ людей также не переходитъ извѣстныхъ предѣловъ. Хотя въ «Танкредѣ» мы видимъ Конингсби уже женатымъ, дѣловымъ человѣкомъ, который поддерживается за обѣденнымъ разговоромъ взгляды Сидоніи, но на практикѣ онъ остался простымъ труженикомъ, какъ прилично младшимъ сыновьямъ знатныхъ фамилій—и это благодаря вліанію семьи Мильбанкъ, на дочери котораго, Эдитъ Мильбанкъ, Конингсби, въ заключеніе, женится. Этой женитьбой и также отказомъ выступить торійскимъ представителемъ въ парламентъ молодой человѣкъ раздражаетъ противъ себя стараго аристократа, лорда Монмута, который лишаетъ его наслѣдства и оставляетъ все своей побочной кочери Флорѣ. Послѣдняя, страда

отъ жахотки, отъ которой потомъ умираетъ, въ свою очередь оставляетъ ненужное ей богатство безнадежно любимому Конингсби; тотъ занимается изученіемъ права и, при помощи стараго Мильбанка, вступаетъ въ парламентъ, а соперникъ его на выборахъ, консервативный журналистъ Ригби, терпитъ полное поражение. Романъ начинается возвѣщеніемъ о кратковременной побѣдѣ консерваторовъ въ 1834 году, кончается побѣдою консервативной же партіи въ 1841 году надъ прискучившими странѣ вигами. Превосходныя эпизодическія лица и сцены очень оживляютъ романъ; таковы напримѣръ, двѣ принцесы Колонна, маичиха и падчерица — первая добивается сдѣлаться женою Монмута, вторая дѣйствительно дѣлается ею и измѣняетъ мужу. Авторъ даетъ понять, что эта женщина, лэди Лукреція — такая же крупная, избранная натура, какъ и Сидонія, котораго она любитъ. На фонѣ этихъ крупныхъ натуръ, ничѣмъ себя, впрочемъ, не отличившихъ, Конингсби является обыкновеннымъ, среднимъ, но честнымъ человѣкомъ. Если онъ выходитъ блѣдень, то это вина автора, который, во что бы то ни стало, хочетъ притянуть героя романа къ консерватизму. Мы выберемъ изъ романа нѣсколько политическихъ типовъ и сценъ.

Х.

Мистеръ Ригби былъ членомъ парламента, представителемъ одного изъ мѣстечекъ маркиза Монмута. Онъ хозяйничалъ по части парламентскаго вліянія лорда Монмута и завѣдывалъ въ этомъ отношеніи его обширными помѣстьями. Кромѣ того, онъ былъ спутникомъ лорда въ Англіи, корреспондентомъ за границею. Ригби не зналъ никакой специальности. Его происхожденіе, воспитаніе, первоначальныя занятія — были покрыты мракомъ неважѣности; но онъ успѣлъ во-время попасть въ парламентъ необъяснимыми ни для кого путями, и съ тѣхъ поръ сталъ совершенно дѣльнымъ человѣкомъ. Свѣтъ вѣрилъ Ригби на слово, потому что онъ былъ смѣль, остроумецъ, говорливъ; своихъ мыслей у него не было, но онъ обладалъ множествомъ безсвязныхъ свѣдѣній; лишенный способности замысла и возвышенныхъ свойствъ характера, онъ былъ одаренъ сильной, хотя и пустой фантазійей. плодovitой на мелкія средства. Говорятъ, что каждому человѣку бываетъ одинъ удачный шансъ въ жизни. Такъ было и съ Ригби: послѣ многолѣтней борьбы, послѣ длиннаго ряда маленькихъ успѣховъ и маленькихъ неудачъ, смѣнявшихъ другъ друга, послѣ нѣсколькихъ ловкихъ рѣчей и множества

задорныхъ памфлетовъ, составивъ себѣ значительную репутацію политическими пасквилями (большинство которыхъ писалъ не онъ) и статейками въ кое какихъ журналахъ, Ригби уже прокладывалъ себѣ интригами дорогу къ какому-нибудь второстепенному должностному посту, когда встрѣтился съ лордомъ Монмутомъ.

Ригби былъ именно такимъ самымъ «животнымъ», какое было нужно лорду, который всегда смотрѣлъ на людей равнодушнымъ взглядомъ жокея. Онъ осматривалъ Ригби и рѣшилъ купить его. Онъ его купилъ, купилъ и его свѣтлую голову, и неутомимое трудолюбіе, и дерзкій языкъ, и проворное, безсовѣстное перо, купилъ со всѣми твердо сидѣвшими въ памяти Ригби сроками событій (цифры и подробности по каждому предмету составляли конекъ Ригби), купилъ со всѣми его пасквилями, съ частными мемуарами и политическими интригами. Это была хорошая покупка. Ригби сдѣлался значительнымъ лицомъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкомъ лорда Монмута. Кромѣ политическихъ услугъ, Ригби умѣлъ оказывать своему патрону услуги чисто домашняго свойства: не обладая ни голосомъ, ни остроуміемъ, онъ былъ, однакожъ, веселымъ собесѣдникомъ; умѣлъ рассказывать анекдоты, пѣть веселыя французскія пѣсенки; исполнялъ щекотливыя порученія интимнаго свойства и т. п. Мистеръ Ригби имѣлъ классическое убѣжище, которое онъ называлъ своимъ Тускулумомъ. Тамъ, окруженный бюстами и книгами, онъ писалъ свои пасквили и хлесткія статьи, поражалъ «либеральныхъ самокъ» (никто не умѣлъ лучше его осмѣять женщину), подрывалъ какого-нибудь наростающаго генія, политическія возрѣнія котораго расходились съ его собственными, или клеймилъ несчастнаго, который осмѣлился заявить предъ парламентомъ тотъ или другой незаконный поступокъ на выборахъ; Ригби умѣлъ доказать, путемъ искаженныхъ извѣщеній изъ официальныхъ данныхъ, что недовольный былъ не жертвою, а виновникомъ. Здѣсь же, въ концѣ дѣловой недѣли, Ригби иногда находилъ удобнымъ принимать одного или двухъ ловкихъ, но сомнительной репутаціи друзей, съ которыми онъ сошелся въ минувшіе дни равной для всѣхъ неизвѣстности Ригби отличался вѣрностью своимъ старымъ друзьямъ, особенно если они могли написать задорный памфлетъ.

Въ этомъ же изящномъ уединеніи, Ригби улучилъ отъ официальныхъ трудовъ и парламентской борьбы время, чтобы сочинить письмо объ изученіи исторіи. Письмо было обращено къ Колингсби, наблюдать за воспитаніемъ котораго онъ взался, желая этимъ еще ближе поставить себя къ дому своего патрона

и вмѣстѣ съ тѣмъ наумить энергією и разносторонними познаніями какихъ-нибудь Тенеровъ и Тэдполей. Это хорошо отдѣланное литературное произведеніе, полное чувства, вкуса и широкихъ взглядовъ, никогда не было опубликовано. Оно было напечатано въ небольшомъ числѣ экземпляровъ для раздачи избраннымъ, въ знакъ особаго расположенія и высокаго вниманія автора. Различными интригами добивался Ригби, чтобъ его сочиненіе принято было классной книгой въ Итонѣ. Для этой цѣли онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ докторомъ богословія, инспекторомъ Итона, рассказывалъ ему анекдоты про короля, выказывая тѣмъ свое личное вліяніе въ Виндзорѣ, но все было напрасно, докторъ остался непоколебимымъ.

Сочиняемыя Ригби «хлесткія статейки», явись онѣ въ видѣ безыменныхъ памфлетовъ, встрѣтили бы презрительный приѣмъ, котораго, съ интеллектуальной точки зрѣнія, вполне заслуживали; но такъ какъ про статейки ходила молва, что онѣ написаны лицомъ, «посвященнымъ» въ закулисныя тайны событій, и печатались онѣ въ журналѣ извѣстной партіи, то и принимались за чистую монету, восхищая собою легковѣрныхъ читателей, особенно внутри страны. Статейки эти были написаны въ стилѣ атторнеевъ, которые мучать своего противника, адвоката, искусно подобранными общими мѣстами, длинными разъясненіями того, что очевидно само по себѣ, и неизбежными, давно понятными всѣмъ выводами. Статейки щеголали извлеченіями изъ газетъ, цитатами изъ официальныхъ отчетовъ, параллельными мѣстами изъ забытыхъ рѣчей, съ ужасающими рядами цифръ, рѣдко точныхъ. Мѣсто, которое авторъ считалъ особенно вѣскимъ, непременно изображалось крупными буквами. За хронологію Ригби цѣплялся такъ, какъ будто бы доказывалъ какое-нибудь alibi въ уголовномъ судѣ. Порицаніе всегда было грубо, не отличаясь силою, и злобно, когда хотѣло быть саркастическимъ. Иногда являлись фразы, претендовавшія на болѣе высокій полетъ мысли, и по истинѣ трудно было придумать что нибудь болѣе дѣланное и оскорбляющее хорошей вкусъ. Но вершиною этой притязательной галиматіи бывалъ усвояемый иногда Ригби тонъ высоко нравственный и увѣщательный, забавный особенно для тѣхъ, кому былъ извѣстенъ характеръ автора.

По части ловкости Ригби на политическомъ поприщѣ, можно привести два слѣдующіе случая. Первый относится къ той знаменательной эпохѣ въ англійской внутренней политикѣ, когда вступленіе Каннинга во главу правительства предвѣщало поворотъ къ лучшему, какъ во виѣшней, такъ и во внутренней политикѣ. Кабинетъ слабаго лорда Ливерпуля, уже раньше его

смерти, распадался: шла глухая борьба между Каннингтоном и главою старыхъ тори, герцогомъ Веллингтономъ. Ригби, благодаря нѣсколькимъ ловкимъ пасквилямъ, пущеннымъ въ ходъ отъ его имени (хотя писалъ ихъ не онъ) во время процесса несчастной королевы Каролины, супруги Георга IV, сумѣлъ пролѣзть во дворецъ и найти тамъ себѣ случайную, хотя и позорную милость: его удостоивали иногда считать шутомъ, мишенью для насмѣшекъ, но за то Ригби могъ узнавать политическія тайны изъ самаго достовѣрнаго, какъ онъ думалъ, источника. Передъ смертью лорда Ливерпуля, Ригби составилъ себѣ убѣжденіе, что поднимаются шансы герцога Веллингтона, что Каннингъ падаетъ, и вотъ въ одной извѣстной вечерней газетѣ появился рядъ статейъ, въ которыхъ «хлестко» доказывалось, что сынъ актрисы не можетъ быть терпимъ въ качествѣ перваго министра Англій. Не довольствуясь этимъ и не сомнѣваясь въ справедливости своего убѣжденія, Ригби, со своимъ обычною грубою говорливостью, ораторствовалъ на эту тему въ нѣсколькихъ новыхъ клубахъ, куда онъ пробрался, въ вознагражденіе за то, что его «проватали на воронныхъ» въ одномъ старомъ и очень извѣстномъ клубѣ. Когда уже всѣ были увѣрены, что Веллингтонъ будетъ министромъ, Ригби ѣздилъ въ Виндзоръ спросить у его величества срокъ какого-то важнаго историческаго событія (который Ригби, разумѣется, самъ очень хорошо зналъ); тамъ онъ освѣдомился, что аудіенція невозможна, что его величество взволнованъ, а сверхъ того, отъ скромнаго, но надежно авторитетнаго лица Ригби удостовѣрился, что, вопреки всѣмъ его хлесткимъ статьямъ, Каннингъ будетъ первымъ министромъ. Для джентльмена, обладавшаго такимъ талантомъ къ дѣятельности, какъ Ригби, затруднительныхъ положеній не существовало. Ригби былъ совершенно неспособенъ къ замысловатымъ, сложнымъ, продолжительнымъ планамъ; но онъ никогда не терялъ присутствія духа и, кромѣ того, обладалъ, въ замѣчательной степени, истиннымъ и въострой чистосердечной низости. Такъ и теперь: онъ сѣлъ въ карету и во всю прыть помчался изъ Виндзора въ «Foreign Office». Государственный секретарь былъ занятъ, но Ригби не хотѣлъ слышать ни о какихъ затрудненіяхъ. Онъ бросился вверхъ по лѣстницѣ, раскрылъ двери и съ взлозваннымъ видомъ, со слезами на глазахъ, заключилъ въ свои объятія изумленнаго Каннинга.

— Теперь все прекрасно, восклицалъ Ригби, растроганнымъ голосомъ. — Я убѣдилъ короля, что первый министръ долженъ находиться въ палатѣ общинъ. Никто еще этого не знаетъ, кромѣ меня, но это вѣрно.

Другимъ характернымъ случаемъ изъ политической жизни мистера Ригби были выборы въ Дарльфордъ, гдѣ онъ явился кандидатомъ за аристократію и охранительныя начала противъ фабриканта Мильбанка.

«Президентъ и вице-президентъ консервативной ассоціаціи убѣдили Ригби, что было бы въ высшей степени важно, въ видахъ нравственнаго воздѣйствія на избирателей, еслибы онъ непосредственно вызвалъ въ нихъ восторженное одобреніе. Вожаки партіи льстили себя надеждою, что съ помощью краснорѣчія Ригби и ихъ тайной организаціи скорѣе можно достигнуть успѣха. Ригби произнесъ избирателямъ рѣчь, которая длилась больше двухъ часовъ и была принята благосклонно: толпа любитъ эффектныя рѣчи, любитъ также, чтобъ въ день предложенія кандидата для выборовъ обычныя церемоніи не были слишкомъ коротки. Ригби въ полной мѣрѣ воспользовался снисходительностью слушателей. Натолковавшись объ ужасахъ, угрожающихъ странѣ, въ случаѣ торжества либераловъ, онъ припуталъ къ дѣлу гильотину и такъ изысканно распространялся о ея значеніи и свойствахъ, что одинъ изъ джентльменовъ, стоявшихъ внизу, не могъ удержаться отъ восклицанія: «хорошо, еслибы вы сами на нее попали». Это восклицаніе дало Ригби счастливый поводъ къ эффектному развитію рѣчи, и онъ, какъ опытный ораторъ, немедленно за него ухватился. Порицая побужденія прервавшаго рѣчь джентльмена, Ригби назвалъ его поступокъ «не англійскимъ» и тѣмъ вызвалъ бурю одобрительныхъ восклицаній. Ободренный этимъ успѣхомъ, Ригби сталъ называть «неанглійскимъ» рѣшительно все, съ чѣмъ самъ не соглашался, и говорилъ до тѣхъ поръ, пока среди слушателей не началъ подниматься угрожающій ропотъ. Тогда Ригби заключилъ рѣчь грандіознымъ финаломъ, въ которомъ увѣрялъ слушателей, что взоры всей имперіи обращены на выборы въ Дарльфордъ (восклицанія: «правда, правда!» со всѣхъ сторонъ), и указалъ на Англію, которая ожидаетъ, что каждый исполнитъ свой долгъ.

«А кто ожидаетъ, что вы исполните свой долгъ, спросилъ джентльменъ, стоявшій внизу:—относительно кое-какихъ платежей?»

«Ригби, кричалъ чей-то грубый голосъ:—не тревожься, старый дружище: мы тебя выберемъ.

«Слушайте, произнесъ громовой голосъ наемнаго гиганта консервативной партіи:—слушайте вѣжчъ: наша молодая королева и наши старыя учрежденія; Ригби навсегда!»

Достопочтенный Николай Ригби, который охраняетъ монарха, церковь и старыя англійскія учрежденія, пролѣзаетъ въ среду

дворцовой челяди, сочиняет хлесткія статьи и обличает все «неанглійское», поклоняясь притомъ успѣху во всякой его формѣ— это родоначальникъ современныхъ джингитовъ или англійскихъ шовинистовъ. Замѣчательно, что лордъ Биконсфильдъ, въ своей практической дѣятельности, чаще всего осуществляетъ проекты и тенденціи именно тѣхъ персонажей своей фантазіи, которые занимаютъ въ романахъ комическія роли: въ восточныхъ дѣлахъ осуществлена значительная часть плановъ легкомысленнаго эмира Факредина, духъ Ригби сбѣнилъ самого лорда Биконсфильда, а даже политическія размышленія жалкихъ политикановъ, Тэпера и Тэдполя осуществлялись на нашихъ глазахъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Въ лицѣ этихъ двухъ друзей авторъ олицетворилъ мелкихъ избирательныхъ агентовъ, дѣйствующихъ мелкими идеями, низкими, ложными путями и плутнями. Тэдполь и Тэперъ никогда не отчаивались въ будущности страны. Несмотря на билль о парламентской реформѣ, Тэперъ былъ убѣжденъ, что виги рѣшительно не будутъ въ состояніи справиться съ дѣлами. Когда окружающіе говорили, что торійское правительство на будущее время невозможно, Тэперъ замѣчалъ, конфиденціальнымъ шопотомъ, что меньше, чѣмъ черезъ годъ виги будутъ просто выгнаны изъ министерства.

«Нѣтъ сомнѣнія, что происходитъ значительная реакція, посвяаятъ Тэдполь.—Позорное поведеніе виговъ уже обратило на себя вниманіе страны». Дѣло въ томъ, что оба друга потеряли свои мѣста въ парламентѣ съ 1832 года, но такъ какъ они были люди дѣловые, то скоро уже пустились въ комбинаціи, которыя должны были опять водворить ихъ въ собраніи. Тэперъ обратилъ взоры на одно мелкое избирательное мѣстечко, уцѣлѣвшее послѣ реформы, гдѣ онъ имѣлъ такъ называемыя «связи», т. е. голоса нѣкоторыхъ избирателей, которые сохранили живое воспоминаніе о благахъ, когда-то наливавшихся на нихъ на казенный счетъ мистеромъ Тэперомъ. Благодаря этому, Тэперъ имѣлъ на своей сторонѣ преимущество противъ либеральнаго представителя мѣстечка. Тэдполь, который былъ умнѣе Тэпера, но не столь благонадеженъ, загрызалъ съ однимъ мануфактурнымъ городомъ и съ большой избирательной единицей, гдѣ рассчитывалъ на успѣхъ при помощи веслеянцевъ; Тэдполь внезапно сдѣлался пламеннымъ почитателемъ этой благочестивой корпораціи. Разумѣется, къ блестящему Ригби оба политика относились снаружи почтительно, а онъ къ нимъ снисходительно, но не безъ нѣкотораго нетерпѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда они болтали слишкомъ долго, по его мнѣнію, а онъ самъ

слишкомъ долго молчалъ. Впрочемъ, Тэперъ и Тэдполь не уступали Ригби въ пониманіи требованій времени.

Вотъ ихъ конфиденціальный разговоръ, послѣ хорошаго чужого обѣда, на мягкомъ диванѣ, на ту же развиваемую самимъ авторомъ тему о консервативномъ правительствѣ и консервативныхъ началахъ:

Друзья обсуждаютъ новое положеніе дѣлъ при вступленіи въ министерство Роберта Пиля въ 1834 году.

— Я вамъ скажу, мистеръ Тэперъ, что прошло время, когда маркизь Монмутъ былъ величиной перваго разряда.

— Совершенно справедливо, мистеръ Тэдполь. Умный человекъ теперь хорошо сдѣлаетъ, если обратится къ великому среднему классу.

— Я лучше согласился бы имѣть поддержку отъ вельможъ, сказалъ Тэдполь:—чѣмъ отъ всѣхъ маркизовъ въ пэрствѣ. Что-то теперь сдѣлаютъ съ Ригби?

— Ригби человекъ съ дарованіемъ, сказалъ Тэперъ.—Если намъ нужно хлесткую статейку...

— Ба! сказалъ Тэдполь.—Она совсѣмъ износилась. Ему нужно три мѣсяца на свои хлесткія статейки. Найдите мнѣ человека, который бы могъ писать руководящія статьи. Ригби не можетъ.

— Очень немногіе могутъ, сказалъ Тэперъ.—Впрочемъ, я не придаю большого значенія печати. Ея вліяніе слишкомъ преувеличено, а теперь даже и миновало.

Друзья замышляютъ проложить задними путями себѣ дорогу къ политическому вліянію.

— Каковъ будетъ нашъ лозунгъ? сказалъ Тэперъ. Древнія учрежденія и новѣйшія усовершенствованія, я полагаю?

— Лучше взять слово—улучшенія. Никто не знаетъ въ точности, что имъ хотятъ сказать.

— Затѣмъ, нужно же рѣшить, какого взгляда держаться на королевскую прерогативу, сказалъ Тэперъ.

— Это второстепенный вопросъ, возразилъ Тэдполь.—Для прерогативы еще не настало время.

— Ахъ, Тэдполь, сказалъ Тэперъ, разиживаясь, я часто думаю, какъ бы хорошо, еслибы вы и я были лордами казначейства!..

— Увидимъ, увидимъ. Пока намъ нужно только пробраться въ парламентъ, работать дружно и не допускать другихъ.

— Сдѣлаемъ все, что можемъ, сказалъ Тэперъ.—Такъ вы считаете неизбѣжнымъ распущеніе парламента?

— Какъ могли бы вы и я пробраться въ парламентъ, еслибы не было распущенія? Мы должны сдѣлать его неизбѣжнымъ. Я

говорю, мистеръ Тэперъ, если иныиный парламентъ продолжится, гдѣ мы съ вами будемъ? Каждую сессию стануть подниматься впередъ новыя люди.

— Ужасно, ужасно, воскликнулъ Тэперъ.—Еслибы удалось когда нибудь дожить до настоящаго торійскаго правительства!

— Тсъ! сказала Тэдполь.—Время торійскихъ правительствъ прошло; теперь страна требуетъ здраваго консервативнаго правительства.

— Здравое консервативное правительство, сказалъ Тэперъ задумчиво.—А, понимаю: тори, которые поступаютъ на практикѣ, какъ виги!

Немудрено, что среди этой мелочной борьбы, среди продажныхъ людей и отжившихъ интересовъ, Коннингсби, въ порывѣ отчаянія, жалѣеть о томъ, что прошли варварскіе вѣва, и видѣть лучъ свѣта и единственное спасеніе въ будущемъ въ великихъ людяхъ и героическихъ поступкахъ, рекомендуемыхъ Сидовіей. На дѣлѣ, однакожь, этого не выходитъ: Коннингсби слишкомъ здравомыслящъ, чтобъ пуститься, очертя голову, въ сумасшедшія предпріятія, въ родѣ Танкреда; къ тому же, Коннингсби бѣденъ. Другъ его Мильбанъ и семья послѣдняго внушаютъ юношѣ простыя, скромныя мысли о трудѣ, которыя изумительно уживаются у героя романа съ признаніемъ въ принципѣ справедливости героическихъ фантазій. Примѣромъ Коннингсби лучше всего доказывается неосновательность будто бы новыхъ и самостоятельныхъ взглядовъ автора на политическія партіи въ Англіи. Коннингсби — не что иное, какъ умѣренный либералъ, и авторъ правъ, когда заставляетъ его съ горечью высказываться противъ всеобщей подачи голосовъ и разрушительныхъ теорій. Еслибы нужно было создать идеальнаго героя въ оправданіе существованія партій виговъ, то это именно сдѣлано въ лицѣ Коннингсби, написаннаго ненавистникомъ виговъ. Вотъ характеристика англійскихъ партій, напоминающая сужденія самого автора, а затѣмъ смутный очеркъ истиннаго образа консервативной партіи, дѣлаемые, очевидно, серьезно авторомъ въ лицѣ этого прямодушнаго юноши.

Вслѣдствіе парламентской и другихъ реформъ возникла въ Англіи «разрушительная» партія, которая стоитъ за послѣдовательное проведеніе въ странѣ принципа политическаго либерализма, а чтобъ сдѣлать это возможнымъ, хочетъ забываться отъ послѣднихъ остатковъ древней конституціи. Эта партія, обладающая, впрочемъ, ясными и понятными принципами, видитъ специфическое средство отъ существующихъ бѣдствій англійской

соціальной системы въ общей подачѣ голосовъ. Демократической партіи противоположна другая, которая разсталась съ принципомъ старо англійской исключительности и усвоиваетъ себѣ лишь настолько либерализма, сколько необходимо въ данную минуту; не затрудняя себя опредѣленными программами, логическими принципами, она старается возможно долѣе удерживать дѣла въ прежнемъ положеніи, а затѣмъ пытается улаживать ихъ уступками, сколько можетъ. Но такъ какъ партія должна имѣть все-таки хотя подобіе принциповъ, то она и заимствуетъ свое названіе отъ тѣхъ вещей, которыя сама же разрушила: такъ, эта партія предана прерогативамъ короны, но на дѣлѣ корона лишилась всѣхъ своихъ прерогативъ; партія готова отстаивать «независимость верхней палаты парламента», хотя хорошо знаетъ, что, съ ея же одобренія, верхняя палата отреклась отъ всякой инициативы и служить второстепеннымъ учрежденіемъ, обзорѣвающимъ законодательство палаты общинъ. Антидемократическая партія никогда не пытается формировать, воспитывать общественное мнѣніе или руководить имъ, но когда общественное мнѣніе уже увлеклось страстью, капризомъ, смутю, эта партія уступаетъ натиску безъ борьбы, а когда буря прошла, то она старается задержатъ и отклонить логическій и, въ концѣ-концовъ, неизбежный результатъ тѣхъ самыхъ мѣръ, на которыя сама согласилась. Это — консервативная партія. Демократическое и консервативное подраздѣленія обнимаютъ собою теперь всю англійскую націю, какъ бы ни называли себя отдѣльныя лица, вигами или торями, радикалами или чартистами.

По мнѣнію Коннингсби, если демократіи придется бороться только съ нынѣшнимъ парламентскимъ консерватизмомъ, то демократія должна восторжествовать не въ далекомъ будущемъ; но въ самой демократіи, основанной будто бы на господствѣ грубой толпы, безъ высшихъ принциповъ, образовательныхъ и нравственныхъ, авторъ не видитъ элементовъ счастья народа и величія государства.

— Таково наше положеніе, говорилъ Коннингсби. — Человѣкъ, вступающій въ общественную жизнь въ нашу эпоху, долженъ выбирать между политическимъ безвѣріемъ и разрушительными теоріями.

— Такъ вотъ какова дилемма, сказалъ другъ юноши, Мильбанкъ: — дилемма, къ которой мы пришли въ два столѣтія парламентской монархіи и парламентарной церкви.

— Да, сказалъ Коннингсби. — Мы не должны срыватъ отъ себя, что первая сдѣлала ненавистнымъ правительство, а вторая пошатнула вѣру въ религію.

— Многие въ Англіи, сказали Мильбанкъ:—особенно въ среднемъ классѣ, къ которому я принадлежу, примирились съ демократіей подѣ влияніемъ мысли, что только она можетъ уничтожить сословныя привилегіи, узкіе интересы, мѣшающіе умственному и промышленному развитію общества.

— А между тѣмъ, возразилъ Конингсби:—единственный способъ положить конецъ такъ называемому сословному законодательству состоитъ именно въ томъ, чтобъ не вѣрять власти сословіямъ. Единственная власть, не имѣющая сословныхъ симпатій—государь.

— Но предположите возможность государя съ деспотическимъ характеромъ, гдѣ преграда его произволу?

— Тамъ же, гдѣ и помѣха произволу деспотическаго парламента—въ общественномъ мнѣніи.

— Но общественное мнѣніе можетъ быть равнодушно, испорчено: сама нація можетъ быть такова, можетъ заблуждаться.

— Если нація, избирающая парламентъ, развращена, то избирательное собраніе, конечно, будетъ на нее похоже, и подобная нація заслуживаетъ паденіе. Но отсюда слѣдуетъ только, что есть нѣчто выше правительственныхъ формъ—это національный характеръ, и въ немъ-то должны, по преимуществу, заключаться наши надежды. Если нація одушевлена стремленіями къ высокому и великому, то какова бы ни была форма правленія—правительство будетъ соответствовать національнымъ убѣжденіямъ и чувствамъ.

— Я вовсе не противникъ, говорилъ Конингсби:—парламентскаго правительства и не отвергаю представительный принципъ. Я говорю только, что представительство вовсе не необходимо должно быть парламентскимъ. Парламентъ въ настоящую минуту не засѣдаетъ; однакожъ, нація представлена и въ самыхъ высшихъ и въ мелочныхъ своихъ интересахъ. Ни одна жалоба не ускользаетъ отъ замѣчанія. Напримѣръ, сегодня я прочелъ въ газетахъ, что педагогъ жестоко наказалъ своего питомца: вотъ уже это извѣстно всей Англіи. Высшая власть теперь—общественное мнѣніе, а оно сказывается въ печати. Представительство печати несравненно полнѣе представительства парламента. Последнее было счастливымъ изобрѣтеніемъ грубаго вѣка, вѣка полубразованнаго, и къ нему было вполне приложимо. Теперь же парламентскій порядокъ проявляетъ признаки вымирания, контролируется болѣе жизненною и обширною системою представительства, которое успѣшнѣе исполняетъ ея отправленія.

«Короче, истина заключается въ такомъ устройствѣ, которое дѣйствуетъ влияніемъ общественнаго мнѣнія, хотя бы при посред-

ствѣ существующихъ нынѣ формъ. Тѣмъ не менѣе, если намъ суждено испытывать перевороты, то полезно было бы провести идею о свободной монархіи, которая бы была установлена на основѣ законовъ страны, составляла бы вершину обширнаго зданія муниципальныхъ и мѣстныхъ учреждений, управляла бы просвѣщеннымъ народомъ, представляемымъ свободною, высоко стоящею въ умственномъ отношеніи печатью. Передъ авторитетомъ короля, поддерживаемымъ общественнымъ мнѣніемъ страны, исчезнуть бы частичныя неправильности современнаго ея устройства.

«Вотъ политика, приложимая къ нашимъ законамъ, учреждениямъ, правамъ, преданіямъ, политика, пригодная къ осуществленію великихъ цѣлей и вызывающая къ высокимъ чувствамъ. Такая политика, заключилъ Конингсби:—по моему мнѣнію, сдѣлаетъ правительство предметомъ національнаго уваженія, положитъ конецъ отдѣльнымъ ненормальнымъ явленіямъ въ странѣ, умирить религиозныя распри и искоренитъ чартизмъ». И притякихъ-то воззрѣніяхъ Конингсби становится въ парламентѣ представителемъ не торійскихъ, а мануфактурныхъ интересовъ, т. е. на практикѣ дѣлается выгомоъ, вопреки всей своей декламации.

Итакъ, все дѣло сводится къ тому, что въ Англіи не существуетъ будто бы политической вѣры, нѣтъ опредѣленныхъ идеаловъ для борьбы съ демократіей. Свободная монархія, со свободною печатью, съ муниципальными и приходскими органами, но безъ парламентскаго представительства, съ неопредѣленнымъ механизмомъ, устанавливающимъ налоги: (о налогахъ Конингсби выражается уклончиво, говоря, что они могутъ быть устроены лучше нынѣшней системы, обременяющей страну долгами)—таковъ идеалъ истинно-консервативнаго государственнаго строя, рисуемый авторомъ. Къ этому присоединяются еще кое-какія сантиментальныя дополненія, какъ, напримѣръ, руководство низшихъ классовъ высшимъ, въ силу бѣльшей чистоты аристократической крови, развитіе высокихъ чувствъ въ народѣ, національной привязанности къ правительству и возрожденіе національнаго характера, которое можетъ быть произведено только церковью. «Приходская система», поясняетъ авторъ:—хотя и потрясенная роковымъ закономъ о сѣднихъ, до сихъ поръ составляетъ самое древнее, самое понятное популярное учреждение страны; молодое поколѣніе священниковъ вообще отличается настроеніемъ, соответствующимъ своей высокой миссии, пренебрегавшейся ихъ предшественниками. Въ обществѣ растетъ сознаніе, что парламентское вмѣшательство въ церковныя дѣла не возвысило низшіе классы ни въ духовномъ, ни въ матеріаль-

номъ отношеніи. Раздѣлите государство съ церковью, и духовная власть, которая боролась противъ грубой силы мрачныхъ вѣковъ, противъ тирановъ-монарховъ и варваровъ-бароновъ, будутъ снова бороться противъ вліаній, новыхъ по формѣ, но старыхъ по содержанію, столь же эгонистическихъ, лишенныхъ чувства, варварскихъ. Служители Бога—это народные трибуны.

Приведенныхъ выписокъ довольно, чтобы выяснитъ, почему герой романа «Конингсби» является блѣднымъ и недоузданнымъ лицомъ. Онъ попалъ не на свое мѣсто. Его родина—обѣтованная земля Дизраэли, Палестина, а ему приходится вращаться въ сферѣ англійской политической жизни, придумывать общественные идеалы на древне-еврейскій образецъ среди работающаго витригующаго, страдающаго міра и, въ довершеніе всего, служить въ парламентѣ анти-торійскимъ интересамъ. Въ этомъ заключается приговоръ героямъ «новаго поколѣнія» Дизраэли. Въ «Танкредѣ» авторъ послѣдовательно, заставляя героя покинуть Европу...

XI.

Послѣдующая парламентская жизнь Дизраэли представляетъ лишь два замѣчательные момента, раздѣленные одинъ отъ другаго почти двадцатилѣтнимъ промежуткомъ: въ 1846 году, борьба противъ главы консервативной партіи, Роберта Пила, когда тотъ созналъ необходимость отмены хлѣбныхъ законовъ, и въ 1867 году, проведеніе второй парламентской реформы, которая дала право голоса хозяевамъ домовъ, ввела такъ называемый household suffrage. Послѣдніе четыре года, когда лордъ Бьюксфильдъ находится во главѣ правительства и энергически проводитъ свою восточную политику, дополняютъ его политическій характеръ, какъ авантюриста, поклонника героическихъ средствъ и какъ послѣдній результатъ дѣятельности торійской партіи въ Англии.

Какъ борьба противъ отмены хлѣбныхъ законовъ, такъ и проведеніе второй парламентской реформы, имѣютъ значеніе для политической характеристики Дизраэли только по отношенію къ его способу дѣйствій, какъ государственнаго человѣка; принципиальнаго въ обоихъ случаяхъ со стороны Дизраэли нѣтъ ничего. Къ тѣмъ политическимъ идеаламъ, которые мы привели изъ его романовъ, оба событія, насколько въ нихъ участвовалъ Дизраэли, не прибавляютъ ни одной черты. Непрактичный мечтатель, съ отъѣнкомъ великодушія и симпатіи къ бѣдствующимъ ближнимъ,

«къ народу», исчезаетъ: виденъ только талантливый интригантъ, не безъ успѣха пробивающій себѣ дорогу. Странно было бы, впрочемъ, осуждать Дизраэли за подобное рѣзкое несходство литературныхъ идеаловъ съ практическою дѣятельностью: условія англійской политической жизни должны были, во всякомъ случаѣ, служить исходнымъ пунктомъ дѣятельности англійскаго государственнаго человѣка. Но что онъ не забылъ своихъ идеаловъ и, по возможности, готовъ осуществить ихъ, тому доказательствомъ служитъ политика Биконсфильда на востокъ, стремленія увеличить силу и обаяніе власти короны въ самой Англии и, наконецъ, не всегда почтительное отношеніе къ парламентскимъ требованіямъ.

Биографъ Дизраэли не находитъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобъ заклеить его образъ дѣйствій въ 1846 году. Борьбу противъ Пилля онъ объясняетъ личными причинами, злобою Дизраэли противъ знаменитаго государственнаго человѣка за то, что тотъ, находясь нѣсколько лѣтъ на вершинѣ власти, будучи чуть не диктаторомъ Англии, не обратилъ вниманія на услужливость Дизраэли и домогательство какаго-нибудь мѣстечка въ министерствѣ. Отношенія Дизраэли къ Пиллю, во всякомъ случаѣ, составляютъ любопытную страницу въ биографіи лорда Биконсфильда. Пилль сперва ему покровительствовалъ, а Дизраэли немѣренно хвалилъ Пилля въ «Письмахъ Руинибеда» и другихъ произведеніяхъ того времени. Впослѣдствіи же дѣло дошло до крайней ненависти съ одной стороны и презрѣнія съ другой. Чистота побужденій Роберта Пилля въ отмініи хлѣбныхъ законовъ не подлежитъ никакому подозрѣнію: если онъ отступилъ отъ требованій торійской партіи, отъ покровительственной системы и добился безпошлиннаго ввоза въ Англію иностраннаго хлѣба, то къ этому его вынуждали интересы всей страны, которые онъ предпочелъ интересамъ своей партіи и крупныхъ землевладѣльцевъ. Вслѣдствіе болѣзни картофеля, голодъ угрожалъ Ирландіи, и съ цѣлью помощи голодающему населенію нужно было открыть порты Англии для ввоза иностраннаго хлѣба; открытыя разъ, они уже не могли быть потомъ закрыты. Организованная Кобденомъ «лига противъ хлѣбныхъ законовъ» вела дѣятельную агитацію въ странѣ и волновала общественное мнѣніе противъ министерства; партія виговъ, съ лордомъ Дж. Росселемъ во главѣ, заняла рѣшительное положеніе и готова была ввести въ Англію начала свободной торговли вполнѣ; наконецъ, самъ Пилль, при такихъ критическихъ обстоятельствахъ, потерялъ вѣру въ прочность протекціонизма и сознавалъ, что, при напряженномъ состояніи страны, реформу нужно произвести безъ лишнихъ потрясеній. Недоволь-

ныхъ его отступничествомъ было множество, и во главѣ ихъ стояли крупные собственники, герцоги Ричмондъ и Бокингемъ (бывшій покровитель Дизраэли, маркизь Чандосъ). Дизраэли, несмотря на свои туманныя, романтическія симпатіи къ народу, выступилъ на сторонѣ его угнетателей, доказывалъ неминуемое раззореніе страны отъ безпошлиннаго ввоза хлѣба, подобно тому, какъ свободная торговля будто бы раззорила Турцію и т. п. Главнымъ же поводомъ нападокъ Дизраэли на перваго министра, нападокъ, которыя, углубляясь въ прошлое, иногда оставляли въ сторонѣ сущность спора, была «непоследовательность» Пиза, измѣна торійскимъ принципамъ. Разумѣется, со стороны Дизраэли это былъ не серьезный приемъ, а простой политическій маневръ, съ цѣлю выдвинуться впередъ въ торійской партіи, что ему и удалось. Вообще лордъ Биконсфильдъ своимъ парламентскимъ поведеніемъ не разъ подтвердилъ на практикѣ самую дурную, безпринципную сторону парламентской политики.

На первое время, Дизраэли поставилъ вождемъ консерваторовъ лорда Бентина, сдѣлавъ этого недалекого лорда своимъ орудіемъ, а, со смертью его, взявъ въ свои руки фактическое предводительство торійской партіей, уступая все-таки номинальное первенство лорду Дерби, отцу недавняго министра иностранныхъ дѣлъ, и только послѣ Дерби—лѣтъ десять назадъ—гласно сдѣлался вождемъ консерваторовъ. Известно, что послѣдствія оправдали взглядъ Пиза на хлѣбные законы: благосостояніе страны ничего не потеряло отъ ихъ отмѣны, и даже интересы англійскаго крупнаго землевладѣнія процвѣтаютъ до сихъ поръ. Что касается политической несплѣдовательности, то, конечно, Дизраэли въ правѣ упрекать въ ней кого бы то ни было. Мы приводили уже теоретическія возрѣнія Дизраэли въ этомъ отношеніи; практическимъ подтвержденіемъ ихъ служить парламентская реформа 1867 года, по поводу которой онъ, въ своей извѣстной эдинбургской рѣчи, доказывалъ, что самый вопросъ о реформѣ, по своему историческому происхожденію, чисто торійскій вопросъ, такъ какъ «первоначально былъ возбужденъ великими англійскими государственными людьми начала прошлаго столѣтія», что, впрочемъ, и помимо этого, крупная конституціонная партія, какова торійская, не можетъ устраняться отъ вмѣшательства въ «такой жизненный и важный для всей страны вопросъ». Но такъ какъ вмѣшиваться въ вопросъ о парламентской реформѣ значитъ двигать его впередъ, то и выходитъ, что торійская партія, не различаясь отъ виговъ, подходитъ подъ опредѣленіе Конингсби, сдѣланное партіи уступокъ въ Англии, какъ противовѣсу партіи «разрушительной». Торійская партія совершила, повидимому, полный циклъ своего развитія; Диз-

Дизраэли пытался сдѣлать ее партией консервативно-національной, какъ въ смыслѣ вѣшняго блеска, такъ и—правильнаго пониманія неотложныхъ, наименьшихъ потребностей страны, какова парламентская реформа 1867 года.

Какъ первый министръ, лордъ Биксонфильдъ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ вредныхъ для Англіи министровъ, хотя итоги его личной дѣятельности еще далеко не подведены. Но задачи торійской партіи имъ формулированы ясно: послѣ Биксонфильда, для нея нѣтъ иного опорнаго пункта, кромѣ усиленной королевской власти, опирающейся на темную массу пролетаріевъ. Но такъ какъ при этомъ необходимъ талантливый вождь, а такого въ рядахъ нынѣшнихъ консерваторовъ пока не видно (лордъ Салисбери мелокъ и безцвѣтенъ, Дерби—слишкомъ благороденъ для такой роли и, съ другими лучшими людьми партіи, вѣроятно, перейдетъ въ либераловъ), то едва ли лордъ Биксонфильдъ не составитъ послѣдней эффектной страницы въ исторіи англійскихъ тори. Вѣшнихъ предпріятій достанетъ ненадолго, и исходъ ихъ въ Азію, по меньшей мѣрѣ, сомнителенъ для Великобританіи. Въ пролитой крови, издержанныхъ деньгахъ потребуетъ реальный отчетъ, передъ которымъ духъ «джингонизма» или героическо-восточный элементъ англійской политики долженъ будетъ смириться. Около десяти лѣтъ назадъ, мы были свидѣтелями демократическихъ реформъ Гладстона, которыя отвѣчали реальнымъ нуждамъ массы населенія Англіи. Тогда Дизраэли яростно противился имъ, и до сихъ поръ пытается отвести глаза народу, при помощи наемной печати. Но рано или поздно эти нужды проснутся опять, и попытка перенести центръ тяжести Британіи въ Индійскую имперію можетъ кончиться дѣйствительно основаніемъ тамъ военной монархіи, но уже чисто азіятской, а «далекій, туманный островъ» будетъ имѣть свою особую судьбу, указываемую исторіей и непосредственными интересами его населенія.

Н. Поповскій.

МОЯ МУЗА.

Портреты музъ своихъ писали всѣ поэты.
Онѣ являлись имъ: по-гречески раздѣты,
Съ восторженнымъ огнемъ въ сіяющихъ очахъ,
Воздушны, хороши, съ цѣвницами, въ вѣнкахъ...
Моя не такова... Старушка, вся сѣдая,
Въ чепцѣ, съ чулкомъ въ рукахъ, прищурясь и моргая,
Частенько по ночамъ является ко мнѣ,
Какъ будто на яву, а, можетъ, и во снѣ,
Какъ нянька, и меня, свое дитя больное,
Баюкаетъ она то пѣсенкой родною,
То сказки говорить, то рядъ живыхъ картинъ
Показываетъ мнѣ; не мало и былинъ
О старинѣ поетъ, о тѣхъ, кому могила
Холодною землей давно уста закрыла,
И съ небылицей былъ плететь она шутя.
И, выпучивъ глаза, какъ малое дитя,
Я слушаю ее... Какъ просто и наглядно
Звучитъ ея рассказъ, какъ музыкально складно...
А сколько теплыхъ словъ, завѣтныхъ чувствъ родныхъ
Мнѣ слышится въ рѣчахъ разумныхъ, хоть простыхъ.
Мнѣ кажется, что все въ ея рассказахъ ясно...
Что пѣсни наизусть всѣ знаю я прекрасно...
Что рядъ живыхъ картинъ, видѣній пестрый рой,
Въ душѣ моей живутъ, со всей ихъ красотой,
Какъ въ зеркалѣ... Но вотъ, прощается старуха:
«Усни, дружокъ, пора! Тихонько шепчетъ въ ухо...
«Да не лѣнься, смотри, и завтра запиши,
«Что рассказала я тебѣ въ ночной тишѣ».
Ну, вотъ я и пишу... Но все выходитъ блѣдно —
И пѣсенки звучать надтреснуто и бѣдно...

КРЫЛЬЯ.

Мнѣ снился сонъ и странный, и тревожный:
Что будто бы умѣю я летать,
Когда хочу... (Во снѣ порою можно
Ужасную нелѣпость увидеть...).

По грязной улицѣ, въ ночную пору,
Иду во снѣ, по лужамъ и въ потьмахъ.
Мнѣ тяжело, дорога вьется въ гору,
А я тащусь въ промокшихъ сапогахъ
И слышу вдругъ какой-то шопотъ сладкій:
«Вѣдь крылья есть!.. Зачѣмъ же не летишь,
«А какъ червякъ ползешь по лужѣ гадкой —
«И падаешь, и ощушь скользишь?..»

Тутъ сила новая во мнѣ проснулася,
И смѣлю, и легкою ногой
Отъ грязи, отъ земли я оттолкнулася,
И въ воздухъ лечу... Лечу—стрѣлой..

Несетъ меня невѣдомая сила,
Мнѣ дышется такъ вольно и легко...
Въ густой туманъ закутавшись уныло,
Внизу земля осталась далеко...

А на верку волшебной красотою
Сіяетъ ночь въ порфирѣ голубой,
И полно все чудесной тишиною
И вѣчною, холодной чистотою.

Земля и жизнь, волненія и страсти,
Страданія людей оттуда такъ смѣшны,
Что глазки звѣздъ безъ всякаго участья
Глядятъ на нихъ изъ синей глубины...

Но мнѣ летать тамъ скоро надобло,
И съ высоты спустилася я опять,
Чтобъ вновь начать свое земное дѣло:
Скользить въ грязи—и падать, и страдать!..

ВЪ АЛЬБОМЪ СЧАСТЛИВИЦЪ.

«Взгляните на птицы небесныя и т. д.»

Съ птичьей головкой на свѣтъ уродилась,
Пѣла, поркала, сыскала самца,
Птичьей любовью въ супруга влюбилась:
Счастлива ты, милый другъ, безъ конца...
Въ гнѣздышкѣ скрывшись отъ бурь и ненастья,
Съ гордостью глупыхъ выводилъ птенцовъ,
Въ тепломъ навозѣ семейнаго счастья
Ищешь съ супругомъ любви червячковъ...
Зависть беретъ, какъ живешь ты привольно
Птичій свой вѣкъ—безъ борьбы, безъ страстей,
Думъ безпокойныхъ, сомнѣній невольныхъ,
Глупыхъ стремленій... и горя людей...

А. Барыкова.

РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Альфонса Додэ.

I.

Пожалованный орденомъ.

Однажды вечеромъ, въ Алжиріи, послѣ дня, проведеннаго на охотѣ, сильная гроза застала меня въ долинѣ Шелифа, въ нѣсколькихъ лѣ отъ Орлеанвилля. Ни признака деревушки, ни одного каравансерала въ виду. Одни только низенькія пальмы, да чаща мастиковаго кустарника, да вспаханная земля, тянувшаяся до самаго горизонта. Кромѣ того, разбухшій отъ ливня Шелифъ начиналъ бурлить весьма подозрительно, и я рисковалъ провести ночь по колѣна въ водѣ. Къ счастью, сопровождавшій меня гражданскій переводчикъ изъ канцеляріи Миліанахской провинціи вспомнилъ, что по близости отъ насъ обитало племя, ага котораго былъ знакомъ ему, и мы рѣшились идти туда и просить на ночь гостепріимства.

Эти степныя арабскія деревушки такъ спрятаны въ чащѣ кактусовъ и варварійскихъ смоковницъ; ихъ мазанки такія низенькія, что мы находились уже посреди «дуара»¹, не замѣчая этого. Но чтѣ значило это молчаніе? Поздній ли часъ или дождь былъ причиной его? Мѣстечко показалось мнѣ очень унылымъ, словно надъ нимъ тяготѣла какая-нибудь невзгода, остановившая

¹ Дуаръ то же, что у горцевъ аулъ.

въ немъ всякую жизнь. Въ поляхъ, окружавшихъ деревушку, замѣчалась запущенность. Хлѣбъ и ячмень, убранные въ другихъ мѣстахъ, здѣсь еще лежали на мѣстѣ, начиная гнить. Плуги и ржавыя бороны валялись забытыя подъ дождемъ. Все племя имѣло тоже самый унылый, неряшливо-равнодушный видъ. Даже собаки едва залаяли при нашемъ приближеніи. По временамъ, изъ глубины какой-нибудь мазанки доносились дѣтскіе крики и въ зеленой чащѣ мелькали бритая голова мальчишка или дырявый гайкъ старика. Тамъ и сямъ маленькіе ослики дрожали подъ кустомъ. Но ни одной лошади, ни одного человѣка... какъ будто это происходило въ эпоху великихъ войнъ, и всѣ всадники уже нѣсколько мѣсяцевъ были въ отсутствіи.

Въ домѣ аги, походившемъ на длинную ферму, безъ оконъ и съ выбѣленными стѣнами, было такъ же мертво, какъ и во всѣхъ другихъ домахъ. Мы нашли конюшни отворенными, стояла ясли пустыми; не было ни одного конюха, чтобы принять у насъ лошадей.

— Заглянемъ въ мавританскую кофейню, сказалъ мнѣ мой спутникъ.

Такъ называемая «мавританская кофейня» есть нѣчто въ родѣ приемной комнаты арабскихъ шатленовъ. Это отдѣленіе въ домѣ, предназначенное для проѣзжихъ гостей, гдѣ эти добрые, привѣтливые мусульмане находили возможность выказать свое гостепріимство, не нарушая въ то же время семейной замкнутости, предписываемой закономъ. Мавританская кофейня аги Си Слимана была отворена и безмолвна, подобно его конюшнямъ. Высокія стѣны, выбѣленные известкой, воинскіе доспѣхи, страусовыя перья, широкій низкій диванъ, тянувшійся вдоль стѣнъ, все это было вымочено дождемъ, хлеставшимъ въ отворенныя двери. Въ кофейнѣ, однакъ-же, были люди. Вс-первыхъ, служитель кофейни, старый кабилъ въ лохмотьяхъ, сидѣвшій на корточкахъ, съ понуренной головой, передъ потухшей жаровней. Потомъ, сынъ аги, красивый мальчикъ, блѣдный, изнуренный лихорадкой, который, завернувшись въ бурнусъ, отдыхалъ на диванѣ и у ногъ котораго лежали двѣ борзые собаки.

Когда мы вошли, никто не пошевелился, только одна изъ собакъ подняла голову. Мальчикъ едва взглянулъ на насъ своими прекрасными черными глазами, горѣвшими лихорадочнымъ блескомъ.

— А Скъ-Слиманъ? спросилъ переводчикъ.

Кабилъ, поднимая руку надъ головой, сдѣлалъ неопредѣленный жестъ, указывавшій на дальній горизонтъ. Мы поняли

что Си-Слиманъ уѣхалъ куда-то далеко, но такъ какъ ливень мѣшалъ намъ продолжать путь, то переводчикъ, обратясь къ сыну аги, сказалъ ему по-арабски, что мы друзья отца его и просимъ у него убѣжища до завтрашняго утра. Мальчикъ тотчасъ же всталъ, несмотря на недугъ, отдалъ приказаніе слугителю и указалъ намъ, съ привѣтливымъ видомъ, на диванъ, такъ бы говоря: «Вы мои гости». Потомъ онъ простился съ нами по-арабски, т. е. наклонивъ голову и поцѣловавъ кончики своихъ пальцевъ, гордо закутался въ свой бурнусъ и вышелъ съ важностью аги и хозяина дома.

Кабиль, по уходѣ его, подогрѣлъ жаровню и поставилъ на ней два микроскопическихъ чайника. Пока онъ приготовлялъ намъ кофе, намъ удалось выпытать отъ него нѣкоторыя подробности о путешествіи его господина и о причинахъ странной заброшенности, въ которой находилось племя. Кабиль говорилъ скоро, съ жестами старухи, на своемъ гортанномъ языкѣ; рѣчь его была то стремительна, то прерывалась долгимъ молчаніемъ, во время котораго слышался и шумъ дожда, падавшего на мозаику внутреннихъ дворовъ, и шипѣніе чайниковъ и вой шакаловъ, въ безчисленномъ множествѣ бродившихъ по равнинѣ.

Вотъ что случилось съ несчастнымъ Си-Слиманомъ. За четыре мѣсяца передъ тѣмъ, въ день 15-го августа¹, онъ получилъ, наконецъ, орденъ Почетнаго Легіона, котораго добивался такъ долго. Онъ былъ единственный ага во всей провинціи, у котораго его не было. Всѣ другіе были кавалерами и офицерами ордена. Двое или трое изъ нихъ носили даже командорскую ленту, вокругъ своего «гайка», въ которую они, въ невинности души своей, сморкались, какъ мнѣ случалось это видѣть не разъ самому. Си-Слиману, до того времени, препятствовала получить эту награду ссора его съ начальникомъ арабской канцеляріи за партіей бульотты. Военныя власти въ Алжирѣ до такой степени поддерживаютъ другъ друга, что, въ теченіи десяти лѣтъ, имя аги вычеркивалось изъ списка представленныхъ къ ордену. И потому вы легко можете себѣ вообразить, какова была радость этого честнаго Си-Слимана, когда утромъ 15-го августа, спавшій изъ Орлеанвиль принесъ ему маленькій позолоченный футляръ, заключавшій въ себѣ грамоту о пожалованіи его кавалеромъ Почетнаго Легіона, и когда любимая изъ четырехъ женъ его, Бая, повѣсила крестъ на его бурнусъ изъ верблюжь-

¹ Именины Наполеона III.

ей шерсти. Это послужило для племени поводомъ къ безконечному ликованію. Всю ночь не умолкали барабаны и тростниковыя дудки; горѣли потѣшныя огни, шла пляска. Бараболовъ было зарѣзано огромное количество, и для того, чтобы торжество было полное, одинъ знаменитый импровизаторъ изъ Дженелы, сложилъ въ честь Си-Слиманъ великолѣпнѣйшую кантату, начинавшуюся словами: «Вѣтеръ! запрагай своихъ быстроногихъ коней и неси добрую вѣсть...

На другой день, съ разсвѣтомъ, Си-Слиманъ созвалъ всѣхъ своихъ всадниковъ и отправился съ ними благодарить губернатора. У городскихъ воротъ отрядъ, по обычаю, остановился, и Си-Слиманъ одинъ пошелъ во дворецъ правительства; онъ явился къ маршалу Пелиссье и выразилъ въ нѣсколькихъ пышныхъ фразахъ свою преданность Франціи; разумѣется, выразилъ восточнымъ слогомъ, стяжавшимъ себѣ репутацію образнаго, на томъ основаніи, что, въ продолженіи трехъ тысячъ лѣтъ, у восточныхъ народовъ молодые мужчины сравниваются съ пальмами, а женщины — съ газелями. Исполнивъ свои обязанности, онъ сѣлъ на коня и проѣхался по городу, чтобы показать себя; заѣхалъ въ мечеть помолиться, одѣлилъ бѣдныхъ деньгами, потомъ завернулъ въ цирюльню, въ золотошвейную, накупилъ своимъ женамъ духовъ, шелковыхъ матерій съ золотыми цвѣтами и разводами, голубыхъ корсажей, вышитыхъ золотомъ, и приобрѣлъ красныя сапожки для своего маленькаго аги, нигдѣ не торгуясь, платя что запрашивали и не скрывая своей радости. Его видѣли сидящимъ на базарѣ, на смиренскихъ коврахъ; пьющимъ кофе на порогѣ мавританскихъ лавокъ; принимавшимъ поздравленія.

Вокругъ него тѣснилась съ любовью толпа. Говорили: «вотъ Си-Слиманъ... *embarour* (императоръ) прислалъ ему крестъ». И маленькія мавританки, возвращавшіяся изъ бани, кушая сладкіе пирожки, останавливали долгій и восхищенный взглядъ на этомъ новенькомъ, серебрянномъ крестѣ, носимомъ съ такою гордостью... Да! хорошія минуты бывають иногда въ жизни...

Подъ вечеръ, Си-Слиманъ готовился возвратиться къ своимъ всадникамъ, и уже вдѣлъ ногу въ стремя, какъ посланный изъ префектуры прибѣжалъ къ нему запыхавшись.

— Ты здѣсь, Си-Слиманъ; а я ищу тебя всюду. Иди скорѣй. Губернаторъ хочетъ съ тобой говорить.

Си-Слиманъ послѣдовалъ за нимъ, не обнаруживъ ни малѣйшаго безпокойства. Однакожъ, на большомъ мавританскомъ дворѣ дворца онъ встрѣтилъ начальника арабской канцеляріи, улыбнувшася ему нехорошей улыбкой. Эта улыбка врага

его испугала; и онъ со страхомъ вошелъ въ приемную губернатора. Маршалъ принялъ его, сидя верхомъ на стулѣ.

— Си Слиманъ! сказалъ онъ ему тѣмъ гнусливымъ голосомъ, который приводилъ въ содроганіе окружающихъ:—Си Слиманъ, я въ отчаяніи, мой милый!. Произошла ошибка... не тебя хотѣли пожаловать, а Каида Зугъ-Зуговъ... надо возвратить крестъ...

Прекрасная бронзовая голова Си-Слимана покраснѣла, словно онъ приблизился къ огню кузницы. Массивное тѣло его конвульсивно вздрогнуло; пламя свергнуло въ глазахъ; но это былъ блескъ молніи. Онъ тотчасъ же опустил ихъ, и склонилъ голову передъ губернаторомъ.

— Ты властенъ, господинъ... отвѣчалъ онъ, и, сорвавъ крестъ съ груди, положилъ его на столъ. Рука его дрожала. Слезы видѣлись на его длинныхъ рѣсницахъ. Старикъ Пелиссе былъ тронутъ.

— Ну, полно, полно... мой храбрый ага... Въ будущемъ году ты его получишь... И онъ добродушно протянулъ ему руку.

Ага сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого; молча поклонился и вышелъ. Онъ зналъ цѣну обѣщаніямъ маршала, и считалъ себя навѣкъ опозореннымъ канцелярской интригой.

Слухъ объ его несчастіи уже разнесся по городу. Когда онъ проходилъ улицей Бабъ-Азунъ, жида, смотря на него, посмѣивались Мавританскіе купцы, напротивъ, отвергивались отъ него съ видомъ состраданія, и это состраданіе было для него еще тяжелѣе насмѣшекъ. Онъ жался къ стѣнамъ, выбиралъ самыя темныя переулки. Мѣсто, гдѣ висѣлъ сорванный крестъ, жгло его, какъ открытая рана. И все время онъ думалъ:

«Что скажутъ мои всадники? Что скажутъ мои жены?»

Тогда имъ овладѣвало бѣшенство. Онъ видѣлъ себя проповѣдующимъ священную войну, тамъ — на границахъ Мароко, вѣчно объятыхъ пламенемъ битвъ и пожаровъ—или бѣгущимъ по улицамъ Алжира во главѣ своего племени; грабящимъ жидовъ, умерщвляющимъ христіанъ и, наконецъ, погибающимъ посреди этого погрома, который помогъ ему скоронить свой стыдъ. Все казалось ему возможнымъ, чѣмъ возвращеніе къ своему племени... Вдругъ, посреди всѣхъ этихъ плановъ мести, мысль объ ембегоу'ѣ блеснула ему внезапнымъ свѣтомъ.

Эмберуръ! Для Си Слимана, какъ и для всѣхъ арабовъ, идея справедливости и могущества резюмировалась въ одномъ этомъ словѣ. Это былъ настоящій глава правотѣрныхъ для этихъ мусульманъ временъ паденія. Другой, тотъ, что въ Стамбулѣ,

являлся имъ вдалекѣ, какимъ-то не реальнымъ существомъ, чѣмъ-то въ родѣ невидимаго папы, сохранившимъ только духовную власть, а въ наше время извѣстно, что такое эта власть. Но embeour, съ своими большими пушками, съ своими зуавами, съ своимъ желѣзнымъ флотомъ!.. Съ той минуты, какъ Си-Слиманъ вспомнилъ о немъ, онъ считалъ себя спасеннымъ. Императоръ, навѣрное, велитъ возвратить ему крестъ. Стоитъ только съѣздить въ Парижъ, а это дѣло одной недѣли. И Си-Слиманъ такъ вѣрилъ этому, что велѣлъ своимъ всадникамъ ожидать его возвращенія у воротъ Алжира. На другой день, онъ уже плылъ на пароходѣ, сосредоточенный, полный яснаго спокойствія, какъ будто отправлялся на богомолье въ Мекку.

Бѣдный Си-Слиманъ! Четыре мѣсяца прошло со времени его отъѣзда, а въ письмахъ, которыя получали отъ него жены, не было еще и помину о возвращеніи. Цѣлыхъ четыре мѣсяца злополучный ага блуждалъ затерянный въ парижскомъ туманѣ. Вся жизнь его проходила теперь въ томъ, что онъ съ утра до ночи толкался по министерствамъ. Попавшій въ этотъ лабиринтъ французской администраціи, поднимаемый всюду на смѣхъ, отсылаемый изъ канцелярій въ канцелярію, онъ, въ тщетной погонѣ за аудіенціей, только пачкалъ свои бурнусы, бросая ихъ на ащия съ дровами, стоящіе въ прихожихъ. Вечеромъ можно было видѣть, какъ онъ съ своимъ длиннымъ, печальнымъ лицомъ, съ величавостью, доходившей до комизма, ожидалъ въ конторѣ отелъ-гарни своего ключа; и потомъ поднимался къ себѣ, утомленный, измученный, но, по прежнему, гордый, и не терявшій надежды возвратить свою утраченную честь.

А между тѣмъ, его всадники, присѣвши на корточкахъ у Бабъ-Азунскихъ воротъ, ожидали его съ восточнымъ фатализмомъ. Ихъ лошади ржали на привязи. Въ деревушкѣ царствовало запустѣніе. Для жатвы недоставало рукъ. Женщины и дѣти считали дни, обращая взоры въ сторону Парижа. Тяжело было видѣть, сколько надеждъ и тревогъ сопряжено было съ этой красной ленточкой, какое развореніе она повлекла за собой.. И когда же это все кончится?

— Одному Богу извѣстно, говорилъ старый кабилъ, вздыхая; и своей голой рукой указалъ намъ въ отворенную дверь, на маленькій бѣловатый полумѣсяцъ, всходившій надъ унылой и моррой равниной...

II.

Продается домъ.

Надъ деревянными, плохо затворявшимися воротами, въ которыя набиралась съ дороги земля, смѣшиваясь съ пескомъ палисадника, давнымъ давно прибитъ былъ ярлыкъ, неподвижно висѣвшій въ лѣтніе, знойные дни, и уныло качавшійся при осеннемъ вѣтрѣ, съ надписью «продается домъ». Судя по молчанію, царствовавшему вокругъ, это значило также: покинутый домъ. И, однакожь, кто-то жилъ здѣсь. Тонкая струя дыма, выходившая изъ кирпичной трубы, чуть-чуть возвышавшейся надъ стѣной, говорила о чьемъ-то грустномъ, уединенномъ и скромномъ, какъ этотъ дымокъ бѣднаго очага, существованіи. Но въ отверстіе, между скрипѣвшими половинками воротъ, вмѣсто пустоты и запущенности, свидѣтельствующей о продажѣ или отъѣздѣ, видѣлись вычищенные дорожки, грядки, лейки около бассейна и садовые инструменты, приставленные къ дому. Это былъ простой крестьянскій домикъ, съ лѣстницей посрединѣ, нижній этажъ котораго выходилъ окнами на солнечную сторону, и имѣлъ видъ какой-то теплицы. На ступенькахъ крыльца стояли стеклянные колпаки, пустые, опрокинутые цвѣточные горшки; другіе, съ геранями и вервенами, разставлены были на бѣломъ, горячемъ пескѣ... Въ саду не было никакой тѣни, за исключеніемъ той, которую давали два три большіе каштана; фруктовые деревья, въ видѣ опахала или шпалеры распускавшія на солнцѣ свою тощую листву, находились здѣсь, очевидно, только ради плодовъ; далѣе шли грядки съ ягодами, насаженъ былъ горохъ; и посреди всего этого, посреди этой тишины и порядка, старикъ въ соломенной шляпѣ цѣлый день бродилъ по аллеямъ, срѣзывалъ, очищалъ вѣтки, поливалъ цвѣты.

Этотъ старикъ никого не зналъ въ той сторонѣ. Кромѣ булочника, тележка котораго останавливалась у каждаго воротъ въ деревушкѣ, никто не заѣзжалъ къ нему. Иногда какой-нибудь прохожій, искавшій купить себѣ въ этихъ мѣстахъ, вообще очень плодородныхъ и удобныхъ для разведенія фруктоваго сада, клочекъ земли, увидя ярлыкъ, подходилъ къ воротамъ и звонилъ. Сначала домъ оставался глухъ. При второмъ звонкѣ, раздавался стукъ деревянныхъ башмаковъ; чьи-то шаги медленно приближались. Старикъ, пріотворивъ ворота, сердито спрашивалъ:

— Что вамъ нужно?

— Домъ продается?

— Да... отвѣчалъ старикъ:— продается, но я предупреждаю васъ, что за него просать очень дорого. И его рука, готовая затворить ворота, заграждала ихъ. Взоръ его, дышавшій гнѣвомъ, прогонялъ посѣтителя. И онъ опять оставался одинъ, сторожа, какъ драконъ, свои овощи, свой посыпанный пескомъ дворъ; а прохожій продолжалъ свой путь, спрашивая себя, что это за сума шедшій, продающій свой домъ, и въ тоже время не желающій съ нимъ разстаться?

Я случайно узналъ эту тайну. Однажды, проходя мимо дома, я услышалъ оживленные голоса, шумъ спора.

— Надо продать, папаша; надо продать; вы обѣщали.

Старикъ отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ.

— Но я ничего лучшаго не желаю, дѣти мои, какъ продать... Вы видите я приближъ ярыль.

Я узналъ такимъ образомъ, что его заставляютъ сбыть съ рукъ этотъ любимый уголокъ его сыновья и невѣстки, мелкіе парижскіе лавочники. Зачѣмъ? это было мнѣ неизвѣстно. Но только они очевидно находили, что дѣло тянется слишкомъ долго, и съ этого дня, каждое воскресенье аккуратно дымались къ несчастному старику тормошить его, приставать, чтобы онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Съ дороги, посреди этого глубокаго воскреснаго молчанія, когда и самая земля отдыхаетъ послѣ семидневнаго воздѣлыванія и обѣмненія, я это очень явственно слышалъ. Лавочники разговаривали, спорили между собой. Ихъ крикливые рѣзкіе голоса повторяли на всѣ лапы слово «деньги». Вечеромъ, весь этотъ людъ разѣзжался. Старикъ, проводивъ ихъ до середины дороги, послѣшно возвращался къ себѣ и затворялъ за собой тяжелыя ворота, счастливый, что передъ нимъ еще цѣлая недѣля отсрочки. На цѣлую недѣлю въ домѣ опять водворялось молчаніе. Въ маленькомъ садикѣ, палимомъ солнцемъ, слышалось только какъ хрустѣлъ песокъ подъ тяжелыми шагами или подъ заступомъ.

Съ каждой недѣлей, однакожъ, старика все болѣе и болѣе тревожили. Лавочники не давали ему покоя, пуская въ ходъ всевозможныя средства. Привозили къ нему внучатъ, чтобы соблазнять его.

— Вотъ, дѣдушка, когда домъ у васъ купятъ, вы будете жить вмѣстѣ съ нами.. Какъ намъ всѣмъ будетъ весело!—И во всѣхъ углахъ шли разговоры; по аллеямъ разгуливали, дѣлая вслухъ вычисленія. Однажды я слышалъ, какъ одна изъ дочерей вскри-

чала: — Лачуга не стоит и двух су; она только годна на сломъ.

Старикъ слушалъ молча. О немъ говорили, какъ будто онъ умеръ; объ его домѣ, какъ будто онъ уже разрушенъ. Онъ бродилъ, сгорбившись, со слезами на глазахъ и, по привычкѣ, ища, мимоходомъ, не нужно ли гдѣ отрѣзать засохшую вѣтку, полить цвѣтокъ; чувствовалось, что жизнь его такъ глубоко пустила корни въ этомъ уголкѣ, что онъ никогда не будетъ въ силахъ оторваться отъ него. И дѣйствительно, что ни говорили ему, онъ все оттягивалъ, все отлагалъ отъѣздъ. Лѣтомъ, когда начинали поспѣвать вишни, черная смородина, онъ говорилъ себѣ:— Подожду сбора... потомъ сейчасъ же продамъ...

Но вотъ кончался сборъ. За вишнями слѣдовали персики, виноградъ, а потомъ поспѣвалъ красивый, темный плодъ кизильника, который срываютъ почти подъ снѣгомъ. Наконецъ, наступала зима. Темныя поля смотрѣли уныло; садъ пустѣлъ. Не было больше ни прохожихъ, ни покупателейъ. Даже лавочники не являлись по воскресеньямъ. Три доліе мѣсяца отдыха, для того, чтобы заготовить сѣмена, подрѣзать плодовые деревья. А между тѣмъ, бесполезный арлыкъ, все виситъ надо воротами, колеблемый вѣтромъ, мовнуцій подъ дождемъ.

Наконецъ, семья старика, потерявъ терпѣніе и видя, что онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы отбить покупателейъ, рѣшились на крайнюю мѣру. Одна изъ невѣстокъ поселилась съ нимъ. Это было маленькая женщина, съ утра разодѣтая, и съ тѣмъ притворно-добродушнымъ видомъ, съ той назойливой любезностью и предупредительностью, которыми отличаются магазинщицы. Дорога, казалось, принадлежала ей. Она отворила настежь ворота; громко и много разговаривала; улыбалась прохожимъ, какъ бы говоря:

— Пожалуйте... посмотрите... этотъ домъ продается.

Кончились всѣ отсрочки для бѣднаго старика. Иногда стараясь забыть, что она находится тутъ, онъ копалъ свои грядки, и снова засѣвалъ ихъ подобно тому, какъ близкіе къ смерти люди строятъ различные планы, чтобы обмануть свои опасенія. Лавочница все время слѣдила за нимъ, приставала къ нему:

— Къ чему это? Вы, значить, трудитесь для другихъ?

Онъ не отвѣчалъ ей, а продолжалъ работать съ какимъ-то ожесточеннымъ упорствомъ. Запустить свой садикъ—вѣдь это значило бы ужъ отчасти лишиться его, начать отъ него отрываться. На дорожкахъ нигдѣ не пробивалась трава; на розовыхъ кустахъ не было ни одной тунейдной вѣтки.

Но покупщики пока не являлись. Тогда было военное время; и сколько ни стояла лавочница у воротъ, какъ ни умильно по-сматривала на дорогу, по ней тянулись только возы съ кладью и только пыль летѣла на дворъ. Съ каждымъ днемъ, эта дама становилась все болѣе и болѣе раздражительной. Дѣла требова-ли ея возвращенія въ Парижъ. Я слышалъ, какъ она осыпала своего свекра упреками, дѣлала ему сцены, хлопала дверями. Старикъ ѣжилса, не говоря ни слова, и утѣшался тѣмъ, что его горюшекъ начинать всходить. А ярлыкъ всё висѣлъ на томъ же мѣстѣ, все гласилъ, что домъ продается.

Въ нынѣшнемъ году, прїѣхавъ въ деревню, я опять увидѣлъ этотъ домъ; но, увы! ярлыка уже не было. Свершилось! домъ продали! Прежнее сѣренькое крыльцо замѣнилось зеленой дверью, только что выкрашенной, съ разукрашеннымъ фронтономъ, и рѣшетчатымъ отверстіемъ, сквозь которое можно было разглядѣть садикъ. Это уже не былъ прежній фруктовый садъ. Тамъ пона-дѣланы были разныя украшенія въ буржуазномъ вкусѣ; видѣ-лись миниатюрныя лужайки, каскады, цвѣтники—и все это отра-жалось въ большомъ металлическомъ шарѣ, качавшемся надъ входомъ. Но кромѣ дорожекъ, окаймленныхъ яркими, бросающи-мися въ глаза цвѣтами, этотъ шаръ отражалъ въ себѣ также двѣ человѣческія фигуры: толстаго старика, съ краснымъ и потнымъ лицомъ, сидѣвшаго въ садовыхъ креслахъ, и непомѣр-но толстую даму, которая, запыхавшись и махая лейкой, кри-чала:

— Цѣлыхъ четырнадцать вылила на балзаминны!

Надъ домомъ надстроили еще этажъ; садикъ обнесли новой рѣшеткой; и въ этомъ маленькомъ уголкѣ, отдѣланномъ заново, и гдѣ еще пахло краской, брячало неумолкаемо фортепiano; слышались модныя кадрили и польки, играемыя на публичныхъ балахъ. Эти плясовые мотивы, въ соединеніи съ июльской пылью, эти яркіе, большіе цвѣты, эта толстая дама, эта чрезмѣрная, и тривиальная веселость, сжимали мнѣ сердце. Я думалъ о бѣд-номъ старикѣ, который гулялъ здѣсь, такой счастливый и спо-койный; я представлялъ его себѣ въ Парижѣ, съ его соломенной шляпой и спиной стараго садовника, блуждающимъ въ заднихъ комнатахъ какого нибудь магазина... скучнымъ, застѣнчивымъ, чуть не плачущимъ, между тѣмъ, какъ его торжествующая невѣ-стка сидитъ въ новой конторѣ, гдѣ звенятъ деньги изъ малень-каго торговаго дома.

III.

КАБЕСИЛЬЯ.

Святой отецъ только что отслужилъ свою обѣдню, когда къ нему привели плѣнныхъ. Это было въ дикомъ уголкѣ, въ горахъ Аричудеги. Обвалившаяся скала, надъ которой возвышался кривой стволъ колоссальнаго фиговаго дерева, образовала нѣчто въ родѣ алтаря, покрытаго вмѣсто пелены карлистскимъ знаменемъ съ серебрянной бахромой. Солдаты Донъ-Карлоса безмолвными рядами выстроились вокругъ, съ ружьями на перевязяхъ, преклонивъ одно колѣно и подложивъ подъ него свой бѣлый беретъ. Пасхальное наваррское солище, казалось, сосредоточивало весь палящій зной лучей своихъ на этомъ ущельи, гдѣ только полетъ сѣраго дрозда по временамъ нарушалъ монотонность церковнаго пѣнія. Выше, на зубчатыхъ горахъ, рисовались неподвижныя силуэты часовыхъ. Странное зрѣлище представлялъ этотъ попъ и начальникъ войска, служившій обѣдню посреди своихъ солдатъ. И какъ это двойное существованіе Кабесилья читалось на его физиономіи! Выраженіе экстаза, суровыя черты, жесткость, которая еще болѣе выступала, вслѣдствіе бронзоваго цвѣта лица, какой пріобрѣтаетъ солдатъ на войнѣ; аскетизмъ безъ блѣдности, аскетизмъ, которому не доставало мрака монастырскихъ сводовъ; маленькіе черные глаза, очень блестящіе, необычайно толстыя жилы на лбу, казалось, связывавшія мысль какъ веревками, останавливавшія ее, державшія въ упрямой неподвижности.

Каждый разъ, какъ онъ повертывался къ присутствовавшимъ, подымая руки для благословенія и произнося свое Dominus Vobiscum — подъ его эпитрахилью виднѣлся мундиръ, ручка пистолета, или рукоятка каталонскаго ножа. «Что онъ съ нами сдѣлаетъ?» думали въ ужасѣ плѣнные, и, пока служилась обѣдня, припоминали всѣ слышанные ими рассказы о звѣрствахъ Кабесилья, стяжавшихъ ему особое прозвище въ роялистской арміи.

Но, какимъ-то чудомъ, святой отецъ находился въ то утро въ милостивомъ настроеніи духа. Эта обѣдня на чистомъ воздухѣ, побѣда, одержанная наканунѣ, а также и праздникъ пасхи, къ которому этотъ странный попъ относился еще не совсѣмъ индифферентно, сообщили лицу его выраженіе радости и доброты. По окончаніи обѣдни, между тѣмъ, какъ церковный служитель, Мигуэль, въ сумѣ котораго стучали патроны, убиралъ съ алтаря

священные сосуды и укладывалъ ихъ въ большой ящикъ, слѣдовавшій обыкновенно позади отряда, на спинѣ мула—патеръ приблизился къ плѣннымъ. Это была горсть республиканскихъ карабинеровъ. Утомленные въ битвѣ, продолжавшейся цѣлый день, они провели бессонную ночь на соломѣ въ овчарнѣ, куда ихъ заперли послѣ дѣла; и теперь, пожелтѣвъ отъ страха, изнемогая отъ голода, жажды и усталости, жались другъ къ другу, какъ стадо на дворѣ бойни. Сѣно, набившееся въ мундиры, аммуниція, безпорядочно надѣтая во время сна или бѣгства, пыль, покрывавшая ихъ, отъ фуражекъ до желтыхъ башмаковъ, все сообщало имъ этотъ жалкій видъ побѣжденныхъ, говорящій, что за физическимъ утомленіемъ скрывается упадокъ нравственныхъ силъ. Кабесилья посмотрѣлъ на нихъ съ торжествующей усмѣшкой. Ему не совсѣмъ непріятно было видѣть республиканскихъ солдатъ смиренными, оборванными, трепещущими, посреди откормленныхъ и хорошо одѣтыхъ карлистовъ, посреди наваррскихъ и баскскихъ горцевъ, черныхъ и сухихъ, какъ роженъ.

— Viva Dios! дѣти мои, сказалъ онъ имъ съ добродушнымъ видомъ. — Республика плохо кормитъ своихъ защитниковъ. Вы также тощи, какъ пиренейскіе волки, когда въ горахъ лежитъ снѣгъ, и когда они приходятъ въ равнину, и бродятъ около домовъ, гдѣ свѣтитса огонекъ и пахнетъ мясомъ. Съ тѣми, кто служить правому дѣлу, не такъ поступаютъ. Не хотите ли испытать hermanos? Бросьте эти подлыя фуражки, и надѣньте бѣлые береты. Тѣмъ, которые крикнутъ: да здравствуетъ король! я дарю жизнь и велю выдавать провіантъ наравнѣ со всѣми моими солдатами. Это вѣрно, какъ-то, что нынче празднѣе святой пасхи.

Не успѣлъ патеръ произнести эти слова, какъ всѣ фуражки полетѣли на воздухъ, и крики: «Да здравствуетъ король Карлосъ! да здравствуетъ Кабесилья!» раздались въ горахъ. Бѣднякамъ такъ не хотѣлось умирать; и мясо, которое жарилось около нихъ, подъ сѣнью скалъ, на бивуачномъ огнѣ—розовомъ и легкомъ, при свѣтѣ дня—пахло такъ соблазнительно! Я полагаю, что никогда еще претендента не привѣтствовали съ такимъ искреннимъ восторгомъ. «Накормите ихъ скорѣй, сказалъ Кабесилья, смѣясь:—когда волки кричатъ такъ громко, значить, они сильно проголодались».

Карабинеры удалились, и только одинъ, самый молодой между ними, продолжалъ стоять передъ начальникомъ, съ гордымъ, рѣшительнымъ видомъ, представлявшимъ рѣзкую противоположность съ его почти дѣтскими чертами и легкимъ пушкомъ, по-

врывавшимъ его щеки. Слишкомъ широкая шинель, сидѣвшая на немъ мѣшкомъ, образовала складки на спинѣ и на рукавахъ, изъ которыхъ выглядывали тощія руки; и вслѣдствіе этого, онъ казался еще моложе, еще миниатюрнѣе.

Глаза его, черные глаза араба съ длиннымъ разрѣзомъ, горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Упорный взглядъ ихъ безпокоилъ Кабесилью.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ его.

— Ничего... Я жду рѣшенія своей участи.

— Но тебя ожидаетъ та же участь, что и другихъ. Я никого не называлъ. Всѣ прощены.

— Другіе взмѣнники и трусы. Я одинъ не кричалъ.

Кабесилья вздрогнулъ, и посмотрѣлъ на него пристально.

— Какъ твое имя?

— Тоніо Видалъ.

— Откуда ты?

— Изъ Пьюсерды.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Семнадцать.

— У республики должно быть нѣтъ людей, если она вынуждена вербовать ребятъ.

— Меня не вербовали, раде; я волонтеръ.

— Знаешь ли ты, глупецъ, что у меня найдется не одно средство заставить тебя кричать: да здравствуетъ король!

Ребенокъ отвѣчалъ энергическимъ жестомъ, говорившимъ: попробуйте!

— Такъ ты желаешь лучше умереть?

— Сто разъ!

— Хорошо, ты умрешь.

Тогда Кабесилья сдѣлалъ знакъ, и взводъ стрѣлковъ окружилъ плѣнника, который не моргнулъ. При этомъ героическомъ мужествѣ, Кабесилья почувствовалъ на минуту въ душѣ своей что-то въ родѣ состраданія.

— Тебѣ не о чемъ просить меня передъ смертью? Хочешь ѣсть? хочешь пить?

— Нѣтъ! отвѣчалъ мальчикъ:—но я добрый католикъ, и не хотѣлъ бы предстать передъ Богомъ безъ покаянія.

Кабесилья еще не снималъ эпитрахили и рясы.

— Стань на колѣни, сказалъ онъ, садясь на скалу. Когда солдаты отошли, осужденный началъ вполголоса: «Благословите меня, святой отецъ, потому что я грѣшенъ...»

Но вотъ посреди исповѣди раздается страшный ружейный залпъ, при входѣ въ дефилен.

— Къ оружію! кричатъ часовые.

Кабесилья вскакиваетъ, отдаетъ приказанія, назначаетъ на посты, распредѣляетъ солдатъ. Онъ самъ схватилъ карабинъ, не успѣвъ снять своей рясы, какъ вдругъ, обернувшись, замѣтилъ мальчика все еще стоявшаго на колѣняхъ.

— Ты что тутъ дѣлаешь?

— Жду отпущенія.

— Это правда... я забылъ о тебѣ.... сказалъ патерьъ.

И, торжественно поднявъ обѣ руки, онъ благословилъ эту молодую преклоненную голову. Потомъ, погнавъ вокругъ себя глазами взводъ стрѣлковъ, разсѣявшихся во время сумятицы, произведенной атакой, отступилъ на шагъ, прицѣлился въ каждаго и положилъ его на мѣстѣ.

IV.

Старички.

(Изъ «Писемъ съ моей мельницы»).

— Письмо, дядя Азанъ?

— Письмо, сударь, изъ Парижа...

Онъ гордился тѣмъ, что оно изъ Парижа, то есть дядя Азанъ, но не я. Что-то мнѣ говорило, что это посланіе изъ улицы С.-Жакъ, такъ неожиданно и чѣмъ свѣтъ упавшее ко мнѣ на столъ, заставитъ меня потерять цѣлый день. Я не ошибся. Судите сами.

«Ты долженъ оказать мнѣ услугу, другъ мой. Ты запрешь свою мельницу на весь день и отправишься въ Эгьеръ. Эгьеръ, мѣстечко, находящееся въ трехъ или четырехъ льѣ отъ тебя. Стало быть, это прогулка. Приѣдя туда, ты спросишь Сиротскій монастырь. Первый домъ послѣ монастыря будетъ низенькій домикъ съ сѣрыми ставнями и садикомъ позади. Ты войдешь не постучавшись, дверь всегда отперта, и, войдя, крикнешь погромче: «Здравствуйте, добрые люди! Я другъ Мориса.» Тогда ты увидишь двухъ стариковъ, но старыхъ, престарыхъ... простиранихъ къ тебѣ руки изъ глубины своихъ кресель—и ты обнимешь ихъ отъ меня крѣпко на-крѣпко, какъ будто бы они были твои. Потомъ, вы разговоритесь. Они будутъ тебѣ говорить обо мнѣ, только обо мнѣ; будутъ рассказывать всякія глупости, которыя ты будешь слушать, не смѣясь. Вѣдь ты не станешь

сидѣться? Да? Это мои дѣдушка и бабушка, два существа, для которыхъ я—все, и которые не видѣли меня уже десять лѣтъ. Десять лѣтъ—это долго! Но что будешь дѣлать! Парижъ меня держитъ... а ихъ лѣта такія, что еслибъ они поѣхали повидаться со мной, то развалились бы дорогой. Къ счастью, ты находишься тамъ, мой милый мельникъ, и, цѣлуя тебя, бѣдные старики будутъ думать, что цѣлуютъ меня самого. Я такъ часто говорилъ имъ о тебѣ и о нашей дружбѣ, которая...

— Чортъ побери дружбу! Сегодня такая великолѣпная погода, но не для того, чтобъ бродить по дорогамъ; слишкомъ сильный мистраль и слишкомъ жаркое солнце. Настоящій провансальскій день. Когда пришло это проклятое письмо, я уже выбралъ себѣ пріютъ между двумя скалами, гдѣ намѣревался провести день, какъ ящерица, уживаясь солнечнымъ свѣтомъ и слушая цѣніе сосенъ... Но что будешь дѣлать! Я заперъ, ворча, свою мельницу, взявъ палку, трубку и пустился въ путь.

Я пришелъ въ Эгьеръ около двухъ часовъ. Деревушка была пуста; всѣ люди были въ полѣ. Въ поблѣвшею отъ пыли листьевъ придорожныхъ вазовъ, кричали кузнечики. На площади мэрии грѣлся на солнцѣ оселъ, стая голубей сидѣла на церковномъ колодцѣ, но указать мнѣ дорогу къ Сиротскому монастырю было нѣкому. Къ счастью, передо мной предстала старая фея. Она, согнувшись, прала въ дверяхъ своего дома. Я сказалъ ей, чего я ищу, и такъ какъ эта фея была очень могущественна, то ей стоило только поднять веретено свое и сиротскій монастырь очутился у меня передъ глазами, какъ по волшебству. Это былъ большой, темный и непривѣтливый домъ, казалось, очень гордившійся тѣмъ, что надъ его стрѣльчатымъ порталомъ возвышается старинный крестъ изъ краснаго песчаника, съ нѣсколькими латинскими словами вокругъ. Рядомъ съ этимъ домомъ я замѣтилъ другой, поменьше. Сѣрая ставни... садъ позади... Я сейчасъ же узналъ его и вошелъ не постучавшись. Я всю жизнь буду видѣть передъ собой этотъ длинный, прохладный, тихій корридоръ, со стѣнами, выкрашенными розовою краскою, садикъ мелькавшій въ глубинѣ его, сквозь цвѣтную, свѣтлую штору и по стѣнамъ въ медальонахъ полинявшіе цвѣты и скринки. Мнѣ казалось, что я вхожу къ какому-нибудь старому балли времени Седэна. Въ концѣ корридора, нагѣво, въ отворенную дверь, слышался стукъ маятника и дѣтскій голосъ, читавшій по складамъ, останавливаясь на каждомъ словѣ: «То-гда свя-той И-ри-ней вос-клик-нулъ: я пше-ни-ца Го-сло-да и дол-женъ бы-ть смо-лоть зу-ба-ми сихъ жи-вот-ныхъ...» Я тихонько подошелъ къ двери и посмотрѣлъ.

Въ тишинѣ и полусвѣтѣ маленькой комнаты, старичокъ съ розовыми щеками, весь до конца пальцевъ въ морщинкахъ, спалъ въ креслахъ, съ раскрытомъ ротомъ и положивъ руки на колѣна. У ногъ его дѣвочка въ синемъ платьѣ, въ большой пелерникѣ и маленькомъ чепчикѣ—одежда монастырскихъ сиротокъ—читала житіе св. Иринея, въ книгѣ, которая была толще ея. Это чтеніе провзвело чудотворное дѣйствіе на весь домъ. Старикъ спалъ въ своемъ креслѣ, мухи на потолокѣ, канарейки на окнѣ, въ своихъ клеткахъ. Большіе стѣнные часы тоже храпѣли. Во всей комнатѣ бодрствовала только полоса свѣта, падавшая сквозъ закрытыя ставни, прямая и бѣлая, полная живыхъ блестокъ и кружащихся пылиннокъ. Посреди всеобщей дремоты, дѣвочка продолжала читать торжественнымъ голосомъ: «И тотъ-часъ же два льва бро-си-лись на него и рас-тер-за-ли его.» Въ эту минуту я вошелъ.

Еслибы львы, растерзавшіе св. Иринея, ворвались въ эту комнату, они провзвели бы не больше перецолюха, чѣмъ я. Настоящій театральнй эффектъ! Дѣвочка вскрикнула, толстая книга упала, мухи, канарейки проснулись, часы забили, старикъ вскопчалъ, испуганный, и самъ я, нѣсколько смущенный, остановился на порогѣ, закричавъ громко: «Здравствуйте, добрые люди! Я другъ Мориса».

О! тогда... Еслибъ вы видѣли тогда бѣднаго старика! Еслибъ вы видѣли, какъ онъ бросился ко мнѣ съ распростертыми объятіями, какъ цѣловалъ меня, жалъ мнѣ руки, какъ бѣгалъ по комнатѣ, словно потерянный, восклицая:— Господи! Господи! Всѣ морщины на лицѣ его смѣялись. Онъ раскраснѣлся. Онъ бормоталъ:—Ахъ, скажите! ахъ, другъ Мориса! и потомъ кинутуль: Маметта!

Мышиная бѣготня въ корридорѣ... Отворяющаяся дверь... Это Маметта. Нельзя себѣ представить ничего милѣе этой маленькой струшки, въ высокомъ чепцѣ, въ свѣтло-коричневомъ платьѣ и съ вышитымъ носовымъ платкомъ, который она, по старинной модѣ, держала въ рукѣ, чтобъ оказать мнѣ почетъ. И какъ они находили другъ на друга! Въ чепцѣ съ желтыми оборками, онъ могъ бы также назваться Маметтой. Но только настоящая Маметта, должно быть, много плакала въ своей жизни. У ней было еще больше морщинокъ, нежели у другой. При ней находилась также, какъ и при немъ, никогда не покидавшая ее сиротка въ синей пелерникѣ. И эти старички, охраняемые этими сиротками, представляли, по истинѣ, нѣчто трогательное.

Маметта, войдя, начала было дѣлать мнѣ большой реверансъ,

но старикъ одной фразой подоръзалъ ея реверансъ. «Это другъ Мориса». И вотъ она задрожала, заплакала, уронила платокъ, и вся покраснѣла еще больше, чѣмъ онъ. Ахъ, эти старики! Всего то у нихъ одна капля крови въ жилахъ, но при малѣйшемъ волненіи, она бросается имъ въ лицо. «Скорѣй, скорѣй ступи!» говорить она своей дѣвочкѣ. «Открой ставни!» кричить старичокъ своей. Потомъ, каждый изъ нихъ беретъ меня за одну руку, и оба ведутъ къ окну, которое отворили настежь, чтобъ лучше меня разглядѣть.

Они придвинули свои кресла; я помѣстился въ серединѣ, на складномъ; дѣвочки стали позади насъ и допросъ начался. «Здоровъ ли онъ? Что онъ дѣлаетъ? Зачѣмъ не ѣдетъ? Хорошо ли ему живется? И пошли, и пошли. И такъ цѣлые часы».

Я отвѣчалъ какъ могъ на всѣ ихъ вопросы, сообщилъ имъ о своемъ другѣ подробности, которыя зналъ, выдумывалъ тѣ, которыхъ не зналъ, и главное остерегался признаться, что я никогда не замѣчалъ, плотно ли затворяются его окна и какого цвѣта въ его комнатѣ обои.

— Обои въ его комнатѣ?.. Голубья, сударыня, свѣтло голубья, съ герлаидами.

— Въ самомъ дѣлѣ! восклицала бѣдная старушка, растроганная; и, обращаясь къ мужу, прибавляла:—вѣдь онъ такой милый!

— О! да. Это неподобный малый, повторялъ тотъ съ энтузіазмомъ. И все время, пока я говорилъ, они покачивали головами, тонко посмѣивались, подмигивали другъ другу, дѣлали другъ другу знаки... Иногда старикъ наклонялся ко мнѣ, чтобъ сказать: «Говорите громче... она немножко туга на ухо». А она съ своей стороны: «Пожалуйста, погромче, онъ не совсѣмъ хорошо слышитъ.» Тогда я возвышалъ голосъ; и оба благодарили меня улыбкой. И въ этихъ поблекшихъ улыбкахъ, которыя, наклоняясь ко мнѣ, казалось, искали въ глазахъ моихъ образъ дорогого Мориса, я самъ, весь взволнованный, узнавалъ этотъ образъ, неопредѣленный, почти неуловимый; я какъ будто видѣлъ своего друга, улыбавагося мнѣ вдалекѣ... въ туманѣ...

Вдругъ старикъ выпрямился на своемъ креслѣ:

— Маметта! А вѣдь онъ, пожалуй, еще не завтракалъ?

И Маметта, въ испугѣ воздвѣвъ руки къ небу, воскликнула:!

— Не завтракалъ! Великій Боже!

Я думалъ, что дѣло все еще идетъ о Морисѣ, и хотѣлъ отвѣтить, что этотъ милый малый никогда не садится за столъ позже двѣнадцати; но нѣтъ, это говорили дѣйствительно обо мнѣ, и нужно было видѣть какую суматоху я произвелъ, признавшись, что еще не ѣлъ ничего.

«Поскорѣй приборъ, сивія дѣвочки! Столъ на средину комнаты, праздничную скатерть, тарелки съ цвѣтами. Полно вамъ хохотать. Торопитесь!»

Можете представить себѣ, какъ онѣ торопились! Не успѣли разбить трехъ тарелокъ, какъ завтракъ уже былъ готовъ.

— Вотъ маленькій завтракъ, сказала Маметта, подводя меня къ столу. — Только вы будете завтракать одни... Мы всѣ ужъ поѣли утромъ.

Эти старички, въ какое бы время вы ихъ ни застали, всегда ужъ поѣли утромъ.

Маленькій завтракъ Маметты состоялъ изъ стаканчика молока, финиковъ и «баркетты» — блюда, похожаго на заварное пирожное. Словомъ — было чѣмъ насытить ее съ ея канарейками, по крайней мѣрѣ, на недѣлю. И я одинъ уцѣлелъ всю эту провизию! Но за то какое негодованіе вокругъ стола! Сивія дѣвочки перешептывались и толкали другъ друга локтемъ... а у канареекъ былъ такой видъ, какъ будто онѣ хотѣли сказать: посмотрите-ка, этотъ господинъ съѣлъ всю *баркетту*!..

Да, я съѣлъ ее, дѣйствительно всю, и почти не замѣтивъ этого, такъ я былъ занятъ разсматриваніемъ этой комнаты, свѣтлой и мирной, гдѣ отъ всѣхъ предметовъ вѣяло старинной... Въ особенности, я не могъ отвести глазъ отъ двухъ маленькыхъ кроватей. Эти кровати были точно двѣ люльки, и я представлялъ ихъ себѣ на разсвѣтѣ, когда еще онѣ закрыты своими бѣлыми занавѣсками съ широкими оборками. Бьетъ три часа. Это часъ, когда всѣ старики просыпаются. — Ты спишь Маметта? — Нѣтъ, мой другъ. — Не правда ли, Морисъ прелестный малый? — О, да! это безподобный малый.

И я создавалъ въ умѣ своемъ, при видѣ этихъ двухъ старческихъ кроватей, стоявшихъ рядомъ, цѣлыя разговоры...

А между тѣмъ, въ другомъ концѣ комнаты, передъ шкафомъ, происходила страшная драма. Дѣло въ томъ, что нужно было достать съ верху, съ послѣдней полки, стеклянную банку съ вишнями, приготовленными на водкѣ, которыя десять лѣтъ дожидались Мориса, и которыя хотѣли почать для меня. Несмотря на всѣ возраженія Маметты, старикъ пожелалъ непременно достать ихъ самъ; и, къ великому ужасу жены, влѣзъ на стулъ. Вы видите отсюда эту картину: старикъ дрожитъ и поднимается на цыпочки; сивія дѣвочки ухватились за его стулъ; Маметта, едва дыша, стоитъ сзади, съ простертыми руками... а изъ отвореннаго шкафа несетя бергамотный запахъ...

Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, удалось достать знаменитую

банку, и вмѣстѣ съ ней старый серебрянный бокалъ, принадлежавшій Морису, когда онъ былъ ребенкомъ. Мнѣ наполнили его вишнями до верху. «Морисъ такъ любилъ эти вишни!» И, подчуя меня, старикъ говорилъ мнѣ на ухо, голосомъ лакомки: «Вы счастливы, что можете кушать ихъ... Это приготовляла жена моя... Вы увидите, какъ это вкусно...»

Увы! Жена его приготовляла ихъ, но забыла подсластить. Что хотите! Люди подъ старость дѣлаются разсѣянны. Онѣ были ужасны, ваши вишни, моя бѣдная Маметта; но это не помѣшало мнѣ доѣсть все до конца, не моргнувши.

По окончаніи обѣда, я всталъ, чтобы проститься съ козьями. Имъ хотѣлось бы, чтобы я еще немножко побылъ у нихъ и поговорилъ объ милomъ Морисѣ; но наступалъ вечеръ; до мельницы было далеко. Нужно было идти.

Старикъ всталъ въ одно время со мной. «Маметта! мое платье! Я хочу проводить его до площади.» Хотя Маметта, безъ сомнѣнія, въ глубинѣ души своей, думала, что ужъ слишкомъ свѣжо для того, чтобы провожать меня до площади, но, однакожь, она не выказала этого, и только, помогая ему надѣвать кафтанъ, великолѣпный кафтанъ цвѣта испанскаго табаку, съ перламутровыми пуговицами, доброе созданіе сказала вполголоса:—Ты вѣдь не поздно вернешься, не правда ли?—А онъ съ лукавой усмѣшкой отвѣчалъ ей: «Хе, хе, хе... не знаю... можетъ быть...» И они смотрѣли другъ на друга, смѣясь; и синія дѣвочки, видя, что они смѣются, засмѣялись также; и канарейки, въ своемъ уголкѣ, смѣялись по своему. Между нами, мнѣ кажется, что они всѣ немножко опьянѣли отъ запаха вишенъ.

Ночь наступала, когда мы вышли съ дѣдушкой. Синяя дѣвочка слѣдовала за ними, на далекомъ разстояніи, для того, чтобы проводить назадъ старичка. Но онъ не видалъ ея; и гордился тѣмъ, что идетъ со мной подъ руку, какъ настоящій мужчина. Маметта, сіяющая, смотрѣла на насъ съ своего крыльца; и при этомъ покачивала головой, какъ бы говоря: А старичокъ-то мой... еще ходитъ!..

V.

ПИСЬМОВОДИТЕЛЬ.

«Бррр, какой туманъ!» сказалъ онъ выйдя на улицу. Онъ поскорѣй поднялъ свой воротникъ, закрылъ себѣ ротъ кашне и, съ

опущенной головой, съ засунутыми въ задніе карманы руки, посвистывая, отправился въ должность.

Дѣйствительно, туманъ настоящій. На улицахъ еще ничего. Въ центрѣ большихъ городовъ туманъ держится не долѣе снѣга. Его разрываютъ крыши, поглощаютъ стѣны. Онъ теряется въ домахъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ отпираютъ; и, благодаря ему, лѣстницы становятся скользкими, перила сырными. Экипажи, прохожіе, спующіе туда и сюда, эти ранніе прохожіе, такіе торопливые и такіе бѣдные, прорѣзываютъ, разсѣваютъ, уносятъ его. Онъ цѣпляется за одежду канцелярскаго писца, узкую, легонькую, за ватерпруфы швеекъ и магазинщицъ; остается на вуаляхъ, на большихъ клеенчатыхъ картонахъ. Но на набережныхъ, еще безлюдныхъ, на мостахъ, на рѣкѣ это тяжелый, плотный, неподвижный туманъ, сквозь который солнце свѣтитъ, какъ ночью сквозь матовое стекло.

Несмотря на вѣтеръ, несмотря на туманъ, человекъ, о которомъ идетъ рѣчь, отправился въ свою должность набережными. Онъ могъ выбрать другую дорогу, но рѣка, казалось, имѣла для него какую-то таинственную привлекательность. Ему нравилось идти вдоль парапетовъ, прикасаться къ этимъ каменнымъ периламъ, истертымъ локтями фланёровъ. Но въ этотъ часъ, и въ такую погоду фланёры рѣдки. Однавожь, кое-гдѣ встрѣчалась, отъ времени до времени, женщина съ узломъ, отдыхавшая у парапета, или какой-нибудь бѣднякъ, облокотясь на него, стоялъ съ скучающимъ видомъ, наклонившись къ водѣ. И каждый разъ, человекъ, шедшій въ должность, оборачивался, съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ и потомъ на воду; словно какая-то тайная мысль соединяла въ умѣ его этихъ людей съ рѣкой.

Не весела была въ это утро рѣка. Туманъ, стоявшій надъ ея волнами, казалось, давилъ ее. При видѣ темныхъ крышъ, тянувшихся по берегамъ ея, и всѣхъ этихъ трубъ, неровныхъ и наклоненныхъ, которыя, скрещиваясь и дымясь, отражались посреди рѣки, воображенію представлялась какая-то громадная мрачная фабрика, на днѣ Сены, посылавшая оттуда въ Парижъ весь свой дымъ въ видѣ тумана. Но нашему прохожему эта картина, по видимому, не казалась столь грустной. Сырость проникала его насквозь. На немъ не было сухой нитки. Но онъ все шелъ, посвистывая съ веселой улыбкой на концахъ губъ. Онъ ужъ давно сжился съ туманами Сены. И притомъ онъ зналъ, что тамъ, въ должности, ждетъ его теплый мѣхъ для ногъ, трескъ пылающей печи и маленькая чугунная доска, на которой онъ ежедневно приготовляетъ свой завтракъ. Сбудныя радости малень-

каго чиновника, тюремное счастье, знакомое только бѣднымъ, приниженнымъ существамъ, вся жизнь которыхъ проходитъ въ какомъ-нибудь углу!

«Не забыть бы яблокъ купить», говоритъ онъ себѣ отъ времени до времени; и опять свиститъ и торопится. Увѣряю васъ, что вы никогда не видали, чтобы кто нибудь шелъ въ свою должность съ такимъ веселымъ видомъ.

Набережная, все набережная, потомъ мостъ. Теперь онъ позади Notre-Dame. На этой оконечности острова, туманъ сльнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Онъ надвигается съ трехъ сторонъ разомъ, до половины окутываетъ высокія башни, и свопляется у моста, словно хотеть тамъ скрыть что-то. Человѣкъ останавливается. Это здѣсь.

Въ туманѣ, смутно различаются какія-то печальныя тѣни, какіе-то люди, присѣвшіе на троттуаръ и чего-то ожидающіе... И также, какъ у рѣшотокъ, больницъ и скверовъ, стоятъ лотки съ апельсинами, яблоками, бискупитами. Что за славныя яблоки! такія свѣжія, красныя... Онъ наполнилъ ими карманы, улыбался торговкѣ, продрогшей и положившей ноги на свою грѣлку. Потомъ онъ толкнулъ дверь и прошелъ черезъ маленькій дворъ, гдѣ стояла запражная тележка.

— Нѣтъ ли чего для насъ? спросилъ онъ мимоходомъ. Возчикъ, весь мокрый, отвѣчалъ ему. «Есть, сударь, и даже нѣчто очень хорошенъкое».

Тогда онъ поспѣшно вошелъ въ свою канцелярію.

Вотъ гдѣ тепло, вотъ гдѣ чувствуешь себя хорошо! Печка грѣшитъ въ уголѣ. Мѣхъ на своемъ мѣстѣ. Маленькое кресло ждетъ своего хозяина, у самаго окна. Туманъ, подобно гардинамъ виситъ надъ окнами, пропускаетъ въ нихъ мягкій и ровный свѣтъ. Большія книги съ зелеными корешками стоятъ на своихъ полкахъ. Настоящій кабинетъ нотариуса.

Онъ отдыхаетъ. Онъ у себя.

Прежде чѣмъ приняться за работу, онъ отворилъ шкафъ, вынулъ оттуда латриновые рукава, которые надѣлъ аккуратно, маленькое глиняное, красное блюдо, кусочки сахара, оставшіеся отъ кофе, и началъ чистить свои яблоки, поглядывая вокругъ себя съ самодовольствіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя было найти канцелярію свѣтлѣй, веселѣй и въ большемъ порядкѣ. Но одно было странно... со всѣхъ сторонъ слышался шумъ воды; онъ окружалъ васъ, точно вы находились въ каютѣ. Внизу пѣнистыя волны Сены дробились съ ропотомъ объ арки моста, разбивались объ оконечность этого острова, вѣчно загроможденную

досками, бревнами, сваями... Въ самомъ домѣ, вокругъ всей канцелярїи непрерывно струилась, шумѣла вода, какъ будто ее лили полными кувшинами, или въ домѣ производилась огромная стирка. Я не знаю почему, но даже слушая только этотъ шумъ, вы чувствовали холодъ. Вы слышали, что вода падаетъ на что-то жесткое, на широкія плиты, скатывается на мраморные столы, и кажется отъ этого еще холоднѣй.

Что же это все мыли, въ этомъ странномъ домѣ? Какое несмываемое пятно?

По временамъ, шумъ прекращался; и тогда, гдѣ-то тамъ въ глубинѣ, одна за другой падали капли, какъ послѣ оттепели или большого дождя... Можно было подумать, что это туманъ, скопившійся на крышахъ, на стѣнахъ, таетъ отъ теплоты печей, и каплетъ, каплетъ не переставая..

Но человекъ не обращалъ ни на что вниманія. Онъ весь отдавался своимъ яблогамъ. Они уже начинали шипѣть на красномъ блюдѣ; и въ комнатѣ пахло жженымъ сахаромъ. Эта пѣсенка мѣшала ему слышать шумъ воды, злобнѣйшій шумъ.

— Г. нисъмоводитель, пожалуйста!.. раздался чей-то хриплый голосъ, въ задней комнатѣ.

Онъ бросилъ взглядъ на свои яблоки и съ сожалѣніемъ вышелъ изъ комнаты. Куда онъ пошелъ? Изъ двери, отворившейся на минуту, пахнуло холодомъ, отънывавшимся болотомъ; передъ глазами мелькнуло сушившееся на веревкахъ тряпье, полинялыя блузы, ситцевыя платья... Одно изъ нихъ было повѣшено за рукава, во всю длину; и вода текла, текла съ него.

Онъ кончилъ свое дѣло и, вернувшись въ комнату, положилъ на столъ разныя бездѣлушки, всѣ вымоченныя. Потомъ подошелъ къ огню и сталъ отогрѣвать свои покрасившія отъ холода руки.

— Просто съ ума сойдешь въ такую погоду, сказалъ онъ себѣ, дрожа.—Что это на нихъ на всѣхъ нынче нашло? Отогрѣвшись, онъ принялся завтракать на своемъ письменномъ столѣ и, въ то же время, раскрылъ свою книгу. Не переставая ѣсть, онъ перелистывалъ ее, съ нѣкоторой гордостью. Эта толстая книга сохранилась въ такомъ порядкѣ! Прямныя строчки, заголовки, написанныя синими чернилами, слѣды золотого песку на чернилахъ на каждой страничкѣ протечная бумага... изящество, тщательность...

Дѣло, должно быть, шло хорошо. На лицѣ его выражалось то пріятное чувство, какое испытываетъ казначей, у котораго къ концу года всѣ счета оказались въ исправности. Между тѣмъ,

какъ онъ наслаждался созерцаніемъ своей толстой книги, двери въ сосѣдній залъ отворились; тамъ звучали шаги толпы, ходившей по каменнымъ плитамъ. Всѣ говорили вполголоса, какъ въ церкви.

— Какая молоденькая! Вотъ жалость!..

Толкотня... шопотъ. Но что ему за дѣло до ея молодости. Онъ спокойно доѣдаетъ свои яблоки и разглядываетъ предметы, только что принесенные имъ: наперстокъ, весь полный песку, портмоне, въ которомъ лежитъ су, маленькія заржавѣвшія ножницы, до такой степени заржавѣвшія, что ихъ уже никогда не будутъ употреблять (о да! никогда, никогда)! и книжка съ аттестатомъ работницы, и съ прилипшими одна къ другой страницами; письмо, совсѣмъ стертое и изодранное, гдѣ можно было разобрать только нѣкоторыя слова: «ребенокъ... нѣтъ ден.... бор-милцѣ за три мѣс....»

Письмоводитель пожалъ плечами, какъ бы говоря:

— Все это мы знаемъ.

Потомъ онъ взялъ перо свое, тщательно сдулъ крошки хлѣба, упавшія на книгу, сдѣлалъ движеніе, чтобъ удобнѣе положить руку, и своимъ красивымъ, ровнымъ почеркомъ написалъ имя, которое ему удалось разобрать на измокшемъ аттестатѣ.

«Фелиси Рамо, пошивщица, семнадцати лѣтъ».

VI.

СЪ ТРЕМЯ СТАМИ ТЫСЯЧЪ ФРАНКОВЪ...

Не случилось ли вамъ когда-нибудь выйдти изъ дому въ самомъ ясномъ и веселомъ настроеніи духа, и, послѣ двухчасовой ходьбы по Парижу, возвратиться угрюмымъ, подавленнымъ какой-то безпричинной печалью. Вамъ не по себѣ, и вы сами не понимаете почему. Да что же это со мной? спрашиваете вы себя; вы ищете, ищете этому объясненія и никакъ не находите. У васъ, кажется, не было никакихъ неудачъ, непріятностей; троттуары были сухіе, солнышко грѣло, и однакожь вы чувствуете на сердцѣ гвезь, словно васъ что огорчило.

Дѣло въ томъ, что въ этомъ огромномъ Парижѣ, гдѣ толпа чувствуетъ себя свободной, не стѣсненной ни чѣмъ наблюденіемъ, нельзя сдѣлать шагу, чтобъ не натолкнуться на чью-нибудь невзгоду, бѣду, которая, мимоходомъ задѣвъ насъ, оставитъ на насъ свой слѣдъ. Я уже не говорю о несчастіяхъ близкихъ людей, въ кото-

рыхъ принимаешь участіе, о горѣ друзей, которое есть отчасти и наше горе, и при внезапной встрѣчѣ съ которыми, сердце сжимается, ни даже объ огорченіяхъ тѣхъ, къ кому относишься индифферентно, огорченіяхъ, которыя, кажется, слушаешь однимъ ухомъ, но которыя, однакожъ, надрываютъ намъ сердца. Я говорю о скорби людей совершенно намъ чуждыхъ, съ которыми видимся мы мимоходомъ, одну минуту, посреди уличной суматохи, бѣгалъ по двѣламъ.

Это ключи діалоговъ, отрывистыя фразы, при стукѣ экипажей; озабоченность, ничего не выдающая и не слышавшая, очень громкіе разговоры съ самимъ собой; согнутыя спины, безумныя жесты, лихорадочныя глаза, блѣдныя лица, съ не высохшими на нихъ слезами, печаль по недавней утратѣ, траурныя одежды... Потому разныя мелочи, легкомысленныя выходки... Желаніе скрыть потертый воротничокъ; бархатка на шеѣ горбуны, кокетливо завязанная и совершенно прямо вислая между неровными уродливыми плечами... Всѣ эти видѣнія чужого несчастья быстро мелькаютъ передъ глазами, и вы легко забываете ихъ на ходу; но вы чувствовали, что они прикоснулись къ вамъ, что ваше платье прощиталось уныніемъ, сопровождающимъ ихъ, и, къ концу дня, все, что васъ тронуло, огорчило, начинаетъ шевелиться въ вашей душѣ, потому что вы на углу какой-нибудь улицы, на порогѣ какой-нибудь двери, зацѣпили, сами не замѣчая того, ту невидимую нитку, которая связываетъ всѣ человѣческія невзгоды и разомъ приводитъ ихъ въ движеніе, когда ее дернуть.

Я думалъ обо всемъ этомъ, нѣсколько дней тому назадъ, когда, выйдя изъ дому рано утромъ—утромъ Парижъ въ особенности представляетъ на показъ всѣ свои страданія—увидѣлъ шедшаго передо мной бѣдняка, въ узенькомъ легкомъ пальто, благодаря которому его шаги казались еще больше, его движенія еще угловатѣе. Этотъ человѣкъ, шелъ согнувшись и очень скоро. По временамъ онъ запускалъ руку въ одинъ изъ своихъ заднихъ кармановъ, и ломя тамъ маленький хлѣбецъ, украдкой жевалъ его, какъ бы стыдясь ѣсть на улицѣ.

Каменьщики, когда я вижу, какъ они раннимъ утромъ, сидя на троттуарѣ, закусываютъ только что испеченнымъ хлѣбомъ, возбуждаютъ во мнѣ аппетитъ. Я завидую также мелкимъ чиновникамъ, бѣгомъ возвращающимся изъ булочной въ свои канцеляріи, съ набитымъ ртомъ и перомъ за ухомъ, очень довольные этимъ завтракомъ на чистомъ воздухѣ. Но здѣсь, передо мной былъ настоящій голодъ, стыдившійся себя; и жаль было смотрѣть на этого человѣка, который не вначе осмѣливался ѣсть свой

хлѣбъ какъ по крошкамъ. Я слѣдилъ за нимъ съ минуту; какъ вдругъ онъ переѣнилъ направленіе. Вѣроятно, у него явилось какое-нибудь новое намѣреніе, какъ это часто случается съ подобными людьми, и онъ очутился лицомъ къ лицу со мной.

— А! это вы? сказалъ онъ.—Я зналъ его немножко. Это былъ одинъ изъ тѣхъ мечтателей, которые растутъ на парижской мостовой, какъ грибы; человѣкъ съ обширными планами въ головѣ, основатель невозможныхъ газетъ, возбуждавшій одно время много шума и толковъ въ печати и который вдругъ, мѣсяца три тому назадъ, вырнулъ и исчезъ. Волны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вырнулъ, побушевали нѣсколько дней, потомъ улеглись, приняли прежній видъ и о немъ не было больше помину. Увидѣвъ меня, онъ смутился и чтобъ предупредить всякіе распросы, и, вѣроятно также, чтобъ отвести мое вниманіе отъ своей потертой одежды и своего копеечнаго хлѣба, онъ началъ говорить со мной очень быстро и съ напускной веселостью. Его дѣла шли отлично. Это былъ только минутный застой. Въ настоящую минуту, онъ имѣлъ въ виду великолѣпное предпріятіе... Большая промышленная газета съ иллюстраціями. Огромныя деньги, необычайно выгодный контрактъ на объявленія! И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, лицо его оживлялось, станъ выпрямлялся. Мало-помалу, онъ принялъ побровительственный тонъ, какъ будто засѣдалъ уже въ своей редакціи, и даже сталъ просить у меня статей...

— Это дѣло вѣрное... прибавилъ онъ, съ торжествующимъ видомъ. — Я начинаю съ тремястами тысячъ франковъ, которые мнѣ обѣщала Жирарденъ!

— Жирарденъ!

Вотъ имя, которое всегда на устахъ этихъ мечтателей! Когда его произносятъ въ моемъ присутствіи, мнѣ всегда кажется, что я вижу передъ собой новые кварталы, громады, недоконченныя постройки, газеты еще совсѣмъ влажныя, только вышедшія изъ типографіи, со спискомъ акціонеровъ и администраторовъ. Сколько разъ мнѣ случалось слышать, по поводу самыхъ безумныхъ проектовъ, эти слова: надобно поговорить съ Жирарденомъ!

И этому бѣдняку также пришла мысль поговорить съ Жирарденомъ. Цѣлую ночь напролетъ онъ, вѣроятно, сидѣлъ за своимъ планомъ, рассчитывая, дѣлая смѣту. Потомъ вышелъ изъ дому, и по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ и волновался, дѣло казалось ему все болѣе и болѣе вѣрнымъ, такъ что, когда мы съ нимъ встрѣтились, онъ былъ убѣжденъ, что Жирарденъ не могъ ему

отказавъ въ трехъ стахъ тысячахъ франковъ. Говори мнѣ, что онъ ему обѣщавъ ихъ, несчастный не лгалъ... онъ только продолжалъ мечтать.

Между тѣмъ, какъ мы говорили, насъ отгиснули къ стѣнѣ. Это было въ одной изъ многолюдныхъ улицъ, ведущихъ отъ биржи къ банку, гдѣ всегда большое движеніе; гдѣ торопливо снуютъ озабоченные, разсѣянные, поглощенные своими дѣлами люди, лавочники, бѣгущіе вынимать свои вклады, мелкіе барявники съ подленькими фізіономіями, мимоходомъ перебрасывающиеся другъ съ другомъ цифрами. И слушаю всѣ эти великолѣпные проэкты, посреди этой толпы, въ этомъ кварталѣ дѣлцовъ, гдѣ все напоминаетъ лихорадочность азартной игры, я испытывалъ такое же чувство, какъ еслибы мнѣ въ открытомъ морѣ рассказывали исторію о кораблекрушеніи. Я видѣлъ въ дѣйствительности все, о чемъ этотъ человекъ говорилъ мнѣ, я читалъ его катастрофы на другихъ лицахъ, его радужныя надежды въ другихъ блуждающихъ взорахъ. Онъ также внезапно и быстро оставилъ меня, какъ подошелъ ко мнѣ, втѣнутый съ головой въ этотъ водоворотъ безумства, жи и мечтаній, всего, что эти господа называютъ, серьезнымъ тономъ, «дѣлами».

Пять минутъ спустя, я забылъ его; но вечеромъ, когда я въ вратился къ себѣ и страхнулъ съ себя, вмѣстѣ съ уличной пылью, всѣ огорченія дня, передо мною снова предстало это блѣдное, истомленное лицо, маленький копечный хлѣбъ, и жестъ, подчеркивавшій эту громкую фразу: «Съ трети стами тысячъ франковъ, которые мнѣ обѣщавъ Жирарденъ...»

VII.

Видѣніе кольмарскаго судьи.

До того времени, пока онъ не присягнулъ императору Вильгельму, не было человека счастливѣе маленькаго судьи Доллингера, когда онъ являлся въ засѣданіе кольмарскаго суда, въ своемъ токѣ, надѣтомъ на бекрень, съ своимъ толстеннымъ брюшкомъ и тройнымъ подбородкомъ, красиво лежавшимъ на кисейномъ галстукѣ.

«А славно я сегодня вздремну», казалось, говорилъ онъ себѣ, садясь, и весело было смотрѣть, какъ онъ вытягивалъ свои голстыя ножки, и погружался въ свое большое кресло съ кожанымъ мягкимъ кружкомъ на сидѣннѣ, кружкомъ, которому онъ

обязанъ былъ тѣмъ, что послѣ тридцати лѣтъ сидячей жизни, сохранилъ ровный нравъ и хорошій цвѣтъ лица.

Бѣдный Доллингерь!

Этотъ самый кожанный кружокъ погубилъ его. Ему было такъ хорошо на «своемъ насиженномъ мѣстечкѣ, что онъ предпочелъ лучше сдѣлаться пруссакомъ, нежели оставить его. Императоръ Вильгельмъ сказалъ ему: «Сидите, сидите, г. Доллингерь!» И Доллингерь остался сидѣть, и теперь онъ совѣтникомъ кольмарскаго суда, достойно отправляющимъ правосудіе именемъ его берлинскаго величества.

Вокругъ него ничто не измѣнилось. Это все тотъ же судъ, полинялый и монотонный, все та же зала, съ лоснящимися скамейками, какъ въ церкви; съ голыми стѣнами, съ жужжаніемъ адвокатовъ; и все тотъ же полусвѣтъ падаетъ изъ высокихъ оконъ съ саржевыми занавѣсками; все то же большое распятіе. Перейдя въ Пруссію, кольмарскій судъ не унижилъ своего достоинства: въ немъ по прежнему стоитъ бюстъ императора, въ глубинѣ преторіа. Но, однакожъ, несмотря на это, Доллингерь чувствуетъ себя здѣсь чуждымъ. Какъ онъ ни углубляется въ свои кресла, но ужъ прежней сладкой дремоты нѣтъ, и если ему случается еще когда-нибудь заснуть въ засѣданіи, то онъ видитъ страшные сны...

Доллингеру снится, что онъ на высокой, высокой горѣ. Чтò онъ тамъ дѣлаетъ одинъ одинешенекъ, въ судейской одеждѣ, сидя въ своемъ большомъ креслѣ, на этой громадной высотѣ, гдѣ ничего не видно, кромѣ чахлахъ деревьевъ, да тучи мошекъ? Доллингерь и самъ не знаетъ. Онъ ожидаетъ съ холоднымъ потомъ на лбу, дрожащій отъ страху. Большое красное солнце встаетъ по ту сторону Рейна, позади сосенъ Шварцвальда, и по мѣрѣ того, какъ оно восходитъ, внизу, въ долинахъ Танна и Мюнстера, отъ одного конца Эльзаса до другого слышится непрерывный гулъ, шумъ шаговъ, стукъ колесъ, и все это растетъ и приближается, и у Доллингера сжимается сердце. Вскорѣ кольмарскій судья видитъ, что по длинной извилистой дорогѣ, поднимающейся по бокамъ горы, тянется печальный, безконечный кортежъ: весь альзасскій народъ назначилъ себѣ свиданіе въ этомъ проходѣ Вогезовъ, для того, чтобъ торжественно эмигрировать.

Впереди ѣдутъ длинныя телеги, запряженныя четырьмя волами: телеги, которыя во время жатвы встрѣчались наполненныя снопами, и на которыхъ теперь нагромождена мебель, пожитки, рабочіе инструменты, большія кровати, высокіе шапы, ситцевыя

занавѣски, прялки, маленькіе дѣтскіе стулки, старинныя прадѣдовскія кресла — завѣтныя сокровища, хранившіяся въ семьѣ. повытасканныя изо всѣхъ угловъ, и съ которыхъ вѣтеръ сметаеъ священную пылъ домашняго очага. Цѣлые дома отпавляются на этихъ телегахъ. За то онѣ и подвигаются крехтя, и волю съ трудомъ тащятъ ихъ, какъ будто почва удерживаетъ колеса, какъ будто частицы сухой земли, оставшіяся на плугахъ, заступлахъ, боронахъ, грабляхъ, еще болѣе затрудняютъ движеніе, дѣлая изъ этого отъѣзда что-то похожее на вырваніе съ корнемъ. Позади воевъ тѣснится безмолвная толпа; это люди всѣхъ званій и возрастовъ отъ старыхъ стариковъ въ треуголкахъ, дрожащихъ, опирающихся на палки, до курчавыхъ мальчугановъ, въ бумазейныхъ панталонахъ, на одной подтяжкѣ; отъ разбитой-параличемъ бабушки, которую несутъ на плечахъ молодцоватые парни, до младенцевъ, которыхъ матери прижимаютъ къ груди своей; здоровые и бодрые, также какъ и слабые и несчастные, тѣ, которые будутъ солдатами въ слѣдующемъ году, и которые участво вали въ этой ужасной войнѣ, кирассиры съ отнятыми ногами, плегущіеся на костыляхъ; худые, изнуренные артиллеристы, изодранныя миндиры которыхъ еще пахнутъ плесенью прусскихъ казематовъ. Все это дефилируетъ гордо по дорогѣ, на край которой сидитъ кольмарскій судья, и, проходя мимо его, всѣ отворачиваются отъ него, съ выраженіемъ гнѣва и отвращенія на лицѣ.

О! несчастный Доллингеръ! Онъ хотѣлъ бы спрятаться убѣжать, но невозможно. Его кресло вдѣлано въ гору, его кожаный кружокъ вдѣланъ въ кресло, и самъ онъ привинченъ къ кожанному кружку. Тогда онъ понялъ, что онъ здѣсь, какъ у позорнаго столба, и что этотъ позорный столбъ поставили такъ высоко для того, чтобъ стыдъ судьи былъ видѣнъ издали. И шествіе продолжается, деревня за деревней. Тѣ, которые съ швейцарской границы — гонять огромныя стада; тѣ, которые съ Саары — везутъ свои тяжелые инструменты въ фурахъ для руды. Потомъ идутъ города, весь фабричный людъ съ прядильнъ, ткачи, дубильщики, навивальщики; наконецъ, буржуа, духовенство, равнины, судьи въ черныхъ робахъ и въ красныхъ робахъ. Вотъ и кольмарскій судья, съ своимъ старымъ президентомъ во главѣ. И Доллингеръ, умирая отъ стыда, хочетъ закрыть руками лицо, но руки его отянулись. Хочетъ зажмуриться, но вѣки его остаются открытыми, неподвижными. Нужно, чтобъ онъ видѣлъ и чтобъ его видѣли, и чтобъ онъ не потерялъ ни одного изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросали на него мимоходомъ его товарищи.

Этотъ судья у позорнаго столба — это нѣчто ужасное! Но еще ужаснѣе то, что всѣ его близкіе въ этой толпѣ, и что они какъ будто не узнають его! Его жена, его дѣти проходить мимо, опустивъ голову. Можно подумать, что и они тоже стыдятся его! Даже его маленькій Мишель, котораго онъ такъ любить, уходитъ навсегда, даже не взглянувъ на него. Только одинъ старый президентъ его остановился на минуту, чтобъ сказать ему вполголоса:

«Пойдемте съ нами, Доллингеръ. Не оставайтесь здѣсь, другъ мой...»

Но Доллингеръ не можетъ встать. Онъ волнуется, онъ зоветъ, а шествіе продолжаетъ идти цѣлые часы, и когда оно удалилось, съ наступленіемъ вечера, во всѣхъ этихъ прекрасныхъ равнинахъ, усѣянныхъ колокольнями и фабриками, воцаряется молчаніе. Весь Эльзасъ ушелъ, только одинъ кольмарскій судья остается на верху, пригвожденный къ своему позорному столбу, сидящій и несмѣняемый.

Вдругъ сцена перемѣняется.

Деревья, черные кресты, ряды могилъ, толпа въ траурныхъ одеждахъ. Это кольмарское кладбище въ день какихъ-то торжественныхъ похоронъ. Всѣ городскіе колокола звонятъ. Советникъ Доллингеръ умеръ. Чего не могла сдѣлать честь, то сдѣлала смерть, она отвинтила несмѣняемаго судью отъ его кожанаго кружка, уложилъ во всю длину человѣка, упорно желавшаго сидѣть.

Видѣть себя во снѣ умершимъ, оплакивать самого себя, нѣтъ ощущенія ужаснѣе этого. Съ надорваннымъ сердцемъ, онъ присутствуетъ на своихъ похоронахъ. Но всего болѣе сокрушаетъ его то, что въ этой огромной толпѣ, тѣснящейся около него, онъ не видитъ ни одного друга, ни одного родственника. Никого изъ Кольмара, все одни пруссаки. Прусскіе солдаты сопровождали гробъ, члены прусской магистратуры распоряжались похоронной процессіей, рѣчи на могилѣ его произносились все пруссаками, и земля, которую бросали на него, и которая казалась ему такою холодной, увы! была прусскою землею.

Вдругъ толпа разступилась почтительно. Великолѣпный бѣлый върасиръ, скрывавшій подъ своимъ плащомъ что-то, походившее на большой вѣнокъ изъ иммортелей, приблизился къ могилѣ. Кругомъ послышалось:

«Вотъ Бисмаркъ, вотъ Бисмаркъ...» И кольмарскій судья подумалъ:

— Вы оказываете мнѣ большую честь, ваше сіятельство, но еслибъ тутъ былъ мой маленькій Мишель...

Страшный взрывъ хохота помѣшалъ ему кончить.. Хохота безумнаго, скандальнаго, дивнаго, неудержимаго...

— Что это съ ними? спросилъ себя въ ужасѣ судья. Онъ встаетъ и смотритъ. Графъ Бисмаркъ благоговѣнно поклонилъ на могилу судьи его кружокъ, его кожаный кружокъ, съ надписью: «Судья Доллингеру, отъ прусской магистратуры. Вѣчная память и глубокое сожалѣніе».

Отъ одного конца кладбища до другого всё смѣются, кохочуть до слезъ, до упаду... и эта шумная, грубая прусская веселость отдается даже въ глубинѣ склепа, гдѣ мертвецъ плачетъ, подавленный стыдомъ, опозоренный...

ОБЛАВА.

РАЗСКАЗЪ.

На столѣ ярко горѣла лампа подъ самымъ моднымъ абажуромъ, только что выписаннымъ изъ Петербурга. Абажуръ безспорно былъ модный и принятый во всѣхъ свѣтскихъ салонахъ: его изобрѣлъ одинъ изъ великихъ міра и хозяйка дома, чуть ли не двадцатый разъ, рассказывала всѣмъ прїѣзжающимъ его исторію.

Кузина хозяйки — а она все знала, все, что дѣлалось и дѣлается въ большомъ свѣтѣ—знаменательно наклоняла голову и подтверждала, что это дѣйствительно самый модный и самый принятый абажуръ.

— У графини точно такой, точь въ точь. Сержъ Григорьевичъ привезъ ей изъ главной квартиры; только у нея лиловый... знаете, этотъ нѣжно-лиловый цвѣтъ... мягкій?..

Никто въ обществѣ не зналъ ни графини, ни Сержа Григорьевича, но всё съ прїятной улыбкой выслушивали это извѣстіе, и многимъ оно было не безразлично, потому что они потомъ рассказывали дома: у генералши Дрейсъ абажуръ, самый модный, теперь въ Петербургѣ у всѣхъ такіе. Прасковья Дмитриевна говоритъ, что и у графини такой, и въ главной квартирѣ... вотъ бы ты сдѣлала, Ларочка!.. да нѣтъ!—гдѣ тебѣ!.. у насъ ничего не можетъ быть, какъ у людей...

— Это очень простой абажуръ, очень простой, говорила хозяйка дома своимъ гостямъ:—и вмѣстѣ съ тѣмъ самый практичный; я уже не говорю объ его изяществѣ... взгляните, точно стѣра de Chine, какія нѣжныя складки... линіи. Я просила одного знакомаго, адъютанта, знаете, который проѣзжалъ... онъ еще ординарецъ... онъ именно мнѣ и рассказывалъ объ этомъ изобрѣтеніи, но я никакъ не думала, что это до такой степени мило и оригинально, рѣшительно не предполагала! Я такъ, между прочимъ, сказала, чтобы онъ мнѣ выслалъ модель; онъ тотъ

часть выслать... такой любезный! Нишета скопировала, и видите, какъ удачно...

— У графини страсть къ этимъ абажурамъ, у нея на дачѣ, всѣ сидятъ и мнутъ, сидятъ и мнутъ, всѣ, рѣшительно, всѣ, даже Лизина, даже самъ графъ в тотъ... говорила кузина.

Разговоръ пресѣлся.

— Но вѣдь это дѣйствительно не дурно, сказала опять хозяйка.

— Ахъ, да! очень мило! подтвердили дамы.

— И просто—вотъ главное его достоинство.

— Удивительно просто! удивительно! отвѣчали дамы хоромъ.

— Mais savez vous, chère, эта маленькая вещица — она не только восхитительна, но чрезвычайно distinguée — вотъ главное ея достоинство, говорила кузина тономъ глубокаго убѣжденія, такимъ тономъ, который не терпѣлъ опроверженія.

— Ну, конечно, сказала хозяйка:—еще бы!

— Elle porte son cachet — вотъ! наставительно продолжала кузина.

— Да, удивительно милая вещь, благородная! говорила гостья.

— Дешевая—вотъ что! пробасилъ воинскій начальникъ:—вещь по сезону, патриотическая; не бросаются за моря сотни, когда тутъ всякая копейка нужна. Ихъ превосходительство съумѣли показать, что онѣ патриотки. И дешево, и сердито, и свое.

— Ну, что, не говорила ли я, что нашъ Викентій Васильичъ перлъ, а не человѣкъ... что? моя правда? заговорила и ласково, и льстиво, и покровительственно кузина:—не права ли я, когда говорила, что это наша самая умная головушка...

Прасковья Дмитріевна приостановилась, точно ждала возраженій, но она, какъ-то такъ устранилась, что ей никогда никто не возражалъ.

— Нѣтъ... серьезно!.. посмотрите, кто внимъ въ самую суть дѣла? Кто понялъ смыслъ, идею этого абажура? Кто? Викентій Васильичъ! Да, онъ совершенно правъ; именно теперь время этихъ абажуровъ, теперь, теперь... и я это всегда говорила. Я очень, рада, что мы сошлись во взглядахъ!

За цвѣтами кто-то кашланулъ. Прасковья Дмитріевна оглянулась и продолжала тѣмъ же тономъ:

— Знаете ли, это чрезвычайно отрадно, когда вы можете прямо сказать человѣку... Вотъ на примѣръ нашъ Юпитеръ—и она указала на господина сидящаго за цвѣтами: — про того я не говорю... тотъ, по своей профессіи, не имѣетъ права не быть первостатейнымъ умницей... Вѣдь онъ товарищъ прокурора, ему и книги въ руки, про него и гозорать нечего. Но Викентій

Васильичъ скватилъ именно всю суть... освѣтилъ фактъ... чрезвычайно, чрезвычайно вѣрно!

— Вотъ завалите моего мужа, а онъ въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что можетъ понимать все, всякій смн... сказала бойко, дѣтскимъ голосомъ жена Викентія Васильевича, молоденькая и хорошенькая барынька, сказала и остановилась.

— Что? Что подумаетъ вашъ супругъ? спросилъ нзъ за дѣтотвъ помощникъ прокурора.

— Ничего... это до васъ не касается.

— Однако... это очень интересно.

— Не ваше дѣло.

— Отчего же не мое? Позвольте... позвольте... Елена Павловна, разъ вы начали говорить... я полагаю, вы говорите для всѣхъ...

— Только не для васъ! пожалуйста, оставьте! вы вѣчно...

Елена Павловна и сердилась, и кокетничала, а вмѣстѣ съ тѣмъ посматривала вскося на хозяйку дома.

— Иванъ Петровичъ пошутилъ, сказала генеральша не совсемъ довольнымъ тономъ.—И потомъ, я не знаю, что такое онъ сказалъ. Thémige, вы слышали?

Молодая дѣвица, къ которой обратилась генеральша, пожала плечами и отвѣтила груднымъ контръ-альто.

— У Елены Павловны старые счеты.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ невыносимъ, продолжала кипятиться Елена Павловна.

— Ахъ, однако, какъ вы кипятитесь, Лелечка! сейчасъ вскипнеть и готово, примирительно сказала кухня: — но я ужасно люблю такіе характеры, это у нея въ одну минуту... готово!

У кухни была особенность: она называла по имени всѣхъ молодыхъ женщинъ, на третій день своего знакомства, на четвертый, если могла, то дѣлалась другомъ и покровителемъ каждой семьи, съ которой знакомилась, натурально, если та стояла ниже или на равнѣ съ ней въ социальномъ отношеніи. Она могла быть другомъ людей всѣхъ отбѣнокъ, всѣхъ направленій, честнѣйшихъ и завѣдомо мошенниковъ, но, конечно, не уличенныхъ, и людей во все вѣрующихся, даже въ чорта, въ ладонку, въ опрокинутую солонку, и людей ни во что не вѣрующихся. Каждому она умѣла сказать то, что ему было нужно, ладила со всѣми, каждому пѣлъ въ его тонъ. Главнымъ свойствомъ Прасковьи Дмитриевны была необыкновенная русская растяжимость. Она была совершенно естественна, когда въ нѣмецкомъ домѣ восхищалась порядками нѣмецкой жизни съ такой искренностью и даже завистью, что нѣмецкая дама приходила въ размягченное состояніе, но, по честности своей натуры, гово-

рила примерающимъ тономъ, «что и у русскакъ не все дурно, и у русскихъ бываетъ»... А въ тотъ же день, вечеромъ, Прасковья Дмитріевна была, какъ у себя дома, въ самомъ безалаберномъ хозяйствѣ, гдѣ вдругъ гостямъ неостанетъ сахару, гдѣ гаснетъ лампа отъ недостатка керосину, и негдѣ взять его, потому что лавки заперты; гдѣ собаки грызутъ калоши гостей, а любопытный ребенокъ ломаетъ и портитъ ихъ вещи. Всѣхъ Прасковья Дмитріевна умѣла расположить къ себѣ на столько, что всякій смотрѣлъ на нее, какъ на свою. Она обладала большимъ тактомъ, умѣла въ-время помолчать, въ-время похвалить, добродушно и весело пошутить, даже иногда, осудить въ лицо, но такъ, что осужденіе какъ масло мазало по душѣ. Но больше всего Прасковья Дмитріевна хвалила, и хотя эта похвала подъ часъ рѣзала ухо, но, странное дѣло, она все-таки, почти всегда производила свое дѣйствіе. Многіе называли ее фальшивой и двуличной, но я не знаю, на сколько это было справедливо, потому что не могу опредѣлить, гдѣ у нея начиналась фальшь, и гдѣ она была вполне естественна.

Жизнь Прасковьи Дмитріевны способствовала развитію въ ней ея врожденныхъ свойствъ. Эта жизнь, салонная и праздная, прошла бѣльшею частью въ разговорахъ. Но она была дѣятельна: она всегда устраивала что-то, потомъ разстраивала, и опять устраивала; однимъ—она способствовала, другимъ—препятствовала. Личный ея интересъ состоялъ въ томъ, чтобы попасть въ самое что ни на есть высшее общество и тамъ быть своей. Назвать при публикѣ какого-нибудь важнаго генерала Колинъкой, шутливо погрозить ему, а блестящую княгиню—Додошечкой, это для Прасковьи Дмитріевны было верхомъ наслажденія. Болѣе половины своей жизни, Прасковья Дмитріевна провела въ богатствѣ, потомъ ея состояніе разстроилось, мужъ умеръ; но все это не помѣшало ей блестящимъ образомъ пристроить своихъ дочекъ. Меньшую она выдала за купца-милліонера, что давало ей возможность говорить, что она не заражена дворянской спѣсью. «У дочери родственники—мужики въ деревнѣ, увѣраю, мужики! А моя средняя дочь, Аліне—княгиня, и еще свѣтлѣйшая, нетолько бываетъ у сестры, но даже очень любить ея мужа. Правда, что мужъ Мими, надо признаться, настоящій джентльмэнъ: въ Лондонѣ воспитывался». И Прасковья Дмитріевна, уже забывъ къ чему вела рѣчь, начинаетъ новый рассказъ о мужѣ Мими. Къ довершенію всего, Прасковья Дмитріевна, добившись большой пенсіи, развѣзжаетъ теперь по родственникамъ. Въ N она не больше мѣсяца, но всѣ жители городка уже ея друзья и почитатели.

— Лелечка! вы действительно кипятокъ, говорила Прасковья

Дмитріевна жетѣ воинскаго начальника.—Ну, чего вы такъ напали на этого бѣднаго Ивана Петровича, вы его совсѣмъ запугали. Ахъ, какая вы энергичная и пламенная маленькая женщина!

— Ахъ, онъ такой несносный, онъ все пристаётъ... и все сътѣхъ поръ, какъ я ошиблась. Вѣдь всякій можетъ ошибиться... правда? Вѣдь онъ же самъ далъ мнѣ книгу—и я убѣждена теперь, что онъ сдѣлалъ это нарочно, положительно нарочно!

— Какую книгу?

— А развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ.

— Глупѣйшую какую-то... какой-то журналъ. Но развѣ я виновата, что тамъ въ серединѣ были вырваны листы... онъ же далъ...

— Ну?

— Ну, онъ меня спросилъ, хорошо ли? я и говорю, что теперь непонятно пишутъ; она должна выйти замужъ, онъ ужъ на койѣнни всталъ, а тутъ вдругъ про овецъ начинать... понимаете, я не видала, что вырваны листы. Зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ?

Барышня, которую хозяйка называла Thémire, улыбнулась, но закрылась вѣеромъ; улыбнулась и дочь хозяйки, но въ ея сторону генеральша метнула грозный взглядъ; барышня вытнула лицо и принялась за корпію.

— Mesdames, а у насъ много корпіи? Я думаю, скоро можно будетъ посылать, сказала Леонила Аркадьевна, чтобы прекратить непріятный разговоръ.

— Да, много.

Потомъ все смолкло. Дамы молча ципали корпію, мужчины смотрѣли и тоже молчали. Впрочемъ, мужчинъ было всего двое, Викентій Васильевичъ Дрынкинъ и Иванъ Петровичъ, прокуроръ. Дамъ было больше. Сама хозяйка, Леонила Аркадьевна Дрейсъ, жена генерала, ея дочь Нипета, кузина, потомъ Елена Павловна, еще жена исправника, Елизавета Ильинишна, дама съ большими лягушечьими глазами и гусиной шейей, ея невѣстка Татьяна Петровна, и еще двѣ дамы.

Общество это собралось въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ, находящемся въ недалекомъ разстояніи отъ одной изъ станцій южной желѣзной дороги. Городокъ этотъ только изъ любви можно назвать городкомъ. Онъ маленький, сѣренькій, ранней весной и осенью буквально утопаетъ въ грязи, а зимой, занесенъ снѣгомъ чуть ли не по самыя крыши. За то лѣтомъ пышно красуется посреди своихъ зеленыхъ садовъ и безконечныхъ ого-

родовъ. Не во всякое время года, и зимой и осенью, и лѣтомъ и весной, скука и безжизненность разлиты по городу; точно спитъ городъ непробуднымъ сномъ и даже не снятся ему сны.

Городокъ самъ по себѣ не великъ, но онъ распозся во всѣ стороны, не руководствуясь никакимъ планомъ. Дома, или, лучше сказать, хаты разбросаны безъ всякаго порядка и толку; тамъ, здѣсь, вездѣ; заборовъ и пустопорожнихъ мѣстъ больше всего. По улицамъ, какъ и всегда въ маленькихъ городкахъ, бродитъ своть обывательскій; свиньи, цѣлыми семьями, необезпозвоенныи нягѣми, копошатся въ грязи, гуси, козы, утята; иногда волъ лежитъ поперекъ проѣзжей дороги, лежитъ и жуеъ жвачку, и никто его не потревожитъ, и онъ никого не тревожитъ.

Немного подалеже отъ центра города, на окраинахъ, обыватель преспозкойно, когда вздумаетъ, чистится, вывозитъ соръ со двора, или выкидываетъ навозъ прямо на улицу. Весной, все это поплывеъ; но къ этому всѣ привыкли. Вечеромъ, собаки немолчнымъ гамомъ провожаютъ пѣшехода отъ одного двора къ другому, имъ вторать цѣлыя стаи другихъ вочующихъ собакъ, и горе тогда запоздалому прохожему! Къ счастью, таковыхъ мало. Къ девяти часамъ, все спитъ спокойнымъ сномъ и только въ домахъ мѣстныхъ аристократовъ свѣтятся огни.

Жителей въ городъ немного, но всѣ предрержація власти по штатамъ находятся на лицо. Сливки общества состоятъ преимущественно изъ особъ, служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ, и ихъ семей. Монотонная и снотворная жизнь этихъ семей разнообразится разнаго рода препирательствами. Иногда эти препирательства принимаютъ большіе размѣры, ихъ раздуваютъ въ «исторію», и всѣ принимаютъ въ ней участіе, кипятятся, волнуются, забывая, что маленькое основное зернышко этой громадной исторіи произвела или выгнанная горничная, или извѣстная цѣлому краю завзятая лгунья.

Потомъ все какъ-то съ разу стихаетъ; опять тишь, и чуть не всеобщій сонъ носится въ воздухѣ, и положительно всѣхъ охватываетъ дремота.

Въ данную минуту, горизонтъ общественной жизни маленькаго городка заволакивался тучею, предвидѣлась гроза. Всѣ встрепенулись, и барыни, точно чайки передъ бурею, летали по городу, разнося вѣсти. И что было особенно интересно, на этотъ разъ, между ними царствовало полное единодушіе. Даже мнѣніе Прасковьи Дмитріевны, повидимому, противоположное, не служило диссонансомъ; напротивъ, хоръ отъ этого выигрывалъ, выходилъ полифе и богаче тонами. Само собою разумѣется, что, несмотря на одинъ основной мотивъ, детали варьировались до безконечно-

сти, смотря по способностямъ и наклонностямъ лица, но всё сходилось на одной мысли, что такъ невозможно, что этого нельзя допустить, что необходимо, наконецъ, добиться положительныхъ свѣдѣній о томъ, кто писалъ корреспонденцію, кто рѣшился писать, и, если это дѣйствительно Анна Филипповна, какъ предполагаютъ всё, нужно объясниться съ ея мужемъ, и цѣлымъ обществомъ заявить свое неудовольствіе...

Вотъ и здѣсь, въ салонѣ Леонины Аркадьевны Дрейсъ, послѣ того, когда благополучно кончились бутады Елены Павловны и разговоръ объ абажурѣ, чувствовалось, что у всѣхъ этихъ безмолвно щиплющихъ корпію дамъ, кипѣло на сердцѣ одно чувство: чувство негодованія противъ Филипповой. И если это чувство до сихъ поръ не вылилось наружу пламеннымъ потокомъ, то единственно потому, что нельзя было. Леонила Аркадьевна завела у себя въ домѣ такой порядокъ, что, во-первыхъ, не позволяла играть въ карты, ни подъ какимъ предлогомъ, и во-вторыхъ не позволяла слетничать.

— Mesdames, говорила она закатывая глазки и складывая губки сердечкомъ: — не будемте осуждать другъ друга! не будемте злословить! мы этого не должны дѣлать, нѣтъ — не должны. Самъ Спаситель насъ не училъ этому, et puis, ce n'est pas comme il faut. Мой мужъ этого терпѣть не можетъ. Онъ мнѣ разъ навсегда сказалъ, а вы знаете, его желаніе для меня свято (это не мѣшало, впрочемъ, генеральшѣ до того бѣснить мужа, что онъ много разъ влялся застрѣлиться и кончалъ тѣмъ, что уѣхалъ въ Ташкентъ «поправлять обстоятельства»)... И потомъ, mesdames, всё эти пересуды... такая провинція, c'est si petit! — Я этого не люблю. Мнѣ хочется, чтобъ у меня было нейтральное мѣсто, гдѣ каждый можетъ прійти, быть увѣреннымъ, что его имя метронуто. Да и вообще, меня не интересуютъ всё эти исторіи — Богъ съ ними! я ничего не хочу знать.

Вслѣдствіе этого, пересуды и разныя невѣрныя и невѣроятныя извѣстія рѣдко проникали въ гостинную Леонины Аркадьевны. Но за то въ этой гостинной царило особливо непроходимая скука, потому что, какъ тамъ ни говори, а слетня все-таки жизненный нервъ маленькаго городка. Это его умственная пища, больше того, это поэзія обывателей. Взамѣнъ слетней, у Леонины Аркадьевны разлита была вездѣ бонтонность и приличіе. Дочь генеральши больше молчала, и при гостяхъ, и безъ гостей. Прежде она вышивала оборочки, теперь — щипала корпію; читать она не любила, развѣ иногда, для практики, брала англійскую книгу со своей этажерки, и все ту же самую. Вообще, книги и га-

зеты не пользовались правомъ гражданства въ домѣ генеральши, хотя и лежали въ богатыхъ переплетахъ на кругломъ столѣ гостиной. За послѣднее время, на столѣ появилась газета «Вечернія Извѣстія», но номера лежали столбикомъ, не развернутыми. Разъ только генеральша случайно попала на патристическую оду и прочитала ее въ четверекъ гостямъ. Ода была очень длинная, во весь фельетонъ, очень скучная и очень громкая, но она почему-то понравилась генеральшѣ, такъ что она прочитала ее, со слезами на глазахъ, и еще въ двухъ домахъ, во всеобщему ужасу слушателей. Сама генеральша любила почитать, но она питалась исключительно французскими романами веселаго содержания, прятала эти книги и никому объ нихъ не говорила. Если по временамъ завязывался въ ея гостиной разговоръ о книгахъ, то она говорила о Шатобрианѣ и о Викторѣ Гюго.

Несмотря на скуку, всѣ ѣздили на четверги Леонилы Аркадьевны, всѣ, кого она только приглашала, потому что, какъ тамъ ни говори, а она все-таки единственная генеральша на цѣлый городъ, и притомъ генеральша довольно требовательная. Она не всѣхъ пускала въ свой салонъ; это было своего рода отличіе, патентъ на бонтонность. Поэтому, всѣ вѣяли себя въ священную обязанность и въ особенное удовольствіе ѣздить къ ней, хотя, въ четырехъ стѣнахъ, позволяли себѣ роптать на скуку.

На этотъ разъ, однако, ясно было всѣмъ, даже самой генеральшѣ, что заведенному порядку не устоять, что общество заговорить при первомъ толчѣи и наговорится всласть. Даже сама генеральша втайнѣ желала этого. Много, слишкомъ много накопилось горячаго матеріала за послѣдніе дни, а, сверхъ того, и вопросъ былъ такой новый и совсѣмъ ужъ не бывалый.

Итакъ общество Леонилы Аркадьевны, такъ въ душѣ жгучія мысли, щипало корпю, взрѣдка перебрасываясь незначительными фразами, какъ вдругъ раздался звонокъ. Всѣ встрепенулись

— Кто бы это могъ быть? спросила кухня.

Хозяйка посмотрѣла на часы, и сказала:—Десять часовъ, вѣроятно, Фронтековъ, больше никому. Онъ заѣзжаетъ иногда съ повѣзда, рассказать, когда услышитъ что-нибудь новое. Вѣдь это онъ привезъ извѣстіе о взятіи Карса!

Вслѣдъ за кококольчикомъ, послышался громкій голосъ изъ прихожей:—Ваше превосходительство, корреспонденція!

— Онъ и есть! онъ самъ на лицо.

— Яковъ Андроновичъ!

— Откуда это васъ?

Въ гостинную вошелъ человекъ лѣтъ сорока пяти, пріятной

наружности, на первый взгляд простоватый и добродушный. Больше внимательный наблюдатель нашелъ бы, однако, въ немъ черты человѣка себѣ на умѣ и даже проникливаго и хитраго. Онъ вышелъ изъ «народа», прежде былъ кантонистомъ, потомъ писаремъ въ полку, потомъ писаремъ при начальникѣ вновь строящейся дороги, потомъ женился на любовницѣ этого начальника и этимъ положилъ начало своему будущему благополучію. Жена его, изъ нѣмокъ, была женщина расчетливая, ловкая, красивая. Она вывела мужа въ люди и сдѣлала его лицомъ при желѣзной дорогѣ. Опираясь на сильную протекцію, Фронтѣковъ, прежде просто Фронтниковъ, крѣпко стоялъ на своемъ посту и сколачивалъ почтенный капиталъ, которымъ дѣлился съ кѣмъ было нужно, когда жена его начала дурить, а главное—толстѣть. Теперь Фронтѣковъ принадлежалъ къ «обществу» и жена его имѣла голосъ. Она больше другихъ говорила о добродѣтели, строже всѣхъ относилась къ людскимъ слабостямъ. Ея побавались, потому что языкъ ея не зналъ милосердія.

— Какъ вы милы, Яковъ Андроновичъ! говорила ему генеральша, идя на встрѣчу:—благодарствуйте! Ахъ, и супруга ваша. Здравствуйте, Эмилія Антоновна, какъ ваше здоровье? Вашъ супругъ такъ добръ...

— Извольте получить, ваше превосходительство, перебилъ не совсѣмъ вѣжливо Фронтѣковъ.—Сейчасъ съ поѣзда.

— Что объ Плевнѣ? сдалась Плевна? что наши на Шипкѣ? спросила озабоченно Прасковья Дмитриевна.

— Все слава Богу, все обстоитъ благополучно; не въ томъ дѣло, ваше превосходительство (онъ и Прасковью Дмитриевну называлъ «ваше превосходительство»)! Корреспонденція-то нынче задирательная!..

— Я нахожу, что тутъ больше всего обида нанесена Леонилѣ Аркадьевнѣ, ее оскорбили! сказала съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ Эмилія Антоновна.

— Мена? Лицо и шея Леонилы Аркадьевны покрылись пятнами, она безпомощно заметалась.

— Матап? спросила строго и гордо Нишета.

— Генеральшу? Леонилу Аркадьевну? твердили всѣ на разные тоны, но всѣ съ ужасомъ.

— Матап? еще строже повторила Нишета, глядя прямо въ глаза Фронтѣковой.

— Но чѣмъ же я тутъ виновата? сказала Эмилія Антоновна, пѣвуче, ударяя на словѣ «я».

— Читайте! сказала генеральша съ видомъ жертвы: — Иванъ Петровичъ! читайте громко! Нишета, дай мнѣ флаконъ!

Иванъ Петровичъ отгашлянулся и началъ:

«Наконецъ-то заволновалось и наше вѣчно сонное и сонъ наводящее общество. Недавно, стараніями мѣстныхъ меценатовъ, сооруженъ былъ балъ въ пользу раненыхъ. Балъ вышелъ какъ слѣдуетъ балу, танцовали, ѣли, пили, особенно много пили, но все обошлось благополучно, скандаловъ не послѣдовало, и не мудрено, потому что во главѣ стояли самыя бонтоинныя дамы, верхъ нашихъ сливокъ. Впрочемъ, на балѣ допущены были и еврейки, чего прежде ни подъ какииъ видомъ не бывало, и даже балъ состоялся въ залѣ еврея, того самаго еврея, дочери котораго (премилыхъ барышень) чуть ли не изгнали остракизмомъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, изъ «салонновъ beau mond'a» единственно за то, что онѣ еврейки. Но другія времена, другіе нравы. Духъ либерализма коснулся и насъ. Сборъ съ бала былъ почтенный, даже, по словамъ нѣкоторыхъ, неожиданный, но, къ несчастію, чистой прибыли оказалось вовсе не такъ много, какъ предполагалось. Говорятъ, что декоративная сторона бала обошлась дорого, вслѣдствіе чего чистый доходъ не превысилъ шестидесяти пяти рублей. На эти деньги хотать выписать партію душевнеспасительныхъ брошюръ о томъ, «что, идя въ путь, не надо брать сребра», а на остатки суммъ, наши дамы сооружаютъ красивые нагрудники и кисеты для сосѣдняго госпиталя. Кисеты дѣйствительно верхъ изящества и верхъ терпѣнія: вырѣзаютъ цвѣтокъ съ одного ситца и нашиваютъ его на другой... и выходитъ такъ мило, такъ мило... ахъ, ша сhère, какъ это мило!»

Крикъ ужаса, неудержимый, неподдѣльный крикъ раздался въ гостинной.

- Нѣтъ, это невозможно!
- Это верхъ наглости!..
- Это! это непостижимо!
- Леонила Аргадьевна, вы можете жаловаться губернатору.
- Иванъ Петровичъ! это ваше дѣло, это ваше дѣло! вы должны обвинить ее! вы—обвинительная власть... говорила, почти задыхаясь, генеральша:— non, c'est inouï... Nichette, passez moi le flacon!
- Да, Иванъ Петровичъ, это ваше дѣло!
- Помилуйте, mesdames, откуда вы взяли, что это мое дѣло. это совсѣмъ меня не касается... помилуйте!..
- Вы рады ее защищать!

- И не думаю! Но, во-первыхъ, еще неизвѣстно, кто писалъ. Почему мы знаемъ?
- Какъ неизвѣстно? Всякій знаетъ! это вы только притворяетесь, что не знаете!
- Писала Филиппова!
- Конечно, она!
- Но какія у васъ данныя?
- Кому больше?
- Но какія же данныя?
- Вы несносны, какъ всегда! Для чего же она опускаетъ шторы? у нея цѣлый день опущены шторы.
- А для чего у нея до поздней ночи, почти до утра, горитъ лампа—для чего? говорилъ Фронтёвъ. — Я какъ-то зачастилъ къ Ивановымъ—ну, занраешься въ карты, приходится поздно возвращаться—и всякій разъ у нея горитъ лампа. Я ужъ замѣтилъ это исправнику.
- Мой мужъ посылалъ меня къ ней, такъ, не показывая вида, что это отъ него...
- Ну, и что же?
- Она такая дерзкая... Она сейчасъ догадалась, что это мой мужъ...
- Ну?
- Ну, и велѣла сказать мужу...
- Жена исправника замаялась.
- Что-же она велѣла сказать?
- Что у нея жи... животъ болить, сказала, зардѣвшись, исправница.
- Фи, que c'est sâmpun!
- Дерзкая баба!..
- Но каково! декоративная сторона бала дорога! скажите, пожалуйста! Когда я дала свои двѣ вазы и серебрянный самоваръ, разумѣется, безвозмездно. Да и Nichette давала свою вазу, говорила удрученнымъ голосомъ генеральша. — Что-же! музыка и освѣщеніе... и весь этотъ буфетъ, и цвѣты, и гирлянды, все это, стало быть, должно быть даромъ!
- Непостижимо!
- А про брошюры!
- Помните, вѣдь это противъ религіи! вѣдь это чѣмъ пахнетъ? Ее можно за это туда, куда Макарь... сказалъ Фронтёвъ и указалъ большимъ пальцемъ за окно.
- Да еще какъ можно то!
- Но опять, почему мы знаемъ, что это она писала? вступился товарищъ прокурора.

— Вот вы всегда такъ, вы всегда въ разрѣзъ съ обществомъ! заговорила Эмилія Антоновна. — Но я вамъ скажу фактъ: она одна получаетъ всѣ газеты, и почтмейстеръ мнѣ говорилъ, что она получаетъ отъ двухъ редакцій письма. Шгемпель стоялъ на конвертѣ... и потому она въ постоянной перепискѣ съ за-заграницей. Да мало того... погодите! погодите! Я навѣрное знаю, что она получила телеграмму изъ Петербурга... гдѣ было сказано, «что редакция ждетъ вашей работы». Чтѣ?

Прокуроръ пожалъ плечами, но ничего не сказалъ. Онъ никогда не шелъ противъ волны.

— Знаете-ли, она неприятная женщина, говорила генеральша:—я не люблю осуждать и не привыкла къ этому, но должна признаться, что она мнѣ не нравится. Въ ней какая то самоуверенность. Она держитъ себя, какъ принцесса крови, со всѣми любезна, снисходить, точно рублемъ дарить...

— Замѣтили-ли вы, ваше превосходительство, фразу: «духъ либерализма коснулся»... Это на счетъ жиждовокъ?

— Да, да, это мнѣ ужасно неприятно! почтеннѣйшій господинъ Фридманъ далъ свою залу по моей просьбѣ и вдругъ его такъ опубликовали! Вѣдь у него дочки молодыя дѣвушки! ихъ бы побережь слѣдовало. Гдѣ теперь эти дѣвушки?

— Въ Дрезденѣ.

— Ну, вотъ! въ Дрезденѣ! вдругъ онѣ прочитають? ужась! Ахъ, какъ это неприятно! какъ это неделикатно осрамить дѣвочки!..

— Вѣдь это, однакожь, правда; она правду написала, что ихъ перестали принимать — помните? сказала Елена Павловна, по обыкновенію, не впопадъ.

— Ахъ, мадамъ Дрынкина, какая вы еще молодая! Теперь ихъ опубликовали, подумайте, о-пу-бли ко-ва-ли... въ благодарности! Ужасно неловко! ну, и мое положеніе передъ этимъ достойнымъ кушцомъ... ужасно!

Леонила Аркадьевна остановилась, удрученная наплывомъ горестныхъ ощущеній, потому заговорила другимъ тономъ:

— Я положительно убѣждена, что это ея корреспонденція.

— Ея, ваше превосходительство, ея, больше никому, говорилъ убѣдительнымъ тономъ Викентій Васильевичъ, ударяя себя въ грудь.—Помилуйте, развѣ у насъ было когда-нибудь что нибудь подобное? Писалъ ли кто нибудь до нея? Жили тихо, смиренно, все шло прекрасно, а теперь, что ни номеръ, то корреспонденція; то объ почтѣ пишеть, почтеннѣйшаго нашего, достоиннѣйшаго Александра Яковлевича затрогиваетъ, то объ грязи, то о школахъ, то о хладнокровіи общества; все понадобилось! Помни-

дуйте! во всему можно придраться. Говорать, теперь и на солдѣхъ нашли какія то пятна. Ну, пиши дѣло! Я противъ этого не спорю, не спорю противъ благодѣтельной гласности... мало ли какія есть злоупотребленія? Вотъ, говорятъ, подметки «тмажныя» у войска—пиши, заявляй... Это злоупотребленіе! противъ этого нельзя спорить, или, опять, известку примѣшиваютъ въ муку, это ужъ дурно, этого скрывать не надо, это дѣйствуетъ на здоровье солдатъ! пиши, не жалѣй жидовскую мошну...

— Нѣтъ! но вообразите, какая извѣстная корреспонденція: «верхъ сливокъ»! Подсмѣивается, туда же, а сама кто?.. заговорила ядовито Елизавета Ильинишна, жена исправника.

— Но знаете ли, что меня беспокоитъ больше всего? сказала генеральша съ глубокимъ вздохомъ: — это моя отвѣтственность передъ обществомъ. Я ее, такъ сказать, открыла, а ее представила—и вдругъ! это ужасно!

И на лицѣ генеральши, и во всей ея фигурѣ было написано дѣйствительное мученіе.

— Чѣмъ же вы тутъ виноваты, Леонила Аркадьевна, говорила успокоительно Татьяна Петровна. — Я этого не нахожу. Еслибъ не черезъ васъ, то черезъ меня, черезъ другихъ, она непременно познакомилась бы съ обществомъ. Ея мужъ—акцизный, со всѣми знакомъ, слѣдовательно, такъ или иначе, но она непременно должна была бы придти въ соприкосновеніе съ нами.

— Конечно, Лео, ты нисколько не виновата, подтвердила и Прасковья Дмитриевна.

— Ахъ, кузина, вѣдь черезъ меня! поймите, черезъ меня познакомилась всѣ съ ней. Я не могу постичь, какъ это случилось, какъ я могла быть такой неосторожной. Но, опять, могла ли я предполагать? Князь Василій съ ней чрезвычайно долго разговаривалъ, помните, когда я съ ней встрѣтилась на поѣздѣ.

— Дѣло сдѣлано, ваше превосходительство, его не воротить; теперь только слѣдуетъ быть на сторожѣ... Я, признаться сказать, давно не довѣрялъ ей, давно говорилъ своей супругѣ:—не ходи Леночка, не таскайся къ этой Филипповой... вотъ и вышло по моему.

— Ахъ, отстань! всѣ у нея бывали, не я одна.

— Въ томъ-то и бѣда, что не ты одна.

— Скажите, пожалуйста, кто это у нея молодой человекъ, два раза ужъ прѣзжалъ и всякій разъ съ вечернимъ поѣздомъ?

— Три раза! не два, а три раза!

— Три? вотъ какъ? я и не знала.

— Три.

— Сердечная зазнобушка, вѣроятно же всего, а поди и того хуже... По нынѣшнему!

— *Nichette*, сѣге, поди распорядись, скоро ли ужинъ.

генеральша знаменательно посмотрѣла на дочку. *M-elle Nichette* вышла.

— Другъ сердца или зазнобушка, но человѣкъ таинственный.

— Да, она никому его не показывала; прѣдетъ и уѣдетъ. Разъ цѣлую недѣлю жилъ, и тогда всегда бывала опущена штора въ средней комнатѣ.

— И видѣ-то у него такой: волосища большіе, шляпа точно у разбойника.

— Татьяна Петровна, вы его видѣли?

— Видѣла.

— Ну, что?

— Ничего особеннаго.

— Кто онъ?

— Говорятъ, студентъ.

— Вотъ видите! студентовъ принимаетъ.

— Я вообще слышала, что она не особенно строгой морали. Удивительно легко обо всемъ говорить.

— Да?

— Вѣдь она съ мужемъ сколько времени не жила, по заграницамъ шлялась.

— Помните, этотъ слухъ прошелъ, что она въ *café chantant*, въ Парижѣ пѣла?

— Танцевала... въ *Bal Mabille*.

— Нѣтъ, пѣла, навѣрное, пѣла!.. Я очень хорошо помню, что мировой судья, когда воротился изъ Москвы, рассказывалъ, что ему говорили, что жена новаго акцізнаго поетъ на подмосткахъ, въ Парижѣ... Говорилъ еще, что ее видѣли въ ботфортахъ на улицѣ, и такъ декольте, такъ декольте!

— Да, да, въ ботфортахъ... помню, помню. Теперь помню! пѣла, дѣйствительно, пѣла!

— Насъ съ мужемъ давно уже беспокоитъ эта Филиппова; такъ бы хорошо было узнать объ ней всю подноготную, говорила Фронтѣкова.

— Это почему? спросила Прасковья Дмитриевна.

— Ахъ, Боже мой! такая она безпокойная! все то ей нужно, до всего она касается... вотъ хоть бы теперь. Представьте, сунулась устраивать новую школу у насъ на станціи; наша старая, изволите видѣть, ей не понравилась: и учитель дуракъ, ничего не смыслить, и комната мала, воздуху мало... Она знаетъ сколько нужно воздуху!.. она вѣдь все знаетъ!.. И Фронтѣкова

живительно улыбнулась, и продолжала: — и еще, зачѣмъ дѣтей наказывать? по ейному, по модному, нельзя наказывать.

Когда Фронтевова приходила въ азартъ, то она не слѣдила за своими выраженіями.

— Ей что за дѣло?

— А вотъ спросите ее.

— Но какими судьбами она попала къ вамъ на станцію?

— Начальникъ станціи ея братъ.

— Скажите! я этого и не знала..

— Да! ну, она и завела канитель. Взбудоражила все у насъ. Написала директору дороги, что у рабочихъ дѣтей много, что потребность учиться велика... Нашли какую-то потребность, никто объ ней и не слышалъ, объ этой потребности, а она отыскала... Ну, и далѣе, все какъ слѣдуетъ, просить суб...

— Субсидіи, подхватилъ мужъ.

— Субсидіи; просить помѣщенія отъ дороги, просить техника изъ Петербурга, и, къ довершенію всего, предложила — какъ бы вы думали, чтѣ? своего учителя и себя! вообразите, себя! я только развела руками, когда узнала.

— Вотъ какъ! Съ чего это ей вдругъ захотѣлось въ учительницы? Какая ей корысть? вѣдь жалованіе, вѣроятно, маленькое, а средства у нихъ есть, я это знаю; и потомъ вѣдь она женщина нашего общества... Князь Василій съ ней знакомъ, и его кузина..

— Тутъ не въ деньгахъ дѣло, она безвозмездно, изъ любви... къ человѣчеству...

— Гм.. изъ любви къ человѣчеству!

— На время, вѣдь только на время; стетральничаетъ, а потомъ и съ колокольни долой!

— Чтѣ же, вѣдь это отлично устроить школу, сказалъ товарищъ прокурора.

— Отлично, если она человѣкъ благонадежный! Я не спорю противъ этого... Ну, а если все правда, что про нее говорятъ? Чтѣ тогда? И потомъ, воля ваша, я не вѣрю всѣмъ этимъ дрободѣтелямъ... этому безкорыстію... Нынче не таковское время.. Изъ чего ей биться?

— Ну, положимъ биться-то ей есть изъ чего. Она барыня ловкая, сказалъ Фронтевъ. — Вы возьмите только одно, ваше превосходительство, на школу, которую она проэктировала, требуются деньги, и большія деньги — школа-то вѣдь ремесленная. Она уладила такъ съ директоромъ, что деньги выдаются на руки комитета, а потомъ ей. Видите ли, правленіе не хочетъ и не можетъ взять на себя первоначальное устройство школы. Ди-

ректоръ предложилъ Филипповой самой устроить школу, если ей ужъ такъ приспичило, и потомъ сдать готовую. Деньги на устройство правленіе будетъ отпущать комитету, а комитетъ, извольте видѣть, тутъ только номинально, потому что въ составъ комитета входятъ ее братъ, потомъ начальникъ тракціи, который на все рукой махнулъ... Ну, потомъ она сама въ комитетѣ, потомъ а. Но, вы понимаете, что я тутъ ни причемъ... Чтѣ я могу сдѣлать одинъ?

— Но главное, я не совѣтую мужу вмѣшиваться... ну изъ! потомъ еще въ отвѣтъ будешь! Я, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ умыла руки, и сама не хочу, и мужа не пушу.

— Вы это напрасно дѣлаете, Эмилиа Антоновна, вамъ бы не нужно выпускать изъ рукъ этого дѣла! Вамъ бы именно слѣдовало скорѣе, чѣмъ кому-либо другому, взять на себя это дѣло! говорила Прасковья Дмитріевна, отлично знавшая и прошлое Эмилиа Антоновны, и на сколько она годилась для школы.

— Нѣтъ, вмѣшиваться ей не нужно. Если само правленіе нашло болѣе удобнымъ поручить устройство школы начальнику станціи, помимо меня — и кому? начальнику станціи и его сестрѣ, женщинѣ, которая тутъ ужъ совсѣмъ не причемъ... нѣтъ! намъ не слѣдъ вмѣшиваться. Не нашли нужнымъ предложить моей женѣ—ну, и не нужно!

— У меня, слава Богу, всего довольно! Миѣ нечего искать, и нечего кланяться!

— Но, знаете ли, говорятъ, что самъ Филипповъ хочетъ взять мѣсто на желѣзной дорогѣ... онъ недоволенъ акціонизмъ.

— Та, та, та, вотъ тебѣ и на! вотъ вамъ и разгадка! Такъ вотъ почему она лѣзла въ правленіе, на глаза къ директору!

— Какъ, однако, ларчикъ-то просто открывался!

На другой день, тоже общество, за исключеніемъ генеральши, собралось у исправника; играли въ карты, и опять тѣмой для разговора была корреспонденція и Филиппова. Порѣшили поручить Фронтѣкову отыскать на станціи или въ мѣстечкѣ адвоката, человѣка, владѣющаго перомъ, и ему заказать опроверженіе корреспонденціи.

— Пусть такъ начнетъ: «По инициативѣ нашей достоуважаемой генеральши», говорилъ Вивентій Васильевичъ.

— Зачѣмъ генеральши?

— Почетнѣе... не кто-нибудь!

— Ну, а предводительша? вы забыли предводительшу? она можетъ обидѣться.

- Можно и предводителю написать.
- Слѣдуетъ написать!
- «Нашъ городъ отличился на патриотическій зовъ»...
- Именно, именно патриотическій зовъ! Яковъ Андроничъ! запомните...
- Запомню!
- Только вотъ чего я боюсь, найдете ли вы такого человека?..
- Найду, а если на то пошло, то выпашу... Говорятъ, есть такой, въ сенатѣ служилъ... и перомъ владѣетъ, и слова теперешнія... да, говорятъ, и не дорогъ.
- Тутъ за деньгами нечего стоять!
- Конечно!
- Ну, и отлично.
- Да нельзя ли корреспондента-то продернуть при семъ удобномъ случаѣ?
- Отчего же? можно!
- Знаете ли, хорошенько, половчѣе, чтсбы памятно было.
- По моему, даже слѣдуетъ ее продернуть, потому, не муть общественнаго спокойствія...
- Что этого дѣла оставить нельзя, такъ это положительно, говорила жена исправника: — съ ней сладу теперь никакого нѣтъ. — Почтмейстеръ ѣздилъ жаловаться за прошлую корреспонденцію.
- Ѣздилъ? ну, и что?
- Ничего, никакого толку.
- Мы совѣтовали Леонилѣ Аркадьевнѣ губернатору написать — не хочетъ!
- Нѣтъ! самое лучшее, корреспонденцію навалить... колъ — коломъ.
- Написать, что, дескать, неблагонадежная особа, темная личность.
- Какая же она неблагонадежная? вступилась Татьяна Петровна.
- Да съ, неблагонадежная! Вы дѣвица, Татьяна Петровна, вамъ и не слѣдъ этого понимать, говоритъ Викентій Васильевичъ.
- Да, кромѣ того, нужно узнать, имѣетъ ли еще она право мѣшаться въ школу. Суммы-то ей вручить-вручать, а ну, какъ ее, да по Сибирскому тракту? что тогда? съ кого вщи? говорить, сдавая карты, Фронтоковъ.
- Ну, Яковъ Андроничъ, этс-то ужъ слышомъ, говорить

Прасковья Дмитріевна: — Вѣдь она женщина изъ порядочнаго общества.

— А мы почему знаемъ? она безъ году недѣля живетъ между нами, мы ея не знаемъ-съ! Порядочныя женщины, ваше превосходительство, не бросаютъ своихъ мужей и не шлятся, Богъ знаетъ, гдѣ-съ. Мужъ ея, дѣйствительно, больше двухъ лѣтъ здѣсь, а она гдѣ была? развѣ мы знаемъ?

— Да, но все-таки...

— А знаете ли, Алфей Петровичъ, по моему, вы тутъ сплеховали, говоритъ Викентій Васильичъ:— да-съ!

— Я? Это какимъ образомъ?

— Да-съ, сплеховали!.. вы—исправникъ, это ваше дѣло! поидать бы ее слѣдовало съ первоначала, какъ пріѣхала, вотъ что-съ! да и теперь не мѣшало бы принять кое-какія мѣры... Чортъ знаетъ, кто къ ней пріѣзжаетъ, благо станція близко; да и сама она куда-то ѣздила.

— И съ обществомъ она не особенно сходится.

— И съ обществомъ не сходится, нелюдимой держится; и это, и многое другое...

— Да, Алфей Петровичъ, вамъ бы слѣдовало слегка пощувать ее и легонькія мѣрцы принять-съ, говоритъ Фрондѣловъ, тасуя карты.

— Какія тутъ мѣрцы, вы бы послушали мою сестрицу, Татьяну Петровну. Я давно еще говорилъ, раньше всѣхъ, что ненадежная она баба, такъ и вѣтъ! моя сестрица на дыбы: перестань, Бога ради! не срамись! еслибы она была подъ надзоромъ, кому лучше было бы знать, какъ не тебѣ! Вѣдь ты исправникъ!

Нѣсколько дней спустя, поздно вечеромъ, въ гостинной Анны Филипповны, черезъ опущенныя шторы, свѣтился огонѣкъ. Рядомъ съ гостинной, въ неосвѣщенной столовой, у окна сидѣли Анна Филипповна и Прасковья Дмитріевна. Онѣ, молча, изъ-за занавѣсокъ присматривались къ тому, что дѣлалось на улицѣ. А на улицѣ кто-то, укутанный въ темный плащъ, крался вдоль стѣны, неслышными шагами, по направленію къ дому. Потомъ этотъ «кто-то» остановился у окна гостинной и, осмотрѣвшись тревожно кругомъ, прильнулъ глазомъ къ соломенной шторѣ.

— Это онъ, на этотъ разъ, это онъ самъ, исправникъ! еле шевеля губами, прошептала Анна Филипповна. Потомъ улыбка освѣтила ея лицо и она также неслышно, также скользя, какъ тѣнь, поднялась съ мѣста и направилась въ гостинную. На порогѣ, она жестомъ остановила Прасковью Дмитріевну и вошла одна.

Въ гостиной, у стола, заваленнаго книгами и рукописями, сидѣлъ молодой человѣкъ, облокотившись обѣими руками на столъ. Одѣтъ онъ былъ въ простую рабочую блузу, а подслѣповатые глаза были вооружены очками. Онъ прилежно занимался и не слыхалъ какъ подошла Анна Филипповна.

— Знаете, Богдановичъ, что я придумала, сказала она громко, серьёзнымъ и озабоченнымъ тономъ.—Какъ хотите, а нужно положить конецъ этому.

Молодой человѣкъ поднялъ глаза отъ книги и вопросительно посмотрѣлъ на Анну Филипповну.

— Да! надо положить конецъ! и мой совѣтъ, разомъ! и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, а то насъ поймаютъ.

— Это вы насчетъ чего? спросилъ онъ медленно.

Анна Филипповна указала глазами по направленію къ окну и заговорила таинственнымъ шопотомъ, но такъ, что было слышно:

— Знаете ли, теперь самая пора, подложите подъ весь городъ динамитъ, а сами уйдемъ въ лѣсъ! и конецъ этой гадости.

Глаза молодого человѣка свернули усмѣшкой.

— Нѣтъ, Анна Филипповна, я на это не согласенъ! зачѣмъ? все же люди; хоть сверные, подлые, а все-таки люди. А вотъ что мы сдѣлаемъ: предадимъ лучше городъ туркамъ или еще лучше, англичанамъ, они больше дадутъ. Получимъ кушъ и маршъ за-границу.

— Хорошо, англичанамъ, такъ англичанамъ, мнѣ все равно! только, воля ваша, прежде всего, я требую, чтобъ съ нашимъ исправникомъ было поступлено по всей строгости.

Подъ окномъ что-то тихо зашевелилось.

Анна Филипповна бросилась къ окну, подняла штору и выснулась. На улицѣ стояла темень и, послѣ ярко освѣщенной комнаты, глазъ не скоро отыскалъ быстро удаляющуюся фигуру.

Анна Филипповна разразилась громкимъ, неудержимымъ смѣхомъ, смѣялся и Богдановичъ. Прасковья Дмитриевна, вся рас-терянная, стояла въ дверяхъ и укоризненно качала головой.

— Ха-ха-ха! ха-ха ха! заливалась Филиппова.

— Голубушка! милая! да никакъ вы съ ума сошли?

— Удралъ! больше не придетъ! говорилъ Богдановичъ.

— Нѣтъ, ну, что за фантазія! милая! что за фантазія! Я рѣшительно не понимаю! говорила Прасковья Дмитриевна, качая головой.—Мало у васъ враговъ, а вы еще дразните! зачѣмъ давать противъ себя оружіе... ну, если исправникъ все это приметъ за чистую монету? что тогда, вы подумайте, что тогда?..

Анна Филипповна перестала смѣяться, лицо ея сдѣлалось серъ-

ѣвно, складка обозначилась на лбу, она отвѣтила рѣзко: «ну, и пусть приметы!..»

— Ну, а если онъ...

— Ему же нахлобучка. Вѣдь въ губерніи поймутъ.

— Ну, вы не очень-то рассчитывайте... Нѣтъ, какъ хотите, вы очень неосторожны. И Прасковья Дмитріевна вздохнула: — еслибъ вы послушались моего совѣта, лучше было бы, право, лучше, попомните мое слово! Попридержитесь, милая!

— Отъ чего придержаться?

— Вы сами знаете.

— Ей-Богу, не знаю.

— Ну, хоть бы, напимѣрь, отъ этой выходки. Для чего усложнить свою жизнь и дѣлать себѣ враговъ.

— Послушайте, это ужасно, я буду говорить съ вами серьезно. Развѣ мыслимо оставаться покойной—вѣдь чортъ знаетъ, что такое дѣлается! то на меня чуть ли не Богу молились, а теперь облаву дѣлаютъ—это хоть кого взбѣситъ! Ну, будьте вы на моемъ мѣстѣ, что бы вы сдѣлали, еслибы ваши письма перестали доходить по назначенію; еслибы вы замѣтили, что получаемая вами корреспонденція подклеена, что телеграммы, адресованныя на ваше имя, извѣстны всему городу, раньше даже, чѣмъ вамъ? Когда бы за вами, вотъ какъ теперь за мною, стали подсматривать, подслушивать. Я не знаю, съ которыхъ поръ это началось, но вотъ уже четыре дня, какъ каждую ночь я замѣчаю, что у моего окна кто-то останавливается и слушаетъ. Слушаетъ какая-то женщина! Вчера я позвала мою горничную и она узнала кухарку исправника. Его самого сегодня я видѣла первый разъ. Ну, что же прикажете дѣлать? Отворить окно и попросить его пожаловать ко мнѣ? Или показать видъ, что я ничего не знаю? Воля ваша, это невыносимо! И съ чего они всѣ взбѣсались?

— Если вы общаете меня не выдать, я вамъ скажу...

— Пожалуйста! мнѣ тѣмъ легче общаться, что у меня рѣшительно никто не бываетъ, исключая прокурора, Татьяны Петровны, да еще какъ-то забѣжала Елена Павловна, но и то украдкой, просила не говорить.

— Васъ всѣ вивать за корреспонденцію.

Анна Филипповна улыбнулась.

— Почему же вы думаете, что это я пишу корреспонденціи?

— Со мной-то не хитрите, меня не обманете! нѣкому писать, кромѣ васъ! и потомъ почтмейстеръ намъ рассказывалъ.

— Ну, какъ угодно. Порѣшили, что это я писала, пусть будетъ такъ, не спорю.

Анна Филипповна продолжала улыбаться.

— Конечно, вы.

— Можетъ быть, не знаю.

— И для чего вы это дѣлаете? ну, хоть бы объ этомъ балѣ? чѣмъ онъ вамъ помѣшалъ? Дѣло полезное.

— Да, собрали шестьдесятъ пять рублей.

— И шестьдесятъ пять рублей деньги.

— Употребить на брошюры, на галстуки.

— То есть, на нагрудники и кисеты.

— Все равно.

— Конечно, это смѣшно, слова нѣтъ, особенно, если сравнить приношенія «нашихъ сливокъ», какъ вы ихъ называете, съ приношеніемъ крестьянъ нашего уѣзда.

— Да, крестьяне дали... и никто объ этомъ не говорить. Ну, а когда наша интеллигенція собралась помочь, балъ затѣяла, то разговору-то, разговору-то было! Не знаю, какъ у васъ, но у меня голова закружилась отъ однихъ толковъ о балѣ, до и, послѣ бала.. Сколько беспокоились эти бѣдныя патронессы! Сколько потратились, бѣдныя, на туалеты! а тѣ, которыя не могли тратить—сколько хлопотъ стоило имъ добыть всѣ эти банты и рюши, и трюши, и всѣ эти моды! Знаете ли, мнѣ даже ихъ жалко было!

— Оставимъ это въ сторонѣ, мы объ отлично понимаемъ, что за пустота и мелочь царствуютъ въ нашемъ обществѣ. Но барыни принялись теперь за дѣло—зачѣмъ же осмѣивать ихъ?

— За какое дѣло?

— Работаютъ на «Красный Крестъ».

— Ахъ, да! изъ стараго бѣлья щиплютъ корпю, и въ клѣточку, и въ полоску... а mademoiselle Nichette умудрилась даже сдѣлать очень изящной свою тряпочку. Я слышала, какъ она учила жену мирового судьи, что красивѣе всего: широкія, продолжныя носы, а поперекъ—тоненькія, тоненькія, тоненькія.

— Вы вѣчно шутите, но они не только корпю...

— Да, онѣ дѣлаютъ разные напульсники, кисеты, а теперь шапочки, благо княгиня имъ показала.

— Однако, вы презлая, мой ангелъ, какъ я на васъ посмотрю. Языкъ-то вашъ... ай-ай!

— Языкъ мой—врагъ мой, это извѣстно. Мнѣ еще съ дѣтства совѣтовали взять эти слова девизомъ, съ прибавленіемъ: сзади меня рыщетъ, погнѣби моей ищетъ.

Прасковья Дмитриевна улыбнулась.

— Ахъ, да, скажите, Бога ради, что такое у васъ съ Фронтовой?

— Ничего; у насъ очень мало общаго.

— Какъ ничего? Она спитъ и видитъ сдѣлать вамъ гадость.

— Не знаю! ахъ, это, можетъ быть, насчетъ школы. Мнѣ говорили, она злится, что директоръ предложилъ мнѣ съ братомъ устроить школу, помимо ея мужа, которому бы собственно слѣдовало заниматься этимъ, будь онъ человѣкъ порядочный, а не то, что онъ есть...

— Да! должно быть, кажется, что такъ! Но скажите, Бога ради, что это за школа? все объ ней слышу и никакого не имѣю представленія!

— Видите ли, я вамъ расскажу подробно; начну съ Адама. Я разъ отправилась на станцію пѣшкомъ, письма хотѣла взять, ну и завернула къ брату. Прохожу мимо одной хаты, двери отворены, оттуда несется гамъ, крикъ, отъ множества дѣтскихъ голосовъ. Я вхожу и очутилась въ школѣ. Дѣтей масса, какъ селѣди въ боченкѣ! вонь ужасная, и это лѣтomy предоставлено вамъ вообразить, что должно быть зимою. У стѣны — маленькая дѣвочка, въ ослиной шапкѣ съ побрякушками, а толстенькаго, маленькаго пузана учитель колотить, немилосерднымъ образомъ, линейкой по рукѣ. Я остановилась, какъ вкопанная. Естественно, все это замолчало, и я узнала, что школу содержитъ бывший слесарь, иностранецъ — нѣмецъ. Ему здѣсь не повезло въ мастерскихъ и онъ пустился въ педагогику; нашелъ комнату и вотъ уже нѣсколько лѣтъ, съ основанія дороги, занимается подобнымъ преподаваніемъ. Никто ему не помѣнчалъ, никто не спросилъ его, знаетъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, по-русски, такъ какъ онъ учитъ по-русски. Ну, я съ нимъ заговорила; говорить онъ дурно, но все-таки говорить; спросила его: какъ? почему? что? Онъ сказалъ, что сдѣлалъ контрактъ съ родителями; я полюбопытствовала взглянуть на этотъ контрактъ и пришла въ ужасъ передъ орфографіей. Конечно, я не говорю уже о томъ, что ни одно прилагательное не согласовалось съ своимъ существительнымъ, но онъ всѣ существительныя начиналъ съ большой буквы, на свой нѣмецкій ладъ, и вставлялъ «ерь» въ каждое слово, въ середину. Столь онъ писалъ «сьтоль» и все такъ. Любопытствовала я посмотреть, что они знаютъ; заставила читать. Мальчикъ всталъ и бойко, не останавливаясь нигдѣ, началъ: вслушиваюсь, смотрю на книгу — мальчикъ читаетъ про Милорда Георга и прекрасную маркграфиню! пересматриваю другія книги — не лучше! у каждого своя книга; смотрю, у кого — Бова Королевичъ, у кого — Анекдоты про Балакирева; двое читали евангеліе, одинъ, по складамъ — проповѣди Филарета, а маленькая дѣвочка, третій томъ какого-то переводнаго романа Поль де-

Кока. У брата я узнала, что это дѣти служащихъ на желѣзной дорогѣ, дѣти кондукторовъ, смазчиковъ, слесарей, носильщиковъ, и платять они въ мѣсяцъ по рублю, по два, а нѣкоторые машинисты даже и по три. Я завела дружбу съ братомъ—прежде я не особенно съ нимъ ладила—онъ меня познакомилъ съ своими служащими, между прочимъ и съ этими Фронтѣковыми. Сначала, я ихъ всѣхъ хотѣла подбить устроить школу на лучшихъ основаніяхъ. Шутка ли, ребятъ больше, чѣмъ сто, наберется! Всѣ на словахъ приняли участіе, поговорили сначала, а потомъ махнули рукой; тогда я съ моимъ учителемъ порѣшила, куда чѣдъ, заняться самимъ съ дѣтьми. Сначала Фронтѣковъ далъ мнѣ двѣ комнаты и отопленіе, потомъ, когда у насъ завязались сношенія съ директоромъ, Фронтѣковъ отретировался, отнялъ комнаты и самъ на попятный дворъ. Все, впрочемъ, супруга, самъ бы онъ не прочь; онъ лучше ея. Теперь въ правленіи идетъ подпольная интрига: кажется, обидѣлись, что я прямо обратилась къ директору... Брату говорили, что поднялась дѣлая исторія, слетели; говорятъ, директоръ отстранилъ уже себя отъ моей школы, не знаю, чѣмъ все кончится...

Анна Филипповна выговорила послѣднія слова нервно, быстро шагая по комнатѣ.

— Да, и я что-то такое слышала, но слышала, что васъ видятъ.

— Меня? въ чемъ? не знаю.

— Вы поставили учителя, который учить дѣтей чему-то...

— Онъ? и Анна Филипповна засмѣялась:—помилуйте! откуда же это взяли?

— Говорять...

— Это такая негѣпость, что врядъ ли другую подобную можно подѣискать!

Водворилось молчаніе.

Филиппова быстро ходила по комнатѣ, нервно вертя бумажку между пальцами.

— Слышите? спросила она Богдановича.

— Слышу! отвѣтилъ онъ: — помните, я вамъ говорилъ...

— Ивановъ — безбожникъ!... Скажите, Прасковья Дмитриевна, вы знаете на что именно намекали, когда говорили, что онъ учить безбожнымъ вещамъ.

— Видите ли? я ничего не знаю... вѣрнаго; но при мнѣ говорили... можетъ быть, потому, что знали мою дружбу къ вамъ, и хотѣли васъ предупредить, черезъ меня... Говорили, что на урокъ географіи... кажется, именно на географію? онъ спросилъ: чѣдъ такое гроза?

— Ну?

— Дѣти отвѣчали, какъ обыкновенно дѣти того класса, крестьянскія дѣти, что это отъ Бога. А онъ сказалъ, что теперь, т. е. въ теперешнее время, не въ томъ сила... Ну, и вообще...

Анна Филипповна вспыхнула.

— Слушайте! сказала она: — я была въ это время въ классѣ, и все это произошло при мнѣ. Ивановъ спрашивалъ дѣтей, знаютъ ли они, что такое гроза? Дѣти отвѣтили: «это Богъ!» Ивановъ отвѣтилъ: «Да! все отъ Бога, но все-таки нужно знать, почему именно бываетъ гроза...»

— Видите ли, какъ перевернули! а?... прошу покорно! да... нечего сказать, есть у васъ други сердечные!... Такъ и быть, я вамъ скажу все, что знаю... Я слышала стороною, что на васъ посланъ доносъ архіерею, на васъ, и вашего учителя.

Анна Филипповна жервно засмѣялась.

— Часъ отъ часу не легче! Богдановичъ, что вы на это скажете?...

— Въ порядкѣ вещей! отвѣтилъ онъ совершенно хладнокровно.

— Какіе негодяи!

Анна Филипповна была сильно возбуждена.

— А зачѣмъ вы не взяли священника, милая? все было бы шито и крыто!

— Ахъ, да не успѣла! Школа существуетъ всего около трехъ недѣль. Священнику вѣдь нужно заплатить, ну, а какія наши средства? Рублей двадцать еле-еле наберемъ для учителя, да еще наберемъ ли? Директоръ хотѣлъ помочь, и теперь даетъ рублей дѣвяти. Сегодня получила деньги, а завтра приглашу священника.

— Все-таки неосторожно, какъ хотите. Священника нужно было позвать прежде всего!

— Да говорить вамъ, средствъ не было! Предложи священникъ безвозмездно свои услуги, приняла бы съ охотой; вѣдь все это на глазахъ дѣлалось у всѣхъ; на объявленіяхъ было прописано, могъ бы, еслибъ хотѣлъ! А то я принуждена была взять на себя уроки закона Божія.

— Ну, вотъ и привязались къ вамъ!

— Потому привязались, что хотѣли привязаться.

— Но согласитесь — это дѣло первой важности, «религія и нравственность». Очень понятно, что общество стоитъ на стражѣ.

— На стражѣ чего? Много оно стояло на стражѣ, когда, подъ бокомъ, нѣсколько лѣтъ училъ безграмотный иностранецъ, который заставлялъ дѣтей читать разные мерзости, билъ и терзалъ ихъ, сколько желалъ. У него вѣдь также не было сам-

щеника, и — ничего, общество тогда не стояло на стражѣ! А вотъ я, мать семейства, имѣю дипломъ, знаю, какъ взяться за дѣло, люблю его — и не смѣю, и потому только, что я сестра начальника станціи, тогда какъ, по желѣзно-дорожному этикету, этимъ дѣломъ, и на этой станціи, долженъ заняться другой, а не я. Конечно, не будь сопряжено это съ большими суммами и частыми свиданіями съ директоромъ, никто бы не подумалъ оспаривать эту честь и никакихъ бы доносовъ не было!

— Конечно, конечно, это, конечно!.. но не находите ли вы, что ваша программа немного широка для дѣтей?.. Они вѣдь крестьянскія и мѣщанскія дѣти, имъ бы слѣдовало попроще.

— Развѣ вы знаете мою программу? она самая простая и такая, какъ вездѣ...

— Нѣтъ, не знаю... но все-таки... вотъ напримѣръ про грозу. Имъ не нужно давать либеральныя взгляды; имъ нужна покорность Промыслу, а не анализъ.

— Извините, я думала, что наука для всѣхъ одинакова. Да я и не знаю, какую вы видите непокорность въ томъ, что дѣти узнаютъ, отчего происходитъ гроза...

— Нѣтъ! я не про это... а такъ, между прочимъ... Я просто выражаю свой взглядъ, что наука не всякому доступна... полезна. Вотъ напримѣръ слышали вы исторію съ Еленой Павловной на счетъ газовъ?

— Нѣтъ, не слышала.

— Преуморительная вышла исторія! Попалась онъ теперь на языкъ товарищу прокурора! Видите: онъ пригласилъ ее вчера гулять на кладбище, она отказалась, онъ сталъ ее дравить, что она боится чертей. Тогда она—и это нужно было видѣть—самымъ серьезнымъ образомъ объявила, что она не идетъ гулять на основаніи науки, что она читала умную книгу, въ которой сказано, что въ могилѣ есть газъ, что по вечерамъ онъ выходитъ и ежели нечаянно наступить на него, то—смерть!

— Но знаете ли, она все-таки лучше ихъ всѣхъ.

— Да, она добрая.

— Лжи въ ней нѣтъ, т. е. меньше, чѣмъ въ другихъ; если говорить слова, то свои, а не чужія.

— Ахъ, чуть не забыла: главное въ томъ, что мужъ вышелъ изъ себя, при ученой тирадѣ супруги и теперь говорить, что всему виноваты вы, потому что вы сбили ее съ толку.

— А мировой судья и жена его тоже мечутъ на меня громы и молніи; прокуроръ рассказывалъ мнѣ вчера, что они винятъ меня въ томъ, что дочка ихъ ушла учиться въ Петербургъ.

— И я слышала, что васъ обвиняють въ этомъ.

— Ну, конечно! Впрочемъ, еслибы это была правда, я была бы очень довольна, а то, представьте себѣ, что я узнала послѣ всѣхъ объ ея улодѣ!

— Однако, я у васъ засидѣлась. Ахъ, да! опять сплетка, мы въ царствѣ сплетокъ. Правда ли, что наша Темира влюблена въ этого юношу? И Прасковья Дмитриевна указала на молодого человека, и—обоудно.

— Въ Богдановича?

— Да.

— Вадоръ, а, Впрочемъ, не знаю! это нужно спросить его. Дѣйствительно, я стала что-то замѣчать... У него явился какой-то мечтательный взоръ... Богдановичъ! отвѣчайте!

— Что же отвѣчать, когда люди брешутъ!

— Ахъ, встать, чтобы не забыть! Скажите, ради Бога, кто вы такой, и зачѣмъ ѣздите сюда?.. Понимаете ли, вами всѣ интесуются и разумѣется плетутъ кружева.

— Пусть плетутъ, если это ихъ занимаетъ.

— Но это можетъ быть вредно для Анны Филипповны. Вѣдь ужъ всѣ говорятъ! Нужно же что нибудь сказать, что пріюстановило бы.

— Ну, скажите, что его зовутъ Николаемъ Александровичемъ, по фамиліи Богдановичъ, что онъ готовится въ кандидаты университета, что ѣздитъ сюда потому, что пишетъ ученую статью, для которой ему нужны все-какія свѣденія. Свѣденія эти онъ добываетъ, въ настоящее время, въ матеріалахъ, которые ему доставляетъ мужъ. Довольно этого для васъ?

— Вы понимаете, что я это спрашиваю не для себя, а любя васъ, чтобы знать чѣмъ заткнуть рты.

— Конечно, я это знаю! При этомъ глаза Филипповой забавно сверкнули.

— Ну, и прощайте. Который часъ?

— Часъ.

— Часъ? Ай, ай, ай, какъ я у васъ заболталась!

Гостыя простилась и ушла, а въ комнатѣ Анны Филипповны еще долго свѣтился огонь. Съ тяжелымъ чувствомъ видѣла она, что врядъ ли удастся ей привести задуманное, излюбленное дѣло къ концу. Она не имѣла поддержки ни въ комъ, и не могла ждать ея ни откуда. Дѣло въ началѣ шло хорошо; ей удалось безъ всякихъ усилій добиться самыхъ большихъ и самыхъ широкихъ общацій; ассигнованы уже были деньги. Ей предложено было выработать программу, сначала для двухкласснаго училища, для мальчиковъ и дѣвочекъ сообща; общана была поддержка шео-

лы, покуда она не переименуется въ ремесленное училище и тогда дѣло пошло бы еще лучше, еще шире. Мало того, ей указали въ перспективѣ возможность женскаго ремесленнаго училища—и вдругъ теперь все это можетъ лопнуть, благодаря мелкому самолюбію недоброжелательныхъ людей. И какъ все это вышло? и почему все это вышло? Неужели мужъ правъ? думалось ей. Онъ съ первой минуты говорилъ, что я не доведу дѣла до конца, онъ увѣрялъ, что съ людьми провинціи нужно имѣть особую сноровку. Неужели онъ правъ?

Ей вспомнились первые мѣсяцы ея пребыванія въ этомъ городѣ. Она не хотѣла знакомиться ни съ кѣмъ, исключая тѣхъ, съ кѣмъ необходимо было знакомиться; она боялась провинціи и рѣшилась прожить особнякомъ, выбравъ дѣло по сердцу, напримеръ, швольное дѣло, которое всегда тянуло ее къ себѣ. Потомъ, ей хотѣлось устроить воскресныя чтенія и мало ли чего ей хотѣлось! Но ей не удалось устроить такъ, какъ ей хотѣлось, во-первыхъ ужъ потому, что пришлось познакомиться съ обществомъ. Какъ радушно приняли они ее въ свой кругъ! мало того, что приняли, но поставили чуть ли не на пьедесталѣ! Однако, она не долго удержалась на этомъ пьедесталѣ, ее скоро развѣнчали и больше чѣмъ развѣнчали: всякій своими грязными лапами мазалъ ее и давалъ ей свою собственную окраску. «И почему это? думалось ей:—ничего я не сдѣлала, чтобы меня вознесли выше облаковъ ходячихъ, почему же теперь грязнятъ? Прокуроръ увѣряетъ, что это вслѣдствіе того, что я была лицомъ мнѣческимъ, что добро и зло обо мнѣ было раздуто, что обо мнѣ рассказывали чудеса и нелѣпности, а мужъ, по своему обыкновенію, отмалчивался, и на вопросы обо мнѣ, говорилъ только: «за границей».

И какъ на зло эта корреспонденція! Охота брату дразнить ихъ, толку никакого не выйдетъ изъ этого, а только выживутъ тебя не тѣмъ, такъ другимъ. Увы! у общества много розогъ, много способовъ сдѣлать жизнь невыносимой.

Прошло нѣсколько дней. Въ гостинной мирового судьи, у круглаго стола сидѣло нѣсколько дамъ. Приѣхали поздравлять именинницу, дочь хозяйки, дѣвочку лѣтъ пяти, которая тутъ же сидѣла на колѣняхъ матери, разряженная, завитая и надушенная.

— Такъ какъ же, Анеточка, нельзя врать? говорить, цѣлуй ее ручку, Викентій Васильевичъ.

— Можно, когда не хочешь огорчить ни папашу, ни мамашу, сказала картава дѣвочка, очень довольная, что ее спрашиваютъ.

Взрывъ хохота былъ ей отвѣтомъ. Дѣвочка также смѣялась.

— Что-о-о? спросила только что пріѣхавшая Татьяна Петровна.

— Ахъ, это цѣлая исторія! Представьте, мой супругъ вѣчно резонируетъ съ ней!.. а я постоянно твержу, что этимъ путемъ не доведетъ онъ Анеточку до добра. Сказавъ это, хозяйка дома вздохнула, и всякій зналъ, что выражалъ этотъ вздохъ; она оплакивала свою старшую погибшую дочь, которая отправилась приѣмнымъ трактомъ на медицинскіе курсы.

— Ну, и что-жъ дальше? спросила Татьяна Петровна.

— Вчера, вдругъ, эта самая барышня изволила мнѣ говорить: «мама, худо лгать?» Я говорю худо. «Мама, а ты не лжешь?» Натурально я сдѣлала ей выговоръ, какъ она смѣетъ предлагать мнѣ подобные вопросы, но она, представьте, не унимается и говоритъ: «а ты, мама, сейчасъ солгала». Я такъ и ахнула. «Ты сказала, что тебя дома нѣтъ, когда пріѣзжала генеральша, а ты была дома». Ну, вообразите! что вы будете съ ней дѣлать? Насилу я ей втолковала, что это не ложь, что такъ надо, что неприлично было бы мнѣ принять Леонилу Арсавдѣвну въ капотъ. «Ну, ты сказала бы, что ты въ капотъ, что тебѣ нельзя». Вообразите—логика! И чего мнѣ стоило только увѣрить ее, что генеральша обидѣлась бы, еслибъ я сказала правду. «Ну, значить, и я могу сказать неправду, когда не захочу, чтобы ты обидѣлась и рассердилась». Ну, что прикажете дѣлать? Разговаривайте послѣ этого съ дѣтьми.

— Что же вы ей сказали? допытывалась Татьяна Петровна.

— Велѣла ей замолчать. Помилуйте, надоѣла! И безъ того тошно, голова идетъ кругомъ, а она тутъ со своими распросами.

— Да, дѣло—курьезъ, сказалъ Викентій Васильевичъ.

— Интересенъ выводъ: «значить, можно врать, чтобы не огорчить папашу съ мамашей». Ай, да, молодецъ!

Опять взрывъ хохота и поцѣлуи ручекъ.

Малютка блаженствовала, болтала ножками по колѣнамъ матери и твердила: «можно врать».

— А слышали вы новость? сказала жена исправника, выпучивъ свои лягушечьи глазки.

— Какую?

— У Филипповой былъ капитанъ.

— Въ гостяхъ?

— Какое въ гостях! привлечена къ дѣлу...

— Быть не можетъ.

— Вѣрно.

— Вотъ какъ! Этого, впрочемъ, и нужно было ожидать, я это всегда предсказывала... помните? сказала Фронтёкова.

— Да, но я все-таки думала, что мать семейства, женщина замужня... не станетъ же она! И вотъ!

— Да, пассажъ, я вамъ скажу! репримандъ неожиданный!

— Вотъ такъ штука!

— Теперь многое можетъ объясниться! Пожалуй, и правда, что объ ней говорили.

— А что говорили?

— Да развѣ вы не помните?... что къ ней кто-то ѣздилъ и она куда-то, что шторы опущены...

— Но скажите же, по какому дѣлу?

— Говорятъ, что она совратила въ политичеу какую-то дѣвочку... дѣвочку приструнили, а теперь до нея добираются.

— Вотъ такъ же и мою бѣднягу совратила! сказала хозяйка дома, съ глубокимъ вздохомъ.

— А на вашемъ мѣстѣ, Дарья Игнатьевна, я бы этого дѣла такъ не оставилъ... я бы довелъ до свѣденія кого слѣдуетъ. Помилуйте! сбиваютъ съ панталыка нашихъ женъ, дочекъ, и гуляютъ себѣ потомъ по бѣлу свѣту, безъ ошейника! говорилъ, горячасъ все больше и больше, Викентій Васильевичъ. — Вотъ и моя Елена Павловна стала о правахъ толковать, объ гуманности! Только я эту гуманность...

Онъ не докончилъ, стеръ лобъ.

— Мужъ говорить, что ничего нельзя подѣлать, что никакихъ доказательствъ нѣтъ.

— Какъ нѣтъ доказательствъ, а мы-то зачѣмъ?.. Мы всё можемъ засвидѣтельствовать, какъ она пѣла ей, что и учиться нужно, и то, и се, и сила воли, и про Америку. Сами были свидѣтелями, здѣсь, у васъ на этомъ мѣстѣ!

— Нѣтъ, мужъ говорить, что ничего нельзя сдѣлать! И потомъ, знаете, онъ самъ во многомъ виноватъ, распустилъ дѣвочку ни на что не похоже. Книжки ей выписывалъ разныя, а она съ дѣтства была нелюдимка, это нужно сказать правду; вѣдь она со мною никогда не говорила... ни объ чемъ! а я мать!..

— А вы почему знаете, Елизавета Ильинишна, что у нея былъ капитанъ? спросила жена прокурора жену исправника.

— Мужъ говорилъ.

— Что же она?

*

— Да ничего! Говорять, «веселёхонька». Я сама ее видѣла, нарочно велѣла кучеру ѣхать мимо, а она стоитъ у окна и по ливаетъ цвѣты.

— А на лицѣ что... на лицѣ?... видѣли?

— Ничего, какъ всегда, поклонилась мнѣ, улыбнулась, какъ ни въ чемъ не бывало; меня даже страхъ взялъ... Эдакая безстыдная женщина! Острамили ее, просто, можно сказать, съ грязью смѣшали, а она улыбается...

— Нѣтъ, это что-нибудь да не такъ... Нужно узнать побостоятельнѣе, нужно сходить туда.. Татьяна Петровна, милая! сходите къ ней! Я и Васеньку возьму, будто нечаянно зашла; гуляли и зашли, говорила жена товарища прокурора.

— Нѣтъ, Александра Васильевна, не пойду, да и вамъ не совѣтую. Я, по крайней мѣрѣ, не желаю теперь имѣть дѣла съ подобной женщиной, которая компрометируется до такой степени... Я даже не имѣю права быть съ нею знакомой послѣ этого. У меня братъ исправникъ... мало ли что могутъ сказать!

— И такой-то женщинѣ позволили было открыть школу! А? что вы на это скажете? говорила Фронтёкова:—нѣтъ, вы подумайте только! Ужас!

Черезъ полчаса, весь городъ зналъ о случаѣ съ Филипповой. Слухи приняли чудовищные размѣры, фантазія обывателей не знала на этотъ разъ границы. Улица, на которой жила Филиппова, стала чуть ли не мѣстомъ прогулки; каждому непременно нужно было пройти мимо нея.

А сама Филиппова, сидѣла совершенно покойно въ своей столовой и пила чаемъ прокурора и Прасковью Дмитриевну.

— Ну, и онъ у васъ былъ? спрашивала Прасковья Дмитриевна.

— Былъ.

— Можно узнать подробности?

— Видите ли, начала Филиппова:—года два тому назадъ, а, можетъ быть, и меньше, а, можетъ быть, и больше, а жила въ Петербургѣ и ходила въ публичную библиотечку: у меня была работа, выписки. Около меня садилась барышня, нестро одѣтая, въ цѣпочкахъ, сережкахъ, перышкахъ; но что она дѣлала около меня, я не замѣчала. Вдругъ слышу разъ ея голосъ, тихій такой, пріятный: «покажите мнѣ, пожалуйста, гдѣ Гибралтаръ»; я посмотрѣла на барышню, вижу, не шутить, передъ ней карта Европы, а въ рукахъ учебникъ. Я указала Гибралтаръ, и съ той поры, она часто обращалась ко мнѣ съ подобными вопросами.

Потомъ я разговорилась съ ней. Оказалась она дочерью подрядчика дровъ или муки, теперь не помню, богатаго кушца изъ мушкетеровъ. Ей было шестнадцать лѣтъ и она сильно желала учиться; три года тому назадъ, она окончила свой курсъ наукъ въ какой-то школѣ, теперь же ей опять захотѣлось учиться, серьезно и настоящимъ манеромъ, но родители не позволяли; желали ее выдать замужъ, и имѣли уже жениха на примѣтѣ... какой-то начальникъ, или, какъ его называютъ... ну, однимъ словомъ, первое лицо у трубочистовъ. Книги, которыя барышнѣ удавалось заполучить, родители жгли, а барышню—били; ну, вотъ она, подъ предлогомъ того, что гуляетъ съ пріятельницей по Невскому, сидитъ въ библиотекѣ и занимается, а пріятельница съ любовникомъ—въ номерахъ... Я ей сказала, какія книги слѣдуетъ читать, давала даже Гоголя домой. Ну, потомъ я ее потеряла изъ виду, перестала ходить въ библиотечку и забыла о ея существованіи; только что же! Иду разъ по Фонтанкѣ, вечеромъ, вижу какая-то женщина спускается по лѣстницѣ; меня почему-то она заинтересовала, я остановилась, потомъ вижу, что дѣло не ладно; я бѣгомъ къ спуску и въ-время удерживаю ее. Смотрю, а это моя знакомая по библиотекѣ. Она меня тоже узнала, и тутъ же съ ней сдѣлался жесточайшій припадокъ истерики. Разумѣется, я увезла ее къ себѣ домой, дала капель, уложила, успокоила, и она заснула, ребячьимъ, мертвымъ сномъ. На другой день, она рассказала свою исторію, тяжелую исторію, но, впрочемъ, обыкновенную: часто бываютъ такіа, мы ихъ не знаемъ только. Отецъ ее билъ, рвалъ ей волосы, и все изъ-за того, что она не хотѣла идти замужъ, отказывалась отъ жениха и требовала возможности учиться. Мать узнала куда она ходитъ и съ тѣхъ поръ полно: одну безъ себя или безъ старой тетки никуда не пускаетъ... Естественно я предложила остаться ей у меня, покуда что, но потомъ мнѣ пришло въ голову, что родители теперь въ отчаяніи, по случаю ея исчезновенія, и потому можно, воспользовавшись этимъ отчаяніемъ, и добиться отъ нихъ хоть чего-нибудь. Когда я высказала это, дѣвочка со мной не согласилась, и сказала, что этимъ путемъ никогда ничего не подѣлаешь съ отцомъ.

Дѣлать было нечего, я отказалась отъ своего плана, но такъ какъ, очевидно, я не могла ее держать у себя (она была несовершеннолѣтняя), то мы стали опять придумывать. Наконецъ, мы порѣшили обратиться къ посредничеству одного штурманскаго офицера, который имѣлъ дѣла по подрядамъ съ отцомъ. «Его тятенька уважаетъ, онъ генеральскій сынъ. Если кто можетъ сдѣлать, такъ онъ, если захочетъ». Сверкъ того оказалось,

что генеральскій сынъ живетъ съ содержанкой, и что самый лучший способъ поддѣйствовать на него—это черезъ содержанку. Дѣлать нечего, поѣхала къ содержанкѣ. Застала семейную картину. Утро. Содержанка съ сыномъ и маменькой (маменька кухаркой у нея-же) играютъ въ дурачки. Содержанка не первой молодости, нарумянена, насурмлена, но съ шикомъ; бабушка, кухарка, очень почтенная на видъ и добродушная, гордится, что дочка ея—дама; сынъ, десяти лѣтъ, говоритъ маменькѣ «вы», бабушкѣ «ты», объ любовникѣ матери выражается: «господинъ Сидоровъ». Я рассказала, въ чемъ дѣло. Пошли охи и ахи. Бабушка подтвердила, что дѣйствительно дѣвочки каторжная жизнь: «хочетъ въ книжку читать, а ее бьютъ». Я просила передать мою просьбу господину Сидорову, чтобы онъ сообщалъ родителямъ, что дочь ихъ жива, а главное повѣрилъ бы въ томъ смыслѣ, чтобы ей позволили учиться. «Нѣтъ, лучше пріѣзжайте вы опять къ намъ сами, онъ будетъ самъ послѣ обѣда дома. Я не умѣю такъ складно сказать, говорила хозяйка дома:—да и забуду, пожалуй! не одно это у меня въ головѣ». Я пріѣхала. Офицеръ оказался драиноватый, слегка пьяненькій. Онъ какъ-то черезчуръ ужъ зорко посмотрѣлъ на меня. Я, впрочемъ, показала видъ, что ничего не замѣчаю, и онъ тутъ же согласился на мою просьбу и просилъ пріѣхать на другой день за отвѣтомъ. Ъхала я къ нимъ, такимъ манеромъ, три дня и наконецъ порѣшено было, что я сама должна была ѣхать къ родителямъ. Я не буду утомлять васъ дальнѣйшими подробностями моихъ похождения, скажу только, что мнѣ удалось, наконецъ, уладить свиданіе отца съ дочерью, которое и состоялось у меня на квартирѣ. Купецъ говорилъ съ своей дочерью стоя, говорилъ ей «Марья Степановна» и «вы», укорялъ и выговаривалъ, но довольно добродушно. Дочка въ двухъ шагахъ отъ него застыла въ одной позѣ: она стояла, опустивъ голову, сморщивъ брови, крѣпко зажавъ въ рукѣ спинку стула, такъ, что ногти ея посинѣли. Непреклонная рѣшимость и воля чувствовались во всей ея маленькой фигурѣ. «Будете бить, не позволите учиться—опять уйду!» говорила она ровнымъ, беззвучнымъ тономъ.—«Что же! если вы такъ желаете, отчего же... учитесь, Богъ съ вами!» На томъ и порѣшили. На другой день Маша ушла къ родителямъ, потомъ заходила ко мнѣ раза три, говорила, что бурчать на нее, но учиться дають. Потомъ я уѣхала за-границу и натурально объ ней ничего не слыхала. И вотъ теперь меня спрашивали объ ней. Вѣроятно, она опять убѣжала, попала въ какую нибудь исторію, спросили родителей, а родители указали меня. Вотъ и все.

Филиппова замолчала и залпомъ выпила стаканъ остывшаго чаю.

— И это все? спросила Прасковья Дмитріевна.

— Все.

— Чудны дѣла твои Господи! сказала прокуроръ:—еслибъ въ только слышали, Анна Филипповна, что говорятъ въ городѣ по этому поводу—ума помраченье! Жена пріѣхала отъ мирового судьи и такихъ мнѣ чудесъ наговорила!..

— Я ужъ къ этому привыкла, я на это не обращаю вниманія, но вотъ чего я боюсь: этотъ визитъ не повредилъ бы дѣлу школы!

— Да, сказала прокуроръ.

— А потомъ этотъ доносъ архіерею, и всѣ эти происки Фронтевой... Одно къ другому—не сдобровать мнѣ...

Прокуроръ молчалъ.

— Нѣтъ, ма сѣге, вчерашній визитъ, во всякомъ случаѣ, ни въ чемъ не могъ ухудшить вамъ дѣла; оно и безъ того стойтъ худо. Я сейчасъ была въ одномъ домѣ, не особенно вамъ доброжелательномъ, тамъ что-то ливаютъ по поводу школы.

— Не можетъ быть, брать бы мнѣ сообщить!

Въ эту минуту Филипповой подали письмо. Она быстро разорвала конвертъ и прочитала письмо. Сначала она поблѣднѣла, потомъ покраснѣла.

— Читайте! сказала она прокурору и выбѣжала изъ комнаты.

Прокуроръ читалъ:

«Пропали твои хлопоты, Анята, сейчасъ получено письмо изъ Правленія, въ которомъ сказано, что предлагается Фронтекову, начальнику тракціи и мнѣ—а о тебѣ не упоминается ни слова—взять въ свое распоряженіе существующую школу. Буде же она еще официально не утверждена, то предлагается одному изъ насъ, желающему, выхлопотать разрѣшеніе въ министерствѣ на свое имя, а потомъ, устроивъ, передать въ вѣдѣніе желѣзной дороги. При этомъ приложены обѣщанныя деньги. Но вотъ штука: ни Фронтековъ, ни начальникъ тракціи нигдѣ не учились, и хотя умудрились занять мѣста специалистовъ, но школу имъ не разрѣшать, по «безграмотности ихъ». Я же натурально на свое имя сію школу брать не желаю, ибо предсѣдателемъ и распорядителемъ всего назначенъ Фронтековъ. Ивановъ отказывается быть учителемъ на этомъ же основаніи. Фронтековъ у него сейчасъ былъ и объявилъ начальническимъ тономъ, чтобъ ничего «эдакого» и «тому подобнаго» не было. Однако, Фронтековы и tutti quanti опѣшили немножко, поторопились уже слишкомъ. Они не рассчитывали, что хлопоты ихъ увеличатся та-

кимъ скорымъ результатомъ. Они думали взять уже готовую школу, а вышло иначе! Какъ-то они вывернутся, вотъ любопытно!»

Прошло три мѣсяца. Филипповой ужъ не было въ городѣ. Школы не существуетъ, объ ней перестали и говорить.

Опять нѣмецъ-слесарь открылъ свою лавочку, опять дѣти стоятъ въ ослиныхъ шапкахъ и читаютъ скабрѣзныя книжки.

А—ва.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЕВРЕИ-АРЕНДАТОРЫ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Очеркъ изъ экономическаго бита Малороссіи).

I.

Въ послѣднее время, у насъ вопросъ объ упадкѣ помѣщичьихъ и крестьянскихъ хозяйствъ сдѣлался моднымъ вопросомъ. Много было писано и говорено по этому поводу въ различныхъ «учрежденіяхъ» и «обществахъ», ученыхъ и неученыхъ, въ различныхъ тяжеловѣсныхъ «трудахъ» и легковѣсныхъ газетахъ и, само собою, причинъ упадка было найдено множество—чуть ли не больше даже, чѣмъ ихъ существуетъ на самомъ дѣлѣ. Фигурировали здѣсь: и «повальное пьянство», и общинное землевладѣніе, и «свойства русскаго рабочаго», градъ и старозавѣтная система сѣвооборотовъ, дороговизна труда, лѣнь, нерадѣніе мужаика и проч.

Забыто было въ значительной мѣрѣ только «свойство русскаго землевладѣльца», которое играетъ въ данномъ случаѣ едва ли не самую важную роль.

Въ нашей мѣстности—я говорю о Черниговской Губерніи—среди градовъ и засухъ, «пьянства» и проч.—есть и еще одна специальная, сильнѣе засухъ дѣйствующая причина упадка помѣщичьихъ хозяйствъ: это—*еврейскія аренды*.

Повѣжайте вдоль и поперекъ по нашей Черниговщинѣ (такъ называютъ у насъ свой край) и если вы гдѣ нибудь встрѣтите то зрѣлище хозяйственной неряшливости и запустѣнія, отъ котораго невольно болить душа каждаго хозяина, не спрашивайте—вамъ навѣрно скажутъ: это—«еврейская аренда». Если вы встрѣтите, напр., печальную картину поруба, чахлаго кустарника или уже распаханнаго и выпаханнаго лѣса, по которому кружатся песчаные вихри, засыпая окружающія поля, не спрашивайте, кто сразу вычерпалъ это лѣсное богатство, накопленное

природой, быть может, столбтиемъ: это — навѣрно арендаторъ-еврей. Если вы встрѣтите помѣщичью усадьбу, еще, повидимому, и жилую, но уже носящую всѣ признаки смерти: иногда даже новый домъ, но безъ нѣсколькихъ ставень и съ разбитыми стеклами, иногда еще новый, но уже полурастасканный сарай, обломанный заборъ, раздерганный плетень, сгорѣвшую «клуна» (ригу) и садъ съ тополями вокругъ, въ которомъ нѣкоторые прекрасныя, стоявшія такого ухода деревья поломаны, другія подрублены — не спрашивайте, кто на топливо растаскалъ сарай и заборъ, кто подрубилъ фруктовыя деревья, по чьей винѣ «подпалена» (подожжена) клуна — все это «еврейская аренда». Если вы встрѣтите ниву съ неровной стрижкой сжатого хлѣба, или увидите запаханное поле съ неправильно, рѣдко проведенными сохой бороздами — не спрашивайте, почему это такъ дурно сжато, а это плохо запахано — все это сдѣлано за отработки, лишь бы сдѣлать какъ нибудь — это «еврейская аренда».

Причины для такого хищническаго отношенія къ землѣ у евреевъ-арендаторовъ двѣ: 1) они смотрятъ на аренду съ точки зрѣнія *торговой спекуляци*, а не хозяйственнаго предпріятія и 2) они не мѣстные, а случайные люди для этой земли. Въ самомъ дѣлѣ, еврей-арендаторъ, по своей натурѣ и условіямъ, въ которыя онъ поставленъ, не можетъ относиться къ арендѣ иначе. Какое ему дѣло до хозяйства, до унавоживанія, поддержки плодородія, порядка, сохраненія лѣсовъ и проч.? Онъ не земледѣлецъ, а торговецъ. Онъ ничего не понимаетъ въ агрономіи, но онъ хорошо знаетъ, что въ его распоряженіи находится эта земля три или шесть лѣтъ, и онъ долженъ изъ нея выжать все, что онъ заплатилъ за нее, онъ долженъ, если возможно, взять вдвое или втрое. Она для него не «мать-кормилица», предъ которой благоговѣтъ крестьянинъ, съ которой онъ чувствуетъ себя связаннымъ въ настоящемъ и будущемъ, она для него не болѣе, какъ доходная статья, купленная на рынкѣ на извѣстное число лѣтъ. Онъ будетъ расхищать въ ней все, что можетъ, лишь-бы за это хорошо заплатили и лишь-бы это не грозило штрафомъ по заключенному съ владѣльцемъ арендному контракту. Онъ дѣлаетъ и будетъ дѣлать всегда это расхищеніе богатствъ почвы сознательно; онъ нисколько не заинтересованъ въ ея сохраненіи, потому что онъ не мѣстный житель. Чтѣ ему въ томъ, что сберегутся лѣса, что не выпашутся поля, что не истощатся луга? — сегодня онъ здѣсь, завтра онъ въ другомъ мѣстѣ. Еще не такъ давно, по общему мнѣнію, евреевъ было меньше у насъ; теперь число ихъ въ селахъ быстро растетъ. Подобно тучѣ, надвигающейся съ Запада, черезъ обдѣйвшую Вѣнорусію, изъ-за Днѣпра; опустошая поля, рубя лѣса, выжигая хутора и усадьбы, двигается эта стая новѣйшихъ Вандаловъ. Чѣмъ она связана съ нашей почвой и народомъ? — ровно ничѣмъ. Опустошивши и разоривши насъ — она двинется дальше куда нибудь, въ Ташкентъ, или Кавказъ, гдѣ еще есть что расхи-

щать, гдѣ низкій уровень народнаго развитія, его придавленность и невѣжество еще дозволить заниматься ихъ выгоднымъ занятіемъ.

По характеру землевладѣнія, Черниговская Губернія представляет большое разнообразіе; кромѣ казенныхъ, городскихъ и проч. земель, составляющихъ незначительную величину, вся территория губерніи распределена, главнымъ образомъ, между четырьмя большими группами землевладѣнія: землевладѣльцами (помѣщиками), казенными и помѣщичьими крестьянами и, наконецъ, казаками, представляющими въ отношеніи землевладѣнія оригинальную и любопытную группу частныхъ собственниковъ-крестьянъ. Недостатокъ свѣдѣній, за неокончаніемъ размежеванія, не дозволяетъ дать точныя цифры количествъ земли, принадлежащихъ указаннымъ различнымъ группамъ землевладѣнія, но, по приблизительному расчету, можно сказать, что бывшіе помѣщики-землевладѣльцы, распоряжающіеся болѣе $\frac{1}{2}$ всей территоріи (35—36%), составляютъ преобладающій элементъ. На долю помѣщичьихъ крестьянъ остается около 29%, а на долю казенныхъ крестьянъ и казаковъ около 25% всей территоріи ¹. Къ этому надо еще прибавить, что все громадное пространство помѣщичьихъ земель, болѣе милліона десятинъ, раздѣлено на небольшія вѣдья; среднее количество земли, принадлежащее на одного помѣщика, по свѣдѣніямъ 1861 г., было 281 десятина, число малопомѣстныхъ дворянъ, владѣвшихъ до 100 душъ, составляло около 85% всѣхъ помѣщичьихъ губерніи ². Это мелкіе владѣльцы и значительное число ихъ, которое было причиною прочнаго укорененія земства и развитія интеллигенціи, вмѣстѣ съ тѣмъ, служило самой подходящей почвой для произрастанія еврейскихъ арендъ.

Но мало еще и этого; кромѣ почвы, нужна была атмосфера, и кромѣ мелкихъ владѣній, нужны были и соответственныя хозяйственныя условія; нужны были такія условія, которыя позволяли бы получать арендную плату безъ всякаго хозяйственнаго

¹ Цифры эти могутъ претендовать только на извѣстную приблизительность. По свѣдѣніямъ 1859—61 г. (*Домитовичъ. Описаніе Черниговской Губерніи 1865 г. ст. 8. Военно-Статист. Сборникъ, вып. IV, ст. 188—191*), распределеніе территоріи по землевладѣнію можно сдѣлать слѣдующимъ образомъ:

Казна, города, духовенство и проч.	292	тысячи	дес.	земли.
Казаки	457	»	»	»
Государственные крестьяне	336	»	»	»
Помѣщичьи крестьяне	954	»	»	»
Помѣщики	1,193	»	»	»

Изъ числа показанныхъ 954 т. д., находившихся въ пользованіи крестьянъ, къ 1870 г. было на выкупъ уже 625 т. д. в.

² *Тройницкій. Крѣпостное населеніе Россіи, стр. 45, и Военно-Статист. Сбор., стр. 188.*

труда, безъ всякихъ затратъ и агрономическихъ улучшеній, за одинъ *хлопоты и комисіонерства*, какъ въ торговыхъ операціяхъ, составляющихъ природную стихію еврейской дѣятельности. Подобныя условія дѣйствительно и существуютъ у насъ.

Преобладающая система веденія хозяйства на владѣльческихъ земляхъ Черниговской Губерніи и Малороссіи вообще основывается на такъ называемой «скопщинѣ». Подъ скопщиной у насъ понимаютъ раздачу крестьянамъ пашни небольшими участками въ 1—2 десятины, но не за деньги, а за известную плату натурой, т. е. за известную долю урожая съ отданнаго куска, взимаемую невымолоченнымъ хлѣбомъ. Такъ какъ эта уплата невымолоченнымъ хлѣбомъ, въ снопахъ, производится «копами» (копа—копина), то отсюда и произошло названіе «скопщины», т. е. раздачи земли «съ копы». Снявши подобный небольшой участокъ пашни подъ *однимъ* посѣвъ — многолѣтняя сѣмена крайне рѣдкое явленіе въ нашемъ хозяйственномъ быту—земледѣлецъ обявывается обработать его своимъ скотомъ и орудіями, засѣять своими сѣменами, сжать хлѣбъ, когда онъ созрѣетъ и доставить причитающееся количество «копы» урожая на гумно владѣльца. Доля, достаемая такимъ образомъ землевладѣльцу, бываетъ различна: $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{2}{6}$, $\frac{1}{2}$ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., на удобренныхъ земляхъ, доходитъ до $\frac{2}{3}$ и даже $\frac{3}{4}$ урожая; она возрастаетъ съ теченіемъ времени и измѣняется въ зависимости отъ плодородія почвы, спроса на землю со стороны сѣмщичковъ и нѣкоторыхъ другихъ причинъ, что, конечно, не мѣшаетъ ей быть для даннаго мѣста, при мѣстныхъ условіяхъ, строго опредѣленной въ известныхъ условіяхъ. Кроме уплаты этими долями урожая, которыя все-таки представляютъ трубы мѣрен для оцѣнки дохода съ сдаваемаго куска, чтобы регулировать натуральную цѣну, существуютъ еще и *домашки* до нея, наз. «басаринками» и «отработками» и проч. Доплаты эти производятся опять таки, главнымъ образомъ, натурою, т. е. рабочими днями пѣшими или конными, продуктами и т. д., и очень рѣдко деньгами ¹.

¹ Множествомъ нельзя обойти того опредѣленія скопщины, которое находится въ книгѣ кн. Васильчикова (Землевладѣніе и земледѣліе). Мѣсто, относящееся къ этому предмету, можетъ ввести читателя въ заблужденіе; вотъ какъ говоритъ кн. Васильчиковъ (ст. 639). «Особый способъ веденія хозяйства въ Малороссіи есть т. н. «скопщина»; онъ состоитъ въ томъ, что наниматель обрабатываетъ землю безъ мѣрен и даетъ владѣльцу $\frac{1}{3}$ урожая, который обмолачивается на счетъ нанимателя». Послѣ сказаннаго легко понять, въ чемъ здѣсь ошибка: владѣльцу дается не только $\frac{1}{3}$, но различныя доли отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{3}{4}$ урожая. Чтобы объяснить это лучше, надо замѣтить только, что сдѣлка при скопщинѣ отличается отъ великорусской подесятинной сѣмки за деньги только тѣмъ, что въ послѣднемъ случаѣ платятся деньгами, въ первомъ натурою, т. е. хлѣбомъ, трудомъ и проч. Но дѣло отъ этого не мѣняется. Въ томъ и другомъ случаѣ то, что получаетъ сѣмщичъ (скопщикъ), будетъ *особою вида заработная плата*, осложненная условіями земледѣльческаго про-

Вотъ на этой-то системѣ раздачи земель и держится вся механика хозяйничанія въ нашей губерніи. Какъ можно замѣтить, она не требуетъ отъ хозяина-владѣльца никакихъ затратъ капитала, никакихъ агрономическихъ знаній, никакихъ земледѣльческихъ заботъ; она можетъ обойтись безъ рабочаго и безъ соха, безъ сохъ и безъ боронъ—все это маляшине. При этомъ не надо умѣть ни въ-время посѣять, ни въ-время собрать хлѣбъ, ни въ-время «подправить» навозомъ ниву—дѣло стоитъ проще и держится на *торгашескомъ*, спекулятивномъ умѣніи въ-время и по возможности дороже роздать всѣ свои поля. Конечно, если кромѣ того хозяинъ «не дуракъ», а «дога», то онъ сумѣетъ выговорить у крестьянъ побольше отработковъ, запутааетъ ихъ различными задатками впередъ, будетъ ихъ въ «бараній рогъ гнуть», будетъ тянуть съ нихъ, что можно и когда можно и т. д. Словомъ, здѣсь есть мѣсто для торга, для спекуляціи, а не для дѣйствительнаго хозяйства. Но эта-то среда и есть самая природная, самая благоприятная для еврея.

Чтобы показать, насколько описанная система хозяйства распространена въ Черниговской Губерніи, мы приведемъ факты изъ изслѣдованія мѣстнаго земснаго статистическаго отдѣленія. Такъ, по свѣдѣніямъ этого учрежденія, собраннымъ въ 1877 году, въ Черниговскомъ Уѣздѣ не оказалось ни *одного* владѣльческаго имѣнія, которое вело бы хозяйство самостоятельно своими орудіями. Скотомъ и рабочими; въ Борзенскомъ Уѣздѣ, гдѣ трудъ дороже и земля состоитъ главнымъ образомъ изъ чернозѣма, такихъ имѣній *всего четыре*¹. А по этимъ двумъ примѣрамъ уѣздовъ изъ средней и южной чернозѣмной полосы губерніи можно судить довольно безошибочно и о всей губерніи. Правда, нельзя считать, чтобы всѣ имѣнія *буквально* жили только скотщиной, правда, изъ этой общей массы выдѣляется особый типъ смѣшаннаго харак-

тереводства. Это заурядное явленіе, что въ одной и той-же дачѣ лучшія, удобренныя поля идутъ съ $\frac{2}{3}$, ближнія болѣе урожайныя, съ $\frac{1}{3}$, а дальнія, или худшія, выпаханные и проч. куски съ $\frac{1}{3}$ урожая въ пользу владѣльца. Съ другой стороны можно замѣтить вообще, что, подвигаясь на югъ, переходя въ мѣста съ высшей заработной платой, гдѣ земля плодороднѣе и гдѣ ихъ больше, гдѣ народонаселеніе рѣже и спросъ на землю меньше, мы замѣчаемъ пониженіе доли скотника. Для настоящаго времени мы имѣемъ: въ Черниговскомъ Уѣздѣ преобладающій типъ сдѣловъ $\frac{1}{2}$, уже въ Борзенскомъ $\frac{2}{3}$ владѣльцу, въ Екатеринославѣ еще ниже, а въ Херсонской Губерніи очень часто $\frac{1}{3}$. Да и не въ одной долѣ суть вопроса; такъ ¹ въ Черниговскомъ Уѣздѣ, гдѣ земли плохи, даетъ скотщину 15 пуд. хлѣба, въ Борзенскомъ уже 26—30, въ Полтавской Губерніи она будетъ составлять 40 пуд. и т. д. Вопросъ этотъ слишкомъ серьезенъ, чтобы его можно было истерзать въ примѣчаніи. Всѣмъ сказаннымъ мы хотѣли только показать, что при скотщинѣ доля, даваемая владѣльцу — *подвижная величина*, измѣняющаяся съ временемъ, съ качествомъ почвы и спросомъ на землю.

¹ Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные экспедиціоннымъ способомъ ст. отд. при Черниг. губ. зем. управл. Т. I. Черниговскій Уѣздъ ст. 186 и т. II. Борзенскій Уѣздъ ст. 92. Киевъ 1877 г.

тера, въ которомъ система хозяйства будетъ представлять соединеніе скопщины съ собственными запашками владѣльцевъ, но такихъ имѣній очень мало и насчетъ характера ихъ не должно обманываться. Въ Черниговскомъ Уѣздѣ подобныхъ имѣній смѣшаннаго типа всего 48 изъ 175-ти, т. е. менѣе $\frac{1}{3}$, въ Борзенскомъ ихъ 44 изъ 122-хъ, т. е. около $\frac{1}{3}$ всѣхъ и кромѣ того всѣ они, несмотря на то, что большинство ихъ принадлежитъ къ числу заботливо управляемыхъ *самими* владѣльцами все-таки держатся главнымъ образомъ скопщиной. Не думайте, чтобы эти собственные запашки были велики — онѣ ничтожны; онѣ занимаютъ въ лучшихъ случаяхъ не болѣе 3—7% всѣхъ земель имѣнія, такъ что напримѣръ, одно имѣніе этой категоріи въ Борзенскомъ Уѣздѣ, заключающее 3,000 десятинъ земли, имѣетъ 30 десятинъ собственныхъ запашекъ и т. д.¹ Кромѣ того, эти собственные запашки занимаютъ не поле, а, главнымъ образомъ, унавоженныя «околицы» и близнія земли, и идутъ не подъ хлѣбъ, а подъ наиболѣе доходныя, истощающія почву культуры — на сѣверѣ это будутъ конопляники, на югѣ — табачныя плантаціи, бахчи и проч.

Но послѣ всего сказаннаго, если предположить даже, что владѣлецъ отдаетъ почти всѣ поля на запашку исполу, луга на скотъ изъ доли урожая и проч., все же остается непонятнымъ какъ можно хозяйничать вовсе безъ рабочихъ, скота и подчасъ даже безъ хозяйственныхъ построекъ? Все же въ хозяйствѣ есть и должны быть работы, которыя будутъ лежать на землевладѣльцѣ, какъ-то: молотьба, возка хлѣба, сѣна, плетеніе плетней и прочія мелкія хозяйственныя операціи, которыя, несмотря на свою второстепенность, необходимы для хозяйства и немислимы безъ рабочаго и безъ скота. Кто же дѣлаетъ все это? — тотъ же скопщикъ и, чтобы понять какъ это дѣлается, мы должны остановиться на анализѣ *доплатъ* «басарниковъ».

Какъ уже сказано, при съемкѣ полей, кромѣ доли урожая, владѣлецъ выговариваетъ себѣ доплаты. Эти доплаты взимаются по договору отъ каждой взятой скопщикомъ десятины деньгами или чаще трудомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, онѣ бываютъ или *опредѣленныя*, т. е. состоятъ изъ извѣстнаго опредѣленнаго количества труда, напримѣръ, (для с. Антоновичъ Черниговскаго Уѣзда) за каждыя 4 снятыя десятины: «1 десятину овса скосить и связать, 2 дня городить, 2 воны смолотить и 2 дня косить», или *неопредѣленныя*, т. е. подъ ними подразумѣвается всякая работа, положимъ, на 1—2 дня отъ каждой снятой десятины, что называется: «что загадають — послухать» (что скажутъ — сдѣлать). Чтобы понять, какъ распространенъ этотъ обычай доплатъ, мы приведемъ слѣдующіе факты по Черниговскому уѣзду: изъ 95 дачъ, въ которыхъ записаны и выведены *преобладающіе типы* исполныхъ сдѣлокъ, мы находимъ, что только въ 25-ти дачахъ

¹ Id. ст. 93 г. II.

къ условенной долѣ урожая не даютъ доплатъ; изъ остальныхъ 70-ти лишь въ 8-ми доплаты производятся деньгами, а въ 62-хъ трудомъ, т. е. иначе. приблизительно изъ 10-ти сдѣлокъ въ трехъ случаяхъ не бываетъ доплатъ; въ 1-мъ доплаты дѣлаются деньгами, а въ *шести случаяхъ изъ десяти* это будетъ отработокъ. Въ этомъ отработкѣ, носящемъ различныя характерныя мѣстныя названія: «отбучи» (отбыли), «панщины» (барщины), «басаринокъ», и основывается секретъ существованія безхозяйственныхъ имѣній, не имѣющихъ ни рабочихъ, ни скота. При помощи этихъ отработокъ, владѣлецъ дѣлаетъ все, что ему надо: запахиваетъ свои унавоженные поля, молотить хлѣбъ, унавоживаетъ пашню, возить себѣ дрова, хворостъ, заплетаетъ плетни, косить часть сѣновосовъ, расчищаетъ ихъ, убираетъ огороды, чиститъ садъ, прудъ и проч., и проч., словомъ выполняетъ всѣ текущія хозяйственныя и нехозяйственныя работы. Съ другой стороны, этотъ отработокъ, лежащій тяжелымъ бременемъ на земледѣльческое население нашей мѣстности, является новой, особой громадной натуральной повинностію въ пользу землевладѣльцевъ, значеніе и тяжесть которой лучше всего характеризуется глубоко-прочувствованнымъ народнымъ сравненіемъ «отбучи» съ покойной «панщиной». Даже больше того: народъ говоритъ не безъ основанія, что «басаринокъ хуже панщины, бо теперь не однимъ крестьянамъ, а всѣмъ и, казакамъ и казеннымъ (крестьянамъ) приходится отбывать его».

Итакъ, вотъ каковы въ общихъ и грубыхъ чертахъ та почва и тѣ хозяйственныя условія, среди которыхъ существуютъ еврейскія аренды. Посмотримъ же насколько онѣ укоренились, какъ приспособились къ этой средѣ, какое вліяніе оказали на нее и сельское хозяйство нашего края вообще.

II.

Нѣтъ точныхъ фактовъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить о возрастаніи числа еврейскихъ арендъ въ нашемъ краѣ; общій голосъ говорить и каждому видно, что число евреевъ-арендаторовъ увеличивается, что евреи все болѣе и болѣе переходятъ изъ городовъ въ села, находятъ сельскую жизнь правильнѣе городской, захватываютъ земли, аренды, сельскую торговлю и грозятъ, наконецъ, совершенно наводнить села. Вотъ, наприимѣръ, факты, по которымъ можно судить о распространеніи еврейскихъ арендъ въ 1877 году. Изъ 69 случаевъ арендъ, о которыхъ были собраны точныя и полныя свѣдѣнія, въ Чер-

нитовскомъ Уѣздѣ, арендаторы, по сословности и количеству арендованныхъ земель, распались слѣдующимъ образомъ:

Сословіе арендаторовъ.	Число арендованныхъ имѣній.	Въ нихъ земли (десятинъ).	% къ общему пространству арендованныхъ земель (для 69 сл. чверть).	Средній размеръ арендован. участка (въ дес.).
Дворяне и чиновники	7	2,800	14,0%	339
Купцы и мѣщане (русскіе).	9	2,944	14,7%	327
Евреи	22	8,220	41,1%	391
Казачи	13	1,609	8,0%	123
Казенные и помѣщичьи крестьяне	19	4,452	22,1%	244

Подобная же таблица для Борзенскаго Уѣзда представляетъ такой видъ:

Сословіе арендаторовъ.	Число арендованныхъ имѣній.	Въ нихъ земли (десятинъ).	% къ общему пространству арендованныхъ земель (для 88 сл. чверть).	Средній размеръ арендован. участка (въ дес.).
Дворяне и чиновники	4	2,549	34%	668
Лица духовнаго званія	3	177	2%	59
Мѣщане (русскіе)	3	312	4%	104
Евреи	10	3,338	42%	334
Казачи	12	1,025	13%	85
Казенные и помѣщичьи крестьяне и проч.	6	454	4%	82

Изъ этихъ обѣихъ таблицъ можно съ приближительной достоверностію вывести, что въ рукахъ евреевъ-арендаторовъ находится около сорока процентовъ всего числа сдаваемой въ аренду земли. А сдается ея у насъ не мало и наши землевладѣльцы по своему индифферентизму къ интересамъ роднаго села могутъ поспорить съ владѣльцами Юго Западнаго Края. Въ самомъ дѣлѣ, если въ Подольской Губерніи въ Проскуровскомъ Уѣздѣ $\frac{2}{3}$ имѣній находится въ арендѣ, а въ Литвенскомъ, Брацлавскомъ и Ольгопольскомъ отъ 40 до 50% всего числа, то вотъ каковы цифры для двухъ уѣздовъ Черниговской Губерніи: число имѣній въ которыхъ

	Въ Чернигов-Уѣздѣ.	Въ Борзенскомъ Уѣздѣ.
Хозяйство ведется владѣльцами лично или черезъ управляющихъ	118	87
Имѣніе находится въ арендѣ	56	35

т. е., иначе говоря, около *одной трети* всѣхъ имѣній находится въ арендѣ.

Если эти данныя по двумъ уѣздамъ приложить къ цѣлой губерніи, гдѣ въ 1861 году было 4,238 владѣльцевъ, имѣвшихъ

около 1,193 десятинъ земли ¹ и—хотя это будетъ до ненаучности смѣло, такъ что можетъ вызвать улыбку на лицѣ строгаго статистика—если сдѣлать расчетъ сколько земли во всей губерніи находится въ рукахъ евреевъ арендаторовъ, то придется къ неожиданнымъ выводамъ: въ ихъ распоряженіи окажется около *шести сотъ имѣній* и до *двухсотъ тысячъ* десятинъ земли. Такимъ образомъ, вотъ фактъ, могущій дать нѣкоторое примѣрное понятіе о сферѣ вліянія еврейскихъ арендъ на хозяйственную фязіономію и экономической бытъ нашего края, а каково это вліяніе—это мы постараемся объяснить ниже.

Какъ сказано, по общему мнѣнію, выведенному изъ обыкновеннаго житейскаго наблюденія, число евреевъ-арендаторовъ изъ года въ годъ увеличивается. И это вовсе не удивительно, если знать причину такого явленія. Ни одинъ арендаторъ, ни одинъ хозяинъ другого сословія, кромѣ развѣ крестьянина, не дастъ за имѣніе такую большую арендную плату, какъ еврей. Эта плата бываетъ настолько баснословно высока, что трудно понять, какой расчетъ можетъ быть при такихъ условіяхъ держать аренду; она—эта плата—поглощаетъ иногда съ излишкомъ весь доходъ имѣнія, если понимать словно доходъ въ хозяйственномъ смыслѣ и имѣть въ виду только земледѣльческой доходъ земли, и ставить арендатора въ крайне рискованное положеніе въ случаѣ неурожая. Вотъ для примѣра нѣсколько случайныхъ цифръ для разныхъ дачъ Черниговскаго Уѣзда:

	Средняя доходность десят. паши.	Средняя плата еврейской аренды за 1 десят. земли
Автоновичи . . .	3 р. 49 к.	3 р. 43 к.
Довжикъ . . .	3 > 29 >	3 > 90 >
Рабцы . . .	4 > 39 >	4 > 80 >
Шибириновка . . .	3 > 97 >	4 > 03 >
Смолиговка . . .	3 > 79 >	4 > 03 >

Какъ видно изъ этого, цифры платъ за 1 десятину въ арендуемыхъ евреями имѣніяхъ равны и даже превосходятъ средней доходъ десятины земли въ этихъ же дачахъ. Заподозрить правильность этихъ цифръ нельзя; второй столбецъ выведенъ точнымъ образомъ изъ конкретныхъ случаевъ еврейскихъ арендъ въ поименованныхъ дачахъ ², первый полученъ на основаніи строгаго расчета стоимости доли владѣльца, получаемой при отдачѣ земли въ скопщину на условіяхъ, господствующихъ въ дачѣ, за вычетомъ стоимости обмолога, общихъ хозяйственныхъ расходовъ и проч. ³. Тѣ и другія цифры получены изъ цифръ среднихъ урожаевъ, случаевъ арендъ и проч., записанныхъ на мѣстахъ спеціальными агентами земства, и выведены при посредствѣ приемовъ и способовъ вычисленія, вполне гаран-

¹ «Военно-Статист. Сборникъ», вып. IV, стр. 188.

² Материалы для офісна земельныхъ угодій т. I стр. 141.

³ *Ibid.* стр. 181 и слѣд.

тврющих ихъ достовѣрность. Не адѣсь мѣсто для длинныхъ разсужденій, которыми можно было-бы доказать только-что сказанное, такъ что желающихъ убѣдиться въ этомъ въ подробности, мы отсылаемъ къ самому источнику, изъ котораго мы будемъ пользоваться и впредь нѣкоторыми цифровыми данными.

При помощи такихъ баснословно высокихъ арендныхъ цѣнъ, евреи захватываютъ въ свои руки все большее и большее число арендъ. Владѣльцы очень рады, что могутъ получать такія суммы за свои имѣнія, и сквозь пальцы смотрятъ на все остальное. И безъ того быстрое повышение арендныхъ платъ, искусственно подшпориваемое евреями, производитъ то, что арендаторы изъ дворянъ, купцовъ и мѣщанъ рѣшительно отказываются отъ конкуренціи съ евреями; на торгахъ всегда уступаютъ имъ, потому что не въ состояніи платить тѣхъ денегъ, какія предлагаютъ евреи, уходить изъ деревень и, не будь еще крестьянъ и казаковъ, которые, какъ мѣстные люди съ дѣйствительно крайне ограниченными требованіями и потому могущіе конкуррировать съ евреями, эти послѣдніе сдѣлались-бы царями сельъ. Прибавьте къ всему еврейскую проницательность, связь и взаимную поддержку этой особой касты—потому что евреи у насъ не національность, а именно замкнутое сословіе, каста—и тогда вы поймете успѣхъ еврейскихъ арендъ. Но если это такъ, если еврей потому захватываетъ въ свои руки аренды, что даютъ невозможно высокія платы, большія, чѣмъ сколько можно выручить изъ земли, ведя хозяйство обычнымъ способомъ, то вевольно рождается вопросъ: какимъ образомъ они могутъ выплачивать эти деньги? Это абсурдъ—и такимъ онъ и есть въ самомъ дѣлѣ, а секретъ разрѣшенія загадки заключается въ томъ, что на доходность имѣнія, арендуемаго евреями, нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія обыкновенныхъ земледѣльческихъ выгодъ отъ земли. Его предпріятіе держится всегда не на однихъ выгодахъ земледѣлія, а также и на другихъ постороннихъ источникахъ дохода. Иногда же аренда для еврея только предлогъ, только обстановка, а вся сущность, вся сила гешефта лежитъ вовсе не въ землѣ. Трудно встрѣтить еврей-арендатора, который былъ бы только хозяиномъ арендаторомъ. Если онъ не содержатель «шинка» (кабака), или лавочки—что составляетъ его излюбленное занятіе—то во всякомъ случаѣ онъ скупщикъ хлѣба, табаку, пеньки, скота и другихъ сельскихъ продуктовъ и, наконецъ, сельскій ростовщикъ. При своихъ прирожденныхъ торговыхъ наклонностяхъ, взумительной дѣятельности, подвижности, безцеремонности и всезнаніи, подобные арендаторы—самые вѣрные сторожа крестьянской нужды и глупости. Когда нужно что-нибудь купить или достать «до зарѣзу».—крестьянинъ находитъ у еврея все, хотя, конечно, за огромные проценты и цѣны; если въ нуждѣ надо что-нибудь продать—еврей навѣрное купитъ и хлѣбъ, и коня, и вола, и курицу, и масло, хотя, конечно, все за баснословно низкую цѣну. Въ этой его торговой миссіи, при которой еврей въ сельъ захва-

тывасть въ свои руки сбыть и куплю значительной части товаровъ села заключается отчасти секретъ наживательства арендаторовъ, несмотря на крайне высокія платы за имѣнія. Но другая часть секрета заключается въ способъ хозяйствованія евреевъ, и потому мы обратимся къ нему и попробуемъ сначала нарисовать въ краткихъ чертахъ картину его арендаторскаго хозяйства. Эта отчасти бытовая характеристика уяснить многое изъ того, что говорятъ факты и цифры.

Присматриваясь къ началу, къ возникновенію каждой еврейской аренды, мы замѣтимъ во-первыхъ, что самыя условія сдѣлки носятъ особенный характеръ. Можно сказать безъ риска, что изъ десяти случаевъ въ 2—3-хъ это арендованіе производится по старымъ счетамъ запутавшагося владѣльца. Здѣсь или уплата идетъ за старые векселя, или владѣлецъ, крайне нуждающійся въ деньгахъ, получаетъ плату впередъ за годъ, за два, словомъ, аренда еврею—вынужденная сдѣлка; еврей знаетъ съ кѣмъ онъ имѣеть дѣло, онъ давно подстерегалъ свою добычу. Затѣмъ, еврей арендаторъ—не то, что нѣмецъ, полякъ, наконецъ, русскій арендаторъ; эти послѣдніе смотрятъ на аренду съ точки зрѣнія хозяйственныхъ выгодъ; они—арендаторы-земледѣльцы. Арендаторъ нѣмецъ ѣдетъ искать аренду изъ Курляндіи, полякъ изъ Польши, имъ важна земля, ея плодородіе и въ общихъ чертахъ хозяйственные условія данной мѣстности. Не то еврей—онъ почти исключительно арендуетъ имѣніе того села, гдѣ онъ былъ нѣсколько лѣтъ шинкаремъ, гдѣ онъ знаетъ каждаго мужика, его семью, его нужду, его слабости, гдѣ онъ знаетъ все насквозь, потому что его система состоитъ на *эксплуатации человѣка и челоѣческихъ отношеній*, а не на землѣ и земледѣльческихъ выгодахъ. Рѣже это будетъ денежный родственникъ, другъ шинкаря, котораго склонилъ этотъ послѣдній взять аренду для взаимной выгоды; иногда же берущій аренду входитъ въ сѣть, въ паутину еврейскихъ арендъ, охватывающихъ извѣстную мѣстность. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ пользуется поддержкой собратій, онъ членъ тайнаго сообщества, которое, впрочемъ, не преслѣдуется закономъ. Срокъ, на который обыкновенно арендуетъ еврей имѣніе, очень коротокъ, чаще три года, рѣже шесть лѣтъ. Подобные короткіе сроки арендъ вообще въ употребленіи въ нашихъ мѣстностяхъ, такъ что аренды, о которыхъ можно дать свѣденія по срокамъ распадаются слѣдующимъ образомъ:

Число арендъ на сроки:

до 3-хъ л. до 6-ти л. выше 6-ти л.

Черниговскій уѣздъ.	34	16	2
Борзенскій >	22	12	4

т. е. иначе, аренды на сроки выше шести лѣтъ рѣдки, а начатые бываютъ сроки 3—6-ти лѣтъ, причо́мъ трехлѣтніе аренды встрѣчаются вдвое чаще шестилѣтнихъ.

Входя хозяиномъ въ опустѣвшій господскій дворъ, еврей, смотря по условію, или влзаетъ въ самый домъ—увн! поцпая грав-

ными ногами бывшее величіе, или заминаеть съ соней какой-нибудь старій флигель или кухню и иногда тутъ же заводять шинюкъ. Обыкновенно ему достается занущенное имѣніе, такъ какъ хорошо устроенное хозяйство порадочный владѣлецъ никогда не отдасть еврею на раззореніе, развѣ крайняя нужда и долги заставать его къ этому. Довольно часто также еврей, не беря усадьбы, сада и проч., которые остаются въ пользованіи владѣльца, снимаетъ въ аренду «*полосу*» землю безъ всего. Подобнымъ образомъ они снимають землю весьма охотно, такъ что въ нашей мѣстности отдаленные отъ центра имѣнія куски, разбросанные въ сосѣднихъ дачахъ, которые владѣльцы ихъ поневолѣ должны сдавать въ аренду, носятъ даже спеціальное названіе «*жидовскихъ арендъ*». Аренда такихъ кусковъ, при которыхъ нѣтъ никакого хозяйства, особенно по сердцу евреямъ, потому что она совершенно совпадаетъ съ ихъ наклонностями, такъ какъ здѣсь торгъ съемкой пашни и сѣнокоса, спекуляція землей, эта единственная признаваемая евреямъ земледѣльческая операція—указывается самими обстоятельствами. Прибавши къ рукамъ облюбованное имѣніе, еврей сейчасъ-же дѣлаеть свой шинюкъ или грязный флигель господскаго дома главной конторой управленія арендой и начинается хозяйственные операціи. Тотчасъ-же, или мало по малу, къ нему, какъ къ центру притяженія, богъ его знаетъ откуда, сползаются новые евреи, часто со всѣми своими семьями. Кто они эти юркіе жидки, окружающіе главнаго арендатора, эти его глаза и уши, при помощи которыхъ онъ, не глядя, видитъ, что дѣлается у него на поляхъ, въ клуняхъ и сараяхъ; при помощи которыхъ онъ знаетъ, что думаетъ или замышляетъ всякій Иванъ и Трофимъ, всякая Марья или Палагея его села? Кто они и каковы ихъ отношенія къ патрону?—это вопросъ трудный для разрѣшенія. Это какіе-то полуприказчики, полукомпаніоны, иногда родственники, иногда наемныя лица; да, наконецъ, это все равно, такъ-ли иначе ли, это люди преданные другъ другу и патрону, люди, интересы которыхъ сильно связаны общей цѣлью наживы на счетъ невѣжественнаго мужика. Они, волей-неволей, образуютъ родъ маленькой еврейской колоніи, родъ особой самой опасной артели съ цѣлю эксплуатаціи мѣстнаго населенія. Кромѣ этихъ помощниковъ, у арендатора несмотра на то, что онъ арендуетъ иногда сотни десятинъ земли, нѣтъ и не бываетъ обыкновенно ни *одного наемнаго рабочаго*, исключая развѣ одного жалкаго «*жидовскаго наймита*» (батрака), который исполняетъ роль дворника при его домѣ. По этому поводу надо замѣтить, что престолюдины малороссы до такой степени презирають евреевъ, что въ селѣ ни одинъ сколько-нибудь состоятельный и здоровый работникъ не пойдетъ къ еврею. Только самые несчастные, захудалые, бездомные слроты и плохіе работники, не могущіе найти работы по «*хозяйствамъ*», бывають принуждены, несмотря на всеобщее презрѣніе, идти въ услуженіи къ еврею; но за то ихъ всюду встрѣчаютъ этотъ

презрительный эпитетъ: «жидовскій наймитъ, жидовска наймичка». По общему мнѣнiю, это обозначаетъ такого бѣднаго и несчастнаго человѣка, который потерялъ отъ нужды всякій стыдъ и готовъ на самыя постыдныя личныя услуги и еще кому?... «жиду»!.. Хорошiй работникъ самъ не пойдетъ къ еврею, потому что онъ дурно платитъ, да ему такого и не надо: ему нуженъ работникъ, который могъ бы исполнять мелкiя домашнiя услуги, быть на постоянныхъ посылкахъ и проч. Несмотря на то, что еврей арендуетъ большое имѣнiе, у него вовсе *нѣтъ ни работаю, ни домашняго скота*, исключая развѣ нѣсколькихъ *возь*, этихъ излюбленныхъ спутниковъ евреевъ, тощей коровенки, да еще болѣе тощей клячи, которая въ народѣ носитъ специальное прозвище «жидовской шкапы». Эта «шкапа» (кляча) — вся двигательная сила арендатора; на ней онъ самъ, или его агенты съ неутомимой дѣятельностию обзрѣваютъ свои поля, луга, лѣса, ѣздятъ въ окружныя села и проч. Она, эта лошадь или дѣѣ (ихъ бываетъ иногда двѣ) непремѣнно тощи, какъ одна изъ семи коровъ фараоновыхъ, потому что, во-первыхъ, еврей крайне небрежно ухаживаетъ за лошадьми, и, во-вторыхъ, смотритъ съ большой ненавистью на необходимость кормить животное. Поэтому оно всегда лѣниво и слабосильно, что, по необходимости, вошедшей въ обычай, заставляетъ погонять лошадь не кнутомъ, а дубиной; и этотъ способъ ѣзды, причемъ, заставляя животное выбиваться изъ силъ, еврей совершенно хладнокровно, равнодѣрно, но безжалостно, жестоко стучитъ непремѣнно коломъ или толстой палкой по тощимъ ребрамъ клячи, и носитъ названiе «жидовской ѣзды»¹.

III.

Съ такой обстановкой начинается арендаторъ свою карьеру. Его система хозяйства, собственно говоря, ничѣмъ не отличается отъ обычной, основывающейся на скопцинѣ. Различiе состоитъ только въ еще болѣеишей безцеремонности, послѣдовательности упрощеннаго хозяйства, доходящей до цинизма, если такъ можно выразиться. Если землевладѣлецъ подчасъ имѣетъ въ хозяйствѣ какую-нибудь рабочую скотину или соху, или работника, то *ни*

¹ Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, проявляется то же непониманiе возможной выгоды; еврей смотритъ на все, какъ на товаръ, который должно купить и сейчасъ же продать съ выгодой. Только эта точка зрѣнiя ему и доступна; но точка зрѣнiя хозяйственная, т. е. сознанiе необходимости затраты и разумнаго ухода за вещью для умѣреннаго и долговременнаго пользованiя постоянной выгодою — недоступна для него. Онъ покупаетъ лошадь, чтобы она возила его, поэтому ему чужда точка зрѣнiя умѣренной работы, хорошаго корма, даже извѣстной привязанности къ животному; по его мнѣнiю, она должна мало или вовсе не ѣсть и возить по возможности больше.

одина еврей-арендаторъ ничего подобнаго и знать не хочетъ; если землевладѣлецъ еще имѣетъ свои собственные небольшія запашки, то еврей-арендаторъ *никогда* не запашетъ ни одной десятины; если помѣщики умѣютъ обходиться безъ наемныхъ силъ, замѣняя ихъ отработками скопщиковъ, то еврей-арендаторы вводятъ отработки въ особую *строго-обдуманную систему*, на которой держится хозяйство и которая является для него золотымъ дномъ; если землевладѣльцы обходятся весьма плохими хозяйственными постройками и орудіями, то еврей-арендаторы умѣютъ хозяйничать *безъ всякихъ построекъ и орудій*, безъ клунь, сараевъ, безъ серповъ, безъ косъ и проч.; если землевладѣльцы, наконецъ, иногда не брезгаютъ посторонними операціями, въ родѣ займовъ хлѣба—этой «помощи крестьянамъ въ нуждѣ», въ надеждѣ на отдачу съ лихвой, то у евреевъ это, опять-таки, *обдуманная система*, составляющая постоянное выгодное занятіе. Начнемъ съ сути, съ основанія, на которомъ держится зданіе аренды—съ еврейской скопщины. При своихъ поѣздкахъ по губерніи, всюду, гдѣ встрѣчались еврейскія аренды, мнѣ приходилось слышать жалобы на повышение скопщины, которое приписывали евреямъ. Сначала я почиталъ эти жалобы за тѣ обычные, напрасныя нареканія, которыя приходится слышать отъ бѣднаго люда; но, въ концѣ концовъ, присмотрѣвшись къ дѣлу ближе, нельзя не признать за ними известной доли основательности. Дѣло въ томъ, что хотя размѣръ даваемой владѣльцу доли урожая съ доплатами и долженъ бы былъ строго зависѣть отъ взаимнаго отношенія известныхъ, чисто экономическихъ фактовъ, но тѣмъ не менѣе, адѣсь играетъ въоторую, правда подчиненную, роль и установившійся обычай, традиція. Это должно бы предположить напередъ, зная еще въ значительной мѣрѣ патриархальную или, если хотите, калатную обстановку нашей деревни. Помѣщиковъ многоземельныхъ у насъ очень мало, малоземельные же помѣщики, при раздачѣ «съ половины», по большей части поименно знаютъ, кому они дадутъ землю, такъ какъ кругъ съемщиковъ не особенно широкъ. Это, обыкновенно, поселане изъ деревни, часто даже ихъ прежніе крѣпостные и, при подобныхъ обстоятельствахъ, невольно являются известнаго рода компромиссы; взаимныя уступки, одолженія, установленіе тѣхъ «гляда на людей», «по божески», и проч. Таковы, по крайней мѣрѣ, эти условія у умѣйшихъ землевладѣльцевъ, понимающихъ свои выгоды и знающихъ, что гораздо лучше жить съ своими сосѣдами-поселянами въ худомъ мирѣ, чѣмъ въ хорошей войнѣ. Крѣпостники изъ «неисправимыхъ», тѣ, напротивъ, враждуютъ съ крестьянами, притѣсняютъ ихъ, терпятъ отъ этого значительные убытки въ видѣ недосѣянныхъ полей, нескошенныхъ луговъ, подоженныхъ клунь и усадьбъ; принуждены нанимать рабочихъ и искать скопщиковъ въ сосѣднихъ селахъ, жить въ «осадномъ положеніи» и т. д. Но не въ томъ дѣло, такъ какъ тѣ и другіе все-таки одинако держатъ себя при раздачѣ

полей и указанная разница мало отражается на обстановкѣ съемочной сдѣлки. Еще въ зиму идетъ крестьянинъ къ своему патрону за землей. Съ поклономъ и «дарунками» въ видѣ яицъ, курицы, масла, подходитъ онъ къ земледатчику; его отправляютъ къ приказчику или управляющему, гдѣ и заключается сдѣлка. Въ опредѣленіи натуральной платы, въ этомъ случаѣ, немаловажную роль играютъ нѣкоторыя соображенія солидности съемщика, уже издавна аккуратно снимавашаго землю, извѣстные виды на обезпеченіе регулярнаго дохода и на будущее время, хотя бы въ ущербъ данному случаю и т. д. У еврея-арендатора съ самаго начала совсѣмъ не то. Еврею все равно кто возьметъ, знакомый или неизвѣстный человѣкъ; ему «абы грѣши» (лишь бы деньги) по народному выраженію, лишь бы побольше выжать въ данную минуту. Его шинокъ — рынокъ для торга на сдаваемую землю. Сюда стекаются конкуренты, желающіе взять землю даже съ ближнихъ селъ. Подъ общій шумъ, производимый выпитой водкой, заключаются сдѣлки; еврей пускаетъ въ ходъ всю тонкую діалектику своего ума для расхваливанія сдаваемыхъ кусковъ земли и распаленія воображенія съемщиковъ предполагаемыми выгодами. Оттого у еврея арендатора очень часто страннымъ образомъ исполнимы цѣны оказываются выше, чѣмъ у другихъ владѣльцевъ. Тамъ, гдѣ у прочихъ земледатчиковъ берутъ $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{3}$ съ доплатами, у еврея поля ходятъ за $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{3}$ съ большими денежными рублевыми доплатами. Для доказательства я сошлюсь на многочисленные факты, заключающіеся въ таблицѣ исполновыхъ платъ ¹, относительно селъ: Яновки, Новой Руды, Смолиговки, Садричь, Черниговскаго Уѣзда, Гужовки ², Борзенскаго Уѣзда и т. д. Но почему же это такъ? Неужели причина этого лежитъ исключительно въ торгашескомъ умѣнн и ловкости еврея? Но вѣдь въ экономическихъ явленіяхъ общаго характера подобная причина звучитъ страннымъ противорѣчіемъ? Оно, конечно, не ловкость, а существующія условія дозволяютъ дѣлать это повышеніе, но суть все таки въ томъ, что безцеремонность еврея позволяетъ ему стремиться къ этому предѣлу экономической возможности, заставляя его натягивать струны экономической конкуренціи до невозможной степени, алчность влечетъ его, иначе говоря, увеличивать *мру эксплуатаціи* людей и природы до наивысшей точки. Поясню это нѣкоторыми примѣрами. Вотъ, положимъ, дача г. Березно, Черниговскаго Уѣзда; дача эта очень велика (около 12 тыс дес.); здѣсь много владѣльческой, много казачьей земля; здѣшнія земли достаточно плодородны и земледѣльцы не крайне нуждаются въ ней. Нѣкоторые изъ мелкихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ (казакъ и мѣщанъ) занимаются, не занимаютъ земледѣліемъ, а, главнымъ образомъ, живутъ отъ ремесла, промысловъ (сапожнаго, скорняжяго), торговли и ищутъ кому

¹ Матеріалы, т. I, стр. 78. Т. II, стр. 55.

² Ibid. Т. II, стр. 75.

бы сдать свои земли. Это увеличивает предложение, съёмщики же земли довольно хладнокровны, цѣны на землю, вследствие этого, сравнительно невысоки, прочно повсюду установлены и «наши жида, какъ и всѣ люди, живутъ смирно, говорятъ земледѣльцы, ужъ извѣстно жидъ, гдѣ-нибудь свое укрутить, но чтобы такое, какое притѣсненіе—такого не бываетъ». А вотъ другой примѣръ, съ другими условіями, положимъ, Гужовка, Борзенскаго уѣзда. Дача эта средней величины (5 тыс. десятинъ); население казачье и крестьянское, живущее исключительно отъ земледѣлія; земли хорошаго качества; владѣльцевъ немного; всѣ они мелкіе и лишь одинъ Б.* владѣетъ около $\frac{1}{5}$ части всей дачи. При такомъ положеніи, эта пятая часть, находящаяся въ арендѣ у еврея, составляетъ весьма завидный кусокъ для земледѣльцевъ Гужовки. Конечно, она не позволяетъ повысить исполнью плату относительно средней, нормальной для мѣстности, потому что предложеніе ищущихъ съёмщины земель въ сосѣднихъ дачахъ достаточно, да и сами Гужовцы—народъ не бѣдный; но все же снять землю вблизи села, и землю далеко не плохую—«сподручно». Вследствие этого, несмотря на то, что по казакамъ и мелкимъ владѣльцамъ даютъ за пашню половину съ вычетомъ въ пользу съёмщика полукопы за сѣмена, у еврея-арендатора всегда берется чистая половина безъ всякихъ вычетовъ; сѣнокосы по «хозяинамъ» $\frac{2}{3}$ безъ басаринка, а у еврея-арендатора даже еще съ доплатою 1 р. 50 к. съ десятины за лучшіе и одного пѣшаго дня за средніе»¹. Кроме того еврей, по словамъ крестьянъ, уже и «хабарь»² начинаетъ брать... Что-нибудь да вырветъ... Вотъ поправится мнѣ какой кусочекъ: дай мнѣ, говоришь.. А онъ: дай рубль.—Ну, на 50 копеекъ, говоришь.—Хорошо. Да еще курицу, или яйца тамъ, а уже вырветъ свое...» Но спрашивается: отчего же мелочь не можетъ брать тѣхъ же исполныхъ цѣнъ, какъ еврей крупный арендаторъ? Отвѣтомъ на это служить единственно взглядъ на вещи села. Quod licet Iovi, non licet bovi; мелкимъ владѣльцамъ не позволять поднять цѣны, еслибъ они и захотѣли, безъ нихъ могутъ обойтись, нанести имъ большой убытокъ; еврей же—не то: во-первыхъ, онъ—«большой корабль»; у него много земли, упустить которую всякому жаль; во-вторыхъ, онъ «жида и его уже не обкрутишь», а онъ всякаго около пальца обернетъ, и въ-третьихъ, наконецъ, онъ, въ случаѣ борьбы, призоветъ помещальцевъ, побѣдитъ и тогда будетъ плохо. Словомъ, эта-то дерзость, нахальство, навязчивость, умѣнье «обдурить», эта рѣшимость всегда на-голо обнажить мечъ въ экономической борьбѣ и есть обыкновенная причина, почему еврей-арендаторы въ нѣкоторой мѣрѣ повышаютъ исполныя платы, увеличиваютъ мѣру эксплуатаціи.

¹ Ibid. Т. II, стр. 75.

² Одно изъ многочисленныхъ названій доплатъ. Дословно «хабарь» значитъ—взятка.

Наконецъ, приведемъ третій примѣръ, положимъ, село Рябцы, или Сядриги, Черниговскаго Уѣзда, представляющій еще болѣе рѣзкую картину арендаторскаго вліянія. Обѣ эти дачи невелики (менѣе 1 т. д.); населеніе исключительно земледѣльческое; земли сравнительно гораздо хуже предъидущихъ и значительная часть ихъ (въ Рябцахъ почти половина дачи) и притомъ земель лучшихъ, находится въ рукахъ евреевъ арендаторовъ. Здѣсь положеніе самое тяжелое, здѣсь земля нужна «до зарѣзу», а кругомъ населеніе сравнительно густо; всюду по сосѣдству, стало быть, мѣстные конкуренты могутъ дать больше и не пустить чужесельцевъ. Жить «тѣсно», «некуда податься», какъ говорить крестьянинъ. Въ подобныхъ случаяхъ арендаторъ чувствуетъ свою силу; онъ предписываетъ законы, онъ превышаетъ сюмпцину далеко *выше средняго*, *даже возможную предѣла*. Онъ знаетъ, что «некуда податься». Чтобы не быть голословнымъ, я приведу доказательства. Надо замѣтить, что почти весь Черниговскій Уѣздъ, особенно сѣверо-западный его уголь—это царство еврейскихъ арендъ, находится въ очень невыгодныхъ условіяхъ: сюмпцина очень стѣснительна и высока, земли плохи и ихъ, особенно у крестьянъ, очень мало. Если мы воспользуемся цифрами уже не разъ цитированныхъ «матерьяловъ» земскаго статистическаго бюро, то вотъ что выйдетъ. По несомнѣнному значительному числу показаній сотенъ владѣльцевъ и тысячъ крестьянъ, повѣренному во многихъ мѣстахъ точными записями хозяйственныхъ книгъ, земли Черниговскаго Уѣзда мало плодородны. Болѣе половины всего числа дачъ (67 изъ 120) даютъ средній урожай ржи отъ 20 до 40 пудовъ съ десятины; остальные дачи отчасти принадлежатъ въ категоріямъ съ еще меньшимъ среднимъ урожаемъ, отчасти къ категоріямъ большей плодородности. Итакъ, слѣдовательно, средній, наичаще встрѣчающійся типъ плодородности черниговскихъ земель, безошибочно можно принять *въ 30 пудовъ съ десятины*¹. Но съ другой стороны, при такомъ урожаѣ, владѣлецъ получаетъ при раздачѣ земель, на основаніи столь же многочисленныхъ и столь же несомнѣнныхъ показаній, въ среднемъ, т. е. наичаще (по выводу для 78% дачъ) — *половину урожая и доплатъ на 40 коп. сер.*² Это будутъ, такъ сказать, среднія нормы для уѣзда, наичаще встрѣчающіяся условія плодородности и величины сюмпцины. Посмотримъ же, что при этомъ получаетъ сюмпцина; сдѣлаемъ точный расчетъ, для котораго «Матерьялы» даютъ всѣ необходимыя данныя. Валовой доходъ съемщика будетъ 30 пудовъ ржи; расходъ же, т. е. вычетъ условленной доли владѣльцу, сюмпъ, осѣменение и проч. будетъ для одной десятины такой:

¹ Матерьялы т. I, стр. 65 (табл. урожайности).

² Ibid. т. I, стр. 88.

$\frac{1}{2}$ отдаваемая владѣльцу	15 пудовъ.
Осѣменение въ среднемъ ¹	7 >
Сжогъ ($\frac{1}{8}$ урожая) ²	6 >
Обработка (запашка и проч.) десят. ³	4 >
Доплаты (на 40 коп.)	1 >

Итого 33 пуда.

Иначе, для средняго года, скопщикъ въ среднемъ, получая съ десятины 30 пудовъ ржи, долженъ отдавать хлѣбомъ же, или трудомъ, или иными цѣнностями сумму, равную цѣнѣ 33-хъ пудовъ хлѣба. Выходитъ абсурдъ и тѣмъ болѣе вопіющій абсурдъ, что всѣ данныя, послужившія для его вывода, несомнѣнно вѣрны.

И дѣйствительно, на дѣлѣ, эта нелѣпность существуетъ; существуетъ наперекоръ логикѣ, какъ сюрпризъ прихотливой дѣйствительности. Дѣйствительно, на дѣлѣ, крестьянинъ Черниговскаго Уѣзда при сѣмкѣ работаетъ въ убытокъ себѣ, если смотрѣть на фактъ съ точки зрѣнія строгаго хозяйственно-бухгалтерскаго разсчета. Вся выгода его состоитъ лишь въ томъ, что онъ при скопщикѣ косвенно продаетъ свой трудъ запашки, боронованія, уборки хлѣба, что онъ пользуется соломой, пользуется иногда сжатой десятиной, какъ выпасомъ для коня или птицы, пользуется часто очень дорогими одолженіями земледатчика, а также можетъ и вредъ разсчитывать на его милость при раздачѣ земель. Нанимался этотъ же сѣмщикъ поштучно на указанныя земледѣльческія операціи, запашки, уборки и проч., онъ, быть можетъ, заработалъ бы тоже самое и даже больше, но онъ является предпринимателемъ, онъ хочетъ быть, хотя бы и съ небольшимъ для себя рискомъ, самостоятельнымъ, независимымъ «хозяиномъ», а не батракомъ.

Обращаясь послѣ всего сказаннаго къ предмету, мы приглашаемъ читателя представить себѣ, что, при подобныхъ-то высокихъ цѣнахъ на землю, евреи арендаторы умудряются брать при тридцати пудовомъ урожаѣ, напримѣръ, въ Антоновичахъ, Сядричахъ, Рабцахъ и проч. доплатъ къ половинѣ урожая на цѣлѣй рубль деньгами или требуютъ за двѣ взятыхъ десятины «третью запашать» (конечно, ему, арендатору), что составить въ переводѣ на деньги больше рубля!.. Но и это еще только начало: они стремятся, грозятъ поднять и навѣрное поднимутъ скопщику еще выше въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда. Но спрашивается: какимъ образомъ, при помощи какихъ силъ, они могутъ дѣлать эти надбавки? Неужели эти надбавки еще можно дѣлать? Выходитъ, что можно, а силу, при помощи которой они дѣлаютъ этотъ фокусъ, можно назвать *монополизацией арендѣ*.

¹ Ibid. т. I, стр. 64.

² Ibid. т. I, стр. 71.

³ Средняя стоимость обработки десятины—2 руб. Для вывода сдѣланъ переводъ на хлѣбъ, предполагая цѣну послѣдняго въ 50 коп. за пудъ. Все это опять-таки цифры, взятія изъ «Матерьяловъ» и введенныя обычнымъ способомъ, вполнѣ гарантирующимъ ихъ достоверность.

Вотъ въ чемъ сущность дѣла. Изъ предъидущаго видно, что повышеніе скопщины въ данной дачѣ возможно, но въ извест-ныхъ предѣлахъ, строго опредѣляемыхъ предложеніемъ земель въ сосѣднихъ дачахъ. Напримѣръ, это будетъ значить слѣдующее: положимъ, арендаторъ желаетъ надбавить къ существующей средней для цѣлой мѣстности сѣмочной цѣнѣ значительныя доплаты. (Кстати замѣтимъ, что увеличеніе скопщины растеть по лѣстницѣ увеличивающихся доплатъ, которыя могутъ возрасти до такой мѣры, что будетъ выгоднѣе для сѣмщика надбавить лишнюю долю урожая, чѣмъ давать такія доплаты. Это и понятно, переходъ отъ $\frac{1}{3}$ къ $\frac{1}{2}$ слишкомъ рѣзокъ, а рента растеть не скачками, а постепенно). Если въ сосѣднихъ дачахъ есть владѣльческія земли и въ достаточномъ количествѣ, то сѣмщики стѣсняемой дачи перейдутъ туда; но, переходя и давая тамъ обычную цѣну, они должны нести лишнюю стоимость издержекъ на перевозку урожая, орудій, рабочихъ и проч. на такое далекое разстояніе. Эти лишнія издержки, которыя должны быть употреблены при переносѣ работъ на 10, положимъ, верстъ дальше ихъ обычныхъ посѣвовъ въ своей дачѣ, и суть предѣлъ повышенія скопщины. Если они будутъ перейдены жаднымъ арендаторомъ—скопщикъ уйдутъ въ другія дачи и арендаторъ «сидеть на мели». Но представьте себѣ, что въ сосѣднихъ дачахъ также сидятъ арендаторы-евреи. Если такимъ образомъ, значительное число земель большого района будетъ сосредоточено въ рукахъ евреевъ — ихъ дѣло облегчится. Запросъ на землю великъ; безъ нея обойтись нельзя крестьянину; ремесль онъ, напримѣръ, въ Черниговскомъ Уѣздѣ, не знаетъ, на промыслы уходить не умѣетъ, да и уходить некуда; переселиться онъ не можетъ—онъ осѣдлый, прикованный къ мѣсту земледѣлецъ; ему «некуда податься». Безъ земель, снятыхъ арендаторами, если ихъ много, онъ не можетъ жить, но идти искать пашню за 20—30 верстъ крайне невыгодно; при этомъ указанная выше разниця издержекъ возрастаетъ слишкомъ сильно... Вотъ тутъ-то арендаторы и могутъ поналечь сильнѣе, могутъ искусственно повысить исполныя цѣны до невозможно высокой степени.

Конечно, вѣроятно, нигдѣ еще евреи не достигли вполне этого идеала, но что они имѣютъ его въ виду, понимаютъ его значеніе—это несомнѣнно. Обратите вниманіе на еврейскія аренды Черниговскаго Уѣзда¹ и ихъ расположеніе на территоріи? Вы увидите: весь Югъ и Востокъ уѣзда почти лишены еврейско-арендаторовъ, хотя тутъ расположены лучшія, плодороднѣйшія земли уѣзда и есть много владѣльческихъ имѣній. Имъ не нравится эта мѣстность, потому что здѣсь много казачьихъ земель, много казенныхъ крестьянъ, т. е. въ известной мѣрѣ обезпеченныхъ земледѣльцевъ, которыхъ поприжать нелегко. За то

¹ Id. т. I, стр. 141 (таблица арендъ).

обратите вниманіе на сѣверо-западный уголъ уѣзда (Антоновская, Довжницкая, Редьковская волости), гдѣ много помѣщичьихъ крестьянъ, гдѣ мало казаковъ и казенныхъ крестьянъ, гдѣ почти всюду помѣщичьи земли преобладаютъ въ количествѣ и качествѣ надъ крестьянскими, гдѣ, хотя земли и плохи, но, сравнительно съ качествомъ, ихъ населеніе очень густо — тамъ-то и пріютились евреи. Они захватили всѣ лучшія, значительнѣйшія имѣнія мѣстности въ с.с. Рябцы, Садричи, Довжикъ, Шибириловки, Антоновичи, Шуманы, Павловка, Смолиговка и проч.; они зѣрятся на всѣ остальные имѣнія этого района, даютъ баснословныя арендныя платы и вообще раскидываютъ свою паутину по всѣмъ правиламъ искусства. Здѣсь они — цари и, конечно, въ будущемъ мечтаютъ о еще лучшихъ дняхъ.

Разсмотрѣвши вопросъ о размѣрѣ скопщины, мы обратимся теперь къ нѣкоторымъ подробностямъ обстановки взиманія натуральной платы, которая также играетъ немаловажную роль въ доходности еврейскихъ арендъ. Какъ можно было замѣтить, сдѣлка при съемкѣ полей обставлена большимъ числомъ всевозможнаго рода добавокъ, которыя мы назвали доплатами. Съ самаго начала, еще не зная, придется ли взять землю, скопщину уже несетъ подарки («дарунки, гостинецъ»), съ цѣлью задобрить въ свою пользу земледатчика; взявши землю, онъ часто, по условію, тотчасъ же платитъ извѣстную сумму деньгами огуломъ, или по расчету отъ каждой деситины, что носитъ названія: «хабара» (взятки), «процента», «заводного» при съемкѣ луговъ (т. е. зато, дескать, что «заведетъ и покажетъ тебѣ взятый кусокъ») и проч. Съ ранней весны онъ начинаетъ отработывать условленные рабочіе дни: то онъ пойдетъ земледатчику, то онъ возитъ ему, то работаетъ во дворѣ, на гумнѣ и т. д. «Робши ему отъ снѣгу до снѣгу», по народному выраженію. Само собою разумѣется, что у еврея-арендатора вся эта процедура продѣлывается безъ малѣйшихъ послабленій; но даже мало того, онъ умѣетъ взять, такъ сказать, въ законныхъ предѣлахъ условленнаго больше, чѣмъ всякій землевладѣлецъ. Чтобы понять это, надо съ одной стороны объяснить цѣну отработковъ и способы взиманія ихъ землевладѣльцемъ и евреемъ, а съ другой — вникнуть въ нѣкоторые психологическія тонкости отношеній «сѣраго» мужика къ бывшему помѣщику и еврею-арендатору. Вотъ что говорится о цѣнѣ отработковъ въ «Матерьялахъ» земскаго бюро (т. I, стр. 84—85): «Пониманіе отработочныхъ дней неодинаково въ разныхъ мѣстахъ, у разныхъ земледатчиковъ и даже въ одномъ мѣстѣ и у одного и того же земледатчика; тотъ же самый конный день извѣстнаго землевладѣльца можетъ разъ обойдтись съемщику въ 1 руб. (если, напримѣръ, онъ заставитъ его, не давши харчей, пахать, или возитъ сѣно лѣтомъ) а въ другой—40 коп., если онъ дастъ ему и лошадямъ харчи и заставить его сѣздить въ лѣсъ за дровами, что, положимъ, займетъ у него меньше зимнаго рабочаго дня. Важное значеніе имѣетъ

здѣсь, между прочимъ, то—даетъ ли земледѣльцу отработчику харчи, или нѣтъ; въ послѣднемъ случаѣ, какъ это дѣлается въ большинствѣ экономій — работа «съ своимъ хлѣбомъ въ торбѣ» крайне тягостна для отработчиковъ; съемщикъ подчасъ готовъ за одинъ день возить или молотить два дня, если ему дадутъ хорошей харчи и особенно «порцію» (водку). Любовь къ послѣдней—тайна доходности еврейскихъ арендъ... Исполная сдѣлка, иначе говоря, въ значительной мѣрѣ субъективна и индивидуальна. Для съемщика, которому ради отработочнаго дня иногда приходится бросить дѣло въ горячую пору или выполнять работу въ стужу и непогоду—отбыль является крайне тягостною, ненавистною («отбучею—безъ ножа рижуть»), а потому и дорогою; для земледѣльца же, располагающаго значительнымъ количествомъ отработочныхъ дней, поэтому мало дорожающаго ими, отбыль кажется крайне дешевою и нестѣпяемою вниманія. Эта-то субъективность оцѣнки отработокъ, при почти полномъ отсутствіи объективной мѣрки рыночныхъ цѣнъ на трудъ, и дѣлаетъ оцѣнку отбыли весьма щекотливою». Словомъ, короче резюмируя все сказанное, выходитъ, что отработки—это *мутная водичка*, въ которой весьма легко ловить рыбу при помощи пресловутой удочки, называемой «водкой». Къ счастью или несчастью, а надо сознаться, что у насъ въ селѣ за осмужку водки, при ловкости, можно иногда заставить сдѣлать больше, чѣмъ за сумму денегъ вдвое и втрое большую стоимости этой осмужки. Очень часто, предлагая цѣну и даже хорошую цѣну, вы не найдете рабочихъ, но стѣдуетъ дать имъ «порцію», которая дѣйствуетъ на крестьянъ съ какой-то магической, притягательной силой, и показать въ перспективѣ еще разъ ту же порцію, и они, какъ очарованные, сами идутъ въ руки къ еврею. Надо только немного безцеремонности, немного умѣнья въ выборѣ времени, въ ловкости пользоваться человѣческими слабостями—и дѣло въ шляпѣ. Всякій земледѣлецъ не станетъ разсуждать съ мужикомъ; онъ *требуетъ* его въ экономію «съ своимъ хлѣбомъ въ торбѣ», онъ заставляетъ его пахать или возить, безъ всякихъ оговорокъ, въ *такой-то* день; для него это рабочая скотина, т. е. виновать, сила и больше ничего. Для еврея—это дойная корова, за которой онъ ухаживаетъ съ восторженной лаской и сладкой миной, это та сказочная утка, которая несетъ ему золотыя яйца. Онъ припрашиваетъ мужика, онъ угощаетъ, онъ кормитъ его—и мужикъ ему вмѣстѣ сдѣлаетъ такую работу, надъ которой у землевладѣльца нехотя будетъ возиться нѣсколько дней «абы здробить». Взамѣнъ суровой точности и опредѣленности требованій помѣщика, который не можетъ стать на крестьянскую точку зрѣнія, еврей старается ласково, по кошачьи, залѣзть въ его душу и карманъ. Напримѣръ «гостинцы», или «дарунки»—у помѣщика это «такъ себѣ», на это онъ не обращаетъ вниманія, у еврея—это «добра штука». Онъ не стѣсняетъ крестьянина въ этомъ необходимомъ подаркѣ — неси что хочешь, но что-нибудь непременно и пс-

больше: неси курицу или яйца, если нѣтъ этого, неси хлѣбъ, колбасу, пироги, если же нѣтъ и этого—неси мѣрку овса, пудъ «борошна» (мука) ¹. Все хорошо, все къ мѣсту, все пригодится. Когда нибудь, потомъ, онъ зазоветъ къ себѣ этихъ же самыхъ крестьянъ и они «толокою» мигомъ выкосятъ лужокъ, сожнутъ хлѣбъ, скопаютъ огородъ, поѣдая эти долежавшіяся до плесени въ еврейской кладовой колбасы и пироги, запивая ихъ водкой и похваливая «жидовское угощеніе» ². Всѣ мелочи картинъ этого страннаго обмѣна еврейской водки на мужицкій трудъ, обмѣна, въ которомъ еврей всегда въ выигрышѣ, очень напоминаютъ сказочную картину мѣны бусъ или рома на золото американскихъ дилеровъ.

Но кромѣ всего этого не менѣе важную роль въ дѣлѣ играетъ сторона нравственная, заключающаяся въ разницѣ отношеній «мужика» къ землевладѣльцу «пану» и къ арендатору «жиду». «Странно, говорить мнѣ одинъ землевладѣлецъ:—я беру отработочныхъ дней вдвое меньше, нежели еврей, который, кромѣ того, таетъ съ крестьянъ когда и что попадетъ подъ руку, но мнѣ стоитъ большаго труда созвать отработчиковъ, а у моего сосѣда-еврея они набиваются сами и сходятся по первому зову.—«Вотъ разрѣшите вопросъ, говорилъ мнѣ другой землевладѣлецъ:— мнѣ крестьяне (и вѣдь, замѣтите—я живу съ ними совершенно мирно и даже дружно) готовы совершенно невинно всякую пакость сдѣлать. Напримѣръ: при укладкѣ въ полѣ на возы моихъ копъ для свозки на гумно, скопщики бьютъ снопами о край воза и собираютъ на подосланный холстъ самое тяжелое зерно; при молотбѣ отработчики крадутъ жито, унося его въ «холявахъ» ³ сапоговъ; всегда съ удовольствіемъ готовы сдѣлать поправу на

¹ Подобные гостиницы сырми продуктами земледѣлія называются «наспикомъ». Вотъ поговорка относительно гостинцевъ: «своему брату казаку—кварти горилки, жиду—наспикку, пирога, чи колбасы, попу—яйца, чи курку».

² Работа толокою—значитъ работа гуртомъ, совмѣстно, значительнымъ числомъ людей. Почти обязательна для села подобная «толока» своему священнику въ день Пантелеймона 27-го іюля. По народному вѣрованію, кто работаетъ въ день Пантелеймона, тому этотъ святой скигаетъ молніей нажатия кони, почему и св. Пантелеймонъ въ народѣ называется «Паликопомъ». Но работать другимъ и не за деньги, а даромъ не считается предосудительнымъ. Этими-то предрасудкомъ и пользуются священники, за дешевое угощеніе съ водкой, собранной за весь годъ съ мирянъ (во многихъ мѣстахъ въ общаѣ за праздничное «хождение съ крестомъ» благодарить батюшекъ водкой), они въ одинъ день убираютъ свои посѣвы. Нынче такая «толока» особенно въ страдную пору «косовицы» и «жнивня» начинается входить во всеобщую моду у евреевъ и болѣе беззастѣливыхъ землевладѣльцевъ. Пользуясь соблазнительной силой водки и селѣдочнаго угощенія, въ воскресные дни *страдной поры*, они санваютъ молодежь села, болѣе плутоватыхъ отработчиковъ, отличающихся отъ работъ, и, при помощи подобаго подзадориванія и ловкаго обмана, подъ собственнымъ наблюденіемъ скинаютъ значительное число своихъ полей.

³ Голенищахъ.

можеть поляхъ и т. д. Но вотъ у моего сосѣда-жида арендатора это рѣдко бываетъ». Подобные разговоры можно слышать довольно часто. Въ чемъ же причина? Отчасти, конечно, въ ронищѣ надсмотра у землевладѣльца и арендатора, окруженнаго толпою своихъ зоркихъ «жидковъ», но отчасти и въ различномъ взглядѣ «сѣраго мужика» на «пана» и «жида». На «пана» мужикъ смотритъ снизу вверхъ: въ прошедшемъ онъ напоминаетъ ему чудовище вѣршного права, въ настоящемъ онъ для него все же представляетъ нѣчто отдаленное, ему совершенно чуждое и непонятное; холодный и официальный тонъ исключительнаго дѣловыхъ отношеній «пана» совершенно убивають въ зародышѣ возможность какихъ бы то ни было прямыхъ отношеній.

Въ лучшихъ случаяхъ, мужикъ будетъ смотрѣть на него съ недоумѣвающимъ недоумѣемъ, обыкновенно, онъ будетъ чувствовать къ нему неприязнь, смѣшанную съ нѣкоторымъ страхомъ, какъ къ какому-то совершенно особенному существу. «Панъ» волей-не-волей давить, оскорбляетъ мужика своимъ богатствомъ, лоскомъ образованія, культуры, обстановкой, обращеніемъ, языкомъ, и поэтому-то мужикъ всегда готовъ сдѣлать «пану» всякую пакость: пограву, кражу. Это считается даже своего рода удачею для сельской молодѣжи. Рѣдкій предметъ возбудитъ такую горькую иронию и злую насмѣшку, какъ обѣдѣвшій, омужичившійся «панъ». Совсѣмъ не то «жидъ». На жидка мужикъ смотритъ сверху внизъ и иногда, несмотря на рѣшительное экономическое превосходство и силу «жида», онъ никакъ не можетъ отдѣлаться отъ презрѣнія къ нему. Мужикъ не станеть унижаться, чтобы сдѣлать пакость еврею, а если и сдѣлаетъ ее, то съ хохотомъ, съ насмѣшкой; «пану» — онъ сдѣлаетъ ее съ злорадствомъ и тайной злобой. Да, надо сознаться, что и самъ «жидъ» много способствуетъ этому взгляду на него мужика, какъ на «ровню». Его обращеніе мягкое и заискивающее; онъ готовъ даже перенести оскорбленіе отъ мужика, потому что считаетъ его, въ свою очередь, слишкомъ презрѣннымъ и слишкомъ глупымъ, чтобы можно было обижаться на него. Я видѣлъ сцены, когда богатый еврей, съ усмѣшкой и успокоительнымъ понукиваніемъ выслушивалъ отъ мужика самую оскорбительную площадную брань, самыя обидныя разоблаченія, укоры и проч. Подобныя вещи случаются сплошь и рядомъ, и еврей всегда готовъ доволить обиженному мужику «покуражиться», чтобы избѣгнуть какихъ-либо болѣе дурныхъ послѣдствій его гнѣва.

Не надо, впрочемъ, думать, что евреи живутъ въ большомъ согласіи съ мѣстнымъ сельскимъ населеніемъ. Уже не говоря о томъ, что презрѣнный для мужика, но «запанѣвшій», зазнавшійся «жидъ» возбуждаетъ съ его стороны тѣмъ болѣе яростное желаніе отомстить, сами по себѣ обстоятельства дѣла необходимо предполагають вражду. Въ самомъ дѣлѣ, при постоянныхъ столкновеніяхъ на аренѣ экономической борьбы, при жадности евреевъ къ мажнѣ, при безцеремонности въ выборѣ средствъ для этой цѣ-

ли—вражда неизбежна. Поводовъ для нея много — они встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Еврей волей неволей долженъ пускаться на разныя аферы и «новыя моды», какъ говорятъ въ селѣ, чтобы извлечь изъ ихъ громадную арендную плату. Это необходимая оборотная сторона дороговизны аренды. Но здѣсь, что ни шагъ, то притѣсненіе крестьянъ, что ни «новая мода» — то невиданный до тѣхъ поръ способъ эксплуатаціи мѣстнаго населенія. Тамъ, гдѣ прежній землевладѣлецъ бралъ съ скопщиковъ «гляда на людей», еврею этого мало, онъ надбавляетъ доплаты и является инициаторомъ въ дѣлѣ наиболѣе раздражающемъ село. Такія вещи, или стороны въ дѣлѣ, на которыя прежній владѣлецъ не обращалъ вниманія, какой-нибудь, напримѣръ, заброшенный лужокъ, полянка, кусты, которые, применяя къ крестьянской землѣ, искони служили даровымъ пастбищемъ для крестьянъ, у еврея вдругъ дѣлаются доходной статьей, идутъ подъ наемъ, или служатъ источникомъ получения потравныхъ платъ и т. д. Но, съ другой стороны, при подобномъ стремленіи все утилизировать, изъ всего извлекать выгоду — враждебныя, остро-враждебныя столкновенія неизбежны. И они, къ несчастію, случаются довольно часто, а орудіе, къ которому прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ крестьяне — обычный, ужасный, аграрный видъ мести — поджогъ.

Въ особенности, въ послѣднее время, когда экономическія отношенія обострились, поджоги стали обычными явленіями нашей сельской жизни. Часто случаются они у землевладѣльцевъ, но у евреевъ-арендаторовъ они сдѣлались почти неизбежнымъ зломъ. Конечно, въ уголовной статистикѣ, преступленія эти фигурируютъ рѣдко, потому что поджога обнаружить бываетъ нельзя, но въ статистикѣ пожаровъ они сильно способствуютъ наполненію той рубрики, которая носитъ названіе: «отъ неизвѣстныхъ причинъ», а въ народѣ они мѣтко обозначаются безличнымъ глаголомъ: «спалено» (сожжено), прозрачно указывающимъ на характеръ пожара. Кто жилъ въ нашей деревнѣ, тотъ хорошо знаетъ, о чемъ говорю я. Напримѣръ, по всей территоріи Черниговскаго Уѣзда, рѣдко встрѣтишь такую помѣщичью усадьбу, которая въ прошедшемъ далекомъ или недалекомъ не пострадала бы отъ поджога. Еслибъ я захотѣлъ указать, гдѣ они были, мнѣ пришлось бы пересчитать значительное число названій селъ уѣзда: Кобелянка, Сядричи, Холявинъ, Шестоица, Левоньки, Антоновичи, Горбовъ, Вершина-Муравейка, Осняки, Плѣховъ и проч. и проч.—все это тѣ села, въ которыхъ вы встрѣтите или печальные остатки сгорѣвшихъ клунь, или опустѣвшія послѣ пожара помѣщичьи усадьбы. И какъ странна обычная исторія этихъ ужасныхъ деревенскихъ происшествій! Только вчера еще неудержавшій свою жадность арендаторъ согналъ за потраву цѣлый табунъ лошадей въ свой дворъ; происходили обычные въ этомъ случаѣ крики и брань цѣлаго села и, наконецъ, вниманіе сильнаго выеуза за скотъ. Смотришь... А на завтра ночью уже

пылаеть еврейскій шинокъ или клуна. Вѣдныі еврей клянется и корчится, выкрикивая позднія раскаянія и укоры... Пропало все состояніе или вся жатва прошлаго года... Напрасно вызываетъ онъ къ помощи; никто изъ кругомъ стоящихъ мужиковъ не тронется съ мѣста, сумрачно поглядывая на эту драму. Ужасная картина! Кто видѣлъ ее разъ, тотъ всю жизнь не забудеть этого потрясающаго впечатлѣнія отъ противуестественнаго, противуобщественнаго преступленія!.. И всюду одна и таже исторія. Вотъ для примѣра деревня Кобелянки, Черниговскаго Уѣзда. Ея населеніе страшно недовольно арендаторомъ, который съиздавна держитъ большое имѣніе гг. Н* въ арендѣ. По его инициативѣ будто бы крестьяне обижены надѣломъ, обойдены при размежеваніи, когда они получили пески и болота вмѣсто пашни (между прочимъ, у насъ размежеваніе гораздо сильнѣе обездолило сельскій людъ, чѣмъ злоупотребленіе при надѣлѣ крестьянъ); онъ, во словамъ крестьянъ, сильно притѣснялъ ихъ вообще. Въ розливъ, весной, когда вода съ трехъ сторонъ окружаетъ село, онъ не дозволяетъ пропускать скотъ по своимъ полямъ, хотя это единственныи выходъ къ крестьянскимъ пастбищамъ и онъ обязанъ по плану провести здѣсь дорогу; прежніе кусты, заброшенные владѣльцемъ, теперь для него источникъ значительнаго дохода; при роздачѣ полей, онъ требуетъ кромѣ половины урожая съ кобелянцевъ огромныя отработки, т. е. за двѣ снятыя десятины третью обработать ему, что составляетъ болѣе двухъ рублей на деньги; сѣнокосъ онъ отдаетъ имъ съ $\frac{2}{3}$, да «еще и обработку хоче»¹. А между тѣмъ, поселанамъ другихъ селъ, если на такихъ крайне невыгодныхъ условіяхъ не хотятъ брать кобелянцы, онъ раздаетъ поля и луга просто за половину урожая безъ доплатъ, а луга иногда съ доплатою въ половинѣ 70 коп., 1 руб. деньгами отъ десятины. Почему же это такъ? — «Бо, каже, своимъ поступлюсь, а вамъ докажу, що буду робить зъ вами, що захочу. Моя сила, моя и ласка». И дѣйствительно они въ его рукахъ: болѣе двухъ третей земли дачи находится въ его распоряженіи, а земли поселанъ и очень плохи и ихъ мало; «выкосовъ» у крестьянъ нѣтъ, луговъ очень мало, словомъ — «некуда податься». Но за то посмотрите на судьбу этого поведителя кобелянцевъ!.. Голая поляна среди деревни, окруженная старыми тополями, на которой невидно ничего, кромѣ маленькаго, новенькаго домика, который построилъ себѣ арендаторъ. А между тѣмъ, я знаю, что здѣсь были барскія хоромы и многочисленныя хозяйственныя службы. Гдѣ же все это? «Спалено», лаконически отвѣчаетъ мнѣ крестьянинъ.

Боясь подобныхъ случайностей, еврей принимаютъ съ своей стороны всякія мѣры: они спѣшатъ свозить хлѣбъ тотчасъ-же

¹ Луга почти всюду ходятъ съ $\frac{2}{3}$ владѣльцу, но отработокъ это уже сверхъ нормъ. За луга даютъ $\frac{2}{3}$ потому, что здѣсь сѣмщикъ долженъ вознаграждать себя лишь за трудъ скоса травы.

послѣ молотбы въ городъ, или къ собрату, другому арендатору, въ болѣе безопасное мѣсто, строить клуны подъ крышу крестьянскихъ избъ, раздавать свой хлѣбъ на храненіе своимъ-же скопщикамъ и т. д. По послѣднему поводу было въ с. Сябричакъ, Черниговскаго Уѣзда, слѣдующее происшествіе: не разъ уже тамъ жгли еврея; въ 1876 г., онъ роздалъ свой хлѣбъ по мужицкимъ клунамъ на храненіе впредь до продажи. Но вотъ вдругъ начинается пожаръ въ селѣ. Испуганные клиенты еврея вытаскиваютъ хлѣбъ и просятъ его взять мѣшки обратно, «бо изза твоего хлѣба еще и насъ спалать.» Они уже было начали стаскивать, несмотря на просьбы, хлѣбъ въ поле, какъ случайныя обстоятельства спасли растерявагося еврея.

IV.

Попробуемъ разумировать все сказанное и сдѣлать изъ него практической выводъ. Я—вовсе не противникъ еврейской национальности *quand même*; напротивъ я очень уважаю эту даровитое племя, но все-же нельзя не сознаться, что присутствіе и увеличеніе числа евреевъ въ нашихъ селахъ, при современныхъ экономическихъ условіяхъ и уровнѣ культуры, есть печальное явленіе. Никто, конечно, не станетъ винить евреевъ во всѣхъ претерпѣваемыхъ нами экономическихъ бѣдствіяхъ. Конечно, не они виноваты, что у насъ существуетъ убійственная система скопщиннаго хозяйства, истощающаго почву; конечно, не они виноваты, что недостатокъ «выпасовъ и земли подрываетъ экономическое благосостояніе крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей высокими исполними цѣнами, всевозможнаго рода наймами, вслѣдствіе которыхъ крестьянину «жить тѣсно», «податься некуда»; конечно, не они изобрѣли эти отработки, штрафы, поправки, всевозможнаго рода виды эксплуатаціи и т. д. Конечно, это—необходимыя слѣдствія совокупности историческихъ, экономическихъ, юридическихъ и проч. причинъ. Но они ускоряютъ, усилываютъ мѣру раззоренія, они всѣми силами стараются въ пользу сокращенія процесса всеобщаго обѣдненія. Они подобны заразѣ. Конечно, нельзя винить микробовъ или бактерій за тифъ, дисентерію и проч. Въ этомъ виновна извѣстная совокупность условій, дѣлающихъ организмъ восприимчивымъ къ тифозному или холерному заболѣванію. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что мы не должны принимать мѣръ противъ распространенія въ воздухѣ ядовитыхъ организмовъ? Конечно, нѣтъ. А вѣдь еврей оказываютъ дѣйствительно вредное вліаніе на наше село. Вредъ этотъ, такъ сказать, обобщенно-острый и бьетъ «однимъ концомъ по барину, другимъ по мужику.»

Въ самомъ дѣлѣ, для землевладѣльцевъ еврей-арендаторы вредны тѣмъ, что:

1) Не держа скота и забываясь при раздачѣ полей только о выгодѣ данной минуты, они никогда не уваживаютъ, да и не могутъ уваживать пашни, вслѣдствіе чего еврейскія аренды это—синонимъ возмутительнѣйшаго истощенія почвы. У помѣщика иногда еще бываетъ настолько совѣсти, что онъ на подводахъ отработчиковъ вывозитъ свой навозъ—у еврея этого никогда не бываетъ: онъ или переводитъ отработки прямо на деньги, или употребляетъ ихъ на такія предпріятія, которыя давали бы ему немедленную выгоду.

2) Давая значительную арендную плату, еврей поневолѣ долженъ и считать себя въ правѣ извлекать ее всевозможными мѣрами. Мѣры эти въ сущности сводятся на разореніе усадьбы, сараевъ, плетней, садовъ, мельницъ, лѣсовъ и проч. Кромѣ того, что онъ вовсе отрицаетъ необходимость ремонта и поправокъ; какъ-бы вы тщательно ни слѣдили за нимъ, онъ съумѣетъ всякими правдами и неправдами довести въ три-шесть лѣтъ даже благоустроенное имѣніе до того, что его бываетъ узнать нельзя. Но и этого мало. За евреемъ надо смотрѣть въ оба, а то того и гляди (какъ это случается съ хозяевами, которые увѣжая сдаютъ еврею имѣніе на руки)—онъ или вырубитъ лѣсъ, или вытравитъ молоднякъ скотомъ, или запашетъ два раза вподрядъ землю (въ отрубныхъ дачахъ) и т. д. Это случается нерѣдко, и я собственными глазами видывалъ не разъ подобныя вещи.

3) Наконецъ, еще слава Богу, если для землевладѣльца все окончится только сказаннымъ. Ему грозитъ обыкновенно еще большій убытокъ. Рано ли, поздно ли, а еврейская алчность раздражитъ крестьянъ и тогда—прощай барская усадьба! Все будетъ «спалено».

Вотъ каковы, кажется, достаточно убѣдительные доводы убыточности для землевладѣльцевъ сдавать землю евреямъ. О вредѣ еврейскихъ арендъ крестьянскимъ интересамъ, послѣ всего, что уже было сказано, кажется, и говорить излишне. Помимо всякихъ остальныхъ доводовъ, уже одно соприкосновеніе такихъ двухъ элементовъ, какъ даровитое, стоящее выше по развитію племя евреевъ, связанное національными особенностями въ огромную касту, вся цѣль которой состоитъ въ наживѣ, и такая разрозненная, добродушная и невѣжественная масса, какъ наша сельская среда—не можетъ быть выгодною для этой послѣдней. Это значитъ отдавать во власть сильнаго, вооруженнаго и безжалостнаго врага его слабого и невооруженнаго противника.

Какой же, однако, выходъ изъ этого печальнаго положенія?

При рассмотрѣніи этого вопроса, можно стать на двѣ различныя по широтѣ точки зрѣнія, которыя опредѣляютъ уже и самый родъ рѣшенія. Можно разсматривать вопросъ съ теоретической точки предполагаемыхъ условій и можно взглянуть на него болѣе практически, съ точки зрѣнія современнаго положенія и возможныхъ, исполнимыхъ мѣропріятій. Постановка вопроса въ первомъ смыслѣ завела бы насъ слишкомъ далеко и потребовала бы слиш-

комъ много мѣста. Здѣсь, даже сводя вопросъ на практическую почву, нельзя-бы было избѣгнуть обсуждения общихъ вопросовъ, касающихся общихъ мѣръ противъ экономическаго упадка; нельзя бы было обойти вопросъ о колонизации, которая одна могла бы, при данныхъ условіяхъ, понизить исполныя платы и избавить нѣкоторыя мѣстности отъ избыточнаго населенія; нельзя бы было обойти вопроса о необходимости дать *и государственную помощь* въ видѣ кредита для правильнаго перехода запущенныхъ помѣщичьихъ имѣній, перекупаемыхъ спекуляторами, въ руки крестьянъ-землеуладѣльцевъ, вопроса объ *участковомъ землеуладѣніи*, создающемъ у насъ сельскій пролетаріатъ и поддержка котораго все равно со временемъ уничтожила бы всякія добрыя начинанія, вопроса о *необходимости перемѣны трехпольнаго хозяйства* на болѣе интенсивную систему, вопроса о *поднятіи общаго и спеціальнаго земледѣльческаго образованія* и проч., и проч. Но мы уклонимся отъ обсуждения всѣхъ этихъ сложныхъ вопросовъ и поставимъ задачу въ болѣе узкомъ смыслѣ: чѣмъ остановить быстрое развитіе еврейскихъ арендъ?

Единственнымъ, спеціальнымъ лекарствомъ противъ этого могъ бы служить хорошо организованный *народный кредитъ* въ широкомъ смыслѣ слова.

Уже не разъ и не одинъ человѣкъ, вдумывавшійся въ наше экономическое положеніе, говорилъ о необходимости широкаго народнаго кредита. Осуществленіе его безъ помощи государства на частныя средства, напр., земствъ— вещь очень трудная. Участіе государства въ такомъ дѣлѣ, которое подняло-бы экономическое благосостояніе страны — вполне законная и необходимая вещь. Но обходя и эти подробности и не пускаясь въ прожектерство, мы хотимъ только указать: какимъ образомъ помочь бы кредитъ противъ зла еврейскихъ арендъ.

Если читатель потрудится взглянуть въ двѣ таблицы сословности арендаторовъ, приведенныя нами въ началѣ статьи, то онъ увидитъ, что серьезно лишь два элемента борятся за обладаніе арвдами: евреи и крестьяне. Все остальное, очевидно, побито конкуренціей. Но и еврей, какъ видно оттуда-же, силенъ только тѣмъ, что могутъ арендовать болѣе крупныя имѣнія, тогда какъ крестьяне снимаютъ болѣе мелкіе участки. Средній размѣръ еврейской аренды—300—400 десятинъ, крестьянской—100—200 десятинъ. Причина этого понятна: то имѣніе, которое по своей значительности, за полнымъ отсутствіемъ оборотнаго капитала и кредита не можетъ быть взято крестьянами, достается еврею, располагающему и кредитомъ и помощію собратій. Но дайте крестьянамъ кредитъ и они несомнѣнно побѣдятъ евреевъ въ этой борьбѣ за аренды. Хотя, конечно, добавимъ мы, этотъ кредитъ долженъ имѣть въ виду только поддержку цѣлыхъ обществъ или товариществъ крестьянъ, а отнюдь не отдѣльных лицъ этого сословія. Поддержка отдѣльных лицъ, которая необходимо сведется на поддержку «богатырей», «дука», какъ у насъ

называютъ кулаковъ, имѣла бы совершенно другія, противоположныя желаемымъ послѣдствія Эти «богатыри» и теперь пользуются и силой, и кредитомъ; они и теперь дають значительный контингентъ арендаторовъ, но поддержка ихъ и способствованіе нарастанію новыхъ лицъ этого типа — безспорно повели бы къ еще худшимъ результатамъ, чѣмъ то зло, отъ котораго вы желали бы кредитомъ спасти земледѣльцевъ. Нашъ сельскій «богатырь», это—кто видѣлъ и вблизи наблюдалъ его — вещь еще болѣе вредная, чѣмъ пресловутый «жидъ». Онъ, по народному выраженію, хоть и «хрещеный, а хуже жид», безжалостнѣе въ дѣлѣ алчности къ наживѣ; его также ненавидятъ, также жгутъ, какъ и еврея; онъ также хозяйничаетъ, какъ и его «нехрещеный братъ», основывая всю свою систему не на личномъ трудѣ, а на эксплуатаціи скопщиковъ, словомъ, по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ и дѣйствию, это—тотъ же еврей, съ прибавкой крайней жестокости, высокомерія и знанія «своего брата мужика», что даетъ ему возможность еще сильнѣе эксплуатировать его. Но самый главный вредъ «богатырства» заключается въ томъ развратѣ народной совѣсти и простыхъ честныхъ взглядовъ, который вноситъ циническій эксплуататоръ въ народную среду, завидующую и подражающую ему.

Тутъ можетъ явиться только одно возраженіе, что, дескать, малороссы—слишкомъ индивидуалисты, чтобы къ нимъ привился артельный способъ аренды имѣній. Это отчасти вѣрно—«гуртовое-чортово», говоритъ нашъ народъ, но противъ рѣшительной неспособности малороссовъ къ артели уже не разъ говорено было въ литературѣ. Отвѣчу фактами. Примѣровъ артельныхъ арендъ въ Черниговскомъ Уѣздѣ найдено достаточное количество, и, судя по собраннмъ фактамъ, можно даже сказать, что артельный видъ аренды земель преобладаетъ среди казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ уѣзда. «Между казаками, говорится въ «Матеріалахъ» земскаго бюро:—предпочитаетъ арендовать имѣнія каждый домохозяинъ себѣ отдѣльно, такъ что изъ 13 случаевъ казачьихъ арендъ, лишь въ трехъ случаяхъ встрѣтилась компанейская аренда двухъ, трехъ лицъ вмѣстѣ, да и то находящихся обыкновенно въ родствѣ между собою. Крестьяне дѣйствуютъ иначе; у нихъ рѣже встрѣчаются слишкомъ «заможные» домохозяева, поэтому они чаще арендуютъ значительныя имѣнія, но товариществами изъ многихъ лицъ и даже цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ. Изъ 18 случаевъ крестьянскихъ арендъ, около 10 случаевъ представляютъ «себринныя» (товарищескія, артельныя¹) аренды².

Относительно внутреннихъ распорядковъ въ этихъ крестьянскихъ артеляхъ, г. Русовъ въ «Описаніи Довжицкой Волости Черниговскаго Уѣзда» рассказываетъ слѣдующее: «Способъ арен-

¹ «Матеріалы», т. I, стр. 146.

² «Себѣръ» (сябѣръ), «себрн», по мѣстному, значить товарищъ, компаньонъ.

ды ихъ состоитъ въ томъ, что сначала нѣсколько хозяевъ берутъ дѣлое имѣніе въ 200, 300, 500 десятинъ всякой земли у владѣльца, съ условіемъ охранять лѣсъ и уваживать извѣстнымъ количествомъ возовъ пахать; по большей части эти арендаторы принимаютъ къ себѣ въ компанію еще нѣсколькихъ лицъ для большей гарантіи своевременнаго взноса арендной платы. Такимъ образомъ, одна артель въ Кувѣиччахъ состоитъ изъ 40 домохозяевъ, другая — изъ 15 лицъ; въ Гучинѣ же — только изъ 5 лицъ, подписавшихся подъ условіемъ съ землевладѣльцемъ. Затѣмъ каждый хозяинъ смотритъ на артель, какъ на лицо, дающее ему землю на обычныхъ условіяхъ возврата половины части урожая; всякій поэтому отдаетъ половину урожая на снятой имъ землѣ въ компанейскую кучю и отъ распродажи этой половины артель выручаетъ сумму для взноса въ срокъ арендной платы; другая половина урожая остается артельщикамъ каждому порознь, какъ заработокъ отъ его операціи. Такимъ образомъ, въ этихъ артеляхъ нѣтъ принципа общественной запашки и раздѣла урожая, а есть только раздѣлъ арендуемой земли на «урѣзы», причѣмъ каждый распоряжается взятымъ на себя урѣзомъ по своему усмотрѣнію и съѣтъ на немъ что хочетъ, обязавшись только возвратить въ артель половину собраннаго урожая»¹.

Есть, впрочемъ, подобныя крестьянскія аренды и съ иными внутренними распорядками, еще болѣе странными для Малороссіи. Описаніе одного подобнаго случая, встрѣченнаго мною въ д. Грезовкѣ, я приведу цѣликомъ: «Арендуемое имѣніе принадлежитъ г. К. и взято по условію цѣлымъ крестьянскимъ обществомъ х. Грезовки (15 домохозяевъ); въ имѣніи находится старая усадьба, мельница и до ста десятинъ сѣнокоса и пашни. Снявши землю обществомъ, члены артели нашли, что такъ какъ качество пашни крайне разнообразно и было бы трудно раздѣлить ее точно и справедливо («да и что тамъ дѣлать?» — въ Круглицѣ, единственномъ урочищѣ съ удобной для гречи почвой, у нихъ всего нѣсколько десятковъ десятинъ), и такъ какъ, даже раздѣливши, они никогда не уравниютъ интереса, («потому оттутъ гора, а ему выпавъ низъ, будутъ цей годъ дощи — у его травой пороста, а мени Богъ хлѣбъ дать, отъ ему и обид!»), словомъ, порѣшивши, что дѣлать земли по домохозяевамъ крайне невыгодно по мѣстнымъ условіямъ, они ввели общественныя запашки, совмѣстный сѣнокъ, обмолотъ и дѣлать готовымъ зерномъ и соломой. Также они поступаютъ и съ сѣносами. До 1877 года у нихъ уже прошелъ годъ съ соблюденіемъ членами артели указанныхъ условій. Практика нѣсколько не охладила членовъ, и они находятъ свою систему и справедливой, и удобной. По обыкновенію, совмѣстный трудъ запашки и скоса нетолько не представилъ никакихъ недоразумѣній, но

¹ Труды статистическаго отдѣленія при черниговской губернской земской управѣ. Выпускъ I. Черниговъ, 1877 г. стр. 195—196.

кровавую обиду, ста-
 ядомъ съ депешами
 «française» и «Petite
 1851 года о путе-
 съ цѣлью подго-
), никогда ему не
 ять всякую тѣнь
 ться своему попу-
 родѣ этого его
 Гадье де-Монжо
 еречислялъ всё
 эту, начиная
 «національной
 пергической и
 раниціи съ 16
 въ отвѣтъ на
 ютъ «днѣта-
 тисывать въ
 ть сдѣлано
 то всегдаш-
 какъ пре-
 казими-
 требовалъ
 ія моего
 силами.
) не мо-
 всеоб-
) пре-
 ть ту
 знач-

з, и
 На
 ор-
 те
 ь

и бро-
 только для то-
 прогрес-
 авталь ем

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Поездка Гамбетты в департамент Дром и его рѣчи.—Соглашение Гамбетты съ Мадье де-Монжо, свиданіе съ Комбэ, примиреніе съ Нагэ и отстраненіе кандидатури Рошфора.—Полное соглашеніе республиканцевъ всѣхъ отѣнковъ.—Неурядицы въ лагерѣ реакціонеровъ.—Комитетъ сенаторовъ правой стороны.—Конгрессъ социалистовъ.—Отстраненіе Гамбетты отъ участія во всѣхъ вопросахъ второстепенной важности и программа дѣйствій до 1890 года, высказанная имъ.—Клерикализмъ и общественная опасность.—Амнистія, какъ вѣнецъ республиканскаго управленія.—Поездка Фрейсина и Сэ въ сѣверные департаменты.—Республика рабочихъ.—Смотръ войскамъ 15 сентября.—Вопросъ о несмѣняемости и «инвеституры» въ сферѣ магистратуры.—Дѣйствія министра Барду по дѣлу народнаго образованія.—Административные вопросы: централизація и идеи де-Марсэра.—Гамбетта и Мак-Магонъ: подчиненіе и легальность.—Церемонія въ память Тьера.—Настоящее направленіе внутренней политики Франціи.

Кто хочетъ получить вполне вѣрное понятіе о настоящемъ положеніи Франціи, долженъ прочесть съ особеннымъ вниманіемъ и изучить во всѣхъ подробностяхъ двѣ превосходныя рѣчи, произнесенныя Гамбеттою 16 и 18 сентября въ одномъ изъ тѣхъ южныхъ нашихъ департаментовъ, которые, на языкѣ реакціонеровъ, за квазі радикализмъ ихъ населеній носятъ названіе «красныхъ странъ». При этомъ должно быть обращено вниманіе и на взрывъ того энтузіазма, съ какимъ, во время этой поѣздки, повсюду былъ встрѣчаемъ трибунъ «оппортионистъ». Подобный триумфъ до сихъ поръ едвали выпадалъ у насъ на долю кого либо изъ путешествовавшихъ по Франціи монарховъ. Простой гражданинъ былъ повсюду встрѣчаемъ своими согражданами, какъ вѣнценосный триумфаторъ. Было отчего потерять голову и, можетъ быть, кто либо другой на мѣстѣ Гамбетты и потерялъ бы ее, но энтузіазмъ-трибунъ, умѣющій вызывать своими дѣйствіями энтузіазмъ населенія, отличается высокой степенью нравственнаго самообладанія. Господствуя надъ страстями массы, подчиняя ихъ голосъ разсудку, онъ въ то же время умѣетъ господствовать и надъ самимъ собою и не позволяетъ себѣ увлеченій, ни самолюбія, ни славолюбія.

«Gazette de France», желая нанести ему кровавую обиду, стала помѣщать на первомъ своемъ столбѣ, рядомъ съ депешами о путешествіи Гамбетты изъ «République française» и «Petite république française», депеши изъ Moniteur'a 1851 года о путешествіи бывшаго президента Луи Бонапарта, съ цѣлью подготовленія имперіи. Но Гамбетта, съ ловкостью, никогда ему не изменяющей, уже въ Валенсѣ съумѣлъ разсѣять всякую тѣнь сомнѣнія въ томъ, чтобы онъ могъ воспользоваться своею популярностью въ смыслѣ новаго цезаризма. Въ городѣ этомъ его встрѣтила депутація отъ «непримиримыхъ» и Мадье де-Монжо произнесъ отъ имени ихъ рѣчь, въ которой перечислялъ всѣ важнѣйшія заслуги отечеству, оказанныя Гамбеттою, начиная отъ защиты Бодена, «пошатнувшей имперію», до «національной обороны», спасшей честь Франціи», и до той энергической и умѣлой дѣятельности, благодаря которой кризисъ Франціи съ 16 мая по 14 декабря—прошелъ для нея безвредно. Въ отвѣтъ на всѣ эти похвалы, тотъ, кого реакціонеры называютъ «диктаторомъ», высказалъ мысль, что не слѣдуетъ приписывать въ заслугу отдѣльнымъ личностямъ того, что могло быть сдѣлано только благодаря настроенію цѣлыхъ массъ, что, по его всегдашнему убѣжденію, «ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ пренебреженіе личностей, которыхъ дѣлаютъ при этомъ какими-то идолами для поклоненія». «Я, продолжалъ онъ:—требовалъ себѣ мѣста въ рядахъ демократіи, не для возвышенія моего надъ ней, а для того, чтобы служить ей всѣми моими силами. Вся тайна моего вліянія заключается въ томъ, что никто не можетъ усомниться въ моемъ духѣ уступчивости и желаніи всеобщаго соглашенія, и еще въ томъ, что всѣ мои усилія преимущественно были направлены къ тому, чтобы наполнить ту пропасть, которая была вырыта между республиканцами различныхъ отгѣнковъ».

Почему именно теперь задумалъ свою поѣздку Гамбетта, и оставилъ для нея мѣсто своего отдыха въ Виль д'Аврѣ? На это онъ имѣлъ два основанія. Во-первыхъ, наканунѣ сенаторскихъ выборовъ, онъ счелъ необходимымъ заявить странѣ еще разъ о несокрушимомъ союзѣ и единодушіи республиканцевъ всѣхъ фракцій. Во-вторыхъ, онъ настолько же важнымъ полагалъ оказать рѣшительную поддержку настоящему министерству, чтобы отнять этимъ у президента возможность всякой попытки давленія на предстоящіе выборы.

Въ первомъ смыслѣ Гамбетта достигъ успѣха, даже большаго, чѣмъ ожидалъ. На дебаркадерѣ Лионской желѣзной дороги онъ былъ встрѣченъ генеральнымъ совѣтникомъ Комбэ, который, прося его вліятельной защиты въ дѣлѣ амнистіи, высказалъ такую мысль, что если радикалы, какъ самъ Комбэ, иногда и бросаются въ крайности, то дѣлаютъ они это только для того, чтобы способствовать ускоренію естественнаго хода прогресса. «Я такъ и понимаю свободу», отвѣтилъ ему на это путешѣ-

ствующій трибунъ. Въ Романской же своей рѣчи онъ самъ упоминалъ «о прощеніи и милосердіи», которыя должны увѣнчать собою окончательное упроченіе республики. Въ Дромскомъ департаментѣ, самомъ «непримиримомъ», онъ почти не разставался съ Мадье де-Монжо, пользующимся наибольшимъ авторитетомъ въ странѣ и явившимся въ Гамбеттѣ, какъ я уже говорилъ во главѣ депутаціи. Кромѣ того, при самомъ окончаніи его путешествія, воклювскій депутатъ Альфредъ Наке также публично заявилъ о присоединеніи своемъ и сторонниковъ его партіи къ идеямъ и взглядамъ Гамбетты.

За нѣсколько дней до поѣздки Гамбетты, счелъ нужнымъ, въ виду приближающихся сенаторскихъ выборовъ, заявить о своемъ существованіи и выборный комитетъ консерваторовъ. Комитетъ этотъ составилъ изъ весьма незначительнаго числа членовъ, изъ которыхъ ни одинъ не пользуется извѣстностью. Такъ, напр., въ составъ его вошли сенаторы Порике и Тальянъ, депутатъ герцогъ Виззачія и адмиралъ Тушаръ. Комитетъ этотъ додумался только до того, чтобы выпустить «циркуляръ» о собраніи денегъ на учрежденіе мѣстныхъ комитетовъ для борьбы съ республиканскими кандидатами. Въ циркулярѣ этомъ, долженствовавшемъ замѣнить манифестъ правыхъ, не объяснено ни во имя какихъ принциповъ должна происходить борьба, ни какими средствами должна она производиться, ни которую изъ монархій предполагается поддерживать. Циркуляръ этотъ имѣлъ весьма незначительный успѣхъ и хотя послѣ него легитимистская и бонапартистская пресса и усугубили свои нападки на республиканцевъ, за что и поплатилась «Раус», хватившая черезъ край, трехмѣсячнымъ арестомъ своего редактора и 3 или 4000 франковъ штрафа, но во все это время не оставили своей площадной полемики между собой, и Генриху V, также какъ и Наполеону IV не поздоровилось при этомъ не менѣе республиканцевъ. Кромѣ того, какая-то блока укусила депутата орлеаниста Эстанселена, который счелъ почему-то необходимымъ на съѣздѣ земледѣльцевъ въ Э (Eu) заявить свое негодованіе не только противъ лицъ, помѣшавшихъ де-Брольи осуществить его спасительные планы, но по сподутности и противъ Луи Филиппа, Карла X и Людовика XVII! Почему уже онъ, кстати, не обрушился и на Генриха IV или Гуго Калета—это составляетъ его тайну. Сравнивъ Батби безъ всякаго юмора съ тѣнью «Короли мученика», онъ обвиняетъ всѣхъ современныхъ сторонниковъ монархій, что они сдѣлали ту же ошибку, какъ и министры Людовика XVI, т. е. дали возможность республиканцамъ ускользнуть, вмѣсто того, чтобы всѣхъ ихъ разстрѣлять. Другое бы вышло дѣло по его словамъ, еслибы, въ знаменитую ночь съ 13 на 14 декабря, онъ находился въ средѣ совѣтниковъ Мак-Магона! Непристойная эта рѣчь, несмотря на всю свою нелѣпность, вызвала не мало толковъ и отчасти тоже способствовала тому, что Гамбетта счелъ полезнымъ именно въ это время заявить о полномъ единодушіи

въ средѣ республиканцевъ и лично посѣтить тѣ департаменты, населеніе которыхъ находится подъ вліяніемъ непримиримыхъ.

Ему слѣдовало ѣхать отчасти еще и потому, что нѣсколько эскалтированныхъ радикаловъ затѣяли выставить кандидатуру Аври Рошфора, который, весьма можетъ быть, сдѣлавшись депутатомъ, сталъ бы дѣйствовать въ разрѣзъ съ планами Гамбетты, и, во всякомъ случаѣ, принесть бы немало вреда еще неустановившейся республикѣ. Рошфоръ, какъ это всѣмъ извѣстно, принесть нѣкогда не малую услугу Франціи; своимъ «Фонаремъ» онъ нанесъ первую смертельную рану второй имперіи и, какъ сатирикъ, выразитель общественнаго негодованія, онъ имѣлъ въ свое время огромный и заслуженный успѣхъ, но, какъ политическій дѣятель, онъ ничѣмъ не заявилъ себя, хотя, въ качествѣ члена правительства народной защиты, имѣлъ къ этому полную возможность. При народныхъ движеніяхъ, онъ, проявившій столько личной храбрости въ борьбѣ съ своимъ индивидуальномъ противникомъ, какъ-то ступшевывался и велъ себя непонятно, какъ въ январѣ 1870 г. на похоронахъ Виктора Нуара, такъ и 31-го октября того же года, когда онъ оставилъ правительство не присоединившись къ народу. Какую роль онъ игралъ во время коммуны? Онъ былъ въ одно время и противъ нея, и противъ версальскаго правительства съ Тьеромъ въ его главѣ. Осужденъ былъ за нѣсколько остроумныхъ выходокъ о домѣ «маленькаго буржуа», такъ какъ этимъ словамъ его приданъ былъ характеръ возбуждающій, и происшедшее вслѣдъ за тѣмъ уничтоженіе этого дома приписывалось какъ бы его инициативѣ. Подробности ссылки его въ Нумею и смѣлаго оттуда освобожденія всѣмъ извѣстны; но едва ли это бѣгство могло бы осуществиться, еслибы ему для него не было собрано средствъ покойнымъ сенаторомъ Эдуаномъ-Адамомъ, да и самимъ Гамбеттою. Поселившись съ тѣхъ поръ въ Женевѣ, Рошфоръ снова задумалъ продолжать свой «Фонарь», нѣсколько выпусковъ котораго проникли во Францію и Парижъ, но уже не имѣли особеннаго успѣха. Нѣкоторые изъ радикальныхъ журналовъ приобрѣли его сотрудничество за значительную плату, но оно ни одному изъ нихъ, ни даже Marseillaise'ѣ не доставили особенной популярности. Тогда Рошфоръ затѣялъ свой собственный журналъ въ Лионѣ, но и въ провинціи встрѣтилъ также мало сочувствія, какъ и въ столицѣ. Тогда, усталый въ борьбѣ съ равнодушіемъ публики, онъ позволилъ своимъ почтителямъ выставить его кандидатомъ въ палату на ваканцію Лионскаго депутата Дюрана, недавно умершаго. Къ счастью, наиболѣе фанатичные изъ лионскихъ избирателей скоро поняли, насколько не лишены остроумія выходки Рошфора противъ министерства были на руку бонапартистамъ и монархистамъ, ненавидящимъ существующее правительство. Довольно было короткаго объясненія между Гамбеттою и Комбэ, чтобы Ронскій избирательный комитетъ, стоявшій за кандидатуру Рошфора, отъ нея отказался и имя его исчезло изъ списка кандидатовъ. Можетъ

*

быть, Рошфоръ и самъ себя вычеркнуть и расудить, что и ему слѣдуетъ поступить относительно Гамбетты, по призыву Мадье де-Монжо и Накэ, но объ этомъ говорить различно.

Какъ бы то ни было, всѣ здравомыслящіе люди, отдающіе себѣ точный отчетъ въ положеніи Франціи, измѣнить которое ранѣе возобновленія одной трети сенаторовъ и окончанія срока полномочій герцога Маджентскаго, никто не въ состояніи, вполне одобряютъ образъ дѣйствій Гамбетты и соглашеніе республиканцевъ всѣхъ отѣнковъ. Изъ всѣхъ сколько нибудь выдающихся дѣятелей, на сколько мнѣ извѣстно, одинъ только Луи Бланъ не раздѣляетъ взгляда о необходимости союза и единодушія республиканцевъ, не дѣлитъ оптимизма своихъ друзей по поводу настоящаго положенія дѣлъ и дѣйствительно раздраженъ тѣми противорѣчіями, какими, съ его явобинской точки зрѣнія, представляетъ собой министерство, не только не сохраняющее республиканскіе принципы въ ихъ чистотѣ, но дѣйствующее иногда прямо наперекоръ имъ: Такъ, въ началѣ этого мѣсяца, международный конгрессъ социалистовъ, публичное собраніе котораго было запрещено министромъ внутреннихъ дѣлъ, болѣе изъ соображеній вѣншей политики, чѣмъ внутренней, какъ у насъ это объясняютъ, пытался, вмѣсто публичнаго, какъ это предполагалось, устроить частное собраніе. Въ послѣдней формѣ, конгрессъ этотъ былъ бы совершенно безвреденъ, какъ напримѣръ, конгрессъ социалистовъ, происходившій въ третьемъ году въ Парижѣ, и въ прошломъ году въ Лионѣ, о которыхъ я въ свое время отдавалъ вамъ отчетъ. Еслибы на этомъ конгрессѣ и было произнесено нѣсколько рѣзкихъ рѣчей, то за это онъ далъ бы правительству не мало драгоцѣнныхъ свѣденій о современномъ положеніи и стремленіяхъ различныхъ категорій представителей рабочаго класса. Несмотря на громадное стеченіе иностранцевъ въ Парижъ по поводу выставки, въ числѣ делегатовъ этого конгресса не было, пожалуй, и десятка изъ Англіи, Бельгіи и Швейцаріи и ни одного нѣмца или русскаго. Рабочій, принявшій на себя отвѣтственность найма помѣщенія для этого собранія въ Гренеллѣ, вовсе не принадлежалъ къ анархистамъ, такъ какъ это былъ не кто иной, какъ извѣстный Финансъ, послѣдователь школы позитивистовъ, тотъ самый, который на парижскомъ конгрессѣ социалистовъ 1876 года вызвалъ протесты своихъ сотоварищей своей запиской, сущность которой представляла собою краснорѣчивое и горячее опроверженіе утопій, наиболѣе любимыхъ современными социалистами. Какъ бы то ни было, вмѣсто того, чтобы предоставить социалистамъ возможность собраться для разсужденій у одного изъ ихъ среды или же воспользоваться противъ нихъ какой-нибудь законной статьей нашего кодекса, такъ богатаго всякими мѣрами противъ сходокъ и ассоціаций, полицейская префектура позволяла себѣ просто отправить своихъ агентовъ съ цѣлью воспрепятствовать собранію социалистовъ, даже еслибы оно было частнымъ. Между тѣмъ, свобода

частныхъ собраній, при пособіи разъясненія кассационнаго суда и благодаря либеральному сопротивленію одного легитимиста, бывшаго впоследствии министромъ Тьера, сохранялась непримосновенной, даже въ тяжелѣйшія времена имперіи. Понятно, что полицейскіе агенты, бонапартисты, которымъ поручено было республиканскимъ правительствомъ приведеніе въ исполненіе такой неллиберальной мѣры противъ социалистовъ, поторопились ее съ точностью исполнить. Но Финансъ, какъ человекъ логическій, воспротивился ихъ вмѣшательству и чтобы констатировать свое право законнаго сопротивленія, сталъ съ ними драться, какъ разъ за порогомъ дверей нанятаго имъ помѣщенія, откуда полиція вытасила его силою. Приглашенные имъ гости, члены конгресса, напечатали на слѣдующій же день протестъ, которымъ обвиняли полицейскихъ комиссаровъ Клемана и Фуке въ слѣдующихъ насиліяхъ: 1) въ нарушеніи свободы жилища, такъ какъ они позволили себѣ ворваться, разломавъ двери, со множествомъ агентовъ въ совершенно частное помѣщеніе, 2) въ произвольныхъ арестахъ, такъ какъ позволили себѣ арестовать ночью гражданина Финанса и пятерыхъ его друзей въ принадлежащемъ ему по найму помѣщенію, не имѣя для этого именныхъ полномочій, и 3) въ насиліяхъ противъ означенныхъ гражданъ. Въ тотъ же день Луи Бланъ собралъ у себя около 25 депутатовъ крайней лѣвой для обсужденія этого случая и протеста. Собраніе это поручило ему составленіе письма для представленія министрамъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи о возстановленіи нарушенныхъ правъ личности и свободы частныхъ сходокъ. Де-Марсэръ отвѣчалъ на это письмо словесно, что дѣло это до него уже не касается, такъ какъ оно уже перешло въ веденіе юстиціи. Хранитель же государственной печати Дюфоръ, проводившій время парламентскихъ вакацій въ департаментѣ Нижней Шаранты, отвѣчалъ письмомъ, отъ 13 сентября, что въ этомъ дѣлѣ не было никакого закононарушенія, и что правительство, напротивъ, «тщательно соблюло законы и исполнило свой долгъ, приложивъ ихъ въ данномъ случаѣ», такъ какъ гражданинъ Финансъ и его товарищи обвинялись не въ томъ, что они предполагали устроить частное собраніе конгресса, а въ томъ, что стремились ввести снова во Францію интернациональ. Для доказательства того, что цѣлью конгресса было дѣйствительно возстановленіе во Франціи интернационали, преступленіе, предусмотрѣнное закономъ Дюфора 1872 года, правительству пришлось арестовать нѣкоего Гирша, парижскаго корреспондента различныхъ нѣмецкихъ соціальныхъ изданій, который и былъ захваченъ на слѣдующее же утро послѣ Гренельскаго происшествія у себя на дому, хотя онъ и не поваялся на открытіе конгресса, а изъ тюрьмы, куда его заключили, заявилъ, при пособіи своихъ друзей, что не имѣлъ рѣшительно никакихъ сношеній съ предполагавшимися парижскимъ международнымъ конгрессомъ социалистовъ.

Во всякое другое время, подобное дѣло произвело бы страш-

ное броженіе умовъ. Всѣ республиканскіе депутаты непремѣнно приняли бы въ немъ участіе, и въ средѣ населеній всѣхъ большихъ промышленныхъ центровъ, возникла бы агитація. Реакціонная пресса и употребила всѣ усилія, чтобы дѣло именно приняло такіе размѣры. Казалось, что возбудить общественное негодованіе было тѣмъ легче, что республиканское министерство, отнесшееся такъ строго къ республиканцамъ, оказалось, въ тоже время, необычайно снисходительно къ сходкамъ и агитаціямъ католической партіи рабочихъ. Въ то самое время, когда въ Парижѣ было поставлено такъ насильственно съ социалистами, въ Шартскомъ департаментѣ, епископъ Сегюръ и драгунъ-апостоль де-Мёнъ устраивали паломничество и общій съѣздъ католическихъ клубовъ. Между тѣмъ ультрамонтаны сами же называли себя «чернымъ интернаціоналомъ» и ни для кого не тайна, что они организуютъ свои религіозныя церемоніи и сходки, подъ предлогомъ благочестія, съ опредѣленною цѣлью возбужденія народныхъ страстей противъ современнаго общества, основаннаго на принципахъ революціи. Правительство при этомъ еще весьма неосторожно обнаружило свою трусость, относительно беззаконной клерикаловъ, отрѣшивъ временно отъ занятія должности Карпантраскаго под-префекта, бывшаго публициста Габенека, за то, что онъ далъ письменный нагоняй начальнику Доминиканскаго ордена, который былъ бы весьма логиченъ, еслибы явился въ видѣ журнальной статьи, но былъ нѣсколько рѣзокъ по своему полемическому тону въ официальной бумагѣ. И что же? весь этотъ рядъ правительственныхъ ошибокъ и неловкостей, ко всеобщему удивленію, не вызвалъ никакого особеннаго раздраженія въ общественномъ мнѣніи и въ самой удобо-воспламеняющейся средѣ рабочихъ не произвелъ нисколько взрыва недовольства, но даже нисколько не нарушилъ общественнаго спокойствія. Только во всей либеральной журналистикѣ, не исключая и «France» Эмиля де-Жирандена, было замѣчено, что министерство встало на «опасную стезю» и нельзя не опасаться, чтобы, съ одной стороны, правительство не задумало упорствовать въ своемъ преувеличенномъ консерватизмѣ, а съ другой стороны не вызвало бы этимъ оппозиціи противъ себя въ демократіи, что, конечно, отняло бы у республиканской партіи то единудшіе, благодаря которому правительство обладаетъ авторитетомъ, и популярностью, которая такъ необходима при наступленіи сенаторскихъ выборовъ, для будущей побѣды республики.

Вотъ почему Гамбетта, къ путешествію и рѣчамъ котораго я возвращаюсь, послѣ продолжительныхъ и можетъ быть скучныхъ для читателей, но, по моему, необходимыхъ объясненій, счелъ своимъ долгомъ отправиться въ Валансъ для «скрѣпленія» республиканскаго союза, и въ Романсъ для того, чтобы напомнить о правительственной программѣ дѣйствій до 1880 года.

Программа эта, которая покажется весьма робкою и, пожалуй,

жалкою демократамъ-теоретикамъ въ Франціи, которые станутъ ее обсуждать съ точки зрѣнія исторической и принципиально, республиканской, принята безусловно всю французскую демократію, какъ едино-возможная, и какъ полнѣйшее выраженіе народнаго благоразумія. Программа эта въ сущности не что иное, какъ программа покойнаго Тьера, съ легкимъ только усиленіемъ противодѣйствія клерикализму.

Даже и относительно этого послѣдняго пункта, появляющагося въ программѣ первый разъ, осторожный трибунъ сумѣлъ внести различіе между собственно, такъ называемымъ, національнымъ духовенствомъ, которому онъ не угрожаетъ болѣе отдѣленіемъ церкви отъ государства, и ультрамонтанскимъ іезуитизмомъ. Громъ краснорѣчія Гамбетты падаетъ въ этомъ случаѣ только на «тѣ тысячи священниковъ безъ отечества, которые стремятся водвориться во Франціи и жаждутъ воскресить въ ней предрассудки, ошибки и суевѣрія протекшихъ столѣтій». Относительно такихъ лицъ, онъ заявляетъ, что къ нимъ «будутъ прилагаться во всей строгости, законы, *est* существующіе законы и будутъ уничтожены всѣ ихъ льготы». Недавно одинъ аббатъ Вужо, Орлеанскій викарій, выпустилъ брошюру о «великомъ бѣдствіи, постигшемъ во Франціи церковь въ XIX столѣтіи»; брошюра эта уже нѣсколько недѣль занимаетъ собой вниманіе клерикальныхъ журналистовъ и забавляетъ публику. Вся эта опасность состоитъ въ томъ, что постоянно, въ большемъ и большемъ числѣ приходоу, священническія мѣста остаются незанятыми, что изъ семинарій не выходитъ достаточнаго числа учениковъ для занятія этихъ ваканцій и, что число молодыхъ французовъ, чувствующихъ въ себѣ «призваніе къ духовному званію», оскудѣваетъ съ часу на часъ. И вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на эту жалобу, Гамбетта, съ высоты Романской трибуны требуетъ, чтобы никто изъ молодыхъ французовъ, ни подъ какимъ предлогомъ, не имѣлъ права отклониться отъ исполненія «общихъ для всѣхъ обязанностей». «Необходимо, говоритъ онъ:—чтобы общеобязательная воинская повинность обратилась наконецъ въ истину, чтобы надъ годовымъ волонтиратомъ былъ учрежденъ контроль, и чтобы всякіе обѣты молодыхъ людей съ религіознымъ призваніемъ произносились только по исполненіи важнѣйшаго изъ всѣхъ призваній для гражданина: службы своему отечеству».

Десять тысячъ крестьянъ, служившихъ аудиторіею трибуну, услыхавъ неожиданную для себя мысль, что семинаріи впредь уже не будутъ болѣе служить убѣжищемъ для избѣжанія военной повинности, были просто поражены. Крикамъ «браво» и другимъ выраженіямъ одобренія просто не было конца. Точно также были поражены и клерикалы, но уже не восторгомъ, а ужасомъ при прочтеніи этой рѣчи въ печати. Какъ? Если и теперь уже не хватаетъ на всю Францію священниковъ, то изъ кого же впредь будутъ фабриковать ихъ и массы монаховъ всѣхъ орденовъ, если каждый молодой французъ, достигнувъ 21 года, обя-

заявлять будетъ пройти полковую школу, гдѣ, конечно, заразится и свободомысліемъ и привычкою къ свободной жизни? Отчаяніе клерикаловъ показывается весьма ясно, что достаточно одной этой скромной и справедливой реформы, чтобы сразу сокрушить всѣ ихъ надежды. Трусливѣйшіе изъ депутатовъ лѣваго центра успѣли уже признать такую мѣру за утопію, по забывъ, что эта утопія уже нѣсколько времени назадъ введена въ практику въ Италіи безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій для страны. Радикальные же республиканцы, напротивъ того, забываютъ о массѣ уступокъ, сдѣланныхъ Гамбеттою въ программѣ правительственныхъ дѣйствій, ради того, что и онъ, подобно имъ, видя въ клерикализмѣ «настоящую общественную опасность», нашелъ и указываетъ на весьма дѣйствительное средство поразить его въ корнѣ.

Я уже упоминалъ о томъ, сколько сочувствія въ рабочихъ вызвало заявленіе, что амнистія должна увѣнчать собою зданіе республики. Городскіе и сельскіе рабочіе чрезвычайно довольны еще и тѣмъ, что ораторъ снова высказалъ имъ сочувствіе въ такой формѣ: «что такое богатство? произведеніе труда. а что же такое республика? правительство рабочихъ. «Парижская биржа повысила ренту на полфранка въ первый день, и на франкъ на второй, послѣ того, какъ слова эти стали извѣстны. и всѣ мелкіе ранты сдѣлались отъявленными гамбеттистами, когда въ газетахъ была прочтена слѣдующая фраза изъ его рѣчи: «Я противникъ всякихъ измѣненій въ характерѣ ренты, такъ какъ слѣдуетъ уважать интересы тѣхъ, кто съ доврѣемъ принесъ намъ свои сбереженія въ тяжелыя минуты, которыя переживала Франція. Мы должны соблюдать уваженіе, самое полное уваженіе ко всѣмъ матеріальнымъ и нравственнымъ интересамъ».

Министръ Фрейснэ, какъ я уже упоминалъ не однажды, преданнѣйшій изъ друзей Гамбетты въ настоящемъ министерствѣ. Изъ простаго инженера, надсматривавшаго за общественными работами между Тулузою и Бордо, Гамбетта, во время существованія правительства защиты, возвелъ его въ Турѣ на степень товарища военнаго министра, постъ, на которомъ Фрейснэ за явилъ себя съ огромною честью. Въ настоящее время, Гамбетта спитъ и видитъ о томъ, какъ бы замѣнить имъ, въ качествѣ военнаго министра, ничего непонимающаго въ политикѣ Бореля, такъ упорно стоящаго за какія-то мнимыя права своихъ старыхъ боевыхъ товарищей. За недѣлю до поѣздки Гамбетты въ Дромскій Департаментъ, Фрейснэ, вмѣстѣ съ Леономъ Сэ, отправился въ департаменты Сѣверный и Па-де-Кале, для обсужденія на мѣстѣ значительныхъ общественныхъ работъ, какъ-то: углубленія Булонскаго порта, прорытія новыхъ каналовъ, опредѣленія мѣстностей для проведенія новыхъ побочныхъ линій желѣзныхъ дорогъ, въ видахъ коммерческаго и промышленнаго оживленія сѣвера Франціи. До того, въ финансово-политическихъ сферахъ очень много толковали о столкновеніяхъ между Фрейснэ и Сэ,

такъ какъ первый требовалъ значительныхъ суммъ, а послѣдній весьма неохотно на это соглашался. Появляясь повсюду вмѣстѣ и поддерживая взаимно свои заявленія, оба министра не только избѣгли этимъ западни, которую подставляла имъ реакція, но, такъ сказать, раздавили ее, и сдѣлали невозможнымъ, чтобы до-вѣрчивая часть публики въ нее попала. Фрейсинэ заявлялъ: «Мы хотимъ предоставить работу, много работы нуждающимся въ ней рукамъ, работы, въ которой, вѣроятно, придется нуждаться много, въ виду того всеобщаго кризиса, который неизбежно отзовется и на нашемъ національномъ трудѣ, и, благодаря этой работѣ, которая не будетъ такъ непроизводительна, какъ національныя мастерскія 1848 года— такъ какъ она предпринимается въ видахъ общественныхъ нуждъ и пользы — республика упрочитъ и привлечетъ къ себѣ сочувствіе всѣхъ матеріальныхъ интересовъ». Леонъ Сэ съ своей стороны подтверждалъ слѣдующее: «Великое дѣло занятія свободныхъ рукъ при условіи реализаціи всего того, что составляетъ прямой, коллективный національный интересъ, оживляя настоящее, несколько не компрометируетъ будущаго, такъ какъ во власти палаты всегда регулировать работы, сообразно съ средствами, какими въ данную минуту можно располагать». Послѣ того, какъ согласіе двухъ министровъ было такимъ образомъ публично констатировано, Леонъ Сэ съ своимъ товарищемъ по министерству, Кошери, отправился въ Лондонъ для изученія существующей тамъ системы почтъ и телеграфовъ, а Фрейсинэ продолжалъ свое путешествіе одинъ. Въ Дюнкеркѣ онъ возбудилъ энтузіазмъ негоціантовъ и народа слѣдующими словами: «да, мы работаемъ съ цѣлью заставить полюбить республику... Не было ли главною причиною слабости республики 1848 года то обстоятельство, что она возникла въ нѣсколько дней и безъ предварительнаго всеобщаго на нее согласія? Я думаю, что поэтому только ее и можно было уничтожить въ нѣсколько часовъ. Ничего подобнаго не можетъ угрожать въ будущемъ нашей республикѣ 1870 года. Вспоенная кровью и слезами въ колыбели, при своемъ рожденіи, выдержавшая пѣлныя грозныя бури въ первые годы своего расцвѣта, она медленно пускала свои несокрушимые корни въ здоровую почву». Фрейсинэ еще не окончилъ своего путешествія, онъ будетъ еще въ Нантѣ, Бордо и другихъ морскихъ, торговыхъ и промышленныхъ центрахъ, и употребитъ на свою поѣздку все время парламентскихъ ваканцій, для того, чтобы повсюду и для капиталистовъ, и для нуждающихся въ работѣ создать такія условія, при которыхъ настоящая пора, тяжелая для всѣхъ въ нравственномъ и матеріальномъ смыслѣ, обратилась бы вносную, но и благоприятную для будущаго. Нечего, конечно, говорить, что планы Фрейсинэ встрѣтили не мало критики и осужденій съ разныхъ сторонъ и преимущественно, конечно, со стороны реакціи, распространяющей мнѣнія, что всѣ его проекты суть не что иное, какъ праздныя затѣи, которыя не могутъ въ наше вре-

ма осуществиться, по недостатку свободных капиталовъ, что его національныя мастерскія постигнетъ та же участь, какъ и національныя мастерскія 1848 года и т. д. Не мало было задумано и враждебныхъ противъ него манифестацій со стороны клерикаловъ и социалисто-бонапартистовъ фракціи Амито, но населенія вездѣ помѣшали этимъ манифестаціямъ осуществиться. Между прочимъ, бонапартисты желали скрыть отъ него настоящее положеніе рудокоповъ, и рабочимъ сѣвернаго округа было запрещено являться къ нему съ жалобами. Несмотря, однакоже, на это, Фрейсина все-таки, посѣтивъ Валансьенъ, Дуа, Аррасъ, Денень и Анзенъ, вполне ознакомился съ положеніемъ этой отрасли промышленнаго производства, и имѣлъ случай нѣсколько разъ заявить рабочимъ свое удивленіе ихъ гражданскому самоотреченію, а хозяевамъ, что республика считаетъ своею обязанностію оказывать имъ свое покровительство. И тѣмъ, и другимъ онъ высказывалъ, что республиканское правительство не желаетъ, по примѣру имперіи, играть въ социализмъ и разстрѣливать массы рабочихъ *за счетъ капиталистовъ*, но стремится къ водворенію согласія между трудомъ и капиталомъ, къ взаимному примиренію интересовъ того и другого и къ разрѣшенію всѣхъ возникающихъ между ними столкновеній при помощи одной свободы, не въ видахъ интересовъ той или другой группы, но въ видахъ дѣйствительныхъ интересовъ цѣлой націи, въ которой каждый обязывался дѣйствовать для блага всѣхъ.

Я думаю, что поѣздка Фрейсина, имѣвшая характеръ политическо-экономической мѣры, была совершена по мысли Гамбетты. Трибуна воспользовался ея успѣхомъ въ Дромскомъ Департаментѣ и его выраженіе «республика труда и рабочихъ», при томъ оживленіи, какое ожидается въ общественныхъ работахъ — съ этихъ поръ стало все чаще и чаще употребляться въ различныхъ уголкахъ Франціи.

При обсужденіи военнаго вопроса, Гамбетта воспользовался происшедшимъ за пять или за шесть дней до того смотромъ войскъ (15-го сентября) на лужайкѣ Венсенскаго Лѣса и тѣмъ громаднымъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ этотъ смотръ на стотысячную массу зрителей, парижанъ, провинціаловъ и иностранцевъ. На этомъ смотрѣ еще въ первый разъ выступили, вмѣстѣ съ регулярными войсками, и недавно организованные резервисты, которые оказались такъ хорошо обученными, что ихъ нельзя было отличить отъ массъ обыкновенныхъ солдатъ. Это дало возможность Гамбеттѣ высказать въ Романсѣ слѣдующую мысль: «На смотрѣ 15 сентября, мы могли во-очію убѣдиться, что наша армія въ будущемъ сдѣлается уже не тѣмъ, чѣмъ была она въ рукахъ коварныхъ людей. Она перестанетъ быть орудіемъ угнетенія и въ будущемъ можетъ быть только охранительницею чести и независимости Франціи». Далѣе, онъ одною чертою опредѣлялъ то, чего еще недостаетъ нашей арміи для ея полной реорганизаціи. «Разумѣется, сказалъ онъ: — политика — не дѣло войска, но намъ слѣ-

дуетъ еще озаботиться о томъ, чтобы въ арміи были приложены законы, относящіеся до управляющихъ ею», и вы очень хорошо поймете эти слова, такъ какъ я уже не разъ знакомилъ васъ съ тѣми отступленіями отъ законовъ, и выходками, какія не переставалъ позволять себѣ военный министръ Борель—эта единственная креатура Мак-Магона въ республиканскомъ кабинетѣ. Теперь Гамбетта почувствовалъ, что уже для войска не существуетъ болѣе ни герцоговъ Маджентскихъ, ни Канроберовъ, и, въ качествѣ главы республиканской партіи и выразителя мнѣній цѣлой Франціи (за ничтожными исключеніями), какъ бы говорить эту фразу: настало время, чтобы и во главѣ арміи стояли лица такихъ же взглядовъ, какъ масса войска, необходимо, чтобы она была очищена отъ всей рукляди, доставшейся ей отъ времени имперіи, и начальниками назначалась молодежь, исполненная демократическихъ идей. И, дѣйствительно, едва организуется сенатъ въ новомъ своемъ составѣ, лѣвые немедленно потребуютъ возведенія въ санъ командировъ частей новыхъ людей, не повинныхъ въ пораженіяхъ 1870—71 годовъ.

Относительно магистратуры, вызвавшей за послѣднее время противъ себя такой общій ропотъ неудовольствія, Гамбетта въ своей программѣ оказался крайне умѣреннымъ. Онъ даже заявилъ себя «полнымъ сторонникомъ несмѣняемости». Разумѣется, что на такое заявленіе нельзя смотрѣть съ точки зрѣнія принциповъ, такъ какъ выборъ судей—мѣра несравненно болѣе демократическая, но, вѣроятно, Гамбетта, какъ опытный лопцманъ, съумѣвшій до сихъ поръ искусно вести республику между Сцилой и Харибдой, считаетъ необходимымъ теперь не возбуждать этого вопроса. «Необходимо только, сказалъ онъ:—чтобы старые члены магистратуры, занимающіе свои мѣста со временъ имперіи и даже реставраціи и выказывающіе скандальную неприязнь къ республикѣ, были принуждены принять отъ нея *инвеституру*». Очень можетъ быть, что Гамбетта счелъ необходимымъ высказать свое уваженіе къ «несмѣняемости», ради удовлетворенія Дюфора, помимо котораго не можетъ быть другого президента совѣта министровъ до тѣхъ поръ, пока Мак-Магонъ остается на своемъ посту номинальнаго главы Франціи. Дюфору же это дастъ возможность оставаться самимъ собою и быть вѣрнымъ своимъ традиціямъ легиста и не встать въ разрѣзъ съ требованіями республиканскаго большинства. Бонапартисты этого не поняли, и всѣ ихъ органы (отъ «*Paus*» до «*l'Ordre*») подхватили слово «инвеститура» и предали его посмѣянію. Въ то же время, они съ усиленною наглостью заявили, что, если подъ словомъ инвеститура слѣдуетъ понимать принятіе судьями присяги, то «ничто не помѣшаетъ имъ, принявъ подобную присягу, дѣйствовать по старому». Но что же изъ этого логически слѣдуетъ? Если попытка «инвеституры» не удастся, то, послѣ произведеннаго опыта, не будетъ ли въ правѣ сказать Гамбетта: «мы стояли за «не-

смиряемость», но, очевидно, безъ ея отгѣны, имѣть уже болѣе способовъ обойтись»...

Вообще, мнѣ хочется еще разъ указать на то, что дѣйствія Гамбетты нельзя разсматривать съ точки зрѣнія чистыхъ принциповъ и теоріи. Это—преимущественно государственный практикъ Франціи, какимъ былъ Кавуръ для Италіи и какимъ является Бисмаркъ для Германіи. Главнѣйшею его дѣлью, какъ онъ не однажды заявлялъ, достигнуть того, чтобы республиканскія формы вошли въ нравъ французовъ. Между тѣмъ, за нами пятнадцать столѣтій монархическихъ традицій. Мы быстро приучаемся управлять сами собою, но *быстро* еще не значитъ въ одинъ день, Гамбетта же каждый день считаетъ важнымъ, и, повидимому, злобѣ этого дня жертвуетъ всѣмъ. Все его гениальное искусство состоитъ въ томъ, чтобы извлечь изъ этого дня все, что только возможно, и тѣмъ облегчить наступленіе слѣдующаго. Не останавливайтесь на одной формѣ его рѣчей, назначеніе которыхъ вдохнуть вѣру въ невѣрующихъ, увлеченіе въ людей разсудительныхъ, и энтузіазмъ въ самыя холодныя сердца — чего онъ почти всегда и достигаетъ; но обратите вниманіе на сущность всего того, чего онъ добивается: все это твердо, существенно, реально, и въ этомъ никто, ни друзья, ни враги его уже не могутъ сомнѣваться. Замѣтьте, какъ понимаютъ это хоть легитимистскіе органы: всѣ они признаютъ единодушно, что его романская вѣчь—актъ до того революціонный, что его можно сравнить развѣ съ требованіемъ Робеспьера—гильотинированія Людовика XVI-го. Поэтому-то такъ и комична та вѣчная пѣсня квази радикальныхъ газетъ, которыя, подобно «Marseillaise», потерявшей естатіи всякій интересъ съ прекращеніемъ сотрудничества Рошфора, тянутъ все одно и то же, что Гамбетта до того поддакъ оппортизму, что уже и знать не хочетъ, что на свѣтѣ существуютъ хотя какіе-нибудь неизбѣжные принципы и т. д. Не такъ смотритъ народъ и это по всюду, въ Лионѣ, Парижѣ, Марсели и т. д. Появленіе каждой рѣчи его служитъ поводомъ къ безконечнымъ обсужденіямъ, каждая фраза ея—самому тщательному анализу, и повсюду уже, даже на улицахъ и въ мастерскихъ, повторяются такія его фразы, какія недавно еще онъ общалъ только своимъ друзьямъ въ интимной бесѣдѣ, а теперь уже безцеремонно бросаетъ и въ публичныхъ рѣчахъ. «Будемъ пока глотать всякую дрянъ (avalons des couleuvres), не будемъ брезгать ничѣмъ, станемъ продолжать жить, какъ живемъ, и мы достигнемъ того, что будемъ тѣмъ, чѣмъ хотимъ и должны быть».

Такимъ образомъ, у насъ почти всѣ хорошо понимаютъ, почему глава республиканской партіи, въ своей романской рѣчи, не могъ или не хотѣлъ ни о духовенствѣ, ни о магистратурѣ, ни объ арміи выражаться такъ, какъ сталъ бы выражаться объ этихъ предметахъ членъ учредительнаго собранія или конвента, которому было бы поручено все уничтожить, чтобы возсоздать потомъ въ иномъ видѣ, или, какъ пророкъ будущаго высказываться о конечныхъ

цѣляхъ демократіи, съ точки зрѣнія военной, юридической и философской. Главной заботой Гамбетты было удовлетворить интересамъ настоящей минуты; главнѣйшій же интересъ настоящаго, какъ самъ онъ объ этомъ не разъ заявлялъ, подготовить и обезопасить, во что бы то ни стало, для будущаго почву, на которой было бы возможно развитіе всякаго прогресса. «Если мы, какъ говорить онъ: — сумѣли въ теченіи семи лѣтъ сдерживать въ себѣ большую часть такихъ стремленій, которыя, повидимому, требовали немедленнаго удовлетворенія, то вѣдь это не значитъ еще, чтобы мы ихъ оставили; мы сами или наши наслѣдники, болѣе чѣмъ мы счастливые, а, можетъ быть, и болѣе ловкіе, чѣмъ мы, достигнуть и большаго. Павшихъ бойцовъ будутъ замѣнять новые, горизонты для будущихъ поколѣній будутъ все болѣе и болѣе расширяться, и развѣ только измѣны и предательства помѣшаютъ такому правильному ходу человѣческаго прогресса».

Такимъ образомъ, если клерикальные заговоры будутъ подчинены постоянному наблюденію, а, въ случаѣ надобности, съ согласія республиканскаго сената, подвергнутся и преслѣдованіямъ, для чего достаточно и существующихъ законовъ, если нѣкоторые изъ старыхъ судей будутъ временно отстранены отъ дѣлъ, другіе перемѣнены и всѣ поставлены въ невозможность вредить, если сторонники монархіи будутъ обезоружены, а въ войско, съ перемѣной командировъ, будетъ внесены республиканскій и національный духъ, то мы уже въ ближайшемъ будущемъ въ состояніи будемъ заняться существенными измѣненіями въ экономическомъ бытѣ страны и отдаться разрѣшенію трудныхъ земледѣльческихъ, промышленныхъ и финансовыхъ вопросовъ и измѣнить всю систему общественной администраціи и народнаго образованія.

Въ послѣднемъ смыслѣ многое уже начато; вы знаете, сколько важныхъ общихъ реформъ задумано министерствомъ народнаго просвѣщенія и съ какими энергіей и умѣніемъ министръ Барду принялся за осуществленіе ихъ. Принимая въ своихъ салонахъ сельскихъ учителей, посѣщавшихъ на правительственный счетъ выставку, онъ ихъ благословилъ на борьбу съ клерикализмомъ и разъяснилъ имъ ту великую роль, какую они призваны играть, говоря его выраженіемъ, «въ нравственномъ и патриотическомъ возрожденіи Франціи». Благодаря школьной кассѣ, кредиты которой распределены генеральными совѣтами въ ихъ послѣдней сессіи, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ самыхъ захолустныхъ мѣстностяхъ Франціи будутъ хорошіе школьные дома; такъ что едва откроется парламентская сессія, какъ уже провозглашеніе первоначальнаго образованія обязательнымъ станетъ возможнымъ. Нѣсколько позднеѣ, когда увеличенное число нормальныхъ школъ подготовитъ достаточное количество учениковъ, образованіе это можетъ быть признано свѣтскимъ. Съ другой стороны, недавно опубликованный статистическій отчетъ о среднемъ образованіи, констатирующій опасное увеличе-

ніе школъ этого рода, учреждаемыхъ клерикалами и особенно іезуитами, заставить правительство озаботиться увеличеніемъ числа государственныхъ лицеевъ и коллегій, и придумать мѣры для пріданія всему народному образованію общаго нравственнаго направленія, чтобы предотвратить существованіе въ немъ двухъ враждебныхъ одно другому теченій.

Гамбетта, въ своей романской рѣчи, весьма сильно поддерживалъ начинанія Барду. Относительно высшаго образованія, онъ заявилъ о необходимости возвращенія государственному университету права выдачи степеней и правъ на преподаваніе, отнятаго у него, какъ вы знаете, вслѣдствіи удавшейся интриги. О среднемъ образованіи онъ сказалъ: «Я бы хотѣлъ, чтобы оно было подчинено одному государству. Я бы хотѣлъ, чтобы у насъ не было болѣе такихъ заведеній, въ которыхъ кагѣтчатъ исторію, ограничиваютъ французскую мысль и гдѣ готовятъ людей вражды съ современною жизнью. Мы должны давать образованіе чисто французское, а сдѣлать его могутъ такимъ только свободномыслящіе граждане». Относительно первоначальнаго элементарнаго и профессиональнаго образованія, «настолько плодотворнаго, что оно тотчасъ возвращаетъ всѣ затраты на него сдѣланнаго», по его словамъ, необходимо, чтобы вопросъ о немъ сдѣлался задачей всѣхъ республиканскихъ депутатовъ. «Необходимо, сказалъ онъ:— чтобы всѣ государственные элементы единодушно стремились къ тому, чтобы сдѣлать изъ Франціи наиболѣе развитую, наиболѣе просвѣщенную, наиболѣе культурную и артистическую страну въ цѣломъ мірѣ». «Въ техническомъ образованіи, продолжалъ онъ:— при которомъ не упущенъ изъ виду ни одинъ новѣйшій прикладной методъ, заключается начало разрѣшенія социальныхъ вопросовъ, тяготеющихъ надъ современнымъ міромъ, разрѣшенія, которое не по силамъ никакой одной гениальной индивидуальности, такъ какъ оно должно совершаться частично и ежeminутно въ зависимости отъ доброй воли всѣхъ».

Повторивъ свою фразу, сказанную имъ въ Марсели въ прошломъ декабрѣ, «я рѣшительный и убѣжденный сторонникъ министерства, «диктаторъ безъ диктатуры воздержался отъ всякаго даже малѣйшаго критическаго намека на кого либо изъ членовъ кабинета. Говоря объ администраціи, онъ, пожалуй, зашелъ даже далѣе въ ея защиту, чѣмъ это необходимо; все дѣло, впрочемъ, въ томъ, что «въ настоящую семилѣтнюю правительственную программу», какъ онъ нѣсколько разъ ее назвалъ, не входятъ никакія административныя реформы децентрализаціоннаго характера. Все ограничивается, по его словамъ, тѣмъ, что администрація, «составъ которой началъ уже обновляться, будетъ все болѣе и болѣе очищаться и сдѣлается вполне республиканскою», такъ какъ, продолжалъ онъ громовымъ голосомъ:—я не думаю, чтобы Франція была расположена выносить далѣе такое положеніе, при которомъ, управляясь правительствомъ, какого желала вся страна, и которому она рукоплещетъ, она видѣла въ

то же время, что этому же правительству противобдѣйствуютъ его же чиновники».

Прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ программы, составленной съ ограниченной дѣлю служить какъ бы немедленнымъ указаніемъ для новыхъ сенаторовъ, для очереднаго порядка палатъ на сессіи 1878—1880 годовъ, и какъ бы практическимъ руководствомъ для министерства, обязаннаго прежде всего сохранить республику, Гамбетта высказалъ слѣдующую мысль: «не станемъ задаваться слишкомъ широкими задачами и съузнимъ ихъ границы, такъ какъ это единственный путь, на которомъ достигнимо ихъ осуществленіе. То, о чемъ теперь пойдетъ рѣчь, не есть окончательная реализація ни вашихъ, ни моихъ принциповъ, но только указаніе на то, что въ ближайшемъ будущемъ возможно и осуществимо». И въ самомъ дѣлѣ, для современной Франціи едвали теперь важно разрѣшеніе теоретическаго вопроса: централизація или децентрализація въ администраціи побѣдять окончательно, но для всѣхъ насъ, живущихъ, чрезвычайно важно знать, что всѣ мѣста, захваченныя монархистами, перейдутъ къ республиканцамъ, и не для того, разумѣется, чтобы они мирно наслаждались соединенными съ ними благами, но чтобы республика могла, наконецъ, докончить свою побѣду и, занявъ всѣ позиціи, была въ состояніи дать должный отпоръ возобновленію всякой новой попытки къ нападенію на нее враговъ.

Министръ де-Марсэръ, въ рѣчи своей, произнесенной 25 августа въ Мортань, произвелъ весьма сильное впечатлѣніе, заявивъ о своей вѣрѣ въ прочность существующаго порядка, несокрушимость республиканскаго союза и всю вѣроятность, что будущіе сенатскіе выборы дадутъ самые благоприятные результаты. Въ своемъ циркулярѣ къ префектамъ, отъ седьмаго сентября, онъ предлагаетъ имъ составленіе статистическихъ сравнительныхъ таблицъ финансоваго и административнаго положенія Франціи за 1866 и 1876 гг. Въ 1866 г., при полномъ спокойствіи внутри и извнѣ, во Франціи безпрепятственно царяла централизація, введенная закономъ 10 мая 1838 года. Въ 1876 г., децентрализація, введенная закономъ 10 августа 1871 года, дѣйствовала уже 4½ года. Такимъ образомъ, таблицы, составленіе которыхъ желаетъ министръ, могутъ дать наглядный матеріалъ для сравненія результатовъ обѣихъ системъ. Какovy бы ни были эти выводы, такъ какъ таблицы будутъ составлены только въ будущемъ году, то если, на основаніи ихъ, и понадобится произвести какія-нибудь измѣненія въ административной системѣ, это произойдетъ не ранѣе окончанія сената маршала и, слѣдовательно, при условіяхъ болѣе благоприятныхъ для республиканцевъ, чѣмъ настоящія.

Я упомянулъ объ этомъ потому, что заявленіе Гамбетты о томъ, что онъ въ настоящее время стоитъ за централизацію, подало поводъ многимъ реакціонерамъ выразить надежду, что между нимъ и де-Марсэромъ могутъ изъ-за этого возникнуть столкно-

венія. Де-Марсэръ, какъ извѣстно, горячій сторонникъ самоуправленія и постоянно заявляетъ объ этомъ, какъ въ своихъ рѣчахъ, напримѣръ, въ Домфронѣ въ 1876 году, такъ и во всѣхъ своихъ циркулярахъ, въ которыхъ онъ рекомендуетъ приложеніе въ практикѣ своихъ идей. Чтобы показать, что во всѣхъ этихъ идеяхъ нѣтъ никакихъ особенныхъ противорѣчій со взглядами Гамбетты, считающимъ необходимымъ, чтобы всѣ административныя силы были централизованы для окончанія дѣла «введенія республики», по его выраженію: «въ привычки и интересы, вены и артеріи страны», я могу вамъ привести извлеченіе изъ одной статьи оффиціального журнала, гдѣ ясно высказаны основныя стремленія де-Марсэра. «Основная мысль министерства внутреннихъ дѣлъ, говорится въ этой статьѣ, состоитъ въ томъ, чтобы произвести въ сферѣ администраціи тѣ же преобразованія, которыя произошли въ конституціи страны. Правительство изъ монархическаго сдѣлалось республиканскимъ, а потому и въ административныхъ приемахъ должна произойти такая же перемена. Управляемые не должны болѣе служить предметомъ произвола для управленія. Управленіе, напротивъ, должно поставить своею задачею быть всегда къ услугамъ управляемыхъ и идти впередъ сообразно ихъ стремленіямъ и указаніямъ, подѣ постояннымъ съ ихъ стороны контролемъ. Въмѣсто запрещенія критическаго къ себѣ отношенія общественнаго мнѣнія, оно, напротивъ, желаетъ въ этомъ смыслѣ самаго строгаго къ себѣ вниманія, желая дѣйствовать на виду у всѣхъ, исполнѣ гласно и откровенно и какъ бы жить въ стеклянномъ домѣ. Управленіе никакимъ образомъ не хотѣло бы вліять на общество своею силою, но только предостерегать и воспитывать управляемыхъ. Такой воспитательный опытъ оно хотѣло бы произвести въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ и объясняется появленіе множества работъ и изслѣдованій статистическаго и иного характера, предпринятыхъ по его инициативѣ. Оно хотѣло бы этимъ дать въ руки всѣхъ и каждаго, интересующагося или занимающагося общественными дѣлами, точный матеріалъ въ доступной для всѣхъ формѣ. Оно полагаетъ, что при системѣ всеобщаго голосованія, положенной въ основу нашего демократическаго общества, высшимъ интересомъ правительства должно быть распространеніе въ обществѣ интереса къ общественнымъ дѣламъ и введеніе въ нравы привычекъ свободы. Оно желало бы во всѣхъ выборныхъ совѣтахъ, общинныхъ, окружныхъ и департаментскихъ, встрѣтить исполнѣ сознанное чувство ответственности и разсудительную инициативу. Предоставляя населеніямъ возможно большую массу элементовъ для самопросвѣщенія и контролированія администраціи, оно думаетъ, что этимъ поможетъ имъ освоиться съ мыслью, что для того, чтобы имѣть хорошее правительство и хорошую администрацію, нужно прежде всего расчитывать на самихъ себя. Государство, во время Людовика XIV, олицетворялось въ королѣ; въ наши дни государство—это мы всѣ, безъ исключенія.

Надо устроить дѣло такъ, чтобы каждый изъ насъ служилъ ему, т. е. всѣмъ, и всѣ намъ служили».

Я думаю, что приведенная мною выписка вполне убѣдитъ читателей, что Гамбетта не можетъ имѣть никакихъ основаній принимать освободительно-воспитательный характеръ администраціи, по взглядамъ де-Марсэра, за могущій помѣшать во Франціи прочному водворенію республики, изъ-за чего онъ главнѣйшимъ образомъ только и бьется.

Хотя, въ настоящія вакаціи, многіе министры говорили публично, никто изъ нихъ, по своему официальному положенію, не могъ ни подтвердить, ни опровергнуть слова, упорно державшагося въ журналистикѣ, будто Мак-Магонъ намѣренъ оставить свой постъ, въ случаѣ еслибы и сенаторскіе выборы оказались для него также неблагоприятными, какъ законодательные. Гамбетта, поставившій знаменитую дилемму — «подчиниться или удалиться», и въ этомъ смыслѣ могъ разъяснить положеніе. Онъ сказалъ, что онъ увѣренъ, что маршалъ сохранитъ *до конца* вѣренное ему полномочіе. По его мнѣнію, было бы чрезвычайно полезно, еслибы, въ вѣкъ, когда, за случайнымъ исключеніемъ Карла X, наследовавшаго Людовику XVIII, верховная власть во Франціи ни разу не могла быть передана законнымъ порядкомъ, подобное чудо совершилось бы въ 1880 году при передачѣ маршаломъ его полномочій. «Когда вы, мм. гг., вскричалъ онъ среди общихъ рукоплесканій:—будете въ состояніи сказать, что президентъ республики, власть которому вручена вашими противниками, и, разумѣется, въ глубинѣ души своей не таящій особенно страстной привязанности къ вашимъ новымъ учрежденіямъ, когда вы получите возможность сказать, что этотъ президентъ республики законно, мирно, вполне и при громкомъ одобреніи общественнаго мнѣнія, исполнилъ возложенныя на него обязанности и затѣмъ, по окончаніи его полномочій, президентская власть просто, спокойно и естественно передана въ другія руки, то вы этимъ дадите не только Франціи, но и всему міру самое дѣйствительное доказательство, что вы значительно ушли впередъ!» Потомъ онъ объяснилъ, что, еслибы подобный идеалъ и не осуществился, и Мак-Магону, избраннику монархической коалиціи, надоѣло дожидаться времени, назначеннаго для прекращенія его полномочій, то и въ такомъ случаѣ не произошло бы никакихъ ни беспорядковъ, ни волненій: «такъ какъ, прибавилъ онъ:—промежутокъ между отставкой маршала и врученіемъ власти другому лицу не былъ бы продолжителенъ; благородная республиканская партія выказала уже столько великодушія и отсутствія своекорыстія, что я положительно утверждаю, что, кто бы ни былъ избранъ въ президенты, выборъ этотъ ни откуда не встрѣтитъ личныхъ соперничествъ».

3-го сентября, вдова Тьера заказала заупокойную мессу въ церкви Парижской Богоматери въ память своего мужа. Мак-Магонъ отправилъ на нее двухъ офицеровъ своего штаба и сына

своего Патрика, самъ же на нее не явился, также какъ не былъ, въ прошломъ году, на погребеніи Тьера. Это очень жаль, такъ какъ онъ потерялъ весьма удобный случай показать, что онъ искренно подчинился существующему порядку вещей. Зато всѣ министры, находящіеся въ Парижѣ, были на лицо; отсутствующихъ же замѣняли ихъ товарищи. Сенаторовъ было очень много, но отсутствовалъ президентъ сената Одифре-Пакье, точно такъ же, какъ среди депутатовъ не доставало Гриви, задержаннаго болѣзнию въ провинціи. Болѣе ста генеральныхъ и муниципальных совѣтовъ прислали на церемонію свои депутаціи, во главѣ которыхъ находились: депутація изъ Марсели, гдѣ Тьеръ родился, изъ Э, гдѣ онъ воспитывался, изъ Версали, гдѣ онъ былъ президентомъ республики, изъ Сиб-Жермена, гдѣ умеръ, и изъ Вельфора, который, благодаря его стараніямъ, остался принадлежащимъ Франціи. Мецъ прислалъ громадный букетъ изъ иммортелей и фіалокъ, въ память тѣхъ слезъ, которыя проливалъ покойный, подписывая версальскій миръ — это горькое послѣдствіе измѣны Базена и преступленій второй имперіи. Вообще, вся эта печальная церемонія, какъ по убранству церкви, такъ и по составу присутствовавшихъ на ней, носила вполнѣ торжественный характеръ, съ тою только разницею, что богослуженіе, за отказомъ представителей высшаго духовенства, совершалъ простой священникъ. Ни папскаго нунція, ни архіепископа Гибера въ церкви не присутствовало, несмотря на то, что послѣдній, какъ своимъ мѣстомъ, такъ и кардинальской шапкой, обязавъ покойному Тьеру. Такъ какъ о намѣреніи этихъ двухъ лицъ не было известно заранее, то полиція, опасаясь народнаго раздраженія, приняла одновременно мѣры предосторожности. Ко входу собора были отражены ея агенты, и въ сборъ никто безъ билета не пропущивался. Такимъ образомъ, народъ имѣлъ возможность сдѣлать овацію памяти Тьера только на площади Бастиліи, когда на ней показался кортежъ депутацій, направлявшихся на кладбище Отда Лашеза, чтобы сложить на могилу Тьера вѣнки и цвѣты. Все дѣло при этой оваціи ограничилось только криками: «да здравствуетъ республика!» громадной толпы народа.

Рассказываютъ, что будто бы Гамбетту прислали не показываться на мессъ, опасаясь, чтобы, при его появленіи, публика не зашѣла Марсельезы; не знаю, такъ ли это, но такъ какъ Гамбетта вообще не большой охотникъ до религіозныхъ церемоній, то онъ, конечно, могъ воспользоваться первымъ попавшимся предлогомъ, чтобы не показываться въ церкви. Впрочемъ, онъ и безъ этого, въ своей романской рѣчи, отдать должную справедливость памяти Тьера, котораго первымъ послѣдователемъ въ политикѣ является онъ самъ, расширяя программу Тьера лишь настолько, чтобы пріобрѣтать ей новыхъ сторонниковъ. Такъ, послѣднимъ результатомъ усилій Тьера было то, что онъ привлекъ къ республикѣ, въ существующемъ ея видѣ, какъ членовъ лѣваго центра,

такъ и республиканскаго союза, подчинявшася въ то время главенству Гамбетты. Теперь Гамбеттѣ удалось, не потерявъ ни одного изъ голосовъ лѣваго центра, привлечь къ ней и крайнюю лѣвую; онъ всталъ, такимъ образомъ на цѣлую ступень выше Тьера; и нація, которая видитъ это, съ довѣріемъ возлагаетъ на него свои надежды, такъ какъ, кромѣ того, преимущества Гамбетты передъ Тьеромъ состоятъ въ томъ, что его прошедшее безупречно, и всѣ знаютъ, что онъ готовъ на всякій смѣлый шагъ, если только увидитъ, что онъ осуществимъ.

Одинъ изъ любимѣйшихъ приемовъ Гамбетты, повторяемый имъ нерѣдко въ его рѣчахъ и которыми онъ старается объяснить свою систему дѣйствій, высказывается имъ обыкновенно въ слѣдующей формѣ: «вы сдѣлали одинъ шагъ впередъ и это очень хорошо; вы чувствуете, что почва подъ вами тверда—остановитесь на ней; чтобы двинуться впередъ, занесите одну ногу и испытайте, тверда ли впереди земля; если почва колеблется, оставайтесь лучше тамъ, гдѣ вы стоите; если же она тверда, то занесите смѣло и другую ногу». Разумѣется, это очень прозаично, но зато вѣрно, и такой образъ дѣйствія служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ всей политики Гамбетты.

Въ самомъ дѣлѣ, человекъ этотъ всѣмъ своимъ вліяніемъ—а вліяніе это, несмотря на то, что онъ только скромный председатель бюджетной комиссіи, громадно, не уступаетъ вліянію, какими обладали нѣкогда Наполеонъ I и Мирабо—обязанъ только тому, что онъ обладаетъ вполне здравымъ смысломъ разумнаго крестьянина, не лишеннаго лукавства, и ораторскимъ искусствомъ увлекать рабочихъ своимъ словомъ. Неукротимый Дантонъ, ничего въ жизни не написавшій, но обладавшій даромъ импровизаціи, говорившій обо всемъ, въ наши дни, какъ это отлично высказано недавно Антоненомъ Дюбостомъ въ статьѣ его въ «*Révue positive*», непремѣнно усвоилъ бы себѣ приемы и образъ дѣйствій Гамбетты. Конечно, эту политику нельзя не назвать будничною и невидною политикою каждаго дня, но какимъ образомъ можно, дѣйствуя иначе, гарантировать прочность республики, если почва ея теперь же не будетъ, такъ сказать, прочно утрамбована? Вѣдь помимо такого условія, Франціи угрожали бы въ будущемъ постоянно все тѣ же метаморфозы, какими такъ богато ея прошедшее; изъ республики она могла бы снова стать монархіей, изъ свободномыслящей—иезуитской, и цѣлый рядъ революцій, всегда безуспѣшныхъ и постоянно вновь возникающихъ, безпрестанно угрожалъ бы ей.

Его обвиняютъ въ узкости его воззрѣній, и онъ самъ своей знаменитой фразой, что «времена героическія прошли», даетъ къ этому поводъ; но кто знаетъ всю степень паденія Франціи за послѣднія 20 лѣтъ, тотъ пойметъ, что съ нею необходимо говорить такимъ языкомъ, пока она вся снова не перевоспитается для свободы и самоуправленія.

Отчаяніе и гнѣвъ реакціонеровъ, прозвавшихъ Гамбетту *анархистомъ* за его романскую рѣчь, въ то время, когда весь міръ

ее хвалить и удивляется высказанному въ ней консерватизму, доказываютъ, съ полною очевидностью, что онъ высказалъ именно то, что слѣдовало высказать, и далъ, такимъ образомъ, настоящій лозунгъ странѣ какъ для будущихъ сенаторскихъ выборовъ, такъ и для послѣдующаго за ними переизбранія президента.

II.

Поѣздка Гамбетты въ Швейцарію.—Смерть Клемана Лорье.—Банкеты 21-го и 22-го сентября.—Архиастрское посланіе Френеля.—Предостереженіе Эмили де-Жирардена.—Юридическая хроника: дѣло Маттилона въ военныхъ судѣ, рѣшеніе суда по дѣлу въ Огъ, казнь Барре и Лебиза.—Театральная хроника: «Авильонскій мостъ» и «Мужъ Иди». — Русскіе концерты въ Троаде.—Отсрочка раздачи наградъ экспонентамъ и выставочная лоттерея.

Когда Гамбетта былъ еще въ Романсѣ, то получилъ отъ жителей Гренобля приглашеніе сказать и имъ нѣсколько словъ. Онъ принялъ приглашеніе, хотя едва ли могъ бы теперь сказать что-нибудь новое, и, между тѣмъ, поѣхалъ вмѣсто Гренобля въ Швейцарію, такъ какъ совершенно обезсилѣлъ отъ дѣлаго ряда народныхъ овацій. Такимъ образомъ, если онъ и будетъ говорить въ Греноблѣ, то уже по возвращеніи изъ Швейцаріи. Мѣстомъ отдыха въ Швейцаріи онъ выбралъ замокъ des Crêtes, построенный покойнымъ Любошэ и перешедшій, по наслѣдству, къ его дочери, вдовѣ сенатора Арно. По поводу этой поѣздки прошло много толковъ о томъ, что будущій президентъ французской республики собирается жениться на обладательницѣ этого замка. По гѣтамъ, эта особа ровестница Гамбетты, но, обладая замѣчательной красотой, она ее еще вполне сохранила. По уму и образованію, это одна изъ замѣчательнѣйшихъ женщинъ во Франціи и имѣетъ ежегоднаго дохода до 1.200,000 фр. Отсюда цѣлый рядъ соображеній о томъ, что будущая г-жа Гамбетта можетъ съ большимъ успѣхомъ замѣнить собою въ Елисейскомъ Дворцѣ великопостную фигуру герцогини Маджентской. Впрочемъ, всѣ эти толки я передаю только къ слову.

Въ то самое время, когда Гамбетта проявилъ въ Романсѣ всю свою политическую мощь, въ Марсели скоропостижно умеръ ближайшій другъ его юности, Клеманъ Лорье. Они начали вмѣстѣ свою политическую и адвокатскую карьеру процессомъ Бодена; но въ то время, когда Гамбетта былъ выбранъ Бельвилемъ въ законодательный корпусъ, Лорье понесъ неудачу въ своей кандидатурѣ въ Варскомъ Округѣ. Сдѣлавшись, 4-го сентября, министромъ внутреннихъ дѣлъ, Гамбетта назначилъ его своимъ товарищемъ по министерству, а въ Турѣ поручилъ ему завѣдываніе финансами. Извѣстно, что Лорье удалось совершить тогда заемъ въ Лондонѣ въ 25 милліоновъ франковъ, а когда въ Бордо от-

вышло национальное собрание—добиться отъ его финансоваго комитета опредѣленія, что, при критическихъ условіяхъ, въ какихъ находилась Франція, во время совершенія этого займа никому не удалось бы произвести его болѣе удачнымъ образомъ. Велъ ли онъ себя безгрѣшно при этомъ займѣ — рѣшить трудно, но когда противъ него раздались обвиненія республиканцевъ, то онъ выказывалъ себя сильно обиженнымъ и, несмотря на свое депутатство, совершенно устранился отъ дѣла до смерти Тьера, такъ что, только послѣ этой смерти, Делазу удалось привлечь его въ члены праваго центра. Въ это же время ему было поручено наблюдение надъ имуществомъ орлеанскихъ принцевъ, до того возложенное на одного Боше. Обладая громадными знаніями въ финансовой наукѣ и будучи искуснымъ адвокатомъ, онъ велъ дѣла чуть не всѣхъ значительныхъ финансовыхъ тузовъ и компаній, Ротшильда, турецко-египетскаго займа, Испанскаго банка Дювернуа, и даже франко-бельгійскихъ предпріятій Филиппара, но рѣшительно никогда не появлялся на преніяхъ въ собраніи, такъ что, наконецъ, его избиратели отъ него отказались. Но 14-го октября, онъ снова былъ выбранъ въ другомъ округѣ уже при официальной поддержкѣ. Несмотря на все это, онъ все-таки оставался однимъ изъ главнѣйшихъ акціонеровъ-учредителей «République Française». Злые языки говорятъ, что онъ нарочно входилъ въ сношенія съ правыми и реакціонерами для того, чтобы передавать всѣ необходимыя для республиканцевъ свѣдѣнія Гамбеттѣ. Игралъ ли онъ дѣйствительно въ политикѣ такую, во всякомъ случаѣ, непочтенную роль—покрыто мракомъ неизвѣстности, но, говоря вообще, это былъ человекъ безъ всякихъ нравственныхъ принциповъ, настоящей парижскій жуиръ, въ самомъ бульварномъ смыслѣ этого слова, всѣхъ и все, не исключая и самого себя, безконечно презиравшій. Всѣмъ значеніемъ своимъ онъ обязанъ только дѣйствительно замѣчательнымъ знаніемъ юриспруденціи и финансовой науки, умѣнѣемъ разобратся въ самыхъ сложныхъ вопросахъ запутанныхъ и щекотливыхъ процессовъ. Въ политическомъ смыслѣ, это была рѣшительная ничтожность; наибольшую же популярностью, при жизни, онъ пользовался... у актрисъ и кокетокъ.

21-го и 22-го сентября, въ дни годовщины низложенія королевской власти во Франціи и провозглашенія первой республики, въ 1792 году, произошло нѣсколько банкетовъ. На банкетѣ оппортунистовъ, 21-го, въ Паркѣ Монсури, не присутствовало никого изъ знаменитостей. На банкетѣ улицы Ришельё, въ залѣ Лемардезъ, предсѣдательствовалъ Луи Бланъ. Знаменитый историкъ окончилъ тостомъ въ честь «республики, основанной на республиканскихъ учрежденіяхъ», большую рѣчь, посвященную изображеніямъ идеала демократіи въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется подготовленной національнымъ конвентомъ среди бури и грозы. Луи Бланъ не могъ не остановиться на фразѣ, только-что высказанной Гамбеттой, что «героическія

времена прошли». «Что касается до меня, сказалъ онъ:—то я не могу повѣрить тому, что героическій цѣль заключился, но я хочу вѣрить и вѣрю, что навсегда закончился цѣль террора. Я писалъ уже около 20-ти лѣтъ тому назадъ и чувствую еще съ большою живостью теперь, что терроръ подорвалъ революцію». Далѣе, перечисляя всѣ элементы республиканскаго идеала, онъ продолжалъ: «да, я сознаю, что достиженіе всего этого — не дѣло одного дня. Но невозможность достиженія сразу цѣли, которую поставили себѣ люди, нисколько не освобождаетъ ихъ отъ обязанности идти къ ней. Не оставлять ничего случаю, не испортить ничего поспѣшностью, принимать во вниманіе силу привычекъ и переходное время, отнять отъ прогресса его жестокость—все это намъ совѣтуетъ благоразуміе, но оно же повелѣваетъ намъ выполнить въ полной мѣрѣ все возможное, все, что, по существу своему, гарантируетъ побѣду принципа, которому служить». Все это, какъ видите, нисколько не противорѣчитъ заявленіямъ Гамбетты, почему обѣ его газеты и поторопились цѣликомъ нанечатать рѣчь Луи Влана, чтобы показать этимъ, что между республиканцами всѣхъ фракцій существуетъ полное единодушіе.

Единство это, впрочемъ, подтверждается и отчаяніемъ реакціоннаго лагеря. Такъ, ярый анжерскій епископъ Фреппель, въ письмѣ своемъ къ Гамбеттѣ, взываетъ о необходимости соединенія представителей всѣхъ реакціонныхъ партій для «спасенія страны», то есть клерикализма.

Эмиль де-Жирарденъ разбирая и расхваливая въ своихъ газетахъ «France» и «Petit Journal» романскую рѣчь Гамбетты, проводитъ настоятельно ту мысль, что въ слухахъ объ оставленіи Мак-Магономъ своего поста не мало вѣроятности и что необходимо, чтобы великая республиканская армія была на сторожѣ какъ 27-го октября (канунъ открытія парламентской сессіи) такъ и 7-го января (черезъ день послѣ сенаторскихъ выборовъ), такъ какъ въ эти сроки онъ можетъ оставить свой постъ и передать исполнительную власть на 24 часа въ руки людей, которые не передъ тѣмъ не останоятся.

Вынужденный посвятить чуть не все мое письмо разсмотрѣнію политическаго положенія Франціи, я могу только въ нѣсколькихъ строкахъ передать о новостяхъ изъ другихъ сферъ нашей общественной жизни, между тѣмъ, какъ одні судебныя новости заслуживали бы того, чтобы по поводу ихъ сказать многое. Статьи Максима Дюбана въ «Révue des deux mondes» о коммунахъ 1871 года, послужили поводомъ къ весьма трагическому обстоятельству. Въ одной изъ этихъ статей былъ названъ по имени бывший зуавъ Маттильонъ, какъ виновный въ поджогахъ въ Улицѣ Рояль и якобы виновный въ воровствѣ. Послѣ этой статьи, Маттильонъ самъ явился въ военный судъ, желая снять съ себя неправильное обвиненіе. Онъ уже судился послѣ низверженія коммуны, но былъ тогда оправданъ, по неизмѣненію противъ него уликъ; послѣ

того, опасаясь быть снова привлеченнымъ къ суду, онъ удалился за-границу и жилъ самымъ мирнымъ образомъ до настоящаго времени. Теперь, являсь добровольно въ судъ, онъ надѣялся оправдать свою честь; но судьи, на основаніи сообщеній Докана, приговорили его къ заточенію въ крѣпости. Приговоръ этотъ подтвердилъ и кассационный судъ. Окскіе шалуны, о которыхъ я писалъ вамъ въ прошлый разъ, всё получили должное возмездіе и приговорены къ двухъ и трехъ-годовалному тюремному заключенію. Пренія, къ счастью, велись при открытыхъ дверяхъ, такъ что всё могли убѣдиться, что республика тутъ не причемъ. Базнь Барре и Лебюза, подавшая поводъ къ самымъ возмутительнымъ сценамъ кроваво-скандальнаго характера, подала поводъ всей парижской журналистикѣ дружно протестовать, если не противъ самой смертной казни, то, по крайней мѣрѣ, противъ публичности ея исполненія.

Въ сферѣ театральнѣй, полный застой новостей, и директоры театровъ продолжаютъ угощать многочисленныхъ посѣтителей выставки старьемъ. Исключеніе сдѣлали только парижскій театръ буффъ и театръ Водевиля. Первый поставилъ весьма посредственный фарсъ «Le pont d'Avignon», въ которомъ окончательно провалилась, въ качествѣ пѣвицы, г-жа Лоди, до тѣхъ поръ имѣвшая нѣкоторый успѣхъ на сценахъ Одеона и театра Гимназіа. Водевилъ поставилъ комедію «Мужъ Иды», до нельзя смѣшной и проперченный этюдъ о страданіяхъ, какія можетъ доставить изыщному любовнику столкновение съ грубымъ и отгадеивающимъ мужемъ его возлюбленной. Сюжетъ этой пьесы принадлежитъ Манселю, одному изъ сотрудниковъ газеты «Парижская жизнь», и обработанъ для сцены однимъ изъ опытѣйшихъ нашихъ водевилистовъ, Делакуромъ. Пьеса бойко написана, мастерски сконпонована и очень смѣшна, почему и удовлетворяетъ вполне ту часть публики, которая отъ сценическихъ произведеній не требуетъ серьезно нравственныхъ элементовъ. Дьёдонне, Делакуръ и г-жа Режанъ въ ней чрезвычайно хороши.

Три большіе русскіе концерта въ Трзадеро, подъ управленіемъ г. Н. Рубинштейна, возбудили въ парижской публикѣ живой интересъ. Желавшихъ попасть на третій концертъ было такъ много, что распорядители вынуждены были устроить еще четвертый, сборъ съ котораго былъ ими любезно предоставленъ въ пользу рабочихъ, желающихъ посѣтить выставку. Между тѣмъ, къ всеобщему удивленію, отрывки изъ произведеній Глинки, за исключеніемъ блистательнаго финала изъ «Жизни за Царя», произвели всего менѣе впечатлѣнія на парижскую публику. Она, очевидно, ждала какой то особой славянской музыки, не похожей ни на что другое ей извѣстное, и съ жадностію вслушивалась во всё народныя мелодіи, которыхъ исполнено было не мало. «Херувимская» Бортнянскаго была повторена на одномъ концертѣ два раза и исполнена по требованію публики еще на другомъ. Гг.

Анто́въ Рубинштейнъ — на фортепьяно, и Генрихъ Венявскій — на скрипкѣ, признаны были всѣми единодушно первыми виртуозными исполнителями въ дѣломъ мірѣ.

Раздача наградъ экспонентамъ, назначенная распорядителями выставки на 10-е сентября, отложена до 21-го октября. Предлогомъ къ такой отсрочкѣ послужило желаніе дать возможность присутствовать на церемоніи сенаторамъ и депутатамъ, которые къ этому времени соберутся въ Парижъ передъ открытіемъ парламентской сессіи, назначенномъ на 28-е октября. Экспонентамъ это весьма не нравится, тѣмъ болѣе, что уже составленный списокъ наградъ сохраняется втайнѣ отъ экспонентовъ-французовъ, и только иностранцамъ сообщено подъ рукой, кто изъ нихъ такихъ наградъ удостоился.

Министръ торговли организовалъ большую національную лотерею съ двойною цѣлю: сдѣлать покупки у тѣхъ изъ экспонентовъ, которые наиболѣе пострадали отъ общаго промышленнаго кризиса, тяготящаго надъ Европою, и доставить средства къ посѣщенію выставки рабочимъ тѣхъ департаментовъ, въ которыхъ не могли быть вотированы особые фонды на этотъ предметъ, а часть, которая пришлась на ихъ долю изъ 500 тысячъ франковъ, ассигнованныхъ на это дѣло палатами, оказалась недостаточною для полнаго удовлетворенія существовавшей въ этомъ отношеніи потребности. Менѣе, нежели въ 48 часовъ, были разобраны 100,000 первыхъ билетовъ на эту лотерею (по 1 франку); 15-го была выпущена вторая серія билетовъ, числомъ въ миллионъ. До настоящей минуты, распорядителями куплено 50,000 предметовъ для выигрышей, на сумму 630,000 франковъ, да 2,000 вещей подарены 800 жертвователями, цѣнностью въ 400,000. Главный выигрышъ будетъ состоять изъ 100,000 франковъ. На основаніи министерскаго распоряженія, префекты уже составляютъ списки рабочимъ делегаціямъ для такой поѣздки. Итакъ, на фонды, вотированные палатами и полученные, благодаря этой лотереѣ, можно употребить уже цѣлый миллионъ на дѣло ознакомленія рабочихъ всѣхъ мѣстностей Франціи съ послѣднимъ словомъ успѣха всемірной промышленности. Едвали подобную затрату это либо позволить себѣ назвать непроизводительною.

Людовикъ.

Парижъ, 30-го сентября 1878 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

В. И. Немировичъ-Данченко. Годъ войны. Дневникъ русскаго корреспондента. I. II. томы СПб. 1878.

А. Н. Молчановъ. Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время». СПб. 1878.

Корреспондентское дѣло—дѣло новое у насъ, и вѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что оно, въ сравненіи съ его постановкою на Западѣ, является въ довольно мизерномъ видѣ. Потребность въ толковыхъ и вѣрныхъ сообщеніяхъ съ самаго мѣста дѣйствія живо почувствовалась у насъ во время сербско-турецкой войны, такъ что гг. Суворинъ и Мещерскій рѣшились даже побезпокоить свои собственныя особы и самолично съѣздить въ Сербію поглядѣть, послушать, поговорить и поразсказать. Наступила русско-турецкая война; стало извѣстно, что въ принципѣ рѣшено допустить корреспондентовъ въ армію. Это разрѣшеніе и эта общественная потребность въ корреспондентахъ застали журналистику въ значительной степени врасплохъ. Корреспондентовъ, какъ готовой журнальной корпораціи, у насъ не существовало; общаго шаблона, который вырабатывается только практикою дѣла, въ наличности не было; требованія, которымъ прежде всего долженъ удовлетворять корреспондентъ, представлялись не ясно. Въ журналистикѣ не было людей наготовѣ, на которыхъ бы можно было съ увѣренностью указать, какъ на обладающихъ всѣми литературными и житейскими качествами, необходимыми для настоящаго корреспондента. Не мало, конечно, было людей, достаточно юркихъ и ловкихъ, чтобы и свести нужное знакомство, и пробраться туда, куда не пропускаютъ, и вывѣдать интересную тайну, и поговорить прилично съ людьми, власть имѣющими, и т. п., но съ этой расторопностью эти люди не соединяли достоинствъ чисто писательскихъ; были другіе, намозолившіе себѣ руки писаньемъ, но, какъ показалъ опытъ, на первыхъ же шагахъ растерявшіеся среди живыхъ людей и фактовъ до того, что въ головѣ ихъ, какъ очевидно было для читателя, образовался какой-то сумбуръ, очень чувствительно дававшій себя знать въ ихъ корреспонденціяхъ. Выбирать было не изъ кого; приходилось посылать кого довелось, и очень естественно, что мы, въ особенности на первыхъ порахъ, принуждены были чи-

татъ корреспонденціи и телеграммы, живо напоминающія телеграмму одного изъ «Тряпичьяныхъ очевидцевъ»: «Кинешма. Русскія войска перешли черезъ Дунай! ура! Пью за ваше здоровье, Аннушка!» Г. Немировичъ-Данченко повѣствоваль о свѣжихъ ногахъ румынокъ; г. Буренинъ рассказываль, какъ «мы съ Гирсомъ» удостоились чести выпить чаю у такого-то полковника, какъ «насъ съ Гирсомъ» перевозилъ черезъ Дунай самъ г. Шестаковъ, и какъ солдаты безпрестанно величаютъ насъ: «ваше благородіе!»; г. Карзинъ, по обыкновенію, *азиатничалъ*, и если не ежедневно, то еженедѣльно восклицаль: «крови, Яго, крови!» Наконецъ, болѣе «серьзные», желая блеснуть передъ читателемъ своимъ политическимъ развитіемъ, своими знаніями, рассказывали намъ, что Дунай—рѣка широкая, что англичане—народъ цивилизованный, и что Киръ, царь персидскій, покорилъ Вавилонское царство. Все это мы читали и все прощали, потому что все понимали. Въ самомъ дѣлѣ, ѣдетъ корреспондентъ въ чьемъ мать его родила—что съ него требовать, и что съ него взять? Къ дѣлу онъ не готовился, прямыхъ обязанностей своихъ не понимаетъ, чего отъ него ждутъ и требуютъ, не знаетъ, а оригинальнѣе условія русской жизни вообще и русской печати въ частности сформировали въ немъ такіа умственные и нравственные привычки, которыя даютъ себя знать и на его новомъ поприщѣ, очень невыгодно отличая его отъ заграничныхъ конкурентовъ. Все это въ порядкѣ вещей. Какойнибудь новоиспеченный корреспондентъ писалъ передъ тѣмъ весь вѣкъ свои фельетоны и никто его за человекъ не считаль—и вдругъ, люди, дѣлающіе исторію, чаемъ его угощаютъ, солдаты чувствуютъ «благородіемъ»! Лестно до послѣдней степени, и есть отъ чего заружится бѣдной головѣ. Другой составилъ себѣ специальность по части фельетонно турецкой беллетристики, привыкъ видѣть, что его читатели, кромѣ эффектности повѣствованія, любятъ еще легкой слой игривой клубнички и онъ хватается, какъ за спасительный якорь, за женскія ноги. Оно хоть и неприлично, да за то пикантно. «Нескладно, да за то адрово», какъ говоритъ извоицъ въ извѣстномъ анекдотѣ. И такъ далѣе. Все на севѣ свѣтѣ законосообразно и цѣлесообразно; понимать—значитъ не удивляться, и мы не удивляемся ни этимъ пожатіемъ, внезапно возсіявшимъ на мрачномъ горизонтѣ военной трагедіи, ни этому радостному самодовольствію фельетониста, не только не обруганнаго, но убогатореннаго стаканомъ чая и даже въ наглуду.

Помимо этихъ внутреннихъ, журнальныхъ, такъ сказать, домашнихъ условій, внѣшнія, такъ называемыя, «независимія обстоятельства» и даже не въ специальномъ, а въ широкомъ смыслѣ слова были столь же, если не болѣе неблагоприятны. Крайняя незрѣлость извѣстной части общества, до сихъ поръ полагающей, что не слѣдуетъ выносить сора изъ избы, боящейся гласности и недоувѣряющей печати, отразилась очень невыгодно на положеніи нашихъ корреспондентовъ. Г. Молчановъ очень хорошо характери-

зуетъ это своеобразное положеніе. «За-границей, говоритъ онъ:— привыкли къ корреспондентамъ... тамъ никто не интересуется даже вашимъ именемъ; названіе органа прессы, куда пишеть корреспондентъ, замѣняетъ всякую личную рекомендацію. Оттого и намъ тамъ чувствуется легче. Разспросы и вопросы уходятъ съ личной почвы; отвѣты имѣютъ въ виду печать, а не уши корреспондента. Не всегда такъ легко и хорошо ощущеніе наше, когда приходится имѣть дѣло съ родичами. Редакціонная карточка иному изъ нихъ ровно ничего не объясняетъ. Да вы то сами кто такой? сурово спрашиваютъ уста и разговоръ становится сразу на почву формулярнаго списка. Въ эти минуты невольно чувствуешь себя истиннымъ сыномъ Руси: литературный чинъ забыть и злобной насмѣшкой звучить другая рекомендація: «я титулярной совѣтникъ, ваше пр—во!» (459—460). Все это весьма справедливо и необходимо имѣть въ виду. Если же при томъ читатель припомнитъ того англійскаго корреспондента, которому наши офицеры подавали пальто, хотя при этомъ и пожимали плечами и улыбались презрительно, а, съ другой стороны, возобновить въ памяти интересный рассказъ корреспондента «Биржевыхъ Вѣдомостей» о томъ, какъ его какой-то хлѣбосольный генералъ вернулъ, чуть не подъ конвоемъ, за пятнадцать верстъ, за тѣмъ только, чтобы позавтракать съ нимъ—ему станетъ окончательно ясно, что для русскихъ корреспондентовъ должна быть особая, русская, маленькая мѣрка.

Несмотря на эту общность положенія, каждый изъ нашихъ корреспондентовъ отличается своею индивидуальною физиономією. Собственно гг. Молчановъ и Немировичъ Данченко не имѣютъ между собою даже ничего общаго, ни по тенденціямъ, ни по манерѣ письма, что можетъ показаться очень удивительнымъ въ виду того, что оба они—корреспонденты одной и той же газеты. Разница эта, впрочемъ, обуславливается не только личными свойствами корреспондентовъ, но и сюжетами ихъ писемъ: г. Немировичъ описываетъ исключительно военныя событія, тогда какъ г. Молчановъ говоритъ о томъ томительному затишьѣ, которое установилось въ промежуткѣ между «миромъ и конгрессомъ». Сообразно съ этимъ, г. Немировичъ держится гораздо болѣе фактической, нежели теоретической почвы, г. Молчановъ—наоборотъ; значительная часть его писемъ наполнена его разсужденіями, изложеніемъ его политическихъ взглядовъ. Взгляды эти очень мало намъ сочувственны. Касаться ихъ мы не станемъ, такъ какъ оригинальнаго въ нихъ мало: объединенное славянство съ столицей Константинополемъ—таковъ политическій идеалъ г. Молчанова. Что касается фактовъ, сообщаемыхъ г. Молчановымъ, то, какъ сказано, они немногочисленны, но болѣею частью очень характерны, и вообще г. Молчановъ—въ этомъ надо отдать ему справедливость—умѣетъ отличать важное отъ неважнаго и не поступаетъ серьезными сторонами дѣла, ради сообщенія своимъ письмамъ анекдотическаго интереса. Отъ этого его письма, конечно, толь-

во выигрываютъ, потому что никакой анекдотъ не въ силахъ произвести такого впечатлѣнія, какъ тѣ—говоря словами автора «невозможныя, но дѣйствительныя» вещи, о которыхъ онъ рассказываетъ. Мы приведемъ одно мѣсто, заслуживающее вниманія и само по себѣ, по своему любопытному содержанию, и потому, что наглядно обрисовываетъ ту метафорическую манеру писанья, которой должны были держаться наши корреспонденты. «Какъ могло существовать такъ долго столь позорное для русскаго имени учрежденіе, какъ товарищество кормильцевъ? Совсѣмъ несправедливо предполагать, что среди участниковъ войны не было честныхъ, энергичныхъ людей, готовыхъ бороться съ зломъ еврейской эксплуатаціи казны и героевъ. Такие люди были. Напримѣръ, полевой генераль-контролеръ г. Черкасовъ ровно три мѣсяца тому назадъ представлялъ обширный трудъ—докладъ, въ которомъ была собрана масса живыхъ и свѣжихъ доказательствъ абсолютнаго вреда и нахальной недобросовѣстности товарищества. Этотъ докладъ—историческій документъ, рисующій яркими красками наше невеселѣе недавнее прошлое. Онъ временно разбился о камни и камешки и оставался подъ сукномъ до настоящей поры. Камни были всякіе: и крупныя, прерывавшіе доклады восклицаніемъ: «посмотрите-ка, какая хорошенькая видеть!» и сравнительно маленькіе, упрекавшіе: «время ли теперь слѣдствіе производить? Помилуйте!» (412). Таково большинство фактовъ, сообщаемыхъ г. Молчановымъ. Всѣ они носятъ характеръ обличительный и мы можемъ вѣрить это тѣмъ въ большую заслугу автору, что, какъ онъ рассказываетъ, по поводу нѣкоторыхъ его изобличеній, въ Санъ-Стефано толковали: «какъ смѣетъ литература раскапывать наши дѣла; у насъ есть своя законная отвѣтственность» (536). Трудно жить и еще несравненно того труднѣе писать среди людей, уровень развитія которыхъ не поднимается выше заскоруждой логики полковыхъ канцелярій.

Совсѣмъ другое должны мы сказать о г. Немировичѣ Данченко. Правда, серьезность событий, въ которыхъ онъ непосредственно участвовалъ, очевидно, повліяла на него. Его «письма» въ отдѣльномъ изданіи имѣютъ несравненно болѣе правильный видъ, нежели его газетныя корреспонденціи въ ихъ первоначальномъ видѣ. Завсѣмъ тѣмъ, обычная погоня автора за грошовыми эффектами и краснымъ словцомъ сказалась и въ его книгѣ. Г. Немировичъ не столько корреспондируетъ, сколько драматизируетъ и фантазируетъ. Одно уже названіе главъ наводитъ на читателя нѣкоторый романческій ужасъ: «Передъ грозой», «Турки пошли въ атаку», турки дрогнули», «Османъ самъ ведетъ наступленіе»—такими дumasовскими чертами описывается у него, напримѣръ, плевненскій эпизодъ. При этомъ въ изобиліи общаются частности, которыя, очевидно, ни видѣть, ни провѣрить корреспонденту не было никакой возможности, но которыми г. Немировичъ очень дорожить, потому что они «интересны»!—въ гостиниодворскомъ смыслѣ. Мы могли бы привести многое

множество прикѣровъ—книга г. Немировича превозмужаетъ романтическими эффектами—но, по необходимости, ограничимся только двумя. Османъ «съ отчаяніемъ исеалъ или выхода, или смерти. Но всюду, куда ни носилъ его благородный арабскій конь—передъ нимъ выростала стѣна грозныхъ штыковъ и прямо въ лицо паши гремѣло неудержимое ура. Съ воспаленными глазами, стиснувъ зубы, еще разъ Османъ повелъ дружины... О, моя родина! вскрикнулъ паша» (II, 25). А вотъ сцена послѣ заключенія сан-стефанскаго договора: «Весь поблѣднѣвшій, дрожа отъ негодованія, намученный, Лейардъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, говоря съ корреспондентомъ «Daily News» Мак-Галаномъ.— Я хотѣлъ войны, меня не послушали... Но посмотрите! Игра еще не потеряна! И онъ мрачно сверкнулъ глазами, обдумывая новые ходы въ этой сотни лѣтъ длящейся драмѣ Востока» (II, 237). Эти и подобныя имъ сцены очень живо напоминаютъ намъ извѣстные глупые романы итѣмца Грегора Самарова, въ которыхъ то Наполеонъ III мрачно вперяетъ взоръ въ прошедшее, то Бисмаркъ величественнымъ мановеніемъ руки отдергиваетъ завѣсу будущаго и т. п. Все это достаточно смѣшно въ романахъ; а въ корреспонденціяхъ, первѣйшее достоинство которыхъ фактическая достоверность, такіа сцены неумѣстны до нелѣпости. Нѣтъ, конечно, ничего невозможнаго въ томъ, что Османъ стискивалъ зубы, а Лейардъ мрачно сверкалъ глазами; но, не говоря уже о томъ, что это довольно безразлично для читателя, очевидно, что подобныя свѣдѣнія не допускаютъ никакой провѣрки, если бы кому-нибудь вздумалось заняться этимъ бесполезнымъ дѣломъ. Авторъ, все въ тѣхъ же заботахъ объ «интересѣ» своихъ корреспонденцій, не брезгаетъ и анекдотами, которые онъ, для болѣе широкаго правдоподобія, рассказываетъ, называя имена, но которые, къ сожалѣнію, давнымъ давно занесены въ разныя сборники военныхъ анекдотовъ. Таковъ, наприкѣръ, рассказанный г. Немировичемъ анекдотъ о «храбромъ еврейчикѣ» (II, 76).

Но, какъ мы уже замѣтили, трагизмъ событій не остался безъ вліянія и на г. Немировича. Самое отчаянное легкомысліе, самая безшабашная хлестаковщина должны образумиться, сосредоточиться въ виду кровавой драмы страданій тысячъ людей. Этому отрезвляющему вліянію мы обязаны нѣсколькими, дѣйствительно хорошими страницами, которыя встрѣчаются въ книгѣ г. Немировича. Возмущенный, напр. страданіями подъ Шанькой солдатъ 24 дивизіи, возмущенный видомъ этихъ «замерзнувшихъ мучениковъ», онъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ говорить о причинахъ и виновникахъ этихъ страданій. «Замерзли, потому что о нихъ никто не думалъ, потому что ихъ жизнь никому не была дорога. Шаркунамъ, фразерамъ, карьеристамъ не было дѣла до этихъ сотенъ нашихъ страстотерпцевъ и труженниковъ. Безотвѣтно умирали они на морозѣ и ни чей голосъ до сихъ поръ не возсталъ за нихъ—потребовать отчета отъ тѣхъ, на чей обязанности лежали заботы о нихъ. Я обращаюсь те-

перь къ этимъ послѣднимъ, обращаюсь какъ человекъ, у котораго наболѣла душа, какъ очевидецъ этого позора: что вы сдѣлали съ этими сильными, здоровыми людьми? Оправдайтесь, если можете! Если нѣтъ — покайтесь и раскройте эту потрясающе-скорбную эпопею людскихъ страданій, можетъ быть, этимъ самымъ вы предупредите много еще такихъ же несчастій и хотя немного заглядите свою великую вину передъ народомъ, передъ Россіей, которой вѣрно и честно служить вы принесли присягу! Помните—я не откажусь ни отъ одного слова моего обвиненія, и если другіе въ арміи прощали и оправдывали васъ, я, послѣдній, быть можетъ, изъ людей, бывшихъ тамъ, я требую вашего отвѣта, я ставлю свой вопросъ прямо и честно, обращаюсь вмѣстѣ съ тѣмъ къ чувству правды, которая все таки живетъ въ нашемъ обществѣ. Авось и оно тысячами устъ повторитъ послѣ меня все тотъ же вопросъ: что вы сдѣлали съ своими солдатами?» (II, 104—105).

Хорошо сказано — энергично и горячо. Мы поздравляемъ г. Немировича съ этой страницей. Имѣли ли, или, по крайней мѣрѣ, возымѣютъ ли эти горячія изобличенія какой нибудь практической результатъ—это иной вопросъ, за рѣшеніе котораго въ ту или другую сторону корреспондентъ не отвѣтственъ. Такимъ же характеромъ отличаются и нѣкоторыя другія свидѣтельства г. Немировича (очень немногочисленные, къ несчастію), въ родѣ того, что «нагайка была карманнымъ словаремъ для разговоровъ съ братушками. Ихъ не было только дѣтский» (II, 255), или самое гнетущее впечатлѣніе производящій рассказъ о томъ, какъ бѣжавшіе отъ отряда полковника Панютина, мирные турецкіе жители бросали по дорогѣ «тысячи дѣтей». «Это дѣло, прибавляетъ г. Немировичъ, чернымъ пятномъ ложится на нашу совѣсть. Спусти двѣ недѣли, еще тысячи дѣтскихъ трупиковъ валялись и гнили въ грязи дороги, служа страшнымъ укоромъ нашимъ собственнымъ російскимъ башибузукамъ» (II, 185).

Намъ представляется особенно важнымъ, что факты эти сообщаются не какими-нибудь лицами, состоящими въ подозрѣніи относительно патріотизма, а именно гг. Немировичемъ и Молчановымъ. Мы еще, можетъ быть, вернемся къ этимъ фактамъ.

Гастонъ Буассе. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Переводъ Маріи Корсака. Москва 1878.

Время великаго религіознаго движенія, охватившаго древній міръ въ эпоху появленія христіанства и завершившагося водвореніемъ новаго ученія на развалинахъ языческихъ вѣрованій, есть несомнѣнно одинъ изъ самыхъ любопытныхъ и поучительныхъ періодовъ въ исторіи человѣчества. Не мудрено, что этотъ періодъ давно привлекъ на себя вниманіе ученыхъ. На Западѣ существуетъ цѣлая литература, посвященная изслѣдованію историческаго генезиса христіанства и отношеній его къ нравственно-религіознымъ идеямъ языческаго міра. Разсматриваемое какъ историческій фактъ, христіанство должно занимать извѣстное

мѣсто въ ряду другихъ историческихъ фактовъ и чтобы опредѣлить это мѣсто необходимо выяснить: въ какой мѣрѣ новое ученіе было подготовлено предыдущимъ развитіемъ того общества, гдѣ оно возникло и распространилось. Въ особенности интересно прослѣдить при этомъ отношенія христіанства къ греко-римскому міру. Когда евангельская проповѣдь была перенесена на классическую почву (на которой собственно и создалось историческое христіанство), оно встрѣтилось тамъ съ религіозно-философскимъ движеніемъ, имѣющимъ много точекъ соприкосновенія съ христіанствомъ. Первобытныя языческія воззрѣнія къ тому времени значительно видоизмѣнились подъ вліяніемъ философскихъ идей, монотеизмъ являлся уже болѣе или менѣе преобладающимъ ученіемъ. Точно также въ сферѣ моральной, узкія рамки національной исключительности были раздвинуты: *человѣкъ* становился постепенно на мѣсто *враждебнаго*, идея гуманности мало-по-малу проникала въ сознаніе общества. Въ какомъ же отношеніи этотъ прогрессъ языческаго міра находился къ возникшему христіанству? Насколько отразились классическія традиціи на дальнѣйшемъ развитіи новаго ученія? Эти вопросы не разъ ставились въ трудахъ европейскихъ ученыхъ и рѣшались весьма различно. Самыя крайнія мнѣнія по этому предмету находятъ мѣсто въ наукѣ. Такъ существуетъ школа, вовсе отрицающая связь христіанства съ ученіями языческой древности. Напротивъ того, многіе ученые считаютъ христіанскія идеи прямымъ наслѣдіемъ классицизма. «Обращая вниманіе исключительно на великіе принципы, изложенные философами, говоритъ Буассье:—ученые эти рисуютъ тогдашній вѣкъ въ самыхъ увлекательныхъ краскахъ и ставятъ древнюю мудрость такъ высоко, что переворотъ, совершенный христіанствомъ, становится какъ бы не нужнымъ и начинаетъ даже казаться, что подобнаго переворота вовсе не было и новая религія не что иное, какъ естественное продолженіе древнихъ религій и философскихъ ученій».

Въ нашей научной литературѣ, по причинамъ весьма понятнымъ, указанные вопросы почти совсѣмъ не затронуты. Мы не только не имѣемъ самостоятельныхъ изслѣдованій о происхожденіи христіанства и объ одновременномъ ему религіозномъ возрожденіи язычества, но даже и работы западныхъ ученыхъ у насъ почти неизвѣстны. Нельзя не порадоваться поэтому появленію на русскомъ языкѣ такого капитальнаго сочиненія по данному вопросу, какъ трудъ Буассье.

Буассье останавливается въ своей книгѣ спеціально на римскомъ языческомъ обществѣ и разсматриваетъ перемѣны, происшедшія въ религіозномъ сознаніи этого общества въ промежутокъ времени между Августомъ и Маркомъ Авреліемъ. Эпоха эта, знаменательная во многихъ отношеніяхъ, составляетъ поворотъ и въ исторіи римской религіи. «Церейди читатель, говоритъ Буассье:—прямо отъ переписки Цицерона къ перепискѣ Марка Аврелія, онъ очутился бы въ новомъ мірѣ. Въ какіе-ни-

будь два вѣка римское общество измѣнилось до основанія; но изъ всѣхъ пережитыхъ имъ измѣненій, самое замѣчательное и самое неожиданное было то, что оно отъ невѣрія перешло къ «набожности». Изложеніе исторіи этого религіознаго возрожденія, изслѣдованіе причинъ, его вызвавшихъ, и разъясненіе его значенія для позднѣйшаго христіанскаго періода Рима и составляетъ задачу сочиненія Буассье.

По возрѣніямъ своимъ на изслѣдуемую эпоху, Буассье не принадлежитъ ни къ одной изъ крайнихъ школъ, о которыхъ было упомянуто выше. Попытки азычества къ перерожденію и новому развитію, которыми ознаменованъ I вѣкъ нашей эры, по мнѣнію его, подготовили пути для христіанства и облегчили ему успѣхъ. Но это не значитъ еще, чтобы христіанскій переворотъ былъ произведенъ и вполне объясненъ религіознымъ и философскимъ движеніемъ I вѣка. Христіанство пользовалось этимъ движеніемъ, говоритъ Буассье, «но не вышло изъ него; происхожденія его слѣдуетъ искать не здѣсь; утверждаясь въ исторіи, оно приносило ученіе, которое было неизвѣстно Риму и которое ему было нѣсколько трудно понять. «Посланіе къ римлянамъ» не содержитъ въ себѣ ничего похожаго на системы, изобрѣтенныя греческими философами, и его никакъ нельзя считать подражаніемъ имъ. Но точно также несправедливо предполагать, будто христіанство только продолжало собою дѣло древнихъ религій и позволять себѣ думать, что, еслибы оно не прервало ихъ своимъ подавленіемъ, то онѣ сами собою достигли бы того, къ чему оно пришло. Напротивъ, послѣ страшныхъ усилій, онѣ остановились, какъ бы истощенныя, во II вѣкѣ. Повидимому, онѣ достигли въ то время своихъ естественныхъ границъ и врядъ ли были въ состояніи идти далѣе. Слѣдовательно, переворотъ, произведенный христіанствомъ, дѣйствительно, его собственное дѣло и плодъ его личныхъ усилій» (стр. 64). Философское и религіозное движеніе I-го вѣка шло по тому же направленію, которое приняло и христіанство, и преслѣдовало тѣ же цѣли, но оно не въ силахъ было достигъ ихъ вполне. «Философія поставила великія задачи, но не разрѣшила ихъ; религія возбудила умы, но не удовлетворила ихъ». Такое удовлетвореніе принесло міру только христіанство.

Вотъ конечные выводы, къ которымъ приводитъ Буассье анализъ религіознаго состоянія римскаго общества 1-го и 2-го вѣковъ. Мы не будемъ входить здѣсь въ обсужденіе того, насколько они справедливы и подтверждаются фактами, излагаемыми въ книгѣ; мы приведемъ ихъ лишь для того, чтобы охарактеризовать основную точку зрѣнія Буассье. Къ тому же, главная сила разбираемой книги лежитъ не столько въ обобщеніяхъ и философскомъ освѣщеніи данныхъ (съ этой стороны она оставляетъ желать многого), сколько въ богатствѣ и полнотѣ фактическаго матеріала, ея доставляемаго. Въ предисловіи къ своему труду Буассье говоритъ, что онъ старался «подобрать какъ можно болѣе

фактовъ, наложить ихъ безъ всякаго искаженія и сохранить ихъ дѣйствительный характеръ, такъ чтобы каждый читающій могъ самъ составить себѣ собственное мнѣніе». Это обѣщаніе выполнено какъ нельзя лучше и, какъ сводъ превосходно изложенныхъ и сгруппированныхъ матеріаловъ, книга Буассье заслуживаетъ самаго полнаго вниманія. Программа ея задумана весьма широко и многосторонне. Мы находимъ въ ней не только изображеніе собственно римской религіи и переи́нъ, происшедшихъ въ ней въ I и II вѣкахъ, но и картину состоянія римскаго общества въ эту эпоху. Философское движеніе, литература, нравы, общественныя учрежденія, такъ или иначе связанныя съ религіею—все это входитъ въ кругъ изслѣдованія Буассье. При такой широкой программѣ, самый подборъ фактовъ сдѣланъ очень тщательно и добросовѣстно. Буассье основывается вездѣ на первоначальныхъ источникахъ, подвергая ихъ показанія строгой критикѣ и перекрестной проверкѣ. Такъ какъ при этомъ главнымъ пособіемъ для него служилъ драгоценный матеріалъ, представленный надписями, то нѣкоторые вопросы въ его изслѣдованіи представляются совершенно въ новомъ свѣтѣ. Укажемъ, для примѣра, на главу о культѣ цезарей или на крайне любопытныя данныя объ ассоціаціяхъ въ древнемъ Римѣ и объ отношеніи ихъ къ религіозному возрожденію.

Курсъ русскаго гражданскаго права. II. Цитовича. Т. I. Ученіе объ источникахъ права. Выпускъ первый. Одесса. 1878 г.

Въ концѣ послѣдней книжки «Журнала Гражд. и Уголовнаго Права» за прошлый годъ приложенъ весьма любопытный документъ, подъ названіемъ «Матеріалы журнальной статистики». Изъ этого документа оказывается, что «Журналъ» имѣлъ въ 1877 году всего 775 подписчиковъ; а между тѣмъ, въ этомъ году состояло на лицо 1,822 лица въ должностяхъ судей и прокуроровъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, не считая притомъ варшавскаго и тифлискаго округовъ. А мировые судьи? А присяжные повѣренные? Чѣмъ же питаетъ свою юридическую мысль вся эта юридическая публика? Вѣдь специально-юридическое изданіе у насъ въ Россіи только одно и есть. Чтѣ же читаютъ наши судебныя дѣятели по своей специальности? Очевидно, что отвѣтъ можетъ быть только одинъ: ничего! Къ этому выводу, сдѣланному обозрвателемъ юридическаго журнала («Журн. Гр. и Уг. Пр.» 1878, кн. 1, стр. 202) изъ сопоставленнаго имъ статистическаго матеріала, мы безусловно присоединяемся. Чѣмъ же объясняется такое патологическое состояніе русской юридической мысли, такое упорное «воздержаніе» отъ принятія юридической пищи? По мнѣнію обозрвателя, русскій судебный персоналъ только по инертности считаетъ вліяніемъ изучать науку и руководствоваться началами ея. «Русскіе судьи, говоритъ оны:—какъ нѣбогда кушцы, успокоиваются на пословѣцѣ: «дѣды не знали по латынѣ, а живали лучше, чѣмъ мы нынѣ». Равнодушіе такъ называемой русской «интеллигенціи» ко

всёкой наукѣ, а, слѣдовательно, и къ юридической, явленіе слишкомъ извѣстное и мы не будемъ, конечно, оспаривать его существованіе. Тѣмъ не менѣе для того, чтобы быть вполне непристрастнымъ, обозрѣвателю юридическаго журнала не мѣшало бы остановиться и на слѣдующемъ вопросѣ: не поддерживается ли та застарѣлая, хроническая болачка русской юридической публики, ея пассивное отношеніе къ умственной пищѣ злокачественностью самой «пищи», которая преподносится юристамъ. Вѣдь еще въ воинскомъ уставѣ 1698 года отъ военнаго юриста требуется, чтобы онъ былъ «читателемъ» книгъ. «Подобааетъ ему, говорится тамъ, правдивому человѣку и книгъ читателю быть и воинскіе уставы изъ устъ основательно разумѣть». Безъ малаго двѣсти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ составлено это внушеніе, а русскіе юристы, военные и гражданскіе, все еще книгъ не читаютъ. Очевидно, что жизнность русской юридической мысли ничѣмъ не нарушалась въ теченіе этихъ 200 лѣтъ, очевидно, что въ области русской юридической науки не появилось и до сихъ поръ не появляется ничего такого, что возбудило бы любознательность, что пробудило бы сонную мысль русскихъ юристовъ.

Предъ нами одно изъ новѣйшихъ произведеній по русской юриспруденціи: «Курсъ» г. Цитовича. Чему можетъ научиться изъ него русскій юристъ? На стр. 36 мы читаемъ опредѣленіе того, что именуется въ Россіи закономъ: «Зако́нъ есть всякое обнаруженіе личной воли Императора, какъ скоро Императору угодно придать этому обнаруженію значеніе воли государственной». Опредѣленіе это совершенно вѣрно, конечно, но сто́итъ ли русскому юристу приобрѣтать для ознакомленія съ этимъ предметомъ «Курсъ» г. Цитовича, когда онъ можетъ справиться объ этомъ въ 1 томѣ «Свода Зако́новъ», въ такъ называемыхъ «Основныхъ законахъ», гдѣ этотъ вопросъ изложенъ весьма обстоятельно? Идемъ дальше и читаемъ на стр. 37: «постановленія различныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, какъ-то: дворянскихъ обществъ, земскихъ собраній, городскихъ думъ, мирскихъ сходовъ и т. п. — не законы». Г. Цитовичъ считаетъ нужнымъ присовокупить къ приведенному выше положительному опредѣленію закона еще и отрицательное, въ виду того, что нѣкогда, въ средніе вѣка, упомянутыя постановленія были формами мѣстнаго законодательства: Факты, сообщаемые здѣсь г. Цитовичемъ, такого рода, что ихъ изъ «Свода Зако́новъ» почерпнуть нельзя; русскій юристъ можетъ быть и заинтересуется ими, захочетъ узнать, почему и какимъ образомъ мирскіе сходы и т. д. потеряли то право, которымъ они нѣкогда пользовались, какимъ путемъ и вслѣдствіе какихъ причинъ право издавать законы, принадлежавшее нѣкогда множеству отдѣльныхъ группъ, отошло отъ нихъ и сконцентрировалось въ лицѣ единой верховной власти? Все это русскій юристъ, если онъ рѣшился быть «книгъ читателемъ», можетъ быть, и захочетъ узнать, но въ «Курсѣ»

г. Цитовича онъ отвѣта не найдетъ и едва пробудившійся въ немъ интересъ такъ и заглохнетъ, не нашедши удовлетворенія.

Начиная съ стр. 40, г. Цитовичъ говоритъ объ обнародованіи закона. «Надлежащій порядокъ» обнародованія закона въ Россіи заключается въ томъ, что изданный законъ разсылается сенатомъ по губернскимъ правленіямъ, а послѣдними по полицейскимъ управленіямъ. Г. Цитовичъ недоволенъ «установленнымъ порядкомъ» обнародованія закона. Онъ находитъ, что этотъ порядокъ «не есть обнародованіе закона *во всеобщее свѣдѣніе*, а скорѣе увѣдомленіе отдѣльныхъ органовъ администраціи и суда, что состоялось новое узаконеніе, которымъ и предписывается руководствоваться на будущее время». Въ западной Европѣ этотъ порядокъ, существовавшій нѣкогда и тамъ, замѣненъ другимъ, сущность котораго заключается въ томъ, что новый законъ доводится до свѣдѣнія всякаго, кто умѣетъ читать. Законъ печатается въ оффиціальномъ сборникѣ. Русскому юристу, можетъ быть, опять-таки интересно было бы знать, почему у насъ *такъ*, а въ Европѣ *иначе*, почему въ Европѣ правительственная власть обращается ко всему читающему обществу, а у насъ только къ губернскимъ и полицейскимъ управленіямъ; какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ культурно-историческихъ условій, существовавшій тамъ порядокъ, тождественный съ нашимъ, замѣненъ былъ другимъ порядкомъ, нынѣ тамъ существующимъ? Но г. Цитовичъ считаетъ такую любознательность, очевидно, излишнею и взаимъ нашихъ требованій даетъ намъ для обогащенія нашихъ познаній слѣдующую фразу: «обнародованіе закона сообщаетъ ему признакъ *обнародованности*» (стр. 46), фразу, смахивающую на извѣстное изрѣченіе у Мольера, по которому снотворное средство потому и снотворно, что «въ немъ есть усыпляющая сила—*quia in ea est vis dormitiva*».

Убѣдить г. Цитовича и другихъ составителей «Курсовъ» въ томъ, что заниматься перепечатываніемъ и изложеніемъ содержанія законовъ по порядку ихъ нумераціи или въ какомъ-либо другомъ порядкѣ совершенно излишне, мы конечно не успѣемъ, такъ какъ на этомъ зиждется вся современная юридическая наука. Но мы надѣемся убѣдить всѣхъ тѣхъ, кто въ составленіи такихъ «Курсовъ» неповиненъ, что русскіе юристы не совсѣмъ неправы, если они такихъ «Курсовъ» не читаютъ. Первый выпускъ «Курса» г. Цитовича посвященъ ученію «Объ источникахъ права». Издавна въ ряду источниковъ права вмѣстѣ съ «закономъ» ставится «обычай». Каково же отношеніе обычая къ закону? «Преращеніе закона обычаемъ», говоритъ г. Цитовичъ, хотя бы и въ формѣ «подтачиванія», прежде всего не можетъ имѣть мѣсто силой ст. 72 осн. зак... Быть можетъ, такое «подтачиваніе» закона было бы *очень хорошо*; но нашъ Сводъ, какъ и другіе кодексы, напередъ охранилъ отъ него свои законы, что вѣроятно, *еще лучше*» (стр. 49). Прочитавши эту фразу, русскій юристъ, конечно, прежде всего будетъ недоумѣвать. Подтачиваніе закона—

*

«очень хорошо», а охранение отъ подтачиванія «еще лучше»! Но это недоумѣніе, вызванное въ немъ изумительною фразою г. Цитовича, разсѣется, когда онъ прочтетъ на стр. 86 слѣдующую фразу: Предъ могуществомъ закона, говорится тамъ, «нужно склониться и преклониться, ибо одинъ законъ есть надежная охрана отъ иныхъ претензій на могущество, отъ посягательствъ произвола; рабство предъ закономъ есть единственная опора и форма свободы». Очевидно, слѣдовательно, что, по мнѣнію г. Цитовича, «подтачивать» не годится, а нужно «охранять». Но если это такъ, то русскій юристъ долженъ придти еще въ большее недоумѣніе. Если онъ проштудировалъ весь первый выпускъ «Курса» г. Цитовича, стоящій 120 копеекъ и занимающій 128 страницъ (по копейкѣ за страничку), то онъ узналъ изъ него, что г. Цитовичъ занимается исключительно описаніемъ того, что есть, изображеніемъ того, что совершается, и сторонится отъ всего того, что можетъ или должно быть. Такъ, въ одномъ мѣстѣ своего «Курса», онъ законически отрѣзываетъ г. Кавелина афоризмомъ: «Мы не занимаемся гражданскимъ правомъ будущаго». Спрашивается, какъ же тутъ быть? Самъ г. Цитовичъ говоритъ, что въ русскомъ гражданскомъ законѣ мы видимъ въ сущности «распространеніе опредѣленій, возникшихъ для недвижимостей одной *сословной категоріи*, на недвижимость другихъ категорій. Такъ, постановленія о родовыхъ имуществвахъ, возникшія для дворянскихъ помѣстій и вотчинъ, распространены на недвижимость городского и сельскаго свободнаго сословія, *распространеніе, сдѣланное вопреки всему ходу историческаго развитія*. Точно также постановленія о наследованіи, возникшія на почвѣ стараго помѣстнаго и вотчиннаго права, обобщены не только на недвижимости другихъ категорій, но даже и на движимость» (22). Самъ г. Цитовичъ признаетъ, такимъ образомъ, что распространенія и обобщенія сдѣланы были закономъ «вопреки всему ходу историческаго развитія», или, иначе говоря, жизнь многихъ классовъ русскаго общества продолжала развиваться совершенно самостоятельно и независимо отъ закона, что господствовавшіе среди нихъ нормы—«обычай» вытѣсняли дѣйствіе закона, несмотря на то, что онъ распространялся и на нихъ. Это вытѣсненіе закона обычаемъ, это «подтачиваніе» совершалось и совершается и въ настоящее время, несмотря на то, что существуетъ 72 ст. осн. закон. Г. Цитовичъ, который занимается «гражданскимъ правомъ настоящаго», не могъ и не долженъ былъ задаваться идеалами того будущаго, когда законъ не будетъ «подтачиваться» обычаемъ, когда 72 ст. осн. зак. будетъ дѣйствительною, а не мнимою охраною отъ посягательствъ обычая. Тѣмъ не менѣе г. Цитовичъ сдѣлалъ это и сдѣлалъ потому, что онъ вовсе не занимается изслѣдованіемъ гражданскаго права «настоящаго», какъ онъ говоритъ и думаетъ, а изложеніемъ содержанія русскіхъ законовъ, знакомство съ которыми русскій юристъ можетъ и долженъ почерпнуть изъ самаго «Свода законовъ», помнимо и неза-

всѣмъ отъ г. Цитовича. Все, что сказано здѣсь о «Курсѣ» г. Цитовича, относится mutatis mutandis къ большинству «Курсовъ» и изслѣдованій по современной юриспруденціи. Всѣ они менѣе всего нужны юристамъ, такъ какъ они «своими словами» излагаютъ содержаніе русскихъ законовъ, точно также, какъ ученики гимназій излагаютъ «своими словами» учебникъ исторіи Иловайскаго. При современномъ состояніи русской юриспруденціи русскому юристу слѣдуетъ только обзавестись «Сводомъ законовъ» со всѣми «Приложеніями» — и basta! Читать ему нечего и незачѣмъ.

Географическіе очерки и картины. Т. I. Очерки и картины Поволжья. А. Овсянникова. Спб. 1878.

Слишкомъ часто раздаются у насъ жалобы на скудость литературы, на рѣдкое появленіе чего либо порядочнаго въ массѣ всѣхъ этихъ «Годовъ войны», «Подвиговъ храбраго воинства», сборниковъ «На встрѣчу» и т. д. Дѣйствительно, на одну полезную или сносную книгу приходится десятокъ и сотни произведеній, ничего общаго съ литературой не имѣющихъ. Чтобъ недалеко ходить, просмотрите хотя бы, на примѣръ, списокъ изданныхъ книгъ, помѣщенный въ «Указатель по дѣламъ печати» за августъ мѣсяцъ нынѣшняго года. Изъ 285 названій, на долю математики приходится 1, на долю географіи такое же круглое число, на долю философіи также одно сочиненіе (вышедшее въ Москвѣ, подъ духовной цензурою), изданій, съ нѣкоторою натяжкою отнесенныхъ къ медицинѣ, 6 и т. д. Вообще на долю естественныхъ наукъ, математики, исторіи, правовѣдѣнія, социологій и статистики приходится всего 20% изданныхъ книгъ, остальные же 80% падаютъ на беллетристику (читатель, вспомни, что выпало у насъ по беллетристичѣ за это время, наша память отказывается намъ въ этомъ), на учебники, на книги богословскаго содержанія, на народныя изданія, литературу славословія, сборники, календари и пр. Если принять въ расчетъ количество выпущенныхъ экземпляровъ, то отношеніе станетъ еще менѣе благопріятнымъ, такъ какъ на первый разрядъ книгъ придется только 8 съ небольшимъ процентовъ всего печатнаго матеріала (69 т. изъ 796 т.). Вотъ какъ ничтожна у насъ та часть литературы, которая заслуживаетъ своего имени; 92% напечатанныхъ книгъ могутъ быть отнесены развѣ только къ литературѣ in Gänsefüßchen, какъ выражаются нѣмцы. Всю эту синолапчатую литературу слѣдовало бы выдѣлить изъ остальной, которая оказалась бы, правда, очень не велика, едва соперничала бы, можетъ быть, съ какою нибудь литературою японскою, но тогда, по крайней мѣрѣ, мы знали бы, чѣмъ можемъ похвастать, насколько имѣемъ право посылать своихъ «представителей» на конгрессы.

Мы, разумѣется, вовсе не возстаемъ здѣсь противъ существованія въ нашей литературѣ книгъ учебныхъ, народныхъ и т. д. Мы утверждаемъ только, что полная несостоятельность громад-

наго большинства этихъ изданій лишаетъ ихъ всякаго права считаться въ числѣ произведеній литературы. Все это, болѣею частью, отталкивающія отъ себя и вышшею своею неопытною, и внутреннимъ своимъ безобразіемъ изданія, открыто и беззащитно спекулирующія на наивность и неприхотливость потребителя, явно послѣдствія на себѣ клеймо своего происхожденія въ сферахъ гостиннодворской дѣятельности.

Въ какому же разряду литературы слѣдуетъ отнести «Очерки и картины Поволжья»? По содержанію своему, эта книга никакъ не должна бы попасть въ разрядъ гостиннодворскихъ изданій. Авторъ задумалъ сгруппировать разрозненный и разбросанный по разнымъ изданіямъ матеріалъ, относящійся къ географическому, бытовому и статистическому описанію девяти поволжскихъ губерній. Мысль прекрасная. При общей бѣдности нашей литературы, отдѣлы статистики и этнографіи Россіи не переставали однако показывать признаки жизни. Можно сказать даже, что почти все, что появлялось въ послѣднее время въ нашей книжной литературѣ наиболѣе цѣннаго, относилось именно къ этой отрасли знанія. Въ послѣдніе годы можно было примѣтить даже особенное оживленіе въ этой области, особенно съ тѣхъ поръ какъ нѣкоторыя земства приняли участіе въ трудахъ, непольныхъ для единичныхъ труженниковъ. Стоитъ вспомнить цѣныя вклады въ нашу статистику московскаго, тверскаго и черниговскаго земствъ. Все это по большей части лишь сырой матеріалъ, требующій дальнѣйшей переработки, все это мало доступно для публики, потому что разбросано по разнымъ малозвѣстнымъ, часто провинціальнымъ изданіямъ. Если наше время, время «рѣшенія великихъ мировыхъ, національныхъ и историческихъ задачъ», очень неблагоприятно для обобщающихъ работъ, то не найдется вѣрно никакихъ препятствій для объединенія этихъ разбросанныхъ матеріаловъ въ цѣльныя картины и сборники. Составленіе такого рода сборниковъ очень желательно и матеріалъ для нихъ нашелся бы уже достаточный. Вотъ, хотя бы для примѣра, взять это самое Поволжье, поприще дѣятельности нашего автора. У насъ имѣется уже богатый запасъ трудовъ по описанію этого края, начиная отъ работъ знаменитыхъ академиковъ, какъ Вэръ, и кончая скромными работами безвѣстныхъ земскихъ статистиковъ.

Какъ же распорядился г. Овсянниковъ съ этимъ богатымъ матеріаломъ? А такъ, какъ распорядился бы съ нимъ любой заправскій гостиннодворецъ. Рецептъ у такого рода дѣятелей литературной стряпни извѣстенъ. Онъ изобрѣтенъ уже давно, за долго до появленія на свѣтъ самихъ «литераторовъ», изобрѣтенъ на кухняхъ московскихъ трактировъ. Возьми откуда ни попало всякой всячины, и удобоваримой, и негодной въ пищу, посыки все это хорошенько, перемѣшай, подбавь для запаха немного лучку, немного перчику, разбавь все это домашнимъ квасомъ и носи на столъ неприхотливымъ потребителямъ подъ именемъ «окрошки», или же

посоли вярдно, на свой ввусъ, и приготоу «селянку». Подобнаго рода «мословскую селянку» и преподноситъ намъ г. Овсянниковъ. Повыдержавъ изъ разныхъ изданій, сборниковъ и статей кусочки самаго разнохарактернаго содержанія и достоинства, онъ все это смѣшалъ, перепуталъ и, не обозначивъ въ большинствѣ случаевъ даже источниковъ позаймствованія, всю эту кучу плагиатовъ приподнесъ публикѣ въ видѣ «очерковъ» и «картинъ». Спору нѣтъ, въ сборникъ попали дѣльница и интересныя статейки, случайно подвернувшіяся издателю подъ руки, какъ, напри- мѣръ, очерки Велгужа, бытовая картина Нижегородской ярмарки, описаніе горныхъ черемисовъ и пр., но все это перепутано съ собственными измышленіями автора, перемѣшано такъ, что въ общемъ винегретѣ всякое хорошее впечатлѣніе пропадаетъ, и послѣ прочтенія всей книги въ головѣ остается весьма смутное представленіе обо всей этой мѣшанинѣ.

Самъ авторъ въ предисловіи, почему-то названномъ «введе- ніемъ», говоритъ, что его очерки и картины «предназначают- ся какъ (что за стили!) учебное пособіе при преподаваніи отечественной географіи» (стр. 4). А! значить мы здѣсь сразу наталкиваемся на одинъ изъ признаковъ гостинодворской лите- ратуры. Мы имѣемъ дѣло съ «учебнымъ пособіемъ». Издатель, очевидно, самъ принадлежащій къ высокопочтенному сословію воспитателей юношества, въ порывѣ своего учительскаго усер- дія, преподноситъ своимъ питомцамъ *chef d'oeuvre* своей страпни, въ увѣренности относительно хорошаго сбыта сего «пособія» не- только при изученіи отечественной географіи, но и при пере- ходѣ изъ класса въ классъ. Для нихъ-то, для своихъ милыхъ пи- томцевъ, включилъ онъ въ очерки «Поволжья» статью, относящія- ся къ физической географіи вообще, изъ которыхъ послѣдняя: «Почему у нашихъ рыкъ, текущихъ на северъ или на югъ, правый берегъ высокъ, а лѣвый низменъ?», написана такъ, что послѣ ея прочтенія, не только ученики гимназій, но и иной *collega* г. Ов- сянникова собьется въ своихъ знаніяхъ, если они не крѣпко утвердились въ его головѣ. Для нихъ, для этихъ дорогихъ пи- томцевъ своихъ, издатель объясняетъ, что морозъ есть «пониже- ніе температуры ниже 0°», оставляя неразъясненными другія, менѣе распространенныя техническія выраженія.

Назавчивъ 2 рубля за книжку, силою состоящую изъ чужихъ работъ, авторъ не потрудился даже опятно издать ее. Бумага отвратительна, печать плоха, ошибки и опечатки попадаютъ на каждомъ шагѣ. Нѣкоторыя изъ опечатокъ очень курьёзны, какъ напри- мѣръ, вмѣсто «окружена степью», напечатано у него «окру- жена цѣпью»; вмѣсто «подъемная стѣна» читаемъ «подземная стѣ- на» и т. д. Грамматика у него очень страдаетъ; нѣкоторыя фра- зы вовсе остаются непонятными. Беремъ для примѣра страницу 27. Статья о вліяніи снѣговой поверхности на климатъ Россіи начинается слѣдующей фразой. «Первое, наиболее замѣтное и обратившее на себя наибольшее вниманіе—защита земли отъ

зимняго холода». Переворачиваемъ листы и на страницѣ 29 находимъ слѣдующее философское размышленіе автора: «Какъ часто бываетъ, то, что мы имѣемъ постоянно передъ глазами, несмотря на свою важность, ускользаетъ отъ нашего вниманія, между тѣмъ, какъ *редкія явленія постоянно замѣчаются*. Что это за сумбуръ?»

Первая часть, посвященная географіи Поволжья, очень кратка, но составлена еще туда-сюда. Нѣтъ, правда, ничего о геологій края, нѣтъ свѣдѣній о флорѣ и фаунѣ его; но простыя г. Овсянникову эти прегрѣшенія. Вторая часть, этнографическая, составлена изъ статей, случайно попавшихся подъ руку издателю. Почему, напримѣръ, нѣтъ ни слова о расколѣ? Почему 1½ печатныхъ листа посвящено изображенію свадебныхъ обрядовъ въ Ярославской Губерніи, а о другихъ сторонахъ крестьянскаго быта нѣтъ ничего? Третья часть, экономическая, какъ и надо было ожидать, оказалась самою слабою. Объ иныхъ промыслахъ говорится много, о другихъ ни слова. Осташковскій сапожникъ, тверской гвоздарь, владимірскій ткачъ, оставлены авторомъ безъ вниманія, забыта кожевенная промышленность въ Казанской Губерніи. За то въ экономическую часть вошло нѣсколько бытовыхъ и географическихъ очерковъ. Хотя издатель и рекламируетъ, что статистическія данныя имъ «тщательно проверены» и «почти исключительно относятся къ 70 мъ годамъ», но это не такъ. Свѣдѣнія объ Эльтовѣ относятся къ 1867—68 гг., свѣдѣнія о льняной промышленности въ Костромской Губерніи взяты у Мещерскаго и у Тимирязева, изъ которыхъ послѣдній, хотя и издалъ свою книгу въ 1873 году, но пользовался исключительно данными, относящимися къ 1867 г., и т. д. Говоря о костромскихъ кустарячъ-ткачахъ, авторъ не замкнулся о замѣченномъ еще въ началѣ 60-хъ годовъ упадкѣ этого кустарнаго промысла, хотя свѣдѣнія объ этомъ онъ могъ бы извлечь изъ тѣхъ матеріаловъ, которые были, очевидно, у него въ рукахъ. Въ очеркахъ земледѣльческой промышленности мы не нашли не только свѣдѣній, но даже намека на бывшій въ 1873 году въ Самарской Губерніи голодъ, не отыскали также никакихъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы вывести заключеніе о причинахъ этого памятнаго бѣдствія, постигшаго «житницу Россіи и Европы», вормашую своимъ хлѣбомъ «поль Россіи» и многія «западна государства», какъ выражается авторъ о Самарской Губерніи, памятуя рецептъ составленія «селанки», по которому нужно прѣсную пищу приправить перцемъ.

Какъ истый гостинодворскій промышленникъ, г. Овсянниковъ не можетъ не раздѣлять присущей всему русскому промышленному міру ненависти къ общинѣ. Неуклюже ополчается онъ противъ нея. «Образъ (?) пользованія землею все-тогъ же общинно(н)ѣ, говоритъ онъ о Вольскомъ Уѣздѣ:—такъ иъзнающій усовершенствованію крестьянскихъ хозяйствъ. Вслѣдствіе такого ассоціативнаго землевладѣнія, система крестьянскихъ хозяйствъ—

убыточная трехпольная система» (Стр. 155). Какъ хорошѣ стиль, какъ убѣдительно разсужденіе. Почему у сосѣднихъ кружныхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ нѣтъ «ассоціаціоннаго землевладѣнія», господствуетъ та же «убыточная трех-польная система», а подчасъ практикуется даже еще болѣе «убыточное» переложное хозяйство, объ этотъ г. Овсянниковъ не говорить, да и умно дѣлаетъ. Бѣдная русская община! Ужъ, кажется, ничѣмъ ты не можешь мѣшать всякимъ спекулянтамъ на издательскомъ поприщѣ; почему же противъ тебя ополчаться малограмотные издатели географическихъ пособій! Видно таковъ уже духъ времени.

Мы остановились на разборѣ «труда» г. Овсянникова, можетъ быть, слишкомъ долго, но дѣло въ томъ, что г. Овсянниковъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, пионеръ; онъ открываетъ походъ въ новую область, до которой прежде не касалась спекуляція. Изданіе статистическихъ и этнографическихъ работъ было у насъ, и, вѣроятно, на долго еще останется дѣломъ убыточнымъ. Въ этой области мы не привыкли встрѣчаться съ гостинодворскимъ духомъ; мы, напротивъ, привыкли встрѣчаться здѣсь съ честными и добросовѣстными тружениками, проникнутыми дѣйствительною любовью къ своему дѣлу и желаніемъ принести дѣйствительную пользу. Намъ болѣно поэтому видѣть, что невѣжественная спекуляція дѣлаетъ попытки проникнуть и въ эту сферу. Пусть гг. Овсянниковъ и К^о занимаются спекуляціями на учебники; тамъ они у себя дома, а всякіе наши протесты все равно остались бы безплодны. Но зачѣмъ же дѣлать хищническіе набѣги на чужую территорію?

За крестъ и свободу. Пятьдесятъ стихотвореній *В. Головина* изъ времени славяно-турецкой войны 1876 — 1878 годовъ. Спб. 1878 г.

Мы ничего не имѣемъ противъ патриотизма. Но если солдать, выплясывая, съ бубномъ въ рукахъ, трепака, оретъ оспитымъ голосомъ, что «наша матушка Расея всему свѣту голова» — мы еще, на одномъ только этомъ основаніи, не можемъ признать въ немъ патриота. Мы ничего не имѣемъ и противъ поэзии. Но если клубный или трактирный пивецъ смастеритъ какое нибудь поздравительное стихотвореніе и станетъ разсывать по рукамъ его отгиски — мы еще не можемъ признать его поэтомъ. На этихъ же основаніяхъ, мы и г. Головина не можемъ признать ни патриотомъ, ни поэтомъ. Онъ славословитъ на всѣ лады «матушку Расею», ругательски-ругаетъ ея враговъ («ахъ, султанъ голова слабоумная, какъ у бабъ, у ребятъ малоумная» 99) и еадать кому слѣдуетъ крѣпкимъ, забористымъ, въ носъ бросающимся ошмямомъ.

Дня-дня, доп-допъ, лордъ Бивонсфильдъ, здорово ль вамъ живется?
Серъ Эллиотъ, когда-жъ, дня-дня, дума у васъ проснется?
Донъ-допъ, дня-дня, лордъ Бивонсфильдъ... (4).

И такъ далѣе.

Трахъ-тахъ-тахъ, тарарахъ, щедръ и благъ къ намъ Аллахъ!
Гдѣ былъ домъ—будетъ дымъ, гдѣ былъ слѣхъ—будетъ стонъ;
Гдѣ былъ садъ—будетъ адъ... (6).

Довольно, довольно! Акомпаниментъ бубна и тарелокъ, очевидно, совершенно необходимъ для такихъ стихотвореній, чтобы они могли произвести надлежащій эффектъ. Но причеъ тутъ «крестъ» и причеъ «свобода»?

ХРОНИКА НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.

- 1) Бархатные сухари князя Урусова и коллежскаго совѣтника Перевощикова.
- 2) Новозобрѣтенная братьями Савостьяновыми въ Москвѣ жидовскія для придавія прочности и вкуса хлѣбу и вслѣмъ другимъ печеньямъ.

До сихъ поръ наше воинство, во время походовъ, пропитывалось, обыкновенно, сухарями или прямо мужицкаго приготовления, или приготовляемыми по обыкновенному мужицкому способу изъ обыкновеннаго чернаго хлѣба. Что это за сухари — всѣмъ извѣстно. Они не приглядны на видъ по своему темному и даже грязно-темному цвѣту, легковѣсны — опущенные въ воду, не тонутъ въ ней, пока окончательно не смокнутъ; наконецъ, вынутые изъ воды, даже послѣ долговременнаго въ ней пребыванія, остаются съ тѣмъ же темнымъ или грязно-темнымъ цвѣтомъ, какой имѣли и до опущенія въ воду. Всякій, кто знаетъ, какъ въ процессѣ питанія важенъ даже наружный видъ предлагаемой пищи — пищи, которая бы пріятно дѣйствовала на вкусовые органы и возбуждала аппетитъ даже въ желудкахъ не совсѣмъ исправныхъ, пойметъ, какъ необходимо было давно уже заботиться объ улучшеніи русскаго сухаря не только въ отношеніи къ его внутренней питательности, но и по отношенію къ наружному его виду, дать ему, вмѣсто грязно-темнаго цвѣта, цвѣтъ болѣе пріятный, привлекательный для вкусовыхъ органовъ. Позаботиться объ этомъ было тѣмъ болѣе необходимо, что мы какъ-то ужъ самими Богомъ такъ обижены — что какаѣ бы война ни начиналась, все-таки, несмотря на всю бдительность и высшаго и низшаго начальства, всегда случится такъ, что разные Коганы, Горвицы, Грегеры непременно возьмутъ въ свои руки пропитаніе солдата и онъ всегда почти ведетъ войну на однихъ сухаряхъ — и зачастую благословляетъ Бога даже и за то, если сухари есть: ибо и сухари не всегда бывають.

Вотъ почему нельзя не благодарить тѣхъ русскихъ людей, которые, вида отравленіе русскихъ солдатъ жидовскою компаніей, какъ называетъ «Новое Время» компанію Когана, Горвица и Грегера, взяли сами за печеніе солдатскихъ сухарей. Но уже не-

простую только благодарность, а задушевное русское, даже коко-ревское русское спасибо надобно воздать князю Урусову и г. Перевощикову съ компаніей, которые взяли не просто печь сухари, а даже усовершенствовать русскій неприглядный сухарь, сдѣлать его такимъ аппетитнымъ и по наружному виду, чтобы утомленный русскій воинъ даже въ легкомъ болѣзненномъ состояніи, прѣвъ некоторомъ нерасположеніи къ пищѣ, хватался за сухарь съ удовольствіемъ. Правда, изобрѣтеніе князя Урусова и г. Перевощикова не нашло примѣненія въ практикѣ: ихъ усовершенствованный сухарь не достигъ до русскаго солдата. Тѣмъ не менѣе, этотъ сухарь—не мечта, онъ былъ дѣйствительностью, самою несомнѣнною дѣйствительностію, которую всѣ видѣли и осязали. И не ихъ вина, если это великое русское изобрѣтеніе погубило безслѣдно. А впрочемъ, нѣтъ: что я говорю: безслѣдно; я думаю, я убѣжденъ, что оно не погубило безслѣдно. Я твердо вѣрую, что въ ближайшую же войну непременно явится какой-нибудь изобрѣтатель — и, можетъ быть, даже не менѣе дорогое для Россіи какое-нибудь *историческое* имя—какъ выразился о князѣ Урусовѣ его защитникъ, выписанный изъ Петербурга, присяжный повѣренный Богданоль—который воспользуется мыслию и опытами князя Урусова и г. Перевощикова и усовершенствованіе русскаго сухаря поведетъ гораздо далѣе. Но всякому времени своя честь въ предѣлахъ его знаній и средствъ. Умные современники оцѣнили Коперника и Галилея, хотя не имѣли даже предчувствія объ открытіяхъ Ньютона. Воздадимъ и мы должную честь князю Урусову и г. Перевощикову за то, что они положили, такъ сказать, основу новому солдатскому сухарю. По свидѣтельству комиссіи экспертовъ, составленной изъ профессоровъ кіевскаго университета, изобрѣтенный ими сухарь не имѣетъ ничего похожаго на употребляемый до сихъ поръ простой мужицкій сухарь. Сухарь князя Урусова и г. Перевощикова имѣетъ прекрасный сѣровато-бархатный цвѣтъ; положенный въ воду, онъ не остается на поверхности какъ мужицкій, но немедленно тонетъ; въ водѣ онъ не теряетъ своего цвѣта; вынутый изъ воды, онъ немедленно покрывается тѣмъ же прекраснымъ сѣро-бархатнымъ цвѣтомъ, какой имѣлъ и прежде. Очень можетъ быть, что изобрѣтеніе князя Урусова и г. Перевощикова покрыло бы такую же славою Россію и русскій геній, какою, если не покрыло, то навѣрное покроетъ примѣненіе электричества къ освѣщенію, сдѣланное г. Лодыгиннымъ и теперь усовершенствованное г. Яблочковымъ. И теперь уже весь Парижъ любуется на новое авеюе, проложенное отъ Оперы къ Палероюлю, и освѣщенное этимъ новымъ электрическимъ свѣтомъ, который ничѣмъ почти не различается отъ дневнаго свѣта и передъ которымъ газовые фонари имѣютъ видъ грязныхъ салныхъ плошекъ, едва замѣтныхъ. Бѣ сожалѣнію, злоба, невѣжество и предрасудки людей почти всегда стоятъ тормазомъ на пути великихъ открытій. Тоже самое случилось

съ нововозобрѣтаннымъ русскимъ сухаремъ князя Урусова и г. Паровошикова. Исторію объ этомъ я и начну теперь ab ovo.

Въ кievскомъ округѣ поставка сухарей предоставлялась преимущественно обывателямъ, а не подрядчикамъ. Это зависѣло оттого, что начальникъ кievскаго интендантскаго управленія, генералъ Саранчевъ вообще былъ противъ системы крупныхъ подрядовъ и предпочиталъ крестьянской сухарь, который обходился всегда дешевле и былъ, по его мнѣнію, лучшаго качества. Еще весной 1877 года, когда оказалось, что войска въ Кіевѣ не въ состояніи сами заготовить необходимаго количества сухарей, генералъ Саранчевъ обратился съ просьбою къ губернаторамъ, предложить крестьянамъ заготовленіе сухарей. Вслѣдствіе чего, какъ видно изъ отчета «Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», многіе изъ крестьянъ Черниговской Губерніи взыались за приготовленіе сухарей. Чтобы облегчить имъ расходъ на приготовленіе сухарей, интендантство кievское, по ихъ просьбѣ, давало имъ авансами деньги за сухари, подъ ручательство земскихъ управъ. Когда послѣ первой весенней поставки сухарей, крестьяне снова приглашены были къ поставкѣ сухарей въ августѣ того же года и когда при этомъ нѣкоторые изъ нихъ заявили, что для нихъ поставка сухарей крайне неудобна, вслѣдствіе медленности приѣма въ Кіевѣ, то интендантство кievское согласилось, въ облегченіе крестьянъ, допустить приѣмъ отъ нихъ сухарей на желѣзной дорогѣ, назначивъ очередь приѣма для каждаго уѣзда; причѣмъ само предложило увеличить даже цѣну за сухари, согласившись платить за пудъ сухарей вмѣсто 1 р. 28 к. 1 р. 40. По счету «Черниговскихъ Вѣдомостей», крестьяне поставили сухарей болѣе 100,000 пудовъ; въ томъ числѣ нѣкоторые крестьянскіе общества поставили 3,449 пудовъ сухарей бесплатно; другія общества пожертвовали въ пользу войска болѣе 7,000 пудовъ муки и ржи.

Почему, въ дѣйствительности, генералъ Саранчевъ предпочиталъ заготовленіе сухарей крестьянами заготовленію посредствомъ подрядовъ, мы, признаться сказать, совсѣмъ не понимаемъ. Само собою разумѣется, что разнѣмъ возвышеннымъ мотивамъ, въ родѣ того, что крестьянскій сухарь, дескать, гораздо лучше, что онъ, дескать, дешевле въ такомъ практическомъ дѣлѣ, какъ поставка сухарей для армій, мы никакъ не можемъ вѣрить. Но, съ другой стороны, трудно отыскать какиенибудь существенныя, реальныя выгоды въ предпочтеніи генераломъ крестьянскаго сухаря сухарю подрядчиковъ. Интендантство кievское не принимало никакого участія ни въ заготовленіи крестьянами сухарей, ни въ приѣмѣ ихъ, ни въ уплатѣ за нихъ денегъ. Было назначено 18 пунктовъ для приѣма крестьянскихъ сухарей; въ каждомъ изъ этихъ пунктовъ засѣдала коммисія, состоящая изъ офицеровъ и врача, гдѣ находился также уполномоченный отъ губернатора чиновникъ, мировой посредникъ или

предводитель дворянства. Эти послѣдніе получали деньги, которыя слѣдовали крестьянамъ за сухари, такъ-что интендантство отъ всѣхъ расчетовъ съ крестьянами было устранено. Правда, и отъ наблюденія надъ крупными подрядчиками оно было устранено, но все-таки не такъ далеко. Для наблюденія надъ производствомъ сухарей послѣдними назначался особый чиновникъ, четыре офицера и врачъ. Особый чиновникъ, онъ же и главный, былъ если и не изъ лицъ, подчиненныхъ интендантству (этого мы не знаемъ), то, во всякомъ случаѣ, не могъ на этомъ постѣ быть внѣ отношеній къ нему, и, слѣдовательно, тутъ, во всякомъ случаѣ, была крѣпкая нить, при помощи которой главный интендантъ могъ направлять наблюденіе, еслибы только онъ захотѣлъ этого. Но генералъ, отдавая предпочтеніе крестьянскому сухарю передъ сухаремъ подрядчиковъ, старался нарочно выпустить изъ своихъ рукъ эту нить. Чѣмъ объяснить это, мы — повторяемъ — не знаемъ. Очень можетъ быть, что это зависѣло отъ личной скупости генерала — съ скупцами, какъ извѣстно, очень часто бываетъ, что они личную скупость, во вредъ себѣ, переносятъ и на общественныя и вообще казенныя кассы — а, можетъ быть, и отъ его — что еще болѣе вѣроятно — рутинерства. Съ старыми людьми (мы не предполагаемъ, чтобы генералъ былъ молодыхъ лѣтъ), какъ извѣстно, очень нерѣдко бываетъ такъ, что ихъ никакія силы, ни даже очевиднѣйшія личныя выгоды не заставляютъ отступить отъ рутинны, которой они держались всю жизнь и къ которой привязались всей душой и сердцемъ. Зналъ человѣкъ, въ продолженіи цѣлой своей жизни, только одинъ сухарь мужицкій — ну, и никакого другого ни знать, ни видѣть не хочетъ, хотя бы представили ему манну небесную въ видѣ сухаря.

Хорошо, что, въ дѣлѣ пропитанія арміи, подобные рутинеры не составляютъ послѣдней инстанціи, что есть люди повыше ихъ, съ перспективой гораздо болѣе широкой и простирающейся далеко за предѣлы узкаго круговора рутинеровъ. Люди эти умѣютъ удовлетворять и современной злобѣ дня, и во всякомъ дѣлѣ, самомъ, повидимому, мелкомъ, не забываютъ заботиться и о будущемъ прогрессѣ человѣка, о томъ, чтобы каждое, самое малое даже дѣло постепенно усовершенствовалось, шло впередъ. Не будь этихъ людей, намъ не видать бы изобрѣтениаго княземъ Урусовымъ и коллежскимъ совѣтникомъ Перевощиковымъ бархатнаго сухаря. Такъ, по крайней мѣрѣ, удостовѣряютъ «Московскія Вѣдомости».

Мы нисколько не удивляемся, что сухарю князя Урусова и коллежскаго совѣтника Перевощикова назначена была цѣна двойная противъ сухаря крестьянскаго. Крестьяне получали за пудъ сухарей 1 р. 28 к., потомъ 1 р. 40 к. — князь Урусовъ и коллежскій совѣтникъ Перевощиковъ получили за пудъ своихъ сухарей прямо по 2 р. 60 к. Не удивляемся потому, что, по всей вѣроятности, князь объяснилъ, что его сухарь будетъ отстоять какъ небо отъ земли отъ крестьянскаго сухаря, что

онъ употребить все, чтобы довести сухарь до идеальнаго совершенства, что его сухарь составить эпоху въ исторіи сухарнаго производства.

И дѣйствительно, князь Урусовъ и коллежскій совѣтникъ Перовощиковъ принялись со всѣмъ усердіемъ за дѣло. Однимъ изъ первыхъ и, можетъ быть, самыхъ важныхъ дѣлъ для успѣшнаго приготовленія хорошаго сухаря было отыскать способное мѣсто для устройства сухарнаго производства. И князь Урусовъ, и коллежскій совѣтникъ Перовощиковъ, ревновавшіе всею душою, чтобы сдѣлать все наилучшимъ образомъ на пользу «солдатъ отечественной и родной арміи, этихъ, по ихъ выраженію, храбрыхъ защитниковъ вѣры, обожаемаго монарха и драгоцѣннаго отечества», употребили для этого всѣ усилія. Составлена была коммиссія изъ трехъ ученыхъ техноиковъ—Александрова, Пакульскаго и Радовича—«для опредѣленія годности выбранной для завода мѣстности и доброкачественности воды, находящейся въ этой мѣстности». Эти почтенные ученые, изъ которыхъ одинъ, г. Александровъ, былъ и строителемъ завода, нашли, что и избранная мѣстность, и вода, въ ней находящаяся, самыя превосходныя, что лучшаго и желать нельзя для приготовленія сухарей на продовольствіе «солдатъ отечественной и родной арміи, храбрыхъ защитниковъ вѣры, обожаемаго монарха и драгоцѣннаго отечества». Опрошенныя близъ этой мѣстности старожилы завѣрили, что ни одного случая смерти или болѣзни отъ употребленія воды, находящейся въ этой мѣстности, не было. Только послѣ таковаго тщательнаго обслѣдованія пригодности избранной мѣстности и воды для приготовленія сухарей приступлено было къ постройкѣ завода на сказанной мѣстности, и онъ былъ построенъ.

Казалось бы, сказанныхъ предосторожностей при постройкѣ завода было достаточно для того, чтобы вполне успокоить невѣжественныхъ рутинеровъ и заставить ихъ терпѣливо ждать зятѣяннаго княземъ Урусовымъ и коллежскимъ совѣтникомъ Перовощиковымъ сухаря, не волнуясь и, тѣмъ болѣе, не опасаясь, чтобы въ сухарѣ могло оказаться что-нибудь вредное вслѣдствіе непригодности избранной для приготовленія сухарей мѣстности и воды. Вѣдь не могли же три ученые технолога, тщательно изслѣдовавшіе мѣстность и воду, нагнать, признавъ воду и мѣстность годными для производства сухарей, еслибы онѣ были непригодны и вредны! Не могли нагнать и опрошенныя старожилы, еслибы дѣйствительно были случаи смерти или заболѣванія отъ употребленія воды въ избранной для завода мѣстности! Наконецъ, петербургскій адвокатъ Богдановъ справедливо замѣтилъ, что и *историческое* имя одного изъ производителей сухарей что-нибудь да значило, какъ скоро дѣло шло о приготовленія сухарей не для кого-нибудь, а для людей, дорогихъ для всѣхъ, но въ особенности дорогихъ для каждаго *историческаго* имени, «для солдатъ отечественной и родной арміи, храбрыхъ

защитниковъ вѣры, обожаемаго монарха и драгоценнаго отечества!»

Но всѣ эти резоны могли вполне успокоить только людей мыслящихъ. На невѣжественныхъ же рутинеровъ видимость всегда дѣйствуетъ сильнѣе всего; логическими доводами ихъ не скоро проймешь. А видимость была не въ пользу производителей сухарей. *Inde igitur* или, говоря по-русски, отсюда загорѣлся сырборъ. Начались неблаговидныя подозрѣнія относительно производителей сухарей, несмотря на историческое имя одного изъ нихъ, явились опасенія, что они своимъ сухаремъ отравятъ русскую армію и т. д. Первый забилъ тревогу врачъ Заславскій, одинъ изъ членовъ комиссіи, которой поручено было наблюдать за производствомъ сухарей на заводѣ князя Урусова и К^о. Потомъ была составлена комиссія изъ профессоровъ кievскаго университета для экспертизы воды, употреблявшейся на сухари, а также хлѣба и сухарей, приготовленныхъ изъ этой воды; потомъ и пошло, и пошло, и кончилось тѣмъ, что почтенные изобрѣтатели бархатнаго сухаря были привлечены къ мировому суду по обвиненію въ приготовленіи вредныхъ для здоровья сухарей.

Главною виною всему была экспертиза. Мы не будемъ передавать здѣсь ни акта экспертизы, составленнаго профессорами-экспертами, ни всѣхъ ихъ показаній на судѣ. Это было бы очень утомительно для читателей и къ разъясненію дѣла нисколько не послужило бы. У ученыхъ каждаго цеха есть безчисленное множество предрасудковъ, принимаемыхъ ими, однакожъ, за аксіомы. Разъ ученый того или другого цеха доведетъ васъ до какой-нибудь изъ такихъ своихъ аксіомъ, онъ считаетъ дѣло конченнымъ; и когда вы говорите: «да позовьте, м. г., я этимъ нисколько не убѣжденъ». «А! говорить онъ самоувѣренно докторально.—Значить, вы невѣжда, и мнѣ васъ не убѣдить». Точно на такихъ же quasi аксіомахъ построена и экспертиза гг. кievской сухарной комиссіи гг. профессоровъ. Такъ напримѣръ, при экспертизѣ сухарей, гг. профессору нашли въ 100 частяхъ сухарей (по вѣсу):

Золы:	{	Клѣтчатки	13,3%
		Нормальной	отъ 2 до 2,2%
		Песку, глины и другихъ ненормальныхъ примѣсей	> 2 > 4,4%

Это открытіе привело гг. профессоровъ въ ужасъ. «Такимъ образомъ, восклицаютъ они въ своемъ актѣ:—оказывается болѣе $\frac{1}{3}$ ихъ вѣса или до 15% ненормальныхъ составныхъ примѣсей, а именно: 1) огромное количество клѣтчатки и 2) примѣсь песка и глины. Ненормальное содержаніе клѣтчатки объясняется большою примѣсью струбей, макины овсяной, ячной, просяной и кустовъ соломы; присутствіе же большого количества песку и глины обуславливается качествомъ употреблявшейся для печенія хлѣба воды».

Положимъ, что все это такъ. Но позвольте, гг. профессору

Вѣдь вамъ поручена экспертиза сухарей на тотъ конецъ, чтобы вы показали: вредны они или невредны для здоровья? А изъ сдѣланнаго вами анализа видно только, что въ сухаряхъ, вами исследованныхъ, болѣе вѣтчатки и золы, чѣмъ въ другихъ сухаряхъ, не имѣющихъ примѣсей. Но вредны ли для здоровья эти сухари, отсюда еще не видно. Конечно, у васъ есть предвзятое мнѣніе, «что какъ, дескать, есть въ сухаряхъ такое значительное количество примѣсей, вами указанныхъ, то несомнѣнно, что они вредны для здоровья». Это для васъ аксіома; но для насъ, профановъ, это не только не аксіома, а и большой X, такъ что мы не прочь поставить даже такой вопросъ: какіе сухари полезнѣе для здоровья—съ указанными ли вами примѣсями, или безъ нихъ? Ибо мы знаемъ, что миллионы народа питаются хлѣбомъ и сухарями, въ которыхъ еще болѣе бываетъ примѣсей, и гораздо худшихъ, чѣмъ вы указываете, а бываютъ зачастую здоровѣе того люда, который ѣстъ хлѣбъ только самый чистый, безъ всякихъ примѣсей!

И такъ, оставимъ ту ученую страпню, которую гг. кievскіе профессора-эксперты помѣстили въ своемъ актѣ, и поставимъ прямо вопросъ: доказали ли они своей экспертизой, что сухари, приготовленные княземъ Урусовымъ и коллежскимъ совѣтникомъ Перевощиковымъ вредны?

Начнемъ съ мѣстности, гдѣ былъ построенъ заводъ. Одинъ изъ экспертовъ профессоръ Гарничъ-Гарниціей на судѣ показало, что

Мѣстность, гдѣ построенъ заводъ, болотистая. Съ одной стороны завода лежитъ полотно желѣзной дороги—съ другой возвышенности, изъ которыхъ одна—Бобкова роща и затѣмъ мѣстность, на которой находится тифозное кладбище, гдѣ похоронены, между прочимъ, лѣнныя турки. Профессоръ однажды посѣтилъ это кладбище и потому знаетъ, въ какомъ положеніи оно находится а также знаетъ и то, что гробы турокъ погребены плохо. До него доходилъ слухъ, что будто бы изъ гробовъ вытѣкаютъ руки и ноги турокъ. Потомъ приняты мѣры для приведенія кладбища въ лучшее состояніе. Профессоръ удивляется, какъ могъ быть построенъ заводъ вблизи такихъ мѣстностей, изъ которыхъ воды могутъ проходить на заводъ, обинивъ собой сначала гробы тифозныхъ турокъ и поступать въ каналу завода, принося съ собою известнаго рода качества».

Относительно воды, изъ которой пеклись сухари, профессоръ объяснилъ:

«Вода изъ заводской канавы и рѣки Либеди, собственно говоря, не была вода: это была красно-бурая, довольно большого удѣльнаго вѣсу жидкость; если вообразить шоколадъ, разбавленный большимъ количествомъ молока, то можно имѣть понятіе объ этой водѣ. Тамъ было много живыхъ организмовъ, которые не позволяли отстояться водѣ. Вода эта сохраняется у экспертовъ и теперь, и всегда мутна, потому что живущія въ ней существа постоянно ее мутятъ и поднимаютъ слои глины».

Вотъ показанія экспертовъ относительно мѣстности и воды. Первое изъ этихъ показаній не имѣетъ ровно никакого значе-

нѣя. Оно не болѣе, какъ предположеніе г. профессора, ничѣмъ недоказанное. Допустимъ, что вода, омывающая тифозные трупы, и могла стекать въ заводскую канаву; но стекала ли, это еще вопросъ. А потомъ, еслибы и стекала, то остается все-таки ничѣмъ недоказаннымъ, приносила ли она вредъ, и даже могла ли приносить.

Тоже должно сказать и о показаніи, данномъ профессоромъ относительно воды. Изъ этого показанія видно только, что вода, употреблявшаяся на сухари, была не такой чистоты, какая обыкновенно употребляется на приготовленіе хлѣба, имѣла много другихъ примѣсей, кишѣла мириадами живыхъ организмовъ. Но была ли эта вода вредна для здоровья, это опять таки вопросъ. Мало того: вопросомъ остается даже то — вкуснѣе ли были бы хлѣбъ и сухари, приготовленные на обыкновенной водѣ, безъ примѣсей, чѣмъ на этой? Московскіе хлѣбопеки увѣряютъ, что хорошаго, вкуснаго хлѣба на чистой мытищенской водѣ невозможно приготовить, что для приготовленія хорошаго вкуснаго хлѣба надобно брать воду непременно съ разными примѣсями. По этому предмету считаю неизлишнимъ сообщить здѣсь слѣдующее недавнее извѣстіе, сообщенное въ оффиціальномъ отчетѣ одного санитарнаго московскаго врача («Голосъ» № 251). Врачъ этотъ осмотрѣлъ знаменитую «придворную» булочную братьевъ Савостьяновыхъ, находящуюся между Арбатскою Площадью и Никитскимъ бульваромъ. При осмотрѣ врачъ обратилъ вниманіе на тѣсноту двора и неопрятное его содержаніе. При этомъ въ особенности бросилось ему въ глаза, что почти рядомъ съ выгребной и помойной ямами, въ разстояніи не болѣе пяти шести аршинъ отъ нихъ, былъ и тотъ колодезь, изъ котораго бралась вода для булочной. Врачъ полубоцитствовалъ узнать: что это была за вода?

«Послѣ нѣкоторыхъ отрицаній, налили воды въ стаканъ и, на мое замѣчаніе, что она воняетъ и куда не годится, мнѣ отвѣчали, что это неправда и что на ней даже печется всѣ хлѣбы. И дѣйствительно: изъ *этого* колодца проведенъ насосъ прямо во всѣ отдѣленія пекарни, въ чѣмъ я лично удосто- вѣрился, видя, какъ она течетъ прямо въ базъ возлѣ печи. Понятно, какъ я былъ пораженъ этимъ грустнымъ фактомъ, тѣмъ болѣе, что я самъ и вся моя семья пользовались хлѣбомъ и всякими печеньями изъ этой, весьма извѣстной придворной булочной. Самъ хозяинъ-старикъ, молодые хозяева и даже всѣ пекаря, къ которымъ я обращался, всѣ единогласно увѣрили меня, что на мытищенской водѣ нѣтъ никакой возможности испечь хлѣбы, что тѣсто распыляется и проч. Вода изъ *этого* колодца была мною доставлена полковнику Нечаеву, изъявившему желаніе быть помощникомъ санитарнаго попечителя арбатской части; давъ ей постоять у себя сутки и откупоривъ бутылку, онъ такъ былъ пораженъ специфическимъ ея запахомъ, цвѣтомъ и отстоемъ, что не нашелъ нужнымъ подвергать ее химическому анализу, объявивъ мнѣ, что она *несомнѣнно* насыщена человеческими испражнениями».

И такъ вотъ вода, на которой печется хлѣбъ въ знаменитой *придворной* московской булочной! И мало того: печется, и хо-
Т. ССХL.—Отд. II. 17

звеза булочной — и старики, и молодые, и даже всѣ пекаря удостоверяють, что на другой водѣ они не могли бы печь такого вкуснаго хлѣба, какой пекуть теперь. Еслибы эту воду, изъ которой придворная булочная братьевъ Савостьяновыхъ готовится всѣ свои хлѣбы и печенья, дать кievскимъ профессорамъ подвергнуть экспертизѣ, не объясняя, конечно, при этомъ, что эта вода уже употребляется на печеніе, то они, навѣрное, своимъ химическимъ анализомъ, доказали бы, что каждый человѣкъ, который съѣсть хоть одинъ золотникъ хлѣба, испеченнаго на этой водѣ, непременно протянетъ ножки. А между тѣмъ, Москва ѣстъ этотъ хлѣбъ и не нахвалится. Самъ санитарный врачъ пишетъ, что хлѣбъ и всякія печенья изъ придворной булочной братьевъ Савостьяновыхъ были любимыми печеньями его и всей его семьи! Я подозреваю даже: не похитилъ ли князь Урусовъ съ компаніей секретъ изготовленія вкуснаго хлѣба и сухарей именно у братьевъ Савостьяновыхъ? Это тѣмъ болѣе возможно, что главный компаньонъ князя Урусова, коллежскій совѣтникъ Перевощиковъ, какъ я прочиталъ недавно гдѣ-то въ газетахъ, московскій нотаріусъ. Очень можетъ быть, что, зная, какой вкусный хлѣбъ и сухари готовятся въ булочной братьевъ Савостьяновыхъ, онъ специально изучилъ эту воду и возымѣлъ мысль употребить такую же или подходящую къ этой воду и для солдатскихъ сухарей, къ чему и пригласилъ князя Урусова. Но такъ какъ савостьяновскою водою обезпечивается только вкусъ сухарей, то честь изобрѣтенія все-таки не можетъ быть приписана всецѣло Савостьяновымъ, если бы даже и допустить, что у нихъ похищенъ былъ секретъ приготовления воду для сухарей. Бархатистость сухаря составляетъ, несомнѣнно, изобрѣтеніе самихъ компаньоновъ.

Замѣчательнѣе всего то, что комиссія профессоровъ-экспертовъ въ своемъ актѣ подвергаетъ осужденію даже эту бархатистость сухарей — т. е. то самое, что составляетъ одно изъ первѣйшихъ и главнѣйшихъ достоинствъ урусовско-перевощиковскаго сухаря. Въ своей навности она приписываетъ случайности, происшедшей отъ непониманія дѣла, а не глубокому соображенію почтенныхъ сахарозаводчиковъ, что заводъ устроенъ на неизменномъ берегу Лыбеди, вслѣдствіе чего стокъ почвенныхъ нечистотъ въ рѣку Лыбедь самый незначительный, почему подъ заводомъ очень сыро; а вслѣдствіе, дескать, этого мириады низшихъ организмовъ, дающихъ бархатный видъ сухарямъ, наполняютъ заводъ; ихъ зародыши легко попадаютъ на печеный хлѣбъ, вѣсть съ нимъ по падаютъ въ печи, гдѣ готовятъ сухари». Но и здѣсь не умираютъ вслѣдствіе низкой температуры сушенъ. Гг. профессора-эксперты приписываютъ случайности или, выражаясь откровеннѣе, невѣжеству сахарозаводчиковъ и то, что «температура въ сушальняхъ не превышаетъ 70° Ц., а зародыши низшихъ организмовъ могутъ выдерживать температуру и выше 120° Ц.». Отъ такой, дескать, оплошности низшіе ор-

ганизмы, хотя замирають во время сушенія, но, по выходѣ сухарей изъ сушиленъ, снова оживаютъ. Такимъ образомъ, бархатистымъ цвѣтомъ покрываются неизбежно всѣ тѣ сухари, въ которые низшіе организмы попали еще до ихъ помѣщенія въ сушильни. Но отъ этихъ низшихъ организмовъ не спасаются и тѣ сухари, которые не были ими наполнены во время сушенія, потому, что дескать, при огромномъ обиліи зародышей этихъ организмовъ на заводѣ, они разносятся вѣтромъ всюду по заводу, попадая и въ сухари уже готовые. Такимъ образомъ, изобрѣтатели предусмотрѣли все для того, чтобы не осталось ни одного сухаря, который не имѣлъ бы бархатистаго цвѣта. Мы готовы въ этомъ случаѣ преклониться предъ глубокою, можно сказать, почти гениальною сообразительностью изобрѣтателей, которые сдѣлали все, чтобы достичь предположенной цѣли, т. е. дать сухарямъ бархатистый видъ. А гг. профессора-эксперты приходятъ отъ этого въ ужасъ, называя эту бархатистость сухарей плесенью. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы съ ихъ стороны ужасъ былъ непритворный, но что названіемъ: *плесень* они нагоняютъ дѣйствительно непритворный ужасъ на толпу—это несомнѣнно. Вѣдь что толпа! толпа живетъ не собственной мыслию, а рутинной. Часто слово, существа котораго она совсѣмъ не понимаетъ, но въ которомъ она съ дѣтства привыкла понимать что-то страшное для ея здоровья, жизни и т. п.—таково именно въ ея понатіяхъ и слово: *плесень*—можетъ нагнать на нее ужасъ. При правильномъ отношеніи къ дѣлу, гг. профессорамъ-экспертамъ, вмѣсто того, чтобы разсчитывать на невѣжество толпы и пугать ее страшными для нея, хотя въ сущности ничего незначущими словами, слѣдовало бы объяснить, что такое плесень и почему они считаютъ ее вредною для здоровья. Но гг. профессора-эксперты не сочли нужнымъ этого сдѣлать.

Вообще въ экспертизѣ гг. профессоровъ недостаетъ именно того, для чего имъ была поручена экспертиза, т. е. доказательства, что приготовленные изобрѣтателями сухари вредны для здоровья. Сначала они предполагали въ доказательство этого сдѣлать физиологическій опытъ и нашелся было молодой человѣкъ, который рѣшился покушать сухарей князя Урусова и коллежскаго совѣтника Перевощикова; но гг. профессора, своимъ химическимъ анализомъ сухарей и разными жалкими словами, въ родѣ вышеприведенной *плесени*, до того его напугали, что онъ не рѣшился подвергнуть себя насыщенію урусовско-перевощиковскими сухарями. Гг. же профессора-эксперты оказались на этотъ разъ настолько гуманными, что не только не позаботились поискать какого-нибудь другого субъекта для физиологическаго опыта, но не хотѣли дать сухарей даже собакамъ, потому, дескать, что не желали причинять неслѣбныхъ страданій отъ подобной пищи даже животному. Такимъ образомъ, сухарь князя Урусова и коллежскаго совѣтника Перевощикова признанъ былъ прямо ядови-

тымъ и великому изобрѣтенію суждено было погибнуть не только безслѣдно, но и съ позоромъ.

Къ счастью человѣчества, Провидѣніе бодрствуетъ надъ судьбами и дѣлами людей, и во-время благопотребно является на защиту неповинныхъ. Несмотря на всѣ мѣры, принятыя гг. профессорами къ тому, чтобы воспрепятствовать физиологической экспертизѣ надъ сухарями урусовско-перевощиковскими, экспертиза эта была совершенна, и экспертиза вполне безпристрастная, такъ какъ дѣлавшіе эту экспертизу не имѣли вовсе въ виду никакой экспертизы, не имѣли никакого предвзятаго мнѣнія ни за, ни противъ сухарей—они только ѣли эти сухари, и не только остались живы и здоровы, не только никакихъ болей не чувствовали, но и не нахвалятся вкусомъ новозобрѣтенныхъ сухарей. Въ числѣ этихъ не тенденціозныхъ экспертовъ, экспертов *sine ira et studio*, есть лица вполне компетентныя по своему образованію и знаніямъ и для официальной экспертизы, какъ, на примѣръ, служившій на заводѣ князя Урусова и К^о, докторъ Садовскій, который на судѣ показалъ, что «приготовленные на заводѣ сухари и хлѣбъ были хорошаго качества и на вкусъ *чрезвычайно* пріятны и что онъ ѣлъ ихъ самъ и его семейство, и пилъ съ ними чай». Есть въ числѣ ихъ и многіе простые, безхитростные русскіе люди изъ служившихъ на заводѣ, которые также на судѣ показали, что они забракowaną профессорами-экспертами воду, «по нуждѣ», пьютъ, и ничего—«живота не деретъ», что «заводскіе сухари очень вкусны и съ ними можно пить чай».

Благодаря этимъ неложнымъ свидѣтельствамъ, правое дѣло, если и не восторжествовало вполне, то и не задушено окончательно. Невѣжество, зависть, злоба враговъ не дали ему ходу въ настоящемъ, но они не провалили его съ позоромъ и безслѣдно, какъ желали. Напротивъ, гениальное изобрѣтеніе бархатистаго сухара, съ указаніемъ пріемовъ, какъ его производить, характера удобной мѣстности, гдѣ онъ можетъ быть произведенъ, наконецъ, даже устройства завода—все это стало извѣстно всѣмъ. Тѣмъ не менѣе уличная экспертиза гг. профессоровъ (я говорю: уличная, потому что гг. профессора только то и сдѣлали, что предразсудки и мнѣнія улицы облекли въ ученую арматуру) принесло компаньонамъ много огорченій, въ особенности, для князя Урусова при его очень нервномъ, раздражительномъ темпераментѣ: представьте себѣ человѣка, который задался какою-нибудь великою цѣлью, который такъ много работалъ надъ планомъ, какъ достигнуть ея, который такъ убѣжденъ въ вѣрности и цѣлесообразности этого плана, что для него нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта цѣль имъ быстро будетъ достигнута, онъ, такъ сказать, ее обнимаетъ уже своимъ яснымъ умомъ и потому спѣшитъ какъ можно скорѣе привести въ исполненіе зрѣло обдуманый планъ—и вдругъ въ это время передъ нимъ предстаетъ рутинеръ, человекъ толпы, съ своими уличными сентенціями, замѣчаніями, пред-

положеніями: «вы не съ того начали, не такъ сдѣлали, не тутъ построили» и т. п. Еслибы на мѣстѣ князя Урусова былъ человѣкъ съ воловьими нервами и холодный, какъ ледъ, то и ему трудно было бы воздержаться при видѣ *подобнаго учителя*, если не отъ вышшняго проявленія своего негодованія, то отъ сильнаго внутренняго возбужденія. Представьте же себѣ въ такомъ положеніи князя Урусова, человѣка нервнаго, раздражительнаго. А князь былъ именно поставленъ въ такое положеніе дѣйствіями врача Заславскаго. Что понималъ, и что могъ понимать врачъ Заславскій въ сухарномъ производствѣ! Ровно ничего. Свѣдѣнія его о томъ: изъ какой воды надобно готовить сухари, какая мѣстность должна быть выбрана для сухарнаго производства и т. п. были такія же рутинныя какъ всей толпы, такія же какъ и гг. профессоръ-экспертъ—не во гнѣвъ имъ будь сказано—но разница между гг. профессорами и г. Заславскимъ была та, что первые могли облечь эти свѣденія въ ученую форму и, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, по видимости придать имъ для профановъ видъ боеваго оружія, а г. Заславскій, въ практической дѣятельности котораго химія играетъ не болѣе важную роль, чѣмъ, по выраженію Гоголя, богиня Феміда въ дѣятельности секретаря уѣзднаго суда, конечно, не могъ бы сдѣлать и этого. И, однаковъ, врачъ Заславскій безцеремоненъ и надоедливъ, какъ муха. Безъ вѣдомъ князя Урусова, онъ одинъ то и дѣло суетъ по его заводу; все осматриваетъ, всѣхъ спрашиваетъ, все критикуетъ и, наконецъ, явившись на заводское торжество, когда здѣсь былъ молебень, когда у князя былъ завтракъ, требуетъ, чтобы немедленно приступить къ составленію протокола. На приглашеніе князя принять участіе въ заводскомъ торществѣ и завтракѣ, вся коммиссія принимаетъ приглашеніе; одинъ Заславскій отказывается отъ него и настаиваетъ на своемъ. Очень натурально, что князь не выдержалъ, наговорилъ ему разныхъ неприятныхъ вещей и въ заключеніе сказалъ: «пошелъ вонъ». Послѣ столкновенія съ врачомъ Заславскимъ, князь Урусовъ увидѣлъ, что бесполезно было бы объяснять кому бы то ни было ту великую цѣль, которую онъ задался съ своимъ компаньономъ, что этой цѣли никто не пойметъ, что они стоятъ одиноко, изолированно въ окружающей ихъ средѣ и что потому надобно заботиться только о томъ, чтобы спѣшить, какъ можно скорѣе, исполненіемъ своего плана. Князь Урусовъ, какъ человѣкъ нервный и раздражительный, рѣшился послѣ этого не входить ни съ кѣмъ болѣе въ длинныя объясненія, а на возраженія улыци давать краткіе отвѣты, доступные пониманію улыци, смотря по чину и званію возражавшаго. На замѣчаніе предсѣдателя коммиссіи о недоброкачественности сухарей, князь отвѣтилъ: «О чемъ вы хлопочете? Солдатское брюхо все съѣстъ». Когда одинъ приващикъ на заводѣ сказалъ князю Урусову о негодности воды, князь отвѣтилъ: «Не твое дѣло; вода должна употребляться такая, какая есть». Узнавъ, что

одинъ пекаръ, признавъ привезенную воду дурною, своевольно распорядился вылить ее, вмѣсто того, чтобы употребить въ дѣло, князь страшно разсердился и приказалъ его расчистать!

Такъ, непрестанно раздражаясь и волнуясь, проходилъ онъ тернистый путь къ своему великому открытію, раздражая и волнуя въ свою очередь своимъ обращеніемъ и другихъ. Совершенною противоположною князю Урусову представляетъ его компаньонъ Перовощиковъ. Какъ тотъ всѣмъ оскорбляется и всѣхъ оскорбляетъ, такъ, напротивъ, этотъ представляется, повидимому, неуязвимымъ, ко всему относится благодушно и, подобно Павлу Ивановичу Чичикову, всѣхъ старается привлечь къ себѣ своимъ обворожительнымъ обращеніемъ. Такимъ ли его создала природа, или такимъ онъ выработался въ горнилѣ жизни, прошедши чрезъ огонь и воду и мѣдныя трубы, и сдѣлавшись что называется калачемъ тертымъ, хорошо понимающимъ, что въ томъ мірѣ, въ которомъ мы возвращаемся, въ дѣлѣ всякихъ подрядовъ, всего можно достигнуть только ласкою, приголубливаніемъ, и, въ особенности, приличнымъ подмазываніемъ, а никакъ не гордыбачевьемъ, не фырканьемъ — онъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ является мягкимъ, деликатнымъ, заискивающимъ, ничѣмъ не оскорбляется, все хочетъ уладить миромъ, всякаго врага старается превратить въ своего друга. Узнавъ о неблагопріятной для завода экспертизѣ профессорской комиссіи, онъ немедленно отправляется въ университетъ, отыскиваетъ тамъ профессора Гарничъ-Гарницеаго, и когда послѣдній началъ говорить о недостаткахъ завода, о негодности, то г. Перовощиковъ не считъ нужнымъ даже хоть бы одно слово пикнуть въ свою защиту. Повидимому, со всѣмъ соглашаясь, онъ кротко обратился къ профессору съ такимъ предложеніемъ: «Какже пособить горю? Не примите ли вы управленіе заводомъ?» Вѣроятно, на лицѣ профессора появилась какая-нибудь непріятная мина, потому Перовощиковъ постившилъ немедленно добавить: «не теперь... а когда дѣло о сухаряхъ кончится». Хотя профессоръ наотрѣвъ отказался отъ такого предложенія и за настоящее, и за будущее время, тѣмъ не менѣе, Перовощиковъ снова розыскалъ его въ казначействѣ и, начавъ съ нимъ разговоръ, не выпускалъ, однакожъ, взятой имъ руки профессора, а, все нѣжнѣе и нѣжнѣе пожимая ее, приближалъ къ своему сердцу и, наконецъ, сказалъ: «Какъ бы мнѣ поговорить съ вами наединѣ!» Профессоръ эту любезность и нѣжность г. Перовощикова принялъ за предложеніе взятія и совсѣмъ растерялся, не нашедши даже что отвѣтить. Точно также за предложеніе взятки принялъ подобную же любезность, и даже не просто любезность, а любезность, соединенную съ гуманитарнымъ чувствомъ и предложеніемъ, и генералъ Сарачевъ, когда г. Перовощиковъ, явившись къ нему послѣ того, какъ сдѣлано было распоряженіе о приостановленіи заготовленія сухарей, сказалъ генералу: «Мы знаемъ васъ, и слы-

шали, что въ вамъ нельзя придти съ предложеніемъ благодарности, такъ не можете ли вы позволить предложить ее вашему дѣлопроизводителю, который такъ хорошо ведетъ дѣло, такъ добросовѣстно?» Защитникъ Перевощикова, г. Андриевичъ, противъ такого невѣроятнаго толкованія любезности и нѣжности своего кліента, справедливо замѣтилъ: «Что есть предосудительнаго въ пожатіи руки и прижиманіи ея къ сердцу? Неужели профессоръ Гарничъ-Гарницій не сталкивался съ обыкновенными вещами?»

Но и мягкость, и любезность, и гуманность г. Перевощикова не помогли спасти дѣло. Оба компаніона были привлечены къ мировому суду. Въ виду интереса дѣла, занимавшаго все кievское населеніе, мѣстою для разбора дѣла, вмѣсто камеры мирового судьи, была назначена большая зала сѣзда мировыхъ судей. Разборъ дѣла продолжался пять дней и каждый день, съ десяти часовъ утра, зала была биткомъ набита народомъ: «всѣ скамьи, окна, передняя, корридоръ — все было занято слушателями, такъ что буквально не оставалось ни одного свободнаго мѣста». Почти вся эта толпа дышала непримиримой враждой къ компаніонамъ и была рада бы отдать ихъ на пропатые. Она не могла сдерживать своего негодованія и начинала шикать, когда адвокаты начинали слишкомъ усердствовать въ защитѣ обвиненныхъ и, по обычаю своей профессіи, переходить къ разнымъ личнымъ придиркамъ и инсинуаціямъ противъ ихъ противниковъ, такъ что одинъ изъ адвокатовъ нашелся вынужденнымъ заключить свою рѣчь словами: «Что-жь, господа, я взялся защищать и только исполняю свою задачу!» Однимъ словомъ, настроеніе и поведеніе толпы было таково, что благопріятнаго приговора для обвиняемыхъ ожидать было невозможно. Всѣ были заранѣе убѣждены въ ихъ осужденіи. Но здѣсь мы снова встрѣчаемся съ перстомъ Провидѣнія, направляющимъ судьбы и дѣла людей къ своимъ великимъ цѣлямъ, вопреки ихъ желанію и даже при ихъ прямомъ противодѣйствіи. Когда мировой судья Дараганъ, по окончаніи преній, записавъ въ протоколъ просьбу обвинителя, въ которой требовалось примѣненія къ обвиняемымъ ст. уст. о наказаніяхъ 115-й, сталъ читать свой протоколъ, то, за шумомъ, ничего нельзя было слышать, кромѣ словъ: «примѣнить къ обвиняемымъ 115-ю ст.». Толпа приняла это за приговоръ обвиняемымъ и пришла въ неописанный восторгъ. «Вся зала, какъ одинъ человекъ, разразилась громкими аплодисментами, за исключеніемъ группы поближе къ обвиняемымъ, и крики «браво» продолжались до 10-ти минутъ». Наконецъ, судья Дараганъ успѣлъ положить конецъ этому неразумному взыгранію толпы и, сдѣлавъ внушеніе бушующимъ, удалился для составленія приговора.

Тяжелое впечатлѣніе, сдѣланное на него деспотизмомъ толпы самовольно предрѣшавшей дѣло, давившей на самостоятельность судейскаго рѣшенія, оскорблявшей судейское достоинство, было

толчкомъ достаточно сильнымъ для того, чтобы заставить судью пристально всмотрѣться во всѣ обстоятельства и подробности дѣла. Два часа провелъ онъ въ своемъ уединеніи надъ изученіемъ дѣла. Наконецъ, онъ былъ озарень; ему стали ясны прavoта обвиняемыхъ и козни ихъ враговъ, и онъ вынесъ слѣдующій приговоръ:

«По указу Е о Императорскаго Величества, я, мировой судья кievскаго мирового округа, разсмотрѣвъ дѣло о капитанѣ князѣ Дмитріѣ Урусовѣ и коллежскомъ совѣтникѣ Петрѣ Перевощиковѣ, обвиняемыхъ кievскимъ интендантствомъ въ проступкѣ противъ народнаго здоровья, находя опровергнутымъ показаніями свидѣтелей, что вода для печенія хлѣба на сухарномъ заводѣ Перевощикова, князя Урусова и К^о употреблялась недоброкачественная, актъ же экспертизы, по несоблюденію формальности, не имѣющимъ юридическаго значенія въ дѣлѣ—признаю обвиненіе недоказаннымъ, и, на основаніи статей уст. уголовн. и врач. (такихъ-то), опредѣлилъ: коллежскаго совѣтника Петра Перевощикова и капитана князя Дмитрія Урусова признать по суду оправданными и сухари, арестованные по распоряженію интендантства, возвратитъ имъ».

Этотъ приговоръ былъ встрѣченъ сначала гробовымъ молчаніемъ, потомъ энергическимъ шиканьемъ по всей залѣ и въ корридорѣ. При выходѣ обвинителя, толпа поднесла ему огромный букетъ цвѣтовъ.

Но эти протесты и буйство толпы не могли уже волновать обвиняемыхъ. Ихъ правота была признана судомъ; ихъ честь была восстановлена; сухари возвращены.

Гдѣ теперь эти сухари? Сохранять ли ихъ компаньоны до будущей войны или дадутъ и теперь еще нашимъ войскамъ, остающимся въ Болгаріи, полакомиться своимъ новозобрѣтеннымъ бархатистымъ сухаремъ?

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ.

I.

О затрудненіяхъ, которыя поставлены закономъ 1869 года крестьянамъ при арендованіи казенныхъ оброчныхъ статей. Предсѣдателя мелитопольской земской управы Гофмана.

Въ № 6 «Отечественныхъ Записокъ», за сей годъ, въ отдѣлѣ «внутренняго обозрѣнія», разбирается дѣятельность Старобѣльскаго Земства и, между прочимъ, обращено вниманіе, что «земство вообще мало обращаетъ вниманія на содѣйствіе крестьянамъ при взятіи изъ казны въ аренду казенныхъ участковъ (оброчныхъ статей), тогда какъ это есть прямая забота земства объ интересахъ крестьянъ, или, что тоже, о своихъ собственныхъ» (стр. 265).

Замѣчаніе это не вполнѣ вѣрно. Земство обратило вниманіе на этотъ вопросъ, дѣйствительно, столь важный для крестьянскаго экономическаго быта. Мелитопольскому земскому собранію прошлаго года управою былъ представленъ докладъ, въ которомъ изложены мѣры, которыя должны быть принимаемы для улучшенія быта крестьянскаго сословія; въ этомъ отношеніи земство желало оказать содѣйствіе во 1-хъ денежною помощію крестьянамъ при покупкѣ сельскими обществами въ собственность частныхъ земель и во 2-хъ посредничествомъ между крестьянствамъ и казною при снятіи арендныхъ земель (казенныхъ оброчныхъ участковъ).

Въ этомъ докладѣ подробно изложены причины, почему въ настоящее время оброчные участки недоступны для непосредственнаго арендованія крестьянскими обществами, а именно, что они не могутъ быть отданы на круговое поручительство крестьянъ, а непременно съ представленіемъ *залюга*. На основаніи прежняго закона, было предоставлено крестьянскимъ обществамъ право брать въ оброкъ казенные участки, какое бы количество десятинъ въ нихъ ни заключалось, безъ *взноса залюговыхъ денегъ*, лишь по мірскимъ приговорамъ. Эта заботливая мѣра министерства государственныхъ имуществъ имѣла благія послѣдствія, какъ приведены примѣры въ помянутомъ докладѣ. Но, къ сожалѣнію

законъ этотъ измѣненъ по продолженію 1869 года ст. 62 т. VIII и право взятія въ оброкъ казенныхъ земель, хотя и распространено на все сельское сословіе (прежде имѣли это право только государственные крестьяне), но сдѣланы слѣдующія ограниченія: чтобы участокъ отстоялъ не далѣе 15 верстъ, чтобы срокъ не превышалъ 6 лѣтъ и чтобы приговоръ, замѣняющій залогъ, принимался въ суммѣ, *соразмѣрной числу душъ* всего общества, полагая на каждую только 3 руб. Конечно, при такихъ ограниченіяхъ, большіе казенные участки не могли попасть въ непосредственное содержаніе крестьянъ, а по этому, вѣроятно, и въ Старобѣльскомъ Уѣздѣ участокъ въ 22 т. десятинъ не могъ быть взятъ крестьянами въ свое пользованіе и попасть въ руки эксплуатаціи, которая лишила казну огромнаго дохода, вслѣдствіе недопущенія къ торгамъ крестьянскихъ обществъ по неизбѣжнѣ залоговъ и отсутствія вслѣдствіе этого конкуренціи. Что казна всегда возвышала доходъ за свои земли при допущеніи къ торгамъ *крестьянскихъ* обществъ, то этому служить примѣромъ и нашъ уѣздъ. Въ докладѣ перечислены участки (Агайманскій, Куянлыскій), которые казна отдавала по 30 коп. за десятину, а съ приглашеніемъ въ торгамъ крестьянскихъ обществъ цѣна поднялась до 1 р. 50 коп., и участки остались за крестьянами. Десять лѣтъ крестьяне содержатъ ихъ. Несмотря на высокую цѣну и несмотря на постоянные десятилѣтніе неурожаи, крестьянскія общества всегда считали священнымъ долгомъ уплачивать за эти земли громадный оброкъ, и если были иногда отсрочки, то это вслѣдствіе уже дѣйствительной невозможности, но и недоимки *всегда помнялись*. При существованіи закона о правѣ обществъ брать по приговорамъ казенные участки, *какой бы величины они ни были*, конкурентами крестьянъ являлись только крупныя капиталисты-овцеводы, и, конечно, соревнованіе было между ними, лишь какъ между хозяевами, лично пользующимися производствомъ земли; но, съ 1869 года, явился посредникъ, который сумѣлъ воспользоваться новымъ закономъ, ограничившимъ право крестьянскихъ обществъ по взятію казенныхъ участковъ. Посредникъ этотъ уже не самъ хозяинъ, а эксплуататоръ, неизбѣжнѣ ни одного плуга, ни одной овцы. Онъ инстинктивно понялъ, что теперь онъ долженъ руководить и земледѣіемъ; крестьянинъ безъ него не обойдется, а крупный хозяинъ-овцеводъ долженъ также стать подъ его зависимость, если не хочетъ, чтобы на этотъ участокъ была поднята чрезмѣрно цѣна. Эксплуатація, какъ и вездѣ, захватила въ свои руки и тотъ барышъ, который долженъ быть раздѣленъ между хозяиномъ земли и крестьянами, ее обрабатывающими. Такимъ образомъ, общества не имѣли уже возможности брать большихъ участковъ въ оброкъ, а взяло ихъ лицо постороннее, никогда незанимавшееся земледѣіемъ или овцеводствомъ. Несчастными примѣры такихъ отдачъ земель въ оброкъ, какъ несчастливымъ и барышъ эксплуатаціи. Средняя плата за казенные участки обик-

новенная, отъ 1 р. до 1 р. 50 к., а затѣмъ по мелочамъ арендаторъ раздаетъ отъ 5 до 8 р. за десятину подъ роспашку. Новый законъ сократилъ право сельскаго сословія по арендѣ казенныхъ оброчныхъ статей, уменьшилъ первыхъ и лучшихъ потребителей этой земли, а черезъ то уменьшился и доходъ, и разнида въ барышѣ пошла въ руки посредника. Поэтому мелитопольское земство признало справедливымъ возбудить ходатайство, чтобы сельскому сословію было *разрѣшено* вновь арендовать казенныя земли по мірскимъ приговорамъ, не ограничивая ихъ права на это ни *величиною* участка, ни отдаленностью, ни временемъ содержанія. Этимъ способомъ не только можетъ быть возвышена оброчная плата, но общества не будутъ прибѣгать къ посредничеству постороннихъ лицъ, не имѣя собственныхъ залоговъ и потребнаго числа душъ для расчета по 3 р. залоговыхъ.

Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи земство подняло свой голосъ въ защиту интересовъ крестьянъ, но, къ сожалѣнію, его голосъ на первыхъ же порахъ былъ прерванъ протестомъ, который мотивированъ слѣдующими соображеніями: 1) По силѣ 2-й ст. пункта XII земск. полож., предоставлено право земству представлять, чрезъ губернское начальство, высшему правительству свѣдѣнія и заключенія по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ польвъ губерніи или уѣзда, а слѣдовательно, ходатайство это должно подлежать рассмотрѣнію не земскаго собранія, а губернскаго начальства, отъ котораго зависитъ дать дальнѣйшее направленіе по такого рода дѣламъ и сдѣлать соответственныя распоряженія; 2) дѣла объ устройствѣ быта крестьянъ, какъ равно всѣ дѣла сословныхъ учреждений, не подлежатъ обсужденію земскихъ собраній, и 3) на основаніи 1 п. прилож. къ ст. 68-й полож. о земск. учрежд., разрѣшается земству давать гарантіи только относительно желѣзныхъ дорогъ губерніи или ея уѣзда, но никакъ не по другимъ предметамъ и въ пользу одного какаго-либо сословія (198).

Такъ какъ, на основаніи полож. о земск. учрежд. и разъясненія сената, протестъ губернатора составляетъ окончательное рѣшеніе, не дающее право на апелляцію высшему правительству, то дальнѣйшее движеніе этого дѣла приостановилось, пока не будетъ оно возбуждено въ губернскомъ собраніи, которому только предоставлено право апелляции, до того же времени этотъ вопросъ покоится лишь на страницахъ постановленій и докладовъ уѣзднаго земства. Но мнѣ кажется, могучее (?) слово литературы можетъ посодѣйствовать и обратить вниманіе кого слѣдуетъ на важность такого дѣла, какъ помощь крестьянскому сословію со стороны земства при покупкѣ въ собственность частныхъ земель и при взятіи въ оброчное содержаніе казенныхъ оброчныхъ статей.

II.

О затрудненіяхъ, которыя могутъ встрѣтиться при исполненіи новаго закона объ уничтоженіи неправильно составленныхъ крѣпостныхъ актовъ на башкирскія земли.

Въ іюльской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» помѣщены нѣкоторыя замѣтки, относящіяся къ новому закону о порядкѣ башкирскихъ земель по пересмотру всѣхъ крѣпостныхъ актовъ на земли, купленныя у башкиръ съ 1869 г. Покупка и продажа башкирскихъ земель—большое мѣсто каждаго жителя Уфимской Губерніи, для однихъ въ смыслѣ способа «капиталъ приобрести и невинность соблюсти», для другихъ же, вслѣдствіе безумнаго мотовства башкиръ и бессмысленнаго скопленія громадныхъ массъ земель въ однихъ рукахъ, неимѣющихъ возможности воздѣлывать даже сотую долю ихъ. Сколько при такихъ покупкахъ было мошенничествъ—одинъ Богъ вѣдаетъ; намъ же остается слабая надежда, что, можетъ быть, добросовѣстное исполненіе новаго закона выведетъ на свѣжую воду хоть что-нибудь изъ всѣхъ продѣлокъ покупателей. Поэтому-то намъ и пріятно было видѣть, что печать, хотя вскользь, но задѣла это наше большое мѣсто и тѣмъ показала возможность указать и на обратную сторону новаго закона. Дѣло въ томъ, что, въ случаѣ безпристрастнаго разсмотрѣнія и уничтоженія всѣхъ неправильныхъ актовъ на башкирскія земли, законъ, безспорно хорошій, можетъ повести ко многимъ крайне плачевнымъ послѣдствіямъ для массы бѣдняковъ-крестьянъ, ничѣмъ не причастныхъ мошенничествамъ, совершившимся при покупкѣ земель. Крестьяне эти—это тѣ переселенцы, которыхъ крупныя покупки обыкновенно вызывали изъ разныхъ малоземельныхъ губерній на купленныя у башкировъ земли. По вѣсту этихъ покупателей, крестьяне высылали обыкновенно ходоковъ и, удостовѣрившись черезъ нихъ въ доброты качества земли, переселялись часто цѣлыми десятками семей въ разъ. При поселеніи, вызвавшіе ихъ спекулянты держались такого порядка: купленныя у башкировъ земли почти сплошь представляютъ собою громадныя лѣса, въ которыхъ зачастую не бывала человѣческая нога; крестьянамъ же нужна прежде всего земля для хлѣбопашества, слѣдовательно, первое дѣло ихъ по прибытіи на новую землю—приступить къ разчищенію ея. Здѣсь-то и начинается эксплуатація переселенцевъ: собственники уговариваются, что весь вырубленный лѣсъ будетъ данъ крестьянами только имъ и притомъ по назначенной самимъ собственниками цѣнѣ. Разчищеніе обыкновенно сопряжена съ громадными трудностями, такъ какъ никакихъ необходимыхъ механическихъ приспособленій здѣсь нѣтъ и все это время переселенцы должны жить на свои прежде добытыя средства.

Между тѣмъ, ходяки изъ переселенцевъ заключаютъ окончательныя условія съ хозяевами земли (предварительныя заключены еще до переселенія): о цѣнѣ земли, срокахъ платежа, границахъ и т. д. Цѣна, хотя и невысокая, отъ пяти до десяти рублей за десятину, даетъ обыкновенно продавцамъ, приобретающимъ землю у башкиръ по баснословно дешевой цѣнѣ—отъ 13-ти копеекъ до полутора, и лишь въ послѣднее время до четырехъ рублей за десятину—такой процентъ, что однимъ задаткомъ, полученнымъ отъ переселенцевъ, они покрываютъ значительную часть своего долга башкирамъ. Срокъ, въ теченіи котораго переселенцы обязываются выплатить всю покупную сумму, опредѣляется отъ пяти до десяти лѣтъ, и въ этомъ-то вся суть дѣла и заключается—до окончанія срока, слѣдовательно, до уплаты всѣхъ денегъ за землю, переселенцы не получаютъ на нее никакихъ актовъ. Отсюда ясно, каково ихъ положеніе во все время отсрочки и каковы ихъ отношенія къ собственникамъ земли—захотятъ послѣдніе прогнать ихъ и никто не имѣетъ права имъ воспрепятствовать: законъ на сторонѣ собственниковъ. Надо, впрочемъ, отдать справедливость послѣднимъ—подобные случаи согнанія переселенцевъ съ занятой ими земли встрѣчались очень рѣдко. Почему переселенцы не получаютъ крѣпостныхъ актовъ, собственно купчей крѣпости, которая одна только и можетъ обусловить переходъ къ нимъ права собственности на землю, это ясно: у переселенцевъ полной покупной суммы никогда нѣтъ налицо, а выдавать имъ купчую крѣпость съ совершеніемъ на нее затѣмъ закладной—для продавцевъ гораздо хлопотливѣе и, во всякомъ случаѣ, рискованнѣе, чѣмъ оставить право собственности за собой. Такимъ образомъ, при примѣненіи закона о пересмотрѣ и уничтоженіи неправильно совершенныхъ крѣпостныхъ актовъ на башкирскую землю, могутъ оказаться—и навѣрное будутъ нерѣдки такіе случаи: цѣлая деревня, домовъ изъ 20—30-ти, заняла значительное пространство земли, разчистила, пахотъ ее, платитъ лѣтъ 8 за нее деньги; вдругъ купчая, по которой земля эта была приобретена вызвавшимъ ихъ лицомъ у башкиръ, по судебному приговору уничтожается: очевидно, бывший собственникъ уже никакъ не можетъ выдать имъ на землю крѣпостной актъ. Въ силу того же закона, земля возвращается въ собственность прежнихъ ея владѣльцевъ башкиръ и назначается въ продажу съ аукціона. Средства купить ее у переселенцевъ нѣтъ, и въ лучшемъ случаѣ имъ предстоитъ войти въ соглашеніе съ новымъ приобретателемъ земли съ новой уплатой денегъ за нее. Такимъ образомъ, на этихъ-то бѣдняковъ и ляжетъ вся тяжесть примѣненія новаго закона, тогда какъ ловкіе аферисты, переселявшіе ихъ на башкирскія земли, давнымъ давно выручившіе втрое или вчетверо всю затраченную ими на покупку земли сумму, останутся въ сторонѣ съ набитыми карманами. Правда, переселенцы, по закону, будутъ имѣть право взыскивать съ нихъ убытки, но... «улита ѣдетъ, когда-то будетъ», да при

томъ въисканіе убѣтковъ—это вещь такая хитрая, что не крестьянамъ за нее приниматься, и отъ раззоренія въ настоящемъ все таки ихъ не спасеть.

III

О письмахъ студентки Некрасовой—врача Буренина.

Въ возникшей полемикѣ по поводу писемъ покойной Некрасовой, слѣдуя паролю, данному г. Гирсомъ, стараются объяснить дѣло психомъ, которымъ будто бы страдала покойная. Замѣчательно, что наиболѣе смѣлые выводы въ этомъ направленіи дѣлаютъ люди, которые лично ея не знали, какъ г. Гирсъ, люди, слышавшіе о ней отъ другихъ, какъ г. Лещинскій. Люди же, знавшіе ее и болѣе свѣдущіе, какъ г. Студентскій, говорятъ болѣе осторожно и вовсе не выставляютъ впередъ психическое расстройство. Уже одно это показываетъ, что исходная точка этихъ господъ не такъ вѣрна, какъ те хотятъ представить въ глазахъ общества. Не врача, пожалуй, можно увѣрить въ душевной болѣзни Некрасовой, приведи кстати пикантный анекдотъ изъ англійской жизни, или передавъ слова такого-то, слышавшаго, въ свою очередь, о болѣзни покойной отъ лечившаго будто бы ее врача. Для всякаго же врача пресловутый психозъ уже потому покажется подозрительнымъ, что онъ проявился только по отношенію къ тремъ лицамъ изъ сотни сталкивавшихся съ Некрасовой. Психозъ, тѣмъ болѣе подозрительный, что онъ подтверждается такими сомнительными доказательствами, какъ аналогія и ссылки на чужія слова и слухи. Можно было ждать, что появятся доказательства болѣе серьезныя, но такихъ не оказывается въ запасѣ гг. обвинителей Некрасовой; если же позволяютъ себѣ доказывать анекдотами и слухами, то—долгъ каждаго, знавшаго повоинную, подтвердить или опровергнуть такіе странныя измышленія. Это то и побудило меня взяться за перо. Я лично зналъ повоинную Некрасову въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, зналъ и ея отношенія къ окружающимъ и могу утвердительно сказать, что не только никакой врачъ не лечилъ ея отъ горделиваго умопомѣшательства, но и не могъ лечить, такъ какъ она не страдала ничѣмъ подобнымъ психозу, который теперь такъ кстати является для благовиднаго объясненія грязной исторіи.

РОМАНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.

Идеалисты и реалисты, историческій романъ Д. Л. Мордовцева. Спб. 1878.

Романъ г. Мордовцева вводитъ насъ въ ту бурную эпоху, которая еще не такъ давно служила яблокомъ раздора между мыслителями русскими людьми—въ эпоху петровскихъ реформъ, изъ за которой преломили столько копій западники и славянофилы.

Въ Днѣпрѣ купается прекрасная Оксана Хмара, купается, тонетъ и, какъ это обыкновенно случается съ прекрасными дѣвцами, вытаскивается изъ воды руками гренадерскаго капитана Левина. Стрѣлы амура, испоконъ вѣка выстрѣживающаго прекрасныхъ дѣвъ и мужественныхъ гренадеровъ, исправно служатъ свою службу и одновременно уязвляютъ сердца спасенной и спасителя. Но суровый и взыбланный великанъ, Петръ, безжалостно разорвалъ нѣжную цѣпь любви: онъ пожелалъ отдать Оксану замужъ за своего деньщика, Орлова, и хотя Оксана предпочла монастырь измѣнѣ своему гренадеру, но Левинъ все-таки остался съ раной въ сердцѣ. Суровый великанъ, растоптавшій его счастье, даже не подозрѣвая его существованія, точно также безжалостно топчетъ и старую Русь, не жалѣя даже своего сына, благодушнаго царевича Алексѣя. Левинъ видитъ все это и рана его сердца все больше и больше растревается. Онъ рѣшаетъ уйти въ монастырь, но и тутъ ему становится поперекъ дороги всемогущая воля державнаго великана: царь велѣлъ давать въ подобныхъ случаяхъ офицерамъ отставку только по болѣзни и послѣ строгаго медицинскаго изслѣдованія. Одержимый несомнѣнною нервною болѣзнію, Левинъ терпитъ варварское изслѣдованіе и получаетъ свободу. Въ монастырь, однако, онъ не поступаетъ, потому что узнаетъ, что даже въ славной Соловецкой обители монахи ѣдятъ мясо—такъ глубоко распространился ядъ «реализма!» Левинъ отправляется въ муромскій раскольничій скитъ въ сопровожденіи нѣкоего старца, Варсаногія или Никитшки Паломника, недаромъ прозваннаго «Агасферіемъ»: какъ вѣчный жидъ, онъ ходитъ, ходитъ, ходитъ... Въ скиту амуръ опять пронзилъ любвеобильное сердце бывшаго гренадерскаго капитана. Его увидѣла хорошенькая Евдокьюшка «и предалась любви съ тѣхъ поръ». Бывшій гренадеръ не остался въ долгу;

«бѣлая рожица» Евдокѣюшки полонила его сердце. Но и на этотъ разъ воля суроваго царя, хотя и не столь непосредственно, какъ въ исторіи Оксаны Хмары, разбила счастье Левина. Пришли царскіе солдаты раззорять раскольничій скитъ. Раскольники не пожелали ни покориться, ни выдать своего учителя. Они собрались въ молельнѣ, подожгли ее и всѣ сгорѣли. Погибла и Евдокѣюшка, насильно удержанная въ огнѣ однимъ фанатикомъ. Левинъ видѣлъ все это и остался цѣлъ—онъ случайно находился внѣ скита, когда пришли солдаты. Рана въ сердцѣ Левина растетъ и растетъ. Въ немъ развивается жажда борьбы и подвига, мучительная и непреодолимая жажда помѣраться съ окружающимъ его міромъ зла. Онъ постригается въ монахи и затѣмъ раздражается фанатическою проповѣдью противъ царя—«антихриста». Его арестуютъ, пытаются, казнятъ... Въ числѣ зрителей находится монахиня. Это—Оксана Хмара. Левинъ узнаетъ ее въ толпѣ за минуту передъ тѣмъ, какъ топоръ палача навѣкъ успокоиваетъ его...

Таковъ голый остовъ романа г. Мордовцева, его интрига. Затѣмъ въ романѣ фигурируютъ и Петръ, и царевичъ Алексѣй, и его возлюбленная, и «итенцы гнѣзда Петрова», и Стефанъ Яворскій, и раскольники, юродивые, монахи, солдаты и проч.

Какъ романъ, произведеніе г. Мордовцева совсѣмъ слабо, да и едва-ли справедливо, едва-ли даже возможно судить его, какъ поэтическое произведеніе, хотя оно и называется историческимъ романомъ. Ни одного истинно художественнаго образа въ романѣ нѣтъ и самыя потрясающія сцены не производятъ подъ перомъ нашего автора и сотой доли того впечатлѣнія, на какое онѣ сами по себѣ способны. Петръ, присутствующій при казни красавицы Гамильтонъ, царевичъ Алексѣй, бѣгущій въ Вѣну и обезумѣвшій отъ страха, сцена самоожженія фанатиковъ-раскольниковъ, сцены казней и пытокъ, допросъ Стефана Яворскаго, оговореннаго Левинымъ—все это такіе сюжеты, которые требуютъ большаго таланта, чтобы въ ихъ изображеніи не вышло недосола или пересола, но которые зато для крупнаго таланта въ высокой степени благодарны. Одно время ходили слухи, что графъ Левъ Толстой пишетъ романъ изъ петровскихъ временъ. Чего бы онъ ни сдѣлалъ изъ сюжетовъ, наскоро обработанныхъ г. Мордовцевымъ!..

Да и не въ беллетристикѣ тутъ дѣло, хотя, конечно, и не въ исторіи. Дѣло—въ «реалистахъ» и «идеалистахъ».

Слабый историческій романъ не можетъ, разумѣется, быть удовлетворительнымъ зеркаломъ изображаемой имъ эпохи—иначе онъ не былъ бы слабъ—но онъ можетъ иногда очень хорошо отражать состояніе умовъ эпохи современной. И еслибы меня спросили, какія книги могутъ служить руководствомъ для уразумѣнія переживаемаго нами времени, то я бы непременно указалъ, между прочимъ, на романъ г. Мордовцева, хотя рѣчь въ немъ идетъ о дѣлахъ давно минувшихъ дней и преданьяхъ старины глубокой.

Никому не придется въ голову изучать эпоху Петра по роману г. Мордовцева, но, какъ матеріалъ для изученія нашего времени, онъ очень пригоденъ. Само собою разумѣется, что не вся русская земля съ ея разнообразными интересами, чувствами и помышленіями отразилась въ зеркалѣ романа г. Мордовцева, а только известная группа интересовъ, чувствъ и помышленій, но это не лишаетъ «Идеалистовъ и реалистовъ» чисто современнаго значенія.

Идеалисты г. Мордовцева—противники петровской реформы, реалисты—ея сторонники. Самъ авторъ видимо сочувствуетъ идеалистамъ, то есть противникамъ реформы, остаткамъ старой, допетровской Руси. Удивительнаго тутъ ничего нѣтъ. Удивительно, напротивъ, что романъ г. Мордовцева есть до сихъ поръ единственное въ своемъ родѣ произведеніе. По нынѣшнему времени, когда мы такъ проникнуты мыслию о гнилости Европы; когда профессоръ Бестужевъ-Рюминъ заявляетъ въ официальномъ изданіи, по поводу книги Рамбо, что «наступаетъ время европейской цивилизации уступить свое мѣсто»; когда газеты изодня въ день поютъ за упокой Европы—по нынѣшнему времени, надо бы было ждать десятковъ романовъ съ тенденціей «Идеалистовъ и реалистовъ». Они, впрочемъ, по всей вѣроятности, не заставятъ себя ждать съ легкой руки г. Мордовцева, хотя, надо замѣтить, дорога передъ ними разстилается не такою уже гладкою саатертью, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Есть тутъ одинъ коварный подводный камень, который не легко благополучно миновать.

Въ романѣ г. Мордовцева нѣтъ народа, хотя есть люди изъ народа. Мы видимъ обитателей скитовъ, слушателей проповѣдей объ антихристѣ, зрителей смертной казни, но не имѣемъ ни одной картины изъ обшденной, сѣрой народной жизни. Этой жизни авторъ намъ воочію не показываетъ, а только рассказываетъ объ ней своими словами и словами своихъ дѣйствующихъ лицъ. При этомъ мы узнаемъ слѣдующее: «Ави рыба распуганная, разбѣжались такъ російскіе люди отъ указовъ немилостиныхъ, отъ поборовъ тяжкихъ, отъ некрутства ежелѣтнаго, непрестаннаго. Кровавыми слезами плачется русская земля» («Идеалисты и реалисты», стр. 95). «И это все тѣ сѣрые зипуны съ сѣрыми лицами, съ продырвленными локтями, съ истоптавшимися грязными лаптами—все это они, вѣчно живущіе впрѣгодолъ и впрѣколоть, питающіеся чернымъ, какъ комья засохшей грязи и жесткимъ какъ эти же комья, хлѣбомъ, нагромоздившіе сотни и тысячи бѣдныхъ, грязныхъ городовъ и налпившіе словно стриждовыхъ гнѣздъ милліоны жалкихъ плетеныхъ, рубленыхъ, мазанныхъ, соломенныхъ, камышевыхъ, кизяковыхъ и иныхъ избушекъ—все это они успѣли наворотить такую громадину гранитныхъ глыбъ, цѣлыхъ скалъ, камней, мусору, домовъ, палатъ, дворцовъ, церквей, остроговъ, мостовъ... Столько сдѣлали, построили всю Россію, завоевали цѣлыя государства, отвоевали Сибирь, побили

шведовъ, захватили новыя моря, настроили кораблей, столько сдѣлали, столько, кажется, могли заработать — и все бѣдны, все голодны, все не обезпечены. Сотни и тысячи судовъ ходятъ по рѣкамъ съ хлѣбомъ, съ товарами, съ казной, съ желѣзомъ, съ ядрами: все это опять таки они же сдѣлали — и суда построили... (сокращая повтореніе)... и желѣза натаскали горы, чтобы надѣлать изъ него горы ядеръ и завоевать ими новыя земли — и все-таки сами голодны, бѣдны» (159). Нельзя сказать, чтобы это изображеніе положенія народа въ петровскія времена было очень ярко или вообще очень удачно, но въ общихъ чертахъ оно несомнѣнно справедливо. Петръ потребовалъ отъ Россіи такого страшнаго напряженія силъ, что, какъ выражается въ одномъ мѣстѣ г. Мордовцевъ, «экономическое состояніе государства» было дѣйствительно близко къ «самозадушенію». Но это не есть исключительная особенность петровскихъ временъ. Россія не разъ приходилось переживать такую или подобную экономическую непогоду и, между прочимъ, современный романистъ, съ тенденціей «Идеалистовъ и реалистовъ», находится по отношенію къ этому пункту въ нѣсколько щекотливомъ положеніи. Конечно, нынѣшнее «экономическое состояніе государства» не подлежитъ изображенію тѣми красками, которыя г. Мордовцевъ употребляетъ для картины начала прошлаго столѣтія. Но если бы осуществились мечты нашихъ крикливыхъ псевдо-патріотовъ, если бы война въ Европѣ и Азіи продолжалась, осложнившись еще индійскимъ походомъ, то мы были бы не очень далеки отъ «самозадушенія». Представимъ себѣ — чего Боже сохрани — что это печальное время наступило, что опять «какъ рыба распуганная, разбѣгаются россійскіе люди», опять «кровавыми слезами плачется русская земля», опять сѣрые зипуны завоевали дѣсныя государства, захватили новыя моря, настроили кораблей, а сами все-таки голодны». По всей вѣроятности, этотъ порядокъ вещей, если только его можно назвать порядкомъ, вызоветъ и протестъ, и жажду подвига и борьбы, хотя выразятся они, надо думать, не въ тѣхъ формахъ, какія преобладаютъ въ романѣ г. Мордовцева. Спрашивается, какъ должны будутъ отнестись ко всему этому патріоты нынѣшняго пошиба? Ясно, что они выворотятъ «идеалистовъ и реалистовъ» г. Мордовцева на изнанку; они не найдутъ достаточно сильныхъ ругательныхъ словъ для «идеалистовъ» и достаточно энергическихъ призывовъ къ захвату новыхъ морей и завоеванію новыхъ земель. Мы вѣдь это и теперь видимъ. А между тѣмъ въ самомъ теченіи событій вся разница будетъ состоять въ томъ, что въ петровскія времена силы государства до нельзя напрягались во имя Европы, а въ нашемъ гипотетическомъ случаѣ они будутъ напрягаться въ пику Европѣ. Поэтому романистъ во вкусъ нынѣшнихъ газетъ долженъ, рисуя эпоху Петра, инстинктивно обгѣгать экономическую и политическую ея стороны, а вслѣдствіе этого вся картина должна оказаться висящею на воздухѣ. Съ г. Мордовцевымъ такъ имен-

но и случилось, какъ мы сейчасъ увидимъ. Но прежде посмотримъ, что это за птицы—«идеалисты и реалисты».

«Въ толпѣ, наэлектризованной безумною проповѣдью Левина и въ ужасѣ разбѣжавшейся, нашелся одинъ реалистъ, который не испугался, не принялъ словъ фанатика на вѣру и если вмѣстѣ съ прочими бѣжалъ съ базарной площади, то не отъ призрака грядущаго антихриста, бѣжалъ не прятатся, не спастись, а съ тѣмъ, чтобы извлечь изъ этого проишествія выгоду—поживиться, выслужиться передъ властями: онъ бѣжалъ прямо въ пензенскую земскую контору съ доносомъ—объявить государеву «слово и дѣло». Этотъ съ реальнымъ мозгомъ человекъ былъ пензенскій мѣщанинъ или обыватель Ѳеодоръ Каменьщикова» (стр. 321).

Г. Мордовцевъ считаетъ, повидимому, этотъ случай чрезвычайно характернымъ для «реалистовъ» или, какъ онъ иногда говоритъ, для «новыхъ людей» петровскаго времени. На самомъ дѣлѣ, однако, тутъ ничего характернаго нѣтъ, потому что мерзавцы существовали и много раньше даже Іуды Искаріота и много позже Ѳеодора Каменьщикова. Безъ нихъ не обходились наши до-петровскіе предки, не обходимся и мы. Специально къ петровскому времени никакимъ образомъ не относится начало доносовъ и предательства на святой Руси, и г. Мордовцеву, не мало занимавшемуся русскою исторіей, это, конечно, очень хорошо извѣстно. Но для нашего времени приведенный разсказъ о Ѳеодорѣ Каменьщикова дѣйствительно очень характеренъ: всегда и вездѣ такихъ людей называли просто мерзавцами, а вотъ въ наше время оказывается возможнымъ величать ихъ реалистами. При извѣстной снисходительности, можно, пожалуй, сказать, что имя вещи не мѣняетъ, что имя звукъ пустой и что такъ какъ слово «реалистъ» много благозвучнѣе слова «мерзавецъ», то нововведеніе г. Мордовцева можетъ даже способствовать смягченію нравовъ. Но нуженъ же вѣдь все-таки какойнибудь резонъ. Недавно въ газетахъ разсказывали объ одномъ сельскомъ священникѣ, который давалъ новорожденнымъ крестьянскимъ дѣтямъ очень хитрыя имена и по очень хитрымъ соображеніямъ. «Ты, говорилъ онъ одному крестьянину:—долго манилъ меня жеребенкомъ, за то и будетъ сынъ твой Манилъ, а ты человекъ гордый и будетъ сыну твоему имя Гордій». Какъ ни оригинальны резоны этого сельскаго батюшки, но онъ ихъ все-таки приводитъ, тогда какъ мерзавцы, получающіе отъ г. Мордовцева наименованіе реалистовъ, остаются въ полномъ невѣдѣніи относительно причины поднесенія имъ такого титула. Опять и то взять: какъ ни странны причины, по которымъ Манилъ сталъ Маниломъ, а Гордій—Гордіемъ, никакой путаницы изъ этого произойти не можетъ; всякій будетъ знать, что вотъ это—Манилъ, а это—Гордій. Не то съ нововведеніемъ г. Мордовцева, а оно, это нововведеніе, на провозглашеніи доносчиковъ реалистами не останавливается.

Знаменитый палачъ Ушаковъ, допросивъ Левина, замѣчаетъ: «Вотъ оно что значить книгъ-то зачитываться: отъ нихъ и мысли пойдутъ, а мысли никогда до добра не доводятъ. Нѣтъ ничего хуже мыслей. А жили бы тихо, по нашему — держали бы синицу въ рукахъ, ну, и лучше было бы». Эту диссертацию начальника тайной канцеляріи г. Мордовцевъ съ своей стороны сопровождаетъ такимъ комментариемъ: «Андрей Ивановичъ былъ реалистъ до мозга костей».

Царскій деньщикъ Орловъ «былъ мастеръ выслуживаться передъ царемъ, мастеръ сочинять доносы, въ которыхъ, несмотря на свою молодость, очень набилъ руку, а чрезъ это и карманъ; но нравственной жертвы не понималъ. Онъ понималъ только, и понималъ вполне реально — что выгодно и что несприятно; но дальше этого не шелъ ни его реальный мозгъ, ни его реальное сердце».

Такимъ образомъ, реализмъ есть, по г. Мордовцеву, понятіе чрезвычайно обширное: онъ обнимаетъ собою всякаго рода подлость со включеніемъ ненависти къ просвѣщенію, къ «книгѣ» и къ «мыслямъ». Г. Мордовцеву не приходитъ въ голову, что отсутствіе нравственного идеала еще никому не даетъ права называться реалистомъ, и что путаница понятій и отношеній есть одинъ изъ тягчайшихъ грѣховъ, какіе только можетъ совершать писатель. Это безстрашіе передъ путаницей опять-таки ни мало не проливаетъ свѣта на петровскія времена, но очень характерно для нашего времени.

Наиболѣе общая характеристика реализма прошлаго столѣтія, представленная самимъ г. Мордовцевымъ, нѣсколько мягче, чѣмъ приведенныя отдѣльныя слагаемыя, дающія въ суммѣ всякаго рода подлость. У реалистовъ — «не идеалы, а осязательныя реальности, за которыя можно было ухватиться и подняться высоко до верха мачты. Это дѣльцы, взбиравшіеся на мачту и часто ломавшіе себѣ шею» (127). Болѣе опредѣленнаго мы ничего не находимъ. Можетъ быть, насъ приведетъ къ чему-нибудь ясному характеристика «идеалистовъ». Это совсѣмъ иного сорта люди. «Противъ реализма начала XVIII вѣка, реализма, въ фокусѣ котораго стоялъ Петръ I, боролся такой же могущественный и едва ли не болѣе реализма устойчивый идеализмъ, который пріютился въ поклонникахъ старины, въ расколѣ, ушедшемъ въ лѣса, дѣбри и пустыни, и умиравшихъ безстрастно, геройски, на кострахъ, на плахѣ, на кольяхъ и отъ самоожженія, идеализмъ, который господствовалъ и въ мягкой, поэтической душѣ царевича Алексѣя Петровича, хотѣвшаго лучше отказаться отъ могущественнаго трона всероссійскаго, чѣмъ отъ своего «друга сердешнова Афра辛юшки» и отъ своихъ демократическихъ симпатій. Къ этому разряду людей, къ идеалистамъ начала XVIII вѣка принадлежалъ и Левинъ. Только это была едва ли не самая энергическая личность изъ всѣхъ тогдашнихъ противниковъ грубаго, прямолинейнаго, аристократическаго реализма, которому

должно было служить все, какъ падишаху, не разсуждая, не чувствуя, даже не понимая его... Левина не прельщали ни карьера, ни власть, ни нажива, ни блескъ; и между тѣмъ все это происходило не отъ апатичности природы Левина, не отъ природной инерціи духа, а отъ глубокой поэтичности природы, отъ лиризма, который не могъ найти исхода потому только, что Левинъ почерпалъ свою школьную мудрость у дьячка своего села» (33).

Итакъ, подъ реалистами слѣдуетъ, кажется, разумѣть вообще людей, думающихъ лишь о своей карьерѣ, о наживѣ, о власти, о блескѣ. Антиподы же ихъ, идеалисты все это презираютъ и хотятъ—чего?—въ точности неизвѣстно ни читателямъ романа г. Мордовцева, ни, кажется, самому автору, ни наконецъ, самимъ идеалистамъ. Эти люди живутъ какими-то темными, «лирическими», но высоко благородными позывами и позывами, непредѣленность которыхъ г. Мордовцевъ объясняетъ главнымъ образомъ узостью умственного кругозора идеалистовъ прошлаго столѣтія. Мракъ невѣжества застилаетъ ихъ умственные очи, но души ихъ чисты, нравственныя силы велики и этимъ-то сочетаніемъ душевной чистоты съ умственнымъ мракомъ должны объясняться многія нелѣпыя и даже изувѣрскія черты ихъ борьбы съ «реализмомъ». Что такое именно былъ во многихъ случаяхъ народный протестъ противъ петровской реформы, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Замѣчательно, однако, что если мы, не довольствуясь словесной характеристикой «идеалистовъ», которую даетъ нашъ авторъ, обратимся къ самимъ идеалистамъ, къ ихъ faits et gestes, какъ они изображены въ романѣ, то насъ неоднократно постигнетъ разочарованіе. Напримѣръ, несчастнаго царевича Алексѣя Петровича и его возлюбленную Ефросинью г. Мордовцевъ рѣшительно причисляетъ къ «идеалистамъ». Онъ говоритъ о «мягкой поэтической душѣ» царевича, о его «демократическихъ тенденціяхъ», о томъ, что онъ готовъ былъ отказаться «отъ могущественнаго трона всероссійскаго». Онъ говоритъ, что въ душѣ царевича господствовалъ тотъ самый идеализмъ, который давалъ людямъ силу безстрашно умирать на кострахъ, на плахѣ, на коляхъ. Но все это только въ словесной рекомендаціи автора. Образъ царевича говоритъ совсѣмъ другое. Вотъ онъ, этотъ идеалистъ, въ Вѣнѣ, въ кабинетѣ императорскаго вице-канцлера Шенборна. Онъ дрожитъ отъ страха, «съ ужасомъ озирается по сторонамъ». Ему чудится «голосъ ужаснаго Ушакова... застѣнокъ—пытка—дыба... фигура отца—исполнинская... лицо, это страшное родительское лицо—оно искажено яростью... глаза безпощадны... вотъ протягивается исполнинская рука отца—со всѣхъ сторонъ руки—изъ Пирмонта, изъ Петербурга». Таково психическое состояніе царевича въ Вѣнѣ, гдѣ онъ, по крайней мѣрѣ, временно въ совершенной безопасности, какъ его и вице-канцлеръ Шенборнъ успокоиваетъ. Психическое состояніе очень понятное, объяснимое, извинительное, которое, однако, довольно трудно установить на одну линію съ безстраш-

ною смертью на крестахъ и плахахъ. Конечно, это дѣло темперамента и нервовъ. Идеалистъ-царевичъ мого оставаться идеалистомъ и при ничтожныхъ силахъ духа. Но чего же хочетъ этотъ трусливый идеалистъ? зачѣмъ онъ прѣѣхалъ въ Вѣну и чего просить? Вотъ чего: «Я пришелъ просить цезаря, моего свояка, о протекціи. Пусть цезарь спасетъ мнѣ жизнь. Меня хотять погубить, хотять и у меня, и у моихъ дѣтей отнять корону... Отецъ говоритъ, что я не гожусь ни къ войнѣ, ни къ правленію. Нѣтъ, нѣтъ! у меня ума довольно, чтобы управлять. Одинъ Богъ—владыка всего, и онъ раздастъ наслѣдства, а меня хотять постричь и посадить въ монастырь, чтобы лишить жизни и сукцессіи» (103). И ни объ чемъ больше идеалистъ-царевичъ не говоритъ: наслѣдство, сукцессія, хотять отнять корону, у меня ума довольно, чтобы управлять. Спрашивается, почему же несчастный царевичъ Алексѣй—идеалистъ, когда у него нѣтъ ни мужества идеалистовъ, ни ихъ прервѣнія къ карьерѣ, власти и блеску? Что кажется царевичева «друга сердешнова Афросинюшка», то она является въ романѣ больше со стороны своей безпредѣльной любви къ царевичу. Да еще любить она слушать рассказы странниковъ о «гробахъ угодниковъ божіихъ», о прелестяхъ скитанія по бѣлу свѣту, по «травушкѣ-муравушкѣ», среди «криновъ сельныхъ» и т. п. По временамъ, однако, эти ея склонности осложняются помыслами иного сорта. «Лежить она, рассказываетъ своимъ вычурнымъ языкомъ нашъ романистъ: — лежить она, разметавшись среди бѣлыхъ, какъ снѣгъ, подушекъ, и сама она такая бѣлая, нѣжная. И видится ей чудный сонъ. Видится ей, что летитъ она надъ землею, подъ теплымъ, ласковымъ солнцемъ, и такъ легко летится, такъ легко ея тѣло. И видится, и слышится ей то, что она недавно съ такимъ умиленіемъ слышала отъ странничка божія, отъ Никитушки Паломника, и птички-то божьи въ зеленыхъ дубровушкахъ и по рощицамъ поютъ, и цвѣточекъ-то въ поляхъ, кринны сельные, цвѣтуть... (и т. д., и т. д. разныя чувствительныя разности)... И пролетаетъ она надъ Москвою бѣлокаменной, надъ церквами златоверхими... (и т. д., и т. д., разныя торжественныя разности)... И вѣютъ по аеру тысячи хоругвей, тысячи крестовъ и иконовъ, блестять и горять аки жаръ золотыми окладами, да узорочью всякою. И видитъ она на Красной площади сонмъ святителей, владыка патріархъ и митрополиты, архіепископы, епископы, іереи и весь освященный соборъ, златыми ризами блистающъ. И посреди сонма святителей на царскомъ возвышеніи, въ царскихъ ризахъ и въ царскомъ вѣицѣ стоитъ ея другъ сердечный Алѣшенька царевичъ младъ, а около него стоитъ млада Афросинюшка... И отъ умиленія заплакала она сладкими, сладкими слезами, а заплакавши млада—проснулась» (110).

Очень все это трогательно. Млада Афросинюшка «съ умиленіемъ» пролетаетъ надъ травушкой-муравушкой, дубравушкой, рощицами и цвѣточками и «съ умиленіемъ» же видитъ себя въ

царскомъ вѣнци. Очень, очень трогательно. Но вѣдь млада Афросинюшка надъ травушкой-муравушкой только пролетѣла, а на Красной площади съ «аера» на землю спустилась. Пожалуй, что вѣдь это мечты о карьерѣ, власти и блескѣ, мечты только черствымъ реалистамъ приличествующія. Пожалуй, что, отсутствиемъ достаточнаго количества травушки-муравушки, рожицы и цвѣточковъ, можно и царскаго денщика Орлова въ идеалисты превратить. Почему въ самомъ дѣлѣ не окружить мечты Орлова о богатствѣ, о блескѣ, о карьерѣ такими же травушками и дубравушками, какъ мечты Алексѣя и Ефросиньи? Почему изъ этого звѣра лютаго не сдѣлать ангела свѣтлаго? Допустимъ, что это можно сдѣлать только наперекоръ и въ ущербъ исторической правдѣ. Но дѣло въ томъ, что даже изъ подъ той отдѣлки «золотымъ окладами и узорочью всякою», которою украшаетъ г. Мордовцевъ царевича Алексѣя и Ефросинью, ихъ личности выглядываютъ все-таки не «идеалистами» въ томъ не совсѣмъ опредѣленномъ смыслѣ этого слова, каковой придастъ ему самъ г. Мордовцевъ.

Но крѣпчайшій оплотъ нашего автора и наилучшій экземпляръ идеалистовъ прошлаго столѣтія составляетъ герой романа — Левинъ. Это человѣкъ столь великій, что г. Мордовцевъ, рассказывая, на какихъ лошадакъ онъ ѣхалъ, будучи арестованъ, замѣчаетъ: «У Марка-королевича, югославянскаго героя, былъ «кудрявый» конь, «шарацъ», съ барашковой шерстью; у Александра Македонскаго былъ буцефалъ-конь; у Левина — каурый и гнѣдо-пѣгій» (324). Простому смертному, прочитавшему это, вѣроятно, очень важное и глубокомысленное замѣчаніе, остается только спросить: ну такъ что-жъ? Но Левинъ во всякомъ случаѣ, повидимому, не заурядный человѣкъ. Онъ дѣйствительно не дѣлаетъ на всемъ протяженіи романа ни одного шага для своей карьеры, для наживы, для власти, для блеска. Онъ дѣйствительно умѣетъ страдать за то, что считаетъ правымъ дѣломъ, и умираетъ безстрашно. Впрочемъ, не совсѣмъ безстрашно. Левинъ не безъ слабостей, какъ и всякій смертный. Такова ужъ людская доля и быть въ этомъ отношеніи слишкомъ строгимъ никому не подobaетъ. Но есть у Левина одна особенная слабость, которая весь его «идеализмъ» осѣщаетъ особеннымъ и нѣсколько двусмысленнымъ свѣтомъ. Онъ очень на счетъ любви слабъ. Это само по себѣ еще не бѣда, тѣмъ болѣе, что любовь его и къ Оксанѣ Хмарѣ, и къ рыженькой Евдокиишкѣ такая чистая, такая высокая. Но для идеалиста чистѣйшей воды, мотивы его борьбы съ «реализмомъ» немножко низменны. Правда, въ романѣ говорится, что Левинъ былъ, «какъ губка, напоенъ» рассказами крестьянъ о томъ, какія бѣды терпятъ они отъ затѣи Петра. Но это опять-таки только говорится, словами говорится. На дѣлѣ романъ ничѣмъ этого не обнаруживаетъ и мотивы протеста Левина коренятся въ томъ, что царь разбилъ его собственное счастье, отнялъ у него сначала одну, а потомъ и другую не-

вѣсту. Около этого психическаго ядра осѣдаютъ и кристаллизуются въ ту же форму протеста и другія чувства и побужденія, но главное дѣло все-таки въ немъ. Это первый и основной толчокъ къ борьбѣ, къ «подвигу». Подъ вліяніемъ его Левинъ идетъ все дальше и дальше, наконецъ, радостно принимаетъ страданіе и радостно же готовъ встрѣтить смерть. Но онъ встрѣчаетъ ее нерадостно. Онъ узнаетъ въ толпѣ, собравшейся посмотреть на его казнь, Оксану.

«— Ксенія! Ксенія! кричите онъ, протягивая руки съ высоты костра и намѣреваясь ринуться оттуда. Но палачи схватываютъ его и бросаютъ на помость эшафота... «Оксана! Боже! я жить хочу...»

Онъ жить хочетъ, онъ хочетъ вернуть, вычеркнуть изъ своего прошлаго весь путь, который привелъ его къ эшафоту, чтобы вновь испробовать личнаго счастья съ любимой дѣвушкой. Кто первый посмѣетъ бросить въ него камень? Кто посмѣетъ прекратить несчастнаго и мужественнаго человѣка этой предсмертной слабости? Но во всякомъ случаѣ «гражданскіе мотивы», какъ говорилосъ у насъ въ старину, играютъ тутъ роль послѣдней спицы въ колесницѣ или, по крайней мѣрѣ, они составляютъ уже вторичное и второстепенное наслоеніе въ душѣ Левина. Не вздумай Петръ выдать Оксану за Орлова, гренадерскій капитанъ остался бы гренадерскимъ капитаномъ и его протестъ получилъ бы, можетъ быть, тоже направленіе и ту же форму, какъ у его товарищей Кропотова и Суромилова. «Эхъ, ты, охота, охотушка, охота дворянская! вздыхаетъ Кропотковъ: — извели тебя люди службой царскою.. Заростають въ полѣ тропочки, по которымъ мы рыскавали, сиротѣють наши собаченьки голосистыя, овдовѣла мать сыра-земля безъ охотничковъ... Какая наша жизнь? холопская! не смѣй и потѣшиться по своему, по-русски, а изволь нѣмецкую канитель тянуть—дьяволы!»—«Да, подтверждаетъ Суромилковъ:—при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сказывають, не то было. Онъ самъ любилъ охотой тѣшиться, а особливо соколиною. Мнѣ дѣдъ разсказывалъ. Тогда дворянамъ хорошо было жить: хочешь—служи, не хочешь—дома охотой забавляйся. Хорошо было, тихо» (212). Не знаю, къ которому лагерю, къ идеалистамъ или къ реалистамъ, должны быть причислены Кропотковъ и Суромилковъ (а вѣдь имя имъ было легионъ), вѣроятно, къ идеалистамъ, потому что они вѣдь тоже противники петровской реформы. Но несомнѣнно, что въ Левинѣ есть нѣчто съ ними общее. Правда, неизвѣстно, вздыхалъ ли онъ по «собаченькамъ голосистымъ». Но, несмотря на весь свой демократизмъ, о которомъ мы, впрочемъ, только изъ рекомендаціи г. Мордовцева узнаемъ, онъ очень хорошо помнилъ свое дворянство. Явившись къ Стефану Яворскому, онъ гордо объясняетъ: «родила меня дворянка и отецъ мой роду дворянскаго, и я самъ отъ сѣмени дворянскаго — не отъ плоти и похоти хамской». Онъ прибавляетъ, что и бывшая невѣста его Оксана—«изъ хорошаго

малороссійскаго роду. Онъ радуется, впрочемъ, что родъ его, хотя и не хамскій, но и не изъ самыхъ знатныхъ: «не носылаю меня царь за море учиться — Богъ помиловалъ — не изъ такого я знатнаго рода былъ, чтобъ онѣмечиться». — Все это и Кропотову и Суромилову впору. Занятый поэтическими эпизодами дважды оскорбленной и разбитой любви Левина, авторъ весьма неопредѣленно рисуетъ своего героя со стороны его «демократизма», о которомъ, какъ и о многомъ другомъ, только словами говорить. На сколько можно судить по скуднымъ въ этомъ отношеніи даннымъ романа, это тотъ самый патріархальной демократизмъ, который ни мало не мѣшаетъ демократѣ Афросиньюшѣ видѣть себя на Красной Площади окруженною «богатыми и бѣдными, попами и боярами, посадскими людьми и гостями»; тотъ самый демократизмъ, который не мѣшаетъ демократу и, повидимому, прямому представителю демоса, страннику Варсонофію съ умиленіемъ рассказывать: «Когда-де, говорить, ей сказали, что ее отдадутъ замужъ за простонароднаго человѣка, она, матушка, молвила: послѣ де царевича никто при моемъ боку лежать не будетъ». Левинъ, что называется, «добрый баринъ», человѣкъ хорошо обращающійся съ своими крестьянами и вообще съ простыми, «подлыми» людьми, и за то имъ любимый, но никогда не забывающій, что онъ баринъ, а люди этотъ — «подлый». Такого рода патріархальныя отношенія существовали не то что въ до-петровскую старину, а и на нашей памяти, существуютъ кое-гдѣ и до сихъ поръ и мы ихъ очень хорошо знаемъ. Слова нѣтъ, они очень удобны, имѣютъ даже своего рода идиллическую прелесть, но не имѣютъ рѣшительно ничего общаго съ демократизмомъ. По своей полной бессознательности, они, впрочемъ, не могутъ имѣть ничего общаго и ни съ какимъ другимъ «измомъ», ни съ какою опредѣленною системою взглядовъ. Какъ все бессознательное, они могутъ при случаѣ сыграть важную положительную, хотя и служебную роль, но могутъ также наплодить бездну недоразумѣній. Демократизмъ царевича Алексѣя, Ефросиньи, Левина и, вѣроятно, Кропотова, Суромилова — есть чистое недоразумѣніе, основанное на томъ, что у нихъ есть нѣкоторыя общія съ народомъ вѣрованія, нѣкоторые общіе національные и религиозные элементы, оскорбленные петровскимъ «онѣмечиваніемъ». Въ виду этого одинаково имъ враждебнаго начала, народъ и подобные «идеалисты» могли временно прижиматься другъ къ другу и въ особенности такое сближеніе должно было имѣть мѣсто на почвѣ патріархальныхъ отношеній, то есть тамъ, гдѣ «подлый» людъ имѣлъ дѣло съ «добрыми господами». Но каково было бы положеніе подлаго люда, еслибы царевичу Алексѣю какая-нибудь сила обезпечила «жизнь и сукцессію», это еще неизвѣстно. Ибо въ до-петровской Руси, на которую вздыхаючи смотрять «идеалисты» г. Мордовцева, не все было тишь, гладь и божья благодать, и довольно даже мудрено отыскать въ ней «того ангела свѣтлаго, нашу

нужду народную крыломъ своимъ осылающаго, утѣшенищемъ по землѣ русской тихо летающаго, въ бѣленькую рубашечку русскаго мужичка одѣвающаго». Нѣтъ, въ исторіи записано совсѣмъ не то. Но дѣло именно въ томъ, что исторія особъ статья, а романъ г. Мордовцева особъ-статья, хотя онъ и называется историческимъ романомъ.

Замѣчательно отношеніе нашего автора къ мотивамъ дѣйствія и къ идеаламъ своихъ героевъ. Мы видѣли, что весь романъ построенъ на любовныхъ отношеніяхъ Левина. Эти отношенія расписываются такими поэтическими красками, что едва ли не ради нихъ Левинъ и въ идеалисты попалъ. О Петрѣ же въ одномъ мѣстѣ сухо и даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ говорится: «изъ любви къ Аннѣ Монсъ Петръ особенно усердно поворачивалъ старую Русь лицомъ къ западу и поворачивалъ такъ круто, что она доселѣ остается немножко кривошейкой» (129). Что любовь къ Аннѣ Монсъ играла свою роль въ дѣятельности Петра, это дѣло возможное. Но что Петръ именно изъ этой любви особенно усердно поворачивалъ старую Русь лицомъ къ западу, это новѣйшее историческое открытіе и притомъ мало правдоподобное. Во всякомъ случаѣ, были же у Петра и какіе нибудь другіе мотивы. Были, надо думать, и идеалы какіе-нибудь, не столь грандіозные, конечно, какъ у Левина и другихъ идеалистовъ, но кое-какіе идеалишки все-таки были. Историкъ говорить, наприжнѣрь, что Петръ очень уважалъ просвѣщеніе. Можетъ быть, и тутъ Анна Монсъ какъ-нибудь замѣшалась, но въ концѣ-концовъ идеаль просвѣщеннаго человѣка, просвѣщеннаго народа могъ получить совершенно самостоятельное значеніе. Но изъ романа г. Мордовцева ничего подобнаго усмотрѣть нельзя: Петръ — «реалистъ», а у реалистовъ мѣсто идеаловъ занимаютъ какія-то «оса-зательныя реальности», изъ-за которыхъ только подлости совершаются. Вотъ Левинъ, тотъ другое дѣло, тотъ — идеалистъ. Какіе же у него идеалы? Да никакихъ. Это самъ авторъ говорить. Онъ говорить, что «собственное воображеніе подавляло его, а ухватиться было не за что — ни идеаловъ, ни вѣры въ нихъ, которые бы, какъ чортъ (?), горами ворочали. *Да и какіе могли быть идеалы въ то время?*» (161). Нѣсколько страницъ спустя, оказывается, впрочемъ, что идеаль у Левина есть или, вѣрнѣе, былъ. Попалъ онъ на кухню Невскаго монастыря и увидѣлъ, что тамъ мясное готовить. Онъ ужаснулся: «Гдѣ же правда? Гдѣ конецъ этой міровой, вселенной жи?.. Міръ шатается... земля пошатнулась на оси... *Былъ одинъ идеаль — и тотъ пошлотили зотри — люди*» (226). И хотя въ концѣ-концовъ у Левина оказывается идеаль въ видѣ «подвига» и «страданія», но передъ нами довольно долго фигурируетъ идеаль безъ идеала. Мало того, авторъ категорически говорить, что «въ то время» и не могло быть никакихъ идеаловъ.

Мы не станемъ, разумѣется, распутывать всю эту путаницу и обратимъ вниманіе читателя только на слѣдующее обстоятель-

ство. Ужасъ Левина, поскольку онъ выразился словами: «быть одинъ идеаль (постная пища!) и тотъ поглотили звѣри-люди», совершенно неоснователенъ, хотя для его разстроенной головы и простителенъ. Мясная пища на монастырской кухнѣ есть не болѣе, какъ «осязательная реальность», которая можетъ оскорбить религиозное чувство человѣка въ родѣ Левина, но уничтожить въ головѣ его идеаль не въ силахъ. Вотъ другое дѣло, еслибы Левинъ самъ какъ-нибудь пришелъ къ употребленію мясной пищи въ монастырѣ; тогда онъ, дѣйствительно, расстался бы съ своимъ идеаломъ. Но помимо этой логической несостоятельности вопля Левина, онъ несостоятеленъ и исторически. Левинъ очень запоздалъ съ своимъ протестомъ. Уже Стоглавный соборъ официально призналъ не монашеское времяпровожденіе монаховъ, и вообще все, что мы знаемъ о русскихъ монастыряхъ въ XV и XVI вѣкахъ, показываетъ, что разладъ между дѣйствительностью и идеалами иноческаго житія начался за долго до Петра. Петровский «реализмъ» тутъ рѣшительно не причемъ. Конечно, Левинъ могъ не понимать этого. Современникамъ часто кажется, что то или другое зло народилось со вчерашняго дня, но историческій романъ на то и историческій романъ, чтобы вносить поправки въ этотъ естественный недостатокъ исторической перспективы у современниковъ. Иначе поправки требуются отъ самого читателя, что, разумѣется, неудобно и не всякому доступно. Читатель найдеть, напримѣръ, въ «Идеалистахъ и реалистахъ» мелькомъ брошенную фигуру «Дѣмки-чернеца», который, на вопросъ, отчего у него ноги трясутся, отвѣчаетъ: «по дьявольскому наводженію, отъ винопитія необычнаго — водку жралъ шибко въ монастырѣ, за что и ангельскаго чина обнаженъ—разстригли». Входя въ подробности, Дѣмка-чернецъ объясняетъ свое положеніе такъ: «Трясеніе веліе отъ велія деревненія ручнаго — дѣвокъ щупаль... Все отъ бѣса. Отъ ногамъ скаканія, отъ хребтомъ вижанія, отъ очамъ намизанія: съ бабами плясать, дѣвкамъ подмигивать». И т. д. Имѣя въ виду вопль Левина, читатель можетъ подумать, что Дѣмка-чернецъ есть прямой или косвенный продуктъ петровскихъ реформъ, что онъ можетъ быть даже есть одинъ изъ «реалистовъ». На дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ и, чтобы недалеко ходить, читатель можетъ найти въ «Русскомъ Архивѣ» 1873 г. (кн. IX) любопытную «челобитную Боязыина монастыря», относящуюся къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка. Въ челобитной этой предвосхищается нетолько содержаніе рѣчей Дѣмки-чернеца (прямая свѣдѣтельность о недобропорядочномъ поведеніи монаховъ можно найти гораздо раньше), а и ихъ своеобразная, юмористически циническая форма. Тамъ говорится, напримѣръ: «Да по его жь архимандритову приказу, у монастырскихъ воротъ поставленъ съ шелепомъ кривой Фаламей, насъ, богомольцевъ твоихъ, за ворота не пускаеть, въ слободы ходить не велить, скотья двора посмотритъ, чтобы телать въ степь загнать, курь въ подполь посадать, коровни-

памъ благословеня подать. Да онъ же архимандритъ прѣхалъ въ Колязинъ монастырь, началъ монастырскій чинъ раззорять, старыхъ пьяныхъ всѣхъ разогналъ: некому стало впредь заводу заводить, чтобъ пива наварить, да медомъ подсластитъ, а на деньги вина прикупить, помянуть умершихъ старыхъ пьяныхъ». И т. д.

Грязный и цинически откровенный развратъ монаховъ отвратителенъ не только съ точки зрѣнія Левина, но въ жизни страны и народа онъ составляетъ только одинъ изъ симптомовъ глубокаго внутреннего разстройства или неустойчивости, притомъ симптомъ сравнительно не особенно важный. Есть черты народной жизни прошлаго столѣтія гораздо болѣе важныя, относительно которыхъ, однако, правила исторической перспективы точно также не соблюдены въ романѣ г. Мордовцева. Такъ, на основаніи его, иной можетъ подумать, что фанатическая проповѣдь о царѣ-антихристѣ и о близкой кончинѣ міра началась съ Петра. Въ дѣйствительности же она началась съ XV вѣка, въ концѣ котораго кончины міра, переполненнаго зломъ, ждали чуть не съ году на годъ. Эти страшныя ожиданія сложились подъ вліяніемъ историческаго процесса собиранія земли русской подъ державою Москвы и параллельно ему возростающаго крѣпостнаго права. Были въ тѣ поры разговоры о томъ, что «прилетѣлъ многокрылый орелъ (московскій царь), у котораго крылья исполнены львовыхъ когтей и взялъ у насъ (псковичей) три кедр ливановы, и красоту мою, и богатство, и чадъ моихъ похитилъ». Были и «реалисты» много почище Ѳеодора Каменьщикова, если судить по слѣдующимъ словамъ Максима Грека: «иудейское сребролюбіе и страсть въ лихоимству такъ овладѣли судьями благовѣрнаго царя, что они заставляють своихъ слугъ дѣлать самыя вопіющіе доносы и явно, и тайно подкапываются подъ имѣнія богатыхъ. Они подкидываютъ въ ихъ дома краденныя вещи, и, о ужасъ нечестія!.. слуги ихъ подбрасываютъ мертвыхъ среди города и, какъ праведные мстители за убитаго, идутъ съ доносомъ не только на дѣлую улицу, но нерѣдко на дѣлую часть города, наживая такимъ способомъ большія деньги». Спору нѣтъ, Ѳеодоръ Каменьщиковъ большой руки мерзавецъ и, если всякой подлости дѣйствительно приличествуетъ наименование реализма, то овъ реалистъ. Но онъ «мальчишка и щенокъ» съ своимъ доносомъ на безумнаго человѣка, который вдобавокъ не скрывался и самъ искалъ страданія; мальчишка и щенокъ по сравненію съ тѣми виртуозами въ дѣлѣ «реализма», о которыхъ рассказываетъ Максимъ Грекъ. Были въ тѣ поры и идеалисты—не въ конецъ оскудѣла русская земля. И притомъ такіе идеалисты, до которыхъ идеалисту безъ идеаловъ, Левину, какъ до звѣзды небесной далеко. Таковъ былъ, на примѣръ, благородный Башкинъ, который правда, не смотрѣлъ на постную и скоромную пищу глазами Левина, но который за то говорилъ такія вещи, объ которыхъ Левинъ, повидимому, и понятія не имѣеть. «Вотъ мы христо-

внхъ рабовъ держимъ своими рабами; Христосъ называетъ всѣхъ братіей, а у насъ на иныхъ кабалы нарядныя, на иныхъ полныя, а иные бѣглыхъ держатъ. Благодарю Бога моего: у меня были кабалы полныя, всѣ изодрали».

Несомнѣнно, что толки объ антихристѣ и о кончинѣ міра при Петрѣ сильно обострились. Но несомнѣнно также, что они существовали въ XV и XVI вѣкахъ и приведенныя жалобы псковскаго лѣтописца и исповѣдь Башкина очень хорошо характеризуютъ реальныя причины страшныхъ ожиданій: расширеніе Москвы и утвержденіе крѣпостного права. Обѣ эти причины разрѣшились, наконецъ, возстаніемъ Стеньки Разина. Такимъ образомъ, до-петровская Русь отнюдь не представляла чего-то цѣльнаго, какъ можно бы было заключить изъ романа г. Мордовцева, въ которомъ она представлена дружескими объятіями всякаго чина людей: царевича и бродяги Варсанофія, помѣщика Левина и крестьянъ. Мы видимъ только два лагеря: Петра и «реалистовъ» съ одной стороны, старую Русь и «идеалистовъ» съ другой. Реалисты, карабкаясь «на верхъ мачты», интригуютъ другъ противъ друга, подставляютъ другъ другу ногу; идеалисты же думаютъ и дѣйствуютъ, какъ одинъ человѣкъ, противъ одного человѣка. Петра, и всѣ за одно и тоже: за пристрастіе къ нѣмецкимъ порядкамъ и пренебреженіе къ русскимъ, главнымъ образомъ, религіознымъ порядкамъ. Только на второмъ уже планѣ и въ большомъ туманѣ являются поборы и рекрутчина, какъ мотивы протеста низшихъ классовъ. Но, во-первыхъ, старая Русь вовсе не была такъ единодушна, и крестьянамъ не было ровно никакого дѣла до того, что «голосистыя собаченьки» Кропотовыхъ и Суромиловыхъ сиротѣютъ. Точно также Кропотовымъ и Суромиловымъ, да и царевичу Алексѣю съ Левинымъ вовсе не такъ уже близки къ сердцу невзгоды плодовъ «похоти хамовой», какъ презрительно выражается Левинъ. И вотъ почему г. Мордовцевъ, при всемъ стараніи выставить на видъ «демократизмъ» своихъ идеалистовъ, не усвоиваетъ имъ никакихъ соотвѣтственныхъ дѣяній и даже словъ, а ограничивается собственной авторскою рекомендаціею, требуя, чтобы читатель ему на слово вѣрилъ. Мы не видимъ въ романѣ ни единой, самонадѣйшей черты изъ тѣхъ, которыя вызвали слова Петра: «есть нѣкоторые непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные раззорители суть, что ради пьянства или иного какого непостояннаго житія вотчины свои не токмо не снабдѣваютъ и не защищаютъ ни въ чемъ, но раззоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости и въ томъ ихъ бьютъ и мучатъ, и оттого крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгутъ». Нѣтъ, у г. Мордовцева крестьяне бѣгутъ въ лѣса, пустыни и скиты единственно отъ «многихъ затѣйныхъ капризовъ» Петра и чуть ли не изъ-за того только, что ему понравилась Анна Монсъ! Купльте героевъ и всякихъ людей—дѣло отжившее и нельзя бы было ничего сказать противъ попытки изобразить Петра со всѣми его слабостями и подчасъ болѣе чѣмъ непривлекательными

сторонами его характера. Но такой художественный «реализмъ» (вовсе не въ ругательномъ, конечно, смыслѣ) есть требованіе правды, а правды-то и нѣтъ въ романѣ г. Мордовцева. Сама мысль противопоставить Петру Левина и устроить нѣчто въ родѣ единоборства между ними—крайне неудачна. Какъ бы ни былъ «однобокъ» Петръ и какъ бы односторонне изображалъ его романистъ, онъ все-таки не Левинъ, не полоумный человѣкъ, пришедшій къ ученію объ антихристѣ изъ-за того, что его любовь разбита и что въ монастыряхъ мясное ѣдятъ. Левина судить трудно, потому что онъ, какъ завѣдомо психически больной, находится въ состояніи невмѣняемости. Но, какъ олицетвореніе идеализма прошлаго столѣтія, онъ никуда не годится. Онъ для этого слишкомъ мелочная личность, слишкомъ бессознательный и стихійный тѣ «лирическіе» порывы, которыми онъ только и живетъ. Высовывать такіа фигуры изъ толпы нѣтъ никакого основанія, потому что онѣ, какъ личности, ничѣмъ не выдѣляются. Другое дѣло, еслибы романисту удалось какъ-нибудь противопоставить Петру сѣрую массу народа. Тогда бессознательность и стихійность были бы умѣстны и могли бы потягаться съ царемъ великаномъ. Личность сильна и интересна только своею сознательностью, массовыя же движенія могутъ представлять глубокий интересъ и при полной бессознательности. Г. Мордовцевъ, повидимому, и не подозреваетъ, какимъ великовозрастнымъ мальчишкой является его возлюбленный герой, котораго онъ, ни что же сумняся, ставитъ рядомъ съ Марко-Брадевичемъ и Александромъ Македонскимъ; какимъ мальчишкой является этотъ великій идеалистъ, слушая поученіе Стефана Яворскаго: «Молись за царя. И я когда-то думалъ, что не сумѣю молиться за него, а теперь молюсь. Не меня обидѣлъ онъ, не невѣсту отнял онъ у меня, а обидѣлъ церковь Божию, обидѣлъ народъ свой многотерпѣливый, обидѣлъ кровно, надругался надъ нимъ, тростию своею по главѣ билъ онъ народъ свой, по ланитамъ билъ своею дланію своею, оплеваніемъ оплевалъ образъ его смиренный. И я все таки молюсь за него — не вѣдаетъ бо что творить... Подъ самое сердце ударилъ онъ родину мою, мать мою, вдовицу убогую.—Малороссію и кровію подтекло великое сердце матери моея... Не встать ей съ одра болѣзни... Душу мою отнял... На колынахъ я стоялъ передъ ними, а, старецъ ветхій денями и свѣтитель, и молилъ отпустить меня на покой. Нѣтъ, не отпустилъ. Онъ повелѣлъ мнѣ блюсти патриаршій престолъ... Разумѣешь ли, сынъ мой, всю глубину позора моего? (Левинъ отвѣчаетъ, что не разумѣетъ, да и гдѣ-же ему!). Я—блюститель престола патриарховъ всероссійскихъ. Я—песь, прикованный къ подножію патриаршаго престола. Я повиненъ лаять на всякаго, кто бы дерзнулъ помыслить о семь престолѣ, возсѣсть на оный. Я — песь, лежащій на снѣгѣ... И я молюсь за него, Онъ великій государь. Славы и величія хочетъ онъ царству своему и народу своему. Свѣтомъ просвѣщенія озаряетъ онъ землю свою. Аки волъ гнетъ

онъ выю свою царскую надъ черной работою. Но онъ—человѣкъ, плоть отъ плоти народа своего и кость отъ костей его. Какъ человѣкъ, онъ ошибается, слѣпостствуетъ».

Замѣчательно, что это наиболее ясно выраженный и наиболее глубокий протестъ противъ Петра во всемъ романѣ. А между тѣмъ, и Стефанъ Яворскій отдѣляется крайне неопредѣленными мотивами. Его можно бы было спросить: одинъ ли Петръ билъ тростию и десницею и оплевывалъ смиренный образъ народа или въ этомъ грѣшны и Кропотовы, Суромиловы, князья Прозоровскіе и проч.? народъ ли онъ только билъ или и Алексѣевъ, и Кропотовыхъ, которымъ до народа и до которыхъ народу не было никакого дѣла? Левинъ этого не разбираетъ и даже «не разумѣетъ». На то онъ и Левинъ. Но именно по этому онъ не можетъ занимать центральное положеніе въ историческомъ романѣ. А между тѣмъ г. Мордовцевъ, изъ почтенія къ нему, равно унижаетъ какъ Петра, такъ и народъ. Петра — рисуя его въ видѣ «капризнаго затѣйщика» и только въ этомъ видѣ; народъ — дѣлая его представителемъ полоумнаго изувѣра, презирающаго «плоть и похоть хамову». Если народъ долженъ выслать своего представителя въ историческій романъ, такъ пусть же это будетъ дѣйствительно его представитель, человѣкъ, сознающій причины горя народнаго. А нѣтъ такого человѣка, такъ народъ долженъ явиться самъ. А то, посмотрите, что выходитъ. Освѣщеніе, брошенное авторомъ на Левина, естественно отражается и на на народѣ и мы видимъ только людей, повторяющихъ нелѣпыя расказни о жидовскомъ царѣ, о клеймахъ антихриста и т. п. Спору нѣтъ, все это было, но въ дѣйствительности все это не было такъ нелѣпно, потому что имѣло соотвѣтственную реальную подкладку, а въ романѣ она еле-эле видна изъ подъ поэтической тѣани разбитой любви гренадерскаго капитана. Самъ по себѣ, оторванный отъ той исторической почвы, на которой онъ выросъ или вѣрнѣе, къ которой присосался, какой нибудь стихъ объ «аллилуевой женѣ» есть колоссальная глупость, оскорбительная для человѣческаго достоинства. Но онъ получаетъ глубокій смыслъ и великій интересъ, если имѣть въ виду его широкій, вѣками складывавшійся фундаментъ. Для самаго народа всѣ его бѣды могли концентрироваться въ личности Петра, но историкъ, хотя бы и романистъ, долженъ показать, что ихъ источникъ гораздо древнѣе и многостороннѣе. Г. Мордовцевъ этой задачи не исполнилъ.

Почему онъ ея не исполнилъ? Отчасти, вѣроятно, по недостатку поэтическаго таланта, за который никого не отвѣтственъ. Но были, вѣроятно, и другія причины. Онъ не лично въ г. Мордовцевѣ лежать, а въ воздухѣ, въ общественной атмосферѣ носятся. Достаточно напомнить, что «Идеалисты и реалисты», прежде отдѣльнаго изданія, печатались въ «Новомъ Времени», газетѣ, что называется, патріотической. А патріотизмъ по нынѣшнему времени состоитъ, какъ извѣстно, въ

сосредоточеніи всѣхъ чувствъ и помышленій на расширеніи своего отечества и на народной гордости, въ силу которой наши національныя особенности, именно потому, что онѣ національныя, подлежатъ превознесенію выше дѣса стоячаго и даже облака ходячаго. Съ этой точки зрѣнія, прямое, не двусмысленное отношеніе къ петровскому времени довольно затруднительно, хотя бы уже потому, что Петръ одновременно энергически расширялъ предѣлы отечества и безжалостно гнулъ и ломалъ старую Русь. Петръ, ставшій у насъ козломъ отпущенія за полуюропейскій обликъ, принятый Россіей и русской исторіей, и при жизни вызывалъ противъ себя множество нареканій и протестовъ. Хотя собственно народныя противуправительственныя вспышки достигали высшаго развитія не при Петрѣ (Стенька Разинъ и Пугачевъ), хотя не при немъ и расколъ возникъ, но несомнѣнно, что народъ такъ или иначе, и активно и пассивно, протестовалъ противъ его дѣятельности. Народъ былъ недоволенъ. Недовольно было и значительное число представителей высшихъ классовъ, которыхъ Петръ отрывалъ отъ «собаченекъ голосистыхъ» и тому подобныхъ прелестей старо русскаго деревенскаго житія. Вообще причинъ недовольства было очень много и были онѣ очень разнообразны, подчасъ даже прямо одна другой противоположны. Въ какой мѣрѣ всѣ онѣ были резонны—это другой вопросъ. Но современному патриоту, стоящему на той точкѣ зрѣнія, что, благодаря стараніямъ Петра повернуть Россію лицомъ къ западу, она стала «кривошейкой», естественно стараться присвать себѣ союзниковъ въ прошломъ, приспособиться къ тому протесту противъ реформъ Петра, который давалъ себя знать уже при немъ. Не велика штука, отойдя отъ историческаго дѣятели или историческаго момента на двѣсти лѣтъ, произнести надъ нимъ судъ примѣнительно къ умственной развѣнкой моментѣ сегоднешняго дня. Но это ужъ очень легкомысленно выйдеть. Недовольство современнаго патриотизма станетъ много солиднѣе, если онъ обопрется на тѣхъ, кто прямо былъ Петромъ обиженъ; если онъ, эффектно приподнявъ завѣсу исторіи, живьемъ покажетъ намъ тѣхъ людей, которыхъ Петръ неправедно мучилъ, оскорблялъ и которые уже тогда словомъ, дѣломъ и помышленіемъ отворачивались отъ Европы. Приемъ, если хотите, очень дѣлсообразный, но для послѣдовательнаго его проведенія наше нео-славянофильство не имѣеть средствъ.

Вотъ два достопамятныя, несмотря на свою мелочность, анекдота, хорошо характеризующіе нашихъ нео-славянофиловъ и достойныя сохраненія для потомства, отъ вниманія котораго они могутъ ускользнуть въ ворохѣ газетныхъ листовъ.

Г. Боборыкинъ какъ-то къ слову замѣтилъ мимоходомъ, что папа славянофильства, г. Аксаковъ, издавая свои грозныя энциклики, въ то же время не брезгаетъ хорошими окладами, получаемыми имъ въ качествѣ служащаго въ кредитныхъ учрежденіяхъ, устроенныхъ, однако, на чисто-европейскій ладъ. «Но-

вое Время» вскипѣло за папу и рипостировало г. Боборыкину примѣрно такъ: а вы сами-то что дѣлаете? по парижскимъ бульварамъ шляетесь и проч. «Новое Время» имѣло при этомъ столь побѣдоносный видъ, какъ будто оно дѣйствительно одержало побѣду. На дѣлѣ же оно бѣжало съ поля сраженія, ибо вопросъ былъ не въ образѣ жизни г. Боборыкина и даже не въ большихъ огладахъ г. Аксакова, а въ тѣмъ, какимъ образомъ примиряетъ г. Аксаковъ свои славянофильскія убѣжденія въ гнилости европейской цивилизаціи съ своею практическою дѣятельностью на манеръ этой самой гнилой цивилизаціи. Вопросъ, дѣйствительно, не безинтересный и притомъ вовсе не личнаго характера, на почву котораго его перенесло «Новое Время». «Новое Время» очень разсердилось, но не сдумало, да и не имѣло ничего сказать. У него охота смертная, да участь горькая.

Г. Полетика, живя лѣтомъ въ деревнѣ и воочію видя нищету народа, напечаталъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» небольшую замѣтку въ такомъ смыслѣ: вотъ, дескать, говорятъ, что надо воевать, что того требуютъ честь и интересы Россіи; но пусть эти воинственные люди сходятъ въ деревню, пусть посмотрятъ, какъ уже теперь народъ нищъ, нагъ и босъ, а вѣдь война-то на счетъ народа ведется. Положенія свои г. Полетика считалъ нужнымъ иллюстрировать, между прочимъ, такимъ примѣромъ. Въ деревню, гдѣ онъ жилъ, почта не ходитъ; за корреспонденціей и газетами надо было посылать на почтовую станцію за нѣсколько верстъ. И за гривенникъ, ассигнованный на это г. Полетику, крестьяне наперерывъ предлагали сбѣгать нѣсколько верстъ туда и нѣсколько верстъ назадъ. Мало того, ночи просиживали у воротъ, чтобы на утро получить вождѣленный гривенникъ. «Новое Время» очень разсердилось на г. Полетику. Почерпая смѣлость въ увѣренности, что г. Суворинъ платилъ бы при подобныхъ обстоятельствахъ не меньше пятиалтынинаго, «Новое Время» съ благороднымъ негодованіемъ обрушилось на г. Полетику за гривенникъ. И опять чрезвычайно побѣдоносный видъ и опять сраженіе не принято, ибо дѣло было вовсе не въ щедрости г. Полетики. Конечно, г. Полетика могъ бы выбрать иллюстрацію поярче. Въ самомъ «Новомъ Времени» была какъ-то напечатана любопытная корреспонденція изъ Сольвычегодска, изъ которой видно, что въ этой благословенной мѣстности рабочий день оплачивается правомъ помочить корку хлѣба въ сельдяномъ рассолѣ, а весь боченокъ сельдей со всѣмъ рассоломъ стоитъ 20—30 копеекъ. Для вычисленія рабочей платы, тутъ, пожалуй, не обойдешься безъ дифференціального исчисленія. А вятскій и казанскій голодъ? а татарка, съѣвшая своего ребенка? И «Новое Время» все-таки находитъ нужнымъ, когда рѣчь заходитъ о войнѣ, въ связи съ нашей домашней нищетою, сворачивать на путь разсужденій о щедрости г. Полетики. Оно очень сердатся, но не умѣетъ и не имѣетъ ничего сказать. Охота у него смертная, да участь горькая.

Г. Мордовцевъ— не «Новое Время». Но въ всемъ романѣ онъ не поднялся надъ уровнемъ «Новаго Времени». И двухъ приведенныхъ анекдотовъ совершенно достаточно для уясненія того положенія, которое нес-славянофильство должно занять въ историческомъ романѣ по отношенію къ петровскимъ временамъ. Охота у него опять-таки смертная, а участь опять-таки горькая. Оно очень сердится, когда указываютъ на славянофила Аксакова, служащаго буржуазно-европейскому порядку, но само не можетъ стать въ какое-нибудь опредѣленное отношеніе къ этому маленькому житейскому противорѣчію. Оно очень сердится, когда говорятъ о войнѣ на счетъ нищаго народа, но само ни нищеты отрицать не смѣетъ, ни отъ воинственной похоти отказаться не хочетъ. Такъ и съ Петромъ. Положимъ, что опереться на протестантовъ, на обиженныхъ того времени, выгодно. Но обиженныхъ было столько и мотивы ихъ обидъ были такъ разнохарактерны, что надо выбирать. Будемъ выбирать.

Обижены были тѣ, кого Петръ силой сажалъ за книгу. Ну, на этихъ опираться зазорно, совсѣмъ неприлично. Г. Мордовцевъ устраиваетъ, какъ мы видѣли, дѣло даже такъ, что «реалистъ» Ушаковъ, одинъ изъ «птенцовъ гнѣзда Петрова», возстаетъ противъ книги, а любителемъ просвѣщенія является идеалистъ и ярый врагъ реформы Левинъ. Скажутъ, дѣло не просто въ книгѣ, а въ «нѣмецкой», иноземной книгѣ и въ нѣмецкомъ просвѣщеніи вообще. Старые славянофилы такъ и понимали дѣло. Они находили, что начавшая со временъ Петра прививаться къ намъ европейская наука грѣшитъ въ самомъ корнѣ и что ей должна быть противопоставлена русская наука, основанная на православіи. Я не сомнѣваюсь въ православіи гг. Суворинныхъ, Скальковскихъ, Бурениныхъ и другихъ патриотовъ своего отечества, украшающихъ собою «Новое Время». Но дѣло въ томъ, что Кирѣевскіе и Хомяковы были по своему люди очень ученые и, хотя никакой русской науки они не изобрѣли, но претензіи ихъ все таки до известной степени оправдывались ихъ большими богословскими познаніями и нѣкоторою тонкостью философской мысли. Что же касается упомянутыхъ господъ, то «смѣшались шашки и полѣзли изъ щелей мошки да букашки»: будучи не особенно щедро одарены дарами природы, они не особенно культивируютъ данный имъ скромный талантъ. Между прочимъ и опредѣленной мысли о томъ, чѣмъ надлежитъ замѣнить для русскаго употребленія европейскую науку, они не имѣютъ. Не имѣютъ ея и вообще всѣ новые славянофилы, а потому вся просвѣтительная сторона дѣятельности Петра должна остаться въ туманѣ. Такъ оно и есть въ «Идеалистахъ и реалистахъ».

Были еще обижены Петромъ Кропотовы, Суромилловы, князя Прозоровскіе (также одно изъ дѣйствующихъ лицъ «Идеалистовъ и реалистовъ»), отрываемые отъ деревенскихъ забавъ на службу въ Россіи и для науки за границу. На этихъ опереться можно, но осторожно. Надо кое-что скрыть, а кое что подрисовать, по-

тому что въ натуральномъ видѣ это все болѣею частью очень некрасивые люди были, лѣнтяи, самодуры, развратники, пьяницы. Поэтому надо ограничиться поэтической стороной тоски по родиѣ или любви къ простору деревенскаго житья и къ голосистымъ собаченькамъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ опереться на людей, о которыхъ Кононъ Зотовъ докладывалъ царю: «Маршалъ д'Этре призываетъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся между собой и бранятся такою бранью, что послѣдній человекъ здѣсь того не сдѣлаетъ; того ради обобрали у нихъ шпаги». И вотъ почему фигурирующие въ романѣ г. Мордовцева молодые люди, отправленные за границу для «навигацкой» науки, отличаются поэтическими наклонностями и благородствомъ души, а одинъ изъ нихъ, князь Прозоровскій, безъ малого святой человекъ.

Были обижены многіе, очень многіе, слишкомъ многіе непреклонною волею Петра и его жестокостью. Эти годятся. И Петръ въ романѣ г. Мордовцева представленъ съ этой стороны вполне.

Но обратимся къ самымъ важнымъ и интереснымъ обиженнымъ, къ народу. Очень лестно опереться на эту миллионную сѣрую массу согнутыхъ спиныхъ, лестно и удобно, потому что дорожка давно проторена. Даже Щербина сумѣлъ сказать:

Нѣтъ, не змія всадникъ мѣдный
 Растопталъ, стремясь впередъ;
 Растопталъ народъ нашъ бѣдный,
 Растопталъ простой народъ.

А еще Щербина говорилъ: «я слишкомъ русскій человекъ, чтобъ быть славянофиломъ». Настоящіе же славянофилы облюбовали этотъ предметъ давно. Нѣтъ надобности трогать все, къ этому дѣлу относящееся. Замѣтимъ только слѣдующее. Славянофилы вѣрили (именно вѣрили), что до Петра розы росли безъ шиповъ, что на Москвѣ бесспорная земля и царь сложились въ одно любовью и довѣріемъ скованное цѣлое, что Петръ разорвалъ эту цѣпь любви. Это вѣрованіе, не будучи поддержано наукой, нынѣ испарилось. Но современному патриоту своего отечества все-таки предстоитъ не совсѣмъ благодарная задача, по возможности, затупевать положеніе народа въ московской Руси, чтобы съ тѣмъ болѣею яркостью выставить его бѣды при Петрѣ. Въ «Идеалистахъ и реалистахъ» всѣ сторонники старой Руси—демократы, въ томъ двусмысленномъ значеніи этого слова, о которомъ было говорено выше. Тамъ, въ этомъ отрогѣ старой Руси, розы безъ шиповъ растутъ; тамъ свѣтъ-Варсонофьюшка умиляется передъ свѣтъ-Афросиньюшкой и обратно; тамъ Машиловъ себѣ гнѣздо свилъ; тамъ «добрые господа» живутъ. Добрые! Небодливая корова тоже добрая. А еслибы мечты свѣтъ-Афросиньюшки исполнились, такъ она бы, можетъ быть, и бодливая была. Потому что вѣдь, надо правду сказать, бодливые быки и коровы не составляли большой рѣдкости въ старой Руси.

Есть правда хорошее средство скрасить ихъ жесткіе образы — это пустить ихъ гулять по травушкѣ - муравушкѣ, по цвѣточкамъ и кринамъ сельнымъ, по дубровушкамъ и разнымъ другимъ уменьшительнымъ и ласкательнымъ именамъ существительнымъ. Но какъ бы усердно ни выгонялся старо-русскій скотъ на поэтическое пастбище, это только польза дѣла. Надо вѣдь на обиженный народъ опереться, а обида народная состояла не только въ насильственномъ навязываніи ему европейскаго обличья. Велика была и эта обида, но она питалась другими обидами — наборами и рекрутчиной на завоеваніе «новыхъ земель». А какъ же, спрашивается, опереться на эту сторону народнаго протеста, когда походъ въ Индію и война съ Австріей еще не объявлены, а рабочий день въ Сольвычегодскѣ уже равняется безконечно-малой величинѣ? И когда г. Полетика платитъ гривенникъ за то, что г. Суворинъ оплатилъ бы въ своемъ великодушіи цѣлымъ пятиалтыннымъ, а можетъ быть, даже двугривеннымъ? Ясно, что умственная разбѣнная монета сегодняшняго дня должна себѣ выбрать такую позицію, съ которой не было бы видно ни государственной дѣятельности Петра, ни народнаго протеста противъ этой дѣятельности. Такъ оно и есть въ романѣ г. Мордовцева. Не говоря о прочемъ, въ романѣ нѣтъ ни одного здраво-мыслящаго протестанта: все юродивые, блаженные, полоумные. Великіе это все можетъ быть люди, какъ ихъ рекомендуетъ г. Мордовцевъ, но на нихъ Русь не кдиномъ сошлась. Сомнѣніе въ полнотѣ и правдивости картины, нарисованной г. Мордовцевымъ, позволительно, и не только позволительно, а заключаетъ въ себѣ несравненно большее уваженіе къ народу, чѣмъ увеселятельныя прогулки по именамъ существительнымъ, уменьшительнымъ и ласкательнымъ.

Если такимъ образомъ въ «Идеалистахъ и реалистахъ» многія стороны Петровскаго времени совсѣмъ отсутствуютъ, другія искажены, третьи урѣзаны, нѣкоторыя преувеличены, то что же остается въ «историческомъ романѣ»? Остается историческая канва и романическая исторія. Романическая исторія о томъ, какъ одинъ гигантъ, Петръ, танулъ колесницу русской исторіи изъ любви къ Аннѣ Монсъ въ одну сторону, а другой гигантъ, Левинъ, пытался тануть ее изъ любви къ Оксанѣ Хмарѣ и рыженькой Еадокѣюшкѣ — въ другую. Отсюда событія чрезвычайной важности.

«Три мушкетера» тоже историческій романъ Онъ, впрочемъ, имѣетъ то неважное преимущество, что не называется поллецовъ реалистами и юродивыхъ идеалистами. Я склоненъ, однако, присвать для этихъ негѣпныхъ переименованій нѣкоторое «реальное» основаніе. Современному русскому писателю отведенъ столь малый районъ идей и фактовъ, что его поневолѣ танеть къ подобнымъ нововведеніямъ. Кругъ, имѣющій полторы сажени въ діаметрѣ, весь взрытъ; за кругъ выйдти нельзя; остается переставлять мебель съ мѣста на мѣсто внутри круга. И до чего мы

наконецъ въ этомъ направленіи дойдемъ, я не знаю... Знаю только, что тяжело жить тамъ, гдѣ, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ, мерзавцы называются реалистами, юродивые—идеалистами, романтическая исторія—историческимъ романомъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Увѣренность моего пріятеля въ томъ, что у насъ денегъ, что называется, курн не клюютъ и что всѣ російскіе граждане страстно желаютъ быть поскорѣе обложенными подоходнымъ налогомъ, дабы часть своего денежнаго обилія принести на пользу фиска.—Мое сомнѣніе въ нашемъ денежномъ обиліи и, въ особенности, въ страстномъ желаніи російскими гражданами подоходнаго налога.—Несвоевременность въ данный моментъ обложения какими бы то ни было налогами денежныхъ окладовъ, денежныхъ бумажныхъ капиталовъ въ разныхъ видахъ, а также торговли и промышленности.—Единственный резонный, справедливый и необременительный въ настоящее время былъ бы только одинаковый для всѣхъ налогъ на земли, которыхъ уничтожилась бы значительная часть подушныхъ податей.—Стѣсненіе разными вашими установленіями свободы передвиженія крестьянъ.—Необходимость пересмотра закона 1869 года, затрудняющаго крестьянамъ арендованіе казенныхъ земель въ ущербъ казнн.

Одинъ мой пріятель говорилъ мнѣ, что, «если мы кончили войну, то потому только, что у насъ нѣтъ денегъ. Имѣй мы много денегъ, будь мы богаты, мы никогда не удовольствовались бы тѣмъ жалкимъ миромъ, какой заключили теперь. Мы тогда вовсе не поѣхали бы на берлинскій конгрессъ... Мы освободили бы всѣ славянскія племена, взяли бы Константинополь съ проливами, выгнали турокъ въ Азію, утвердились въ долинѣ Евфрата, соединили Черное Море съ Персидскимъ Заливомъ, пошли бы въ Индію... О! тогда бы мы доняли англичанку такъ, что она навсегда поджала бы хвостъ!».. Напрасно старался я увѣрить моего пріятеля, что онъ ошибается, что будь мы только достаточны, мы кончили бы войну немедленно по взятіи Плевны, а если бы мы были богаты, мы вовсе не начинали бы той раззорительной для насъ войны, которую вели. Вспомните нѣмцевъ, говорилъ я ему. Они не Богъ знаетъ какъ богаты, въ сравненіи съ нами они, можно сказать, только достаточны. Но когда нѣмецкія войска стояли подъ Парижемъ, то вся Германія уже начала роптать, что война тянется очень долго, что она истощаетъ страну... А нѣмцы вели войну всего шесть мѣсяцевъ. Вообще, чѣмъ богаче народъ, тѣмъ неохотнѣе рѣшается на войну, въ особенности если эта война не затрoегиваетъ прямо его интересовъ, если предполагается начать ее только во имя идеи... «По вашему мнѣнію, возразилъ мой пріятель:—чѣмъ богаче народъ, тѣмъ въ немъ менѣе возвы-

шенности чувствъ, тѣмъ менѣе благородства.» — Нѣтъ, не-то... Возвышенности чувствъ, благородства у богатаго народа, пожалуй, не менѣе, чѣмъ у насъ; но въ его чувствахъ и благородствѣ менѣе мечтательности, менѣе воинственнаго задора и пыла, менѣе донкихотства, болѣе разсудительности и сдержанности, наконецъ, болѣе, если не любви къ меньшему брату, то болѣе пониманія положенія страны и силъ ея. Богатый народъ, еслибы и началъ войну за идею, то началъ бы только тогда, когда бы вполне удостовѣрился, что эта война ему подъ силу, что онъ не истощитъ ею своихъ собственныхъ силъ, достигнувъ при этомъ вполне той цѣли, для которой началъ войну и, что, наконецъ, то, что онъ потратитъ на войну, пойдетъ полностью на успѣшное веденіе и окончаніе войны. Точно такое же тщательное самообозрѣніе своихъ достатковъ, навѣрное, сдѣлали бы предварительно и мы, еслибы не были народомъ бѣднымъ, и послѣдствіемъ такого самообозрѣнія было бы также, навѣрное, то, что всѣ *освободительныя* войны, всѣ войны за идею мы отложили бы, по крайней мѣрѣ, до того времени, пока у насъ водворится такой порядокъ, что немислима будетъ даже и возможность, чтобы Коганы, Грегеры и Горвицы брали на себя пропитаніе русской арміи во время войны или чтобы русскіе люди даже съ историческими именами пекли для арміи бархатные сухари. «Да, порядку у насъ мало, началъ мой пріятель.— Но мы не бѣдны; правда, войною мы наклонили миллиардъ долгу, за который придется платить ежегодно однихъ процентовъ 50 миллионновъ рублей. Но большіе долги еще не доказательство бѣдности народа. Англія и Франція страны, несомнѣнно богатныя, а на нихъ долгу гораздо больше, чѣмъ на насъ. Мы кажемся только бѣдными потому, что не умѣемъ распорядиться нашими богатствами. Стѣдуетъ только поприлежнѣе поисвать, и у насъ—повѣрьте мнѣ—найдется столько до сихъ поръ нетронутыхъ, и даже не подозрѣваемыхъ нашимъ фискомъ кладовъ, что на нихъ, на эти клады, на извлекаемые изъ нихъ ежегодно доходы можно легко и проценты уплачивать на затраченный нами миллиардъ и докончить все, что недокончено еще въ Болгаріи, и дать приличное устройство новопріобрѣтенной области въ Малой Азіи, и за всѣмъ тѣмъ, пожалуй, все еще останется, на что можно будетъ и афганистанскій походъ совершить, еслибы то понадобилось. Вѣрьте мнѣ, что это такъ. Стѣдуетъ только поисвать поприлежнѣе».

Мой пріятель, какъ читатель, конечно, уразумѣлъ уже, принадлежалъ къ партіи повинниковъ, и хотя подобно всѣмъ людямъ этой партіи, горячо толковалъ, съ одной стороны, о крайнемъ обѣдненіи и нищетѣ нашего народа, съ другой—о страшномъ паденіи нашего рубля и о томъ, какою тяжестью это паденіе ложится и на всѣ состоятельные классы, какіе оно производитъ, при невозможности даже приблизительно вѣрнаго раз-

счета въ чемъ бы то ни было, застои, беспорядокъ, колебаніе во всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ дѣлахъ, отъзывающіеся, въ свою очередь, также повышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы; тѣмъ не менѣе, по какому-то странному недомыслию, на бумажное богатство нашихъ состоятельныхъ классовъ, въ особенности же капиталистовъ, состоящее въ кредитныхъ рубляхъ, различныхъ акціяхъ и т. п., которыя уже, при теперешнемъ паденіи нашего бумажнаго рубля, болѣе чѣмъ на треть потеряли своей нарицательной цѣнности, а черезъ полгода, можетъ быть, не будутъ имѣть ея и половины, онъ смотрѣлъ, какъ на забытое фиаскомъ сокровище, при обложеніи котораго намъ не только легко поправить нашу финансовую несостоятельность, а, пожалуй, махнуть и въ Индію.

Впрочемъ, подобнымъ недомыслиемъ въ настоящее время страдать не одинъ мой пріятель. Желаніе отыскать, во что бы то ни стало, калифорнскіе рудники въ пустыхъ или набитыхъ обещаніями бумажнымъ хламомъ карманахъ россианъ сдѣлалось теперь идеей фикс для многихъ. И поиски новыхъ источниковъ для покрытія угрожающаго страшнаго дефицита нашему бюджету принимаютъ въ нашей журналистикѣ положительно юмористическій характеръ.

— «Чего искать? Искать нечего, говорятъ одни рѣшительно. — Денегъ ни у кого нѣтъ. А если вы считаете за деньги на треть уже обезцѣненный бумажный хламъ и думаете чрезъ обложеніе его пополнить вашъ бюджетъ, то это напрасно. Разъ вы это сдѣлаете, вы немедленно уроните бумажную цѣнность еще на одну треть ихъ цѣны, и въ итогѣ выйдетъ то, что для пополненія бюджета въ дѣйствительности вы ничего не получите, а цѣны на всѣ предметы поднимите. Поправить наши финансы есть только одно средство: сдѣлайте большой внѣшній заемъ, такой, изъ котораго можно бы было покрыть въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ дефициты бюджета и уменьшить хотя на одну треть количество бумажныхъ денегъ. Чрезъ это кредитный рубль, навѣрное, нѣсколько поднимется. Но вмѣстѣ съ этимъ необходимо немедленно обратить все вниманіе на поднятіе производительныхъ силъ страны, имѣть объ этомъ попеченіе постоянное и неуспяное, и тогда, если это дѣло будетъ вестись съ толкомъ и добросовѣстно, рубль нашъ можетъ поправиться въ нѣсколько лѣтъ».

— «Какой вздоръ! отвѣчаютъ на это другіе. — Время ли теперь думать о поднятіи производительныхъ силъ страны, когда деньги нужны, что называется, до зарѣзу? — Теперь надобно искать средствъ въ готовыхъ уже источникахъ; о поднятіи же производительныхъ силъ страны надобно отложить заботы до другого времени. А что у насъ найдется не мало такихъ источниковъ, изъ которыхъ можно черпать еще долго и долго, въ этомъ сомнѣнія нѣтъ. Надобно только умѣть искать».

И затѣмъ всѣ эти вѣрующіе въ существованіе обильныхъ источ-

никовъ обрушиваются на податную комиссію за ея неумѣнье разыскать эти источники. Уже другой десятокъ лѣтъ, говорятъ они, сидеть эта комиссія за работой и ничего лучше не придумала, кромѣ поразряднаго налога, налога, въ основаніи своемъ негнѣпаго, несправедливаго, и въ результатѣ дающаго всего 17 милліоновъ, и за вычетомъ издержекъ вниманія 16 милліоновъ. А, кажется, и придумать не составляло никакой трудности! Всѣ ее наталкивали на мысль: что нужно дѣлать. Пресса то и дѣло твердила, что налоги у насъ тяжелымъ бременемъ лежатъ на одномъ податномъ сословіи, и притомъ на личномъ трудѣ, что другія сословія не принимаютъ почти никакого участія въ податной тягѣ, что имущества и капиталы остаются почти безъ всякаго обложенія, что потому необходимо уничтожить немедленно всѣ налоги, лежащіе на личномъ трудѣ и обложить ими только имущества, капиталы и доходы безъ различія того, кому бы они ни принадлежали. Затѣмъ самое слово: податной, какъ синонимъ принадлежности къ низшему сословію, вычеркнуть изъ нашего законодательства. Такіе же проекты объ уничтоженіи подушныхъ податей и вообще налоговъ, лежащихъ на личномъ трудѣ, и о замѣнѣ ихъ общимъ подоходнымъ налогомъ были представлены и всѣми земствами, назадъ тому еще семь лѣтъ. Комиссіи слѣдовало бы только неуклонно идти по этому указываемому прессой и обществомъ пути и она въ семь лѣтъ нашла бы на этомъ пути такіе источники, которые дали бы не пріискаемые ею теперь 17 милліоновъ, а можетъ быть десятку 17 милліоновъ, если не больше.

«Знаете что, прибавлялъ къ этому мой пріятель:— тутъ, говоря между нами, конечно, есть въ дѣйствіяхъ комиссіи что то такое, что и понять трудно: какія были ея намѣренія! У насъ вѣдь дѣло это идетъ не такъ, какъ въ другихъ государствахъ. Сама же комиссія рассказываетъ, на примѣръ, что въ Англіи и Пруссіи высшія и богатія сословія противились обложенію своихъ имущества и доходовъ — и правительство съ борьбою должно было вводить это обложеніе. А у насъ, посмотрите, какое благородство, какая благодать! Само привилегированное общество приходитъ и говорить, мало—говорить, почти настоятельно требуетъ: обложи мое имущество и мои доходы. А комиссія игнорируетъ эти просьбы, эти настоянія! Тутъ что-нибудь да не такъ!»

— «А вы, возразилъ я моему пріятелю:— такъ дословно всему и вѣрите, что написали земства въ своихъ заявленіяхъ: дескать, приди и обложи наши имущества и доходы по 5⁰%, по 7⁰% и т. п.» — «А то какъ же! Конечно вѣрю.»

— «Ну, если вѣрите, то и ладно; держите карманъ пошире. А я вамъ скажу вотъ что: какъ скоро дѣло касается денегъ, то никакъ нельзя принимать за чистую монету разныя словесныя и бумажныя заявленія, въ особенности тѣ, которыя составляются по большинству голосовъ. Какъ велико было большинство, сдѣлавшее такое заявленіе, какъ оно составилось, въ силу какихъ

мотивовъ каждый въ этомъ большинствѣ далъ согласіе на такое заявленіе—все это *тежна вода*. Можетъ быть, многіе изъ большинства потому только и дали такое заявленіе, что были убѣждены, что ихъ заявленіе не будетъ имѣть никакихъ реальныхъ послѣдствій. А не дать имъ свое согласіе въ ту минуту, когда составлялось заявленіе, было нельзя; потому что высказали въ пользу его свое мнѣніе лица, вниманіемъ и уваженіемъ которыхъ они дорожатъ и въ мнѣніи которыхъ они не хотѣли терять. А много есть и такихъ лицъ, которыя, въ известной обстановкѣ, подъ вѣстнымъ влияніемъ, особенно въ торжественныя минуты, готовы согласиться и подписать то, отъ чего черезъ часъ они готовы отрещиваться и руками и ногами. Вамъ, вѣроятно, много разъ случалось читать въ газетахъ такія заявленія, въ которыхъ подписавшіе эти заявленія говорятъ, что они готовы ради отечества жертвовать не только всѣмъ своимъ имуществомъ, но и живнію. А подите потребуйте отъ большей части подписавшихъ эти заявленія — я уже не говорю: жизни или всего имущества, а только четверти всего имущества, начнется такое исчисленіе имущества, что цѣнность цѣлаго имущества будетъ сведена, навѣрное, къ двумъ двухгривеннымъ. изъ которыхъ вотъ, дескать, четверть мы вамъ и предоставляемъ вслѣдствіе нашего заявленія. Тоже самое, вѣрите мнѣ, произошло бы, еслибы комиссія, основываясь на заявленіяхъ земствъ, ввела бы налогъ подоходный. Начало бы сводить самое большее большинство цѣнности своихъ имуществъ къ такому минимуму, что обложеніе ихъ пятью процентами доставило бы что-нибудь тоже въ родѣ двухъ двухгривенныхъ. И когда бы такому исчисленію не стали давать вѣры, то возникло бы столько жалобъ, ходатайствъ, забѣгацій къ разнымъ лицамъ со всевозможныхъ подѣяловъ и преимущественно съ заднихъ ходовъ и т. д., возникло бы столько отписокъ, переписокъ, столько, въ силу разныхъ уважительныхъ, причинъ, исключеній, освобожденій отъ налога и т. д., что подоходный налогъ, въ концѣ-концовъ, вышелъ бы еще несправедливѣе поразряднаго, собранъ былъ бы развѣ въ нѣсколько лѣтъ, да и, въ заключеніе, принесъ бы, можетъ быть, не больше, чѣмъ и предположенный комиссіею поразрядный. Что результатъ выработаннаго комиссіею подоходнаго налога, при приложеніи его на практикѣ, оказался бы дѣйствительно такой, какъ я говорю, для меня не существуетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вы вотъ, на основаніи сдѣланныхъ земствами заявленій о необходимости введенія у насъ подоходнаго налога, восхваляете наши привилегированныя сословія, говорите, что они — не чета иностраннымъ, что, тогда какъ послѣднія желаютъ всѣ тяжести взвалить на народъ, наши, напротивъ, сами добровольно требуютъ обложить налогомъ свои имущества и доходы, чтобы снять непосильную тяготу, которую несетъ ихъ меньшій братъ. А не слышали ли вы того, наиримѣръ, что во многихъ земствахъ до сихъ поръ, хотя земскія учрежденія существуютъ уже болѣе десяти лѣтъ, дорожная повинность все еще отправляется на-

турю, т. е. лежить на однихъ крестьянахъ, и что послѣдніе никакъ не могутъ добиться у своихъ высшихъ и богатыхъ сословій того, чтобы она обращена была въ денежную? Не слышали ли вы, далѣе, того, что значительная часть земскихъ денегъ, ассигнуемыхъ на народное образованіе, идетъ на устройство классическихъ гимназій и прогимназій, городскихъ реальныхъ училищъ, женскихъ гимназій, на поддержку университетскихъ кафедръ, на стипендіи обучающимся въ университетахъ, гимназіяхъ и т. п.? Наконецъ, вотъ вамъ и еще образчикъ. «Правительственный Вѣстникъ» недавно ообщилъ слѣдующую вѣдомость о земскихъ сборахъ за 1875, 76 и 77 годы:

Съ земель, отведенныхъ въ надѣлы крестьянамъ.		Съ земель, принадлежащихъ казнѣ, удѣламъ, обществамъ, установленіямъ и частнымъ лицамъ.	
Колич. земли въ десятинахъ.	Сумма сбора.	Количество в млн.	Сумма сбора.
1875	71.061,320	132.552 497	8.322.972
1876	77.117,019	133 578,286	8.535,211
1877	75.834.602	129.348 687	8.515.776

Изъ этой вѣдомости вы видите, что помѣщики, удѣлы, казна и т. п., владѣя количествомъ земли почти вдвое большимъ, чѣмъ крестьяне, платятъ, однакожъ, земскаго сбора въ два слишкомъ раза менѣе крестьянъ. Тогда какъ съ каждой крестьянской десятины идетъ въ этотъ сборъ по 14 слишкомъ копеекъ, съ десятины помѣщичьей, удѣльной, казенной получается всего съ небольшимъ 6 копеекъ. Эти цифры поземельныхъ платежей въ земскій сборъ краснорѣчивы сами по себѣ. Вотъ почему, мнѣ кажется, никакъ нельзя быть увѣреннымъ, чтобы и у насъ введе ніе подоходнаго налога обошлось гладко, безъ всякой борьбы, т. е. безъ множества разнаго рода затрудненій и проволочекъ.

— «Ну, что жъ! возразилъ мнѣ на это мой пріятель: — борьба такъ борьба. Податная комиссія должна была бы для общаго блага и на борьбу идти».

— А, ну, это ужъ выходитъ дѣло совсѣмъ особъ статья! ска- залъ я. — Я не знаю, какія именно полномочія имѣла податная комиссія: имѣла ли она право собственно властію избирать и предпрѣшать ту или другую форму налога и собирать свѣдѣнія, нужныя для этой, ею принятой и предпрѣщенной формы. Но я, во всякомъ случаѣ, почти убѣжденъ, что комиссія не дано было право проеэктировать именно подоходнаго налога. Заключая я изъ того, во-первыхъ, что представленія, сдѣланныя земствомъ о необходимости введенія у насъ подоходнаго налога, оставлены правительствомъ безъ послѣдствій; во-вторыхъ, изъ того, что еслибы имѣлось въ виду установленіе подоходнаго налога, то объ этомъ предварительно были бы поставлены въ извѣстность всѣ, кому это вѣдать надлежитъ; потому что безъ подобнаго предварительнаго распоряженія одни — въ правѣ были бы отказаться собирать свѣдѣнія спеціально для такого налога, а другіе такжэ совер-

шенно были бы въ правѣ не объявлять своихъ доходовъ. Наконецъ, еслибъ подоходный налогъ былъ дѣйствительно предположенъ, то предварительная разработка его была бы поручена никакъ не податной комиссіи, находящейся въ Петербургѣ, а нарочито образованнымъ для этого комитетамъ на мѣстѣ обложенія или земствамъ совокупно съ городскими обществами и т. п. Странно слышать, когда податную комиссію обвиняютъ: зачѣмъ она не сдѣлала подготовительныхъ работъ, нужныхъ для подоходнаго налога? О какихъ тутъ работахъ идетъ рѣчь? Если только о перечисленіи предметовъ, которые вообще должны подлежать обложенію, то это такая нетрудная работа, что ее можно исполнить въ два, три дня; время для этого слѣдовательно и теперь не потеряно. Если же дѣло идетъ о тѣхъ живыхъ данныхъ, которыя должны составить основаніе обложенія, установить опредѣленную цифру дохода съ каждаго и въ каждомъ мѣстѣ и слѣдовательно дать ясную цифру возможнаго дохода, то эти свѣдѣнія можно добыть только на мѣстѣ и притомъ послѣ долгаго и самаго безпокойнаго труда. Податная же комиссія, еслибы она имѣла неблагоразуміе взяться за это дѣло, провозгласъ бы надъ нимъ minimum десять лѣтъ, собирая свѣдѣнія съ цѣлой Россіи и своими спросами, вопросами, переписками, отписками измучила бы всѣ вазенныя, и общественныя, и частныя управленія, взмучила бы сама и въ заключеніе, когда пришлось бы дѣлать дѣло, свѣдѣнія ея оказались бы все-таки нигуда негодными. Потому, во-первыхъ, что данныя, требующіяся для подоходнаго налога, суть данныя, какъ я уже сказалъ, живыя, постоянно измѣняющіяся. Назадъ тому пять лѣтъ, положимъ N имѣлъ домъ, который вслѣдствіе разныхъ случайныхъ конъюнктуръ данной мѣстности давалъ ему такой большой доходъ, что казна могла обложить этотъ источникъ въ 500 руб.; но конъюнктуры, счастливыя для дома, уже болѣе четырехъ лѣтъ назадъ исчезли; домъ не принести никакого дохода, владѣлецъ едва пропитывается самъ. Къ чему, спрашивается, послужили бы, кромѣ путаницы, свѣдѣнія, полученныя податною комиссіею объ этомъ дѣлѣ, назадъ тому пять лѣтъ. А такихъ мертвыхъ данныхъ у комиссіи, въ теченіи десяти лѣтъ, набралось бы безчисленное множество. Во вторыхъ, данныя, требующіяся для подоходнаго обложенія вовсе не такъ безспорны и несомнѣнны, чтобы ихъ можно было употреблять въ дѣло по сообщенію того или другого управленія безъ дальнѣйшаго удостовѣренія ихъ на мѣстѣ; а потому издадека ихъ никакъ нельзя собирать, ихъ надобно собирать непременно на мѣстѣ, и притомъ при участіи, въ случаѣ нужды, нѣсколькихъ управленій казенныхъ и общественныхъ. Положимъ, земство, по вашему требованію, доставить свѣдѣнія, что земля X. такого-то даетъ такой-то доходъ, и что подоходный налогъ можно взять съ нея въ такомъ-то количествѣ. Изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, чтобы вы цифру, сообщенную вамъ земствомъ, могли принять за не подлежащее

спору данное. Владѣлецъ Х. непременно предъявить протестъ противъ показаній земства, и пойдетъ съ просьбами по всѣмъ существующимъ инстанціямъ, наконецъ, въ «сенатъ подаетъ, министру, Государю». Не принимать этихъ просьбъ вы не имѣете права, разъ вы дѣлаете обложеніе заочно, безъ всякой провѣрки, единственно по свѣденію, доставленному тѣмъ или другимъ управленіемъ. Ибо почему вы знаете: можетъ быть, его и въ самомъ дѣлѣ обидѣли! — А разъ вы будете принимать просьбы, всѣ инстанціи будутъ ими завалены и разбирательство ихъ продлится на десятки лѣтъ. Найдутся, можетъ быть, изъ владѣльцевъ только рѣдкія исключенія, которыя признають оцѣнку доходности ихъ земли, сдѣланную, положимъ, земствомъ правильною, остальные всѣ окажутся недовольными и пойдутъ съ протестами по всѣмъ инстанціямъ. Этого нетолько можно, но и должно ожидать, этого, наконецъ, нельзя не ожидать, вслѣдствіе незначительнаго уровня нашего развитія вообще и въ частности, и вслѣдствіе того, что многимъ лицамъ привилегированнаго сословія, до сихъ поръ ничего не платившимъ, неподходный налогъ, изъ какаго бы онъ низкаго процента ни состоялъ, будетъ казаться ужаснымъ бременемъ. Представьте себѣ, что даже теперь находятся землевладѣльцы, которые, плата ничтожный земскій сборъ, думаютъ, что они обременены сверхъ силъ, что они несутъ налогъ гораздо бѣльшій, чѣмъ крестьяне. Недавно «Голосъ», по поводу приведенной нами выше вѣдомости «Правительственнаго Вѣстника» о земскихъ сборахъ, сдѣлалъ замѣчаніе, что «крестьянскія земли почти въ три раза сильнѣе обложены, нежели земли, принадлежащія казнѣ, удѣламъ и всѣмъ остальнымъ собственникамъ». Что же вы думаете! За эту простую, совершенно логическую и вѣрную замѣтку, онъ получилъ слѣдующій репримандъ отъ нѣкотораго помѣщика В.:

«Крестьянинъ обрабатываетъ землю самъ или помощю. Другіе владѣльцы, хотя имѣютъ больше земли, не получаютъ столько, сколько крестьянинъ, потому что рабочихъ рувъ или пѣтъ, или плата рабочимъ слишкомъ высока; многіе предлагаютъ отдавать земли въ аренду за ничтожную плату. Слѣдующія цифры покажутъ, какъ великъ процентъ налоговъ, платимыхъ не крестьянами Уфимской Губерніи; земли, принадлежащая г. В., въ количествѣ 1,200 десятинъ, оцѣнена въ 17,000 руб.; дохода получено въ 1877 году (по расчету земства) 861 руб.; земскихъ сборовъ взыскано 168 руб 76 коп., что составляетъ около 19% или пятую часть всего дохода».

Очевидно, что обложеніе земли г. В. сдѣлано не съ оцѣнки ея, хотя г. В. и суетъ эту оцѣнку впередъ, чтобы затемнить дѣло, а съ количества земли подесятинно, и такой способъ обложенія въ данномъ случаѣ (т. е. относительно земли) не дохода, а имущества, я считаю совершенно правильнымъ. Ничто не виновать въ томъ, что человекъ забираетъ въ свои руки земли по тысячамъ десятинъ, и, оставляя ее безъ должной обработки, не извлекаетъ изъ нея и самъ никакого дохода, и не даетъ распорядиться ею и другимъ. Разъ есть такіе любители безцѣльнаго собиранія земель, надобно брать съ ихъ земель, хотя бы онѣ и не

давали ни гроша дохода, тѣ же самыя налоги, которые берутся и съ другихъ окрестныхъ земель. Въ настоящемъ случаѣ можно пожалѣть только о томъ, что земля г. Б. обложена была ничтожнымъ налогомъ, всего по 13 коп. съ десятины. Но вы видите, что и отъ этого ничтожнаго налога г. Б. поднялъ жалкія и смѣшной, чисто дѣтскій вой. «Я, говорить, не мужикъ; работать самъ не могу и не умѣю; въ такомъ мужицкомъ дѣлѣ, какъ земледѣліе, ничего не понимаю; за что же съ меня брать въ земскій сборъ столько же, сколько съ мужика!» — Какой же бы вой поднялъ этотъ почтенный землевладѣлецъ, еслибы при обложении подоходнымъ налогомъ, съ него потребовали по рублику или по полтинѣ съ каждой десятины! Въ какія инстанціи не полѣзъ бы тогда этотъ господинъ со всевозможными жалобами, кляузами, ходатайствами, просьбами! Въ предупрежденіе всѣхъ подобныхъ кляузъ, домогательствъ, искательствъ, которыя могутъ, какъ я уже сказалъ, затянуть дѣло на десятки лѣтъ, данныя, собранныя для подоходнаго налога, комитетомъ, дѣйствующимъ на мѣстѣ, должны быть тутъ же провѣрены и утверждены мѣстной общиной, а потомъ особою правительственною комиссіею разсмотрѣны и утверждены также на мѣстѣ. Подобная процедура для подоходнаго налога нужна вездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, гдѣ самыя простыя, обыденныя вещи могутъ возбуждать сомнѣнія, недоразумѣнія, недовольство и гдѣ объ этихъ вещахъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ особенности при новомъ дѣлѣ, приходится начинать чуть не съ азовъ. Вообще, напрасно думаютъ, что введеніе подоходнаго налога—дѣло легкое. Тамъ, гдѣ хотѣли добыть самыя точныя данныя для опредѣленія этого налога по средствомъ кадастра, дѣло тянулось многіе десятки лѣтъ и кончалось ничѣмъ; но и для пріобрѣтенія только болѣе или менѣе приблизительныхъ данныхъ чрезъ показанія и оцѣнку каждой мѣстной общины, времени для введенія его потребовалось бы не мало. И во всякомъ случаѣ, на долю податной комиссіи могла выпасть въ этомъ дѣлѣ развѣ окончательная повѣрка проектированнаго налога, а никакъ не его разработка.

— «Ну, положимъ такъ, сказалъ мой пріятель.—Но и въ своемъ поразрядномъ налогѣ, ограничиваясь исчисленіемъ дохода только по вышнимъ признакамъ, податная комиссія могла бы сдѣлать гораздо болѣе и лучше, чѣмъ она сдѣлала, еслибы она была болѣе усердна къ дѣлу. И тутъ есть что-то непонятное въ ея намѣреніяхъ. Возьмите хоть одно то, что, дѣлая оцѣнку всѣхъ доходовъ, видимо гораздо низшую ихъ дѣйствительной цифры, она при этомъ всѣ почти доходы облагаетъ налогомъ въ пользу казны самымъ ничтожнымъ, всего въ 2, 3 съ рубля. Такой налогъ устанавливаетъ она и съ городского недвижимаго имущества, и съ промышленности, и съ торговли, и съ окладовъ служащихъ въ государственной, общественной и частной службѣ. Расщедрилась только на налоги съ негарантированныхъ желѣзно-дорожныхъ акцій и облигацій и относительно капиталовъ об-

пцествъ банковыхъ, торговыхъ, промышленныхъ, страховыхъ и пароходныхъ, обложивъ ихъ налогомъ въ 3% съ дохода! Ну, развѣ это не нелѣзность дѣлать такое ничтожное обложеніе доходовъ, въ то время, когда государство находится въ такихъ критическихкихъ финансовыхъ обстоятельствахъ, какъ наши, когда намъ нужно уплачивать ежегодно новыхъ 50 милліоновъ процентовъ на милліарды, затраченный на войну, и когда ради поднятія производительности необходимо немедленно теперь же уничтожить гнетущія крестьянъ подушныя подати, въ количествѣ 54 милліоновъ! Комиссія могла бы, по примѣру иностранныхъ государствъ: Австріи, Англіи, Американскихъ Штатовъ, возвысить налогъ на доходы минимумъ до 4, а то и до 8, и даже до 10 процентовъ!»

— «А, по моему, возразилъ я:—и тотъ налогъ, который проектируетъ комиссія, для насъ теперь очень великъ и обременителен!»

— «Какой же по вашему мнѣнію надобно было положить налогъ?»—спросилъ меня съ удивленіемъ мой пріятель.—«Да съ тѣхъ предметовъ, которые вы перечислили, лучше бы не брать теперь ровно никакого».—«Какъ такъ!»—«Да такъ. Будемъ говорить прежде всего о тѣхъ лицахъ, которыя сами ничего не производятъ, не имѣютъ никакого другого источника доходовъ, кромѣ опредѣленнаго оклада жалованья или, говоря другими словами, обо всѣхъ, состоящихъ на службѣ казенной, общественной, частной. Вамъ, конечно, извѣстно, что, назадъ тому два года, до войны, за 100 русскихъ бумажныхъ рублей платили и 350 франковъ и даже болѣе; когда случайно по временамъ курсъ понижался на 340 и въ особенности на 330 франковъ, то говорили, что курсъ стоитъ очень низко. Теперь за 100 бумажныхъ рублей можно получить всего 250 франковъ и впередъ всѣмъ предчувствуется не повышеніе, а скорѣе еще большее пониженіе нашего курса. Слѣдовательно, противъ того, чѣмъ былъ рубль до войны, онъ упалъ на $\frac{2}{3}$ своей цѣнности, т. е. каждый, кто состоитъ на опредѣленномъ окладѣ жалованья, вмѣсто прежняго рубля, замѣтте, не металлическаго, а бумажнаго (не въ 400 фр., а 350 фр.), получаетъ всего 60 копеекъ. Представьте теперь семейныхъ чиновниковъ, не тѣхъ, что получаютъ менѣе тысячи рублей жалованья, а тѣхъ, что получаютъ и тысячу, и двѣ и болѣе—каково имъ жаться съ своими семействами, при нынѣшнихъ дорогихъ цѣнахъ на все, почти на половину своего прежняго жалованья, т. е. вмѣсто 1000 р. на 600 р, вмѣсто 2000 на 1200 р. Но если получающіе тысячу и сверхъ тысячи еще могутъ кой-какъ перебиваться, то подумайте о безчисленномъ множествѣ тѣхъ чиновниковъ, которые получаютъ меньше тысячи въ годъ. Вѣдь собственно положеніе большей части изъ нихъ такое, что государство въ это критическое время должно бы было прійти къ нимъ на помощь. И вдругъ съ нихъ же еще налогъ! Помилосердуйте! Я еще понимаю, что можно обращаться къ ихъ патриотизму съ приглашеніемъ тѣхъ

изъ нихъ, которые состоятельны, къ добровольнымъ пожертвованіямъ — и, вѣроятно, найдутся многіе изъ нихъ, которые на такое приглашеніе и отзовутся, смотря по своимъ силамъ и достатку, но облагать ихъ налогомъ... по моему мнѣнію, и несправедливо, и даже жестоко.

Обратимся теперь къ бумажнымъ цѣнностямъ — къ желѣзнодорожнымъ акціямъ, облигаціямъ, процентнымъ бумагамъ по государственнымъ займамъ. Нѣкоторые упрекаютъ комиссію за то, зачѣмъ она обложила налогомъ только негарантированныя правительственныя бумаги, всѣ же гарантированныя желѣзнодорожныя бумаги, равно всѣ процентныя правительственныя бумаги освободила отъ всякаго налога. Но и этотъ упрекъ на мой взглядъ, совершенно неоснователенъ. Начнемъ съ того, что владѣлецъ всякихъ процентныхъ цѣнностей получаетъ за свой рубль теперь также только 60 копеекъ, и слѣдовательно вмѣсто 5% имѣетъ всего 3%. Положимъ, что процентъ проэктированный комиссіей для взиманія очень невеликъ и не будетъ обременителенъ для владѣльцевъ бумажныхъ цѣнностей. Но самый прецедентъ налога для нихъ будетъ очень важенъ и будетъ дѣйствовать на нихъ запугивающимъ образомъ. Вѣдь если разъ нашли возможнымъ въ самое критическое время — во время сильнаго паденія курса обложить процентныя бумаги налогомъ въ 2, 3, то при будущемъ еще болѣешемъ паденіи курса это обложеніе можетъ дойти и до 8% и до 10%, а, пожалуй, болѣе. Это опасеніе заставитъ многихъ капиталистовъ при первомъ благопріятномъ случаѣ, сбѣить съ рукъ русскія бумажныя цѣнности и положить свой капиталъ въ иностранныя государственныя цѣнности, которыя также солидны, какъ и русскія государственныя цѣнности, но имѣютъ то преимущество предъ послѣдними, что при колеблющихся курсѣ, ихъ металлическій процентъ хотя и не высокій всего 4% всегда остается твердымъ и всегда почти выше нашего бумажнаго 5%, а въ настоящее время, считая по курсу нашего рубля до войны 280 марокъ = 350 фр., стоять почти вдвое выше нашего. А это влеченіе къ иностраннымъ бумажнымъ цѣностямъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что при объявленіи нашихъ государственныхъ займовъ не будетъ находится достаточнаго числа охотниковъ для ихъ покрытія. Приэтомъ не надобно забывать, что обложеніе налогомъ какъ правительственныхъ процентныхъ бумагъ, такъ и частныхъ обществъ, непременно повлечетъ за собою еще болѣешее обезцѣненіе всѣхъ нашихъ бумажныхъ цѣнностей, въ томъ числѣ и кредитнаго рубля, чего никакъ нельзя желать. Все это я не къ тому говорю, чтобы не слѣдовало облагать бумажныхъ цѣнностей, даже и государственныхъ; нѣтъ, облагать непременно должно, но подѣ двумя условіями: 1) облагать ихъ нужно не во время глубокаго паденія рубля, а при болѣе или менѣе нормальномъ финансовомъ положеніи; 2) размѣръ этого обложенія долженъ быть тщательно разсмотрѣнъ и

сообразенъ съ состояніемъ и потребностями нашего экономическаго и финансоваго положенія и объявленъ неизмѣннымъ на болѣе или менѣе продолжительное число лѣтъ.

О нашей промышленности и торговлѣ съ одной стороны я долженъ сказать то же, что говорилъ выше и о чиновникахъ и о владѣльцахъ разныхъ процентныхъ бумагъ. Ихъ рубль въ настоящее время — также не рубль, а только 60 копеекъ, но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что очень многіе промышленники и торговцы нажились именно въ это критическое для всѣхъ время. Что у другихъ уносило деньги, какъ-то война, золотыя пошлины, паденіе курса — то имъ все шло на пользу и наживу. Ах! еслибы можно было выдѣлить этихъ нажившихся на счетъ общаго бѣдствія промышленниковъ и торговцевъ! ихъ можно было бы обложить самую тяжкою пошлиною за всѣхъ. Къ сожалѣнію, сдѣлать этого нельзя. Налогъ долженъ быть общій для всѣхъ, а такимъ налогомъ, если вы успѣете сорвать съ нажившихся по небольшому влочку шерсти, то зато съ другихъ, неимѣющихъ никакой шерсти, вы будете рвать просто мясо вмѣсто шерсти. Ибо не мало было и такихъ торговцевъ, которые пострадали не менѣе другихъ отъ обезцѣненія рубля и застоя въ дѣлахъ. Приэтомъ никогда не надобно забывать, что промышленники и торговцы вообще представляютъ собою подобіе богатыхъ листвою и плодами деревьевъ, которыя получаютъ питаніе изъ почвы и подпочвы. Съ нихъ нельзя ничего взять, чего бы они потомъ, не высосали или съ меньшого брата, или вообще съ потребителя. А это, конечно, нежелательно. Я опять-таки долженъ замѣтить, что и это я не къ тому говорю, что промышленниковъ и торговцевъ не слѣдуетъ облагать никакими налогами. — напротивъ, слѣдуетъ, и болѣе чѣмъ кого нибудь. Но облагать ихъ налогомъ надобно при болѣе устойчивомъ и опредѣленномъ финансовомъ и экономическомъ положеніи, когда каждый промышленникъ и торговецъ болѣе или менѣе вѣрно можетъ разсчитать: сколько онъ можетъ брать за тотъ или другой предметъ, чтобы и себя не обидѣть, и съ потребителя взять процентъ по божески, а не теперь, когда при такомъ страшномъ паденіи кредитнаго рубля, при неопредѣленныхъ золотыхъ пошлинахъ, при омраченномъ политическомъ горизонтѣ, для cadaго промышленника и торговца стоять такая темъ во всѣхъ оборотахъ и предпріятіяхъ, что на два шага впередъ ничего не видно. Я думаю, что многіе купцы и промышленники нажились страшнымъ образомъ, именно вслѣдствіе этой темы, взимая проценты на свой товаръ не по какому-нибудь разсчету, а сколько Богъ на душу положитъ. И ихъ нельзя обвинять въ этомъ; каждый изъ насъ на ихъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже самое. Представьте себѣ, что я покупалъ товаръ, когда рубль стоилъ семьдесятъ копеекъ; черезъ мѣсяць послѣ этого, когда я не успѣлъ еще продать и двадцатой доли этого товара, рубль понизился уже до 60 к. Товаръ мой будетъ продаваться еще можетъ быть цѣлый годъ. Какъ же мнѣ знать:

насколько въ это время еще упадетъ рубль? И по какимъ я даннымъ могу сообразить: по какой цѣнѣ я могу продавать мой товаръ? Въ виду неизвѣстности положенія, для меня можетъ служить руководствомъ только одно правило: брать какъ можно больше. Присоедините къ этому золотыя пошлины. Не то тутъ страшно, что пошлины золотыя. Если казнѣ нужно золото, то почему не брать ихъ и золотомъ. А страшно то, что не кредитныя переводятся на золото, а золото на кредитныя, и отъ этого страшная темень впереди для всякаго промышленника и торговца и стремленіе накинуть на потребителя навѣрняка больше при совершенной неизвѣстности будущаго. Положите какую угодно высокую пошлину, но только на кредитныя рубли; если вамъ нужно золото, требуйте, чтобы эти кредитныя рубли, оплачивались непременно золотомъ по существующему курсу. Какъ бы ни высока была положенная пошлина, разъ она установлена твердо и неизмѣнно¹, она имѣла бы то достоинство, что каждый промышленникъ и торговецъ зналъ бы, какой процентъ они должны прикладывать къ цѣнности товара для возмѣщенія пошлины, точно также какъ и потребитель зналъ бы, что, въ виду пошлины, имѣютъ право приложить къ цѣнности товара промышленникъ и торговецъ. Была бы, слѣдовательно, для всѣхъ ясность въ дѣлѣ. Представьте себѣ, что сдѣлано какъ разъ наоборотъ, какъ будто нарочно для того, чтобы тутъ ясности никакой быть не могло и чтобы промышленникъ и торговецъ имѣли право, въ возмѣщеніе неизвѣстной имъ золотой пошлины, брать какой угодно процентъ. Сдѣлано такъ, что при очисткѣ товаровъ пошлиною, цифра пошлины за тотъ или другой товаръ опредѣлена не въ кредитныхъ рубляхъ, которые бы переводились на золото по существующему курсу, а въ золотыхъ рубляхъ, которые переводятся на существующій курсъ кредитнаго рубля. А такъ какъ, при паденіи нашего курса, золотой рубль у насъ не монета, а товаръ, стоимость котораго ежедневно почти измѣняется, стремясь притомъ постоянно гнѣмъ къ болѣшему повышенію, чѣмъ ниже падаетъ нашъ кредитный рубль, то очень естественно, что каждый торговецъ и промышленникъ, даже самый добросовѣстный, рѣшительно не можетъ рассчитать, какою ему процентъ наложить на товаръ для возмѣщенія взятой съ него золотой пошлины. Сегодня, въ день покупки товаровъ, полуимперіаль стоитъ 7 р., черезъ двѣ недѣли его нельзя купить дешевле 7 р. 50 к., еще черезъ двѣ—онъ продается уже по 8 р., потомъ черезъ два-три дня—по 8 р. 15 к. До чего же это дойдетъ? Въдѣ цѣна его

¹ А такую она и будетъ, разъ вы установите ее на кредитныя рубли. Положимъ, за предметъ А установлена пошлина въ 5 р. При измѣненіи стоимости полуимперіала, она будетъ уплачиваться золотомъ такимъ образомъ:

При стоимости золотого рубля 120 к. 140 к. 150 к. 160 к. 200 к.

» » полуимперіала 600 » 700 » 750 » 800 » 1,000 »

Пошлины будетъ платиться $\frac{1}{6}$ $\frac{1}{7}$ $\frac{1}{8}$ $\frac{1}{9}$ $\frac{1}{10}$ полуимперіала.

можетъ возрасти и до 10, и до 11, и до 12 рублей. И вотъ торговецъ, хотя онъ уплатилъ пошлину золотомъ въ 7 рублей и долженъ былъ бы вслѣдствіе этого, въ возмѣщеніе этой пошлины, прикинуть на товаръ всего 20⁰/₀, думаетъ: «такъ-то такъ, а что будетъ впередъ—Богъ вѣсть. Быть можетъ, въ слѣдующій же разъ мнѣ придется оплачивать товаръ золотомъ въ десять-одиннадцать рублей. Тогда нельзя будетъ вдругъ накинуть еще 20⁰/₀ на товаръ; надобно поднимать цѣну въ виду этого понемногу, исподволь — а что цѣну поднимать надо, такъ это точно надо. Потому что можетъ выйти и такой случай: оплату я товаръ золотыми въ 10—11 рублей, а потомъ они падутъ опять на 7 р. 50 к., на 7 р. — тогда какъ я получу утраченное на пошлинѣ, оплаченной дорогими золотыми!» Таково нынѣшнее положеніе промышленника-торговца! Можно ли при подобномъ ненормальномъ положеніи устанавливать новые налоги?

— «Такъ вы думаете, прервалъ меня мой пріятель:—что теперь никакихъ новыхъ налоговъ устанавливать нельзя?»—«Да, пожалуй, что такъ, отвѣчалъ я:—кромѣ развѣ одного только, который отчасти удовлетворилъ бы и тѣхъ, кто желаетъ немедленнаго введенія налога подоходнаго, ибо онъ могъ бы послужить и началомъ, и основаніемъ для будущаго подоходнаго налога, и уничтожилъ бы ненавистную всѣмъ подушную подать. Я говорю о налогѣ поземельномъ. Налогъ этотъ былъ бы и не обременителенъ, ибо онъ захватывалъ бы только незначительную часть поземельной ренты, и давалъ бы большія средства фиску, при многослѣнности у насъ земель. Я думаю, что изъ земель удобныхъ у насъ мало найдется, исключая развѣ крайней сѣверной полосы, такихъ, которыя бы давали ренту менѣе рубля съ десятины, поэтому, если всѣ удобныя земли обложить налогомъ по 50 к. съ десятины, то онѣ могутъ вынести его безъ особенной тягости, если только при этомъ налогъ будетъ распредѣленъ сообразно большей или меньшей плодородности земли и болѣе или менѣе, какъ вслѣдствіе этого, такъ и какихъ-нибудь случайныхъ конъюнктуръ, ея доходности, и, слѣдовательно, сообразно болѣе или менѣе величинѣ ренты, такъ что, пропорціонально величинѣ ренты, однѣ земли будутъ платить налогу до рубля и можетъ быть болѣе, на другихъ, съ самою низкою рентою, размѣръ налога уменьшится до 30 — 20 к. Изъ приведенной выше вѣдомости о земскихъ сборахъ мы видимъ, что только въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ есть земскія учрежденія, всѣхъ удобныхъ земель считается 200 слишкомъ милліоновъ десятинъ. При налогѣ по 50 к. съ десятины, однѣ эти земли дадутъ 100 милліоновъ дохода. По всей вѣроятности, если не половину этой суммы, то, навѣрно, четверть, при такомъ же налогѣ по 50 к. съ десятины, можно получить съ удобныхъ земель въ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій. Такимъ образомъ, съ однихъ только земель казна можетъ получать ежегодно дохода по 125 милліоновъ.

Вмѣстѣ съ установленіемъ этого поземельнаго налога, самъ

собою уничтожится и ненавистный всѣмъ подушный доходъ, или, выражаясь точнѣе, не уничтожится, а превратится въ поземельный. Я долженъ, впрочемъ, замѣтить здѣсь, что у насъ о подушномъ налогѣ существуютъ самыя ошибочныя представленія. Во-первыхъ, думаютъ, что этотъ налогъ чисто личный, взимаемый съ каждой ревизской души. Но въ дѣйствительности онъ вовсе не личный, онъ личный только на бумагѣ. Крестьяне раскладываютъ его, какъ и всѣ другіе лежащія на нихъ казенные и другіе сборы, по числу рабочихъ душъ въ каждой семьѣ и по имѣющемуся у нея, сообразно этому, тому или другому количеству земли. Во-вторыхъ, думаютъ, что этотъ налогъ очень тяжелъ для крестьянина, и самъ по себѣ, и главное, потому что онъ стѣсняетъ свободу его передвиженія, становить его въ этомъ случаѣ въ зависимость отъ общества. Относительно тяжести подушнаго налога, должно сказать, что если онъ, въ настоящее время, и тяжелъ крестьянамъ, то только условно... не самъ по себѣ, а потому же, почему, по выраженію гоголевскаго Осипа, «на пустое брюхо каждая ноша кажется тяжелой», потому что кромѣ подушнаго налога лежатъ на крестьянахъ другіе тоже душевные налоги, хотя и распределяемые крестьянами между собою по рабочимъ силамъ въ каждой семьѣ и количеству обрабатываемой ими земли. Таковъ государственный земскій сборъ, количество котораго съ крестьянъ до 1869 г. простиралось до 22 слишкомъ милліоновъ (см. «Обозрѣніе государственныхъ доходовъ и расходовъ Россіи» Заблоцкаго-Десятовскаго, 1869 г.); даѣе, оброчная подать, взимаемая съ государственныхъ крестьянъ, размѣръ которой съ крестьянъ въ упомянутой книгѣ исчисленъ слишкомъ въ 32 милліона. Въ настоящее время, всѣхъ прямыхъ податей взимается около 120 милліоновъ рублей. Полагая круглымъ числомъ количество ревизскихъ душъ, занимающихся земледѣіемъ, 22 милліона, а земель, находящихся въ рукахъ крестьянъ — 100 милліоновъ десятинъ, мы найдемъ, что прямыхъ податей на каждую ревизскую душу падаетъ около 5 р. 50 к. и на каждую десятину земли 1 р. 20 к. Еслибы ввели общій однообразный поземельный налогъ по 50 коп. съ десятины, то крестьяне платили бы съ своихъ земель только 50 милліоновъ рублей вмѣсто нынѣшнихъ 120 милліоновъ. Это доставить имъ большое облегченіе. Но свободы передвиженія они все таки не получатъ и будутъ въ этомъ положеніи зависими по прежнему отъ общества. Ибо на крестьянахъ, кромѣ поземельнаго налога, будутъ оставаться еще выкупные платежи, которые, какъ извѣстно, большію частью, выше стоимости земли и слѣдовательно, въ случаѣ неявки оглучившагося крестьянина и недоставленія имъ лежащихъ на немъ выкупныхъ за надѣлъ, не могутъ быть возмѣщены продажей его земли. «Биржевыя Вѣдомости» рекомендуютъ казнѣ не только сложить съ крестьянъ подушную подать, но и уменьшить въ нечерноземной полосѣ размѣръ выкупныхъ платежей, сдѣлавъ

*

ихъ вполнѣ соответствующими стоимости земли, а уплату излишка въ нихъ противъ этой стоимости, который крестьяне уплачиваютъ теперь ни за что, ни про что, принять на себя. Это было бы, конечно, большимъ облегченіемъ для крестьянъ, и я не могу не сочувствовать этому предложенію «Баржевыхъ Вѣдомостей» — но въ тоже время никакъ не могу сочувствовать «Московскимъ Вѣдомостямъ», которыя, держась своей стародавней завѣтной мысли, что всего лучше было бы, еслибы крестьянинъ сталъ совсемъ свободенъ отъ земли, горячо ратуютъ за освобожденіе крестьянъ отъ подушныхъ податей, хотя бы для этого пришлось сдѣлать заемъ въ 200 милліоновъ рублей, въ надеждѣ, что «милліоны людей были бы освобождены отъ закрѣпощенія податной общинѣ, которая парализуетъ ихъ и убиваетъ личную предприимчивость». Напрасная надежда! Крестьяне сами добровольно ищутъ закрѣпощенія этой податной общинѣ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда могли бы стоять внѣ всякаго вліянія общины, очень хорошо понимая, что закрѣпощеніе это если иногда и парализуетъ ихъ дѣятельность, то причина этого лежитъ не въ природѣ самой общины, а въ ея временной, случайной обстановкѣ и постановкѣ. Первое зло состоитъ въ злоупотребленіяхъ волостного начальства, которое, по причинѣ бездѣйствія и потворства ближайшихъ властей, поставляемыхъ надзирать надъ нимъ, какъ-то: бывшихъ мировыхъ посредниковъ и нынѣшнихъ непремѣнныхъ членовъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, или даже соучастія этихъ властей вмѣстѣ съ нимъ въ злоупотребленіяхъ, иногда дѣйствительно незаконно стѣсняетъ свободу передвиженія крестьянъ. Но съ этимъ, такъ сказать, домашнимъ зломъ, крестьяне еще могутъ справиться посредствомъ взятки. Заподрадившись на тѣ или другія работы, они берутъ впередъ у подрядчика денегъ, уплачиваютъ лежащія на нихъ казенные и общественные сборы, даютъ малую толику на подмазку волостного и другого начальства и отправляются благополучно на всѣ четыре стороны съ годовымъ паспортомъ. Но другое гораздо большее зло свободѣ передвиженія крестьянъ, съ которымъ послѣднимъ трудно и даже невозможно справиться, причиняютъ наши болѣе высокія установленія. Дѣйствуя разрозненно другъ отъ друга, руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ часто какими-нибудь односторонними цѣлями, вызванными случайными обстоятельствами, безъ соображеній того, какими послѣдствіями принятыя въ виду этихъ цѣлей мѣры отзвучатъ на крестьянскомъ быту, эти установленія кладутъ такой тормазъ на личную предприимчивость крестьянъ, что ведутъ ихъ прямо къ разоренію. Такихъ мѣръ можно бы было насчитать очень много, но я упомяну только о двухъ, о вредныхъ послѣдствіяхъ которыхъ для крестьянской предприимчивости недавно извѣщали газеты. Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» (№ 243), въ корреспонденціи изъ Суздаля, разсказывается слѣдующій случай: одинъ крестьянинъ, запасшись отъ своего сельскаго старосты свидѣтельствомъ, что никакъ не пре-

штатскій къ его увольненію нѣтъ, и двургривеннымъ, который при взятіи паспорта давался для подмазанія волостнаго начальства, явился къ сему начальству для полученія паспорта. Волостной старшина беретъ свидѣтельство сельскаго старосты и говоритъ: «Могу тебѣ выдать паспортъ, но только у насъ нинѣ новыя инструкціи отъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, которыя требуютъ, «чтобы лица-домохозяева, имѣющія на сельскихъ и волостныхъ сходахъ право голоса, куда-либо отлучающіеся, право голоса передавали кому-нибудь изъ своихъ однообщественниковъ, но съ тѣмъ, однако, чтобы никто изъ остающихся дома членовъ схода не имѣлъ на ономъ болѣе двухъ голосовъ — одного за себя, а другого по уполномочію». О такой передачѣ голоса ты долженъ заявить, а мы — записать въ особую книгу. Такъ ты кому передаешь свой голосъ?» Крестьянинъ назвалъ было одного крестьянина. «Нельзя, говоритъ старшина:—онъ уже получилъ другой голосъ»; назвалъ другого; та же исторія и т. д. Оказалось, передать голоса нѣкому и надобно оставаться дома. «Какъ же быть-то? говоритъ крестьянинъ. — А я было просилъ подрядчика дать мнѣ денегъ, когда ему принесу полугодовой паспортъ, на оброкъ и на семейныя нужды, подъ работы». — Постановленіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, очевидно, очень стѣснительно. По словамъ корреспондента, крестьянинъ съ полугодовымъ паспортомъ могъ бы заработать въ 6 лѣтнихъ мѣсяцевъ, навѣрное, 100 р., а теперь долженъ ихъ лишиться только потому, что нѣкому передать право голоса на волостныхъ и сельскихъ сходахъ, которыхъ, быть можетъ, за все это время и не будетъ. Въ виду такого раззорительнаго стѣсненія для крестьянъ, волостное правленіе сдѣлало представленіе въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, прося разрѣшенія на означенную неудобную въ практикѣ статью инструкціи губернскаго присутствія. Но уѣздное присутствіе, вмѣсто разрѣшенія, въ своемъ отвѣтѣ, только указало на ту же статью—тѣмъ дѣло и кончилось, а крестьяне продолжаютъ лишаться 100 р. потому только, что имъ нѣкому передать права голоса на сходахъ! Надобно полагать, что у губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія были какія-нибудь серьезныя причины, по которымъ оно постановило, чтобы крестьяне, отлучаясь, передавали свои голоса на сходахъ другимъ, остающимся дома, но чтобы изъ послѣднихъ никто не бралъ болѣе одного голоса. Но дѣлая подобное постановленіе, должно же было губернскаго присутствіе предварительно поразмыслить: какія послѣдствія можетъ имѣть это постановленіе? Кому же и думать объ этомъ, какъ не присутствію по крестьянскимъ именно дѣламъ! Но вотъ подите: даже присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ не имѣетъ столько къ нимъ вниманія, чтобы не дѣлать распоряженій, прямо раззорительныхъ для крестьянъ! Чего же ожидать отъ другихъ вѣдомствъ, болѣе далеко отстоящихъ отъ крестьянскихъ дѣлъ? Всѣмъ извѣстно, что назадъ тому годъ

или два, у насъ введены судебныя пошлины въ мировыхъ учрежденіяхъ. Когда явилась мысль объ этомъ и сталъ составляться проектъ, въ прессѣ неоднократно дѣлались замѣчанія, что мировая юстиція, какъ назначаемая, главнымъ образомъ, для простаго народа, должна быть непремѣнно даровая, что какъ бы ни были незначительны введенныя здѣсь пошлины, онѣ зачастую по крайней бѣдности народа, будутъ служить ему преградой для отысканія правосудія въ самыхъ настоятельныхъ, такъ сказать, кровныхъ искахъ и т. п. Но бывшій министр юстиціи, конечно, въ виду какихъ-нибудь высшихъ государственныхъ соображеній, желалъ непремѣнно введенія этихъ пошлинъ—и онѣ были введены. На практикѣ, разумѣется, оказалось именно такъ, какъ предсказывала пресса. Вотъ почитайте сообщаемое «Русскимъ Міромъ» свидѣіе, заимствованное имъ изъ «Недѣли». Дѣло происходитъ въ станицѣ Урюпинской въ Землѣ Войска Донскаго:

«На дняхъ къ мировому судѣ являлся крестьянинъ съ жалобой на нѣкое Манчульскаго, подрядчика, который не платитъ денегъ, въ количествѣ 57 рублей. Судья принимаетъ жалобу и требуетъ 57 коп. пошлины.

— Какихъ пошлинъ? изумленно спрашиваетъ истецъ.

— Законъ такой. Ищете 57 руб. — должны представить 57 коп. пошлины, по копейкѣ съ каждаго рубля.

Мужикъ безпокойно задвигалъ ногами.

— Пятьдесятъ семь копеекъ! бормоталъ онъ. — Ваше степенство! у меня теперича и копеечки нѣту!

— Безъ этого нельзя, отвѣчаетъ судья:—законъ такой. Если нѣтъ, поди работай. 57 коп. заработать не трудно.

— Да это што тамъ! Заработалъ бы... Это ничего... Да только работать-то намъ нельзя.

— Какъ работать нельзя?

— А такъ: паспорта нѣту... безъ паспорта не примуть. Монокрадство тутъ, ваше степенство, больше, такъ, значитъ, и не принимаютъ. Первымъ дѣломъ: паспортъ давай.

— Почему у васъ паспорта нѣтъ?

— Паспорта-то?! Паспортъ-то есть, да Манчульскій не даетъ. И паспорта, говорить, и денегъ тебѣ нѣтъ! Стали ему про твою милость толковать, а онъ. . . ступай, говорить, поколь етапомъ не проводилъ. Сейчасъ, говорить, свисту начальству—и пойдешь по етапу; потому, говорить, можеть, ты бѣглый казакъ Воровскій ужъ къ тебѣ то... ночью шлѣ... Ваше степенство! нельзя ли безъ пошлиновъ? Куда ми теперича пойдѣмъ? Схватать и погонять!

— Безъ пошлинъ нельзя... законъ такой! да еще 10 коп. за просьбу...

— Экое горе какое! Што жа теперича дѣлать-то? а? И домой идти нельзя... подушныя спросятъ...

Мужикъ растерянно вертитъ въ рукахъ дырявую шапку.

— А вамъ что угодно? обращается судья къ другому крестьянину.

— Да все тожъ, ваше степенство! Расчета Манчульскій не даетъ. Проработалъ, значитъ, ему всю весну и лѣто, а наослѣдокъ хомъ бы рублишко какой дасть...

— И паспорта тоже не даетъ?

— И паспортъ не даетъ. По етапу, говорить, такихъ-слѣхъ погоня. Разсудите, ваше степенство!

— Пошлины вы можете взнести?

— Нѣтъ, ваше степенство! не можемъ этого... Не тогда пошлины.. со вчерашнаго дня ничего не ѣли.

— Безъ пошлинъ нельзя.

— Какъ же теперьча быть-то?

Постояли-постояли мужики и вышли изъ камеры. Не знаю, прибавляетъ корреспондентъ, какъ они справились со своимъ дѣломъ; но, согласитесь, положеніе, дѣйствительно, безвыходное.

И такъ, у насъ всегда. Всѣ мы, повидимому, любимъ мужика, съ непритворнымъ сочувствіемъ говоримъ о его бѣдности и раззореніи; а на практикѣ то и дѣло предпринимаемъ и вводимъ разныя мѣры, служащія именно къ его обѣдненію и раззоренію, а потомъ, когда обѣдненіе и раззореніе доидеть до *plus ultra*, мы всю вину этого сваливаемъ то на дѣдность и пьянство мужика, то на злоупотребленія его самоуправленія, т. е. его волостного начальства. Какъ будто эти злоупотребленія были бы возможны, еслибы выбираемые нами мировые посредники и непремѣнные члены присутствія по крестьянскимъ дѣламъ исполняли внимательно свои обязанности, а иногда прямо не ловили бы сами рыбы въ мутной водѣ. При добросовѣстномъ и вполне внимательномъ отношеніи къ своему дѣлу мирового ли посредника или непремѣннаго члена никогда и подумать не могло бы дѣлать злоупотребленія волостное начальство.

Но обращаюсь снова къ моему предмету. Я сказалъ, что обложеніемъ удобныхъ земель по 50 к. съ десятины государство можетъ получать ежегодно по 125 милліоновъ рублей. Но въ дѣйствительности, цифра эта будетъ гораздо больше, потому что въ числѣ предположенныхъ мною 250 милліоновъ десятинъ удобной земли найдется, вѣроятно, 20 милліоновъ ¹ десятинъ, принадлежащихъ казнѣ. А на этой землѣ казна полный собственникъ и будетъ получать съ нея не ничтожную, только предположенную нами долю ренты, а всю ренту сполна. Если предположить эту ренту только въ 1 р. 50 к. съ десятины, то и въ такомъ случаѣ прибавится доходу къ исчисленному мною еще на 20 милліоновъ рублей. Но здѣсь я снова долженъ говорить о скачкахъ съ препятствіями. Исторія та же самая, что и по поводу облегченія свободы передвиженія крестьянамъ, которую и сейчасъ рассказаль. Казна, за неимѣніемъ денегъ, изъиски-

¹ Я говорю: *вроятно*, потому что сколько казна имѣетъ въ своихъ рукахъ земель, свѣдѣній нигдѣ нельзя найти. Въ докладѣ комиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства есть вѣдомость объ отданныхъ въ 1873 году въ аренду казенныхъ земляхъ, которыхъ показано, какъ увидимъ ниже, свыше 4.000,000 десятинъ. Но здѣсь поименованы только земли, съ которыхъ казна получаетъ доходъ, а у ней есть много земель, остающихся безъ обработки. Кромѣ того, въ вѣдомости значатся земли только по 49-ти губерніямъ Европейской Россіи; о земляхъ въ Сибири, на Кавказѣ, въ новоприобрѣтенныхъ въ недавнее время областяхъ, нѣтъ никакого указанія. †

васть всѣ возможные источники, какъ бы увеличить свои доходы. Объ этомъ, конечно, заботится изъ всѣхъ силъ и вѣдомство государственныхъ имуществъ. При такой заботливости и при общемъ недостаткѣ земли у нашихъ крестьянъ, при вздорожаніи повсюду арендныхъ платъ на землю, вѣдомство государственныхъ имуществъ должно бы было получать, повидимому, огромныя суммы на свои многочисленныя земли. Выходить совершенно наоборотъ. Тогда какъ частныя землевладѣльцы, отдающіе свои земли въ аренду, получаютъ огромный доходъ, вѣдомство государственныхъ имуществъ получаетъ доходъ самый ничтожный съ своихъ арендъ. Въ одной изъ прошедшихъ книжекъ журнала, я обратилъ на это обстоятельство вниманіе земствъ, предпологая, что они недостаточно заботятся объ интересахъ крестьянъ, не входить въ сношенія съ управленіями государственныхъ имуществъ съ предложеніемъ отдавать назначаемыя въ аренду земли крестьянамъ, имѣющимъ нужду въ земляхъ, не помогаютъ послѣднимъ въ взятіи аренды своими свѣдѣніями, содѣйствіемъ, и даже деньгами, необходимыми для залоговъ при торгахъ, или, по крайней мѣрѣ, ручательствомъ, что за исправную уплату денегъ за поземельные участки, взятые крестьянами по рекомендаціи земствъ, земства отвѣчаютъ передъ управленіемъ государственныхъ имуществъ. Оказывается, однакожь, что я взывалъ напрасно вину на земства. Земства, съ своей стороны, по крайней мѣрѣ, лучшія изъ нихъ — сдѣлали въ этомъ отношеніи все, что могли. Но вина тутъ — кто бы могъ подумать! — за самимъ вѣдомствомъ государственныхъ имуществъ. Оно само, и не далѣе, какъ за десять лѣтъ назадъ, проектировало такую мѣру, которая отнимаетъ у крестьянъ всякую возможность брать въ аренду казенныя земли. Прошу васъ обратитъ вниманіе на напечатанную въ нынѣшней книжкѣ нашего журнала корреспонденцію предсѣдателя мелитопольской земской управы г. Гофмана и прочесть ее внимательно. Изъ нея вы увидите, что въ прежнее время было предоставлено крестьянскимъ обществамъ брать въ оброкъ казенныя участки, какое бы количество десятинъ въ нихъ ни заключалось, безъ взноса *замовыхъ денегъ*, лишь по мірскимъ приговорамъ. А нынѣ съ 1869 г. законъ этотъ измѣненъ, и именно: право взятія въ оброкъ казенныхъ земель, хотя и распространено на все сельское сословіе (прежде имѣли это право только государственные крестьяне), но сдѣланы слѣдующія ограниченія: чтобы участокъ отстоялъ не болѣе 15 верстъ, чтобы срокъ не превышалъ 6 лѣтъ и чтобы приговоръ заставляющій залогъ, принимался въ суммѣ, *соразмерно числу душъ* всего общества, полагая на каждую душу только три рубля. Этотъ законъ, какъ видите, равносильнъ запрещенію крестьянскимъ обществамъ брать въ аренду казенныя земли. Потому что при возможности крестьянину ручаться только въ суммѣ 3 рублей, какой участокъ земли можетъ арендовать общество! Только

самый ничтожный. Общество въ 100 душъ можетъ дать ручательство всего въ 300 р.—въ 1000 душъ всего въ 3000 рублей. Если аренда по 3 рубля съ десятины, то всего достанется по одной десятинѣ на брата. Какими соображеніями могъ быть вызванъ этотъ стѣснительный законъ раззорительный и для крестьянъ, и еще болѣе для казны, какъ увидимъ ниже, даже представить трудно. Были что ли такіе случаи, когда крестьяне, взявши землю въ аренду, оказались несостоятельными для уплаты? Но еслибы такіе случаи дѣйствительно были и были даже не рѣдко, то для предупрежденія ихъ можно было найти много другихъ мѣръ, въ особенности въ 1869 году, когда уже существовало земство и когда крестьянамъ можно было отдавать въ аренду земли при посредствѣ земства подъ его ручательство за неисправную уплату крестьянами арендныхъ денегъ. Странно, какъ эта самая простая и естественная мысль не возникла при самомъ прозетѣ закона, а еще страннѣе, что она съ 1869 года не явилась до сихъ поръ, когда печальные результаты означеннаго закона слишкомъ очевидно заявили себя въ практикѣ. Г. Гофманъ прямо говоритъ, что аферисты-эксплуататоры народнаго труда, которые одни только вслѣдствіе новаго закона 1869 года и могутъ арендовать казенныя земли, дать казнѣ отъ рубля до 1 р. 50 к. за десятину, а сами по мелочамъ раздають арендованныя земли отъ 5 до 8 р. за десятину. Подумайте, сколько же теряетъ казна, отдавая свои земли въ аренду не непосредственно самимъ обработывателямъ земли крестьянамъ, а эксплуататорамъ-посредникамъ, не имѣющимъ, по выраженію г. Гофмана, ни плуга, ни овцы! Надобно полагать, что отъ этой именно мѣры, т. е. отъ устраненія крестьянъ отъ арендованія казенныхъ земель, и доходитъ казна отъ этихъ земель не показываетъ наклонности къ повышенію, стойтъ многие годы почти на одной цифрѣ, въ нѣкоторые даже падаетъ сравнительно съ предшествовавшимъ поступленіемъ.

Вотъ нѣсколько цифръ о движеніи этого дохода за разные годы.

Въ «Обозрѣніи государственныхъ доходовъ Россіи» г. Заблоцкаго-Десатовскаго доходовъ съ оброчныхъ статей по министерству государственныхъ имуществъ значится:

за 1867 г.	2.967,532
» 1868 »	3.207,820

Въ докладѣ бывшей комисіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства. . . .

» 1873 »	2.277,327
» 1877 »	3.500,000

Изъ этого вы видите, что доходъ отъ оброчныхъ статей въ 1877 году очутился почти на той же самой цифрѣ, на которой

стоятъ въ 1868 году, въ промежуткахъ же между 1868 и 1877 годами былъ, вѣроятно, какъ должно судить по цифрѣ 1873 годъ, постоянно ниже 1868 года. Какія были причины такого страннаго явленія, мы, конечно, судить не можемъ, не имѣя въ рукахъ нужныхъ для этого данныхъ; но думаемъ, что законъ 1869 года, устранившій крестьянъ отъ арендованія казенныхъ земель, во всякомъ случаѣ имѣлъ большее вліяніе на паденіе арендныхъ цѣнъ на казенныя оброчныя статьи. Изъ 4.093,303 десятинъ казенной земли, которыя показаны въ «докладѣ» коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи» отъ данныхъ въ оброкъ мы насчитали болѣе 2.000,000 десятинъ въ губерніяхъ черноземныхъ, въ томъ числѣ нѣкоторыхъ малоземельныхъ, гдѣ частныя арендныя цѣны на земли стоятъ очень высоко, достигая до 16 р. и болѣе. Судя по частнымъ арендамъ, казна могла бы получать въ этихъ губерніяхъ арендной платы за свои земли минимумъ по 3 р. за десятину и слѣдовательно имѣть отъ однихъ этихъ земель болѣе 6.000,000 р., а между тѣмъ, она со всѣхъ находившихся на арендѣ ея земель, т. е. четырехъ слишкомъ милліоновъ десятинъ, получила всего доходу 2.277,327 р. Разсматривая арендныя цѣны на казенныя земли по губерніямъ, какъ они показаны въ вѣдомости «Доклада», мы находимъ, что въ Курской Губерніи они были менѣе 3 р., въ Тамбовской около 3 р. 40 к., въ Харьковской около 1 р. 20 к., въ Саратовской и Таврической около 1 р., въ Самарской всего съ небольшимъ 40 к. Еслибы за такія не высокія цѣны казна отдавала свои земли въ аренду крестьянамъ, то я не сказалъ бы ни слова. Убытокъ фиска тогда былъ бы только видимый; ибо своими не высокими арендными цѣнами казна умѣрала бы очень высоко поднимаемыя и иногда совершенно искусственно цѣны частныхъ арендъ, и слѣдовательно косвенно поддерживала бы благосостояніе вообще крестьянъ. Но теперь, когда казна отдаетъ свои земли за невысокую цѣну аферистамъ, которые, по словамъ г. Гофмана, и берутъ эти земли только для того, чтобы за цѣну въ пять, въ 7 разъ большую, чѣмъ они сами платятъ, раздать эту землю крестьянамъ, казна не только сама несетъ громадный убытокъ въ фискъ, но и даетъ аферистамъ въ руки средство разорять крестьянъ и тѣхъ, которые берутъ у нихъ земли, а косвенно и другихъ, черезъ поддержку высокихъ цѣнъ на частныя аренды.

Въ заключеніе, я долженъ, впрочемъ, сказать, что обложеніе одинаковымъ налогомъ всѣхъ удобныхъ земель, правильная эксплуатация земель, находящихся въ рукахъ казны, все-таки никакъ не панацея противъ всѣхъ золъ. Налогъ на землю, какъ и всякій налогъ, не есть увеличеніе народнаго богатства, а только увеличеніе средствъ фиска. Но чтобы этотъ налогъ, равно какъ и другіе, были по силамъ платящихъ и постоянно увеличивались, а не уменьшались, необходимо немедленно позаботиться о поднятіи производительныхъ силъ страны. На первомъ планѣ

здѣсь должно стоять: увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, обращеніе казенныхъ ресурсовъ не на поддержку тѣхъ акціонерныхъ обществъ и банковъ, которые основываются иногда для отнятія у народа послѣднихъ заработковъ, иногда для поддержки цѣлей совершенно непронзводительныхъ, какъ это случилось до сихъ поръ, а на обезпеченіе мелкаго кредита народнаго, пересмотръ акціонной системы, которая оказывается ничѣмъ не лучше откупной: остается тоже поощреніе пьянства для выцпаго дохода казны, какъ было и прежде, тѣ же злоупотребленія и въ добавокъ къ тому чрезъ уничтоженіе мелкаго винокуренія руннируется повсѣду вмѣстѣ и скотоводство, и земледѣіе.

БОЛѢЗНЬ НИКОЛАЯ АЛЕКСѢВИЧА НЕКРАСОВА.

Я познакомился съ Николаемъ Алексѣвичемъ Некрасовымъ зимой 1872 — 1873 года, когда онъ пришелъ ко мнѣ посоветоваться о своемъ здоровьи; входя, какъ теперь помню, онъ обратился ко мнѣ съ словами: «Вы меня примите, отецъ, подъ свою команду, починайте». Починка въ это время оказалась не существенная; онъ чувствовалъ какую-то неловкость въ горлѣ, гдѣ, при изслѣдованіи, я нашелъ на задней стѣнкѣ глотки за лѣвой дугой затвердѣлую слизистую железу съ довольно живой краснотой въ окружности (*Pharyngitis granulosa*). Приэтомъ, я сдѣлалъ полный осмотръ тѣла и нашелъ, что организмъ для 52 лѣтъ сохранился изрядно; въ легкихъ — въ правой подключичной впадинѣ былъ небольшой выдохъ, который, видимо, зависѣлъ отъ стараго давно бывшаго процесса и не имѣлъ никакого значенія. Животъ представлялся нѣсколько вздутымъ, печень доходила до края реберъ и лѣвая доля, при поколачиваніи, чувствительной. Николай Алексѣвичъ ужь и тогда жаловался на неправильность кишечныхъ отправленій, вѣтры и наклонность къ запорамъ; все это дѣлалось съ нимъ зимой и зависѣло исключительно отъ сидячей жизни, потому что лѣтомъ, въ періодъ ружейной охоты, которой онъ всегда отдавался со страстью, кишечныя отправленія приходили въ полный порядокъ. Въ прошломъ у Николая Алексѣвича никакихъ болѣзней, кромѣ конституціональнаго специфическаго разстройства, не было, но на последнемъ слѣдуетъ остановиться. Въ 1853 году, Николай Алексѣвичъ имѣлъ затвердѣлую язву (*ulcus*), отъ которой лечился весьма небрежно и вовсе не принималъ ртути; черезъ годъ, у него появилось поражение гортани съ полной потерей голоса и кашлемъ, и рѣзкое похуданіе; врачъ, къ которому обратился Николай Алексѣвичъ, принялъ это за самостоятельное страданіе гортани и началъ лечить соот-

вѣтственно; больному все дѣлалось хуже и хуже, и въ маѣ 1855 года, онъ былъ высланъ въ Москву для питья искусственнаго Эмса. Но и курсъ Эмса дѣла не поправилъ и Николай Алексѣевичъ все болѣе и болѣе худѣлъ и слабѣлъ и, видимо, упалъ духомъ; на это указываютъ его стихотворенія, относящіяся къ этому періоду жизни, напримѣръ, «Замолчки муза мести и печали» и т. п. Изъ Москвы онъ вернулся въ Петербургъ въ гораздо худшемъ видѣ, чѣмъ уѣхалъ, и, почти потерявъ надежду на поправленіе, обратился за совѣтомъ въ извѣстному тогда практику-профессору Шинулинскому, который сразу опредѣлялъ специфичность страданія и началъ меркуріальное леченіе. Результатъ не замедлилъ оправдать діагностику врача и Николай Алексѣевичъ сталъ быстро поправляться, а по окончаніи леченія отправился за-границу, гдѣ прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ и, между прочимъ, совѣтовался съ Оппольцеромъ и Рикоромъ, которые оба нашли, что излеченіе было полное. И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ не появлялось никакого признака возврата бывшей болѣзни, и я, при своемъ осмотрѣ, не нашелъ ничего подозрительнаго; только какъ памятникъ прежней болѣзни, оставался значительно обезображеннымъ и не симметричнымъ зѣвъ и именно лѣвая задняя дуга была оттавута вверхъ, да голосъ Николая Алексѣевича былъ нѣсколько хриплый и не нормально беззвучный; затылочныхъ и шейныхъ железъ не было, паховыя же можно было прощупать, но и то съ трудомъ. Я прописалъ Николаю Алексѣевичу небольшія приемы ревеня съ содой внутрь и сталъ два раза въ недѣлю смазывать заднюю стѣнку глотки соединеніемъ іода, карболовой кислоты и глицерина; послѣ 4—5 помазывать, пораженіе глотки исчезло какъ субъективно, такъ и объективно; пищевареніе также значительно стало правильнѣе, но печень все представлялась нѣсколько увеличенной. Кромѣ того, въ веснѣ, Николай Алексѣевичъ сталъ жаловаться на вялость, апатію, нерасположеніе къ занятіямъ; всѣ эти жалобы достаточно объяснялись тѣмъ безалабернымъ образомъ жизни, который онъ велъ зимой: ночи онъ всѣ просиживалъ или въ клубѣ, или за письменнымъ столомъ, днемъ вставалъ поздно, пѣшкомъ совсѣмъ не ходилъ, въ пиццѣ также, несмотря на всѣ настоянія, часто случались погрѣшности. Въ виду всего этого, я посоветовалъ Николаю Алексѣевичу поѣхать на лѣто за-границу, а именно сказалъ 4 недѣли прожить въ Киссингенѣ и пять Ракоци, а потомъ, послѣ 2-хъ недѣльнаго отдыха, 3 недѣли купаться въ морѣ въ Діенпѣ. Онъ такъ и сдѣлалъ, и эта поѣздка настолько ему помогла, что онъ не только всю послѣдующую зиму (1873—1874) чувствовалъ себя вполне удовлетворительно, но и на лѣто 1874 года не встрѣтилось необходимости предпринимать какихъ бы то ни было врачебныхъ мѣръ. Но съ половины слѣдующей (1874—1875) зимы снова начались явленія вялой дѣятельности кишечнаго

канала и на этотъ разъ приняли нѣсколько иной характеръ, дававшій основаніе заключить, что задержка происходила или въ нижней части ободочной кишки, или въ прямой кишкѣ: Николай Алексѣевичъ всякое утро, просыпаясь, чувствовалъ позывъ на мѣзъ, который вызывалъ небольшое испражненіе, вскорѣ за которымъ слѣдовало обыкновенно такое же второе испражненіе и, наконецъ, послѣ кофе—третье; такъ-что въ каіе-нибудь 1½ часа было 3 испражненія, послѣ которыхъ всякій напоръ на прямую кишку прекращался и до слѣдующаго утра позывовъ не было; при этомъ самыя испражненія были форменны, правда, малы и узки, нормально окрашены, не вызывали никакихъ болей и не имѣли примѣси слизи и крови. Общее состояніе было хорошо, всѣ внутренніе органы нормальны; самая печень не представляла такого застойнаго увеличенія, какъ три года назадъ; только животъ былъ нѣсколько вздутъ, но, при изслѣдованіи, совершенно безболѣзненъ. Весной осматрѣлъ, вмѣстѣ со мной, Николая Алексѣевича профессоръ Боткинъ и, сообщая, было порѣшено, что лѣтомъ онъ будетъ пить 4 недѣли Мариенбадъ-Крейцбрунненъ въ своемъ имѣніи Чудово. Но едва я вернулся, въ сентябрѣ, въ Петербургъ, Николай Алексѣевичъ пришелъ ко мнѣ съ жалобами, что дурно провелъ лѣто, тогда какъ обыкновенно это время года, будучи постоянно на охотѣ, въ движеніи, на воздухѣ, привыкъ чувствовать себя прекрасно; Мариенбадъ дѣйствовалъ неудовлетворительно и не установилъ правильности испражненій, которыя совершались какъ и въ предъидущую зиму, утромъ въ 2—3 раза. Все это настроивало его на ипохондрическій ладъ и онъ жаловался на какое-то угнетеніе, вялость; между тѣмъ, никакихъ уклоненій ни въ внутреннихъ органахъ вообще, ни въ частности мѣстныхъ признаковъ полнокровія прямой кишки замѣтно не было. Я установилъ болѣе діететическое содержаніе, посоветовалъ массированіе живота и пить по утрамъ стаканъ зельцерской воды, прибавляя къ нему чайную ложку соды съ сѣрноокислымъ натромъ. Одно, на чемъ я никакъ не могъ настоять, это водяные клистиры, которые были у мѣста въ данномъ случаѣ, но Николай Алексѣевичъ къ нимъ чувствовалъ такое отвращеніе, что наотрѣзъ отказался ихъ испытать. Вся эта зима проходила для Николая Алексѣевича тяжелѣе предъидущихъ еще и потому, что одинъ изъ его главныхъ соредкторовъ по «Отечественнымъ Запискамъ», М. Е. Салтыковъ, будучи тяжело боленъ, долженъ былъ зимніе мѣсяцы провести въ южномъ климатѣ за-границей, и, вслѣдствіе этого, труды Николая Алексѣевича по редакціи значительно увеличились. Раза четыре въ зиму онъ посылалъ за мной, жалуюсь постоянно на какое-то неопредѣленное недомоганье, вялость, зябкость, неудовлетворительный сонъ; онъ называлъ это лихорадкой и приписывалъ простудѣ, тогда какъ при изслѣдованіи ничего лихорадочнаго не оказывалось и дѣло кончалось тѣмъ, что я гово-

ривалъ его выѣхать; пищеваренеіе носило все тотъ же беспорядочный характеръ и къ веснѣ изрѣдко стали проскальзывать дни, въ которые совсѣмъ не было испражнений. Нервное и гипохондрическое настроеніе видимо увеличивались, а въ половинѣ апрѣля Николай Алексѣевичъ въ первый разъ пожаловался на невралгическую боль въ лѣвой ягодицѣ, почти на половинѣ линіи, проведенной между 2-мъ крестцовымъ позвонкомъ и большимъ бугромъ бедренной кости. Боль эта была тупого, нскоюаго характера, являлась сначала не всякой день и на непродолжительное время, занимала очень ограниченное, почти точечное пространство и при давленіи не усиливалась. Такъ какъ наружныя втиранія нисколько не успокаивали больного, и связь этой боли съ ненормальнымъ отпавленіемъ прямой кишки была очевидна, хотя изслѣдованіе самой кишки не привело меня ни къ какому осязательному результату, то я вскорѣ и перешелъ къ наркотическимъ свѣчкамъ (изъ экстракта белладонны, индѣйской конопли—и наконецъ опіатнымъ), которыя вначалѣ нѣсколько прерывали боль. Въ маѣ я уѣхалъ въ деревню на двѣ недѣли и, когда возвратился въ Петербургъ на два дня передъ своей поѣздкой за границу, то Николай Алексѣевичъ тотчасъ же пришелъ ко мнѣ съ сугубыми жалобами на свою невралгическую боль; она стала и чаще, и продолжительнѣе, и острѣе, особенно по ночамъ, такъ что иногда заставляла его вскакивать съ постели, при чемъ, вскочивши, онъ становился на правую ногу, а лѣвую пригибалъ къ туловищу въ тазо-бедренномъ суставѣ подъ прямымъ угломъ и такъ оставался неподвижно нѣсколько секундъ, что ему доставляло облегченіе. Этого маневръ стоянья на одной ногѣ онъ употреблялъ и днемъ, когда являлась боль; ходьба же сама по себѣ боли не вызывала. Кроме того запоры за это время стали дѣлаться еще упорнѣе и проходило часто 2—3 дня безъ испражнений, несмотря на усиленные приемы ревеня. Все это побудило меня еще тщательнѣе изслѣдовать пальцемъ прямую кишку, но кромѣ значительнаго расширенія діаметра ея за наружной запирающей мышцей, я ничего не нашелъ; въ проходѣ находилась небольшая спавшаяся геморроидальная шишка давняго происхожденія; самый сфинктеръ не былъ спазматически сокращенъ, а потому изслѣдованіе у больного не вызвало особенной чувствительности. Тѣмъ не менѣе я тутъ же повторилъ Николаю Алексѣевичу свой настоятельный совѣтъ, заявленный мной и раньше, пригласить хирурга, чтобы произвести полное изслѣдованіе кишки эластическимъ бужомъ, такъ какъ во мнѣ все болѣе и болѣе укрѣплялось зловѣщее убѣжденіе, что какое-то органическое разстройство, вѣроятно, новообразование начинаетъ развиваться въ S образномъ перегибѣ (*flexura-sigmoidea*) или въ его окружности. Это убѣжденіе я высказалъ тогда же многимъ изъ близкихъ знакомыхъ Николая Алексѣевича. Затѣмъ Николай Алексѣевичъ со-

общилъ мнѣ свой планъ—на лѣто переѣхать въ Гатчино, лѣтнее пребываніе проф. Боткина, чтобы тамъ стать подъ непосредственное его наблюденіе; вполнѣ одобривъ это намѣреніе, я разстался съ Николаемъ Алексѣвичемъ, скорбно предчувствуя, что осенью встрѣчу его въ далеко худшемъ видѣ, чѣмъ теперь. Лѣтомъ доходили до меня рѣдкіе слухи, что Николаю Алексѣвичу все не лучше и что онъ въ августѣ виѣстѣ съ Боткиннмъ переѣхалъ въ Крымъ. Въ началѣ октября, когда я уже былъ въ Петербургѣ, вѣсти о здоровьи Николая Алексѣвича стали до того тревожны, что я, по просьбѣ друзей его, послалъ проф. Боткину телеграмму въ Крымъ съ запросомъ о ходѣ болѣзни. Огвѣтъ пришелъ довольно успокоительный, что, подъ вліяніемъ недавно начатыхъ меркуріальныхъ втираній, боли стали слабѣе и питаніе нѣсколько улучшается. Къ половинѣ октября, политическое положеніе въ Европѣ приняло угрожающій характеръ; Россія послала Турціи свой ультиматумъ въ защиту Сербіи, въ воздухѣ запахло войной и при такихъ условіяхъ оставаться въ Крыму сдѣлалось и неудобно, и не безопасно; Николай Алексѣвичъ, по совѣту проф. Боткина, долженъ былъ выѣхать и 30 октября вернулся въ Петербургъ и въ тотъ же вечеръ прислалъ за мной. Я ожидалъ, по слухамъ, найти его въ худшемъ положеніи; въ лицѣ онъ мало измѣнился и похудѣлъ, худоба же тѣла въ значительной степени скрывалась костюмомъ. Притомъ въ этотъ вечеръ вообще Николай Алексѣвичъ казался возбужденнымъ и даже какъ-то благодушно веселымъ, что достаточно объяснялось ощущеніемъ благополучнаго окончанія утомительныхъ мытарствъ по гостинницамъ и желѣзнымъ дорогамъ и удовольствіемъ чувствовать себя въ своей домашней комфортабельной обстановкѣ. Жалобамъ, правда, не было конца, и, по крайней мѣрѣ, съ часъ наливалъ онъ передо мной эпопею своихъ страданій, такъ что я за позднимъ часомъ и за усталостью его послѣ дороги отложилъ изслѣдованіе до слѣдующаго дня. Но самый рассказъ о ходѣ болѣзни за лѣто и осень мнѣ показывалъ, какъ она прогрессивно развивалась, и Николай Алексѣвичъ не могъ не видѣть этого прогрессивнаго ухудшенія и видимо сознавалъ, что дѣло его плохо. Со времени нашего послѣдняго свиданія, невралгическая боль постепенно усиливалась и передвинулась въ самый крестецъ, больше въ лѣвую его половину; иногда эта боль затихала и тогда на смѣну ей являлись не менѣе мучительныя отраженныя боли въ ягодицахъ и въ нижнихъ конечностяхъ, чаще и сильнѣе въ лѣвой, но не рѣдко и въ правой; эти отраженныя боли ощущались не на протяженіи всей ноги, а исключительно въ голено-стойномъ суставѣ. Самая продолжительность болей гораздо усилилась: бывали дни, когда свободныхъ отъ нихъ промежутковъ набиралось часа два въ сутки; сила ихъ достигала такой степени, что больной буквально не находилъ мѣста, такъ что нерѣдко, измученный жестокостью и

продолжительностью болей и нѣсколькими проведенными съ подрядъ бессонными ночами, онъ впадалъ въ полное отчаяніе и думалъ о самоубійствѣ. Кромѣ этихъ болей, больного съ половины лѣта начали мучить весьма болѣзненные и частые позывы на низъ, причѣмъ выводились или испражненія въ видѣ маленькаго кусочка, или разведенныя, а съ конца іюля часто съ при- мѣсью слизи, окрашенной кровью, иногда же чистая бѣлая слизь. Это выведеніе, всегда ничтожное по количеству, было крайне мучительно для больного; иногда ночами, во время прекращенія боли, онъ крѣпко засыпалъ и вдругъ просыпался отъ жестокой боли и позыва, и бросался на судно. Одновременно съ появленіемъ этихъ позывовъ стало легко прощупываться въ лѣвой под- вздошной ямѣ скопленіе твердыхъ каловыхъ массъ въ видѣ жесткой опухоли, которая, по мѣрѣ накопленія, видимо принимала болѣе твердую консистенцію и все сильнѣе и сильнѣе растяги- вала нижнюю часть спускающейся ободочной кишки. Тѣсная за- висимость болей въ крестцѣ и конечностяхъ отъ позывовъ об- наруживалась въ тѣ рѣдкіе періоды запоровъ, когда, послѣ слу- чайныхъ очень обильныхъ испражнений, позывы вдругъ совер- шенно прекращались и больной 6—8 дней не чувствовалъ ни- какого побужденія на низъ; тогда наступало для него блажен- ное состояніе, онъ высыпался ночи и отдыхалъ физически и нравственно, считая это за признакъ оборота къ лучшему; къ сожалѣнію, такихъ блаженныхъ періодовъ больной насчитывалъ не болѣе 3 или 4 за все это время. Силы Николая Алексѣевича были еще настолько изрядны, что на переѣздѣ въ экипажѣ изъ Ялты въ Симферополь онъ часто выходилъ изъ коляски и по 1½ часа шелъ пѣшкомъ; что же касается до творческой силы поэта, то она продолжала работать, не подчиняясь страданіямъ тѣла—доказательствомъ чему служитъ большая поэма въ 1800 стиховъ, написанная въ Ялтѣ и посвященная проф. Боткину. При объективномъ изслѣдованіи, сдѣланномъ мною на завтра послѣ приѣзда, я нашелъ новаго для себя только весьма рѣзкое похуданіе въ тѣлѣ, да упомянутую жесткую опухоль въ лѣвой подвздошной ямѣ, тянувшуюся по направленію кишки отъ верх- ней передней линіи подвздошной кости до лобкового бугра, не болѣзненную на ощупь, но вызывавшую при глубокомъ надавли- ваніи глухое, неприємное ощущеніе въ тазу; паховыя железы бы- ли также незначительны, какъ и прежде. Весь животъ былъ не- значительно вздутъ, безболѣзненъ, давалъ высокой тимпаниче- скій тонъ вездѣ, за исключеніемъ лѣвой подвздошной ямы, гдѣ былъ тупо-тимпаничный; при прощупываніи живота, легко вызы- вались видимыя глазами перистальтическія движенія въ отдѣль- ныхъ участкахъ толстыхъ кишечей. Языкъ былъ совершенно чистъ, аппетитъ весьма порядочный, больной охотно ѣлъ мясо, не было ни отрыжекъ, ни тошноты; въ самомъ животѣ Николай Алексѣевичъ болей никогда не чувствовалъ. Мое настоящее

желаніе изслѣдовать тотчасъ же прямую кишку, больной отклонилъ, прося подождать, потому что за время переѣзда изъ Крыма у него прекратились позывы, а потому и боли стали рѣже, и Николай Алексѣевичъ боялся нарушить свое относительное благосостояніе; да и я очень не настаивалъ, предполагая наткнуться на большія массы въ прямой кишкѣ, которыя могли помѣшать сдѣлать точное заключеніе. Характерны были еще явленія со стороны мочеиспусканія; позывы на низъ всегда сопровождались одновременнымъ позывомъ и отдѣленіемъ мочи; въ тѣ же періоды, когда позывы на низъ прекращались, какъ въ первое время послѣ пріѣзда больного въ Петербургъ, являлась замѣтная задержка мочеиспусканія; иногда ему долго, несмотря на желаніе и очевидное наполненіе пузыря, не удавалось помочиться. Лечение за лѣто заключалось въ постоянномъ употребленіи ревеня съ углекислой магнезіей, по 5 грамъ того и другого, три раза въ день по порошокъ; попытка леченія виноградомъ въ Крыму не удалась, виноградъ пучилъ, не разрѣшая. Кромѣ того, все лѣто и осень больной раза два въ день вставлялъ свѣчки, прописанныя профессоромъ Ботанинымъ изъ $\frac{1}{2}$ грана окиси цинка и $\frac{1}{4}$ грана воднаго экстракта опія, которыя нѣсколько успокаивали боль и давали отъ $1\frac{1}{2}$ до 2-хъ часовъ покойнаго сна, но и то не всегда. Меркуриальное леченіе профессоръ Ботанинъ началъ было тоже свѣчками изъ малыхъ дозъ меркуриальной мази съ опіемъ, но они вызывали такое мѣстное раздраженіе въ кишкѣ, что вскорѣ должны были быть прекращены — и тогда приступлено было къ меркуриальнымъ втираніямъ. Въ виду того, что это леченіе начато было не за долго до отъѣзда изъ Крыма, всего было сдѣлано 17 втираній и при этомъ никакихъ признаковъ насыщенія не произошло, десны были въ отличномъ состояніи, и я рѣшилъ ихъ продолжать въ ожиданіи скораго пріѣзда профессора Ботанина, чтобы условиться съ нимъ относительно дальнѣйшаго плана леченія и чтобы добиться какого нибудь результата, тѣмъ болѣе, что меркуриальное леченіе вполне было показано присутствіемъ сифилиса въ анамнестикѣ больного. Водяныхъ большихъ клистировъ Николай Алексѣевичъ боялся, потому что ихъ лѣтомъ пытались сдѣлать нѣсколько разъ, но всегда неудачно; вода тотчасъ же выливалась назадъ, очевидно, не проникая въ ободочную кишку и увлекая за собой только тотъ калъ, который спустился уже въ прямую кишку, такъ что облегченія это выведеніе не доставляло, а между тѣмъ сильно раздражало больного; такъ какъ, изъ словъ больного, я узналъ, что клистиры всегда ставились въ боковомъ лежащемъ положеніи, то я уговорилъ Николая Алексѣевича, при первомъ удобномъ случаѣ, произвести эту операцію въ положеніи на четверенькахъ. Случай къ тому вскорѣ представился; послѣ 12 дневнаго запора, вызваннаго переѣздомъ, скопленіе твердыхъ массъ въ подвздошной имѣ замѣтно увели-

чилось, опухоль стала жестче, шире, и массы стали прощупываться и въ верхней и средней частяхъ исходящей ободочной, а потому дальнѣйшая задержка дѣлалась рискованной, въ виду разрыва, и профессоръ Боткинъ сдѣлалъ самъ большой клистиръ въ position à la vache, результатъ котораго былъ весьма удовлетворительный, воды вошло много и больной разъ въ 15 вывелъ огромное количество массы, и былъ очень доволенъ; соответственно этому опорожненію, опухоль въ подвздошной амбѣ громадно уменьшилась, но все-таки можно было прощупать нѣсколько отдѣльных кусковъ въ формѣ грецкихъ орѣховъ. На завтра же, послѣ этого опорожненія, я сдѣлалъ изслѣдованіе прямой кишки и также въ position à la vache и нашелъ слѣдующее: палецъ, встрѣтивъ малое противудѣйствіе со стороны заиграющей мышцы, входилъ въ весьма расширенную кишку и, проходя далѣе, встрѣчалъ какъ бы опущенное въ кишку кольцо слизистой оболочки; въ серединѣ этого кольца (на высотѣ 6—7 сантиметровъ отъ задняго прохода) начиналось суженное мѣсто, въ которое едва проникала верхушка верхняго сустава указательнаго пальца; у самаго входа въ суженное мѣсто, палецъ встрѣтилъ три бородавки, величиной съ небольшою лѣсной орѣхъ, жестковатая, мало чувствительная и на широкомъ основаніи. Изслѣдованіе весьма раздражило больного, а потому я послѣшилъ его окончаніемъ, хотя къ выводу вполне для себя ясного и не пришелъ; самое вѣроятное казалось для меня тогда присутствіе у больного внѣдренія (invagination) верхней части прямой кишки въ среднюю, такъ какъ палецъ могъ обойти встрѣчаемое передъ суженіемъ кольцо вокругъ, совершенно какъ бы влагалитичную порцію матки, но за то, съ другой стороны, присутствіе 3-хъ бородавчатыхъ опухолей говорило за новообразование; а потому, желая точнѣе дифференцировать форму страданія, я просилъ Николая Алексѣевича допустить еще разъ изслѣдованіе черезъ хирурга — и онъ согласился безпрекословно, только, подъ впечатлѣніемъ недавняго раздраженія, пожелалъ отложить это изслѣдованіе на недѣлю. А между тѣмъ снова установился запоръ въ теченіи недѣли и вторичная попытка опорожнить больного большимъ клистиромъ не удалась; вода, промывая только прямую кишку, не проникала за суженіе и выливалась обратно, вызывая такое раздраженіе, что, послѣ 3-го такого клистира, Николай Алексѣевичъ на отрѣзъ отказался подвергаться имъ. Къ этому времени меркуріальныхъ втираній, перемежаемыхъ два раза въ недѣлю общими ваннами, было сдѣлано 40 и появившееся слюнотеченіе заставило прекратить ихъ, тѣмъ болѣе, что они не обнаружили никакихъ признаковъ, сколько нибудь поощрившихъ къ дальнѣйшему продолженію ихъ. Чтобы до нѣкоторой степени усилить мышечный тонъ кишки и противудѣйствовать задержанію каловыхъ массъ выше суженія, я рѣшился прибѣгнуть къ фардизаціи брюшныхъ покрововъ, и съ конца ноября

началъ фардизировать ежедневно по 10 минутъ и въ началѣ эффектъ былъ очень хорошій; послѣ первыхъ же сеансовъ стали выводиться обильныя массы и это выведение, хотя и сопровождаемое жестокими болями, подѣйствовало очень живительно на нравственное состояніе больного и снова подняло въ немъ угасшія надежды. Въ началѣ декабря, была устроена консультація съ профессоромъ Склифассовскимъ, на которой, кромѣ меня, находился еще докторъ Головинъ, наблюдавшій также больного во время его пребывания въ Крыму. Профессоръ Склифассовскій изслѣдовалъ больного въ position à la vache, при благоприятныхъ условіяхъ въ томъ отношеніи, что прямая кишка была свободна отъ каловыхъ массъ и что изслѣдование не было прервано появленіемъ болей; поэтому я тутъ же предложилъ профессору Склифассовскому, воспользовавшись этими благоприятными условіями, произвести одновременно и изслѣдование зеркаломъ, но онъ отвѣчалъ, что изслѣдование пальцомъ настолько доказательно, что мучить больного зеркаломъ считаетъ излишнимъ. Результатъ же своего изслѣдованія онъ передалъ намъ такъ: въ окружности верхней части прямой кишки находится опухоль, величиной съ яблоко, которая окружаетъ всю периферію кишки и, вѣроятно, причиняетъ ея приращеніе къ крестцовой кости, отчего эта часть кишки неподвижна; соотвѣственно мѣсту этой опухоли находится весьма значительное суженіе кишки, входъ въ которое нѣсколько маскируется висящей въ складкахъ слизистой оболочкою, такъ что, чтобы войти внутрь суженія, онъ долженъ былъ верхушкой пальца откинуть эту складку: суженіе же кишки весьма значительно, такъ что верхушка пальца едва въ него проникаетъ, при чемъ получаетъ ощущеніе бархатистости, указывающее на то, что слизистая оболочка внутри суженія лишена верхняго слоя. Для болѣе наглядности, профессоръ Склифассовскій нарисовалъ намъ на бумагѣ опухоль въ формѣ яблока, какъ она обхватываетъ кишку. Въ леченіи онъ совѣтовалъ держаться тѣхъ же палліативныхъ мѣръ (наркотическихъ, выводящихъ клистировъ, между прочимъ, масляныхъ) и имѣть въ виду операцію искусственнаго задняго прохода, когда непроходимость кишки будетъ абсолютная. Въ передачѣ своего мнѣнія больному, профессоръ Склифассовскій старался его какъ можно болѣе успокоить; но или въ его словахъ, или въ тонѣ проскользнуло что-то такое, что видимо сдѣлало на Николая Алексѣевича тяжелое впечатлѣніе и онъ снова захандрилъ послѣ его отъѣзда. Къ этому присоединялась еще новая нравственная тревога: поэма, написанная въ Крыму, встрѣтила препятствія къ напечатанію; это былъ для него неожиданный ударъ, и я помню, какъ онъ встрѣтилъ меня однажды словами: «Вотъ оно, наше ремесло литератора! когда я началъ свою литературную дѣятельность и написалъ первую свою вещь, то тотчасъ же встрѣтился съ ножницами; прошло съ тѣхъ поръ 37

лѣтъ и вотъ я, умирая, пишу свое послѣднее произведеніе и опять таки сталкиваюсь съ тѣми же ножницами!» Какъ ни старались успокоить его друзья, онъ очень горчился и нѣсколько разъ принимался за передѣлки поэмы, пользуясь короткими промежутками между страшными болями, и записывая стихи на отдѣльныхъ листахъ бумаги. Тяжелое впечатлѣніе производила исхудалая фигура Николая Алексѣевича во время болей, прикрытая всегда одной только длинной, спускавшейся до коленъ, рубашкой—тогда онъ буквально не находилъ мѣста, или вскакивалъ и ходилъ съ палкой по комнатамъ, или становился на четвереньки на постели, или ложился, но и лежа, не могъ оставаться покойно 10 минутъ, а находился въ постоянномъ движеніи, поднимая то ту, то другую ногу вверхъ; слѣдуетъ замѣтить, что тотчасъ же по прѣздѣ изъ Брыма Николай Алексѣевичъ почувствовалъ рѣшительную невозможность садиться, потому что сидячее положеніе вызывало тотчасъ же позывъ на низъ и боль. Свѣчка изъ цинка и опія успокоивала больного частью на часъ времени, но у него было такое отвращеніе отъ наркотическихъ средствъ, и боязнь за нарушеніе ими свѣжести головы, что его никакъ нельзя было убѣдить вставлять ихъ чаще двухъ разъ въ день, или же увеличить дозу въ каждой свѣчкѣ, а между тѣмъ, при частомъ изверженіи, часто случалось, что вставленные свѣчки выходили назадъ не совсѣмъ всосавшись; поэтому мы въ декабрѣ замѣнили ихъ инъекціями въ прямую кишку изъ маленькой спринцовки съ 3-ми каплями опійной настойки, производя ихъ также два раза въ сутки. При почти ежедневной электризаціи, въ декабрѣ испраженія совершались такимъ образомъ: дней 5—7 выводилось раза по 3 или 4 въ ничтожномъ количествѣ кала, иногда же слизь, чуть чуть окрашенная кровью и тогда можно было наблюдать, какъ постепенно массы накаплились и уплотнѣвали въ нисходящей ободочной кишкѣ и какъ затѣмъ накопленіе начинало обрисовываться въ поперечной ободочной причѣмъ контуръ послѣдней, подъ тяжестью массъ, давалъ искривленіе въ средней своей части къ низу, то есть къ пупку, и ясно принималъ тагъ называемую М—образную форму; вообще крайнее исхуданіе больного давало возможность не только легко слѣдить за накопленіемъ массъ, но и наблюдать передвиженіе ихъ въ толстыхъ кишкахъ подъ вліяніемъ тока во время сеанса. Послѣ 5—7 дней такой задержки, начиналось крайне обильное изверженіе въ 15—25 приемовъ, сопровождаемое такими жестокими болями, что больной въ это время не ѣлъ, не спалъ, и рѣшительно не могъ ничѣмъ заняться; отхождение вѣтровъ, вообще довольно частое, сопровождалось при проходѣ черезъ служеніе болями такими же сильными, какъ и проходеніе кала. Неоднократно произведенное микроскопическое изслѣдованіе выводимой слизи не дало ничего характернаго. Съ состояніемъ духа Николая Алексѣевича и со-

знаніемъ полной безнадежности своего положенія, лучше всего знакомать тѣ стихотворенія, которые онъ написалъ въ декабрѣ для январьской книжки «Отечественныхъ Записокъ» и которые явились потомъ подъ заглавіемъ «Послѣднія гѣсни». Такъ наступилъ 1877 годъ, начало котораго не ознаменовалось ничѣмъ особеннымъ, только усиленной частотой позывовъ и, вслѣдствіе этого, большей продолжительностью и интенсивностью болей, что заставило насъ дойти постепенно до удвоенной порціи опійныхъ спринцованій; больной шелъ не охотно на эту прибавку, боясь, какъ я уже сказалъ выше, вреднаго вліянія опія на свои умственные способности, и поэтому мы часто умышленно скрывали отъ него количество влитыхъ кашель. Выведеніе крови стало чаще и иногда она стала являться не только въ жидкомъ видѣ, но и въ видѣ свертковъ. Позывы около 10-го января стали до того часты, что больной почти постоянно лежалъ, потому что даже попытка встать вызвала позывъ и ничтожное, но весьма болезненное выдѣленіе. Наступило время, когда дней десять совсѣмъ не было каловыхъ испраженій, животъ сдѣлался вздутымъ, appetite меньше, появилось слюнотеченіе, небольшая тошнота и рѣдкая, но глубокая и продолжительная отрыжка. 18-го января за мной прислали вечеромъ, потому что больной очень страдалъ; двѣ столовыя ложки кастороваго масла, принятыя до меня скорѣе *en desespoir de cause*, естественно не оказывали ни малѣйшаго дѣйствія, и я увидѣлъ настоятельную необходимость предпринять что-нибудь болѣе рѣшительное, чтобъ предотвратить могущій произойти механической *ileus*. Поэтому я уговорилъ больного дать мнѣ попытаться пройти черезъ суженное мѣсто эластическимъ наконечникомъ ирригатора, чтобы провести воду выше суженія для размягченія массы и выведенія ихъ наружу. Поставивъ больного на четвереньки, я тщетно старался попать верхушкой въ суженіе, пущенная вода, наполняла только, какъ и прежде, часть ниже суженія и выливалась обратно. При этой попыткѣ я опредѣлялъ введеннымъ пальцемъ, что число карстовъ въ входѣ въ суженіе увеличилось, но величина ихъ все не превосходила небольшого гѣснаго орѣха. Боясь безплодно измучить больного, я прекратилъ свою попытку, далъ довольно большой приемъ сложнаго ревеннаго экстракта на ночь и сказалъ больному пригласить на завтра же проф. Богдановскаго, котораго я уже раньше предупредилъ, чтобы онъ не откладывалъ своего визита, когда за нимъ пришлетъ Николай Алексѣевичъ. Я съѣхался на завтра же съ проф. Богдановскимъ, и онъ, обстоятельно изслѣдовавши пальцемъ кишку и нашедши, что верхушка перваго членика указательнаго пальца можетъ пройти въ стриктуру, пришелъ къ тому же заключенію, что необходимо попытаться провести воду черезъ суженное мѣсто и лучше всего посредствомъ тонкаго желудочнаго зонда; на что и назначилъ слѣдующій день. На завтра попытка эта вполнѣ удалась; проф.

Богдановскій, контролируя и помогая указательнымъ пальцемъ правой руки, ввелъ лѣвой рукой тонкій эластическій желудочный зондъ въ суженіе и провелъ дюйма два внутри его; все это сопровождалось весьма мучительными болями для больного. и особенно присутствіе праваго указательнаго пальца въ прямой кишкѣ, который онъ безпрестанно просилъ вывести вонъ. Пущенная изъ ирригатора тепловатая вода пробиралась весьма медленно, не тѣмъ не менѣе удалось провести около пяти стакановъ ея, прежде чѣмъ больной почувствовалъ позывъ, а по вынутіи зонда, выпустилъ часть жидкости, густо насыщенную каломъ, обратно. Вся процедура вставленія зонда и впусканія воды заняла полтора часа времени, причемъ, больной все это время долженъ былъ оставаться въ кровати на четверенькахъ и, къ удивленію моему, очень мало этимъ утомился; притомъ относительно свободное проведеніе зонда весьма успокоительно подействовало на Николая Александровича, потому что онъ начиналъ уже бояться, что проходимость кишки была совершенно прекращена. Въ теченіи 6 дней съ подрядъ мы продолжали вливать воду черезъ зондъ съ одинаково успѣшнымъ результатомъ и въ общемъ итогѣ массъ было выведено за это время огромное количество, что доставило больному небывалое облегченіе, промыванія дѣлались ежедневно частью потому, что опорожненія при нихъ совершались по разу или по два въ день и въ большомъ количествѣ, а не разбивались, какъ прежде, на 10—15 разъ и соотвѣтственно этому, рѣже вызывались и боли, и частью же потому, что у насъ была маленькая надежда, въ которой, впрочемъ, скоро пришлось разочароваться, расширить суженіе путемъ постепеннаго механическаго растяженія. Больной первое время подчинялся промывкамъ, несмотря на муки при проведеніи зонда, безпрекословно, потому что чувствовалъ, какъ онѣ его облегчали; и едва ли я преувеличу, сказавши, что этотъ мѣсяцъ, съ 20-го января и приблизительно до 20-го февраля, былъ относительно самымъ покойнымъ за все время болѣзни Николая Александровича до операціи искусственнаго прохода. Пользуясь этимъ облегченіемъ, мы сдѣлали еще попытку повліять внутренними средствами на патологическій процессъ въ кишкѣ; выписанъ былъ іодистый калий въ растворѣ (по 5 гранъ 2 раза въ день), но послѣ 1½ недѣль появилось раздраженіе въ зѣвѣ, носу, тяжесть головы и больной не согласился принимать далѣе. По счастью, это значительное физическое облегченіе страданій совпало съ тѣмъ высокимъ подъемомъ духа, который произошелъ въ Николаѣ Александровичѣ за это время. Появившіяся въ январской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» его «Послѣднія пѣсни», говорившія о его страданіяхъ, вѣроятности близкой смерти и проводившія, между прочимъ, мысль о томъ, что онъ умираетъ чуждымъ народу, вызвали огромное сочувствіе къ его страданіямъ и горячій протестъ противъ послѣдней мысли какъ въ

журналистикѣ, такъ и въ публикѣ. Всѣ органы печати, наперерывъ одинъ передъ другимъ, высказывали свои соболянванія къ его страданіямъ и говорили объ огромномъ значеніи его литературной дѣятельности; но къ подобной печатной оцѣнкѣ своего таланта, какъ бы ни была она лестна для него, онъ все-таки болѣе или менѣе привыкъ; гораздо болѣе поразилъ его своею неожиданностью взрывъ общественнаго сочувствія къ нему, выразившійся непосредственно: ежедневно сталъ получать онъ массу писемъ и телеграммъ, то единичныхъ, то коллективныхъ, изъ разныхъ мѣстъ и часто глухихъ закоулковъ Россіи, изъ которыхъ онъ могъ заключить, какъ высоко цѣнить его родина и какими огромными симпатіями повсемѣстно пользуется въ ней его талантъ. При всей скрытности своего характера и необыкновенномъ умѣнии владѣть собой, онъ не могъ не выражать ясно, какъ всѣ эти манифестаціи его трогали и возвышали въ собственныхъ глазахъ. Разъ какъ-то, показывая мнѣ двѣ телеграммы, полученные имъ въ это утро изъ Ирбита, онъ сказалъ: «Часто намъ приходилось въ журналистикѣ говорить, что мы не знаемъ совсѣмъ нашего подписчика, и какого онъ мнѣнія о нашей дѣятельности, а вотъ онъ теперь для меня и открывается!» Возбужденный этими манифестаціями, онъ сдѣлался гораздо разговорчивѣе, охотно сталъ вспоминать и рассказывать различные эпизоды своей жизни (не исключая и тѣхъ темныхъ, которые пятнами лежали на его жизни, и которыя теперь онъ старался видимо облѣпить), свои отношенія къ различнымъ нашимъ знаменитостямъ; подъ влияніемъ наплыва этихъ воспоминаній, онъ остановился на мысли составить свою біографію и лихорадочно приступилъ къ этому такимъ образомъ: частью онъ диктовалъ самъ, пользуясь всѣмъ свободнымъ отъ боли часомъ, то брату Константину Алексѣевичу, то сестрѣ Аннѣ Алексѣевнѣ, иногда даже ночью будилъ ихъ и заставлялъ писать подъ свою диктовку; частью же передавалъ устно тотъ или другой эпизодъ своей жизни кому-нибудь изъ друзей и просилъ его литературно обработать его и написать. Въ то же самое время онъ редактировалъ и выпустилъ въ свѣтъ отдѣльное изданіе своихъ послѣднихъ пѣсенъ; наконецъ, онъ тогда же сочинилъ (впрочемъ, начало было имъ написано нѣсколько лѣтъ раньше) свою поэму «Мать» и стихотвореніе «Баюшка-Баю», появившееся въ мартовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», изъ котораго публика, какъ изъ бюллетеня, могла усмотрѣть, что здоровье поэта все плохо и что опасность близкой смерти его не устранена. Оно такъ и было на самомъ дѣлѣ. Значительное облегченіе, доставленное первыми большими промывками и продолжавшееся около мѣсяца, постепенно стало исчезать, тѣмъ болѣе, что мучительная процедура ихъ дѣлалась все тяжелѣе для Николая Алексѣевича и онъ сталъ чувствовать къ намъ большое отвращеніе; всякій разъ требовались съ нашей стороны большія усилія, чтобы уговорить на производство

ихъ, и то намъ приходилось дѣлать ихъ иногда разъ въ недѣлю, иногда и того рѣже, но никогда мы не могли добиться, чтобы промыть два дня къ ряду; всѣ же однократныя промывки выводили все меньше и меньше испражнений, и не облегчали больного. Для насъ, врачей, становилось очевиднымъ, что наступаетъ время самаго крайняго средства, чтобы продлить жизнь больного, т. е. операціи искусственнаго задняго прохода; глухой намекъ, сдѣланный на нее больному, крайне раздражилъ его и онъ наотрѣзъ объявилъ, что предпочитаетъ умереть, чѣмъ подвергаться еще мученіямъ этой операціи; мнѣ насилу удалось его успокоить и затѣмъ пришлось прекратить всѣ дальнѣйшія попытки возвратиться къ этому вопросу. Оставивъ Николая Алексѣевича въ покоѣ, я обратился къ сестрѣ его. Аннѣ Алексѣевнѣ Буткевичъ, страстно любившей брата, и какъ къ лицу наиболѣе энергичному между близкими, и предупредилъ о неизбѣжности операціи, прибавивъ, что операція не вылечитъ больного, а только на нѣкоторое время продлитъ жизнь его и устранить вѣроятность мучительнѣйшаго исхода, слѣдующаго за абсолютной непроходимостью кишки—исхода, который неотразимъ безъ помощи операціи. Сестра поняла неизбѣжность операціи и тотчасъ же, по чьему-то совѣту, написала одному знакомому врачу въ Вѣнѣ просьбу вступить въ переговоры съ извѣстнымъ вѣнскимъ хирургомъ, профессоромъ Билльротомъ, не согласится ли онъ пріѣхать въ Петербургъ для производства операціи. Когда она мнѣ сообщила свой планъ о приглашеніи Билльрота, я призналъ его неосуществимымъ, говоря, что Билльротъ не пріѣдетъ, будучи очень занятъ въ Вѣнѣ, и въ подтвержденіе указалъ на то, что вѣнскій же профессоръ Бамбергеръ, по слухамъ, приглашался въ декабрѣ въ Кишиневъ на консультацію къ Великому Князю Николаю Николаевичу и отказался пріѣхать за неимѣніемъ времени. Вскорѣ послѣ этого г-жа Буткевичъ передала мнѣ отвѣтъ ея корреспондента изъ Вѣны, что Билльротъ уѣхалъ въ Италію, и потому переговоры съ нимъ не состоялись. А между тѣмъ, состояніе Николая Алексѣевича все ухудшалось; еще 3-го марта онъ, въ присутствіи Пыпина, Богдановскаго и меня, продекламировалъ намъ, лежа въ постели, свое только-что написанное стихотвореніе: «Баюшки-баю», и съ тѣхъ поръ, болѣе полугода не принимался за стихотворную работу. Боли въ это время усилились до того, что больной, наконецъ, вынужденъ былъ постепенно увеличивать количество опія въ спринцованіяхъ и къ половинѣ марта дошелъ до 9 капель 3 раза въ день, но и это количество давало самое кратковременное успокоеніе, а, между тѣмъ, возбуждало и энергировало его страшно. Раздражительность его достигла крайнихъ предѣловъ, и онъ, приписывая ее исключительно опію, рѣшился силой своей энергіи снова убавить количество и дошелъ до 15—16 капель въ сутки, хотя боли были такъ велики, что

онъ часто кричалъ, или же по часамъ танулъ громко какую-то однообразную ноту, напоминавшую бурлацкую ноту на Волгѣ. Наконецъ, и та рѣдкая промывка кишекъ, которая намъ доставалась съ такимъ трудомъ, а больному съ такими мученіями, часто стала совсѣмъ не удаваться, потому что зондъ ущемлялся при самомъ входѣ въ суженное мѣсто и при первомъ же напорѣ воды конецъ его перегибался и съ силой выкидывался назадъ, такъ что выше суженія воды или вовсе не попадало, или попадало такъ мало, что результаты выведенія были ничтожныя. Богдановскій сдѣлалъ послѣднюю попытку пройти эластическимъ бужомъ для моченспускательнаго канала съ оливкой на концѣ и выбралъ для этого 14 или 15 номеръ, по мѣркѣ Шаррьера, но и этотъ бужъ не помогъ провести воду дальше суженія, а изогнувшись, вышелъ обратно. Стало очевидно, что дальѣе леченіе бужами не могло идти, они буквально упирались въ стѣну. Положеніе дѣлалось безвыходнымъ, и Николай Алексѣевичъ хорошо понималъ это, хотя ничего не говорилъ. Я помню, что 2-го апрѣля, въ вечеръ послѣдней безуспѣшной попытки пропустить воду при посредствѣ тонкаго бужа, я разсказывалъ подробно объ этой неудачѣ одному изъ ближайшихъ друзей больного А. М. У—му и, на вопросъ послѣдняго: «Что же будетъ дальѣе?» отвѣчалъ: «Николай Алексѣевичъ самъ ясно видитъ, что кишку перетянуло совсѣмъ и выхода нѣтъ, и что остается или пустить себѣ пулю въ лобъ или рѣшиться на операцію—и я увѣренъ, что онъ надняхъ заговоритъ самъ объ операціи». Предсказаніе это не замедлило оправдаться: на завтра же, когда я пріѣхалъ, Николай Алексѣевичъ тотчасъ же самъ повелъ рѣчь о необходимости, хотя бы операціей освободиться отъ испражнений: «Ну, дѣлайте дыру, что ли? вѣдь не могу-жъ я долѣе такъ оставаться?» Я тутъ же, по просьбѣ больного, написалъ записку профессору Боткину, чтобы и онъ пріѣхалъ сказать свое послѣднее слово—и мы на слѣдующій день съѣхались вмѣстѣ (Боткинъ, Богдановскій и я) — и профессоръ Боткинъ уговаривалъ больного сдѣлать операцію черезъ день, т. е. въ среду, 6-го апрѣля, чтобы и онъ могъ присутствовать при ней, потому что въ четвергъ долженъ былъ выѣхать изъ Петербурга въ Кишиневъ съ Государемъ. Николай Алексѣевичъ видимо колебался дать рѣшительный отвѣтъ, тѣмъ не менѣе, мы уѣхали, постановивши быть операціи въ среду, но на завтра же утромъ больной объявилъ, что онъ проситъ отложить операцію еще на день. Въ тотъ же вечеръ, г-жа Буткевичъ получила письмо изъ Вѣны отъ Вилльрота, соглашавшагося пріѣхать въ Петербургъ для производства операціи, съ обязательствомъ пробыть три послѣдующіе за ней дня. Такъ какъ Николай Алексѣевичъ находилъ условія Вилльрота для себя не обременительными (15,000 прусскихъ марокъ) и видимо, подъ влияніемъ сестры, былъ за вызовъ его, то профессору Богдановскому и мнѣ ничего

не оставалось, какъ согласиться на это рѣшеніе; поэтому на завтра же была составлена отвѣтная телеграмма Билльроту, чтобы онъ немедленно же выѣзжалъ, и что требуемая операція есть вырѣзаніе прямой кишки, какъ онъ писалъ въ своемъ письмѣ, а *colotomy*, т. е. операція искусственнаго задняго прохода. Всѣ эти дни до операціи, состояніе больного было сносное: онъ ѣлъ съ аппетитомъ, хотя немного изъ боязни черезчуръ переполнить кишки; позывы отъ 7—10 разъ въ день, причемъ выходила или бѣлая прозрачная слизь, или болѣе или менѣе окрашенная кровью, и часто съ гнилостнымъ запахомъ; боли въ крестцѣ и конечностяхъ также были относительно умѣренны; животъ значительно вздутый и отъ наполненія газами каловыя массы прощупывались не ясно, хотя по день операціи прошло 20 сутокъ, какъ больной не имѣлъ каловыхъ испражнений; значительное слюнотеченіе, небольшая тошнота и глубокая отрыжка безъ вкуса; наканунѣ операціи появились въ полости рта нѣсколько бѣлыхъ бляшекъ плесени (*зоог*). Въ понедѣльникъ вечеромъ, проф. Билльротъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ тотъ же вечеръ я, бывши у него, подробно передалъ исторію болѣзни, а на завтра утромъ, 12-го апрѣля, привезъ его въ 8 часовъ къ больному; онъ сдѣлалъ быстро, чтобы не мучить больного, изслѣдованіе пальцемъ прямой кишки и, переговоривши съ пр. Богдановскимъ о нѣкоторыхъ необходимыхъ приготовленіяхъ къ операціи, условился произвести ее въ 1 часъ того же дня. Въ назначенное время, мы всѣ собрались, явились ассистенты и было немедленно приступлено къ хлороформированію больного, а по захлороформированіи онъ былъ перенесенъ въ другую комнату, гдѣ и была произведена операція искусственнаго задняго прохода въ задней поверхности нисходящей ободочной кишки. Подробное производство операціи было изложено кѣмъ-то изъ присутствовавшихъ хирурговъ въ № Врачебныхъ Вѣдомостей¹. Скажу только коротко для не читавшихъ этого описанія, что разрѣзъ, начавшись на подмышковой линіи, приблизительно на срединѣ между послѣднимъ ребромъ и передней верхней остью подвздошной кости, шелъ вертикально къ позвоночнику и не доходилъ до него примѣрно на 3 поперечные пальца. Покровы и мышцы были вскрыты разомъ, а не послѣдно; отъисканіе кишки было затруднительно, такъ что пр. Билльротъ, по ошибкѣ, сдѣлалъ небольшой разрѣзъ въ брюшинѣ, на ко-

¹ Вообще я считалъ здѣсь важнымъ сдѣлать нѣкоторую оговорку. Какъ хирургъ, я не рѣшаюсь подробно распространяться ни о производствѣ операціи, ни о послѣдующемъ ходѣ операціонной раны, рискуя пропустить что-нибудь существенное. Я со дня операціи считалъ свою миссію совершенно оконченной и думалъ сдать Н. А. на руки хирурговъ, и остался при этомъ только по настоятельной просьбѣ больного не покидать его. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что начавшаяся война вызвала почти всѣхъ хирурговъ на театръ военныхъ дѣяній.

торую наложили тотчас же 3 шва; только при нажатии рукой однимъ изъ ассистентовъ на лѣвую подвздошную яму, кишка опредѣлилась яснѣе, была вскрыта и пришта къ наружному отверстию раны. Я замѣтилъ, что операція по часамъ продолжалась 25 минутъ; захлороформированіе было полное, больной ничего не чувствовалъ и пришелъ въ сознание только тогда, когда все было кончено. На наружную рану было положено 3 кровяныхъ шва, а между ними нѣсколько полосокъ линаго пластыря. Замѣчательно, что тотчасъ послѣ операціи не вышло каловыхъ массъ, до того кишки, вслѣдствіе своей растянутости, утратили обратительность. Вильротъ и Богдановской согласились сѣзжаться на перевязки 3 раза въ день: утромъ, среди дня и вечеромъ; я же увидалъ больного только на завтра, среди дня, и нашелъ его покойнымъ, почти безъ лихорадки (38,2, а въ день операціи вечеромъ было 37,5), съ жалобой на легкое жженіе на мѣстѣ раны и на ночь, проведенную безъ сна. Вообще же онъ принималъ меня дружелюбно, какъ всегда, но какъ-то сосредоточено, говорилъ шепотомъ и отвѣчалъ односложно на вопросы, однакоже, выразилъ свое полное удовлетвореніе, что все такъ благополучно кончилось. Одно его продолжало смущать, что, несмотря на то, что при всякой перевязкѣ Вильротъ выпускалъ черезъ новое отверстіе въ кишку большое количество воды, вода эта не вызвала обильныхъ изверженій, какихъ бы надо было ожидать послѣ слишкомъ 20 дневной задержки, а возвращалась только окрашенной назадъ. На завтра, т. е. на 3-ій день операціи, состояніе было тоже, самочувствіе хорошо; температура вечеромъ 2-го дня—39,2, но къ утру 3-го дня уже упала до 37,2, среди дня 37,6, а къ вечеру этого дня 37,4 и уже болѣе лихорадочныхъ движеній не давала; больной все-таки не спалъ ночь, хотя мѣстно никакихъ болей не было; изъ прямой кишки выливалось черезъ каждые $\frac{1}{2}$ —1 часа около чайной ложки слизи, или бѣлой прозрачной, или съ каловой окраской, но теперь это выхожденіе совершалось почти безъ всякой потуги и боли, чѣмъ существенно отличалось съ дооперационнымъ периодомъ; вечеромъ въ этотъ день, въ 1-й разъ пр. Вильроту, когда онъ, выпустивши около 3-хъ стакановъ воды въ кишки черезъ искусственное отверстіе, началъ растирать животъ намастерной ладонью, удалось вызвать обильное густое изверженіе черезъ новый проходъ, что очень обрадовало больного; при выходѣ этихъ массъ у него сдѣлалась длинная глубокая отрыжка. Эту ночь Н. А. провелъ хорошо, при помощи свѣчки изъ $\frac{1}{8}$ грана морфия, но когда проснулся, то снова началась отрыжка и даже разъ вырвало зеленоватой слизистой жидкостью; промывка кишекъ дала опять обильное выведеніе, во время котораго снова повторилась рвота; но послѣ нѣсколькихъ проглоченныхъ кусочковъ льду прекратилась и съ тѣхъ поръ болѣе не возобновлялась. Въ это утро пр. Вильротъ простился съ больнымъ и уѣхалъ въ Вѣну,

успокоивши сестру, что поранение брюшины не может имѣть послѣдствій, такъ какъ уже прошло 3 дня со времени операций безъ всякой реакціи отъ пораненія.—Здѣсь начинается крайне однообразный періодъ въ нашемъ наблюденіи. Больной такъ былъ изнуренъ уже до операции, что, казалось, малѣйшее осложненіе могло испортить все дѣло и, признаюсь, я съ немалымъ трепетомъ, всякое утро подходилъ къ его постели, боясь встрѣтиться съ какимъ нибудь новымъ неблагоприятнымъ явленіемъ. Но дни шли за днями и дѣло хоть туго и медленно, но подвигалось впередъ къ относительно лучшему состоянію. Заживленіе большого наружнаго разрѣза произошло частью черезъ первичное натяженіе, но въ углу его, обращенномъ къ позвоночнику, около 2-хъ мѣсяцевъ тянулось небольшое нагноеніе, такъ что при перевязкахъ всегда выдавливалось нѣсколько капель гноя и нѣсколько же капель выходило и у отверстія въ кишку, вѣроятно, вслѣдствіе нагноенія въ окружности одного изъ швовъ; но это нагноеніе такъ было ничтожно, что не вызывало ни лихорадки, ни болей. Швы большого наружнаго разрѣза, а также и тѣ, которыми слизистая оболочка кишки была пришта къ покровамъ, отдѣлились въ первые 10 дней послѣ операции; изъ 3-хъ же швовъ, наложенныхъ на брюшину, одинъ отдѣлился около 15-го мая, а остальные два только въ октябрѣ. Кромѣ наблюденія за раной и возможно лучшимъ питаніемъ больного, всѣ заботы теперь исключительно направлены были на поддержаніе правильности отпаиванія кишечнаго канала посредствомъ промывокъ. Дѣлались онѣ ежедневно и такимъ образомъ: больного клали на правый бокъ и въ операционное отверстіе въ направленіи къ поперечной ободочной кишкѣ вводился осторожно, не форсируя, конусообразный эластическій, длиной около 10 сантиметровъ наконечникъ ирригатора, вмѣщавшаго въ себѣ около 3½ стакановъ тепловатой воды; когда весь наконечникъ былъ введенъ въ кишку медленно и съ перерывами впускалась вода. Выведеніе испражнений послѣ впусценія воды совершалось обыкновенно въ нѣсколько разъ и часто ему предшествовали довольно сильныя схватки въ животѣ, глубокія отрыжки и небольшія срыгиванія слизи; проходъ же каловыхъ массъ черезъ операционное отверстіе, которое при растяженіи пропускало куски до 1½ сантиметровъ въ діаметрѣ, былъ совсѣмъ безболѣзненнымъ. Большая часть впущенной воды выходила черезъ искусственное отверстіе, значительно же меньшая часть спускалась въ отрѣзокъ кишки между этимъ отверстіемъ и S-образнымъ перегибомъ и увлекала съ собой въ этотъ отрѣзокъ часть каловыхъ массъ, накопленіе которыхъ въ лѣвой подвздошной ямѣ легко опредѣлялось простымъ осязаніемъ и снова вызывало у больного болѣзненные потуги хотя далеко не столь сильныя, какъ до операции, и по временамъ даже боли въ крестцѣ.

Это побудило вскорѣ, не ограничиваясь промывкой вверхъ по

направленію въ тонкимъ кишкамъ, промывать и, такъ сказать, упраздненную часть кишечнаго канала; результатъ оказался на столько удачнымъ, что мы признали необходимымъ ежедневную промывку раздѣлить на два акта: вначалѣ большая половина вмѣстимости ирригатора впускалась по направленію сверху, и, по выходѣ испражненной, меньшая половина книзу; приэтомъ можно было убѣдиться, что непроходимость въ перегибѣ (*flescura*) кишки сдѣлалась почти полной: такъ въ 1-й мѣсяцъ этихъ промывокъ нижней части, какъ только въ нее попадало около стакана воды, часть ея тотчасъ же изливалось съ болязненной потугой черезъ задній проходъ съ слизью и окрашенная каломъ, а другая часть возвращалась черезъ операционное отверстіе съ кусками кала; съ теченіемъ же времени если впускалось и больше воды, то она не изливалась черезъ прямую кишку, а, разстанувъ видимо для глаза нижнюю часть ободочника, вызывала въ немъ антиперистальтическое движеніе и выходила почти вся черезъ операционное отверстіе; въ этой нижней части кишки—катарральное состояніе было значительное, потому что часто съ водой вымывалось много слизи и самые куски, шедшіе изъ нея, были часто обволочены слизью и иногда обезцвѣчены. При изверженіяхъ, какъ сверху, такъ и снизу, искусственное отверстіе оставалось покойно и только въ тѣхъ случаяхъ, когда являлся позывъ и изверженіе слизи черезъ задній проходъ—больной жаловался на сильный напоръ на искусственное отверстіе и въ него начинала выпячиваться слизистая оболочка въ видѣ небольшого красноватаго вала; это ничтожное выпаденіе тотчасъ же исчезало, какъ только прекращался позывъ и слизь выливалась черезъ задній проходъ. Появленіе выпаденія исключительно при ректальныхъ потугахъ объясняется достаточно тѣмъ, что, проводя даже жидкость черезъ суженное мѣсто, больной долженъ былъ жестоко житься и напрягать свой брюшной прессъ и грудобрюшную преграду; во время ихъ онъ сучилъ ногами и большую частью кричалъ. Кромѣ того, во время ректальныхъ потугъ у него всегда одновременно являлся непреодолимый позывъ къ мочеиспусканію. Слѣдуетъ замѣтить, что такіа сильныя потуги дѣлались только при промывкѣ; въ остальное же время выходленіе изъ задняго прохода слизи не причиняло почти ни малѣйшей боли. Нѣсколько разъ бывало и произвольное опорожненіе черезъ операционную рану; больной узнавалъ это только по появленію зловоннаго запаха около себя. Вообще же дѣло шло на столько порядочно, что около 20-го мая Николай Алексѣевичъ сталъ вставать и ходить по комнатамъ; былъ очень порядочно, спать замѣтно лучше прежняго.—23-го мая я уѣхалъ на двѣ недѣли изъ Петербурга, а по возвращеніи нашелъ больного въ нѣсколько худшемъ видѣ и это ухудшеніе не могъ себѣ объяснить ничѣмъ другимъ, какъ пренебрежными промывками и кой-какими нарушениями діеты: вздутіе живота, отрыжка, изжога, небольшое

лихорадочное состояніе; при снятіи повязки операционное отверстие давало гнилой запахъ и слизистая оболочка его была покрыта слизью; при изслѣдованіи подъ микроскопомъ, не только эта слизь, и выдѣляемое черезъ прямую кишку, но и самая моча была богата грибами и палочными бактеріями. Черезъ 3 дня, я долженъ былъ уѣхать для собственнаго леченія за границу, а потому передалъ больного доктору Сердечному, условившись съ нимъ испытать первое время, для уничтоженія развившагося слизистаго броженія, карболовую кислоту внутрь въ маленькихъ порціяхъ, а также прибавлять нѣсколько капель ея раствора въ водѣ, употребляемой для промывокъ. Кромѣ того, а крѣпко настаивалъ на скорѣйшей перевозкѣ больного на дачу, такъ какъ приближались жары и жить въ душныхъ городскихъ комнатахъ было бы тяжело, да и лишило бы важнаго условія для возможнаго восстановленія силъ — хорошаго воздуха; самъ Николай Алексѣевичъ очень хорошо понималъ пользу переѣзда на дачу, но очень боялся испортить результатъ операціи экипажною тряскою, такъ что проэктировалось даже перенесеніе его въ носилкахъ; слѣдуетъ замѣтить, что съ конца мая больной почувствовалъ себя въ состояніи около часу сидѣть въ креслахъ, тогда какъ съ ноября сидячее положеніе для него было рѣшительно невыносимо. За границей я получалъ еженедѣльно извѣстія о ходѣ болѣзни отъ студента Демьянкова, ходившаго за больнымъ и пользовавшагося его особеннымъ расположеніемъ. Пищевареніе вскорѣ при ежедневныхъ промывкахъ пришло въ старій порядокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло лихорадочное состояніе и изжога, улучшился аппетитъ, и силы. Сознвая это, больной однажды, во 2-й половинѣ іюня, внезапно рѣшился выѣхать и, слегка одѣвшись, сѣлъ съ сестрой и студентомъ въ экипажъ и прокатился по улицамъ, а вскорѣ затѣмъ выѣхалъ вторично, но уже подальше; не вида отъ этихъ выѣздовъ ни малѣйшаго ухудшенія, онъ, наконецъ, перебрался 1-го іюля на дачу Строгонова на Черной рѣчкѣ. Въ общемъ же за лѣто нивѣдкихъ существенныхъ переимѣнъ не произошло; врачу было трудно ладить съ нимъ, какъ съ человекомъ нервнымъ, и особенно въ отношеніи пищи: часто онъ навидывался на вещи трудноваримыя и жирныя и тогда тотчасъ же ему дѣлалось хуже, являлось вздутіе живота, весьма мучительный отрыжки, позывъ и выдѣленіе слизи черезъ задній проходъ увеличивалось. Въ іюль, раза два выдѣлялись черезъ задній проходъ довольно порядочные кусочки кала, такъ что можно было предположить начало распада новообразованія. Часто увеличивалась примѣсь крови въ ректальныхъ изверженіяхъ, а иногда кровь выдѣлялась даже порядочными свертками. Съ августа, больной ли, наученный опытомъ, сталъ нѣсколько воздержнѣе относительно тяжелой пищи, или мѣстныхъ явленій сложились нѣсколько благоприятнѣе, но страданія его чуточку затихли и тогда онъ сталъ немного читать и изрѣдка

кое-что писать, а въ концѣ августа переѣхалъ съ дачи въ городъ. Также однообразно и довольно сносно прошелъ сентябрь и когда я его увидалъ, въ концѣ этого мѣсяца, то передо мной лежалъ тотъ же Некрасовъ, только исхудавшій до невозможности и съ болѣе заострившимися чертами лица. Состояніе духа было мрачное, сосредоточенное, говорилъ онъ мало и видимо уже плохо вѣрилъ утѣшеніямъ въ полное поправленіе, говоря, что онъ обратился въ животное и чувствуетъ, что въ такомъ состояніи можетъ прожить еще долго, но какой прокъ въ такой жизни? И дѣйствительно жизнь эта была ужасна по своему животному однообразію: всѣ помыслы почти исключительно направлены были на животныя отправления организма—ѣду и правильные опороженіе; большую часть дня больной лежалъ часто съ закрытыми глазами, изрѣдко бросая какое нибудь односложное слово, и то болѣею частью, если его о чемъ нибудь спросить; правда, теперь онъ ежедневно читалъ газеты, но почти никогда не говорилъ о прочитанномъ, хотя за ходомъ военныхъ дѣйствій очевидно слѣдилъ. Изверженія слези теперь были рѣже, иногда даже часа черезъ два и болѣе, и часто совсѣмъ безъ боли, и поэтому сонъ сталъ продолжительнѣе и покойнѣе. Вслѣдствіе ужасной худобы, безпрестанно мучило больного чувство отлежанія, мурашки въ тѣлѣ, которое только нѣсколько успокивалось послѣ растиранія шерстяной перчаткой. При наружномъ изслѣдованіи не видно было ничего новаго; животъ, часто вздутый до промывки, послѣ введенія массъ опадалъ, и тогда, при прощупываніи, лѣвая подвздошная яма казалась немного напряженною; давленіе на нее безболѣзненно; паховыя и бедренныя железы, по прежнему, не велики; на изслѣдованіе прямой кишки нечего было и посягать при раздражительности больного.

Объ этихъ послѣднихъ двухъ съ половиною мѣсяцахъ, что я наблюдалъ больного, не приходится много распространяться, потому что, съ медицинской точки зрѣнія, они ничего не представляли интереснаго. Лечение все сведено было къ крайне ограниченному паллиативному мѣрамъ; дѣлались тѣ же промывки, болѣею частью, ежедневныя, иногда же черезъ день, смотря по состоянію кишечника; временами достаточно опорожнялъ ремень съ магнезійей и можно было порадовать больного льготнымъ днемъ, т. е. избавить его отъ мучительной процедуры клистира. Весь октябрь онъ охотно пилъ молоко и дошелъ до двухъ бутылокъ въ сутки, но потомъ оно ему надоѣло и онъ ограничивался двумя стаканами, пилъ крѣпкій бульонъ, токайское вино (до вина вообще онъ былъ не охотникъ и пилъ какъ лекарство) и ѣлъ мясо. Въ октябрѣ же отстали два послѣдніе шва съ брюшины. Нѣсколько разъ на дню онъ вставалъ съ постели и прохаживался по комнатамъ, обыкновенно держась за руку ходившей тогда за нимъ сидѣлка; одинъ онъ ходить боялся, съ тѣхъ поръ, какъ лѣтомъ чуть не упалъ; всякій день, кромѣ того, проводилъ нѣсколько

часовъ сидя въ креслѣ. Изъ знакомыхъ онъ пускалъ къ себѣ немногихъ и не надолго. Въ ноябрѣ, Николай Александровичъ сталъ сильно возставать противъ частыхъ промывокъ; онѣ стали утомлять его еще болѣе, потому что ввущенная вода задерживалась часа по три въ кишкахъ и онъ все это время долженъ былъ оставаться, лежа въ постели, пока его не прослабитъ. Въ ноябрѣ же, онъ сталъ чаще и чаще жаловаться сначала на мѣстные поты, которые иногда замѣчалъ на груди и на головѣ, обыкновенно при пробужденіи, а потомъ — на рѣдкіе и непродолжительные ознобы; я же замѣчалъ, что пульсъ по временамъ дѣлался чаще и получалъ несвойственную ему полноту, моча также стала замѣтно насыщенней. При всемъ этомъ нервозность его до того была велика, что не было возможности уговорить на правильное измѣреніе температуры; раза два или три, послѣ настоячивыхъ приставаній, онъ ставилъ наконецъ термометръ, но, при его худобѣ, термометръ плохо ущемлялся, а прижать со стороны онъ никакъ не позволялъ, поэтому и эти измѣренія оказывались чисто фиктивными, хотя и такимъ образомъ температура разъ получилась 38,1. Все это очевидно указывало на прогрессирующій въ пораженномъ мѣстѣ распадъ и начало гнойнаго зараженія, и заставляло все болѣе и болѣе ожидать скорой развязки, хотя самочувствіе больного оставалось весьма удовлетворительнымъ въ сравненіи съ прежними до-операционными болями; правда, съ появленіемъ лихорадочнаго состоянія его стали чаще и чаще беспокоить старыя отраженныя боли въ конечностяхъ, однакожь, онъ часто дремалъ днемъ, а ночью спалъ иногда по 3—4 часа безъ перерыва; голова была на столько свѣжа, что, почти не бравшись съ конца февраля за карандашъ, въ ноябрѣ и въ началѣ декабря, онъ написалъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній и одно изъ нихъ («Мнѣ снилось, на утесѣ стою») помогаетъ намъ заглянуть въ душу поэта и открыть, что и въ это время надежда на поправленіе не покидала его и что стихотворенія, написанныя имъ въ началѣ 1877 года, дышали большимъ отчаяніемъ и безнадежностью, чѣмъ эти въ дѣйствительности оказавшіяся «последними пѣснями». Въ концѣ ноября, стали замѣчаться небольшое выпаденіе слизистой оболочки въ операционное отверстіе, величиною съ грецкій орѣхъ; больной его не ощущалъ и оно происходило, вѣроятно, отъ задержанія и уплотненія массы у селезеночной кривизны, потому что при болѣе аккуратной промывкѣ совсѣмъ исчезало. Въ декабрѣ замѣтно уменьшился аппетитъ и, хотя, несмотря на это, больной ѣлъ все-таки изрядно, но силы поубавились; онъ меньше ходилъ по комнатѣ, еще рѣзче осунулся въ лицѣ и самый цвѣтъ лица сдѣлался зеленовато-блѣднымъ; явился небольшой отекъ въ обѣихъ ступняхъ. Нѣсколько разъ жаловался онъ въ это время на боль въ лѣвой ягодицѣ, которая казалась чуть замѣтно припухшей, но съ сохраненіемъ нормальнаго цвѣта покрововъ, поверх-

ностное давленіе боли не усиливало. 13 го декабря послѣ промывки былъ довольно сильный ознобъ и часа два послѣ него — обильный общій потъ. 14-го декабря я нашелъ его лежащимъ въ кровати въ обычной его позѣ, на правомъ боку, съ подложенной подъ щеку правой рукой; послѣ осмотра, рѣшено было въ этотъ день промывки не дѣлать, такъ какъ животъ былъ до статочно опорожненъ накануне; языкъ, всегда чистый и влажный, былъ нѣсколько суше, кожа на ощупь горячая, пульсъ 100 и полный; большой, какъ всегда, жаловался только на слабость и тоску во всемъ тѣлѣ, но преимущественно въ рукахъ. По окончаніи осмотра, я сѣлъ подлѣ кровати и сказалъ ему, больше для того, чтобы испытать свѣжесть его головы: «А вѣдь сегодня 14-е декабря». — «Да, отвѣчалъ онъ: — я нынче какъ проснулся, такъ и вспомнилъ объ этомъ». Поговоривши еще немного, я уѣхалъ. Вечеромъ того же дня, въ девятомъ часу, за мной послали свѣшно; приѣхавши, я нашелъ его въ какомъ-то несвойственно ему возбужденномъ состояніи; онъ меня встрѣтилъ словами, произнесенными съ досадою: «Зачѣмъ это васъ тревожили?» Но рѣчь была до того не чиста, что изъ объясненій я рѣшительно не могъ понять, въ чемъ дѣло; изъ разспросовъ же приближенныхъ обнаружилось, что въ семь часовъ онъ всталъ съ кровати и перешелъ въ другую комнату, гдѣ сѣлъ въ кресло и попросилъ чаю, но едва онъ выпилъ стаканъ, какъ почувствовалъ потрясающій ознобъ и попросилъ сейчасъ же уложить его въ постель; ознобъ продолжался около $\frac{1}{4}$ часа; въ это время его нѣсколько разъ вырвало и разъ прослабило очень жидко черезъ искусственное отверстіе и послѣ этого окружающіе замѣтили, что онъ сталъ говорить нетолько неясно, но безъ логической связи. Лежалъ онъ на спинѣ, лѣвая нога была согнута въ колѣнѣ, а правая вытянута, лишена движенія, рефлексы на ней сохранены; правая же рука лежала на груди и была также парализована; пульсъ—110, полный; рвало по немногу и при мнѣ небольшимъ количествомъ слизи, смѣшанной со слюной. Предполагая, что произошла марантическая закупорка мозговой вены, я ограничился назначеніемъ отвлекающихъ, и для прекращенія рвоты, далъ замороженное шампанское. Ночь прошла безпокойно, больной безпрестанно просилъ пить: рвота все дѣлалась рѣже и къ тремъ часамъ совсѣмъ прекратилась, послѣ чего онъ спокойно проспалъ около $1\frac{1}{2}$ часовъ; ночью его прослабило еще три раза, но не жидко, черезъ искусственное отверстіе; въ седьмомъ часу, когда онъ попробовалъ встать, чтобы помочиться, то окружающіе замѣтили, что правая половина парализовалась еще болѣе. Въ девятомъ часу утра, я нашелъ его въ менѣе возбужденномъ состояніи: пульсъ—96, менѣе полный, температура тѣла не повышена, легкая испарина; ясный полу-параличъ лѣваго личнаго нерва и полный параличъ правой половины тѣла; животъ почти не вадуть, каловыхъ массъ почти не прощупывается, за то мочево

пузырь сильно растянуть, но онъ тотчасъ же опорожнился при простомъ нажатіи рукою. Николай Алексѣевичъ хотѣлъ во что бы то ни стало встать и походить, по обыкновенію, по комнатѣ: отговорить его было невозможно, и, поднявшись съ великимъ трудомъ съ постели, его обвели два раза по комнатѣ, причемъ, правая нога тащилась сзади и передвигалась при поворотахъ посторонними руками, но онъ этого не замѣчалъ, а только твердилъ что-то недовольнымъ тономъ, и изъ всего его бормотанья нѣсколько яснѣ слышались безпрестанно повторяемыя слова: «ну, что это? ну, что это?» Я разъ спросилъ его, что онъ хочетъ сказать, и онъ довольно ясно произнесъ: «они мнѣ всю спину изломали», очевидно разумѣя лицъ, водившихъ его по комнатѣ. Наконецъ, его уложили въ постель, съ которой ему болѣе уже не пришлось вставать. Въ теченіи дня онъ замѣтно сталъ свѣжѣе, рѣчь гораздо яснѣе, нога обнаруживала большую подвижность и онъ сталъ произвольно сгибать ее въ колѣнѣ, но за то рука оставалась совершенно неподвижной. Ничего не ѣлъ, но очень благодарилъ за мороженое, которое я ему предложилъ и которое онъ требовалъ безпрестанно.

16-е декабря. Больного навѣстилъ и осмотрѣлъ профессоръ Боткинъ; чтобы выслушать заднія доли легкаго, его съ трудомъ можно было посадить въ постели. Кожа покрыта испариной; больной безпрестанно просилъ пить; отъ приема лекарства отказывался. Изъ прямой кишки вылилось заразъ безъ всякой боли около стакана буроватой слизи очень дурного запаха, на который самъ больной обратилъ вниманіе. Къ вечеру появилась тѣстообразная припухлость на задней поверхности бедра, безъ измѣненія цвѣта кожи. Икота.

17-е д. Сознаніе ясно; встрѣтилъ меня словами: «все не околѣваю», жаловался на икоту и говорилъ, что это явленіе предсмертное. Опухоль на бедрѣ также начинаетъ его сильно беспокоить; она увеличивается и переходитъ на переднюю поверхность. Все какъ бы дремлетъ, зарываясь затылкомъ въ подушку; попросить воды, выпить или скажетъ слово и сейчасъ же захрапѣть, по временамъ дыханье какъ бы прекращается и послѣ паузы слѣдуетъ глубокое вдыханье (Шениъ-Штоковской феноменъ). Пульсъ—100, полный.

18-е д. Ночью вырвало, потому что часто и много пилъ, то зельцерскую воду, то лимонадъ, обыкновенно назначая самъ и раздражаясь, если ему давали не то, что онъ просилъ. Едва угорюрили принять утромъ нѣсколько ложекъ бульону. Просить почти безпрестанно растирать обѣ ноги ниже колѣна. Опухоль бедра—также какъ наканунѣ; явился небольшой отекъ въ запястьи парализованной руки. Сонливость нѣсколько меньше, пульсъ—106, сильная испарина.

19-е д. Ночью засыпалъ по часу, въ промежуткахъ требуя пить; немного бредилъ и между прочимъ сказалъ: «зачѣмъ она

заговорили мнѣ только одну половину головы?» Утромъ вторично вдругъ вышло изъ правой кишки почти такое же количество буроватой вонючей жидкости, послѣ чего опять пошла бѣловатая слизь съ малымъ запахомъ. Опухоль на бедрѣ, какъ будто менѣе чувствительна, но распространилась до колѣна. Прочія явленія тѣже.

20-е д. Сонливость и нкота прекратились, жажда меньше; отказывается отъ пищи, говоря, что боится рвоты, однако, выпилъ немного бульону. Жалуются на боль и жженіе въ обѣихъ ступняхъ и преимущественно въ лѣвой и непрерывно просить поливать ихъ съ губки холодной водой, ссылаясь на то, что Плетневъ ему всегда совѣтовалъ лечиться холодной водой; поливаніе видимо его успокоиваетъ, но какъ только его прекращаютъ, онъ начинаетъ волноваться и жаловаться, что ему не хотятъ помочь.

21-е д. Тѣже жалобы на жженіе въ ступняхъ; прочія явленія тѣже.

22-е д. На опухоли лѣвой ягодицы замѣчается при надавливаніи небольшой подкожный трескъ, переходящій къ задней поверхности и на верхнюю часть бедра около большого бугра (*trochantor major*); очевидно, вслѣдствіе разрушенія стѣнки кишки, кишечные газы распространились по вѣтчаткѣ.

23-е д. Животъ болѣе вздутъ, хотя безболѣзненный, какъ прежде; особенно растянута представляется слѣпая кишка; разъ вырвало. Такъ какъ выведеній сверху не было около недѣли, то рѣшено промыть верхнюю часть кишекъ; сначала вода возвращалась только окрашенной, а потомъ вышло много сформованнаго кала. Во время промывки больной лежалъ покойно и ничего не говорилъ. Начинается пролежень на правой половинѣ крестца.

24-е д. Больной видимо слабѣе, но провелъ сутки покойнѣе, поѣлъ немного бульону, рвоты не было. Отекъ правой руки увеличивается; опухоль бедра не измѣнилась; больше всего жалуются на мѣсто пролежня.

25-е д. Гораздо слабѣе, говоритъ очень мало и менѣе ясно: въ первый разъ пожаловался на боль въ головѣ, именно во лбу. и крестѣ того на боль въ горлѣ, и глотаетъ съ гримасой, хотя при изслѣдованіи въ зѣвѣ ничего незамѣтно.

26-е д. Слабость увеличивается; трудно понимать, что хочетъ сказать больной, однако же, явственно пожаловался на боль головы; глотаніе трудно, пульсъ—100, но довольно полный. Около 5 часовъ дня, больной по очередно подозвалъ къ себѣ жену, сестру и сидѣлку и каждой сказалъ одно и тоже слово, какъ бы «прощайте». Съ этого времени, онъ уже болѣе ничего не говорилъ, и, когда я пріѣхалъ, часу въ 10-мъ вечера, онъ видимо ничего не сознавалъ, но, когда я попробовалъ дать ему съ ложки воды съ виномъ, тотчасъ проглотилъ, поморщившись.

27-е д. Вся ночь прошла такъ, какъ я его оставилъ, но на утро я нашелъ пульсъ около 100 и менѣе полнымъ, ритмъ дыханія правильный, съ числомъ 36 въ минуту. Выраженіе лица покойно, ни одинъ мускулъ на немъ не шевелился, глаза полуоткрыты и устремлены въ одну точку; все тѣло лежало совершенно неподвижно на спинѣ и, подошедши къ кровати, можно было подумать, что жизнь покинула тѣло, еслибы не движенія грудной кѣтки, да лѣвая рука находилась въ непрерывномъ движеніи; онъ то подносилъ ее къ головѣ, то клалъ на грудь. Я заѣзжалъ еще во 2 и въ 5-мъ часу—перемѣны не было; но въ 8 часовъ вечера я нашелъ, что дыханіе сдѣлалось шумнѣе и рѣже, пульсъ сталъ исчезать, конечности нѣсколько холоднѣе, а около 8¹/₂ часовъ начались послѣднія минуты: дыханье становилось все рѣже и рѣже, ротъ то открывался, то закрывался, явилось 2 раза судорожное сокращеніе челюстей, затѣмъ небольшой короткій хрипъ и все было кончено.

Вскрытіе тѣла было произведено проф. Груберомъ, 28-го декабря въ 10 часовъ вечера, но, къ сожалѣнію, было обставлено большими неудобствами и должно было ограничиться исключительно брюшной полостью. Въ полости брюшины отсутствіе всякой жидкости; около операціонной раны не замѣчается ни срощеній, ни какихъ либо признаковъ бывшаго воспаленія брюшины; большое вздутіе слѣпой и ободочной кишекъ выше операціонной раны; ниже же кишка представлялась атрофированной и не превышала діаметра тонкихъ кишекъ; въ ней было небольшое количество кала. Не много выше promontorium, нисходящая ободочная кишка переходила съ лѣвой стороны живота на правую, гдѣ, сдѣлавши новый поворотъ справа на лѣво, слускалась въ малый тазъ и представляла срощеніе съ задней стѣнкой мочевого пузыря; но еще большее срощеніе кишки было сзади съ крестцовой костью, начиная отъ 2-го позвонка книзу; это заднее срощеніе было такъ крѣпко, что могло быть отдѣлено только съ помощью ножа. Между S-образнымъ перегибомъ и мочевымъ пузыремъ, кромѣ того, найдена опустившаяся петля нижняго конца тонкой кишки (ileum), сросшаяся какъ съ перегибомъ, такъ и съ пузыремъ. Ниже отсепарованнаго ножомъ срощенія у 2-го позвонка рука довольно свободно проходила въ кѣтчатку, сильно пропитанную частью излившеюся изъ кишки жидкостью, частью весьма ѣдкимъ гноемъ, который проложилъ себѣ путь черезъ лѣвое большое сѣдалищное отверстіе (incisura ischiadica major) въ область ягодичныхъ мышцъ (musli glutaei) и спустился на бедро; обращенная къ гною поверхность крестцовой кости была поражена поверхностно костюдой. Черезъ это выпотѣніе проходили оба мочеточника и особенно лѣвый былъ очень растянутъ выше прижатія. Въ средней трети прямой кишки (regio ano-prostatica) находилось новообразование въ видѣ бугристой массы; бугры были величиной съ

лѣсной орѣхъ и на протяженіи дюйма кольцеобразно сѣуживали просвѣтъ кишки; находившаяся выше часть прямой кишки значительно расширена и задняя стѣнка ея разрушена. Эта верхняя часть прямой кишки была отклонена нѣсколько влѣво и надъ ней, какъ клапанъ, совершенно закрывавшій проходимость, находился S-образный перегибъ, шедшій въ этомъ мѣстѣ, какъ сказано выше, справа налѣво. Бугры новообразованія были довольно мягкой консистенціи; при разрѣзѣ выступалъ изъ нихъ молочновидный сокъ; подъ микроскопомъ преобладали большія веретенообразныя кѣтки съ 1 или 2 зернами, нрѣдка встрѣчались большія овальныя кѣтки; кромѣ того много распада и очень мало волокнистой основы. Пр. Груберъ призналъ новообразованіе за эпителиальный или цилиндрическій ракъ. Брыжечныя железы были не поражены, печень и селезенка также не представляли ничего особеннаго.

Н. Бѣлоголовый.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЯТАГО ТОМА.

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1878 г.

(По общей нумераціи тома ССXL).

Сентябрь № 9.

ОТРАК.

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА. 1) Деревенское житье-бытье. 2) Деревенскій случай. Г. Иванова.	5
ОЧЕРКИ ПОДВОРНОЙ РОССИИ. Очеркъ второй. (<i>Окончаніе</i>). Л. Котелянскаго	41
* * * (<i>Стихотвореніе</i>). А. Яхонтова	74
САМОЗВАННЫЯ ДѢТИ. (Изъ сказаній XVIII столѣтія). Часть вторая. Е. Карновича	75
ОВЩИННО-ПОЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЛАДѢЛЬЧЕСКИХЪ КРЕСТЬЯНЪ ЭЛЬЗАСА ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА. Н. Зибера.	129
ТОРЖЕСТВО ДЖИНГО. Политическая сатира Е. Дженкинса.	157
ОСЕНЬ. (<i>Стихотвореніе</i>). А. Яхонтова	199
ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ДИЗРАЭЛИ-ВИКОНСФИЛЬДА. Н. Поповскаго.	201
ПОХОРОНЫ. Н. Щедрина.	245
ПОХОЖДЕНІЯ ДИКА ТЕМПЛЯ И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ПО ЛОНДОНСКИМЪ ТРУЩОБАМЪ. Романъ Джемса Гривуда, автора «Исторіи Найдемыша». (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. 161—192).	

Октябрь № 10.

УСТОИ. Исторія одного поселка. Н. Златовратнаго	275
САМОЗВАННЫЯ ДѢТИ. (Изъ сказаній XVIII столѣтія). Часть третья и послѣдняя. (<i>Окончаніе</i>). Е. Карновича.	325
ЦАРЬ ПРИРОДЫ.—* * * (<i>Стихотворенія</i>). А. Боровиковскаго.	377
ПРЫГУНЫ. (Матеріалы къ исторіи обрусенія Закавказскаго Края)	379
ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИДЕАЛЫ ДИЗРАЭЛИ-ВИКОНСФИЛЬДА. (<i>Окончаніе</i>). Н. Поповскаго	431

- МОЯ МУЗА.—КРЫЛЬЯ.—ВЪ АЛЬБОМЪ СЧАСТЛИВИЦЪ.
(*Стихотворенія*). А. Барыковой 472
- РАЗСКАЗЫ И ОЧЕРКИ. Альфонса Додэ. I. Пожалованный
орденомъ.—II. Продается домъ.—III. Каббесилья.—IV.
Старички.—V. Письмоводитель.—VI. Съ тремястами
тысячъ франковъ...—VII. Видѣнне кольмарскаго судьи. 475
- ОБЛАВА. Разказъ. А—ва 505
- ПОХОЖДЕНІЯ ДИКА ТЕМПЛЯ И ЕГО ТОВАРИЩЕЙ ПО
ЛОНДОНСКИМЪ ТРУЩОВАМЪ. Романъ Джесса
Гринвуда, автора «Исторіи Найденыша». (Приложеніе
въ концѣ книги. (*Окончаніе*). Стр. 192—221).

СОБРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Сентябрь № 9.

- УГОЛОВНАЯ СТАТИСТИКА РОССИИ ЗА 1876 ГОДЪ 1
- СОБРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ВЯТСКАГО КРАЯ. Е. Вер-
ховскаго 19
- СОБРЕМЕННЫЕ ПАРИЖСКІЕ ПРАВЫ ВЪ ВЕЛЬ-ЭТА-
ЖАХЪ И ПОДВАЛАХЪ. 54
- ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Манифестъ респуб-
ликанскаго комитета въ виду сенатскихъ выборовъ.—Ко-
митетъ консерваторовъ.—Подготовленіе выборовъ: общія
собранія делегатовъ.—Поведеніе де-Фурту и Париса.—
Лѣтняя сессія генеральныхъ совѣтовъ.—Поѣздки мини-
стровъ Фрейсннѣ, Марсера и пр.—Рѣчи министровъ и
начальствующихъ лицъ на актахъ учебныхъ заведеній.—
Анатолю де-ла-Форжъ и героизмъ учителей.—Провинці-
альные учителя на парижской выставкѣ.—II. Отчаяніе
реакціонеровъ.—Кандидатура герцога Омальскаго.—
Слухи объ оставленіи маршаломъ президентскаго по-
ста.—Возрастающая неприязнь въ обществѣ къ маги-
стратурѣ.—Медленная республиканизація прокурату-
ры.—Неудавшіяся надежды бонапартистовъ.—Случай
съ генераломъ Шанзи.—Стачки: Анзенская, прислуж-
ницъ рестораноу Дивала и кучеровъ.—Премія за
добродѣтель и присужденіе ея г-жѣ Додэ.—Убийцы
Барре и Лебизъ.—Дѣло вдовы Кремьё.—Новый скан-

- даль.—III. Выставка: продолженіе концертовъ, успѣхъ
 большого органа и скандинавскихъ пѣвцовъ-студен-
 товъ.—Трагическое утро г-жи Руссейль.—Первый кон-
 грессъ о правахъ женщинъ.—Международный антро-
 пологическій конгрессъ: рѣчь Брокъ, сообщенія рус-
 скихъ ученыхъ и предложеніе Миклухи-Маклан и т. д.,
 и т. д.—Открытіе конгресса французской ассоціаціи для
 усовершенствованія наукъ. Людовина. 100
- НОВЫЯ КНИГИ.** Житейскіе отголоски. П. Суворова.—Черно-
 горцы или смерть Смаилъ-аги Ченгича. А. Лукьянов-
 ского.—Страницы изъ книги страданій Болгарскаго
 племени. Л. Каравелова.—И. П. Минаевъ. Очерки Цей-
 лона и Индіи.—Земскій Ежегодникъ. 126
- КЪ ИСТОРИИ СТУДЕНТКИ НЕКРАСОВОЙ.** 144
- СОВРЕМЕННАЯ ПРАВСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИ-**
ТЕРАТУРА. Утопія Ренана и теорія автономіи ли-
 чности Дюринга. 153

Октябрь № 10.

- ЕВРЕИ-АРЕНДАТОРЫ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.**
 (Очеркъ изъ экономическаго быта Малороссіи). В.
 Варзора. 175
- ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.** I. Поѣздка Гамбетты въ
 департаментъ Дромы и его рѣчи.—Полное соглашеніе
 республиканцевъ всѣхъ отгѣнковъ.—Неурядицы въ ла-
 герѣ реакціонеровъ.—Комитетъ сенаторовъ правой сто-
 роны.—Конгрессъ социалистовъ.—Отстраненіе Гамбет-
 ты отъ участія въ вопросахъ второстепенной важности
 и программа дѣйствій до 1880 года, высказанная имъ.—
 Клерикализмъ и общественная опасность.—Амнистія,
 какъ вѣнецъ республиканскаго управленія.—Поѣздка
 Фрейсизъ и Сэ въ сѣверные департаменты.—Смотръ
 войскамъ 15-го сентабря.—Вопросъ о несмѣняемости
 и «инвеститурѣ» въ сферѣ магистратуры.—Дѣйствія
 министра Барду по дѣламъ народнаго образованія.—
 Административные вопросы: централизація и идеи де-
 Марсэра.—Церемонія въ память Тьера.—Настоящее
 направленіе внутренней политики Франціи.—II. Поѣз-
 ка Гамбетты въ Швейцарію.—Смерть Клемана Лорье.—

Банкеты 21-го и 22-го сентября. Архипастырское по-
сланіе Фреппеля.—Предостереженіе Эмиля де-Жирар-
дена. — Юридическая хроника: дѣло Матильона въ
военномъ судѣ, рѣшеніе суда по дѣлу въ Окѣ, казнь
Барре и Лебиза.—Театральная хроника: «Авиньонскій
мостъ» и «Мужъ Иды».—Русскіе концерты въ Трока-
деро.—Отстрочка раздачи наградъ экспонентамъ и вы-
ставочная лоттерей. **Людовика**. 206

НОВЫЯ КНИГИ. В. И. Немировичъ-Данченко. Годъ войны.—
А. Н. Молчановъ. Между миромъ и конгрессомъ. —
Гастонъ Буассье. Римская религія отъ Августа до Ан-
тонинновъ.—Курсъ рускаго гражданскаго права. П. Ци-
товича.—Географическіе очерки и картины. Т. I. Очер-
ки и картины Поволжья. А. Овсянникова.—За крестъ
и свободу. В. Головина 231

ХРОНИКА НОВЫХЪ ИЗОВРѢТЕНІЙ 248

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ. 263

РОМАНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ. Идеалисты и реалисты. Д. Л.
Мордовцева. Спб. 1878. 269

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. 291

БОЛѢЗНЬ НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА НЕКРАСОВА. Н.
Бѣлоголова 314

**УКАЗАТЕЛЬ КЪ «ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ» ЗА
ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ 1868—1877.** (Приложе-
ніе въ концѣ книги. Стр. XXXIII—XLVIII).

— 600 —

1-го октября вышла и разслана подписчикамъ I-я, сентябрьская,
книга историческаго журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНИЕ: I. Генераль-адъютантъ М. И. Бутурлинъ. Очеркъ II. В. Алабина.—II. Русскій дворъ въ 1761 г., разсказъ современника. — III. Журналъ путешествія В. Н. Зинovieва въ 1784 — 1785 гг. — IV. Полковникъ Евграфъ и Петръ Грузиновы, судъ и казнь ихъ въ 1800 г. — V. Венеціановъ—первый бытовой живописецъ, біограф. очеркъ. — VI. Айвазовскій — его автобіографія (окончаніе).—VII. Историческіе матеріалы, очерки и замѣтки: Челобитныя, сожженіе на костръ въ 1738 г., Корниловичъ—первый изд. «Русской Старины» (1824 г.) и проч., и проч.—VIII. «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова—варьянты изъ подлинной рукописи, сообщ. профессоръ Висковатовъ. — IX. Митюха Волдайской, зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, 1810 г. Сообщ. П. А. Ефремовъ. — X. Библиографическій листокъ, проф. В. С. И—ва.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1879.

ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1879 году выходитъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ первыя девять лѣтъ изданія (1870—1878 гг.), ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ достопамятныхъ дѣятелей.

Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составляетъ три тома. Каждая книга «РУССКОЙ СТАРИНЫ» выходитъ ежемѣсячно 1 го числа, и одновременно разсылается всѣмъ подписчикамъ.

Цѣна за 12 книгъ «РУССКОЙ СТАРИНЫ» 1879 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и Москвѣ, и съ пересылкою въ прочіе города имперіи

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русской Старины», при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Невскомъ Проспектѣ, д. № 46 (противъ Гостиного Двора). Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ М. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту, д. Фирсанова.

Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія исключительно: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Русская Старина», у Екатерининскаго канала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Изъ прежнихъ годовъ изд. «Русской Старины» можно получить: 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.); 1877 и 1878 г. — каждый годъ въ 12 книгахъ или трехъ томахъ — по восьми руб. съ перес.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. Сомовскій.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., противъ Гостиного Двора, № 46.

БЫВШІЙ А. И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Бузнецкій мостъ, домъ Фирсакова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги :

Горемыкинъ. Душа поэта. Біографія Н. А. Некрасова. Спб. Ц. 20 к.; вѣс. 1 ф.

Лебедевъ. Желѣзнодорожныя трущобы. Спб. Ц. 1 р. 20 к.; вѣс. 1 ф.

Соловьевъ, В. Капитанъ гренадерской роты. Романъ-хроника XVIII вѣка. Спб. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 1 ф.

Лакруа, П. Исторія жизни и царствованія Николая I, императора всероссійскаго. М. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Гольцевъ. Государственное хозяйство во Франціи XVII вѣка, историческій очеркъ. М. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Барсовъ. Историческіе, критическіе и полемическіе опыты. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Малышевъ. Курсъ общаго гражданскаго права Россіи. Т. I-й. Спб. Ц. 2 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Таганцевъ, Н. С. Курсъ русскаго уголовнаго права, часть общаго, книга 1-я. Ученье о преступленіи. Вып. II-й. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Молчановъ, А. Н. Между миромъ и конгрессомъ. Письма въ «Новое Время» изъ Константинополя, Иамиды, съ Принцевыхъ Острововъ, изъ Дарданеллъ, Галлиполи, Сан-Стефано и Филиппополя. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Ленинаго-Раискаго, М. Въ горахъ Кавказа. (Повѣсти и рассказы). Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Марнова, В. На-встрѣчу. Очерки и стихотворенія. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Кондратьева, И. К. Гунны, эпоха великаго переселенія народовъ. Историч. романъ изъ жизни славянъ IV-го и V-го столѣтій. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Тимофеевъ, Н. П. Осужденная, разсказъ (изъ уголовной хроники). М. Ц. 75 к.; вѣс. 1 ф.

Полетики. Современное направленіе философін и нѣкоторые ея принципы. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Календарь для врачей всѣхъ вѣдомствъ на 1879 г. Изд. д-ра Н. Торопова. Спб. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

Пашутина. Лекціи общей патологіи (патологической физиологіи), читанныя студентамъ медицинскаго факультета императорскаго Казанскаго университета. Часть I-я. Патологія тканей (гистопатологія). Каз. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Клодъ Бернаръ. Курсъ общей физиологіи. Жизненные явленія, общія животнымъ и растениямъ. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Энгельгардъ, А. Н. Химическія основы. Земледѣліе. Смоленскъ. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Брандтъ, Э. Металлъ въ примѣненіи къ гражданскимъ и мостовымъ сооруженіямъ. Перевели П. Н. Ушаковъ и Ф. Е. Макси. Ч. I-я. Съ 459 чертежами въ текстѣ и тремя отдѣльными таблицами. Спб. Ц. 4 р.; вѣс. 3 ф.

Театръ. Сборникъ піесъ К. А. Гарновскаго. Т. I-й. Содержаніе: Воробушки, ком. въ 3-хъ д., Милне бранятся—только тѣшатся, вод. въ 1-мъ д. Квартъ, отъ дамы, вод. въ 1-мъ д. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Гейрихъ Гейне. Комед. въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Передѣлка для русской сцены. К. Л. Гарновскаго. М. Ц. 2 р.; вѣс. 1 ф.

Полевой, П. Классная историческая хрестоматія съ толкованіями отъ Петра Великаго до новѣйшаго времени. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 3 ф.

Отечественный языкъ. Статьи по обученію отечественному языку и обзорнiю руков. и пособій по русскому языку, словесности и логикѣ, подъ редакціей Льва Поливанова. Т. II-й. М. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

централизація и идеи де Марсэра. — Церемонія въ память Тьера. — Настоящее направленіе внутренней политики Франціи. — II. Поѣздка Гамбэтты въ Швейцарію. — Смерть Клемана Лорье. — Банкеты 21-го и 22-го сентября. — Архипастырское посланіе Фреппеля. — Предостереженіе Эмиля де Жирардена. — Юридическая хроника: дѣло Маттильона въ военномъ судѣ, рѣшеніе суда по дѣлу въ Окѣ, казнь Барре и Лебиза. — Театральная хроника: «Авиньонскій мостъ» и «Мужъ Иды». — Русскіе концерты въ Троядеро. — Отстрочка раздачи награды экспонентамъ и выставочная лотторей. Людовика. 206

- XII. — **НОВЫЯ КНИГИ.** В. И. Немировичъ-Данченко. Годъ войны. — А. Н. Молчановъ. Между миромъ и конгрессомъ. — Гасгонъ Буассье. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. — Курсъ русскаго гражданскаго права. П. Цетовича — Географическіе очерки и картины. Т. I. Очерки и картины Поволжья. А. Овсяникова. — За крестъ и свободу. В. Головина. 231
- XIII. — **ХРОНИКА НОВЫХЪ ИЗВРЪТЕНІЙ.** 248
- XIV. — **КОРРЕСПОНДЕНЦИИ** 263
- XV. — **РОМАНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ.** Идеалисты и реалисты Д. Л. Мордовцева. Спб. 1878. 269
- XVI. — **ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ** 291
- XVII. — **БОЛЪЗНЬ НИКОЛАЯ АЛЕКСѢЕВИЧА НЕКРАСОВА.** Н. Бѣлоголова 314
- XVIII. — **УКАЗАТЕЛЬ КЪ «ОТЕЧЕСТВЕННЫМЪ ЗАПИСКАМЪ» ЗА ПОСЛѢДНЕЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ 1868—1877.** (Приложеніе въ концѣ книги. Стр. XXXIII—XLVIII).

При этой книгѣ всѣмъ подписчикамъ разсылается портретъ Н. А. Некрасова, гравированный на мѣди академикомъ И. П. Пожалостиннымъ.

Объявленія: объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ» въ 1879 году. О выходѣ октябрьской книжки «Русской Старины». Отъ книжнаго магазина Н. И. Мамонтова.

При № 10 иногородные подписчики получаютъ экземпляръ каталога журналовъ на 1879 годъ книжнаго магазина Э. Мелье. При семъ прилагается иллюстрированное объявленіе о предпринимаемомъ, книгопродавцемъ М. О. Вольфэмъ, изданіи «Живописная Россія».

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ будутъ выходитьъ въ 1879 году
ежемесячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и
болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербурѣ безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкою: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Далію,
Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію,
Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редаціи «Отечественныхъ
Записокъ», на Васильевой, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Буль-
варѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требова-
ніями исключительно въ Главную Контору «Отечественныхъ За-
писокъ».

СОЧИНЕНІЯ

М. Е. САЛТЫКОВА

(ЩЕДРИНА):

Благонамѣренныя рѣчи. 2 т. Ц. 4 руб.

Въ средѣ умѣренности. 1 т. Ц. 2 руб.

Сказки и разсказы. 1 т. Ц. 60 коп.

Складъ изданій у автора, С.-Петербургъ, Литейная, д. № 62.
Иногородные, обращающіеся прямо въ автору, за пересылку
не платятъ.

